This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

1/85

Н. М. Ядринцевъ.

9
814

СИБИРЬ

КАКЪ

КОЛОНІЯ

ВЪ ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ, ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ И ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

ИЗДАНІЕ 2-ое, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ 16 СИБИРСКИМИ ВИДАМИ И ТИПАМИ.

Цѣна 4 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе И. М. Сибирякова.
1892.

Въ Спб. книжныхъ магазинахъ РИККЕРА (Невскій, 14), ЦИНЗЕРЛИНГА (Невскій, 20), „Новаго Времени“ и въ Сибирскомъ книжномъ магазинѣ МАКУШИНА, въ Томскѣ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

П. Златовратскій. Собраніе сочиненій въ 2-хъ томахъ съ портретомъ автора. М. 1891 г. Ц. 3 р., съ пересылкой 3 р. 75 к.

Рѣшетниковъ, Ф. Сочиненія. 2 тома. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Эволюція собственности. Ш. Летурно. Спб. 1890 г. Ц. 3 р., съ пересылкой 3 р. 30 к.

В. Крестовскій (псевдонимъ). **Первая борьба.** Спб. 1890 г. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 25 к.

Основныя начала психологіи и ея примѣненія къ воспитанію. Д. Сёлли. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пересылкой 2 р.

Этика. Изслѣдованіе фактовъ и законовъ нравственной жизни. В. Вундта. Т. I. Спб. 1888 г. Ц. 2 р., съ пересылкой 2 р. 25 к.

Тоже Т. II. Спб. 1888 г. Ц. 2 р.

Элементарная политика. Т. Ралея. Спб. 1889 г. Ц. 80 к., съ пересылкой 1 р.

Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. В. И. Семевскаго. Т. I. Крестьянскій вопросъ въ XVIII-мъ и первой четверти XIX вѣка. Спб. 1888 г. Ц. 3 р., съ пересылкой 3 р. 40 к.

Тоже. Т. II. Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Николая. Спб. 1888 г. Ц. 3 р., съ пересылкой 3 р. 40 к.

Таблицы для опредѣленія минераловъ по внѣшнимъ признакамъ. Д-ра А. Вейсбаха. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

П. М. Ядринцевъ. Сибирь какъ колонія въ географическомъ, этнографическомъ и историческомъ отношеніи. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, иллюстрированное 16 сибирскими видами и типами. Спб. 1892 г. Ц. 4 р.

Д. М. Головачевъ. Библіографическій указатель статей, корреспонденцій и замѣтокъ въ сибирской періодической печати по вопросу о золотопромышленности Сибири. Спб. 1890 г. Ц. 40 к., съ пересылкой 55 к.

Сибирскіе мотивы. (Стихотворенія) Спб. 1886 г. Ц. 20 к., съ пересылкой 35 к.

А. Умаьскій. Очерки золотопромышленности въ Енисейской тайгѣ. Спб. 1888 г. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 25 к.

Н. М. Ядринцевъ.

СИБИРЬ

КАКЪ

КОЛОНІЯ

ВЪ ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ, ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ И ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

ИЗДАНІЕ 2-ое, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ 16 СИБИРСКИМИ ВИДАМИ И ТИПАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе И. М. Сибирякова.
1892.

СИБИРЬ—КАКЪ КОЛОНІЯ

NICOLAS YADRINTZEFF.

LA SIBÉRIE

COMME

COLONIE

CONSIDÉRÉ SOUS LE RAPPORT GÉOGRAPHIQUE, ETHNOGRAPHIQUE ET HISTORIQUE.

DEUXIÈME ÉDITION AUGMENTÉE ET REFONDUE.

OUVRAGE ILLUSTRÉ DE 16 GRAVURES, REPRÉSENTANT DES VUES ET DES TYPES SIBÉRIENS.

St.-PÉTERSBOURG.

1892.

Slav 3623.1.7

~~KG 4204~~

~~Slav 3623.1.7~~

✓

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

ГЛАВА I. Естественныя и географическія условія Сибири. Западная Сибирь. Открытіе новыхъ странъ и ихъ значеніе въ исторіи.—Пріобрѣтеніе Россіей азіатскихъ владѣній; значеніе этого событія.—Трудность первыхъ изслѣдованій.—Первые путешественники въ Сибирь.—Изслѣдованіе сѣверныхъ береговъ и описаніе морей.—Орографическій очеркъ Сибири. — Пространство и протяженіе территоріи. — Характеръ ея. — Арало-Каспійская низменность Западной Сибири. — Среднеазіатскія степи, степи Западной Сибири и ихъ характеръ. — Горы и направленіе хребтовъ. — Тянь-Шань. — Алтайская система. — Характеръ Алтая. — Сѣверныя предгорья и Сибирская Швейцарія. — Мѣста, привлекающія переселенцевъ.—Алтай и Телецкое озеро. — Колыванское озеро.— Долина Чулышмана и Башкауса. — Катунскій хребетъ и Сибирскіе Альпы.—Бѣлуха и ледники.—Бія и Катунь.—Путь чрезъ Алтай въ Монголію.—Будущность Алтая. . . . . 1—29

ГЛАВА II. Естественныя и географическія условія Сибири. Восточная Сибирь. Орографія и строеніе. — Горы Восточной Сибири. — Саянскій хребетъ. — Теченіе Енисея. — Минусинскій округъ и его характеръ. — Хлѣбная производительность. — Флора и фауна. — Дорога отъ Красноярска къ Иркутску.— Большой трактъ Сибири. — Прибайкальская мѣстность. — Ангара, вытекающая изъ Байкала. — Теченіе Ангары.— Озеро Байкалъ, его характеръ лѣтомъ и зимою. — Флора и фауна около Байкала. — Кругобайкальская дорога. — Забайкалье, его характеръ и значеніе въ будущей торговлѣ на границѣ Китая . . . 30—49

ГЛАВА III. Естественныя и географическія условія Сибири. Амуръ и прибрежья Восточнаго океана. Орографія страны. — Амуръ, его протяженіе. — Горныя системы, окружающія Амуръ. — Луговыя пространства и низменности.—Теченіе Амура, удобства и затрудненія при плаваніи.—Шилка и ея мелководіе.—Уссури.—Флора и ея разнообразіе на Амурѣ. — Климатическія вліянія. — Распредѣленіе растительности.—Фауна Амура.—Площадь и пространство Амурскаго края.— Бухты и гавани. — Плодородная мѣстность Амура. — Почва и климатъ.—Вызрѣваніе хлѣбовъ.—Сельское хозяйство.—Скотоводство.— Численность населенія.— Инородцы и китайцы.— Историческій очеркъ пріобрѣтенія Амура и причины первыхъ неудачъ завоеванія. — Недостатокъ географическихъ познаній. — Обстоятельства, вынудившія завоеваніе.—Первые восторги и разочарованія.—Неудачи при заселеніи.—

СТРАН.

Незнакомство съ экономическими условіями.—Трудности колонизаціи.—Непривѣтныя мѣста.—Богатства края.—При какихъ условіяхъ предвидится его развитіе.—Берега Восточнаго океана.—Острова.—Командорскіе острова и котиковый промыселъ.—Американцы и русскіе.—Русскіе на Восточномъ океанѣ.—Первыя предпріятія и ихъ неудачи.—Амурскій выходъ въ море.—Нынѣшніе размѣры торговли.—Надежды на будущее . . . . . 50—67

ГЛАВА IV. Гидрографія и климатъ Сибири . . . . . 68—86

ГЛАВА V. Распредѣленіе сибирскаго населенія и народно-областной типъ. Распредѣленіе населенія русскаго и инородческаго; ихъ взаимное вліяніе.—Народно-областной типъ и этническія условія его образованія.—Послѣдствія видоизмѣненій подъ вліяніемъ природы, климата, питанія и смѣшенія съ инородческимъ элементомъ.—Характеръ сибиряковъ.—Опредѣленіе его Екатериною II.—Физическій типъ, измѣненія въ языкѣ.—Умственный складъ и уровень способностей.—Измѣненія великороссійскаго характера.—Взглядъ на природу.—Преданія.—Суевѣрія.—Любознательность и стремленіе къ новизнѣ.—Индивидуализмъ.—Промышленный характеръ.—Сибирская крестьянская община.—Процессъ народнаго творчества въ условіяхъ новой жизни . . . 87—145

ГЛАВА VI. Инородцы и инородческій вопросъ Сибири. Классификація сибирскихъ инородцевъ.—Инородческій вопросъ.—Исторія его развитія.—Уменьшается или увеличивается инородческое населеніе.—Современныя статистическія свѣдѣнія объ уменьшеніи инородцевъ.—Историческія причины вымиранія инородцевъ.—Болѣзни и голодъ.—Экономическая обстановка жизни.—Признаки обѣдненія.—Уменьшеніе средствъ пропитанія и расширеніе потребностей.—Торговля.—Инородческій пролетаріатъ.—Наше культурное вліяніе . . . . . 146—189

ГЛАВА VII. Колонизація Сибири и современныя переселенія. Сибирь какъ продуктъ колонизаціи.—Движеніе вольнонародныхъ переселеній.—Эмиграція и побѣги въ Сибирь.—Періоды казенной колонизаціи, промышленная, торговая и земледѣльческая колонизація.—Современное движеніе переселеній.—Переселенія съ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и послѣ него.—Направленіе колонизаціи и мѣста, избираемыя народомъ.—Миновала-ли потребность переселяться.—Неизбѣжность переселеній при увеличеніи населенія.—Современныя задачи переселенія, положеніе переселенцевъ.—Принципъ регламентаціи и свободнаго выбора земель.—Ихъ результаты.—Роль Сибири въ будущей колонизаціи . . . . . 190—242

ГЛАВА VIII. Ссылка въ Сибирь и положеніе ссыльныхъ. Взглядъ на Сибирь, какъ страну ссылки.—Наличное число ссыльныхъ.—Экономическій бытъ ихъ.—Нищенство и бродяжество сосланныхъ.—Побѣги.—Преступленія ссыльныхъ.—Стоимость ссылки.—Вліяніе ея на сибирское общество.—Заявленія мѣстныхъ жителей.—Отзывы о ней администраторовъ.—Проекты отмѣны ссылки . . . . . 243—317

ГЛАВА IX. Исторія эксплуатаціи богатствъ на Востокѣ. Богатства Сибири и что подъ ними разумѣется.—Естественныя произведенія края.—Открытіе Сибири и вліяніе его на духъ русскаго народа.—Увлеченіе Сибирью.—Слово о немъ.—Поиски за богатствами.—Послѣдовавшія разочарованія.—Исторія эксплуатаціи природы.—Мѣха, во-

стран.

лото, земледѣльческіе и скотоводческіе продукты. — Хищническіе способы культуры.—Послѣдствіе этого.—Торговля и промышленная зависимость Сибири.—Торговый обмѣнъ и балансъ.—Современное положеніе рынка и роль золотопромышленности.—Отчетъ объ экономической и промышленной жизни Сибири за послѣднія десять лѣтъ . . . . . 318—393

ГЛАВА X. **Экономическое положеніе населенія.** Зажиточность и бѣдность сибирскаго населенія.—Господствующія явленія монополіи, міроѣдства, кабалы и торговой зависимости. — Типы кулаковъ и міроѣдовъ. — Земледѣльческая и торговая кабала. — Зависимость инородцевъ.—Исторія монополіи и кабалы на Востокѣ въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ. — Борьба администраціи съ монополистами. — Болѣе нормальные пути экономическаго развитія края . . . . . 394—443

ГЛАВА XI. **Кустарные промыслы въ Сибири.** . . . . . 444—468

ГЛАВА XII. **Управленіе Сибирью и реформа Сперанскаго.** Затрудненія въ дѣлѣ управленія Сибирью за отдаленностью края.—Эпоха воеводскаго управленія, ея недостатки.—Воеводскій произволъ и злоупотребленія.—Петровскій періодъ.—Ревизіи въ Сибири.—Нравы чиновничества.—Пестель и Трескинъ въ Сибири.—Борьба съ городскими обществами.—Сибирскій доносъ.—Назначеніе Сперанскаго, его ревизія, открытіе злоупотребленій. — Взглядъ Сперанскаго на управленіе Сибирью. — Законодательныя работы. — Сибирскія учрежденія 1822 г.— Достоинства и недостатки учрежденій.—Результатъ 50-ти-лѣтней практики сибирскихъ учрежденій.— Новые административные проекты. — Современныя задачи управленія . . . . . 469—547

ГЛАВА XIII. **Исторія просвѣщенія въ Сибири.** Недостатокъ знаній при открытіи Сибири.—Невѣжество сибирскаго общества въ XVIII ст.— Попытки просвѣщенія въ XIX ст.— Время Сперанскаго.— Ощутительный недостатокъ учебныхъ заведеній.—Пробуждающаяся любознательность и стремленіе къ образованію.— Возникновеніе университетскаго вопроса на Востокѣ, его исторія и время основанія университета въ Сибири. — Надежды, возлагаемыя на него, и открывающаяся лучшая будущность края . . . . . 548—618

ГЛАВА XIV. **Общественная жизнь сибирскихъ городовъ.** Общественная жизнь въ Сибири до наступленія 300-лѣтія.—Актъ завоеванія. — Разрозненность сибирскаго населенія. — Промышленныя стремленія. — Воеводчина.— Общественные протесты.— Остатокъ духа казачества. — Доносы.—Жизнь городовъ въ XVIII и началѣ XIX в.— Сперанскій и его время. — Просвѣщенные люди въ Сибири. — Жизнь городскихъ обществъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. — Свидѣтельства апатіи. — Измѣненіе жизни къ 300-лѣтію. — Значеніе юбилея и сопровождавшій его подъемъ духа. — Проявленіе сознательной общественной жизни. — Отдѣлы Географическаго Общества.—Созданіе обществъ попеченія о начальномъ образованіи.—Медицинскія общества.—Музеи.—Библіотеки.— Художество въ Сибири. — Чего недостаетъ въ сибирской общественной жизни . . . . . 619—661

ГЛАВА XV. **Литература о Сибири и зарожденіе мѣстной печати.** Литература о Сибири.—Сибирская библіографія, какъ подспорье для изученія этой литературы.—Появленіе печатнаго станка и первыя мѣстныя изданія. — Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену. — Изданія

*

СТРАН.

1790—1794 г.—Результаты этихъ опытовъ.—Губернскія Вѣдомости въ Сибири, исторія ихъ существованія.—Зарождающаяся потребность частныхъ изданій.—Изданіе газеты «Амуръ» и газеты «Сибирь», ея 12-лѣтнее существованіе.— Развитіе мѣстной печати.— Условія ея существованія.—Вліяніе на пробужденіе умственныхъ силъ общества.— Послѣдующія изданія: «Сибирская Газета», «Сибирскій Листокъ», другія мѣстныя изданія. «Восточное Обозрѣніе», литературные сборники. — Значеніе мѣстной печати въ исторіи развитія сибирскаго общества . 662—697

ГЛАВА XVI. Итоги прошлаго и будущность Сибири. Наступающій моментъ сознательнаго отношенія къ своей исторіи. — Сибирь, какъ колонія Россіи.—Характеръ земледѣльческихъ колоній по опредѣленію Рошера.— Успѣхи развитія колоній у различныхъ народовъ.—Англійская и испанская колонизація.—Всякая національность вноситъ свой характеръ и институты.—Общія черты колоній.—Чего недостаетъ русскимъ колоніямъ. — Необходимыя условія процвѣтанія. — Будущность края. . . . . 698—720

Рисунки:

Телецкое озеро въ Алтаѣ. (А. В. Евреинова). . . . . 16— 17
Язевое озеро въ Алтаѣ и видъ на Бѣлуху. (Добровольскаго). . . . . 24— 25
Байкалъ. Видъ на Мысовую. (Фотографія Чарушина). . . . . 40— 41
Берегъ Байкала. (Рис. Добровольскаго). . . . . 48— 49
Устье рѣчки Осиновки. (Кругобайкальская дорога). (Фотогр. Чарушина). 64— 65
Изъ Забайкальскихъ видовъ . . . . . 128—129
Киргизъ. . . . . 160—161
Остякъ.—Алтаецъ. . . . . 176—177
Якутъ.—Бурятъ. . . . . 192—193
Тунгуска.—Тунгусъ.—Тунгусъ . . . . . 224—225
Ороченъ.—Монголъ. . . . . 240—241
Переселенцы. (Фотографія А. М. Сибиряковой) . . . . . 272—273
Ссыльные. . . . . 304—305
Разрѣзъ на золотыхъ промыслахъ. (А. В. Евреинова). . . . . 320—321
Золотопромывальная машина. (А. В. Евреинова). . . . . 336—337
Томскій университетъ. (А. В. Евреинова). . . . . 592—593

ОТЪ АВТОРА.

„Въ виду увеличивающагося годъ отъ года стремленія русскаго общества ознакомиться съ жизнью окраинъ, мы рѣшились соединить въ одно цѣлое всѣ наши наблюденія и плоды научныхъ литературныхъ работъ о Сибири, чтобы дать картину исторической и современной жизни нашего Востока, поучительную для русскаго общества. Ежели складъ народной жизни въ Европейской Россіи вызываетъ нынѣ особое вниманіе, то не менѣе интереса можетъ представить проявленіе той же жизни русскаго народа на обширныхъ окраинахъ среди новыхъ условій и новой обстановки. Несомнѣнно, что здѣсь, среди дѣвственной природы, характеръ того же населенія долженъ проявляться оригинальнѣе и самобытнѣе. Передать нѣкоторыя черты изъ жизни этого края и познакомить съ нимъ, въ виду недостатка популярныхъ сочиненій и существованія смутныхъ представленій о Сибири, было нашею цѣлью.

Мы имѣли въ виду разсѣять предубѣжденіе и ложное понятіе о нашемъ Востокѣ, сложившееся по его печальному прошлому, и показать, что этотъ край при лучшихъ условіяхъ могъ быть страной довольства, богатства и счастія.

Наши владѣнія на Востокѣ и обширныя пространства Сибири получаютъ особое значеніе теперь, когда поднимается „переселенческій вопросъ“, на которомъ сосредоточено одинаково вниманіе правительства и общества. Русскій народъ стремится съиздавна проложить тропу въ Сибирь, и въ виду чувствуемой потребности переселеній этотъ край несомнѣнно будетъ играть въ будущемъ еще бо́льшую роль. Избытокъ населенія и потребность въ землѣ не только не ослабѣютъ, но постепенно будутъ возростать, и поэтому мѣста свободныя для переселеній будутъ цѣниться болѣе и болѣе. Малонаселенныя земли, по выраженію Литтре́, призваны играть огромную роль въ будущности человѣчества.

Мы имѣли въ виду разсмотрѣть положеніе Востока именно съ этой точки зрѣнія. Затѣмъ мы не могли не коснуться того этнологическаго процесса и всѣхъ измѣненій, какія совершаются въ обстановкѣ новой страны. Необходимо изучить всѣ особенности ея, вліяніе на человѣка, всѣ оригинальныя проявленія быта для того, чтобы составить понятіе объ условіяхъ человѣческаго существованія здѣсь. Наконецъ въ этой странѣ мы видимъ зарождающееся общество, въ которомъ проявляются тѣ же человѣческія стремленія, постепенно формируются кости и мускулы живаго организма, совершается промышленный и культурный ростъ, пробуждается гражданская жизнь и духовныя потребности, которыя требуютъ удовлетворенія.

Конечно, трудно было дать полную картину жизни и всѣхъ оттѣнковъ ея въ виду разнообразія племенъ и народностей, раскиданныхъ на обширнѣйшихъ въ мірѣ пространствахъ. Но мы старались хоть отчасти обобщить добытыя этнографическія наблюденія въ различныхъ мѣстностяхъ края, сознавая, что подробная научная разработка еще впереди. Имѣя передъ собой наступающее трехсотлѣтіе историческаго существованія края, мы считали въ 1-мъ изданіи этой книги не безполезнымъ представить нѣкоторые итоги, познакомить съ насущными потребностями и съ вопросами, выступающими въ его жизни.

Касаясь современнаго положенія Сибири, рядомъ съ изслѣдованіями частныхъ вопросовъ, въ своихъ текущихъ литературныхъ работахъ мы должны были часто давать отвѣты на немолчные запросы жизни, поэтому тонъ нашего изложенія не всегда является объективнымъ и спокойнымъ; но едва ли мы заслуживаемъ упрека въ томъ, что, приходя на зовъ жизни, мы стремились отвѣтить на него всѣми силами души и полагали здѣсь весь жаръ своего сердца. Принадлежа къ поколѣнію, стремившемуся сознательно отнестись къ нуждамъ своей родины и быть ей полезнымъ, мы старались внести посильную дань въ изученіе ея вопросовъ, вѣруя, что другія поколѣнія, одушевленныя тою же любовью, выполнятъ послѣдующія задачи гораздо полнѣе и лучше нашего".

Таково было наше предисловіе къ первому изданію.

1-е изданіе было выпущено въ знаменательный годъ для Сибири, годъ празднованія 300-лѣтія. Къ этому времени накопилось не мало вопросовъ въ сибирской жизни и высказано было много пожеланій въ столичной и мѣстной прессѣ, брошенъ былъ взглядъ какъ на прошлое, такъ и на будущее Сибири, вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ моментъ высшаго напряженія надеждъ и ожиданій. Никогда не чувствовался въ сибирскомъ обществѣ

большій подъемъ духа. Настоящая книга была написана и выпущена подъ вліяніемъ этого событія, посвящена ему и носила слѣдъ общаго воодушевленія. Мы не измѣнили тона ея, такъ какъ упованія и надежды на лучшую будущность края не замерли и не исчезли, но должны были получить нѣкоторую поддержку въ общемъ движеніи жизни и въ постепенномъ развитіи гражданскихъ и духовныхъ силъ отдаленной области.

Десять лѣтъ со времени празднованія 300-лѣтія не прошли безслѣдно для Сибири. Общественная жизнь края сдѣлала замѣтные шаги, въ послѣднія десять лѣтъ появились изслѣдованія по различнымъ вопросамъ мѣстной жизни, литература о Сибири преумножилась. Послѣдовали такого рода измѣненія въ жизни края, которыя могутъ быть признаны началомъ обновленія, напримѣръ, введеніе правилъ новаго судопроизводства на окраинѣ, преобразованіе общественнаго сельскаго управленія, открытіе Томскаго университета и т. п. Въ самомъ сибирскомъ обществѣ появились признаки болѣе сознательнаго отношенія къ своимъ вопросамъ. Общество стало болѣе чутко въ пониманіи своихъ нуждъ, что обнаружилось различными заявленіями къ 300-лѣтію, крупными пожертвованіями на университетъ, на народное просвѣщеніе, на общественные музеи, библіотеки и т. д. Такимъ образомъ, послѣдовавшее десятилѣтіе за 300-лѣтіемъ должно получить значеніе „новаго историческаго періода".

Эти явленія за послѣднія десять лѣтъ въ общественной жизни мы не могли не отмѣтить въ своемъ новомъ изданіи. Каждая изъ главъ поэтому снабжена дополненіями и отчетомъ о той литературѣ по различнымъ вопросамъ, которая появилась къ настоящему году. Все это увеличило нынѣ объемъ изданія, но явилось дѣломъ неизбѣжнымъ. Затѣмъ расширеніе и дополненіе его обусловливались и слѣдующими причинами:

Прежде всего 1-е изданіе „Сибирь какъ колонія" было принято публикою какъ такое, которое знакомитъ вообще съ Сибирью, съ ея природою, естественными произведеніями и населеніемъ. Между тѣмъ, задавшись цѣлями этнографическими въ 1-мъ изданіи, мы весьма мало коснулись географіи и описанія природы Сибири. Въ настоящемъ изданіи мы взялись пополнить этотъ пробѣлъ и посвятили особыя главы географическимъ условіямъ Западной, Восточной Сибири, Амурскаго края, а также гидрографіи и климату страны (см. главы I, II, III, IV). Мы должны были сдѣлать это въ виду недостатка спеціальнаго географическаго учебника о Сибири. Въ популярной книгѣ мы не могли, однако, помѣщать подробное географическое описаніе,

но выбрали все цѣнное изъ ученой литературы. Приступая къ переработкѣ 1-го изданія, мы сочли нужнымъ присоединить еще нѣсколько новыхъ главъ, а именно, мы помѣстили вслѣдъ за главами о промышленности главу „о кустарныхъ промыслахъ“ (гл. XI), главу объ общественной жизни сибирскихъ городовъ и исторію возникновенія мѣстной печати (гл. XII, XV).

Затѣмъ, мы считали своею обязанностью, при переработкѣ 1-го изданія, дополнить его новыми данными изъ литературы за послѣднее десятилѣтіе, а также обновить весь статистическій матеріалъ.

При недостаткѣ общихъ сочиненій о Сибири, автору приходилось группировать строго научный матеріалъ и въ то же время приспособлять его къ популярному изложенію, касаться исторіи края и давать мѣсто вопросамъ современной жизни. Само собою, что здѣсь приходилось имѣть дѣло съ самымъ разнообразнымъ матеріаломъ, причемъ затрудненія увеличивались тѣмъ, что у Сибири нѣтъ, напримѣръ, полнаго статистическаго описанія (трудъ Гагемейстера, относящійся къ 1854 г., давно устарѣлъ), послѣ Словцова нѣтъ новѣйшей исторіи, нѣтъ полнаго хозяйственно-статистическаго описанія, а матеріалъ, собранный въ послѣднее время чинами министерства государственныхъ имуществъ, еще не разработанъ. Стало быть, автору, составляющему общее описаніе, приходилось добывать и собирать свѣдѣнія изъ разнообразныхъ источниковъ. Современемъ этотъ трудъ будетъ, конечно, облегченъ тѣмъ, что въ литературѣ о Сибири выдѣлятся спеціальныя географическія, этнографическія, историческія и статистическія описанія. Но и тогда составленіе общихъ описаній, сводящихъ въ одно цѣлое всѣ свѣдѣнія о Сибири, будетъ необходимо.

Предоставляя нашимъ преемникамъ болѣе счастливый и удачный трудъ, мы старались, по мѣрѣ силъ, выполнить нашу задачу, удовлетворяя текущимъ потребностямъ и запросу жизни. Наша главная цѣль была содѣйствовать изученію края, забытаго и малоизвѣстнаго, возбудить интересъ къ нему и направить силы молодого поколѣнія Сибири на пользу и благо своей родины.

1-е апрѣля
1892 г.

1-е изданіе рекомендовано было для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Журнальныя, газетныя статьи и книги, изданныя авторомъ настоящаго сочиненія о Сибири съ 1864 по 1892 г.

«Томскія Губернскія Вѣдомости», 1864 г., № 5. О сибирскомъ университетѣ. (Публичное чтеніе въ г. Омскѣ). Общественная жизнь нашихъ городовъ. (Публичное чтеніе въ г. Омскѣ).

«Томскія Губернскія Вѣдомости», 1865 г. 1 января 1865 г. Передовая «Томск. Губерн. Вѣд»., № 1. «Сибирь предъ судомъ русской литературы». (По поводу статей Шелгунова), № 9.

«Искра», 1866 г. «Смѣлый полетъ», «Тюменская жизнь», «Приключенія киргизовъ въ Петербургѣ».

«Сибирскій Вѣстникъ», 1867 г., изд. Иркутскъ. «Некрологъ Чекана Вилиханова».

«Женскій Вѣстникъ», 1867, кн. 8. «Женщина въ Сибири въ XVII и XVIII вв.».

«Дѣло», 1868 г., кн. 5. «Письма о сибирской жизни», псевдонимъ Семилужинскій. Кн. 9, 10, 11. «Бродячее поселеніе Сибири».

«Дѣло», 1869 г., кн. 5. «Секретная», Семилужинскаго.

«Дѣло», 1870 г., кн. 1. «Община и ея жизнь въ русскомъ острогѣ». Кн. 5. «Типы сибирскаго острога», Семилужинскаго. Кн. 10. «Историческое развитіе русской ссылки въ связи съ развитіемъ преступленій». Кн. 12. «Колонизаціонное значеніе русской ссылки».

«Дѣло». 1871 г., кн. 1. «Исправительное значеніе русской ссылки».

«Отечественныя Записки», 1871 г., кн. 12. «Исторія одного странствованія». Семилужинскаго.

«Дѣло», 1872 г., кн. 6. «Преступленія по изображенію натуральной и романической школы». «Условія прогресса въ сферѣ наказанія», Кн. 8 и 9. «Очерки англійской колонизаціи».

«Азіятскій Вѣстникъ», 1872 г., кн. 1. «На чужой сторонѣ» (разсказъ изъ жизни ссыльныхъ).

«Недѣля», 1873 г. «О сибирской желѣзной дорогѣ» (отвѣтъ Авесову). «Администрація въ Сибири» (2 статьи).

«Недѣля», 1873 г., № 5. «Судьбы Сибири».

«Недѣля», 1874 г., № 35. «Страна ссыльныхъ», изъ воспоминаній сибиряка. «Реаультаты тюремной реформы и чѣмъ замѣнить ссылку». Перепись въ уѣздномъ городѣ. № 44. «Наши аргонавты», подъ псевдонимомъ Гаврило Мошаровъ.

«Дѣло», 1874 г. О пріютахъ для малолѣтнихъ преступниковъ.

«Биржевыя Вѣдомости», 1874 г., № 254. «Отмѣна русской ссылки».

«Голосъ», 1874 г., № 336. «Благодѣянія ссылкой». № 343. «Исправительное значеніе сибирской ссылки» и № 349. «Что стоила Сибири ссылка».

«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1872 г. Передовыя объ административной реформѣ Сибири.

«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1872 г. «Убытки золотаго дѣла», №№ 301 и 308. Корресп. за подписью С—я—матовъ.

«Дѣло», 1875 г., кн. 8. «Русская народность на Востокѣ», кн. 4.

«Вѣстникъ Европы», 1875 г.. № 12. «Положеніе ссыльныхъ въ Сибири».

«Голосъ», 1875 г., № 50. «Поѣздка въ земледѣльческую колонію малолѣтнихъ преступниковъ».

«Вѣстникъ Европы», 1876 г., кн. 5 и 6. «Сперанскій и его реформы въ Сибири».

«Отечественныя Записки», 1876 г. кн. 8. «Современная манія къ путешествіямъ», стр. 147—165.

«Сибирь», газета, 1876 г., № 40. Некрологъ Кущевскаго.

«Дѣло», 1876 г. «Потребность знанія въ связи съ экономическими условіями въ Сибири».

«Отечественныя Записки», 1876 г., кн. 12. «Нужды и потребности рабочаго населенія Сибири».

«Недѣля», 1877 г., № 39. «Забракованная страна». № 33. «Невинныя жертвы ссылки».

Сборникъ газеты «Сибирь». 1876 г. «Чувства Сперанскаго къ Сибири».

«Недѣля», 1878 г., № 3. «Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорсъ въ Сибири», Семилужинскаго.

«Сибирь», газета, № 8, 1876 г. «Думы о сибирской желѣзной дорогѣ», Н. Я. № 2. «Сибирь и Александръ I».

«Отечественныя Записки», 1879 г., кн. 6. «Судьба русскихъ переселеній за Уралъ».

«Сибирь». «Предстоящее 300-лѣтіе Сибири».

«Записки Западно-Сибирскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1889 г., кн. 1. «О мораловодствѣ въ Алтаѣ».

«Русское Богатство», кн. 8, 1880 г. «Сибирская Швейцарія», изъ путевыхъ замѣтокъ въ Алтаѣ.

«Отечественныя Записки», 1880 г., кн. 4. «Привольныя мѣста Сибири». «Степи и море».

1880 г., кн. 2. «Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». «Поѣздка по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ».

Кромѣ того, при Западно-Сибирскомъ Отдѣлѣ Русскаго Географическаго Общества по порученію Отдѣла авторомъ составлены и напечатаны въ Запискахъ Отдѣла программы: «Для изученія сельской общины въ Сибири», «Программа для изслѣдованія быта инородцевъ», «Программа для изслѣдованія переселеній».

«Вѣстникъ Европы», 1880 г., кн. 6. «Наши выселенія и колонизація».

«Русскій Курьеръ», 1880 г., №№ 8 и 10. «Вопросъ о переселеніяхъ и его разрѣшеніе».

«Недѣля», 1880 г., № 51. «Въ мірѣ гномовъ и циклоповъ».

«Русская Мысль», 1881 г., кн. 10. «Кустарные промыслы въ Сибири».

1881 г. «Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». «Путешествіе по Алтаю и посѣщеніе Катунскихъ ледниковъ».

«Вѣстникъ Европы», 1881 г., кн. 12, стр. 39. «300-лѣтіе Сибири». (Ядринцева).

«Недѣля», № 45, 8 ноября. «Надежды и ожиданія Сибири».

«Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1880 г. о черневыхъ татарахъ.

«Живописная Россія», 1887 г., изд. Вольфа. «Западная Сибирь», статьи Ядринцева.

«Статистическіе матеріалы къ исторіи ссылки въ Сибирь». Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію статистики. 1887 г.

«Историческій Вѣстникъ», 1886 г. «Инородческое царство».

«Историческій Вѣстникъ». 1886 г. «Исторія музыкальной идеи у первобытныхъ племенъ».

«Литературный сборникъ», изданіе редакціи «Восточное Обозрѣніе». С.-Петербургъ, 1885 г. «Начало осѣдлости»; «Изслѣдованіе по исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ», стр. 139. Н. Ядринцевъ. «На чужой сторонѣ» (нѣсколько главъ изъ жизни ссыльныхъ). Тамъ же, стр. 178. Семилужинскаго (Н. Ядринцева). «Начало печати въ Сибири. —ъ, стр. 352. «Судьба сибирской поэзіи и старинные поэты Сибири», Сибиряка (Ядринцева), стр. 407. «Древніе памятники и письмена въ Сибири», стр. 456.

«Сибирскій сборникъ». Приложеніе къ «Восточному Обозрѣнію» 1886 г. С.-Петербургъ, кн. 1. «Раскольничьи общины на границѣ Китая», стр. 21. Н. М. Ядринцева. Книга 2 за тотъ же годъ. «На обѣтованныхъ земляхъ» (изъ путешествія по Алтаю) Н. М. Ядринцева, стр. 36.

«Сибирскій сборникъ». Приложеніе къ «Восточному Обозрѣнію» 1887 г., Спб. «На зарѣ жизни человѣчества», стр. 55. Н. Я. (Н. М. Ядринцева).

«Сибирскій сборникъ», 1888 г., издан. въ Иркутскѣ. «Воспоминанія о томской гимназіи». Н. М. Ядринцева.

«Сибирскій сборникъ». 1891 г. «Падшія царства и исчезнувшіе народы». (Картины и впечатлѣнія изъ путешествія въ пустыняхъ центральной Азіи).

«Сельское народное образованіе въ Сибири» (тамъ же).

«Записки Московскаго археологическаго общества». 1887 г. «О древностяхъ Алтая и каменныхъ бабахъ». «Отчетъ о поѣздкѣ въ Восточную Сибирь въ 1886 г. для обозрѣнія мѣстныхъ музеевъ и археологическихъ работъ». «Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества», т. III, стр. II—XXVI 1887 г.

Въ 1890 г. Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XXVI, выпускъ IV «Путешествіе на верховья Орхона къ развалинамъ Каракорума».

«Русская Мысль», 1890, кн. 1. «Прошлое и настоящее монголовъ».

«Вѣстникъ Европы», 1891 г., кн. 8, стр. 79—226. «Десятилѣтіе переселенческаго вопроса».

Авторъ участвовалъ, кромѣ того, сотрудничествомъ въ мѣстныхъ изданіяхъ: «Камско-Волжской Газетѣ», «Сибирь», «Сибирской Газетѣ» и съ 1882 г. по 1892 годъ, былъ редакторомъ и издателемъ еженедѣльной газеты «Восточное Обозрѣніе».

Вышедшія книги:

Въ 1872 г. изданы въ Петербургѣ: «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ». Изслѣдованія и наблюденія надъ жизнью тюремныхъ, ссыльныхъ и бродяжескихъ общинъ.—Историческій очеркъ сибирской ссылки.—Сравненіе разныхъ системъ наказанія у насъ и въ Западной Европѣ.—Основы новой ра-

ціональной системы исправленія, согласно выводамъ пенитенціарной науки и опытамъ русской тюремной общины. 719 страницъ.

Въ 1882 г. «Сибирь какъ колонія». Къ юбилею трехсотлѣтія.—Современное положеніе Сибири.—Ея нужды и потребности.—Ея прошлое и будущее. С.-Петербургъ. 30 печ. лист. Рецензіи на книгу появились:

«Дѣло», 1882 г., № 6.
«Отечественныя Записки», 1882 г., № 5.
«Устои», 1882 г., № 6.
«Русская Старина», 1882 г.
«Вѣстникъ Европы», 1882 г., № 8.
«Русскій Вѣстникъ», рецензія Д. Завалишина.
«Русская Мысль», 1882 г. «Зеркало Россіи», рецензія С. Я. Капустина.
Исторія русской этнографіи «Бѣлоруссія и Сибирь», Л. Н. Пыпина, т. IV, изд. 1892 г., стр. 373—377, 409—416.

Книга «Сибирь какъ колонія», переведена въ 1886 г. на нѣмецкій языкъ и дополнена профессоромъ Бернскаго университета, нынѣ Петербургскаго Императорскаго университета Э. Ю. Петри.

Sibirien geographische, etnographische und historische Studien von N. Jadrinzew. Mit Bewilligung des Verfassers nach dem Russischen bearbeitet und vervollständigt von Dr. Ed. Petri, Professor der Geographie und Anthropologie an der Universität Bern. Mit Zahlreichen Illustrationen. Jena. Hermann Gostennoble, 1886.

Въ 1891 г. издана книга: «Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе». Этнографическія и статистическія изслѣдованія съ приложеніемъ статистическихъ таблицъ. С.-Петербургъ, изд. И. М. Сибирякова. 308 страницъ.

ГЛАВА I.

Естественныя и географическія условія Сибири.

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ.

Открытіе новыхъ странъ и ихъ значеніе въ исторіи. — Пріобрѣтеніе Россіей азіатскихъ владѣній; значеніе этого событія.—Трудность первыхъ изслѣдованій.—Первые путешественники въ Сибирь.—Изслѣдованіе сѣверныхъ береговъ и описаніе морей.—Орографическій очеркъ Сибири.—Пространство и протяженіе территоріи.—Характеръ ея.—Арало-Каспійская низменность Западной Сибири.—Среднеазіатскія степи, степи Западной Сибири и ихъ характеръ.—Горы и направленіе хребтовъ.—Тянь-Шань.—Алтайская система.—Характеръ Алтая.—Сѣверныя предгорья и Сибирская Швейцарія. — Мѣста, привлекающія переселенцевъ.—Алтай и Телецкое озеро.—Колыванское озеро.—Долина Чулышмана и Башкауса.—Катунскій хребетъ и Сибирскіе Альпы.—Бѣлуха и ледники.—Бія и Катунь.—Путь чрезъ Алтай въ Монголію.—Будущность Алтая.

Открытіе новыхъ странъ составляло всегда новую эпоху въ исторіи человѣчества. Въ 1492—1498 г. Колумбъ открываетъ Америку. Въ 1497 г. совершается путешествіе Васко-де-Гама. Въ 1271—1295 г. Марко-Поло приноситъ извѣстіе о центральныхъ странахъ Азіи, а въ 1581 г. русскіе проникаютъ въ Сибирь. Открытіе Индіи, Америки снабдило Европу новыми произведеніями, растеніями и животными. Открылись цѣлые новые міры, завязались сношенія и обмѣнъ между народами, царство европейскихъ народовъ перенеслось за океаны, расширилось и распространило цивилизацію.

Проникновеніе въ сѣверныя страны Азіи и покореніе ихъ не могло также остаться безслѣдно въ исторіи человѣчества. Это открытіе не могло соперничать ни съ открытіемъ Индіи, ни съ открытіемъ Америки, сѣверъ былъ слишкомъ бѣденъ произведеніями, но, тѣмъ не менѣе, огромныя пространства на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ географическихъ миль, тянущіяся вплоть до Восточнаго океана, множество народовъ и племенъ, происхожденіе кото-

рыхъ до сихъ поръ еще не разгадано, сосѣдство съ азіатскими странами и загадочнымъ Китаемъ—все это не могло не расширить умственныхъ горизонтовъ, не могло не поднять духа завоевателей, которые стремительно овладѣли всею страною въ полстолѣтія, а затѣмъ открыло дорогу разнымъ удальцамъ, піонерамъ, промышленникамъ, за которыми потянулись цѣлые обозы и арміи земледѣльческаго населенія, положившаго начало культурѣ и прочной гражданственности. Новооткрытыя страны Сѣверной Азіи и Сибири для русскаго государства имѣли, однако, не меньшее значеніе, чѣмъ пріобрѣтеніе обширныхъ заатлантическихъ колоній для европейцевъ. Изъ-за Урала начался немедленно вывозъ драгоцѣнныхъ мѣховъ, снабжавшихъ даже Европу, вывозъ цѣлебныхъ растеній; впослѣдствіи черезъ Сибирь явился чай [1]). На окраинѣ начались поиски за минеральными богатствами, открыто было серебро, мѣдь, цѣнные камни, впослѣдствіи золото. Русскіе начали вывозить мамонтовую кость и азіатскіе товары. Чрезъ Бухару, Джунгарію и на границахъ Китая завязался обмѣнъ съ Азіей.

Можетъ быть, еще важнѣе были послѣдствія въ измѣненіи историческихъ судебъ. Русскіе не только приготовили себѣ обширную колонію для будущаго населенія, не только расширили границы и увеличили свое могущество, они достигли таинственныхъ странъ Центральной Азіи, откуда когда-то, подобно лавинамъ, неожиданно низвергались потоки варваровъ, цѣлыхъ ордъ и наводняли не только Россію, но и Европу, угрожая стереть зачатки зарождавшейся цивилизаціи. Съ завоеваніемъ Сибири эти орды были отчасти сокрушены (татарское господство на Иртышѣ), отчасти отодвинуты къ югу и сѣверу. Между степями Центральной Азіи съ могущественными Алтынъ-ханами и между Европой явилась охраной страна, занятая европейскимъ населеніемъ, мѣшавшимъ проникать ордамъ на западъ въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ, дававшая отпоръ на границахъ, мѣшавшая сгруппировать мелкіе азіатскіе народы и такимъ образомъ полагавшая конецъ нашествіямъ новыхъ Темучиновъ и Тамерлановъ.

Мало того: на сѣверѣ Азіи, въ прежнихъ пустыняхъ, гдѣ бродили звѣроловы и кочевыя племена, положены начала культуры, возникла европейская гражданственность, которая должна будетъ явиться, съ развитіемъ этой страны, не только оплотомъ, но источникомъ цивилизаціи и просвѣщенія для остальной Азіи и сосѣдняго Китая. Эта гражданственность и культура на сѣверѣ

---

[1]) Чай впервые привезенъ въ Россію посольствомъ, возвратившимся отъ Алтынъ-хана въ 1638 г.

Азіи становится рѣшающимъ фактомъ въ исторіи народовъ и даетъ сразу перевѣсъ европейскому міру надъ азіатскимъ. Съ пріобрѣтенія Сибири началось наступленіе на Азію европейскаго и русскаго міра, окончившееся въ нынѣшнемъ столѣтіи пріобрѣтеніемъ Амура, среднеазіатскихъ владѣній и приблизившее русскихъ къ Памиру и Индіи.

Но въ будущемъ предвидятся и еще большія событія, которыя затмятъ самыя обширныя завоеванія. Если, послѣ проведенія желѣзной дороги черезъ Сибирь, рельсовое сообщеніе достигнетъ центра Китая и Азіи, то можетъ возникнуть такой обмѣнъ между Европой и Азіей, который измѣнитъ наружность замкнутаго азіатскаго міра. Сближеніе народовъ и цивилизацій, разъединенныхъ тысячелѣтіями, не можетъ не выразиться весьма важными перемѣнами въ жизни стараго свѣта. Восточный океанъ, отдѣляющій Сибирь отъ Японіи, Сѣверной Америки и южныхъ острововъ Индійскаго архипелага, до сихъ поръ былъ мертвымъ моремъ для Сибири, изолировавшимъ ее отъ сношеній съ другими странами міра, благодаря пустынности ея береговъ, но пріобрѣтеніе Амура и населеніе его, вмѣстѣ съ развитіемъ экономической и промышленной жизни, обѣщаетъ здѣсь международныя сношенія, и самое море, въ виду обновляющейся жизни въ Азіи, предназначено быть, когда-нибудь, по словамъ проницательныхъ географовъ, «Средиземнымъ моремъ» будущаго. Европейская цивилизація, научныя открытія, промышленный прогрессъ совершатъ завоеваніе въ центрѣ Азіи и азіатскіе народы, славные древними цивилизаціями, можетъ быть, выступятъ вновь на арену международнаго соперничества, тогда русскимъ владѣніямъ предстоитъ новая роль и новыя задачи; къ этому нужно готовиться. Будетъ-ли прочно британское могущество въ Индіи въ виду 200 милліоновъ мѣстнаго индусскаго населенія, все болѣе чувствующаго свою самостоятельность, удержатъ-ли европейцы свои колоніи въ Азіи—скажетъ будущее, но сѣверъ Азіи и Сибирь, занятая славянскимъ племенемъ, въ виду слабой пропорціи инородческаго населенія, можетъ разсчитывать на болѣе прочное и надежное существованіе. Замкнутая океанами съ сѣвера и востока, загороженная хребтами и пустынями съ юга, въ сосѣдствѣ не воинственнаго Китая, она можетъ разсчитывать долго на мирное и безопасное существованіе. Ея удѣломъ можетъ быть спокойное гражданское развитіе, культурный ростъ, мирный прогрессъ [1]), увеличе-

[1]) На это счастливое географическое и политическое положеніе нашей окраины указывалъ въ одной изъ рѣчей своихъ знаменитый уже въ наукѣ земякъ нашъ, профессоръ Д. И. Менделѣевъ.

ніе благосостоянія, усвоеніе знанія, рядомъ съ просвѣщеніемъ и цивилизаціей. Такимъ образомъ, этой странѣ можетъ представиться завидное будущее, если только мы подаримъ ей достаточно вниманія, если изучимъ ее, сосредоточимъ заботы на ея гражданскомъ развитіи и поймемъ ея міровое значеніе.

Въ видахъ этихъ мы желаемъ, прежде чѣмъ перейти къ ея современной жизни, ознакомить съ географическими и физическими условіями, съ ея естественными произведеніями, чтобы дать понятіе, какія обширныя владѣнія, какое разнообразіе природы заключается здѣсь и какія, сообразно этому, могутъ возлагаться надежды на будущее.

Со времени присоединенія Сибири прошло болѣе трехъ вѣковъ, но, тѣмъ не менѣе, свѣдѣнія, имѣющіяся о ней, сравнительно очень незначительны и научное изученіе ея оставляетъ желать еще многаго. Правда, XVIII-й и XIX-й вѣка, благодаря добросовѣстнымъ и весьма талантливымъ трудамъ многихъ знаменитыхъ ученыхъ изслѣдователей этой интересной во всѣхъ отношеніяхъ страны, доставили о ней много свѣдѣній, тѣмъ не менѣе, имѣющіяся о Сибири данныя далеко недостаточно полны и чрезвычайно мало распространены въ средѣ населенія Россійской Имперіи. Изслѣдованіе всякой страны—дѣло чрезвычайно трудное и сложное; оно требуетъ труда многихъ и многихъ просвѣщенныхъ лицъ и достигается лишь упорной работой въ теченіе очень большаго промежутка времени.

Правда, Сибирь уже болѣе 300 лѣтъ находится подъ нашимъ владычествомъ, но за этотъ значительный промежутокъ времени въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія Сибири сдѣлано, сравнительно, немного; не надо забывать, что Московское государство XVI вѣка и сама Россія XVII вѣка далеко не стояло на степени образованія, равнаго европейскимъ націямъ; европейское знаніе, просвѣщеніе сдѣлалось достояніемъ русскаго народа только съ Петра. Этимъ и объясняется то явленіе, что первые шаги въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія Сибири были сдѣланы иностранцами, которые и внесли въ науку о Сибири неоцѣнимый вкладъ. Недостаточность знанія о Сибири объясняется тѣмъ еще, что если детальное, основательное изученіе всякой, даже незначительной области, требуетъ много труда и времени, то сколько труда и времени должно взять изученіе Сибири, которая тянется на тысячи верстъ и на сѣверъ, и на востокъ. Изучить эту огромную площадь, по которой и теперь еще, а не то, что 200—300 лѣтъ тому назадъ, проѣздъ сопряженъ былъ съ огромными трудностями, дѣло

далеко не легкое. Надо помнить при этомъ, что въ Сибири не было до самаго послѣдняго времени, до времени открытія Томскаго университета въ 1888 г., ни одного высшаго учебнаго заведенія и лишь нѣсколько гимназій и реальныхъ училищъ распространяли просвѣщеніе въ средѣ населенія всей этой огромной русской колоніи. Такимъ образомъ, полное отсутствіе центровъ просвѣщенія и ученыхъ обществъ, изъ которыхъ первое — Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, основано лишь во второй половинѣ настоящаго столѣтія, не могло не отозваться очень дурно на дѣлѣ изученія Сибири. Для того, чтобъ заняться ея изслѣдованіемъ, надо было предпринимать цѣлое путешествіе, которое не только при прежнихъ путяхъ сообщенія, но и теперь еще сопряжено съ большими трудностями. Морской путь въ Азію долго не былъ извѣстенъ. Множество попытокъ европейцевъ проникнуть черезъ Карскія ворота изъ морей Европы въ Сѣверный Ледовитый океанъ оканчивались неудачею. Еще въ XVI вѣкѣ Уиллугби, Ченслеръ и Баро тщетно пытались пройти чрезъ Карскія ворота въ Сѣверный Ледовитый океанъ. За ними слѣдуетъ цѣлый рядъ попытокъ въ томъ же направленіи; Артуръ Петъ, Чарльзъ Джекманъ, Баренцъ и Гендрикъ Гудзонъ также ничего не достигли этимъ путемъ и только съ эпохи начала плаванія по Тихому океану удалось, наконецъ, хоть инымъ путемъ, но все же пройти въ недоступный Сѣверный Ледовитый океанъ. Въ 1728 г. датчанинъ Берингъ проѣхалъ всю Сибирь сухимъ путемъ и, отплывъ на кораблѣ отъ береговъ Тихаго океана, прошелъ въ Сѣверный Ледовитый океанъ чрезъ неизвѣстный до тѣхъ поръ европейцамъ проливъ, носящій его имя. Въ XIX вѣкѣ Норденшильду удалось-таки пройти чрезъ Карскія ворота, т.-е. тѣмъ путемъ, которымъ никакъ не могли пройти Уиллугби, Ченслеръ, Баро и др.; но такая удача его должна быть отнесена къ счастливой случайности, въ силу которой въ Карскихъ воротахъ его не затеръ ледъ; путешествіе Норденшильда не открыло непосредственный путь изъ морей Европы въ Сѣверный Ледовитый океанъ. Путь этотъ и раньше былъ извѣстенъ, но со времени Норденшильда начинается новый рядъ попытокъ установить торговыя сношенія съ устьями Енисея и Оби, возможность непосредственнаго пути изъ Европы въ Сибирь не представляется невѣроятною, когда Сѣверное море, его теченіе и расположеніе льдовъ будетъ изучено. Благодаря отсутствію морскаго пути, изслѣдованіе сибирскаго побережья должно было начаться внутри самой Сибири. Еще въ 1648 г. казаку Дежневу удалось то, чего достигъ Берингъ только въ 1728 году—

Дежневъ прошелъ чрезъ Беринговъ проливъ. Стадухинымъ, Прончищевымъ, Лаптевымъ, Овцынымъ и Мининымъ были отчасти изслѣдованы отдѣльные пункты сибирскаго побережья. Прончищевъ и Лолиніусъ посѣтили часть морскихъ береговъ, простирающихся на востокъ отъ полуострова Таймырскаго; экспедиція Лаптева, начатая въ 1739 году, привела къ изслѣдованію полуострова Таймырскаго и къ открытію сѣвернаго мыса Стараго Свѣта. Овцынъ и Мининъ обслѣдовали съ 1737 по 1739 годъ западное побережье между лиманами Оби и Енисея и западными берегами полуострова Таймырскаго. Казаки, появившіеся изъ Якутска въ 1643 г. въ лицѣ Пояркова и Хабарова, открыли Амуръ и дошли до Восточнаго океана. Русскіе достигли Камчатки, Алеутскихъ острововъ и Америки. Понятно, что изучать эти страны съ ихъ своеобразной природой не было ни времени, ни возможности. Починъ научнаго изслѣдованія внутренней Сибири долженъ быть отнесенъ къ началу XVIII столѣтія, ко времени экспедиціи Мессершмидта. Вслѣдъ затѣмъ Сибирь посѣтили Гмелинъ, Миллеръ, Делиль-де-ла-Кройеръ и Крашенинниковъ, изъ которыхъ Гмелинъ оставилъ очень цѣнный, имѣющій и въ настоящее время большое значеніе, матеріалъ для физической географіи Сибири. Съ 1770 по 1773 годъ по Сибири путешествовалъ знаменитый Палласъ, оставившій драгоцѣнное для науки изслѣдованіе. Наконецъ, Сибирь была предметомъ изученія такихъ ученыхъ, какъ Георги, Эрманъ, Александръ Гумбольдъ, Эренбергъ, Густавъ Розе, Чихачевъ, Щуровскій, Ледебуръ, Миддендорфъ, Шварцъ, Шмидтъ, Гленъ, Маакъ, Радде, Пржевальскій, кн. Крапоткинъ, Чекановскій, Дыбовскій, Подлевскій, Черскій, Потанинъ и мн. другіе.

Не имѣя въ виду передавать подробно исторію открытій и всѣхъ путешествій въ Сибирь, которыя могутъ представить блестящую лѣтопись въ исторіи края, мы перейдемъ къ географическому описанію этой обширной страны.

Сибирь занимаетъ весь сѣверъ Азіи и тянется на с. до Сѣвернаго Ледовитаго океана, на востокѣ она достигаетъ до Тихаго океана, на югѣ границы ея составляетъ Китайская имперія, на ю.-в. она граничитъ съ среднеазіатскими владѣніями Россійской имперіи, а на сѣв.-западѣ и на зап. Сибирь отдѣлена отъ Европейской Россіи Уральскимъ хребтомъ. Страна эта занимаетъ огромную площадь, расположенную между 45° и 77° с. ш. и между 60° и 190° в. д. Омываемая на с. водами Сѣвернаго Ледовитаго океана, а на в. водами Тихаго океана, она тянется на ю. до Китайской имперіи, а западную границу ея составляетъ Уральскій хребетъ, отдѣляющій ее отъ Европейской Россіи. Совершенно понятно, что Сибирь,

занимая такую обширную площадь, должна представлять чрезвычайное разнообразіе какъ по рельефу и геологическому строенію своей поверхности, такъ и по климату, животному и растительному царствамъ. Эта огромная площадь заключаетъ въ себѣ 11.000.024,2 кв. верстъ или 12.518.487,3 кв. килом., изъ которыхъ на Западную Сибирь приходится 1.981.801,8 кв. верстъ или 2.255.374,4 кв. килом., а на Восточную 9.018.222,4 кв. верстъ или 10.263.112,9 кв. килом. Мы не считаемъ въ томъ числѣ Акмолинскую область, занимающую площадь въ 522.541,8 к. в. или 594.672,6 кв. килом. и Семипалатинскую область, занимающую площадь въ 420.180,3 кв. в. или 478.182,3 кв. килом. [1]). Площадь Сибири составляетъ $^1/_{12}$ часть всей континентальной поверхности земного шара [2]); она больше Европы, равна почти $^1/_4$ части Азіи и больше $^1/_3$ части Африки. Площадь ея больше площади Европейской Россіи, Финляндіи и Царства Польскаго вмѣстѣ взятыхъ.

Для болѣе яснаго представленія о пространствѣ Сибири нужно замѣтить, что одна, напр., Томская губ., которая занимаетъ площадь въ 753.647,4 кв. верстъ или въ 857.682,3 кв. килом., т.-е. средняя по величинѣ изъ числа 8 губерній и областей, входящихъ въ составъ Сибири, эта одна Томская губ. почти въ $2^1/_2$ раза больше Великобританіи или Пруссіи и въ $1^1/_2$ раза больше Франціи. Сибирь въ орографическомъ отношеніи можно сравнить съ наклонною плоскостью, покатость которой направляется съ ю.-в.-в. на з.-с.-з.

Это одна изъ обширнѣйшихъ равнинъ въ мірѣ, простирающаяся между 35° и 73° с. ш. и между 30° и 55° в. д. Переѣхавъ чрезъ Уралъ, который прорѣзала уже нынѣ желѣзная дорога отъ Перми чрезъ Екатеринбургъ на Тюмень, путешественникъ вступаетъ въ равнинную низменность и по направленію къ западу отъ Урала до Томска и Ачинска тянущуюся почти на 2.000 в. Эта низменность, къ югу сливаясь съ степями Киргизскихъ областей, доходитъ на югѣ до Каспійскаго и Аральскаго моря, какъ доказано нынѣ, представлявшаго когда-то обширное море, врѣзывавшееся въ Азію съ сѣвера, отдѣлявшее Европу и соединенное проливомъ съ Сѣвернымъ океаномъ. Дно этого исчезнувшаго моря извѣстно подъ именемъ Арало-Каспійской низменности и нынѣ представляетъ только отдѣльные бассейны въ видѣ Арала, Каспія, Балхаша и др. озеръ, постоянно уменьшающихся въ объемѣ. На

[1]) Стрѣльбицкій. Исчисленіе поверхности Рос. Имперіи. Изд. 1889 г.

[2]) Реклю. Россія Европейская и Азіатская.

остальномъ протяженіи дно этого моря, подвергшись измѣненіямъ, покрылось травяною и древесною растительностью. Названіе «степей» въ Сибири прилагается къ самымъ разнообразнымъ мѣстностямъ, начиная отъ низменныхъ ровныхъ безлѣсныхъ пространствъ и кончая плоскогорьями, лѣсными пространствами и тундрами Характеръ Зауралья предъ глазами путешественника поэтому на этихъ низменностяхъ безпрестанно измѣняется. Ровныя низменныя пространства Киргизскихъ степей, покрытыя степными травами, почти безлѣсны съ характерными растеніями, съ солончаками, горько-солеными озерами и скудными степными рѣками, дѣлаютъ эти степи безжизненными пустынями и даютъ мѣсто нынѣ только блуждающимъ скотоводамъ и кочевымъ племенамъ. Эти степи сливаются съ степями и пустынями Средней Азіи, простираясь къ плоскогорьямъ Турана. Вдаваясь на западъ, они служили когда-то выходомъ, большой дорогой и воротами для передвиженія народовъ и нашествій на Европу разныхъ ордъ изъ Центральной Азіи [1]). Тамъ, гдѣ прорѣзывали эти степи притоки Каспійскаго моря, Аральскаго (Аму и Сыръ-Дарья), притоки Балхаша (Или съ многоводною дельтой), тамъ въ древности создавались культурные центры многихъ арійскихъ и туранскихъ племенъ. Здѣсь впервые туранскій міръ вступилъ въ общеніе съ арійскимъ. Отсюда началось распространеніе племенъ, и нѣтъ сомнѣнія, что южныя степи Сибири съиграли видную роль въ исторіи человѣческихъ сближеній.

На границахъ степи отъ начала стоковъ къ сѣверному морю, а именно по притокамъ Иртыша, Ишиму, Тоболу и съ притоковъ Оби, характеръ низменностей измѣняется. Степь болѣе орошается, озера становятся прѣсными, зеленый покровъ разнообразнѣе устилаетъ равнины и появляется древесная растительность. Степи средней полосы Сибири, Ишимская, Барабинская, Кулундинская, поэтому, сохраняя названіе степей, представляютъ привольныя пространства, богатыя растительностью и обильныя черноземомъ. Въ сущности, это мѣста самыя удобныя для осѣдлости и лучшія для земледѣлія и культуры. Здѣсь расположены богатые округа Курганскій, Тюменскій, Ишимскій, Ялуторовскій, Тарскій, Тюкалинскій, Каинскій, Барнаульскій; они представляли хлѣбную житницу Сибири. «Барабу» Миддендорфъ называетъ березовою степью. Отъ горизонта до горизонта ровная, зеленая травянистая степь покрыта березовыми лѣсками; по сторонамъ видны болота и озера, покрытыя цѣлыми стадами разнообразной дичи, носящейся тучами; по этой степи тянется черною лентою большая дорога на востокъ, между Тюменью

[1]) Землевѣдѣніе Риттера.

и Томскомъ. Однообразный пейзажъ утомляетъ глазъ путника, но на срединѣ этой степи сверкаютъ голубой гладью огромныя озера Чаны, соединявшіяся притоками, занимавшія около 150 в. длины, но нынѣ постепенно мелѣющія. Эта степь была когда-то болотиста, но по мѣрѣ высыханія водъ жители жалуются уже на засухи [1]). Дѣвственная почва здѣсь давала значительные урожаи, а травы, достигавшія въ этой полосѣ Сибири роста человѣка, дали возможность населенію развить богатое скотоводство. Барабинская степь лежитъ между Иртышемъ и Обью и сливается на западѣ съ Ишимскою, на востокъ съ Кулундинскою и Барнаульскою степями. Березовыя степи, на сѣверѣ отъ главнаго сибирскаго тракта, не измѣняя равнинной мѣстности, переходятъ въ сплошную лѣсную полосу, гранича «рямами» или характерными болотами съ хвойными перелѣсками. По мѣрѣ увеличенія стоковъ, въ сложной сѣти переплетающихся притоковъ Иртыша и Оби на водораздѣлѣ этихъ рѣкъ пространства становятся болотистыми и Васьюганская степь (столь же неправильно характеризуемая иногда тундрою) представляетъ низменную мѣстность, заросшую густыми дѣвственными лѣсами, гдѣ разливающіяся воды рѣкъ и сходящіеся притоки превращаютъ эти мѣста въ сплошное море, надъ которымъ высятся гигантскія рощи лѣсовъ, выступающія изъ водъ среди безбрежной пустыни. Дѣвственная природа, лѣса и болота, тучи москитовъ и комаровъ не допускали долго сюда человѣка, только аборигены Сибири финскаго племени, оттѣсненные завоеваніями, заняли притоки Васьюгана и Прабели; Тарскій округъ и Нарымскій, Томской губ., были долго совершенно разъединены и только въ послѣднее время здѣсь начинается сообщеніе, а земледѣльческая культура отвоевываетъ понемногу и эти мѣста по притокомъ главныхъ рѣкъ. Лѣсная полоса, идущая отъ Тобольска къ Каинску, а затѣмъ къ Томску, Маріинску и, сливаясь съ обьскими «барами» или рощами къ югу, рѣзко разграничиваетъ Сибирь и придаетъ, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, характеръ «тайги» [2]) или сплошныхъ хвойныхъ лѣсовъ, отъ Томска взбѣгающихъ по возвышенностямъ алтайскихъ отроговъ. Эта «тайга» съ дѣвственными непроходимыми лѣсами, съ гигантскими деревьями, съ лѣсными рѣчками, заваленными буреломомъ, полная безмолвія и величія, останавливала долго колонизацію и привлекала лишь дровосѣка, промышленника и отваж-

[1]) См. наше путешествіе по Западной Сибири и описаніе Барабы. «Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русск. Географич. Общества». 1878 г.

[2]) «Тайга», по понятію татаръ, значитъ голыя или снѣжныя горы. Русскіе это слово приложили сначала къ лѣсистымъ горамъ, а потомъ ко всѣмъ хвойнымъ лѣсамъ.

наго золотоискателя, который въ вершинахъ таежныхъ рѣкъ отыскалъ золотоносныя розсыпи, поставилъ временные станы, но, истощивъ золото, оставилъ эти мѣста безъ сожалѣнія. Эти дѣвственные лѣса, синѣющіе на необозримый горизонтъ, однако, подвержены всякимъ случайностямъ: они сгниваютъ, заваливая своими трупами тайгу, а иногда горятъ на сотни верстъ, пока не остановитъ пожаръ дождь или рѣка на пути. Лѣсные пожары представляютъ грозное зрѣлище съ жадными языками огня, перебѣгающими съ неимовѣрною быстротою, пожирающими лѣсныхъ гигантовъ, гонящими дичъ и звѣрей въ паническомъ страхѣ и наполняя воздухъ удушливымъ дымомъ, который окружаетъ города и застилаетъ иногда солнце. Въ послѣднее время начинаются жалобы, что многіе лѣса выгорѣли. Къ югу по Оби и въ Барнаульскомъ округѣ эти лѣса разнообразнѣе и богаче породами; они представляютъ здѣсь красивые «боры» съ прекраснымъ строевымъ лѣсомъ, затѣмъ тѣ же лѣса въ предгорьяхъ Кузнецкаго Алатау и Восточнаго Алтая получаютъ названіе «черни». Здѣсь уже не одинъ хвойный лѣсъ, но чередуются береза, тополь, осина, черемуха, даже липа, а богатая алтайская флора перевиваетъ этотъ лѣсъ хмѣлемъ и ліанами; зонтичныя травы достигаютъ здѣсь огромной величины и загораживаютъ путь всаднику. Лѣса тянутся далеко къ сѣверу, но изъ сплошныхъ зарослей превращаются въ отдѣльныя рощицы и оазисы; наконецъ, выше 68° сѣверной широты лѣса исчезаютъ, затѣмъ выступаетъ полоса тундръ и мховъ. Эти поляны тундръ, весьма мало проходимыя лѣтомъ, большую часть года, около 9 мѣсяцевъ, лежатъ подъ снѣжнымъ покровомъ. Это мѣста оленьихъ пастбищъ и арена для блужданій пастуха и звѣролова остяка и самоѣда. Полярная ристительность сводится къ ползущей березѣ, къ чахлой соснѣ. Но по наблюденіямъ путешественниковъ, подъ лучами весенняго солнца и здѣсь пробуждается жизнь, и чѣмъ короче лѣто, тѣмъ быстрѣе спѣшатъ подняться травы. На Тамырскомъ мысу Миддендорфъ находилъ жатву для натуралиста, поэтому, нельзя сказать, чтобы даже тундристый сѣверъ былъ обдѣленъ нѣкоторыми произведеніями природы. Измѣняются только формы жизни, какъ въ переходныхъ альпійскихъ зонахъ.

Изслѣдованія послѣдняго десятка лѣтъ успѣли разрушить ложное убѣжденіе объ однообразіи органическихъ формъ полярныхъ морей. Изученіе мѣстъ, ближайшихъ къ полюсу,—мѣстъ, до которыхъ человѣкъ только могъ достигнуть, показало, что фауна полярныхъ морей вовсе не такъ бѣдна и однообразна [1]). Даже во

[1]) См. Esquisse de la vie organique en Siberie. Par A. de Middendorf. Lec. en seance publique le 29 décembre 1854 г. p. 133.

временныхъ скопленіяхъ прѣсной воды, собирающейся при таяніи снѣга, находятся маленькія ракообразныя, служащія добычею для птицъ, обитающихъ у полюса. Земля въ мѣстностяхъ, наиболѣе благопріятныхъ для органической жизни, покрывается не только разнообразными цвѣтами, по которымъ порхаютъ бабочки, но здѣсь и тамъ встрѣчаешь такую пышную зелень, о каковой трудно было мечтать. Можно утверждать, что почва здѣсь годна для культуры голубушекъ (oxytropis), того самаго oxytropis, который культивируется у насъ.

Въ каплѣ воды ледянаго моря микроскопъ обнаруживаетъ во множествѣ инфузорій и діатомъ. Даже на однородномъ кускѣ снѣга у полюсовъ живутъ растительные организмы, которые на этомъ холодномъ кускѣ, кажущемся столь негоднымъ для жизни, рождаются, растутъ, размножаются и умираютъ. Въ снѣгахъ водится множество хематококовъ—это особый одноклѣтный растительный организмъ, красный какъ киноварь, отъ котораго снѣгъ кажется кровавымъ. Онъ живетъ на холодѣ, способномъ убить самое могучее дерево; температура снѣга служитъ для него нормальной температурою [1]).

Природа у полюсовъ не такъ бѣдна и однообразна, какъ это думали столь долгое время. Жизненная сила не ослабляется здѣсь; напротивъ, она весьма интенсивна и проявляется въ сравнительномъ богатствѣ и разнообразіи органическихъ формъ.

Точно также картины полярной растительности рисуются Людвигомъ Рудольфомъ (по нѣмецкому подлиннику составилъ А. Бекетовъ). Вотъ, что говорится о формѣ Таймырской земли (стр. 450—451).

«Растительность продолжается здѣсь около $2^1/_2$ мѣсяцевъ, и если она вообще бѣдна, то мѣстами, напротивъ, развивается съ необыкновенною быстротою и богатствомъ. Таймырская тундра по большей части не болотиста, а потому она отличается отъ сибирскихъ тѣмъ, что покрыта не мхами, а сухощавыми грязнаго цвѣта лишайниками и травами (Gramineae, Cyperaceae), которыя, впрочемъ, не красивѣе самыхъ лишайниковъ, оставаясь большею частью поблекшими. Тамъ, гдѣ воды весеннія остаются подольше, поблекшіе стебельки начинаютъ пускать свѣжіе зеленые побѣги и образуются дерновины; тутъ между лишайниками разцвѣтаютъ мелкія травки (Dryas octopelata, Cassiope tetragona, Ranunculus pygmeus), но онѣ едва оживляютъ собою сѣровато-желтую тундру, которая тянется однообразно на огромныя разстоянія и наводитъ

[1]) Ibid., p. 135—137.

на путешественника невыразимую тоску и скуку. Совершенно иной видъ имѣютъ скаты холмовъ и горъ, особенно къ водамъ рѣки Таймыра и озера того же имени. Мѣста эти защищены отъ черезчуръ ранних осенних и поздних весенних морозовъ, а потому на нихъ развивается свѣжая и богатая зелень. Тутъ разцвѣтаютъ голубыя полемоніи (Polemonium humile) или верховой ладанъ, какъ его называютъ въ Сибири, желто-цвѣтныя сиверсіи (Siversia glacialis), отличающіяся густотою своей зелени, изящные виды медовой травы (Peclicularis), голубушки (Oxytropis), камнеломки (Saxifragu Hirculus, bulbifer) съ желтыми, бѣлыми и голубыми цвѣтами; разныя сложноцвѣтныя (Pyrethrum ambiguum, Erigerum uniflorum, Cineraria palustris), голостебельный макъ (Papaver undicaule) съ нѣжными желто-оранжевыми цвѣтами, разныя лютиковыя (Ranunculus acris, Caltho palustris), между которыми отличается красивый дельфиній, названный въ честь Миддендорфа (Delphinium Middendorphii). На одномъ островѣ Таймырскаго озера золотая трава (Senecio) такъ густо засѣла, что онъ казался издали совершенно желтымъ; нѣкоторые изъ стеблей этого растенія выростаютъ въ полтора фута съ лишнимъ и распускаютъ до 40 крупныхъ цвѣтовъ, въ дюймъ поперегъ. Злаки (Alopecurus, Poa pratensis, Aira, Festuca) особенно хорошо растутъ при песцовыхъ логовищахъ, гдѣ они пользуются животною теплотою, разрыхленною почвою и перегнившими животными остатками. Нигдѣ, можетъ быть, травы не растутъ и не достигаютъ полнаго развитія съ такою быстротою, какъ въ описываемой отдаленной части Сибири. У береговъ Таймыра зелень стала замѣтнюю 30 іюня, а 3 іюля уже зацвѣли разныя мелкія крестоцвѣтныя и щавели; 27 того же мѣсяца крестоцвѣтныя по большей части отцвѣли и многія изъ нихъ (Cardamine pratensis, Drabae) покрылись стручечкими. На извѣстныхъ горахъ, 21 августа все приняло осенній пурпуровый отливъ, а на берегу моря еще 26 стояли въ полномъ цвѣту незабудки, камнеломки, дрема и золотая трава.

Изъ 124 видовъ растеній, найденныхъ на Таймырскомъ полуостровѣ, оказалось только 3 особыхъ вида; вся флора имѣетъ, какъ по общему характеру, такъ и по тождественности самихъ видовъ, сходство съ флорами всѣхъ вообще полярныхъ странъ; 40 видовъ общи даже Таймырскому полуострову съ Среднею Европою.

Къ югу отъ сибирской и сѣверо-азіатской низменности почти на границахъ Сибири, между 35 и 50 градусомъ, выступаютъ хребты, почти замыкающіе всю площадь Сибири и отдѣляющіе ее отъ степей Туркестана, Центральной Монголіи и Китая. Эти горы и нормальные хребты, идущіе съ запада на востокъ, имѣютъ огром-

ное значеніе какъ по отношенію климата Сибири, опредѣленія ея физико-географическихъ условій, такъ и изолированія ея отъ жизни и исторіи центральнаго материка Азіи. По этимъ хребтамъ идетъ русская политическая граница, отдѣляющая Сибирь отъ Китая. Среди этихъ цѣпей горъ на западѣ къ югу отъ аралокаспійской низменности мы видимъ величественный Тянь-Шань, представляющій рѣзкій переходъ отъ цвѣтущихъ съ мягкимъ климатомъ долинъ Семирѣчья и роскошныхъ оазисовъ Кашгара и Ферганы къ альпійскимъ ледникамъ.

Тянь-Шань или Небесныя горы представляютъ собою великую группу горныхъ цѣпей, которыя начинаются на востокѣ въ пустынѣ Гоби и тянутся къ западу до Бухарскихъ равнинъ, почти до города Бухары.

Въ длину Тянь-Шань тянется на протяженіи 350 миль или 2.600 килом. Ширина его достигаетъ 50 миль или 400 килом. Особенность этой возвышенности заключается въ томъ, что отдѣльныя цѣпи ея расположены наподобіе кулисъ, такъ что, напримѣръ, наиболѣе сѣверная изъ нихъ на западѣ уже оканчивается подъ 77 меридіаномъ, тогда какъ наиболѣе южная на востокѣ только начинается. Вся эта система горныхъ цѣпей находится между 38 и 45° съ в.-с.-в. на з.-ю.-з. Долины, которыми въ продольномъ и поперечномъ направленіяхъ изрѣзаны эти горы, врѣзываются сравнительно не глубоко и дно ихъ находится на значительной высотѣ. Такъ, Алайская плоская возвышенность находится на высотѣ 2.500—3.000 метр. (8.300—10.000 фут.); Чатыръ-куль на Аксаѣ 3.400 метр. (11.400 фут.); Иссыкъ-куль 1.600 метр. (5.400 фут.) и т. д. [1]).

Высоту снѣговой линіи для Тянь-Шаня принимаютъ за 3.800 метровъ (12.700 фут.).

Высочайшія вершины Тянь-Шаня еще очень мало изслѣдованы; многія изъ нихъ наблюдались только издали и высоты ихъ могутъ быть опредѣляемы только приблизительно. Внѣшняя цѣпь, которою на сѣверо-востокѣ Джунгарія отдѣляется отъ Тарымскаго бассейна, достигаетъ на возвышенности Богдо-ола, восточнѣе Урумчи, снѣговой линіи (около 4.000 метр.—13.000 фут.). Иссыкъ-куль окружаютъ вершины высотою до 4.500 метр. (15.000 футовъ). Но самой высокой горою считается Ханъ-Тегри, которая достигаетъ, по мнѣнію однихъ 6.500 метр. (21.700 фут.), а по мнѣнію другихъ—7.300 метр. (24.300 фут.). На восточномъ его

[1]) H. Guthe's «Lehrbuch des Geographie». Neu bearbeitet von H. Vagner. 1882 г., стр. 432, 433 и 434.

склонѣ находится Музаршскій перевалъ, единственный въ настоящее время проходимый изъ долины Текеса къ бассейну Тарыма. Этимъ переваломъ соединяются Кульджа и Аксу. Высоки и мало доступны перевалы къ западу отъ Ханъ-Тегри, пока они находятся въ слабо населенныхъ высокихъ долинахъ Нарыни; напротивъ, большее значеніе имѣютъ проходы, которые ведутъ изъ Кашгара на з.-с.-з. въ Фергану, особенно же Терекъ-Даванъ (3.727 метровъ или 12.430 фут.), который съ давнихъ временъ служитъ главнымъ торговымъ путемъ между Восточнымъ и Западнымъ Туркестономъ.

На Тянь-Шанѣ и на Памирѣ существуютъ всѣ условія для развитія ледниковъ. На Тянь-Шанѣ и на Памирѣ ледниковыя группы находятся во многихъ мѣстахъ и ледники достигаютъ громадныхъ размѣровъ. Зеравшанская группа содержитъ до тридцати большихъ ледниковъ. Главный Зеравшанскій (2.700 метр.); по сосѣдству съ ними на сѣверномъ склонѣ Алайскаго хребта находится ледникъ Щуровскаго не менѣе 6 рядовъ срединныхъ морень, да восточнѣе Зардаля въ верховьяхъ Ашиль-куля недавно открыто нѣсколько (5—6) у перевала Таракъ. Точно также извѣстны ледники группы Мукъ-су, затѣмъ, въ Алайскомъ хребтѣ, въ группѣ Манасъ, въ Таласкомъ Алатау и др. Изъ этихъ ледниковъ самый большой Зеравшанскій, длина его 24 версты, а высота нижняго конца 2.700 метровъ, всѣ другіе ледники лежатъ выше. Зеравшанская группа изслѣдована только отчасти, и весьма вѣроятно, что будущіе изслѣдователи откроютъ въ ней еще много большихъ ледниковъ, особенно по сѣверному склону Алайскаго хребта, между ледникомъ Щуровскаго и Зардаля. Въ той же группѣ много висячихъ мелкихъ ледниковъ, но число ихъ неизвѣстно [1]).

Группа Зеравшанскихъ ледниковъ спускается лучеобразно съ горнаго узла, соединяющаго хребты: Алайскій, Заалайскій, Туркестанскій и Гиссарскій.

Къ сѣверу отъ Тянь-Шаня тянется Тарбагатай; подходя къ Зайсанской котловинѣ и къ Балхашу, цѣпи горъ здѣсь раздвигаются и образуютъ широкія ворота, соединяющія степи Сибири съ Средней Азіей. Сюда направлялись историческіе народы съ туранскихъ высотъ и изъ Центральной Азіи. Къ сѣверу отъ Тарбагатая идутъ отроги горъ и какъ бы составляютъ горный островъ, врѣзываясь въ Киргизскія степи. Здѣсь поднимаются горы Алатавскія, Каркаралинскія и доходятъ до Кокчетава (Акмолинской области). Среди уны-

[1]) Мушкетовъ, Физ. Геол., стр. 476—477.

лыхъ безлѣсныхъ степей эти горы съ красивыми каменными обнаженіями, покрытыя живописными озерами, какъ Боровое въ Кокчетавскомъ округѣ, съ сопками, поросшими лѣсомъ, представляютъ оживленіе степной природы [1]). Какъ горы смѣняютъ степи, такъ и степная полоса на востокѣ подходитъ къ самому Алтаю и равнины Кулундинской и Бійской степи смѣняются предгорьями. Хребты Алтая, приближаясь къ Зайсану, поднимаются на правой сторонѣ Иртыша и охватываютъ весь югъ Томской губерніи, смыкаясь съ Саянскими горами къ востоку въ верховьяхъ Чулышмана и направляя къ югу длинную цѣпь Южнаго Алтая, теряющуюся въ центрѣ Гоби. Хребты Алтая придаютъ горный характеръ нѣсколькимъ округамъ Томской губ. и занимаютъ, по исчисленію Мейена, 382.000 кв. вер. Бійскій Алтай въ три раза болѣе Швейцаріи, а съ Кузнецкимъ хребтомъ въ шесть разъ. Горы выдвигаются изъ юго-восточнаго угла границы Томской губ. и распространяются, какъ тучи, по выраженію Риттера. Мы видимъ идущіе отъ юга параллельно нѣсколько хребтовъ, при чемъ самый высокій Котунскій хребетъ съ ледниками поднимается до высоты 11.500 ф., далѣе Холзунъ до 9.000 ф., Каргонскія бѣлки [2]) до 9.028 ф., Талицкія бѣлки до 5.500 ф., къ сѣверу тянутся менѣе высокія предгорья. За Катунью къ востоку на одной широтѣ съ Катунскими тянутся снѣжные Чуйскіе Альпы (по нашему опредѣленію до 7.051 ф. на перевалахъ и до 9.000 ф. высоты). Курайскій хребетъ тоже снѣжный (по нашему опредѣленію 6.622 ф. и до 8.000 ф.), наконецъ Телецкія горы съ Алтынъ-Тау (по нашему опредѣленію 7.914 ф.). За Телецкимъ озеромъ въ верховьяхъ р. Абакана Алтай соединяется съ Саянами, а къ сѣверу тянется въ меридіональномъ уже направленіи рядъ хребтовъ Кузнецкаго Алатау, примыкая къ Абаканскому хребту и составляя водораздѣлъ бассейна Томи и притоковъ Енисея. Всѣ эти хребты имѣютъ свой особый характеръ, начиная отъ снѣговыхъ вершинъ Альпъ до мягкихъ очертаній сѣверныхъ предгорій, покрытыхъ зеленью, отъ пирамидальныхъ, Нарымскихъ горъ, выступающихъ изъ долинъ, до синихъ лѣсныхъ сопокъ («синюхъ») восточнаго Алтая, здѣсь встрѣчается сочетаніе самыхъ разнообразныхъ картинъ природы, постоянно смѣняющихся алтайскихъ луговъ, плодоносныхъ долинъ, дикихъ скалъ, плоскогорій, степей и высочайшихъ хребтовъ, поэтому мы должны оста-

[1]) Прекрасная природа Кокчетавскихъ горъ и озера см. въ статьѣ «Сибирск. Сборника» приложеніе къ «Восточн. Обозр.». 1886, кн. IV. Поѣздка на гору Кокчетавъ Р.

[2]) «Бѣлками» называются горы, достигшія снѣговой линіи и сохраняющія лѣтомъ снѣжныя пятна и поля. За Байкаломъ онѣ носятъ названіе «гольцовъ».

новиться на описаніи этой сибирской Швейцаріи. Волнообразная мѣстность начинается съ Томска по направленію къ югу; около Барнаула уже высятся красивыя горы, простершіяся надъ широкою Обью, цвѣтущіе и прелестные «боры», рощи, тянутся по берегамъ. Но это преддверіе въ Алтаѣ. По дорогѣ къ Бійску вамъ открываются все болѣе цвѣтущія поля и луга съ сочными травами и роскошной алтайской флорой, съ массой цвѣтовъ, піоновъ, лилій, «жаркихъ» цвѣтовъ (стародубокъ), какъ бы горящихъ на зелени полей. За 50 в. отъ Бійска начинаются настоящія предгорья, подернутыя нѣжною дымкою синевы. Къ этимъ предгорьямъ подходятъ травянистыя степи, на которыхъ расположены первыя волости. Весь сѣверный Алтай, благодаря изобилію рѣкъ, изборожденъ плодоносными долинами. Степная мѣстность, подходящая къ Оби, представляетъ богатую растительность, по которой расположены Ануйская, Алтайская и Смоленская волости, наиболѣе хлѣбородныя. Отъ Бійска гористая мѣстность все болѣе выступаетъ, складки горъ украшены зеленой травой, кажущейся какъ бы длинной шелковой мантіей, которая, уходя въ даль, сливается съ синевою горныхъ возвышенностей. У подошвы горъ, или, какъ образно выражаются алтайцы, «на подолѣ горъ» ютятся деревни, окруженныя пашнями, поскотинами, поселками, въ лѣсахъ раскиданы вездѣ заимки и хутора. На склонахъ горъ видны карабкающіяся стада. На каждомъ шагу видны привольные луга, лѣски, покосы. Урожаи здѣсь замѣчательные: до 175 пуд. съ десятины пшеницы, 170 пуд. ядрицы и до 250 пуд. овса съ дес. Немудрено, что мѣста эти и богатый черноземъ привлекаютъ переселенцевъ, которые тянутся сюда вереницами. Катунь съ вьющимися на громадномъ протяженіи развѣтвленіями, выйдя изъ тѣсninъ, усѣяна множествомъ красивыхъ зеленыхъ острововъ, покрытыхъ стройными рощами. Поселки и заимки орошаютъ чистые горные ручьи, а травы достигаютъ замѣчательнаго роста. Во всѣхъ деревняхъ по этому пути мы находимъ богатое пчеловодство; есть пасѣки въ 500 ульевъ и на деревню 3.000 ульевъ. Значительная часть благосостоянія алтайскихъ жителей обусловливается богатою природою этихъ мѣстъ. Перевалы изъ Алтайской волости въ долины Каменки, Песчаной и Ануя даютъ понятіе объ алтайскихъ долинахъ. Сначала мы совершили перевалъ изъ долины Каменки въ долину Песчаной по рр. Шумилихѣ и Баранчѣ, гдѣ пришлось проѣзжать гористую мѣстность, переправляясь иногда по 18 разъ на разстояніи 50 верстъ въ бродъ черезъ горныя рѣки. Въ долинахъ встрѣчаются кусты цвѣтущей жимолости, розы, медунка, дикій анисъ. Глубина чернозема 72 сант. Луга покрыты ароматиче-

Телецкое озеро въ Алтаѣ.

скими алтайскими травами, цвѣты поражаютъ яркостью красокъ, татарское мыло, primula lychnis, calcedonica, медунки pulmanaria, cipripedium alsine и друг. устилаютъ долины, бѣлая алтайская бабочка вьется вереницами, въ ложбинахъ пробѣгаютъ свѣтлые и холодные ручьи. Въ Куеганскомъ ключѣ было 12° R. въ іюнѣ. Кругомъ тянутся горы, покрытыя пышной травой и душистыми дягилями. Съ горъ спускаются величественныя лиственницы, доходящія до 14 вершковъ въ діаметрѣ, повсюду видна береза, черемуха, цвѣтущая жимолость. Изъ деревни Булатовой мы спустились въ долину Тихой, по дорогѣ постоянно встрѣчая пасѣки, имѣющія до 500 ульевъ. Долина покрыта прекраснымъ лиственнымъ лѣсомъ. Лиственница въ 128 сант. въ діаметрѣ.

Алтайскія травы крайне разнообразны. Жители знаютъ употребленіе многихъ изъ нихъ какъ цѣлебныхъ. Утесы степнаго Ануя покрыты огромными, какъ лопухъ, листьями ревеня. Вездѣ встрѣчается иванъ-чай и баданъ dictramus Traxinella. Переваливая изъ долины въ долину, видя характеръ этихъ долинъ, эти безконечные луга, сочныя травы, огромное обиліе лѣсовъ, начинаешь понимать, что каждая изъ этихъ долинъ можетъ помѣстить маленькое европейское государство. Здѣсь могутъ существовать сотни селъ и деревень, а обширные города могутъ умѣститься на каждомъ изъ плато выдвигаемыхъ террасами горъ. Не даромъ стремительнымъ потокомъ течетъ сюда колонизація ко всѣмъ этимъ долинамъ отъ Ануя до Катуни; безпрестанно вы встрѣчаете по горнымъ рѣчкамъ маленькія избушки и мельницы переселенцевъ, помимо множества пасѣкъ и зимовокъ купцовъ.

Западныя горы, около Змѣиногорска, представляли менѣе растительности. Это были голыя опаленныя горы, только Синюха, около Колыванскаго завода, напоминаетъ лѣсной видъ сѣверныхъ сопокъ. За то по Алею и Ульбѣ появляется роскошная растительность,—предвѣстница Бухтарминской флоры. Эти свѣжіе и сочные луга, послѣ каменистой мѣстности, пышущей жаромъ, производятъ отрадное впечатлѣніе. Розовыя и бѣлыя мальвы, цѣлыми цвѣтниками, качаются среди высокихъ травъ; желтыя нивы хлѣба устилаютъ склоны, сады жимолости окружаютъ дорогу. За переправой черезъ Ульбу, при подъемѣ на горы, за Усть-каменогорскомъ, долины горныхъ рѣчекъ открываютъ южную растительность Алтая, съ желтой и бѣлой алтайской розой, дикимъ жасминомъ, дельфиніумомъ и другими цвѣтами; склоны украшены богатыми пасѣками. Растительность по склонамъ здѣсь пышнѣе и нѣжнѣе; за то на высотѣ голыя вершины едва покрыты мелкой травой. Въ Нарымскомъ хребтѣ появляются тем-

ныя, поросшія хвойнымъ лѣсомъ, сопки. Это пирамидальныя горы, выступающія какъ бы изъ долинъ, и видъ ихъ во весь ростъ со всѣми переходящими зонами отъ лиственнаго, затѣмъ хвойнаго лѣса, съ полянами розовыхъ ковровъ кипрея среди рощъ, къ травяной растительности, завершающейся оголенными вершинами скалъ, съ полосами залегшаго въ нихъ снѣга, съ воздымающимися пиками, покрытыми плавающими облаками, какъ бы окутанные бѣлымъ боа, придаютъ особенную прелесть этимъ горамъ, напоминая швейцарскіе виды.

Совершенно инаго характера восточная часть Алтая. Тотчасъ на правой сторонѣ Катуни начинаются лѣсные хребты и горы изобильны влажностью; здѣсь выступаетъ алтайская «чернь» или тайга. Совершивъ путешествіе на Телецкое озеро въ 1880 г., мы видѣли эти мѣстности и извлекаемъ изъ нашихъ дневниковъ описаніе ихъ.

Когда изъ долины Наймы, цвѣтущей, покрытой сочными травами, мы совершали черезъ горы перевалъ къ Телецкому озеру, насъ окружали дѣвственные лѣса и огромныя травы; изъ нихъ папортники и репей поднимались выше человѣка, сидящаго на лошади. Дикій хмѣль обвивалъ деревья. Среди кедровъ и сосенъ разростались рябина, акація, бузина, а кусты черемухи, смородины и малины свѣшивали гроздья своихъ ягодъ. Мѣстами выступалъ чистый лиственный лѣсъ. Когда мы поднялись на перевалъ къ Паспаулу, насъ окружили прелестные парки изъ тополей, березъ, осинъ, зелень была свѣжая и сочная; эта зелень живописно сбѣгала по склонамъ.

Другая дорога къ Телецкому озеру вела по Біи, которую характеризовалъ геологъ Гельмерсенъ:

«Живописныя скалы, омываемыя волнами Біи и возвышающіяся огромными стѣнами, часто напоминаютъ путешественнику Саксонскую Швейцарію. Мертвая тишина царствуетъ среди этой живописной природы. Но современемъ Телецкое озеро, подобно Дунаю, Эльбѣ и Рейну, сдѣлается цѣлью веселыхъ путешествій».

Бія вытекаетъ изъ Телецкаго озера, одного изъ красивѣйшихъ альпійскихъ озеръ Алтая.

Телецкое озеро представляетъ величественный видъ; бассейнъ его лежитъ въ огромной расщелинѣ, образовавшейся среди горъ, пересѣкающей хребты съ юга на сѣверъ. Высота его надъ уровнемъ моря отмѣчена Гельмерсеномъ 1.600 ф., по нашимъ же наблюденіямъ 1.200 ф. Его окружаютъ горы, доходящія до 8.000 ф., и берега его почти неприступны.

12-го іюля 1880 г. мы были у подножія этого озера; кру-

гомъ круто спускались къ нему горы, покрытыя синимъ лѣсомъ, напоминающимъ мрачный видъ сибирской тайги. На нѣкоторыхъ изъ этихъ горъ видны скалистыя обнаженія. Правый берегъ былъ съ болѣе отвѣсными и высокими горами; на немъ былъ хвойный лѣсъ; лѣвый берегъ былъ положе. Перспектива озера представляла дальнія горы, уходившія въ туманъ, ближайшія бросали рѣзкую тѣнь на воду, симметрично раздѣляя границы береговъ. Зеркальное свѣтло-зеленое озеро находилось какъ-бы въ темныхъ рамахъ. Величественные лѣса, утесы, гладь озера и безмолвіе, его окружающее, придавали ему нѣчто внушительное, подавляющее величіемъ и въ то же время прекрасное. Вдобавокъ надъ нимъ висѣло голубое небо, а перистыя облака сиреневаго цвѣта сливались съ утопающими въ туманѣ вершинами горъ.

По мѣрѣ движенія по этому озеру выдвигались мысы, скалы и утесы. Эти утесы стоятъ надъ водою въ самыхъ причудливыхъ формахъ, камни выходятъ или выростаютъ какъ бы изъ воды, огромныя деревья съ вывороченными корнями висятъ надъ озеромъ. Иногда видны песчаныя устья рѣкъ. Пройдя восточную бухту озера и обогнувъ мысъ, вдали открывается безконечный амфитеатръ горъ.

На востокѣ виднѣлись огромные хребты, заходя за предѣлы лѣсной растительности; это былъ хребетъ Корбу, дикій, покрытый осыпями и утесами; подножіе его оглашали громъ ручьевъ и водопадъ Корбу, несшійся съ высоты нѣсколькихъ тысячъ футовъ прямо въ озеро. Далѣе стояли въ перспективѣ нѣсколько сопокъ, застилаемыя синеватымъ туманомъ дали, и наконецъ, величественный и грозный утесъ Алтынъ-Тагана, высочайшей снѣжной горы, спускающейся прямо въ озеро съ неимовѣрной высоты.

Къ югу озера голыя скалистыя горы выступали все рѣзче; кое-гдѣ мелькали на вершинахъ бѣлыя прожилки снѣга, какъ молніи спускаясь извилистыми линіями въ лощины. Съ недоступной крутизны этихъ горъ падали каскадами водопады; издали они казались блестящей чешуей или нитями жемчуга. Эти водопады неслись иногда съ высоты 3.000 и 4.000 футовъ, образуя часто крутое паденіе саженъ въ 10 и болѣе. Надъ водопадомъ склонялись подмытыя скалы сланца, обнаруживая массивныя каменистыя ребра. На нависшихъ балканахъ этихъ скалъ вездѣ вилась свѣжая зелень, огромные листья бадана, трава и мягкіе мхи застилали камни. Кусты калины и акаціи лѣпились по кручамъ и на нависшей скалѣ иногда висѣли отвѣсно гигантскія деревья, которыя, падая въ воду, образовывали причудливые мосты. Къ этому надо прибавить величественный шумъ водъ, то усиливаю-

щійся, то уменьшающійся, походившій то на шипѣнье ракетъ, то звучащій металлическимъ звономъ. Этотъ говоръ водъ среди безмолвной и дикой мѣстности довершалъ впечатлѣніе пустыни.

Берега озера такъ далеко раскидывались въ даль, что когда одну часть береговъ золотило солнце, при поворотѣ головы видно было, какъ другой берегъ окружали тучи, изъ которыхъ исходили потоки золотаго дождя; въ промежуткахъ же между горъ блуждали туманы. По мѣрѣ того, какъ солнце склонялось за горизонтъ, окружающіе цвѣта измѣнялись, ближайшія горы принимали темно-синіе оттѣнки, дальнія горы покрывались золотистою мглою. Въ то же время надъ этимъ озеромъ раскидывался необъятный куполъ нѣжно-голубаго цвѣта съ яркими золотисто-желтыми хлопьями облаковъ, какъ бы комки пурпуровой краски на полотнѣ геніальнаго, но небрежнаго художника. Озеро это носитъ названіе у монголовъ и калмыковъ золотаго озера. Поводомъ къ этому названію послужилъ слѣдующій миѳъ. Когда-то на это пустынное озеро зашелъ человѣкъ; онъ былъ голоденъ, искалъ пищи, искалъ людей, но людей не было; въ рукахъ этого человѣка былъ огромный кусокъ золота, но золото было безполезно въ этой пустынѣ и онъ не могъ на него купить нѣсколькихъ зеренъ ячменя. Тогда этотъ голодный человѣкъ, понявъ все безсиліе металла и доведенный до отчаянія, въ бѣшеной злобѣ бросилъ драгоцѣнный кусокъ въ темныя волны глубокаго озера и проклялъ его.

Алтайскія озера чрезвычайно красивы. Подобно Телецкому, въ Катунскомъ хребтѣ находится оз. Язевое, съ котораго открывается видъ на бѣлуху «Сибирскій Монбланъ» и оз. Тальменье на высотѣ 5.000 фут. Надъ нимъ возвышаются пики катунскихъ альпъ съ плавающими на нихъ облаками, и все это отражается въ зеркальныхъ водахъ озера. Гельмерсенъ призналъ его однимъ изъ красивѣйшихъ озеръ въ мірѣ. Въ предгоріяхъ Западнаго Алтая славится также Колыванское озеро, близъ Колыванскаго завода. Окруженное причудливыми склонами и утесами разрушающаго гранита, оно привлекаетъ путешественниковъ своей романтической обстановкой. Заменитый геологъ Щуровскій посвятилъ ему слѣдующую характеристику:

«Чѣмъ болѣе вступалъ я въ этотъ гранитный хаосъ, тѣмъ скалы становились круче, громаднѣе, тѣмъ болѣе располагались рядами, раздѣленными между собою весьма глубокими и лѣсистыми долинами. Вершины горъ покрыты сосною и березою, а склоны ихъ и самыя долины поросли рябиною, черемухою, акаціею, жимолостью и другими кустарниками. Спускаясь нѣсколько разъ въ такія лѣсистыя долины и поднимаясь на крутизны, я

въѣхалъ, наконецъ, на одну возвышенность, съ которой открылось предо мною очаровательное зрѣлище.

«Колыванъ-озеро, какъ огромное круглое зеркало, лежало въ весьма фантастической рамѣ, между самыми живописными гранитными скалами. Безъ всякаго преувеличенія, найдете тутъ всевозможныя сравненія съ древними замками, съ развалинами готическихъ зданій, съ падающими башнями, со многими искусственными произведеніями, съ нѣкоторыми животными и человѣческими фигурами. При первомъ взглядѣ на Колыванъ-озеро, на эту величественную картину, невольно обращается къ нему все вниманіе. Перебѣгая взорами отъ одного предмета къ другому, ни на чемъ не можешь остановиться; хотѣлось бы однимъ разомъ все впечатлѣть въ своей памяти. Я долго стоялъ въ какомъ-то восторженномъ безмолвіи на берегу озера, прислушиваясь къ шуму и плеску волнъ. Было довольно вѣтрено; волны непрерывно неслись къ берегу и съ пѣною расшибались о гранитный утесъ, у подошвы котораго я любовался картиною» [1]). Знаменитый геологъ, превратясь въ поэта, припомнилъ здѣсь стихотвореніе «Утесъ» Баратынскаго, которое и привелъ послѣ своего описанія.

Послѣ описанія романтическихъ и живописныхъ мѣстностей Алтая намъ остается перейти къ болѣе суровымъ и дикимъ хребтамъ его, которые достигаютъ болѣе значительной высоты и переходятъ за снѣжную линію. Эта снѣговая линія для Алтая признается равной 2.377 метрамъ или 7.800 ф. До этого предѣла достигаетъ, какъ мы указали, Холзунъ, Коргонскія горы, Катунскій хребетъ, Чуйскіе Альпы и нѣкоторые пики Телецкихъ горъ [2]).

Къ югу отъ Телецкаго озера начинается рядъ хребтовъ и среди нихъ прорываются двѣ горныя рѣки—Чулышманъ и Башкаусъ. Здѣсь совершили когда-то путешествіе Чихачевъ, Бунге и друг. Мы передадимъ впечатлѣніе этой природы, полученное во время нашего путешествія въ Алтаѣ. Долина Чулышмана окружаетъ путешественника видами дикой и эффектной горной природы. Надъ цвѣтущей долиной высятся отвѣсные хребты съ крутыми скалами и нависшими камнями. Дно долины усыпано осколками скалъ, слетѣвшихъ съ огромной высоты и лежащихъ подобно головамъ чудовищъ. Чулышманская долина верстъ на 30 довольно пространна, но далѣе рѣка бѣжитъ въ узкомъ ущельи, въ которомъ приходится пробираться среди скалъ и камней, лѣпясь по узкой тро-

---

[1]) Путешествіе Щуровскаго.

[2]) Подъемъ на гору Алтынъ-Тау, возвышающуюся надъ Телецкимъ озеромъ, далъ высоту по нашему измѣренію 7.920 ф. надъ уровнемъ моря.

пинкѣ обрывовъ. Рѣка бѣжитъ здѣсь съ бѣшенымъ шумомъ, ворочая огромные камни; части скалы подходятъ къ самой водѣ, образуя арки, и тогда приходится проходить подъ каменными сводами, подъ которыми несется рѣка. Таковъ, напр., проходъ Тугая. Горные потоки затрудняютъ переправы, а рѣки переходятъ въ бродъ. Чтобы понять быстроту теченія этихъ рѣкъ, надо представить, что вершины ихъ находятся на высотѣ 7.000 ф., а устье 2.000 ф. Плато переваловъ въ этихъ мѣстахъ представляетъ иногда голую каменистую пустыню; на ней леденитъ холодъ, около нея выдвигаются снѣжные непривѣтные пики; среди этой пустыни встрѣчаются только одинокіе *обо*—жертвенники алтайцевъ за благополучный переходъ черезъ горы. Это груда одинокихъ камней съ сухими воткнутыми вѣтвями, увѣшанными лентами, которыми играетъ осенній вѣтеръ. Непривѣтны эти суровыя выси; но кто поднимался въ бѣлки, то-есть, къ лежащимъ пятнамъ снѣга, тотъ иногда внезапно бывалъ вознаграждаемъ около этихъ снѣговъ полянами самой нѣжной зелени и купами цвѣтовъ, состоящихъ изъ чудныхъ фіалокъ, альпійскаго мака и пышной венериной колесницы, aqiulegia glandulosa. Иногда здѣсь же разцвѣтаетъ rododendron dauricum, альпійская роза, питаемая ледяными ручьями. Это была весна, перенесенная въ сосѣдство зимняго поля, жизнь среди окружающей смерти, цвѣты, разцвѣтшіе въ ледяномъ сердцѣ природы.

Другой видъ снѣжныхъ горъ представляется изъ долинъ. Снѣговыя горы Чуйскаго хребта составляютъ контрастъ той свѣжей зелени, которая окружаетъ долину Курая. Вы видите бѣлую пелену снѣговъ на горизонтѣ, но не ощущаете холода—мягкая и теплая нѣга воздуха окружаетъ васъ. Чуйскій хребетъ достигаетъ высоты 9.000 ф., поднимаясь далеко за предѣлы снѣжной линіи. Рѣки, выходящія здѣсь, какъ Чаганъ-Узунъ, имѣютъ молочный цвѣтъ и напоминаютъ рѣки, берущія начало въ ледникахъ. Очень можетъ быть, что здѣсь находится глетчеръ, который еще не открытъ. Когда вы спускаетесь въ долину Кара-Кема или Тополевки изъ чуйскихъ снѣговъ, на васъ вѣетъ снова теплomъ южной долины. Долина имѣла цвѣтущій характеръ: береза, тополь, черемуха, сибирская облепиха тѣснились по берегамъ. Вы стоите среди роскошныхъ тополей, теплая ночь съ синимъ небомъ сіяетъ надъ этой долиной.

Аргутъ или Архытъ представляетъ бурную рѣку, прорывающуюся чрезъ Катунскій хребетъ. Крутые берега Архыта съ отвѣсными скалами извѣстны въ географіи Сибири подъ именемъ *аргутскихъ пропастей*. Рѣка здѣсь прорывается въ глубокомъ ущельѣ; она состоитъ изъ сплошной бѣлой пѣны и громъ ея по-

добенъ раскатамъ отдаленнаго грома. Аргутъ, вытекая изъ Сайлюгемскаго хребта, отдѣляетъ Чуйскіе и Катунскіе Альпы. На западъ отъ Аргута уже видны были два пика ослѣпительной бѣлизны вѣчныхъ снѣговъ. Снѣга эти спускались въ долину какъ бы бѣлая мантія и образовывали ледники. Изъ нихъ съ шумомъ разливались молочныя воды двухъ рѣкъ, Котуни и Берели, одной—составляющей начало Оби, другой—впадающей въ Бухтарму, составляющей систему Иртышскаго бассейна. По тригонометрическому измѣренію Геблера, эта гора поднимается до 11.000 ф. или, какъ полагалъ Гумбольдтъ, до 10.300 ф., слѣдовательно, выше Этны и немного ниже пика Ету (Hetou) или Маладетто, самой высокой вершины въ Пиринеяхъ. Снѣжные резервуары этой огромной горы давали питаніе двумъ могучимъ рѣкамъ, двумъ жиламъ, прорѣзавшимъ огромный континентъ Сибири и простершимся отъ границъ Китая до Ледовитаго океана.

Если швейцарскіе Альпы ежегодно посѣщаются массой путешественниковъ и ученыхъ, то наши Альпы посѣщаются весьма рѣдко. Геблеръ описалъ ихъ въ 1830 г.; мы посѣтили глетчеры въ 1880 г. Мы позволимъ себѣ привести краткое описаніе и передать впечатлѣніе, вынесенное нами на сибирскомъ Монбланѣ. Къ Берельскому леднику мы прошли съ р. Кокъ-су и, поднявшись на высоты, встрѣтили прекрасное альпійское озеро Коксунское на высотѣ 6.829 ф.

Приблизясь къ истокамъ Берели, мы увидѣли прежде всего гигантскую морену. Она представляла валъ, саженъ въ 10 вышины; Берель пробивала путь черезъ нее; выше лежалъ темный и грязный ледникъ, заваленный позднѣйшими моренами. Снѣгъ и остатки лавинъ находились по бокамъ ледника и спускались въ долину. Ледникъ принималъ сѣверо-западное направленіе. Проѣхавъ далѣе, мы увидѣли, что позади старой морены выходили два глетчера изъ ущелья справа и слѣва; они шли ограниченные моренами, которыя составляли значительные валы по бокамъ; при соединеніи ледниковъ шла средняя морена, образуя огромную насыпь и сливаясь со старой. Въ ущельи видны были сходившіеся ледники и выступы скалъ, обильно покрытые снѣгомъ; они находились на сѣверо-зап. (NW.); снѣгъ сыпался въ ущелье по уступамъ и проходилъ по расщелинамъ; на сѣв.-вост. (NO.) лежалъ болѣе пологій ледникъ. Подвинувшись по плоскогорью, рядомъ съ ледникомъ намъ открылся видъ на боковую часть морены и главный выходъ Берельскаго ледника, какъ и восточнаго его спутника. Весь ледникъ представлялся въ боковомъ фасадѣ; передняя морена казалась выдвинутой полукругомъ; по сторонамъ шли крутыя осыпи.

Ледникъ на значительное разстояніе, почти до половины его теченія по долинѣ, былъ покрытъ камнями и дресвой сѣраго цвѣта хлористаго сланца, господствующей породы; на немъ видны были трещины по направленію движенія и необыкновенно характеристичныя полосы, идущія дугами по снѣжной полосѣ, выражавшія скорость движенія у краевъ и на серединѣ.

Позиція для изученія положенія ледника была здѣсь весьма выгодная. Повидимому, здѣсь было четыре морены. Двѣ у праваго края составляли возвышенную насыпь съ крутымъ боковымъ паденіемъ; вторая составляла возвышенную дорожку подлѣ первой, третья лежала почти посрединѣ ледника, идя насыпью и потомъ образуя постепенно концентрическія полосы и дуги, распространяясь по снѣжному полю; четвертая, боковая, была подобна первой. Вся поверхность была усѣяна камнями. Къ выходу ледника видны были также трещины, косвенныя, почти продольныя; они шли параллельно ближайшимъ трещинамъ восточнаго рукава ледника, изрѣзаннаго поперечными трещинами.

Боковые ледники и ледопады упадали съ вершинъ главнаго хребта, отдѣляющаго Катунь отъ Берели. Вершина хребта обильно была покрыта снѣгомъ, который лежалъ, нависши надъ скалами шапками. Вблизи съ ближайшихъ скалъ, громоздившихся впереди ледника, мы замѣтили ручьи, вытекавшіе иногда изъ впадинъ, или цирковъ, наполненныхъ снѣгомъ, издали кажущихся бѣлыми пятнами среди скалъ. Восточный ледникъ имѣлъ болѣе пологое и ровное паденіе. Высота Берельскаго ледника была 7.450 ф. Долина Берели на высотѣ 6.260 ф.

Срисовавъ планъ и видъ ледника, около 5 часовъ вечера мы вышли на морену восточнаго ледника, спустясь на нее съ боковыхъ возвышеній.

Горя нетерпѣніемъ видѣть ледники съ высотъ въ общей панорамѣ, отправивъ спутниковъ по долинѣ, я поднялся верхомъ на хребетъ между Берелью и Катунью.

Всѣ склоны были покрыты огромными альпійскими травами, отчасти уже пожелтѣвшими; не смотря на то, мы встрѣтили здѣсь альпійскую астру, дикій лукъ и множество прекрасныхъ фіалокъ; мѣстами виднѣлись даже бѣлые цвѣты земляники. По склонамъ въ Берель бѣжали ручьи. Среди травы видны были тропинки и дорожки, продѣланныя медвѣдями, которыхъ здѣсь множество. По мѣрѣ подъема долина открывалась во всей ширинѣ; бѣлою молочною лентою по ней извивалась Берель. На лѣвой сторонѣ склоны были опушены синимъ лѣсомъ, въ вершинѣ видны были горы,

Язевое озеро въ Алтаѣ и видъ на Бѣлуху.

покрытыя пятнами снѣга, превращавшіяся далѣе въ снѣжные хребты; надъ долиной носился альпійскій орелъ.

Съ перевала я увидѣлъ во всей ширинѣ долину Катуни и рядъ ледниковъ, падавшихъ съ величественной Бѣлухи, царящей надъ другими горами. По ней проносились бѣлыя облака. Только на мгновеніе показывались вершины пиковъ изъ облаковъ, даже тогда, когда кругомъ сіяло голубое небо. Вершина Бѣлухи была отъ меня, приблизительно, верстъ за десять, но весь ледникъ казался въ перспективѣ какъ бы версты за двѣ. Въ трубу я могъ видѣть различныя подробности.

Когда я присоединился къ каравану, мы пошли по правому берегу Берели. Путь былъ каменистъ и мѣстами лѣсистъ, вѣтви хлестали насъ по лицу, лошади спотыкались на грудахъ камней; такъ мы подвигались къ верховьямъ. Версты за три до истоковъ рѣки изъ ущелья слѣва выходила горная рѣчка, впадающая въ Берель, около которой версты на $1^1/_2$ тянулось плоскогорье. По описанію Геблера мы догадались, что здѣсь знаменитый изслѣдователь искалъ базиса для геодезическихъ измѣреній.

Катунскій ледникъ отдѣляется хребтомъ отъ Берельскаго. Перевалъ лежалъ, по нашему измѣренію, на высотѣ 7.172 ф. Двѣ бѣлоснѣжныя вершины Бѣлухи, катунскіе столбы, какъ и ледяное море, спустившееся въ долину, были счастливо открыты для насъ во все время наблюденія.

Два снѣжные конуса Бѣлухи соединялись поперечнымъ хребтомъ, какъ бы мостомъ, покрытымъ снѣгомъ, съ котораго спускались глетчеры. Отъ поперечнаго хребта отдѣлялась огромная стѣновидная скала, какъ перегородка, раздѣлявшая ледникъ на два потока. Между этою скалою глетчеръ выходитъ двумя воротами при весьма крутомъ паденіи, образовывавшемъ огромные ледопады. Далѣе ледникъ принималъ наклонное и менѣе отвѣсное положеніе, образуя ледяное поле, расположившееся въ долинѣ. Это было огромное отъ 300 — 400 саж. ширины mer de glacé сибирскаго Монблана. На немъ рѣзко обозначались даже издали 4 длинныя морены — двѣ среднихъ и двѣ крайнихъ, въ концѣ морены, разсыпавшись по леднику, покрывали его грязнымъ налетомъ; у подножія его лежали гигантскія насыпи старыхъ моренъ. При дальнѣйшемъ изученіи мы увидѣли, что ледникъ, обогнувъ поперечный скалистый гребень, падалъ съ запада двумя рукавами, пробиваясь среди скалъ; изъ-за западнаго шпиля выходилъ боковой глетчеръ съ крутымъ ледопадомъ и огромными моренами; движеніе этого бокового глетчера образовало среднюю морену на главномъ полѣ, какъ слитіе восточнаго и западнаго ледниковъ обра-

зовало другую среднюю морену. На западной сторонѣ между двумя острыми шпилевидными скалами лежалъ еще снѣжный резервуаръ, который соединялся съ долиною ручьемъ. Восточный ледникъ представлялъ котловину и принималъ на сѣв.-в. новый ледникъ. Такимъ образомъ мы насчитали до 6 рукавовъ, снабжавшихъ главный глетчеръ. У скалистой поперечной стѣны, которой мы достигли на другой день, сходились три главные ледопада.

Приблизясь къ леднику, мы прежде всего увидѣли впереди главной морены, саженяхъ въ 20-ти, холмъ въ 6 саж. изъ камней и щебня, подобно острову, покрывающемуся пихтами и вереском, который огибала Катунь, выходя изъ ледника съ лѣвой стороны. Холмъ этотъ доказываетъ, что когда-то Катунскій глетчеръ былъ гораздо длиннѣе. По догадкѣ Геблера, видимый холмъ былъ остатокъ старой смытой морены.

Перейдя рядъ этихъ старыхъ моренъ, мы поднялись на позднѣйшій валъ, покрытый щебнемъ, осколками и глыбами острыхъ камней. Подъ ними обнаруживалась мощь ледника саж. въ 15 толщины. Конецъ его былъ покрытъ грязью и камнями; онъ представлялъ мѣстами размытыя и растрескавшіяся массы льда, перемѣшанныя съ грязью и обломками камней. Повсюду журчали ручьи, въ которые по временамъ сваливались камни и цѣлыя глыбы съ бульканьемъ и шумомъ. Видно, что въ области таянія ручьи эти производили разрушительное дѣйствіе. Они, разрѣзывая ледникъ вдоль, затѣмъ уже на немъ образовывали поперечныя трещины по мѣрѣ напора сверху и тогда куски тающаго льда отваливались и падали въ струящіеся около нихъ потоки. Такіе обвалы были весьма значительны; они состояли изъ огромныхъ глыбъ. Наканунѣ люди мои, приблизившись изъ любопытства къ леднику и случайно бывъ свидѣтелями подобнаго обвала, пришли въ ужасъ и бѣжали съ ледника. Осколки ледниковыхъ глыбъ не могли разомъ исчезнуть и на концѣ ледника совершалось постепенное ихъ таяніе. Это таяніе оставляло грязь, сопки, насыпи и куски щебня, изъ которыхъ образовывалась морена. Таяніе избороздило конецъ ледника самыми причудливыми пещерами, сводами и холмами. Пройдя нѣсколько шаговъ по насыпямъ и оторваннымъ глыбамъ, мы не могли не залюбоваться на истоки Катуни. Одна изъ ледяныхъ глыбъ лежала огромнымъ сводомъ, подъ арками котораго выбѣгала Катунь, со сводовъ струилась вода, у подножія лежали обломки камней и льда; рѣка въ видѣ ручья пробивалась здѣсь подъ ледникомъ изъ темной щели. Этотъ исходъ Катуни изъ-подъ арки находился въ 600 арш. (200 саж.) отъ на-

чала моренъ Своды ледника постоянно разрушаются въ теченіи лѣта. Мы застали въ концѣ августа наибольшее разрушеніе ихъ. Катунь текла изъ-подъ ледника; въ другое время надъ нею существуетъ цѣлая ледяная пещера, въ которую, по увѣренію охотниковъ, свободно заходятъ табуны мораловъ. Другая вѣтвь Катуни пробивала себѣ дорогу сверху черезъ трещину вдоль ледника и низвергалась каскадомъ черезъ ледъ въ темную впадину и затѣмъ уже вилась бѣлою лентою окрашенныхъ моренами водъ по долинѣ. На протяженіи ледника, саж. 300 отъ начала, находились огромные ледяные столы съ огромными камнями, наклоненные большею частью къ ю.-в. Ледниковое поле (mer de glacé), шириною въ 640 и 853 метра, тянулось до 4 верстъ; ледникъ представлялся выпуклымъ, въ полосѣ таянія его появились ручьи, фонтаны, воронкообразные колодцы, соты, трещины, открывавшія строеніе льда чуднаго зеленоватаго и голубаго цвѣта.

Высота глетчера при сліяніи двухъ ледниковъ 4 в. отъ начала была 8.520 фут.; на самомъ ближайшемъ разстояніи мы могли осмотрѣть вздымающіяся передъ нами двѣ снѣжныя сопки Бѣлухи, ея характеристичные рога, лежавшіе версты за двѣ отъ насъ. Восточный рогъ былъ нѣсколько овальнѣе и ниже: на немъ видны были утесистые обрывы, на которыхъ не могъ держаться снѣгъ и происходили снѣжные обвалы. Западный—былъ чистымъ снѣжнымъ конусомъ; снѣгъ, спускаясь съ вершинъ, имѣлъ мѣстами поперечные разрывы. На склонахъ выступали острыя скалы, между которыми глетчеръ пробирался «ледяною змѣею». Отъ 2 роговъ ледникъ шелъ тремя рукавами, представляя до слитія съ главнымъ русломъ гребня множество ледопадовъ. Мы стояли теперь у ихъ подножія. Эти ледопады располагались по правую и лѣвую сторону у гребня. Паденіе ихъ представляло неправильныя ступени и ребра причудливо нагроможденнаго снѣга и льда; они казались бѣлоснѣжными сверху и на бокахъ окрашивались зеленоватыми оттѣнками. Цѣлые столбы, башни, пирамиды и обелиски изъ льда громоздились здѣсь. Эти гигантскія постройки висѣли на склонахъ и временами падали съ потрясающимъ шумомъ. Ледникъ оглашался тогда какъ-бы пушечнымъ выстрѣломъ отъ паденія глыбъ льда.

Что касается вынесеннаго ощущенія, то оно надолго запечатлѣвается въ душѣ. Посѣщеніе европейскихъ ледниковъ оставило въ литературѣ блестящія страницы. Оно вдохновляло какъ ученыхъ, такъ и поэтовъ. Тиндаль сравнилъ ледникъ съ мерзлой змѣей, расколовшей гору, Лонгфелло — съ гигантской перчаткой. Мы были поражены сочетаніемъ красокъ, цвѣтовъ, удивлены мощью слоевъ этого льда и величиною камней, двигающихся съ ледника. Когда мы ходили

по глетчеру, мы слышали шумъ обваловъ, потрясавшихъ ледникъ, трескъ льда, паденіе камней въ глубокія бездны и шумъ ручьевъ. Эти шумы и раскаты падающихъ массъ льда и снѣга, какъ и обрушавшихся сводовъ, вызывали крики неподдѣльнаго испуга у нашихъ проводниковъ киргизовъ. Но при всемъ ужасѣ этотъ ледникъ стоялъ прекраснымъ, блистая то ослѣпительной бѣлизной вершинъ, то голубою нѣгою красокъ, то сверкая красными фирновыми полями. Онъ былъ полонъ своей заколдованной жизни и приковывалъ человѣка, гордо вздымая снѣжныя вершины, по которымъ плавали въ чудныхъ очертаніяхъ такія же горделивыя облака.

Въ заключеніе мы должны указать, что Алтай прорываетъ нѣсколько рѣкъ и главная, Катунь, вытекая изъ ледниковъ и соединяясь около города съ Біей, вытекающей изъ Телецкаго озера, образуетъ Обь. Алтайскіе инородцы называютъ Бію мужчиной (Бій), Катунь (хатунъ) значитъ женщина. Женщина хотѣла перебѣжать мужчину, тогда онъ пересѣкъ ей дорогу. Такова алтайская легенда. Двѣ эти бурныя горныя рѣки, выходя изъ скалъ, какъ двѣ кипучія жизни, наконецъ, сливаются въ одинъ тихій и спокойный потокъ.

Съ запада Алтай прорываетъ Иртышъ и несется съ страшной быстротою среди скалъ отъ Бухтарминска къ Устькаменогорску на 120 верстъ. Горы, поднимающіяся здѣсь, столь же живописны, какъ на Рейнѣ между Бингеномъ и Бонномъ, или на Эльбѣ между Лоботцемъ и Течиномъ [1]). Долины другихъ алтайскихъ рѣкъ также значительны. Долина Бухтармы 280 в. и превосходитъ, слѣдовательно, вдвое продольныя долины европейскихъ альпъ, Вогезскую и Верхне-рейнскую. Весьма значительны также долины Чарыша и Кокъ-су отъ 140 до 210 в., какъ и долина Чуи. Отъ Бійска идетъ по этой рѣкѣ трактъ въ Монголію и Кобдо. Онъ тянется по берегу Катуни до Ангудая, затѣмъ переходитъ на Чую. Здѣсь, однако, путь возможенъ только вьючный, такъ какъ на этой рѣкѣ 19 бомовъ, или утесовъ, загораживающихъ дорогу. Дѣлались нѣсколько разъ изслѣдованія, чтобы устранить эти препятствія и разработать дорогу. На это требовалась даже небольшая сумма въ 90.000 р., но до сихъ поръ это не осуществлено и путь остается съ такими же затрудненіями. Всѣ другія дороги въ Алтаѣ, исключая восточной стороны за Катунью, изрѣзаны уже колесными дорогами.

Значительная часть Сѣвернаго Алтая нынѣ заселена русскими

[1]) Дополн. къ IV т. Землевѣдѣнія Азіи Риттера, Семенова и Потанина.

волостями и въ ней до 50.000 жителей. Югъ и западъ Алтая заняты инородческими поселеніями и пастбищами кочевниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что русская колонизація обниметъ Алтай и займетъ лучшія мѣста Сибирской Швейцаріи. Богатая, тучная почва, лѣса, прекрасное орошеніе, минералогическія богатства, желѣзо, свинецъ, серебро и золото, каменный уголь—все, казалось, соединяется здѣсь для обогащенія человѣка, для развитія промысловъ и для кипучей промышленной жизни, высокаго благосостоянія населенія, и потому нельзя не предсказать этому району самую блестящую будущность.

ГЛАВА II.

Естественныя и географическія условія Сибири.

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ.

Орографія и строеніе.—Горы Восточной Сибири.—Саянскій хребетъ.—Теченіе Енисея.—Минусинскій округъ и его характеръ.—Хлѣбная производительность.—Флора и фауна.—Дорога отъ Красноярска къ Иркутску.—Большой трактъ Сибири.—Прибайкальская мѣстность.—Ангара, вытекающая изъ Байкала.—Теченіе Ангары.—Озеро Байкалъ, его характеръ лѣтомъ и зимою.—Флора и фауна около Байкала.—Кругобайкальская дорога.—Забайкалье, его характеръ и значеніе въ будущей торговлѣ на границѣ Китая.

Совершенно иной характеръ, чѣмъ Западная Сибирь, представляетъ рельефъ Восточной Сибири. Мѣстность рѣзко измѣняется на границахъ Маріинскаго и Ачинскаго округовъ, гдѣ начинается гористая мѣстность, покрытая темными лѣсами. Въ Енисейской губерніи Саянскій хребетъ, выступающій съ юга вслѣдъ за хребтомъ Танну-Ола, гдѣ находятся истоки Енисея, выдвигается далеко сѣвернѣе Алтая и находится на параллели кузнецкаго Алатау, занимая границу въ видѣ подковы. Изъ своего центра хребетъ пускаетъ массу отроговъ, которые распространяются къ сѣверу по всѣмъ протокамъ Енисея и лѣвому берегу Тунгуски, отроги горъ заходятъ далѣе 60° и придаютъ всему пространству видъ горной страны. Енисей, выходя изъ Саяновъ, прорѣзываетъ горы и течетъ въ горахъ и тѣснинахъ среди красивыхъ скалъ, которыя придаютъ особую прелесть берегамъ между Красноярскомъ и Минусинскомъ. Саянскій хребетъ соединяется съ Кругобайкальскими горами, занимающими все Забайкалье и охватывающими весь сѣверъ Байкала, а затѣмъ пускающими развѣтвленія до Подкаменной Тунгуски. Среди хребтовъ вырывается изъ Байкала Ангара, какъ бы раздваивая горы, и несется къ сѣверу среди скалъ, образуя нѣсколько пороговъ, которые мѣшаютъ судоходству. Хребты Хангай и Гентей зани-

мають Монголію, и подходять къ Забайкальскимъ горамъ; на сѣверо-востокъ отъ Байкала протягивается до самой Камчатки могучій и грандіозный Яблоновый хребетъ, обнимая все нижнее и среднее теченіе Лены и составляя водораздѣлъ съ Амуромъ, подъ именемъ Становаго хребта, онъ подходитъ къ берегамъ Охотскаго моря, далѣе горы простираются до Чукотскаго носа и проходятъ вдоль всей Камчатки. Все теченіе Амура занято также горами. Какъ на западѣ, такъ и на востокѣ самые высокіе хребты располагаются на югѣ около границъ Китая. Пограничные Саяны достигаютъ высоты 10.500 ф., затѣмъ не превышаютъ 7.000 ф. Только на южномъ склонѣ, въ китайскихъ предѣлахъ, находится Мангу-Сардыхъ съ снѣговой вершиной въ 11.000 ф. Байкальскія горы не превышаютъ высоту 7.000 ф. Становой хребетъ также не отличается особенной высотой (средняя высота 4.500 и 5.000 ф.), рѣдкія горы поднимаются выше древесной растительности и только высочайшая вершина сопки Сахондо доходитъ до 8.000 ф. За то всѣ эти горы имѣютъ самое широкое распространеніе и пространства между горными системами составляютъ возвышенныя плоскогорья. Только на сѣверѣ Енисейской губерніи подъ 60°, а въ Якутской области даже подъ 68° мы видимъ болѣе рѣзкое пониженіе къ морю и подобіе равнинъ, по которымъ несутся болѣе свободно и широко Енисей [1]) и Лена. Весь континентъ Восточной Сибири болѣе поднятъ, и Крапоткинъ утверждаетъ, что даже дно долинъ большихъ рѣкъ, орошающихъ плоскогоріе Восточной Сибири, лежитъ на высотѣ отъ 2.000 до 3.000 ф. надъ уровнемъ океана. При такомъ характерѣ мѣстности самыя климатическія условія измѣняются: природа нѣсколько суровѣе, а хребты долго задерживали сплошное распространеніе населенія.

Наиболѣе привлекательными мѣстностями и болѣе мягкими по климату, гдѣ ютится нынѣ населеніе, должны быть признаны мѣста къ югу отъ большаго сибирскаго тракта, а именно Ачинскій, Минусинскій округъ Енисейской губерніи, Канскій, Нижнеудинскій, затѣмъ Балаганскій, Иркутскій округъ, все Забайкалье, отличающееся цвѣтущей природой, и наконецъ, часть Амура около Благовѣщенска и по берегамъ Уссури.

Восточная Сибирь, какъ и Западная, распространяясь отъ китайскихъ предѣловъ съ юга къ сѣверу, представляетъ также цѣлый рядъ измѣняющихся по характеру и климату мѣстностей, начиная отъ южныхъ степей Минусинскаго края, имѣющихъ ха-

---

[1]) Енисей расширяется отъ впаденія Подкаменной и Нижней Тунгуски и у устья достигаетъ 60 в. ширины.

рактеръ Алтайскихъ и Чуйскихъ долинъ, отъ травянистыхъ степей Забайкалья, продолжая переходомъ къ горамъ, наконецъ, вступая въ лѣсную полосу средней и сѣверной Сибири и измѣняясь къ Полярному кругу, гдѣ раскидываются еще болѣе обширныя пространства тундръ, чѣмъ на западѣ Сибири.

Если мы представимъ себѣ огромное пространство суровыхъ полярныхъ пустынь, между теченіемъ Оби и Енисеемъ и далѣе между Енисеемъ и Леной, а также до Чукотскаго мыса, пространство, лежащее между 60° и 78° сѣверной широты и простирающееся съ запада на востокъ между 40° и 160° восточной долготы, т.-е. на 120°, мы можемъ вообразить, какая часть почти мертваго пространства приходится на долю Сѣверной Азіи. Исключая этихъ непривѣтныхъ тундръ, пространство Сибири представитъ намъ полосу на 10° съ юга на сѣверъ, дѣйствительно представляющую всѣ удобства для жизни съ мягкимъ климатомъ.

Мы не будемъ, поэтому, касаться подробно описанія сѣверныхъ тундръ. Описаніе ихъ можно найти въ путешествіи Миддендорфа на сѣверо-востокъ Сибири; но коснемся наиболѣе обитаемыхъ мѣстъ Восточной Сибири, гдѣ ютится русское населеніе. Главный трактъ тянется отъ Томска на востокъ чрезъ Ачинскъ, Красноярскъ, на Канскъ и Нижнеудинскъ по направленію къ Иркутску и озеру Байкалу. Вся эта мѣстность представляетъ постепенный подъемъ. Отъ Томска къ Ачинску по дорогѣ идетъ уже волнистая мѣстность. Между Маріинскомъ и Ачинскомъ протекаетъ Чулымъ, самый восточный притокъ Оби, и на границѣ губерніи тянется водораздѣлъ двухъ огромныхъ бассейновъ. Къ сѣверу и югу по обѣ стороны дороги виднѣются горы, покрытыя лѣсами и уходящія въ безконечную даль. Отъ Ачинска мѣстность становится все гористѣе и подъ Красноярскомъ выступаетъ живописный горный пейзажъ, какого вы не встрѣчаете въ Западной Сибири, исключая Алтайскаго юга. Около Красноярска поднимаются настоящія сопки, а около города высятся скалы, изъ которыхъ одна, синѣющая обнаженными вершинами, «Токмакъ» обращаетъ особое вниманіе. Енисей, вырвавшись изъ скалъ, представляетъ здѣсь значительный разливъ; но онъ такъ быстръ и весной такъ грозенъ, что постройка моста затруднительна и переправа совершается на оригинальныхъ плашкоутахъ, т.-е. паромъ находится прикрѣпленнымъ въ срединѣ рѣки на цѣпяхъ и, совершая круговое движеніе, подходитъ то къ одному, то къ другому берегу, влекомый теченіемъ. Отъ Красноярска къ Минусинску теченіе Енисея особенно живописно; вы плывете какъ по Рейну: высокія скалы и горные обрывы выступаютъ предъ

вами; иногда все это смѣняется сопками, зелеными островами и синѣющею панорамою горъ, уходящихъ въ даль. Противъ устья р. Черной возвышаются скалы на подобіе башни; неподалеку отъ нея дымится пещера. Около дер. Лешинской (165 в. отъ Минусинска), въ уступахъ горы надъ соленымъ озеромъ видны какъ бы развалины готическаго дворца. Это причудливое строеніе скалъ украшаетъ дикіе берега Енисея, придавая имъ иногда фантастическій видъ. На нѣкоторыхъ скалахъ, висящихъ надъ рѣкою, древніе народы, обитавшіе здѣсь, начертили рисунки, извѣстные у археологовъ подъ именемъ «енисейскихъ писаницъ». На этихъ рисункахъ изображаются животныя, люди и цѣлыя бытовыя сцены [1]). Между притоками Оби, Чулымомъ, Томью и южнымъ теченіемъ Енисея тянется рядъ хребтовъ Алатау и Абаканскаго; сѣверное продолженіе Алатау носитъ названіе Урала, какъ бы напоминая Уральскій хребетъ, отдѣляющій Восточную Сибирь отъ Западной. Перевалы съ Абакана къ Томи представляютъ пустыню, гдѣ нѣтъ дорогъ и могутъ проходить только инородцы, и которая недавно весьма посѣщается путешественниками (геологъ Чихачевъ прошелъ здѣсь изъ Алтая. Мѣстности эти изслѣдованы обстоятельно А. В. Адріановымъ и по Абакану экспедиціей Клеменса). Истоки Абакана на высотѣ 8.000 ф., а перевалы въ Саянскѣ изъ Томской губ. до 10.564 в. высоты (Шапталъ). Въ 1886 г., посѣтивъ Минусинскій округъ, въ 100 в. отъ Минусинска въ вершинахъ Узунджула мы наблюдали высоты горъ, раздѣляющихъ Томскій бассейнъ отъ Уйбата. Здѣсь видѣлись на водораздѣлѣ синѣющія лѣсами горы, въ поднимающемся амфитеатрѣ горъ сверкали вершины, покрытыя бѣлыми пятнами не стаявшаго снѣга. Густая и богатая растительность устилала альпійскія долины, покрытыя цвѣтами саянской флоры, среди которой обращалъ вниманіе сгустившійся здѣсь въ луга швейцарскій edel-weis, прекрасный альпійскій цвѣтокъ. Около Минусинска начинается степная мѣстность. Къ границѣ Енисей вырывается изъ ущелій, рѣка мчится быстрѣе и русло образуетъ нѣсколько пороговъ. Плаваніе по рѣкѣ встрѣчаетъ значительныя препятствія. Пороги, однако, не представляютъ такихъ затрудненій, какъ ангарскіе. Плоты, нагруженные до 1.000 пуд., проходятъ чрезъ всѣ пороги безъ перегрузки [2]).

[1]) Рисунки эти занесены у Спасскаго въ Сибирскія древности, сняты г. Савенковымъ, см. также Types de peuples de l'ancienne Asie Centrale. Souvenir de L'Iénisséi. t. 1, Aspelin и его же Antiquités du Nord Finno-Ougriennes. Livr. I, см. также карту Минусинскаго округа Клеменца. Сибирскія древности, изд. Археологической коммиссіи.

[2]) См. Тѣснины Енисея, «Вост. Обозр.», 1890 г., № 14.

Южныя мѣстности Енисейской губерніи и весь Минусинскій край, находясь въ благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, съ богатой ирригаціей Саянскаго хребта, представляетъ цвѣтущую мѣстность, которая можетъ быть названа «Минусинской Швейцаріей».

Вотъ характеристика этой мѣстности, заимствуемая изъ прекраснаго описанія Д. А. Клеменца и драгоцѣнныхъ наблюденій Н. М. Мартьянова.

Низкія долины по берегамъ притоковъ Енисея и склоны горъ этой дикой мѣстности, приблизительно на 1.200 ф. надъ уровнемъ моря, заросли глухими, непроходимыми хвойными лѣсами. На болотистыхъ и влажныхъ почвахъ растутъ ели и пихты; здѣсь же, среди кочекъ на трясинахъ, густыя заросли черемухи, черной и красной смородины. Пологіе скаты горъ, обладающіе тучной почвой, покрыты медленно растущей лиственницей. Это дерево, по твердости превосходящее дубъ, иногда достигаетъ гигантскихъ размѣровъ. Кедры любятъ болѣе берега свѣтлыхъ горныхъ ручьевъ. Здѣсь красиво поднимаются ихъ прямые и стройные стволы, только на вершинѣ несущіе кудрявую корону. Изъ таежныхъ деревьевъ кедръ выше всѣхъ поднимается по горамъ. Въ видѣ отдѣльныхъ экземпляровъ онъ попадается выше пояса лѣсной растительности; но здѣсь внѣшній обликъ его измѣняется совершенно. Онъ не тянется вверхъ, а раздается въ ширину: толстый, неправильной формы стволъ, выступающіе на поверхность земли коренья обвиваютъ и оплетаютъ, словно змѣи, обломки скалъ, непокрытыхъ почвой. Такіе кедры—любимое мѣсто стоянокъ звѣролововъ: ихъ широкія вѣтви даютъ надежную защиту отъ непогоды. Нельзя, говоря о растительности нижняго пояса таежныхъ горъ, умолчать о таежныхъ травахъ. Въ короткое сибирское лѣто онѣ достигаютъ изумительнаго роста: Heracleum barbatum рѣдко бываетъ ниже роста человѣка; бѣлые зонтики его цвѣтовъ не укладываются на большой листъ писчей бумаги, а громадные, красиво разрѣзанные листья пристыдили бы тропическихъ гостей нашихъ оранжерей. Не ниже Heracleum выростаетъ лиловый Aconitum, но гигантомъ таежныхъ травъ нужно признать голубой Delphinium elatum. Его ярко блестящіе колосья голубыхъ цвѣтовъ высоко поднимаются надъ молочно-бѣлымъ покровомъ Heracleum. Всадникъ верхомъ на лошади долженъ поднять руку, чтобы сорвать верхушку цвѣтка. Медвѣдь незамѣтенъ въ такой травѣ, а когда благородный олень пробирается по таежному лугу, только вѣтвистые рога его и верхняя часть головы виднѣются изъ подъ зелени. Къ этимъ растеніямъ надо прибавить еще Paeonia ano-

mala, настоящую розу тайги; ея яркіе цвѣты достигаютъ 4 д. въ поперечникѣ. Выше лѣснаго пояса лежитъ область горныхъ луговъ; здѣсь спорадически встрѣчается кедръ; но настоящими представителями древесной растительности здѣсь являются уже кустарники ивовыхъ, лапландской березы, можжевельникъ, кедровый сланецъ и кашкара, Rhododendron chrysanthum [1]). Выше мы встрѣчаемъ однѣ разбитыя скалы, поросшія мхами и лишайниками.

Горная и лѣсная, или, по-сибирски, таежная область Минусинскаго округа занимаетъ, по соображеніямъ Н. Мартьянова, около $^2/_3$ всего пространства округа. Хотя, какъ мы уже сказали, эта мѣстность только въ немногихъ уголкахъ могла служить для постояннаго жилища человѣка, но она представляла и представляетъ собою непремѣнное условіе существованія звѣроловныхъ племенъ. Только здѣсь находитъ онъ дорогого соболя и бѣлку (первый нынѣ водится только въ восточной части округа), двѣ главныя статьи обмѣна съ сосѣдями, дикаго козла, благороднаго и сѣвернаго оленей и лося, которые служатъ ему пищей. Только въ тайгѣ находитъ онъ съѣдобныя растенія и коренья, какъ, напримѣръ, корни Erythronium dens canis, Lilium marthagon, замѣняющихъ ему хлѣбъ, а также служащіе приправой корни Adenophora Lamarkii и denliculata, Paeonia anomala и др. Здѣсь же растетъ кашкара, Rhododendron chrysanthum, любимое лекарственное средство отъ постудныхъ болѣзней, черемша, Allium victoriale, стебель которой, напоминающій вкусомъ чеснокъ, употребляется въ пищу не только инородцами и сибирскими крестьянами, но и среднимъ классомъ населенія. Кедровые лѣса тайги даютъ орѣхъ, одну изъ видныхъ статей инородческой и крестьянской промышленности въ Сибири.

Хотя средина Минусинскаго округа лежитъ значительно ниже его окраинъ надъ уровнемъ моря, но все-таки высота этой мѣстности довольно значительна. Для характеристики приведемъ нѣсколько абсолютныхъ высотъ, опредѣленныхъ посредствомъ анероида горнымъ инженеромъ Боголюбскимъ, изъ его брошюры «Минусинскій, Красноярскій и Ачинскій округа Енисейской губерніи». Минусинскъ, занимающій центральное положеніе въ округѣ, лежитъ на 1.106,35 футовъ надъ уровнемъ моря. Станція Корелка, на границѣ Минусинскаго и Ачинскаго округовъ, на рѣкѣ Чулымѣ, лежитъ на 1.424,4 фута; эта станція находится неда-

[1]) Восточно-сибирскій рододендронъ—низкій, стелющійся кустарникъ съ блестящими листьями и желтыми цвѣтами. Лекарственное растеніе мѣстныхъ жителей.

леко отъ восточнаго продолженія хребта Кузнецкаго Алатау. Деревня Бородино, одинъ изъ пограничныхъ пунктовъ между степями и лѣсами на с.-з. округа, лежитъ на 2.064,2 фута. Подвинувшись верстъ на 80 къ западу вдоль той же границы между степями и горами, мы находимъ новую опредѣленную точку, Михайловекій пріискъ на р. Узунжулѣ, высота котораго 3.253 фута. Абаканскій заводъ, на р. Абаканѣ, близъ западной границы округа, лежитъ на 2.260 ф. надъ уровнемъ моря. Для восточныхъ предѣловъ степной области мы нашли у г. Боголюбскаго только одну пригодную для нашей цѣли точку, с. Каратузъ на Амылѣ, на высотѣ 1.342,36 ф. Самый низменный изъ 50 приведенныхъ у г. Боголюбскаго пунктовъ, улусъ Усть-Биджа, въ 45 в. отъ Минусинска, лежитъ на высотѣ 1.036,28 фута.

Въ степяхъ восточной половины округа, по правую сторону Енисея, мы встрѣчаемъ мѣстности, напоминающія собою среднюю Россію; здѣсь не рѣдокъ хорошій черноземъ. Открытыя мѣста смѣняются березовыми и осиновыми рощами; на берегахъ рѣкъ растутъ мѣстныя породы тополей, а на склонахъ горъ, на песчаныхъ и супесчаныхъ мѣстахъ, сосна. Лѣса въ этой части округа было прежде гораздо больше, но наплывъ русскихъ колонистовъ, съ половины прошлаго столѣтія, разрѣдилъ ихъ.

Ближе къ Минусинску черноземныя поля перемежаются съ цѣлыми полосами подвижныхъ наносныхъ песковъ. То же самое мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за Тубой. Вообще же правый берегъ Енисея—лучшая часть Минусинскаго округа и наиболѣе заселенная. Неправильный трехугольникъ, лежащій между сѣверными предгорьями Саянъ, лѣвымъ берегомъ Енисея и рѣкою Абаканомъ, называется Абаканской или Кайбальской степью, по имени кочующаго здѣсь народа—койбаловъ. Она суше и непривѣтливѣе правобережной степи. Орошающія ее рѣки, притоки Абакана, Сосъ, Табатъ, Уты, Бея сконцентрированы въ ея юго-западномъ углу. Восточная же ея часть нынѣ совершенно суха. Только небольшая степная рѣчка Калы, да нѣсколько озеръ даютъ ей влагу. Здѣсь уже попадаются солончаки и соленыя озера. Когда-то мѣстность эта имѣла иной видъ. И теперь въ ней найдутся сотни тысячъ десятинъ прекраснаго чернозема. Старые пни толстыхъ лиственницъ, кое-гдѣ уцѣлѣвшія рощицы, рисующіяся темно-зелеными пятнами на блѣдномъ желтовато-зеленомъ фонѣ степи, говорятъ, что когда-то здѣсь было много лѣсу и влаги. То же подтверждаютъ и русла высохшихъ рѣкъ. Цѣлый рядъ на половину высохшихъ озеръ и свойства почвы указы-

ваютъ, что когда-то среди степей находился значительный водный бассейнъ, перерѣзывавшій ее съ ю.-в. на с.-з.

На сѣверѣ Качинскія и Сагайскія степи (такъ называются степи лѣваго берега Абакана) переходятъ постепенно въ горнолѣсной поясъ предгорій Алатау, или же сливаются со степями, орошаемыми рѣками Чулымомъ, Бѣлымъ и Чернымъ Юсами. Чулымъ принадлежитъ уже къ рѣчной системѣ Оби; его истоки, Черный и Бѣлый Юсъ, берутъ начало изъ одного хребта съ рѣкою Томью. Отдѣленныя правительствомъ въ особый округъ, принадлежащія къ другому бассейну, Юсскія и Чулымскія степи составляютъ, по своимъ признакамъ, одно цѣлое съ Минусинскими степями.

Этнографически и исторически онѣ, какъ видно, связаны между собой еще болѣе.

Въ цѣломъ долина южнаго Енисея представляетъ собой одинъ изъ благопріятнѣйшихъ уголковъ Восточной Сибири, и человѣкъ его облюбовалъ съ давнихъ временъ, какъ мѣсто для поселенія. Памятники древности, разсѣянные по всему округу, доказываютъ, что здѣсь былъ самостоятельный мѣстный центръ культуры и, прибавимъ мы, центръ совершенно изолированный. Отъ великаго культурнаго очага древности, Китая, верхній Енисей отдѣлялся цѣлымъ рядомъ степей, населенныхъ кочевниками. Памятники, дошедшіе до насъ отъ древнихъ обитателей Минусинскаго округа, заключаются, во-первыхъ, въ могилахъ, разсѣянныхъ по всему югу Енисейской губерніи, по Сѣверной Монголіи, Алтаю и Западной Сибири; затѣмъ, въ остаткахъ древнихъ сооруженій, земляныхъ валахъ и городищахъ, остаткахъ оросительныхъ каналовъ, каменныхъ изваяніяхъ, статуяхъ, камняхъ съ надписями, скалахъ, покрытыхъ рисунками и надписями, покинутыхъ копяхъ и рудникахъ; кромѣ того, по всему югу Енисейской губерніи постоянно находятъ на пашняхъ, въ сыпучихъ пескахъ, а иногда и при разработкѣ пріисковъ, въ наносныхъ рѣчныхъ отложеніяхъ, древніе бронзовые, желѣзные, золотые, серебряные, а также каменные предметы. Такимъ образомъ югъ Енисейской губерніи съиздавна былъ обитаемъ и нынѣ суждено ему обратиться въ лучшій культурный уголокъ Сибири.

Прибавимъ къ этому свѣдѣнія о хлѣбной производительности Енисейской губерніи. Минусинскій округъ самый богатый по хлѣбной производительности; здѣсь вызрѣваетъ и собирается до 50.600 четв. озимой ржи, 96.022 яровой ржи, до 190.839 четв. пшеницы, до 30.000 ячменя, 270,900 четв. овса. Преобладаніе посѣвовъ пшеницы указываетъ мягкость климата. Въ Ачинскомъ

округѣ уже снимаютъ 71.984 четв. пшеницы, тогда какъ озимой ржи 77.600 пуд. и 64.600 яровой; въ Канскомъ округѣ 41.037 четв. пшеницы, за то 82.932 четв. озимой ржи и 50.800 четв. яровой; въ Красноярскомъ 31.700 яровой пшеницы и 29.400 четв. озимой ржи и 50.800 четв. яровой ржи. Енисейскій округъ, самый сѣверный, производитъ только 12.250 четв. пшеницы и до 42.000 четвертей ржи озимой и яровой. Перейдемъ теперь къ мѣстамъ, тянущимся на востокъ по главному тракту къ Иркутску.

Отроги горъ къ сѣверу умаляются и дорога по Канскому округу проходитъ по степной возвышенной мѣстности. На границѣ Енисейской и Иркутской губерній при переправѣ чрезъ Бирюсу выступаетъ лѣсистая полоса и дорогу окружаетъ тайга. Характеръ природы измѣняется. Жители пріютившихся среди глухихъ лѣсовъ деревень страдаютъ отъ мошки и «звѣря» (т.-е. медвѣдей), лѣсъ здѣсь давитъ человѣка и угнетаетъ, большіе хвойные лѣса подходятъ къ дорогѣ, влажность и сырость господствуютъ кругомъ, дороги топки, что при волнистой мѣстности дѣлаетъ ихъ невыносимыми. Провести здѣсь трактъ на протяженіи 1.500 в. къ Красноярску стоило огромныхъ жертвъ и усилій; дорогу правили десятки лѣтъ, убили массу средствъ, сибирское населеніе служило для поддержанія дороги, дорожная повинность для крестьянъ здѣсь была каторгою. Временами эта главная дорога, при усиліяхъ земской полиціи, приводилась въ порядокъ, но затѣмъ весною потоки таящаго снѣга, дожди и ненастье размывали ея, идущіе обозы разбивали почву и эта дорога приходила въ прежнее первобытное состояніе. Когда поправляютъ дорогу, объѣзды совершаются по болотамъ съ настилкою въ 3 или 4 версты. Подъемы въ горы при топкой и плохой дорогѣ требуютъ невѣроятныхъ усилій. Подъемы и спуски сопровождаютъ весь путь до Иркутска. Усилія властей, земской полиціи состоятъ въ томъ, чтобы постоянно поддерживать эту дорогу въ исправности, но съ послѣдняго времени всѣ усилія, весь непосильный трудъ крестьянъ отступалъ предъ разрушительнымъ вліяніемъ таежной природы.

Отъ Нижнеудинска дорога быстро поворачиваетъ на югъ и вступаетъ въ гористую мѣстность прибайкальскихъ возвышенностей. Благодаря каменистой почвѣ, дорога становится лучше. На пространствѣ между озеромъ Байкаломъ и Енисеемъ среди гористой мѣстности несется Ангара, вытекая изъ Байкала; въ нижнемъ теченіи она принимаетъ названіе Верхней Тунгуски. Это одна изъ оригинальныхъ и поразительно красивыхъ рѣкъ, встрѣчающихся въ Восточной Сибири. При въѣздѣ въ Иркутскъ вы

переправляетесь чрезъ эту рѣку, поражающую васъ своею прозрачностью; дно каменистой рѣки видно на нѣсколько саженъ; своимъ прекрасно-зеленоватымъ цвѣтомъ воды Ангары напоминаютъ альпійскія озера, Рейнъ и горныя рѣки Швейцаріи. Ледяныя холодныя воды рѣки не позволяютъ купаться въ ней даже лѣтомъ. Она несется съ необыкновенною быстротою среди скалъ, такъ что переправа чрезъ нее на плашкоутахъ совершается съ большой осторожностью. Благодаря быстротѣ паденія и силѣ теченія, она не покрывается льдомъ даже въ декабрѣ. Рукава ея наполняются водою, когда кругомъ лежатъ снѣга и земля скована льдомъ среди суровыхъ сибирскихъ морозовъ. Ледъ несется по этой рѣкѣ, а она борется съ зимою, и ея зіяющія полыньи и незамерзающая поверхность покрыта густымъ паромъ или туманомъ, поднимающимся изъ воды. Въ это время среди двигающихся льдинъ все еще совершается переправа чрезъ Ангару и перевозка товаровъ. Только жестокіе увеличивающіеся сибирскіе морозы въ 35 — 40° усыпляютъ эту рѣку въ концѣ декабря, какъ и озеро Байкалъ, а затѣмъ она въ концѣ апрѣля снова прорываетъ покровъ и несется съ неудержимою быстротою, нагромождая колоссальныя льдины по берегамъ, медленно тающія подъ лѣтнимъ солнцемъ, когда кругомъ все зелено. Выходъ Ангары изъ Байкала за 60 верстъ отъ Иркутска представляетъ величественное зрѣлище. Безконечная гладь озера смѣняется широкими воротами среди спускающихся хребтовъ, покрытыхъ лѣсами. При выходѣ изъ озера среди рѣки высится скала «Шаманскій камень», напоминающая скалы на Рейнѣ. По высотѣ этого камня измѣряется уровень водъ. Здѣсь буряты-шаманисты, исполненные благоговѣнія къ этой грандіозной скалѣ, признали ее за мѣстопребываніе «непобѣдимаго бѣлаго бога», которому приносятъ жертвы [1]). Высота Байкала считается на 1.655 ф., другими на 1.800 ф., а Иркутска на высотѣ 1.355 ф., чѣмъ обусловливается быстрота паденія рѣки. Горная стѣна, ограничивающая байкальскую котловину, состоитъ изъ твердаго гранита, въ которой образовался рѣчной прорывъ [2]). По выходѣ изъ озера, Ангара течетъ среди утесовъ; ея ущелье доходитъ до 2.800 ф., но иногда долина расширяется до $1^1/_2$ верстъ. По теченію отъ Иркутска горы становятся болѣе дикими и возвышенными, скрытыя подводныя скалы производятъ прибой волнъ, а «шивера» или мели усѣяны подводными камнями. Стѣсняемая горами и протекая по каменистому дну рѣка совершаетъ быстрое паденіе

---

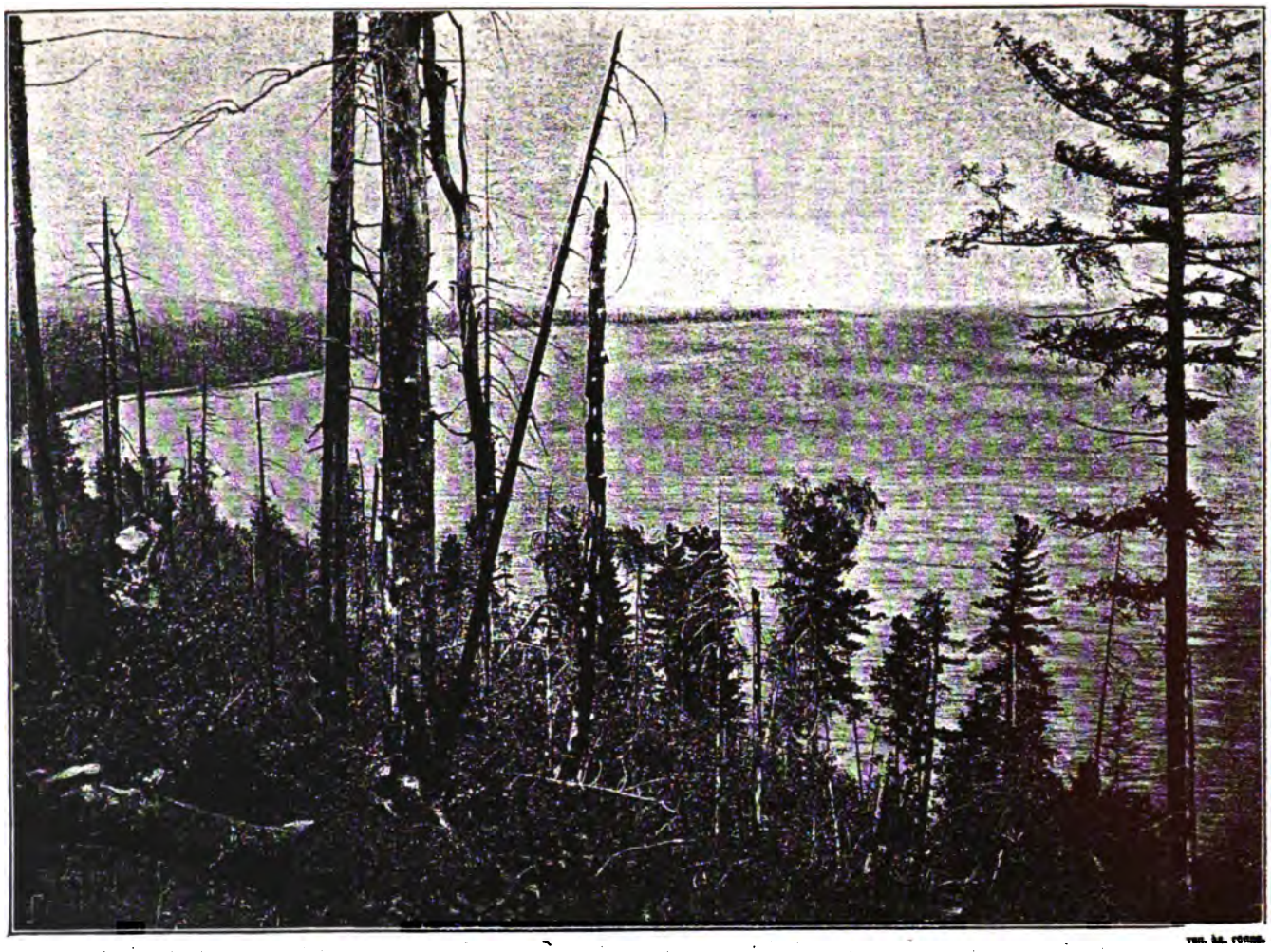
[1]) Землевѣдѣніе Риттера, т. V, стр. 8.

[2]) Ibid., стр. 21.

съ клокочущими волнами. Не смотря на это, пароходы свободно несутся къ Байкалу и обратно по этой рѣкѣ. За Иркутскомъ Ангара протекаетъ среди горъ живописной мѣстности и около 70 верстъ ниже Оки. На ней показываются пороги, на которыхъ плаваніе не безопасно и возможно только внизъ по рѣкѣ. Эти девять пороговъ служатъ препятствіемъ для непрерывнаго сообщенія между Байкаломъ и Енисеемъ [1]). Балаганскій округъ къ сѣверу отъ Иркутска, орошаемый Ангарою, представляетъ весьма благопріятныя условія для жизни и земледѣлія. По мѣрѣ теченія Ангары къ сѣверу, она принимаетъ притоки Иркутъ, Куду, Китой и Бѣлую. Бѣлая, вытекающая изъ Саяновъ и протекающая къ Нижнеудинску, представляетъ также горную рѣку; въ вершинахъ ея находятъ драгоцѣнный нефритъ въ видѣ валуновъ, но сибирскими жителями доселѣ не разработываемый.

Верхнее теченіе Ангары получаетъ начало по ту сторону озера Байкала въ сѣверо-восточномъ концѣ его и идетъ по направленію къ его расщелинѣ. Вытекая недалеко отъ бассейна Витима и Лены, рѣка протекаетъ 100 геогр. миль до Байкала. Это теченіе, подобно верхнему теченію р. Чуи, проходитъ среди мѣстности, которая относится къ типу степнаго плоскогорья; рѣка, вступая въ горы, образуетъ пороги; пороги эти простираются на 4 дня пути. Здѣсь рѣка, спускаясь по покатости, падаетъ со скалы на скалу, прорывается сквозь тѣснины и во время половодья, подмывая деревья и вырывая съ корнями, несетъ ихъ и разбиваетъ въ щепы о каменистые берега. Эта часть мѣстности ограничена горами, густо поросшими лѣсомъ. Къ устью долина расширяется до 15 и 20 в. Подобно тому, говоритъ Риттеръ, какъ у Мейерингена начинается прибрежная равнина Бріенцкаго, а при Бексѣ Женевскаго озера долина, въ которой лежитъ бассейнъ Байкала, также достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ. Вулканическое происхожденіе Байкала достаточно констатировано — это огромная расщелина или провалъ, наполненный водою. До послѣдняго времени періодическія землетрясенія колеблятъ почву и иногда образуются значительные обвалы и расщелины. Со дна озера иногда появляется горная смола, подобіе нефти. Недосягаемая глубина озера, его мрачный, скалистый характеръ придаютъ ему особую внушительность, таинственность и наполняютъ умъ суевѣрнымъ страхомъ. На его скалахъ, мысахъ и островахъ суевѣрные шаманисты поселили божества и приносятъ жертвы. Инородцы и рус-

[1]) Все протяженіе Ангары съ Байкаломъ и Верхней Тунгуской равно 1.280 верстамъ и изъ нихъ 700 верстъ приходится на Ангару.



Байкалъ. Видъ на Мысовую.

скіе называютъ это огромное озеро моремъ (Ламъ или Далай у тунгусовъ, у бурятовъ Далай-норъ, Байяхалъ у якутовъ, Пе-хай, сѣверное море, у китайцевъ). Русскіе считаютъ его святымъ моремъ. Англичанинъ Болль, Брандъ и Гмелинъ убѣдились, какое благоговѣніе питаютъ мѣстные жители, переправляясь чрезъ него. Дѣйствительно, это море-озеро громадно: оно тянется на 600 в. въ длину и имѣетъ ширину въ 80 верстъ. Площадь его равняется 28.314 кв. верст., а береговая линія болѣе 1.748 верстъ. При чрезвычайной прозрачности, глубина его замѣчательна; прежде терялись, отыскивая дно его, нынѣ опредѣлена глубина на 4.563 ф. или на 643 сажени. Риттеръ говоритъ, чтобы сдѣлать вѣрное сравненіе колоссальной величины озера, нужно представить себѣ, что въ европейской альпійской системѣ соединяются всѣ озера, начиная съ Женевскаго, Баденскаго, Люцернскаго и друг. въ 5° широты и 7° долготы. Протяженіе его равняется линіи отъ Генуэзскаго залива чрезъ Ломбардію, Тироль, Каринтію за Вѣну или полной длинѣ *Адріатическаго моря*. Мы наблюдали это озеро въ лѣтнюю погоду. Оно представлялось съ зелеными оттѣнками морскихъ волнъ, необыкновенно прозрачной воды, окруженное крутыми отвѣсными берегами и скалами, съ сверкающею гладью и далекими туманными абрисами синѣющихъ вдали горъ на противоположной сторонѣ. Прозрачность водъ такъ замѣчательна, что дно видно на 5 и 6 саж. глубины. Каменистое дно, покрытое водорослями, въ этомъ таинственномъ озерѣ кажется иногда жителямъ лѣсами, погруженными въ бездны озера. Отличіе этого сибирскаго озера отъ другихъ альпійскихъ озеръ то, что оно подавляетъ своимъ величіемъ, своею ширью, массивностью скалъ, грозною пустынностью и суровостью береговъ. Человѣкъ проникается здѣсь скорѣе чувствомъ робости, ощущая всевластіе чего-то уничтожающаго и стихійнаго. Весною и осенью на озерѣ свирѣпствуютъ страшныя бури, которыя часто кончаются крушеніемъ судовъ. Пловцы страшатся Байкала и русскіе люди бросаютъ въ него хлѣбъ и деньги въ видѣ жертвы. Озеро окружено причудливыми утесами и скалами, а также мысами, какъ Шаманскій мысъ. Между множествомъ его скалъ возвышаются три, подобно отвѣснымъ столбамъ около 30 саж. надъ поверхностью озера. Одна изъ нихъ похожа на колоссальную человѣческую голову съ саженнымъ посомъ и глубокими впадинами, похожими на глаза, въ разселинѣ, представляющей ротъ, гнѣздятся цѣлыя стаи морскихъ воронъ и баклановъ. Тунгусы считаютъ этотъ столбъ за *морскаго бога Діанду*, а другіе столбы за низшія божества. Здѣсь тунгусы совершаютъ моленія, прося у божества по-

щады и чтобы богъ не велѣлъ волнамъ поглощать тунгусовъ. Островъ Ольханъ, возвышающійся среди Байкала площадью въ 549,6 кв. верстъ, считается также священнымъ. Здѣсь пребываетъ, по мнѣнію бурятовъ, адское божество Бегдази, господствующее надъ душами злыхъ и грѣшниковъ. Такимъ образомъ, не одна фантазія Густава Дорэ избрала горныя расщелины, скалы и долины, чтобы населить ихъ существами Дантова ада, но дикія скалы Байкала заставили воображеніе инородцевъ также заселить ихъ фантастическими и грозными существами, располагающими судьбою грѣшныхъ душъ.

Горы около Байкала покрыты густой хвойной растительностью, которая сбѣгаетъ къ озеру и оканчивается у нависшихъ надъ озеромъ скалъ. Этотъ лѣсъ состоитъ изъ величественныхъ кедровъ, лиственницъ, пихтъ и тополей, альпійской смородины. Голыя зубчатыя скаты горъ алѣютъ рододендронами (rhododendron dauricum, ferrogineum, Rh. chrysanthum), т. е. даурскими розами. Георги описываетъ пустынный островъ Богучанъ—названный байкальскимъ садомъ за его живописное положеніе съ роскошной растительностью и богатой флорой, которой никто не пользуется. Можжевельникъ, брусница, голубица, рябина, терновникъ, таволга, шиповникъ, ежевика, малина и паляника (robus arcticus) покрываютъ берега. Утесы и степи прибайкальскіе изобилуютъ породами лука. Фауна озера также оригинальна. Богатства Байкала составляютъ: осетръ (acipensor sturio), породы семги (лососины), по сибирски *таймени*, затѣмъ *омуль* (salmo migratorius), добывающійся въ огромномъ количествѣ (иногда до 4.000 въ сѣть) и составляющій главное питаніе жителей. Эта рыба принадлежитъ Сѣверному Ледовитому океану и заходитъ въ Енисей; она попадается, кромѣ Байкала, въ озерѣ Маджаръ въ Саянскихъ горахъ. Появленіе этой морской рыбы въ срединномъ озерѣ Сибири являлось загадочно. Омуль очень капризенъ въ выборѣ мѣста и заходитъ только въ извѣстныя рѣки. Происхожденіе омуля въ Байкалѣ объясняется различно, но онъ проникъ несомнѣнно изъ Ледовитаго океана. Точно также оригинально пребываніе на водахъ Байкала тюленя *(phoca vitulina)*, нерпы, обитающей въ Восточномъ океанѣ. Все это доказываетъ, что когда-то это озеро имѣло болѣе обширное сообщеніе съ сѣверными морями, а можетъ быть, эти обитатели проникли по рѣкамъ, соединяющимъ Байкалъ съ сѣверомъ, какъ думалъ Палласъ. Во время плаванія чрезъ Байкалъ видна иногда на поверхности также бѣлая рыбка голомянка (callyonymus baicalensis). Она не найдена ни въ какихъ другихъ водахъ, кромѣ Байкала. Живою ее никто не видалъ. Сибирское

море ее выкидываетъ изъ глубины уже сонную. Эта замѣчательная рыба живетъ на самой глубинѣ; она такъ жирна, что при лучахъ солнца таетъ и при нагрѣваніи изъ нея получается жидкая ворвань, такъ что ее употребляютъ вмѣсто масла.

Неспокойное Байкальское озеро, подобно Ангарѣ, въ силу своего бурнаго характера и вѣтровъ, разгоняющихъ ледъ, становится только въ срединѣ зимы, въ декабрѣ или началѣ января [1]). Предъ замерзаніемъ по Байкалу носятся льдины и нагромождаются у береговъ, цѣлые валы и сопки этихъ льдовъ высятся цѣлую зиму, представляя причудливыя формы. Сначала льдомъ покрываются заливы. Незамерзшія полыньи дымятся паромъ, предостерегая путешественниковъ. Наконецъ, озеро сковывается льдомъ и тогда представляетъ необыкновенно гладкую зеркальную поверхность, въ которой отражаются выси, и надъ этой ледяной поверхностью въ продолженіи зимы видно постоянно синее, чистое, безоблачное небо. Нужно, чтобы снѣгъ достаточно присталъ ко льду, для того, чтобы установился путь. Путь изъ села Лиственичнаго совершается въ одинъ переѣздъ; 60 верстъ съ небольшимъ отдыхомъ путникъ зимою несется по гладкой ледяной полянѣ, залитой ослѣпительными лучами солнца. Озеро пересѣкаютъ иногда трещины, чрезъ которыя должна пронестись кибитка; лошади пріучены для подобныхъ препятствій, если трещина не велика. Но иногда нужно положить временный мостикъ. Наконецъ, когда заграждали дорогу полыньи, мѣстные ямщики искусно ставили лошадей и повозку на кусокъ льдины, какъ на паромъ, и благополучно переправлялись. Въ трещинѣ иногда видна зіяющая бездна водъ. На непривычнаго путника эти массы льда наводятъ невольную робость. Когда мы переѣзжали въ зимній день ледяное пространство чрезъ озеро и остановились въ небольшой хижинѣ, устроенной на льду для обозныхъ ямщиковъ, за завтракомъ изъ байкальской рыбы, приготовленной караульщикомъ въ оригинальной обстановкѣ, мы прислушивались къ какимъ-то раскатамъ, которые были шумомъ волнъ подъ слоемъ льда и напоминали о той безднѣ водъ, которая была покрыта тонкой скорлупой льда сравнительно съ пространствомъ озера. Переѣздъ черезъ Байкалъ лѣтомъ совершается гораздо болѣе спокойно на пароходѣ въ 6 часовъ. Байкалъ принимаетъ множество притоковъ; по исчисленію г. Черскаго, они достигаютъ 336. Между ними самые значительные Верхняя Ангара, Баргузинъ и Селенга.

[1]) Вскрытіе Байкала: Лиственичное—1801 г. 4 мая; Голоустное—1875 г. 14 окт.; Кабанское—1874 г. 3 мая; Култукское—1880 г. 28 апр. Замерзаніе Байкала: Лиственичное—1829 г. 24 дек.; Голоустное—1875 г. 15 дек.; Кабанское—1874 г. 3 янв.; Култукское—1881 г. 6 янв.

Если Верхняя Ангара представляетъ дикіе хребты, то Баргузинъ открываетъ мѣстами степи, гдѣ возможно земледѣліе. Это долина Баргу, означенная на картахъ еще Марко Поло, гдѣ обитали съиздревле народы, занимавшіеся земледѣліемъ, какъ видно по оставшимся слѣдамъ орошенія.

Кругобайкальская дорога, идущая среди байкальскихъ возвышенностей, при постоянныхъ подъемахъ, откуда открывается видъ на озера, представляетъ красоты дикой природы. Докторъ Гессъ говоритъ, что дорога вокругъ юго-западной оконечности Байкала проходитъ чрезъ дикія горы по крутымъ обрывамъ, съ которыхъ скатываются камни въ глубокое волнующееся озеро. Голыя скалистыя стѣны поднимаются здѣсь, надъ узкими ущельями, никогда не освѣщенными солнечнымъ лучемъ. Здѣсь попадаются базальты и лавы. На южномъ берегу Байкала поднимаются также гранитныя горы. Особенно замѣчательна гора *Слюдянка*, изобилующая слюдой зеленоватаго и темноватаго цвѣта, разсѣянной въ бѣломъ известковомъ шпатѣ. Прекрасные исполинскіе кристаллы равняются 2 арш. длины и ½ арш. въ поперечникѣ. Слюда берилловаго и смарагдоваго цвѣта. Въ тѣхъ же мѣстахъ появляется бѣлый мраморъ; гдѣ онъ соприкасается съ гранитомъ, тамъ замѣчается lapis lazuli, лазоревый камень. Этотъ лапись-лазули является въ самыхъ прекрасныхъ и разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, отъ самаго темнаго и голубовато-ультрамариноваго до блѣдно-облачнаго съ самыми восхитительными переходами въ фіолетовый, блѣдноголубой и другіе цвѣта [1]). Лаксманъ, открывшій эти залежи, рисуетъ не менѣе восторженно дальнѣйшіе берега. Близъ мыса Безымяннаго гранитныя скалы разукрашены залежами пестраго и бѣлаго мрамора; горы оттѣсняются предгорьями. Флора оригинальна. Золотистая альпійская роза (Rhododendron chrisantum) соединяется почти въ одну кустарниковую группу съ кедрами (pinus cembra). Новый видъ Dryas trifoliata привелъ меня въ восхищеніе, пишетъ натуралистъ. Путешествіе вокругъ Байкала, такимъ образомъ, можетъ служить не только наслажденіемъ для художника, но и наслажденіемъ для геолога и натуралиста. Геологическое описаніе этого озера совершено трудами Черскаго, а флора и фауна изучены были Годлевскимъ и Дыбовскимъ. Обойти и описать это озеро не представляется возможности единичнымъ усиліямъ и современемъ здѣсь предстоитъ обширная работа цѣлымъ поколѣніямъ ученыхъ.

Къ югу отъ Байкала начинается Даурія, горное плато съ от-

---

[1]) Землевѣдѣніе Риттера, т. V, стр. 92—93.

рогами Саянскихъ горъ съ запада и развѣтвленіями горнаго узла Гентея, входящими въ русскія границы. Саяны и южный хребетъ Танну-Ола, подходя къ Косоголу, служатъ водораздѣломъ Енисейскаго и Селенгинскаго бассейновъ, точно также какъ восточныя горы Гентея отдѣляютъ Керуленъ и Амурскій бассейнъ отъ Орхонскаго съ р. Толою. Чрезъ горы съ юга прорывается Селенга, впадающая въ Байкалъ, и, принимая притоки Джиды, Чикоя, Хилки и Уды, образуетъ сѣть, орошающую Забайкалье. Селенга, входя въ русскіе предѣлы близъ Кяхты, принадлежитъ къ обширному Селенгинско-Орхонскому бассейну, простирающемуся въ нѣдра Монголіи. Значительная часть этого бассейна находится внѣ русскихъ предѣловъ; вершины Селенги почти не изслѣдованы, исключая немногихъ притоковъ, а вершины Орхона только недавно посѣщены. Совершивъ путешествіе по этому бассейну въ 1889 г. и переплывъ Байкалъ, мы перевалили прежде всего чрезъ лѣсистый Хамаръ-Добанъ, высящійся надъ Байкаломъ. Здѣсь проложена нынѣ кяхтинскими торговцами кратчайшая дорога къ Кяхтѣ; она тянется по ущелью, прорѣзываемому горной рѣкой, окруженной густою растительностью. Хвойные лѣса спускаются съ горъ, придавая пейзажу видъ суровой тайги. На южномъ склонѣ, однако, мы встрѣчаемъ болѣе красивую забайкальскую флору, лѣсъ является смѣшаннымъ съ лиственными породами; на южномъ склонѣ берутъ начала притоки Джиды. Долина Темника съ ея прекрасными лугами, гдѣ находятся покосы и зимовки бурятовъ, съ выступающими скалами среди зелени, съ идиллической рѣкой, покрытой живописными островами и синѣющими вдали горами, по которымъ, какъ серебряные нити виднѣлись снѣга, напоминала скорѣе Швейцарскую долину. Когда мы повернули изъ этой долины къ Гусиному озеру и Селенгинску, пейзажъ быстро измѣнился. Около Гусинаго озера лежала степная мѣстность, совершенно безлѣсная, покрытая обломками щебня и камней, какъ бы напоминая степи Центральной Азіи; по этой равнинѣ раскиданы кочевья бурятовъ. Близъ Гусинаго озера находится главный монастырь забайкальскихъ ламаистовъ съ причудливыми кумирнями. Это центръ буддистовъ и резиденція первосвященника забайкальскаго хамбо-ламы. Къ Селенгинску и Кяхтѣ начинается рядъ возвышенностей. Вся правая сторона Селенги покрыта песчаными горами. Какъ Селенгинскъ, такъ и Кяхта расположены среди песчаной мѣстности, и Селенгинскъ, засыпаемый песками, долженъ былъ разъ уже перенестись. Троицко-Савскъ и Кяхта лежатъ въ такой же неблагопріятной мѣстности. Небольшая рѣчка, пробирается въ пескахъ грязнаго цвѣта, вѣтры переносятъ пески и образуютъ иногда

песчаные бури и смерчи. Около Усть-Кяхты мы наблюдали выдувы и подобіе дюнъ; въ этихъ выдувахъ обнаруживается множество остатковъ древностей, начиная съ каменнаго вѣка. Долины Джиды, Чикоя и самой Селенги усѣяны древними могилами съ стоячими камнями, а близь Усть-Кяхты настоящими «керексурами», которыя тянутся по всему Селенгинско-Орхонскому бассейну, указывая на обитаніе и распространеніе по этимъ рѣкамъ населенія отъ Хангая до Байкала и отъ Толы до вершинъ Енисея. Русская граница не охватила этихъ рѣкъ съ ихъ вершинами, и завоеватели остановились на полпути въ Монголію. Между тѣмъ Орхонско-Селенгинскій бассейнъ имѣлъ огромное историческое значеніе при разселеніи народовъ изъ центра Монголіи. Здѣсь обитали хунну, гіенъ-ну, тукюэ, уйгуры, найманы и впослѣдствіи монголы; въ долинѣ Орхона стояла уйгурская, а послѣ монгольская столица *Каракорумъ* [1]) и отсюда направлялись походы Чингизъ-Хана и его потомковъ, завоевавшихъ Китай, Индію, Персію и часть Европы. Отсюда подвинулись къ западу еще ранѣе тюркскія племена и подъ именемъ тюрковъ заняли Среднюю Азію и Туркестанъ. Забайкалье и его границы сохраняютъ могилы, памятники и валы, также какъ и начертанія отъ времени Чингизидовъ. Къ югу отъ Байкала жило тюркское племя якутовъ, переселившееся впослѣдствіи въ Якутскую область. Вмѣсто нихъ, прибайкальскія степи и долины заняли смѣнившіе ихъ буряты-кочевники. Кромѣ того, въ различныхъ мѣстахъ Даурiи открыты были слѣды хлѣбопашества, примѣнявшагося какими-то древними народами, также какъ и практиковавшаяся разработка рудниковъ близь Нерчинска. Когда-то эти работы приписывались даурамъ; но исторія вѣроятнѣе указываетъ на государство нюэчжей манджурскаго племени. По находимымъ древностямъ видно, что культура въ Даурію проникла изъ Китая и Манджуріи. Во всякомъ случаѣ, Прибайкальская область съиздревле носитъ слѣды обитанія. Этому благопріятствовали климатическія и физическія условія. Тѣ же обстоятельства обусловили и разселеніе русскаго населенія за Байкаломъ. При переѣздѣ черезъ Байкалъ дорога идетъ по Селенгѣ до Верхнеудинска, построеннаго при сліяніи Уды, по Удѣ идетъ дорога на Читу чрезъ пологіе перевалы горъ, отдѣляющихъ Амурскій бассейнъ отъ Селенгинскаго; далѣе она слѣдуетъ въ даурскій Нер-

[1]) Каракорумъ по историческимъ указаніямъ находился на Орхонѣ, 60 в. къ югу отъ озера Угей-Нара, въ 360 верст. отъ Кяхты. Въ экспедицію 1889 г. намъ удалось открыть развалины городовъ въ долинѣ Орхона около Хара-Болгосуна и Эрдени-Цзоо и много памятниковъ и монументовъ. На нихъ оказались китайскія и уйгурскія надписи VIII вѣка, въ честь уйгурскихъ хановъ. Здѣсь же открыты таблицы съ начертаніями, подобными руническимъ.

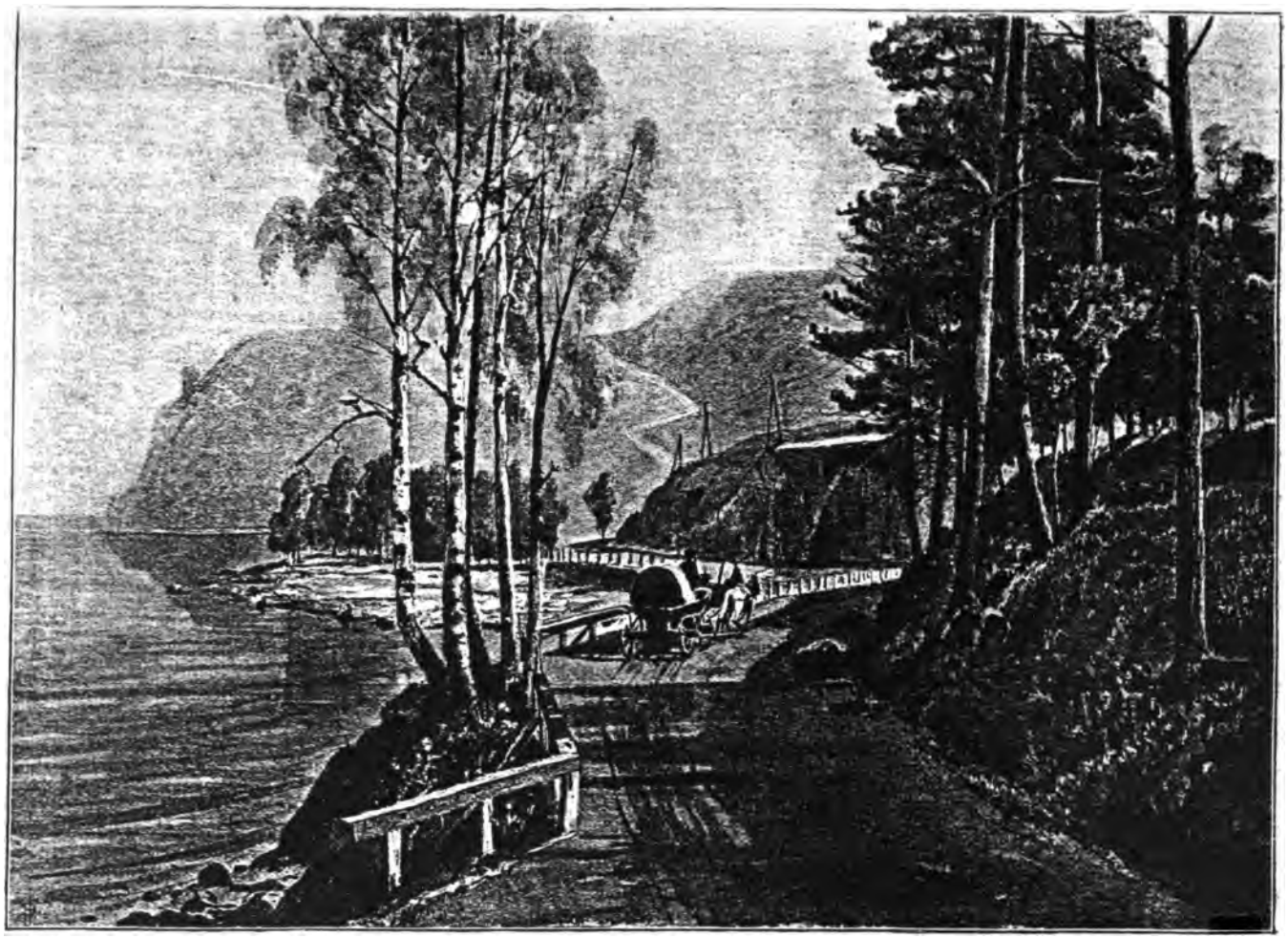
чинскъ, а затѣмъ по Шилкѣ на Амуръ. Дорога въ Селенгинскъ идетъ на 100 в. по каменистой горной долинѣ Селенги; мѣстами эта долина представляетъ живописные виды: великолѣпныя группы скалъ, разорванные утесы съ обломками, представляющіе подобіе прекрасныхъ развалинъ какого-нибудь укрѣпленія, какъ бы воздвигнутые искусствомъ. Вдоль по извивающимся рѣкамъ тянутся прекрасные луга, по которымъ бродятъ стада верблюдовъ, лошадей, рогатаго скота, овецъ, въ самыхъ разнообразныхъ группахъ; луга украшаются прекрасными рощами, какъ бы насаженными рукой человѣка. Таково описаніе природы, приводимое Риттеромъ со словъ Мартынова, который встрѣчаетъ здѣсь зажиточность крестьянства и дивится энергіи и бойкости ума, проявившагося среди русскихъ колонистовъ за Байкаломъ [1]). Кохренъ прославляетъ также великолѣпные виды Селенгинскихъ береговъ и хвалитъ прекрасные лѣса, лежащіе по сторонамъ рѣки и состоящіе изъ кедровъ, которые даютъ жителямъ орѣхъ. Сиверсъ, слѣдуя по Чикою для изслѣдованія «ботаническихъ сокровищъ» Становаго хребта, останавливается на плодоносныхъ равнинахъ, гдѣ раскольники переселенцы изъ Подоліи развили хлѣбопашество, богатое полеводство и огородничество [2]). Въ долинахъ Сиверсъ открываетъ породы ревеня, а вершины горъ находитъ покрытыми лѣсами, среди которыхъ, подъ тѣнью высокихъ сосенъ, произрастаетъ даурская альпійская роза (Rhododendron dauricum) милліонами деревцовъ въ человѣческій ростъ, покрытыхъ пурпуровыми цвѣтами. Въ верхнемъ теченіи Чикоя Сиверсъ находитъ Lonicera daurica, potentilla fruticosa и сибирскій ревень (Rheum sibiricum). Здѣшняя флора очень богата, говоритъ онъ. Мартосъ, описывая Чикой, прибавляетъ: «Природа этой страны манитъ сюда какъ живописца, такъ и ботаника, для изображенія очаровательныхъ красотъ *Байшинъ-Шоло* и *Одонъ Шоло*». Палласъ былъ также восхищенъ этими мѣстами. Флора изобилуетъ многими лекарственными травами, извѣстными подъ именемъ *чикойскихъ*. Среди растеній теплыхъ долинъ Селенги находится также дикое миндальное дерево (Amygdalus nana). Описанію Забайкалья и его флорѣ посвящены спеціальные труды, напр., Радде и статья профессора Бекетова о Турчаниновѣ («Вѣстн. естеств. наукъ»). Забайкальскія травы еще при Екатеринѣ посылались въ Петербургъ для лекарственныхъ настоевъ. Декабристы, пребывавшіе за Байкаломъ, посвятили описанію забайкальскихъ луговъ и природы прекрасныя страницы, какъ, напр., Бѣляевъ.

[1]) Землевѣдѣніе Риттера, т. V, стр. 162.

[2]) Ibid., стр. 205—207.

Забайкалье дѣлится на двѣ части: одну—тяготѣющую къ Байкалу, другую—къ Амуру. Становой хребетъ дѣлитъ Забайкалье по водораздѣлу. Южная часть хребта называется Закаменною; къ востоку отъ Нерчинска русскіе Становой хребетъ назвали Яблоновымъ (по бурятски *Ябленни-даба*, русскіе превратили это названіе въ Яблоновой и приписали это названіе происшедшимъ отъ дикой яблони (pyrus baccata), плодъ которой не превосходитъ клюквы). За этимъ хребтомъ начинается Нерчинская закаменная Даурія. Хребты здѣсь не высоки; ширина хребта на почтовой дорогѣ 3 географ. мили или 20 вер. (Палласъ). Хребетъ простирается на западъ отъ границы Монголіи, которую пересѣкаетъ между истоками Чикоя и Онона извилинами и тянется до Восточнаго океана. По рѣкамъ, впадающимъ въ Амуръ, встрѣчается уже другая флора и фауна. Въ горахъ Хинганъ на Ононѣ являются дубы и орѣшники, которыхъ нѣтъ на всемъ протяженіи Сибири. На Ингодѣ, впадающей въ Шилку, Палласъ описываетъ лѣса, богатые цвѣтами и наполненные цвѣтущими растеніями (potentilla fruticosa, cornus alba, Hesperis sibirica и т. д.). Кохренъ на Ингодѣ описываетъ роскошный горный пейзажъ, величественныя массы скалъ, а между ними зеленые луга и поля. Ингода ниже Читы богата островами, поросшими ивами; по берегамъ скалистыя горы съ густыми лѣсами. Ононъ съ притокомъ Борзы также былъ посѣщенъ и описанъ еще Палласомъ, дивившимся богатой растительности. Къ довольно развитой флорѣ, украшенію этихъ горъ принадлежали восхитительныя киноварекрасныя лиліи (lilium pomponium), огненныя лиліи долинъ (lilium bulbiferum), желтые Hemeracalbis и другіе очаровательные цвѣты (Риттеръ, V, стр. 341).

Внизъ по Онону на скалистыхъ берегахъ является альпійскій макъ (papaver alpinum), котораго цвѣта представляютъ всѣ оттѣнки отъ бѣлаго до блѣдно-желтаго и оранжеваго. Между Шилкой и Аргунью находится Нерчинскій горный округъ, извѣстный своими горными богатствами, серебромъ и золотомъ. Отъ г. Нерчинска къ Шилкѣ по лѣвому берегу попадаются древнія могилы, которыя тянутся до Шилкинскаго завода; множество этихъ могильниковъ доказываетъ, что здѣсь обитало когда-то значительное населеніе. За Срѣтенскомъ прекращаются обнаженныя прибрежья и горы покрываются лѣсами, которые опускаются къ Амуру. Вся Даурія распадается, такимъ образомъ, на горныя пространства съ дикими хребтами, однако, не поднимающіяся до снѣговыхъ альпъ и изрѣдка покрытыя гольцами, на прекрасныя плодоносныя долины, наконецъ, на солонцеватыя степи, на



Берегъ Байкала.

которыхъ раскинуто бурятское скотоводство. Всѣ мѣста эти, исключая горныхъ безлѣсныхъ высей, вполнѣ обитаемы.

Благодаря богатой природѣ, многія мѣста Забайкалья были заселены уже при Палласѣ. Нынѣ въ Забайкальской области до 518.800 душъ населенія, въ томъ числѣ 8.000 ссыльно-каторжныхъ; число жителей на квадратную версту приходится 0,95. Инородцевъ бурятовъ и тунгусовъ считается 154.000 душъ, русскихъ крестьянъ 149.000 д., 159.000 д. казаковъ, 16.000 ссыльнопоселенцевъ и 40.800 д. другихъ сословій. Казаки и крестьяне занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Заселенныя области Забайкалья дали сильную поддержку при пріобрѣтеніи Амура и снабдили эту необитаемую страну первыми колонистами, хотя питаніе Амура насчетъ Забайкалья стоило ему значительнаго истощенія силъ. Благодаря обширнымъ пастбищамъ, въ Забайкальской области насчитывается 2.880.000 скота, но также часты и сильны опустошенія его эпизоотіями (въ 1884 г. пало 14.500 головъ). Служа преддверіемъ Амура, эта область на югѣ имѣетъ, какъ мы указали, ближайшее сосѣдство съ Монголіей, гдѣ пролегаетъ совершенно удобная трактовая дорога къ Ургѣ. По этой дорогѣ установился чайный караванный путь, долго служившій единственнымъ путемъ для полученія китайскихъ товаровъ и чая. По этому пути шли первыя посольства въ Китай Байкова, Перфильева, Аблина Тарутина, Спафарія и друг. По этому пути проходили ученые, какъ Мессершмитъ, Ланге, Тимковскій и другіе, давшіе первое представленіе о пути въ Монголію чрезъ Гоби во внутренній Китай. 2-й пунктъ—Цурахайту, выбранный для торговли съ Китаемъ на границѣ, былъ менѣе удаченъ. При развитіи морскихъ путей на Амурѣ, а затѣмъ съ привозомъ чаевъ чрезъ Одессу торговля чаемъ пала, но за то, по мѣрѣ путешествій и изслѣдованій, открывается все болѣе горизонтовъ въ Монголіи и при-Саянскихъ мѣстностей, гдѣ русская торговля пробиваетъ дорогу. Удержатся-ли прочно русскія факторіи въ Китаѣ среди народа, весьма промышленнаго, бойкаго, съумѣютъ-ли они посоперничать съ другими европейцами въ пріобрѣтеніи рынка въ Китаѣ—это темный вопросъ будущаго, но обширный районъ къ сѣверу отъ Гоби съ многочисленными монгольскими и манджурскими племенами всегда будетъ о бокъ насъ, кочевники монголы не останутся вѣчно на одной стадіи развитія, потребности ихъ по мѣрѣ торга и знакомства съ иностранными предметами увеличиваются; поэтому Забайкалью суждена еще видная роль въ будущемъ по своему географическому положенію.

ГЛАВА III.

Естественныя и географическія условія Сибири.

АМУРЪ И ПРИВРЕЖЬЯ ВОСТОЧНАГО ОКЕАНА.

Орографія страны. — Амуръ, его протяженіе. — Горныя системы, окружающія Амуръ.—Луговыя пространства и низменности.—Теченіе Амура, удобства и затрудненія при плаваніи.—Шилка и ея мелководіе.—Уссури.—Флора и ея разнообразіе на Амурѣ.—Климатическія вліянія. — Распредѣленіе растительности. — Фауна Амура.—Площадь и пространство Амурскаго края.—Бухты и гавани.—Плодородная мѣстность Амура.—Почва и климатъ.—Вызрѣваніе хлѣбовъ.—Сельское хозяйство.—Скотоводство.—Численность населенія.—Инородцы и китайцы.—Историческій очеркъ пріобрѣтенія Амура и причины первыхъ неудачъ завоеванія.—Недостатокъ географическихъ познаній. — Обстоятельства, вынудившія завоеваніе.—Первые восторги и разочарованія.—Неудачи при заселеніи.—Незнакомство съ экономическими условіями.—Трудности колонизаціи.—Непривѣтныя мѣста. — Богатства края. — При какихъ условіяхъ предвидится его развитіе.—Берега Восточнаго океана. — Острова.—Командорскіе острова и котиковый промыселъ.—Американцы и русскіе.—Русскіе на Восточномъ океанѣ.—Первыя предпріятія и ихъ неудачи.—Амурскій выходъ въ море.—Нынѣшніе размѣры торговли.—Надежды на будущее.

Намъ остается въ заключеніе перейти къ обширному краю, который недавно, а именно всего 35 лѣтъ [1]), составилъ новое богатое пріобрѣтеніе въ Сибири,—Амуру, мнѣнія о которомъ до сихъ поръ еще не вполнѣ установились и грѣшатъ то излишними обольщеніями, то разочарованіями. Намъ кажется, что безпристрастный географическій очеркъ Амурскаго края не будетъ поэтому излишнимъ.

Амурскій край занимаетъ площадь, лежащую къ востоку отъ Кентейскаго горнаго узла до береговъ Тихаго океана, заключающуюся, приблизительно, между 42 и 55° сѣверной широты. Въ топографическомъ отношеніи мѣстность эта представляетъ четверо-

---

[1]) Въ 1855 г. Н. Н. Муравьевъ, явясь на Амуръ, заявилъ китайцамъ о правахъ русскихъ на Амуръ и затѣмъ послѣдовало начало заселенія.

угольникъ, богатый равнинами и плоскогоріями, но окруженный со всѣхъ сторонъ горами, а именно: съ с. и с.-з. Яблоновымъ и Становымъ хребтами, съ ю.-з. и ю. Хинганомъ, Сіеньки и Чань-Бо-Шанемъ, а съ в. Сихэ-тэ-Алиномъ, Хотя всѣ эти горныя цѣпи и не очень высоки, за исключеніемъ Чань-Бо-Шаня, но тѣмъ не менѣе самымъ удобнымъ выходомъ изъ нихъ является только русло Амура. Все это пространство представляетъ какъ бы одну большую плоскость, наклонную отъ запада къ востоку, что указываютъ сдѣланныя въ разныхъ пунктахъ опредѣленія уровня амурскаго ложа [1]).

Приамурскій край д-ръ Шперкъ подраздѣляетъ на слѣдующія мѣстности по ихъ строенію: 1) гористой страны, чрезъ которую прорываютая рѣки, образующія верховья Амура; подобный же характеръ сохраняютъ всѣ мѣстности, прилегающія къ главнымъ хребтамъ; 2) страны плоскихъ возвышенностей, перерѣзанной отдѣльными горными вѣтвями; 3) страны равнинъ; 4) холмистой степной возвышенности и 5) прибрежій юго-восточной части Охотскаго моря, Татарскаго пролива и сѣверной части Японскаго моря [2]).

Хотя въ Приамурскомъ краѣ встрѣчается много низменностей и плоскихъ возвышенностей, но по общему строенію его поверхности этотъ край болѣе всего можно отнести къ странѣ гористой [3]). Средняя высота горныхъ вершинъ главнаго кряжа Становаго хребта, который нигдѣ не представляетъ особенно выдающихся вершинъ, остается почти вездѣ одинаковая, и, по среднимъ выводамъ, колеблется въ Приамурскомъ краѣ между 3.000 и 7.000 ф. надъ поверхностью океана. Общая же высота переваловъ и переходовъ равняется отъ 2.000 до 3.000 ф. [4]). Вездѣ, въ прилегающей къ Яблоновому хребту мѣстности, куда бы мы ни бросили нашъ взглядъ, мы видимъ то вдругъ поднимающіяся изъ равнинъ и стоящія какъ бы отдѣльно, то сплоченныя вмѣстѣ, конусообразныя горы, составляющія ближайшіе отроги главной цѣпи [5]). Большой Хинганъ представляетъ во многихъ мѣстахъ удобные проходы (перевалы) и поднимается своими вершинами не болѣе 5.000—6.000 фут. надъ поверхностью океана; но онъ очень широкъ, занимая мѣстами площадь въ 400 верстъ [6]). Сихэ-тэ-Алинь—край-

---

[1]) Шперкъ, «Россія дальняго востока», Записки Импер. Русск. Геогр. Общ., т. XIV, стр. 109.

[2]) Тамъ же, стр. 110.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же, стр. 112.

[5]) Тамъ же, стр. 113.

[6]) Тамъ же, стр. 115.

ній водораздѣльный кряжъ, находящійся на ю.-в. Амурскаго бассейна. Главная ось этого хребта представляетъ въ гребнѣ своемъ въ южныхъ частяхъ рѣзко выдающіяся отъ окружающихъ ихъ горъ голыя вершины гольцевъ, достигающія 5.173 ф. [1]).

Амурскій бассейнъ занимаетъ безспорно самое видное мѣсто изъ всѣхъ водныхъ системъ сѣвера Азіи. Амуръ, единственная изъ большихъ рѣкъ Сибири, которая, по своему положенію относительно океана, заслуживаетъ полнаго вниманія, представляя возможность болѣе свободнаго сообщенія съ берегами Тихаго океана. Начало этой главной артеріи сѣверо-востока Азіи даютъ двѣ рѣки, Ононъ и Ингода, берущія свои начала въ сѣверо-восточныхъ склонахъ высокихъ горъ, составляющихъ границу плоскогорія Средней Азіи. Образующійся изъ соединенія этихъ двухъ рѣкъ водный потокъ извѣстенъ подъ названіемъ Шилки, а по соединеніи съ Аргунью получаетъ уже названіе Амура. Эта послѣдняя рѣка, принявъ въ среднемъ своемъ теченіи съ лѣвой стороны многоводную Зею, а съ правой еще болѣе значительный притокъ Сунгари и ниже ея Уссури, вливаетъ свои воды однимъ огромнымъ русломъ въ Татарскій проливъ [2]).

Длина теченія Амура отъ соединенія Шилки съ Аргунью до впаденія въ море 2.000 в., а по изгибамъ рѣки до 3.000 в. Длина же всего теченія Амура, если принять за его начало Аргунь, составитъ 4.500 в., а собственно Амура 2.700 в. По Риттеру длина Амура 290 геогр. миль, а по извилинамъ его теченія 430 г. миль [3]). Одно уже это протяженіе показываетъ, какую огромную территорію занимаетъ Амуръ. Фарватеръ верхняго теченія Амура и Шилки во многихъ мѣстахъ пересѣченъ сплошными отъ берега до берега мелями, или перекатами. Эти перекаты имѣютъ въ малую воду не болѣе $2^1/_2$ фут. воды, и многіе изъ нихъ усѣяны камнями. Всѣхъ мѣстъ, представляющихъ болѣе или менѣе серьезныя неудобства для плаванія по Амуру и Шилкѣ, насчитывается до 50-ти. Шилка богата шиверами и перекатами, обставлена крутыми горами и образуетъ въ своемъ теченіи до 11 быковъ, т.-е. скалъ, выдающихся въ рѣку, прибой водъ у которыхъ очень силенъ, вслѣдствіе чего эти мѣста становятся крайне опасными для сплавовъ въ малую воду. Въ сухое лѣто Шилка, въ иные годы, бываетъ до того мелководна, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуются чрезъ рѣку броды глубиной не болѣе $^3/_4$ аршина [4]).

---

[1]) Шперкъ, «Россія дальняго востока», стр. 115.
[2]) Тамъ же, стр. 161.
[3]) Тамъ же, стр. 179.
[4]) Тамъ же, стр. 166.

Съ принятіемъ Зеи. Амуръ значительно расширяется и образуетъ множество острововъ; Зея же, неся массу песка, заметаетъ имъ у устья своего и ложе Амура, дѣлая фарватеръ рѣки въ этомъ мѣстѣ непостояннымъ и труднымъ для прохода судовъ въ малую воду [1]).

Особенность здѣшнихъ рѣкъ, между прочимъ, заключается въ томъ, что онѣ разливаются два раза въ годъ. Первый и сравнительно меньшій разливъ бываетъ весною, отъ таянія снѣговъ, а второй и наибольшій—въ половинѣ іюля, вслѣдствіе проливныхъ дождей, которые происходятъ отъ массы влаги, пригоняемой въ край изъ Тихаго океана дующими въ это время юго-восточными вѣтрами. Впрочемъ, въ иные годы, какъ, напримѣръ, въ 1886 г., рѣки вовсе не разливаются весною и въ такомъ случаѣ судоходства по нимъ, особенно по Шилкѣ и верхней части Амура, не бываетъ до іюльскихъ дождей. Второму разливу обыкновенно предшествуетъ мелководіе, иногда, какъ въ 1885 г., до того сильное, что пароходство по Амуру и его притокамъ прекращается недѣли на двѣ. Самые же іюльскіе разливы, по заявленію старожиловъ, въ 10 лѣтъ разъ бываютъ такъ велики, что вода въ рѣкахъ поднимается на 30 футовъ выше обыкновеннаго уровня, при чемъ затопляется много засѣянныхъ полей.

Одинъ изъ важнѣйшихъ притоковъ Амура—Уссури, начинается двумя рѣками Дауби-хэ и Санда-гу (Ула-хэ). По сліяніи этихъ двухъ рѣкъ, образовавшаяся Уссури течетъ первоначально по открытой долинѣ, но къ устью Сунгачи мѣстность всхалмливается и горы приближаются къ правому берегу рѣки. Во всѣхъ водораздѣлахъ рѣчныхъ областей Амура и Зеи встрѣчаются довольно часто плоскіе хребты, вслѣдствіе чего внутри края преобладаютъ какъ бы плоскости (плоскогорія), представляющія въ общей массѣ площадь со склономъ къ Тихому океану.

Пространство на правомъ берегу р. Зеи, внизъ отъ устья Ура, представляетъ мѣстность, состоящую изъ подобныхъ же плоскихъ горъ, прорѣзанныхъ множествомъ ручьевъ и овраговъ и поросшихъ сплошнымъ мѣшаннымъ лѣсомъ [2]). Спустившись отъ Становаго хребта по берегамъ Зеи и Амура, мы встрѣчаемъ разстилающіяся огромныя луговыя степи, находящіяся и по другимъ рѣчнымъ долинамъ главныхъ притоковъ Амура. Особенно замѣчательна зейская луговая низменность; она состоитъ изъ двухъ частей: верхняя, начинаясь у вершинъ нѣкоторыхъ притоковъ Зеи, идетъ до

---

[1]) Шперкъ, «Россія дальняго востока», стр. 174.

[2]) Тамъ же, стр. 126.

выхода ея изъ горныхъ тѣснинъ хребта Джогду. Нижняя часть зейской травянистой равнины значительно больше предыдущей. Эта мѣстность представляетъ исключительно степную равнину съ разбросанными по ней кое-гдѣ перелѣсками изъ дубняка, черной и бѣлой березы и лещины. Эта равнина заключаетъ 15.335 кв. верстъ; изъ этого числа: луговъ 1.075 кв. в., мѣшаннаго лѣсу 3.000 кв. в. и степной, годной подъ пашни, земли 11.260 кв. в. Простираясь долѣе впаденія Селимджи въ Зею, эта равнина представляетъ уже болѣе холмистую и болотистую мѣстность, перерѣзанную во многихъ мѣстахъ болотистыми логами и мелкими рѣчками, со множествомъ разбросанныхъ по ней озеръ и покрытую изрѣдка березовыми рощами [1]).

Вторая луговина, болѣе низменная и болѣе пышная по своей луговой растительности, простирается по лѣвому берегу Амура отъ Малаго Хингана до устья р. Дондона, ниже впаденія Уссури. Третья равнина занимаетъ все теченіе Нони и отъ устья ея все нижнее теченіе р. Сунгари, перехопя при впаденіи послѣдней въ амурскую луговину. Самую пышную луговую равнину травянистой растительности представляетъ мѣстность, лежащая по теченію р. Уссури, начинаясь южнѣе озера Ханка, а за послѣднимъ къ югу переходитъ въ холмистую степь, покрытую прекрасной травянистой растительностью и кое-гдѣ рощами. Луговая же степь идетъ преимущественно вдоль всего лѣваго берега Уссури и соединяется у ея устья съ Амурской долиной; ширина ея до 50 в. и представляетъ мѣстами довольно облѣсенную мѣстность. Въ Уссурійскую луговину открывается въ нижней ея трети довольно обширная долина р. Поръ (праваго притока Уссури), идущая верстъ на 50 вверхъ по рѣкѣ, и представляющая степную и довольно хорошо облѣсенную долину [2]).

Чрезвычайное разнообразіе въ орографическомъ устройствѣ края служитъ одной изъ главныхъ причинъ большаго разнообразія въ царствѣ растительномъ. Суровый же климатъ Амурскаго края налагаетъ на царство растеній и животныхъ свою печать, сдерживаетъ распространеніе и развитіе южныхъ формъ, которыя, при относительно южномъ положеніи страны, могли бы достигнуть большаго развитія [3]). Начиная съ низовьевъ Шилки и Аргуни до Албазина, слѣдовательно въ мѣстности, гдѣ проходитъ главный хребетъ Большаго Хингана, преобладаетъ хвойный лѣсъ

---

[1]) Шперкъ, «Россія дальняго востока», стр. 127 и 128.
[2]) Тамъ же, стр. 129.
[3]) Тамъ же, стр. 304.

даурскихъ породъ и сѣверныя лиственныя деревья, какъ-то: лиственница и береза, сосна встрѣчается рѣдко, лѣсъ не густъ и растетъ медленно, подлѣсья почти нѣтъ и кустарники состоятъ изъ шиповника, таволги, богульника и разныхъ сѣверныхъ породъ тальника, сибирской яблони, боярки и черемухи [1]).

Отъ Албазина до устья Зеи мѣстность становится менѣе гористой, хвойныя деревья, по мѣрѣ приближенія къ Зеѣ, становятся все рѣже и рѣже; ниже Албазина появляется вновь дубъ, сначала малорослый, и другія породы лиственнаго лѣса и луга; но только съ устья Кумары замѣчается значительная разница въ растительности; между горъ ютится липа или кое-гдѣ въ долинѣ попадаются одиноко стоящіе вязи и ясени. Со впаденіемъ Зеи еще болѣе измѣняется флора края, западная граница которой находится между впаденіемъ Зеи и Буреи. Все разсматриваемое пространство представляетъ по теченію Амура исключительно луговую степь, мало поросшую лѣсомъ, въ которомъ главную роль играетъ дубъ и черная береза. Лѣсъ, попадающійся за впаденіемъ Буреи и состоящій исключительно изъ дуба и черной березы, по мѣрѣ приближенія къ Малому Хингану болѣе и болѣе пополняется южными формами деревьевъ; но что болѣе всего бросается въ глаза, это смѣсь древесной растительности юга и сѣвера; такъ, напр., въ долинѣ между горъ растетъ пробковое и орѣховое дерево, а по скатамъ горъ и ихъ невысокимъ вершинамъ кедръ, ель и даже лиственница. Подлѣсье, рѣдкое и бѣдное растительностью въ верховьяхъ Амура, дѣлается гуще и разнообразнѣе. Кустарники бересклита и другіе, сильно перевитые вьющимися растеніями и виноградными лозами, дѣлаютъ это подлѣсье какъ бы сплошнымъ, а присоединившаяся и густо засѣвшая сплошными массами между деревьевъ лещина и валежникъ дѣлаютъ ихъ почти непроходимыми. Пробравшись чрезъ эту гущу, встрѣчаемъ по склону горы полосу хвойныхъ деревьевъ, между которыми высокоствольный, съ своей роскошною широкою вершиною манчжурскій кедръ, темныя своею зеленью пихты и ели перевиты вьющимися по нимъ растеніями и примѣшаны къ лиственному лѣсу; вершины же хребтовъ украшаетъ своею мягкою зеленью сибирская лиственница. Луговая область, простирающаяся отъ Малаго Хингана, внизъ по Амуру, представляетъ какъ бы продолженіе предъидущей и напоминаетъ собой описаніе луговыхъ прерій Сѣверо-Американскихъ Штатовъ [2]). За впаденіемъ Горыни,

---

[1]) Шперкъ, «Россія дальняго востока», стр. 305 и 306.

[2]) Тамъ же, стр. 307 и 308.

чѣмъ болѣе подвигаешься по рѣкѣ къ сѣверо-востоку, тѣмъ яснѣе выступаетъ флора сѣвера и южныя формы лиственныхъ лѣсовъ уступаютъ мѣсто темнымъ хвоямъ приморскихъ странъ, а богатая луговая растительность представляется болѣе блѣдной и не достигаетъ той пышности и роскоши въ своемъ развитіи [1]).

Изъ древесныхъ и кустарныхъ породъ въ Приамурскомъ краѣ наибольшее распространеніе имѣютъ: лиственница въ двухъ видахъ, Larix dahurica и Larix sibirica; ель въ двухъ видахъ, Picea obovata (сибирская ель) и Picea ajanensis (аянская ель); сибирская пихта (Abies sibirica); сибирскій кедръ—Pinus cembra; P. excelsa и P. mandshurica; сосна—Pinus silvestris; бѣлая береза; даурская или черная береза—Betula dahurica; дубъ—Quercus mongolica; липа—tilia Mandshurica; кленъ во многихъ разновидностяхъ—Acer ginala; ясень—Fraxinus Mandshurica; вязъ—Ulmus montana; благовонный тополь—Populus suaveolens; пробковое дерево—Phelladendron Amurensis; орѣховое дерево—Juglans mandshurica; сибирская яблонь—Pyrrus bacatta; бузина—sambucus racemoso; виноградъ—Obtis Amurensis появляется на островахъ, начиная отъ устья Зеи; ягоды винограда мелки, толстокожи, кислы и годны только въ маринадъ; малина—Rubus judoeus и R. Lasotilis; смородина—Ribes rubrum, Ribes nigrum и др. [2]).

Орографія, климатъ и флора края ясно указываютъ на то, что фауна Приамурскаго края должна быть очень разнообразна и что различныя его мѣстности должны сильно различаться своей фауной. Не останавливаясь на перечисленіи тѣхъ видовъ изъ различныхъ отдѣловъ животнаго царства, которыя находятся на поверхности или въ водахъ этого края, мы укажемъ лишь на тѣхъ изъ нихъ, которые, при сравнительномъ распространеніи ихъ, имѣютъ важное значеніе для населенія края въ экономическомъ отношеніи, или же характерны почему-либо иному.

Въ Приамурскомъ краѣ встрѣчаются: лось (сохатый)—Cervus alces; изюбръ—Cervus Elaphus; сѣверный олень—Cervus tarandus; косуля—Cervus Capreolus; антилопа—Antilopa crispa; кабарга—Moschus moschiferus; кабанъ—Sus scropha; бѣлка—Sciurus vulgaris; бурундукъ—Tamias striatus; тигръ—Felis tigris; рысь—Felis lynx; волкъ—Canis lupus et alpinus; лисица—Canis vulpes; соболь—Mustella Zibellina. Этотъ небольшой звѣрекъ былъ, можно сказать безъ преувеличенія, главнымъ путеводителемъ и двигателемъ въ наступательномъ движеніи первыхъ нашихъ піонеровъ

---

[1]) Шперкъ, «Россія дальняго востока», стр. 307 и 308.

[2]) Тамъ же, стр. 305—33.

къ востоку. Находя въ своихъ походахъ къ востоку все болѣе и болѣе обильныя ухорья для добычи этого звѣрька, а также и болѣе высокое достоинство его мѣха, промышленники подвигались все далѣе и далѣе, не останавливаясь ни предъ какими препятствіями въ этихъ пустынныхъ и отдаленныхъ мѣстахъ. Въ Амурскомъ краѣ соболь распространенъ всюду, гдѣ и бѣлка, но болѣе всего въ сѣверо-восточныхъ частяхъ края, поросшихъ хвойнымъ лѣсомъ, съ прекращеніемъ котораго оканчивается и мѣстонахожденіе соболя. Горностай—mustela erminea, обращаетъ на себя вниманіе по своей нарядной шкуркѣ, которая цѣнится относительно высоко по своей незначительной величинѣ. Выдра—Lutra vulgaris; россомаха—Gulo borealis; барсукъ—Males taxus; медвѣдь—Ursus arctos [1]).

Приамурскій край занимаетъ площадь въ 2.701.076 кв. верстъ, превосходя такимъ образомъ Францію почти въ шесть разъ. Самое большое его протяженіе (отъ озера Байкала до Берингова пролива) равняется разстоянію отъ мыса Доброй Надежды до Парижа. Граница края тянется на 21 тыс. верстъ, изъ коихъ 11 тысячъ омываются морями. Моря образуютъ въ краѣ много удобныхъ для стоянки судовъ бухтъ и заливовъ. Лучшими бухтами на югѣ нашихъ владѣній представляются Новгородская и Золотаго Рога, на которой стоитъ быстро развивающійся городъ Владивостокъ. Изъ нихъ первая замерзаетъ на $3-3^1/_2$ мѣсяца въ году, а вторая на $3^1/_2$—4 мѣсяца. Всѣ остальныя бухты и заливы бываютъ покрыты льдомъ болѣе продолжительное время. Наибольшею бухтою въ краѣ и притомъ вполнѣ защищенною отъ всѣхъ вѣтровъ слѣдуетъ признать гавань Императора Николая, обыкновенно называемую просто Императорскою гаванью. Въ ней могли бы умѣститься соединенные флоты всего міра. Къ сожалѣнію. гавань эта бываетъ скована льдомъ не менѣе 5 мѣсяцевъ въ году. Кромѣ этой гавани, въ Татарскомъ проливѣ имѣются еще другія хорошія, но нѣсколько меньшихъ размѣровъ гавани: заливъ Де-Кастри, Св. Ольги, Преображенія и пр. Въ Охотскомъ морѣ нѣтъ ни одной хотя бы сколько-нибудь защищенной отъ вѣтровъ гавани; въ Беринговомъ же морѣ есть удобныя—Петропавловскій заливъ, Анадырская губа и нѣкоторыя другія гавани.

Долины края представляются наиболѣе плодородными частями его, но онѣ не обширны вообще и составляютъ, какъ кажется, около $^1/_{10}$ части всей территоріи края. Въ Амурской области долины двухъ наиболѣе значительныхъ притоковъ Амура—Зеи и

[1]) Шперкъ, «Россія дальняго востока», стр. 334—335.

Буреи, обширнѣе другихъ и, повидимому, плодороднѣе. Въ Приморской области наиболѣе плодородною мѣстностью является холмистая площадь, по которой протекаютъ рѣки Суйфунь, впадающій въ Амурскій заливъ, и Мо и Лефу, впадающія въ озеро Ханка. Длина этой площади—150 верстъ, а ширина—отъ 20 до 50 верстъ. Затѣмъ весьма пригодными для сельскаго хозяйства представляются долины рѣкъ Сучана, впадающаго въ заливъ Америка, и Даубихэ, отъ сліянія которой съ Сунгачей образуется рѣка Уссури, тоже одинъ изъ важнѣйшихъ притоковъ Амура. Всѣ прочія долины въ краѣ, насколько онѣ изслѣдованы до нынѣ, или незначительныхъ размѣровъ, или подвержены затопленію во время разлива рѣкъ, или на столько удалены на сѣверъ, что хлѣбопашество въ нихъ невозможно. Въ указанныхъ выше наиболѣе пригодныхъ для сельскаго хозяйства мѣстностяхъ Амурской и Приморской областей верхній слой почвы состоитъ обыкновенно изъ черновема, толщиною въ четверть аршина, иногда въ поларшина, мѣстами даже болѣе; но этотъ черноземъ, по своей плодородности и неистощимости, стоитъ значительно ниже богатаго и тучнаго чернозема Европейской Россіи.

Все наше побережье Тихаго океана лежитъ внѣ вліянія теплаго морскаго теченія, а потому климатъ прибрежной полосы Приморской области сравнительно весьма суровъ. Такъ, г. Владивостокъ, находящійся на одной параллели съ Марселью, имѣетъ такую же среднюю годовую температуру, какъ и Вологда. Неблагопріятныя климатическія условія нашего побережья усиливаются еще постоянными лѣтними туманами и дождями, не допускающими произрастенія въ немъ пшеницы и ржи, почему тамъ сѣются только овесъ, просо и овощи. Въ остальныхъ частяхъ Приамурскаго края климатъ совершенно континенталенъ. Лѣтомъ въ нихъ дуютъ преимущественно южные и юго-восточные, влажные вѣтры, а зимою – сѣверные и сѣверо-западные, сухіе. Вслѣдствіе этого, зимою бываетъ здѣсь мало снѣгу и около 30 градусовъ мороза, а лѣтомъ—много дождя и до 30 градусовъ жары.

Хлѣбъ родится въ краѣ вообще удовлетворительно: въ Амурской области и въ южной части Приморской средній урожай пшеницы надо считать самъ-шесть, но по качеству зерна Приамурскій хлѣбъ далеко уступаетъ хлѣбу Европейской Россіи. По причинѣ малоснѣжности зимы и морозовъ, стоящихъ въ продолженіи 8—10 недѣль ниже 20° R., озимые хлѣба здѣсь почти немыслимы; но за то тутъ отлично родятся ленъ, овощи и почти всѣ виды корнеплодныхъ растеній. Процвѣтанію сельскаго хозяйства въ Приамурскомъ краѣ сильно препятствуютъ, кромѣ упо-

мянутыхъ разливовъ рѣкъ, часто свирѣпствующія здѣсь эпизоотіи, которыя особенно упорно держатся въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Сильно также вредитъ скоту и лошадямъ, такъ называемый здѣсь, гнусъ, т.-е. разнаго рода и величины мухи, оводы, комары и т. п. Въ теченіе іюня, іюля и части августа гнусъ этотъ, какъ говорится, кишмя-кишитъ, доводитъ не только животныхъ, но и людей до изнеможенія и лишаетъ возможности производить полевыя работы.

Численность всего населенія Приамурскаго края опредѣляется, приблизительно, въ 682.000 человѣкъ, что составляетъ 0,27 человѣка на квадратную версту. Если же изъ этой цифры населенія исключить 20 т. расположеннаго въ краѣ войска и 8 т. ссыльно-каторжныхъ, то производительнаго, такъ сказать, населенія придется лишь 0,25 человѣка на квадратную версту. Если не принимать въ расчетъ Владивостокскаго губернаторства, гдѣ населеніе сосредоточено почти исключительно въ одномъ городѣ, то наиболѣе густое населеніе въ краѣ приходится на долю Забайкальской области.

32 года тому назадъ, т. е. во время присоединенія Амурской и Приморской (безъ сѣверныхъ округовъ) областей къ Россіи, населенія въ нихъ, можно сказать, почти не было, такъ какъ на этомъ огромномъ пространствѣ проживало всего лишь нѣсколько тысячъ инородцевъ, да небольшое число торговавшихъ съ ними и занимавшихся разными промыслами китайцевъ, по мѣстному выраженію «манзъ». Въ настоящее же время населеніе этихъ областей распредѣляется по народностямъ слѣдующимъ образомъ: русскихъ — 95.600 чел., инородцевъ — 30.800 чел., китайцевъ — 27.500 чел., корейцевъ — 8.500 чел., прочихъ иностранцевъ — 800 чел., а всего 163.200 чел. Численность инородческаго населенія, какъ кажется, не уменьшается, но и замѣтнаго естественнаго прироста его тоже нѣтъ. Трудно, впрочемъ, и ожидать этого прироста при той печальной обстановкѣ, въ какой живутъ, или, точнѣе, прозябаютъ инородцы.

Между иностранцами, входящими въ составъ рѣдкаго, но разноплеменнаго населенія Амурской и Приморской областей, первое мѣсто, по численности, занимаютъ китайцы и корейцы. Благодаря постоянному, изъ года въ годъ продолжающемуся, притоку къ намъ подданныхъ Дайцинскаго государства и Кореи, число тѣхъ и другихъ въ нашихъ предѣлахъ достигаетъ нынѣ 36.000 человѣкъ.

Въ настоящее время численность корейскаго населенія въ Южно-Уссурійскомъ краѣ опредѣляется въ 7.800 чел., изъ которыхъ 400 входятъ въ составъ городскаго населенія Владивостока,

а остальные 7.400 человѣкъ образовали 18 деревень. Всѣ означенные корейцы принадлежатъ къ категоріи водворившихся на постоянное жительство въ краѣ; число же приходящихъ въ наши предѣлы для временныхъ заработковъ не можетъ быть опредѣлено даже приблизительно, по неимѣнію для того данныхъ.

Въ настоящее время манчжуръ Амурской области насчитывается до 14.000 душъ обоего пола, а пространство занятой ими земли доходитъ до $1^1/_2$ т. кв. верстъ.

Русскіе открыли Амуръ уже въ XVII вѣкѣ, Поярковъ въ 1643—1646 гг. и Хабаровъ въ 1649 г. Малочисленность первыхъ завоевателей, ихъ первые необузданные поступки съ инородцами и китайское господство на Амурѣ помѣшало и не позволило, однако, утвердиться съ самаго начала на Амурѣ [1]). Окончательно онъ пріобрѣтенъ былъ усиліями и энергіей генералъ-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, впослѣдствіи графа Амурскаго, и наконецъ закрѣпленъ Айгунскимъ трактатомъ. Причиной того, что Амуръ долго составлялъ pia-desiderata русскихъ завоевателей, но составилъ самую позднѣйшую часть пріобрѣтеній было то, что русскіе завоеватели и піонеры, совершивъ легко покореніе среди полудикарей и овладѣвъ въ полстолѣтіе пустынною страною до Якутска и Охотска, на югѣ Сибири встрѣтили отпоръ въ весьма сильномъ азіатскомъ государствѣ и не обладали достаточными географическими познаніями. Такъ, напримѣръ, долго русскіе находились въ заблужденіи относительно береговъ Амура и предполагали, что Сахалинъ соединяется съ азіатскимъ прибрежьемъ. Таково было мнѣніе Крузенштерна и другихъ моряковъ, недостаточно изучившихъ Амуръ и доставлявшихъ о немъ извѣстія [2]).

Англо-французская война и опасенія вторженія непріятеля въ Камчатку и на берега Охотскаго моря заставили обратить особое вниманіе на Амуръ и съ этого времени сдѣланъ рѣшительный шагъ къ обслѣдованію его и присоединенію. Присоединеніе Амура было принято восторженно; оно породило широкія надежды и планы на нашу будущность и роль на берегахъ Тихаго океана. Самый Амуръ по своему положенію и слухи о роскошной флорѣ и благопріятномъ климатѣ Уссурійскаго края породили много восторговъ, прославленій Амура и цѣлую панегиристическую и тенденціозную литературу. Но вслѣдъ за этимъ явились многія разоблаченія, охладившія первые восторги. Первыя обольщенія перешли въ разочарованія. Причиной тому были неудачи при ко-

---

[1]) Шперкъ, «Россія дальняго востока», стр. 72—73.

[2]) Тамъ же, стр. 84—85.

лонизаціи. Мы видимъ по географическому описанію, что страна была не вездѣ гостепріимна, разстоянія были огромны, край представлялъ дикую и дѣвственную природу, которая давила человѣка. Эта отдаленность и пустынность не позволили и препятствовали утвердиться русскимъ на Амурѣ два съ половиной столѣтія.

Колонизація вслѣдъ за завоеваніемъ Амура началась быстро, но она совершилась обязательно и принудительно; она состояла изъ военнаго элемента — казаковъ и штрафныхъ батальоновъ; за недостаткомъ женщинъ присылали каторжныхъ и ссыльныхъ женщинъ. Колонистовъ двигали, недостаточно снабдивъ припасами. Сплавъ хлѣба былъ затрудненъ: барки, становясь на мель, тонули, а среди батальоновъ, посылаемыхъ заселять Амуръ, обнаруживались голодовки и даже смертные случаи отъ голода. Особенно потерпѣлъ бѣдствіе отрядъ въ 1856 г., шедшій изъ Маріинска въ Забайкалье. Голодные, замерзающіе при 20° мороза люди умирали и, по разсказамъ офицеровъ, ѣли и грызли трупы умершихъ. (Шперкъ, стр. 101). Станицы и деревни, основанныя по трактамъ и по Амуру, были назначаемы первоначально безъ изслѣдованія мѣстности и вскорѣ страшные разливы Амура и наводненіе причинили бѣдствія въ 1861, 1863, 1872 и 1876 г. Поселенныя станицы должны были сняться съ своихъ мѣстъ [1]).

Эти неудачи навели панику на населеніе и Амуръ началъ было получать печальную извѣстность въ мѣстахъ ближайшихъ. Тѣмъ не менѣе, въ отдаленныхъ частяхъ Россіи слава объ Амурѣ получила преувеличенные слухи о богатствахъ, климатѣ и привольѣ. Какъ всегда колонисты думали найти здѣсь молочныя рѣки. Обстоятельства и опытъ указали, что естественныя условія Амура не слѣдуетъ разукрашать и превозносить, такъ какъ это обошлось очень дорого обольщеннымъ и наивно вѣрующимъ.

Не нужно забывать, что до Амура изъ внутренней Россіи надо пройти 6.000 в. до Иркутска, затѣмъ начинаются трудности достигнуть Амура чрезъ Забайкалье, далѣе по Шилкѣ до Амура и, наконецъ, самое протяженіе Амура 2.000 в. Русскій переселенецъ пѣшеходъ, не дойдя до мѣста, можетъ подвергнуться величайшимъ испытаніямъ, какъ и было: онъ идетъ иногда 2 и 3 года, а бывали случаи и долѣе. Многіе, шедшіе на Амуръ, истощали энергію и средства и принуждены были оставаться въ Западной

---

[1]) Въ 1863 г. около Благовѣщенска было затоплено болѣе 1.100 дес. и унесено водой 30.000 копенъ сѣна. Въ низовьяхъ Амура и Уссури затоплено большинство пашенъ и унесено 17.000 коп. сѣна. Въ 1876 г. было потоплено 3.650 пашенъ. Въ 1872 г. уничтожено было 6.352 д. пашенъ.

и Восточной Сибири, на пути. Переселенцы часто не имѣютъ понятія, что ихъ ожидаетъ; поселеніе въ дѣвственныхъ мѣстахъ требуетъ особой предусмотрительности и человѣкъ, не привыкшій къ дикой природѣ, долго борется, пока не пріобрѣтетъ сноровки и привычки. Недостатокъ свѣдѣній объ экономическихъ и хозяйственныхъ условіяхъ Амура былъ доселѣ причиною неудачъ колонизаціи.

Заселеніе Амура въ видахъ государственныхъ и политическихъ создало нынѣ перевозку переселенцевъ въ Уссурійскій край моремъ; но и здѣсь потребовался выборъ переселенцевъ и особая помощь и поддержка колонисту при его обзаведеніи хозяйствомъ [1]). Благопріятными мѣстами на Амурѣ считается долина Зеи, мѣста около Благовѣщенска и мѣста по Уссури и Сунгари, тогда какъ остальное теченіе Амура представляетъ еще непривѣтныя пустыни.

До сихъ поръ переселеніе на Амурѣ совершается при большихъ трудностяхъ сухимъ путемъ добровольно идущими переселенцами до 1.500 д. и кругомъ свѣта на корабляхъ добровольнаго флота по 250 семей въ годъ. Искусственная колонизація Амура увеличила его населеніе, но устройство и экономическое развитіе края предстоитъ впереди. Мы видимъ, что для устройства на Амурѣ, помимо личной энергіи переселенца, необходима еще помощь ему, знаніе и тщательное изученіе условій мѣстности, гдѣ совершается водвореніе. Словомъ, успѣхи и плоды колонизаціи еще впереди.

Приамурскій край щедро надѣленъ природою разнаго рода металлами и минералами. Въ его нѣдрахъ хранятся золото, серебро, мѣдь, олово, желѣзо, каменный уголь, горный хрусталь, аметистъ, мраморъ, графитъ, киноварь, бѣлая глина, соль и т. п. Но ни о количествѣ, ни о качествѣ ихъ невозможно сказать чего-нибудь точнаго, такъ какъ изслѣдованій ихъ мѣсторожденій, даже поверхностныхъ, до нынѣ еще не было произведено.

Изъ минеральныхъ богатствъ болѣе всего разрабатывается въ краѣ золото, потому что оно можетъ дать предпринимателю больше всего барышей и притомъ находится почти повсемѣстно отъ Байкала до Камчатки и отъ сѣверныхъ отроговъ Станового хребта до Великаго океана. Вслѣдствіе малонаселенности края, а слѣдовательно и дороговизны въ немъ рабочихъ рукъ, въ настоящее

---

[1]) Въ Южно-Уссурійскій край съ 1883 по 1885 г. было перевезено весною 4.729 д. съ продовольствіемъ на мѣстѣ на 18 мѣсяцевъ и обошлось 1.200 р. на семью.

время здѣсь разрабатываются лишь тѣ золотоносныя залежи, которыя содержатъ въ себѣ золота не менѣе одного золотника съ нѣсколькими долями на 100 пудовъ песку.

Всего въ Приамурскомъ краѣ 111 разрабатываемыхъ пріисковъ съ 13.828 рабочими; золота добывается 628 п. 37 ф. 64 золотн., на сумму 11.448.395 руб. Въ Амурской и Приморской областяхъ 21 разрабатываемыхъ пріисковъ съ 3.026 рабочими; золота добывается здѣсь 343 п. 5 ф. 64 золотн., на сумму 6.000.000 руб. Такимъ образомъ въ Приамурскомъ краѣ добывается золота почти на 12 мил. рублей.

Залежи каменнаго угля обнаружены во многихъ мѣстахъ Приамурскаго края, но онъ разработывается только на островѣ Сахалинѣ.

Подобно каменному углю, желѣзная руда обнаружена въ различныхъ частяхъ Приамурскаго края; при этомъ въ мѣстахъ ея нахожденія имѣется значительное количество лѣса и частію каменнаго угля; слѣдовательно, въ краѣ есть всѣ данныя для того, чтобы въ немъ развились желѣзодѣлательные заводы, столь необходимые въ народномъ хозяйствѣ.

Лѣсовъ въ Приамурскомъ краѣ много, но они распредѣлены въ немъ далеко неравномѣрно. Амурская и Приморская области, а также о. Сахалинъ въ общемъ могутъ быть названы мѣстностями вполнѣ лѣсистыми. Къ сожалѣнію, здѣшніе лѣса безжалостно истребляются и не столько топоромъ, сколько огнемъ.

При обиліи лѣсовъ, Приамурскій край изобилуетъ и всевозможными звѣрями, охота на которыхъ обезпечиваетъ главнымъ образомъ существованіе инородцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ значительное подспорье и русскому населенію. Лучшая по качеству и разнообразію пушнина добывается въ сѣверныхъ округахъ Приморской области, гдѣ водится соболь, горностай, боберъ, лисица, бѣлые и голубые песцы, каменный баранъ, морскіе котики и проч.; бобрами, голубыми песцами и котиками особенно богаты Командорскіе острова. Въ прочихъ мѣстахъ Приморской области, равно какъ и во всей Амурской, разнообразіе звѣря не меньше; но только мѣха, добываемые тамъ, по своему достоинству, значительно уступаютъ тѣмъ, которые получаются въ сѣверныхъ округахъ Приморской области. Опредѣлить сколько-нибудь точно цѣнность всѣхъ добываемыхъ въ краѣ мѣховъ невозможно, по неимѣнію для того данныхъ; приблизительная же стоимость ихъ, считая въ томъ числѣ и шкуры морскихъ котиковъ съ Командорскихъ острововъ, опредѣляется свыше милліона рублей. Къ сожалѣнію, охота на звѣря искони производилась здѣсь хищническимъ

способомъ, мѣшающимъ его размноженію; вслѣдствіе чего въ послѣднее время количество его стало замѣтно уменьшаться.

Моря, омывающія берега Приамурскаго генералъ-губернаторства, и рѣки, впадающія въ эти моря, обладаютъ громаднымъ рыбнымъ богатствомъ. Во время хода горбуши изъ моря, устья рѣкъ буквально бываютъ запружены рыбой; сельдей же у морскихъ береговъ появляется такая масса, что, напримѣръ, на островѣ Сахалинѣ берегъ моря, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, бываетъ покрытъ сплошными, такъ сказать, холмами выброшенной волнами икры.

Прекрасныя качества рыбы могли бы вполнѣ обезпечить сбытъ ея въ Японію, Китай и даже въ Европейскую Россію; она могла бы вывозиться туда во всѣхъ видахъ: въ посолкѣ, въ консервахъ, въ видѣ гуано; но, къ сожалѣнію, вслѣдствіе дорогизны рабочихъ рукъ и соли, неумѣнья приготовить рыбу въ прокъ и недостатка капиталовъ, рыба изъ Приамурскаго края почти не вывозится и почти весь уловъ ея потребляется мѣстными жителями, въ особенности инородцами, для которыхъ она является главнымъ предметомъ продовольствія.

Вдоль береговъ Татарскаго пролива и Японскаго моря растетъ въ значительномъ количествѣ особая водоросль, называемая морскою капустою. Въ Китаѣ она составляетъ лакомое блюдо и продается отъ 1 рубля до 1 р. 50 к. за пудъ. У нашихъ береговъ сборомъ морской капусты занимаются почти исключительно китайцы; изъ русскихъ только одинъ купецъ Семеновъ отправляетъ ее за границу, именно до 50.000 пудовъ ежегодно. Промыселъ этотъ можетъ перейти въ русскія руки развѣ впослѣдствіи, когда край достаточно заселится русскимъ народомъ. Съ 1885 г. морская капуста облагается вывозною пошлиною въ томъ же размѣрѣ, какъ и рыба.

Въ водахъ Приморской области мѣстное населеніе могло бы найти отличный источникъ къ обогащенію въ китовомъ и моржевомъ промыслѣ. Моржи водятся въ Беринговомъ морѣ, а киты— и въ Беринговомъ, и въ Охотскомъ.

Промыселъ этотъ находится нынѣ въ рукахъ американцевъ, которые заработываютъ на немъ по 1.000.000 руб. ежегодно.

Въ тѣхъ же сѣверныхъ моряхъ занимаются также боемъ нерпъ и бѣлуги, а въ южной части Приморской области ловлею трепанговъ и крабовъ, добываніемъ рыбнаго хряща и клея и сборомъ корня дико растущаго женьшеня. Всѣ эти промыслы незначительны по своимъ размѣрамъ; производятся они частью инородцами, а преимущественно китайцами.

Устье рѣчки Осиновки.

Кругобайкальская дорога.

Промыселъ морскихъ котиковъ на Командорскихъ островахъ былъ недавно предметомъ особаго вниманія.

Въ 1741 г. совершенно случайно были открыты Командорскіе острова [1]). Берега ихъ были безлюдны, но на лѣто посѣщались котиками въ огромномъ количествѣ, подобно перелетнымъ птицамъ и кочующимъ животнымъ изъ южныхъ морей. Съ открытіемъ острововъ начался промыселъ котиковъ. Истребленіе животныхъ было самое безпощадное и нерасчетливое; такимъ же оно было въ рукахъ Россійско-американской компаніи. Въ это время перевезено сюда было населеніе рабочихъ изъ инородцевъ и русскихъ. Неблагопріятныя климатическія условія и равнодушіе къ жизни рабочихъ было источникомъ огромной смертности.

Въ 1868 г. существовала привиллегія Русско-американской компаніи, истребившей звѣря, разорившей себя и населеніе и убившей всякую частную предпріимчивость. Наконецъ, острова были переданы американской компаніи Гутчиссонъ, Кааль и др., которая повела дѣло раціональнѣе. Она ограничила повальное избіеніе и бойню котиковъ, снабдила населеніе припасами, завела лавки, позаботилась даже о комфортѣ; все нужное привозилось изъ Америки. Заработокъ населенія былъ съ 1878 г. по 1885 г. 69.000 рублей и котиковый промыселъ далъ 54.000 руб. рабочимъ. Котиковый промыселъ могъ развиваться благодаря иностраннымъ фабрикамъ, занявшимся тщательной выдѣлкой котика; говорятъ, бывшій главный аукціонистъ въ Лондонѣ, старикъ Лаксманъ, имѣвшій милліонное состояніе, до конца жизни лично занимался въ погребѣ сортировкой котиковъ, не пренебрегая этой тяжелой операціей. Выдѣлка требовала труда, терпѣнія и добросовѣстности. Иностранцы распространили употребленіе котиковыхъ мѣховъ. Какъ эксплоатировалась эта отрасль, видно изъ того, что въ 1817 г. добывали русскіе 60.000 котиковъ; но промыселъ падалъ до 18.000 котиковъ, а въ 1830 годахъ даже до 11.000.

Въ 1860 г. добывалось русскими котиковъ 4.000 и американцами 16.000, въ 1885 году 43.582 русскими и 99.996 американцами; больше всего котиковые мѣха шли въ Америку и Англію, а затѣмъ въ Германію. Распространенію ихъ содѣйствовалъ лондонскій рынокъ и фабрикація. Срокъ американской компаніи кончился; поднялась агитація, чтобы промы-

[1]) Командорскіе острова лежатъ въ 300 миляхъ къ сѣверу отъ Петропавловска, въ Камчаткѣ, подъ 55° сѣверной широты. Группа состоитъ изъ 4 острововъ.

селъ возвращенъ былъ русской компаніи, что и осуществлено. Вопросъ въ томъ, чтобы русская предпріимчивость не возвратилась къ прежней практикѣ и грубой эксплоатаціи. Урокъ американцевъ и ихъ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу были блестящимъ урокомъ для русскихъ промышленниковъ на Командорскихъ островахъ.

Негостепріимныя моря, какъ Беринговъ проливъ и Охотское море, не представляли благопріятныхъ условій для развитія морской торговли и сообщеніе съ Камчаткою доселѣ представляетъ много затрудненій и совершается разъ въ годъ на пароходахъ Филлипеуса, который былъ единственнымъ монополистомъ по снабженію края своими товарами. Восточный океанъ открылъ для русской колоніи на востокѣ новыя перспективы. Однако, сношенія съ Америкой, Японіей и Китаемъ, благодаря отсутствію мѣстной производительности на Амурѣ и слабому населенію, не могли доселѣ широко развиться. Многіе товары долгое время доставлялись на Амуръ сухимъ путемъ чрезъ Сибирь, что страшно увеличивало ихъ стоимость. Съ 1880 г. учреждена была перевозка на корабляхъ добровольнаго флота. Въ 1885 г. моремъ на Амуръ доставлялось товаровъ на сумму 9.316.000 руб., изъ которыхъ 2.425.000 р. приходилось на долю русскихъ товаровъ, а 6.891.000 р. на долю иностранныхъ. Не смотря на то цѣны на товары въ Приамурскомъ краѣ очень высокія. Стоимость возвышается на 100, 200 и 255% [1]), такъ что на Амурѣ существуетъ дороговизна жизни. Снабженіе необходимыми предметами недостаточно и часто на Амурѣ нуждаются въ необходимыхъ жизненныхъ продуктахъ. Амуръ доселѣ не обезпечиваетъ себя и въ продовольствіи, а получаетъ для продовольствія жителей до 1.200.000 пуд.; часть идетъ изъ Забайкалья до 200.000 пуд., до 250.000 пуд. изъ Европейской Россіи, до 700.000 пуд. изъ Китая и Японіи и до 50.000 пудовъ изъ Америки. Такимъ образомъ, обезпеченіе на Амурѣ производится извнѣ. Доставка хлѣба изъ Забайкалья въ Уссурійскій край обходится до 2 р. 30 к. Вывозъ съ Амура превышаетъ ввозъ, а именно простирается до 14½ милліоновъ. Большая часть вывоза—12½ милліоновъ—направляется въ Сибирь и въ Россію, а меньшая часть заграницу. Такимъ образомъ, внѣшняя торговля не играетъ большой роли на Амурѣ. Съ Амура вывозится до 11.400.000 руб. золота, на 90.000 р. серебра, на 1.050.000 р. пушнины, на 1.000.000 руб. китоваго уса, на 360.000 р. рыбы, на 340.000 р. морской ка-

[1]) Въ Россіи сукно 2 р. 50 к., въ Хабаровкѣ—5 р.; бутылка крымскаго вина 40 к., въ Хабаровкѣ—1 р. 50 к.; керосинъ 1 р. 50 к. пудъ, въ Хабаровкѣ—5 р. 33 к.; пудъ коровьяго мяса 18 р. и т. д.

пусты и на 195.000 р. моржовыхъ клыковъ. Китовый усъ и моржовые клыки идутъ въ Америку. Вотъ вся производительность Амура.

Транзитомъ къ Амуру приходитъ изъ Китая чай и разный товаръ, идущій изъ Россіи въ Китай и Корею. Въ Корею идетъ, однако, до 500.000 р. товаровъ, большею частью иностранныхъ, и наша торговля встрѣчаетъ конкурренцію иностранныхъ товаровъ и не можетъ выдержать соперничества. Чай, благодаря покровительственной пошлинѣ, идетъ сухимъ путемъ и ввозъ его чрезъ Амуръ незначителенъ: на 28.000 р. байховаго чая и на 117.000 р. кирпичнаго чая (1884 г.). Но возлагаются надежды, что современемъ, съ проведеніемъ желѣзной дороги чрезъ Сибирь, чайная торговлѣ на Амурѣ получитъ будущность. На сколько это оправдается въ виду кратчайшихъ морскихъ путей въ Европу—трудно сказать. Внутреннія сообщенія по Амуру идутъ быстрѣе и нынѣ плаваетъ уже 37 пароходовъ, которые могутъ перевозить до 480.000 пудовъ груза; къ Николаевскому же порту приходитъ до 700.000 пудовъ. Сообщеніе съ прибрежными пунктами Татарскаго залива и Японскаго моря развивается на пароходахъ купца Шевелева. Вообще, какъ видно, Амуръ нуждается первоначально въ развитіи внутреннихъ сообщеній и обезпеченіи прежде всего болѣе дешевымъ способомъ мѣстнаго населенія; что касается міровой международной торговли, то это вопросъ еще будущаго. Нѣтъ сомнѣнія, что берега Восточнаго океана и порты Амура представляютъ много удобствъ и составляютъ естественныя условія для сношенія съ Китаемъ, Японіей, Америкой и даже Индіей, но для этого должна создаться иная промышленная жизнь. Жизнь Амура связана въ этомъ отношеніи съ жизнью и гражданскимъ развитіемъ всей Сибири.

Не увлекаясь широкими планами о міровой торговлѣ, мы не можемъ игнорировать, однако, сосѣдства Амура съ Америкой, Китаемъ, Кореей и Японіей, точно также забывать вообще доступность намъ всей береговой линіи Южной Азіи и ея морей, открытыхъ для торговли. Одно это благопріятное географическое положеніе должно окрылить духъ колонистовъ, открыть имъ великую цѣль въ будущемъ, указать торную дорогу въ тѣхъ путяхъ, которые проложитъ европейская цивилизація и міровой обмѣнъ на Восточномъ океанѣ, называемомъ и теперь «Средиземнымъ» моремъ будущаго. Если мечтанія не осуществляются сразу и русское населеніе еще терпитъ много разочарованій послѣ пылкихъ надеждъ, то это потому, что для «великихъ задачъ» нужна долгая подготовительная культурная работа, много терпѣнія, усиленнаго труда и знанія, чтобы покорить природу и умѣть воспользоваться своимъ положеніемъ.

ГЛАВА IV.

ГИДРОГРАФІЯ И КЛИМАТЪ СИБИРИ.

Сибирь, сравнительно, богата водами. Масса атмосферныхъ осадковъ, въ видѣ снѣга и дождя, выпадающихъ на ея поверхность, или уносится рѣками въ Сѣверный Ледовитый и Тихій океаны, или же скопляется на поверхности, образуя множество озеръ и болотистыхъ тундристыхъ пространствъ.

Водные бассейны, однако, распредѣляются чрезвычайно разнообразно, смотря по климатическимъ и топографическимъ особенностямъ этой обширной территоріи. Снѣжные покровы на сѣверѣ даютъ болѣе запасовъ для водъ и поэтому оттаивающая земля покрывается тундрою и топкими болотами, которыя покрываютъ Сибирь. Болота перемежаются съ лѣсами, какъ, напримѣръ, на пространствѣ между Иртышемъ и Обью, и весенніе разливы водъ сливаются съ этими болотами и превращаютъ цѣлыя пространства на сотни верстъ въ сплошныя моря. Въ лѣсахъ Сибири лежатъ снѣговые пласты въ ложбинахъ иногда цѣлое лѣто, давая питаніе источникамъ.

Къ югу, однако, по мѣрѣ поднятія мѣстности, исчезновенія лѣсовъ и по мѣрѣ распространенія степей, сплошныя болота исчезаютъ, но появляется рядъ озеръ, соединяющихся протоками и болотами. По мѣрѣ обсыханія степей соединенія и протоки исчезаютъ, а отдѣльные бассейны озеръ изолируются, наконецъ, въ нихъ самихъ происходитъ высыханіе и уменьшеніе. Въ южныхъ степяхъ Сибири озера становятся солонцеватыя отъ выщелачиванія и, наконецъ, степь превращается въ безводную.

Высыханіе озеръ въ Сибири и Средней Азіи нынѣ вполнѣ выяснено. Начиная съ половины прошлаго столѣтія обращали вниманіе на чрезвычайно характерное, имѣющее особенно вредное значеніе для культуры края, явленіе постепеннаго, но сравнительно весьма быстраго высыханія озеръ въ Сибири и въ Средней Азіи.

Такъ, несомнѣнно установлена постепенно увеличивающаяся сухость степей, лежащихъ къ с. и с.-з. отъ Каспійскаго моря.

Въ степяхъ, принадлежащихъ киргизамъ Внутренней Буклеевской орды, въ періодъ съ 1846 по 1865 г. большія пространства оказались засыпанными пескомъ и нѣсколько маленькихъ озеръ совсѣмъ исчезло.

Озеро Ашикуль, находящееся въ близкомъ сосѣдствѣ съ этими степями, еще въ 1869 г. изображалось на картахъ Каспійскаго моря и хотя оно само и не было глубокимъ, тѣмъ не менѣе проливъ, соединявшій его съ моремъ, былъ на столько глубокъ, что считался удобнымъ для стоянки большихъ судовъ. Въ 1873 году русскій отрядъ, подъ командою полковника Ломакина, прошелъ по высохшему уже дну этого озера.

Поразительные примѣры такого высыханія представляютъ заливы Аральскаго моря—Барсукъ и Айбугиръ. Первый изъ нихъ въ 1741 г. занималъ площадь въ 2.230 кв. кил., а въ 1846—1847 году отъ этого залива не осталось уже и слѣда—мѣсто его занимаетъ песчаная степь Большіе Барсуки.

Айбугирскій заливъ въ 1859 году имѣлъ около 115 килом. длины и отъ 15 до 30 килом. ширины, а въ 1874 г., какъ озеро, такъ и проливъ, соединявшій это озеро съ Араломъ, уже исчезли, для чего было достаточно, чтобъ хивинцы заперли шлюзы въ каналахъ, чрезъ которые проходила въ озеро вода изъ Аму-Дарьи.

Точно также есть несомнѣнныя указанія на то, что такой процессъ высыханія совершается также въ бассейнѣ Балхаша и въ джунгарскихъ озерахъ: Сассыкъ-куль, Уя-лы и Ала-куль.

Во время изслѣдованій нашихъ степной Барабы намъ удалось сдѣлать наблюденія надъ озерами Западной Сибири: Чаны, Сумы и Абышканъ. Сравнивая карты этихъ озеръ, составленныя въ 1786, 1813—1824, 1850—1860 и въ 1880 годахъ, обнаружилось рѣзкое измѣненіе въ очертаніяхъ этихъ озеръ. Тогда какъ въ 1820 г. озера Чанъ, Абышкана, Молоки и Сумы занимали вмѣстѣ площадь около 8.300 кв. килом., въ 1880 году, т. е. чрезъ 60 лѣтъ, площадь ихъ не превышала уже 3.400 квадратныхъ килом., т. е. за этотъ промежутокъ времени поверхность бассейна уменьшилась на 4.900 кв. кил. или около 59% первоначальной поверхности.

Озеро Балхашъ, по сообщенію г. Никольскаго, понижаетъ свой уровень на 1 аршинъ въ 10 лѣтъ.

Не только озера низменности, но и многія горныя озера въ Тянь-Шанѣ и Алтаѣ несутъ ясные признаки усыханія, напр., озера: Иссыкъ-куль (на высотѣ 5.200 ф.), Сакъ-куль (на высотѣ

9.400 ф.), Искандеръ-куль (на выс. 7.000 ф.), Чатыръ-куль (на выс. 11.000 ф.), Кара-куль (на выс. 13.000 ф.) и др. [1]).

Водное богатство Сибири составляютъ ея рѣки, которыя могутъ быть отнесены къ тремъ группамъ: во-первыхъ, къ группѣ рѣкъ, несущихъ свои воды въ Сѣверный Ледовитый океанъ; сюда принадлежатъ системы рѣкъ Оби, Енисея и Лены съ огромнымъ числомъ притоковъ, между которыми многіе отличаются и значительной длиною, и обиліемъ водъ, такъ что вполнѣ пригодны для судоходства. Къ этой же группѣ надо отнести цѣлый рядъ рѣкъ, впадающихъ въ Сѣверный океанъ и также годныхъ для судоходства; во всякомъ случаѣ по нимъ вполнѣ возможенъ сплавъ по теченію; таковы: Тазъ, Хатанга, Оленекъ, Яна, Индигирка, Колыма и нѣкоторыя др. [2]).

Ко 2-й группѣ относятся рѣки, изливающіяся въ Тихій океанъ. Здѣсь изъ числа всѣхъ рѣкъ лишь одинъ Амуръ замѣчателенъ своей длиною и многоводіемъ. Остальныя же рѣки, вслѣдствіе близости хребта, служащаго водораздѣломъ, вслѣдствіе особенной короткости ската материка къ морямъ Берингову и Охотскому, не достигаютъ значительной длины и не отличаются обиліемъ водъ.

Къ 3-й группѣ, наконецъ, должно отнести рѣки, текущія во внутренніе бассейны—въ озера, особенно же въ Байкальское озеро. Изъ послѣднихъ особенно важны Селенга и Баргузинка; Селенга даже судоходна. Впрочемъ, Байкальское озеро не является вполнѣ замкнутымъ бассейномъ, а само изливаетъ свои воды въ Сѣверный Ледовитый океанъ черезъ посредство р. Ангары, которая связываетъ Байкальское озеро съ системою р. Енисея. Рѣки Сибири, за небольшимъ исключеніемъ, получаютъ свое начало или въ постоянныхъ ледникахъ и фирнахъ Алтайскихъ горъ, или же, что чаще, въ снѣгахъ, большую часть года покрывающихъ вершины Алтая, Саянскихъ горъ и друг. Очень характерна правильность въ направленіи сибирскихъ рѣкъ; воды ихъ, слѣдуя наклону площади Сибири, текутъ въ направленіи этого наклона съ юга и съ юго-востока на сѣверъ и сѣверо-западъ, сохраняя при этомъ удивительную параллельность; не только три главныя рѣки Сибири: Обь, Енисей и Лена, но почти и всѣ остальные потоки спускаются по направленію покатости къ с. и с.-з. и слѣдуютъ почти по линіи меридіана. Только Лена на востокѣ измѣняетъ въ своемъ теченіи параллельности Оби и Енисею, вынужденная обойти по длинной кривой возвышенности центральной Сибири; но и она затѣмъ вплоть до самаго

---

[1]) *О высыханіи озеръ.* Мушкетовъ, «Физическая геологія», стр. 332.

[2]) Стрѣльбицкій, «Исчисленіе поверхн. влад. Рос. Имп.» 1889 года.

впаденія своего въ Сѣверный Ледовитый океанъ опять пріобрѣтаетъ утраченный параллелизмъ.

Главныя рѣки Сибири отличаются не только своею длиною, онѣ и обиліемъ своихъ водъ далеко превосходятъ всѣ европейскія рѣки и равняются развѣ съ американскими [1]). Каждая изъ этихъ рѣкъ изливаетъ въ Сѣверный океанъ, въ среднемъ, не менѣе 10.000 куб. метровъ въ секунду [2]) и по стоку вода далеко оставляетъ за собою и Волгу, и Дунай, и Днѣпръ. Но этотъ обильный стокъ воды далеко неравномѣрно распредѣленъ по временамъ года. Низкая температура зимою, вслѣдствіе которой вода въ рѣкахъ Сѣверной Сибири замерзаетъ до глубины 2—3 метровъ, т. е. болѣе чѣмъ на сажень, замедляетъ движеніе глубокихъ водъ; эти послѣднія занимаютъ тогда меньшую часть рѣчнаго русла. Небольшіе потоки даже совсѣмъ останавливаются и водная масса замерзаетъ до дна ложа. Вода незамерзшихъ еще ручьевъ и рѣчекъ, стремясь уйти чрезъ рѣчное русло, встрѣчаетъ на своемъ пути ледяное препятствіе и, стараясь проложить себѣ путь, разливается по поверхности льда, быстро замерзаетъ въ свою очередь и лишь увеличиваетъ и безъ того огромныя массы льда. Большія рѣки, лишенныя водъ множества своихъ притоковъ и замерзшія на большую глубину, нерѣдко почти совсѣмъ останавливаются и, во всякомъ случаѣ, стокъ ихъ водъ къ океану чрезвычайно уменьшается.

Въ верховьяхъ сибирскихъ рѣкъ ледъ вскрывается прежде, чѣмъ въ низовьяхъ. Вскрывшійся ледъ, уносясь теченіемъ, встрѣчаетъ преграду отъ непроницаемаго ледянаго покрова и скопляется большими массами, которыя разрушаютъ и шлифуютъ береговыя скалы, вытачиваютъ борозды въ нихъ, переносятъ большія глыбы камней и производятъ изъ нихъ накопленія на берегахъ въ видѣ большихъ грядъ.

Иногда, особенно въ рѣкахъ нашего полушарія, текущихъ къ сѣверу, льды во время ледохода спираются и образуютъ препятствіе теченію воды, которая выходитъ изъ береговъ и затопляетъ окрестности. Ледъ, образовавшій такой барьеръ, вытѣсняется водою на берегъ и, кромѣ шлифованія, двигаетъ предъ собою большое количество валуновъ и галекъ. На Броховскихъ остро-

---

[1]) Сравнительная длина сибирскихъ и американскихъ рѣкъ. Сибирскія рѣки: Обь (съ Обской губой и Катунью) 5.205,9 килом., Енисей—4.011,1 килом., Лена—4.598,9 килом. Американскія рѣки: Амазонская 5.500 килом., Миссисипи—4.200 килом., Миссури—4.540 килом.

[2]) Реклю, стр. 447.

вахъ, на Енисеѣ, льдины заходятъ на 200 метровъ отъ берега и срѣзываютъ тальникъ [1]).

На сибирскихъ рѣкахъ, протекающихъ по земной поверхности, сравнительно, близко къ полюсу, особенно рѣзко выражено явленіе постепеннаго перемѣщенія водъ въ сторону праваго берега. Воды, направляясь отъ юга къ сѣверу, все болѣе и болѣе оставляютъ западный низменный и подтачиваютъ восточный возвышенный берегъ свой. Лѣвый берегъ сибирскихъ рѣкъ, образуясь постепеннымъ отложеніемъ наносовъ и осадковъ, представляется мало возвышеннымъ надъ уровнемъ разливовъ, ровнымъ вездѣ; правый же, напротивъ, высоко, въ видѣ холмовъ, возвышается надъ рѣкою и состоитъ изъ почвъ, еще не тронутыхъ водою [2]).

Бассейнъ Оби съ Обскою губою заключаетъ въ себѣ огромную площадь въ 2.619.102,0 кв. верстъ или въ 2.980.646,6 кв. килом. [3]). Она обнимаетъ всю Западную Сибирь, половину Киргизской степи и, простираясь къ югу отъ Алтая, захватываетъ часть Китайской имперіи.

Длина Оби вмѣстѣ съ Катунью и Обскою губою 4.880 верстъ или 5.205,9 килом.; длина же ея отъ мѣста сліянія Катуни съ Біей до Обской губы=2.520 верст. или 2.688,3 килом. [4]). Различіе во времена вскрытія и замерзанія Оби въ различныхъ пунктахъ очень рѣзкое. Изъ прилагаемой таблицы можно усмотрѣть, что промежутокъ во времени вскрытія Оби на крайнихъ пунктахъ ея у Барнаула и Обдорска въ 1879 и 1880 г. былъ болѣе мѣсяца.

	Вскрытіе.				Замерзаніе.			
	1879 г.		1880 г.		1879 г.		1880 г.	
Обь: у Обдорска	Мая	19	Мая	24	Октября	22	Октября	29
» у Сургута	»	6	»	7	»	12	Ноября	3
» у Колывани	Апрѣля	15	Апрѣля	21	»	26	»	6
» у Барнаула	»	12	»	19	»	24	Октября	27 [5]).

Въ среднемъ время вскрытія Оби у Барнаула 26 апрѣля, а у Обдорска 4 іюня, а время замерзанія ея у Барнаула 9 ноября, а у Обдорска 28 декабря [6]).

Длина Иртыша 3.900 в., а вмѣстѣ съ нижнею Обью 5.070 в. [7]).

---

[1]) Мушкетовъ, Физич. геолог., стр. 448—457.

[2]) Реклю, Азіатская Россія, стр. 450.

[3]) Стрѣльбицкій.

[4]) Тамъ же, стр. 105.

[5]) Петри и Ядринцевъ, стр. 516.

[6]) M. Rykatschew, «Uber den auf- und zugang der Gewässer des Russischen Reiches», стр. 179.

[7]) Чернышевъ, «Иртышъ», стр. 21.

Время вскрытія и замерзанія Иртыша по Рыкачеву таково:

	Вскрытіе.	Замерзаніе.	Время свободнаго теченія рѣки.
Иртышъ: у Семипалатинска	Апрѣля 15	Ноября 16	215 дней.
» у Тары	Мая 1	» 7	190 »
» у Тобольска.	» 2	» 7	189 »

Обь-енисейская водная система имѣетъ протяженіе не менѣе 834 в. [1]).

Длина Енисея вмѣстѣ съ Улу-кемъ=3.760 в. или 4.011,1 килом.

Время вскрытія и замерзанія Енисея по Рыкачеву:

	Вскрытіе.	Замерзаніе.	Періодъ времени свободнаго теченія.
Енисей: у Красноярска	30 апрѣля	12 ноября	197 дней
» у Енисейска	6 мая	17 »	195 »
» у Туруханска	29 »	31 октября	155 »

Длина Лены 4.311 в. или 4.598,9 килом. [2]).

Время вскрытія и замерзанія Лены по Рыкачеву:

	Вскрытіе.	Замерзаніе.	Періодъ времени свободнаго теченія.
Лена: у Верхоленска	Мая 10	Ноября 5	179 дней
» у Киренска	» 11	Октября 20	162 дня
» у Якутска	» 20	» 12	152 »
» у устья	Іюня 25	» 2	99 дней

Длина Амура вмѣстѣ съ Аргунью, озеромъ Далай-Норъ и рѣкою Керулономъ=4.198 в. или 4.448,4 килом.; длина же Амура отъ мѣста сліянія Шилки съ Аргунью до впаденія его въ Охотское море около 2.540 в. [3]).

Время вскрытія и замерзанія Амура по Рыкачеву:

	Вскрытіе.	Замерзаніе.	Время свободнаго теченія рѣки.
Шилка: у Успенскаго монастыря . . .	Мая 4	Ноября 4	184 дня.
Амуръ: у Благовѣщенска	Апрѣля 28	» 10	196 »
» у Николаевска	Мая 22	» 12	174 »

Въ заключеніе этого гидрографическаго очерка мы должны сказать нѣсколько словъ, какое значеніе эти стоки имѣютъ для жизни и какую услугу оказали исторіи разселенія. Рѣки Сибири на этой обширной территоріи, покрытой дѣвственными лѣсами, хребтами и непроходимыми пустынями, явились первыми дорогами и указателями пути для первыхъ завоевателей. Вѣроятно, они та-

---

[1]) Стрѣльбицкій.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

кими же путями были и до пришествія русскихъ у инородцевъ. Ермакъ совершаетъ походъ по рѣкамъ и открываетъ путь въ Сибирь по Баронче и Серебряной. Иртышъ помогаетъ ему проникнуть въ центръ Сибирскаго царства и приблизиться къ столицѣ Искеру. Всѣ первые остроги и городки становятся на рѣкахъ. Русскіе идутъ по Иртышу, Оби, переваливаютъ на Енисей, далѣе выходятъ на Лену, съ Лены по притокамъ переваливаютъ на Амуръ, напр., Хабаровъ. Такимъ образомъ, рѣки приводятъ русскихъ къ Восточному океану. Но тѣ же рѣки приводятъ русскихъ землепроходовъ и къ берегамъ Сѣвернаго океана; тѣ же рѣки ихъ ведутъ къ югу до границъ Китая. У колонистовъ остался терминъ «вывершить» рѣку, значитъ дойти до ея вершинъ. Рѣки послужили первыми спорными пунктами и дали возможность снабжать первыя арміи припасами, хлѣбомъ и военными запасами. Они поддерживали сношенія передовыхъ отрядовъ съ главными силами и сношенія завоевываемой страны съ метрополіей. «Кто будетъ володети рѣками, тотъ будетъ володети всѣю страною», писалъ Крыжаничъ. Дѣйствительно, овладѣвъ рѣками, русскіе овладѣли и Сибирью; также господствующія племена въ исторіи Сибири стѣсняли другихъ покоренныхъ народовъ и овладѣвали главнымъ теченіемъ рѣкъ. Алтайскія племена овладѣли среднимъ теченіемъ Оби и Иртыша, саянцы—Енисеемъ, самоѣды—Обью, якуты—Леной и манджурскія племена—Амуромъ. Ихъ смѣнили на тѣхъ же путяхъ русскіе.

Рѣки Сибири съ своими притоками облегчили переходы съ одного бассейна на другой, а затѣмъ поощрили колонизацію и торговлю. Торговля и всѣ сношенія происходили въ первое время по рѣкамъ. Спафарій въ своемъ путешествіи описываетъ этотъ длинный рѣчной путь тогдашнихъ сообщеній съ географическою точностью; такъ начертывается первая карта Сибири. Въ статьѣ «О сибирскихъ торгахъ» Миллера въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ описаны пути, какъ шли водою сибирскіе товары.

Воеводы, и казаки, и войско, колонисты и преступники, ссылаемые въ Сибирь, двигались по рѣкамъ, перебирались черезъ волоки и т. д. Это былъ самый надежный путь.

Рѣки для земледѣльческой колонизаціи имѣли также обширное значеніе, земледѣльческія селенія ютились около рѣкъ, ища сбыта и сплава хлѣба. Лучшіе земледѣльческіе округи въ Средней Сибири расположены по рѣкамъ. Рѣки же создали и многіе промыслы осѣдлому населенію. Рыбопромышленность перешла цѣликомъ, какъ наслѣдіе, въ руки русскихъ, хотя и не безъ насилія надъ инородцами.

Направляясь въ теченіи своемъ съ юга къ сѣверу изъ мѣстностей съ болѣе мягкимъ климатомъ къ полярнымъ, суровымъ и скуднымъ растительностью сѣвернымъ берегамъ, эти рѣки имѣютъ назначеніемъ снабжать скудный сѣверъ произведеніями южной земледѣльческой полосы. Съ другой стороны — по притокамъ облегчать сношенія востока съ западомъ. Поэтому съ прошлаго столѣтія начали создаваться проекты о соединеніи этихъ рѣкъ непрерывнымъ сообщеніемъ. Между Волгой и Иртышемъ, между Печорой и Обью, между Обью и Енисеемъ предполагались каналы. Обь-Енисейскій каналъ осуществилъ давно явившуюся мысль и созданную естественною картиною рѣчныхъ теченій. Еще Геденштремъ задавался грандіознымъ мечтательнымъ проектомъ о безпрерывномъ водномъ сообщеніи отъ береговъ Восточнаго океана до Волги и далѣе.

Нечего говорить, что мысль эта не можетъ быть сразу выполнена, но она можетъ постепенно осуществляться, какъ мы видимъ, по намѣченному Обь-Енисейскому каналу и попыткамъ расчистить русло Ангары для сообщенія съ Байкаломъ.

Въ будущемъ, быть можетъ, водныя богатства Сибири принесутъ краю значительную пользу. Дѣло въ томъ, что Обь, Енисей, Лена и Амуръ принимаютъ справа и слѣва большое число многоводныхъ притоковъ. При этомъ притоки однѣхъ рѣкъ настолько близко подходятъ къ притокамъ другихъ, что соединеніе ихъ посредствомъ искусственныхъ каналовъ не представляется невѣроятнымъ. Бассейны рр. Оби и Енисея связаны уже Обь-Енисейскимъ каналомъ. Не разъ также указывалось на возможность соединенія притоковъ Енисея съ притоками Лены и притоковъ послѣдней съ притоками Амура. Мало того: существуетъ цѣлый рядъ проектовъ соединенія посредствомъ каналовъ бассейновъ рр. Оби и Волги.

Если бы всѣ эти проекты—планы будущаго осуществились, если бы, дѣйствительно, связать могучія рѣки Сибири съ рѣкой Волгой, тогда получился бы чрезвычайно важный непрерывный водный путь, ведущій изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ Юго-восточной Сибири и изъ водъ Тихаго океана къ водамъ Сѣвернаго Ледовитаго океана и Каспійскаго моря. Послѣднее же, какъ извѣстно, связано съ водами Балтійскаго моря черезъ посредство Вышневолоцкой, Тихвинской и Маріинской водныхъ системъ.

Несомнѣнно, что водныя сообщенія принесутъ современемъ огромныя выгоды промышленности края, такъ какъ водная доставка, по своей дешевизнѣ, будетъ всегда выгоднѣе сухопутной и транспорты баржъ дадутъ возможность сплавлять огромное ко-

личество грузовъ. Сибирскія рѣки, соединенныя съ Сѣвернымъ моремъ, возбудили надежды въ послѣднее время проложить путь изъ Сибири въ Европу и если это не можетъ еще осуществиться, то развѣ только потому, что мы мало знаемъ условія Сѣвернаго моря, его теченій, состоянія льдовъ въ разные сезоны. При всемъ этомъ иностранные корабли ежегодно проникаютъ въ устья сибирскихъ рѣкъ. Въ этомъ случаѣ дѣло, начатое русскими мореходами въ XVII и XVIII вѣкахъ, получило особый импульсъ съ попытки Норденшельда, поддерживаемой съ замѣчательною настойчивостью капитаномъ Виггенсомъ.

Можно надѣяться, что въ будущемъ болѣе и болѣе будутъ побѣждаться тѣ неблагопріятныя условія и тѣ стихійныя препятствія, съ которыми ведетъ непрерывную борьбу цивилизованный человѣкъ. Такимъ образомъ, рѣкамъ Сибири, какъ и морямъ, ее окружающимъ, предстоитъ еще большую оказать услугу культурѣ, промышленности и торговлѣ, чѣмъ оказана была доселѣ.

Сибирь, занимая огромную площадь, совершенно естественно, заключаетъ въ себѣ чрезвычайное разнообразіе климатовъ. Жестокіе холода, продолжительныя зимы и короткое лѣто сѣвера Сибири смѣняются постепенно къ югу, сравнительно, умѣреннымъ климатомъ, а на самомъ югѣ есть даже уголки, дышащіе хорошею природою. Въ общемъ климатъ Сибири, конечно, суровый; зимы, обыкновенно, очень холодны даже въ южной части ея; тѣмъ не менѣе, нигдѣ въ Сибири климатическія условія не дѣлаютъ невозможною жизнь человѣка и даже въ ближайшихъ по полярному кругу мѣстностяхъ торговцы и промышленники основали свои факторіи, а значительное инородческое населеніе существуетъ здѣсь издавна. Изъ картъ годовыхъ и мѣсячныхъ изотермъ Wild'a, а также и изъ его таблицъ среднихъ годовыхъ и мѣсячныхъ температуръ можно съ очевидностью усмотрѣть, что Сибирь является холоднѣйшею частью Россійской Имперіи, что она обнимаетъ пространство, гдѣ средняя годовая температура нигдѣ не бываетъ выше нуля, тогда какъ на европейскомъ материкѣ температуру ниже нуля имѣютъ лишь мѣста отдаленнѣйшаго сѣверо-востока, ближайшія къ берегамъ Сѣвернаго Ледовитаго океана (между Бѣлымъ и Карскимъ морями). Изъ этихъ же картъ и таблицъ видно, что холоднѣйшія мѣста Сибири, какъ по среднимъ годовымъ температурамъ, такъ и по среднимъ декабря, января и февраля мѣсяцевъ, лежатъ на сѣверо-востокѣ азіатскаго материка, въ нижнемъ теченіи Лены и по рѣкѣ Янѣ, тамъ, гдѣ расположены Хинганскъ и Верхоянскъ. Вотъ среднія годовыя и среднія самаго холоднаго

и самаго теплаго мѣсяцевъ нѣкоторыхъ пунктовъ Западной и Восточной Сибири по Цельзію [1]).

	Средняя годовая.	Средн. сам. тепл. м.	Средн. сам. хол. м.
Березовъ	— 4,53	Іюль (16,66)	Январь (—22;89)
Якутскъ	—11,83	» (17,30)	» (—41,85)
Охотскъ	— 5,06	Августъ (13,33)	» (—23,68)
Енисейскъ	— 2,24	Іюль (20,13)	» (—25,62)
Тобольскъ	— 0,12	» (16,62)	» (—19,73)
Томскъ	— 0,79	» (19,08)	» (—19,67)
Ишимъ.....	— 1,13	» (19,33)	» (—20,05)
Барнаулъ.....	— 0,82	» (20,15)	Февраль (—17,97)
Николаевскъ на Амурѣ	— 2,66	» (16,46)	Январь (—23,22)
Иркутскъ	— 0,02	» (18,64)	» (—20,06)
Нерчинскій заводъ	— 3,73	Августъ (18,36)	» (—29,42)

Въ общемъ наблюдается, что въ Сибири средняя годовая идетъ повышаясь отъ сѣв. къ югу и понижаясь отъ зап. къ востоку.

Такъ, начинаясь въ Верхоянскѣ —16,7°, Якутскѣ —11,83°, температура по югу все повышается и достигаетъ въ Барнаулѣ 0,5°, Минусинскѣ 0,5, Иркутскѣ 0,02 и затѣмъ уже въ предѣлахъ нашихъ среднеазіатскихъ владѣній средняя годовая выше 0°; такъ, въ Акмолинскѣ она 1,3, а въ Семипалатинскѣ 2,4 [2]); далѣе, Тобольскъ, Ишимъ и Томскъ находятся сравнительно много сѣвернѣе, чѣмъ лежащіе къ востоку отъ нихъ Николаевскъ на Амурѣ, Нерчинскій заводъ и Благовѣщенскъ, а между тѣмъ въ первыхъ средняя годовая —0,1°, —1,13° и 0,74°, а въ послѣднихъ —2,7°, —3,7° и —1,2°.

Самымъ холоднымъ мѣсяцемъ Сибири должно считать январь. Приращеніе температуры отъ января къ февралю меньше, чѣмъ отъ февраля къ марту и особенно отъ марта къ апрѣлю, отъ апрѣля къ маю приращеніе убываетъ, а отъ мая къ іюню оно незначительно. Отъ іюня къ іюлю температура увеличивается на протяженіи всего азіатскаго материка. Съ іюля начинается убываніе температуры, которое идетъ сначала слабо; затѣмъ болѣе всего оно отъ сентября къ октябрю и отъ октября къ ноябрю. Отъ ноября къ декабрю убываніе температуры слабѣе [3]).

---

[1]) Wild, «Temperatur-Verhältnisse des Russischen Reiches».

[2]) Войековъ «Климаты земнаго шара», стр. 614.

[3]) А. Тилло, «Распредѣленіе атмосфернаго давленія на пространствѣ Россійской Имперіи азіатскаго материка». Записки Импер. Рус. Геогр. Общ. по общей географіи, т. XXI.

Климатъ Сибири носитъ несомнѣнно континентальный характеръ, что выражается какъ нѣкоторою сухостью его, такъ и разными колебаніями температуры. Не только зима и лѣто рѣзко различаются своими температурами, переходя отъ жестокихъ холодовъ первой къ сильнымъ жарамъ послѣдняго, но и въ теченіи одного мѣсяца, даже одного дня наблюдаются значительныя колебанія температуры. Такъ средняя температура:

	Январь.	Іюль.
Верхоянскъ....	—48,9	+15,4
Якутскъ	—41,83	17,3
Охотскъ.....	—23,7	13,33
Нерчинскій заводъ.....	—29,42	18,4
Благовѣщенскъ.	—25,5	20,7

Разница между среднею температурою января и іюля въ этихъ пунктахъ, взятыхъ только для примѣра, настолько значительна, что ни въ одномъ пунктѣ европейскаго материка такой разницы не наблюдается. Такъ, за полярнымъ кругомъ, къ сѣверу отъ Новой Земли, гдѣ средняя января —23,5 (самая низкая въ Европѣ), все-таки средняя іюля только 1,6°, т. е. разница между температурою зимы и лѣта далеко не такъ значительна.

Любопытны также колебанія температуры въ теченіе одного мѣсяца. Въ Барнаулѣ, напр., для декабря наименьшая —55°, а наибольшая 5,1; въ Енисейской для января крайняя наименьшая —59,4, а крайняя наибольшая 2,8 [1]). Наконецъ, еще характернѣе колебанія температуры въ теченіе еще болѣе короткаго промежутка времени. Такъ, въ Красноярскѣ въ концѣ ноября 1840 года температура въ 46 часовъ упала съ 0,6° до —46,2°; 27 января 1877 г. въ 1 часъ было —12,8°, а въ 9 ч. веч. — 32,1° [2]). Зима въ Сибири очень холодная; всюду, даже въ западной и южной части Сибири, возможна температура ниже —50° [3]). Такъ, въ 1872 г. наименьшая температура въ Семипалатинскѣ —49,9, въ Барнаулѣ —51,9, въ Томскѣ —57,2 и въ Енисейскѣ —50,7 [4]).

Средняя годовая температура въ Иркутскѣ —0,5; самый холодный мѣсяцъ январь, съ средней —21,6 и самый теплый—іюль 18,1°. Число лѣтъ наблюденія 16 (повидимому, съ 1870 по 1886 годъ).

Относительно колебаній температуры представляютъ большой интересъ колебанія температуры въ Иркутскѣ въ январѣ мѣсяцѣ

[1]) Воейковъ, стр. 491.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.

въ періодъ 1873—1888 годовъ: средняя изъ наибольшихъ=8,5; средняя изъ наименьшихъ=36,5; абсолютныя наибольшія=0,3; абсолютныя наименьшія=45,6.

Надъ днями послѣдняго и перваго морозовъ въ Иркутскѣ сдѣланы наблюденія за 11 лѣтъ:

Годы:	Послѣдній морозъ.	Первый морозъ.
1873	Мая 19	Сентября 26
1874	» 6	» 26
1875	» 17	» 16
1876	» 3	» 17
1877	» 4	» 30
1879	» 5	» 21
1883	» 2	» 6
1884	» 16	» 23
1886	» 8	» 15
1887	» 7	» 17
1888	» 9	» 9

Самый поздній морозъ за этотъ періодъ времени былъ 19 мая, самый ранній—6 сентября.

Количество осадковъ въ миллиметрахъ:

Иркутскъ за время съ 1873 г. по 1888 годъ. Общее среднее количество осадковъ въ теченіи года=380 миллиметрамъ. Наибольшее количество приходится на іюль—72 миллим. и наименьшее на мартъ—10 миллим.

Число дней съ осадками и снѣгомъ для Иркутска=74,4, изъ нихъ на снѣгъ приходится 74,4 [1]).

Весьма интересно явленіе, наблюдаемое въ Восточной Сибири. Казалось бы, что чѣмъ выше мѣстность надъ уровнемъ моря, тѣмъ температура ея должна была бы быть ниже сосѣднихъ съ нею низменностей. Дѣйствительность нерѣдко противорѣчить этому общему соображенію. Во многихъ мѣстностяхъ земнаго шара, а также и въ Восточной Сибири наблюдалось, что температура горъ выше температуры смежныхъ съ ними низменностей. Въ Восточной Сибири это наблюдалось, напр., на Алиберовомъ Гольцѣ, гдѣ температура зимнихъ мѣсяцевъ выше, чѣмъ въ Иркутскѣ и Барнаулѣ; то же самое наблюдалось на Верхоянскихъ горахъ, гдѣ горы слишкомъ на 20° теплѣе долинъ [2]).

Суровая сибирская зима не страшна для человѣка, не смотря на ея 50° морозы. При отсутствіи вѣтровъ, при ясномъ, безоблач-

[1]) В. Ошурковъ, «Климатъ Иркутской губерніи», стр. 6, 21, 49, 59.
[2]) Тамъ же, стр. 554, 555.

номъ небѣ, когда солнышко грѣетъ и привѣтливо освѣщаетъ безконечныя сѣверныя пространства, все живое забивается въ теплыя мѣста, животныя прячутся въ норы и берлоги и только вороны, какъ бы игнорируя холодъ, осмѣливаются медленно летать въ воздушномъ пространствѣ. Но человѣкъ, который имѣетъ полную возможность прикрыть свое грѣшное тѣло теплыми мѣхами и тѣмъ самымъ защитить его отъ холода, можетъ не бояться этихъ жестокихъ морозовъ. Мало найдется, говоритъ Реклю [1]), климатовъ болѣе здоровыхъ, чѣмъ климатъ холодной Восточной Сибири, гдѣ воздухъ такъ прозраченъ, такъ спокоенъ, такъ сухъ и чистъ. Чахоточныхъ никогда не видывали въ Читѣ, въ томъ холодномъ Забайкальи, гдѣ ртуть въ термометрѣ замерзаетъ и остается въ твердомъ состояніи по цѣлымъ недѣлямъ. Суровая сибирская зима со своими трескучими морозами внезапно смѣняется великолѣпной весной; голая земля быстро покрывается зеленью, обнаженныя деревья одѣваются свѣжими листьями и короткія весна и лѣто вступаютъ въ свои права [2]). Но даже и лѣтомъ, когда температура въ иные дни достигаетъ болѣе 30° и когда средняя температура его, вообще, немногимъ ниже, чѣмъ у насъ, напр., въ средней полосѣ, даже и въ это время зима, слѣдовъ которой не осталось на поверхности, продолжаетъ господствовать въ нѣдрахъ многихъ мѣстъ Сибири, особенно же въ сѣверной части, да и нерѣдко въ средней и даже въ южной частяхъ ея. Заступъ на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ встрѣчаетъ мерзлую почву—мерзлоту. Замѣчательно при этомъ, что слои такой мерзлоты достигаютъ иногда чрезвычайной толщины.

Зимою атмосфера Сибири обыкновенно, сравнительно, спокойна. Какъ въ Западной, такъ и въ Восточной Сибири въ это время года господствуетъ затишье, благодаря чему жестокіе морозы легко переносимы. Въ Западной Сибири нѣтъ благопріятныхъ условій для существованія постоянныхъ вѣтровъ въ родѣ пассатовъ и муссоновъ, и вѣтры, вообще, перемѣнны [3]). Господствующіе вѣтры идутъ съ запада и приносятъ съ собою теплый и влажный воздухъ; весною и осенью они достигаютъ особенной силы. Зимою, на смѣну западнымъ вѣтрамъ, являются вѣтры южные.

Въ Восточной Сибири зимою господствуютъ сѣверо-западные вѣтры, направляясь отъ болѣе холодныхъ сѣверныхъ и внутреннихъ частей материка къ Тихому океану и равнинамъ Китая—это зимній муссонъ Восточной Азіи, приносящій холодный и сухой

[1]) Реклю, «Азіатская Россія», стр. 461.

[2]) Тамъ же.

[3]) Воейковъ, стр. 439.

воздухъ [1]). Этотъ сѣверо-западный вѣтеръ на берегахъ Ледовитаго океана, да и вообще въ сѣверной части Сибири, сравнительно, тихъ; онъ дуетъ постоянно, безъ перерыва, но почти никогда не переходитъ въ бурю. Иной характеръ имѣютъ зимніе муссоны на берегахъ Тихаго океана, въ нижнемъ теченіи Амура и даже на плоскихъ возвышенностяхъ Монголіи [2]). Сила вѣтра въ этихъ мѣстахъ чрезвычайная. На Охотскомъ морѣ, да и по берегамъ его, по нѣсколько мѣсяцевъ сряду свирѣпствуютъ жесточайшія бури. Люди и вьючныя животныя, пытающіеся въ эту пору взобраться по скатамъ горъ, рискуютъ быть низвергнутыми порывами разъярепнаго вѣтра [3]). Проводники каравановъ, идущихъ противъ вѣтра, вынуждены, подъ страхомъ отморозить себѣ лицо, носить войлочную маску, въ которой сдѣланы только узенькіе прорѣзы для глазъ и для рта [4]). Лѣтомъ направленіе вѣтра въ Восточной Сибири измѣняется; на смѣну холоднымъ и сухимъ сѣверо-западнымъ вѣтрамъ являются вѣтры юго-восточные, несущіе съ сравнительно теплыхъ водъ Тихаго океана обильную влагу.

О годовомъ количествѣ атмосферныхъ осадковъ, выпадающихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири, равно какъ о мѣсяцахъ, дающихъ наибольшее и наименьшее количество осадковъ, можно судить по слѣдующимъ цифровымъ даннымъ въ миллиметрахъ:

	Среднее годовое количество.	Наибольшее количество осадковъ въ мѣсяцъ.		Наименьшее количество осадковъ въ мѣсяцъ.	
Семипалатинскъ	186,2	Іюль	26,8	Февраль	5,1
Акмолинскъ	229,6	Іюнь	40,3	»	5,6
Омскъ	322,2	Іюль	82,9	Январь	4,5
Березовъ	467,4	»	85,9	Декабрь	12,4
Тобольскъ	473,4	»	89,5	Февраль	16,2
Ишимъ	438	»	78,8	Декабрь	17,9
Томскъ	383,7	Іюнь	71,0	Февраль	9,6
Барнаулъ	256,8	Іюль	44,5	»	6,1
Енисейскъ	392,6	Августъ	57,8	Мартъ	12,8
Иркутскъ	426,2	Іюль	73,9	Февраль	13,0
Нерчинскій заводъ . .	411,8	Августъ	112,3	Январь	1,8
Якутскъ	348,3	»	64,7	Февраль	3,7
Охотскъ	191,2	Сентябрь	52,2	Январь	2,9
Благовѣщенскъ	461,9	Августъ	114,0	»	0,8 [5]).

[1]) Воейковъ, стр. 433.
[2]) Реклю, стр. 464.
[3]) Тамъ же.
[4]) Потанинъ, «Древняя и Новая Россія», 1879 г., № 6.
[5]) H. Wild, «Die Regen-Verhältnisse des Russischen Reiches».

Изъ этой таблицы можно усмотрѣть, что въ Сибири, вообще, въ лѣтніе мѣсяцы выпадаетъ значительно больше осадковъ, чѣмъ въ зимніе; особенно характерно это для Восточной Сибири, гдѣ, какъ мы знаемъ, лѣтомъ дуютъ юго-восточные вѣтры, приносящіе съ водъ Тихаго океана влажный воздухъ, а зимою—сухіе и холодные сѣверо-западные вѣтры.

О числѣ дней, въ которые въ Сибири выпадаютъ осадки, о числѣ снѣжныхъ дней можно судить по слѣдующей таблицѣ нѣкоторыхъ пунктовъ Западной и Восточной Сибири:

	Среднее годовое число дней съ осадками.	Изъ нихъ снѣжныхъ.
Барнаулъ	89,4	33,8
Томскъ	133,7	71,3
Ишимъ	87,6	46,1
Тобольскъ	125,2	60,8
Иркутскъ	63,5	27,0
Нерчинскъ	83,6	29,3
Николаевскъ на Амурѣ. .	83,4	42,7
Благовѣщенскъ.	48,6	9,1
Туруханскъ	149,4	104,5
Якутскъ	137,5	92,0
Охотскъ.	59,2	31,7[1]).

Въ общемъ, указывая разницу температуры въ разныхъ частяхъ Сибири, мы не можетъ сказать, что Сибирь принадлежитъ къ странамъ, одареннымъ тепломъ, только южная и средняя часть ея представляютъ климатъ умѣренный, но колебанія и переходы отъ тепла къ холоду очень рѣзки. Климатъ Сибири даетъ, однако, возможность въ средней полосѣ вызрѣвать хлѣбнымъ растеніямъ. Въ концѣ книги указано будетъ распредѣленіе урожаевъ.

Не смотря на суровость, климатъ Сибири весьма здоровъ и благопріятенъ для жизни. Даже Якутскій край, по замѣчанію путешественниковъ, съ его страшными холодами позволилъ акклиматизироватся якутамъ, явившимся съ юга (вѣроятно, потомкамъ тюрковъ Центральной Азіи). Населеніе это имѣетъ здоровый и бодрый видъ. Одинъ изъ наблюдателей якутской жизни, талантливый польскій писатель Шиманскій, говоритъ, что можно позавидовать веселости и живости якутовъ зимою среди жгучихъ морозовъ. Однако, тотъ же климатъ для русскихъ является иногда очень чувствительнымъ и тяжелымъ. Хотя полярная зима на вся-

[1]) H. Wild, «Die Regen-Verhältnisse des Russischen Reiches».

каго пришельца дѣйствуетъ гнѣтуще, но въ жизни культурнаго осѣдлаго и цивилизованнаго человѣка климатъ за то получаетъ второстепенное значеніе и онъ, благодаря жилищамъ и комфорту, умѣетъ устранять его губительныя вліянія.

Сибирякъ и натурализовавшійся пришелецъ привыкли къ холоду; онъ для нихъ не представляется губительнымъ, а вселяетъ бодрость и пробуждаетъ энергію въ борьбѣ за существованіе. Крѣпкая организація мѣстнаго населенія показываетъ закаленность. Тысячи обозовъ съ бодрыми ямщиками въ сильнѣйшіе морозы тянутся по снѣжнымъ дорогамъ Сибири всю зиму. Полярныя зимы не останавливаютъ промышленниковъ достигать устьевъ сѣверныхъ рѣкъ и Ледовитаго океана.

Физическое строеніе страны, ея орографія, очертаніе, сосѣдство морей, расположеніе рѣкъ, климатическія условія, ея естественныя произведенія, флора и фауна даютъ возможность судить о будущемъ каждой страны. Во всякомъ случаѣ можно сказать, насколько она будетъ обитаема, если она еще не вполнѣ заселена, можно предугадывать тѣ промыслы и занятія, которые разовьются здѣсь сообразно естественнымъ условіямъ, можно предугадать ея международныя сношенія.

Великіе географы, какъ Гумбольдъ и Риттеръ, опредѣляли на основаніи этихъ условій, конфигураціи страны, развитія жизни и цивилизаціи въ Европѣ. Дреперъ пытался на основаніи природы Америки характеризовать будущее развитіе Американскихъ Штатовъ. Мы не беремъ на себя столь смѣлой задачи, но должны сказать на основаніи выяснившихся географическихъ изслѣдованій, что Сибирь не представляетъ мѣста, непригоднаго для жизни, какъ думали прежде, что условія для жизни людей здѣсь удовлетворительныя, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ благопріятныя.

Средняя полоса Сибири съ югомъ Тобольской, Томской, Енисейской губерній и Забайкальской областью представляетъ полосу земледѣльческую, гдѣ вызрѣваютъ всѣ сорты хлѣба. Въ Алтайскій округъ, въ Минусинскій и въ Семирѣчье направляется постоянно колонизація и эти мѣста стали облюбленными для колонистовъ; даже въ киргизскихъ безлѣсныхъ степяхъ появляются осѣдлыя населенія, сначала казачьи, нынѣ крестьянскія. Точно также земледѣліе, хотя и скудное, проложило дорогу въ Сургутскомъ, Нарымскомъ краѣ и въ Якутской области. Раіонъ земледѣльческій, такимъ образомъ, довольно обширенъ, хотя урожаи не вездѣ одинаковы. Южныя степи представляютъ обширныя паст-

бищныя пространства и предназначены къ развитію скотоводства; таковы же долины Алтая, степи Минусинскія и Забайкальскія. Затѣмъ къ сѣверу слѣдуетъ лѣсная полоса, которая, не смотря на то, что лѣса уже тронуты и лѣсные пожары сильно истребили ихъ, все еще представляютъ очень много запасовъ для будущаго. Глухая сибирская тайга хранитъ еще мѣста, гдѣ не ступала нога человѣческая. Если мы прослѣдимъ русскую осѣдлость даже въ полосѣ тундръ и въ странѣ полярнаго холода, то и здѣсь мы найдемъ осѣдлыя поселенія или факторію промышленниковъ и торговцевъ. Таковы на крайнемъ сѣверѣ Березовъ, Обдорскъ, Туруханскъ, Нижне-Колымскъ, Устьянскъ, Говорова и поселенія на Ленѣ. Не смотря на всю непривѣтность сѣвера, на скудость растительности, своеобразныя естественныя произведенія фауны олень и рыбные промыслы даютъ возможность жить и питаться русскому и инородческому населенію. Сообразно климатическимъ и топографическо-физическимъ условіямъ можно предсказать, что югъ Сибири обѣщаетъ быть цвѣтущимъ, какъ и средняя Сибирь. Привольныя мѣста Алтая съ его богатой растительностью, Присаянскія мѣстности Минусинскаго края, Забайкалье, Семирѣченская область, Уссурійскій край съ его южною флорою будутъ когда-нибудь роскошными оазисами и обѣтованными мѣстами. Даже въ лѣсной полосѣ и полуболотистой русское населеніе годъ отъ году отвоевываетъ у дикой природы оазисы и пролагаетъ пути культурѣ. Такъ, напримѣръ, Васюгонская тундра—обширное пространство между Обью и Иртышемъ, считавшаяся въ началѣ столѣтія непроходимой, нынѣ доступна для проѣзда и въ срединѣ ея намѣчаются дороги и даже кое-гдѣ являются поселенія. То же совершается въ Нарымскомъ краѣ, а переходящіе къ осѣдлости якуты когда-нибудь преобразятъ Якутскую область.

Самыя прибрежья Сѣвернаго океана не могутъ считаться болѣе недоступными для жизни, такъ какъ здѣсь находились способы пропитанія для инородца и промышленника, которые умѣли приноровиться къ природѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что современемъ, когда человѣкъ еще болѣе пріобрѣтетъ знаній и средствъ бороться съ природой, онъ съумѣетъ лучше приспособиться и утилизировать эти мѣста. Сѣверные берега Америки, Исландія, Лапландія, бывшія русско-американскія владѣнія, доставшіяся американцамъ, лучше всего доказываютъ, что народы не чуждаются этихъ мѣстностей и стараются извлечь изъ нихъ пользу. Ледовитое море близъ береговъ Сибири самое негостепріимное и трудно-доступное, но піонерскіе подвиги первыхъ русскихъ море-

ходовъ въ XVII ст., а затѣмъ энергическія попытки проложить чрезъ него путь отважнаго капитана Виггенса и ученаго Норденшельда лучше доказали, чего можетъ достигнуть энергія и настойчивость.

Съ юга Сибирь отдѣлена степями, пустынями и хребтами отъ внутренней Азіи; но и это не служило преградою для сообщеній. Гоби и Шамо прорѣзываются караванами, русскіе торговцы проникли въ Китай, чайная кяхтинская торговля существовала болѣе столѣтія. Чрезъ Алтай и Саяны проложены пути въ Монголію бійскими и минусинскими піонерами торговли; мало того: отысканъ скотопрогонный трактъ изъ Бійска чрезъ Монголію на востокъ до Тунки и далѣе отъ Кяхты въ Манджурію. Внутреннія пути сообщенія годъ отъ году улучшаются.

Сибирь обладаетъ четырьмя первоклассными рѣчными бассейнами, которые могутъ уподобиться только величинѣ американскихъ рѣкъ; три изъ нихъ текутъ съ юга на сѣверъ и могутъ облегчить обезпеченіе продовольствія безплодному сѣверу произведеніями юга. Съ другой стороны огромныя рѣки богатствомъ притоковъ составляютъ сѣть воднаго сообщенія между западомъ и востокомъ. Совокупность всѣхъ четырехъ бассейновъ, обнимая 152.500 кв. миль, то-есть, $^3/_5$ всей Азіатской Россіи, показываетъ, что рано или поздно представится возможность обнять рѣчнымъ сообщеніемъ большую часть Сибири, отъ Якутска и Восточнаго океана до Камско-Волжскаго бассейна, и отъ Туруханска и Обдорска до Минусинска, Кяхты, Бійска, Зайсана и Уссурійскаго края. Ничтожность волоковъ давно возбуждаетъ мысль о соединеніи небольшихъ промежутковъ каналами.

Въ настоящее время уже осуществленъ Обь-енисейскій каналъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ предполагали. Произведены изысканія для расчистки Ангары и уничтоженія пороговъ; можно надѣяться, что и это предпріятіе увѣнчается успѣхомъ. Такимъ образомъ, откроется непрерывный водный путь отъ Байкала до Иртыша.

Въ послѣднее время особенно сосредочены всѣ заботы побѣдить пространства Сибири и облегчить сообщенія. Въ нынѣшнемъ году рѣшенъ вопросъ о томъ, чтобы провести рельсовый путь отъ Урала до Амура и Восточнаго океана. Нечего говорить, что при современныхъ средствахъ техники и надлежащихъ затратахъ это не можетъ считаться неосуществимымъ. Если вѣтвь этой дороги направится къ центру Китая, ея будущность будетъ обезпечена.

Такое географическое положеніе Азіатской Россіи, примыкающей съ одной стороны къ Европѣ и соприкасающейся съ евро-

пейскимъ міромъ, съ другой стороны примыкающей къ Внутренней Азіи, не можетъ не указать посреднической миссіи и той важной культурной и политической роли, которыя намѣчаются ей самою судьбою и исторіей.

Все будетъ зависѣть отъ того, насколько русское населеніе на востокѣ съумѣетъ овладѣть своимъ положеніемъ и развить свои внутреннія силы.

ГЛАВА V.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ СИБИРСКАГО НАСЕЛЕНІЯ И НАРОДНО-ОБЛАСТНОЙ ТИПЪ.

Распредѣленіе населенія русскаго и инородческаго; ихъ взаимное вліяніе. — Народно-областной типъ и этническія условія его образованія. — Послѣдствія видоизмѣненій подъ вліяніемъ природы, климата, питанія и смѣшенія съ инородческимъ элементомъ. — Характеръ сибиряковъ. — Опредѣленіе его Екатериною II.—Физическій типъ, измѣненія въ языкѣ. — Умственный складъ и уровень способностей.—Измѣненія великороссійскаго характера. — Взглядъ на природу. — Преданія. — Суевѣрія. — Любознательность и стремленіе къ новизнѣ.— Индивидуализмъ. — Промышленный характеръ. — Сибирская крестьянская община.—Процессъ народнаго творчества въ условіяхъ новой жизни.

Разсматривая по этнографической картѣ распредѣленіе русскаго населенія восточной окраины, отъ Урала къ Восточному океану, мы видимъ слѣдующую картину: по югу всей Сибири, тотчасъ по переходѣ черезъ Уралъ, вплоть до границъ верхней Тунгуски, впадающей въ Енисей, тянется сплошная лента русскаго населенія; эта сплошная масса занимаетъ пространство между Верхотурьемъ и Троицкомъ, Тобольскомъ и Петропавловскомъ, съуживающееся между Тарой и Омскомъ и нѣсколько расширяющееся между Томскомъ и Біей; далѣе, въ Енисейской уже губерніи, по рѣкамъ, впадающимъ въ Енисей, около Нижне-Удинска она рѣзко обрывается. Остальное пространство—пустыня; только по теченію рѣкъ въ этой пустынѣ тянутся еще тонкія красныя нити населенія по Оби, Енисею, Ленѣ до Якутска и по заселяемому Амуру, едва-едва развѣтвляясь кое-гдѣ въ паутину, какъ, напримѣръ, къ Вилюйску или съ Амура по правой сторонѣ Уссури и къ Николаевску. Остальное пустынное пространство отмѣчено кое-гдѣ разбросанными крапинками и гнѣздами, какъ бы пикетами русской народности. Въ сущности это распредѣленіе можно сравнить съ двигающейся на востокъ колонной, сначала сплошной, потомъ съуживающейся, наконецъ, совершенно теряю-

щейся въ пустынѣ, какъ теряется рѣка въ песчаной степи; непріятеля здѣсь изображаетъ оттѣсняемый по ту и другую сторону инородецъ; армія эта ведетъ ожесточенную борьбу съ природой; она намѣчаетъ дороги, наводитъ мосты, рубитъ лѣса, и ея развѣдчики, часто удаляясь далеко впередъ, не успѣваютъ оглянуться, какъ лѣса эти снова за ними поднимаются, выпрямляются и передовая колонна остается замкнутая ими и одинокая среди пустыни, отдѣленная отъ прочаго населенія.

Кругомъ этого русскаго населенія и между нимъ по пустынямъ расположены инородцы, остатки финскихъ, тюркскихъ и монгольскихъ племенъ. На этнографической картѣ — по обѣ стороны русскаго населенія—пустыни Сибири отмѣчены этими азіатскими инородцами. Мы видимъ здѣсь самые разнообразные типы туземцевъ, примыкающихъ съ юга и сѣвера къ русскому населенію. Прежде всего тотчасъ за Ураломъ встрѣчается съ русскими племя вогуловъ, далѣе сибирскіе татары, потомки Маметъ-Кула; сѣвернѣе—остяки, самоѣды, тунгусы, якуты, юкагиры, коряки, чукчи, камчадалы, гиляки; къ югу окружаютъ русскихъ киргизы, алтайцы-калмыки, сойоты, буряты, корейцы, китайцы, а на западѣ—сарты и узбеки Туркестанскаго края.

Нѣкоторые изъ этихъ инородцевъ, не смотря на то, что своими поселеніями занимаютъ обширныя пространства, довольно малочисленны въ сравненіи съ русскими, какъ тунгусы, чукчи, камчадалы; нѣкоторые же—киргизы, буряты — составляютъ довольно значительное сплошное населеніе, представляющее всѣ задатки крѣпкаго и прочнаго существованія. Въ общей же сложности всѣ инородцы, окружающіе русское племя, своею численностью немного уступаютъ русскимъ.

Колонна русскаго населенія прошла, какъ мы сказали, въ средину, она раздвинула инородцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ остались еще почти неприкосновенными, другіе совершенно исчезли; есть и такіе, которые перемѣшиваются съ русскими или уцѣлѣли въ самой срединѣ, окруженные русскимъ племенемъ. Не смотря на свое преобладаніе и расовое превосходство, русская народность не могла, однакожъ, поглотить инородцевъ, не смѣшиваясь съ ними, не купивъ свою побѣду слитіемъ, т.-е. не окрасившись сама побѣжденнымъ инородческимъ элементомъ. Смѣшеніе это происходило и происходитъ по преимуществу тамъ, гдѣ русское населеніе тѣснѣе сталкивается съ инородческими племенами и гдѣ оно уступаетъ численностью, т.-е. преимущественно по окраинамъ своей колонны.

Воспринимая инородцевъ по сторонамъ, русское населеніе въ

срединѣ быстро всасываетъ, претворяетъ ихъ и поглощаетъ. Поэтому только около самыхъ границъ мы встрѣчаемъ рѣзкія инородческія помѣси, а въ срединѣ идетъ уже сплошной слой русскаго племени, переварившій и переработавшій уже смѣшанные элементы.

Такая ассимиляція и смѣшеніе съ инородцами русскаго населенія, закинутаго за Уралъ около трехъ столѣтій назадъ и медленно освѣжаемаго притоками колонизаціи, не могли не наложить особой печати на тамошнее населеніе. Мы знаемъ, что такая ассимиляція, смѣшеніе между расами, происходили у многихъ народовъ, и когда-то русское населеніе смѣшивалось и претворяло въ себя инородческіе элементы и по сю сторону Урала. Теперь оно претворяетъ ихъ за Ураломъ, и предъ нами живой анатомическій разрѣзъ старой исторической картины.

До сихъ поръ о подобныхъ измѣненіяхъ народностей, о перерожденіи ихъ подъ вліяніемъ природы, новой обстановки, и, наконецъ, о соединеніи въ новые типы при смѣшеніи съ чуждыми расами, существовали различныя мнѣнія и строились гипотетическія теоріи, которыя, правда, даютъ приблизительное объясненіе процесса, какимъ шло сформированіе народности, но не могутъ достаточно освѣтить нѣкоторыхъ подробностей этого процесса. На нашемъ востокѣ происходитъ одинъ изъ подобныхъ процессовъ, чрезвычайно важный и интересный для изслѣдователя—этнографа и историка. Кромѣ того, мы можемъ здѣсь, такъ сказать, по живымъ слѣдамъ, прослѣдить, какими средствами обладаетъ русское населеніе на востокѣ для сохраненія своей расовой самобытности, а также каковы сила и значеніе нашего колонизаціоннаго движенія.

Путешественники-этнографы даютъ довольно ясное понятіе о томъ, какъ мѣняются характеръ и складъ жизни населенія на востокѣ подъ вліяніемъ новой обстановки. «Чувствительную разницу замѣчаете вы—пишетъ одинъ изъ нихъ—когда изъ середины Россіи перенесетесь чрезъ Уральскій хребетъ и очутитесь гдѣ-будь на равнинахъ Иртыша и Оби или на холмистыхъ берегахъ Томи: другой говоръ, другой обычай, новый характеръ во всемъ, котораго вы съ-разу не опредѣлите, но тѣмъ не менѣе чувствуете. Затѣмъ ѣдете до Красноярска и далѣе по Енисейской губерніи—и новыхъ особенностей уже не встрѣчаете, и только вступивъ въ Иркутскую губернію и еще болѣе приближаясь къ г. Иркутску, встрѣчаете новый типъ. Преобладаніе черныхъ волосъ передъ русыми, черные или каріе съ томнымъ выраженіемъ глаза, зна-

чительно выдающіяся скулы, широкій носъ,—всѣ эти признаки очень ясно указываютъ на примѣсь монгольской расы» [1]).

Другой авторъ такъ рисуетъ довольно наглядную картину сохраненія и измѣненія славяно-русской народности въ различныхъ географическихъ и этнологическихъ сферахъ ея колонизаціоннаго распространенія: «Въ Западной Сибири, особенно по центральной географической линіи колонизаціоннаго распространенія русскаго населенія отъ Урала до Енисея, славяно-русская народность, повидимому, не подверглась рѣзко-замѣтнымъ измѣненіямъ. Но и здѣсь такіе наблюдательные путешественники, какъ Эрманъ, Кастренъ и другіе, замѣчали нѣкоторыя варіаціи или оттѣнки въ національномъ типѣ и характерѣ туземнаго русскаго населенія. Особенно замѣтны физическія и нравственныя особенности въ русско-сибирскомъ населеніи Приалтайскаго и Сѣверно-Поморскаго края, съ одной стороны, въ верховьяхъ Иртыша и Оби, а также по рѣкамъ Тарѣ, Тоболу и другимъ, вблизи татаръ, киргизовъ и алтайскихъ калмыковъ или бурутовъ-теленгитовъ, а съ другой—въ низовьяхъ Оби и за сѣверо-восточнымъ склономъ Урала, въ прежнемъ средоточіи вогуличей, обско-поморскихъ самоѣдовъ и остяковъ. По Иртышу и Оби многіе ясачные остяки и вогулы, вслѣдствіе смѣшенія съ великорусскими крестьянами, первыми колонистами, совершенно обрусѣли и вошли въ составъ великорусскаго населенія». Точно также во многихъ западно-сибирскихъ деревняхъ, бывшихъ нѣкогда «ясачными татарскими селеніями», въ настоящее время живетъ совершенно обрусѣлое или переродившееся смѣшанное потомство татаръ и русскихъ [2]).

Такимъ образомъ, смѣшеніе и перерожденіе на востокѣ совершалось двумя путями: при посредствѣ кровнаго родства и примѣси къ русской народности инородческаго элемента, а также вслѣдствіе воспринятія самими инородцами русскаго языка, образа жизни, смѣшенія съ русскими, а затѣмъ полнаго слитія и исчезновенія среди русской народности. Такое смѣшеніе происходитъ на востокѣ съ очень давняго времени, подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ обстоятельствъ. Оно началось немедленно по завоеваніи Сибири, можетъ быть, потому, что, какъ завоеватели, такъ и завоеванные, въ ту эпоху стояли на довольно близкомъ уровнѣ культуры и развитія. Происхожденіе большей или

---

[1]) Ровинскій, Путеш. въ Восточн. Сибирь. Зап.-Сиб. Отд. Геогр. Общ.

[2]) Подъ именемъ татаръ разумѣется въ Сибири и часть алтайскихъ народностей. Волости обрусѣвшихъ и выродившихся татаръ находятся въ Кузнецкомъ, Бійскомъ и Барнаульскомъ округахъ Томской губерніи.

меньшей массы такого смѣшаннаго населенія въ Западной Сибири, по географическимъ и историко-географическимъ условіямъ, было неизбѣжно. Просматривая даже немногіе сибирскіе акты первой половины XVIII вѣка, мы и въ нихъ находимъ довольно указаній на ближайшее и непрерывное бытовое общеніе и физіологическое смѣшеніе русскихъ съ азіатцами, въ особенности съ татарами, киргизами и калмыками. Калмыцкіе, бухарскіе и киргизскіе купцы постоянно пріѣзжали съ товарами въ Тобольскъ и Ирбитъ, разъѣзжали и проживали по другимъ сибирскимъ городамъ и по деревнямъ партіями человѣкъ по 170 и болѣе, имѣли здѣсь своихъ дружковъ. Многіе изъ нихъ селились въ сибирскихъ городахъ и деревняхъ, принимали русскую вѣру и женились на русскихъ. По словамъ Миллера, «многіе изъ бухарскаго народа поселились въ сибирскихъ городахъ».

Вообще по свидѣтельству историческихъ актовъ, съ начала XVII вѣка славяно-русская народность въ Западной Сибири болѣе или менѣе подвергалась непрерывному и продолжительному смѣшенію съ мѣстными азіатскими племенами и особенно съ вогуличами, остяками, татарами, калмыками и киргизами. Уже съ первой четверти XVII вѣка физіологическое смѣшеніе первыхъ русскихъ колонистовъ съ азіатскими племенами до того усилилось, что московское высшее духовенство находило нужнымъ прекратить или ограничить этотъ естественно-историческій организаціонный процессъ. Точно также въ первой половинѣ XVIII вѣка митрополиты тобольскіе нерѣдко вопіяли противъ такого же безазорнаго смѣшенія русскихъ съ женщинами вогулицкими, остяцкими, татарскими, калмыцкими и киргизскими. И вотъ, вслѣдствіе такого физіологическаго смѣшенія съ разными сибирскими азіатскими племенами, славяно-русская народность и въ западносибирскомъ русскомъ населеніи, естественно, болѣе или менѣе подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ въ самомъ своемъ физическомъ типѣ, усвоила нѣкоторые признаки или оттѣнки физическаго очертанія татарскаго, киргизскаго, калмыцкаго, остяцкаго и вогулицкаго. Эти новоприобрѣтенныя особенности замѣчены были уже въ прошломъ столѣтіи. «Въ нихъ (т.-е. въ жителяхъ Западной Сибири)—писалъ еще Татищевъ — довольно въ лицѣ смуглыхъ, калмыковатыхъ, и довольно отъ природы смѣшанной калмыцкой, татарской и киргизской». Смѣшеніе съ азіатскими инородцами, конечно, должно было сильнѣе отразиться на окраинахъ. Въ срединѣ, какъ замѣчаютъ изслѣдователи, русское населеніе еще остается чистымъ, но на сѣверѣ, напримѣръ, въ Обдорскомъ или Березовскомъ краяхъ, смѣшеніе русскихъ колонистовъ съ остяками,

самоѣдами и татарами доходитъ до того, что русскіе совершенно превращаются въ инородцевъ. Кастренъ нашелъ въ этомъ краѣ русскихъ, совершенно смѣшавшихся съ самоѣдами. То же свидѣтельствуютъ и другіе путешественники [1]). Взглянемъ же на контингентъ русскихъ на востокѣ, который долженъ одержать верхъ въ своей національности.

По произведеннымъ нами изслѣдованіямъ въ 1880 г. въ западной части Сибири, русское населеніе находится въ слѣдующемъ отношеніи къ инородческому:

	Инородцевъ.	Русскихъ.
Въ Тобольской губерніи. . . .	74.220	1.121.259
» Томской губерніи.	67.971	930.914
» Акмолинской области . . .	335.103	110.469
» Семипалатинской области. .	472.656	49.883

Такимъ образомъ отношеніе это въ различныхъ областяхъ и округахъ является далеко не равномѣрнымъ; такъ, въ двухъ южныхъ областяхъ мы видимъ инородческое населеніе преобладающимъ. Точно также въ частностяхъ распредѣленіе по округамъ въ двухъ губерніяхъ показываетъ весьма различные проценты инородческаго населенія, какъ-то:

Въ округахъ:

Березовскомъ	445,90%
Сургутскомъ	354,67%
Тобольскомъ	16,92%
Тюменскомъ	9,34%
Туринскомъ	6,72%
Тарскомъ	7,06%
Ялуторовскомъ	3,05%

Въ Томской губерніи, округахъ:

Кузнецкомъ	16,48%
Бійскомъ.	12,89%
Томскомъ	7,94%
Маріинскомъ	2,42%
Каинскомъ	1,83%
Барнаульскомъ	0,56%

[1]) Русскій переводъ Путешествія Кастрена, см. Магазинъ Землевѣдѣнія и Путешествій, Географич. Сборн. Н. Фролова, изд. 1860 г. Москва т. VI, ч. II. Другія свѣдѣнія о смѣшеніи съ инородцами находятся въ отчетахъ о Туруханской экспедиціи Щапова, Записки Вост.-Сиб. Отдѣла Географич. Общества, см. также Ermans, Reise, II, 250; также Pallas, Reise. III, 275. О верхоленскихъ крестьянахъ замѣчанія д-ра Шперка, Наблюденія въ Вост. Сибири, Путешествіе Ровинскаго и Областной словарь его, Записки Восточн. - Сибирскаго Отдѣла и друг.

Изъ этого видно, что въ сѣверныхъ округахъ Тобольской губерніи инородцы превосходятъ русскихъ въ числѣ, въ южныхъ округахъ Томской губерніи они составляютъ видный процентъ. Точно то же мы видимъ на окраинахъ Енисейской и Иркутской губерній.

Въ Туруханскомъ краѣ, Минусинскомъ округѣ и Забайкальи число инородцевъ весьма значительно и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ господствуетъ надъ русскимъ элементомъ. Это неравенство увеличивается все болѣе къ востоку въ Якутской области [1]), на Амурѣ и въ Камчаткѣ. Наконецъ, въ Западной Сибири съ юга примыкаетъ еще огромный инородческій раіонъ—Туркестанъ. Поэтому, уступающее численности русскихъ, инородческое населеніе въ Сибири обновляется новыми силами съ нашими завоеваніями на востокѣ.

Значительное число инородцевъ, воздѣйствующихъ на русскую національность въ нѣкоторыхъ частяхъ Сибири, могущее ослабить ея расовыя и культурныя качества, невольно заставляетъ задуматься о томъ, насколько необходимо обезпечить ея отъ ослабленія и поглощенія постояннымъ обновленіемъ и подкрѣпленіемъ высшей расы путемъ колонизаціи.

Съ другой стороны, мы видимъ, что сближеніе и слитіе русскихъ съ инородцами является неизбѣжнымъ и неотразимымъ въ силу физіологическаго влеченія. Огражденіе искусственными мѣрами отъ этой метисаціи и затрудненія, дѣлаемыя ей, едва-ли приведутъ къ цѣли, да и едва-ли раціональны, такъ какъ мы должны стремиться не къ отчужденію отъ инородцевъ, а сближенію съ ними; культурное повышеніе ихъ для насъ будетъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ предоставленіе имъ полной замкнутости. При такомъ положеніи намъ остается разсмотрѣть только тѣ шансы, при которыхъ сближеніе это можетъ быть наиболѣе благопріятнымъ для русской расы, въ виду сохраненія ея высокихъ расовыхъ чертъ и способностей. Въ этомъ случаѣ важенъ перевѣсъ качественный, кромѣ количественнаго, въ русскомъ населеніи. Безъ сомнѣнія, сила сохраненія расовыхъ и національныхъ чертъ обусловливается высотою культуры, умственнымъ развитіемъ и тѣми средствами, которыми обладаетъ населеніе. Какими культурными и умственными средствами обладало русское населеніе въ прежнее время — это легко себѣ представить, если мы припомнимъ, какими явились за Уралъ русскіе нѣсколько столѣ-

[1]) Въ Якутской области на 255.671 челов. русскихъ жителей приходится 244.277 инородцевъ.

тій назадъ, въ среду чуждыхъ народностей, и какъ низокъ былъ ихъ нравственно-умственный уровень.

Представителемъ нашей колонизаціи на востокѣ былъ русскій крестьянинъ. Онъ явился сюда безъ всякихъ знаній, безъ могущественныхъ научныхъ и техническихъ средствъ и силъ для борьбы съ природою, суровымъ климатомъ, физическими преградами. Населеніе за Ураломъ, сверхъ того, было изолировано, оно находилось безъ всякаго сообщенія десятки лѣтъ въ лѣсахъ и тундрахъ; оторвавшись отъ земледѣлія, оно было поставлено въ звѣроловческую среду и само переходило къ скотоводству, звѣроловству и рыболовству. Даже независимо отъ инородцевъ, оно, такимъ образомъ, отступало отъ культуры и дичало. Можно удивляться, какъ при такихъ ничтожныхъ средствахъ русскій народъ еще могъ сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ, т.-е. проходилъ моря, степи и льды, проложилъ повсюду пути, основался и удержалъ огромную территорію, въ два раза большую, чѣмъ занятая всѣмъ русскимъ народомъ. Положивъ основаніе повсюду будущей колонизаціи, онъ выполнилъ большую часть самой трудной работы и совершилъ половину исторической задачи. Едва-ли можно отказать ему въ героизмѣ, но трудно также и не понять, что подобная борьба не отразилась на утратѣ многихъ высшихъ, культурныхъ свойствъ и не сдѣлала это населеніе болѣе грубымъ и отсталымъ.

Колонизація Сибири есть фактъ далеко не завершившійся, а потому произнести надъ нимъ какой-нибудь рѣшительный приговоръ было бы слишкомъ смѣло; тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя черты и особенности этой колонизаціи и теперь знакомятъ насъ съ тѣми явленіями, которыя уже сложились окончательно при данныхъ историческихъ условіяхъ. Соприкосновеніе и метисація русскаго населенія съ инородческими племенами на громадныхъ пространствахъ Сибири сопровождались не только измѣненіемъ физіологическихъ и общественныхъ свойствъ пришлаго племени, но отчасти и совершеннымъ его поглощеніемъ. Русская колонія не только усвоивала физическій типъ и психическія особенности инородца, но даже воспринимала его культуру. Измѣненія эти не составляли отдѣльныхъ и случайныхъ фактовъ, но отразились на всей массѣ русскаго населенія на Востокѣ. Врѣзавшись въ среду инородческаго населенія, русскіе преимущественно объинородчивались по окраинамъ, и отъ окраинъ, въ большей или меньшей степени, вліяніе это распространялось на всю массу населенія, такъ что инородческая кровь окрашивала русскую національность даже тамъ, гдѣ она не была въ непосредственномъ соприкосновеніи съ

инородцами. Поэтому изъ русскаго населенія на Востокѣ долженъ былъ сформироваться новый типъ. На образованіе этого новаго этнографическаго типа, какъ въ физическомъ строеніи, такъ и въ нравственныхъ признакахъ, указываютъ послѣднія этнографическія изслѣдованія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества. «Обобщая всѣ, изложенные нами выше, факты физіологическаго смѣшенія въ Сибири славяно-русскаго племени съ разными сѣверно-азіатскими племенами—говорятъ «Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общ.»—мы приходимъ къ тому общему выводу, что, во-первыхъ, въ физическомъ типѣ своемъ сибирское русское населеніе, путемъ скрещиванія съ туземными азіатскими племенами, повидимому, стремится образовать нѣсколько *своеобразный народно-областной типъ*, не раздѣляющій въ одинаковой степени признаковъ родоначальныхъ расъ—славяно-русской и азіатско-инородческихъ. Общей, наиболѣе выдающейся въ настоящее время характеристической чертой ея физическаго типа, повидимому, представляется особенный преобладающій типъ, если можно такъ выразиться, брюнетическій, отпечатлѣвающій въ себѣ однородное, но въ то же время и замѣтно своеобразное выраженіе помѣси славяно-русскаго племени съ смуглыми, черноволосыми сѣверно-азіатскими племенами. Конечно, всѣ эти отличительные признаки физической структуры русскаго сибирскаго населенія еще не выразились рѣзко, не установились въ строго-очерченный, всеобщій, однородный физическій типъ; въ очертаніяхъ его часто встрѣчаются большія или меньшія реверсивныя уклоненія, варіаціи и вообще неустановившіяся черты. Это естественно и неизбѣжно среди только-что начинающейся разнородной помѣси народонаселенія, при сліяніи разнообразныхъ племенныхъ элементовъ. Но, не смотря на то, все-таки, повторяемъ, уже и въ настоящее время въ сибирскомъ населеніи, болѣе или менѣе, замѣтно стремленіе къ образованію, путемъ скрещиванія и мѣстныхъ физико-географическихъ и этнологическихъ условій, *однородной* и *нѣсколько своеобразной областной народности*». Итакъ, вотъ одинъ изъ новыхъ фактовъ, подмѣченныхъ нашей этнографіей: измѣненіе великорусской народности на Востокѣ во всемъ ея составѣ. Конечно, это измѣненіе происходило не отъ одной метисаціи и воспринятія инородческой крови русскимъ племенемъ; оно также обусловливалось другимъ пришлымъ элементомъ, наконецъ, климатомъ и многими другими физическими вліяніями. Такія же измѣненія, подъ вліяніемъ новой природы и ея особенностей, мы видимъ въ исторіи колонизаціоннаго движенія и у другихъ народовъ. Антропологія и этнографическая географія не мало приво-

дятъ этому примѣровъ. Физическія условія имѣли вліяніе на вырожденіе европейцевъ въ Абиссиніи и Аравіи. Въ Австраліи признаки, свойственные англичанамъ, начинаютъ измѣняться съ перваго поколѣнія, какъ удостовѣряетъ Кунингамъ. Медики давно доказали это физическое видоизмѣненіе англо-саксонской расы подъ вліяніемъ новой, чуждой ей среды.

Броссеръ, извѣстный своею наблюдательностью и обширнымъ изученіемъ, свидѣтельствуетъ о значительныхъ измѣненіяхъ типа англичанъ въ Америкѣ въ типъ янки. «Не особенно много времени нужно на то—говоритъ онъ—чтобы установить значительную разницу между типомъ настоящаго англичанина и англичанина—переселенца въ Америку». Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи русскіе колонизаторы Сибири не могли составлять исключенія изъ общаго правила.

Сибирскій климатъ, сухой и континентальный, отразился на физической организаціи сибирскаго населенія. Сила этого вліянія хорошо доказана Дезоромъ. Вліяніе сухого континентальнаго климата отражается въ различныхъ видоизмѣненіяхъ анатомическаго и физіологическаго строенія, такъ въ дыхательныхъ органахъ, строеніи железъ, замѣченномъ слабомъ развитіи ихъ и т. п. Замѣчено, что сухой климатъ вліяетъ также на всю жизненную обстановку. Дома весьма быстро становятся годными для жизни послѣ постройки, вслѣдствіе быстраго высыханія; въ сибирскихъ жилищахъ нѣтъ сырости, не смотря на то, что здѣсь весьма часто моютъ полы и стѣны, хлѣбъ скоро дѣлается черствымъ, тысячи другихъ мелочныхъ обстоятельствъ не могутъ не составить особенность жизни [1]).

Кромѣ чисто-географическихъ условій, на пришлую расу должны были воздѣйствовать и другія особенности колонизуемаго края, какъ, напримѣръ, пища. Новѣйшія изслѣдованія ясно доказали, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири, особенно въ Охотскомъ и Гижигинскомъ краю, а также Амурской области, русское населеніе, подъ вліяніемъ мѣстной діэты или образа питанія, подвергается очевиднымъ измѣненіямъ въ самыхъ пищеварительныхъ

---

[1]) Въ Очеркѣ санитарнаго состоянія Западной Сибири, составленномъ при Окружномъ Западно-Сибирскомъ Военно-Медицинскомъ управленіи 1880 г., подтверждается и констатируется фактъ сухости климата и рѣзкихъ термическихъ перемѣнъ; къ сожалѣнію, читатель не находитъ никакихъ указаній вліянія такого климата на физическую организацію человѣка. Гораздо болѣе интересны статьи о климатѣ въ Томской губ. Вѣдомости 1875 г., также и наблюденія доктора Думберга объ алтайскомъ климатѣ. Въ общемъ вліяніе сибирскаго климата подлежитъ еще изслѣдованію.

органахъ. Къ такимъ измѣненіямъ надо отнести приспособленность желудка мѣстныхъ жителей къ очень медленному прохожденію экскрементовъ черезъ кишки, вслѣдствіе питанія рыбою и мясною пищею исключительно, чѣмъ питаются по преимуществу на Востокѣ (Изслѣд. Шперка и «Извѣст. Сиб. Отдѣл.», т. III, № 5 1873 г., стр. 249).

По сдѣланнымъ доселѣ наблюденіямъ пища, которою питается сибирское населеніе и въ томъ числѣ крестьянство, состоитъ въ преобладаніи и разнообразіи мучныхъ блюдъ. Въ Сибири, въ хлѣбородныхъ полосахъ, питаются болѣе пшеничнымъ хлѣбомъ, который вытѣсняетъ ржаной, далѣе преженики, шаньги, пироги, аладьи составляютъ у многихъ ежедневную принадлежность пищи. Пироги всевозможныхъ родовъ—съ мясомъ и рыбой, иногда цѣльно запеченной, а также пельмени въ огромномъ количествѣ,—составляютъ любимыя кушанья сибиряковъ. Мясо, благодаря изобилію скотоводства, во многихъ мѣстахъ составляетъ видную часть питанія и доступно крестьянству. Во многихъ мѣстахъ Сибири создался обычай, при каждомъ удобномъ случаѣ, по нѣскольку разъ въ день находить предлогъ для ѣды; сибирскій чай сопровождается всегда «прикусками», т.-е. пирогами и проч. У крестьянъ существуютъ завтраки, паужины, ужины и т. д. Чай вошелъ въ общее употребленіе среди всѣхъ сословій и употребляется въ большомъ размѣрѣ, какъ и вино. Все это если и способствуетъ съ одной стороны хорошему питанію, дородству сельскаго населенія, съ другой стороны въ городской жизни и зажиточныхъ классахъ порождаетъ чрезмѣрное употребленіе яствъ и создало преобладаніе животно-питательныхъ наслажденій вмѣстѣ съ тяжеловатостью и медленностью психическихъ отправленій.

Всѣ эти разнообразныя вліянія новой природы, взятыя вмѣстѣ, не могли, конечно, не измѣнить нѣсколько физической организаціи типа и не придать психическихъ отличій «русско-сибирскому» населенію. Подобное областное отличіе въ мѣстныхъ жителяхъ было замѣчено еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, и Императрица Екатерина II сдѣлала этнографическую характеристику русскаго населенія на Востокѣ: «какъ естественныя произведенія, растенія и животныя, такъ и люди въ Россіи и Сибири—говоритъ она—не схожи ростомъ и лицомъ; сибиряки *смуглы*, самые восточные изъ нихъ *похожи на китайцевъ* (на монголовъ); русскіе, напримѣръ, нижегородцы, не имѣютъ ничего общаго съ сибиряками. На берегахъ Волги жители рослы и стройны; бѣлокурыя ярославскія красавицы не имѣютъ никакого сходства съ сибирскими женщинами, особенно иноплеменными. Жители Ярославля,

Архангельска, Вологды трудолюбивы и веселы, новгородцы слывутъ сутягами, галичане слывутъ простыми и прямодушными. Сибиряки умны, любознательны и предпріимчивы» (XVIII вѣкъ. М. 1869 г. кн. IV, стр. 440—442). Какъ бы ни была поверхностна эта характеристика, но она доказываетъ тотъ же фактъ, что новообразующаяся сибирская народность—природная вѣтвь славянорусскаго племени—вслѣдствіе колонизаціи подверглась уже значительному измѣненію своего родоначальнаго типа. Но, кромѣ измѣненій, такъ сказать, физіологическихъ и этнографическихъ, самыя бытовыя формы, занятія и нравы русскаго населенія должны были получить особый оттѣнокъ. Измѣненія эти произошли даже въ языкѣ, который, по замѣчанію г. Ровинскаго, представляетъ нѣкоторыя особенности въ новомъ областномъ говорѣ. «Сибирское нарѣчіе, конечно, произошло отъ сѣверно-русскаго—пишетъ г. Ровинскій—но двухсотлѣтняя разъединенность съ коренною Россіею, совершенно иныя естественныя условія жизни и иныя условія историческія, вмѣстѣ съ разнообразными столкновеніями со множествомъ другихъ народностей, о которыхъ въ коренной Россіи не имѣютъ и понятія, дали ему развитіе вполнѣ оригинальное. Распространенность и устойчивость говора Восточной Сибири, имѣющаго свою особую фонетику, много особенныхъ грамматическихъ формъ, отчасти особенное словообразованіе и своеобразный способъ выраженія, съ словаремъ болѣе чѣмъ въ 3.000 чисто-мѣстныхъ словъ, неизвѣстныхъ въ общемъ русскомъ языкѣ,—даютъ ему полное право занять мѣсто въ ряду съ остальными нарѣчіями Россіи» (Замѣчан. и словарь сибир. нарѣч.; Извѣст. Сиб. Отд.. т. IV, 1873, стр. 21).

Ясно, что на Востокѣ слагается новый этнографическій типъ, съ которымъ насъ хорошо знакомятъ изслѣдованія г. Ровинскаго и статьи г. Щапова, напечатанныя въ «Извѣстіяхъ Сибирскаго Отд. Геогр. Общества». Мы постараемся коснуться тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришли эти почтенные изслѣдователи. Физіологическая помѣсь съ инородческимъ элементомъ, вліяніе новыхъ физическихъ и историческихъ условій, какъ мы сказали, не могли не отразиться и на психической природѣ русской народности. Она неизбѣжно должна была пріобрѣсти новые инстинкты и новыя наклонности, а потому и развитіе способностей должно было принять новое направленіе; нѣтъ сомнѣнія, что это своеобразное развитіе въ будущемъ пріобрѣтетъ еще большее значеніе. Вотъ какіе приговоры и обобщенія, между прочимъ, сдѣланы о способностяхъ и оригинальныхъ психическихъ проявленіяхъ областного населенія Востока. Въ духовно-физической организаціи его прежде

всего замѣчается больше, чѣмъ въ развитіи европейско-россійскаго народонаселенія, проявленіе разныхъ рѣзкихъ измѣненій и уклоненій физіологическихъ и патологическихъ, прогрессивныхъ и регрессивныхъ. Они обусловлены многими неблагопріятными обстоятельствами при первоначальномъ заселеніи страны и первыхъ столкновеніяхъ съ другими расами, а также невыгоднымъ естественнымъ подборомъ. На нихъ-то ученое изслѣдованіе и останавливаетъ свое главное вниманіе.

Путешественникъ, посѣтившій Сибирь, на каждомъ шагу поражается рѣзкими контрастами и хаотическимъ смѣшеніемъ всевозможныхъ противорѣчій и крайностей; онъ замѣчаетъ въ сибирскомъ населеніи, съ одной стороны, болѣе или менѣе замѣчательныя умственныя дарованія, съ другой—микроцефаловъ, кретиновъ, идіотовъ или вообще «дурачковъ», какъ говорятъ въ Сибири, а также карликовъ съ недостаточнымъ нервно-мозговымъ развитіемъ. Такія крайности и видоизмѣненія то въ ту, то въ другую сторону очень понятны при помѣси различныхъ народностей, при внесеніи самыхъ разнообразныхъ элементовъ и признаковъ прародителей. Вмѣстѣ съ этимъ извѣстны и нѣкоторыя мѣстныя патологическія проявленія уродствъ въ данной мѣстности, еще не объясненныя и, можетъ быть, находящіяся въ связи съ климатомъ и неблагопріятными физическими условіями. Къ такимъ явленіямъ относится, напримѣръ, въ Верхоленскомъ округѣ и нѣкоторыхъ мѣстахъ Восточной Сибири развитіе зобовъ и сопровождающаго ихъ кретинизма и идіотизма.

Зобатость начинаетъ проявляться вообще съ началомъ половой зрѣлости. Одна статья изъ мѣстныхъ свидѣтельствъ представляетъ намъ несчастное положеніе сибирской дѣвушки, тщательно скрывающей свое уродство передъ замужествомъ (газета «Сибирь»). Зобатость въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири стремится сдѣлаться наслѣдственною органическою особенностью всѣхъ жителей данной мѣстности. Докторъ Кашинъ, производившій изслѣдованія на Ленѣ, свидѣтельствуетъ, что зобъ распространяется и разносится даже по селеніямъ, гдѣ прежде его не было. «Мы убѣждены—пишетъ онъ—что существующая здѣсь эндемія зоба будетъ имѣть непремѣннымъ своимъ послѣдствіемъ перерожденіе туземнаго населенія и прогрессивное увеличеніе числа кретиновъ, если только не обратятъ вниманія на уничтоженіе вредныхъ мѣстныхъ условій» [1]). Кромѣ зоба, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири замѣ-

[1]) Въ Западной Сибири зобъ замѣченъ въ Алтаѣ въ Тигерецкомъ, Андреевскомъ поселкахъ и между жителями Риддерскаго рудника. Но онъ существуетъ

чаются и другія патологическія явленія, такъ, напримѣръ, «икота», «порча», составляющія какіе-то нервные припадки и господствующія между крестьянствомъ Западной Сибири. Юродивые и дурачки, выродившіеся идіоты, предвѣщатели и вѣдуны встрѣчаются въ каждомъ сибирскомъ городѣ.

Къ другимъ причинамъ мѣстнаго быта, вліяющимъ неблагопріятно на рожденіе и здоровье, развитіе населенія, относятъ наши этнографы разныя болѣзни, заносимыя пришлымъ населеніемъ. Въ этомъ отношеніи играетъ роль громадный приливъ ссыльнаго люда, приносящаго съ собой изъ русскихъ тюремъ и арестантскихъ и физическую хилость, и нравственную испорченность.

Вотъ что говоритъ по этому поводу г. Щаповъ: «Намъ кажется, рожденіе уродовъ, идіотовъ, дураковъ и т. п. въ Сибири въ значительной степени зависитъ отъ безпорядочности половаго подбора и неправильности половыхъ отношеній, обусловливаемыхъ преобладаніемъ ссыльныхъ преступниковъ, испорченной нравственности и съ разными физическими пороками, численнымъ неравенствомъ половъ въ Сибири, а также сильнымъ развитіемъ проституціи, соединенной съ безобразнымъ пьянствомъ».

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ сдѣлано очень мало наблюденій надъ вырожденіемъ и психическими болѣзнями населенія на окраинѣ. Изъ нѣкоторыхъ наблюденій, однако, видно, что даже среди инородческихъ племенъ существуютъ нервно-патологическія явленія, иногда распространяющіяся эпидемически; къ нимъ принадлежитъ «эмирячество» у якутовъ, монголовъ, тунгусовъ. (Эмирячество—подражательныя движенія, вызываемыя внѣшними вліяніями, случайными или по внушенію, изслѣдовано впервые докторомъ Кашинымъ, см. также наблюденія Рябкова въ Колымскомъ краѣ. «Сибирскій Сборникъ» прилож. къ «Вост. Обозр.» 1887 г. Полярныя страны, VI глава. Нервно-мозговыя болѣзни, стр. 33). Шаманство и его экстазы также породили нервныя разстройства. У русскаго населенія, особенно среди женщинъ, замѣчаются истеріи, извѣстныя подъ именемъ порчи (объ испорченныхъ встрѣчаются цѣлыя дѣла въ прошломъ столѣтіи). Любопытны наблюденія одного изъ психіатровъ, д-ра Брянцева, въ Иркутскѣ при отдѣленіи душевно-больныхъ. Онъ замѣтилъ наибольшія и болѣе частыя психическія разстройства среди ссыльныхъ, наконецъ среди пріиско-

---

также по р. Бін въ Енисейской волости, и зобатое населеніе находится на берегу Телецкаго озера, по Пыжѣ, по р. Лебенью и въ Кузнецкихъ лѣсахъ. Зобъ и кретинизмъ замѣченъ и среди бурятовъ Нижнеудинскаго округа (Статья Н. Астырева, «Русск. Вѣд.» 1870 г. № 15).

выхъ рабочихъ. Психическія потрясенія ссыльныхъ во время несчастій и тоски по родинѣ, сопровождающія ссылку, наконецъ патологическій складъ, обусловившій самую наклонность къ преступленію, объясняютъ вполнѣ болѣзни ссыльныхъ. Гораздо важнѣе, что при своихъ бракахъ въ Сибири они передаютъ душевныя разстройства и потомству. Безпорядочная жизнь пріисковыхъ рабочихъ и пьянство среди нихъ служатъ также полнымъ объясненіемъ душевныхъ разстройствъ. Потребленіе крѣпкихъ напитковъ въ Сибири, вызываемое суровостью холодовъ, а съ другой стороны большою зажиточностью населенія, производитъ губительное вліяніе. О пьянствѣ въ Сибири дали отзывъ всѣ путешественники, начиная съ аббата Шаппа. Оно распространено среди крестьянъ, гдѣ пьютъ на сходахъ, гдѣ праздники и свадьбы ведутъ къ недѣльнымъ запоямъ; наконецъ, пьянство не чуждо и городскимъ людямъ. Все это способствуетъ вырожденію и психическимъ разстройствамъ среди потомства. Вліяніе на окраинѣ пришлаго люда, перемѣняющаго мѣста, также какъ и блужданіе ссыльныхъ выразились кратковременными связями и увеличеніемъ незаконнорожденныхъ.

О неправильности половаго подбора, не рѣдко проявлявшагося въ Сибири среди незакопныхъ рожденій, сложилась даже особая пословица: «Платье на грядкѣ, уродъ на рукѣ». Къ числу постоянныхъ патологическихъ явленій, подтачивающихъ организмъ сибирскаго населенія, надо отнести и занесеніе сифилиса въ Сибирь партіями ссыльныхъ и амурскими штрафными солдатами и чрезвычайное распространеніе его между мѣстными жителями [1]). Въ Сибири, говорятъ очевидцы, есть деревни, сплошь зараженныя, цѣлыя инородческія племена охвачены этой болѣзнью [2]). Понятно, что, въ отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ, населеніе, предоставленное самому себѣ, безъ медицинскихъ средствъ, гдѣ въ цѣлые районы и округа не заглядывалъ ни одинъ докторъ, болѣзнь можетъ охватить населеніе и принять страшное развитіе, она можетъ переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе и никто ея не будетъ знать.

---

[1]) Въ пересыльныхъ замкахъ и въ больницахъ находится, какъ показываютъ наблюденія, масса арестантовъ, зараженныхъ сифилисомъ. Ссыльные несутъ его въ Сибирь скрытнымъ и онъ, обыкновенно, развивается на дорогѣ. Точно также арестантскія партіи, какъ доказали изслѣдованія, разносятъ тифъ по Сибири и ими же въ 1871—1872 г. была занесена холера. Очерки санитар. состоянія Западн. Сибири 1880 г., стр. 83—84.

[2]) О распространеніи сифилиса см. Санитарн. Список. Западн. Сибири, изд. 1880 г. Омскъ, стр. 85—86, и болѣзни, господствующія въ Березовскомъ округѣ. Медико-топографическіе матеріалы д-ра Соколова.

При суровомъ, холодномъ климатѣ, при скудномъ питаніи рыбой, при лишеніяхъ, простудахъ, при той жизни, какою живутъ инородцы и крестьяне, болѣзнь эта быстро распространяется, осложняясь другими мѣстными недугами. Докторъ Соколовъ, при изслѣдованіи Березовскаго края и мѣстныхъ инородцевъ, находилъ, напримѣръ, такія осложненія скорбута, сифилиса, простуды и проч., что невозможно было уже отличить одно патологическое явленіе отъ другого и принять тѣ или другія медицинскія средства. Все это, нѣтъ сомнѣнія, должно подрывать въ самомъ корнѣ народное здоровье, отзываться какъ на физическомъ вырожденіи сибирскаго населенія, такъ и на пониженіи его умственнаго уровня. Но такія явленія мы считаемъ предотвратимыми, если бы на нихъ было обращено большее вниманіе.

Обративъ вниманіе на отрицательныя явленія, этнографія останавливается и на положительныхъ чертахъ русскаго областнаго населенія на Востокѣ. Въ физическомъ отношеніи оно довольно крѣпко сложено и здорово, хотя не всегда обладаетъ высокимъ ростомъ и толщиной. Сибирякъ «приземистъ и коренастъ», какъ говорятъ о нихъ. Въ развитіи чувствъ и воспріимчивости впечатлѣній сибирякъ выработалъ, а отчасти и получилъ наслѣдственно отъ инородца многія изощренныя способности, какъ, напримѣръ, чуткость слуха и зоркость, примѣры которой мы привели въ первой главѣ. Этими особенностями сибирякъ обязанъ окружающимъ его громаднымъ тундрамъ, пустынямъ и лѣсамъ, гдѣ ему приходится встрѣчаться лицомъ къ лицу со всевозможными препятствіями и опасностями, наблюдать и замѣчать ихъ, охранять и защищать себя. Относительно даровитости и ума русскаго населенія факты свидѣтельствуютъ, что сибиряки не глупы. Изслѣдователи ссылаются уже на замѣчаніе Екатерины, что сибиряки «вообще умны, любознательны и предпріимчивы», и въ заключеніе приводятъ примѣры, что изъ сибирскаго населенія выходили болѣе или менѣе ученые и писатели, какъ Славцовъ, Батенковъ, Пассеки, Менделѣевъ, Чигуновъ, Корсаковъ, Полевой, Бабровниковъ, Елисѣевъ, Потанинъ, Поляковъ, Капустины, Кремлевъ, Загоскинъ, Вагинъ, художники Перовъ, Суриковъ и т. д. Не мало также на Востокѣ и даровитыхъ самородковъ, выходящихъ изъ среды народа.

Не отрицая даровитости сибирско-русскаго населенія, мы, однакожъ, должны замѣтить, что самая необходимость пріискивать доказательство въ пользу его, указываетъ на не особенно лестное мнѣніе до сихъ поръ вообще о народности. Доказательства эти похожи на тѣ, которыя обыкновенно приводятся въ пользу не-

гровъ и женщинъ; для всякаго другого человѣческаго общества они должны были бы показаться нѣсколько обидными. Однако, приводимые примѣры въ пользу даровитости сибирско-русскаго населенія убѣждаютъ насъ въ томъ, что пробужденіе и развитіе сибирскаго таланта совершалось до сихъ поръ только на другой почвѣ и въ другой соціальной средѣ. Пожалуй, сибирско-русское населеніе и даровито, но оно поставлено въ такія печальныя условія, что выдающаяся умственная сила, подавленная въ своей средѣ, должна была непремѣнно вырваться изъ нея и бѣжать изъ этого края. О психическихъ особенностяхъ сибирскаго населенія этнографы сообщаютъ слѣдующее: «Нельзя не замѣтить въ этомъ населеніи нѣкоторыхъ своеобразныхъ умственныхъ и нравственныхъ чертъ или особенностей, болѣе или менѣе замѣтно отличающихъ его какъ отъ психическаго настроенія великорусскаго или малороссійскаго народа, такъ и отъ умонастроенія сибирскихъ инородческихъ племенъ, съ которыми оно смѣшивалось и смѣшивается. Сравнивая, во-первыхъ, вообще мыслительную способность ссыльныхъ великорусскихъ и малорусскихъ поселенцевъ Сибири съ природными сибирскими—туземными сибирско-русскими—поколѣніями, можно замѣтить, правда, что русскій или, какъ говорятъ въ Сибири, «россійскій» человѣкъ, преимущественно городской, болѣе развязанъ въ своихъ сужденіяхъ, чѣмъ сибирякъ. У него умственный кругозоръ большею частію шире, эмпирическія знанія разнообразнѣе, разсудочныя способности болѣе культивированы и развиты, умственные взгляды и наблюденія шире и разностороннѣе, разсказы разнообразнѣе и живѣе, рѣчь обильнѣе, витіеватѣе и выразительнѣе съ большею примѣсью словъ книжнаго языка, хотя часто и своеобразно употребляемыхъ. Сибирякъ, наоборотъ, первобытнѣе. Умъ его менѣе развитъ и гибокъ. Логическіе пріемы его мышленія менѣе развиты, ассоціаціи идей не такъ многосложны, какъ у великорусса,—какого-нибудь нижегородца или ярославца. Зато въ сибирскомъ русскомъ населеніи разсудокъ, кажется, гораздо болѣе преобладаетъ надъ чувствомъ, чѣмъ въ великорусскомъ народѣ. Холодно-разсудочная, практическая разсчетливость сибиряковъ или преобладающая наклонность къ реалистическому и положительному взгляду на вещи подавляетъ въ нихъ почти всякое идеалистическое умонастроеніе...» Оттого сибиряки менѣе мистичны и религіозны, чѣмъ «россійскіе» люди. Сибиряки въ большинствѣ случаевъ совершенно чужды мистицизма; «они, такъ сказать, болѣе утилитаристы и матеріалисты, чѣмъ мистики и идеалисты», заключаетъ этнографія свое изслѣдованіе. Итакъ, при всей неразвитости и некультивированности ума,

въ сибирякѣ замѣчаются признаки реалистическаго направленія мысли. Эта черта характера проявляется и въ языкѣ. Словцовъ подмѣтилъ, «что сибирскій разговоръ лѣнивъ, *холоденъ*, *безъ легкомыслія*, не текучъ и малословенъ, *какъ бы съ числомъ и вѣсомъ*, къ сожалѣнію, темноватъ, по привычкѣ пропускать глаголы, оживляющіе мысль». При разсудочности и практическомъ взглядѣ умонастроеніе сибиряковъ въ значительной степени отличается еще юмористическими наклонностями. Но эта способность не проявляется пока ни въ критикѣ, ни въ сатирѣ, а сохраняется только въ проявленіяхъ обыденной «просмѣшливости» (пересмѣиваньи), выражающейся, по словамъ нѣкоторыхъ наблюдателей, нерѣдко въ простыхъ и грубыхъ формахъ. Слѣды мѣстнаго умонастроенія обнаруживаются также въ томъ, что сибирское населеніе на многія традиціонныя учрежденія или принципы и правила смотритъ гораздо свободнѣе и смѣлѣе, чѣмъ великорусскій народъ; оно руководствуется болѣе натуральными чувствами, потребностями и побужденіями. Такъ, простонародье смотритъ весьма свободно, говоритъ г. Щаповъ, въ Иркутскѣ и вообще въ Сибири, на «свободные» или гражданскіе браки. Великорусскіе раскольники для объясненія этихъ браковъ усиливаются создать свое религіозное воззрѣніе, пишутъ объ этомъ церковныя догматическія сочиненія, а народъ въ Сибири руководствуется въ этомъ отношеніи непосредственными влеченіями чувства и страсти. Самый расколъ въ Сибири прививается скорѣе своими раціоналистическими сторонами. То же самое примѣняется по отношенію къ соціальнымъ явленіямъ. Умъ великорусса отличается историко-традиціоннымъ воспитаніемъ, а умъ сибиряка характеризуется непосредственно-натуральной дрессировкой. «Въ умственномъ складѣ великорусскаго человѣка болѣе отразилось вліяніе—пишетъ г. Щаповъ—продолжительнаго, историческаго, тысячелѣтняго опыта и отчасти вліяніе европейски-образованнаго класса. Въ умонастроеніи сибиряка болѣе отпечатлѣлось вліяніе дикой сибирской природы». Это умонастроеніе характеризуется забывчивостью всякой исторической традиціи, утратой поэзіи и отсутствіемъ всякаго идеальнаго чувства и поэтической мечтательности. Сибиряки, большей частію, говоритъ г. Щаповъ, забыли всю древне-русскую старину, всѣ эпическія сказанія или былины великорусскаго народа, даже большую часть великорусскихъ народныхъ вѣрованій или суевѣрій, примѣтъ и обрядовъ увеселительныхъ. Среди великорусскаго народа, даже въ сферѣ такой суровой непривѣтной природы, какъ природа олонецкаго края, гг. Рыбниковъ и Гильфердингъ находили множество «сказателей», любившихъ разсказывать старин-

ныя былины русскаго народа, а въ Сибири едва-ли есть гдѣ-нибудь такіе «сказатели». Наконецъ, самая пѣсня, не только малороссійская, но и великорусская, какая занесена была переселенцами съ Днѣпра, Волги или Сѣверной Двины и Камы, въ Сибири почти забыта или поется нѣсколько своеобразно, какъ-то уныло, монотонно, болѣе низкими нотами, съ меньшими варіаціями голоса, или даже нѣсколько похожа на пѣсни татаръ или бурятъ въ степи, или на «христорадную, милосердную пѣснь» арестантскихъ партій. «По сю пору мнѣ не удалось, не только у семейскихъ—пишетъ г. Ровинскій—но вообще у сибиряковъ найти ни одной оригинальной пѣсни, кромѣ нѣсколькихъ сложенныхъ ссыльными. Всѣ ихъ пѣсни занесены изъ Россіи и содержаніемъ своимъ совершенно неподходящія къ нимъ; поэтому, при ихъ оригинальныхъ недостаткахъ, онѣ искажаются еще больше ихъ перенимателями и являются совершенно безсмысленнымъ наборомъ словъ» (Изв. Сибир. Отд. Имп. Геогр. Общества, т. IV, № 3, Иркутскъ, 1873 г.). За то мѣстная этнографія замѣчаетъ, что въ сибирское населеніе, даже въ среду простолюдиновъ, проникло болѣе пѣсенъ изъ образованныхъ слоевъ. Здѣсь часто поются романсы, взятые изъ печатныхъ пѣсенниковъ.

Относительно взглядовъ сибиряка на природу одинъ изъ наблюдателей чрезвычайно мѣтко сдѣлалъ слѣдующее опредѣленіе: «Достойно замѣчанія, что міросозерцаніе сибирскаго простаго народа въ сферахъ, не столь непосредственно связанныхъ съ практическою жизнью, взглядъ на природу и ея силы рѣзко отличаются отъ понятій народа европейской Россіи, какъ будто старинныя эпическія представленія, нѣкогда тамъ сложившіяся, улетучились изъ головъ переселенцевъ, во время ихъ пути въ Сибирь: коренной сибирякъ смотритъ на природу, какъ на мертвую массу, не населяетъ ее лѣшими, русалками и даже никогда не задумывается, на чемъ земля стоитъ».

То же повторилось и съ историческими преданіями. Сибирякъ не задумывается и не подозрѣваетъ своего кровнаго родства съ кореннымъ русскимъ человѣкомъ; напротивъ, онъ считаетъ себя русскимъ, а на русскаго поселенца смотритъ какъ на совершенно чуждаго ему человѣка и сомнѣвается въ его русской національности. Это забвеніе о своемъ происхожденіи приводитъ сибиряка къ забавному толкованію даже извѣстныхъ ему историческихъ фактовъ, касающихся жизни первоначальныхъ русскихъ колонизаторовъ: такъ, въ отдаленныхъ мѣстахъ Восточной Сибири предполагаютъ, что Ермакъ, пришелецъ изъ Россіи, покорилъ прадѣдовъ, исконныхъ русскихъ обитателей Сибири, и привелъ ихъ на

подданство царю, или что въ старину буряты дѣлали набѣги на русскихъ коренныхъ обитателей Сибири, чтобы выгнать ихъ изъ домовъ и овладѣть землей, всегда принадлежавшей русскимъ [1]). Сибирякъ забылъ не только вынесенную изъ Россіи, но и собственную исторію. Это отсутствіе историческихъ традицій объясняется постоянными приливами и смѣшеніемъ населенія, его разнородностью, какъ и отдаленностью отъ центра исторіи. Все это наложило на сибиряка печать извѣстнаго индифферентизма. Въ исторіи послѣ Петра оно рѣдко принимало участіе въ общей судьбѣ государства, самыя событія сюда доносились смутно и нерѣдко вели къ недоразумѣніямъ, какъ, напримѣръ, внезапный бунтъ тарскихъ жителей, не признавшихъ акта о наслѣдіи Петра I. Народныя волненія, какъ пугачевскій бунтъ, едва коснувшись западныхъ частей, дошли до Сибири въ смутныхъ преданіяхъ и разсказахъ.

Войны, государственная жизнь не возбуждали здѣсь особаго патріотизма. Во время отечественной войны 1812 г. въ Иркутскѣ были построены тріумфальныя ворота, говоритъ преданіе, для пріема Наполеона; историческія торжества не возбуждали особеннаго воодушевленія. Недавно одинъ забайкальскій городъ отказывался чѣмъ-либо ознаменовать память Петра I, и если на восточной окраинѣ гдѣ-нибудь устраивались собранія и читались натянутые спичи въ память заслугъ Ломоносова, то это были демонстраціи только заѣзжаго образованнаго сословія, въ которыхъ сибирское населеніе играло пассивную роль. Пристрастія къ историческимъ лицамъ, къ историческимъ разсказамъ здѣсь не замѣчается. Память Ермака мы находимъ уважаемой только въ Тобольской губерніи, гдѣ преданіе болѣе уцѣлѣло. Въ другихъ мѣстахъ оно менѣе напоминается.

Это не то, что Малороссія и Украйна, столь богатыя своими воспоминаніями и такъ пѣжно лелѣющія ихъ. Русская общественная жизнь далека отъ сибиряка и только иногда доносится до него въ неясныхъ отголоскахъ. Вотъ почему путешественника сибирское населеніе поражаетъ своимъ безучастіемъ къ тому, что дѣлается за Ураломъ.

Кромѣ того, этнографическою чертою мѣстнаго населенія является нѣкоторая грубость и диковатость, какъ-бы общая съ инородцами. Диковатость эта, конечно, происходитъ и оттого, что населеніе восточныхъ окраинъ совершенно замкнуто въ своей полудикой сферѣ; оно живетъ вдали отъ центровъ просвѣщенія и ци-

[1]) Очеркъ сельской жизни въ Сибири. Разсказъ «Коршуновцы».

вилизаціи, въ своей захребетной и затаежной лѣсной глуши, среди некультивированной сибирской природы, гдѣ нѣтъ почти никакихъ источниковъ для умственнаго развитія интеллектуальныхъ интересовъ.

Но въ этой диковатости нельзя не замѣтить проблесковъ смѣлой любознательности и пытливаго ума. Вотъ отзывъ аббата Шаппа о сибирякахъ: «сибиряки дики и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытны». Онъ приводитъ примѣръ, какъ въ одномъ домѣ при его появленіи «четыре или пять женщинъ мгновенно спрятались за какую-то занавѣску, но потомъ мало-по-малу онѣ *приручились*». Жители сначала дичились астрономическихъ опытовъ путешественника, а потомъ начали съ любопытствомъ смотрѣть на нихъ. Такъ принимаютъ всѣхъ путешественниковъ въ глухихъ мѣстахъ Сибири: жители сначала дивуются на нихъ, но потомъ выказываютъ самую живую любознательность и участіе къ нимъ. Но въ то время, когда нѣкоторые, какъ дикари, въ Сибири удивлялись термометру, сибирякъ же Невѣровъ, едва узнавъ употребленіе его, производитъ въ Якутскѣ 26 лѣтъ метеорологическія наблюденія, которымъ отдалъ честь даже Миддендорфъ. «Диковатость, соединенная съ любопытствомъ, замѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ Сибири», прибавляетъ этнографическое свидѣтельство. Это дикарское любопытство, однако, быстро переходитъ и въ настоящую любознательность, въ быструю переимчивость. Черту эту такъ характеризовалъ одинъ иркутскій мѣщанинъ г. Щапову: «нашъ братъ сибирякъ, когда увидитъ въ первый разъ какую-либо машину, дивится, но потомъ любопытствуетъ узнать, въ чемъ въ ней сила, какъ она сдѣлана и какъ дѣйствуетъ. На первый взглядъ—прибавилъ мѣщанинъ—конечно, оно диво—хитрая машина; но какъ разсмотришь въ ней всѣ части, что къ чему придѣлано, что чѣмъ дѣйствуетъ. въ чемъ сила, такъ и самъ можешь сдѣлать такую машину, и диковинки тутъ не будетъ никакой». Въ сибирской жизни, бѣдной впечатлѣніями, за неимѣніемъ предметовъ, могущихъ удовлетворять эту любознательность, она выражается склонностью ко всякимъ неожиданнымъ зрѣлищамъ и часто проявляется суетнымъ и легкомысленнымъ образомъ: ходятъ смотрѣть покойниковъ, выбѣгаютъ на улицу при всякомъ шумѣ и проч. Вѣроятно, театръ когда-нибудь будетъ имѣть огромный успѣхъ въ Сибири. Въ низшей средѣ народа этотъ инстинктъ любознательности проявляется массою самоучекъ и самородковъ, о которыхъ также упоминаетъ г. Щаповъ.

Диковатость и отчужденность сибирскаго населенія понемногу пропадаетъ, и нынѣ далеко уже не вездѣ чувствуется. Даже въ

глухихъ мѣстахъ путешественниковъ встрѣчаетъ живое и бойкое населеніе, поражающее своеобразностью. «Обитатели Баробы (степь Тобольской губерніи)—пишетъ Гельмерсенъ—прекрасная и сильная раса, отчасти потомки ссыльныхъ, преумножающіеся новыми переселенцами. Они, повидимому, крѣпки, ловки, зажиточны. Ихъ обращеніе свободно и непринужденно, при этомъ они показываютъ чувство собственнаго достоинства и сознаніе силы. Они насъ съ перваго же раза убѣдили въ справедливости мнѣнія, что сибиряки Европейскую Россію и русскихъ принимаютъ за чужеземщину или иностранцевъ и говорятъ такъ, какъ мы о западноевропейскихъ странахъ. Если сибирякъ русскому, который посѣщаетъ его гостепріимный домъ, говоритъ дружелюбно: Милостивый государь, вы русскій (при этомъ онъ обыкновенно употребляетъ слово *россійскій*), то этимъ онъ не хочетъ сказать, что вы землякъ, а напротивъ хочетъ этимъ обозначить противоположность себѣ, какъ сибиряку» (Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches von Baer und Helmersen. St.-Pet. 1848. Bänd. 14).

Нѣкоторая самоувѣренность, гордость и сознаніе особенностей своего областнаго типа и до сихъ поръ господствуетъ въ коренномъ сибирскомъ населеніи. Такъ, всѣ старожилы новыхъ переселенцевъ называютъ «россійскими». Въ своихъ объѣздахъ по Сибири мы также почти не встрѣчали дикости и замкнутости населенія; напротивъ, среди него все чаще встрѣчаются черты общительности, развязности и извѣстной бывалости. Эти черты замѣчены нами даже на глухихъ трактахъ, гдѣ населеніе жило, повидимому, отчужденно. Такимъ образомъ въ мѣстномъ населеніи совершается извѣстная метаморфоза и оно дѣлаетъ извѣстные успѣхи въ своемъ развитіи и міросозерцаніи. Это объясняется тѣмъ, что если съ одной стороны отдаленность, отсутствіе обмѣна, сосѣдства инородцевъ, жизнь въ лѣсахъ и отсутствіе культурныхъ вліяній и способствовали диковатости и грубости населенія, то съ другой стороны были и другія вліянія.

На почвѣ Сибири совершается постоянный притокъ новаго населенія переселенцевъ и ссыльныхъ, которые не могли не измѣнять нравовъ. При торговомъ движеніи, при промышленной жизни, обусловливавшей движенія, населеніе въ Сибири болѣе подвижно, болѣе имѣетъ случаевъ насмотрѣться на людей. Сибирь страна бывалыхъ людей. Сперанскій, столкнувшись съ сибирскимъ обществомъ, замѣтилъ, что это «страна Донкихотовъ»; здѣсь можно встрѣтить людей, бывавшихъ и въ Камчаткѣ и на Амурѣ. Сибирскій крестьянинъ исхаживалъ съ обозами отъ Иркутска до Москвы. Затѣмъ жизнь населенія не могла оста-

ваться въ застоѣ. Сибирь пережила уже нѣсколько культуръ: звѣроловную, земледѣльческую, золотопромышленную и торговую. Мы наталкивались на типы крестьянъ въ глухихъ деревняхъ, гдѣ аттрибуты недавняго звѣроловческаго промысла висѣли рядомъ съ представителями позднѣйшихъ занятій. «Мы занимались ямщичиной и съ купцами водились, теперь торговлей лѣсомъ сами занимаемся», говорилъ крестьянинъ-земледѣлецъ, отецъ котораго былъ звѣроловъ-промышленникъ.

Надо замѣтить, что воспріимчивость сибирскаго населенія была живѣе и оно могло, благодаря свободной жизни и довольству, совершать легче прогрессъ въ матеріальномъ отношеніи и обстановкѣ жизни. Быстрое воспріятіе новыхъ культурныхъ чертъ, всякихъ нововведеній, какъ и усвоеніе новыхъ привычекъ, совершается поэтому необыкновенно быстро въ Сибири. Этимъ объясняются весьма быстрыя перемѣны въ образѣ жизни сибирскаго населенія, не скованнаго никакой традиціей. Всякая новизна, всякое культурное заимствованіе, разъ оно пришлось понутру и обольстило, жадно воспринимается и проходитъ въ массу. Живая непосредственная любознательность, какъ и любопытство дикаря, оказываютъ одинаковую услугу. Всякое культурное заимствованіе и обычай цивилизаціи въ Сибири разливается шире въ массѣ населенія и дѣлается общимъ достояніемъ.

Въ Сибири нѣтъ монополизирующаго за собою культурную жизнь сословія, и сибирскій крестьянинъ, какъ и средній классъ населенія, поэтому ведетъ себя непринужденно и развязно. Сибирскій крестьянинъ чувствуетъ себя равноправнымъ, онъ смѣло входитъ въ комнату, подаетъ вамъ руку, садится съ вами за столъ и, если вы его пригласите, совершенно непринужденно будетъ пить чай, ѣсть и свободно вести съ вами рѣчь. Это мѣняетъ обхожденіе съ простымъ народомъ самихъ пріѣзжихъ въ Сибирь. До извѣстной степени, при добрыхъ отношеніяхъ, такое общеніе практикуется между начальствующими и народомъ. Даже пріѣзжій кровный господинъ (seigneur) въ Сибири долженъ сдѣлать уступку купечеству, мѣщанину и крестьянину, если онъ захочетъ съ ними сблизиться, какъ бы это не оправдывалось уступкой «обычаямъ дикарей». Нѣтъ предмета роскоши и комфорта, нѣтъ вещи, которая бы составляла недоступный и запретный предметъ для сибирской массы. Всякій крестьянинъ сознаетъ, что онъ все можетъ пріобрѣсти, были бы средства. Поэтому сибирскому крестьянину доступны сюртукъ и картина, книги, счеты, стѣнныя жирандоли, гардины и зеркала, украшающія дома торговыхъ крестьянъ. Въ сибирской жизни торговое сословіе, золо-

топромышленники и первѣйшіе богачи постоянно выходятъ изъ крестьянскаго сословія и гордятся мужичьимъ происхожденіемъ. Бывшіе крѣпостные крестьяне, явившіеся въ Сибирь, дѣлались видными капиталистами, занимали почтенную роль въ обществѣ и только впослѣдствіи выкупались и получали вольную [1]). Сибирское чиновничество, постоянно зависимое въ матеріальномъ отношеніи и не составляющее особаго класса, нерѣдко выходящее изъ тѣхъ же низшихъ слоевъ, имѣетъ общеніе только съ мѣщанами и купцами, уѣздное же—съ сельской мужичьей аристократіей; поэтому сибирское общество, неотдѣляемое перегородками, составляетъ однородную массу, гдѣ жизнь и обмѣнъ ея свободенъ. Все это не можетъ не поднимать уровень жизни крестьянства.

Мода всецѣло господствуетъ въ Сибири и покоряетъ населеніе. Пиджаки, жилеты, фуражки составляютъ принадлежность костюма сельской молодежи. Сибирскій крестьянинъ никогда не зналъ лаптей и сапогъ для него постоянная обувь. У женщинъ сарафанъ составляетъ рабочій костюмъ, большинствомъ носится блуза и шерстяное платье, вязаные воротнички, чулки и ботинки. Такіе костюмы мы видѣли въ деревняхъ Бійскаго округа у потомковъ новоселовъ или переселенцевъ, т.-е. «лапотниковъ», основавшихся въ Сибири не болѣе 50 лѣтъ. Мы не говоримъ о селахъ на пути золотыхъ пріисковъ, гдѣ крестьянинъ и рабочій бросаетъ деньги. Трудно представить себѣ, до чего достигаютъ исключительныя заимствованія и переимчивость. Иногда разбогатѣвшій крестьянинъ заводитъ себѣ богатые экипажи, дѣлаетъ балъ для чиновниковъ, выписываетъ вино. «Сибирское простонародье отличается увлеченіемъ ко всему новому въ своей одеждѣ и вообще въ домашней обстановкѣ—пишетъ Щаповъ.—Даже въ деревняхъ можно видѣть шиньоны, кринолины, бурнусы съ стеклярусомъ, сюртуки, часы съ цѣпочками; въ домахъ зеркала, обои, диваны, хорошую мебель, цвѣты въ цвѣтникахъ и проч. Нѣтъ ни одного сибиряка, который бы, подобно великорусскому старовѣру, отворачивался, какъ отъ чертовщины, отъ папиросы, сигары, чаю или кофе и т. п.».

Мода и щегольство сибирскихъ простолюдиновъ у русскихъ крѣпостниковъ, пріѣзжавшихъ въ Сибирь на службу, вызывали даже жалобы на развращенность населенія. Одинъ киренскій

---

[1]) Братья Швецовы, бывшіе крѣпостные, получивъ университетское образованіе даже за границей, были промышленными дѣятелями въ Сибири. Не мало бывшихъ крѣпостныхъ дѣлались въ Сибири капиталистами и представителями торговыхъ домовъ.

исправникъ формальной бумагой жаловался на роскошь костюмовъ, такъ какъ въ одной деревнѣ на ярмаркѣ онъ видѣлъ на крестьянкахъ «драповыя кофточки послѣдней парижской моды въ 35—40 руб., башмаки рублей въ 8, *лакированныя калоши*» и проч., и просилъ принять мѣры противъ пагубнаго разврата. Въ среднемъ классѣ подобная склонность къ модѣ выражается въ подражаніи великосвѣтской жизни. Сибирское торговое сословіе брѣетъ бороды и носитъ нѣмецкіе сюртуки. Европейскіе танцы не только проникли въ мѣщанскую, но и въ крестьянскую среду. Конечно, въ умственной сферѣ усвоеніе новаго уже менѣе имѣетъ простора и у сибиряковъ менѣе для этого пищи, но все-таки въ этомъ отношеніи сибиряки, пишетъ г. Щаповъ, повидимому, воспріимчивѣе и любознательнѣе, по крайней мѣрѣ, старовѣрческой массы великорусскаго народа. Менѣе услѣдимымъ является просачиваніе взглядовъ, идей, но тѣмъ не менѣе развитіе сибирскихъ простолюдиновъ не могло не поражать многихъ. Примѣромъ служатъ отзывы Флеровскаго о сибирскомъ крестьянинѣ.

Нѣтъ круга идей, въ которомъ бы онъ не оріентировался при помощи здраваго смысла. Многіе изъ низшаго класса усвоивали въ Сибири грамотность, развивали себя и пріобрѣтали начитанность. Еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, по свидѣтельству путешественника Фалька, около Тобольска жили ямщики Черепановы, изъ которыхъ одинъ составилъ замѣчательную сибирскую хронику-лѣтопись, сдѣлавъ сводъ изъ многихъ историческихъ сочиненій, а братъ его занимался живописью. Многіе изъ подобныхъ зажиточныхъ крестьянъ имѣли библіотеки, интересовались наукой. Сибирскіе раскольники сносились съ отдаленнѣйшими своими собратьями.

Такимъ образомъ даже крестьянскій умъ работалъ надъ своимъ развитіемъ. Характеръ подобныхъ явленій, представляя оригинальную сторону сибирской жизни, долженъ былъ останавливать вниманіе путешественниковъ, сопоставляющихъ контрастъ косности и отупѣнія, въ которомъ пребывало и вырождалось до послѣдняго времени крѣпостное крестьянство Россіи. Эти метаморфозы населенія и различныя измѣненія его на сибирской почвѣ не могутъ не броситься въ глаза; они доказываютъ какъ способности къ умственному прогрессу вообще при условіяхъ свободы обмѣна, такъ и ту быстроту, съ которой можетъ идти культурное развитіе русскаго племени при благопріятныхъ условіяхъ.

Если въ Сибири существуютъ мѣста, гдѣ населеніе остается диковатымъ и отсталымъ, сохраняя слѣды замкнутой жизни, то

всѣми ознакомившимися съ Зауральемъ признается нынѣ какъ фактъ, что вообще сибирское крестьянство по привычкамъ и развитію стоитъ выше своихъ собратій въ Европейской Россіи, жившихъ подъ другими условіями.

Прежняя жизнь въ лѣсахъ и пустыняхъ Сибири, какъ и борьба съ природою, если отражалась съ одной стороны отступленіемъ отъ культуры, одичаніемъ и огрубѣніемъ,—черты, которыя отмѣчены этнографами, то то же населеніе пріобрѣло извѣстную крѣпость, выработало сметку, находчивость, способности Робинзона, и стремленіе къ самопомощи. Жизнь среди природы воспитывала рѣшимость, отвагу, неустрашимость и дала въ силу опыта долю самоувѣренности, которыя отличаютъ сибирскаго охотника. Типъ этого охотника и звѣролова, отличающагося замѣчательными качествами, неустрашимостью и ловкостью, признаны и засвидѣтельствованы извѣстнымъ сибирскимъ знатокомъ охотничьихъ нравовъ, Черкасовымъ, сдѣлавшимъ многочисленныя наблюденія въ сибирской тайгѣ [1]). Онъ не могъ не отнестись съ полнымъ уваженіемъ къ качествамъ сибирскаго звѣровщика при самыхъ убогихъ его средствахъ и оружіи. Этотъ охотникъ, зная обычаи разныхъ звѣрей, обладаетъ неустрашимостью въ борьбѣ съ медвѣдемъ, быстротою въ бѣгѣ за оленемъ и сохатымъ, находчивостью при скитаньяхъ въ лѣсахъ. Мы сами видѣли типы горныхъ охотниковъ и крестьянъ въ Алтаѣ, которые не могли не поразить насъ своимъ богатырскимъ сложеніемъ, умѣньемъ ориентироваться въ лѣсу, и замѣчательно мѣткой стрѣльбою изъ своихъ винтовокъ. Образцомъ неустрашимости и отваги является горное населеніе бѣглыхъ русскихъ крестьянъ, извѣстныхъ подъ именемъ каменьщиковъ [2]).

Къ числу качествъ, воспитанныхъ въ новой странѣ русскимъ населеніемъ, точно также принадлежитъ предпріимчивость. Неочатыя богатства края, увлеченіе звѣроловствомъ, соболеваніе, бѣлкованье, открытіе рудъ и пріисковъ, впослѣдствіи торговля и промысловыя предпріятія, благодаря свободѣ пользоваться промыслами, развили этотъ духъ предпріимчивости. У первыхъ піонеровъ онъ питался завоеваніями и походами, — всѣ сибиряки въ это время были землепроходцами. Затѣмъ этотъ духъ проявлялся въ исканіи богатствъ по пустынямъ. До половины прошлаго столѣтія русское населеніе находилось еще въ движеніи

---

[1]) Записки сибирскаго охотника, Черкасова.

[2]) Каменьщики описаны Принтцемъ, Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. т. I, с. 567—582; Томскія Губ. Вѣдомости 1858 г., также отзывы Щапова.

и постоянно кочевало. Впослѣдствіи тотъ же духъ предпріимчивости воскресъ во времена золотопромышленности. Сибирь въ это время кишѣла открывателями, героями и выдвинула многія имена, присвоивъ имъ титулъ «Наполеоновъ тайги». Такъ называли извѣстнаго открывателя золота Мошарова. Этотъ духъ предпріимчивости выражался среди крестьянства въ колонизаціонныхъ попыткахъ самаго отважнаго свойства, въ занятіи мѣстъ на границахъ и за границами Китая, точно также въ нѣкоторыхъ смѣлыхъ морскихъ предпріятіяхъ, торговлѣ на островахъ, проложеніяхъ путей въ степяхъ, хожденіи съ караванами и т. д. Къ сожалѣнію, предпріимчивость торговаго и промышленнаго населенія часто руководилась жадностью къ наживѣ, что деморализировало, развращало населеніе, точно также какъ жизнь въ лѣсахъ и охота не могли не создать рядомъ съ твердостью характера нѣкоторой загрубѣлости, безчувственности. Звѣроловъ впослѣдствіи легко охотился на инородца и на ссыльнаго, фактъ этого «паляничанья» и охота на «горбуновъ» [1]) составлялъ темную сторону старинной Сибири. Жажда наживы повела отъ открытія богатствъ къ взаимному хищничеству. Таковы были обратные результаты выработанныхъ свойствъ, которые при другихъ условіяхъ культурнаго развитія могли бы проявиться болѣе блестяще и плодотворно.

Намъ остается еще указать на одну черту мѣстнаго характера, точно также отмѣчаемую путешественниками и этнографами. Этою чертою, отличающею русское населеніе на Востокѣ, признаютъ «наклонность къ простору, волѣ и равенству». Дѣйствительно, нельзя отрицать, что жизнь колоніи, при извѣстномъ просторѣ, при вольнонародной колонизаціи, свободѣ въ отысканіи промысловъ и, главное, отсутствіи въ Сибири крѣпостного права, не могла не наложить на населеніе своего отпечатка. Сибирское населеніе съ виду является поэтому менѣе забитымъ, подавленнымъ, болѣе независимымъ. Этого нельзя не видѣть даже въ низшихъ классахъ. Но съ другой стороны, по наблюденію тѣхъ же изслѣдователей и этнографовъ, были и другія вліянія, которыя далеко не способствовали воспитанію независимости характера. Находились наблюдатели, которые, разбирая психическія свойства сибирскаго населенія, говорили, что оно не менѣе низкопоклонно, раболѣпно, угодливо передъ высшими, какъ грубо и дерзко съ равными и посторонними.

---

[1]) «Охота на горбуновъ» есть преслѣдованіе бѣглыхъ и бродягъ въ Сибири.

Административный произволъ воеводъ и чиновниковъ долженъ былъ дѣйствовать на мѣстное населеніе подавляющимъ образомъ, говорятъ эти изслѣдователи. Нигдѣ чиновникъ не пользуется такой властью, какъ въ Сибири, располагая имуществомъ и состояніемъ людей; нигдѣ не существуетъ менѣе обезпеченія и гарантій для личности. Законности въ Сибири почти не существовало. «Вѣковой административный гнетъ до Сперанскаго стоилъ крѣпостнаго права». Поэтому запуганное общество и личность далеко не могли сохранить здѣсь независимости и воспитать чувства человѣческаго достоинства; въ доказательство приводятъ, что нигдѣ нѣтъ такихъ заискиваній, угощеній, униженія, какъ въ Сибири, а потому выставляется лесть, хитрость, лукавство и скрытность сибиряковъ. Итакъ, съ одной стороны штрихами сибирскаго характера рисовалась грубость и дерзость, лукавство и униженіе,—свойства раба [1]). Но съ другой—они далеко не могутъ быть единственной характеристикой сибирской жизни, складывавшейся не совсѣмъ благопріятно. Сибирь много терпѣла отъ административнаго и воеводскаго произвола; но онъ все-таки не могъ подавить всей жизни и самое давленіе на личность было другаго характера, чѣмъ крѣпостной феодальный гнетъ. Сибирскій крестьянинъ о гнетѣ въ экономической сферѣ, въ смыслѣ ограниченія пользованія благами природы, не имѣетъ даже понятія. Когда сибирскому крестьянину разсказываютъ о крѣпостномъ правѣ, о стѣсненіяхъ въ землѣ, онъ не вѣритъ и почти не можетъ составить представленія о жизни въ этихъ условіяхъ. Свобода пользованія различными благами укоренила въ немъ извѣстное міросозерцаніе о присущемъ ему неотъемлемомъ правѣ на жизнь и распоряженіе извѣстными благами. Административный произволъ разнился отъ крѣпостнаго права тѣмъ, что въ убѣжденіяхъ народной массы онъ не входилъ какъ сознаніе его неизбѣжности, необходимости и законности. Напротивъ, это административное распоряженіе судьбою личности разсматривалось, во-первыхъ, какъ явленіе, отъ котораго можно защититься, откупиться, спрятаться, наконецъ, противъ котораго можно протестовать, бороться. Все населеніе убѣждено было въ незаконности такихъ порядковъ и искало средствъ защиты противъ нихъ. Во-вторыхъ, сибирское населеніе не постоянно жило подъ давленіемъ чиновнаго произвола, но временами у него были просвѣты. Историки, подобно

[1]) Нѣкоторые находили въ этой хактеристикѣ противорѣчіе другимъ отзывамъ о стремленіи къ волѣ и равенству. Прибавимъ, что за всѣ даваемыя характеристики мы не отвѣчаемъ, но только сводимъ ихъ въ одно цѣлое.

Щапову, придававшіе огромное значеніе сибирскому чиновному произволу, упускали изъ виду многія другія соціальныя явленія въ исторіи Сибири, гдѣ проявлялась борьба и извѣстная самодѣятельность народнаго духа. Въ первое время, избѣгая гнета крѣпостнаго и воеводскаго, русскій человѣкъ спѣшилъ бѣжать въ Сибирь, ища здѣсь «своей воли». При свободѣ колонизаціи, въ началѣ этотъ духъ успѣлъ все-таки немного отдохнуть и внѣдриться. Когда явился воеводскій произволъ и казенная регламентація, населеніе отчасти продолжало отодвигаться на окраины, искать на нихъ убѣжища старой свободѣ, кромѣ того оно проявило жизненную борьбу противъ самовластія. Весьма крупнымъ фактомъ, выросшимъ на сибирской почвѣ, явилась борьба городовъ и городскаго начала противъ административнаго. Эти черты борьбы можно видѣть въ эпоху начала XIX столѣтія, когда городскія общества достаточно созрѣли и сплотились, чтобы показать свою силу. Трескинъ и Пестель употребили всѣ усилія, какъ видно изъ исторіи того времени, чтобы подавить независимость и оппозицію этого городскаго начала. Щаповъ, разбирая исторію этого времени въ своемъ очеркѣ «Исторія Сибирскаго общества въ XIX столѣтіи» (Записк. Сиб. Отдѣла), находилъ въ этомъ только борьбу возникающей буржуазіи и богатыхъ классовъ, сочувствуя подавленію ея административной властью Трескина, но это воззрѣніе едва-ли исторически правильно. Когда буржуазія соблюдала свои выгоды, она шла въ союзѣ съ произволомъ и въ стачкѣ съ нимъ. Но когда произволъ переходилъ всякія границы, городское начало стремилось отражать общій протестъ массъ, принципъ извѣстной независимости, общественной безопасности, требованіе гарантій личности и имущества, принципъ дорогой и необходимый для жизни каждаго отдѣльнаго члена, независимо отъ привилегій и сословности. Этотъ характеръ дѣятельности не разъ проявлялся въ сибирскихъ городскихъ обществахъ и лежитъ доселѣ въ сословіяхъ сибирскаго населенія. Точно также сибирское населеніе заявляло себя попытками исканія законности и справедливости. Сибирь была страною челобитчиковъ, истцовъ, и даже прославлена за страну «ябедниковъ». Доносъ на злоупотребленіе и челобитье были обыкновенными формами протеста, хотя эта борьба не дешево обходилась,—она стоила многихъ жертвъ мѣстному населенію [1]). По, тѣмъ не менѣе, исканіе правосудія, законности, правды волновало сибирское об-

[1]) Напомнимъ исторію иркутскихъ ссылокъ и гоненій при Пестелѣ и Трескинѣ, а также и при послѣдующихъ администраторахъ.

щество и проявлялось при каждой ревизіи; оно получило еще большую силу и увѣренность со времени, когда нѣкоторые администраторы, подобно Сперанскому, становились на сторону интересовъ населенія. Это сопоставленіе высшей правды мѣстному произволу и до сихъ поръ живуче въ массѣ населенія. Доказательствомъ служатъ весьма частые жалобы и протесты, слышащіеся изъ Сибири на мѣстныя неурядицы. Такимъ образомъ въ исторіи и жизни сибирскаго населенія можно найти не мало и другихъ чертъ, указывающихъ на извѣстную живучесть народнаго духа. Конечно, всевозможныя испытанія, произволъ, царствовавшій въ странѣ отдаленной, единственный способъ защиты—подкупъ, не могли не деморализировать мѣстнаго характера,—отсюда замѣчаемыя въ немъ свойства раболѣпія и заискиванія. Но эти психическія черты, имѣя свое оправданіе въ тяжкой жизни, далеко не принадлежатъ всѣмъ слоямъ народа въ одинаковой степени.

Приводимые въ примѣръ сибирскаго раболѣпія обѣды, угощенія и подкупы властей, получившіе въ послѣднее время замаскированный видъ пожертвованій съ благотворительными цѣлями, практикуются, правда, и доселѣ въ Сибири, но они касаются извѣстныхъ классовъ торговцевъ, монополистовъ, кулаковъ и міроѣдовъ, всегда находящихся въ дружбѣ съ исправниками и составляющихъ комплотъ противъ остальнаго населенія. Что касается массы народа, то ей не всегда подъ-силу эти угощенія и заискиванія, она лишена матеріальной возможности къ этому, а потому ей суждено не столько заискивать и угощать, сколько молча выносить и терпѣть. Слабому естественно лукавить, а угнетенному скрывать горечь въ душѣ своей. Печать сибирскаго молчанія, какъ и замкнутость населенія въ себѣ точно также, при подобныхъ условіяхъ, являются весьма попятными. Это плодъ историческаго раздумья. Вотъ тѣ объясненія, которыя могутъ быть приведены для освѣщенія указанныхъ свойствъ мѣстнаго населенія.

Къ другимъ чертамъ, характеризующимъ населеніе восточныхъ окраинъ и отмѣченныхъ изслѣдованіями, относится индивидуалистическій промышленный духъ мѣстнаго населенія, стремленіе къ наживѣ и преобладаніе матеріальныхъ интересовъ надъ общественными. Развитіе этихъ своекорыстныхъ, узкихъ и эгоистическихъ мотивовъ среди сибиряковъ ярко отмѣчено и развито историкомъ Щаповымъ и безпощадно бичуется имъ [1]). «Русское

[1]) Такое же мнѣніе было Шашкова въ статьѣ его «Нравы Сибири въ XVIII ст.» и въ его автобіографическихъ запискахъ. Темныя черты этихъ эгоистическихъ

населеніе, развивая въ себѣ умственную и нравственную смѣлость, предпріимчивость и стремленіе къ обзаведенію, къ устройству, наконецъ, наткнувшись на богатства новой страны, быстро усвоило инстинкты хищности. Умъ сибиряка всецѣло поглощенъ матеріальной наживой, его увлекаютъ только текущіе практическіе цѣли и интересы. Этотъ холодный разсчетъ и корыстныя страсти подавили въ населеніи всякое идеальное настроеніе и даже общественность». «У сибиряка нѣтъ того, такъ сказать, соціологическаго умонастроенія — пишетъ г. Щаповъ — нѣтъ тѣхъ общинно-устроительныхъ идеаловъ и стремленій, какими отличается великорусскій народъ, по крайней мѣрѣ, въ раскольничьемъ старообрядческомъ самоустройствѣ, въ родѣ общиннаго самоустройства секты «общихъ» или духоборцевъ за Кавказомъ. Оттого къ сибирскому населенію не прививаются никакіе общественные идеи и уставы. Какъ у простаго народа въ Сибири нѣтъ ни религіознаго, ни метафизическаго идеала, такъ и у самого общества не существуетъ стремленія къ идеалу общественному. Сама общественность мало развита на Востокѣ; это общество по преимуществу индивидуалистическое; такимъ его воспитала бродячая жизнь и разрозненность въ лѣсахъ и степяхъ, нажива и утрата прежнихъ соціальныхъ связей въ новой странѣ».

Въ доказательство этого индивидуалистическаго направленія приводится весьма много примѣровъ изъ современной жизни Сибири и ея склада. У сибирскаго общества нѣтъ другихъ цѣлей, кромѣ своекорыстныхъ и пріобрѣтательныхъ, говорятъ изслѣдователи. Это арена вѣчной борьбы и погони за богатствомъ. Деньги и нажива деморализировали сибиряка прежде, чѣмъ онъ получилъ развитіе и составилъ себѣ понятіе о другихъ цѣляхъ жизни. Типъ сибирскаго кулака и сибирскаго монополиста «чумазаго», нажившаго милліонъ, грубаго, невѣжественнаго, чваннаго своими связями съ мѣстными взяточниками, питающаго убѣжденіе, что нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы онъ не могъ купить и подкупить, производитъ отвратительное впечатлѣніе на новаго человѣка. Типъ этотъ грубый и безсердечный недоступенъ человѣческимъ чувствамъ, справедливости и упоренъ въ своей косности. Такіе чумазые кулаки побывали даже въ Европѣ и Америкѣ, пріобрѣтали тамъ внѣшній лоскъ, но оставались неизмѣнными эксплуататорами и кабалителями какого-нибудь дальняго Забайкальскаго

проявленій сгруппировалъ Благовѣщенскій (Записки о Сибири, Вѣст. Европы 1882 г., реценвія Вост. Обозр. 1882 г. № 26). Въ этомъ же упрекаетъ сибиряковъ г. Астыревъ въ Очеркахъ Восточной Сибири (Русская Мысль 1890 г.).

края, угнетателями на пріискахъ, тиранами и мошенниками родной страны. Эти выродки, производя отталкивающее впечатлѣніе, клали позоръ на все сибирское населеніе. За грѣхи и преступленія этихъ людей нынѣ цѣлая народность заклеймена безпощаднымъ приговоромъ. Едва-ли, однако, по этимъ выродкамъ мѣстной среды должно заключать о цѣломъ населеніи. Индивидуалистическій и промышленный духъ долженъ разсматриваться въ общей жизни населенія, но не въ однѣхъ частностяхъ.

Можно обвинять населеніе въ увлеченіяхъ, односторонности; можно сознавать его паденіе, но едва-ли можно отрицать въ немъ обыкновенныя свойства человѣческой природы и способность къ возрожденію лучшихъ человѣческихъ чувствъ. Нѣтъ извращеннаго существа, нѣтъ падшаго человѣка, на днѣ души котораго не нашлось бы истинныхъ чувствъ и проявленій инстинктовъ добра. Иначе, нѣтъ души, гдѣ не было бы Бога. Тѣмъ менѣе можно отвергать задатки жизни, возможность пробужденія лучшихъ стремленій и высшихъ чувствъ въ цѣломъ обществѣ, хотя это было бы отчужденное, забытое, горемычное общество, подобное обществу сибирскому.

Указывая различныя проявленія жизни на Востокѣ и послѣдствія индивидуалистическаго промышленнаго духа, изслѣдователи и наблюдатели отмѣтили давно весьма крупное явленіе современной жизни въ Сибири: это необыкновенное развитіе промышленнаго и торговаго класса, и стремленіе его къ монополіи и преобладанію, точно также какъ развитіе міроѣдства, кулачества и кабалы въ крестьянскомъ населеніи.

Сибирская деревня представляетъ два типа—разжившихся кулаковъ и находящихся въ зависимости у нихъ и въ долгу бѣдныхъ крестьянъ [1]). Погоня за наживой, промышленный духъ, пробуждающійся среди крестьянъ, давленіе богатыхъ и разрозненность силъ бѣдняковъ вызываетъ нынѣ серьезныя опасенія. Съ точки зрѣнія изслѣдователей почему-то составилось убѣжденіе, что явленіе кулачества, міроѣдства и кабалы свойственно исключительно Сибири и вызывается особенностью мѣстнаго характера жителей, за что сибирское общество и подверглось такимъ ожесточеннымъ обличеніямъ и филиппикамъ, какія отразились въ статьяхъ Щапова по поводу отсутствія высшихъ чувствъ у сибиряковъ.

---

[1]) Рабочій классъ въ Сибири еще въ XVIII столѣтіи, по словамъ Радищева, состоялъ изъ покручниковъ и обязанъ былъ долгами. Вліяніе на сельскую массу современныхъ міроѣдовъ весьма рельефно изображено въ этнографическихъ очеркахъ Н. И. Наумова «Сила солому ломитъ» и въ «Тихомъ Омутѣ».

Едва-ли здѣсь можно, однако, все сваливать на одинъ характеръ и испорченность сибирскаго населенія, какъ на качества врожденныя и неизмѣнныя. Причины общественныхъ явленій должны быть изслѣдованы глубже. Посвятивъ отдѣльное изслѣдованіе исторіи кабалы и монополіи въ Сибири, мы должны замѣтить, что это явленіе было вызвано торговой зависимостью и особенностями, гдѣ населеніе въ разсыпную кинулось въ борьбу, стремясь пріобрѣтать и накоплять. Это явленіе возникло, благодаря той свободѣ и простору, которые представляла Сибирь для пріобрѣтенія матеріальныхъ благъ, какъ и одинаковой возможности всего населенія преслѣдовать ихъ достиженіе. Словомъ, то, что въ другихъ мѣстахъ выпадало на долю исключительныхъ привилегированныхъ классовъ, то въ Сибири разлилось въ массѣ. Явленіе это обязано новой странѣ и демократическому складу общества, гдѣ большее число лицъ пустилось въ погоню за наживой. Что кабала и монополія нашли себѣ болѣе простора, болѣе почвы и благопріятныхъ условій для развитія въ Сибири, зависѣло не отъ характера общества, а отъ его беззащитности и отсутствія гарантій противъ эксплуатаціи. Міроѣдъ, кулакъ и промышленникъ въ Сибири нашелъ союзъ съ царствовавшимъ здѣсь беззаконіемъ и выразилъ гнетъ рѣзче и безцеремоннѣе. Сибирскій кулакъ «Колупаевъ» и «Разуваевъ» (по Щедрину) дѣйствовалъ въ союзѣ съ взяточникомъ-чиновникомъ и находилъ въ немъ поддержку, защиту и средство для давленія на массу населенія.

Промышленный духъ и неправильное распредѣленіе богатствъ въ колоніяхъ и новыхъ земляхъ выражается рѣзче, чѣмъ гдѣлибо. Американское общество также обвиняется въ этомъ промышленномъ духѣ и индивидуалистическомъ характерѣ, что, однакожъ, не мѣшало его гражданскому процвѣтанію. Этотъ индивидуалистическій духъ, погоня за пріобрѣтеніемъ, борьба, неправильный захватъ, кулачество и міроѣдство выступаютъ нынѣ въ массѣ одинаково и въ жизни Россіи. Сибирь испытала его только ранѣе.

Развитіе индивидуальныхъ страстей и промышленный характеръ слѣдуетъ за періодомъ опеки и феодализма, когда жизнь массъ имѣла болѣе экономическаго равенства, но въ то же время была болѣе подавлена. Таково было положеніе феодальной Европы и крѣпостныхъ массъ въ Россіи; въ Сибири, свободное населеніе вступило ранѣе въ періодъ индивидуальной погони за пріобрѣтеніемъ. Этотъ періодъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не выступятъ у народовъ вновь соціальные общественные интересы и не образуется утерянная связь и солидарность. Прежняя крѣпостная крестьянская община въ Сибири потеряла свою связь, но тѣмъ

не менѣе въ своемъ развитіи жизнь массъ стала выше. Опытъ индивидуалистической жизни, пережитый въ новой странѣ, однако, не могъ не выразиться, какъ всегда, весьма дурными послѣдствіями и явленіями, результаты которыхъ хорошо сознаются. Нельзя сказать также, чтобы это воспитаніе индивидуальной жизни прошло безплодно. Оно закалило мѣстный характеръ, пріучило къ труду, самостоятельности и самодѣятельности. Такому обществу предвидится впереди не разложеніе, а развитіе. Недостатки современнаго склада сибирскаго общества съ его разрозненностью, съ его своекорыстными пріобрѣтательными мотивами, съ господствомъ промышленнаго класса монополистовъ, кулаковъ, міроѣдовъ и кабалою бѣднаго населенія хорошо чувствуются мѣстнымъ населеніемъ, сознаются и образованными людьми края. Путешественники не первые открыватели этого явленія. Вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы создать противовѣсъ этому вліянію и возвратить общество къ нормальнымъ путямъ человѣческаго развитія. Русское населеніе въ новой странѣ, если временно стало на почву хищничества, взаимной борьбы и утеряло свою солидарность, то ему не заказаны пути въ будущемъ снова сомкнуться. Русская поземельная крестьянская община не разлагается за Ураломъ, какъ думаютъ, а только слагается.

Что касается вообще обвиненій сибирской крестьянской общины въ стремленіи къ индивидуализму, то мы должны отложить свой приговоръ до окончательнаго изслѣдованія характера этой общины. Покойный Щаповъ сдѣлалъ опытъ изслѣдованія жизни верхоленской крестьянской общины, но здѣсь этотъ обличитель сибирскаго индивидуализма нашелъ одинаково черты, доказывающія сплоченность общинъ и замѣчательную способность къ веденію общественныхъ дѣлъ. Другой весьма наблюдательный изслѣдователь, авторъ замѣчательныхъ по глубинѣ мысли и богатству данныхъ о сибирской общинѣ статей [1]), не отрицая въ ней индивидуалистическихъ чертъ, характеризуетъ ее слѣдующимъ образомъ: «Мнѣ кажется, что она имѣетъ особенности довольно оригинальныя—пишетъ онъ.—И эти особенности произошли отъ ея историческаго происхожденія. Сибирскую общину нельзя сравнивать ни съ древней русской общиной—новгородской, ростовской, рязанской и проч. земель, ни съ болѣе новой, производной, такъ сказать, сѣверной общиной въ землѣ Двинской, въ Вятской и Пермской областяхъ. Первая древняя община у славянъ (т.-е. нов-

[1]) Община, ея принципъ и ея возможное будущее. Сибирь, 1877 г., №№ 43, 44, 45 и 46.

городцевъ), древлянъ, радимичей и проч. была вервью, волостью, погостомъ, была, однимъ словомъ, территоріальной общиной. Она распалась на деревенскія общины уже позднѣе, въ неизвѣстный періодъ времени, можетъ быть, въ XII или XIII вѣкахъ и въ силу политическихъ и финансовыхъ причинъ. Община сѣверная, въ Двинской, Вятской, Пермской земляхъ была, вѣроятно, сразу деревенской. Но произошла она путемъ выселенія вольницы. Эта вольница, иногда однодеревенская, иногда разнодеревенская, шла *артельно*, занимала небольшое артельное мѣсто на Двинѣ, по Камѣ широкой, по хребтамъ, въ лѣсу, и занятую мѣстность разрубила, разметывала, дѣлила по разметамъ, по жеребью. Естественно, что такая община, происшедшая изъ артели, сохраняя основной принципъ личной силы, какъ мѣры завладѣнія, тѣмъ не менѣе имѣла сильную альтруистическую закваску, была сильна чувствами симпатіи и солидарности. Совсѣмъ не то сибирская община. Территоріальной родовой она никогда не была, какъ община древнерусская. Не была основана она и артелями вольницы. Она была и осталась тѣмъ, чѣмъ представляли себѣ славянофилы русскую общину—*продуктомъ семьи*. Фактъ происхожденія однородовыхъ общинъ въ Сибири отъ разросшейся семьи былъ замѣченъ почти всѣми изслѣдователями Сибири—Щаповымъ, Ровинскимъ [1]), но фактъ происхожденія разносоставныхъ общинъ еще подлежитъ изслѣдованію.

Другой авторъ объ общинномъ землевладѣніи Сибири (Сибирь, 1877 г., №№ 20 и 21) подтверждаетъ такое историческое происхожденіе сибирскихъ общинъ. Земли было много. Каждый крестьянинъ бралъ себѣ добровольно столько земли, сколько хотѣлъ и могъ обработать за платимый имъ оброкъ. Поэтому каждый смотрѣлъ на взятый имъ участокъ, какъ на наслѣдственный; по мѣрѣ распложенія семьи участокъ росъ и превращался въ селеніе. Отсюда въ Сибири многія деревни населены сплошь однофамильцами. Точно также къ основанной заимкѣ, которая представляетъ форму совершенно частнаго хозяйства, приселяются другія лица и образуется цѣлая община, въ которую входитъ и первоначальный хозяинъ мѣста. Земля *вольная* и *земская* до тѣхъ поръ, пока ея много. Какъ скоро пашни начинаютъ сближаться, и переселенцы или многосемейные захотятъ расширить хозяйство—сейчасъ обнаруживаются права общины и являются на сцену усло-

[1]) Мы видѣли общину крещеныхъ и обрусѣвшихъ инородцевъ, разросшуюся изъ 10 семей въ 1.500 душъ нынѣ съ 7 деревнями, подтверждающую семейное начало общинъ.

вія *общиннаго владѣнія*, пишетъ авторъ. Міръ дѣлитъ ближайшія пашни и луга; въ Сибири и нынѣ уже въ большинствѣ передѣляютъ покосы и т. д.

«Такимъ образомъ — прибавляетъ изслѣдователь — общинное землевладѣніе въ Сибири, не будучи приведено въ форму какого-либо положенія, является началомъ живымъ, развивающимся сообразно нуждамъ и условіямъ самой общины». Разъ мы признаемъ, какъ фактъ и допустимъ развитіе этого общиннаго инстинкта въ сибирской общинѣ и постепеннаго его развитія, вмѣстѣ съ формированіемъ общины, мы должны признать, что она съумѣетъ, при помощи того же народнаго инстинкта, уберечь себя отъ разложенія. Будущее историческое развитіе этой общины и лучшее сознаніе своихъ интересовъ, конечно, гарантируетъ ее отъ преобладанія въ ней своекорыстныхъ стремленій отдѣльныхъ личностей.

Могущество монополистовъ и міроѣдовъ въ Сибири не можетъ быть долговѣчно и далеко не покоится на прочномъ и непреложномъ промышленномъ фундаментѣ. Сибирскія беззаконія и старыя формы суда его поддерживаютъ, но новыя условія административной и гражданской жизни, конечно, положатъ извѣстный предѣлъ незаконной наживѣ и обману. Историкъ Щаповъ, раскрывая печальное направленіе, господствующее въ сибирскомъ обществѣ, указываетъ прежде всего спасеніе въ гуманитарномъ воспитаніи. Другой изслѣдователь говоритъ: «Примѣръ Сѣверной Америки и Сибири доказываетъ, что одно богатство не можетъ создать настоящее человѣческое общество, его нужно цементировать учрежденіями, которыя бы воспитали въ немъ человѣчность». «Страшно за общество — продолжаетъ тотъ же мыслитель — въ которомъ маклаковщина хочетъ обратиться въ народную теорію, хочетъ залечь основаніемъ жизни».

Несомнѣнно, въ силу этой сознаваемой односторонности развитія и для сибирскаго населенія, не смотря на господствующій индивидуальный характеръ наживы, такъ же найдется выходъ. Этотъ выходъ найдется въ тѣхъ же общечеловѣческихъ духовныхъ качествахъ, которыя присущи всякому обществу.

Въ этомъ отношеніи надежды возлагаются на ту же общину, утратившую свою связь и солидарность только на первыхъ порахъ, при завоеваніи пустыни. Вотъ эти надежды, высказываемыя стороною, не питающею столь мрачнаго взгляда на будущее сибирскаго общества [1]).

[1]) Замѣчательный взглядъ по этому поводу приведенъ въ статьѣ С. Я. Капустина «Зеркало Россіи», 1882 г., кн. I. См. статьи въ «Восточн. Обозрѣніи» 1883 г., №№ 7 и 10.

Община можетъ не только выполнить экономическую роль, но и создать самую здоровую интеллигенцію края и образовать народный капиталъ въ странѣ. Для этого необходимо призвать ее вновь къ жизни, которая въ ней замерла отъ бюрократической зависимости и недостатка коллективнаго духа. Современная сибирская община имѣетъ олигархическій характеръ; она состоитъ изъ богатыхъ крестьянъ, міроѣдовъ и бѣдныхъ, находящихся въ экономической зависимости отъ первыхъ; здѣсь, какъ и въ старой Сибири, задатки подъ будущій трудъ ставятъ рабочихъ въ кабалу; богатые мужики уплачиваютъ за бѣдныхъ подати въ видѣ задатка на разныя работы. Эти люди составляютъ почти особое сословіе въ общинѣ. Сословіе это вызвано какъ существующей неудовлетворительной системой сбора податей, обращающей богатаго крестьянина въ поруки или даже въ сборщика податей, и безденежьемъ въ странѣ, производимымъ неправильнымъ балансомъ торговли Сибири и торговой зависимостью. Обращеніе общины въ чисто-фискальный органъ по податнымъ дѣламъ сопровождалось лишеніемъ ея всѣхъ другихъ функцій—суда и самоуправленія. Волостное «согласіе»,—такъ называется сходка въ Сибири,—обратилось въ одну пустую форму; волостные писаря, которые должны бы подчиняться и отвѣчать передъ выборными чинами, превратились въ крестьянское начальство; такое положеніе дѣлъ тѣмъ хуже, что писаря не отвѣтственны за свои злоупотребленія; отвѣчаютъ безграмотные и часто неповинные выборные чины; отъ этого злоупотребленія остаются безнаказанными, и выборное начало не приноситъ никакой пользы.

Улучшеніе положенія общины—самая первая потребность Сибирскаго края. Къ сожалѣнію, она до сихъ поръ задвигалась другими стремленіями. Улучшивъ ея положеніе, на нее можно возложить отправленіе тѣхъ трехъ функцій, для которыхъ теперь придумываются новые органы.

Такъ, община можетъ замѣнить проектируемыхъ землевладѣльцевъ въ скопленіи богатства и образованіи народнаго капитала. Если у современной общины богатство плыветъ изъ рукъ, то это еще не свидѣтельствуетъ, что у нея не будетъ желанія и способностей удержать его въ своихъ рукахъ, когда будутъ измѣнены мертвящія ее условія. Освобожденная отъ нихъ община не уступитъ землевладѣльцамъ въ стремленіи къ скопленію богатства, да притомъ и стимулъ этого стремленія будетъ нравственнѣе, чѣмъ конкурренція, основанная на борьбѣ; мѣсто этой зависти займетъ здѣсь заботливость объ общемъ добрѣ. Что это чувство присуще крестьянской общинѣ, можно видѣть на томъ, какъ крестьяне

строятъ свои церкви, какъ они сколачиваются на иконостасъ, на колоколъ и съ какимъ наслажденіемъ слышатъ, какъ первый ударъ колокола разнесется на далекое пространство отъ деревни, какъ потомъ крестьяне любятъ показывать свою церковь и передавать исторію ея постройки. А любовь крестьянъ къ своимъ полямъ? Абсентеистъ-землевладѣлецъ неспособенъ такъ любить свои поля, потому что безъ насилія нравственности не можетъ смотрѣть съ чувствомъ самодовольства на поля, обработанныя батракомъ.— Развѣ эта любовь крестьянъ не можетъ быть перенесена съ полей и церкви на школы, на общественныя машины и проч. Только этимъ путемъ можетъ земледѣліе быть улучшено и можетъ образоваться капиталъ въ странѣ безъ тѣхъ пожертвованій, какія сопряжены съ землевладѣльческой культурой. Община одна способна водворить въ Сибири раціональное хозяйство. Что же касается до нареканій общины въ застоѣ, которымъ отличалась ея жизнь до настоящаго времени, то справедливы-ли эти нареканія? Можно-ли отъ общины, въ теченіи трехъ-сотъ лѣтъ безжалостно эксплуатируемой на всѣ лады, требовать того же, что можно требовать отъ новаго немногочисленнаго класса людей, выдѣленнаго изъ населенія и освобожденнаго отъ подобной эксплуатаціи.

Наконецъ, третья роль общины заключается въ охранѣ себя отъ монополистовъ; и эта функція можетъ найти опору въ чувствѣ самоохраненія, которое очень сильно въ общинахъ; протекціонный характеръ всегда отличалъ общину съ самыхъ древнихъ временъ; община относилась недовѣрчиво къ каждому иноземцу, каждая община имѣла своего торговца, которому только и довѣряла; это и до сихъ поръ сохранилось въ такихъ захолустьяхъ, какъ Сибирь; до какой степени сильно это чувство самосохраненія въ общинахъ, можно видѣть на старѣйшей и значительнѣйшей русской общинѣ, извѣстной подъ названіемъ уральскаго войска. Правда, эта старая отчужденность и протекціонизмъ разгораживали общины высокими стѣнами, дѣлали ихъ безучастными другъ къ другу; въ то время, какъ одну общину судили, пытали и садили на колъ, другая уськала и тюкала: «коловичи, коловичи! коломъ въ дворянство жаловали!»—сознаніе солидарности интересовъ являлось только во время общаго несчастья. Но противъ этого узкаго консерватизма, ведущаго къ неподвижности, есть средство—коалиція общинъ, при помощи которой онѣ сознаютъ единство интересовъ и въ обыкновенное спокойное время.

Изученіе жизни сибирской крестьянской общины, по нашему мнѣнію, должно привлечь, по преимуществу, пытливость и силы

молодого поколѣнія въ Сибири. Въ настоящее время мы относительно ея въ совершенномъ невѣжествѣ, мы вовсе не знаемъ ея историческаго значенія; между тѣмъ, если-бы мы познакомились съ ней ближе, мы увидѣли бы, что прожитая сибирской общиной жизнь имѣетъ большее историческое значеніе [1]).

Сибирское крестьянство находится въ вѣчной блокадѣ отъ штрафнаго бродяжескаго населенія: до 20.000 бродягъ находятся въ постоянномъ движеніи по Сибири; они грабятъ, воруютъ и обманываютъ сибирскаго мужика, «панкрутятъ», какъ сами они выражаются; занимаются разнообразнѣйшими видами шарлатанства, эксплуатируя страсть крестьянина къ наживѣ и къ фальшивымъ деньгамъ, и его суевѣріе; развращаютъ, насилуютъ и уводятъ ихъ женъ; сифилисъ, развратъ и отсутствіе добросовѣстности въ промышленности невозможно искоренить въ Сибири, пока будетъ существовать штрафная колонизація. И эта картина, вѣроятно, была прежде вдесятеро сильнѣе, и была бы и теперь сильнѣе, если бы крестьянская община не выказала удивительной способности къ самозащитѣ и любви къ честному и тяжелому труду. Земская полиція въ Сибири была безсильна и незамѣтна; чиновники терпѣли и игнорировали существованіе этого зла въ странѣ.

И вотъ, крестьянская община приняла миссію дисциплинированія многочисленнаго бродяжескаго контингента на себя; мѣры, которыя она употребила, были круты; но не другія мѣры принимала и сама администрація, когда только являлось у ней желаніе сократить зло, хотя въ ея рукахъ и были возможны другія, болѣе гуманныя средства, тогда какъ въ рукахъ крестьянской общины грубая самозащита было единственное средство избавленія; поэтому винить ее за жестокость было бы несправедливо. Такимъ образомъ въ крестьянствѣ выработалась система отношеній къ бродяжеству, которая отличается единствомъ на всемъ пространствѣ отъ Нерчинска до Иртыша. Крестьянство создало обычное право, создало разныя обязательства, стѣсняющія бродягъ и служащія предупредительной мѣрой противъ катастрофъ, и имѣло въ себѣ физическую силу постоянно поддерживать въ бродягахъ уваженіе къ этимъ обязательствамъ [2]).

---

[1]) Въ 1879 году при Западно-Сибирскомъ Отдѣлѣ Географ. Общ. издана программа изслѣдованія сибирской общины, а съ 1886 г. командированы Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ особые отряды статистиковъ въ Сибирь для изученія землепользованія и хозяйства въ Сибири.

[2]) «Русская Община въ тюрьмѣ и ссылкѣ» Н. Ядринцева, изд. 1872 г. «Бродячее населеніе Сибири».

Не менѣе интересна и другая миссія, принятая на себя сибирской крестьянской общиной, это ассимиляція новоселовъ. Откуда бы ни были новоселы, они подвергаются отъ туземщины безпрерывной критикѣ и иронiи, сопровождаемымъ и положительными совѣтами, какъ поступать на сибирской почвѣ, какъ пахать землю, какія сдѣлать уступки ея дѣвственности, насколько и когда быть благосклонными къ бродягамъ, и когда жестокими, наконецъ даже совѣтами, какъ говорить, не возбуждая смѣха. Подъ гнетомъ этихъ насмѣшекъ и совѣтовъ, подтверждаемыхъ собственнымъ опытомъ, новые колонисты быстро уступаютъ мѣстнымъ обычаямъ, и не далѣе какъ слѣдующее же поколѣніе считаетъ уже себя коренными сибиряками и на новоселовъ смотритъ съ иронiей [1]).

Этихъ однихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какое историческое значеніе имѣетъ крестьянская община для Сибири.

Несмотря на то, что при своемъ переселеніи на зауральскую почву община должна была выдерживать столько разрушительныхъ вліяній, что могла придти къ разложенію и потерять свой кооперативный духъ, несмотря на тягость фискально-монопольной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ ея, не оставлявшихъ ей никакихъ сбереженій, она все-таки составляетъ въ странѣ почтенный трудолюбивый элементъ, въ которомъ лежатъ прочные задатки будущей гражданской жизни. Первоначальный просторъ для дѣятельности частнаго лица въ Сибири былъ такъ великъ, что не было никакого повода къ ограниченію дѣятельности одного лица обществомъ; конкурренція и эксплуатація человѣка человѣкомъ пользовались такой свободой, какъ въ странѣ съ сильнымъ индивидуалистическимъ характеромъ. Перешедши черезъ Уралъ, русская община, подобно леднику, переваливающему черезъ скалу, разбилась на куски, но потомъ пластическая сила начинаетъ склеивать разрозненные обломки. Съ уплотненіемъ населенія община начинаетъ создавать въ Сибири тѣ формы пользованія источниками богатства, которыя присущи ей были на западной сторонѣ Урала, подобно тому, какъ зерно, брошенное на новую почву, постепенно начинаетъ развивать свои первичныя формы.

Для полнаго возрожденія сибирская община нуждается въ реформахъ, въ уступкѣ ей самоуправленія въ хозяйственныхъ дѣлахъ и въ улучшеніи ея гражданскихъ отношеній; этимъ былъ бы ускоренъ ея прогрессъ. Только въ свободномъ теченіи жизни

---

[1]) См. «Вліяніе переселенческаго элемента на развитіе сельскаго хозяйства и общинной жизни въ Западн. Сибири». А. Кауфмана. «Сѣверн. Вѣстникъ» 1891 г.

общины и въ возбужденіи общинной энергіи и самодѣятельности заключается залогъ преуспѣянія мѣстнаго сибирскаго населенія.

При благопріятныхъ условіяхъ и равновѣсіи общественныхъ силъ, будущность мѣстнаго населенія можетъ измѣниться и далеко не оправдаетъ тѣхъ мрачныхъ предсказаній, которыя дѣлаются на основаніи прошлаго. Характеръ формируется подъ вліяніемъ условій жизни, и достаточно того, чтобы они измѣнились, какъ измѣнится и складъ характера.

Изъ всего сказаннаго видно, что въ современномъ характерѣ сибирскаго населенія совокупляются разнородныя черты, наложенныя жизнью, природою и историческимъ складомъ. Съ одной стороны диковатость, слѣдъ инородческаго вліянія, отступленіе отъ культурныхъ привычекъ, холодная разсудочность, несогрѣваемая чувствомъ, часто огрубѣлость среди лѣсной жизни, отсутствіе идеальныхъ стремленій, преобладаніе индивидуалистическихъ интересовъ надъ общественными и развитіе промышленныхъ и своекорыстныхъ мотивовъ. Съ другой стороны у этого населенія нельзя отнять ума, любознательности, энергіи, практичности, умѣнья ориентироваться, находчивости, воспитанной жизнью, предпріимчивости, извѣстнаго закала характера, самобытности, самостоятельности и способности къ самодѣятельности. Эти таланты, воспитанные тяжкими уроками колонизаціонной дѣятельности, застыли въ своихъ грубыхъ первоначальныхъ формахъ, ихъ не коснулась еще прогрессивная сила знанія, ихъ не развивали историческія обстоятельства, ихъ не осмыслила и не возбудила ни одна соціальная и гражданская идея, не вызвалъ къ жизни ни одинъ преобразовательный умъ. Но нельзя сказать, что совершенствованіе природныхъ способностей здѣсь останется всегда недоступно. Несмотря на диковатость и низкій уровень развитія, мы видимъ, что населеніе на Востокѣ значительно измѣняется къ лучшему и обнаруживаетъ быстроту воспріятія, способность къ новизнѣ и къ прогрессу болѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Кромѣ неблагопріятныхъ условій, мы видимъ рядомъ особенности, въ которыхъ есть немалыя преимущества. Жизнь народа слагается въ Сибири въ обстановкѣ новой страны, создающей и новыя формы жизни.

Необыкновенный просторъ въ пользованіи угодьями и богатствами природы, надолго обезпечивающій отъ бѣдности, свобода, съ которою пользуется населеніе благами природы, благодаря ея раздолью, отсутствію привилегій, и равноправность населенія,— это такія преимущества и условія развитія, которыя могутъ дать

возможность широко развернуть силы и способности славянской расы въ своей колоніи.

Указывая и изучая эти свойства и черты сибирскаго населенія, мы далеки, однако, отъ того, чтобъ прилагать ихъ ко всей массѣ населенія и предполагать въ нихъ окончательно выработавшійся характеръ. Сибирское населеніе состоитъ изъ разныхъ слоевъ и представителей по происхожденію (хотя и однородно по сословіямъ). Недостатокъ наблюдателей заключался въ томъ, что они о сибирякахъ и о сибирской жизни дѣлали заключенія только по одной части общества. Между тѣмъ должно замѣтить, что нигдѣ нѣтъ такого разнообразія въ индивидуальныхъ проявленіяхъ и качествахъ, какъ на Востокѣ. Это объясняется колонизаціоннымъ происхожденіемъ этого населенія, какъ и разнообразіемъ профессій, труда и упражненія способностей въ новой странѣ. Промышленное, индивидуалистическое и своекорыстное направленіе господствуетъ болѣе всего въ городскихъ слояхъ и въ промышленныхъ пунктахъ. Эти качества городскихъ классовъ, приписанныя сибирякамъ, невозможно переносить на всю сельскую массу. Затѣмъ съ сибирскимъ населеніемъ не должно смѣшивать временно-наѣзжее населеніе, явившееся для спекуляціи, наживы и высасыванія соковъ изъ страны. Это толпа пріѣзжихъ ташкентцевъ, Разуваевыхъ, въ видѣ мути и пѣны носится вѣчно по поверхности сибирской жизни, она возбуждаетъ обыкновенно ненависть и презрѣніе мѣстнаго населенія и далеко не служитъ представителемъ мѣстной жизни. Авантюристы, искатели счастія, являются сплошь и рядомъ изыскивать богатства и даже цивилизовать Сибирь, но въ сущности составляютъ язву края. Мѣстное населеніе ихъ называетъ «наѣзжими» и «навозными». За этимъ временнымъ наѣзжимъ элементомъ стоятъ ссыльные, которые также ничего не имѣютъ общаго съ страною и населеніемъ,—ихъ назначеніе наполнять остроги и наводнять Сибирь бѣглыми. Только потомки этихъ ссыльныхъ понемногу ассимилируются сибирской массой и дѣлаются сибиряками. Что касается большинства мѣстнаго населенія, то ядро это составляютъ старожилы Сибири, освоившіеся со страною, съ ихъ коренными этнографическими чертами, они даютъ самую яркую окраску жизни, — это старинное населеніе городовъ и селъ. Въ средѣ многообразнаго сельскаго населенія вырисовывается нѣсколько типовъ,—старожилъ крестьянинъ, старинный піонеръ и колонизаторъ, потомокъ гулящихъ людей, промышленникъ, звѣроловъ, рудокопатель, ямщикъ и земледѣлецъ. Въ нихъ замѣтна смѣсь съ инородческимъ элементомъ, слѣдъ жизни въ лѣсахъ и культурная отсталость; но эти піонеры

Изъ Забайкальскихъ видовъ.

вынесли на своихъ плечахъ всю колонизацію, всѣ культурныя завоеванія Далѣе мы видимъ типъ сибирскаго раскольника, жившаго замкнуто въ своей общинѣ, подобно забайкальскимъ семейскимъ и алтайскимъ раскольникамъ, которые, закинутые въ Сибирь, отстаивали свое существованіе, не смѣшивались ни съ ссыльными, ни съ инородцами; и хотя ихъ существованіе было довольно эгоистично и безучастно въ общей формировкѣ жизни, но они сохранили чистоту типа и славянской расы въ Сибири для будущаго. Эти общины, состоя часто изъ бѣглыхъ и разныхъ скитальцевъ, подобно общинѣ «каменьщиковъ» въ Алтаѣ, или раскольниковъ въ вершинѣ Енисея, среди горной могучей природы и глухихъ дебрей, у подножія сибирскихъ альпъ, воспитали свои физическія силы, ловкость, смѣлость и составляютъ необыкновенно крѣпкое, богатырское и отважное населеніе. Если сибирская жизнь преимущественно въ верхнихъ слояхъ портится и деморализуется, если мѣстами существуетъ вырожденіе, то здѣсь въ глубинѣ народныхъ массъ скрываются ихъ непочатыя могучія силы, которыя со временемъ дадутъ здоровые соки жизни.

Далѣе, какъ противовѣсъ инородческой крови и живая сила обновленія, въ Сибирь вѣчно движется колонизаціонный потокъ свободныхъ переселенцевъ изъ представителей всѣхъ губерній. Въ сущности, въ сибирской жизни совершается вѣчное движеніе, постоянный приливъ и смѣшеніе разнообразныхъ элементовъ огромной Имперіи. Этотъ постоянный приливъ переселенцевъ, обновляя сибирское населеніе, вливая новые соки и прибавляя новыя черты, составляетъ пеструю амальгаму жизни! Здѣсь снуютъ представители всѣхъ губерній, сѣверяне и южане, великоруссы и малороссы. Переселенческія деревни поражаютъ пестротою элементовъ, яркостью и переливами этнографическихъ красокъ, причемъ все это перерождается, сливается въ одну сплошную массу съ новымъ этнографическимъ типомъ и однородными чертами. Эта вѣчная этнологическая борьба, эти сліянія противоположнѣйшихъ элементовъ русской жизни въ новой обширной странѣ въ одно цѣлое, это вѣчное претвореніе и нарощеніе представляетъ гигантскую работу народнаго творчества въ обширной колоніи, придающее сибирской жизни нѣчто созидающее и подготовляющее для будущаго.

Въ характеристикѣ быта и жизни сибирскаго населенія, въ этнографической литературѣ о Сибири въ послѣднія десять лѣтъ (1880—1890 г.) появилось не мало цѣннаго матеріала. Однимъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ и капитальныхъ вкладовъ были очерки А. Н. Пыпина, сосредоточившаго въ рядѣ статей исторію сибир-

ской этнографіи и всѣхъ изслѣдованій Сибири. Здѣсь собраны отзывы самыхъ выдающихся путешественниковъ по Сибири, равно какъ и указанія на капитальные труды по изученію русскаго Востока. А. Н. Пыпинъ старается изъ исторіи Сибири уследить бытовыя черты и ту окраску, которую наложила русская колонизація. Замѣчательныя статьи, внесшія вкладъ въ сибирскую этнографическую литературу, А. Н. Пыпина появились въ «Вѣстникѣ Европы» подъ заглавіемъ «Сибирская этнографія», сентябрь 1888 г., затѣмъ «Сибирь и изслѣдованія ея», того же автора, апрѣль, май, іюнь, іюль и августъ 1888 г. Очерки эти, готовящіеся особымъ изданіемъ, могутъ служить важнымъ подспорьемъ при изученіи литературы о Сибири.

Писатели-художники также чаще стали посѣщать Сибирь и многіе изъ нихъ посвящали очерки сибирскому быту. Таковы были въ послѣднее время очерки извѣстнаго писателя Г. И. Успенскаго, преимущественно съ характеристикой переселенческаго быта, Астырева о крестьянахъ Восточной Сибири, очерки Короленко, касающіеся Якутской области и быта ссыльныхъ, очерки Коронина (Петропавловскаго), Л. Ѳ. Пантелѣева, Мачтета, Чехова и другихъ. Затѣмъ два блестящихъ польскихъ писателя выступили съ картинами сибирской жизни: это Сирко и Шиманскій. Художественныя картины ихъ и разсказы относятся къ глубокому сѣверу Сибири. Мы не упоминаемъ объ иностранныхъ путешественникахъ, какъ итальянецъ Сомье и американецъ Кенанъ съ фотографомъ Фростомъ, совершавшихъ путешествіе по Сибири; извлеченія изъ нихъ были переводимы на русскій языкъ (см. журналъ «Новь»). Въ очеркахъ писателей и отзывахъ туристовъ затрогивались тѣ или другія черты мѣстной жизни. Мѣстные писатели и уроженцы Сибири также давали беллетристическіе или бытовые очерки. Къ нимъ принадлежатъ выдающійся бытописатель Н. И. Наумовъ, Маминъ (преимущественно касающійся уральской жизни), священникъ Срѣтенскій, Поникоровскій (Нелюбинскій), Завитковъ, Янчуковскій; послѣдніе касались золотопромышленнаго быта.

Жизнь Сибри различно дѣйствовала на художниковъ и туристовъ. Если суровая природа Сибири, отчужденность, дикость, невѣжество и бѣдность иногда возбуждали глубокую, безъисходную скорбь и жалость въ душѣ мѣстнаго бытописателя, какъ Срѣтенскаго, то въ другихъ они пробуждаютъ антипатіи, недружелюбіе къ Сибири и заставляютъ рисовать мѣстное населеніе крайне непривлекательными чертами. Иногда подбираются исключительно разсказы и характеристики, которые имѣютъ въ виду

выставить грубость, эгоизмъ, звѣрство, жестокосердіе или безсердечіе сибирскаго населенія. Къ такимъ характеристикамъ относятся появившіяся въ 1882 году статьи Благовѣщенскаго («Вѣстникъ Европы» 1882 года, рецензія Вост. Обозр. 1885 года № 27). Наконецъ, къ этому же роду относятся этнографическіе очерки Н. М. Астырева о бытѣ крестьянъ Восточной Сибири («Русская Мысль» 1890 г.). Такое представленіе однѣхъ отрицательныхъ сторонъ въ характерѣ населенія, основанное на разсказахъ уголовныхъ ссыльныхъ о сибирякахъ, лишена бываетъ этнографической правды и безпристрастія и страдаетъ уже тѣмъ, что не разъясняетъ причинъ явленія, предубѣждаетъ и затемняетъ представленіе о Сибири, о которой и безъ этого ходитъ много басенъ и преувеличеній.

Какъ бы ни были суровы приговоры туристовъ о населеніи, безъ изученія условій, породившихъ зло, они весьма мало дадутъ для мѣстной этнографіи, которая нуждается еще въ наблюденіяхъ и сборѣ матеріала. Между тѣмъ, русское населеніе на Востокѣ, разбросанное на огромныя разстоянія, весьма мало изучено съ бытовой стороны. Здѣсь мало собрано сказокъ, повѣрій, пословицъ, обрядовъ, пѣсенъ и т. д. Обыкновенно замѣчаютъ, что традиціонная обрядовая сторона слаба въ Сибири. Старинныя пѣсни и древній эпосъ утрачены. Сибиряки исказили пѣсни и довольствуются новыми, фабричными; но это едва-ли относится ко всѣмъ слоямъ крестьянства, такъ какъ были свидѣтельства, что въ Сибири уцѣлѣли многіе весьма древніе варіанты сказаній и пѣсенъ. Отдаленность и отчужденность Сибири заставили многое забыть. Въ Сибирь занесено много пѣсенъ ссыльными всѣхъ слоевъ общества. Циклъ бродяжескихъ и арестантскихъ пѣсенъ играетъ видную роль среди мѣстнаго населенія. Въ повѣрьяхъ и примѣтахъ сказывается вліяніе инородческой среды, — все это, однако, заставляетъ тѣмъ внимательнѣе прослѣдить эти вліянія.

Не смотря на то, что черты сибирскаго характера уже выясняются и намѣчаются, трудно сказать, что онъ окончательно сформировался. Для однихъ вырисовываются рѣзче однѣ черты, для другихъ—другія. Нѣкоторые отмѣчаютъ въ немъ дурныя и антипатичныя стороны (индивидуализмъ, жесткость, стремленіе къ матеріальнымъ благамъ, своекорыстіе и т. д.); такова характеристика Благовѣщенскаго, Астырева; другіе смягчаютъ эти стороны и видятъ въ сибирякахъ много способностей, предпріимчивости и даже находятъ этотъ характеръ симпатичнымъ (Омулевскій, характеристика Э. Петри). Это разнорѣчіе не даетъ опредѣленности. Въ сущности должно сказать, что характеръ и психическія осо-

бенности у русскаго населенія на окраинѣ пока еще въ зачаткѣ, они—продуктъ физическихъ и историческихъ условій самыхъ разнообразныхъ. Нельзя отрицать здѣсь многія темныя стороны, но не слѣдуетъ ихъ считать коренными, онѣ—результатъ неблагопріятныхъ временныхъ условій. Нельзя, наконецъ, составлять понятіе о духовной сторонѣ народа, когда онъ еще не получилъ умственнаго развитія, образованія. Духовныя особенности и способности могутъ проявиться только въ интеллигенціи, а таковая была доселѣ малочисленна. Еще мало писателей, художниковъ, поэтовъ, мыслителей у Сибири, чтобы составить понятіе о томъ, какъ мѣстныя черты характера и особенности выражаются въ области духовныхъ стремленій. Образованныя поколѣнія только-что нарождаются, сознаніе общества только-что пробуждается. Мы не беремся опредѣлять черты нарождающейся интеллигенціи, это было бы преждевременно, но что въ ней будутъ лежать нѣкоторыя черты, вызванныя мѣстными условіями, выразится нѣчто самостоятельное, оригинальное—это легко можетъ быть. Не даромъ сибирская интеллигенція, какъ областная сила съ своимъ оттѣнкомъ, выдѣлилась въ общемъ фонѣ русской интеллигенціи за послѣдніе годы. Образованный сибирякъ сходился съ образованнымъ великоруссомъ въ общечеловѣческихъ стремленіяхъ и идеалахъ, но не утеривалъ своихъ мѣстныхъ привязанностей и свойствъ характера.

Нѣкоторая духовная солидарность сибирскихъ уроженцевъ и сознаніе мѣстныхъ нуждъ проявились въ послѣднее время яснѣе со времени празднованія 300-лѣтія Сибири; они выразились, напр., въ образованіи землячествъ, которыя поставили своею цѣлью поддерживать и помогать другъ другу внѣ родины, напр., въ столицахъ, гдѣ сибиряки подвергаются бѣдствіямъ и лишеніямъ. Молодыя учащіяся силы также пробовали образовывать землячества съ цѣлью помощи и самообразованія, но они легко распадаются при другихъ вѣяніяхъ и вліяніяхъ. Видно, что связь между сибиряками еще весьма слаба и они сплачиваются только тогда, когда двигаютъ ими какіе-нибудь матеріальные интересы и нужда, но до сознанія и объединенія во имя высшей духовной и гражданской идеи и безкорыстныхъ стремленій служенія родинѣ имъ еще далеко.

Отъ общихъ очерковъ и характеристикъ, дѣлаемыхъ туристами, въ большинствѣ крайне поверхностныхъ, мѣстная этнографія сдѣлала гораздо болѣе важный и плодотворный шагъ, перейдя къ детальному изученію частностей мѣстнаго быта и изслѣдованію

различныхъ слоевъ населенія, которое нельзя разсматривать однороднымъ.

Описывая характеръ сибирскаго крестьянина, С. Я. Капустинъ говоритъ: «Одно характерное различіе здѣсь рѣзко бросается въ глаза; охарактеризовать его однимъ словомъ трудно и потому мы дадимъ о немъ понятіе указаніемъ на условія, которыя неминуемо должны были вліять на выработку этого различія. Эти условія: а) жизнь внѣ крѣпостной зависимости, б) земельный просторъ, при отсутствіи сбыта на сторону произведеній сельскаго хозяйства, парализующаго всякую спекуляцію землею, всякое капиталистическое производство, в) много условій, уничтожающихъ возможность частаго вмѣшательства чиновника во внутреннюю жизнь деревень, такъ сказать, во святая святыхъ самоуправленія — по вѣковымъ крестьянскимъ обычаямъ. Главнѣйшая изъ этой послѣдней группы условій: одинъ засѣдатель (становой) на пространство, равное цѣлой россійской губерніи, и отсутствіе капиталиста, стоящаго посреди чиновника и народа».

«Всѣ сейчасъ указанныя условія таковы, что ими хотя и не можетъ создаваться ничего новаго въ человѣкѣ, но значеніе ихъ громадно въ томъ отношеніи, что они развязываютъ руки, снимаютъ путы съ ногъ, разрушаютъ клѣтку, въ которую былъ заключенъ живой человѣкъ, полный силъ, энергіи, въ свойствахъ котораго всегда была предпріимчивость, отвага, давшая блестящія страницы русской исторіи. Такимъ образомъ сибирякъ-крестьянинъ представляется тѣмъ русскимъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ въ Россіи—древле, до появленія кабалы, холопства, крѣпостнаго права. Природныя свойства русскаго земледѣльца, съ которыхъ Сибирь сняла тяготящія ихъ узы, получили здѣсь только свободное развитіе; ничего въ корнѣ различнаго не вышло и не могло выйти, но нѣчто отличительное не могло не проявиться. Это нѣчто должно было пріобрѣсти еще болѣе яркую окраску въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, когда въ Россіи крупная фабрика, въ союзѣ съ распространившимся земельнымъ кулачествомъ, начала вносить въ бытъ россійскаго крестьянства разлагающія начала, прививать къ деревнѣ городскіе взгляды и нравы. Въ Сибири, напротивъ, въ эти двадцать лѣтъ все оставалось по старому, и русскій земледѣлецъ срединной Сибири, обитатель, такъ сказать, огромнаго острова, отдѣленнаго пустынями и горами отъ искателей дорогихъ мѣховъ и золота, продолжалъ тамъ развиваться, не трогаемый промышленнымъ развратомъ» (Очерки порядковъ поземельн. общины, Литерат. Сборникъ при «Вост. Обозр.» 1885 г.).

С. Я. Капустинъ въ своихъ очеркахъ Сибири дѣлитъ Сибирь,

*

какъ и ея населеніе, на двѣ половины: на земледѣльческую и золотопромышленную; та и другая носитъ особый характеръ (Зеркало Россіи, С. Я. Капустина, «Русская Мысль» 1883 г., кн. I). Сѣверное населеніе Обдорска, Березова, Сургута, Туруханска по своимъ промысламъ и правамъ не можетъ быть смѣшиваемо съ крестьянствомъ средней Сибири. Въ этихъ мѣстахъ, какъ и въ Якутской области, инородческая среда наложила рѣзкую печать на русское населеніе. На югѣ Сибири выдѣляется весьма чистымъ и сохранившимся раскольничье населеніе, выведенное сюда при Екатеринѣ II. Оно расположено въ горахъ Алтая и за Байкаломъ [1]). Въ вершинахъ Енисея также изслѣдована жизнь усинскихъ раскольничьихъ общинъ [2]).

Крестьяне средней Сибири, какъ, напр., Ишимскаго округа, изслѣдовались Коронинымъ (Петропавловскимъ), А. А. Кауфманомъ и др. Бытъ нарымскихъ крестьянъ — Григоровскимъ (Зап. Западно-Сиб. Отд. Импер. Русск. Географич. Общ.). Крестьяне тайги также обрисовывались съ ихъ особыми правами, которые выработались у нихъ благодаря замкнутости и отчужденности. (См. Крестьяне въ сибирской тайгѣ, «Восточн. Обозр.» 1883 г., №№ 43—45). Наконецъ, въ послѣднее время золотопромышленному быту посвящено было особенно много очерковъ и изданъ изъ нихъ въ 1887 г. цѣлый сборникъ.

Ссыльно-поселенцы или уголовные ссыльные составляютъ всегда рѣзко отличающійся элементъ отъ старожиловъ. Въ послѣдніе годы имъ посвящено было также не мало очерковъ. Бродяжничество, праздность, безнравственность ихъ обрисовываются яркими красками, и вредное вліяніе на мѣстную среду вполнѣ доказано. Самые гуманные бытописатели и туристы, касаясь душевной драмы ссыльнаго, не могутъ отрицать накопляющейся въ немъ злобы, сплошь и рядомъ проявляющейся местью на совершенно невинную среду. Гораздо болѣе здоровое и симпатичное населеніе составляютъ прибывшіе новоселы или переселенцы, число которыхъ годъ отъ году увеличивается. Наблюденія надъ переселенцами указываютъ, что, являясь въ Сибирь, они сохраняютъ еще свои нравы, но вскорѣ съ ними происходятъ метаморфозы. Новыя условія жизни заставляютъ ихъ измѣнять хозяйство, то-есть, располагать его такъ же, какъ у старожиловъ. Сначала они строятъ

[1]) Алтайскіе раскольники, извѣстные подъ именемъ «поляковъ», описывались путешественникомъ Принтцемъ (Раскольничьи общины на границахъ Китая, Сибирскій Сборникъ 1885 г., кн. I).

[2]) Объ усинскихъ раскольникахъ статьи Адріанова (Вост. Обозр. 1882 г., №№ 30—37).

избы и кроютъ соломой, но понемногу обстраиваются чище, по-сибирски, измѣняютъ костюмъ, пріобрѣтаютъ больше довольства и вполнѣ сравниваются съ старожилами, или, иначе, «осибирячиваются». Такія наблюденія сдѣланы надъ переселенцами-малороссами въ Минусинскомъ округѣ (статьи Петровича, «В. Обозр.» 1882—85 г.), надъ бѣлоруссами въ Ишимскомъ округѣ (Отзывы о переселенцахъ. Матеріалы для изученія быта госуд. крестьянъ Западн. Сибири А. А. Кауфмана, 1889 г.). По этому вопросу сдѣланы въ послѣднее время весьма любопытныя наблюденія и изслѣдованія. Такъ, въ 1891 г., 9 марта, въ III отд. Импер. Вольно-Экономическаго Общества, А. А. Кауфманъ, изслѣдовавшій бытъ крестьянъ Западной Сибири, весьма наглядно доказалъ, что вліяніе переселенческаго элемента на развитіе сельскаго хозяйства въ Сибири и общинной жизни далеко не такъ велико, какъ предполагали. Переселенцы усвоиваютъ пріемы хозяйства и складъ мѣстной среды. Что касается преувеличенныхъ дурныхъ чертъ сибирскаго крестьянства, ихъ хищничества, нерасчетливости, то все это не подтвердилось и должно быть отнесено къ тѣмъ предубѣжденіямъ и предразсудкамъ, которые выносятъ туристы и поверхностные наблюдатели [1]).

Детальныя этнографическія черты мѣстнаго населенія, благодаря этимъ очеркамъ и трудамъ, все больше вырисовываются, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣдніе принесутъ свою пользу. Въ смыслѣ расовыхъ изслѣдованій и законовъ метисаціи Сибирь представляетъ особенно любопытныя явленія, и потому антропологическія изслѣдованія здѣсь важны не только среди инородцевъ, но и русскихъ. Программу такихъ изслѣдованій въ Сибири издалъ профессоръ Московскаго университета Д. Н. Анучинъ («Вост. Обозр.» 1883 г., №№ 29—30). Наконецъ, имъ сдѣланы уже изслѣдованія о ростѣ сибирскаго населенія по даннымъ, собраннымъ при всеобщей воинской повинности. Любопытныя изысканія показали высокорослость мѣстнаго сибирскаго населенія сравнительно съ другими губерніями и сохранившуюся въ краѣ чистую расу («Вост. Обозр.» 1889 г., № 45).

Начинающаяся мѣстная сибирская этнографія, представляя пробѣлы въ области изученія повѣрій, пѣсенъ, обрядовъ, сказокъ народныхъ и т. д., однимъ словомъ, будучи довольно равнодушна къ старинѣ и прошлому, обнаружила гораздо больше интереса и влеченія къ изученію современнаго быта, причемъ среда сибирскаго крестьянства, какъ преобладающаго населенія, заключающаго въ себѣ будущность страны, наиболѣе приковала ея вниманіе.

[1]) «Сѣверн. Вѣстн.» 1891 г., Апрѣль.

Въ теченіе этихъ десяти лѣтъ мы можетъ указать цѣлый рядъ изслѣдованій и монографій, касающихся экономическаго положенія крестьянъ въ Сибири. Крестьянскій вопросъ, сдѣлавшійся виднымъ вопросомъ въ русской жизни вообще, получилъ не менѣе значенія въ Сибири. Періодическая печать въ послѣдніе годы сосредоточивала на немъ главное свое вниманіе. Въ столичной печати появился разборъ крестьянскаго вопроса въ Сибири и оцѣнка сибирской общины въ статьяхъ С. Я. Капустина (Зеркало Россіи. «Русская Мысль» 1882 г. «Вост. Обозр.» 1883 г., № 7 и Изслѣдованіе сибирск. общины въ Западн. Сибири по собраннымъ матеріаламъ, «Сибирскій Сборникъ» 1885 г. и др.). Затѣмъ въ Сибири послѣ Щапова начался цѣлый рядъ обстоятельныхъ изслѣдованій крестьянской общины; газета «Сибирь» посвятила въ теченіе тринадцати лѣтъ существованія много статей этому вопросу, причемъ выдавались статьи самого редактора М. Загоскина [1]) и по земскому хозяйству статьи В. И. Вагина.

Въ «Восточномъ Обозрѣніи» съ 1882 г. были помѣщаемы о сибирской общинѣ статьи Адріанова (1882 г., № 37, 38), статьи Петропавловскаго (Схема исторіи сибирской общины. «Сибирск. Сборн.» кн. II, 1886 г.), его же: Изслѣдованія общины въ Ишимскомъ округѣ, Сельская община въ Киренскомъ округѣ («Вост. Обозр.» 1883 г., № 35), Верхоленская община («Вост. Обозр.» 1883 г., № 35) и многіе другіе очерки крестьянскаго быта. Кромѣ того разсматривался и изучался авторами поземельный вопросъ въ Сибири въ связи съ многоземельемъ и малоземельемъ (Объ этомъ см. статьи «В. Об.» 1882 г., № 13; 1884 г., № 34). Затѣмъ поднятъ былъ вопросъ о податяхъ и повинностяхъ крестьянъ въ Сибири («В. Об.» 1882 г., №№ 5, 8, 39; 1883 г., №№ 32, 34, 48; 1884 г., №№ 7, 15), причемъ въ доставленіи свѣдѣній о податномъ дѣлѣ и мірскихъ учетахъ приняли участіе и грамотные крестьяне. Точно также появился матеріалъ о способѣ обложеній и о причинахъ недоимокъ. Затѣмъ собранъ былъ и напечатанъ матеріалъ о крестьянскомъ бюджетѣ (см. Бюджетъ сибирскаго крестьянства. С. Я. Капустина). По исторіи крестьянской общины и развитія землевладѣнія также началъ собираться матеріалъ. Въ харьковскомъ журналѣ «Міръ» 1882 г., кн. II, появилась статья «Крѣпостные крестьяне въ Сибири»; этому же вопросу посвятилъ статью Ѳ. Н. Усовъ. Далѣе появились статьи въ «Вост. Обозр.»: «Крѣпостническая традиція въ Сибири» (1882 г., №№ 21, 22),

[1]) Статья М. Загоскина «Десять лѣтъ въ деревнѣ» помѣщена въ «Сибирскомъ Сборникѣ», прил. къ «Вост. Обозр.» 1890 г., кн. I.

«Крѣпостные въ Сибири» («Сиб. Сборникъ» 1886 г.). Продажа земель частное землевладѣніе и стремленіе къ пріобрѣтенію въ собственность казенныхъ земель, а также раздача земель на Амурѣ вызывали статьи («Вост. Обозр.» 1882 г., № 4; 1883 г., № 34; 1883 г., № 7; 1886 г., № 32; 1884 г., №№ 26, 50; «Сибир. Сборн.», «Купля и продажа земель», 1887 г.). Мы должны отмѣтить отрадный фактъ при этомъ, что послѣ опытовъ, начавшихся въ 1860-хъ годахъ, аукціонная распродажа земель въ частную собственность въ 1882 г. была прекращена («Вост. Обозр.» 1882 г., № 4). Опытъ примѣненія частной собственности въ Сибири оказался вполнѣ неудачнымъ. Частная собственность продолжаетъ водворяться на Амурѣ, но и здѣсь мы не видимъ прочнаго землевладѣльческаго сословія; напротивъ, большинство земель, какъ показала оффиціальная статистика, переходитъ къ мѣщанамъ.

Но всего важнѣе, что послѣ частныхъ изслѣдованій положеніе сибирскаго крестьянства и хозяйственно-экономическій бытъ его возбудили особое вниманіе Министерства Государственныхъ Имуществъ, которое командировало шесть лѣтъ назадъ особыхъ чиновниковъ для статистическаго изслѣдованія округовъ въ Западной Сибири.

Съ назначеніемъ же иркутскимъ генералъ-губернаторомъ графа А. В. Игнатьева, по его представленію, командированъ былъ въ Восточную Сибирь цѣлый штатъ статистиковъ для изученія хозяйственнаго быта и формъ землевладѣнія у крестьянъ. Изслѣдованія эти произведены уже въ Иркутской губ. и производятся въ Енисейской. Такое изслѣдованіе крестьянскихъ общинъ, формы пользованія землею, общиннаго строя и хозяйственно-экономическаго положенія, сдѣланное во всей земледѣльческой Сибири, безъ сомнѣнія, будетъ виднымъ вкладомъ. Изъ трудовъ, касающихся этого предмета по Западной Сибири, уже вышли почтенные труды г. Патканова о тобольской общинѣ, А. А. Кауфмана изслѣдованіе крестьянскаго быта въ Ишимскомъ округѣ, и выходятъ труды Осипова о Курганскомъ округѣ. Точно также печатаются отчеты изслѣдованій статистиковъ и въ Восточной Сибири. Такія изслѣдованія дадутъ возможность судить отнынѣ о формахъ землевладѣнія въ Сибири, о свойствахъ складывающейся здѣсь поземельной общины и о тѣхъ тяготахъ, которыя несетъ крестьянство. Матеріалъ этотъ лучше всего обнаружитъ тѣ нужды и потребности, которыя существуютъ въ данную минуту въ крестьянской общинѣ.

Въ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ доселѣ, обнаружилось ясно, что крестьянская община въ Сибири хотя и не сформировалась, а во многихъ мѣстахъ землевладѣніе захватное, родовое, но власть

общины и стремленіе къ уравненію и здѣсь сказываются: существуютъ передѣлы покосовъ и т. д. Притомъ община податная продолжаетъ существовать при всякой формѣ землевладѣнія.

Вотъ мнѣнія одного изъ изслѣдователей хозяйственно-экономическаго склада сибирскаго населенія.

Захватно-родовое землевладѣніе есть землевладѣніе общинное; оно возможно только при извѣстномъ земельномъ просторѣ. Постепенно, подъ вліяніемъ увеличенія населенія и происходящаго отъ этого «утѣсненія» въ землѣ, подъ вліяніемъ измѣняющихся условій экономической жизни, основныя начала захватно-родоваго владѣнія (право захвата, право труда) начинаютъ терять свое значеніе, а міръ, общество — пріобрѣтать все больше и больше правъ на распоряженіе землею. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изслѣдованнаго района такого рода измѣненія, происшедшія въ захватно-родовомъ владѣніи, привели уже къ душевымъ поравненіямъ пашни; въ нѣкоторыхъ—съ увѣренностью можно ожидать того же въ будущемъ. Вообще же, захватно-родовое владѣніе переживаетъ здѣсь въ настоящее время переходный моментъ своего существованія, и, вслѣдствіе различія во времени возникновенія разныхъ общинъ, а также и чрезвычайнаго разнообразія условій, въ какихъ они жили съ момента своего возникновенія, современное захватно-родовое землевладѣніе изслѣдованнаго района являетъ (въ различныхъ общинахъ) чрезвычайное разнообразіе формъ своего существованія. Произведенныя душевыя поравненія пашни отличаются своею незаконченностью и несовершенствомъ; есть много основаній предполагать, что произведшія эти поравненія общины съ теченіемъ времени перейдутъ къ болѣе уравнительнымъ и совершеннымъ пріемамъ распредѣленія земли между членами общины. По сравненію съ поравненіями пашни, распредѣленіе покосовъ представляетъ гораздо болѣе совершенныя формы, что и слѣдовало ожидать, въ виду того, что моментъ возникновенія душевыхъ поравненій покосныхъ угодій въ громадномъ большинствѣ покосныхъ общинъ на многіе и многіе десятки лѣтъ опередилъ собою моментъ возникновенія душевыхъ поравненій пашни: за столь долгій періодъ времени могли выработаться и болѣе совершенныя формы равненія. Болѣе давнее происхожденіе душевыхъ передѣловъ покосовъ должно быть объяснено, съ одной стороны, большей (сравнительно съ землями, удобными для распашки) ограниченностью пространствъ, удобныхъ для покосовъ, съ другой—тѣмъ, что земледѣліе начало свое существованіе уже послѣ возникновенія скотоводства; поэтому-то раньше выступали на сцену вопросы о владѣніи и пользованіи покосными

угодьями. Собственно усадебныя угодья (не считая пріусадебныхъ угодій, обращенныхъ въ покосы, т. е. утуговъ) до сихъ поръ еще нигдѣ не подверглись душевому поравненію. Прочія угодья (лѣсъ, выгонъ) находятся, обыкновенно, въ общемъ пользованіи мірянъ (Личковъ. Формы крестьянскаго и инородческаго землевладѣнія. Москва. 1890 г., стр. 144).

Еще обстоятельнѣе складъ сибирской общины рисуетъ другой изслѣдователь А. А. Кауфманъ. Формы землепользованія крестьянъ двухъ губерній Западной Сибири представляютъ еще большее разнообразіе, еще большую пестроту, чѣмъ употребительныя здѣсь системы полеводства. Сравнительно однообразнѣе эти формы въ Томской губерніи: здѣсь вездѣ (по крайней мѣрѣ въ трехъ округахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ) земли еще очень много, и потому господствующимъ представляется заимочно-захватный способъ и представляющій съ послѣднимъ по внѣшности значительное сходство способъ вольнаго пользованія, отличающійся отъ перваго тѣмъ, что земля (въ частности пашня) остается въ пользованіи заимщика лишь до тѣхъ поръ, пока онъ ее дѣйствительно обрабатываетъ [1]). Къ огромнымъ лѣснымъ покосамъ примѣняется по преимуществу первый изъ этихъ двухъ способовъ, къ пашнямъ — преимущественно второй; лѣсъ каждый общинникъ можетъ рубить гдѣ ему угодно, сколько угодно и для какой угодно цѣли. Но уже и здѣсь мы встрѣчаемъ—хотя и въ видѣ исключенія — формы пользованія, соотвѣтствующіе періоды гораздо болѣе высокаго развитія общины, формы, примѣняемыя къ такимъ категоріямъ угодій, которыми община, въ виду ли ихъ недостаточности или высокой внутренней цѣнности, особенно дорожитъ. Такъ, вездѣ, гдѣ только есть (кромѣ только чрезвычайно богатыхъ лугами селеній лежащей по Чулыму части Ишимской волости), передѣляются по душамъ поемные луга, причемъ самые порядки передѣла представляютъ значительное разнообразіе; въ подгородной Спасской волости, гдѣ эксплуатація сѣнокосовъ является почти важнѣйшимъ источникомъ благосостоянія населенія, передѣлены во многихъ селеніяхъ по душамъ, хотя и весьма примитивными способами, и лѣсные покосы. Въ той же и въ другой подгородной Нелюбинской волости встрѣчаются и случаи такъ или иначе организованнаго пользованія лѣсомъ, который въ экономической жизни мѣстнаго населенія тоже играетъ весьма важную роль: нѣкоторыя общества ограничиваются тѣмъ, что періодически объяв-

[1]) Подробное разъясненіе сущности вольнаго пользованія см. «Матеріалы», Хозяйств. опис. Зап. Сибири, вып. V, стр. 128—149, А. А. Кауфмана «Очеркъ общин. порядковъ Ишимскаго округа, Тобольской губ.», «Русская Мысль» 1890 г. Ноябрь.

ляютъ «подъ запретомъ» лѣсныя поросли на той или иной части общинной территоріи, предоставляя общинникамъ полную свободу рубки на не «заказанныхъ» участкахъ; другіе идутъ далѣе: «заказавъ» часть общиннаго лѣса, они, по минованіи срока «заказа», опредѣляютъ количество лѣса, которое можетъ вырубить каждый общинникъ; если на общинной землѣ есть хорошій строевой лѣсъ, то иногда община для сбереженія его запрещаетъ вывозить на продажу хотя бы одно бревно, но въ то же время разрѣшаетъ каждому свободно рубить лѣсъ для своей надобности; иногда, напротивъ, община прямо назначаетъ къ вырубкѣ опредѣленное (на каждую душу) число бревенъ и затѣмъ уже не интересуется ихъ назначеніемъ, и т. д. Наконецъ вездѣ, гдѣ только внутри общинныхъ дачъ есть кедровники, община строжайшимъ образомъ регулируетъ пользованіе ими: она безусловно запрещаетъ для какой бы то ни было надобности рубить кедры (исключеніе допускается только въ одномъ случаѣ: кедровое дерево разрѣшается срубить на гробъ для умершаго общинника) и регулируетъ самый сборъ орѣха; мѣстами при выяснившемся уже урожаѣ самыя деревья въ отношеніи права на сборъ орѣха передѣляются между общинниками по душамъ, мѣстами же община только опредѣляетъ день начала сбора и число работниковъ («лазаковъ» и «сборщиковъ»), какое каждый общинникъ, пропорціонально числу платежныхъ душъ, можетъ выпустить на сборъ. Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что община—и даже весьма прочная—существуетъ и въ Томской губерніи, и если она предоставляетъ индивидуальному захвату по отношенію къ большинству угодій полный просторъ, то это не потому, чтобы она не сознавала своего права на урегулированіе пользованія этими угодьями, а потому, что, благодаря изобилію послѣднихъ, необходимость такого урегулированія еще не даетъ себя настоятельно чувствовать.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ и частяхъ волостей, отличающихся (независимо отъ качества земли) своимъ многоземеліемъ, вольное пользованіе и до сихъ поръ представляется безраздѣльно господствующимъ; въ рядѣ другихъ мѣстностей, продолжая существовать по отношенію къ большей или меньшей части угодій, оно для наиболѣе цѣнныхъ, подворныхъ или лучшихъ пашень, «домашнихъ или луговыхъ покосовъ», болѣе крупныхъ лѣсныхъ порослей, замѣнилось уже душевымъ пользованіемъ; но огромное большинство общинъ Ишимскаго, а также смежныхъ съ нимъ Курганскаго и Ялуторовскаго округовъ уже окончательно, по отношенію ко всѣмъ категоріямъ угодій — пашнямъ, сѣнокосамъ и лѣсамъ, перешло къ душевому способу пользованія, и отъ преж-

няго вольнаго пользованія сохранились только незначительные слѣды. Формы передѣла, выработанныя, напримѣръ, ишимскою общиною, представляютъ значительное разнообразіе и по существу, и въ формальномъ отношеніи; по существу, въ смыслѣ, слѣдовательно, порядковъ разверстки земельныхъ душъ, замѣчается строжайшая зависимость отъ цѣнности общинныхъ угодій и степени соотвѣтствія ей лежащихъ на общинѣ платежей, въ формальномъ отношеніи—въ смыслѣ техники передѣловъ, ишимская община выработала рядъ пріемовъ, опять-таки строго соотвѣтствующихъ мѣстнымъ условіямъ и совершенно несходныхъ съ типичными «россійскими» пріемами передѣла; общими всѣмъ этимъ пріемамъ чертами являются отсутствіе принудительной обработки и дробленія угодій на мелкія полоски, достигаемое распредѣленіемъ ихъ на весьма малое число сортовъ, и отсутствіе столь излюбленнаго «россійскою» общиною жеребьеваго порядка; затѣмъ, всѣ пріемы передѣла могутъ быть разбиты на двѣ группы: одна—передѣлъ «по старинѣ», когда каждая душа, до передѣла уже державшая землю, остается на тѣхъ же полосахъ и только отдастъ «въ общество» то количество земли, какое по разсчету на «новыя души» оказывается у ней лишнимъ, для «новыхъ» же душъ надѣлы образуются изъ отрѣзковъ; другая группа—пріемы передѣла «набоемъ» или «торгомъ», основанные на началѣ субъективнаго равенства: площади отдѣльныхъ душевыхъ надѣловъ представляются въ этомъ случаѣ не строго равными между собой, а варіируютъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы худшему качеству земли на данной полосѣ соотвѣтствовало большее ея количество, и обратно. Сходные пріемы передѣла практикуются и въ Тюменскомъ округѣ; но далѣе на сѣверъ—въ Туринскомъ округѣ и средней части Тобольскаго, мѣстностяхъ, характеризуемыхъ особеннымъ малоземеліемъ (въ смыслѣ количества дѣйствительно-удобной для хлѣбопашества земли) и сравнительно-высокимъ уровнемъ развитія земледѣльческаго хозяйства, мы встрѣчаемъ уже совсѣмъ другіе порядки,—порядки, по существу своему весьма сходные съ «россійскими»: пахотныя земли, напримѣръ, разбиваются здѣсь на мелкія, узкія полоски, такъ что душевой надѣлъ слагается иногда изъ десятковъ такихъ полосокъ; удобряемыя пашни раздѣляются на «перемѣны» или поля, и, слѣдовательно, существуетъ, не существующая въ южной части губерніи, и принудительная обработка; въ сѣверной части Туринскаго округа строго урегулировано пользованіе рыболовными угодьями, но въ то же время пользованіе единственнымъ дѣйствительно изобилующимъ здѣсь видомъ угодій въ этой части Тобольской губерніи стоитъ на гораздо низшей

ступени, чѣмъ въ южной; лѣса нигдѣ не передѣляются по душамъ и рубятся кѣмъ попало и сколько попало.

Чтобы покончить съ бѣглымъ обзоромъ разнообразныхъ формъ землепользованія, существующихъ въ Западной Сибири, надо еще указать на существованіе въ значительной части Тобольской губерніи волостной общины: совершенно уже вымирающая въ южныхъ округахъ, она въ сѣверныхъ еще крѣпка и живуча; такъ, въ южной части Туринскаго округа при каждой ревизіи производились общіе волостные передѣлы сѣнокосныхъ и пахатныхъ земель; въ сѣверной, разбросанность которой не допускаетъ волостныхъ передѣловъ этого рода угодій, волость все-таки не забываетъ своего единства, которое и проявляется въ уравнительномъ пользованіи рыболовными угодьями и кедровниками [1]).

Тѣ же заключенія и выводы мы встрѣчаемъ и у другихъ послѣднихъ изслѣдователей хозяйственнаго и общиннаго склада сибирскихъ крестьянъ.

«Порядки общиннаго землевладѣнія у сибирскихъ крестьянъ—говоритъ С. Я. Капустинъ, какъ изслѣдователь Сибирской общины Тобольской губерніи—весьма различны. Это различіе обусловливается, впрочемъ, не внутренними свойствами обитателей срединной Сибири, а чисто внѣшними причинами, въ числѣ которыхъ самыя главныя—пространство и качество земельныхъ угодій. Такъ, мѣстности степныя обусловливаютъ одни порядки, мѣстности лѣсныя вызываютъ преобладаніе другихъ; при обиліи земельныхъ угодій община заявляетъ о своемъ существованіи одними обычаями, при сравнительно большей скученности населенія на данной мѣстности проявляетъ себя въ иныхъ правилахъ и порядкахъ».

«У болѣе старѣйшихъ обитателей Сибири, заселявшихъ, напримѣръ, округа Тюменскій, Курганскій, Тобольскій, мы видимъ данныя, представляющія въ разныхъ стадіяхъ развитія переходъ отъ залежнаго хозяйства къ трехпольному съ унавоженіемъ и отъ захватнаго способа владѣнія къ надѣльному по душамъ, съ сопровождающими его обмѣнами полосъ, скидками и накидками и проч. Сибирь — это живая книга для исторіи общиннаго землевладѣнія у того русскаго земледѣльца, котораго мы называемъ крестьяниномъ» [2]).

Все это показываетъ нынѣ, что русское населеніе на Востокѣ и земледѣльческое крестьянское населеніе Сибири старается въ

---

[1]) Вліяніе переселенческаго элемента на развитіе сельскаго хозяйства и общинной жизни въ Западной Сибири. «Сѣв. Вѣст.» Апрѣль, 1891 г.

[2]) Изслѣдованіе общины въ Тобольской губ. С. Я. Капустина. Литературн. Сборникъ къ «Вост. Обозр.» 1885 г.

своемъ историческомъ развитіи и бытовомъ складѣ развить тѣ же хозяйственныя формы, ту же общину, какъ и въ своей метрополіи. Только въ первое время и первый періодъ, когда русскіе люди явились въ новую страну и обольстились просторомъ, мы видимъ проявленіе захватовъ и нѣкоторое стремленіе къ индивидуальной обособленности. Въ Сибири въ крестьянской средѣ, однако, не развилось формъ частнаго хозяйства. Заимки и хутора были обособленными до тѣхъ поръ, пока не приселялись другіе крестьяне и тогда образовывался поселокъ. Этотъ фактъ народной жизни и формы слагающагося землевладѣнія не говорятъ за одно проявленіе индивидуалистическихъ стремленій, въ которыхъ обвиняется сибирское населеніе [1]). Мы видимъ, что община потому только не сформировалась, что поселеніе было рѣдко и просторъ слишкомъ великъ. Но при всякомъ приливѣ населенія, при сосѣдскомъ населеніи выступаетъ не личное право, не личная тенденція, а то же мірское право и та же общинная тенденція. Да иначе это и не могло быть, такъ какъ это было то же переселившееся русское крестьянство. Когда въ Западной Сибири въ 1860 г. сдѣлана была попытка введенія частной собственности и продажа оброчныхъ участковъ съ торговъ, крестьяне не понимали самой формы частнаго землевладѣнія, другіе же выслали своихъ общественныхъ довѣренныхъ для пріобрѣтенія земли міромъ [2]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири, гдѣ, благодаря простору, землей можетъ пользоваться всякій, стало быть, гдѣ могла развиться наклонность къ частному владѣнію, мѣстные крестьяне не вѣрили разсказамъ и не понимали, что гдѣ-нибудь можетъ существовать «право собственности на землю» [3]). Иркутское техническое общество, основанное въ началѣ 60-хъ годовъ, просило нѣкоторыхъ своихъ членовъ при разъѣздахъ рекомендовать крестьянамъ формы частнаго фермерскаго хозяйства; къ этому оно вызвано было тогда нѣкоторыми культуртрегерскими взглядами. При своихъ попыткахъ и опытахъ убѣдить крестьянъ въ выгодѣ частнаго хозяйства эти агенты встрѣтили со стороны крестьянъ такую горячую оппозицію и указанія, почему общинная форма и общинныя права на землю выгоднѣе для крестьянъ, что вѣра самихъ культуртрегеровъ была поколеблена [4]).

---

[1]) Въ послѣднее время обвиненіе это повторилось въ пристрастныхъ очеркахъ г. Астырева «О бытѣ крестьянъ Восточной Сибири».

[2]) Дѣла о продажѣ земель въ частную собственность, просмотрѣнныя нами въ Архив. Главн. Управлен. Западной Сибири.

[3]) Наши наблюденія въ Алтаѣ.

[4]) Разсказы переданы членомъ общества В. А. Михютинымъ.

Намъ остается напомнить, что сибирское крестьянство вездѣ, гдѣ можно, формировалось въ группы и искало взаимной поддержки и помощи. Промышленный индивидуализмъ развивался въ Сибири только среди сословій, неприкрѣпленныхъ къ землѣ, занимающихся разными промыслами, торговлей, среди населенія извознаго, золотопромышленнаго, и въ этой средѣ, конечно, проявленія эти являлись въ рѣзкой формѣ, давая поводы приписывать разрозненность, вражду и стремленія къ промышленной наживѣ всему населенію. Къ сожалѣнію, мнѣнія являющихся въ Сибирь туристовъ, находящихся подъ вліяніемъ минутныхъ впечатлѣній и расположеній, а также имѣющихъ столкновеніе съ личностями, болѣе или менѣе испорченными, съ ямщиками, поселенцами, обыкновенно искажаютъ представленія о населеніи и внушаютъ до послѣдняго времени предубѣжденіе и предразсудки, которые мѣшаютъ трезвому отношенію и строгому этнографическому изслѣдованію.

Настоящее изученіе характера населенія едва-ли можетъ быть основано на отдѣльныхъ фактахъ и впечатлѣніяхъ. Сибирское населеніе при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ существованія, отдаленности, замкнутости, далеко не одичало, оно поддерживало свои связи, оно сохранило культуру и ничто не даетъ права сомнѣваться какъ въ его будущности, такъ и способностяхъ. Вотъ слова человѣка, глубоко изучившаго бытъ сибирскаго крестьянина и его исторію:

«Что же касается до этнографическаго матеріала, то онъ даетъ близкое знакомство съ бытомъ сибирскихъ крестьянъ; результатомъ же этого знакомства будетъ общее убѣжденіе, что эта земледѣльческая масса, сама собою здѣсь устроившаяся, положившая безъ чьего-либо пособія зачатки культуры въ дѣвственной странѣ, имѣетъ не только зачатки, но дѣйствительное, стройное, вѣками выработанное самоуправленіе, остается только признать его таковымъ, каково оно есть на дѣлѣ, и затѣмъ дать ему огражденіе отъ произвола введеніемъ въ Сибири земскихъ учрежденій» [1]).

Современные вопросы народно-крестьянской жизни заключаются въ томъ, чтобы дать болѣе нормальное и здоровое направленіе. Дабы обезпечить на нашемъ Востокѣ сохраненіе лучшей крови, лучшихъ расовыхъ чертъ и качествъ, чтобы предупредить вырожденіе; содѣйствовать здоровому развитію жизни, естественно для этого желать, чтобы это населеніе обновлялось здо-

---

[1]) С. Я. Капустинъ. Очерки порядковъ поземельной общины Тобольской губ. Литературный Сборникъ, прилож. къ «Восточному Обозрѣнію». 1885 г.

ровыми элементами въ лицѣ свободныхъ переселенцевъ, а не отверженцевъ и подонковъ общества, которые въ видѣ уголовныхъ ссыльныхъ понижали и физическія, и моральныя качества населенія.

Затѣмъ содѣйствію сибирской крестьянской общинѣ по сформированію предстоитъ выступить на почву раціональнаго хозяйства, а потому все должно клопиться къ этому содѣйствію. Современная жизнь крестьянской общины, внутренній строй ея, порядокъ управленія своими хозяйственными дѣлами, распредѣленіе повинностей и многосложныя обязанности и тягости, которыя выпадали на ея долю, показываютъ во всякомъ случаѣ ея наклонность къ прочному гражданскому и общественному складу. Подробности о поземельномъ устройствѣ, внутренней жизни общинъ, урегулированіе ея отношеній между членами, вмѣстѣ съ послѣдними изслѣдованіями откроютъ, безъ сомнѣнія, болѣе ясную картину жизни сибирскихъ крестьянствъ.

Не смотря на неблагопріятныя условія прошлаго, на рознь, возникшую въ первое время колонизаціи, стремленіе къ борьбѣ при захватѣ свободныхъ пространствъ, не смотря на промышленный характеръ, на проявленіе индивидуализма, крестьянство въ Сибири не утеряло коренныхъ чертъ своихъ. Оно выразило самоохрану, самопомощь, здравый смыслъ въ общественныхъ дѣлахъ и общественные инстинкты и стремленіе къ уравненію.

Этнографическое изслѣдованіе общаго характера населенія убѣждаетъ, что на востокѣ Россіи, внѣ крѣпостнаго права и безъ особой опеки, кромѣ административной, русское населеніе обнаружило предпріимчивость, много признаковъ хозяйственнаго самоустройства. Рядомъ съ извѣстной подвижностью, стремленіемъ къ передвиженію, уже чувствуется потребность къ осѣдлости, къ домообзаводству. Крестьянство же явилось естественно самымъ постояннымъ и прочнымъ элементомъ гражданственности. Оно умѣло до сихъ поръ вести свое общественное хозяйство, совершать раскладку податей между собой, распредѣлять повинности. Это одно говоритъ за его способность къ веденію земско-хозяйственнаго дѣла. И если тѣмъ упованіямъ, которыя живутъ на Востокѣ, суждено будетъ сбыться, а Сибири дождаться того же земско-хозяйственнаго строя, который существуетъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, т.-е. осуществленія земства, то можно надѣяться, что это земство, въ лицѣ населенія, работавшаго столь плодотворно на поприщѣ заселенія новыхъ странъ, укрѣпившаго свой гражданскій строй, съумѣетъ и здѣсь показать свои способности, здравый смыслъ и пониманіе общественнаго блага.

ГЛАВА VI.

ИНОРОДЦЫ И ИНОРОДЧЕСКІЙ ВОПРОСЪ СИБИРИ.

Классификація сибирскихъ инородцевъ.—Инородческій вопросъ.—Исторія его развитія.—Уменьшается или увеличивается инородческое населеніе.—Современныя статистическія свѣдѣнія объ уменьшеніи инородцевъ.—Историческія причины вымиранія инородцевъ.—Болѣзни и голодъ.—Экономическая обстановка жизни.—Признаки обѣдненія.—Уменьшеніе средствъ пропитанія и расширеніе потребностей.—Торговля.—Инородческій пролетаріатъ.—Наше культурное вліяніе.

Такъ какъ русскіе люди имѣютъ весьма слабое понятіе о племенахъ, населяющихъ Сибирь, мы рѣшились привести подробную классификацію инородческихъ племенъ на основаніи послѣднихъ научныхъ изысканій. Классификаціи этой положилъ начало Кастренъ, финляндскій ученый, соединивъ сибирскихъ инородцевъ въ одну группу «*алтайцевъ*» или угро-алтайцевъ; это соединеніе сдѣлано на основаніи родства языковъ. Не нужно думать, что всѣ инородцы живутъ въ Алтаѣ,—такое названіе дано по мѣсту исхода. Въ послѣднее время антропологи и этнографы взяли основой классификацію Кастрена. Лучшая и подробная карта азіатскихъ племенъ составлена въ настоящее время въ Вѣнѣ Гаардомъ и классификація сдѣлана по языкамъ на основаніи этнографіи ученаго Фридриха Мюллера; поэтому мы возьмемъ эту классификацію, сдѣлавъ только необходимыя поправки на основаніи болѣе точныхъ изслѣдованій. Азіатскія племена, включая «алтайцевъ», индо-китайцевъ, японцевъ, корейцевъ и монъ-анамитовъ, получили названіе *монголовидныхъ* племенъ, въ отличіе отъ кавказцевъ, семитовъ, иранцевъ, индійцевъ арійскаго племени и индо-германцевъ (т.-е. европейцевъ, включая сюда и славянъ). Послѣднія составляютъ особую группу среднеморцевъ (Mittelländer). Это дѣленіе по физическимъ признакамъ. По языку они дѣлятся на племена съ многослоговымъ языкомъ и племена

съ односложовымъ (mehrsilbigen und einsilbigen Schprachen). Односложовымъ языкомъ обладаютъ китайцы, тибетцы, индо-китайцы и монъ-анамиты. Сибирскія племена обладаютъ всѣ языками многосложовыми. Они дѣлятся на слѣдующія группы: *Уральская или финская группа.* Остяки, вогулы въ Сибири; пермяки, зыряне, вотяки, черемисы и мордва въ Европейской Россіи. Кастренъ, а затѣмъ Альквистъ, природные финляндцы, изучивъ языкъ этихъ племенъ, признали его тождественнымъ съ финляндскимъ. Кромѣ того, находятся финны, смѣшавшіеся съ другими народностями, напр. алтайскіе черневые татары, иначе финны отатарившіеся, башкиры и, наконецъ, мадьяры или венгры; послѣдніе пришли съ Урала. Кастренъ прослѣдилъ эту группу до Алтая и вершинъ Енисея. Гдѣ была ихъ прародина въ Азіи, остается темнымъ. Къ этой группѣ примыкаетъ *самоѣдско-саянская* народность въ лицѣ самоѣдовъ и саянцевъ; къ нимъ же относятся кайбалы, вымершіе котты, ассаны, аринцы и уцѣлѣвшіе въ небольшомъ числѣ енисейскіе остяки и карагасы. Самоѣды вышли когда-то изъ Саяновъ, а всѣ другія племена по Енисею, какъ кайбалы, котты, ассаны, были оставлены по пути ими. Затѣмъ слѣдуетъ группа въ тѣсномъ смыслѣ *алтайцевъ*, монголообразныхъ тюрковъ, такъ какъ языкъ ихъ татарскій. Въ Сибири къ нимъ принадлежатъ «казакъ-киргизы», кара-киргизы или буруты, якуты, алтайцы (по неправильному названію русскихъ калмыки-алтайцы), черневые татары (смѣшанные), кузнецкіе татары, телеуты, чулымскіе татары, кизильцы, кочинцы и сагайцы. Городскіе татары смѣшаны съ казанскими и бухарцами. Въ Туркестанѣ тюрки носятъ другой типъ—арійскій, въ виду смѣси съ персами и арійцами. Въ Европейской Россіи къ татарамъ принадлежатъ казанскіе татары, касимовскіе, крымскіе татары, чуваши, мещеряки и тептяри, наконецъ въ Малой Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ турки-османы. Всѣ они имѣютъ общій языкъ и происхожденіе. Татары, тюрки, по китайски тукюэ, обитали въ сосѣдствѣ монголовъ около VII и VIII в. въ Восточной Монголіи и простирались до Тибета; впослѣдствіи съ нашествіями и завоеваніями они распространились до Европы. Къ той же группѣ *алтайцевъ* причисляются и *монголы*, состоящіе: изъ шара-монголовъ, халха-монголовъ, калмыковъ и бурятъ, — всѣ они остатки ордъ Чингизъ-Хана. Древнее обитаніе ихъ было близъ Гоби, а также на Ононѣ и Керуленѣ. Монголы находились въ сосѣдствѣ съ тюрками и, вѣроятно, имѣли одно происхожденіе. Наконецъ, къ *алтайцамъ* же причисляются и тунгусы, какъ и манджуры. Затѣмъ, къ *монголообразнымъ* и родственнымъ алтай-

*

цамъ племенамъ относятся народности, означаемыя группой арктическихъ гипербореевъ; къ нимъ принадлежатъ: юкагиры, коряки, камчадалы, чукчи, гиляки, нимилло, айны и алеуты. Языки этихъ народовъ еще не изучены вполнѣ, но они составляютъ соединяющее звено азіатскихъ монголообразныхъ съ американскими монголообразными и индѣйцами, такъ какъ переселеніе человѣка изъ Азіи въ Америку является очень вѣроятнымъ. Съ другой стороны сибирскіе инородцы и алтайцы находятся въ ближайшемъ родствѣ съ южными монголообразными племенами Азіи.

Какъ совершалось передвиженіе и разселеніе человѣческаго рода въ предѣлахъ Азіи, прародины человѣчества, остается неразгаданнымъ, но доказано, что сибирскія племена—обломки и остатки тѣхъ древнихъ племенъ, которыя когда-то играли видную роль въ исторіи Азіи. Монголы, какъ извѣстно, въ XIII ст. покорили Китай, Индію, Персію и потрясли Европу. Предшественники ихъ, тюрки, имѣли въ VIII в. имперію отъ Байкала до Персіи. Они создали Уйгурское царство, обладавшее извѣстной цивилизаціей, а затѣмъ, господствуя въ Туркестанѣ, достигли высокой культуры. Тунгусское племя, кидане, завоевало Китай, какъ манджуры впослѣдствіи, и создало здѣсь династію ляо; нюечжи и чжурчжени были могущественнымъ народомъ на Амурѣ. Исторія Китая сохранила память о государствѣ хакасовъ (предкахъ киргизовъ), усуней и друг. на югѣ Сибири, въ вершинахъ Енисея и на озерѣ Иссыкъ-Кулѣ. Множество памятниковъ на югѣ Сибири съ надписями на загадочныхъ языкахъ, величественные могильники, наконецъ огромное количество находимыхъ бронзовыхъ орудій изящной формы, золотыхъ украшеній, серебряныхъ сосудовъ, земледѣльческихъ орудій, чугунныхъ сошниковъ, жернововъ и, наконецъ, остатки ирригаціи на Енисеѣ, въ Алтаѣ и за Байкаломъ, указываютъ на существованіе культурныхъ народовъ въ предѣлахъ Сибири. Судя по оставшимся ремесламъ у сибирскихъ инородцевъ, по умѣнью выдѣлывать металлъ, можно сдѣлать совершенно основательную догадку, что это остатки народовъ, стоявшихъ уже на извѣстной культурной высотѣ. Поэтому сибирскихъ инородцевъ, алтайцевъ, тюрковъ, монголовъ и тунгусовъ манджурскаго происхожденія нельзя приравнивать къ дикарямъ Австраліи и Америки. По расѣ, по языку и по культурѣ они стоятъ выше и составляютъ переходную ступень къ европейцамъ (среднеморцамъ). По образу жизни нынѣшніе инородцы Сибири могутъ быть раздѣлены: на бродячихъ инородцевъ, охотниковъ, оленеводовъ и рыболововъ, затѣмъ, номадовъ-кочевниковъ, на полуосѣдлыхъ инородцевъ и вполнѣ осѣд-

лыхъ. Къ бродячимъ инородцамъ принадлежатъ самоѣды, часть остяковъ крайняго сѣвера, тунгусы и часть арктическихъ гипербореевъ; затѣмъ, къ рыболовамъ остяки, они часто обладаютъ полуосѣдлостью; къ кочевникамъ принадлежатъ киргизы, алтайцы-кочевники горные, буряты, отчасти и монголы. Къ полуосѣдлымъ племенамъ нужно отнести вогуловъ, часть остяковъ, строящихъ хижины, лѣсныхъ татаръ, якутовъ, башкиръ и часть бурятъ, имѣющихъ зимники и дома. Къ осѣдлымъ принадлежатъ татары Средней Сибири, барабинцы, бывшіе полукочевые, кузнецкіе татары, телеуты, татары чулымскіе, енисейскіе, часть якутовъ, инородныя управы въ Алтаѣ крещеныхъ инородцевъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, здѣсь всѣ переходныя культурныя стадіи отъ бродячаго до осѣдлаго.

Часть этихъ племенъ была также бродячею, затѣмъ стала кочевниками. Кочевники и номады переходятъ понемногу къ полуосѣдлости, останавливаясь на зиму въ зимовкахъ и избахъ; наконецъ, многія изъ тюркскихъ племенъ и якуты перешли къ полной осѣдлости; переходъ къ осѣдлости замѣтенъ у крещеныхъ киргизовъ и остяковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что расположеніе инородцевъ, мѣстопребываніе инородческихъ колоній, бытъ, нравы ихъ и экономическое положеніе сильно измѣнились со времени XVI ст., т.-е. со времени завоеванія жизнь инородцевъ возбуждаетъ многіе вопросы.

Судьба инородцевъ въ Сибири до сихъ поръ весьма мало заслуживала вниманія, а роль ихъ въ исторіи восточной окраины, также какъ настоящее и будущее ихъ въ гражданской жизни страны, остается весьма мало выясненною. Несмотря на то, что Сибирь была когда-то болѣе инородческой колоніей, чѣмъ нынѣ, что она, такъ сказать, пестрѣла инородческимъ людомъ и племенами, судьбѣ этихъ племенъ мало удѣлялось вниманія; единственною нашей задачею въ исторіи было вытѣсненіе этихъ племенъ и пріобрѣтеніе надъ ними господства. Задача эта нынѣ выполнена. Мы видѣли, что русская народность раздвинула міръ инородцевъ и водворилась въ Сибири, она получила нынѣ даже нѣкоторый численный перевѣсъ; тѣмъ не менѣе, инородческій вопросъ остается попрежнему живучимъ, хотя и является нѣсколько въ иной формѣ. Мало того, жизнь русскаго населенія и гражданское развитіе самой окраины заставляютъ обратить на него гораздо большее вниманіе

Въ прежнее время инородческіе вопросы въ Сибири, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, и отношенія русскаго племени къ инородческому имѣли другой характеръ и значеніе.

Когда русское населеніе явилось на востокъ, инородческое царство было обширно, а русское населеніе слабо. Въ это время разыгрывалась борьба за существованіе и преобладаніе въ странѣ, причемъ главною цѣлью являлось ослабленіе инородческаго элемента, и уменьшеніе его. Таковъ былъ взглядъ конвикторовъ-завоевателей. Вслѣдъ за покореніемъ инородцевъ явилось усмиреніе ихъ бунтовъ, обложеніе ясакомъ, подчиненіе и насильственное введеніе управленія. Такимъ образомъ инородческій вопросъ пережилъ нѣсколько фазисовъ и наложилъ тяжелую печать на существованіе инородцевъ. Тогда выступало только два вопроса: о подчиненіи и опекѣ. Но постановка этихъ вопросовъ должна была измѣниться, когда инородческій элементъ явился подчиненнымъ и подавленнымъ, когда русское населеніе стало достаточно сильнымъ, а инородцы болѣе слабыми и заслуживающими попеченія и помощи. Самыя отношенія и чувства племенъ принуждены были измѣниться, потому что причины вражды уничтожились; на почвѣ мирной жизни предстояло слагаться инымъ гражданскимъ отношеніямъ, а русской политикѣ измѣнить свои цѣли, зачисливъ инородческій элементъ въ число равноправныхъ подданныхъ. Такимъ образомъ инородческій вопросъ въ современной жизни Сибири получилъ иной характеръ и значеніе.

Посвятивъ себя въ послѣднее время спеціальному изученію инородческаго вопроса въ Сибири, мы, если и не намѣрены дать общую картину положенія всѣхъ инородцевъ въ частности съ ихъ современными нуждами и потребностями, то, по крайней мѣрѣ, рѣшились свести въ одно цѣлое вопросы, выдвигаемые современною жизнью большинства инородческихъ племенъ, и разсмотрѣть ихъ по отношенію къ сибирской жизни. Этими живыми вопросами выступаютъ нынѣ: 1) вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи инородцевъ и предупрежденіи вымиранія расъ; 2) экономическій вопросъ объ обезпеченіи ихъ существованія рядомъ съ культурнымъ вопросомъ ихъ развитія; 3) вопросъ административно-политическій, касающійся гражданскаго полноправія инородцевъ и гарантій закона, наконецъ 4) вопросъ духовнаго развитія и просвѣщенія ихъ, также какъ обезпеченіе благъ высшаго человѣческаго существованія. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ связывается съ той ролью, которая отведена будетъ этимъ народностямъ на нашемъ востокѣ.

Въ числѣ указанныхъ нами вопросовъ самымъ капитальнымъ является вопросъ о сохраненіи жизни расъ и ихъ дальнѣйшемъ существованіи; онъ находится въ связи съ существующимъ явленіемъ вымиранія и уменьшенія инородцевъ,—явленіемъ, весьма

общимъ всѣмъ расамъ покореннымъ и сталкивавшимся съ народностями болѣе сильными и многочисленными.

Конечно, прежде всего здѣсь необходимо констатированіе факта: увеличиваются или уменьшаются инородцы въ Сибири? Для этого, разумѣется, требовались бы болѣе подробныя изслѣдованія, чѣмъ доселѣ сдѣланныя. Въ научномъ отношеніи этотъ вопросъ почти не тронутъ, по крайней мѣрѣ собраніе ученыхъ на конгрессѣ оріенталистовъ въ 1876 г. не могло дать никакого опредѣленнаго на него отвѣта. Но и при настоящихъ имѣющихся свѣдѣніяхъ и источникахъ о сибирскихъ инородцахъ, нельзя сказать, чтобы не существовало нѣкоторыхъ весьма важныхъ указаній и отвѣтовъ по этому поводу. Мы позволимъ себѣ отмѣтить отзывы нѣкоторыхъ историковъ, свидѣтельства путешественниковъ, санитарныя изслѣдованія и статистическія исчисленія, какія существуютъ. Свидѣтельства о многочисленномъ истребленіи инородцевъ во время войны мы находимъ у Миллера, Фишера, Словцова, составлявшихъ сибирскую исторію, а также въ описаніяхъ Камчатки Крашенинникова, у Гагемейстера и многихъ другихъ.

Путешественники, посѣщавшіе сѣверъ, Камчатку и Алеутскіе острова, передавали о поголовномъ избіеніи инородцевъ и захватахъ ихъ въ рабство: таковы были походы Хабарова на Амуръ, Павлуцкаго въ Камчаткѣ. «Промышленники истребили большую часть алеутовъ—говоритъ г. Шашковъ [1])—въ 1792 г. жителей на островахъ Уналашкинскаго отдѣла считалось 2.500 человѣкъ, а до прибытія русскихъ ихъ было вдесятеро болѣе этого». По мнѣнію Врангеля, до покоренія русскими народонаселеніе Сибири было гораздо многочисленнѣе и разнообразнѣе. Изслѣдователи сибирскихъ племенъ указываютъ на исчезновеніе многихъ изъ нихъ; такъ, вымерли, не оставивъ слѣда, омоки, котты, хойданы, шелаги, анюиты, маторы, асаны, аринцы и другія сибирскія племена. Историкъ Щаповъ также констатируетъ фактъ о вымираніи и уменьшеніи сибирскихъ инородческихъ расъ; кромѣ насилій и болѣзней, ослабившихъ ихъ число, онъ находитъ, «что лишеніе ихъ прежней свободы уменьшило энергію къ плодородію; измѣнило дѣйствіе производительной системы, организацію населенія, ростъ и довело инородцевъ до вымиранія» (Щаповъ).

Щаповъ въ историко-философскомъ спектрѣ соединяетъ и освѣщаетъ цѣлую совокупность причинъ, способствовавшихъ вымиранію инородцевъ (см. «Русское Слово» 1865 г. статьи Щапова). Кромѣ ожесточенной борьбы и истребленія во время сопротивле-

[1]) Россійско-американская компанія, историч. этюды Шашкова, кн. II, с. 297.

ній при завоеваніяхъ русскими, масса инородческихъ племенъ, ослабляемая съ вторженіемъ русскихъ, начала подвергаться междоусобіямъ и нападеніямъ отъ сосѣднихъ азіатскихъ и китайскихъ соперниковъ. Прежніе союзы распадаются и инородцы, лишась способности самозащиты, представляютъ беззащитныя толпы. Съ юга киргизы и джунгары мстятъ сѣвернымъ инородцамъ за подданство Россіи, нападаютъ на нихъ и уводятъ плѣнниковъ. Сибирскіе татары подвергаются нападеніямъ, енисейскихъ киргизъ истребляютъ калмыки, телесы нападаютъ на принявшихъ подданство телеутовъ. Калмыки, принявшіе подданство Россіи, послѣ паденія Джунгаріи, преслѣдуются джунгарами. Въ 1756—1757 гг. калмыковъ преслѣдуютъ и разоряютъ монголо-китайцы, — ими было перерѣзано до полумилліона населенія. Киргизы также воюютъ съ калмыками и т. д. Словомъ, въ это время извнѣ и внутри мы видимъ разрушеніе инородческихъ царствъ. Вторженіе русскихъ въ Азію уничтожаетъ прежнія связи и отношенія, повсюду происходитъ передвиженіе и разряженіе силъ, которое сопровождается разложеніемъ и катастрофами. Цѣлыя пространства пустѣютъ, инородческія племена эмигрируютъ. Огромное населеніе на югѣ Сибири, оставившее многочисленные памятники, куда-то исчезло безъ слѣда. Но уменьшеніе и исчезновеніе сибирскихъ племенъ продолжается и позднѣе подъ дѣйствіемъ болѣе медленныхъ, но губительныхъ вліяній. Г. Шашковъ въ своемъ изслѣдованіи положенія сибирскихъ инородцевъ въ XIX столѣтіи приводитъ многіе факты положительнаго уменьшенія сибирскихъ инородцевъ. «На устьѣ Индигирки видны до сихъ поръ слѣды жилищъ исчезнувшаго народа омаковъ, которые, по преданіямъ, были многочисленны, какъ звѣзды небесныя». Во время русскаго завоеванія существовалъ народъ аринцы, въ 1608 г. ихъ было 300 семей. Въ 1753 г. Миллеръ и Гмелинъ видѣли послѣдняго инородца, говорившаго по-арински, наконецъ изъ 300 семей ихъ осталось всего 5 человѣкъ. Богорадскій родъ, бывшій въ 1763 г. однимъ изъ многочисленныхъ во время ясачной коммиссіи, показанъ былъ *вымершимъ* и въ живыхъ было 2 человѣка. Въ Туруханскомъ краѣ съ 1763 г. по 1816 г. вымерло $^3/_4$ инородческаго народонаселенія. Когда ясачная коммиссія посѣтила Березовскій округъ, то не могла найти шести родовъ. Затѣмъ г. Шашковъ приводитъ статистическія данныя изъ различныхъ документовъ, подтверждающія это уменьшеніе. Въ 1744 г. камчадаловъ обоего пола было 20.000 человѣкъ, въ 1823 г. 2.760 человѣкъ, въ 1850 г. уже 1.951.

Въ Березовскомъ округѣ инородцевъ обоего пола было 21.001 чел., въ 1828 г.—19.652, убыло въ 12 лѣтъ 1.349.

Въ Томскомъ округѣ съ Нарымскимъ краемъ въ 1816 году было инородцевъ 10.135 чел. обоего пола, а въ 1832 г. 9.724 чел.

Въ 7 барабинскихъ волостяхъ въ 1846 г. было татаръ 4.918 чел., въ 1858 г. по 4.419. Въ Тогоурскомъ отдѣленіи населеніе убыло съ 1763 г. по 1816 г. на 137 чел., а съ 1816 г. по 1832 г. на 306 человѣкъ.

Въ 22 волостяхъ Кузнецкаго округа инородцевъ въ 1827 г. считалось 5.160 чел., въ 1832 г. 4.399, убыло 771 чел. Въ пяти волостяхъ Туринскаго округа въ 1763 г. было 555 чел., въ 1816 г. 467 чел.

Въ Енисейскомъ округѣ съ Туруханскимъ краемъ въ 1838 г. инородцевъ было 7.740 чел., въ 1864 г. 7.483, убыло 257 чел. Такимъ образомъ несомнѣнно, что во многихъ мѣстахъ инородческое населеніе *убываетъ!* заключаетъ уважаемый изслѣдователь (с. 291). Оффиціальный изслѣдователь по статистикѣ Сибири Гагемейстеръ приводитъ подобные же факты о нѣкоторыхъ инородцахъ, какъ напримѣръ вогулахъ: съ 8-й до 9-й ревизіи, по его словамъ, коренныхъ вогуловъ убыло почти 50%. О томъ же уменьшеніи вогуловъ въ послѣднее время свидѣтельствуетъ д-ръ Альквистъ и Маліевъ.

Докторъ Соколовъ приводитъ исчисленіе остяковъ и садоѣдовъ въ Березовскомъ округѣ съ 1763 г., гдѣ населеніе въ 53 г. увеличилось на 2.431 чел., въ 12 лѣтъ позднѣе прибыль была 259 чел., въ 22 года уменьшилось на 127 чел. Вымираніе остяковъ въ Нарымскомъ округѣ подтверждаетъ Осиповъ, въ Енисейскомъ округѣ— Кривошапкинъ, о смертности енисейскихъ же инородцевъ свидѣтельствуетъ академикъ Миддендорфъ. Наконецъ позднѣйшее изученіе и сличеніе числа инородцевъ въ Западной Сибири привело насъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Вогуловъ въ 1838 г. въ Тобольскомъ и Туринскомъ округахъ было 4.527 чел., въ 1859 г. по спискамъ населенныхъ мѣстъ Тобольской губерніи 3.286. Въ 1875 г. по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ 3.913 чел. Такимъ образомъ съ 1838 г. началась положительная убыль, а въ послѣдній періодъ самое ничтожное приращеніе.

Населеніе остяковъ и самоѣдовъ во многихъ волостяхъ представляетъ положительное уменьшеніе, въ чемъ мы убѣдились, сравнивая статистическія свѣдѣнія въ Кодской, Подгородной, Ляпинской и Купаватской волостяхъ, а также въ Сургутскомъ округѣ. Точно то же уменьшеніе инородцевъ мы видимъ изъ позднѣйшихъ свѣдѣній въ Нарымскомъ округѣ (въ 1869 г. 7.611 д., въ 1878 г. 7.127). То же подтверждаютъ и податные списки; ясакъ накла-

дывался въ 1834 г. въ Томскомъ округѣ на 4.965 д., въ 1842 г. на 2.608, въ 1878 г. на 2.134.

Въ Маріинскомъ округѣ еще въ 1868 г. считалось инородцевъ 2.439 д., въ 1878 г. только 1.870 д. Но что всего поразительнѣе, это уменьшеніе инородческаго осѣдлаго населенія въ Западной Сибири.

Въ 1851 г.	его	считалось		40.470 д.
» 1868 »	»	»		37.153 »
» 1878 »	»	»		37.880 »

Факты эти подтверждаются ухудшеніемъ быта и разореніемъ тобольскихъ, тарскихъ и другихъ татаръ, также какъ и несчастнымъ ихъ положеніемъ, доказательствомъ чего служатъ огромныя податныя недоимки. Кромѣ приведенныхъ данныхъ объ уменьшеніи числа инородцевъ, вымираніе ихъ подтверждается съиздавна свирѣпствующими среди нихъ эпидеміями, производящими здѣсь свои опустошительныя дѣйствія. Съ половины прошлаго столѣтія извѣстно множество эпидемій, свирѣпствовавшихъ между инородцами, между прочимъ оспа, тифъ, цынга, проказа и сифилисъ. Эти болѣзни поглощали тысячи людей, находившихся безъ всякой медицинской помощи. Въ половинѣ прошлаго столѣтія оспа свирѣпствовала въ Забайкальѣ, въ Камчаткѣ, въ Енисейской, Томской и Тобольской губерніяхъ. Въ 1768 году погибло отъ нея до 20.000 камчадаловъ. Въ 1824—25 гг. на Ленѣ отъ горячки вымерли тунгусы. Въ Туруханскомъ краѣ тифъ и оспа не прекращались. Проказа (lepra) и ужасная болѣзнь elephantiasis, по словамъ доктора Кибера, распространена между всѣми сѣверо-восточными инородцами.

Докторъ Соколовъ свидѣтельствуетъ о печальномъ положеніи Березовскаго округа, гдѣ оспа, тифы и сифилисъ имѣютъ широкое развитіе и угрожаютъ обезлюденіемъ сѣверу [1]). Сифилисъ былъ занесенъ въ этотъ округъ уже въ началѣ XVIII ст., о чемъ упоминаетъ спутникъ Филофея Лещинскаго, Новицкій. «Человѣку гнилостью снѣдаетъ уста, носъ, ноги и многимъ все тѣло даже до костей—пишетъ онъ.—Егда кого начинаетъ сія болѣзнь язвити, то онъ нетокмо не имѣетъ попеченія о исцѣленіи, но ниже, ради облегченія болѣзни язвы согнившія чѣмъ прикрывать; но не радя о семъ, берестомъ обвивъ язву, за промысломъ идетъ, и доселѣ ходитъ донеле же язвою весь пораженъ падаетъ». Болѣзнь эта скоро получила названіе березовской проказы; распространеніе ея

[1]) О болѣзняхъ въ Березовскомъ округѣ д-ра М. Соколова. Архивъ Судебн. Медицины 1867 г.

было такъ сильно, что въ 1830 годахъ д-ръ Бѣлявскій, посѣтившій Березовскій округъ для изслѣдованія сифилиса, доносилъ, что нѣтъ почти ни одного инородца, который бы не былъ зараженъ имъ. Болѣзни являются на сѣверѣ осложненными, часто сифилисъ, ревматизмы и цынга соединяются въ одинъ чудовищный бичъ. Подобное же положеніе инородцевъ въ Нарымскомъ округѣ описываетъ врачъ Докучаевъ. Штабъ-лекарь Богдановъ свидѣтельствуетъ о страшной болѣзненности въ Туруханскомъ округѣ. Недавно изданный «Санитарный очеркъ Западной Сибири» подтверждаетъ беззащитное положеніе инородцевъ до послѣдняго времени и свирѣпствующую среди нихъ болѣзненность. Въ Березовскомъ округѣ, по словамъ отчета, распространены среди инородцевъ глазныя болѣзни отъ жизни въ чумахъ и вліянія ослѣпительнаго дѣйствія снѣга, глисты отъ питанія рыбой, накожныя сыпи отъ нечистоты и сифилисъ въ различныхъ формахъ. Инородцы весьма рѣдко обращаются (а большинство и не можетъ обращаться за дальностью разстоянія) къ единственному врачу въ Березовѣ. Смертность отъ болѣзней весьма значительна; въ Сургутскомъ округѣ 19,3% смертности даетъ кровавый поносъ и 8,8% сифилисъ, здѣсь весьма часто бывающій смертельнымъ. Нѣкоторыя эпидемическія болѣзни пріобрѣтаютъ характеръ стаціонарный. «Если прибавить—говоритъ отчетъ—губительное дѣйствіе между инородцами оспы, и весьма неудовлетворительное устройство въ сѣверныхъ округахъ медицинской части (временами наѣзжающій одинъ врачъ на все населеніе), то нельзя не вывести того печальнаго заключенія, что сѣверные инородцы, эксплуатируемые кромѣ того рыбопромышленниками, обречены на вырожденіе. Статистика указываетъ на уменьшеніе самоѣдовъ. (Въ 1828 г.—5.140 чел. об. п., въ 1863 г.—4.705 чел.). Подобное же вырожденіе (вымираніе?), вѣроятное и у другихъ сѣверныхъ инородцевъ, конечно, будетъ продолжаться, если не подоспѣетъ правительственная помощь» [1]). Тифъ и сифилисъ, по словамъ того же медицинскаго отзыва, угрожаютъ въ Сибири развиться до ужасающихъ размѣровъ. Такимъ образомъ вымираніе инородцевъ отъ болѣзней тоже должно быть признано фактомъ. Далѣе инородцы, при скудныхъ и случайныхъ способахъ обезпеченія и съ измѣненіемъ ихъ прежняго распредѣленія, начали чаще и чаще подвергаться голодамъ, извѣстнымъ еще съ прошлаго столѣтія и кончавшимся

[1]) Очеркъ санитарнаго состоянія Зап. Сибири, сост. при Западно-Сибирск. военно-медицинскомъ управленіи. Омскъ, 1880 г., с. 56, 58, 86.

смертностью и людоѣдствомъ. Г. Шашковъ въ описаніи положенія инородцевъ приводитъ нѣсколько характеристическихъ случаевъ подобнаго людоѣдства въ Туруханскомъ, Березовскомъ округахъ и другихъ. (Въ 1847 г. о людоѣдствѣ у инородцевъ печаталось въ «Сѣверной Почтѣ»). Въ 1814—1816 г. голодъ уничтожаетъ населеніе Туруханскаго края, въ 1827 г. онъ свирѣпствуетъ среди остяковъ въ Нарымскомъ округѣ, въ 1844 г. въ окрестностяхъ Аяна. Въ 1862 г., по словамъ д-ра Соколова, голодъ настигаетъ инородцевъ Березовскаго округа. Въ 1878 г. доносятся слухи вновь о такомъ же бѣдствіи въ Нарымѣ. Голода въ Енисейской губерніи, на Ленѣ, въ Камчаткѣ, составляютъ нерѣдкое явленіе. Если печальныя послѣдствія и вліяніе голодовъ страшны въ странахъ, болѣе населенныхъ и обладающихъ путями сообщенія, то они должны были въ нѣсколько разъ сильнѣе отражаться на инородцахъ. Въ отдаленныхъ пустыняхъ, гдѣ эти люди лишены всякой помощи, картина голода у нихъ ужасающая. Въ Туруханскомъ краѣ въ 1814—16 годахъ русскіе и инородцы питались падалью и пихтовою корою. Умирало много дикарей и рускихъ, жившихъ по берегамъ Енисея. Трупы умершихъ отъ голода валялись по тундрѣ. Даже около Туруханска валялись трупы, оторванные члены которыхъ растаскивались по улицамъ города. Въ одной семьѣ съ голоду мать съѣла дочь, потомъ сыновьямъ приказала убить брата, семья нѣсколько дней питалась его мясомъ, наконецъ съѣли второго сына. Когда вышло мясо и голодная смерть начала угрожать, мать снова приказала одному изъ оставшихся сыновей убить другого и, раздраженная отказомъ, бросилась на него съ ножемъ, но братья зарубили ее топоромъ и питались нѣсколько дней трупомъ матери. Наконецъ они таскались по тундрѣ, отыскивая труповъ или живыхъ людей. На дорогѣ они открыли тѣло остяка и съѣли его. (Шашковъ. Инородцы въ XIX ст.). Докторъ Соколовъ, говоря о голодѣ въ Березовскомъ округѣ въ 1862 г., говоритъ, что инородцы здѣсь ѣли кротовъ и мышей. Осиповъ, описывая голода въ Нарымскомъ краѣ, говоритъ, что люди съ жадностью истребляли падаль и ловили плывущіе по рѣкѣ трупы.

Безпомощное населеніе среди глухихъ пустынь при такихъ условіяхъ гибло часто безслѣдно и только вдолгѣ послѣ несчастія слухъ о ихъ бѣдствіяхъ доносился до жилыхъ мѣстъ Сибири. Въ 1881 г. разнесся слухъ тоже о голодѣ въ Нарымскомъ округѣ, и затѣмъ появилось не описаніе этого голода, а сообщеніе, что выѣхалъ на мѣсто его исправникъ. Но въ состояніи ли онъ будетъ прекратить бѣдствіе—не объяснено. Въ «Сибирской Газетѣ» 1881 г.

(№№ 21 и 22) между тѣмъ раскрыто, въ какомъ бѣдственномъ экономическомъ положеніи съиздавна находится этотъ край и его населеніе. Такимъ образомъ фактъ вымиранія и уменьшенія инородцевъ въ Сибири долженъ быть признанъ, какъ несомнѣнный. Въ исторіи встрѣчается нѣсколько весьма крупныхъ причинъ, прямо вліявшихъ на уменьшеніе инородческаго населенія и объясняющихъ это явленіе. Эти симптомы бѣдствій стоятъ рядомъ съ другими: обѣдненіемъ и ухудшеніемъ экономическаго состоянія. Точно также рядомъ съ уменьшеніемъ и вымираніемъ нѣкоторыхъ племенъ заслуживаетъ вниманія весьма малый приростъ сибирскихъ инородцевъ, показывающій слабую производительную силу расы. Такъ, по нашимъ изслѣдованіямъ, встрѣчаются такого рода выводы. Татарское осѣдлое населеніе въ нѣкоторыхъ волостяхъ Тобольскаго округа въ 25-лѣтіе давало весьма слабый приростъ, а именно на 2.057 чел. едва 100 чел., въ другихъ только 40 чел., въ Тюменскомъ округѣ въ 12 лѣтъ татарское населеніе съ 9.083 д. увеличивается только на 19 чел. Въ Березовскомъ округѣ въ 53 года населеніе остяковъ съ 21.000 увеличилось едва на 2.400 д. и т. д. Такого же вниманія заслуживаетъ непропорціональность половъ среди сѣвернаго кочеваго населенія, причемъ мужчинъ встрѣчается болѣе, чѣмъ женщинъ; процентъ женщинъ падаетъ до 30 и 40% на мужское населеніе, что далеко не способствуетъ нормальному размноженію.

Фактъ вымиранія и уменьшенія инородцевъ, правда, не охватываетъ всѣ мѣстности и всѣ сибирскія племена; такъ, исключеніе составляютъ, повидимому, пока южные кочевники—буряты, киргизы и калмыки. Хотя среди послѣднихъ появляются нынѣ тѣ же признаки бѣдствій, но тѣмъ не менѣе отрицательное явленіе охватываетъ такую массу другихъ племенъ—остяковъ, самоѣдовъ, тунгусовъ, вогуловъ, и распространяется даже на осѣдлыхъ татаръ, что невольно заставляетъ задуматься.

Что, если въ Сибири повторится судьба многихъ австралійскихъ и американскихъ племенъ; что, если и здѣсь повторится драма гибели послѣдняго тасманца или оправдается предсказаніе одной печальной самоѣдской сказки, въ которой разсказывается, какъ у самоѣдовъ стояло 700 шатровъ, гдѣ жило 700 человѣкъ, ими управляло 7 мужей; всѣ они были бездѣтны и только у одного былъ лѣнивый и слабосильный сынъ. Въ одно утро онъ проснулся и увидѣлъ, что всѣ люди его племени умерли, а всѣ олени пропали. Онъ шелъ по пустынѣ несчастнымъ и безпомощнымъ, онъ падаетъ отъ усталости, грызетъ кости, обглоданныя уже собаками. Встрѣчаются ему люди, но безжалостные люди другихъ племенъ,

которые коварно и враждебно относятся къ нему, его бьютъ и нѣсколько разъ убиваютъ, каждый разъ, однако, его воскрешаетъ миѳическое существо—однорукій и одноглазый старикъ съ желѣзною палицей.

Неужели эта несчастная судьба долго будетъ преслѣдовать сибирскаго инородца и кто явится волшебнымъ старикомъ, сжалившимся надъ нимъ и пробудившимъ жизнь?

Изслѣдованія доказываютъ, что явленіе вымиранія и уменьшенія инородцевъ въ Сибири связано съ постояннымъ обѣдненіемъ инородческихъ племенъ, упадкомъ быта, обнищаніемъ и всѣми сопровождающими это явленіе бѣдствіями.

Обѣдненіе и жалкое состояніе оленеводовъ, сопряженное съ уменьшеніемъ оленя, замѣчается на всемъ сѣверѣ Сибири, начиная съ Мезенскаго края Архангельской губерніи, продолжая Березовскимъ краемъ, Туруханскимъ и кончая оленными чукчами. Кенанъ и Нейманъ одинаково свидѣтельствуютъ объ уменьшеніи оленей и бѣдствіяхъ, постигающихъ инородцевъ, какъ послѣдствія этого явленія (Нейманъ. «Историческій обзоръ дѣйствій Чукотской экспедиціи». Извѣст. Восточно-Сибирск. Отдѣл. Географич. Общества за 1871 г., вып. 3, №№ 4 и 5). Обѣдненіе и нищенское состояніе березовскихъ остяковъ было замѣчено уже Кастреномъ. Онъ положительно указываетъ на бѣдность остяковъ-рыболововъ, жизнь которыхъ все болѣе ухудшается подъ вліяніемъ упадка рыболовныхъ промысловъ и эксплуатаціи остяковъ русскими рыбопромышленниками. То же самое подтверждаетъ д-ръ Соколовъ въ своемъ санитарномъ описаніи Березовскаго округа. Г. Поляковъ, въ путешествіи на сѣверъ, удостовѣряетъ, что всѣ рыболовные пески на Оби захвачены русскими и что остяки и инородцы составляютъ кабальное рабочее сословіе, лишенное собственныхъ промысловъ [1]). Въ Нарымскомъ краѣ множество инородцевъ бросили звѣропромышленность и поступили въ работы къ купцамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ. Другіе всѣ переселились въ Тарскій округъ и поступили въ работы къ крестьянамъ. Тѣ васюганскіе инородцы, которые, обремененные большими семьями, не могли поступить въ работы, остались скитаться въ окрестностяхъ. «Надо видѣть—говоритъ очевидецъ—это несчастное семейство, которое должно жить подъ открытымъ небомъ, вырывъ подъ густымъ деревомъ яму въ снѣгу и устлавъ ее вѣтвями хвойнаго дерева. Эти бѣдняки въ своихъ рубищахъ кое-какъ отогрѣваютъ у костра свои закоченѣвшіе члены. Женщины разрѣшаются здѣсь отъ бремени

[1]) Поляковъ. Письма и отчеты о путешествіяхъ въ долину р. Оби. 74—76.

и, не имѣя пріюта и для прочихъ дѣтей, отогрѣваютъ только на холодной груди въ 45° мороза своего ребенка».

Инородцы въ кабалѣ у крестьянина гибнутъ и матеріально и нравственно (отзывъ Осипова о жизни въ Нарымскомъ округѣ). Г. Павловъ, путешествуя по Оби, описываетъ самое жалкое матеріальное положеніе инородцевъ [1]). Объ енисейскихъ остякахъ академикъ Миддендорфъ говоритъ слѣдующее: «Во всей Сибири я не видѣлъ такихъ жалкихъ кочевниковъ, какъ остяковъ у Бахтинскаго селенія. Въ лохмотьяхъ, дрожа отъ холода, они приходили ко мнѣ жаловаться, что имъ отпускаютъ очень мало хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ. Одинъ изъ видѣнныхъ инородцевъ перенесъ голодный тифъ и страдалъ еще болью въ икрахъ. Мнѣ разсказывали, говоритъ путешественникъ, что умирали не только отдѣльныя лица, но даже цѣлые чумы. Повторялась старинная исторія о гибели этихъ народовъ. Они погибали отъ соприкосновенія съ развитіемъ культуры, въ особенности съ наплывомъ золотыхъ пріисковъ и неизбѣжнаго съ ними разгула. Для инородцевъ были построены казенные хлѣбные магазины, но о возвратѣ займа не могло быть и рѣчи. Когда бѣднякамъ, съ каждымъ годомъ должавшимъ, прекратили выдачу продовольствія, они начали умирать съ голоду» (Путеш. на сѣверъ и востокъ Сибири. Ч. II, ст. 14, 659, 660). Бытъ караґасовъ, камчадаловъ, чукчей и прочихъ сѣверныхъ бродячихъ и кочующихъ инородцевъ представляется не лучшимъ. Д-ръ Альквистъ, изслѣдовавшій обстоятельно бытъ вогуловъ, удостовѣряетъ какъ уменьшеніе ихъ, такъ и полное обѣдненіе вслѣдствіе упадка промысловъ, болѣзней, пьянства и эксплуатаціи русскими. Наконецъ еще болѣе изумительную картину представляетъ уменьшеніе въ числѣ, отступленіе отъ культуры и обѣдненіе сибирскихъ осѣдлыхъ татаръ. Въ Тобольскомъ, Тарскомъ и друг. округахъ эти татары были до половины прошлаго столѣтія богатымъ сословіемъ Сибири, они были осѣдлы, имѣли земли и угодья, купленныя и жалованныя, занимались торговлей и обладали капиталами. Бытъ ихъ въ настоящее же время совершенно нищенскій, они лишились земель, представляютъ полудикое несчастное населеніе, почти сплошной пролетаріатъ. Несостоятельность ихъ признана оффиціально, и за ними въ Тобольской губерніи считалось 480.234 р. безнадежныхъ недоимокъ. Ихъ несостоятельность объяснялась упадкомъ промыс-

[1]) Обѣдненіе Нарымскаго края свидѣтельствуется паденіемъ пушной торговли. До 1844 г. отсюда вывозилось товара на 200.000 р., въ 1844 г.—30.000 р. и въ 1854 г.—на 13.000 р.

ловъ, неурожаями, пожаромъ лѣсовъ и уменьшеніемъ звѣря (Журналъ Главнаго Управл. Западной Сибири 1879 г., № 154). Въ заключеніе положеніе ихъ является въ настоящее время почти непоправимымъ. Земли у нихъ заложены крестьянамъ, земледѣліе ничтожное, скотъ выпалъ, и сами татары признаются лѣнивымъ и апатичнымъ населеніемъ. Въ подобномъ же положеніи находятся барабинскіе татары, бывшіе прежде также болѣе богатыми (см. о барабинскихъ татарахъ, князь Костровъ, а также Вагинъ, «Томск. губ. вѣдомости». Каинская Бараба). То же уменьшеніе и обѣдненіе татаръ происходитъ въ Томскомъ и Маріинскомъ округахъ. Въ 1868 году маріинскихъ татаръ считалось 2.439, а въ 1878 г.—1.870 человѣкъ. Ухудшеніе быта, при столкновеніи съ русской культурой, замѣчается, кромѣ того, не въ одной сѣверной и средней Сибири, но и среди южныхъ кочевниковъ. Такъ, бытъ алтайскихъ калмыковъ, все болѣе оттѣсняемыхъ русскимъ населеніемъ, по словамъ всѣхъ путешественниковъ и, наконецъ, по мѣстнымъ свидѣтельствамъ, не представляетъ ничего отраднаго. Было время, когда горные калмыки считались богатымъ скотоводческимъ народомъ,—стада ихъ были громадны. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ученый оріенталистъ и путешественникъ В. В. Радловъ видѣлъ еще въ Алтаѣ нѣкоторые признаки богатства и значительные табуны, но черезъ нѣсколько лѣтъ и они исчезли, перейдя въ руки русскихъ промышленниковъ. Русскіе люди, въѣзжая въ чернь лѣса, лишаютъ инородцевъ послѣднихъ средствъ пропитанія. Благосостояніе алтайскихъ калмыковъ, свидѣтельствуетъ исправникъ Замятинъ, въ послѣднее время сильно пострадало, такъ что весьма уже рѣдко встрѣчается калмыкъ, который имѣетъ большое количество скота (Памятная книжка Томск. губ., 1871 г., стр. 236).

То же паденіе быта свидѣтельствуютъ и другіе путешественники. «Ни купецъ, ни миссіонеръ, ни чиновникъ не спасъ алтайца отъ обѣдненія», говоритъ авторъ примѣчаній къ Риттерову Землевѣдѣнію Азіи.

Посѣтивъ Алтай въ 1878 и 1880 годахъ, мы сами убѣдились, что бытъ калмыковъ и черневыхъ татаръ не улучшается, а ухудшается. Русское населеніе все болѣе вторгается въ Алтай, множество волостей и русскихъ селеній раскидано на мѣстѣ бывшихъ кочевій. Крестьяне поставили въ калмыцкихъ земляхъ пасѣки, купцы—заимки и магазины для склада орѣховъ. Стада забраны за долги и перешли къ купцамъ; на цѣлые десятки верстъ не встрѣчается инородческихъ табуновъ,—они принадлежатъ торговцамъ и крестьянамъ, хотя и пасутся калмыками. Огромное

Тип. Ф.А. Гоппе.

Киргизъ.

количество бѣдняковъ нынѣ наполняетъ кочевья и лѣса, и даже въ пустынныхъ мѣстахъ, какъ около Телецкаго озера и на Чулышманѣ, мы не видѣли среди инородцевъ ничего, кромѣ бѣдности.

Тѣ же признаки обѣдненія и упадка хозяйства замѣчаются и среди киргизскаго населенія, обладавшаго огромнымъ количествомъ скота. Съ нѣкотораго времени падежи скота и безкормица все чаще посѣщаютъ киргизскія степи. Бѣдствіе киргизской степи «джутъ», гибель скота во время гололедицы, довершаетъ опустошеніе. Какъ обширны эти падежи, можно судить по тому, что въ 1876 г. у киргизъ-кочевниковъ Западной Сибири пало 173.998 штукъ скота, а по отчету мѣстнаго ветеринара въ Семипалатинской области ежегодно падаетъ отъ различныхъ болѣзней до 200.400 головъ (Очерки санитарнаго состоянія Западной Сибири 1880 г., стр. 239). Въ 1879 году безкормица въ степи и падежи такъ были велики, что на Туркестанско-Оренбургскомъ трактѣ не было уже лошадей и ѣзда прекратилась. Падежи скота ведутъ за собой обѣдненіе и полное разореніе кочевниковъ.

Въ общемъ трудно не замѣтить, что инородческое населеніе начинаетъ представлять сплошной пролетаріатъ, надъ будущимъ котораго стоитъ задуматься. Несомнѣнно, что всѣ внѣшнія проявленія голода, болѣзни, уменьшеніе плодовитости и самое вымираніе, за устраненіемъ древняго фактора воинственнаго истребленія, суть результаты только постепеннаго паденія быта и ухудшающагося экономическаго состоянія инородцевъ. Фактъ этотъ является на столько общимъ и очевиднымъ, что не можетъ не возбуждать вниманія всѣхъ изслѣдователей [1]).

Существуютъ свидѣтельства, что инородцы въ прежнее время менѣе бѣдствовали, когда у нихъ было болѣе стадъ и угодьевъ для промысла. Правда, они не были на высокой степени культуры, но они были сыты. Добычи звѣря, пушнины и рыбы такъ было достаточно въ древней Сибири, что инородцы роскошно, по-своему, удовлетворяли своей потребности защиты отъ холода. Когда-то вышли остяки на встрѣчу русскимъ въ бобрахъ и соболяхъ, что и возбудило въ послѣднихъ зависть и жажду къ наживѣ насчетъ дикарей. Питательныхъ продуктовъ, благодаря заповѣднымъ нетронутымъ лѣсамъ, которыхъ не коснулся огонь сибирскихъ пловъ, и благодаря свободному промыслу на рѣкахъ,

[1]) Инородцы въ XIX столѣтіи Шашкова, Сибирскіе инородцы и некультурныя расы Потанина, изслѣдованія Щапова о Сибири, Радловъ объ Алтаѣ, Поляковъ объ остякахъ, Миддендорфъ объ остякахъ и тунгусахъ и т. д.

было вдоволь. Оленеводство на сѣверѣ не было еще убито; впослѣдствіи, съ погрома казаковъ, оно уже не поправлялось. Кочевья южныхъ инородцевъ занимали гораздо большія пространства, чѣмъ нынѣ: калмыки и киргизы кочевали до Томска и Красноярска, наконецъ, по Тоболу, Ишиму и Иртышу. Среднюю Сибирь съ лучшими угодьями занимали татары. Исторія и памятники убѣждаютъ, что если инородцевъ въ Сибири было не болѣе, то, во всякомъ случаѣ, они раскидывались шире и свободнѣе, чѣмъ нынѣ. Отзывы историковъ и путешественниковъ о жизни инородцевъ въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтій показываютъ, что древній бытъ ихъ былъ гораздо обезпеченнѣе настоящаго. Все это говоритъ, что фактъ обѣдненія инородцевъ, упадокъ ихъ промысловъ и постигающее ихъ вымираніе есть фактъ позднѣйшей исторіи и современнаго ихъ положенія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прослѣдить и сообразить ту сумму историческихъ вліяній и всѣ тѣ измѣненія въ инородческой жизни, которыя произошли со времени покоренія Сибири.

Прежде всего намъ приходится обратить вниманіе на то, что раіонъ размѣщенія инородцевъ не остался тотъ же самый, какъ до пришествія русскихъ; онъ все болѣе и болѣе съуживался и, наконецъ, явился довольно ограниченнымъ въ то время, когда населеніе инородцевъ не могло не увеличиваться въ общей суммѣ. Раіонъ же промысловъ, при занятіи края русскимъ населеніемъ, все болѣе отодвигался и ограничивался. Само собою, что большинство лучшихъ земель и угодьевъ перешли къ русскому населенію. Точно также какъ въ Америкѣ индѣйцы отодвигаются на западъ, такъ инородческія племена Сибири отодвинуты на сѣверъ и на югъ, небольшіе же оазисы и клочки инородческаго населенія внутри Сибири замкнуты русскимъ населеніемъ. Понятное дѣло, что съ уменьшеніемъ земельнаго раіона для звѣроловства, охоты, рыбной ловли, съ сокращеніемъ пастбищъ и уменьшеніемъ возможности передвиженія, сокращались и средства пропитанія. Это первое. Второе, самыя территоріи, куда инородцы были оттѣснены и гдѣ они по необходимости должны были размѣщаться, далеко не всегда по климатическимъ, топографическимъ и физическимъ условіямъ соотвѣтствовали тѣмъ мѣстамъ, которыя они прежде занимали. Весьма разнится перемѣщеніе и переселеніе добровольное, по выбору, отъ перемѣщенія по необходимости; поэтому многія инородческія племена могли не найти ни тѣхъ удобствъ жизни, ни того естественнаго богатства и изобилія природы, какимъ прежде пользовались. Нечего говорить, что сѣверъ Сибири и полоса тундръ были менѣе гостепріимны,

чѣмъ лѣсная и средняя полоса Сибири, солонцеватая и голая степь бѣднѣе для пастбищъ, чѣмъ степи и луга близъ большихъ рѣкъ и озеръ, занятыхъ русскими.

Инородцу приходилось пріучаться, приноровляться къ новому климату и условіямъ не постепенно, но сразу—вотъ начало того экономическаго кризиса, который мы разсматриваемъ. Процессъ оттѣсненія инородцевъ и ограниченіе ихъ раіона продолжается вмѣстѣ съ успѣхами колонизаціи, расчисткой лѣсовъ, занятіемъ устьевъ рѣкъ, долинъ и т. д. Мало того, угодья инородцевъ не остались неприкосновенными и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя составляютъ, повидимому, кругъ ихъ раіона. Русскія колоніи не оставили инородческаго раіона, мы видимъ поселенія русскихъ промышленниковъ и торговцевъ на крайнемъ сѣверѣ, въ Обдорскѣ, въ Березовѣ, въ Самаровѣ, въ Нарымѣ и другихъ мѣстахъ. На югѣ колонизація вторглась въ калмыцкій раіонъ, средина Алтая занимается пасѣками и заимками, въ киргизской степи лучшія земли взяты въ собственность казачьяго войска. По отношенію къ распредѣленію землевладѣнія замѣчается повсюду фактъ перехода лучшихъ земледѣльческихъ угодій, луговъ, сѣнокосовъ, наконецъ, рыбныхъ ловель къ русскимъ.

Затѣмъ, намъ приходится обратить вниманіе на истощеніе естественныхъ запасовъ и продуктовъ природы, которыми питался дикарь. Нынѣ фактъ уже несомнѣнный, что звѣрь уничтоженъ во многихъ мѣстахъ Сибири, въ другихъ мѣстахъ онъ остается въ ничтожномъ количествѣ, — «неурожаи» звѣря чаще и чаще встрѣчаются. Уменьшеніе это совпадаетъ съ заселеніемъ края, съ истребленіемъ и выжиганіемъ лѣсовъ, которое водворилось и вошло въ обыкновеніе съ пришествіемъ русскихъ, наконецъ, съ усиленной эксплуатаціей звѣря, рыбы и всякихъ другихъ продуктовъ. Напряженіе силъ инородцевъ, между тѣмъ, явилось большее, отлучки становились опаснѣе, изнеможеніе чувствовалось сильнѣе. Ранѣе инородецъ, безъ особаго труда добывая себѣ извѣстное количество звѣря и рыбы, употреблялъ ихъ на собственныя нужды и болѣе ему ничего не требовалось. Теперь онъ обязанъ былъ добыть извѣстное количество звѣря для себя и семьи, затѣмъ, для оплаты ясака и всѣхъ поборовъ, какими его облагали для того, чтобы откупиться отъ притѣсненій, завоевать себѣ безопасность; но и этого мало: онъ теперь напрягаетъ всѣ усилія добыть возможно болѣе по требованію рынка. Онъ становится рабомъ этого рынка или торговли, которая импульсируетъ, побуждаетъ инородца къ большему истребленію царствъ природы, не заботясь о будущихъ средствахъ его пропитанія.

*

Истощая одинъ промыселъ, инородецъ переходитъ къ другому; такіе переходы въ занятіяхъ племенъ не подъ вліяніемъ культуры, а чисто подъ вліяніемъ случайныхъ жизненныхъ условій, весьма капризны. Оленеводъ часто, обѣднѣвъ, дѣлается рыболовомъ, также какъ охотникъ-рыболовъ, передавъ рыбныя угодья, бросается въ лѣса, инородецъ часто отъ высшихъ привычекъ жизни переходитъ къ низшимъ. Выловивъ звѣря, онъ истощаетъ рыбные запасы, все это продаетъ за безцѣнокъ и ни мало не окупаетъ свою жизнь. Онъ, добывающій и соболей, и чернобурыхъ лисицъ, бобровъ и горностаевъ, носящій у груди своей драгоцѣннѣйшіе мѣха, не въ состояніи обогрѣться и мерзнетъ въ тундрахъ, коченѣетъ отъ холода въ лѣсахъ; вылавливая огромныхъ осетровъ, нельмъ, щукъ, семгу, налимовъ и стерлядей, онъ страдаетъ нерѣдко отъ голода и съѣдаетъ своихъ собакъ. Что можетъ быть изумительнѣе! Но тѣмъ не менѣе это такъ, потому что рынокъ беретъ у него все, но не удовлетворяетъ его потребностямъ.

Вкусы и требованія дикаря создаются подъ вліяніемъ особыхъ законовъ. Онъ увлекается часто предметами и произведеніями не столько утилитарными, обезпечивающими его жизнь, совершенствующими и направляющими ее къ лучшему, сколько потакающими его страсти и дѣтскому увлеченію. Чаще всего дикарь обольщается блестящими, но дешевыми игрушками, украшеніями, какъ дитя, за которыя готовъ отдать лучшія произведенія своего труда, что его ставитъ въ весьма невыгодныя условія. Затѣмъ онъ ищетъ минутнаго удовлетворенія ощущеній и страстей; всякій наркозъ, будь то табакъ, вино или опіумъ, для него является соблазнительнымъ и развиваетъ въ немъ страстное влеченіе и губительную привычку. Торговля въ этомъ случаѣ плохой руководитель жизни; она предлагаетъ то, что соблазительнѣе, но не то, что полезнѣе, и мало заботится о послѣдствіяхъ.

Собственно нормальныхъ условій торга съ инородцами никогда и нигдѣ не существуетъ. Если, съ одной стороны, передъ нимъ является богатый рынокъ съ своею разнообразною мануфактурою, окрѣпшею подъ вліяніемъ цивилизаціи, то дикарь является невооруженнымъ сырьевщикомъ. Покупатель располагаетъ денежными знаками, мѣновыми цѣнностями, кредитомъ, наконецъ, массой товаровъ, у него цѣлая экономическая армія со всѣми родами войскъ, съ цѣлой торговой стратегіей; у дикаря ничего, кромѣ убогаго его продукта. Онъ получаетъ и товаръ, и деньги, онъ обязывается долгомъ покупателю и чувствуетъ отъ него полную зависимость. У представителя рынка болѣе ума, знанія,

хитрости и, главное, безцеремонности, кодексъ нравственности у него вычеркнутъ, хотя онъ и является подъ маской благодѣтеля; инородецъ выходитъ съ открытой душою, простодушіемъ дикаря и первобытной дѣтской честностью. Замѣчено, что если торговцы допускаютъ всевозможные начеты и обманы, то инородецъ старается честно платить долги, не подозрѣвая, что они записаны двойнымъ мѣломъ. Самые худшіе элементы цивилизаціи группируются около дикаря съ цѣлью наживы. Все это ставитъ обмѣнъ въ самыя невыгодныя условія. Европейскій рынокъ поэтому дѣлаетъ инородца рабомъ, но не поднимаетъ его экономической и культурной жизни. Силу и могущество этого рынка хорошо сознаютъ высшія расы и цивилизаторы. Достаточно англичанамъ было забросить въ глухія мѣста Азіи и Америки красный европейскій платокъ, и участь дикаря была рѣшена. Потребность развита, а съ этимъ создана и зависимость,—зависимость крѣпчайшая, чѣмъ зависимость отъ силы и оружія. Теперь сознано, что во всѣхъ странахъ дикарей европейская торговля, при существующихъ пріемахъ эксплуатаціи, народила чуть-ли не болѣе зла, чѣмъ добра. Эксплуатація, разоренія и опустошенія, произведенныя ею, стоятъ предшествовавшихъ войнъ. Сибирскіе дикари, обставленные еще болѣе грубыми и безцеремонными торговцами, не избѣгли своей участи. Познакомясь съ хлѣбомъ, водкою, табакомъ, порохомъ, желѣзомъ, они постоянно требуютъ ихъ; но, получая эти предметы по неимовѣрной цѣнѣ, истощили всѣ средства, перепродали всѣ продукты свои, но потребность осталась неудовлетворенною и они остаются въ положеніи умирающаго Тантала. Вотъ источникъ экаиомическихъ бѣдствій. Въ результатѣ явился весьма странный фактъ. По словамъ путешественниковъ и изслѣдователей, тѣ инородцы чаще терпятъ бѣдствія, которые ознакомились съ хлѣбомъ. Докторъ Соколовъ приводитъ, что березовскіе инородцы прежде питались оленьимъ мясомъ, молокомъ и рыбьимъ жиромъ; пища эта, имѣя азотистыя вещества и углероды, была здоровѣе. Нынѣ же хлѣбъ, доставляемый промышленниками, самаго дурнаго качества, мука затхлая, что, часто не удовлетворяя питанію, развиваетъ болѣзни. Самоѣды, оставшіеся при животной пищѣ, здоровѣе остяковъ. Миддендорфъ говоритъ то же о тунгусахъ, для которыхъ были созданы хлѣбные магазины. Когда отпускали хлѣбъ въ долгъ, инородцы брали его, но не могли оплатить долга; когда перестали отпускать хлѣбъ, они начали вымирать. Казенные хлѣбные магазины создали наживу для вахтеровъ, обогащавшихся продажею хлѣба инородцамъ по произвольной цѣнѣ; та же продажа въ рукахъ торговцевъ приносила не меньшія злоупотребленія. Въ томъ и другомъ случаѣ ре-

зультаты явились плачевные. Бѣдность сидячихъ чукчей и инородцевъ сравнительно съ кочевыми оленеводами свидѣтельствуется Нейманомъ, американцемъ Кенаномъ и докторомъ Шперкомъ (Топографо-патологическіе очерки Восточной Сибири). Многіе тунгусы, остяки, чукчи, послѣ истребленія оленя, перешли къ рыболовству и сдѣлались осѣдлыми рыболовами. Положеніе сидячаго—признакъ полной нищеты и бѣдности, положеніе это презирается. Иные отъ скотоводства переходятъ назадъ къ звѣроловству. Такимъ образомъ у инородцевъ является регрессъ въ жизни и развитіи, какъ слѣдствіе обѣдненія,—фактъ, указанный уже Тейлоромъ (см. Доисторическій бытъ человѣка и начало цивилизаціи, ст. 246). Въ Киргизской степи люди, потерявшіе скотъ, также дѣлаются осѣдлыми, но это не признакъ культурнаго развитія—это послѣдняя степень бѣдности. Рѣзче всего бросается въ глаза тотъ фактъ, что снабженіе хлѣбомъ и казеннымъ порохомъ инородцевъ не только не подняло ихъ быта, но, создавъ новыя привычки, въ концѣ сдѣлало ихъ положеніе безъисходнымъ [1]).

Въ жизни инородцевъ, при уменьшеніи угодьевъ и промысловъ и съ развитіемъ потребностей, осуществился тотъ безжалостный законъ, который превысилъ ихъ потребности надъ способами и средствами пропитанія; при ухудшающихся условіяхъ жизни и при первобытной культурѣ, инородецъ поставленъ искусственно въ такія условія, что не въ состояніи окупить своего существованія. Вотъ гдѣ лежитъ ключъ къ общимъ его бѣдствіямъ. Разсматривая эти сложныя причины ухудшенія быта, обѣдненія, голода и совершающагося вымиранія, мы должны придти къ заключенію, что причины эти лежатъ далеко не въ однихъ физическихъ условіяхъ и не въ свойствѣ расъ, но всѣ бѣдственныя условія ихъ, какъ болѣзни, заразы, эпидеміи и т. п. несчастія, есть результатъ безъисходныхъ окружающихъ обстоятельствъ, ухудшенія экономическаго положенія и безпомощной жизни инородцевъ. Сообразно съ этимъ предстоитъ, въ предупрежденіе вымиранія, позаботиться объ улучшеніи быта и экономическомъ положеніи населенія, обезпечивъ его въ смыслѣ гражданскихъ правъ отъ вторженія всякаго насилія. Весьма видную роль въ улучшеніи быта инородцевъ должно было бы играть наше культурное вліяніе. Несомнѣнно, что успѣхи наши въ распространеніи культуры были бы сильнѣе, если бы знали лучше бытъ и положеніе нашихъ инородцевъ.

---

[1]) Шашковъ. Положеніе инородц. въ XIX ст., стр. 259. Нарымскіе инородцы, Сибир. газета. Путешествіе по Восточной Сибири Миддендорфа.

Намъ предстоитъ далѣе разсмотрѣть гражданскія условія существованія инородцевъ на Востокѣ и тотъ рядъ законодательныхъ мѣръ, которыми правительство стремилось дать имъ извѣстныя права. Съ самаго покоренія Сибири правительство признавало необходимымъ оказывать покровительство завоеваннымъ народамъ, указы твердили воеводамъ, чтобы они обращались «*кротко*» съ покорившимися и служилымъ людямъ повелѣвалось «приказывать накрѣпко, чтобы они, ходя за ясакомъ, ясачнымъ людямъ напрасныхъ обидъ и налоговъ отнюдь никому не чинили, а собирали бы съ нихъ ясакъ ласково и привѣтомъ» [1]). Идея покровительства и заботы объ инородцахъ еще рѣзче выступаетъ въ наказахъ Екатерины II, которая смотритъ на Сибирь, какъ на инородческую колонію и русскую Индію, гдѣ необходима либеральная колоніальная политика. Общечеловѣческіе идеалы XVIII столѣтія заставляютъ ее смотрѣть на міръ, а также и на имперію, какъ на арену, гдѣ должны примириться всѣ племена. Въ это время императрица простираетъ свое вниманіе до вызова инородцевъ-дикарей ко двору, до покровительства бухарцамъ въ Сибири, предоставленія имъ многихъ привилегій, какъ торговому сословію, и водруженію нѣкоторыхъ символовъ инородческаго царства. Въ своихъ указахъ Екатерина II является настоящею защитницею и покровительницею обиженныхъ инородцевъ. Взглядъ этотъ выразился довольно опредѣленно въ указѣ по поводу посылки маіора Щербачева для переписи инородцевъ въ 1763 г. «Монаршимъ нашимъ словомъ обнадеживаемъ—говорилось въ этомъ указѣ—что не только всѣ подвластные подданные наши ясачные, равнымъ образомъ и впредь въ Имперію нашу и въ подданство приходящіе, содержаны будутъ въ желаемомъ спокойствіи, почему мы всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ повелѣваемъ съ оными ясачными обходиться ласково, показывая имъ всякое доброхотство и не чиня имъ не только какихъ-либо притѣсненій, обидъ, грабительствъ, но ниже малѣйшихъ убытковъ; если же кто за симъ нашимъ Монаршимъ повелѣніемъ дерзнетъ чинить ясачнымъ народамъ нашимъ грабительства и разоренія, а отъ ясачныхъ въ учрежденныхъ отъ насъ правительствахъ принесены будутъ намъ на кого во взяткахъ и въ прочемъ тому подобномъ жалобы, то повелѣваемъ наистрожайше слѣдовать и съ винными поступать по законамъ, а обидимыхъ по справедливости защищать безъ промедленія малѣйшаго времени, о чемъ сей нашъ манифестъ по всей Сибирской губерніи публиковать во всенародное извѣстіе» (Манифестъ 1763 г.

[1]) Истор. Соловьева, т. VII, 390, 391, т. IX, 430, 431.

іюня 13 дня). Вмѣстѣ съ тѣмъ при Екатеринѣ II за осѣдлыми инородцами было весьма много укрѣплено земель. Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ государей не получилъ примѣненія въ Сибири. Въ 1763 г. усчитано было число инородцевъ въ 186.000 чел. и положенъ окладъ 165.000 р. Притѣсненія инородцевъ между тѣмъ не уменьшились, не смотря на внушенія правительства, окладъ продолжалъ оставаться не измѣненнымъ до Сперанскаго, т. е. до 1822 г., или, скорѣе, до новой ясачной коммисіи; между тѣмъ число инородцевъ во многихъ мѣстахъ измѣнилось. Такъ, въ Туруханскомъ краѣ вымерло отъ голода и болѣзней до $^3/_4$ инородческаго населенія, тогда какъ остальные должны были нести весь окладъ [1]).

Уложеніе объ инородцахъ Сперанскаго въ 1822 г. пытается ввести порядокъ въ управленіе инородцевъ, раздѣлить ихъ на разряды по образу жизни и дать имъ нѣкоторыя гарантіи самоуправленія, образовать инородныя думы, управы и т. д. Но и этотъ уставъ, замѣчательно доброжелательный по духу, не могъ осуществиться и повелъ точно также только къ недоразумѣніямъ. Прежде всего едва-ли какая-либо классификація могла быть сдѣлана безъ точнаго изслѣдованія быта инородцевъ однимъ канцелярскимъ путемъ. Еще болѣе явилось произвола при осуществленіи этого устава и зачисленіи инородцевъ въ разряды. Эти недостатки въ регламентаціи были обнаружены въ 1828 г. новою ясачною коммиссіею. Ясачная коммиссія старалась только поправить разряды и установить новый опредѣленный окладъ. Этотъ окладъ по переписи 1835 года остается неизмѣннымъ и доселѣ, а законодательство для инородцевъ, созданное Сперанскимъ, продолжаетъ существовать болѣе полустолѣтія въ нашемъ сводѣ законовъ. Не смотря на его благія желанія урегулировать управленіе инородцевъ и дать имъ нѣкоторые права и законы, этотъ уставъ рѣшительно не привился на дѣлѣ въ Сибири. Духъ его остался непонятымъ, не усвоеннымъ, а бытъ инородцевъ остается въ томъ же, если не худшемъ, видѣ, чѣмъ до устава Сперанскаго 1828 г. Уступки инородческому обычному праву не оказали никакихъ гарантій. Древнее самоуправленіе исчезало, старый общественный союзъ разрушался, новый не создавался, и инородцы представляли стадо, запуганное земской полиціей. Тамъ, гдѣ инородцы обязывались организовать волости, тамъ все вручалось присланному писарю, который и являлся хозяиномъ и посредникомъ волости съ властью. Распоряженія такихъ писарей инородческою судьбою вели только къ массѣ злоупотребленій и поборамъ. Инородческая волость явилась подчи-

[1]) Шашковъ, Положеніе инородцевъ. Ист. этюды, стр. 174.

ненною на дѣлѣ однимъ земскимъ засѣдателямъ, власть которыхъ явилась безконтрольною. Это давленіе земской полиціи, ея безцеремонный характеръ, низкое развитіе, ограниченное содержаніе въ Сибири и своекорыстныя стремленія не позволили водворить ни малѣйшаго порядка и справедливости въ волостяхъ, а создали многочисленныя злоупотребленія, безотчетные поборы, практикуемый произволъ, жестокія наказанія, нечеловѣчное обхожденіе съ инородцемъ, уничтожали всякіе слѣды законности. Вдали отъ надзора мелкіе исполнители и земская полиція съ своими нравами дискредитировали такимъ образомъ лучшія намѣренія правительства. Сибирскіе засѣдатели и исправники до послѣдняго времени свирѣпствуютъ въ инородческихъ волостяхъ; ни указы государей, ни законодательство, ни гуманный уставъ Сперанскаго, ни страхъ закона, ни внушенія человѣческой совѣсти не могли защитить, оградить инородца и заставить уважать его человѣческія права. При отсутствіи знанія инородческаго быта, распредѣленія инородцевъ и движенія населенія переписка объ устройствѣ инородческихъ волостей и общественнаго управленія продолжалась нѣсколько десятковъ лѣтъ, но, къ сожалѣнію, отъ неумѣнія организовать это дѣло, не привела ни къ чему. «Въ теченіе 40 лѣтъ дѣло это ограничивалось мертвой канцелярской перепиской и не заключаетъ ничего, чтобы можно было сдѣлать заключеніе о томъ, что и какъ слѣдуетъ учредить между инородцами». Таковъ былъ оффиціальный приговоръ этого дѣла [1]). «Въ основѣ административныхъ началъ—говоритъ журналъ Томской казенной палаты—долженъ лежать бытъ народа, т. е. его нравы, обычаи, образъ жизни, степень развитія, а равно и мѣстныя условія; чтобы безошибочно опредѣлить, какой порядокъ управленія свойственнѣе и полезнѣе для инородцевъ, необходимо знать ихъ прошедшее и настоящее, и для этого необходимъ умъ пытливый, наблюдательный, дѣятели научные и привычные къ такого рода трудамъ; между тѣмъ изъ 40-лѣтней переписки видно, что столь серьезный трудъ возлагался на земскую полицію, на земскихъ засѣдателей, у коихъ не было ни времени, ни умѣнья взяться за это дѣло какъ слѣдуетъ, почему весь трудъ заявлялся въ мертвой канцелярской отпискѣ бумагъ, парализовавшей всѣ распоряженія мѣстной высшей власти». Но вслѣдъ за вопросомъ управленія, является не менѣе серьезнымъ и, пожалуй, болѣе важнѣйшимъ вопросъ податнаго обложенія инородцевъ. Ясачные сборы причиняли съиздавна не мало безпорядковъ и служили поводомъ къ ухудшенію быта ино-

[1]) Журналъ Томской казенной палаты по 1864 г.

родцевъ. Ясачные сборы съ инородцевъ мѣхами стали съ перваго же раза, благодаря недобросовѣстности сборщиковъ, тягостью и разореніемъ для инородцевъ; не смотря на огромные поборы, за инородцами все-таки показывались недоимки. Вслѣдъ за покореніемъ Сибири въ 1596 г., мы находимъ свѣдѣнія объ обремененіи пелымскихъ и нарымскихъ инородцевъ сборами, вслѣдствіе чего уменьшены съ нихъ сборы ясака и прощены недоимки. Тѣ же явленія продолжаются во все послѣдующее время, инородцы жалуются на разореніе, насилія надъ ними; правительство приказываетъ, по возможности, щадить инородцевъ и взыскивать одну только подать, но никакія мѣры и самое прощеніе недоимокъ не помогаетъ. Въ 1763 г. составляется Щербачевымъ перепись инородцевъ и на инородческое населеніе въ 186.000 налагается ясачный окладъ въ 165.000 рублей; окладъ этотъ не могъ быть обременительнымъ, если бы, во-первыхъ, онъ взыскивался только въ опредѣленномъ казною количествѣ, во-вторыхъ, болѣе соотвѣтственно съ количествомъ рабочихъ душъ. Но съ 1763 г. въ бытѣ инородцевъ произошли замѣчательныя потрясенія и измѣненія, а окладъ этотъ оставался тотъ же до 1824 г.

Съ распредѣленіемъ инородцевъ въ новые разряды и съ переводомъ нѣкоторыхъ въ число осѣдлыхъ, соотвѣтственно уставу Сперанскаго, положеніе дѣлъ не только не улучшается, но податная система легла еще тяжелѣе. Многіе изъ инородцевъ, не смотря на осѣдлость, къ этому времени совершенно были разорены. Платя до 1824 г. по 1 р. 50 к. съ души, съ этого года, съ перевода въ разрядъ осѣдлыхъ поселянъ, съ нихъ послѣдовало обложеніе въ 11 р. съ души, да по стольку же за умершихъ съ ревизіи 1816 г. Все это привело къ тому, что съ инородцевъ тобольскихъ, вмѣсто прежняго оклада въ 127.819 р. съ 1824 по 1832 г. пришлось денежной повинности за 8 лѣтъ взыскать 1.359.845 р. Инородцы смогли уплатить въ счетъ этой громадной суммы всего 735.397 р., слѣдовательно, въ недоимкѣ за ними состояло 624.648 р.; въ такомъ же положеніи очутились и другіе осѣдлые инородцы. Хотя ясачныя коммиссіи обнаружили всю несоразмѣрность, всю тяжесть обложенія и открыли при этомъ много несправедливостей, тѣмъ не менѣе онѣ не могли улучшить быта инородцевъ и сократить оклады. Напротивъ, послѣ ясачной коммиссіи въ общемъ сумма сборовъ возвысилась. Такъ, инородцы съ 1835 г. по обложенію вмѣсто прежнихъ 146.460 р. 55 к. стали платить 525.162 р. 99 к. Злоупотребленія при сборѣ ясака не уменьшались; кромѣ того на нихъ наложены были новыя повинности. Резолюціи и заключенія, къ которымъ пришла ясачная коммиссія, были, однако, замѣча-

тельны. Коммиссія ходатайствовала о сложеніи недоимокъ, «такъ какъ взыскать ихъ было невозможно, не доведя инородцевъ до совершеннаго разоренія». Недоимки по 1 января 1832 г. были такимъ образомъ прощены «по уваженію разстроеннаго состоянія инородцевъ отъ обременительной экзекуціи и другихъ допущенныхъ злоупотребленій», какъ сказано въ указѣ сената генералъ-губернатору Западной Сибири. Но и за такимъ важнымъ облегченіемъ осѣдлые инородцы не въ состояніи были платить полнаго крестьянскаго оклада, поэтому предположено было для нихъ въ продолженіи десяти лѣтъ съ 1840 по 1850 платить $^2/_3$ крестьянскаго оклада; а съ 1 января 1850 года полный окладъ. Не смотря на сдѣланныя облегченія и льготы, а также не смотря на то, что нѣкоторыя изъ осѣдлыхъ управъ доселѣ обложены податью только въ количествѣ 4 руб. 41 коп. (осѣдлыя волости татаръ Томской губерніи), недоимки не только не уменьшились, но возрасли. Такъ, съ 1850 г. по 1860 г. увеличились недоимки у тѣхъ же тобольскихъ осѣдлыхъ татаръ и томскихъ. Недоимки эти въ 1875 г. по 4 округамъ равнялись 480.234 рублямъ. Накопившіяся недоимки взыскиваются обыкновенно самымъ безпощаднымъ образомъ, продажею имущества инородцевъ, отдачею ихъ въ заработки промышленникамъ и только по истощеніи всѣхъ средствъ, они представляются къ сложенію, то-есть, когда разореніе достигло крайнихъ предѣловъ; наконецъ, что еще важнѣе, самые оклады взыскивались всегда не въ положенномъ казною размѣрѣ, но въ гораздо высшемъ, часто суммы, взысканныя съ инородцевъ, оставались въ рукахъ сборщиковъ и засѣдателей, а на нихъ отмѣчались недоимки. Подобные двойные сборы, какъ причина недоимки, не всегда было удобно объяснять мѣстному начальству; но несомнѣнно они играли значительную роль. Что касается общихъ повинностей, налагаемыхъ на инородцевъ, то они такъ были тяжелы, что инородцы закладывали свои угодья и нанимали для выполненія ихъ русскихъ. Мірскіе расходы ложились на инородцевъ большею тяжестью, чѣмъ самыя подати.

Что касается ясачнаго сбора съ кочевыхъ инородцевъ, то окладъ этотъ могъ быть точно также не обременительнымъ, если бы только онъ не отражался въ увеличенныхъ сборахъ и въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыми сопровождалось внесеніе ясака мѣхами. Правительство, желая облегчить инородцамъ внесеніе подати, въ виду недостатка денежныхъ знаковъ, предоставило имъ вносить мѣха, которые шли въ доходъ Кабинета Его Величества, но сборъ мѣховъ съиздавна былъ поводомъ для злоупотребленій въ Сибири. Не смотря на то, что инородцамъ предоставляется вносить ясакъ

въ казначейство деньгами, на практикѣ является, что инородцы, напуганные чиновниками, что ихъ запишутъ въ осѣдлый окладъ, предпочитаютъ вносить мѣхами; между тѣмъ постоянное уменьшеніе звѣря въ Сибири и его «неурожаи» ставятъ инородцевъ въ большое затрудненіе. Самые цѣнные мѣха, въ большинствѣ случаевъ, покупаются у торговцевъ, которые пользуются случаемъ взять съ инородцевъ высшія цѣны; соболь покупается въ 15 и 25 рублей, когда въ казну сдается по 3 рубля. Затѣмъ, сборъ въ волости производится обыкновенно звѣриными шкурами съ юрты, причемъ сбираются князьями и зайсанами не по оцѣнкѣ, а произвольно; здѣсь должны войти всѣ расходы по поѣздкѣ сборщиковъ въ городъ, на переводчиковъ, на сношеніе съ властями. При сдачѣ ясака, во избѣжаніе злоупотребленій, законъ предполагалъ для бо̀льшихъ гарантій создать взносъ въ особомъ составномъ присутствіи изъ казначея, исправника, стряпчаго и т. д. Но это повело только къ тому, что въ пріемѣ ясака явилось болѣе лицъ заинтересованныхъ. Удивительно, что при всей требовательности, съ какою относятся пріемщики, при огромной стоимости ясака для инородцевъ, результаты явились совершенно неожиданные. Въ Кабинетъ доставлялись мѣха худшаго качества и вся вина сваливалась на несчастныхъ инородцевъ. По поводу дурнаго взноса ясака не разъ Кабинетомъ начинались переписки; мѣстное начальство изыскивало причины ухудшенія лова звѣря, но истинной причины какъ будто бы не открывало. Такимъ образомъ, не смотря на ничтожный окладъ въ 1 р. и 1 руб. 50 коп. съ души, сборы съ кочевыхъ инородцевъ удесятерялись. Недоимки на кочевыхъ инородцахъ были также часты; а между тѣмъ, земскіе чиновники составляли себѣ состояніе въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Такія злоупотребленія, какъ мы убѣдились обзоромъ инородческаго раіона, продолжаютъ существовать. Къ этому же присоединилось образованіе волостей, содержаніе писарей въ кочевыхъ раіонахъ, которые внесли не столько порядка въ управленіе, сколько новые незаконные поборы. Въ такомъ свойствѣ податной системы лежитъ одна изъ видныхъ причинъ инородческаго обѣдненія и разоренія. Податный вопросъ, такимъ образомъ, заслуживаетъ наиболѣе вниманія, тѣмъ болѣе, что оклады инородцевъ остаются неизмѣнными съ 1835 г., а современная платежная способность инородцевъ не выяснена. Система взиманія ясака и преобразованіе его въ денежный сборъ, въ устраненіе существующихъ злоупотребленій, составляетъ также очередную задачу. Какъ попытки введенія правильнаго управленія среди инородцевъ, такъ и опека правительства въ огражденіе инородцевъ отъ притѣсненій, злоупо-

требленій, а также заботы объ обезпеченіи продовольствія инородцевъ въ моменты тяжкихъ бѣдствій, къ сожалѣнію, не привели къ должному результату. Правительство съиздавна запрещало ввозъ вина въ стойбища инородцевъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Сибирскій комитетъ въ 1830 году запрещаетъ ввозить къ самоѣдамъ даже лекарства, настоянныя на винѣ. Тѣмъ не менѣе, винная продажа вездѣ проникла. Торговлю виномъ практиковали не одни торговцы, съ жаждой барыша, но этимъ занимались священники, засѣдатели-управители инородцевъ и т. д. Въ настоящее время, благодаря проникновенію русскихъ, вино повсюду доставляется инородцамъ и запрещеніе не привело ни къ чему, развѣ только повысило цѣну вина. Являясь какъ запретный плодъ и дѣйствуя на инородцевъ временами, періодически, оно имѣло тѣмъ болѣе губительное вліяніе. Что касается созданія казенныхъ магазиновъ для продовольствія, то они повели только къ накопленію долговъ на инородцахъ, которые взыскивались съ безпощадной строгостью; раздача хлѣба вела, наконецъ, къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ, такъ какъ находилась въ рукахъ казенныхъ вахтеровъ. Г. Шашковъ приводитъ, что долгъ за хлѣбъ въ Туруханскомъ округѣ простирался иногда до 200 р. на человѣка. Въ 1861 г. на 63 инородцахъ считалось 13.000 р. с. хлѣбной недоимки. Въ Березовскомъ краѣ въ 1850 г. хлѣбный долгъ былъ равенъ 12.947 руб. сер., въ 1852 г. 17.000 р. О накопленіи подобной же недоимки въ Нарымскомъ округѣ въ 50.000 руб. и о тѣхъ же злоупотребленіяхъ сообщаетъ очевидецъ въ 1881 г. (Сибирская газета «Инородцы Нарымскаго округа», 1881 г. №№ 21 и 22). Это снабженіе хлѣбомъ имѣло чисто фиктивный характеръ; вахтера записывали хлѣбъ на инородцевъ, но сами продавали его торговцамъ, которые уже снабжали инородцевъ по двойной цѣнѣ. Накопецъ, эта торговля кончилась разореніемъ инородцевъ и накопленіемъ состоянія у вахтеровъ. (См. тоже Сибирск. Газету о Нарымскомъ краѣ №№ 21 и 22). Магазины эти признается нынѣ своевременнымъ сдать самимъ инородческимъ обществамъ съ завѣдываніемъ ихъ избранными сторожами. Къ тѣмъ же злоупотребленіямъ вела продажа свинца и пороха.

При прежнихъ условіяхъ и инстинктахъ русскаго населенія весьма трудно было думать о цивилизующихъ вліяніяхъ, о православіи, просвѣщеніи и снабженіи инородца лучшими духовными благами.

Среди сибирскихъ инородцевъ распространяется нѣсколько религій. Большинство сибирскихъ инородцевъ были язычниками или шаманистами, въ томъ числѣ даже нынѣшніе магометане и буддисты.

Тобольскіе татары приняли магометанство изъ Бухары тотчасъ передъ пришествіемъ русскихъ, и эта религія получила огромное распространеніе уже во время владычества русскихъ; такъ, барабинскіе татары принимаютъ магометанство только въ 1745 г., то-есть болѣе полутораста лѣтъ находясь подъ русскимъ вліяніемъ. Нынѣ изъ 142.191 инородцевъ Тобольской и Томской губерній 47.326 магометанъ; если мы присоединимъ до 788.000 сибирскихъ киргизъ, также принявшихъ исламъ, то увидимъ, что магометанство здѣсь совершило наибольшія побѣды. Во все время Средняя Азія снабжала Сибирь своими проповѣдниками-ходжами, муллами, которые, ревностно проповѣдуя исламъ среди инородцевъ, уже подвластныхъ русскимъ, обратили значительную часть ихъ въ свое вѣроисповѣданіе.

Точно также весьма сильное вліяніе имѣлъ на сибирскихъ инородцевъ и буддизмъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1741 г., въ Восточной Сибири оказалось, что большинство бурятъ держится шаманской вѣры, то-есть язычники, а у буддистовъ было только 11 дацановъ и 150 ламъ, но въ 1845 г. оказалось буддистовъ 85.060, а ламъ 3.514, въ 1848 г. буддистовъ было уже въ Забайкальи 125.000, а ламъ 4.546. Нынѣ между бурятами совершенно распространился буддизмъ. Вліяніе буддизма видно и на южныхъ алтайскихъ племенахъ. Что касается остальныхъ язычниковъ, то они составляютъ теперь уже меньшинство, по крайней мѣрѣ въ Западной Сибири на 820.191 чел. инородцевъ остается язычниковъ 35.873 чел., то-есть 4,3%.

Русскіе встрѣтили въ Сибири три различныхъ міровоззрѣнія, боровшіяся между собою, изъ коихъ двѣ могучихъ старыхъ религіи, испытавшихъ уже свою силу и вліяніе въ мірѣ; поэтому христіанство здѣсь должно было встрѣтить гораздо болѣе препятствій къ распространенію своему. Притомъ вліяніе его появляется весьма поздно, когда другія религіи овладѣли полемъ въ народномъ міровоззрѣніи. Первое время русскіе были заняты завоеваніями и пріобрѣтеніями, тогда было не до проповѣди. Весь XVII вѣкъ проходитъ въ усмиреніи инородческихъ бунтовъ. Только въ XVIII вѣкѣ выступаютъ заботы объ обращеніи инородцевъ въ христіанство, но проповѣдь распространяется только на сѣверныхъ инородцевъ, причемъ выдается обращеніе остяковъ и вогуловъ Филофеемъ Лещинскимъ съ 1712 по 1714 годъ. Что касается утвердившихся религій—магометанской и буддійской, то здѣсь мы чаще видимъ полное признаніе ихъ и желаніе только, чтобы религіозные центры ихъ находились не внѣ русскихъ владѣній. Съ этою цѣлью даже оказывается покровительство этимъ

религіямъ; въ киргизской степи распространяются мечети по повелѣнію правительства, мулламъ изъ тобольскихъ татаръ назначается жалованье отъ казны. То же самое дѣлается по отношенію къ буддизму. Въ Забайкальи создается высшая буддійская духовная власть хамба-ламы. На долю обращенія въ христіанство при этомъ остается весьма небольшой контингентъ язычниковъ. Миссіонерская дѣятельность весьма слабо практикуется. Только въ 1828 г. въ Березовскій и Алтайскій округи командируются миссіонеры; дѣятельность этихъ миссій, какъ оказалось впослѣдствіи, была весьма незначительна. Вообще обращены въ православіе только вогулы и остяки; въ Тобольской губерніи они составляютъ 27.949 д., затѣмъ въ Томской крещеныхъ инородцевъ считается нынѣ 26.726 д., принадлежащихъ къ финскимъ народностямъ и частью алтайцамъ. Итого 54.000 д. на всѣхъ инородцевъ. Православіе распространялось при этомъ не между самыми культурными и развитыми инородцами, но среди низшихъ ихъ представителей, осѣдлые же татары, окруженные русскимъ населеніемъ, остаются фанатиками ислама. Что касается Восточной Сибири, то православіе распространилось въ Енисейской губерніи, гдѣ болѣе 30.000 крещеныхъ инородцевъ, въ Забайкальской и Якутской областяхъ; тѣмъ не менѣе, приверженцы шаманизма и постоянно расширяющаго кругъ своихъ послѣдователей буддизма, составляютъ видный процентъ и на востокѣ Сибири. Судьба православія въ средѣ инородческихъ племенъ низкаго развитія, рядомъ съ борьбою и соперничествомъ древнихъ религій Азіи, выразилась, конечно, своеобразно. При распространеніи религій, кромѣ факта воспріятія, весьма важно знать, на сколько усвоена религія, понята, и поддерживается-ли религіознымъ воспитаніемъ и примѣромъ культурной расы. Это зависитъ всегда отъ народности, ее прививающей. Въ результатѣ борьбы мы видимъ, судя по числовымъ даннымъ, что господство и преобладаніе далеко не остается за православіемъ; это можетъ объясняться какъ тѣмъ, что инородческія племена по своему міросозерцанію болѣе тяготѣли къ восточнымъ религіямъ, такъ и родствомъ происхожденія, языка и пр., которое соединяло инородцевъ съ магометанами-татарами и буддистами-монголами. Во-вторыхъ, и главнѣе всего, мы видимъ магометанскую и буддійскую пропаганду болѣе дѣятельною въ Сибири; муллы и ламы, проникая и живя среди инородцевъ, болѣе заискали, болѣе пріобрѣли симпатій и, наконецъ, умѣли подѣйствовать на духъ инородца. Магометанство и буддизмъ являются поэтому довольно окрѣпшими въ Сибири, православіе же, совершая пріобрѣтеніе въ средѣ низшей, и, какъ мы

сказали, языческой, имѣетъ весьма слабое вліяніе на магометанъ и буддистовъ. Съ 1860 по 1869 г. изъ среды татаръ Тобольской губерніи, составляющей 40.000 сплоченнаго фанатическаго магометанскаго населенія, крещено было только 300 человѣкъ, а въ послѣднее время въ 5 лѣтъ 58 человѣкъ. Съ весьма давняго времени (съ 1712 г.), какъ мы видимъ, крещена значительная часть остяковъ и вогуловъ, но время нисколько не укрѣпило ихъ въ православіи; по отзывамъ всѣхъ ученыхъ и путешественниковъ, они признаются христіанами номинально. «Двѣ трети остяковъ, считающихся православными съ первой четверти прошлаго столѣтія, не отрѣшились отъ языческихъ понятій», говоритъ Губаревъ, посѣтившій Березовскій округъ. «Остяки окрещены 150 лѣтъ назадъ—пишетъ другой очевидецъ—но руководствуются внѣшними обрядами и иконы лежатъ въ заднемъ углу или подъ лавкой и вынимаются въ рѣдкихъ случаяхъ при пріѣздѣ священника». Начальникъ Тобольской губерніи, въ своемъ отчетѣ за 1864 годъ, свидѣтельствуетъ то же. Обращенные въ православіе бурята и якуты остаются при прежнихъ суевѣріяхъ и продолжаютъ сноситься съ шаманами (см. Шашковъ. Инородцы въ XIX ст.). «Это наружное принятіе русской вѣры—по словамъ Щапова—не приноситъ имъ пользы, не просвѣщаетъ ихъ дѣйствительно и существенно». Весьма часто неумѣлые и неспособные проповѣдники христіанства только вооружаютъ и озлобляютъ инородческія племена своими пріемами; создавъ нѣсколько обращенныхъ, они предпринимаютъ гоненіе на остальную массу язычниковъ, вооружаютъ инородческое населеніе и отталкиваютъ отъ обращенія. Таковъ, между прочимъ, характеръ миссіонерской дѣятельности въ Сибири. Миссіонерскихъ центровъ было весьма немного, но и въ нихъ выразились всѣ недостатки низшаго духовенства и монашества, а также извѣстная деморализація его. Миссіонеръ въ Сибири далеко не былъ человѣкомъ, высоко сознающимъ свои задачи изученія народности и ея духа; прежде чѣмъ приняться измѣнять міросозерцаніе, онъ не былъ даже человѣкомъ образованнымъ. Изолированность и замкнутость самого его доводила до отчаянія, не принося пользы окружающей средѣ.

Наиболѣе замѣтной и отличающейся культурнымъ и просвѣщеннымъ характеромъ явилась дѣятельность алтайской миссіи; благодаря усиліямъ и плану основателя ея, архимандрита Макарія, среди алтайцевъ были нѣкоторые успѣхи обращенія, хотя число обращенныхъ крайне не велико; въ 50 лѣтъ существованія въ миссіи было крещено при всей энергіи до 5.000, т. е. по 100 на годъ, хотя штатъ миссіи всегда состоялъ изъ нѣсколькихъ че-

Остякъ.

Алтаецъ.

Тип. Ед. Голике.

ловѣкъ духовенства. Нынѣ находится въ алтайской миссіи 12 миссіонеровъ и 22 лица въ званіи причетниковъ. Алтайская миссія рядомъ съ обращеніемъ въ христіанство стремится новокрещеныхъ пріучить и къ осѣдлости. Но это чаще запугиваетъ кочевниковъ, осѣдлость же прививается только благодаря русскимъ крестьянамъ, живущимъ въ деревняхъ миссіонеровъ.

Жалкая жизнь новокрещеныхъ осѣдлыхъ инородцевъ не разъ обращала вниманіе всѣхъ путешественниковъ: Радлова въ Алтаѣ, Кастрена среди васъюганскихъ остяковъ, миссіонера Аргентова среди чукчей. Послѣдній приводитъ замѣчательный отзывъ самихъ инородцевъ о результатѣ крещенія при помощи принудительнаго обращенія къ осѣдлости. Когда миссіонеръ предложилъ одному старику крещеніе, онъ отвѣтилъ: «Я былъ молодъ, русскіе ласкали меня и я окрестился, теперь я гляжу на былое иными, стариковскими глазами. Что принесло намъ крещеніе? Люди бѣднѣютъ, стада ихъ уменьшаются, олени переводятся, да и самые люди переводятся; стариковъ почти вовсе не стало, многіе умерли не по-людски. Нѣтъ, я хочу умереть по-нашему, по-человѣчески!» — Этотъ страхъ вымиранія при измѣненіи образа жизни и прежнихъ промысловъ отталкиваетъ инородцевъ отъ православія, гдѣ оно является синонимомъ осѣдлости.

Такимъ образомъ, фактъ непремѣннаго принятія осѣдлости съ крещеніемъ является не всегда въ интересѣ новообращенныхъ, захватъ же земель и хозяйственныя распоряженія еще губительнѣе дѣйствуютъ на остальное необращенное населеніе. Такіе экономическіе эксперименты пріобрѣтенія огромныхъ земель въ пользу миссіонерскихъ монастырей и общинъ подрываютъ окончательно представителей православія въ глазахъ язычниковъ. Только этимъ, а не духомъ религіи, можно объяснить слабые успѣхи обращенія инородцевъ миссіонерами.

Замѣчательно, что тамъ, гдѣ миссіонеровъ не было, но шире распространялась русская колонизація, тамъ инородцевъ перешло въ православіе гораздо болѣе и совершенно добровольно. Сравнивая населеніе Кузнецкаго округа, Томской губерніи, гдѣ колонизація уже сдѣлала успѣхи, съ Бійскимъ округомъ, гдѣ переселеніе въ инородческій раіонъ запрещалось, мы видимъ, что въ первомъ изъ 15.000 инородцевъ уже 7.300 осѣдлыхъ, въ Бійскомъ же округѣ изъ 27.400 едва 4.500 душъ. Православныхъ въ Кузнецкомъ округѣ 13.800 душъ, а въ Бійскомъ не болѣе 5.000. Таково вліяніе русской колонизаціи.

Нѣтъ сомнѣнія, что успѣхи православія и распространенія культуры были бы гораздо шире, если бы рядомъ шло образова-

ніе и просвѣщеніе инородцевъ, точно также въ этомъ умственномъ развитіи инородцевъ и пробужденіи ихъ духовныхъ силъ мы видимъ могучее средство ихъ спасенія и залоги будущаго существованія. До тѣхъ поръ, пока инородцы будутъ подъ опекой, не съумѣютъ сами заявлять нуждъ своихъ, не укажутъ средствъ для спасенія существованія и сохраненія племени, трудно разсчитывать на постороннія заботы.

Со стороны русской народности въ Сибири, къ сожалѣнію, почти ничего не сдѣлано для инородческаго образованія и пробужденія инородческаго ума. Ни системы инородческихъ школъ, ни ихъ характеръ и задачи воспитанія не разработывались въ Сибири. Попытки основанія школъ были случайныя, точно такъ же, какъ и доступъ инородцевъ въ русскія учебныя заведенія. Никакого привлеченія и поощренія здѣсь не дѣлалось и опека надъ инородцами, столь ревностная въ другихъ случаяхъ, здѣсь совершенно устранялась.

Въ 1782—1784 году администрація старалась о распространеніи школъ и обученіи корану татаръ и киргизовъ, но это было чисто магометанское, а не общее образованіе. Въ XVIII столѣтіи были попытки основанія нѣсколькихъ школъ, но онѣ не оставили никакой памяти. Въ XIX столѣтіи началось водвореніе миссіонерскихъ школъ. Такія школы были созданы при кондинской миссіи у остяковъ; ихъ показывалось, въ 1847 г., девять съ 71 чел. учащихся, но, какъ обнаружилось, средства имѣлись всего на 12 мальчиковъ. Школы, кондинская и обдорская, по оффиціальному отзыву начальника Тобольской губерніи въ 1864 году, существовали скорѣе на бумагѣ. Прежде брали въ кондинское училище 10 мальчиковъ у остяковъ принудительно, при помощи земской полиціи. Мальчики учились по 3 и 4 года, но преподаваніе было такъ дурно и небрежно, что въ нихъ ничему не выучивались. При церквахъ въ Березовскомъ округѣ хотя и были предположены школы, но не открывались, такъ какъ духовенство не желало учить безъ вознагражденія; въ березовскомъ уѣздномъ училищѣ учился всего одинъ остякъ. Всѣ создававшіяся и существовавшія въ весьма маломъ числѣ миссіонерскія школы отличаются вдобавокъ такою односторонностью, что обучившіеся мальчики не получаютъ дальнѣйшаго образованія, а самое большее зачисляются въ причетники и служки миссіи, стало быть о способностяхъ инородцевъ вообще къ наукѣ здѣсь ничего нельзя сказать. Что касается доступа инородцевъ въ русскія учебныя заведенія, то, конечно, онъ былъ весьма труденъ, и если попадали сюда инородцы, то случайно.

Правительство не разъ пыталось поднять вопросъ объ инородческихъ школахъ; такъ, между прочимъ въ 1853 г. министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ спрашивалъ объ этомъ сибирскую администрацію, но вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, не получилъ нормальнаго направленія и даже не могъ быть основательно разработанъ.

Вопросъ объ образованіи инородцевъ съ перваго же раза выдвигаетъ нѣсколько практическихъ вопросовъ, требующихъ внимательнаго отношенія и соображенія съ положеніемъ народности. Эти вопросы состоятъ, во-первыхъ, въ средствахъ, на которыя должны содержаться школы; во-вторыхъ, въ принудительности, обязательности или свободномъ привлеченіи къ образованію и, въ-третьихъ, о самомъ характерѣ преподаванія для инородцевъ, причемъ является вопросъ о выгодахъ распространенія знанія на русскомъ или инородческомъ языкахъ. Что касается средствъ, на которыя должны быть создаваемы школы, то весьма обширная переписка объ этомъ предметѣ въ 1853 г. привела къ одному заключенію, что созданіе школъ на счетъ инородцевъ невозможно и неосуществимо въ виду крайне жалкаго быта и бѣдности большинства, находящагося въ положеніи дикарей; всякіе новые налоги и тягости угрожаютъ имъ окончательнымъ разореніемъ. Несомнѣнно, что созданіе этихъ школъ должно быть обязанностью высшей расы, имѣющей въ виду привитіе цивилизаціи. На предложеніе инородцамъ завести школы они отвѣчали обыкновенно отказомъ и просьбами не заводить ихъ, будучи предубѣжденными и испытавъ въ своей жизни горькія послѣдствія всевозможныхъ мѣропріятій. Съ этимъ же связанъ вопросъ объ обязательности и принужденіи обученія инородцевъ. Обыкновенно доселѣ отъ инородцевъ дѣтей отбирали насильственно. Нечего говорить, какъ это вооружило инородцевъ противъ образованія. Мысль объ обязательности, а особенно принудительности образованія, неприменимая ни къ какому населенію, могла вытекать только изъ дикихъ взглядовъ мѣстнаго чиновничества. Она мало того, что не полезна въ смыслѣ образованія, но безчеловѣчна сама по себѣ и нарушаетъ всякую законность. Между тѣмъ другой системы мѣстная земская администрація никогда не понимала; отсюда вытекала масса злоупотребленій именемъ просвѣщенія. «Давай деньги, какъ отступное, или возьмемъ дѣтей у тебя и сдѣлаемъ русскими, обратимъ въ иную вѣру и отдадимъ въ солдаты!» Понятно, какой ужасъ могло навести на инородцевъ такое просвѣщеніе. И вотъ инородцы доселѣ находятся подъ вліяніемъ такой мысли, внушенной имъ просвѣщенной сибирской администраціей. Недавно,

въ нѣкоторыхъ школахъ и въ интернатахъ Киргизской степи вынуждаемые инородцы прибѣгли къ покупкѣ дѣтей у бѣдняковъ и отдачѣ ихъ въ школы, которыя кажутся имъ гибелью. Вопросъ руссификированія, какъ жгучій вопросъ національностей, неумѣло и грубо примѣняемый, порождаетъ весьма часто только насиліе и возбуждаетъ отвращеніе. Къ сожалѣнію, эта руссификація также предлагается по отношенію къ инородческимъ школамъ безъ размышленія о послѣдствіяхъ. Если народность весьма сблизилась съ русскими и даже усвоила русскій языкъ, тогда нѣтъ никакихъ препятствій, конечно, къ обученію на русскомъ языкѣ и вопросъ обученія здѣсь сливается съ обыкновеннымъ сельскимъ образованіемъ. Другое дѣло относительно народностей и племенъ, пока весьма склонныхъ удерживать свою національность, свой языкъ, свои вѣрованія, страшащихся нарушенія ихъ и всякаго принужденія. Для такихъ племенъ полезнѣе привитіе знанія на природномъ языкѣ и переводъ учебниковъ, какъ и самого священнаго писанія на инородческій языкъ; при этомъ, смотря по предубѣжденію и характеру народности, нужно обсудить, что должно предшествовать грамотности: развитіе ума, какъ начало дальнѣйшаго образованія и знакомство съ высшимъ христіанскимъ міросозерцаніемъ, которое явится само собою при знакомствѣ съ христіанской наукой, или воспитаніе прямо религіозное. Намъ кажется, что вопросъ образованія и знакомство съ наукою должны быть выдѣлены для инородцевъ, какъ относительно всѣхъ племенъ, держащихся иныхъ вѣроисповѣданій, гдѣ предполагается постепенное подготовленіе къ иной религіи, а не навязываніе ея, могущее дать обратные результаты. Просвѣщеніе на инородческомъ языкѣ и знакомство съ наукою, надо замѣтить, ни мало не оттолкнетъ образованнаго инородца отъ русскаго языка и національности, но болѣе сблизитъ его, такъ какъ развернувшаяся любознательность заставитъ его познакомиться не только съ жизнью русскаго просвѣщеннаго міра, но и европейскаго. Мы видимъ, что успѣхи развитія и просвѣщенія шли у инородцевъ быстрѣе, когда религіозныя книги и евангеліе переводились на инородческіе языки. Доказательствомъ служитъ дѣятельность англійскихъ миссіонеровъ въ Забайкальской области. Поселившись около Селенгинска, эта миссія прожила около 20 лѣтъ, завела монгольскую типографію, библіотеку, сдѣлала превосходный переводъ библіи на монгольскій языкъ, обучала бурятъ ремесламъ и создала до 3.000 христіанъ. Къ сожалѣнію, въ началѣ сороковыхъ годовъ эта миссія была выслана изъ Сибири и перенесла свою дѣтельность на Зондскіе острова. Нынѣ въ успѣхахъ дѣла

алтайская духовная миссія прибѣгла къ подобнымъ же переводамъ и преподаванію также на алтайскомъ языкѣ, хотя онъ не имѣлъ своей азбуки. Знакомство съ языкомъ инородцевъ дало большія знанія народности и миссіонерамъ. Далѣе добровольный миссіонеръ Григоровскій въ Нарымскомъ краѣ основалъ остяцкую школу, перевелъ на остяцкій языкъ священное писаніе и дѣятельно распространяетъ христіанство. Еще къ болѣе высшей просвѣтительной дѣятельности мы должны отнести опыты переводовъ руководствъ на бурятскій языкъ въ 1860 г. Болдоновымъ, школу Пирожкова и т. п. Такимъ образомъ вопросъ объ инородческой школѣ является весьма важнымъ и очереднымъ въ Сибири, такъ какъ насильственное привитіе къ инородцамъ русскаго языка и обязательное преподаваніе на немъ одномъ терпитъ много неудачъ. Такія школы и заведенія вызываютъ нынѣ только жалобы, а со стороны русскихъ сторонниковъ просвѣщенія полное осужденіе. Такъ, напр., заявлялось о плачевномъ состояніи образованія среди якутовъ, гдѣ не только первоначальное обученіе на русскомъ языкѣ, но даже гимназическое, не приноситъ никакихъ плодовъ, а служитъ истинною мукою для учениковъ. Въ Якутскѣ основана, напримѣръ, классическая прогимназія на деньги якутовъ, гдѣ якутамъ предлагается сразу изученіе четырехъ языковъ; всѣ эти языки преподаются людьми, не знающими ни слова по-якутски и не умѣющими объясняться съ учениками. «Это горькая насмѣшка надъ населеніемъ—говоритъ одинъ изъ очевидцевъ.—Для якута даже русскій языкъ труднѣе, чѣмъ для русскаго латинскій и греческій. Между тѣмъ у населенія нельзя отнять жажду знанія, оно хочетъ учиться. Кромѣ прогимназіи, существуетъ въ улусахъ нѣсколько начальныхъ школъ съ полуграмотными учителями». Подобныя же неудачныя попытки преподаванія на русскомъ языкѣ бывали и среди киргизъ, мы не говоримъ уже о созданныхъ искусственныхъ пансіонахъ для нихъ. Обрусѣвшіе инородцы, въ лицѣ переводчиковъ азіатскихъ школъ, писаря и проч., являются обыкновенно самымъ дурнымъ элементомъ и эксплуататорами, взяточниками и совершенно не имѣютъ никакого благотворнаго вліянія на среду инородцевъ. Такимъ образомъ, привлеченіе инородцевъ къ школѣ и знанію безъ насилія, добровольно, не отталкивая отъ просвѣщенія, само собою связывается съ первоначальнымъ преподаваніемъ на инородческомъ языкѣ, съ созданіемъ особыхъ инородческихъ школъ и подготовленіемъ учителей изъ самихъ инородцевъ, знающихъ свою народность, ея характеръ и желающихъ ей блага. «Отъ школы требуется, чтобы она вложила въ инородца любовь къ наукѣ и просвѣщенію, но въ немъ уже есть любовь къ

окружающей природѣ и къ своему племени», говоритъ одинъ изъ знатоковъ инородческаго быта. «Школа должна воспользоваться этой, воспитанной помимо ея, любовью, она должна перенести эту любовь на науку». «Дайте ему прежде всего описаніе его жизни, его кочевья, описаніе его племени, его нравовъ и его исторію, пусть онъ увидитъ описаннымъ самого себя и то, что къ нему ближе, пусть онъ узнаетъ, что̀ его племя совершило и что̀ ему слѣдуетъ совершить. Вамъ нужно, чтобы инородецъ началъ понимать тѣ идеи о будущемъ, какія волнуютъ образованнаго европейскаго человѣка, дайте ему напередъ представленіе о его племени» (Сибирскіе инородцы, «Сибирь»). Этими словами указывается, что истинное образованіе инородца не должно порывать его связь съ своимъ народомъ. Цѣлью образованія должно быть: внушеніе любви къ своему племени, къ судьбѣ его, а не стремленіе оттолкнуть его отъ прежней семьи, вырвать его и предоставить массѣ ту же нищету, несчастіе и вымираніе. Только весьма немногіе образованные инородцы сохраняли связи съ своимъ племенемъ и желали посвятить себя его развитію. Въ числѣ этихъ именъ должно упомянуть Банзарова, Пирожкова, Болдонова и Дорожеева изъ бурятъ, и Чекана Валиханова изъ киргизъ и священника Чуволкова изъ алтайцевъ. Какъ Валихановъ, такъ и Банзаровъ получили высшее образованіе, они были даровитѣйшими и учеными людьми даже въ европейской средѣ и тѣмъ не менѣе ихъ симпатіи оставались на сторонѣ ихъ несчастнаго племени. Къ сожалѣнію, такія личности только случайно пробивались изъ инородческой среды. Высшее европейское образованіе оставалось чуждо большинству инородцевъ, а между тѣмъ такія личности болѣе всего могли бы принести услугъ инородческому просвѣщенію и позаботиться о судьбѣ своей народности. Въ пробужденіи инстинкта любознательности, духовной жизни и въ сознательномъ отношеніи къ своему настоящему и будущему будутъ лежать залоги сохраненія племенъ отъ вымиранія и гибели. Мы думаемъ, что такое просвѣщеніе будетъ источникомъ жизни и спасителемъ, который воскреситъ легендарнаго, умирающаго отъ голода и бѣдствій, самоѣда. Духъ сибирскаго инородца остается пригнетеннымъ, глубокая меланхолія лежитъ на немъ, мрачная безнадежность сковываетъ его сердце, нѣтъ вѣры въ лучшее, нѣтъ надежды на будущее. Вотъ эту-то вѣру, эту общечеловѣческую надежду и должно создать инородческое просвѣщеніе. До сихъ поръ мы пренебрегали инородческими способностями; но эти народности и племена, въ виду данныхъ уже образцовъ просвѣщенія, какъ и общаго выраженія своихъ способностей, едва-ли мы имѣемъ право признавать без-

дарными. Мы можемъ указать на выдающіяся личности инородцевъ, получившихъ образованіе, подобно ученому Банзарову и блестящему Валиханову, извѣстному путешественнику, другу ученыхъ и поэтовъ,—подобныя личности могли бы сдѣлать честь своимъ присутствіемъ любому образованному европейскому обществу; но мы позволимъ себѣ указать на многіе отзывы о способностяхъ инородцевъ весьма серьезныхъ и авторитетныхъ изслѣдователей. О самой дикой народности, самоѣдахъ, Абрамовъ, изслѣдовавшій Березовскій край, онъ же смотритель училища, отзывается, какъ о весьма способномъ народѣ; ученики, попадавшіе въ уѣздное училище, обнаруживали способности къ математикѣ. Ученый Миддендорфъ обращаетъ вниманіе на замѣчательныя природныя дарованія и изумительную жизненную энергію тунгусовъ. Якуты отличаются съиздавна способностями, и усвоили весьма быстро культуру. Киргизы давали даровитыхъ людей и представляютъ народъ, поражающій остроуміемъ и богатствомъ фантазіи. Алтайцы отличаются, судя по религіознымъ воззрѣніямъ и умственному складу, не меньшими способностями, чѣмъ киргизы; миссіонерскія попытки просвѣщенія дали образцы весьма способныхъ людей; телеуты же и черневые татары своей наклонностью къ культурѣ и осѣдлости выразили положительно способность къ гражданственности. Мы не будемъ говорить объ отличительныхъ способностяхъ, какъ, напримѣръ, сартовъ и татаръ къ торговлѣ, таланты, которыми они превзошли русскихъ въ прошломъ столѣтіи. Достаточно припомнить также, что русскіе застали уже въ Сибири извѣстную осѣдлость и тюркскую культуру; завоеватели обязаны многими открытіями инородцамъ, инородческіе памятники содѣйствовали открытію металловъ, путешественники отмѣчаютъ въ инородческой культурѣ множество изобрѣтеній, а также умѣнье приноровиться къ климату, природѣ и сохраненію своего существованія; эти жизненные таланты не могутъ быть пренебрегаемы; русскимъ, помимо своей воли, пришлось позаимствовать многое у инородцевъ съ цѣлью собственной акклиматизаціи [1]).

---

[1]) Авторъ, посвятившій талантливую монографію судьбѣ сибирскихъ инородцевъ въ XIX вѣкѣ, г. Шашковъ, оканчиваетъ свой трудъ слѣдующимъ заключеніемъ: «Участь инородцевъ можетъ улучшиться только тогда, когда истинное образованіе и гуманная нравственность сроднятся съ сибирякомъ; безъ этихъ благодѣтельныхъ факторовъ свобода—сонъ, а счастіе народа — безумная мечта; безъ нихъ сибирякъ всегда найдетъ возможность эксплуатировать инородца, какъ бы ревниво ни охранялъ законъ интересы послѣдняго». Этотъ совершенно справедливый выводъ показываетъ только то, на сколько необходимо гражданское развитіе Сибири и усвоеніе самою ею началъ гуманизма, просвѣ-

Спрашивается, въ правѣ-ли мы отнимать послѣ этого способности у низшихъ расъ и неужели способности цѣлыхъ племенъ не могутъ пригодиться для насъ въ будущемъ? Сравнительная психологія инородцевъ еще далеко не изслѣдована научнымъ путемъ, точно такъ же, какъ мы не знаемъ ихъ прошлаго, а ихъ историческія услуги русской народности въ Сибири еще не оцѣнены вполнѣ. Чѣмъ можетъ отразиться возрожденіе этихъ народностей, проявленіе ихъ таланта и народнаго генія—это загадка будущаго. Многія азіатскія народности выдвигали учителей человѣчества и творили своеобразныя цивилизаціи. Такимъ образомъ, введеніе въ міровую жизнь и область духовнаго творчества другихъ племенъ не можетъ остаться безъ результатовъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что сохраненіе инородческихъ племенъ, развитіе образованія среди нихъ, такъ же, какъ призваніе ихъ къ гражданской и умственной жизни, есть настолько же историческое право инородцевъ на общечеловѣческое существованіе, сколько и историческій долгъ русской народности на Востокѣ. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ, какъ мы видѣли, находится въ связи со многими законодательными мѣрами и культурными условіями, но еще болѣе оно зависитъ отъ умственнаго развитія самого русскаго населенія въ Сибири.

Сибирь естественно будетъ въ соприкосновеніи съ азіатскими государствами, которыя не всегда же будутъ жить замкнутою жизнью и когда-нибудь будутъ доступны европейскому просвѣщенію. Если Сибири суждено будетъ играть какую-нибудь роль въ этомъ міровомъ цивилизующемъ вліяніи, то сибирскіе инородцы, усвоившіе, при посредствѣ русской національности, европейское просвѣщеніе, могутъ явиться весьма видными посредниками этой цивилизаціи и оказать великія услуги общечеловѣческому прогрессу.

Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, до 1890 г., инородческій вопросъ находится въ томъ же положеніи, какъ и въ года предъидущіе.

Какъ доказываютъ послѣднія статистическія изслѣдованія, вымираніе и уменьшеніе въ числѣ инородцевъ продолжается. Въ 1858 г. остяковъ въ Тобольской губерніи считалось 1.425 м. п., 1.450 ж. п., всего 2.875; въ 1887 г.—1.275 мужч., 1.233 женщ., всего 2.508 чел. Въ Нарымскомъ округѣ, какъ показываетъ оффи-

---

щенія и вообще цивилизаціи, какъ въ интересахъ своихъ собственныхъ, такъ и во спасеніе другихъ народностей. Инородческій вопросъ, выступившій и занимающій свое мѣсто въ жизни Сибири, не только вопросъ настоящаго, но и вопросъ будущаго.

ціальная статистика. къ 1888 году, за шесть лѣтъ, уменьшилось населеніе остяковъ на 224 чел. Въ другихъ случаяхъ прибыль такъ ничтожна, какъ у вогуловъ Тобольской губерніи, гдѣ въ 30 лѣтъ на 1.241 чел. прибавилось только 77 человѣкъ.

Многія изслѣдованія и экспедиціи только еще рѣзче обрисовали безотрадное положеніе инородческаго быта и судьбу инородческихъ племенъ. Изслѣдованія предпринимались въ различныхъ частяхъ Сибири, большею частью, по иниціативѣ ученыхъ обществъ; въ Томской губ. обратилъ вниманіе на положеніе инородцевъ Нарымскаго края бывшій губернаторъ Лаксъ.

Въ Нарымскомъ округѣ положеніе остяковъ и самоѣдовъ, по свидѣтельству добросовѣстнаго и обстоятельнаго этнографа А. Адріанова, не улучшилось, но находится въ худшемъ положеніи, и жизненная средства ихъ падаютъ. То же подтверждаетъ ученый секретарь Московскаго Антропологическаго Общества Гондатти [1]), совершившій путешествіе на Обь, въ Тобольскую губернію, и изучавшій бытъ остяковъ. Онъ описываетъ кабальныя отношенія, которыя существуютъ у нихъ къ торговцамъ, и ту эксплоатацію, которая примѣняется къ инородцу. Недавно еще инородецъ платилъ торговцу долги; теперь онъ уже, наученный обманами и эксплоатаціей, пробуетъ уклониться отъ нихъ. Торговецъ, съ своей стороны, не довѣряетъ, какъ прежде, инородцу, а между тѣмъ безъ товара и безъ хлѣба инородческое населеніе жить не можетъ. Въ общемъ положеніе ухудшилось. То же о жизни остяковъ подтверждаетъ г. Швецовъ [2]) и указываетъ на безжалостное отношеніе къ инородцамъ сургутскихъ кулаковъ и эксплоататоровъ. Подобныя же изслѣдованія въ другихъ мѣстахъ за послѣдніе годы, а именно: этнографическое путешествіе Адріанова въ Кузнецкій округъ, въ Алтай, въ Саяны къ сойотамъ и этнографическія наблюденія Клеменца, освѣщаютъ печальное положеніе алтайскихъ и минусинскихъ инородцевъ. Въ Якутской области давно обращаетъ на себя вниманіе положеніе якутовъ. Здѣсь производились также этнографическія изслѣдованія. Многія лица обрисовывали здѣсь тяжелую борьбу якута съ суровою природою, но въ прибавокъ къ этому присоединяется новое бѣдствіе и тяжесть для якутовъ—это ссылка въ Якутскую область уголовныхъ преступниковъ, которыхъ бѣдные якуты должны содержать, такъ какъ природа бѣдна въ области и ссыльные никакимъ трудомъ заниматься не могутъ. На печальное трагическое положеніе инородца обратила

[1]) Отчетъ Гондатти напечатанъ въ Запискахъ комитета Московскаго музея прикладныхъ знаній. 1888 г.

[2]) Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества.

вниманіе беллетристика. Изъ якутской жизни появляются разсказы. Между прочимъ, даровитый русскій писатель, Короленко, обрисовалъ существованіе бѣднаго якута въ трогательной картинѣ «Сонъ Макара»; одинъ изъ даровитыхъ польскихъ писателей, закинутый судьбою въ Якутскую область, точно также въ яркихъ художественныхъ очеркахъ рисуетъ жизнь якута среди леденящаго мороза, среди обрушивающихся на него случайностей и несчастій. По отношенію къ быту бурятъ предприняты нынѣ изслѣдованія Восточно-Сибирскимъ Отдѣломъ Географическаго Общества, для чего собранъ спеціальный капиталъ; въ пожертвованіи приняли участіе и интеллигентные буряты. Относительно изслѣдованія быта инородцевъ съ чисто ученою этнографическою цѣлью сдѣлано въ эти годы также не мало. Г. Потанинымъ собрано множество сказокъ, вѣрованій, легендъ, какъ и богатый матеріалъ о шаманизмѣ у бурятовъ, якутовъ и монголовъ. Нынѣ издано уже нѣсколько сборниковъ сказокъ при Восточно-Сибирскомъ Отдѣлѣ [1]). Являются собиратели и изъ инородцевъ, какъ г. Хангаловъ. Кромѣ того, вносили цѣнный матеріалъ о бытѣ и вѣрованіяхъ бурятовъ и якутовъ гг. Агапитовъ и Преклонскій. Г. Адріановъ собиралъ сказанія, легенды у кузнецкихъ, минусинскихъ и нарымскихъ инородцевъ, а г. Клеменцъ собралъ матеріалъ о шаманизмѣ у енисейскихъ инородцевъ.

Это изученіе инородческаго міросозерцанія открываетъ новыя стороны въ нашемъ инородческомъ вопросѣ; онѣ заставляютъ видѣть въ этихъ племенахъ уже не безсловесныхъ дикарей, у которыхъ желательно сохранить одну физическую жизнь, но мы открываемъ здѣсь ту же жизнь духа, полетъ фантазіи, причудливый миѳъ и древній эпосъ. Богатство инородческой миѳологіи только теперь открывается и инородческія племена являются, такъ сказать, хранителями древнѣйшихъ преданій человѣчества, которыя въ силу преемственности и единства происхожденія связываются съ ранними преданіями и миѳами всего человѣчества [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ они показываютъ способности творчества и то, что подъ грубою корою инородца не умолкало стремленіе человѣческой души разгадывать природу и человѣческую жизнь. Инородческая жизнь при другихъ условіяхъ могла бы проявить болѣе жизненности и инородческій умъ способенъ развиваться и подняться до высшаго пониманія. Это доказывается и усвоеніемъ инородцами другихъ болѣе высшихъ религіозныхъ вѣрованій и пе-

[1]) Сборникъ бурятскихъ повѣрій и сказокъ Хангалова; якутскія сказки, собранныя Худяковымъ, и сказанія бурятъ, изд. 1889—1890 г.

[2]) Изслѣдованія Стасова и ученые труды Веселовскаго.

реходъ ихъ отъ древняго шаманизма къ другимъ культамъ; это доказываетъ исторія культуры и происходящія измѣненія и усвоенія въ инородческой жизни. Сибирскіе инородцы, какъ якуты, буряты, киргизы, обнаруживаютъ уже стремленіе къ образованію; поэтому мы не можемъ смотрѣть на нихъ, какъ на племена, которымъ недоступно совершенствованіе и развитіе. Мы не можемъ примиряться также и съ гибелью другихъ племенъ. Вотъ почему все чаще и настоятельнѣе выступаетъ вопросъ о защитѣ сибирскихъ инородцевъ, предупрежденіи ихъ вымиранія и объ образованіи [1]).

«Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ никакихъ основаній къ тому, чтобы считать немыслимымъ улучшеніе отношеній европейцевъ къ инородцамъ. Къ тому же, страшный процессъ вымиранія инородцевъ зачастую прекращается при сколько-нибудь разумномъ отношеніи колонизаторовъ къ туземцамъ», говоритъ профессоръ Э. Ю. Петри въ своей антропологіи. Онъ приводитъ многочисленные примѣры этому и становится однимъ изъ самыхъ гуманныхъ защитниковъ униженныхъ и обиженныхъ судьбою инородцевъ.

Сибирская періодическая печать въ послѣднее десятилѣтіе посвящала не мало статей инородческому вопросу и инородцамъ, обращая вниманіе на печальное положеніе и бѣдствія, посѣщавшія ихъ.

Но наступаетъ время перейти къ практическому осуществленію помощи. Вотъ какимъ образомъ оканчивается одна изъ статей по инородческому вопросу: «Лѣтъ тридцать уже описываются порядки въ остяцкой землѣ. Та же кабала, то же размежеваніе остяковъ, какъ добычи, между кулаками-торговцами, все то же самое, съ тою только разницей, что гибельная сторона для остяковъ отъ этихъ порядковъ еще болѣе съ того времени усилилась. Въ тридцать лѣтъ, кромѣ ламентацій въ литературѣ о бѣдствіяхъ остяковъ ничего не было сдѣлано. Не возникло никакого покровительственнаго для остяковъ органа—ни частнаго, ни административнаго. Будемъ надѣяться, что исторія развитія иниціативы въ дѣлахъ покровительства обездоленныхъ инородцевъ пойдетъ быстрѣе, когда сибирскій университетъ сформируется. Жизнь вызываетъ какъ серьезныя мѣры для огражденія и защиты инородца отъ эксплоатаціи, такъ и созданіе гуманитарнаго общества изъ образованныхъ людей съ заботами о проведеніи просвѣщенія въ инородческую среду и поднятіи ихъ духовнаго и умственнаго

[1]) Антропологія. Э. Петри. С.-Петербургъ, 1889 г., стр. 160.

уровня. Заботы объ улучшеніи быта инородческихъ племенъ должны послужить искупленіемъ за тѣ жертвы и ту эксплоатацію, которымъ подверглись эти дѣти природы въ первую эпоху завоеванія Сибири.

Причина всѣхъ инородческихъ несчастій и вина и грѣхи русскаго населенія заключались во взаимномъ непониманіи, враждѣ, предразсудкахъ и предубѣжденіяхъ. Изгладить эту вражду можетъ только истинная образованность и изученіе инородческаго быта и его культовъ.

Изслѣдованіе буддизма приковало въ послѣднее время любознательность европейцевъ, вызываетъ вниманіе и русскихъ ученыхъ, какъ Нила, Васильева, Позднѣева, Минаева, Лесевича. У насъ проявленіе буддизма среди инородцевъ-бурятъ вызвало также научныя изслѣдованія и при Восточно-Сибирскомъ Отдѣлѣ Географическаго Общества была устроена любопытная выставка предметовъ буддійскаго культа и читались лекціи (см. «Восточное Обозр.» 1888 года и каталогъ выставки, изд. въ Иркутскѣ). За Байкаломъ находится нѣсколько кумиренъ, которыя открываютъ любопытный образецъ буддійскаго культа и ламаизма, видоизмѣненнаго на сѣверѣ Монголіи. Монгольскій буддизмъ также заслуживаетъ вниманія въ его проявленіяхъ. Мы должны указать, что изученіе культовъ восточныхъ народовъ привлекло вниманіе европейскихъ ученыхъ и въ настоящее время въ Парижѣ созданъ спеціальный этнографическій музей Гами (Hami), гдѣ сосредоточены предметы для сравнительнаго изученія азіатскаго культа во всѣхъ его проявленіяхъ; точно такое же собраніе буддійскихъ предметовъ существуетъ въ берлинскомъ музеѣ Бастіана; поэтому, въ Сибири, странѣ шаманизма и буддизма, можетъ быть собранъ богатый матеріалъ для изученія. Только подобное изученіе можетъ открыть намъ міросозерцаніе нашихъ инородцевъ и сблизить насъ съ ними. Безъ подобнаго изученія немыслимо воздѣйствіе на эту среду. Наше пренебреженіе и гоненія инородческихъ вѣроисповѣданій создаетъ только замкнутость и отдѣляетъ ихъ болѣе и болѣе. Внимательное отношеніе къ жизни и интересамъ инородческихъ племенъ, отсутствіе вражды и христіанское терпѣніе вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, благими, цивилизующими и культурными средствами здѣсь принесетъ гораздо болѣе пользы. Среди бурятъ-буддистовъ и магометанъ уже находятся люди, которые готовы отозваться русскому просвѣщенію, начинаютъ уважать науку, находятъ среди русскихъ просвѣщенныхъ друзей, и это первыя дѣйствительныя побѣды, которыя гораздо важнѣе для будущихъ успѣховъ цивилизаціи.

Если общество и населеніе Сибири до сихъ поръ игнорировало судьбу инородцевъ и вопросы ихъ развитія, то къ положенію этихъ племенъ нынѣ не могутъ уже хладнокровно относиться тѣ изъ инородцевъ, которые получали европейское образованіе [1]). Сохраняя племенныя связи съ своимъ народомъ, они не могутъ быть не заинтересованы въ просвѣщеніи своихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ. Несправедливо думать, что образованный инородецъ останется шаманистомъ-язычникомъ или узкимъ фанатикомъ-магометаниномъ. Образованіе расширяетъ кругозоръ и лучше всего подготовляетъ къ воспріятію высшаго культа и вѣрованія. Образованіе—вотъ единственный путь, которымъ должно совершаться обновленіе инородца. Почва образованія и цивилизаціи не разжигаетъ страстей, предразсудковъ, суевѣрій, но сближаетъ людей. Появленіе среди инородцевъ людей съ образованіемъ поэтому особенно желательно, и чѣмъ выше будетъ это образованіе, тѣмъ больше явится пониманія и единенія съ общечеловѣческими интересами. Образованные инородцы будутъ лучшими друзьями русскихъ. Будемъ надѣяться, что сибирскій университетъ приметъ въ свою среду представителей инородческихъ племенъ, жаждущихъ знанія. А послѣдніе, надѣемся, поймутъ, что въ этомъ общечеловѣческомъ знаніи находятся ключъ и разгадка многихъ вопросовъ; въ немъ указывается спасеніе отъ вѣковыхъ бѣдъ и несчастій, въ немъ лежитъ человѣческое примиреніе, въ немъ они найдутъ утѣшеніе и надежду для спасенія своего племени. Увеличеніе образованныхъ людей среди инородцевъ, доступъ имъ къ образованію и возвращеніе къ своему племени съ «пальмовою вѣтвью» мирной науки—вотъ наилучшій и вѣрнѣйшій путь къ уразумѣнію и разрѣшенію инородческаго вопроса.

---

[1]) Въ послѣднее время число такихъ инородцевъ увеличивается; укажемъ на выдвинувшагося изъ якутовъ Николаева, Хангалова, С. А. Пирожкова, Батмаева, Катанова, воспитанника изъ минусинскихъ инородцевъ, получившихъ высшее образованіе и командированнаго нынѣ Академіей Наукъ и Географическимъ Обществомъ для изученія инородцевъ.

ГЛАВА VII.

КОЛОНИЗАЦІЯ СИБИРИ И СОВРЕМЕННЫЯ ПЕРЕСЕЛЕНІЯ.

Сибирь какъ продуктъ колонизаціи.—Движеніе вольнонародныхъ переселеній.—Эмиграція и побѣги въ Сибирь.—Періоды казенной колонизаціи, промышленная, торговая и земледѣльческая колонизація.—Современное движеніе переселеній.—Переселенія съ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и послѣ него.—Направленіе колонизаціи и мѣста, избираемыя народомъ.—Миновала-ли потребность переселяться.—Неизбѣжность переселеній при увеличеніи населенія.—Современныя задачи переселенія, положеніе переселенцевъ.—Принципъ регламентаціи и свободнаго выбора земель.—Ихъ результаты.—Роль Сибири въ будущей колонизаціи.

Всякая колонизація есть результатъ извѣстныхъ натурально-историческихъ и экономическихъ потребностей міроваго разселенія, точно такъ же, какъ колонія есть памятникъ народно-исторической творческой работы и колонизаціонныхъ способностей даннаго народа. Сибирь по происхожденію есть продуктъ самостоятельнаго народнаго стремленія и творчества; результатъ порыва русскаго народа къ эмиграціи, къ переселеніямъ и стремленію создать новую жизнь въ новой странѣ. Безъ этого движенія не было бы Сибири. Ватага Ермака была только продуктомъ броженія русской народной жизни, искавшей выхода, она была движима тою же силою, какою впослѣдствіи въ XVI и XVII вв. управляла тысячами народовъ, кинувшимися въ Сибирь искать приволья, изъподъ ига крѣпостнаго права, «отъ безурядицы, смуты, гнета суровой регламентаціи, непосильныхъ тягостей и злоупотребленій».

Поэтому мы въ правѣ считать Сибирь по преимуществу продуктомъ вольнонародной колонизаціи, которую впослѣдствіи государство утилизировало и регламентировало. Обратимъ вниманіе на самое проявленіе колонизаціонныхъ силъ на нашемъ Востокѣ. Передвиженіе русскаго народа до Ѳеодора и Бориса Годунова было довольно свободно, а наклонность «брести въ рознь» начала до-

вольно сильно практиковаться въ XVI столѣтіи. Сибирь дала готовый выходъ этимъ элементамъ и открыла клапанъ движенію. Законы объ укрѣпленіи крестьянъ и «Юрьевъ день» стѣснилъ народъ и юридически прикрѣпилъ его къ землѣ, но не остановилъ движеніе, а, напротивъ, далъ ему новый импульсъ и побужденіе «брести». Очень немудрено, что первыя бѣгства отъ крѣпостнаго права были сильнѣе послѣдующихъ, когда народъ сжился съ крѣпостнымъ правомъ и создались мѣры предупрежденія побѣговъ. Около ста лѣтъ со времени завоеванія, Сибирь по своему положенію представляетъ просторъ для гулящаго и бѣглаго люда, хотя рядомъ идетъ и колонизація казенная. Въ 1622 г. производится въ Сибири первая перепись населенія, причемъ оказывается уже въ ней 70.000 жителей и 7.400 ссыльныхъ (Словцовъ, с. 138—152). Въ 1688 г. послѣдовало повелѣніе пашенныхъ крестьянъ, прибывшихъ послѣ переписи, отослать въ Иркутскъ на водвореніе, и такихъ пришельцевъ отправлено 500 чел. Послѣ переписи въ 1683 г. правительство предписываетъ поставить «заставы крѣпкія, чтобы запретить бѣглымъ во множествѣ перебираться въ Сибирь» (Приказъ соликамскому и чердынскому воеводамъ). Въ 1697 г. производится повторительная перепись въ Сибири. Свободная колонизація, однако, не прекращается, и послѣ созданія заставъ мы видимъ, что, въ виду ея значенія, съ этимъ фактомъ примиряется само правительство. Въ 1697 г. государь въ наказѣ верхотурскому воеводѣ не изъявляетъ неудовольствія по случаю пришедшихъ крестьянъ изъ-за Урала, вслѣдствіе неурожая, а предполагаетъ опредѣлить ихъ на десятинную пашню. Напротивъ, какъ видно изъ указа 1686 г., правительство само предназначаетъ Сибирь для гулящихъ людей; всѣхъ пришлыхъ и проживающихъ безъ указанныхъ видовъ въ Москвѣ съ 1686 г. велѣно штрафовать, а въ случаѣ несостоятельности ссылать въ Сибирь (Словцовъ, ч. I, с. 212). Наказъ государевъ нерчинскому воеводѣ доказываетъ, что тамошній край предполагалось заселить крестьянами, семейно бѣжавшими въ Сибирь въ большихъ толпахъ. Въ 1697 г. послано ихъ съ женами и дѣтьми 624 души. Къ сожалѣнію, и третьей доли не дошло до мѣста (ibid., 212). Историкъ Сибири, Словцовъ, отводитъ довольно обширное мѣсто этимъ самовольнымъ передвиженіямъ народа. Говоря о населеніи Сибири во второй періодъ къ 1709 г., онъ упоминаетъ объ эмиграціи съ 1600 по 1662 г., потомъ въ теченіе 47 лѣтъ и особенно съ 1680 по 1686 г., считая «большими ватагами уклонявшихся въ Сибирь» во время волненій въ крѣпостномъ классѣ послѣ строгихъ указовъ 1685 г., изданныхъ противъ старообрядцевъ, наконецъ—во избѣжаніе ре-

крутскихъ наборовъ. «По длинной границѣ отъ Верхотурья до Исети тогдашняя власть не могла удержать людей—говоритъ историкъ—наконецъ, многіе воеводы находили свой разсчетъ потворствовать преумноженію переселенцевъ, которые не прежде обнаруживались, когда разрубятъ лѣса и поднимутъ пашенные выгоны». «*Полевая независимость*—продолжаетъ историкъ—ускользнувшихъ изъ Россіи не скоро вызывала къ знакомству съ городами и властями». Приходило, однакожъ, время, когда власти узнавали о новичкахъ и облагали оброкомъ и десятинной пашней,—такъ насаждались въ Сибири починки, заимки и цѣлыя деревни, записывавшіяся уже въ окладъ вдолгѣ послѣ ихъ основанія. Соотвѣтственно этому населеніе Сибири постепенно росло и въ 1709 г. она имѣла уже 229.227 душъ, итогъ же податныхъ сословій равнялся 130.957 душамъ [1]). Вѣроятно, въ эту перепись, однако, не входило множество народа, скитавшагося по Сибири. Первое время воеводскаго управленія въ Сибири, огромный произволъ обложенія казенной пашней, повинностями, ямской гоньбой при рѣдкости населенія, фискальный характеръ управленія и грубая, принудительная воеводская система, наконецъ, злоупотребленіе и нажива служилыхъ людей, вошедшія въ поговорку и въ примѣръ безцеремонности и наглости, создали и въ Сибири побужденье разбредаться и скрываться. По крайней мѣрѣ историкъ Соловьевъ, описывая сибирскія дѣла при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и разсказывая, какъ въ Енисейскѣ не дали обыватели проѣзжимъ служилымъ людямъ подводъ и разбрелись врозь, говоритъ, что обычай этотъ практиковался преимущественно на окраинахъ (Соловьевъ. Исторія Россіи, т. IX, с. 400—403). Видя разбредающуюся Сибирь, съ половины XVIII ст. начинаются жестокія преслѣдованія бѣглыхъ и въ Сибири, заставляющія удаляться народъ въ лѣса. Наконецъ, съ начала XVIII ст. мы видимъ преслѣдованіе раскольниковъ. Словцовъ упоминаетъ о 3.000 уничтоженныхъ и побитыхъ старообрядцахъ на Уралѣ, а около 1760 г., подъ вліяніемъ гоненій, множество старообрядцевъ прибѣгло къ самосожженію. Всѣ эти мѣры, вмѣстѣ съ заставами, таможнями и разъѣзжавшими драгунскими командами, не могли не положить предѣла самовольнымъ передвиженіямъ и обширной эмиграціи толпами, но онѣ не прекратили побѣговъ въ Сибирь. Мало того, вскорѣ Сибирь начала получать для народа устрашающее значеніе; направленная сюда ссылка дискредитировала и подорвала репутацію этой страны въ глазахъ русскаго народа, и вмѣсто ми-

[1]) Историч. Обозр. Словцовъ, ч. I, с. 309—315.

Якутъ.

Бурятъ.

овъ объ обѣтованной землѣ, начали слагаться другіе миѳы о странѣ, гдѣ люди ходятъ подъ землею и гдѣ не свѣтитъ солнце. Не смотря, однако, на это предубѣжденіе, внушаемый страхъ, а впослѣдствіи положительныя запрещенія самовольныхъ переселеній и преслѣдованіе бѣгствъ, дорога въ Сибирь не заростала; подлѣ торной дороги, по которой со звономъ кандаловъ гнали партіи преступниковъ, вилась незамѣтная лѣсная тропа, по которой тайкомъ перебирался русскій свободный переселенецъ и бѣглецъ. Народъ переселялся въ Сибирь подъ разными предлогами и во всевозможныхъ видахъ. Бывали случаи, что дѣти ссыльныхъ отцовъ бѣжали въ Сибирь и здѣсь съ помощью денегъ записывались въ число ссыльныхъ. Положеніе ссыльнаго поселенца было легче въ Сибири, чѣмъ участь крѣпостнаго крестьянина въ Европейской Россіи. Когда противъ общаго колонизаціоннаго стремленія были приняты мѣры, началась эмиграція тайная, и народъ началъ выбирать болѣе укромныя и глухія мѣста въ самой Сибири. По мѣрѣ правительственной организаціи, начались преслѣдованія противъ передвиженій и скитаній народа въ самой Сибири. Въ XVIII столѣтіи, какъ обнаруживаютъ многія дѣла и акты, Сибирь представляла древнюю бродячую Русь. Въ разныхъ мѣстахъ ея открывали всевозможныхъ бѣглецовъ, странниковъ, промышленниковъ, скитавшихся годы по лѣсамъ, скиты раскольниковъ и блокгаузы скваттеровъ. Бѣглецы эти, подъ вліяніемъ преслѣдованія, превращались впослѣдствіи въ разбойниковъ, какъ, напримѣръ, крестьяне Селезневы на Бухтармѣ (пограничныя дѣла Омскаго областнаго архива 1759, т. 47, стр. 78). Драгунскія команды разъѣзжали по Сибири ловить бѣглецовъ и людей безпаспортныхъ, ихъ забирали и судили. Правительство, въ 1743 году, указомъ запретило проникать за пограничную линію и, за нарушеніе, приказало наказывать кнутомъ всѣхъ свыше 40 лѣтъ возрастомъ, и плетьми и батогами—кто моложе. Но это не прекращало авантюризмъ, скитальчество и промышленное піонерство, далеко за линіями, отдѣлявшими русскіе посты; на границахъ кочевниковъ, калмыковъ и киргизовъ раскидывались промышленныя избушки, балаганы охотниковъ, и русское крестьянство разсыпалось далеко, уходя иногда въ глубь Средней Азіи подъ именемъ охотниковъ соболевщиковъ, хмѣлевщиковъ, рыболововъ и кладоискателей (см. акты Омскаго обл. архива 1759, 1762, т. 67, 68, 73, и матеріалы, собранные къ исторіи Сибири Потанинымъ). По мѣрѣ того, какъ мѣстныя власти изслѣдовали территорію и приближались къ китайскимъ границамъ, они открывали поселки вольныхъ и бѣглыхъ людей. Такъ, въ прошломъ столѣтіи, при

Екатеринѣ, были открыты на Бухтармѣ цѣлыя слободы бѣглыхъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ каменьщиковъ, которые были приняты въ русское подданство, какъ инородцы. Переселенія въ Сибирь, такимъ образомъ, съиздавна дѣлятся на два рода: правительственныя обязательныя или по вызову и указанію и вольнонародныя. Къ правительственному способу заселенія Сибири принадлежали: высылка служилыхъ людей, казаковъ, пахотныхъ людей, ямщиковъ, наконецъ, преступниковъ. Мы видимъ первыя распоряженія отправлять и селить людей въ Сибирь около 1590 г., когда велѣно было въ Сольвычегодскѣ на всемъ посадѣ и въ уѣздѣ выбрать въ Сибирь на житье тридцать человѣкъ пашенныхъ людей съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ; а у всякаго человѣка было бы по три мерена добрыхъ, да по три коровы, да по двѣ козы, по три свиньи, да по пяти овецъ, да по двое гусей, да по пяти куръ, да по двое утятъ, да на годъ хлѣба, да соха со всѣмъ для пашни, да телѣги, да сани и всякая рухлядь, а на подмогу сольвычегодскіе посадскіе и уѣздные люди должны были дать имъ по 25 рублей человѣку [1]). Съ тѣхъ поръ отправка людей для колонизаціи продолжается. Подобный же актъ мы встрѣчаемъ, въ 1592 году, относительно заселенія Пелыма, для житья въ которомъ повелѣно набрать 50 человѣкъ казаковъ конныхъ, до 100 человѣкъ стрѣльцовъ пѣшихъ, которымъ, вмѣсто хлѣбнаго жалованья, велѣно служить изъ пашенъ, чтобы впредь хлѣбныхъ запасовъ не привозить въ Пелымъ изъ Россіи. Кромѣ того, переведены въ Пелымъ на пашню изъ Москвы, Каргополя, Перми и Вятки крестьяне и велѣно имъ пахать на Государя. Грамота 1592 года воеводамъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: «О всемъ промышляти, и городъ дѣлать, и люди устроить, и мѣста подъ дворы раздавати жилецкимъ людямъ и казакамъ, смотря по тамошнему мѣсту, какъ бы впередъ было государеву дѣлу прибыльнѣе. А казакамъ терскимъ государево жаловальное слово, чтобъ они Государю послужили. А которые захотятъ въ жильцы тутo изо всякихъ ратныхъ людей, и ихъ переписати, а устроить тутo пятьдесятъ человѣкъ конныхъ: тѣмъ и земли, помѣтивъ, раздавать; а жалованья годоваго сулить имъ польскимъ казакамъ по семи рублевъ, а атаману десять рублевъ, а хлѣба по семи четь муки, а овса потомужъ. А стрѣльцовъ прибирать пѣшихъ до ста человѣкъ, а сотнику потомужъ, что и атаману, а пѣшимъ стрѣльцамъ по пяти рублевъ, да хлѣба по пяти четь муки, да по чети крупъ, да по чети толокна человѣку. А земли бы имъ всѣмъ да-

[1]) Акты Археограф. Экспед., I, № 349, Соловьевъ, т. VII, стр. 419—420.

вати, чтобъ впередъ всякій былъ хлѣбопашецъ, и хлѣба бы не возить. А которые московскіе веденцы девять человѣкъ изъ Каргополя посланы, и тѣмъ указать земли и угодья, чтобъ они изъ Перміи съ собою взяли и лошади, и животины, и сохъ, хотя немного, чтобъ имъ пашни вскорѣ завести. А которые посланы изъ Перміи и съ Вятки на житье для пашни, и у тѣхъ бы, и хотя у четырехъ человѣкъ была лошадь, и животина бы съ ними была, и сохи бы съ ними были, хотябъ къ паранинѣ завести и немного пашни, да и ржи взяти на заводъ десять четь изъ Перміи; и велѣти жилецкимъ людямъ дворы себѣ ставить и слободы у города устроить, въ которомъ мѣстѣ пригоже и земли на пашни высмотрѣть лучшія, и у крѣпостей подавать пашни на Государя пахать всякимъ людямъ. А лучшія мѣста выбравъ, оставить про государевъ обиходъ до трехъ сотъ четь; а впредь та земля пахать на Государя жилецкимъ людемъ, которыхъ устроятъ на житье. Да изъ таборовъ и кошуковъ пашенныхъ молодчихъ людей взять со всѣми семьями и съ лошадьми и посадить тутo на пашнѣ, и пашни пахати велѣти на Государя. На таборы и кошуки, на тутошные люди, положить хлѣбомъ оброкъ, чтобъ съ нихъ ничего не имать, никакого оброку, ни соболей, а имать бы хлѣбомъ. Только устроя городъ и укрѣпя,—положить на нихъ оброкъ хлѣбной, разспроса про нихъ, что пригоже на нихъ не положить. А церковное строеніе устроить, а попа и дьякона взять ѣдучи въ Сибирь и, въ подмогу, съ посадскихъ тамошнихъ поповъ, собрать сорокъ рублевъ. А на церковь послано съ Москвы два фунта ладану, два фунта темьяну, да пудъ воску, да ведро вина церковнаго, и образы, и книги, и колокола, и все церковное строеніе».

Постройка городковъ и остроговъ была плодомъ военной колонизаціи; она двигалась весьма быстро вмѣстѣ съ завоеваніемъ. Въ XVI столѣтіи уже основаны были казаками Тюмень, Тобольскъ, Пелымъ, Березовъ, Тара, Сургутъ, Обдорскъ, Нарымъ, Кетскъ и Верхотурье. Въ XVII столѣтіи—Томскъ, Ачинскъ, Туруханскъ, Кузнецкъ, Енисейскъ, Красноярскъ, Якутскъ, Олекминскъ, Канскъ, Баргузинъ, Балаганскъ, Киренскъ, Нерчинскъ, Иркутскъ, Селенгинскъ и Албазинъ въ 1650 г. Такимъ образомъ, въ 70 лѣтъ мы достигли Амура; въ продолженіе XVIII столѣтія занимается Камчатка и дѣлаются пріобрѣтенія въ Южной Сибири, въ XVIII столѣтіи заселяются промежуточные пункты и новыя крѣпости, какъ Омская, Петропавловская, Ямышевская, основываются Бійскъ, Семипалатинскъ, Устькаменогорскъ, Петропавловскъ въ Камчаткѣ и другія. Въ XVI столѣтіи мы видимъ созданіе первыхъ ямовъ или станцій, для обезпеченія проѣзда по Сибири; таковы были

первые Самаровскій и Демьянскій ямъ, около 1732 г., въ Сибири считалось 6.723 ямщика. Это было поселеніе, заселенное по указамъ, подневольное; оно совершало безпрестанные побѣги и было постоянно подновляемо. Въ XVIII столѣтіи началось казенное заселеніе трактовъ и линій. Правительству понадобилось соединить промежуточными пунктами намѣченныя острогами и крѣпостями границы завоеваній. Такъ, заселяется трактъ въ 1593 г. между Верхотурьемъ и Тобольскомъ, въ 1637 г.—трактъ между Березовомъ и Тобольскомъ. Въ 1744—1745 г.—между Тобольскомъ и Тарою, въ 1762 г.—между Ишимомъ и Омскомъ, въ 1761 г.—между Чаусскимъ Острогомъ и Томскомъ, въ 1763 г. пролагается Екатеринбургская дорога, въ 1762—1780 г.—трактъ между Тарою и Чаусскимъ Острогомъ и производится заселеніе Барабы. Наконецъ, съ XVIII столѣтія начинаютъ ограждаться границы посредствомъ казачьихъ линій и поселеній. Въ 1720—1773 г. возводится Иртышская линія, въ 1755 г.—казачья линія между Омскомъ и Звѣриноголовскомъ, въ 1759 г.—Колывано-Кузнецкая линія, въ 1764 г.—Новоколыванская Кузнецкая линія, въ 1780 г.—Бухтарминская. Подобныя же черты казенной колонизаціи проводятся въ новопокоренныхъ мѣстахъ въ XIX столѣтіи.

Вслѣдъ за военною и казенною колонизаціею слѣдуетъ промышленная, торговая и вольнонародная колонизація. Промышленники и искатели богатствъ наполняютъ Сибирь не менѣе гуляющихъ людей; они рыщутъ по сибирскимъ пространствамъ, по глухой тайгѣ и прокладываютъ тропы; они создаютъ блокгаузы, промышленныя избушки и даже предшествуютъ военной колонизаціи. Эти промышленныя избушки и заимки мы находимъ впереди нашихъ линій, когда Алтай и киргизская степь не находились еще въ предѣлахъ нашихъ границъ. Промышленники, охотники и гуляющіе люди, ищущіе дѣла, куда бы имъ пристроиться, являлись не худшими піонерами, чѣмъ предпріимчивые казаки. Но главную основу колонизаціи на Востокѣ составляло земледѣльческое населеніе, усѣявшее край деревнями; безъ него бы казенная колонизація не имѣла поддержки и стерлась бы, какъ смѣлый очеркъ, какъ замысловатый планъ, не получившій реальнаго осуществленія, какъ право на землю, очерченное ремнемъ воловьей шкуры, охватившее неизмѣримыя пустыни, но, попрежнему, оставившее ихъ безплодными. Истинная основа жизни должна была лечь, когда въ землю завоеванныхъ странъ упало первое хлѣбное зерно завоевателя. Таково было значеніе волнъ добровольной народной колонизаціи, слѣдовавшей за военною и казенною. Въ XVI столѣтіи мы видимъ, какъ работящій народъ поморскихъ мѣстъ про-

должаетъ намѣченную колонизацію по Турѣ, Ирбити, Ниццѣ, далѣе на Исети и устьѣ Міаса. На одной Исети возводится Шадринская слобода въ 1662 г., недалеко отъ нея острогъ Масленскій, Красногорскій, Мехонскій; слободы: Башкильская, Инголинская, Терсѣтская, Базневская, Устьміасская, и это все между 1662 и 1668 годами. Такимъ образомъ наполняются промежутки между острогами и городами цѣлымъ рядомъ слободъ изъ охочихъ вольныхъ людей, которые превосходили числомъ казенныхъ крестьянъ, высылаемыхъ весьма часто по воеводскимъ распоряженіямъ, пускавшимися въ путь съ тѣмъ, чтобы бѣжать съ дороги.

Самовольная колонизація чуть-ли не превосходила въ первое время правительственную. По крайней мѣрѣ мы находимъ слѣдующую обрисовку ея у мѣстныхъ изслѣдователей.

«Неправительственная колонизація, какъ кажется, шла значительно быстрѣе правительственной. Сибирь, по покореніи ея, открылась привольною страною, въ которой могли найти успокоеніе всѣ недовольные условіями своей прежней жизни. Подъ прикрытіемъ лѣсовъ и болотъ, а также при неводворенномъ еще порядкѣ управленія, не находя сопротивленія между слабосильными инородцами, сюда бѣжали воры, грабители, разбойники и разные преступники, раскольники, крѣпостные отъ своихъ господъ, люди, избѣгавшіе рекрутчины и платежа государственныхъ повинностей, и вообще всѣ тѣ, которые по какимъ-либо причинамъ считали свободнѣе жить въ привольныхъ и никѣмъ не занятыхъ обширныхъ пространствахъ Зауралья. Конечно, Тобольская губернія, какъ первая полоса, лежащая на пути еще въ не совсѣмъ извѣстную страну, подвергалась и болѣе частымъ заселеніямъ всего этого бѣглаго люда. Даже само правительство въ первое время смотрѣло на эти переселенія довольно благосклонно; такъ, указомъ 1597 г. повелѣно было бѣжавшимъ за 6 лѣтъ и болѣе, кому бы они ни принадлежали, оставаться на своихъ мѣстахъ. Но усиленныя переселенія 1680—1686 годовъ вывели, наконецъ, изъ терпѣнія правительство; въ 1683 году воспослѣдовалъ указъ, по которому не дозволялось пропускать въ Сибирь безъ государевыхъ проѣзжихъ грамотъ. Бѣглецы обыкновенно селились гдѣ-нибудь въ урманѣ, заводя *заимки*, превращавшіяся впослѣдствіи въ деревни и села; бѣглые расчищали лѣсъ, заводили пашню и жили иногда по нѣсколько лѣтъ, не будучи извѣстны правительству. Воеводы, открывая подобныя поселенія, накладывали на нихъ государственную подать, но не доносили царю, такъ какъ для нихъ были весьма выгодны подобные поселенцы, заселявшіе и вмѣстѣ съ

тѣмъ, обезпечивавшіе на будущее время обладаніе чужеземнымъ краемъ. Чрезъ такое разселеніе переселенцы знакомились съ окрестными мѣстами: нашедши болѣе удобныя, они переселялись частями. Уже въ половинѣ XVII столѣтіи мѣста, лежавшія на дорогѣ изъ Верхотурья чрезъ Туринскъ и Тюмень въ Тобольскъ, были значительно заселены; русскіе разселялись по ту и другую сторону дороги, въ отдаленіи, по рѣкамъ и озерамъ, заводили слободы и деревни. Самовольныя переселенія крестьянъ, какъ кажется, продолжаются и въ настоящее время; такъ, напр., деревня *Кирилинская* Тарскаго округа, образовавшаяся *самовольно* въ Бутаковской волости, утверждена казенною палатою только въ 1869 г.» (Списки населенныхъ мѣстъ Россійск. Имперіи. LX. Тобольская губернія, стр. XCVIII).

Съ XIX столѣтія, когда въ Сибири сформировалось вполнѣ административно-гражданское управленіе и не было угла, гдѣ бы не было своего исправника, бродить свободно и скрываться по Сибири уже было весьма затруднительно. Паспортная система и запрещеніе безъ разрѣшенія основывать поселки и деревни сковали переселенія въ тѣсныя границы; вмѣсто бѣгства и свободнаго перехода, возможно было только формальное перечисленіе; но для многихъ-ли было оно возможно при крѣпостномъ правѣ? Правда, народъ употреблялъ всевозможные способы къ тому, чтобы проникнуть въ свободную отъ крѣпостнаго права и обильную землями Сибирь, но какихъ усилій это стоило. Исторія ссылки намъ открываетъ много фактовъ, какъ въ формѣ иногда подневольной ссылки сквозило затаенное желаніе найти свободу. Русскій крестьянинъ записывался то въ дезертиры, то въ бродяги. Многіе добивались быть сосланными по волѣ помѣщика, т.-е. по капризу, безъ особой вины, и подобные случаи встрѣчаются въ легендахъ этого времени. Наконецъ, въ Россіи создался особый типъ «непомнящаго»; въ этомъ типѣ взялъ свою роль и эмигрантъ. Свободное легальное переселеніе выпадало только на долю государственныхъ крестьянъ. Когда правительство открывало клапанъ колонизаціи, она лилась широкимъ потокомъ. Въ современной исторіи переселеній мы встрѣчаемъ такой періодъ съ 1847 по 1855 годъ. Въ одномъ 1854 году въ Тобольскую и Томскую губерніи было приписано 19.163 души переселившихся. Въ эти годы переселеніе въ Сибирь двигалось по вызову правительства; причемъ переселенцамъ сбѣщаны были льготы и вспомоществованія. Не смотря на то что эти переселенія требовали особыхъ заявленій и удостовѣреній, также не смотря на то, что они замыкались въ тѣсномъ кругѣ государственныхъ крестьянъ, переселенцы

дружно двинулись въ Сибирь и начали наполнять губерніи. По произведеннымъ нами изслѣдованіямъ по двумъ губерніямъ Западной Сибири, Тобольской и Томской, мы видимъ, что въ Тобольскую губернію съ 1846 по 1879 годъ перечислено было 43.753 души, въ Томскую губернію съ 1852 по 1879 годъ—35.000 душъ. По межевымъ свѣдѣніямъ, въ этихъ двухъ губерніяхъ съ 1852 года до 55.311 душъ крестьянъ получили полный земельный надѣлъ. По точнымъ изслѣдованіямъ число переселенцевъ въ одну Томскую губернію съ 1852 по 1863 годъ опредѣляется въ 18.340 душъ. Самые большіе размѣры переселеніе имѣло передъ Крымской кампаніей; затѣмъ съ 1855 года ослабѣло, но по окончаніи войны и съ вызовомъ на Амуръ переселенцевъ, оно снова усилилось; передъ 1862 годомъ—временемъ освобожденія крестьянъ, число переселенцевъ опять начало уменьшаться, а потомъ, за освобожденіемъ—возрастать, причемъ въ движеніи приняли участіе и бывшіе крѣпостные. По количеству этихъ переселеній и распространенію ихъ можно было бы, вѣроятно, прослѣдить исторію внутренней жизни Россіи и ея экономическіе фазисы, если бы мы имѣли достаточно цифровыхъ данныхъ о выселеніяхъ. Несомнѣнно, что всѣ измѣненія народной жизни, всѣ ея волненія выражались тѣмъ количествомъ эмиграціоннаго матеріала, который всплывалъ на поверхность и вырывался за предѣлы постоянныхъ границъ жизни, подъ вліяніемъ кипѣнія, зависѣвшаго отъ температуры историческаго момента. При передвиженіи государственныхъ крестьянъ въ Сибирь до 1863 года, мы встрѣчаемъ, играющими роль, десять губерній, восемь изъ нихъ принадлежать внутренней Россіи и двѣ восточной. На первомъ планѣ стояли: Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Калужская, Орловская и Курская губерніи. Хотя исчисленіе переселеній, по отдѣльнымъ губерніямъ, даетъ весьма слабое понятіе обо всей совокупности движенія, но изъ этого видно, какъ значительны были переселенія. Въ 25 лѣтъ, до послѣдняго времени, въ одну Томскую губернію было перечислено 34.988 душъ крестьянъ. Въ 20-ти-лѣтіе въ двѣ сибирскія губерніи переселеніе равнялось 60.000 душъ, и если мы прибавимъ къ этому восточныя губерніи Сибири, то формально перечисленныхъ, въ 20 лѣтъ, въ Сибирь должно быть не менѣе 100.000 душъ [1]). Извѣстно, что послѣ

[1]) Кромѣ того, мы должны принять во вниманіе переселенія въ другія области, какъ, напр., сѣверо-восточныя губерніи. По свѣдѣніямъ уфимскаго статистическаго комитета, въ Уфимскую губернію переселялось до 6.000 душъ въ 10 лѣтъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ Семирѣченскую область—до 7.000 душъ.

освобожденія крестьянъ, и особенно по исполненіи ими девятилѣтней обязательной повинности, въ Россіи ожидалось огромное передвиженіе населенія, нѣчто въ родѣ переселенія народовъ,— фактъ, къ которому одни относились съ опасеніемъ и робостью, другіе же въ этомъ видѣли неминуемое послѣдствіе задержки населенія, которое слишкомъ долго было сковано насильственными цѣпями крѣпостнаго права. Опасенія эти и предположенія, тѣмъ не менѣе, далеко не оправдались, вѣроятно потому, что легальныя условія нашихъ переселеній, какъ и многія условія народнаго хозяйства не совсѣмъ совпадали съ стремленіемъ къ передвиженіямъ. По нѣкоторымъ даннымъ мы замѣчаемъ, правда, что перечисленія послѣ освобожденія крестьянъ вообще получили нѣкоторый просторъ, и въ извѣстные годы, какъ въ 1871 и 1872 годахъ, они довольно замѣтно поднимались по Томской губерніи (напримѣръ, съ 1.400 на 2.210 въ 1871), но переселенія все-таки далеко не достигли ожидаемыхъ громадныхъ размѣровъ. Разницу въ проявленіяхъ колонизаціоннаго стремленія, за послѣдующій послѣ реформы періодъ, тѣмъ не менѣе, нельзя не замѣтить. Судя по произведеннымъ нами наблюденіямъ въ Сибири, видно, что вмѣсто *десяти* прежнихъ губерній, нынѣ фигурируютъ въ переселеніяхъ *тридцать семь губерній*; причемъ весьма видную роль занимаютъ восточныя губерніи, какъ Пермская, Вятская, Оренбургская. Переселенія въ Сибирь не ослабѣваютъ и до послѣдняго времени, хотя распредѣленія по губерніямъ измѣняются. Напримѣръ, прекратились перечисленія въ Тобольскую губернію, но направляются все болѣе въ Томскую.

Томская губернія, о которой мы собрали болѣе всего фактовъ, представляетъ по годамъ слѣдующую лѣстницу переселеній:

Въ	1870 году	1.412
»	1871 »	1.574
»	1872 »	2.210
»	1873 »	1.393
»	1874 »	1.608
»	1875 »	1.610
»	1876 »	1.254
»	1877 »	1.477
»	1878 »	1.648

Это не ослабѣвающее, но ровно поднимающееся движеніе въ среднемъ числѣ показываетъ, что колонизаціонное напряженіе у насъ по крайней мѣрѣ нисколько не уменьшается. Мы должны при этомъ замѣтить, что приводимыя нами цифры о формальныхъ

перечисленіяхъ, какъ мы убѣдились личнымъ наблюденіемъ, далеко не опредѣляютъ размѣра переселеній въ Сибирь и не исчерпываютъ ихъ. Переселенія до послѣдняго времени совершаются въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Въ сущности, струю народнаго движенія опредѣлить не представляется даже возможности. Кромѣ легальныхъ перечисленій, къ которымъ встрѣчается много препятствій и затрудненій, народъ изыскалъ много другихъ способовъ и путей переселенія. Многіе крестьяне идутъ по паспортамъ и остаются на новыхъ мѣстахъ, только подновляя билеты. Списки проживающихъ въ сибирскихъ деревняхъ крестьянъ показываютъ, что люди живутъ здѣсь лѣтъ по десяти и болѣе, обзаведясь домами, но находясь въ зависимости отъ прежнихъ обществъ. Множество лицъ хлопочетъ по нѣскольку лѣтъ о перечисленіи, находясь въ переходномъ состояніи, давно совершивъ фактъ переселенія; множество скрывается въ глухихъ мѣстахъ и дебряхъ или продолжаетъ жить безъ приписки по лицу широкой и гостепріимной матери-Россіи и привольной Сибири. Фактъ такъ-называемыхъ самовольныхъ переселеній играетъ и до сего времени весьма важную роль въ исторіи нашей колонизаціи. Переселенія такъ же, какъ и въ древній періодъ, вѣтвятся въ двѣ формы. Легальную—при помощи оффиціальнаго перечисленія, и самовольную, совершающуюся безъ всякихъ формальностей, завѣщанную отъ вольныхъ движеній прошлаго. Нѣкоторые факты доказываютъ, что проявленія послѣдней весьма значительны. Въ Сибири не рѣдкость открываемыя цѣлыя деревни и слободы: въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Тобольской губерніи упоминается образовавшаяся самовольно деревня Кирилинская, Тарскаго округа, приписанная палатою только въ 1869 году; но подобныхъ деревень много и въ Томской губерніи. Въ Алтаѣ и другихъ глухихъ мѣстахъ не мало деревень, которыя признаются и утверждаются послѣ многихъ лѣтъ существованія. Мы встрѣчаемъ въ Сибири множество мѣстъ, которыя долго считались на картѣ пустынями, но впослѣдствіи, когда являлось межеваніе, оно находитъ готовыя обстроенныя деревни и довольно значительныя завоеванія колонизаціи. Такъ, въ настоящее время производится колонизація по правымъ притокамъ Иртыша, по Ую, Шишу и Тарѣ, соединяя огромный Васюганскій волокъ въ Тарскомъ округѣ и пролагая дорогу на сѣверъ; такъ идетъ колонизація по Карасуку, въ Барнаульскомъ округѣ, по Бухтармѣ и т. д. Въ Семирѣченской области крестьяне также садятся оазисами среди пустынь, ищутъ укромныхъ мѣстъ на границахъ и иногда селятся около самыхъ китайскихъ владѣній. Но и внутри Сибири, въ глухихъ лѣсахъ и тай-

гахъ, находятся еще донынѣ скиты, заимки, хутора и расчистки. Къ сожалѣнію, эти несчастные піонеры колонизаціи, часто принимаемые за бѣглыхъ, возбуждаютъ, при открытіи ихъ, самое безжалостное отношеніе къ нимъ со стороны патріархальной сибирской полиціи, которая выжигаетъ эти поселки съ хлѣбами, съ обзаведеніемъ, а люди цѣлые годы томятся въ тюрьмахъ.

Русское крестьянство, боясь преслѣдованій и изыскивая свободныя мѣста, стремится все глубже и глубже къ азіатскимъ границамъ. Извѣстно, что прежде, чѣмъ прибыли географы, а также и пограничныя власти къ подножьямъ Катунскихъ альпъ, въ вершинахъ р. Катуни, какъ онѣ были уже посѣщены бухтарминскими охотниками-крестьянами, расположившимися въ сосѣдствѣ ихъ деревнями. Горячіе рахмановскіе ключи названы по имени крестьянина Рахманова. Относительно весьма смѣлаго проникновенія крестьянъ и колонизаторовъ на наши окраины мы позволимъ себѣ привести два характеристическихъ разсказа изъ недавняго времени. Во время нашего военнаго движенія на Кульджу, на границѣ былъ поставленъ военный постъ, близъ р. Борохудзиръ, гдѣ оставлена была сотня казаковъ и военный лазаретъ, вдругъ около этого мѣста появляются телѣги переселенцевъ. Оказалось, что они пришли поселяться. Какъ ихъ ни разубѣждали, что здѣсь военная линія и заселеніе преждевременно, крестьяне рѣшились ждать генерала, управлявшаго краемъ. Пріѣхалъ начальникъ и также представлялъ имъ разныя неудобства селиться на мѣстахъ, не вполнѣ безопасныхъ, пушилъ ихъ даже, что далеко зашли, но крестьяне, прошедши дальній путь, ни за что не хотѣли уходить и просили записать ихъ хотя въ казаки. Съ разрѣшенія семирѣченскаго губернатора, наконецъ, они были записаны, и скоро сермяжный строй, подъ руководствомъ казаковъ, учился артикулу, а между прочимъ, и завелъ пашни, т.-е. удовлетворилъ главной потребности. Нынѣ Борохудзиръ—цвѣтущее русское осѣдлое населеніе Семирѣченской области. Второй примѣръ. Одинъ начальникъ, объѣзжая границы, узналъ, что казаки ведутъ споры съ мужиками.—Да какіе же здѣсь мужики? спрашиваетъ изумленный начальникъ. Отправившись въ экспедицію, онъ увидѣлъ въ неприступныхъ горахъ выросшую самовольно русскую деревню.—Кто вы такіе? спрашиваетъ пограничный начальникъ.—Мы россійскіе!—Кто вамъ дозволилъ здѣсь поселиться и какъ вы смѣли?—Мы не на твоей землѣ живемъ, отвѣчали переселенцы.—А на чьей же?—Мы киргизскому султану, что въ Китаѣ живетъ, другой годъ дань за землю платимъ, отвѣчали наивные русскіе колонисты, вообразившіе, что они находятся въ китайскихъ продѣ-

лахъ, на самомъ дѣлѣ они были еще въ предѣлахъ Россіи, хотя въ такой мѣстности, которую знали плохо и русскіе. На границахъ Минусинскаго округа, по Енисею, уже образовываются заселенія. Послѣдніе путешественники, бывшіе въ Монголіи, удостовѣряютъ, что сибирскія заимки, хутора, встрѣчаются далеко за русской границей на монгольскихъ земляхъ, русскіе люди давно проникаютъ сюда, хотя географическая наука только-что начинаетъ открывать эту terram incognitam.

Заселеніе и передвиженіе народа въ Сибири, такимъ образомъ, постоянное. Иногда переселенцы цѣлыми массами наполняютъ мѣстности и неизвѣстно куда исчезаютъ. Такъ, въ 1874 г. заявлялось въ печати, что Томскую губернію наполнили вятскіе переселенцы, въ числѣ 1.700 человѣкъ, которые долго отыскивали возможности перечислиться сюда, но, встрѣтивъ много препятствій, разсыпались Богъ знаетъ куда, и до 200 человѣкъ перебралось въ Енисейскую губернію. Когда-то шедшіе на Амуръ переселенцы, не дойдя до мѣста, также разсыпались по Сибири. Въ 1875 году, на югѣ Томской губерніи въ обширномъ резервуарѣ переселеній за послѣднее время оказалось множество лицъ водворившихся, но не перечисленныхъ; когда поднятъ былъ вопросъ о приписке этихъ лицъ на мѣстахъ водворенія, ихъ оказалось 1.345 семей; въ числѣ ихъ были и шедшіе на Амуръ. По другимъ же свѣдѣніямъ, такихъ переселенцевъ насчитывалось 2.177 душъ, но, вѣроятно, и это не все число; когда получено было разрѣшеніе оставить переселенцевъ на мѣстѣ водворенія, мѣстное начальство было поставлено въ новое недоумѣніе: вмѣсто прежнихъ лицъ, которыя опять исчезли въ колонизаціонномъ потокѣ, оказались все новые самовольные переселенцы. Въ губерніяхъ Восточной Сибири, по послѣднимъ извѣстіямъ, оказалось только оффиціально извѣстныхъ до 200 семей самовольныхъ переселенцевъ, а сколько еще ихъ не приведено въ извѣстность. Нынѣ о такихъ переселенцахъ возбуждаются постоянныя ходатайства, такъ какъ возвращеніе ихъ массами изъ Сибири является дѣломъ невозможнымъ, оно поведетъ къ уничтоженію цѣлыхъ поселеній и неразсчетливому разоренію людей; такимъ образомъ, правительство фактически уже примиряется съ этимъ народнымъ движеніемъ.

По этимъ фактамъ можно судить, съ какимъ крупнымъ и грандіознымъ явленіемъ русской жизни мы имѣемъ дѣло. Исторія этихъ движеній и многообразное проявленіе всѣхъ формъ и видовъ колонизаціи подлежитъ еще многимъ внимательнымъ изслѣдованіямъ и, вѣроятно, откроетъ замѣчательныя черты для наблюдателя народной жизни. Обратимся же теперь къ ея результатамъ

и разселенію пришельцевъ на новыхъ земляхъ. Приведенные факты доказываютъ, какъ давно русскій народъ намѣтилъ нашъ сѣверо-востокъ. Разселеніе по Сибири избрало различные пути, обусловленные народными инстинктами, экономическими потребностями и физическими условіями мѣстности. Въ исторіи колонизаціи Востока и Сибири мы видимъ, что колонизація направлялась сначала сѣверными путями, вѣтвилась по сибирскимъ рѣкамъ, единственнымъ удобнымъ путямъ сообщенія древняго времени. Это былъ первый остовъ колонизаціи. Расположившись на двухъ обширныхъ бассейнахъ сибирскихъ рѣкъ, Иртыша и Оби, колонизація достигла крайняго сѣвера. Огромныя пространства и пустыни, раздѣлявшія водораздѣлы, оставались незаселенными; такими были: Тарскій волокъ, Бараба до Томска и пространство до Енисея. Съ главныхъ рѣкъ разселеніе располагалось понемногу по притокамъ снизу рѣкъ къ вершинамъ; это называлось по-сибирски «вывершить рѣку». При этомъ населеніе начало вѣтвиться и избирать мѣста преимущественно по южнымъ притокамъ рѣкъ, приближаясь къ болѣе плодороднымъ мѣстностямъ. Такой путь колонизаціи по рѣкамъ отъ мѣстъ менѣе плодородныхъ къ болѣе плодороднымъ есть естественный путь разселенія всѣхъ народовъ. Законъ этотъ замѣтилъ и выяснилъ, между прочимъ, Кэри [1]). «Воздѣлываніе земли идетъ въ глубь страны къ плодороднымъ долинамъ», говоритъ онъ. Таковъ былъ путь разселенія въ Америкѣ въ Массачузетѣ, Нью-Йоркѣ, Нью-Гавенѣ, въ Нью-Джерсеѣ по теченію Делавары, въ Виксонсинѣ, въ Сѣверной Каролинѣ, на Миссисипи и въ Техасѣ; таково же было заселеніе Мексики, Вестъ-Индіи и Южной Америки. Естественнымъ стремленіемъ переселенца является занять болѣе сносныя мѣста для жизни, хотя и менѣе плодородныя. Только въ позднѣйшій, второй періодъ русская колонизація заняла среднюю земледѣльческую полосу Сибири, и такимъ путемъ образованы самые заселенные округа Тобольской и Томской губерній. Наконецъ, съ присоединеніемъ степей, съ расширеніемъ русскихъ границъ къ Китаю и оттѣсненіемъ кочующихъ ордъ, очистился югъ Сибири. Въ климатическомъ отношеніи это лучшая полоса. Русское населеніе уже въ прошломъ столѣтіи подвигалось къ границамъ и начинало населять предгорья Алтая, но пограничныя линіи полагали предѣлъ попыткамъ колонистовъ и промышленниковъ. Съ начала нынѣшняго столѣтія осѣдлая крестьянская колонизація прорвала эти линіи и началось заселеніе огромной территоріи Алтая. Наконецъ, къ Сибири присоеди-

[1]) Руководство къ соціальной наукѣ, Кэри, стр. 93, 98, 294 и др.

нились новыя области на югѣ; таковы были Семирѣчье и Амуръ. Для русской колонизаціи открылось новое обширное поле.

Разсматривая современное направленіе русскихъ переселеній въ предѣлахъ Сибири, мы видимъ, что русскій народъ избираетъ для поселеній преимущественно югъ. Такъ, переселенцы идутъ въ Семирѣченскую область, на югъ Томской губерніи, въ Алтай, въ Минусинскій край Енисейской губерніи. Трудно избрать лучшія мѣста по плодородію и богатымъ экономическимъ условіямъ.

Вся Алтайская мѣстность съ горами, долинами, лѣсами, изобиліемъ минеральныхъ богатствъ составляетъ драгоцѣннѣйшій перлъ Сибири. Лѣтъ сорокъ назадъ началась колонизація, и тѣмъ не менѣе создались уже цѣлыя цвѣтущія волости. Въ 5-ти новообразованныхъ волостяхъ находится до 50.000 жителей. Во всемъ Бійскомъ округѣ 203.855 жителей обоего пола. Съ 1866 по 1878 г. сюда перечислилось до 8.124 крестьянъ изъ внутреннихъ губерній. Здѣсь совершается великая колонизаціонная работа русскаго населенія. Не смотря на запрещеніе, крестьянство проникло въ раіонъ инородческихъ земель, куда переселеніе не разрѣшалось, и занимаетъ нынѣ калмыцкія земли. Наконецъ, крестьянство упорно стремится разомкнуть государственныя границы и нынѣ находится у предѣловъ Китая.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ мы видѣли цвѣтущія поселенія, пользующіяся замѣчательнымъ благосостояніемъ. Кромѣ Алтая, мы должны привести другой крупный примѣръ колонизаціонныхъ и культурныхъ завоеваній. Это—заселеніе Семирѣченскаго края. Семирѣчье было присоединено почти одновременно съ Амуромъ; такое названіе носятъ плодоносныя долины Или, около озера Балхаша, на русской границѣ; нынѣ это цѣлая область, въ которую стремится русское переселеніе. Вотъ что сообщается объ этомъ краѣ въ послѣднее время. Семирѣченскій край, населеніе котораго въ 1872 году простиралось до 543.000 душъ съ туземцами, имѣетъ нынѣ 31.800 русскихъ жителей, но съ каждымъ годомъ привлекаетъ къ себѣ все больше и больше переселенцевъ.

Послѣ 19 февраля 1861 года въ Семирѣчье стали переселяться малороссы, тамбовцы, воронежцы и вятскіе вотяки; черезъ десять лѣтъ ихъ уже насчитывалось до 7.000; всѣ они занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, огородничествомъ и пчеловодствомъ. Производительность почвы, при орошеніи, изумительна. По разсказу автора замѣтокъ о Семирѣченскомъ краѣ («Акмолинскія Областныя Вѣдомости», 1876, № 6—8), «лѣтъ восемь назадъ, при церковномъ домѣ въ малой Алматинской станицѣ было воткнуто до 500 тополевыхъ колышковъ, теперь они стали деревьями, имѣю-

щими болѣе 5 вершковъ въ отрубѣ; боярка выростаетъ болѣе 3 саженъ, въ отрубѣ—до 5 вершковъ; облѣпиха—тоже; бѣлая акація—до 8 саженъ. Прививки къ плодовымъ деревьямъ даютъ въ первое же лѣто большіе побѣги, которые приносятъ въ слѣдующемъ году плоды; вообще тамъ не растетъ только то, что не посажено». «Семирѣченскій край изобилуетъ всѣмъ необходимымъ для человѣка: въ горахъ Алатаусскихъ и Тяньшанскихъ находятся серебряныя, мѣдныя, свинцовыя, никкелевыя, желѣзныя и иныя руды; большое природное сокровище составляютъ цѣлебные минеральные источники, теплые и холодные. Иссыкъ-кульскіе ключи имѣютъ весьма высокую температуру. Въ Малой Алматинкѣ, близъ Вѣрнаго, находится источникъ, вода котораго, отъ множества выдѣляющагося газа, кажется кипящею и такъ холодна, что окунувшемуся въ нее въ жаркую лѣтнюю пору едва-ли можно выдержать леденящую температуру этого Нарзана. Здоровость и живописность Семирѣченскаго края дополняютъ общую картину и невольно привлекаютъ къ нему симпатіи».

Приводимъ также изъ «Туркестанскаго Ежегодника» описаніе станицы Лепсинской, гдѣ колонизуется нынѣ крестьянство. Лепса—одна изъ 7-ми рѣкъ, впадающихъ въ Балхашъ. Мѣстность Лепсинской станицы, составлявшая прежде любимое кочевье джунгарскихъ (калмыцкихъ) хановъ, замѣчательна также своимъ превосходнымъ, благорастворенным климатомъ. Весна начинается здѣсь въ концѣ апрѣля. Верховья Лепсы, лѣтомъ маловодныя, превращаются въ это время въ стремительные потоки, увлекающіе камни и деревья. Весною идутъ проливные дожди, увлажающіе почву, а лѣтомъ нерѣдко случаются сильныя грозы въ горахъ. Вслѣдствіе возвышеннаго мѣстоположенія долины Чубаръ-агачъ (Лепсинской), лѣтомъ тамъ зной не такъ ощутителенъ, а ночи даже довольно холодны. Лѣтомъ дожди бываютъ рѣдко, но травы, однако же, не высыхаютъ, какъ въ киргизской степи. Яркая зелень, испещренная цвѣтами, ежедневно освѣжается по утрамъ росою и сохраняетъ свѣжесть до осени, которая обыкновенно начинается въ октябрѣ и сопровождается густыми туманами. Въ ноябрѣ выпадаетъ снѣгъ, а въ декабрѣ уже устанавливается полная зима.

Таково же описаніе долины Борохудзира, гдѣ, вслѣдъ за русскимъ отрядомъ, также явилось крестьянство. Долина Борохудзирская, лежащая по обѣимъ сторонамъ рѣки Борохудзиръ, орошаемая холодными ключами и арыками (ирригаціонными каналами), проведенными изъ самой рѣчки, изобилуетъ превосходными пастбищными и луговыми мѣстами. Растущая здѣсь въ большомъ

количествѣ трава и клеверъ весьма сочны и питательны. Почва долины плодородна и удобна для хлѣбопашества, доказательствомъ чему служитъ хорошій урожай хлѣба (самъ-25 и 30), въ особенности у китайскихъ эмигрантовъ. На киргизскихъ же пашняхъ, расположенныхъ между развалинами пикетовъ Ку и Шакыръ, урожай пшеницы и проса бываетъ самъ-15 и 20. Огородныя овощи также родятся въ изобиліи. На Борохудзирѣ эмигрантами разводится хлопокъ, который, однако, по достоинству своему, уступаетъ бухарскому. Берега рѣки Борохудзира покрыты тальникомъ и мѣстами густымъ камышомъ. Лѣсъ на топливо, преимущественно тополь (туранты) и кустарникъ саксаулъ, находится въ 25 верстахъ отъ отряда: первый на рѣкѣ Или, а второй—на урочищѣ Айдарлы-кумъ; какъ тотъ, такъ и другой растутъ въ изобиліи. На Борохудзирѣ водятся утки, кулики и множество фазановъ, а въ камышахъ встрѣчаются и кабаны, стада которыхъ бываютъ отъ 50 до 80 головъ.

Кокъ-кезень—при сліяніи рѣкъ Большаго и Малаго Усека. Мѣстность этого урочища живописна, богата водою и изобилуетъ хорошими пастбищными и луговыми мѣстами; въ лѣсѣ также нѣтъ недостатка: на долинѣ урочища растутъ въ изобиліи тополь, тальникъ, береза, урюкъ и кустарники облѣпихи, барбариса и шиповника. Берега Усека покрыты высокимъ и густымъ камышомъ, гдѣ скрывается множество кабановъ. Строевой еловый лѣсъ растетъ въ верховьяхъ рѣки Усека, въ горахъ, на отвѣсныхъ скалахъ. Земля урочища, по отзывамъ киргизовъ и китайскихъ эмигрантовъ, плодородна и удобна для хлѣбопашества.

Въ IV томѣ «Ежегодника», изданномъ туркестанскимъ статистическимъ комитетомъ, извѣстный нашъ ученый, г. Сѣверцовъ, указываетъ благодатныя и роскошныя мѣста для поселеній къ югу отъ Иссыкъ-куля.

Кромѣ Семирѣченскаго края, является не менѣе привлекательнымъ для переселеній Минусинскій округъ, Енисейской губерніи. Минусинскій округъ занимаетъ самую южную часть Енисейской губерніи,—это житница для цѣлаго края. Округъ раскидывается на 105.775 квадратныхъ верстъ; обширный Енисей прорѣзываетъ округъ во всемъ его протяженіи; на югѣ высится Саянскій хребетъ, пуская горные отроги. Степи, лѣса и альпійскіе луга чередуются въ этой роскошной мѣстности; горныя рѣки орошаютъ ее и способствуютъ богатой растительности; горы представляютъ разнообразныя кристаллическія породы. Минеральныя богатства округа чрезвычайно значительны: каменный уголь, соль, желѣзо и золото, дающее возможность развиться широко золотопромышленности.

Нынѣ округъ заселенъ 45.000 душъ крестьянъ, 2.785 осѣдлыхъ инородцевъ и 23.800 кочевыхъ. Населеніе въ округѣ тѣмъ не менѣе прибываетъ путемъ колонизаціи. Земледѣліе играетъ важную роль между занятіями жителей и особенно распространено въ долинахъ Енисея и въ рѣчныхъ областяхъ Ои и Тубы. При необыкновенномъ плодородіи почвы, Минусинскій округъ, въ отношеніи земледѣлія, занимаетъ первое мѣсто въ Восточной Сибири и снабжаетъ хлѣбомъ всю губернію. Подъ хлѣбопашествомъ въ округѣ занято до 50.000 десятинъ, обработываемыхъ трудомъ 20.000 душъ муж. пола. Скотоводство ведется также въ широкихъ размѣрахъ. Въ округѣ до 118.000 лошадей, 130.000 крупнаго рогатаго скота и 200.000 овецъ. Но еще болѣе привольныя мѣстности расположены къ югу округа; мѣста эти не заняты и влекутъ поселенца въ свои неисповѣдимо-богатыя и прекрасныя нѣдра. Въ Минусинскомъ краѣ населеніе также стремится примкнуть къ границамъ Китая и поселиться въ вершинахъ Енисея, какъ и въ Западной Сибири—въ вершинахъ Катуни и Иртыша. Здѣсь, сначала въ глухихъ мѣстахъ, какъ на Усѣ, образовались раскольничьи поселенія, долго невѣдомыя и слывшія подъ именемъ мивическаго «Бѣловодья». Теперь сюда стремятся проникнуть крестьяне, и колонизація ихъ, по свидѣтельству мѣстнаго жителя, была бы въ высшей степени благодѣтельна для Усинскаго края.

Кромѣ этихъ мѣстъ, населеніе стремится также въ наши киргизскія степи: такъ, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ уже прибываютъ переселенцы въ Кокчетавскій округъ, Акмолинской области,—лучшій округъ во всей степи; нынѣ поселено здѣсь до 600 душъ.

Подобные примѣры показываютъ, съ какимъ вѣрнымъ чутьемъ и знаніемъ народъ избираетъ себѣ мѣста для поселеній. Распространеніе русскаго населенія въ три вѣка на обширной территоріи Сибири служитъ достаточно наглядным примѣромъ той пользы и той существенной заслуги, какую принесла наша колонизація. Тѣмъ не менѣе представляется вопросъ: миновала-ли надобность въ этой колонизаціи, представляется-ли необходимымъ поощреніе переселеній въ ея цѣляхъ, или, напротивъ, имъ пора положить предѣлъ?

При всей важности и значеніи переселеній для государства, при всемъ томъ, что вопросъ этотъ захватываетъ интересы милліоновъ трудящагося населенія, ищущаго выхода и облегченія своего экономическаго положенія, къ сожалѣнію, онъ остается у насъ, въ Россіи, все-таки весьма мало разработаннымъ и выясненнымъ не только въ частностяхъ, но и въ принципѣ. Поэтому намъ

кажется своевременно поставить вопросъ: насколько выгодны вообще переселенія на новыя земли, какъ должно смотрѣть на выселенія народа изъ различныхъ мѣстностей, должна-ли имъ быть предоставлена свобода, оказываться поддержка, или, напротивъ, должны быть употреблены старанія къ удержанію населенія на старыхъ мѣстахъ?

Въ настоящее время нѣтъ въ Европѣ государства, которое бы задерживало переселенія насильственно, такъ какъ право человѣка искать лучшихъ условій существованія весьма естественно. «Право переселенія есть право жизни», говоритъ одинъ изслѣдователь европейской колонизаціи [1]). Европа давно испытала историческое значеніе колонизаціи, начиная съ греческихъ и римскихъ колоній (клерухій и апойкій), составлявшихъ могущество и славу греческаго и римскаго міра, кончая созданіемъ американскихъ государствъ и насажденіемъ колоній во всѣхъ частяхъ свѣта. Поэтому въ Европѣ покровительствуютъ колонизаціи даже такія націи, которыя не имѣютъ собственныхъ колоній и, кажется, ничего не выигрываютъ отъ нея, напримѣръ, Германія. Что касается до переселенія людей въ собственныхъ владѣніяхъ и выселенія въ колоніи, то это считается однимъ изъ выгоднѣйшихъ предпріятій какъ для старой, такъ и для новой страны. «Вывозъ работниковъ и капитала изъ старыхъ странъ въ новыя, оттуда, гдѣ они имѣютъ меньшую, туда, гдѣ они имѣютъ бо́льшую производительную силу, увеличиваетъ сумму богатствъ старой и новой страны», говоритъ англійскій экономистъ Милль. «При нынѣшнемъ состояніи дѣлъ на земномъ шарѣ, колонизація—выгоднѣйшее изъ всѣхъ коммерческихъ дѣлъ, какимъ можетъ заниматься капиталъ старой и богатой страны», прибавляетъ онъ. Поэтому Англія, сознавъ эту истину, издавна покровительствуетъ переселеніямъ. Смотря на нихъ, какъ на весьма важное народно-экономическое и государственное средство помочь населенію, Россія точно также обязана многимъ совершившемуся въ ней разселенію: благодаря ему, она получила возможность укрѣпить за собою обширнѣйшія владѣнія въ мірѣ, которыми обусловливается ея могущество. Но, кромѣ этого политическаго значенія, колонизація у насъ имѣетъ также важное экономическое значеніе. Нашъ народъ, ища лучшихъ и болѣе просторныхъ мѣстъ, при своемъ экстенсивномъ хозяйствѣ, въ переселеніяхъ всегда находилъ способъ поднять свое экономическое благосостояніе. Потребность въ

[1]) L'émigration Européenne, son importance, ses causes, ses effets, par A. Legoyt. 1861, p. XLVIII.

переселеніяхъ, какъ мы видимъ изъ многихъ приведенныхъ фактовъ русской народной жизни, не только не уменьшается, но постоянно увеличивается. Густота населенія при опредѣлившихся границахъ надѣла даетъ себя все болѣе чувствовать. Даже въ лучшихъ губерніяхъ преобладающая норма надѣла очень мало удаляется отъ двухъ десятинъ, говоритъ г. Воронцовъ при изслѣдованіи вопроса переселеній, и не доставляетъ крестьянину полныхъ средствъ для содержанія. Кромѣ того, надѣлы, замкнувъ крестьянство разъ въ земельные предѣлы, не позволяютъ даже расширенію земельныхъ участковъ. Земли съ каждымъ годомъ дѣлается все болѣе недостаточно, тогда какъ населеніе возрастаетъ. Если приростъ населенія въ плодородныхъ губерніяхъ положитъ не болѣе процента съ четвертью ($1^1/_4$%), то населеніе должно удвоиться въ 55 лѣтъ, а увеличиться въ полтора раза въ 32 года. Если при предполагаемомъ умѣренномъ разсчетѣ также будетъ возрастать и потребность въ землѣ, то черезъ 10 лѣтъ настоятельная нужда въ переселенія коснется уже цѣлыхъ милліоновъ крестьянъ. Сила вещей поставитъ тогда вопросъ въ рѣшительной формѣ. Князь Васильчиковъ въ своей извѣстной книгѣ справедливо указываетъ на колонизацію, какъ на одно изъ средствъ отъ накопленія пролетаріата [1]). Дѣйствительно, явленіе переселеній уже теперь становится фактомъ повсемѣстно распространеннымъ. Неизбѣжность и настоятельная потребность переселенія очевидны для насъ, какъ и для другихъ народовъ, и противъ принципа переселеній едва-ли могутъ найтись достойныя вниманія возраженія.

Всего менѣе въ выигрышѣ отъ переселеній, повидимому, должна быть мѣстность, откуда люди выселяются, такъ какъ здѣсь потеряны, а не пріобрѣтены рабочія руки. По этому поводу иногда высказываются людьми, нуждающимися въ этихъ рукахъ, различныя опасенія. Но противъ подобныхъ опасеній существуютъ весьма вѣскія возраженія.

Опасеніе, будто мѣста, покидаемыя переселенцами, останутся безъ рабочихъ рукъ—опасеніе совершенно неосновательное; между тѣмъ, всякое стѣсненіе свободы, несправедливое въ самомъ принципѣ, повело бы къ величайшимъ несправедливостямъ при практическомъ разрѣшеніи вопроса о переселеніи крестьянъ. Что движеніе переселенцевъ, говорятъ, должно имѣть свои границы, это не подлежитъ сомнѣнію, но такія границы даются сами собою, дѣйствіемъ естественныхъ законовъ. Эмиграція будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока на мѣстахъ заселяемыхъ условія жизни

[1]) «Земледѣліе и Землевладѣніе», кн. Васильчикова.

будутъ выгоднѣе, нежели на мѣстахъ покидаемыхъ. Первые поселенцы пожнутъ въ новой странѣ самые обильные плоды; но ихъ преемники, по мѣрѣ занятія края, будутъ получать уже меньшее вознагражденіе за свой трудъ. Между тѣмъ, въ покидаемыхъ мѣстахъ разрѣженіе населенія естественно будетъ имѣть слѣдствіемъ постоянное возрастаніе заработковъ. Этими двумя противоположными теченіями цѣнъ труда—нисходящимъ въ заселяемыхъ мѣстностяхъ и восходящимъ въ покидаемыхъ—рано или поздно, и тамъ и здѣсь, вознагражденіе труда будетъ приведено къ одному и тому же уровню, и тогда наступитъ конецъ выселенію. Чѣмъ виноваты люди, которыхъ новая мѣра задержитъ въ мѣстности, откуда они стремятся, подъ тѣмъ предлогомъ, что кто-то можетъ пострадать отъ недостатка рабочихъ рукъ? Такая задержка равнялась бы наложенію на свободныхъ людей обязанности продавать свой трудъ въ пользу другихъ лицъ по низшей цѣнѣ сравнительно съ стоящею на рынкѣ. Съ другой стороны, всякая мѣра къ опредѣленію границъ колонизаціи допускаетъ обширное поприще для произвола и случайности. Разрѣшеніе или запрещеніе выселяться будетъ поставлено въ зависимость отъ обилія или недостатка рабочихъ рукъ. Но понятіе о недостаткѣ рабочихъ рукъ есть, очевидно, относительное. Землевладѣлецъ жалуется на такой недостатокъ всякій разъ, какъ только онъ не находитъ рабочихъ по цѣнѣ, какую платилъ до тѣхъ поръ; между тѣмъ, стоитъ увеличить цѣну, и отъ рабочихъ не будетъ отбоя. Въ тѣхъ самыхъ губерніяхъ, откуда, вслѣдствіе чрезмѣрной населенности, крестьяне цѣлыми тысячами отправляются въ отхожіе промыслы, сплошь и рядомъ раздаются голоса о невозможности достать рабочихъ. Курскій землевладѣлецъ уже начинаетъ кричать объ отсутствіи рабочихъ, какъ скоро не оказывается охотниковъ обработывать его поля по 5 р. за десятину. Между тѣмъ, очевидно, что самое стремленіе удалиться съ привычнаго, насиженнаго мѣста, самая рѣшимость на лишенія во время отдаленнаго переѣзда есть уже признакъ избытка рабочихъ рукъ, невозможности найти для труда занятіе, обезпечивающее человѣку сколько-нибудь сносное существованіе. Такимъ образомъ, вопросъ объ обиліи и недостаткѣ рабочихъ рукъ можетъ быть рѣшаемъ совершенно различно, смотря по тому, смотритъ-ли рѣшающій на дѣло съ точки зрѣнія крестьянина или землевладѣльца. Кто бы ни былъ судьею вѣрности этихъ противоположныхъ взглядовъ, ему, во всякомъ случаѣ, будетъ трудно, подъ многообразными побочными вліяніями удержаться въ столь деликатномъ вопросѣ на почвѣ строгой справедливости.

Во всякомъ случаѣ, колонизація не можетъ быть разсматри-

ваема съ точки зрѣнія интересовъ лицъ, заинтересованныхъ въ конкурренціи рабочихъ, хоть бы часть ихъ умирала съ голоду, она не можетъ быть подчинена также частнымъ интересамъ губерній,—она есть дѣло самихъ лицъ, чувствующихъ потребность въ выселеніи, и дѣло государства, которое отъ этого не проигрываетъ, а, напротивъ, выигрываетъ, получая, вмѣсто разоренныхъ пролетаріевъ, зажиточныхъ производителей.

Есть еще мнѣнія противъ колонизаціи, раздающіяся изъ лагеря лицъ, заинтересованныхъ въ развитіи отечественной земледѣльческой культуры. Они состоятъ въ томъ, что колонизація разрѣжаетъ населеніе и тѣмъ задерживаетъ переходъ къ болѣе совершенному хозяйству. Чѣмъ гуще будетъ населеніе, тѣмъ скорѣе земледѣльцы перейдутъ къ усовершенствованнымъ системамъ, думаютъ они. Но это едва-ли такъ, потому что переходъ къ высшему хозяйству совершается не подъ вліяніемъ только тѣсноты и малоземелья, но для этого нужны и другія условія—извѣстное накопленіе средствъ, орудія и умѣнье, т.-е. капиталъ и знаніе, которое не вдругъ пріобрѣтетъ бѣдное и невѣжественное населеніе. Человѣкъ нужды и голода не изобрѣтетъ машины Уайта, Аркрайта, пароваго плуга и т. д., а если и додумается до новыхъ орудій, до новыхъ пріемовъ хозяйства, то не въ состояніи будетъ примѣнить ихъ, потому что на это нужны будутъ средства. Обрекать же населеніе на голодъ и разореніе въ ожиданіи, когда оно накопитъ эти средства, слишкомъ дорогая цѣна пріобрѣтаемаго прогресса. Никто, конечно, не будетъ указывать на колонизацію, какъ на разрѣшеніе всѣхъ народно-экономическихъ вопросовъ, которые находятся въ связи съ аграрными законами, установившимися спеціальными отношеніями, распредѣленіемъ богатствъ, знаній и т. п. Въ этомъ отношеніи колонизація, безъ сомнѣнія, должна быть признана палліативою соціальныхъ золъ, но она важна тѣмъ, что въ переходныя времена кризисовъ, по мѣрѣ движенія экономическаго прогресса, она предотвращаетъ бѣдствія и катастрофы, открывая во время клапанъ жизни.

Несомнѣнно, что общій законъ разселенія и распространенія населенія присущъ и намъ. Міровая роль колонизаціи громадна. Выдѣляя часть населенія въ однихъ мѣстахъ, она создаетъ новыя ячейки жизни въ видѣ колоній, содѣйствуетъ болѣе равномѣрному распредѣленію населенія по земному шару, распространяетъ жизнь, культуру и часто создаетъ среди пустынь новые государственные организмы.

Переселенія русскаго народа и колонизаціонная его дѣятельность составляютъ весьма видный актъ народной исторіи. Но,

играя видную роль въ прошломъ, переселенческій вопросъ обѣщаетъ играть еще большую роль въ будущемъ. Доселѣ вопросъ этотъ не былъ жгучимъ и очереднымъ вопросомъ русской жизни, такъ сказать, вопросомъ неотложной необходимости. Правда, въ государственной жизни Россіи и въ народной исторіи онъ не разъ выступалъ весьма наглядно и заставлялъ обращать на себя вниманіе. Такова его роль была въ эпохи эмиграцій и передвиженій населенія, но затѣмъ это явленіе, регламентируемое государствомъ, сковываемое старыми формами жизни и учрежденіями, въ родѣ крѣпостнаго права, какъ бы умалялось, погружалось на дно и получало болѣе скрытую, чѣмъ явную дѣятельность. Важнѣе всего, что вопросъ этотъ до послѣдняго времени не выступалъ въ формѣ неизбѣжно экономическаго вопроса, какимъ онъ былъ давно уже на Западѣ въ Европѣ. Недавно у насъ еще говорилось: «Намъ-ли думать о переселеніяхъ, когда сама Россія такъ рѣдко заселена». Эта фраза, но уже пониженная нѣсколькими нотами, слышится и теперь; но за нею выступили два факта, заставляющіе задуматься, это—фактъ, вполнѣ обнаруженный жизнью, недостатокъ земельныхъ надѣловъ, и послѣдствіемъ этого—чувствуемое малоземелье, другой фактъ—стремленіе населенія къ выселенію. Такимъ образомъ къ фразѣ: «намъ-ли думать о переселеніяхъ» неожиданно приплелась другая: «но что же намъ дѣлать съ самовольными переселеніями народа?» Такимъ образомъ, въ настоящій періодъ исторіи выдвинулся въ Россіи колонизаціонный вопросъ, помимо нашего желанія, помимо всякой теоріи, и требуетъ отвѣта. Составляя предметъ текущаго обсужденія и разсмотрѣнія съ различныхъ точекъ зрѣнія, онъ является тѣмъ же насущнымъ экономическимъ вопросомъ, тою же потребностью, какъ и на Западѣ въ Европѣ. Россія въ этомъ случаѣ не избѣгла общаго историческаго жребія. Вопросъ этотъ, выразившійся въ народной жизни весьма замѣтными явленіями, обнаружится со временемъ, вѣроятно, еще болѣе. Несомнѣнно, что число населенія и потребность въ землѣ будутъ возрастать, въ то же время культурныя совершенствованія и развитія другихъ средствъ жизни, помимо земли, для огромнаго земледѣльческаго класса едва-ли подоспѣютъ разомъ. Между тѣмъ, страданія отъ малоземелья, подобно голоду, вызовутъ сами собою передвиженіе населенія. При этомъ надо замѣтить, что никакія стѣснительныя мѣры не помогутъ удержать выселеній, порождая развѣ одно, что изъ движенія явнаго и открытаго они превратятся въ явленіе тайное и скрытое отъ оффиціальныхъ взоровъ, какою и была наша колонизація во все время чиновной регламентаціи, искусственныхъ задержекъ и цѣпей крѣпостнаго права.

Она вырождалась то въ «побѣгъ», то въ «самовольныя переселенія», но никогда не останавливалась. Породивъ для государства извѣстный дефицитъ въ окладномъ населеніи, она явилась для народа источникомъ превратностей, случайностей и создала много жертвъ, несчастій и бѣдствій, вмѣсто ожидаемаго блага и устройства быта. Нѣтъ сомнѣнія, что такое положеніе ея не могло считаться нормальнымъ. Поэтому вопросъ о переселеніяхъ, выступающій нынѣ, заставляетъ подумать о томъ, какимъ образомъ сдѣлать, чтобы стремленія народа были удовлетворяемы лучше, чтобы въ дѣлѣ колонизаціи интересы государства болѣе гармонировали съ народными и самая колонизація имѣла болѣе благіе результаты по послѣдствіямъ. Въ настоящую минуту народныя переселенія предоставлены самимъ себѣ и силамъ народнымъ. Они существуютъ безъ всякой поддержки, и участь переселенца часто безпомощна.

Вотъ въ какомъ видѣ по сдѣланнымъ наблюденіямъ представляются переселенія нашихъ крестьянъ.

Цѣлые караваны повозокъ во 100 и болѣе семей, человѣкъ въ 300 и 400 душъ, за разъ двигаются по сибирскимъ дорогамъ. Переселенцы не имѣютъ нигдѣ крова, они останавливаются подъ открытымъ небомъ въ полѣ. Здѣсь располагаются цѣлыя семьи подъ телѣгами, больные и дѣти находятся тутъ же. Нерѣдко приращеніе семей, какъ и смерть, застаетъ людей во время путешествія тоже среди поля. Положеніе значительной части переселенцевъ нищенское. Входя въ Сибирь, они уже начинаютъ питаться подаяніями по деревнямъ, и нищенство составляетъ профессію переселенца, иначе дойти до мѣста у него не достало бы средствъ. На главной трактовой дорогѣ Сибири крестьяне-старожилы сообщили намъ, какъ фактъ, что изо всего числа обозовъ они помнятъ только двѣ партіи переселенцевъ, не побиравшихся, и это была большая рѣдкость. Весь налогъ, по части пропитанія переселенца, падаетъ, такимъ образомъ, цѣликомъ на сибирскаго крестьянина; но помощь эта, исходящая изъ добровольной благотворительности, весьма случайная.

Затрудненія и лишенія нашихъ переселенцевъ, какъ указываютъ факты, далеко не оканчиваются дорогой, они часто только начинаются; вслѣдъ за перемѣщеніемъ является исканіе мѣстъ для водворенія, затѣмъ процессъ обзаведенія и, наконецъ, легальное перечисленіе.

Выселеніе у насъ обставлено такими затрудненіями, связанными съ поземельными обязанностями и съ цѣлой сущностію податной и паспортной системы, что перечисленіе никогда почти, не начинается съ мѣста: оно совершается, какъ мы наблюдали

въ концѣ процесса переселенія. На это есть много причинъ. Обыкновенно, переселенцы не могутъ просить о перечисленіи своемъ заранѣе, не видя мѣстъ, куда намѣрены переселиться, часто они не знаютъ даже, гдѣ найдутъ ихъ. Отыскиваніе этихъ мѣстъ чрезъ ходаковъ не всегда является возможнымъ, потому что снаряженіе этихъ ходаковъ и довѣренныхъ требуетъ предварительныхъ затратъ, при томъ земледѣлецъ, слишкомъ ревнивый въ выборѣ почвы, не можетъ ни на кого положиться, кромѣ себя. Вслѣдствіе этого хлопоты о перечисленіи являются тогда, когда переселенецъ порядочно постранствовалъ, нашелъ мѣсто, облюбилъ его, обжился и загладилъ первыя потери при переходѣ. Множество лицъ, поэтому, живетъ долго по паспортамъ, пока не соберется перечислиться; положеніе это довольно шаткое; достаточно малѣйшей случайности и паспортъ не будетъ высланъ. Когда начинается перечисленіе, для переселенца наступаетъ переходное состояніе, тянущееся иногда года; мы имѣли случай видѣть людей, живущихъ по 12 лѣтъ и болѣе по паспортамъ безъ перечисленія, точно также, какъ и людей, лѣтъ по 11 хлопочащихъ о перечисленіи и находящихся въ переходномъ состояніи. Здѣсь на пути встрѣчаются всевозможныя формальности. Переселенецъ какъ бы не принадлежитъ ни къ тому, ни къ другому обществу, но онъ несетъ и податную тяжесть, и повинность въ новомъ мѣстѣ, наконецъ, онъ несетъ расходы по перечисленію. Если счетъ на него не предъявляется сразу за это переходное положеніе, то онъ предъявляется послѣ. Между тѣмъ, надо обратить вниманіе на матеріальныя средства переселенца и на расходы, которые онъ долженъ вынести при переселеніи и перечисленіи.

Совокупность всѣхъ расходовъ и затратъ, которые долженъ перенести переселенецъ при своемъ переселеніи, какъ убѣждаетъ наблюденіе и разсчетъ, превосходятъ въ большинствѣ сумму всего проданнаго крестьянскаго имущества. Одна дорога въ ближайшія сибирскія губерніи обходится отъ 50 до 100 р. на повозку; иные имѣли по 175 руб. расходовъ на семью; по показаніямъ харьковцевъ, расходы на подводу съ парой воловъ обошлись имъ въ 300 р.; затѣмъ нужны расходы на обзаведеніе, покупку или постройку дома, покупку скота, орудій, Подобное обзаведеніе, чтобы стать на ноги, требуетъ, меньшее — 100 р. Переселенецъ въ новыхъ условіяхъ хозяйства въ Сибири не можетъ обойтись съ ничтожнымъ количествомъ скота, напр., съ одной лошадью; ему нужно при дѣвственныхъ и тучныхъ почвахъ Сибири, при разстояніяхъ пашни, имѣть ихъ отъ 3 до 5. При всѣхъ этихъ расходахъ, переселенецъ долженъ оплатить исправно всѣ подати и по-

гинности при своемъ выходѣ, по крайней мѣрѣ за 2 года, иначе его не выпустятъ изъ общества, затѣмъ онъ долженъ подновлять паспортъ до перечисленія и нести нѣкоторыя повинности на новомъ мѣстѣ; за все время дороги, когда онъ не имѣлъ возможности работать, онъ долженъ, какъ и за время производительнаго труда, оплатить подати. Мало того, на мѣстѣ у него начинаются новые расходы по перечисленію. Какъ ни оттягиваетъ время переселенецъ, какъ онъ ни расчитываетъ обернуться, но время перечисленія должно наступить. Для этого нужно окупить пріемный приговоръ, увольнительный, расходы по подачѣ прошеній, уладить дѣла съ волостнымъ правленіемъ; всякая юридическая ошибка приноситъ новые расходы и затягиваетъ время. Пріемный приговоръ со всѣми другими расходами обходится 40—50 р., меньшее— 15 р., но часто прежнее общество запрашиваетъ съ переселенца, чтобы уволить его, рублей 40 — 50. Переселенцу остается сниматься съ мѣста или платить. Пока длится перечисленіе, переселенецъ сходитъ пѣшкомъ изъ волости въ городъ, подастъ прошеніе въ казенную палату и губернскому начальству, кто-нибудь надоумитъ его подать прошеніе и на Высочайшее имя. Бывали случаи, что во время этихъ ходатайствъ, попавъ въ руки жадныхъ кляузниковъ и ходатаевъ, переселенцы разорялись поголовно, не дождавшись перечисленія. Въ такія сѣти попали, напримѣръ, до 1,700 душъ вятскихъ переселенцевъ, приписанныхъ въ Томскую губернію въ 1874 году. (Случай, опубликованный въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1875 г. № 278). Кто только не пользуется во время этого страшнаго переходнаго времени переселенцемъ!..

Бюджетъ расходовъ показываетъ, что переселенія, на собственный счетъ и безъ всякой помощи, доступны весьма немногимъ, иначе говоря—онѣ доступны только состоятельнымъ и богатымъ крестьянамъ, имѣющимъ фондъ не менѣе 500 р. с.

Что же остается на долю остальныхъ? Само собою, полное истощеніе и нищета, при всемъ томъ, что переселенецъ ограничивается minimum'омъ потребностей, часто голодаетъ, дрожитъ изъ каждаго гроша и т. п. Но это еще не все, — переселенецъ, послѣ переселенія на свой счетъ, безо всякой льготы, является, по перечисленіи, съ кучею, подоспѣвшаго на его голову, долга и недоимки, причемъ податная система придавливаетъ его сразу своею колоссальною тяжестью. Пока переселенецъ идетъ и, пришедши, соберется начать перечисленіе, пока тянется дѣло, въ его семьѣ произойдетъ масса измѣненій — часть членовъ умретъ, имущество будетъ прожито; ревизскія же души остаются на счету,

и подать по его слѣдамъ все наростаетъ. Кончается тѣмъ, что въ результатѣ получается комбинація самаго сложнаго и запутаннаго свойства, которую не можетъ разобрать ни канцелярія, ни распутать сама жизнь.

Мы имѣли случай видѣть такого рода дѣла: крестьянинъ старикъ проситъ перечислить его въ Сибирь съ двумя сыновьями; пока идетъ перечисленіе, одинъ сынъ взятъ въ солдаты, другой умираетъ, но хилый старикъ перечисленъ въ числѣ 3-хъ душъ, и обязанъ платить за нихъ. Другой случай. Долги на переселенцахъ достигаютъ невѣроятныхъ размѣровъ. Мы имѣемъ документъ, въ которомъ значится, перечисленныхъ въ Сибирь, 25 душъ крестьянъ, взысканіе на нихъ равняется 2.097 руб. 33 коп.; изъ этихъ 25 человѣкъ только 8 оказались въ живыхъ и изъ нихъ только одинъ, имѣющій имущество, которое и подлежало продажѣ.

Встрѣтить переселенцевъ съ 100 руб. податнаго долгу — не рѣдкость. Если мы сообразимъ крестьянскія средства и крестьянскій бюджетъ, не превышающій иногда 50 р. на семью, если мы примемъ во вниманіе, что семьѣ этой нужно прокормиться и что многіе въ Сибири начинаютъ свою жизнь нищенствомъ и батрачествомъ, причемъ входятъ въ частные долги,—мы поймемъ, что такіе переселенцы являются вѣчными недоимщиками.

Таковы результаты нашихъ переселеній при существующей податной системѣ, непосильныхъ взысканіяхъ недоимокъ, фискальныхъ условіяхъ и отсутствіи облегченія и поддержки во время пути [1]).

Что касается водворенія на мѣстахъ, пріемовъ и способовъ колонизаціи, то заселеніе Сибири даетъ также нѣкоторые важные уроки. Здѣсь мы видимъ два вида колонизаціи: казенной и народной.

Пріобрѣтеніе, завоеваніе, наконецъ, заселеніе Сибири есть продуктъ двухъ силъ—государственной и вольно-народной. Мы видимъ, что государство намѣчаетъ остроги, крѣпости, проводитъ линіи, наконецъ, пролагаетъ тракты и такимъ образомъ создаетъ, такъ сказать, вѣхи и колья, межи и планъ для колонизаціи. Народная колонизація, въ видѣ народа-плотника, мало того, что осуществляетъ планъ, но и наполняетъ всѣ промежутки и сѣтку колонизаціи живымъ матеріаломъ; мало того, она часто идетъ

[1]) О положеніи переселенцевъ см. наши статьи «Вѣстн. Европы» 1880 и 1881 гг., а также путешествіе въ Алтай Зап. Сиб. Отдѣл. Имп. Геогр. Общества 1880 г.

дальше архитектора, расширяетъ зданіе, при чемъ вѣхи, колья и планъ являются послѣ того, какъ уже началась постройка.

При правительственной колонизаціи мы видимъ массу обязанныхъ служилыхъ людей, казаковъ, водворенныхъ крестьянъ по распоряженію правительства, прикрѣпляемыхъ ямщиковъ, назначенныхъ на мѣста преступниковъ, высланныхъ ремесленниковъ и мастеровъ, даже женщинъ для уравновѣшиванія половъ; но государство къ этому вынуждается только необходимостью. Это не административная обязанность, иначе говоря, архитекторъ, увлекаемый жаждой созиданія, желая скорѣе обезпечить за собой мѣста постройки, берется самъ за топоръ. Когда настоящій работникъ появляется, архитекторская работа исчезаетъ подъ новой громадной работой настоящихъ плотниковъ. Казенная колонизація, составляя временную функцію, весьма часто дѣлаетъ промахи, увлекается планомъ и фасадомъ, не сообразивъ прочности почвы и окружающихъ удобствъ, она ломитъ и заставляетъ создавать массу непроизводительной работы, не щадитъ силъ и не соблюдаетъ экономіи; много народу гибло на казенныхъ трактахъ, не мало было создано искусственныхъ деревень и городовъ, которые послѣ падали и теряли значеніе. Образецъ такой колонизаціи—въ степяхъ и на Амурѣ. Но еще важнѣе то, что эта искусственная и принудительная колонизація не можетъ создать настоящаго импульса жизни: здѣсь не достаетъ живой силы, могучей воли, энергіи, творчества, народнаго вдохновенія. Сама по себѣ, она одна не создала бы Сибири, не заселила бы всѣхъ пространствъ ея, не одухотворила бы жизнью и не привлекла бы къ работѣ такую массу населенія. Это могла сдѣлать только добровольная колонизація. Сколько бы ни было употреблено изобрѣтательности и остроумія со стороны администраторовъ и регламентаторовъ, они не могутъ замѣнить народнаго ума, они не изыщутъ тѣхъ новыхъ путей и тропъ по своей картѣ, которые находитъ народъ среди лѣсовъ и пустынь, пролагая самъ себѣ дорогу. Вотъ почему народно-историческія зданія выростаютъ такъ неожиданно и созидаются такъ оригинально, какъ не можетъ вообразить себѣ самый смѣлый государственный умъ, что въ 80 лѣтъ съ небольшимъ будетъ завоевана и укрѣплена цѣлая часть свѣта, какъ Сѣверная Азія, территорія, превосходящая Римскую Имперію,—не рѣшится предсказать ни Цезарь, ни Наполеонъ; народъ же совершаетъ это, не имѣя даже полководца во главѣ. Обѣщать, въ пустынномъ краѣ, въ извѣстный срокъ создать населеніе, культурную жизнь, водворить осѣдлость, построить деревни и города, проложить дороги, насадить промышленность, сдва-ли возьмется самый могу-

щественный государственный человѣкъ; по крайней мѣрѣ онъ не можетъ ручаться за успѣхъ подобной работы, онъ не можетъ, силою одной своей воли, сотворить культурную жизнь, хотя бы его воля и способность двигать массами превосходила силы Фараона. Но народъ, пущенный живымъ токомъ въ новую страну, создастъ это съ непредусмотрѣнной быстротой.

Оттого часто тамъ, гдѣ копошился незамѣтно народный трудъ, гдѣ работалъ онъ въ тайнѣ, гдѣ, какъ муравей, скользилъ онъ подъ почвою и за корою деревьевъ, гдѣ часто скрывался онъ въ подземельяхъ, въ тайникахъ и дебряхъ лѣсовъ отъ регламентаціи и принудительной работы,—срывая занавѣсъ, мы внезапно открываемъ нѣчто болѣе грандіозное и превосходящее египетскія пирамиды, мы видимъ сфинксы и обелиски живой народной работы, одухотворенные, дышащіе исторической жизнью и будущностью, величественныя архитектурныя зданія, подобно тѣмъ, какія насаждены народными силами въ дебряхъ Америки, Австраліи и Сибири.

Подобные примѣры показываютъ намъ, во-первыхъ, настоящаго фактора жизни и исторіи, во-вторыхъ, убѣждаютъ, что народный трудъ въ дѣлѣ колонизаціи, въ области его самодѣятельности и творчества, не долженъ быть стѣсняемъ, а предоставленъ до извѣстной степени самому себѣ.

До сихъ поръ въ дѣлѣ государственной колонизаціи борются еще два направленія, это — регулированіе народныхъ движеній, управленіе ими, искусственныя поощренія, назначеніе на извѣстныя мѣста, доходящее до указаній пунктовъ поселеній, до вышивки казенныхъ узоровъ, и другое—оставившее уже эти цѣли и имѣющее въ виду лишь помогать народному движенію въ томъ направленіи, куда оно стремится, содѣйствовать народной самодѣятельности и выбору мѣстъ, сообразно требованіямъ жизни и условіямъ культуры. Послѣдній способъ составляетъ пріемъ, практикуемый нынѣ европейской колонизаціей.

Требуется не мало проницательности и государственной сообразительности, чтобы понять и соразмѣрить роль административной государственной функціи въ дѣлѣ колонизаціи и не брать на свою отвѣтственность доли труда, которой по свойству своему никакая администрація выполнить не въ состояніи; она не заставитъ искусственно дѣйствовать народъ такъ, какъ онъ бы самъ дѣйствовалъ и не удержитъ его тамъ, гдѣ естественныя условія не благопріятствуютъ народному труду. Точно также какъ не удержать ей токъ могучихъ народныхъ движеній туда, куда народъ имѣетъ естественное влеченіе стремиться. Одной административ-

ной самоувѣренности не дано творить жизнь и культуру. Этого не надо забывать.' Наиболѣе проницательная государственная мудрость должна убѣдиться, въ концѣ концовъ, что въ рукахъ ея находится только одинъ механизмъ пароваго клапана, отпускающаго или задерживающаго народную силу, но никоимъ образомъ она не должна отождествлять себя съ дѣйствіемъ пара. Къ сожалѣнію, эти ошибки и заблужденія повторяютея доселѣ, мѣшая свободному развитію народныхъ силъ и исторической творческой ихъ дѣятельности.

Остатокъ регламентаціи, искусственнаго задержанія и направленія народныхъ движеній и колонизаціи все еще остается въ традиціяхъ отъ прошлой казенной колонизаціи, хотя она давно отжила свое время. Бюрократическая самоувѣренность и привычка вмѣшательства затмѣваетъ здоровую государственную политику и задерживаетъ культурную историческую работу въ сферѣ колонизаціи. Вотъ почему часто наша колонизація и самое обновленіе нашихъ колоній не имѣютъ тѣхъ успѣховъ и прогресса, которое онѣ имѣютъ на Западѣ.

Результаты нашихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній до сихъ поръ были значительны: у насъ заняты огромныя пространства новыхъ земель. Нельзя сказать, чтобы наша народная колонизація не сдѣлала никакихъ успѣховъ и была робкою. Занятіе Сибири, отъ Урала до береговъ Тихаго океана, съ Камчаткой, русской Америкой и островами, въ весьма короткій періодъ, было не малымъ подвигомъ, обнаружившимъ нашу колонизаціонную способность не ниже другихъ народовъ. Духъ стараго землепроходца, духъ піонерства, проторенія тропъ, не умеръ и до сихъ поръ въ русскомъ народѣ: русскіе переселенцы идутъ впереди путешественниковъ, впереди военныхъ отрядовъ и посѣщаютъ невѣдомыя мѣста Средней Азіи—въ родѣ Чернаго Иртыша, вершинъ Енисея и Лобъ-Нора [1])—и тѣмъ не менѣе результаты нашей колонизаціи слабы, хотя порывы широки. Не смотря на вѣковыя заселенія, наша азіатская территорія все еще остается пустынною и слабо заселенною. Физическія условія были слишкомъ неодолимы въ новой странѣ, а культурныя силы населенія—слишкомъ слабы. Когда-то сообщеніе съ Сибирью чрезъ Уральскій хребетъ происходило разъ въ годъ, движенія совершались по рѣкамъ, населеніе—обязанное ямской повинностью—разбѣгалось, поселенное насильно на трактахъ — вымирало. Всѣ усилія прави-

[1]) Г. Пржевальскій, посѣтивъ озеро Лобъ-Норъ, узналъ, что здѣсь были и прожили зиму русскіе раскольники-переселенцы.

тельства были сосредоточены въ первое время—установить сообщенія по главнымъ дорогамъ и соединить раскиданные передовые посты русской осѣдлости, намѣченные въ завоевательный періодъ. Большею частью сама колонизація была осуждена служить средствомъ заселенія трактовъ и проведеніемъ путей. Это видно изъ существующаго распредѣленія жителей по Сибири. На поселенія по трактамъ въ самой населенной части края выпадаетъ $^1/_5$ часть жителей, вообще же въ Тобольской и Томской губерніяхъ $^1/_4$ расселена по дорогамъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ, какъ Каинскомъ, на почтовомъ трактѣ—93,31% жителей округа. Такимъ образомъ, рѣдкое населеніе, тянущееся нитями по длиннымъ сибирскимъ дорогамъ, едва связываетъ отдаленныя пространства, куда закинула исторія русское населеніе. Не смотря на борьбу съ разстояніями и усиленное проведеніе путей во все прошлое столѣтіе, сообщенія въ краѣ представляютъ огромныя трудности. На всю огромную территорію въ 240.000 квадратныхъ миль, мы видимъ съ запада только одинъ торговый путь въ Сибирь, соединяющій Азію съ Европою черезъ Уралъ. На всемъ громадномъ протяженіи южной сибирской границы существуютъ только четыре торговыхъ прохода; обширные промежутки между этими пунктами непроницаемы для внѣшней торговли. Югъ Сибири отдѣленъ обширными степями на тысячи верстъ, какъ отъ Средней Азіи, Туркестана, такъ и внутренняго Китая. На востокѣ, не смотря на примыкающій океанъ, существуютъ только три значительныхъ порта, и вся береговая полоса остается мертвымъ пространствомъ. Еще болѣе безлюденъ сѣверъ Сибири съ устьями величайшихъ рѣкъ въ мірѣ, текущихъ съ юга. Такимъ образомъ, страна даже съ внѣшней стороны кажется уединенною и недоступною, а населеніе отрѣзаннымъ; немногія дороги составляютъ только первую брешь, пробитую въ этотъ замкнутый міръ. Что касается внутреннихъ трактовъ, то они также едва намѣчены предшествовавшей колонизаціей. Мы видимъ одну транзитную дорогу, тянущуюся на разстояніи 6.000 верстъ, пробитую кяхтинской торговлей среди пустынныхъ мѣстностей. Сообщенія въ сторону, по проселкамъ, представляютъ первобытные пути среди дебрей и болотъ; мѣстами эти дороги въ лѣсахъ превращаются въ тропинки для верховыхъ, а во всей лѣсной и южной гористой Сибири сообщенія и перевозки тяжестей производятся верхомъ, вьюками. Алтай представляетъ образецъ вьючныхъ дорогъ: проѣзды здѣсь, среди скалъ, даже верхомъ совершаются съ опасностью жизни. Въ общемъ, населеніе, располагающееся лишь по нѣкоторымъ рѣкамъ и главнымъ трактамъ, составляетъ не болѣе, какъ тригоно-

метрическую сѣть, или едва намѣченныя черты будущей колонизаціи; промежутки же этой сѣти составляютъ пустыни [1]). Рѣдкость населенія Сибири обнаруживается тѣмъ, что Тобольская губернія, превосходящая вдвое болѣе, по пространству, самую значительную изъ губерній россійскихъ, занимаетъ, однако, сороковое мѣсто по густотѣ населенія и заключаетъ всего 46 жителей на квадратную милю, Томская губернія—64, но есть области, какъ Амурская, гдѣ приходится одинъ житель на квадратную милю. Предоставляемъ судить о сравнительней населенности, когда въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи приходится по 2.500 и по 2.000 жителей на то же пространство (кв. милю). Даже нѣкоторыя мѣстности Средней Азіи, наполненныя кочевымъ населеніемъ, какъ, напримѣръ, Туркестанъ, являются гуще населенными, чѣмъ остальныя сибирскія губерніи.

Обратимъ вниманіе теперь на пространства, доставшіяся намъ въ удѣлъ для колонизаціи. Одна Томская губернія, обладая 15.688 квадратными милями или 752.068 кв. верст., составляетъ 18% пространства всей европейской Россіи, превосходитъ европейскія владѣнія: Великобританію въ $2^1/_2$ раза, Пруссію въ 3 раза и Францію въ $1^1/_2$ раза. Тобольская губернія имѣетъ 26.749 кв. миль или 1.295.788 кв. верстъ (съ областями вся Западная Сибирь заключаетъ 61.296 кв. миль). Если мы представимъ себѣ хотя часть этого пространства, а именно всю среднюю черноземную полосу Западной Сибири, способную безусловно къ заселенію, населенною такъ же, какъ Европа, то мы получимъ, что край этотъ можетъ пропитать не менѣе 51.360.000 жителей,—если же населить ее подобно Франціи и Англіи, то гораздо больше. Между тѣмъ все нынѣшнее населеніе Тобольской и Томской губерній равняется всего 2.861.100. Вся же Сибирь, по недавнимъ свѣдѣніямъ, имѣетъ едва 4.500.000 душъ русскаго населенія. Въ виду этого, нельзя не признать, что заселеніе Сибири, принимая во вниманіе ея уже трехсотлѣтнее существованіе, шло весьма медленно. Съ ограниченіемъ попытокъ свободнаго переселенія, правительство когда-то думало достигнуть увеличенія населенія ссылкою въ Сибирь, но опытъ этотъ, какъ доказываютъ исторія ссылки и существующее ея положеніе, не привелъ ни къ какимъ результатамъ. Ссылка наполняла Сибирь бездомнымъ, несчастнымъ пролетаріатомъ, который

[1]) Мы позволимъ себѣ попросить обратить вниманіе на карту Сибири, гдѣ остаются такія огромныя пространства незаселенныя, какъ пространства между Иртышемъ и Обью, къ сѣверу отъ Тары на Нарымъ и Томскъ, — наконецъ, весь Алтай, степи, значительная часть Маріинскаго округа, не говоря уже о Восточной Сибири.

не создавалъ осѣдлаго гражданскаго элемента, но постоянно вымиралъ. Ссылка оставляла едва 1/6 людей на мѣстахъ, остальные исчезали или погибали. Нечего говорить, что такой контингентъ весьма вредно вліялъ на гражданственность, онъ не обновлялъ страны, не оживлялъ производительности, но деморализировалъ общество, портилъ его соки и составлялъ помѣху и опасность для свободнаго гражданина. Попытка колонизаціи Сибири ссыльными должна, такимъ образомъ, скоро покончиться въ интересахъ страны. Полезно сравнить, въ этомъ случаѣ, успѣхи заселенія новыхъ земель европейцами. Американскіе Штаты, благодаря привлеченію свободной колонизаціи, обладаютъ уже 50.000.000 населенія. Австралія, получившая въ 1788 году 757 человѣкъ ссыльныхъ, нынѣ, благодаря свободной эмиграціи, имѣетъ болѣе 3.000.000 свободныхъ гражданъ. Даже Канада имѣетъ населеніе 3.672.116 человѣкъ.

Чтобы понять, на сколько европейскія колоніи обязаны увеличеніемъ своего населенія свободному притоку колонизаціи, достаточно указать, что одни Соединенные Штаты приняли, съ 1820 по 1870 годъ, семь милліоновъ пятьсотъ пятьдесятъ тысячъ переселенцевъ!

Результаты нашей колонизаціи показываютъ, что роль наша въ Сибири еще далеко не окончена. Положеніе нашихъ окраинъ и ихъ пустынность удостовѣряютъ въ чувствуемой потребности: колоніи наши слабы, безсильны и бѣдны. Мы далеко не воспользовались всѣми выгодами нашихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Между тѣмъ такія выгоды могутъ быть извлечены для населенія при одномъ условіи заселенія пустынныхъ пространствъ. Изъ всего этого остается вывести одно заключеніе, что періодъ нашихъ разселеній и колонизаціи, какъ и задачи ея, не прекратились, но только начинаются. Когда внутри государства чувствуется экономическій кризисъ и возстаетъ уже грозный призракъ малоземелья, тогда переселенія и колонизація должны возбудить особое вниманіе. Нужды нашего крестьянства отъ малоземелья уравновѣшиваются избыткомъ земель въ другихъ мѣстахъ, и если народный инстинктъ самъ научился удовлетворять своимъ потребностямъ путемъ переселеній, то странно было бы отнимать у него эту возможность. На новыхъ мѣстахъ Сибири народъ находитъ удовлетвореніе своимъ насущнымъ потребностямъ въ землѣ. Остается, стало быть, направить только колонизаціонное движеніе и воспользоваться уже существующей наклонностью къ переселеніямъ народа—къ выгодѣ настолько же населенія, какъ и къ пользамъ государства.

Сибирь и наши сѣверо-восточныя владѣнія Азіи въ этомъ случаѣ представляютъ многочисленныя выгоды. Въ Сибири весьма много свободныхъ земель, представляющихъ всѣ удобства для земледѣлія и скотоводства, слѣдовательно, гораздо бо́льшій выборъ этихъ земель для переселенца. По характеру страны, здѣсь есть мѣстности степныя, лѣсистыя, земледѣльческія равнины и горныя пространства; климатъ разнообразенъ, начиная съ сурового сѣвера, кончая южными широтами южнаго Алтая, Бухтармы, Зайсана, Семирѣчья и Амура; все это можетъ удовлетворить привычкамъ самаго разнообразнаго населенія, начиная съ малоросса, кончая архангельцемъ. Далѣе, Сибирь представляетъ полную возможность просторнаго экстенсивнаго хозяйства, обширность луговъ благопріятствуетъ скотоводству; во многихъ мѣстностяхъ населеніе можетъ пользоваться почти по 60 и по 100 десятинъ на душу. Обыкновенный надѣлъ равняется отъ 18 до 21 десятины, но при перелогахъ дается вдвое. Въ Сибири большинство земель государственныхъ, исключая только горнаго алтайскаго вѣдомства, гдѣ кабинетскія земли оплачиваются 6-ти-рублевымъ оброкомъ съ души, сколько бы кто ни владѣлъ землею. Надѣленіе переселенцевъ землею поэтому переходитъ въ вѣчное ихъ пользованіе совершенно безплатно. Для государственныхъ крестьянъ въ Сибири еще не совершенъ окончательный надѣлъ, да и едва ли можетъ быть скоро совершенъ, такъ какъ огромныя пространства остаются еще необмежеванными. Пріобрѣтеніе государственныхъ земель безъ особенной платы и ренты составляетъ драгоцѣнную особенность Сибири передъ всѣми другими мѣстностями. Переселенецъ, привлекаемый въ другія мѣста на земли собственниковъ-землевладѣльцевъ, не пользуется такими выгодами; самое привлеченіе переселенцевъ обусловлено выгодами и барышами бывшихъ помѣщиковъ, а рента или выкупъ земли ставитъ переселенца въ зависимое и часто кабальное отношеніе къ владѣльцу земли. Доходъ отъ земледѣлія идетъ не на поправленіе земледѣльца и усиленіе его хозяйства, но на потребу землевладѣльца, причемъ улучшеніе земли и трудъ, прилагаемый къ ней, становится достояніемъ только лица, которому принадлежитъ земля; поэтому привлеченіе переселенцевъ на владѣльческія земли есть прямой разсчетъ однихъ, окупленный ограниченіемъ хозяйствъ и дохода другихъ. Необременяемый рентой и платой землевладѣльцу, переселенецъ въ Сибири получаетъ, наоборотъ, полную возможность расширить свое хозяйство, пріобрѣтаетъ весь доходъ изъ земледѣлія въ свою пользу, и такимъ образомъ все благопріятствуетъ здѣсь его свободному труду и широкому примѣненію силъ.

Тунгуска.

Тунгусъ.

Тунгусъ.

Тип. Э. Гоппе.

Кромѣ выгодъ переселенца, съ колонизаціей Сибири выдвигаются и экономическія выгоды государства: государству выгоднѣе имѣть колонію заселенною, чѣмъ пустынною, естественныя богатства которой остаются доселѣ нетронутыми; въ три столѣтія мы едва коснулись природныхъ даровъ ея—и коснулись, должны сознаться, самымъ неразсчетливымъ образомъ. Между тѣмъ, мы видимъ, что переселенцы изъ европейской Россіи, селясь между старожилами, вносятъ улучшенные способы хозяйства и культуры, которые замѣняютъ прежніе способы захвата и истощенія почвы. Увеличеніе населенія въ Сибири будетъ содѣйствовать развитію промышленности, созданію фабрикъ и заводовъ, для чего доселѣ недоставало на окраинѣ рабочихъ рукъ. При богатой природѣ, прекрасной почвѣ и лугахъ, при огромныхъ залежахъ минералогическихъ богатствъ, Сибирь можетъ приносить въ сто разъ болѣе дохода, чѣмъ теперь. Привлеченіемъ переселеній усилится въ Сибири русскій элементъ; колонизація придастъ ему болѣе прочности, стойкости и окажетъ большее вліяніе на инородцевъ, способствуя ихъ гражданственности. При обладаніи инородцевъ надъ русскими, мы видимъ ослабленіе и вырожденіе русскихъ. Тамъ, гдѣ русское населеніе въ Сибири преобладаетъ, мы видимъ поглощеніе, ассимиляцію инородцевъ. Перевѣсъ русскаго населенія на востокѣ окажетъ также значительное вліяніе и на наше политическое положеніе въ Азіи. Онъ дастъ возможность развернуть національныя силы, создать дѣйствительную гражданственность, которой не достаетъ намъ при всѣхъ нашихъ завоевательныхъ стремленіяхъ. Только гражданственность укрѣпитъ наши владѣнія и обезпечитъ ихъ цвѣтущую будущность. Приступить къ этому намъ становится тѣмъ необходимѣе, что азіатскія государства, какъ Японія и даже Китай, начинаютъ выходить изъ положенія застоя, и при помощи европейскаго вліянія могутъ явиться серьезною силою. Инстинктъ цивилизаціи не можетъ быть чуждымъ и имъ, и разъ ступивъ на этотъ путь, они пойдутъ по немъ неизбѣжно въ силу необходимости. Мы не можемъ уже болѣе пренебрегать нашими владѣніями на востокѣ и ихъ культурою, хотя ради того, чтобы не отстать предъ остальными азіатскими государствами. Задачи, оставляемыя для будущаго, приблизились къ намъ незамѣтно, и часъ дѣятельности на нашемъ востокѣ пробилъ.

Имѣя въ виду перечисленныя выгоды и весьма серьезныя указанія, мы должны обратить всю энергію на колонизацію Сибири, воспользовавшись всѣми благопріятствующими для этого условіями времени и обстоятельствъ. Пропущенное нами время до сихъ поръ должно быть наверстано.

Отъ свободы переселеній въ Сибирь и прочнаго водворенія переселенцевъ будетъ зависѣть вся будущность этого края, его культурные успѣхи и развитіе. Мы разумѣемъ, конечно, переселенія свободнаго земледѣльческаго класса Россіи. Весь вопросъ въ томъ, пожелаемъ ли мы имѣть этотъ край населеннымъ, цвѣтущимъ, полнымъ жизни или по прежнему оставимъ его безжизненнымъ и пустыней. Что касается Сибири, то ея интересъ стремиться всѣми средствами привлекать переселенія и содѣйствовать устройству колонистовъ, такъ какъ это условіе ея питанія, роста и пріобрѣтенія жизненныхъ силъ въ будущемъ.

Очеркъ переселеній за послѣднія десять лѣтъ.

Съ 1880 г. переселенческое дѣло получило нѣсколько новое освѣщеніе, бытъ переселенцевъ болѣе изучился, статистическихъ данныхъ за послѣднее десятилѣтіе накопилось гораздо болѣе, точно также самый матеріалъ явился болѣе точнымъ и опредѣленнымъ.

Къ 1880 г. (при 1-мъ изданіи настоящаго сочиненія) вопросъ о переселеніи, благодаря литературѣ, возбудилъ особое вниманіе *). Начали появляться отдѣльныя изслѣдованія и монографіи о переселеніяхъ изъ различныхъ губерній въ Россіи, точно также собранъ былъ обширный матеріалъ о переселеніяхъ при Министерствахъ во время созыва «свѣдущихъ людей отъ земствъ» для обсужденія вопроса о выселеніяхъ. Наконецъ, въ 1881 г. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ образовало особыя переселенческія конторы для наблюденія за движеніемъ переселенцевъ и назначило въ Тюмени и Томскѣ особыхъ чиновниковъ по переселенческой части. Благодаря этому, мы имѣемъ болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній какъ о числѣ переселенцевъ, такъ и ихъ положеніи.

Уже въ 1881 г. устроенная въ Ватракахъ, Симбирской губерніи, контора обнаружила, что чрезъ Сызрань проходило на востокъ въ Сибирь отъ 1.500 до 20.000 переселенцевъ. Въ теченіи 6 лѣтъ прошло 55.213 челов. впередъ и 1.760 переселенцевъ возвратилось тѣмъ же путемъ. Впослѣдствіи такія наблюденія о проходящихъ партіяхъ дѣлались въ Тюмени и Томскѣ. Чрезъ Тюмень также двигалось до 15.000 переселенцевъ. Въ 1887 г., по свѣдѣніямъ мѣстнаго комитета, завѣдывавшаго помощью переселенцамъ, прошло

*) Авторъ былъ свидѣтелемъ зарожденія этого вопроса и въ 1878 г. совершилъ путешествіе по Западной Сибири въ Алтай для изученія быта переселенцевъ по порученію Западно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

10.432, изъ нихъ на пароходахъ 4.371 и сухопутно 6.052, чрезъ Курганскій округъ 1.881, Ялуторовскій 1.015 и южныя волости 88, итого 13.407 человѣкъ.

Въ 1889 г. прошло чрезъ Тюмень уже 29.000 переселенцевъ. Наплывъ такимъ образомъ былъ громадный, и переселеніе, какъ видимъ, въ послѣдніе годы выросло втрое. Большинство переселенцевъ стремились въ Алтай и въ Томскую губернію. Рядомъ съ наплывомъ переселенцевъ въ главные города Сибири обнаружилось и крайне бѣдственное положеніе.

Въ іюнѣ 1883 года бѣдствія проходящихъ черезъ Тюмень и Томскъ партій произвели сильнѣйшее впечатлѣніе и вызвали обращеніе къ мѣстному обществу. До 3.000 человѣкъ, отправившихся на баржахъ изъ Тюмени въ Томскъ, терпѣли крайнюю нужду, и наконецъ открылась эпидемія. На баржѣ партія переселенцевъ привезла 5 труповъ и 83 больныхъ. Изъ нихъ 6 взрослыхъ и 77 дѣтей, больныхъ корью, кровавыми поносами и общимъ истощеніемъ отъ голода; во время пріема трое дѣтей умерло. На пути отъ Тюмени и Томска умерло 18 человѣкъ. Помѣщеніе баржи найдено было неудобнымъ, тѣснымъ и т. п. (См. Восточн. Обозр. № 27, 1883 г.; тоже сообщаютъ Губернскія Вѣдомости). Помощь требовалась немедленная. Для облегченія участи въ Томскѣ по случаю катастрофы была избрана особая городская коммисія, которая построила баракъ, могущій вмѣстить до 70 больныхъ: въ баракѣ устроена кухня. Въ распоряженіе коммисіи было отпущено градскимъ головой до 1.000 р. 23 іюня устроилось народное гулянье, давшее нѣсколько сотъ рублей. Изъ Восточной Сибири генералъ-губернаторомъ выслано было на помощь переселенцевъ 3.000 р. Одновременно въ г. Тюмени принятъ былъ рядъ мѣръ, и 2 іюля образованъ «Временный комитетъ для помощи переселенцамъ» подъ предсѣдательствомъ И. И. Игнатова, частнаго пароходовладѣльца. 10 іюля въ Тюмени прочтена была публичная лекція А. И. Ефимовымъ и сдѣлано обращеніе организовать постоянную помощь переселенцамъ. Г. Ефимовъ старался во всей широтѣ показать значеніе колонизаціоннаго вопроса для Сибири и необходимость участія въ немъ сибирскаго общества. Въ его рѣчи былъ сдѣланъ сводъ всего, что говорилось въ это время въ печати о значеніи переселеній. Затѣмъ г. Ефимовъ указалъ задачи Тюменскаго комитета. Живое и энергичное слово, произнесенное во-время, сослужило службу и Тюменскій переселенческій комитетъ пашелъ себѣ дѣло на нѣсколько лѣтъ. Въ томъ же году мы узнаемъ изъ газеты «Сибирь» о лишеніяхъ проходящихъ чрезъ Иркутскъ амурскихъ переселенцевъ. Нужда и бѣдствія ихъ вы-

звали общественную помощь. 19 августа 1883 года въ Иркутскѣ данъ былъ спектакль и выручено 1.160 р. въ пользу переселенцевъ; независимо отъ этого устроена подписка въ 921 р. для переселенцевъ, куплена старая одежда, особенно для дѣтей (№ 42 Вост. Обозр. за 1883 г. Устройство быта переселенцевъ). Помощь переселенцамъ производилась и въ другихъ попутныхъ городахъ Сибири, какъ Красноярскѣ, гдѣ въ 1884 г. комитетомъ для помощи переселенцамъ выдано было 7.378 р. и оказана помощь 792 семьямъ (Вост. Обозр. 1884 г. № 36). Въ 1883 г., 8 сентября, въ Благовѣщенскѣ въ пользу бѣдствующихъ переселенцевъ было устроено гулянье и подписка, которыя дали 828 р., употребленныхъ «на подкрѣпленіе физическихъ силъ ослабѣвшихъ и истощенныхъ переселенцевъ, а также на ихъ перевозку» (В. О. 1884 г. № 15). Но всего болѣе постоянства и преданности заявилъ Тюменскій комитетъ. Созданный временно, при самыхъ небольшихъ средствахъ, онъ оріентировался въ своихъ задачахъ и ежегодно оказывалъ и оказываетъ помощь переселенцамъ (См. его отчеты въ 1884 г. № 21 Вост. Обозр., 1885 г. № 1, хроника, 1885 г. № 27, 1886 г. № 26 и 1889 г.). Въ 1886 году сдѣланъ былъ сводъ дѣятельности Тюменскаго комитета за 3 года. Комитетъ въ это время позаботился объ удешевленіи провоза за переселенцевъ на баржахъ, при чемъ онъ вошелъ въ сношеніе съ пароходовладѣльцами, плата понижена была отъ 10% до 20%, отправилъ на свой счетъ до 558 человѣкъ переселенцевъ, издержалъ на перевозку 1.468 р., оказывалъ переселенцамъ помощь выдачею имъ денежныхъ пособій до 328 р., выдавалъ пожертвованія припасами, оказывалъ врачебную помощь и снабжалъ лекарствами. Наконецъ на пожертвованіе преимущественно пароходовладѣльцевъ выстроены вблизи Тюмени бараки. Въ 1884 году въ баракахъ этихъ помѣщалось 764 семьи переселенцевъ. На содержаніе бараковъ употреблялось 399 р. 25 к.; при баракахъ устроена баня и небольшая больница. Въ 1883 году комитетъ собралъ 2.705 р. на нужды переселенцевъ; въ 1884 и въ 1886 году—всего за два года частныя пожертвованія доставили 4.032 р.; въ 1885 г. предстояли тѣ же расходы (Описаніе бараковъ помѣщено въ № 26 «Вост. Обозр.» 1886 г.; также «Русск. Вѣдом.» 1890 г. № 190). Въ 1887 году чрезъ Тюмень, по свѣдѣніямъ комитета, прошло 13.407; 10.000 людей получали пріютъ въ переселенческомъ убѣжищѣ. Дѣятельность Тюменскаго комитета продолжается и не ослабѣваетъ до послѣдняго времени *). Въ 1889 г. мы видимъ, что прошло чрезъ

*) «Русск. Вѣдом.» 1890 г. № 190. См. статью профессора Исаева.

Тюмень уже 29.000 переселенцевъ,—наплывъ ихъ въ этотъ годъ былъ громаденъ. Переселенцы сильно нуждались и бѣдствія ихъ возбудили вновь общее вниманіе. Къ 20 мая 1890 г. скопилось въ Тюмени до 14.000 переселенцевъ: многіе изъ нихъ истратили послѣднія крохи, общее число заболѣвшихъ съ 25 апрѣля по 8 іюня достигало 1.223 чел.; среди дѣтей свирѣпствовали оспа и дифтеритъ,—до 500 дѣтей пало жертвой ихъ въ теченіи 4-хъ недѣль. Тюменскій комитетъ съ своими бараками и ничтожными средствами, конечно, не могъ удовлетворить всѣмъ нуждамъ бѣдствующихъ и предупредить несчастія. Бараки могутъ принимать опредѣленное число; они состоятъ изъ двухъ помѣщеній, въ которыхъ съ трудомъ еще можетъ размѣститься до 3.000 челов.,—куда же должны дѣваться другіе? Переселенцы спасались лагерями подъ телѣгами, въ шалашахъ и страдали на холодѣ. Бараки принимали $^1/_{10}$ переселенцевъ. Смертность дѣтей была такъ велика, что ежедневно ихъ привозили по 10—15 мертвыхъ. Для больныхъ отводили особые домики, купцы уступали сараи; кто могъ изъ переселенцевъ, нанималъ помѣщеніе, но масса была обречена на безпріютность. Между тѣмъ Тюменскій комитетъ могъ истратить съ 1 ноября 1888 г. по 1889 г. — 3.418 р., хотя приходъ его былъ 3.300 р. (Русск. Вѣд. 1890 г. № 190). Ясно, что сибирскій временный комитетъ, даже не имѣющій права считаться постояннымъ, далеко не можетъ оказать помощь всѣмъ переселенцамъ, обреченъ бороться съ такими трудностями при наплывѣ переселенцевъ, какія ему не подъ силу. И эта участь выпадаетъ почему-то на одинъ сибирскій городъ. Что касается помощи переселенцамъ со стороны чиновниковъ по переселенческой части, то они также сознаются, что средства, имѣющіяся въ ихъ рукахъ, слишкомъ недостаточны, чтобы помочь нуждѣ переселенцевъ. Изъ казенныхъ суммъ Тюменскій переселенческій чиновникъ издерживалъ въ 1887—1888 гг. и въ 1889 г. по 5.000—6.000 р.; за 1889 г. было выдано въ видѣ ссудъ переселенцамъ 4.147 р. 20 к., и безвозвратно 41 р. 10 к. (Какъ видно, большая часть помощи идетъ, какъ ссуда; нечего и говорить, что положеніе бѣдствующихъ переселенцевъ не позволяетъ думать, чтобы ссуда эта когда-либо возвратилась).

Въ Томскѣ общественное дѣло помощи переселенцамъ двигалось гораздо туже, не смотря на то, что бѣдствія обнаружились уже въ 1883 году. Городъ шевельнулся на минуту, построилъ бараки, но затѣмъ обнаружилъ полную апатію. Благотворительный комитетъ образовался только въ 1888 году; странно, что и этотъ комитетъ не имѣлъ оффиціальнаго существованія. Только въ послѣднее время, какъ мы видимъ, пробудилось въ Томскѣ болѣе

заботъ и горячѣе принимаются къ сердцу страданія переселенцевъ. Явился благотворитель и построилъ больницу, помощь лучше организуется. Собираются пожертвованія и профессора новаго Сибирскаго университета въ Томскѣ подали примѣръ благотворительности чтеніемъ лекцій въ пользу нуждающихся переселенцевъ. Здѣсь уже сказалось гуманизирующее вліяніе университета.

Собираемыя пожертвованія въ Томскѣ, однако, какъ свидѣтельствуетъ профессоръ Исаевъ, удовлетворяютъ развѣ 5% нуждающихся переселенцевъ.

Въ 1889 г. скоплялось въ Томскѣ переселенцевъ до 22.550 душъ. Какъ и въ Тюмени, выстроенный въ 1884 г. баракъ не въ состояніи вмѣщать ихъ. Въ бараки можетъ быть «втиснуто» съ трудомъ до 400 человѣкъ. Бараки въ Томскѣ выстроены притомъ въ неудобной мѣстности, за 5 верстъ отъ города «въ болотѣ»; во время разлива рѣки Томи, эти бараки топитъ и по двору переселенческаго барака нынѣшней весной, въ 1890 г., ѣздили на лодкахъ. Лѣтомъ, вся эта мѣстность, какъ пишутъ, представляетъ трясину, обильно покрытую болотными растеніями. Баракъ построенъ изъ легкаго лѣса и отопляется желѣзными печами. Больница построена только въ прошломъ году благотворителемъ В. Т. Зиминымъ; она построена на 30 кроватей, но далеко не соотвѣтствуетъ числу больныхъ, и недавно до 100 человѣкъ больныхъ находились въ таборахъ среди болотъ. Ограниченность медицинской помощи и трудность контролировать больныхъ при отсутствіи больницъ, конечно, способствуетъ заболѣваемости и смертности [1]).

Денежная помощь отъ Министерства, отпущенная въ распоряженіе чиновниковъ по переселенческой части, распредѣлялась слѣдующимъ образомъ.

Въ 1884—1886 гг. черезъ Томскъ прошло 11.000 переселенцевъ, въ 1887 г.—4.300 ч. (изъ нихъ обратныхъ—130 ч.), въ 1888 г.—до 12.600 ч. (изъ нихъ обратныхъ до 700 ч.) и въ 1889 г.—до 18.500 ч. (изъ нихъ обратныхъ 500 ч.). Израсходовано казною денегъ (спеціально на пособіе переселенцамъ) за 1884—1886 гг. 5.932 р. [2]), въ 1887 г.—4.315 р. (изъ нихъ ссудъ 3.973 р. и безвозвратн. 342 р.), въ 1888 г.—7.248 р. (изъ нихъ ссудъ 6.563 р., безвозвратн. 685 р.), въ 1889 г.—8.486 р. (ссудъ 7.552 р., безвозвратн. 934 р.); на санитарную часть и содержаніе пріюта за 1887—1889 гг.—3.843 р. 37 к.; на канцелярскіе расходы и проч. за 1887—1889 гг.—2.729 р. 27 к. и долговъ 1886 г.—753 р. 40 к. Всего за 1887—1889 г. министерствомъ было отпущено въ распо-

[1]) Русск. Вѣд. 1890 г. № 250. Переселенцы въ Томскѣ. А. Исаева.

[2]) Точныхъ данныхъ о расходахъ и статистикѣ переселеній за эти годы нѣтъ.

ряженіе чиновника (съ остаткомъ отъ 1886 г.) 27.873 руб. 85 к. (изъ нихъ внесено обратно въ казначейство 498 р. 81 к.). Сверхъ того, къ чиновнику по переселенію въ 1889 г. (къ 16 октября) поступило на нужды переселенцевъ отъ разныхъ лицъ (почти половина изъ Европейской Россіи и 315 р. съ лекцій профессоровъ) 600 р. 80 к.; изъ нихъ израсходовано на продовольствіе переселенцевъ и санитарныя надобности) 485 р. 51 к.; въ 1888 г. Пріамурскимъ генералъ-губернаторомъ выдано на нужды переселенцевъ 1.000 р. и разными лицами пожертвовано 50 р.

Въ 1888 г. переселенцами куплено въ Томскѣ лошадей до 2.000 и телѣгъ до 15.000; въ 1889 г. куплено почти тоже количество (въ этомъ году, въ виду эксплоатаціи переселенцевъ прасолами при покупкѣ лошадей, чиновникомъ по переселенческимъ дѣламъ организована отправка переселенцевъ на наемныхъ подводахъ и водой, что обходилось въ среднемъ по 8 р. 50 к. на семью до мѣста водворенія).

Отпускавшіяся до сихъ поръ казною средства были крайне недостаточны, особенно въ 1889 г. (что и вызвало крупныя пожертвованія); недостаточность средствъ видна изъ размѣра выданныхъ пособій, достигавшихъ minimum 1 — 3 р. и maximum 30, рѣдко 35 р. на семью, отправляющуюся даже на Амуръ.

Комитетъ по оказанію помощи переселенцамъ въ Томскѣ учрежденъ въ іюлѣ 1889 г. (и. д. губернатора Н. Н. Пѣтуховымъ), въ составѣ 10 членовъ. Задача его—оказаніе возможной помощи переселенцамъ въ Томскѣ—денежной, вещевой и врачебной. (Уставъ его еще не выработанъ). Къ 16 октября пожертвованій поступило до 5.000 р. (почти цѣликомъ черезъ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей», горячо откликнувшуюся на бѣдственное положеніе переселенцевъ). Изъ нихъ въ теченіе лѣта на нужды переселенцевъ израсходовано до 4.000 р. (денежная выдача 424 семействамъ переселенцевъ—2.230 р., на покупку хлѣба до 600 р., на санитарную часть, содержаніе и расширеніе помѣщеній переселенческаго пріюта и проч. до 1.000 р. и разн. др.) [1]).

Въ 1888 году послѣдовалъ внезапно наплывъ въ Иркутскъ переселенцевъ, проходившихъ на Амуръ и находившихся въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Что оставалось дѣлать? По иниціативѣ генералъ-губернатора графа А. И. Игнатьева, въ Иркутскѣ собрано было подпиской до 1.000 р. пожертвованій и затѣмъ организованъ былъ также временный комитетъ, который поставилъ задачей собраніе средствъ и распредѣленіе пособій. Комитетъ этотъ на-

[1]) А. Адріановъ. «Г. Томскъ въ прошломъ и настоящемъ». Томскъ. 1890 г.

чалъ энергично и собралъ фондъ за зиму 1888—1889 г. до 10.000 р., но средства эти быстро уходили при наплывѣ переселенцевъ. Между тѣмъ получена въ то же лѣто 1888 г. телеграмма отъ Забайкальскаго губернатора въ главному начальству Восточной Сибири съ просьбой остановить партіи, двигающіяся за Байкалъ, такъ какъ по пути слѣдованія переселенцевъ обнаружились голодъ и безкормица. Но была ли возможность задерживать переселенцевъ и брать ихъ на содержаніе? Комитетъ могъ только помочь переселенцамъ продолжать дорогу. Бѣдствія и наплывъ переселенцевъ побудили образовать временный комитетъ и въ Читѣ, но проходившія партіи на Амуръ во время движенія къ Благовѣщенску встрѣтили недостатокъ въ хлѣбѣ по Амуру и брели кое-какъ, измученные и истощенные.

Понятно, что указанные комитеты, организуемые въ сибирскихъ городахъ, подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, притомъ имѣя временный характеръ, не могли и не могутъ удовлетворить всѣмъ нуждамъ и всѣмъ широкимъ задачамъ переселенія. Если бы и могли образоваться комитеты во всѣхъ попутныхъ сибирскихъ городахъ, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ переселенцы распредѣляются наиболѣе, какъ въ Бійскомъ округѣ Томской губерніи и въ Минусинскѣ, то, принимая во вниманіе слабыя средства мѣстнаго сибирскаго населенія, бѣдность и ничтожность городовъ, гдѣ были бы созданы эти комитеты,—едва ли возможно питать надежду, чтобы они удовлетворили всѣмъ нуждамъ переселенія, принимая массу переселяющихся. Ясно, что при организаціи переселенческаго дѣла, кромѣ добраго желанія и общественнаго почина, нужна еще болѣе солидная помощь со стороны государства и всего русскаго общества, заинтересованнаго въ переселеніяхъ.

Какъ велико число скопляющихся переселенцевъ въ различныхъ районахъ Сибири, показываетъ приливъ переселенцевъ на Алтай и въ горные округа Томской губерніи. Въ 1880 году мы указали число переселеній по годамъ на основаніи оффиціальныхъ свѣдѣній [1]), но учетъ переселенцевъ съ тѣхъ поръ сдѣлалъ успѣхи. Оказалось, что списки объ оффиціально причисленныхъ переселенцахъ не даютъ полнаго понятія о количествѣ проживающихъ переселенцевъ, такъ какъ многіе живутъ до причисленія по паспортамъ.

Послѣ Алтайской ревизіи, собранныя свѣдѣнія по волостямъ Алтайскаго округа Н. А. Вагановымъ показали, что къ 1 іюля 1882 г. въ Алтаѣ находилось 17.860 чел. причисленныхъ въ се-

*) Изслѣдованіе переселеній въ Алтайскомъ округѣ (Записки Импер. Русск. Геогр. Общ. и Западно-Сибирскаго Отдѣла 1880 г.).

ленія переселенцевъ, 17.942 чел. проживающихъ безъ перечисленія и 8.824 чел. приписанныхъ въ города Бійскъ, Барнаулъ и Кузнецкъ, — всего 44.626. Это только на югѣ Томской губерніи. Возрастающее ежегодно переселеніе въ Сибирь увеличило эту цифру, и мы узнаемъ слѣдующее по послѣднимъ статистическимъ исчисленіямъ. По свѣдѣніямъ, которыя сосредоточивались въ горномъ правленіи и у г. Ваганова, г. Чудновскій дѣлаетъ вычисленіе за 6-лѣтіе съ 1878 по 1884 г. и считаетъ въ Алтайскомъ округѣ 9.727 чел. перечисленныхъ переселенцевъ изъ 33 губерній. Но помимо этого къ 1884 году числилось 30.544 чел., живущихъ въ волостяхъ по паспортамъ. Г-нъ П. Г—въ, взявшійся за исчисленіе переселенцевъ въ этомъ округѣ, соображаясь съ предъидущими годами, полагаетъ, что цифра за 3 шестилѣтія переселенія достигала 48.250 чел., т. е. по 2.680 чел. на годъ. Эта цифра оказывается, однако, ничтожной по отношенію къ слѣдующему 6-лѣтію съ 1884 г. по 1889 г., за которое уже имѣются погодныя данныя. За одно это 6-лѣтіе явилось переселенцевъ изъ 50 губерній 95.501 чел., т. е. вдвое болѣе, чѣмъ за весь предшествовавшій 18-лѣтній періодъ.

По годамъ эти переселенія располагались:

1884 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
12.101	16.890	16.282	15.827	17.201	17.206

Несмотря на колебанія и пониженія въ нѣкоторые годы, мы видимъ, что цифра переселеній растетъ и въ 6 лѣтъ возросла съ 12.100 до 17.200. Въ общемъ съ 1866 года по 1889 г. переселилось въ Алтайскій округъ 143,751 душа переселенцевъ обоего пола.

Принимая во вниманіе эти цифры, мы должны предугадывать, что переселеніе въ Алтайскій округъ не перестанетъ возростать. До 1865 года переселеніе на Алтай задерживалось въ силу того, что это былъ заводскій районъ въ вѣдѣніи Кабинета Его Величества и переселеніе вообще крестьянъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь до 19 февраля 1861 г. не было свободно, но затѣмъ оно явилось уже широкимъ потокомъ подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и измѣненій экономическаго склада, побудившихъ искать новыхъ мѣстъ. Алтай явился излюбленнымъ мѣстомъ крестьянства, а измѣнившіеся взгляды горнаго Алтайскаго управленія заставили не отталкивать, а привлекать переселеніе. Это измѣненіе взглядовъ сопровождалось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ началѣ округъ этотъ считался горнозаводскимъ съ постояннымъ приписаннымъ населеніемъ и ревность заводскаго начальства клонилась къ тому, чтобы ограждать лѣса, земли и проч., какъ *кабинетскую* собственность. Въ послѣднее время разъяснилось, что

этотъ округъ съ 400.000 бывшихъ горныхъ крестьянъ представляетъ территорію земледѣльческую, а что казенные заводы приносятъ только убытокъ. Оброкъ въ 4 р. 50 к. съ души, сбираемый въ пользу Кабинета, составляетъ чистую прибыль, и привлеченіе колонизаціи есть прямая выгода. Такимъ образомъ, открытыя двери для колонизаціи дали, принимая во вниманіе 143.751 душу переселенцевъ, весьма опредѣленное увеличеніе дохода въ полмилліона ежегодно.

Кромѣ Алтая, какъ мы видимъ изъ корреспонденцій и отчетовъ за послѣднее время, переселенцы направлялись въ Семирѣченскую и Акмолинскую области. Направленіе переселеній въ эти области совершается помимо Тюмени (см. «О раздѣленіи трактовъ и направленіи переселенцевъ», статью въ № 33 Вост. Обозр. за 1882 г.). Затѣмъ по главному тракту оно направляется въ излюбленный переселенцами Минусинскій округъ. Отчеты о переселеніяхъ сюда печатались также, какъ и очерки положенія быта переселенцевъ. Изъ нихъ видно, что переселеніе въ Минусинскій округъ также годъ отъ году усиливалось (см. Восточное Обозрѣніе за 1885 г. №№ 33, 34, 35). Общаго учета переселенцевъ здѣсь, однако, не сдѣлано, потому что нѣтъ учрежденія, интересующагося этимъ движеніемъ; частныя же лица изслѣдовали жизнь переселенцевъ только по волостямъ и деревнямъ. Довольно подробное и внимательное описаніе быта минусинскихъ переселенцевъ мы встрѣчаемъ въ статьяхъ Петровича, помѣщавшаго свои бытовые очерки въ «Восточномъ Обозрѣніи» за 1882—1885 гг. и въ газетѣ «Сибирь». Далѣе потокъ переселенія слѣдовалъ сухимъ путемъ черезъ Восточную Сибирь на Амуръ. Въ 1882 году появился проектъ перевозки переселенцевъ на Амуръ моремъ. Въ виду усиленія колонизаціи въ Уссурійскомъ краѣ предположено было перевезти 2.500 семей изъ Одессы на судахъ добровольнаго флота. Предположено было перевозить по 250 семей въ годъ и въ десять лѣтъ водворить весь комплектъ. При субсидіи правительства перевозка 250 семей должна была обойтись ежегодно въ 75.000 р.; затѣмъ предполагалась выдача хлѣба, средствъ на обсѣмененіе, на орудія, долженъ былъ закупиться для нихъ скотъ, даже жернова. Въ итогѣ на каждый годъ по устройству переселенцевъ предполагалось 200.000 р. Кромѣ того имъ отводились земли отъ 15 до 100 десятинъ. Для принятія и устройства переселенцевъ во Владивостокѣ было устроено особое переселенческое бюро и управленіе со штатомъ служащихъ, которые занялись постройкою домовъ для прибывающихъ переселенцевъ, покупкой скота и проч. Для переселенцевъ, прибывшихъ кругомъ свѣта моремъ, нужно

было устроить помѣщеніе на зиму. Переселенческое депо взялось заготовить скотъ, но потерпѣло неудачу (см. корреспонденціи Вост. Обозр. 1883 г. №№ 15, 28, 1884 г. № 6, 1885 г. № 2 и газету «Владивостокъ» 1884 и 1885 гг.). Поэтому, хотя переселенія и совершались на Амуръ, но они очень дорого обходились русскому населенію, двигавшемуся на Амуръ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время обнаружилось, что далеко не весь Амуръ удобенъ для поселеній.

Мнѣнія объ амурской колонизаціи въ настоящее время рѣзко расходятся. Одни увѣряютъ, что сѣверные берега Амура весьма негостепріимны и сплошная тайга. Удобныя земли оказались только близъ Благовѣщенска и въ Уссурійскомъ краѣ; послѣдній-то и составляетъ desiderata переселенцевъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ «Памятной книжки Амурской области», видно, что съ 1880 г. по 1889 годъ въ область явилось 19.240 душъ переселенцевъ, что̀ на годъ даетъ 1.924 души. Переселенцы являлись изъ 23 губерній. Памятная книжка говоритъ, что изъ приведенныхъ въ извѣстность земель оказывается 561.444 дес., на которыхъ можетъ быть поселено до 6.000 дворовъ, т. е. въ полтора раза болѣе приселенныхъ уже (4.070 семей). Если предположить, что переселеніе будетъ продолжаться съ тою же интенсивностью, то указаннаго запаса хватитъ на 22 года. Изъ особенностей амурскаго переселенія мы должны упомянуть о продажѣ земель въ собственность. Теперь уже обнаружились и результаты этой продажи. Продано до 25.000 дес. въ теченіи 22 лѣтъ и предназначено нынѣ еще 10.000 дес. Изъ статистическихъ данныхъ «Памятной книжки» видно, что изъ проданныхъ 25.000 дес. 240 собственникамъ, по сословіямъ земля распредѣлилась слѣдующимъ образомъ: на долю крестьянъ 35,4% (85 собственниковъ), на долю мѣщанъ 56,3% (135 собственниковъ), на долю привилегированныхъ сословій 2,9% (13 собственниковъ). По количеству земля распредѣлилась: у мѣщанъ 12.514 дес. (50,1%), у крестьянъ 8.746 дес. (34,1%), дворяне пріобрѣли 3.743 дес. (15%). Явная тенденція водворить крупное помѣщичье хозяйство, какъ заявлялось не разъ, выразилось въ томъ, что одному лицу, дворянину Бенкендорфу, продано 1.006 дес. 588 кв. саж., что составляетъ $^1/_{25}$ часть общихъ земель. Большее же число земель попадаетъ въ руки мѣщанъ. Принимая во вниманіе тѣ упорныя стремленія на Амуръ, которыя выразились въ крестьянской колонизаціи, и тѣ жертвы, которыя переносятъ переселенцы своими лишеніями, идя на Амуръ, сами собою говорятъ, кому слѣдуетъ дать преимущества и гдѣ можно ожидать болѣе прочнаго обзаведенія.

Если мы представимъ себѣ теперь общій переселенческій потокъ до 30.000 чел., проходящихъ чрезъ Тюмень по главному тракту, и до 5.000 чел. по побочнымъ на Оренбургъ, Курганъ и Омскъ, а затѣмъ до 250 семей, ежегодно выселяемыхъ на Амуръ, то въ общемъ это число будетъ равняться 40.000 ежегодно.

Переселенческій потокъ, стремящійся въ Сибирь, распредѣляется здѣсь до сихъ поръ, руководствуясь слухами, собственными соображеніями и инстинктами. О разстояніяхъ переселенцы не имѣютъ понятія. Можетъ быть только это, совершенное отсутствіе представленія о предстоящихъ лишеніяхъ по дорогѣ и всѣхъ случайностяхъ, придаетъ имъ рѣшимость. При случайныхъ движеніяхъ и неопредѣленныхъ стремленіяхъ, переселенцы не сразу поэтому осуществляютъ свое желаніе поправить свой бытъ на новыхъ мѣстахъ, весьма много является неудачъ, ошибокъ и разочарованій; свидѣтельствомъ тому обратныя переселенія. При той темнотѣ, въ которой находится народъ, винить въ этомъ некого.

Сибирь сама представляетъ слишкомъ громадный раіонъ, гдѣ существованіе переселенца можетъ быть различно и не вездѣ одинаково онъ можетъ устроиться. Значительная часть земледѣльческихъ округовъ въ Западной Сибири заселена, и потому переселенцамъ приходится направляться нынѣ въ Томскую губернію, въ округи алтайскіе. Но и здѣсь земли распредѣлены между обществами и въ волостяхъ и общинахъ размѣры надѣловъ иногда колеблятся между 2 и 4 десят. земли на душу до 100 дес. Слѣдовательно, важно, въ какое общество попадетъ переселенецъ. Ясно, что общества старожиловъ не вездѣ охотно принимали переселенцевъ и требовали съ пріемнаго приговора плату отъ 10 до 30 р. иногда съ души, полагая здѣсь и гарантію отправленія будущихъ повинностей. Требованія крестьянъ старожиловъ вызвали ропотъ и жалобы переселенцевъ, воображавшихъ, что земли въ Сибири совершенно свободны и что можно селиться куда угодно. Жалобы переселенцевъ въ послѣднее время обратили вниманіе чиновъ, желавшихъ покровительствовать переселенцамъ, и за 1883 г. Томскимъ губернскимъ начальствомъ была напечатана даже особая записка объ устраненіи стѣсненій, какія терпятъ переселенцы. При внимательномъ разсмотрѣніи, однако, всѣхъ этихъ столкновеній, оказалось, что претензіи переселенцевъ являются сплошь и рядомъ весьма легкомысленны, такъ какъ они требуютъ земель уже занятыхъ, захватываютъ покосы старожиловъ и т. п., затѣмъ много недоразумѣній вноситъ отсутствіе правильнаго межеванія въ Сибири, споры изъ за земли въ общинахъ. Въ особенности поземельныя дѣла находятся въ запутанномъ положеніи въ Алтаѣ,

гдѣ окончательнаго поземельнаго надѣла не существуетъ. Въ послѣднее время поземельныя затрудненія переселенцевъ начали устраняться отводомъ для ихъ поселеній особыхъ участковъ. Въ Западной Сибири съ этою цѣлью дѣйствуютъ межевые отряды вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ, а въ Алтайскомъ горномъ округѣ приняты также мѣры для отвода участковъ переселенцамъ. Кромѣ того, до свѣдѣнія переселенческихъ партій доводится, гдѣ могутъ они найти свободныя мѣста и въ какихъ условіяхъ поселиться. Нечего говорить, что дѣло это потребуетъ гораздо болѣе правильной организаціи, и въ каждомъ изъ районовъ, подлежащихъ заселенію, должна быть создана особая контора, которая указывала бы переселенцу удобныя мѣста для него, помогала бы его выбору и облегчала самое обзаведеніе и затѣмъ перечисленіе.

Кромѣ избираемыхъ удобныхъ мѣстъ и, такъ сказать, облюбленныхъ, переселенцы направляются или направляютъ ихъ въ мѣста, гдѣ удобства для поселеній сомнительны. Къ числу неудачныхъ колонизацій мы должны отнести попытки степной колонизаціи въ Акмолинской области. У насъ въ печати очень много говорятъ о заселеніи степей, доступныхъ доселѣ только скотоводамъ и номадамъ, но прежде чѣмъ направлять переселеніе въ эти мѣста, нужно хорошенько узнать ихъ экономическія условія. Надо принять во вниманіе, что районы степей въ большинствѣ безлѣсны и весьма скудно снабжены водными стоками; есть степи, обладающія горько-солеными озерами. Если въ такихъ мѣстахъ могутъ существовать пастбища, и то съ условіемъ перекочевокъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что эти мѣста удобны для земледѣлія. Однимъ изъ неудачныхъ опытовъ подобныхъ поселеній въ степи былъ въ 1878 году въ Акмолинской области. Желая заселить тракты, избрано было до 30 участковъ, каждый на 40 ревизскихъ душъ съ 30 десятинами душеваго надѣла. 18 этихъ участковъ оказались годными, а 12 и до сихъ поръ остаются незаселенными по неудобству ихъ. На многихъ участкахъ, вмѣсто 40 душъ, поселилась половина и менѣе, и несмотря на вызовъ администраціи и даваемыя льготы охотниковъ на эти мѣста не явилось. Крестьяне же, заселившіе 18 участковъ, бѣдствуютъ, какъ заявляла мѣстная администрація. Кромѣ того, поселеніе въ кочевыхъ инородческихъ районахъ русскихъ переселенцевъ ведетъ къ столкновеніямъ, къ захвату инородческихъ пастбищъ, водопоевъ, зимовокъ и т. п. Такія же явленія обнаружены были въ кочевомъ калмыцкомъ районѣ Алтайскаго округа. Все это заставляетъ, при колонизаціи въ подобныхъ мѣстахъ, быть въ высшей степени осмотрительнымъ

Даже знаменитый Амуръ не вездѣ представляетъ удобства, какъ доказала его предшествовавшая и позднѣйшая колонизація; поэтому, неразборчивое стремленіе переселенцевъ и преувеличенные слухи всегда приводятъ къ разочарованіямъ. Колонизація и распредѣленіе населенія въ новыхъ мѣстахъ—дѣло слишкомъ серьезное, и практическіе опыты въ послѣдніе годы показываютъ, что при движеніи переселеній должны быть приняты мѣры, содѣйствующія правильному населенію, а главное, расширенію познаній русскаго народа насчетъ тѣхъ мѣстностей, которыя онъ избираетъ для своего поселенія. Все указываетъ нынѣ на необходимость правильной организаціи этого дѣла.

Опытъ колонизаціи за послѣднее время доказалъ, что тѣ переселенцы, которые на мѣстахъ и въ дорогѣ получали субсидіи и помощь, обстраивались скорѣе и лучше. Это видно на исторіи переселеній государственныхъ крестьянъ въ Западную Сибирь въ 1888 г. Статистическо-хозяйственное изслѣдованіе быта крестьянъ, произведенное въ послѣднее время въ Западной Сибири, въ Ишимскомъ округѣ, свидѣтельствуетъ, что селенія переселенцевъ, пользовавшихся помощью, достигли большаго благосостоянія, чѣмъ тѣ, которыя не пользовались такою помощью (см. Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Изслѣдованіе А. А. Кауфмана, т. III, стр. 23, 27). Большинство переселенцевъ, являющихся нынѣ въ Сибирь, не пользуются никакой помощью и не получаютъ ничего на обзаведеніе. Истощившись въ дорогѣ, естественно они должны начать съ нищенства и искать заработка у мѣстныхъ крестьянъ. Недавно Алтайское горное правленіе, собирая свѣдѣнія о переселенцахъ, получило изъ волостей свѣдѣнія о довольно плачевномъ положеніи переселенцевъ (отзывъ Чарышскаго волостнаго правленія). По другимъ опубликованнымъ свѣдѣніямъ видно, что въ Алтаѣ, т.-е. лучшей мѣстности для колонизаціи, недоимка по кабинетскимъ взысканіямъ и окладнымъ сборамъ достигла значительныхъ размѣровъ, а именно съ 120.000 въ 1881 г., недоимка эта достигла 396.000 къ 1885 г. Въ 1887 г. опять возросла. Всего больше недоимки приходилось по оброку въ Кабинетъ, а именно около 4—5. Причина ея объяснена, кромѣ неурожаевъ, постигшихъ населеніе, еще самымъ *переселеніемъ*. Изслѣдованіе по волостямъ показываетъ, что недоимки болѣе числятся за переселенцами, и что принесены эти недоимки прежде, съ мѣстъ прежней приписки. «Являясь сюда въ громадномъ большинствѣ случаевъ безъ всякихъ средствъ, доходя до мѣстъ своего поселенія христовымъ именемъ, переселенецъ первые годы естественно обреченъ на лишенія. И

такъ, чѣмъ быстрѣе идетъ переселеніе, тѣмъ быстрѣе растутъ недоимки страны», говоритъ изслѣдователь недоимокъ въ Алтаѣ (О недоимкахъ въ Алтаѣ см. Восточн. Обозрѣніе 1890 г. №№ 24, 25, 26). Накопленіе недоимокъ такимъ образомъ есть результатъ ненормальныхъ условій переселенія. Но если есть много неблагопріятныхъ условій, то, съ другой стороны, при самой небольшой поддержкѣ и средствахъ, полученныхъ заработкомъ или принесенныхъ съ собою, переселенецъ на новыхъ мѣстахъ обстраивается и устраивается весьма быстро.

На самомъ дѣлѣ колонизація имѣетъ такое врачующее и исцѣляющее значеніе, что истощенныя экономическія силы народа возстановляются весьма быстро, благодаря многоземелью, простору и плодородію почвы. При благопріятныхъ условіяхъ переселенецъ обстраивается въ одинъ годъ и засѣваетъ поля.

Въ 1884 г. 23.623 чел. переселенцевъ въ Алтайскомъ округѣ жили уже въ своихъ домахъ. По изслѣдованіямъ г. Чудновскаго, въ Смоленской волости, Бійскаго округа, зажиточность переселенцевъ и ихъ экономическій бытъ превосходилъ старожиловъ. У старожиловъ было безлошадныхъ 14,3%, а у новоселовъ 10,8%, безскотныхъ у старожиловъ было 13,1%, а у новоселовъ 10,9%, безпосѣвныхъ у первыхъ 12%, у вторыхъ 12,2%.

Въ среднемъ скота приходилось:

	Лошадей.	Рогатаго скота.	Овецъ.	Дес. посѣва.
У старожиловъ	5,4	5,8	13,2	15,7
У новоселовъ	7,9	8,8	19,3	10,7

Такимъ образомъ переселенцы, уступая старожиламъ въ количествѣ посѣва, превосходятъ послѣднихъ въ количествѣ скота. По изслѣдованіямъ оказалось также, что дворы и семьи старожиловъ менѣе многолюдны, чѣмъ у новоселовъ, что даетъ послѣднимъ перевѣсъ въ хозяйственной производительности. Малолюдные дворы у старожиловъ, по изслѣдованіямъ г. Чудновскаго (отъ 1 до 5 душъ наличныхъ), составляетъ 60,6%, у новоселовъ—только 33,6%; зато дворы отъ 6 до 10 душъ у первыхъ составляютъ 36,6%, у вторыхъ—47,6%; дворовъ отъ 11 до 15 душъ у старожиловъ—2,3%, у новоселовъ—14,1%; затѣмъ дворовъ отъ 16 до 23 душъ у старожиловъ—0,5%, у новоселовъ—0,9%.

Мы имѣемъ основаніе думать, что у новоселовъ, по вынесеннымъ ими традиціямъ, семейственные союзы крѣпче и менѣе дѣлятся, — тогда какъ сибирскія семьи наклонны къ раздѣламъ. Большее трудолюбіе переселенцевъ также способствуетъ ихъ быстрому обзаведенію на новыхъ мѣстахъ. Это наблюденіе сдѣлано въ

различныхъ мѣстахъ Сибири и, между прочимъ, надъ ишимскими переселенцами А. Л. Кауфманомъ.

Такимъ образомъ видныя благодѣтельныя послѣдствія колонизаціи для переселяющихся, въ смыслѣ улучшенія экономическаго быта земледѣльца, затѣмъ и весьма выгодные результаты для окраины, которая заселяется и обновляется новыми соками, вмѣстѣ съ весьма важными государственными результатами, заставляютъ смотрѣть на дѣло переселенія, какъ на весьма важный актъ народной, экономической и государственной жизни.

Проявленія переселеній и колонизаціи, изъ года въ годъ усиливающіяся, какъ и тѣ изслѣдованія и наблюденія, которыя въ послѣднее время сдѣланы надъ переселеніемъ, открываютъ намъ новую картину и указываютъ рядъ очередныхъ задачъ, намѣчаемыхъ самою жизнью и составляющихъ разрѣшеніе колонизаціоннаго вопроса. Прежде всего мы видимъ необходимость и неизбѣжность помощи переселенцу въ пути, во время движенія. Мы видимъ, что шагъ къ этому уже сдѣланъ образованіемъ переселенческихъ комитетовъ для оказанія помощи переселенцамъ, а затѣмъ этотъ вопросъ рѣшенъ въ принципѣ и правительствомъ, такъ какъ на чиновниковъ по переселенческой части возложены нѣкоторыя заботы о переселенцахъ, и бѣдствующимъ выдается, хотя и слабая, помощь. Можно пожелать, чтобы помощь эта вполнѣ удовлетворяла нуждамъ переселенія и предупреждала тѣ бѣдствія, какія, мы видимъ, разражаются надъ несчастными странниками. Сибирскіе города и образовавшіеся благотворительные комитеты въ Сибири не въ состояніи, какъ показываютъ ихъ бюджеты, удовлетворять нуждамъ переселенцевъ, идущихъ тысячами безъ всякихъ средствъ. Кромѣ обезпеченія въ пути, необходима для переселенцевъ денежная помощь и при водвореніи на мѣстахъ. Для облегченія водворенія въ разныхъ районахъ Сибири должны быть подготовляемы свободныя мѣста для нихъ и вымежевываемы участки. Затѣмъ при водвореніи переселенцевъ необходимо созданіе колонизаціоннаго фонда, который снабжалъ бы переселенцевъ ссудами на обзаведеніе, если не безвозвратной помощью. Все это возможно осуществить учрежденіемъ особыхъ переселенческихъ конторъ и бюро на мѣстѣ колонизаціи. Въ дѣлѣ обезпеченія переселенца необходима помощь государства, такъ какъ случайныя и частныя пожертвованія не могутъ правильно обезпечить всѣхъ нуждъ переселенія и колонизаціи.

Кромѣ правительственной помощи, конечно, желательно и участіе общества. На русское общество, поэтому, также падаютъ обязанности въ обезпеченіи судьбы переселенца и по крайней мѣрѣ

Ороченъ.

Монголъ.

Тип. Ед. Гёнцъ.

въ предупрежденіи тѣхъ бѣдствій и лишеній, какія онъ терпитъ. Объ этомъ въ послѣднее время заявляютъ всѣ ознакомившіеся съ бытомъ и положеніемъ переселенцевъ [1]).

Въ 1890 г. основано, наконецъ, общество вспомоществованія переселенцамъ и въ Петербургѣ. Оно изложило свою программу дѣятельности помогать правительству въ дѣлѣ устройства переселенія и снабженія переселенцевъ помощью во время пути, наконецъ, оно имѣетъ въ виду облегчать переселенцамъ водвореніе на мѣстахъ, снабжать ихъ необходимой субсидіей, помогать возводить церкви, такъ какъ переселенцы изъ Европейской Россіи чувствуютъ въ этомъ потребность на новыхъ мѣстахъ, созидать школы и т. д. Цѣль общества заключается въ томъ, чтобы сосредоточить добровольныя пожертвованія и образовать капиталъ изъ взносовъ членовъ; затѣмъ оно имѣетъ въ виду сноситься съ разными учрежденіями и лицами, завѣдывающими переселенческимъ дѣломъ. Цѣли этого общества весьма почтенны, а задачи, предполагаемыя имъ, даже черезчуръ обширны. Мы видимъ изъ сдѣланнаго очерка, сколько настоятельныхъ нуждъ у переселенцевъ, которыхъ идетъ 35.000—60.000 чел. только черезъ Тюмень. Обезпеченіе ихъ даже въ пути, устройство сносныхъ бараковъ на всемъ движеніи, медицинская помощь, снабженіе лошадьми и подводами при сухопутномъ движеніи—все это потребуетъ значительныхъ затратъ и въ первое время, не задаваясь другими цѣлями, слѣдуетъ сосредоточить на этомъ все вниманіе. Конечно, отъ энергіи и умѣнья общества будетъ зависѣть сосредоточеніе большихъ средствъ, однако, на одну филантропію и случайные сборы трудно положиться. Намъ кажется, что созданное общество должно будетъ взглянуть на дѣло прямѣе, и, обращаясь къ русскому обществу, ему предстоитъ снестись въ то же самое время и съ русскимъ земствомъ по губерніямъ, привлекая ихъ къ этому дѣлу, такъ какъ, безъ сомнѣнія, нѣкоторыя губерніи, выдѣляющія переселенцевъ, обязаны и нѣкоторою заботою о нихъ. На обязанности того же общества будетъ лежать также изучить переселенческое дѣло, получать свѣдѣнія о движеніи партій ежегодно и картину общихъ переселенческихъ нуждъ представить правительству, дабы къ предупрежденію бѣдствій были приняты мѣры. Это учрежденіе въ столицѣ можетъ служить переселенческому дѣлу

[1]) См. статьи по переселенческому дѣлу: Петропавловскаго, Петровича (Вост. Обозр. 1882—1886 г.), Дудоладова (Записки Зап.-Сиб. отд. Геогр. Общ.), изслѣдованіе Чудновскаго о Смолянской волости въ Алтаѣ (Вост.-Сибирск. отдѣлъ Геогр. Общ. 1889 г.), изслѣдованіе Голубева въ Алтаѣ (Алтай, изд. въ Томскѣ), статьи Гл. Успенскаго о переселеніи въ «Русскихъ Вѣдом.» 1887—1888 г., статьи профессора Исаева въ тѣхъ же вѣдомостяхъ 1890 г.

посредникомъ и ходатаемъ передъ правительствомъ. Практическое осуществленіе помощи должно совершаться на мѣстахъ чрезъ мѣстные комитеты, которымъ необходима поддержка. Что касается до устройства переселенцевъ на мѣстахъ водворенія и выдачи ссудъ имъ на обзаведеніе, то эта вторая задача потребуетъ особой организаціи переселенческихъ конторъ на мѣстахъ поселеній въ Барнаульскомъ, Бійскомъ, Минусинскомъ округахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ сосредоточивается наиболѣе переселеній. Если во время движенія необходима помощь переселенцу, то на мѣстахъ нужна ссуда на обзаведеніе съ разсрочкой на нѣсколько лѣтъ. Эта ссуда возможна только при существованіи колонизаціоннаго фонда. который долженъ быть созданъ на условіяхъ банковой операціи по примѣру крестьянскихъ банковъ съ субсидіей отъ казны. Вслѣдъ за основаніемъ частнаго общества вспомоществованія переселенцамъ является вопросъ о созданіи этого государственнаго фонда для переселенцевъ. Созданіе такого фонда неизбѣжно. Самая же ссуда для обзаводящихся хозяйствомъ переселенцамъ вполнѣ обезпечивается ихъ осѣдлостью, хозяйствомъ и имуществомъ. Необыкновенно быстрое возростаніе благосостоянія переселенцевъ ручается за выплату и возвращеніе ссудъ. Непрестанно функціонирующій фондъ съ возвратными ссудами будетъ приходить на помощь новымъ переселенцамъ, прибывающимъ за прежними. Мы убѣждены, что государственная помощь все-таки неизбѣжна, кромѣ частныхъ филантропическихъ учрежденій, и что переселенческій вопросъ слишкомъ важенъ для государства, чтобы оставить его на долю случайностей.

Въ Англіи, благодаря содѣйствію государства и его фондамъ, совершилось заселеніе Новой Голландіи, упрочены владѣнія въ Индіи, пріобрѣтены острова на Великомъ океанѣ и создалась могущественная колоніальная имперія. Сѣверо-Американскіе Штаты, сознавая всю важность колонизаціи для эмигрантовъ и переселенцевъ, устроили для принятія ихъ пріюты и вокзалы kasttle-guarden, облегчили доставку и перевозку эмигрантовъ на дальній западъ, устроили конторы, гдѣ они получаютъ нужныя свѣдѣнія и покупаютъ участки; отъ этого такъ быстро идетъ заселеніе пустынь Америки.

Будемъ надѣяться, что, при организаціи подобныхъ учрежденій и при проведеніи желѣзной дороги, колонизація Сибири станетъ на ту же дорогу и тогда не пройдетъ столѣтія, какъ страна эта станетъ неузнаваемою.

ГЛАВА VIII.

ССЫЛКА ВЪ СИБИРЬ И ПОЛОЖЕНІЕ ССЫЛЬНЫХЪ.

Взглядъ на Сибирь, какъ страну ссылки.—Наличное число ссыльныхъ.—Экономическій бытъ ихъ.—Нищенство и бродяжество сосланныхъ.—Побѣги.—Преступленія ссыльныхъ.—Стоимость ссылки.—Вліяніе ея на сибирское общество.—Заявленія мѣстныхъ жителей. — Отзывы о ней администраторовъ. — Проекты отмѣны ссылки.

Весьма недавно еще съ понятіемъ о Сибири соединялось непремѣнно представленіе о мѣстѣ ссылки, не болѣе. Заблужденіе это доселѣ еще сохраняется въ русскомъ обществѣ къ невыгодамъ Сибири и задержкѣ ея развитія. Огромныхъ усилій стоило въ послѣднее время разубѣдить русскую публику, что здѣсь не одно сборище преступниковъ, но довольно давно уже вполнѣ сформировавшееся гражданское населеніе и мѣсто для жизни полноправныхъ гражданъ. Самая ссылка въ гражданской жизни края давно отошла на второй планъ и приноситъ не столько пользы, сколько вреда Сибири. Обширная литература накопилась въ послѣдніе годы по поводу ссыльнаго вопроса и значенія ссылки Мы лично много лѣтъ принимали участіе въ борьбѣ противъ ссыльной системы и ея послѣдствій. Обрисовка положенія ссыльныхъ и ихъ роли, изложенная въ настоящей главѣ, укажетъ, чѣмъ являлась ссылка въ Сибири,

О количествѣ и самомъ состояніи нашей ссылки обыкновенно до сихъ поръ судили по числу высылаемыхъ ежегодно въ Сибирь преступниковъ; единственныя свѣдѣнія, которыя мы могли получать о нихъ — это вѣдомости Приказа о ссыльныхъ, удостовѣряющія, сколько прошло уголовныхъ преступниковъ черезъ рубежъ Россіи въ Сибирь. Цифры ежегодно отправляющихся въ Сибирь ссыльныхъ казались намъ довольно внушительными, чтобы сдѣлать заключеніе о довольно видномъ значеніи ссылки въ дѣлѣ колонизаціонномъ. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ число ссыльныхъ доходитъ до 19.000 въ годъ — контингентъ довольно значитель-

ный. Прежде ссылка равнялась отъ 6.000 до 9.000. Это дало поводъ заключить, что съ начала нынѣшняго столѣтія, лѣтъ въ 50 слишкомъ, ссылка дала Сибири полмилліона народа. По естественному приросту она должна была образовать въ этотъ періодъ болѣе одного милліона жителей; такой контингентъ лицъ не могъ остаться безъ пользы для малонаселенной Сибири. Далѣе, мы думали, что населеніе это должно было внести извѣстный трудъ въ край и содѣйствовать его экономическому преуспѣянію. Ссыльные, естественно, должны были населять его и обзаводиться здѣсь хозяйствомъ; такимъ образомъ, ссылка, исключая изъ общества вреднаго члена, дѣлала изъ преступника честнаго и благонадежнаго работника. Избавляя одну страну отъ вредныхъ и опасныхъ элементовъ, устрашая другихъ силою кары и угрозою депортацій, мы давали другому краю новую кровь, трудовыя силы, и самое зло, такъ сказать, претворяли въ добро на другой почвѣ. Вслѣдъ за высылкой за Уралъ мы были убѣждены, что все наличное населеніе ссыльныхъ находится на лицо, обзавелось хозяйствомъ, семьею, крѣпко водворилось здѣсь и благополучно производитъ потомство. Вотъ тѣ заключенія, которыя могли быть сдѣланы на счетъ нашей ссылки и которыя дѣйствительно были сдѣланы. Все это давало поводъ заключить объ особенныхъ преимуществахъ этого наказанія и той пользы, какую приносило оно Россіи. Наказаніе это считалось, такимъ образомъ, каранiемъ и исправленіемъ, очищеніемъ общества отъ дурныхъ элементовъ и полезной колонизаціей новаго края. Оно удовлетворяло и суровыхъ криминалистовъ, и представителей исправительнаго принципа, наконецъ, гуманистовъ, предпочитавшихъ его душной тюрьмѣ, такъ какъ здѣсь ссыльные несутъ наказаніе и работаютъ на чистомъ воздухѣ. Оно обольщало даже утопистовъ, желавшихъ наказаніе сдѣлать совсѣмъ нечувствительнымъ. Казалось бы, что соединеніе уже столь противоположныхъ свойствъ, въ сущности и на дѣлѣ вытѣснявшихъ другъ друга въ самомъ принципѣ, могло бы зародить нѣкоторыя сомнѣнія въ его дѣйствительности и осуществимости, но на самомъ дѣлѣ оно содѣйствовало обольщенію, соединило около себя только массу защитниковъ ссылки и усыпило общество. Вслѣдъ за успокоеніемъ, что мы имѣемъ полмилліона ссыльнаго населенія за Ураломъ, мы уже не заботились справляться о томъ, насколько находится въ наличности это населеніе, чѣмъ оно занимается и какова судьба его. Только при началѣ тюремно-ссыльной реформы и послѣ удостовѣренія писателей и этнографовъ, побывавшихъ въ Сибири, какъ, напримѣръ, Достоевскаго,

Львова, Максимова, Д. Звалишина, Ровинскаго и другихъ, мы узнали, что жизнь ссыльныхъ и «несчастныхъ» въ Сибири далеко не находится въ удовлетворительномъ состояніи. Отдѣльныя картины нашей каторги и ссылки, а также частныя описанія ея безнадежнаго положенія въ Сибири не могли, однако, удовлетворить насъ вполнѣ. При началѣ реформы естественъ былъ вопросъ о состояніи ссылки въ цѣлой ея совокупности и на основаніи самыхъ достовѣрныхъ данныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, принимаясь за реформу, нужно было себѣ выяснить, что̀ реформировать и почему реформировать?.. Къ сожалѣнію, такихъ-то данныхъ и недоставало до послѣдняго времени. Желая отчасти пополнить этотъ пробѣлъ, мы взялись за статистическое изслѣдованіе нашей ссылки.

Прежде всего мы были поражены тѣмъ недостаткомъ свѣдѣній, какой имѣется по этому предмету, и были поставлены въ затрудненіе отыскать самые источники, изъ которыхъ могли бы ими пользоваться.

Единственныя свѣдѣнія, которыми у насъ привыкли руководствоваться, — это только цифры Приказа о ссыльныхъ, дающія знать, сколько уголовныхъ преступниковъ прошло черезъ рубежъ Урала изъ Россіи въ Сибирь. За этимъ рубежомъ, спустя моментъ перехода, какъ о числѣ, такъ и о положеніи ссыльныхъ мы уже не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; самыя вѣдомости Приказа о ссыльныхъ—о количествѣ ссылки за прошлые годы, далеко не были полны, а цифры Приказа не были разработываемы и публикуемы вплоть до изслѣдованія г. Анучина, кончившагося, къ сожалѣнію, 1864-мъ годомъ [1]).

Ссылка въ Сибирь ведетъ начало съ XVI вѣка; являясь сначала мѣрою исключительною, она скоро получила значеніе мѣры общегосударственной и въ XVII и XVIII столѣтіяхъ занимаетъ видное мѣсто въ ряду наказаній [2]). Высылка людей въ каторжныя работы въ XVIII столѣтіи направлялась не въ одну Сибирь, но въ Рогервикъ и другія мѣста. Число высылаемыхъ въ Сибирь, однако не приведено въ извѣстность. Болѣе точныя извѣстія о ссылкѣ появляются съ начала XIX столѣтія, и то

---

[1]) Должно пожалѣть, что трудъ г. Анучина, во 2-й своей части изслѣдованій гораздо позднѣйшихъ и гораздо интереснѣйшихъ для исторіи ссылки, до сихъ поръ не могъ появиться.

[2]) Въ числѣ первыхъ ссыльныхъ были въ 1593 году при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ угличскіе жители, судимые по дѣлу убіенія царевича Дмитрія и отправленные въ Пелымъ. Въ 1653 году повелѣно было указомъ смертную казнь для воровъ и разбойниковъ замѣнить ссылкою.

именно съ 1807 года. Въ это время ссылка доходила до 2.035 чел. въ годъ, но къ 1823 году возросла до 6.667, а въ 1824 — 1827 годахъ она достигла 11.000 чел. ежегодно. Причиною такого возростанія ссылки были указы объ очищеніи крѣпостей и обращеніи въ Сибирь какъ маловажныхъ преступниковъ, слѣдовавшихъ въ военную службу, такъ и бродягъ (Полное Собраніе Законовъ, томъ XXXVIII, №№ 2.818 и 29.328); въ слѣдующее десятилѣтіе ссылка нѣсколько уменьшается, колеблясь между 6.000 и 8.000 ежегодно, но затѣмъ опять начинаетъ возростать, доходя до 10—11.000 ежегодно.

Ссылка въ Сибирь, расположенная по десятилѣтіямъ съ 1823 года, то-есть со времени, когда приказъ о ссыльныхъ (бывшій въ Тобольскѣ, нынѣ перенесенный въ Тюмень), могъ точно усчитывать число препровождаемыхъ, представляетъ слѣдующую картину:

Съ 1823	по 1832	—	сослано	было	преступниковъ	98.725	чел.
» 1833	» 1842	—	»	»	»	86.550	»
» 1843	» 1852	—	»	»	»	69.764	»
» 1853	» 1862	—	»	»	»	101.238	»
» 1863	» 1872	—	»	»	»	146.380	»
» 1873	» 1877	(за 5 лѣтъ)	»	»	»	91.257	»
» 1878	» 1882	—	»	»	»	84.661	»
» 1883	» 1888	—	»	»	»	106.326	»
					Всего	784.901	чел.

Разсматривая увеличеніе нашей ссылки по періодамъ, мы замѣчаемъ, что ссылка наша съ 1853 года особенно возростаетъ; противъ 1843 — 1852 годовъ она увеличилась на 31.474, съ 1862 по 1872 на 45.142 и, судя по пятилѣтію съ 1873 по 1877 годъ, давшему 91.257 чел., она поднялась еще болѣе и дала съ 1883 по 1888 годъ 106.326 чел., но цифра эта будетъ по всей вѣроятности болѣе. Такимъ образомъ ростъ ссылки отъ 30.000 до 45.000 въ десятилѣтіе не подлежитъ сомнѣнію.

Затѣмъ можетъ быть желательно обратить вниманіе и на ежегодное число ссыльныхъ въ Сибирь.

Изъ отчетовъ Приказа, мною лично провѣренныхъ въ подлинникахъ, оказывается, что ссылка еще въ 1866 году равнялась 10.776 чел.; съ 1856 по 1866 гг. цифра не поднималась выше 10 и 11.000, исключая 1863—1865 года, когда перевѣсъ дала ссылка политическая, принимая во вниманіе польское возстаніе. Съ тѣхъ поръ распредѣленіе ссылки Приказомъ возросло къ 1876 году до 19.063. По навигаціонному же отчету главнаго инспектора тюменско-ачинскаго тракта препровождено было въ Тюмень арестантовъ 20.482 чел.

Въ 1877 году препровождено 19.042 человѣка и распредѣлено 17.424.

Въ 1878 году препровождено 19.972 человѣка и распредѣлено 17.760.

Такимъ образомъ, наша ежегодная ссылка доходитъ, какъ показываютъ точныя свѣдѣнія, до 19.000, даже при вычетѣ обратныхъ, слѣдующихъ изъ Сибири, арестантовъ (318).

Такое быстрое увеличеніе числа ссыльныхъ, съ 10.000 на 19.000, невольно останавливаетъ вниманіе и не можетъ не возбудить нѣкоторыхъ опасеній за размѣры этой ссылки. Въ одно десятилѣтіе она почти удвоилась. Принимая же во вниманіе, что съ 1807 года ссылка была по 2.035 чел. въ годъ, съ начала нынѣшняго столѣтія, видно, что она удесятерилась. Все это не можетъ не возбудить вопроса, до какихъ же размѣровъ она дойдетъ въ будущемъ?

Одно неоспоримо, что ссылка у насъ растетъ неимовѣрно, и трудно предвидѣть ей предѣлы, до которыхъ можетъ она разростись. Мы пользовались ссылкой, ни мало не стѣсняясь, въ видахъ карательныхъ, какъ и предупредительныхъ, въ формѣ уголовной, какъ и административной. По вычисленію г. Анучина, въ 20 лѣтъ, съ 1826 по 1846 г., болѣе половины ссылки приходится на лицъ, высланныхъ административнымъ порядкомъ (79.909). Позднѣе на одинъ Амуръ прошло 12 штрафныхъ солдатъ. Кромѣ того, масса людей высылается по приговорамъ сельскихъ обществъ, для поощренія чего въ послѣднее время ассигнуются значительныя суммы всѣми земствами. Изъ этого видно, что ссылка, какъ наказаніе, практиковалась у насъ, во многихъ случаяхъ, за неимѣніемъ тюремъ, арестантскихъ ротъ, рабочихъ домовъ, и создала обширный параллелизмъ въ уголовномъ кодексѣ. Ссылка по суду до послѣдняго времени играетъ меньшую роль, чѣмъ ссылка административная въ Сибирь.

Число ссыльныхъ, идущихъ по категоріямъ, располагается въ слѣдующемъ видѣ за послѣднія десять лѣтъ съ 1867 по 1876 годъ:

Каторжныхъ.	18.582
Ссыльныхъ на поселеніе	28.382
Сосланныхъ на водвореніе.	23.383
» на житье	2.551
» въ административномъ порядкѣ .	78.686
	151.584

Изъ этого видно, что административная ссылка преобладаетъ въ послѣднее время передъ всѣми прочими категоріями ссылки

При этомъ та же администрація удостовѣряла, что въ Тобольской губерніи считается до 13.226 чел. въ неизвѣстныхъ отлучкахъ, а въ Томской губерніи до 1.450 чел.

По послѣднему учету, произведенному въ Томской губерніи особо командированными чиновниками, оказалось, изъ 28.828 числящихся на причисленіи ссыльныхъ, 9.796 лицъ въ неизвѣстныхъ отлучкахъ, т.-е. $^1/_3$ часть не находится на лицо.

Для болѣе тщательнаго исчисленія ссыльныхъ была, кромѣ того, произведена подробная перепись ссыльныхъ по волостямъ, одной на округъ, причемъ оказалось, что въ 11-ти волостяхъ Западной Сибири изъ 14.722 причисленныхъ ссыльныхъ находилось только 6.277 въ наличности, т.-е. недоставало 57%.

Все это едва ли говоритъ за колонизаціонное значеніе ссылки при существующихъ условіяхъ.

Оно приводитъ къ заключенію, что наличное ссыльное населеніе въ Сибири составляетъ громадную разницу съ числомъ высланныхъ сюда и числомъ приписанныхъ по волостямъ. Мы видимъ, что кромѣ числа вымирающихъ по дорогѣ, бѣгущихъ съ пути, оно уменьшается противъ приписки немедленно по прибытіи отъ какихъ-то причинъ на $^2/_3$ и даже $^4/_5$. Такимъ образомъ, изъ 200.000 мы вправѣ считать наличными едва 40 и 60.000 остающихся въ мѣстахъ ссылки, а вмѣсто указываемыхъ 500.000 ссыльныхъ во весь періодъ и милліона, выросшаго путемъ нарожденія, которые, какъ мы предполагали, обогатили Сибирь, намъ представляется 400.000 потерянnаго и неизвѣстно куда дѣвшагося народа, умершаго или погибшаго въ бѣгахъ. Картина совершенно обратная и крайне неутѣшительная.

Если бы подобная потеря людей и могла показаться преувеличенной, то, во всякомъ случаѣ, недочетъ цѣлыми десятками тысячъ, который нынѣ является доказаннымъ, не можетъ не заслужить вниманія.

Увеличеніе населенія Сибири путемъ ссылки было крайне ничтожно, какъ указываютъ факты. Это доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что до настоящаго столѣтія и вплоть до двадцатыхъ годовъ ссылка была ничтожна по численности. Второе—безпорядками этой ссылки, самымъ составомъ, возрастомъ и отношеніемъ между полами въ средѣ ссыльныхъ, которые ни мало не способствовали плодовитости, размноженію и приросту населенія въ Сибири. Наконецъ, пропорціей ссыльнаго люда къ числу другихъ жителей Сибири, какъ прежде, такъ и нынѣ. Уже Сперанскій, въѣхавъ въ Сибирь и собравъ всѣ свѣдѣнія о составѣ и количествѣ ссыльнаго населенія, дѣлаетъ слѣдующія открытія въ одномъ

изъ своихъ писемъ: «не думай и не позволяй себѣ думать, — пишетъ онъ, — чтобы Сибирь населена была ссыльными и преступниками. Число ихъ какъ капля въ морѣ, ихъ почти не видно, кромѣ нѣкоторыхъ публичныхъ работъ. Невѣроятно, какъ вообще число ихъ маловажно. По самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, они едва составляютъ до 21 т. въ годъ, и въ томъ числѣ никогда и десятой части нѣтъ женщинъ. Со временемъ я издамъ таблицы, которыя удивятъ просвѣщенную Европу» [1]). Сперанскій, кажется, заключилъ поэтому о ничтожной преступности въ Россіи. Таблицы, изданныя г. Анучинымъ, подтвердили эту ничтожность ссылки въ прежнее время. Эти же таблицы указали на составъ ссыльныхъ по возрастамъ и поламъ. Средняя продолжительность жизни поселенцевъ въ Сибири не могла быть болѣе десяти лѣтъ, такъ какъ всѣ они являются уже взрослыми и преимущественно между 30 и 50 годами [2]). Затѣмъ, самая пропорція ссыльныхъ женщинъ не соотвѣтствовала мужскому населенію, такъ какъ ссыльныя женщины составляли $^1/_6$ часть, если 18 женщинъ приходилось на 100 мужчинъ, и $^1/_8$ часть ихъ была старѣе 40 лѣтъ [3]). Притомъ, самый характеръ женскаго населенія какъ мы укажемъ ниже, далеко не былъ благонадеженъ и благопріятенъ бракамъ. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ о пересылкѣ за 1867, 68, 69 и 70 годы видно, что женщинъ проходило съ ссыльными партіями черезъ Тюмень $^1/_{11}$, $^1/_{10}$, $^1/_8$ и $^1/_7$ на число мужчинъ [4]). Ссыльные рѣдко обзаводились семействомъ въ Сибири. Существующія изслѣдованія указываютъ, что ссыльное населеніе въ Сибири рѣшительно не увеличилось; такъ, напримѣръ, свидѣтельствуетъ г. Гагемейстеръ въ статистическомъ обозрѣніи Сибири, предпринятомъ по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ.

О существующемъ распредѣленіи контингента ссыльныхъ и ихъ отношеніи къ числу мѣстнаго населенія можно имѣть нѣкоторыя позднѣйшія свѣдѣнія по губерніямъ. Въ спискахъ населенныхъ мѣстъ Томской губерніи, изд. центральнаго статистическаго комитета за 1868 г., приводятся слѣдующія, довольно полныя цифры о числѣ и составѣ ссыльныхъ въ губерніи. Каторжныхъ, приписанныхъ на поселеніе, водворенныхъ на льготѣ, въ цехѣ слугъ, съ жен-

---

[1]) Ист. свѣд. о дѣятельности гр. Сперанскаго въ Сибири, Вагина, 1872. Т. I, стр. 76 и 77.

[2]) Анучинъ. «Матеріалы для угол. стат. Россіи». Тобольскъ, ч. 1, стр. 44.

[3]) Анучинъ. «Матеріалы для уголов. статист. Россіи». Ч. 1.

[4]) Табл. прик. о ссыльныхъ, опублик. въ № 171, 1875 г., «Голоса». Съ 1870 г. и по 1877 г. преступниковъ прошло 81.519 мужчинъ и 4.745 женщинъ. Добровольно слѣдуютъ за ними въ годъ на 13.000 м. 2.035 ж. и 3.976 дѣтей.

щинами и дѣтьми, числилось всего 34.915 человѣкъ; изъ нихъ было 21.622 м. п. и 13.293 ж. п. Изъ подробной таблицы въ спискахъ видно, что собственно ссыльные составляютъ 77,1%, ихъ дѣти 21,4%, и по волѣ пришедшіе съ ссыльными женщины и дѣти 1,5% всѣхъ ссыльныхъ. На 100 д. муж. пола вообще приходится по 61,5 женщ., въ частности на 100 д. муж. пола собственно ссыльныхъ по 53,3 женщ.; на 100 мальчиковъ 88,1 дѣвочекъ. *Изъ общаго числа ссыльныхъ наибольшую категорію составляютъ дряхлые*, именно 42,4%, приписные 27,1% и поселенцы 5,3%. Распредѣленіе по округамъ является далеко неравномѣрнымъ, особенно въ Томской губерніи; въ округахъ: Томскомъ ихъ 51,4%, изъ числа распредѣленныхъ въ губерніяхъ, т.-е. болѣе половины; въ Маріинскомъ — 28,2%; въ Каинскомъ — 19,7%; въ прочихъ округахъ 0,7%; въ Барнаульскомъ горномъ округѣ за то нѣтъ ни одного ссыльнаго. На число всѣхъ жителей губерніи приходится ссыльныхъ по округамъ: въ Томскомъ по 12,6 души на 100 обоего пола общаго населенія; въ Маріинскомъ — 19,3 и въ Каинскомъ 7,8 на 100 [1]).

О распредѣленіи ссыльныхъ и числѣ ихъ въ Иркутской губерніи даютъ понятіе послѣднія свѣдѣнія Иркутск. статистическаго комитета за 1873 годъ. На 100 жителей общаго населенія губерніи, взятыхъ въ каждомъ округѣ особо, приходится ссыльныхъ, считая всѣхъ приписанныхъ на поселеніе въ губерніи: въ Иркутскомъ 15,3%, изъ этого числа женщинъ только 4,7%; въ Балаганскомъ 9,1%, изъ этого числа женщинъ 1,6%; въ Нижнеудинскомъ 15,5%, женщинъ 4%; Верхоленскомъ 4,3%, женщинъ 1%, Киренскомъ—3,6%, женщинъ 0,7%. Вообще ссыльные составляютъ 10,7% изъ 100% общаго числа жителей губерніи, изъ коихъ 7,8% мужч. и 2,9% женщинъ [2]). Изъ этого распредѣленія видно, что губернія, наиболѣе наполненная ссыльными, содержитъ все-таки довольно ничтожный контингентъ по отношенію ко всему другому населенію. Надобно помнить притомъ, что это далеко не наличное число ссыльныхъ, а только фиктивный maximum, числящійся по спискамъ. На каждую изъ сибирскихъ губерній приходится ссыльныхъ, какъ видно по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ:

Въ Тобольской губ.	на	1.228.433	жит.	59.000 ссыльн.,	то-есть 4,8%
» Томской »	»	1.032.599	»	29.800 »	» 2,9%
» Енисейской »	»	427.517	»	45.000 »	» 10,5%
» Иркутской »	»	383.573	»	40.000 »	» 10,4%
» Забайкальской обл.		488.000	»	21.335 »	» 4,3%
» Якутской »		242.001	»	2.987 »	» 1,2%

[1]) Списки населен. мѣстъ, изд. центр. стат. ком., т. LX, Томск. губ. 1868 г.
[2]) Памятная книжка Ирк. губ., изд. стат. комит. 1873 г., стр. XII.

На всю Сибирь, такимъ образомъ, можно положить 198.122 ссыльныхъ, а на все находящееся свободное русское населеніе 5,2%. Распредѣленіе ссыльныхъ неравномѣрно какъ по губерніямъ, такъ и по округамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они скучены до чрезвычайности; въ Каинскомъ и Маріинскомъ округахъ Томской губерніи они составляютъ почти 1/6 населенія и могутъ ввести въ заблужденіе о значеніи ссылки въ Сибири; за то въ иныхъ округахъ ихъ нѣтъ совершенно, точно такъ же, какъ и въ цѣлыхъ областяхъ, такъ, напримѣръ, въ Семипалатинскѣ, въ Камчаткѣ, въ Охотскомъ краѣ, въ Акмолинской области и т. п.

Точныхъ свѣдѣній о приростѣ ссыльныхъ путемъ браковъ и рожденій рѣшительно не собиралось до сего времени, поэтому о потомствѣ ссыльныхъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній; но судя по причинамъ, препятствовавшимъ размноженію и потомству ссыльныхъ, можно заключить, что приростъ этотъ былъ ничтоженъ. А причинъ, препятствующихъ плодовитости, было множество, какъ-то: 1) преобладаніе между ссыльными холостыхъ, остающихся таковыми на цѣлую жизнь; 2) поздній возрастъ; 3) преобладаніе между ссыльными дряхлыхъ и старыхъ, въ огромномъ процентѣ, какъ показываетъ Томская губернія; 4) запрещеніе бродягамъ вступать въ бракъ первыя 5 лѣтъ; 5) затрудненіе браковъ для каторжныхъ; 6) разрывъ браковъ при отправкѣ въ Сибирь; 7) нерасположеніе ссыльныхъ изъ бродягъ къ семейной жизни; 8) нерасположеніе туземцевъ заключать браки съ ссыльными; 9) преобладаніе въ ссыльномъ населеніи проституціи, развитіе болѣзней, сифилиса и многое другое. Всѣ эти причины составляли издавна препятствіе размноженію ссыльно-поселенцевъ и парализовали его. Поэтому, всѣ изслѣдователи приходили къ заключенію, что приростъ здѣсь былъ незначительный [1]). За то есть неопровержимыя свидѣтельства преобладающей смертности между ссыльными. Смертность эта огромна до послѣдняго времени и начинается во время пересылки; пересыльные арестанты заболѣваютъ въ партіяхъ и нерѣдко на дорогѣ ихъ поражаютъ цѣлыя эпидеміи. Въ 1873 году еще доносило енисейское начальство, что между арестантами появился такой тифъ, что больницы были переполнены, больные заражали конвой, врачей и окружныхъ арестантовъ, больныхъ было 1.156 чел. и умерло въ одной больницѣ 109 чел. Далѣе идетъ смертность ссыльныхъ въ

[1]) Къ этому выводу пришелъ въ «Статистическомъ обозрѣніи Сибири» г. Гагемейстеръ и изслѣдователь сибирской колонизаціи г. Пейзенъ. Медленный ростъ сибирскаго населенія, достигающій нынѣ 3.500.000, показываетъ одну прибыль путемъ рожденій свободнаго населенія и полное безучастіе ссылки.

ссылкѣ, подъ вліяніемъ бѣдственныхъ условій быта на сибирскихъ пріискахъ, гдѣ смертность болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, рядъ скоропостижныхъ смертей, которыя на ссыльныхъ выпадаютъ по преимуществу, и, наконецъ, погибель во время бѣговъ и исчезновеніе людей въ неизвѣстности во время бѣгствъ и бродяжничества. Такой смертности и счета не ведется въ Сибири: пропалъ, такъ пропалъ! но въ концѣ огромный дефицитъ ссыльнаго населенія ясно показываетъ, какъ велики подобныя потери людей. Что касается ѣдущихъ за ссыльными женщинъ и дѣтей, то объ нихъ извѣстно и выяснено только два факта. Между женщинами замѣчается нравственное паденіе вслѣдствіе пребыванія въ партіяхъ, и въ Сибирь онѣ являются неспособными къ семейной жизни; что касается дѣтей, то они поражаютъ смертностью въ пути; недавно изъ Москвы еще отправлялись арестантскія дѣти, зараженныя корью, и разносили эпидемію [1]). При отсутствіи медицинской помощи на баржахъ и пароходахъ, на этапахъ и во время пѣшеходнаго странствія по Сибири, *смертность эта постигла половину всѣхъ дѣтей.* Нечего говорить, что подобныя условія никогда не способствовали сохраненію и цѣлости даже существующихъ ссыльныхъ семействъ.

Все это даетъ намъ поводъ предположить скорѣе о вымираніи ссыльныхъ, чѣмъ объ ихъ приростѣ, что̀ подтверждается вполнѣ недочетомъ числящагося по спискамъ населенія, котораго вмѣсто прибыли оказывается на $^4/_5$ менѣе. Всякое предположеніе объ ихъ семейственномъ приращеніи привело бы иначе насъ къ заключенію, что они въ объемѣ $^4/_5$ всего числа исчезли куда-то съ женами и дѣтьми.

Обратимся теперь къ самому положенію и жизни ссыльныхъ въ Сибири, которыя лучше всего откроютъ намъ современное состояніе ссылки и дадутъ понятіе о значеніи этого наказанія, какъ оно проявляется въ дѣйствительности.

Неутѣшительное и бѣдственное положеніе ссыльныхъ давно уже свидѣтельствуется многими изслѣдователями; намъ остается остановиться на самыхъ позднѣйшихъ и—какъ менѣе всего оспоримыхъ—оффиціальныхъ донесеніяхъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ быта ссыльныхъ мы сочли нужнымъ представить извлеченіе изъ отчета о бытѣ ссыльныхъ Иркутской губерніи, доставленнаго ревизоромъ иркутскихъ поселеній. Записка эта касается современнаго положенія ссыльныхъ въ волостяхъ и степени ихъ зажиточности и осѣдлости въ мѣстѣ приписки. Всѣхъ ссыльно-поселенцевъ въ экономическомъ отношеніи иркутскій ревизоръ дѣлитъ

[1]) Извѣстіе изъ Тюмени. «Голосъ», № 283, 1874 г.

на два главныхъ разряда: «*домовладѣльцевъ*» и «*бездомовныхъ*». Изъ *домовладѣльцевъ* одни занимаются *хлѣбопашествомъ*, другіе *ремеслами* и т. п. *Вторая* категорія—бездомовныхъ *бобылей* находится въ *сельскихъ работникахъ* у крестьянъ на сроки или поденно, наконецъ, занимается ремеслами, и *третья* категорія — *нищенствующіе*. Домовладѣльцевъ вообще очень мало, пишетъ ревизоръ; такъ, напримѣръ, въ Кимельмейской волости изъ 496 ссыльныхъ, проживающихъ въ мѣстахъ причисленія, насчитывается лишь только 109 домохозяевъ; изъ нихъ только 59 сами хозяева-хлѣбопашцы, остальные живутъ въ работникахъ. *Большая часть домовъ—лачуги*, разваливающіяся отъ времени; хлѣбопашество производится въ чрезвычайно маломъ размѣрѣ, много-много, если поселенецъ засѣваетъ 4 десят. (надо замѣтить, что при сибирскомъ хозяйствѣ крестьяне засѣваютъ вдвое и втрое болѣе), т.-е. столько, сколько нужно для прокормленія его съ семействомъ; избытка хлѣба для продажи почти не бываетъ. Рѣдко у кого можно найти нѣсколько штукъ рогатаго скота: большая часть имѣетъ по одной лошади и коровѣ, но есть и такіе, которые и того не имѣютъ, а нанимаютъ лошадей у крестьянъ на время полевыхъ работъ. Вообще, положеніе поселенцевъ-хозяевъ далеко не удовлетворительно, притомъ многіе изъ нихъ имѣютъ большія семейства, по 5 и болѣе человѣкъ дѣтей. Рѣдкія исключенія зажиточности представляютъ или поселенцы, бывшіе долго кабачниками, или вынесшіе что̀ съ пріисковъ. Поселенцевъ работниковъ въ описываемой волости было 236 человѣкъ, и изъ нихъ 200 человѣкъ живетъ срочно у крестьянъ, остальные нанимаются временно на разныя работы и идутъ въ пастухи, сторожа и проч. Эти послѣднія обязанности исполняютъ старые и болѣзненные люди, неспособные къ тяжелому труду. Изъ числа 236 чел. работниковъ только 15 имѣютъ кое-какіе дома. Обыкновенно хорошій работникъ въ этой мѣстности получаетъ въ годъ 70 руб. и, кромѣ того, обувь и верхнюю одежду; но хорошихъ работниковъ-поселенцевъ очень мало, и бо́льшая часть изъ нихъ люди пожилые, слабосильные, потратившіе свои силы въ острогахъ и по большой сибирской дорогѣ. Поэтому и оцѣнка труда ихъ очень низкая: многіе изъ нихъ получаютъ не болѣе 30 рублей въ годъ, другіе еще менѣе. Нѣкоторые выговариваютъ у хозяевъ себѣ присѣвокъ, то-есть, обсѣмененіе съ четверть десятины ясмли сѣменами хозяина. Если положеніе поселенцевъ-домохозяевъ неудовлетворительно, сообщаетъ ревизоръ, то *положеніе работниковъ-поселенцевъ* можно назвать *бѣдственнымъ*. Проходятъ годы тяжкаго безпрерывнаго труда, а онъ, ра-

ботникъ, не сберегъ самъ ни копѣйки изъ получаемой платы; притомъ это обусловливается способностью сибирскаго крестьянина кабалить работника. Такой закабаленный безправенъ; работникъ получаетъ деньги въ праздники отъ хозяина «на пропой» и ежегодно находится *въ долгу*. Поэтому большинство предпочитаетъ быть поденщиками, хотя заработокъ ихъ ничтоженъ: рублей 50 въ годъ, что едва хватаетъ на прокормленіе. Ремесленники въ волости имѣютъ слѣдующій заработокъ: деревенскій портной 30 коп. въ день на хозяйскихъ харчахъ, сапожникъ 30 коп., кузнецъ, плотникъ и столяръ выработываютъ даже болѣе рубля въ день, повидимому достаточно; но, во-первыхъ, работа бываетъ не постоянная, случаются долгіе перерывы по недостатку заказчиковъ; во-вторыхъ, ремесленники большею частью пьяницы, поэтому и ихъ бытъ неудовлетворителенъ. Другіе же, какъ, напр., пастухи, караульные сторожа, получаютъ вознагражденіе, еле-достаточное на пропитаніе, а нѣкоторые живутъ изъ одного хлѣба. Наконецъ, въ каждой волости находится нѣсколько десятковъ положительно неспособныхъ ни къ какому труду, это— старики, дряхлые, немощные, калѣки, напр., слѣпые, хромые, разбитые параличомъ, они терпятъ и холодъ и голодъ — *холодъ* потому, что лѣтомъ и зимой ходятъ въ однихъ изорванныхъ лохмотьяхъ, а *голодъ* — когда болѣзнь, сильный морозъ принудятъ ихъ сидѣть въ избѣ, лишенныхъ возможности собрать христовымъ именемъ нѣсколько кусковъ хлѣба.

Все это относится, однако, до положенія поселенцевъ, обжившихся въ Сибири, осѣвшихъ и составляющихъ культурный классъ. Это, конечно, меньшинство поселенцевъ. Еще интереснѣе замѣчанія иркутскаго ревизора о поселенцахъ льготныхъ и только-что приписанныхъ; онъ приводитъ просто цифры ихъ пребыванія на лицо, которыя служатъ достаточной характеристикой этихъ людей. На выдержку взяты 1869 и 1870 годы: всѣхъ вновь причисленныхъ въ эти годы къ описываемой волости поселенцевъ было 555 человѣкъ, изъ нихъ уволено по билетамъ на золотые промыслы и другія работы 193 чел., живутъ на мѣстѣ, причислены — 125, умерло 12 и *въ неизвѣстной отлучкѣ* 225 человѣкъ; слѣдовательно, изъ всего числа поступившихъ только *одна четвертая часть проживаетъ въ мѣстахъ водворенія, и половина почти неизвѣстно гдѣ находится*. Всѣхъ же ссыльныхъ находится въ отлучкѣ въ упомянутой волости 645 человѣкъ. Самовольныя отлучки, по мнѣнію иркутскаго ревизора, объясняются происхожденіемъ приписанныхъ ссыльныхъ. Указанные 555 человѣкъ ссыльныхъ происходили: 21 изъ рядовыхъ, сосланныхъ за не-

однократные побѣги изъ службы, 8 киргизовъ, 9 изъ крестьянъ, а остальные всѣ *бродяги*, судимые и сосланные за бродяжество. Таковъ контингентъ, изъ котораго предполагалось сдѣлать осѣдлое населеніе въ Сибири. Замѣтимъ кстати, что, по преступленіямъ, ссылаемые за бродяжество составляютъ главный контингентъ ссылки; такъ, въ 20 лѣтъ въ Сибирь было сослано 48.556 бродягъ, что составляетъ $^2/_3$ всего числа преступниковъ (Анучинъ). По свидѣтельству иркутскаго ревизора ссыльныхъ, бродяги, происходящіе большею частью изъ бѣглыхъ солдатъ, скрывающихъ свое прежнее происхожденіе, и изъ ссыльныхъ, возвращенныхъ снова въ Сибирь, представляютъ по преимуществу нравственно испорченныхъ людей. Ко всякому даже малѣйшему труду они чувствуютъ отвращеніе; какъ наблюдатель, авторъ записки свидѣтельствуетъ, что подобные бродяги, содержась въ тюрьмѣ, прятались подъ нарами, какъ дѣти, чтобъ не выдти почистить дворъ. Для бродяги, вкусившаго всю сладость бродяжеской жизни, невыносимо тяжело приняться за топоръ, соху, борону, поэтому большая часть бродягъ скорѣе нанимается на золотые промыслы, прельщаясь задатками и разгульной жизнью; но на промыслахъ надо работать, и бродяга бѣжитъ съ пріисковъ большею частію даже во время слѣдованія туда, пропивши и задатокъ, и одежду нанимателя. Не являясь на мѣсто причисленія изъ боязни быть возвращеннымъ на пріиски для отработки задатка, онъ уходитъ въ бѣга, бродитъ по Сибири, ища легкихъ средствъ наживы, и тамъ, гдѣ подобные бродяги появились, начинаются кражи, грабежи и разбои. Допытываясь о причинахъ бродяжничества, свидѣтель удостовѣряетъ, что не разъ слышалъ разсужденіе бродяги, что «жить на одномъ мѣстѣ ему тоскливо», да и не къ чему «особенно привязываться къ мѣсту»; вѣдь онъ хотя и «безшабашная» голова, да одна, поэтому не для чего ему и трудиться; онъ «несчастный», обреченъ самою судьбою закончить свою одинокую забубенную жизнь гдѣ-либо въ захолустьяхъ Сибири. И дѣйствительно, большая часть поселенцовъ, происходящихъ изъ бродягъ, ведетъ безобразную жизнь, къ тому же первыя пять лѣтъ по прибытіи въ Сибирь имъ запрещено вступать въ бракъ самимъ закономъ (650 ст. Уст. о пасп. и бѣглыхъ).

Къ довершенію картины положенія ссыльныхъ ревизоръ поселеній рисуетъ намъ отношенія туземцевъ и крестьянъ къ ссыльному населенію. Онъ говоритъ, что поселенцы жаловались на стѣсненіе, причиняемое имъ крестьянами, и на недружелюбныя отношенія къ нимъ. Ревизоромъ приводится по этому поводу въ

примѣръ нѣсколько разобранныхъ имъ жалобъ, изъ которыхъ видно, что крестьяне довольно пристрастны въ жизни къ поселенцамъ. Бывшій крестьянскій голова выстроилъ конюшни, примкнувъ ихъ къ поселенческой избушкѣ, и не обратилъ вниманія на его жалобы, что ссыльный будетъ жить какъ кротъ въ темнотѣ. Когда поселенецъ обратился къ крестьянскому сходу, то, вмѣсто удовлетворенія, получилъ предложеніе перенести домъ на другое мѣсто. Другой крестьянинъ вывезъ себѣ изъ лѣса приготовленное поселенцемъ «дранье» (тесъ), воспользовавшись неопытностью ссыльнаго, не сдѣлавшаго на дранѣ условленныхъ знаковъ по мѣстному обычаю. Поселенцы другой волости жаловались, что крестьяне обложили ихъ сборомъ, такъ-называемымъ рекрутскимъ. Нѣкоторые изъ ссыльныхъ предъявляли претензіи, что они не избавлены отъ постоя въ ихъ домахъ проходящихъ рекрутскихъ партій и несутъ эту повинность наравнѣ съ крестьянами и т. п.

Вообще, чуть не повсемѣстно, прибавляетъ ревизоръ, поселенцы жалуются на стѣсненія въ надѣлѣ пахатной землею и сѣнокосами, чѣмъ и объясняютъ свое нерасположеніе къ хлѣбопашеству. Они говорили, что имъ отводятъ лѣсную чащу или землю кочковатую, требующую неимовѣрныхъ усилій для обработки, вслѣдствіе чего большая часть ссыльныхъ нанимаетъ готовую уже расчищенную землю, а между тѣмъ въ распоряженіи почти каждаго сельскаго общества находятся огромныя залежи разработанной земли, никѣмъ не занятой, остающейся послѣ смерти владѣльцевъ или по другому случаю безъ употребленія. Считая подобную землю своею собственностью, крестьяне предполагаютъ лучше отдавать землю въ наймы за деньги, чѣмъ надѣлять безплатно поселенцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ссыльные жалуются также на принужденіе ихъ къ отбыванію повинностей, преимущественно дорожной, хотя по 738 ст. Уст. о ссыльныхъ, поселенцы въ видѣ льготъ избавляются отъ этихъ повинностей до приписки ихъ къ обществу. Всѣ жалобы поселенцевъ, обращаемыя къ крестьянскимъ сходамъ и къ сельскимъ властямъ, оказывалось, остаются безъ послѣдствій или рѣшаются не въ ихъ пользу.

Вообще, крестьяне относятся къ поселенцамъ враждебно, пишетъ ревизоръ: какъ только поселенецъ поправитъ свое состояніе, они начинаютъ завидовать ему или, чаще, подозрѣвать его. Говорятъ обыкновенно, что поселенецъ кого-нибудь ограбилъ, нажилъ деньги фальшивыми бумажками, и ищутъ разные способы разорить его. Поселенцу представляется одинъ выходъ—кабаль-

ный трудъ у крестьянина, и трудъ этотъ, конечно, не отличается справедливостью: жалобы на хозяина въ сельскую расправу остаются безъ удовлетворенія, а при жалобахъ хозяина—поселенца обвинятъ, хотя бы онъ былъ правъ. Сверхъ того, хозяева-крестьяне расправляются часто съ работниками собственноручно. Апелляціи для поселенца нѣтъ. У крестьянъ сложилась поговорка: «варнаку,—какъ называютъ крестьяне ссыльнаго согражданина, ругаясь и шутя,—вѣры нѣтъ».

Приводимыя печальныя отношенія къ ссыльнымъ, раскрываемыя лицомъ вполнѣ достовѣрнымъ, показываютъ намъ, во-первыхъ, прежде всего, что происхожденіе ссыльныхъ нимало не забывается въ новой мѣстности и въ новомъ обществѣ, какъ предполагала цѣль этого наказанія и какъ были увѣрены теоретики до сего времени. Примѣръ отношенія къ ссыльнымъ въ Сибири могъ быть объясненъ однимъ продуктомъ грубости нашего крестьянства. Но такое же недружелюбное отношеніе къ ссыльнымъ проявлялось и въ другихъ, несравненно болѣе развитыхъ обществахъ, какъ, напр., въ Австраліи, изъ одного уже смѣшенія элементовъ общества честныхъ гражданъ съ людьми, заклейменными закономъ, опозоренными, да вдобавокъ и на самомъ дѣлѣ сомнительнаго нравственнаго характера. Если подобное предубѣжденіе возникло въ Сибири, въ средѣ крестьянства, не могшаго по своему неразвитію понимать, что уравненіе и сожительство съ ссыльными не безчеститъ ихъ, то оно показываетъ, что здѣсь были болѣе ощутительныя и дѣйствительныя причины. Одинъ уже составъ преступниковъ указываетъ на ихъ сомнительныя нравственныя достоинства,—почему крестьянство и не могло проникнуться уваженіемъ и признать ихъ за одинаковыхъ себѣ согражданъ. Поведеніе ссыльныхъ въ Сибири, ихъ побѣги, преступленія и средства наживы вдобавокъ также не показывали ихъ благонадежности. Все это заставило въ общемъ установиться такому взгляду среди мѣстнаго крестьянства, который прямо вынесенъ былъ изъ опытовъ, и потому самое предубѣжденіе имѣло нѣкоторое основаніе. Въ заключеніе, трудно было бы отъ одного сибирскаго крестьянства требовать особенно возвышенныхъ, гуманныхъ отношеній къ преступнику и забвенія всего его прошлаго, когда другая гражданская среда извергла его за преступность и съ этимъ же клеймомъ приписывала къ крестьянскому обществу. Но въ жосткости этихъ отношеній была и не одна тенденціозная сторона: горечь ихъ увеличивалась тѣмъ, что мѣстное сибирское крестьянство несетъ съиздавна огромныя траты, повинности и тяжести, налагаемыя ссылкой, которыхъ не можетъ не чувство-

вать; онѣ заключались въ подводныхъ, различныхъ земскихъ повинностяхъ по препровожденію ссыльныхъ, по содержанію въ волости до устройства ихъ, въ оплачиваніи ихъ содержанія въ больницахъ, въ различныхъ хлопотахъ при приселеніи ссыльнаго, при огражденіи своего имущества и интересовъ отъ подобнаго пришлаго и незнакомаго населенія, надо сознаться, все-таки не совсѣмъ безопаснаго; при всѣхъ этихъ налогахъ, обремененіяхъ, и заботахъ, налагаемыхъ ссылкою, крестьянство не могло остаться къ ссылкѣ хладнокровнымъ, а къ самому ссыльному дружелюбнымъ. Утвердившіяся въ средѣ крестьянства предубѣжденія и враждебныя отношенія вообще къ ссыльному не могли не отражаться въ частностяхъ, безъ сомнѣнія, многими несправедливостями — это обусловливалось въ общемъ убытками и затратами крестьянскихъ обществъ, стремившихся выместить чѣмъ-нибудь на ссыльномъ, какъ и безправнымъ положеніемъ послѣдняго, представлявшимъ просторъ и возможность его стѣсненія. Вслѣдствіе этого, воззрѣніе на ссыльныхъ установилось въ крестьянствѣ почти враждебное, но явилось и другое зло: отсутствіе прочнаго положенія у ссыльнаго, отсутствіе всякаго имущества и его безправное положеніе, обусловливаемое лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, создали для него такое зависимое положеніе въ дѣлѣ изысканія труда, которое повело прямо къ кабалѣ. Ссыльный, даже при желаніи заняться трудомъ, ставится въ необходимость соглашаться на всѣ условія крестьянина. Условія эти крайне невыгодны: ссыльный не имѣетъ никакихъ гарантій, что трудъ его оплатится. Въ самыхъ обидахъ, наносимыхъ хозяиномъ, онъ не можетъ найти управы. Все это не столько поощряетъ его, сколько отвращаетъ окончательно отъ труда и побуждаетъ къ бродяжеству. Оставляя деревни старожиловъ, ссыльные отправляются искать по Сибири болѣе выгоднаго заработка; поэтому они стремятся массами на пріиски, гдѣ, однако, встрѣчаютъ тотъ же кабальный трудъ, только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Положеніе это рисуется слѣдующими чертами у автора «Списковъ населенныхъ мѣстъ въ Томской губерніи»:

«Ссыльные, не имѣющіе осѣдлости, составляютъ большинство; они живутъ преимущественно въ работникахъ у старожиловъ, или переходятъ для работъ изъ одной деревни въ другую; но самая главная ихъ масса нанимается ежегодно на золотые пріиски. Результатомъ подобной жизни людей этого разряда бываетъ по бо́льшей части крайняя нищета и преступность. Въ большинствѣ случаевъ это происходитъ отъ разгульной бездѣятельной жизни самихъ поселенцевъ, но частью же отъ равнодушія и даже

нѣкотораго презрѣнія къ нимъ старожиловъ, которые не называютъ ихъ иначе, какъ «варнакъ», техническое слово, выражающее мошенникъ. Главной ловушкой для ссыльныхъ служатъ золотые пріиски, привлекающіе ихъ тѣмъ, что, проработавъ менѣе полугода, можно возвратиться съ деньгами, тѣмъ болѣе, что задатки даются весьма хорошіе. Однако же, заработки кончаются почти всегда тѣмъ, что ссыльный не только не приноситъ съ собой денегъ, но даже не имѣетъ возможности возвратиться въ мѣсто своей приписки. Наемъ въ работники къ старожиламъ не менѣе гибеленъ для ссыльныхъ. Старожилы, задатками и обѣщаніемъ устроить со временемъ жизнь ссыльнаго, удерживаютъ его годъ-за-годъ только до тѣхъ поръ, пока ссыльный имѣетъ силы работать; по истощеніи же силъ отказываютъ такому работнику, не только не устроивъ его будущности, но даже иногда не заплативъ слѣдуемыхъ денегъ» [1]).

Кабальныя отношенія и несправедливость къ поселенческому труду, такимъ образомъ, вошли въ обыкновеніе въ Сибири во всѣхъ отрасляхъ занятій. Довершеніемъ характеристики быта ссыльныхъ по губерніямъ и ихъ положенія могутъ служить отзывы мѣстныхъ губернаторовъ въ ихъ ежегодныхъ отчетахъ. Начальникъ Томской губерніи въ 1873 году доносилъ, напримѣръ, слѣдующее: «Всѣхъ ссыльныхъ въ губерніи находится 50.000. Экономическій бытъ ссыльныхъ не измѣнился и по прежнему находится въ жалкомъ положеніи. Большая часть этихъ людей, отвыкнувъ отъ трудовой жизни, по прибытіи на мѣсто ссылки не имѣетъ осѣдлости и ведетъ жизнь почти бродячую. Осѣдлость пріобрѣтаютъ тѣ только изъ нихъ, которые приходятъ сюда съ семействами и приносятъ съ собой матеріальныя средства для первоначальнаго домообзаводства. Отношеніе ссыльныхъ къ коренному населенію хотя и не враждебное, но, тѣмъ не менѣе, всякій сибирякъ смотритъ недовѣрчиво на ссыльнаго, а ссыльный на сибиряка, и оба они не долюбливаютъ другъ друга».

Въ заключеніе, томскій губернаторъ характеризуетъ особенный наплывъ ссыльныхъ въ округахъ и обремененіе ими волостей. При скопленіи ссыльныхъ послѣдствіемъ является то, что многіе ссыльные при недостаткѣ заработковъ впадаютъ въ новое преступленіе и дѣлаются никуда негодными членами общества; поэтому начальникъ края находилъ бы нужнымъ пріостановить на десять лѣтъ снабженіе губерніи ссыльными.

---

[1]) Списки населенныхъ мѣстъ Р. И., изд. цент. статистич. комит. Т. LX. Томск. губ., 1868 г., стр. LXXVI.

Вопросъ объ устройствѣ быта ссыльныхъ занималъ постоянно высшее начальство, которымъ, по соглашенію съ мѣстнымъ, принимались различныя мѣры къ прочному водворенію ихъ на мѣстахъ поселенія. Енисейскій губернаторъ пишетъ: «устроивались казенныя поселенія изъ ссыльныхъ, выдавались и до сихъ поръ выдаются возвратныя и безвозвратныя пособія; были устроиваемы дома и цехи слугъ, ходатайствуется о разрѣшеніи ссыльнымъ пріобрѣтать недвижимое имущество», но всѣ принимавшіяся мѣры не привели къ ожидаемой цѣли и вопросъ этотъ до сихъ поръ остается открытымъ. Въ настоящее время, путемъ различныхъ запросовъ лицами, хорошо знакомыми съ бытомъ ссыльныхъ и ихъ отношеніемъ къ коренному поселенію, добыты только свѣдѣнія, подкрѣпленныя цифровыми данными, которыя свидѣтельствуютъ, что коренное населеніе, какъ сельское, такъ и городское, страдаетъ отъ постояннаго наплыва ссыльныхъ, несетъ за нихъ тягости, а взамѣнъ не получаетъ ничего, кромѣ массы преступленій и заботъ о поддержаніи существованія уже неспособныхъ ни къ какимъ работамъ по изнуренію, старости и т. п. Изъ цифръ, приведенныхъ въ статьѣ «Народная нравственность», очевидно, что громадный процентъ преступленій падаетъ на ссыльныхъ, къ тому же, самыхъ важныхъ, въ сильной степени подрываетъ и благосостояніе, и нравственность населенія, среди котораго они живутъ. Безъ всякаго участія ссыльныхъ, это населеніе, вслѣдствіе преступности ихъ, по необходимости несетъ обязанность устраивать и поддерживать волостныя и сельскія тюрьмы, разыскивать повсюду арестантовъ, держать надъ ними караулъ, отбывать этапную повинность, наряжать облавы, понятыхъ и т. д. Кромѣ того, большая половина дѣлъ въ волостныхъ правленіяхъ суть дѣла по завѣдыванію ссыльно-поселенцами, а расходы на содержаніе этихъ управленій, простирающіеся до весьма значительной цифры, лежатъ исключительно на крестьянахъ. Наконецъ, поселенцы, признанные неспособными къ пропитанію себя, хотя и получаютъ ежегодно пособіе изъ переселенческаго капитала въ размѣрѣ 19 руб. 13 коп. на душу, все-таки остаются на попеченіи крестьянъ, такъ какъ, за невозможностью существовать на полученное пособіе, обращаются къ нищенству. Такимъ образомъ поселенцы, съ самаго вступленія въ Сибирь, еще полные силъ, въ рѣдкихъ случаяхъ обращаются къ труду постоянному, могущему доставить прочное благосостояніе, а по большей части поддерживаютъ свое существованіе работой случайной, неопредѣленной, переходя съ мѣста на мѣсто, что пріучаетъ ихъ къ бродяжничеству, или же нанимаются на золотые промыслы, зарабо-

тываютъ тамъ хорошія деньги, но употребляютъ ихъ, по окончаніи операціи, на пьянство, разгульную жизнь, снова нанимаются и остаются на промыслахъ до старости или полнаго упадка физическихъ силъ отъ изнурительной работы. Съ наступленіемъ же этихъ періодовъ расходятся по деревнямъ и селеніямъ для нищенства».

Иркутскій губернаторъ, въ тѣхъ же отчетахъ, приводилъ, что положеніе ссыльныхъ находится неустроеннымъ до послѣдняго времени. Положеніе поселенцевъ, какъ по значительности числа ихъ, такъ и по разбросанности и по затруднительности регулированія этой бродячей массы, представляетъ болѣе трудности и часто совсѣмъ лишаетъ администрацію возможности принять какія-либо мѣры къ улучшенію быта этой части населенія, тѣмъ болѣе, что и средства администраціи крайне ограничены.

Еще болѣе безутѣшнымъ представляется положеніе ссыльныхъ въ Якутской области, по отчету ея начальника. Ссыльно-поселенцы Якутской области въ селеніяхъ никакого хозяйства не имѣютъ; незнакомые съ образомъ жизни якутовъ и языкомъ ихъ, они никакъ не могутъ сжиться съ ними, и потому при первомъ случаѣ уходятъ на пріиски Олекминскаго и Киренскаго округовъ. Большинство изъ нихъ — бездомовные — нисколько не заботится объ обезпеченіи своей будущности, и заработки пропадаютъ немедленно въ кабакахъ. Въ деревню они возвращаются послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, истощенные физически, увѣчные и дряхлые, гдѣ живутъ скитальчествомъ и подаяніемъ. Съ 1873 г. прибыло на поселеніе въ область 115 скопцовъ и 534 человѣка башкиръ, но устройство ихъ невозможно, такъ какъ башкиры не имѣютъ собственныхъ средствъ на устройство. Они претерпѣваютъ во всемъ недостатокъ; скопцы также бѣдствуютъ. Сверхъ того, якутскій начальникъ просилъ о прекращеніи ссылки старыхъ и дряхлыхъ сектантовъ, богадѣленъ для которыхъ нѣтъ достаточно, а содержаніе ихъ для правительства дорого (36 р. 50 к.). Такимъ образомъ, изъ всѣхъ отчетовъ мѣстнаго сибирскаго начальства оказывается, что бытъ ссыльныхъ находится далеко не въ удовлетворительномъ состояніи. Большинство ссыльныхъ не находится на лицо: значительная часть изъ нихъ не имѣетъ никакого имущества и домообзаведенія, ведетъ бродячую жизнь, условія труда дурны и стѣснительны, средства обезпеченія скудны; даже у приписанныхъ и осѣдлыхъ ссыльно-поселенцевъ преимущественно господствуютъ бѣдность и нужда. Бѣдственное положеніе ссыльныхъ, обреченныхъ въ большинствѣ на бродяжничество и

нищенство, свидѣтельствуется въ заключеніе накопляющимися на нихъ недоимками. По оффиціальнымъ отчетамъ означено, что въ Томской губерніи недоимка на ссыльныхъ простирается до 41.015 рублей. Въ Енисейской губерніи всего недоимки считалось въ 1873 г. 655.872 р. Большая часть недоимки считается на ссыльно-поселенцахъ и крестьянахъ изъ поселенцевъ, какъ выражается отчетъ. Въ Иркутской губерніи только въ четырехъ волостяхъ за ссыльными числилось въ 1873 г. недоимокъ 20.783 р. Недоимки эти обусловливались тѣмъ, что ссыльные не имѣли собственности и никакихъ средствъ обзавестись хозяйствомъ, присутствіемъ дряхлыхъ и старыхъ, приписанныхъ къ обществамъ, пребываніемъ ссыльныхъ въ неизвѣстной отлучкѣ и, въ заключеніе, отказомъ крестьянскихъ обществъ принимать эту недоимку на свой счетъ, такъ какъ приписка совершается безъ согласія общества. Но кромѣ податныхъ недоимокъ несостоятельность ссыльныхъ характеризуется хлѣбными долгами и ссудами изъ хлѣбныхъ капиталовъ. Хлѣбной недоимки на поселенцахъ Иркутской губерніи вѣдѣнія экспедиціи о ссыльныхъ числилось 2.256 р., тогда какъ на крестьянахъ только 940 р.; на ссыльныхъ болѣе, чѣмъ на инородцахъ (Памятн. книжк. Иркут. губ. 1865 г.). Все это доказываетъ, что наши ссыльные во все время пребыванія въ Сибири обречены на бѣдственное существованіе. Понятно, что при такихъ условіяхъ никогда не было достижимо и исправленіе; напротивъ, должны были проявиться результаты обратные.

Экономическій бытъ ссыльныхъ уже потому не можетъ быть удовлетворительнымъ, что ссыльные ничѣмъ не обезпечиваются и ихъ приписываютъ къ деревнямъ и городамъ, оставляя пропитываться какъ они вздумаютъ. Понятно, что ссыльный, безъ всякихъ средствъ, встрѣчаемый не всегда дружелюбно, въ средѣ совершенно незнакомой, не можетъ сразу пріискать занятій, если бы и хотѣлъ; при этомъ надо принять во вниманіе, что масса ссыльныхъ вдобавокъ неспособна къ труду, такъ какъ это и было въ большинствѣ причиною ихъ преступленія. Ничего нѣтъ удивительнаго, что масса ссыльныхъ находится безъ занятій, бродяжничаетъ и нищенствуетъ.

Къ 1876 году изъ 51.122 чел. ссыльныхъ по Тобольской губерніи показано 13.226 въ бѣгахъ и 9.689 чел. безъ опредѣленныхъ занятій.

Обзаведшихся домами ссыльныхъ въ Тобольской губерніи въ 1877 году считалось 11.325 чел., т. е. $^1/_4$ часть.

Въ двухъ губерніяхъ ссыльныхъ на попеченіи сельскихъ обществъ состояло 1.347, свободныхъ отъ платежа податей 14.287,

наконецъ, количество недоимокъ за ссыльными достигаетъ нынѣ 661.718 р., не считая 9.000 р. хлѣбной недоимки и 23.930 р. за леченіе. Недоимки эти въ большинствѣ признаны безнадежными.

Произведенная провѣрка ссыльныхъ въ Томской губерніи обнаружила, что на 28.828 чел. ссыльныхъ, только 3.445 чел. занимается хлѣбопашествомъ и 20.824 чел. не имѣютъ ровно никакого имущества; недоимки за ссыльными считается 191.496 рублей. Недоимки эти накопляются, не смотря на предоставленную ссыльнымъ въ первые годы льготу. Такія данныя въ общемъ итогѣ по губерніямъ далеко не рекомендуютъ быта ссыльныхъ. Разсматриваемый въ частностяхъ, онъ представляется не болѣе утѣшительнымъ. Экономическій бытъ ссыльныхъ, по произведенной переписи въ волостяхъ, такъ выражается цифровымъ способомъ: на 100 ссыльныхъ приходится: семейныхъ 44%, домовладѣльцевъ 22% и земледѣльческихъ хозяйствъ 13%. Затѣмъ на 100 ссыльныхъ: 57% считается въ отлучкахъ и только 43% налицо. Изъ числа послѣднихъ: старыхъ и увѣчныхъ 15% и нищенствующихъ 7%. Что касается положенія ссыльныхъ въ городахъ, то бытъ ихъ является еще болѣе безотраднымъ. Изъ приговоровъ мѣщанскихъ обществъ въ сибирскихъ городахъ видно, что ссыльные въ большинствѣ пребываетъ въ праздности и нищенствѣ и едва 16% изъ нихъ живетъ осѣдло. Перепись по нѣкоторымъ городамъ обнаружила, что на 100 ссыльныхъ: 67% находятся въ неизвѣстной отлучкѣ и только 33% на-лицо. Изъ этихъ послѣднихъ: 8% живутъ на квартирахъ, 10% на заработкахъ, 10% въ услуженіи, остальные 15% бездомные пролетаріи, «неимѣющіе не только пристанища, но и одежды».

Намъ остается прибавить, что всѣ до сихъ поръ предпринимавшіяся мѣры и попытки улучшенія быта ссыльныхъ, начиная съ организаціи ихъ по деревнямъ въ 1809 г. и кончая проектами Сперанскаго и уставомъ о ссыльныхъ, не привели ни къ чему.

Мѣстная администрація никогда не въ силахъ была справиться съ массой присылаемыхъ ссыльныхъ и была занята исключительно только разсылкою и распредѣленіемъ ихъ по деревнямъ. Въ этомъ состоитъ роль ея до послѣдняго времени. Годъ отъ году увеличивающаяся ссылка принесла только безпорядокъ. Печальный бытъ ссыльныхъ остается все тотъ же, что и сообщается въ ежегодныхъ отчетахъ.

Дурныя матеріальныя условія жизни ссыльныхъ поселенцевъ создали изъ ихъ пролетаріатъ, который породилъ и многія другія явленія въ Сибири, а именно: нищенство, бродяжество и побѣги

ссыльныхъ. Что касается нищенства поселенцевъ, то оно является обыденнымъ и обыкновеннымъ, которому уже никто не удивляется.

Масса дряхлыхъ и неспособныхъ ссыльныхъ содержится самимъ правительствомъ на казенномъ вспомоществованіи и въ богадѣльняхъ. Недостатокъ этихъ богадѣленъ, однако, постоянно вызываетъ жалобы мѣстнаго начальства, большая часть нищенствующихъ живетъ насчетъ селъ и городовъ. Нѣкоторые города жалуются на обремененіе ихъ нищенствомъ; такъ, въ 1870 г. въ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» мы встрѣчаемъ «мысли объ уничтоженіи бродяжества и нищихъ въ городѣ»; статья жалуется на скопленіе нищихъ, бродягъ и высчитываетъ тѣ суммы, которыя несетъ мѣстная благотворительность. Полагая самую умѣренную сумму по копѣйкѣ съ каждаго дома на нищихъ, и то образуется сумма въ 8.000 р., но въ нѣкоторыхъ домахъ выходитъ до 10 руб. и болѣе въ годъ, пишетъ авторъ. Изъ нищихъ встрѣчаются и мелкіе воришки, причиняющіе ущербъ жителямъ затѣмъ между ними находится масса дѣтей безъ призрѣнія. Факты эти привели мѣстнаго изслѣдователя къ мысли объ основаніи цѣлаго нищенскаго учрежденія и рабочаго дома, куда соединить всѣхъ нищенствующихъ ссыльныхъ, такъ такъ это было бы дешевле для города и полезнѣе для нравственности самихъ нищихъ («Томск. Губ. Вѣд.» 1870 г. № 2). Это показываетъ, что даже мѣстное общество, при безпорядочности нашей ссылки, начало приходить къ мысли объ устройствѣ какого-нибудь исправительнаго заведенія (своего рода пепитенціарнаго заведенія) для блуждающихъ ссыльныхъ. Бродяжество и нищенство по деревнямъ, конечно, менѣе подлежатъ учету, но несомнѣнно, что содержаніе массы нищенствующихъ сводится къ значительнымъ пожертвованіямъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ крестьяне для проходящихъ поселенцевъ строятъ и отводятъ особыя избы и содержатъ на свой счетъ проходящихъ ссыльныхъ, нерѣдко снабжая ихъ въ первое время и домашними принадлежностями. Проходящіе бѣглые, до 30-ти тысячъ въ годъ, исключительно ложатся на счетъ крестьянъ. Количество этого бродяжества, судя по отлучкамъ ссыльныхъ изъ волостей, засвидѣтельствованнымъ оффиціальными данными, огромно. По паспортнымъ книгамъ Иркутской губерніи выдано было поселенцамъ видовъ для отлучекъ 9.195, но масса поселенцевъ уходитъ безъ всякихъ паспортовъ или, взявъ ихъ только на первое время для отлучки, совершенно исчезаетъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ же неестественныхъ условій, въ средѣ ссыльныхъ рождаются побѣги; побѣги эти идутъ съ каторги и съ поселенія; причинами ихъ являются, какъ доказано, для ка-

торжныхъ—дурныя условія на каторгѣ, отсутствіе строго устроенныхъ мѣстъ заключенія, отсутствіе всякаго надзора и безнадежность самихъ каторжныхъ достигнуть когда-либо лучшаго положенія. Что касается до бѣгствъ ссыльно-поселенцевъ, то они обусловлены отчасти контингентомъ преступниковъ, изъ которыхъ присылается большинство уже готовыхъ бродягъ и людей, неспособныхъ къ труду, дурными матеріальными условіями, встрѣчаемыми тотчасъ на мѣстѣ поселенія, отсутствіемъ всякаго имущества и связей въ мѣстѣ поселенія, невыгодными и несправедливыми отношеніями кабальнаго наемнаго труда, полной безправностью ссыльнаго на мѣстѣ поселенія, дающею поводъ его притѣснять, безнадежностью ссыльнаго при безсрочной ссылкѣ и тоской по родинѣ. Бѣгства изъ Сибири начинаются уже изъ ссыльныхъ партій и съ дороги. Такъ, напримѣръ, по свидѣтельству военнаго министерства, извѣстно, что при пѣшей пересылкѣ всегда оказывалось 15% бѣглыхъ на 120.000 передвижныхъ арестантовъ. Переходъ отъ бродяжества къ бѣгству у ссыльно-поселенцевъ является естественнымъ; для ссыльно-поселенца малѣйшій поводъ даетъ случай къ бѣгству; нанимающіеся на пріиски бѣгутъ съ нихъ и не возвращаются въ мѣста приписки изъ опасенія быть высланными назадъ, и это ихъ разомъ дѣлаетъ бѣглыми. Значительная часть ссыльныхъ не знаетъ, что дѣлать въ Сибири, и по привычкѣ къ скитальчеству, наконецъ, подъ вліяніемъ чувствъ, влекущихъ ихъ, естественно стремятся въ Россію. Бѣгство поселенцевъ, не имѣющихъ никакихъ препятствій, гораздо значительнѣе даже бѣгства каторжныхъ. Есть доказательства, что изъ одной губерніи, Енисейской, въ три года ушло въ бѣга до 6.000 поселенцевъ. Весь недосчитываемый статистическими переписями по волостямъ контингентъ приписанныхъ ссыльныхъ, равный $^4/_5$, долженъ считаться въ большинствѣ на долю бѣглыхъ. Какъ мы приводили, по послѣдней повѣркѣ въ четырехъ иркутскихъ волостяхъ изъ 10.378 душъ числится 5.651 въ бѣгахъ, кромѣ уволенныхъ на заработки. Въ Манзуровской волости той же губерніи изъ 2.400 приписанныхъ поселенцевъ только 300 живетъ на мѣстахъ причисленія, до 500 человѣкъ на золотыхъ промыслахъ и частныхъ работахъ, а остальные 1.600 человѣкъ въ неизвѣстной отлучкѣ, т.-е. въ бѣгахъ. Мѣстами на 5.000 поселенцевъ приходится только 300 въ наличности. Судя по этимъ исчисленіямъ по волостямъ, нужно положить почти половинное число на каждую губернію ссыльныхъ отсутствующихъ. На нѣкоторыя губерніи число это доходило до 20.000, а на весь контингентъ ссыльныхъ въ Сибири до 100.000. Число это было бы ужасно для бѣглыхъ, если

бы оно не заключало въ себѣ безвѣстно пропавшихъ въ бѣгахъ и погибшихъ; доказанъ и извѣстенъ кромѣ того тотъ фактъ, что масса бѣглыхъ убивалась сибирскими крестьянами и инородцами по лѣсамъ; ихъ просто стрѣляли, какъ звѣря. Это дало поводъ одному изъ наблюдателей сибирской жизни замѣтить даже, что если бы крестьяне не уничтожали бѣглыхъ, то съ ними едва-ли Сибирь могла бы справиться (Д. Завалишинъ, Письма о Сибири, «Моск. Вѣд.» 1865 г.). Погибель, самая страшная, массы людей такимъ путемъ заслуживаетъ вниманія даже болѣе, чѣмъ усиленная смертность ссыльныхъ. Исчисленіе бродягъ показываетъ приблизительно, что число пропавшихъ безъ вѣсти, т.-е. погибшихъ въ лѣсахъ, должно считать до $^2/_3$. Такимъ образомъ на существующій въ живыхъ и постоянно передвигающійся контингентъ бѣглыхъ приходится положить не менѣе 30.000 — 40.000. Число пойманныхъ ссыльныхъ въ Сибири и въ Россіи могло бы дать нѣкоторое понятіе о всемъ количествѣ побѣговъ, но, къ сожалѣнію, данныя эти не вездѣ извѣстны, отчетности имъ не велось и они не сведены ни къ какому общему итогу. Что касается Сибири, то собраніе этихъ свѣдѣній затруднялось тѣмъ, что ссыльные бѣглые судились различными вѣдомствами, а именно: гражданскими судами, судомъ военнымъ, гдѣ побѣги сопряжены были съ значительными преступленіями, наконецъ полицейскими управленіями, которыя исключительно разбирали бродягъ. Поэтому число бѣглыхъ не вошло ни въ одну судебныя вѣдомости, не вошло оно и въ какіе бы то ни было статистическіе отчеты. Значительная часть бѣгло-каторжныхъ просто высылалась назадъ на заводы. Однако, значительность бѣгствъ изъ Сибири свидѣтельствуется тѣмъ, что съ 1827 по 1846 г. въ числѣ ссыльныхъ въ Сибирь, по свѣдѣніямъ Тобольскаго приказа, означено было 18.328 возвращенныхъ сибирскихъ бѣглыхъ. По отчетамъ, опубликованнымъ г. Максимовымъ изъ вѣдомостей сибирскихъ заводовъ, видно, что со всѣхъ заводовъ каждое десятилѣтіе бѣжало 12.929 человѣкъ, ловили же и возвращали ихъ только 2.730 чел. Въ девять лѣтъ въ Сибири было поймано 13.788 бродягъ мужчинъ и 3.528 женщинъ. Бѣгства изъ Сибири не прекращаются и до послѣдняго времени. Къ 1-му января 1859 г. считалось во всѣхъ нерчинскихъ заводахъ не возвращенныхъ изъ бѣговъ ссыльно-каторжныхъ 3.104 и 508 горныхъ служителей. Въ бѣгахъ оказывалось, такимъ образомъ, 24% всѣхъ ссыльныхъ. По свѣдѣніяхъ 1869, 1870 и 1871 гг., представленнымъ чиновнику министерства внутреннихъ дѣлъ Власову при ревизіи сибирской каторги, видно, что съ кары нерчинскихъ пріисковъ изъ числа

7.462 чел. бѣжало 1.016. Вообще съ Амура, съ Сахалина, съ забайкальскихъ каторжныхъ работъ за это время изъ 10.228 каторжныхъ бѣжало 1.430 чел. Процентъ бѣглыхъ мѣстами доходитъ до 50%.

По имѣющейся оффиціальной таблицѣ иркутскаго солеваренаго завода за нѣсколько лѣтъ, которую мы могли добыть, видно, что съ 1860 по 1870 годъ на 2.999 рабочихъ процентъ бѣглыхъ равняется ежегодно:

Въ 1860	. . . . .	25 %
» 1861	. . . . .	9 »
» 1862	. . . . .	18½ »
» 1863	. . . . .	28½ »
» 1864	. . . . .	32½ »
» 1865	. . . . .	32½ »
» 1866	. . . . .	90½ »
» 1867	. . . . .	53½ »
» 1868	. . . . .	37½ »
» 1869	. . . . .	45 »
» 1870	. . . . .	41 »

Такимъ образомъ, можно убѣдиться, что были годы, когда съ иркутскаго солевареннаго завода уходили изъ 100 человѣкъ 90!

Причины побѣговъ съ каторги до сихъ поръ не устранены и находятся въ связи съ ея недостатками и неустройствами, на что ссылаются мѣстныя власти. Послѣднія свѣдѣнія о положеніи каторги, заимствованныя нами изъ оффиціальныхъ отчетовъ, рисуютъ слѣдующую картину [1]). Въ 1873 году на нерчинскихъ рудникахъ было 2.758 ссыльно-каторжныхъ; большая часть ихъ употреблялась на золотые промыслы кабинета. Сыльно-каторжные только испытуемые содержатся въ тюрьмахъ, а разряда исправляющихся, по неимѣнію помѣщеній, живутъ внѣ тюремъ, въ собственныхъ домахъ и по квартирамъ у другихъ ссыльныхъ и обывателей. Зданія, въ которыхъ содержатся каторжные, ветхи и тѣсны; та же тѣснота въ казармахъ конвоя, которая не даетъ возможности держать три смѣны. Больные преступники помѣщаются въ зданіи, которое находится въ разрушенномъ состояніи; вслѣдствіе такого положенія тюремъ приступлено было къ выводу изъ карійскихъ промысловъ «богадѣльщихъ» въ числѣ 300 человѣкъ.

[1]) Это подтверждается и многими другими данными: отзывами и свѣдѣніями, добытыми нами въ Сибири при этнографическомъ изслѣдованіи распредѣленія сибирскаго бродяжества (см. Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ, Ядринцева).

Бѣжало съ заводовъ ссыльно-каторжныхъ въ этомъ году 585 человѣкъ, а возвращено изъ бѣговъ 28. Кромѣ того, въ Забайкальской области взято 372 бродяги. Въ теченіе года ссыльно-каторжными сдѣлано было 50 преступленій.

Въ Иркутской губерніи ссыльно-каторжныхъ въ 1873 году считалось 1.867. Они содержались въ солеваренныхъ заводахъ, иркутскомъ и усть-кутскомъ, желѣзно-дѣлательномъ николаевскомъ и частію въ вновь строющейся александровской центральной тюрьмѣ (бывшемъ винокуренномъ заводѣ). Въ этой тюрьмѣ помѣщено въ концѣ 1873 года 384 челов. об. п. Каторжные содержатся частью въ квартирахъ, частью въ казармахъ по неимѣнію тюремъ, вслѣдствіе чего побѣги значительны. Въ 1873 году изъ иркутскаго солевареннаго завода бѣжало 231 человѣкъ, а изъ александровской тюрьмы—16 человѣкъ. Въ 1872 году изъ усть-кутскаго изъ 110 человѣкъ бѣжало 56.

О содержаніи ссыльныхъ на Сахалинѣ мы имѣемъ свѣдѣнія по оффиціальнымъ отчетамъ г. Власова [1]).

Такимъ образомъ, тяжкія условія каторги при безпорядочномъ и неустроенномъ состояніи естественно вызвали побѣги. Въ прежнее время это было столь привычное явленіе, что начальникъ завода при пріемѣ партіи выкрикивалъ: «кто хочетъ оставаться, получай одежду, а кто въ бѣга, тому незачѣмъ!» Каторжнымъ предоставлялось на волю оставаться на заводѣ или уходить немедленно. Одежда же, которую не брали бѣглые во избѣжаніе преслѣдованій, представляла выгодную экономію начальству. Начальство знало, что все равно каторжныхъ не удержишь,—результатомъ явилось, что нѣтъ такого опытнаго каторжнаго или бродяги, который не былъ бы увѣренъ, что онъ уйдетъ съ сибирской каторги. Въ послѣднее время это заявляется гласными процессами. Корреспондентъ одной газеты передаетъ (1875 г.) о слѣдующей сценѣ, происходившей 23 января въ ярославскомъ окружномъ судѣ, при объявленіи въ окончательной формѣ рѣшенія суда бѣглому каторжнику Гарному (онъ же Гармановъ). Эффектно звеня цѣпями и поглаживая свою бородку, онъ спокойно выслушалъ судебный приговоръ, обрекавшій его на каторжную работу въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ и одного мѣсяца, и на семьдесятъ одинъ ударъ плетьми. Когда былъ объявленъ этотъ приговоръ, Гарный, до того времени молчавшій, оперся на рѣшетку и повторилъ:

[1]) Какъ удостовѣряютъ мѣстные источники, побѣги съ Сахалина также часты и ссыльные зимою перебираются на Амуръ и далѣе. Этотъ прибрежный островъ далеко не гарантируетъ безопасности Сибири.

— Семьдесятъ одна плеть! Двѣнадцать лѣтъ съ мѣсяцемъ въ каторгѣ! Многонько-съ, господа судьи! Строгонько-съ!

Ему велѣли молчать; но Гарный, очевидно, рисуясь передъ публикой, произнесъ слѣдующій протестъ противъ судебнаго рѣшенія:

— Вѣдь, пожалуй, и лошадь не вынесетъ 71 удара! И зачѣмъ меня осудили къ нечеткѣ? Почему не 70 плетей? Лучше бы ужъ дали круглое число, 75, да ровно на 12 лѣтъ или на 13 годковъ въ каторгѣ быть приказали... Ну, ужъ судъ! Господа судьи были строги, а господа присяжные спали.

Гарный освѣдомился, кто исполнялъ обязанность старшины, и далъ обѣщаніе когда-нибудь покороче познакомиться съ нимъ. Такое обѣщаніе смутило многихъ присяжныхъ, вовсе не желавшихъ воспользоваться знакомствомъ съ головорѣзомъ, который далѣе потребовалъ возвращенія ему разныхъ отобранныхъ у него вещей и денегъ.

Предсѣдательствующій, г. Волковъ, объяснилъ дерзкому преступнику, сохраняя хладнокровіе и полное достоинство, подобающее суду, что вещи и деньги пойдутъ на покрытіе судебныхъ издержекъ. Гарный, выслушавъ этотъ законный отвѣтъ, воскликнулъ:

— Ну, судъ! У вора деньги воруютъ!.. Ну, да ничего: пусть мои денежки полежатъ здѣсь въ сохранности, по крайней мѣрѣ проценты накопятся. *Я вѣдь возвращусь сюда и получу капиталъ съ процентами...*

Бродяжничество въ Сибири до послѣдняго времени не уменьшается. Въ одной Томской губерніи поймано бродягъ:

Въ	1870	году 1.600
»	1871	» 904
»	1872	» 662
»	1873	» 703

Въ Забайкальѣ до 500 человѣкъ и т. д.

Это показываетъ, что бѣгство и бродяжество ссыльныхъ и каторжныхъ продолжаетъ существовать въ Сибири, несмотря на неоднократно возбуждаемый вопросъ объ этомъ и предпринятыя въ послѣдніе годы въ Восточной Сибири особенныя преслѣдованія бѣглыхъ. Даже самый Сахалинъ не гарантируетъ отъ бѣгства, такъ такъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ видно, что съ поста Дуэ, съ 1869 по 1871 г., бѣжало до 60 каторжныхъ черезъ проливъ, поймано изъ нихъ 27, 8 убито при поимкѣ, а 25 такъ и исчезли. Одинъ изъ нашихъ бѣглыхъ каторжныхъ на Сахалинѣ перерѣзалъ цѣлое японское семейство. Все это приводитъ къ заключенію, что побѣги эти не могутъ быть устранены при настоящей формѣ и

положеніи ссылки. Постройка каторжныхъ тюремъ не прекратитъ бродяжничества и побѣговъ ссыльно-поселенцевъ, не могущихъ примириться съ ссылкою. Мѣстныя условія Сибири только благопріятствуютъ этому: обширныя пространства, невозможность услѣдить за ссыльными, покровительство и пристанодержательство бродягамъ со стороны другихъ ссыльныхъ, составляющихъ осѣдлое населеніе, наконецъ, терпимость и боязнь со стороны крестьянъ, обусловленная ихъ собственными интересами, не начинать войны съ ссыльнымъ бродячимъ элементомъ, изъ опасенія мести поджогами, которыми угрожаютъ ссыльные, въ случаѣ ихъ поимки; въ заключеніе, администрація въ Сибири, какъ сама сознается, не обладаетъ достаточными средствами и силами бороться съ этимъ явленіемъ, а тѣмъ менѣе прекратить его. Сибирскія тюрьмы по тракту до того наполняются иногда бродягами, что мѣстное начальство отказывается помѣщать ихъ, и дается увѣдомленіе волостнымъ властямъ оффиціально «прекратить преслѣдованіе бродягъ». Томскій губернаторъ сдѣлалъ однажды около города облаву, и въ одно утро было взято 800 человѣкъ. Такія облавы на бѣглыхъ, какъ на волковъ, устраиваются во всѣхъ сибирскихъ городахъ. Около нѣкоторыхъ деревень Сибири зимуютъ по 2 и по 3 т. скопившихся этихъ странниковъ; въ сибирскихъ тюрьмахъ сосредоточивается временами по 1.000 и 1.500 бѣглыхъ бродягъ. Въ екатеринбургскомъ замкѣ недавно встрѣчалось по 300 задержанныхъ бродягъ изъ ссыльныхъ, возвращающихся въ Россію [1]). Бѣглые изъ Сибири попадаются во всѣхъ городахъ Россіи и въ Петербургѣ. Съ 1867 г. по 1873 годъ, по свѣдѣніямъ петербургскаго оберъ-полиціймейстера, было задержано въ Петербургѣ 8.015 бродягъ, 145 бѣглыхъ и 276 дезертировъ—таково распространеніе изъ Сибири бродяжества. Нечего говорить, что оно не можетъ быть устранено частными мѣрами. Оно находится въ связи съ неудовлетворительною системою. Нѣкоторые, объясняя бродяжество, какъ явленіе мирное, находятъ его не столь опаснымъ, какъ другіе; но это, во-первыхъ, не подтверждается, ибо преступленія бродягъ значительны; а во-вторыхъ, во всякомъ случаѣ, условія жизни, сопровождаемыя бродяжествомъ, и результатъ его—острогъ, плети или гибель, едва-ли могутъ считаться нормальными, и самое явленіе желательнымъ для кого-либо. Достаточно для того разсмо-

[1]) Изъ Томска отъ 17 марта 1881 г. извѣщали, что по дорогѣ, идущей въ село Богородское (въ 60 в. отъ Томска), было найдено 13 труповъ неизвѣстныхъ личностей. Полагаютъ, что погибшіе бродяги бѣглые ссыльные. Несчастные погибли во время бурановъ.

Переселенцы.

трѣть ближе самыя преступленія бродягъ; мы увидимъ при этомъ, какое они оказываютъ вліяніе на общій уровень нравственности.

Однимъ изъ самыхъ печальныхъ результатовъ неудовлетворительнаго состоянія ссыльныхъ являются преступленія ихъ, обнаруживающія свое вліяніе на общій уровень нравственности. Конечно, ссыльные не приносятъ съ собой нравственныхъ элементовъ, но сторонники ссылки выражаютъ всегда мнѣніе, будто преступники въ Сибири съ перемѣною мѣста и среды теряютъ свои дурныя наклонности и становятся нравственнѣе. Мало того, составилось мнѣніе, что Сибирь представляетъ даже меньшую преступность, чѣмъ Россія. Въ виду такого утвержденія необходимо повѣрить, дѣйствительно-ли все это такъ. Мы уже видѣли, что обстановка ссыльныхъ и ихъ настоящее неудовлетворительное положеніе никакъ не могли способствовать особенному сохраненію нравственности. Тяжкія условія труда, нищета и бѣдность, отсутствіе осѣдлости, праздность и бродяжество, наклонность къ побѣгамъ не могли не усилить наклонности къ преступленіямъ. Точно также не могъ благопріятствовать нравственности ссыльныхъ целибатъ, преобладаніе въ нихъ мужскаго населенія надъ женскимъ, предшествовавшая жизнь по острогамъ, долгое этапное странствованіе по прежнимъ тюрьмамъ,—все это не могло не отразиться на нравахъ ссыльныхъ. Но оставимъ все это въ сторонѣ и возьмемъ ссыльнаго, какъ человѣка, независимо отъ прошедшей его жизни; каково окажется развитіе его нравственности исключительно подъ вліяніемъ условій сибирской жизни?

Обращаясь къ мнѣніямъ лицъ, близко сталкивавшихся съ ссыльнымъ населеніемъ, къ отчетамъ мѣстнаго начальства, наконецъ къ мнѣнію сибирскихъ обществъ и крестьянства, мы приходимъ къ заключенію, что отзывы эти о нравственности ссыльныхъ въ большинствѣ не особенно благопріятны и не даютъ права заключить многаго объ ихъ способностяхъ и поведеніи.

Администрація, управлявшая ссыльными въ Сибири, давнымъ-давно высказывала не особенно выгодный взглядъ о жизни ссыльныхъ и ихъ нравственномъ достоинствѣ.

Изъ позднѣйшихъ отзывовъ мы можемъ указать на слѣдующее; вотъ что свидѣтельствуетъ иркутскій ревизоръ поселеній: «ссыльные ремесленники не отличаются нравственностью и въ большинствѣ пьянствуютъ. Ссыльные, иногда хорошіе работники и ремесленники, по низкой степени своей нравственности, лѣни и безпечности дѣлаются неспособными къ постоянному труду, почему и предаются бродяжеству или же уходятъ на золотые промыслы, гдѣ работа временная и требуетъ не искусства, а фи-

зической силы. Съ подобными рабочими частная предпріимчивость не можетъ двигаться». Такой отзывъ приводитъ томское начальство въ 1873 году. Енисейское губернское начальство говоритъ: «изъ цифръ, приведенныхъ въ статьѣ «Народная нравственность», очевидно, что громадный процентъ преступленій ссыльныхъ въ сильной степени подрываетъ и благосостояніе, и нравственность населенія, среди котораго они живутъ». Якутское начальство даетъ слѣдующій отзывъ: «большинство поселенцевъ, находящееся въ заработкахъ на золотыхъ пріискахъ, развратившееся въ тюрьмахъ, каторжной работѣ, арестантскихъ ротахъ и во время продолжительнаго слѣдованія ихъ въ Сибирь, продолжаетъ и здѣсь развивать всѣ дурныя наклонности. Они нисколько не безпокоятся о своей будущности, и все, что зарабатываютъ на пріискахъ, оставляютъ въ питейныхъ заведеніяхъ и снова нанимаются въ работу, гдѣ и продолжаютъ свое существованіе, до негодности ихъ къ работѣ, нищенствуя, бродяжа и дѣлая преступленія». Всѣ отзывы сводятся къ тому, что единственный трудъ, доступный для ссыльныхъ—золотопромышленный, дѣйствуетъ на нихъ исключительно деморализующимъ образомъ. Что касается отзывовъ мѣстнаго населенія, то оно исполнено еще большихъ предубѣжденій. Названіе посельщика всегда намекаетъ въ Сибири на сомнительное нравственное качество. Поведеніе ссыльныхъ не пользуется репутаціей, а трудъ ихъ чрезвычайно низко цѣнится по его достоинству. Что касается ссыльныхъ изъ бродягъ, то они совсѣмъ оказываются неспособными къ труду. Мѣстами отношенія туземнаго населенія къ ссыльному элементу доходитъ до ненависти. Не довѣряя вполнѣ сложившемуся предубѣжденію, точно также какъ и считая его довольно неточнымъ опредѣленіемъ, мы должны, однако, обратиться къ болѣе доказательнымъ даннымъ въ оцѣнкѣ сравнительной нравственности ссыльныхъ и ихъ вліянія на окружающую среду. Единственно безспорною и опредѣленною мѣркою здѣсь могутъ быть цифры уголовной статистики и сумма преступности въ Сибири. Къ сожалѣнію, такихъ-то изслѣдованій и недоставало. Поэтому намъ составило не мало труда выдѣлить и добыть нѣкоторыя свѣдѣнія по этой части [1]).

[1]) Обыкновенно преступленія ссыльныхъ, находившихся въ Сибири, смѣшивались съ преступленіями всѣхъ другихъ сословій въ Сибири. Въ общей же суммѣ преступность въ Сибири входила въ общіе итоги преступности всей Россіи. Во-вторыхъ, отчеты о преступленіяхъ ссыльныхъ доставлялись только изъ судебныхъ мѣстъ, между тѣмъ какъ значительная часть преступленій совершенно не входила въ счетъ, такъ какъ ссыльно-поселенцы и каторжные и осо-

Несмотря на то, уже нѣкоторыя общія данныя по уголовной статистикѣ Россіи указываютъ на участіе ссылки въ распредѣленіи преступленій. Уголовныя свѣдѣнія г. Анучина представляютъ намъ постоянное возрастаніе преступленій и увеличеніе преступности отъ запада къ востоку. Maximum этой преступности возрастаетъ въ приуральскихъ губерніяхъ. Къ сожалѣнію, уголовныя данныя эти кончаются предѣломъ Урала и не охватываютъ Сибири, которая не вошла еще въ нашу уголовную статистику. Но уже первое мѣсто по преступленіямъ, принадлежащее Пермской и Оренбургской губерніямъ, дало поводъ заключить изслѣдователю, что развитіе преступленій стоитъ здѣсь въ связи съ распространеннымъ бродяжествомъ бѣглыхъ и ссыльныхъ, возвращающихся изъ Сибири, что подтверждается и цифрами (Анучинъ, Матер. къ Уголовн. Статист. Россіи. Ч. I, ст. 188). Это одно уже даетъ намекъ, что востокъ въ дѣлѣ уровня преступности едва ли подлежитъ особому исключенію, и что положеніе его не можетъ находиться въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ сосѣднія съ нимъ губерніи. Напротивъ, возростающая прогрессія преступности по направленію къ Уралу намекаетъ на совершенно обратное.

Число преступленій, сдѣланныхъ поселенцами и каторжными и бывшихъ на разсмотрѣніи судебныхъ мѣстъ въ Сибири, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ министерство юстиціи, считалось въ 1867 году — 93 и 1868 — 98. Первое мѣсто занимало по преступленіямъ ссыльныхъ бродяжество, второе—убійство, третье—воровство, четвертое — зажигательство. Цифра 98 преступленій, однако, составляетъ, какъ мы увидимъ ниже, только ничтожную часть общаго числа преступленій ссыльныхъ въ Сибири. То же подтверждается и опубликованной таблицей о преступленіяхъ ссыльныхъ съ 1838 по 1847 г., взятой, вѣроятно, изъ отчетовъ приказа о ссыльныхъ (таблица эта напечатана въ Иркутскомъ календарѣ на 1875 г., стр. 177). Какъ ни неполны подобныя свѣдѣнія, но распредѣленіе преступленій и въ ней показываетъ, что вслѣдъ за бродяжествомъ, которое мы не вносимъ въ число уголовныхъ преступленій, первую роль играетъ у ссыльныхъ убійство, вторую—воровство, третью—грабежъ, четвертую—

бенно бродяги подлежали въ Сибири разбирательству различныхъ учрежденій: на каторгѣ—заводскому начальству, на пріискахъ—горному начальству, въ городахъ—гражданскимъ судамъ, судамъ военнымъ, полицейскимъ учрежденіямъ, разбиравшимъ исключительно бродягъ,—тюремному начальству и т. д., которыя никогда не соединялись въ одну вѣдомость, а о многихъ до сихъ поръ свѣдѣній не имѣется.

поддѣлка ассигнацій. Но для насъ, конечно, болѣе интересны самыя позднѣйшія и болѣе полныя свѣдѣнія. Собственно преступленій по послѣднимъ отчетамъ во всей Сибири значилось: въ Иркутской губерніи въ 1872 г. 426 и число осужденныхъ 160; въ 1873 г. число преступленій было 473, число осужденныхъ 113; въ Енисейской губерніи по статистикѣ 1873 г. преступленій 1.545 и осужденныхъ 1.188 на населеніе въ 372.000; въ Томской губерніи преступленій было 826, осужденныхъ 401; въ Забайкальской области въ 1873 г. число преступленій 73, число осужденныхъ 137; въ Приморской области за тотъ же годъ преступленій 35, осужденныхъ 102; въ Якутской области преступленій 112, осужденныхъ 43; въ Семипалатинской области преступленій 285, осужденныхъ 41. (Въ Семипалатинской области ссыльныхъ нѣтъ). По уголовнымъ отчетамъ, въ сибирскихъ губерніяхъ первое мѣсто по роду преступленій занимаетъ смертоубійство, второе — поддѣлка кредитныхъ бумагъ, третье мѣсто — кража, четвертое—нанесеніе ранъ. Въ эти дѣла судебныхъ мѣстъ не вошло бродяжество, которое занимаетъ, конечно, первое мѣсто въ Сибири. Распредѣленіе преступленій, какъ мы видимъ, совершенно оригинально. Въ россійскихъ губерніяхъ распредѣленіе преступленій идетъ въ такомъ порядкѣ: кража, грабежъ, смертоубійство, зажигательство, увѣчья и раны [1]). Проявленіе въ Сибири на первомъ планѣ такихъ преступленій, какъ убійство, грабежъ, поддѣлка монеты, нанесеніе ранъ, показываетъ уже на какія-то особыя условія проявленія преступленій. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь имѣетъ вліяніе ссылка. Значеніе цифръ мѣстной уголовной статистики объясняется слѣдующими характеристиками мѣстной нравственности въ отчетахъ губернаторовъ. Мѣстную уголовную лѣтопись сибирскіе начальники губерніи дополняютъ слѣдующими характеристиками: пополняясь людьми, не имѣющими твердыхъ нравственныхъ убѣжденій, Томская губернія, какъ и вся Сибирь, представляетъ больше всякой другой страны вѣроятности для проступковъ и преступленій. Вообще ссыльные обнаруживаютъ на нравственность народа самое неблагопріятное вліяніе, и это вліяніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе отношеніе ссыльныхъ къ коренному населенію. Преступленія въ Томской губерніи увеличились въ такомъ порядкѣ: въ 1870 г. ихъ было 639; въ 1871 г. — 893; въ 1872 г. — 766; въ 1873 г. — 826, т. е. въ годъ увеличились на 60. Кражъ было 206; убійствъ — 100; увѣ-

[1]) См. общ. обз. дѣятельности судебныхъ мѣстъ и статистическихъ свѣдѣній о подсудимыхъ, изд. министерства юстиціи, 1874 г.

чій и нанесеній ранъ — 82. Число преступленій по нарушенію устава монетнаго и поддѣлки кредитныхъ билетовъ равнялось: въ 1870 г. — 83-мъ; въ 1871 г. — 132-мъ, въ 1872 г. — 90; въ 1873 г. — 93-мъ. Фальшивые кредитные билеты входятъ въ губернію путемъ провоза ихъ арестантскими партіями и проходящими бродягами; часть ихъ поддѣлывается на мѣстѣ преимущественно ссыльными. Сбытъ ихъ производится инородцамъ и малограмотнымъ крестьянамъ. Бродягъ поймано въ четыре года 3.869 человѣкъ» (Томскій отчетъ).

Въ послѣднее время собраны свѣдѣнія о преступленіяхъ, совершенныхъ исключительно ссыльными причемъ оказалось изъ данныхъ за 5 лѣтъ, что по Тобольской губерніи ссыльные совершаютъ ежегодно до 1.093 преступленій, по Томской губерніи 1.749, причемъ одно преступленіе приходится на 28 ссыльныхъ. Воровство, бродяжество и особенно убійство занимаютъ наиболѣе видное мѣсто среди преступленій. Кража— 56%, убійство — 7,63%, грабежи — 3,6%, нанесеніе ранъ — 3,62%, поддѣлка кредитныхъ билетовъ — 2,25%, бродяжество — 14%. Съ 1870 по 1876 годъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, задержанныхъ бродягъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ оказалось 8.047 чел. Число содержавшихся ссыльныхъ въ тюремныхъ замкахъ, за 10 лѣтъ, въ Тобольской губерніи было 9.828, въ Томской 6.728. Изъ 40 и 50 ссыльныхъ ежегодно одинъ бываетъ въ тюрьмѣ за преступленіе или по подозрѣнію. При этомъ нельзя не обратить вниманія, что округа, гдѣ ссыльные водворяются, по удостовѣренію томскаго начальства, даютъ въ 5 разъ болѣе заключенныхъ, чѣмъ округа, изъятые отъ ссылки, какъ-то: Бійскій, Барнаульскій и Кузнецкій. Всѣ эти данныя, какъ мы полагаемъ, не особенно рекомендуютъ исправительное значеніе нашей ссылки, а также не совсѣмъ подтверждаютъ теоретическія измышленія о томъ, что ссыльный, въ новой средѣ, при обиліи земель въ Сибири и благословенномъ сибирскомъ климатѣ, долженъ возвратиться на путь истины.

Еще болѣе наглядную картину преступленій представляетъ Енисейская губернія по отчетамъ губернатора. Въ теченіе 1873 г. разсмотрѣно было въ судебныхъ мѣстахъ 1.545 дѣлъ; число осужденныхъ въ общемъ населеніи губерніи составляетъ больше 0,4% или 4 осужденныхъ на 1.000 человѣкъ. Противъ 1872 г. число осужденныхъ болѣе на 267 человѣкъ и число преступленій на 554. По многочисленности первое мѣсто между преступленіями занимаетъ смертоубійство, составляя 72% въ общемъ числѣ преступленій; затѣмъ слѣдуютъ: воровство-кража и воровство-мошен-

ничество — 23,3%; нанесеніе ранъ и увѣчій — 15,6%; нарушеніе уставовъ монетныхъ — 5,9%; грабежи — 4,6%; преступленія по службѣ государственной и общественной — 3,3%; бродяжество — 2,9%. По сословіямъ, въ числѣ осужденныхъ было: дворянъ потомственныхъ и личныхъ — 1,2%; купцовъ и мѣщанъ — 15,5%; крестьянъ — 23,5%; военнаго сословія — 7,3%; инородцевъ — 13,1%; поселенцевъ — 30,6% и ссыльно-каторжныхъ — 8,8%. Принимая во вниманіе, что въ числѣ крестьянъ есть крестьяне изъ поселенцевъ, оказывается, что *болье половины всѣхъ преступленій совершено уже разъ осужденнымъ въ россійскихъ губерніяхъ населеніемъ: поселенцами, каторжными и крестьянами изъ поселенцевъ.* Изъ 507 человѣкъ поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ, осужденныхъ за всѣ преступленія, обвинено: въ смертоубійствѣ 135 чел., что составитъ 26,7% общаго числа обвиняемыхъ; въ воровствѣ-кражѣ и въ воровствѣ-мошенничествѣ — 21,1%; въ нанесеніи ранъ, увѣчій и другихъ поврежденій — 19,5%; въ нарушеніи уставовъ монетныхъ — 5,0%; въ остальныхъ 22-хъ разныхъ преступленіяхъ обвинено изъ 507 чел. только 65, или 12,9%, слѣдовательно, это пришлое населеніе совершаетъ самыя важныя преступленія.

О преступленіяхъ Иркутской губерніи, выпадающихъ на долю ссыльныхъ, мы собрали слѣдующія свѣдѣнія: въ 1868 г. осуждено было къ каторгѣ 19 чел., къ ссылкѣ и на водвореніе — 5 и къ исправительнымъ наказаніямъ — 51 ч. Изъ числа 19 приговоренныхъ къ каторгѣ 11 ч. ссыльно-поселенцевъ. Въ 1871 г. къ каторгѣ приговорено 30 чел., изъ нихъ поселенцевъ 26 чел.: къ исправительнымъ наказаніямъ 85 чел., въ числѣ ихъ ни одного поселенца; въ 1872 г. къ каторгѣ приговорено 42 чел., въ томъ числѣ 31 поселенецъ; къ исправительнымъ наказаніямъ 118 чел., въ числѣ приговоренныхъ 31 поселенецъ и 39 другихъ сословій. По вѣдомости о преступленіяхъ за 1873 г. видно, что ссыльныхъ осуждено было 38 чел. по губерніи, т.-е. столько же, сколько крестьянъ, не считая осужденныхъ бродягъ; все это показываетъ, во-первыхъ, что число уголовныхъ преступленій въ четыре года увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое, и, во-вторыхъ, что болѣе важныя преступленія совершаются исключительно ссыльными [1]). То же самое обнаруживается и изъ другихъ вѣдомостей.

[1]) Въ дополненіе къ этимъ даннымъ имѣются слѣдующія свѣдѣнія. Всѣ сибирскія тюрьмы, какъ извѣстно, переполнены ссыльно-поселенцами: изъ 139 подсудимыхъ арестантовъ, содержавшихся съ 1-го октября 1874 г. въ иркутской тюрьмѣ, 86 челов. поселенцы, 15 каторжные и только 42 чел. люди полноправные; итакъ, 69% содержащихся арестантовъ приходится на долю ссыль-

Въ Забайкальской области въ 1873 г. совершено было 73 преступленія, изъ которыхъ главную роль играли убійство, нанесеніе ранъ и кража; въ теченіе года ссыльно-каторжными сдѣлано было 50 преступленій; сверхъ того, судилось пойманныхъ 372 бродяги. О нравственности Якутской области начальникъ области въ 1873 г. заявляетъ: преступленій въ 1873 году, въ сравненіи съ предшествующимъ годомъ, увеличилось на 60, и прибавляетъ, что большинство осужденныхъ ссыльные, лишенные всѣхъ правъ состоянія за прежнія преступленія, и, какъ безнравственные, уже разъ сосланы въ отдаленную область.

Такимъ образомъ, уголовная статистика приводитъ насъ къ совершенно другимъ результатамъ, чѣмъ до сихъ поръ предполагалось. Она показываетъ, что ссыльное населеніе далеко не такъ добродѣтельно и нравственно, какъ думали, а Сибирь далеко не обладаетъ такимъ спокойствіемъ, какъ увѣряютъ.

Мѣстная уголовная статистика открываетъ намъ: 1) что преступность въ Сибири превосходитъ всѣ другія мѣстности; 2) лѣстница преступленій представляетъ то оригинальное явленіе, что здѣсь крупныя и самыя опасныя преступленія стоятъ въ первомъ ряду, какъ убійство; 3) Сибирь, благодаря ссылкѣ, обладаетъ нѣкоторыми специфическими преступленіями, какъ-то: бродяжествомъ и поддѣлкой монеты и кредитныхъ бумагъ, стоящими— бродяжество на первомъ мѣстѣ передъ убійствомъ, а преступленіе по поддѣлкѣ монеты на второмъ мѣстѣ послѣ убійства; 4) усиленіе преступленій въ Сибири годъ-отъ-году возникаетъ въ неимовѣрно быстрой прегрессіи. Такъ, въ Томской губ. оно уве-

---

наго элемента; слѣдующая таблица покажетъ, за что именно содержится большинство поселенцевъ.

Побѣги и бродяжество	35
Кража со взломомъ	12
Конокрадство	8
Убійство	7
Перемѣна имени и фамиліи	5
Нанесеніе ранъ	4
Грабежъ	3
Подлогъ	4
Поддѣлка монеты	2
Переводъ хищническаго золота	2
Захватъ	1
Проживаніе по фальшивому виду	1
Оскорбленіе должностныхъ лицъ	1
Разбой	1
Итого	86

личивается ежегодно на 60 по отношенію къ цифрѣ 600. Въ Якутской тоже на 60, въ Енисейской возрасло въ годъ на 500 съ 1.000 и въ Иркутской увеличилось въ четыре года болѣе чѣмъ вдвое; 5) въ заключеніе, исчисленія уголовной статистики обнаруживаютъ, что преступленія въ Сибири падаютъ въ большинствѣ на долю ссыльныхъ. Такъ, по оффиціальному отчету Енисейской губерніи заявлено, что болѣе 50% самыхъ тяжкихъ преступленій совершалось ссыльными. Осужденныхъ изъ крестьянъ было 23,54 поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ—39,04. Въ Иркутской губерніи отношенія осужденныхъ ссыльныхъ къ свободнымъ сословіямъ, по тяжко-уголовнымъ дѣламъ, выражаются въ такомъ отношеніи: ссылалось въ три года въ каторгу 11 ссыльныхъ на 8 крестьянъ, 24 на 4, 31 на 11, и въ 1873 г. осужденныхъ было какъ ссыльно-поселенцевъ, такъ и крестьянъ по 38. Но при этомъ надо принять еще во вниманіе число тѣхъ и другихъ. Количество преступленій ссыльныхъ распредѣляется на ихъ число въ 40 и 45.000, число-же преступниковъ остальныхъ сословій на количество въ 327.000 и 328.000 жителей—это разница огромная. При такой пропорціи численное преобладаніе количества преступленій ссыльныхъ обнаруживаетъ, что преступность между ссыльнымъ сословіемъ является не только не ничтожною, но поразительною. Вотъ факты, которые не могутъ быть не признаны знаменательными.

Въ дополненіе къ уголовнымъ свѣдѣніямъ и анализу преступленій въ Сибири, слѣдуютъ происшествія, публикуемыя въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, которыя также даютъ намъ возможность составить себѣ понятіе объ особенностяхъ многихъ сибирскихъ преступленій и ихъ мѣстномъ типическомъ характерѣ.

Образчикомъ преступленій могутъ быть слѣдующія. «Иркутскія Губернскія Вѣдомости» сообщаютъ, что Киренскомъ округѣ, въ деревнѣ Чугуевой, 10-го мая, въ одиннадцатомъ часу вечера, поселенцы (ссыльные): Вукановъ 22 лѣтъ и Мухамедъ Непомнящій 50 лѣтъ, чрезъ взломъ окна въ питейномъ заведеніи крестьянина Якова Черкашина, вошли въ горницу, гдѣ спали самъ Черкашинъ съ женою, оба пьяные, и дочери ихъ: Анна 15 лѣтъ, у которой были на рукахъ отцовскія деньги, и Авдотья 5 лѣтъ. Злодѣи изранили прежде всего маленькую дѣвочку, которая вскорѣ и умерла затѣмъ; допытываясь денегъ у Анны, нанесли ей нѣсколько тяжелыхъ ранъ и, отнявъ деньги, хотѣли убить, но въ это время постучался поселенецъ Вороновъ. Узнавъ его голосъ, Анна начала кричать и звать на помощь, что и заставило бѣжать убійцъ.

Изъ Ишима, отъ 28-го февраля 1875 года, извѣщали въ «Биржу»: въ послѣдній день масляницы, 22-го февраля, въ нашемъ городѣ было совершено звѣрское, неслыханное преступленіе. Подъ вечеръ этого дня, къ устроенной среди города горѣ для катанья подъѣхало трое ухарей, схватили въ свои сани дѣвушку тринадцати лѣтъ и увезли ее за городъ, несмотря на отчаянные вопли несчастной жертвы. За городомъ дѣвочка была растлѣна и изнасилована троими похитителями поочередно. Потомъ негодяи возвратились въ городъ и выбросили полумертвую дѣвочку на улицу. Полиція, не могшая предупредить звѣрскаго преступленія, хотя и оказала энергію при розыскѣ злодѣевъ, но дѣвочкѣ это не было утѣшеніемъ: она черезъ сутки умерла въ городской больницѣ.

Недавно изъ Красноярска было разсказано такое событіе. Въ мѣстной женской гимназіи пропала горничная. Вслѣдъ затѣмъ найдена была на берегу обезображенная голова, косы продѣты въ уши. Далѣе, собака таскала по городу человѣческую руку. По этимъ частямъ узнали пропавшую дѣвушку; она была варварски умерщвлена и изрѣзана, у ней вырѣзаны были груди, половыя части и проч. Одновременно въ городѣ исчезли швейцаръ женской гимназіи и писарь изъ какой-то канцеляріи, на которыхъ и падало подозрѣніе. Вскорѣ оказалось, что они были оба ссыльно-каторжные, жившіе въ Красноярскѣ по фальшивымъ паспортамъ, и одинъ изъ злодѣевъ былъ даже сторожемъ дѣвическаго заведенія. Наконецъ, характеристическимъ происшествіемъ можетъ служить преступленіе въ Иркутскѣ 5 октября 1873 г. Въ Иркутскѣ была убита вдова, купчиха Чурина, съ дочерью, кухарка, бурятъ работникъ и дворникъ; послѣдніе двое брошены въ Ангару, на набережной которой стоялъ домъ Чуриныхъ; горничная дѣвушка была обезчещена однимъ изъ убійцъ и задушена петлей, но по счастливой случайности осталась жива и явилась впослѣдствіи единственной обличительницей преступниковъ. Вообще убійство это сопровождалось возмутительнѣйшими истязаніями. Конечно, обстоятельство это надѣлало много шума въ столицѣ нашей ссыльной страны, хотя подобныя убійства не рѣдкость въ здѣшнемъ краѣ. Убійство было совершено по заранѣе обдуманному плану и составляло, говорятъ, первое изъ задуманныхъ. Въ преступленіи участвовали трое ссыльно-поселенцевъ и трое бродягъ. Преступники вели себя на судѣ, какъ и передъ наказаніемъ, весьма хладнокровно. Нѣкоторые изъ нихъ, сознаваясь на судѣ въ совершенномъ злодѣйствѣ, говорили весьма спокойно: «взялъ да и придушилъ», или: «придушилъ да и бро-

силъ въ Ангару». Нѣкоторые изъ нихъ въ тюрьмѣ еще обѣщались перерѣзать половину города; они были урожденцы Витебской, Каменецъ-Подольской и Тверской губерній, ссыльные въ Сибирь, попавшіе въ чужую страну, озлобленные на все ихъ окружающее. Въ виду звѣрскаго преступленія трое изъ главныхъ преступниковъ, виновныхъ въ убійствѣ и грабежѣ, судимы были военнымъ судомъ и приговорены къ повѣшенію. Иркутскъ былъ свидѣтелемъ самаго ужаснаго зрѣлища.

Значительная часть сибирскихъ преступленій отличается звѣрствомъ и грубостью. Это зависитъ какъ отъ свойства преступниковъ, озлобленныхъ каторжниковъ, артистовъ преступленія, такъ и отъ мѣстныхъ суровыхъ и огрубляющихъ условій жизни. Въ Сибири, какъ въ странѣ дѣвственной, пустынной, при слабомъ вліяніи власти и полиціи, преступленіе становится смѣлѣе и необузданнѣе; наконецъ, благодаря простотѣ жизни, патріархальности и слабо развитой гражданственности и отсутствію городской цивилизаціи, которая всегда предполагаетъ бо́льшую осторожность, преступленія проявляются безъ утонченности и хитрости, а въ самыхъ грубыхъ и простыхъ формахъ. Люди, наблюдавшіе жизнь ссыльныхъ на золотыхъ пріискахъ, передавали. напримѣръ, что въ Сибири тонкій мошенникъ часто дѣлается грубымъ злодѣемъ; гдѣ онъ дѣйствовалъ прежде утонченными средствами съ помощью хитрости, обмана, изобрѣтательности, тамъ, въ Сибири, дѣйствуетъ просто «обухомъ топора», потому что и изобрѣтательности такой не требуется.

Однако въ Россіи сложилось мнѣніе, что въ Сибири рѣшительно не замѣчается опасности для гражданской жизни, и мѣстные жители никогда не жалуются на преступленія, а потому заключили, что самыя преступленія исключительны и рѣдки. Чтобы выяснить себѣ это, мы составили хронику за два послѣдніе года обо всѣхъ печатавшихся, выходившихъ изъ ряда событіяхъ, въ газетахъ, которая можетъ довершить картину мѣстной жизни.

Хроника это содержитъ 33 возмутительныхъ происшествія и дополняется слѣдующими свѣдѣніями о нѣкоторыхъ городахъ. При перепискѣ томской городской управы по поводу усилившихся преступленій оказывается, что съ 1 іюля по 7 октября 1874 г. въ городѣ было 30 случаевъ убійствъ и воровства, а по полицейской вѣдомости показано 58 преступленій этого рода,— въ три мѣсяца. По обнародованнымъ свѣдѣніямъ газеты «Сибирь», въ районѣ иркутскаго военнаго округа ежегодно рѣшается отъ 30 до 40 дѣлъ, которыя прекращаются за неотысканіемъ

виновныхъ. Наконецъ, изъ Енисейска намъ пишутъ далѣе, какъ въ нынѣшнюю зиму сообщалось слѣдующее: «лишь только успѣли несчастные обыватели оправиться отъ горя и успокоиться послѣ страшной катастрофы (извѣстнаго пожара), какъ нежданно-негаданно у нихъ явилась новая тревога и новое безпокойство за свою жизнь и имущество. Въ городѣ, въ теченіе самаго короткаго періода времени, было совершено нѣсколько убійствъ, грабежей и кражъ. Нѣкоторыя изъ этихъ преступленій, по своему звѣрскому характеру, смѣлости и неразборчивости въ отношеніи мѣста и времени ихъ совершенія, положительно выходили, какъ говорится, изъ ряду вонъ: были случаи кровавыхъ сценъ среди бѣлаго дня, на людныхъ улицахъ. Паника до того овладѣла мѣстнымъ обществомъ, что, несмотря на его привычное равнодушіе ко всякаго рода преступленіямъ, въ средѣ его раздались сильные протесты и явное негодованіе на бездѣйствіе мѣстной полиціи».

Такіе факты не даютъ повода заключить о значительной безопасности жизни въ краѣ. Но фактъ незамѣченности преступленій въ Сибири точно также получилъ настоящее объясненіе въ послѣднее время; онъ объясняется привычкою къ преступленіямъ. Самыя ужасныя преступленія здѣсь не производятъ впечатлѣнія. Вотъ что объ этомъ пишетъ одинъ изъ наблюдателей сибирской жизни: «въ одну зиму, часовъ въ 6 вечера, было невозможно ходить по улицамъ. Какіе-то молодцы, съ пѣснями, на тройкѣ, въ кошевѣ разъѣжали по городу и ловили арканомъ и баграми проходящихъ и проѣзжающихъ по улицамъ. И все это сходитъ съ рукъ и считается вещью крайне обыкновенною, къ которой жители привыкли и приглядѣлись. Предметъ для разговоровъ всегда есть; но тонъ самыхъ разговоровъ идетъ какъ о погодѣ. Какая-нибудь кумушка совершенно хладнокровно, нисколько не возмущаясь, разсказываетъ объ убійствѣ или воровствѣ, какъ будто дѣло идетъ о зарѣзанномъ теленкѣ или разбитой посудинѣ. Въ первое время я удивлялся подобнымъ вещамъ, потомъ мало-по-малу *совершенно привыкъ и обжился*» [1]).

Сибирь въ этомъ случаѣ похожа на постоянное поле битвы, гдѣ оставшіеся въ живыхъ весьма мало говорятъ объ убитыхъ. При темнотѣ и невѣжествѣ сибирской массы населенія, общество долго не замѣчало окружающихъ явленій, оно не жаловалось на ссылку и совершенно сжилось съ своимъ положеніемъ. Если заявлялись жалобы по поводу преступленій, то обвинялась

[1]) См. Не столь отдаленныя мѣста Сибири. «Отеч. Зап.» 1875, іюль, ст. 19.

обыкновенно недостаточная бдительность полиціи. Такихъ жалобъ мы не мало встрѣчаемъ въ корреспонденціяхъ, а въ послѣднее время въ Томскѣ объ этомъ загорѣлось цѣлое дѣло. Городская управа, въ виду усилившихся грабежей и кражъ (а уголовная хроника этого города, какъ видно, поразительная), просила полицію усилить бдительность и наблюдать за ночными сторожами. Полиція обидѣлась. А за представленіе томскому губернатору на видъ этихъ происшествій вся городская управа въ наличномъ составѣ отдана была подъ судъ. Дѣло это перенесено въ сенатъ. На самомъ дѣлѣ въ городѣ съ 1-го іюля по 7-е октября 1874 г. было 30 случаевъ убійства и воровства, а по «Полицейскимъ Вѣдомостямъ» показано 58 преступленій этого рода въ три мѣсяца. Вотъ источникъ этихъ пререканій! Такія пререканія не рѣдкость въ Сибири въ виду мѣстныхъ особенностей края.

Однако настоящія причины преступленій начинаютъ все чаще выясняться.

Нравственное вліяніе ссылки, кромѣ того, отражается и многими другими явленіями въ Сибири. Такъ, указывается на развитіе разврата, незаконныхъ сожитій и увеличеніе незаконныхъ рожденій въ краѣ. Иркутская губернія, по числу незаконныхъ рожденій, напримѣръ, занимаетъ второе мѣсто. (Въ Иркутской губерніи на 100 т. жителей приходилось 391 незаконнорожденный, въ Петербургѣ 497, въ Москвѣ 237, а въ Саратовской и Рязанской губ. 51 — 52). Несоразмѣрность половъ между ссыльными естественно влечетъ къ разврату; тѣ же явленія замѣчались и въ Австраліи и, по словамъ Дюкэна, составляютъ самую невыгодную сторону ссылки.

Точно также указываютъ въ Сибири на распространеніе сифилиса, заносимаго партіями [1]). Въ Иркутской губерніи называютъ цѣлыя селенія, гдѣ эта страшная болѣзнь поражаетъ людей, совокупно семьями, не исключая грудныхъ и рождающихся дѣтей. Д-ръ Шперкъ о томъ же свидѣтельствуетъ на Амурѣ. Кромѣ того, ссылка, говорятъ, не могла остаться безъ нравственнаго вліянія на самое воспитаніе сибиряковъ, на ихъ нравы. Наши учителя, пишетъ одинъ сибирякъ, няньки, гувернеры, капитали-

[1]) Послѣдніе санитарные отчеты свидѣтельствуютъ положительно о распространеніи заразительныхъ болѣзней по главному ссыльному тракту. Ссыльными разносится также тифъ, и ими была занесена холера (см. Санитарный Отчетъ по Зап. Сибири д-ра Ремезова). Больной и зараженный ссыльный элементъ, не благопріятствуя распложенію, часто вліяетъ и инымъ образомъ, отражаясь вырожденіемъ и пониженіемъ породы.

сты, мѣстная интеллигенція и даже самыя власти, напримѣръ, волостные писаря—изъ ссыльныхъ, что не могло остаться безъ послѣдствій. Мѣстное общество заражалось вліяніемъ преступниковъ. Ссыльные научили сибирское крестьянство страсти къ промыслу фальшивыми билетами; здѣсь существуетъ цѣлый воровской промыселъ срѣзыванія чаевъ, въ которомъ не рѣдко участвуютъ сами купцы, какъ недавно открылось въ Канскѣ. Въ Сибири существуетъ множество спекулянтовъ, которые служатъ только организаторами преступленій, исполнителей для которыхъ доставляетъ бродячее сословіе; организаторъ долженъ скрыть и спровадить продуктъ преступленія, и, конечно, ему достается львиная часть при этомъ. Ссыльные конокрады, фальшиво-монетчики, срѣзыватели чаевъ, находятъ у подобныхъ лицъ пріютъ и практику; поэтому неудивительно, что торговля не распространяется, и въ нѣкоторыя мѣста бываетъ иногда не безопасно купцу ѣздить. Отсутствію личной безопасности слѣдуетъ приписать отсталость Сибири въ промышленномъ отношеніи, вялость взаимныхъ сношеній и невѣжественное состояніе края. Ссылка производитъ растлѣвающее вліяніе и на другія сферы общественной жизни. Она охватываетъ сибирскую промышленность, практику чиновничества и наконецъ даже простирается на воспитаніе дѣтей. Г. Максимовъ говоритъ, что сибирскіе варіанты русскихъ сказокъ наполняются бродяжескими персонажами; извѣстно также, что сибирскія дѣти играютъ «въ бродягъ», «въ поджоги», и даже разыгрываютъ сцены бродяжескаго самосуда.

Понятія о собственности и гражданственности въ Сибири поэтому болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, поколеблены, пренебреженіе къ чужому интересу развило хищничество и неразборчивую наживу; борьба съ ссыльными породила самосудъ, массу безправія; наконецъ самая ссылка извратила до извѣстной степени нравы администраціи. Вредное вліяніе неравноправности сибирскаго населенія отражается и на нравахъ полицейской администраціи Сибири. Привыкши большею частью практиковать свою власть на бродягахъ, сибирскій чиновникъ практикуетъ тѣ же средства для узнанія истины, или для исправленія зла, и на полноправной части сибирскаго населенія. Лучшимъ примѣромъ этого можетъ служить слѣдующій случай: 1871 г., смотритель карійскаго золотого промысла, Демидовъ, открылъ убійство, совершенное однимъ каторжнымъ; чтобы раскрыть всѣ подробности преступленія, Демидовъ пыталъ черезъ палача жену убійцы, которая была женщина свободная, пришедшая въ Сибирь съ мужемъ добровольно и, слѣдовательно, избавленная отъ тѣлеснаго нака-

занія; потомъ онъ пыталъ одиннадцатилѣтнюю дочь убійцы; дѣвочку держали на воздухѣ и палачъ сѣкъ ее розгой съ головы до пятъ; ребенку уже было дано нѣсколько ударовъ плетью, и когда она попросила пить, ей подали соленаго омуля. Плетей дано было бы и больше, если бы самъ палачъ не отказался продолжать битье. И между тѣмъ жестокость Демидова есть естественное послѣдствіе того воспитанія, которое онъ долженъ получить, долго управляя ссыльной массой. Все это далеко не свидѣтельствуетъ о благотворномъ нравственномъ вліяніи ссылки. Въ заключеніе мы считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько выписокъ изъ корреспонденцій, выражающихъ отношеніе мѣстнаго общественнаго мнѣнія къ ссылкѣ. Въ корреспонденціяхъ чаще и чаще слышатся жалобы на бродягъ, безпаспортныхъ и безпріютныхъ ссыльныхъ, наполняющихъ города и порождающихъ преступленія. Такъ, въ 1873 году корреспондентъ изъ Омска, рисуя положеніе осаждаемаго бродягами и преступленіями города, восклицаетъ: «постоянная ссылка въ Сибирь ненужнаго для европейскихъ губерній люда ставитъ насъ въ постоянную блокаду отверженныхъ людей. И нигдѣ, кажется, эта блокада не чувствуется такъ сильно, какъ въ Омскомъ округѣ» («Камско-Волжская Газета» 1873 г. № 89, корреспонденція изъ Омска). Изъ Енисейска въ январѣ 1875 г. сообщаютъ по поводу уголовнаго случая, совершеннаго поселенцемъ (кражи въ церкви): «въ послѣднее время пролетаріатъ нашъ усилился наплывомъ новыхъ лицъ, изъ которыхъ большая часть приписана сюда въ мѣщане и, по отсутствію здѣсь работъ, въ зимнее время положительно бѣдствуетъ. Они же совершаютъ преступленія» («Новое Время», 1875 г. № 12) [1]). Изъ той же губерніи посылается далѣе такое извѣстіе: «Сибирь» сообщаетъ, что большой наплывъ ссыльныхъ и бродягъ былъ причиной того, что въ Енисейской губерніи, въ первые только пять мѣсяцевъ нынѣшняго года, было ограблено семь церквей и, сверхъ того, было четыре покушенія на ограбленіе. При одномъ случаѣ въ селѣ Юкѣевскомъ, на 17 апрѣля, убитъ трапезникъ. Къ счастью, почти всѣ злоумышленники пойманы. При изслѣдованіи открылось, что воры изобрѣли новый способъ проникать въ церкви черезъ разборку дымовыхъ трубъ.

Наконецъ, въ послѣднее время всѣ корреспонденціи изъ

---

[1]) Мы могли бы привести подобныхъ корреспонденцій массу, которыя имѣли подъ рукою за два послѣднихъ года, но ограничиваемся только нѣкоторыми.

Омска, Томска, Красноярска, Енисейска и Иркутска сливаются въ единогласный протестъ противъ ссылки въ край. Передавая о бѣдственномъ положеніи ссыльныхъ, корреспондентъ изъ Енисейска въ 1875 г. прибавляетъ: «ссылка эта приноситъ чистѣйшій вредъ краю; отрицать вредъ ея для Сибири и признавать ея пользу и необходимость могутъ только люди, не жившіе въ Сибири и не видѣвшіе массы ссыльныхъ на новой, чуждой имъ сторонѣ. Чѣмъ скорѣе Сибирь избавится отъ этихъ подневольныхъ, пришлыхъ людей, тѣмъ она больше выиграетъ въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи».

«Сибирь, какъ извѣстно, служитъ для Россіи какъ-бы вентиляторомъ,—пишетъ корреспондентъ изъ Томска, объясняя мѣстныя преступленія,—въ который выходитъ все ненужное. И все это группируется по большей части въ нашихъ большихъ городахъ, въ особенности въ Томскѣ. Каждое лѣто присылаются тысячи поселенцевъ, которые, войдя въ Сибирь, выпускаются, какъ говорится, на всѣ четыре стороны, рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ жизни. Незнаніе мѣстности, новизна обстановки и трудность достать какую-нибудь работу, при изобиліи рабочихъ рукъ, невольно заставляютъ поселенцевъ прибѣгать безъ разбора ко всевозможнымъ средствамъ къ существованію. Легко понять, какъ у насъ при такой обстановкѣ должны процвѣтать всякіе виды мошенничества и безобразія. Даже при хорошей полиціи было бы трудно совершенно гарантировать жителей отъ грабежей, убійствъ и проч., между тѣмъ у насъ въ настоящее время полиціи на дѣлѣ почти не существуетъ, если же она и вздумаетъ заявить о своемъ существованіи, то въ такихъ исключительныхъ случаяхъ приноситъ жителямъ болѣе вреда, чѣмъ пользы». Наконецъ, иркутскій корреспондентъ, по поводу слуховъ объ отмѣнѣ ссылки, выражается такимъ образомъ: «хотите ли знать, что̀ думаютъ сибиряки о ссылкѣ? Вліяніе ея давно испытывается Сибирью, и отношеніе населенія къ ней довольно опредѣленно выяснилось, хотя бы потому, что нѣтъ ни одной проѣзжей дороги, гдѣ можно было бы ѣздить безопасно. Недавно разбойничали около Нерчинска, Томска и Тобольска, такъ что не было проѣзда у этихъ центровъ Сибири. Этимъ путемъ создается у насъ искусственная осада городовъ; легенды «о двѣнадцати разбойникахъ», явившіяся въ прошломъ столѣтіи, осуществляются и въ наше время: еще на-дняхъ, въ окрестностяхъ Иркутска, поймана шайка, систематически грабившая въ городѣ и окрестностяхъ. Лѣтомъ убиты были двѣ беззащитныя женщины, теперь, по слухамъ, идетъ процессъ одного адвоката изъ ссыльныхъ, обвиняемаго въ отравленія иркутской дамы,

своей довѣрительницы. При генералѣ Синельниковѣ повѣшено трое ссыльныхъ бродягъ, изрѣзавшихъ въ Иркутскѣ цѣлое семейство [1]).

Эти повторяющіяся казни, какъ самыя мрачныя зрѣлища, не могутъ имѣть въ наше время морализующаго и гуманизирующаго значенія на самое мѣстное общество, а правосудіе мирится съ нимъ какъ съ тяжкою необходимостью.

Но это только преступленія изъ ряду выходящія. Сколько ссыльныхъ вторгается въ семейную жизнь, съ помощью денегъ и связей, сколько обмановъ и неуловимыхъ мошенничествъ — и не перечесть! Ссыльные становятся здѣсь во главѣ промышленныхъ предпріятій. Они замѣнили адвокатовъ и открыто выступаютъ ходатаями въ судахъ. Они играютъ видную роль въ обществѣ и являются интеллигенціей.

Можно себѣ представить положеніе края, гдѣ уголовный герой становится руководителемъ общества. Ссылка поэтому сдѣлала то, что Сибирь стала неудобообитаема для образованныхъ сибиряковъ и они бѣгутъ изъ нея.

Въ заключеніе нашего очерка остается сдѣлать небольшія соображенія, во что обходится ссылка государству и мѣстному населенію, чтобы имѣть понятіе о выгодности и дешевизнѣ этого наказанія.

Какъ за-границей, такъ и у насъ утвердилось мнѣніе, что ссылка, какъ наказаніе, представляетъ необыкновенно удобный и дешевый способъ избавляться отъ преступниковъ. Выгоды его основывались обыкновенно на томъ, что государству чрезвычайно мало

---

[1]) Смертныя казни, слѣдующія за тяжкія и ужасныя преступленія, повторяются до послѣдняго времени и совершены въ Иркутскѣ въ 1891 году. Въ мѣстной иркутской хроникѣ читаемъ въ 1891 г.: Военнымъ судомъ судился въ сентябрѣ мѣсяцѣ скрывшійся бѣгло-каторжный Семенъ Алексѣевъ, онъ же Тарасовъ, Козловъ и Ѳедоровъ. Схваченный въ г. Томскѣ *по убійству семьи Щербаковыхъ и приговоренный къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ*, Алексѣевъ былъ преданъ военному суду по обвиненіямъ въ принадлежности къ помянутой шайкѣ, проявившей въ Иркутскѣ свою преступную дѣятельность, въ ноябрѣ 1889 г., въ вооруженномъ нападеніи на квартиру мѣщанки Безсоновой и въ убійствѣ въ д. Соколова мѣщанъ Людмиллы и Михаила Сухановыхъ и Филиппа Ананьева и въ покушеніи на убійство крестьянки Маріи Вахмутовой. Иркутскій военный судъ, признавая подсудимаго ссыльно-каторжнаго Семена Алексѣева виновнымъ въ принадлежности къ злоумышленному сообществу, составленному въ Иркутскѣ для совершенія кражъ, разбоевъ и грабежей, а также виновнымъ въ вооруженномъ нападеніи на квартиру мѣщанки Безсоновой и въ убійствѣ мѣщанъ Людмиллы и Михаила Сухановыхъ, Филиппа Ананьева и въ покушеніи на убійство крестьянки Маріи Вахмутовой приговорилъ Алексѣева по совокупности совершенныхъ имъ преступленій къ смертной казни чрезъ повѣшеніе (№ 38 «Вост. Об.» 1891 г.).

стоитъ переправа преступника въ другую мѣстность, и затѣмъ оно слагаетъ уже всякія заботы о немъ съ себя, предоставляя его собственнымъ силамъ. Дешевизна эта обусловливается вообще прежнимъ воззрѣніемъ на наказаніе и на личность преступника. Самый дешевый способъ отдѣлаться отъ преступника былъ, конечно, смертная казнь, которая и практиковалась въ древнѣйшее время. Затѣмъ явились изгнаніе и ссылка. Древнія формы ссылки не отличались особенною заботливостью и попеченіемъ о преступникѣ. Англія перевозила преступниковъ, какъ рабовъ, на корабляхъ и продавала на плантаціи. Наша пѣшеходная гоньба ссыльныхъ въ прежнее время также могла считаться дешевымъ наказаніемъ. Ихъ гнали цѣлыми тысячами, связанными цѣпями, какъ стада. Селили, какъ попало, часто въ мѣстностяхъ, гдѣ они тотчасъ же вымирали; такъ, напримѣръ, Чичеринъ погубилъ тысячи ссыльныхъ на болотистой Барабѣ, во время проведенія дороги. Жизнь ссыльнаго мало цѣнилась. Но со временемъ ссылка, однако, требовала все бо́льшихъ и бо́льшихъ попеченій по приложенію къ ссыльному и большихъ государственныхъ расходовъ, не говоря уже о томъ, что дешевизна наказанія никогда не говорила за его совершенство.

При защитѣ ссылки, какъ наказанія, въ современныхъ формахъ, и въ доказательство дешевизны его, обыкновенно указываютъ на незначительность расходовъ на нее по нашимъ смѣтамъ; но мы позволимъ себѣ здѣсь нѣкоторое выясненіе этихъ цифръ, точно также какъ и укажемъ на болѣе полную оцѣнку стоимости нашей ссылки.

Стоимость пересылки для казны въ Сибирь одного арестанта нынѣ вычисляется среднимъ числомъ въ 50 р., принимая снабженіе его и одеждою; но здѣсь разумѣются однѣ путевыя издержки, т.-е. однѣ кормовыя, притомъ принято препровожденіе только по главному сибирскому тракту, имѣющему искусственные пути по Волгѣ, Камѣ, и перевозку отъ Перми до Тюмени на подводахъ, что̀ составляетъ только одну вѣтвь пересылки. Зато не принято во вниманіе содержаніе тракта, который хотя и сокращаетъ время на препровожденіе арестанта, но стоитъ довольно дорого, что до сихъ поръ затрудняло введеніе перевозки по другимъ трактамъ. Затѣмъ, не причислено препровожденіе ссыльнаго по пѣшеходному тракту до главнаго сибирскаго и препровожденіе по Сибири нѣшимъ путемъ до мѣста назначенія, что значительно подниметъ содержаніе арестантовъ въ дорогѣ, такъ какъ 1.000 верстъ дѣлается здѣсь въ 68 дней. До Сибири доходитъ аре-

стантъ въ полгода и нерѣдко въ годъ [1]). Ничто ссыльному не препятствовало оставаться въ больницѣ и, наконецъ, за нимъ на казенный счетъ часто слѣдовала и семья. (Съ 1867 г. по 1871 годъ прослѣдовало въ Сибирь за ссыльными 5.581 женщина и 12.627 дѣтей). Къ этому надо причислить содержаніе ссыльнаго въ тюрьмѣ, до отправки въ Сибирь и до распредѣленія на мѣстѣ, наконецъ, содержаніе ссыльнаго (въ тюрьмѣ) до весны, вслѣдствіе пріостановки съ 1867 г. зимняго препровожденія. Все это должно возвысить на него издержки. Препровождающія команды также должны войти въ счетъ пересылки, которыя хотя въ числѣ 14.867 нижнихъ чиновъ и употребляются для конвоированія не однихъ ссыльныхъ, а также и пересыльныхъ, но 20-ть командъ съ 1.386 чел. конвоя служатъ на главномъ ссыльномъ трактѣ исключительно ссыльной системѣ, точно такъ же, какъ и другія команды, особенно въ Сибири. Все это увеличиваетъ стоимость пересылки. Уже г. Юферовымъ вычислено было препровожденіе одного арестанта съ издержками въ 142 р., но если присчитать содержаніе его до весны въ центральномъ пунктѣ, стоющее не менѣе 60 руб., разложить расходы на семейства, содержаніе четырехъ экспедицій, инспекторовъ по пересылкѣ и водворенію ссыльнаго, затраты на водвореніе, то цифра эта окажется вдвое, если не втрое болѣе. Дальнѣйшіе матеріальные и нематеріальные убытки отъ ссыльной системы, какъ, напримѣръ, побѣги, содержаніе бродягъ въ тюрьмѣ насчетъ казны цѣлые годы, не подвергаются точному вычисленію, но они тоже не могутъ быть опущены въ общемъ разсчетѣ ссыльной системы. Все это подало поводъ въ послѣдней редакціи записки о тюремной и ссыльной реформѣ, въ комитетѣ тайнаго совѣтника Зубова, при окончательномъ разсмотрѣніи тюремной реформы, дать слѣдующія заключенія: «сибирская ссылка обходится для государства весьма дорого. Расходы на ссыльныхъ въ настоящее время производятся изъ разнообразныхъ источниковъ, какъ-то: изъ суммъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, изъ государственнаго казначейства, изъ тюремнаго капитала, капитала министерства внутреннихъ дѣлъ, изъ государственнаго земскаго сбора, изъ городскихъ доходовъ, изъ суммъ приказа о ссыльныхъ, а значительная часть ихъ отбывается, кромѣ того, сибирскими жителями въ видѣ натуральной повинности. Если стоимость ссылки опредѣлять тѣми только расходами, которые производятся изъ суммъ госу-

[1]) Съ 1-го мая по 1-е октября 1874 г. отправлено изъ Тюмени 7.644 мужчинъ, женщинъ и дѣтей пѣшимъ порядкомъ.

дарственныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то дешевизна ея въ сравненіи съ другими мѣрами наказанія стояла бы внѣ всякаго сомнѣнія. Однако, государственнымъ расходомъ слѣдуетъ признать не только тотъ, который заносится въ смѣты министерства финансовъ, но и всѣ другіе расходы на общія цѣли, производимые жителями въ видѣ денежной или натуральной повинности. Разъ признавъ эту безспорную истину, необходимо согласиться, что сибирская ссылка—мѣра, въ высшей степени дорого стоющая для государства. Одна пересылка арестантовъ въ предѣлахъ европейской Россіи, несмотря на послѣдовавшія по этой части улучшенія и достигнутую экономію, обошлась въ 1869 г. въ 5.778.000 руб., не считая расходовъ на содержаніе управленій центральныхъ и губернскихъ. Общее число всѣхъ пересылаемыхъ въ европейской Россіи арестантовъ доходитъ до 120.000, такъ что пересылка одного человѣка обходится въ 49 р.; изъ этого числа пересылаемыхъ по распоряженіямъ судебныхъ мѣстъ 12.000 человѣкъ, остальные же пересылаются обыкновенно на весьма незначительныя разстоянія, иногда лишь изъ одного уѣзда въ другой той же губерніи, такъ что стоимость пересылки не меньше 200 руб. Въ Сибири передвиженіе арестантовъ составляетъ натуральную повинность жителей; если даже расходы на передвиженіе тамъ вдвое меньше, чѣмъ въ европейской Россіи, то окажется, что средняя стоимость передвиженія одного арестанта до мѣста ссылки обходится въ 300 рублей серебр., т.-е. расходы, употребляемые теперь на передвиженіе одного арестанта до мѣста ссылки, были бы достаточны для содержанія его по меньшей мѣрѣ въ теченіе 4 лѣтъ въ самой дорогой тюрьмѣ европейской Россіи. Принявъ же во вниманіе, что значительное число тяжкихъ преступниковъ вслѣдствіе побѣговъ, ссылаются въ Сибирь по два раза и болѣе, даже до 16 разъ, окажется, что издержки на пересылку каждаго арестанта должны быть приняты въ большихъ еще размѣрахъ. Этимъ серьезнымъ расходомъ далеко не заканчиваются издержки, которыя необходимо затратить на ссыльно-поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ. Постройка тюремъ и ремонтъ ихъ требуетъ громадныхъ текущихъ расходовъ, несмотря на ихъ неудовлетворительное состояніе. Содержаніе всѣхъ ссыльныхъ, которые, вслѣдствіе болѣзней и дряхлости, впадутъ въ невозможность поддерживать свое существованіе, ложится на мѣстное населеніе; и такъ какъ болѣзни, вслѣдствіе изнуреній въ пути, бродяжества и неправильной жизни въ острогахъ, между ссыльными весьма часты, то понятно, до какой степени тяжела для мѣстныхъ жителей эта обязанность. Содержаніе же ссыльно-каторжныхъ въ тюрьмахъ все-

*

цѣло ложится на государство и, какъ показалъ долговременный опытъ, отнюдь не окупастси производимыми работами. Ко всему вышеизложенному слѣдуетъ еще прибавить, что сравнительная незначительность суммы, расходуемой въ настоящее время на отправленіе карательной ссылки, объясняется лишь тѣмъ, что правительство уклонялось отъ дорого стоющихъ мѣръ, которыя были бы необходимы для правильнаго ея отправленія. Число должностныхъ лицъ, имѣющихъ надзоръ за ссыльными, далеко меньше необходимаго, получаемое ими содержаніе весьма незначительно, ссыльные не имѣютъ школъ, требуемыя закономъ богадѣльни не устроены, даже сибирская стража до того незначительна, что изъ сибирскихъ остроговъ и мѣстъ поселенія не бѣгаетъ почти только тотъ, кто самъ не желаетъ. Словомъ, при существующемъ бюджетѣ не могутъ быть достигнуты ни карательныя, ни охранительныя, ни исправительныя задачи ссылки, и для того, чтобъ поставить ссылку сколько-нибудь удовлетворительно, было бы необходимо произвести громадныя затраты, передъ которыми 10 милліоновъ руб. ежегоднаго расхода представляются ничтожною песчинкою». Поэтому можно судить, что издержки на ссылку должны оцѣниваться за одно передвиженіе арестанта по 300 р., слѣд. minimum въ 4.800.000 ежегодно при существующемъ контингентѣ ссыльныхъ. Къ этому должно быть причислено содержаніе этапнаго тракта и военнаго конвоя съ 14.867 ч. нижнихъ чиновъ, содержаніе на пути тюремныхъ замковъ, этаповъ и прочее; наконецъ, подводная повинность, выполняемая населеніемъ, которая должна войти въ счетъ государственныхъ расходовъ [1]). Содержаніе половины пересыльной

[1]) До чего доходитъ и какъ годъ отъ году увеличивается содержаніе сибирскихъ замковъ и этаповъ, видно изъ слѣдующихъ свѣдѣній: въ послѣднее время въ Иркутской губерніи построено 10 новыхъ этапныхъ тюремъ, предстоитъ еще построить 16; на покрытіе этого расхода исчисленъ капиталъ въ 452.592 р., да въ предшествовавшее трехлѣтіе издержано на тотъ же предметъ 133.500 р. Въ Томскѣ построена центральная пересыльная тюрьма, для избѣжанія крайней тѣсноты, и поглотила значительные капиталы; то же предполагается сдѣлать и въ Красноярскѣ. Въ Томской губерніи возведено 13 этапныхъ зданій, на что въ 1870 и 1871 годахъ ассигновано 44.000 рублей; въ 1870 году на исправленіе томскаго замка ассигновано 19.717 руб. 38 коп., издержано 16.000 руб.; въ 1873 году предположенъ для той же цѣли новый расходъ въ 16.000 руб., которые, конечно, и употреблены уже по назначенію. Даже въ уѣздныхъ городахъ: Каинскѣ, Барнаулѣ, Бійскѣ и Маріинскѣ, вслѣдствіе тѣсноты тюремныхъ помѣщеній отъ притока бродягъ и пересыльныхъ, оказалось необходимымъ устроить новыя тюрьмы, которыя уже проектированы. Словомъ, расходы на постройку и ремонтъ тюремно-этапныхъ помѣщеній въ Сибири весьма значителенъ и увеличивается съ каждымъ годомъ. См. всеподданнѣйшіе отчеты губернаторовъ Сибири за 1871, 1872 и 1873 годы.

стражи, по вычисленію г. Лохвицкаго, должно быть не менѣе 2.000.000 и всѣхъ расходовъ на ссылку болѣе 5.000.000 р., а тогда стоимость на арестанта будетъ равняться уже не 300, а 800 руб. [1]). Все это—казнѣ, а сколько еще стоитъ она обществу? Дешевизна ссылки до сихъ поръ тѣмъ и обусловливалась, что значительная часть издержекъ падала непосредственно на общество, въ видѣ особой натуральной повинности. Начиная уже съ того, что государство ссылкою преступника въ другое общество слагало всякую заботу о немъ и предоставляло содержаніе его собственнымъ его силамъ; когда же ссыльный не могъ помочь себѣ, онъ ложился всею тяжестью на общество. Судя по тому, въ какомъ неудовлетворительномъ состояніи находится наша ссылка, надо заключить, что это было въ большинствѣ именно такимъ образомъ. Если бы казна продолжала держать преступника въ тюрьмѣ, она расходовала бы по 74 р. на человѣка. Теперь же обществу приходится содержать ссыльнаго. Принимая даже арестантское содержаніе, на 12.000 ежегодно идущихъ ссыльныхъ потребуется 880.000 р. Но весь контингентъ ссылки, проживающій въ Сибири, равняется 202.834 человѣкамъ и на прокормленіе его необходимо 15.009.716 р. Извѣстно, что $^4/_5$ ссыльныхъ не обзаводятся хозяйствомъ и бродяжатъ Богъ знаетъ гдѣ; предполагая, однако, только половину бродягъ, прокормленіе ссыльныхъ обойдется обществу въ $7^1/_2$ милліоновъ. Вычисленные и признанные 40.000 бродягъ, шатающихся по Сибири, одни стоютъ 2.960.000 р. крестьянству ежегодно. Къ этому необходимо прибавить содержаніе тюремъ городами и мѣстными обществами, добавочные расходы по содержанію этаповъ, подводную повинность для партій, убытки крестьянства и больничные расходы на поселенцевъ, недоимки ихъ, уплачиваемыя населеніемъ, наконецъ, убытки отъ преступленій, совершаемыхъ ссыльными.

Содержаніе тюремъ въ сибирскихъ городахъ падаетъ на мѣстное общество; такъ, по отчетамъ губернаторовъ видно, что тюрьмы содержатся въ Красноярскѣ изъ государственныхъ и земскихъ сборовъ, въ Ачинскѣ, Канскѣ и Минусинскѣ на счетъ городскихъ доходовъ, въ Енисейскѣ же *на счетъ сбора съ жителей*. Подводная повинность ложится значительной тяжестью на крестьянъ. Такъ, по оффиціальному отчету, въ одной Енисейской губерніи пересылка и препровожденіе арестантовъ требуютъ ежегодно 5.202 человѣка и 5.296 подводъ. На сельскія общества ложатся значи-

[1]) Въ Англіи пересылка арестантовъ обходилась, надо замѣтить, еще дороже, а именно 180 фунт. стерл., то-есть 1.080 р.

тельныя недоимки за ссыльныхъ, по податямъ, по уплатѣ больничныхъ денегъ за поселенцевъ, приходящіяся по 300 — 400 р. съ одного сельскаго общества; наконецъ, расходы по содержанію усиленнаго штата волостнаго правленія, въ виду множества поселенческихъ дѣлъ и переписки о нихъ [1]); такой расходъ доходитъ до 50 к. съ души сверхъ платимыхъ за собственныя надобности. Одинъ уже этотъ расходъ можетъ составить значительную сумму въ сложности. Все это въ совокупности заставляетъ нести мѣстное населеніе, кромѣ содержанія ссыльнаго, цѣлую массу новыхъ налоговъ на него [2]). Замѣтимъ, что вся тяжесть системы падаетъ на одну часть населенія имперіи, и именно на Сибирь; въ Сибири же по преимуществу на крестьянство. Край такимъ образомъ выполнялъ тюремную повинность по содержанію преступниковъ за цѣлое государство. Если нѣкоторыя лица въ Сибири находили ее выгодною, какъ, напр., золотопромышленники, черпавшіе изъ контингента ссылки свою наемную силу, если привилегированные классы не замѣчали ея, какъ избавленные отъ налоговъ, то крестьянство въ Сибири не могло ею не тяготиться. Уплаты за поселенцевъ, которыхъ общество часто не видало и въ глаза, кромѣ партій, борьбы съ бродяжествомъ, постоянныя покражи, поджоги «заимокъ» (хуторовъ), избушекъ, не могли не подрывать матеріальнаго благосостоянія крестьянъ и не давать себя чувствовать. Крестьянамъ часто предписывалось брать ссыльныхъ въ работники, снабжать ихъ землю присѣвкомъ и проч.; такимъ образомъ въ Сибири пробовали привить систему кабальную, практиковавшуюся въ Австраліи «assignement system», но она ничего не давала крестьянамъ, кромѣ убытка, ибо ссыльный просто садился на шею мужика. Поэтому крестьянство сплошь и рядомъ отказывалось отъ пріема ссыльныхъ и выражало протесты противъ приписки ссыльныхъ. Нѣкоторые мѣстные акты свидѣтельствуютъ объ этихъ протестахъ, облеченныхъ въ легальную форму. Напр., въ 1806 г. иркутскій земскій исправникъ Оладьинъ прислалъ верхоленскому комиссару подробный проектъ о принятіи крестьянами ссыльно-поселенцевъ въ работ-

---

[1]) Въ Сибири въ самыхъ малыхъ волостяхъ у волостнаго писаря по пяти и шести человѣкъ помощниковъ, а въ большинствѣ 10 и 12, съ жалованьемъ отъ 15-ти до 45-ти руб., смотря по мѣсту и дороговизнѣ предметовъ жизни. Въ Иркутской губ. расходъ на волостное правленіе равняется 4.500 р. и доходитъ до 74½ коп. съ души. Такія волостныя правленія выпускаютъ до 10 и 20.000 исходящихъ №№ въ годъ и ⅔ переписки относятся къ ссыльно-поселенческому управленію.

[2]) Такъ, напримѣръ, нынѣ взыскиваютъ съ обществъ за перевозку бродягъ.

ники, съ условіемъ снабженія ссыльныхъ за работу пищею, одеждою, денежною платою и присѣвками, на что крестьяне верхоленскихъ общинъ, въ полномъ своемъ составѣ, отвѣтили слѣдующимъ актомъ, который мы считаемъ необходимымъ привести цѣликомъ: «Въ полномъ собраніи народа, въ единогласномъ и твердомъ мнѣніи утвердили, общественнымъ прошеніемъ, отказаться отъ предписанія исправника и комиссара, скромно предносылая въ то же время своимъ возраженіямъ оговорку, что хотя общество предписаніямъ начальства всегда должно съ крайнимъ усердіемъ повиноваться, но что въ настоящемъ случаѣ, по значительному числу въ крестьянскомъ обществѣ бѣдныхъ крестьянъ изъ сельскихъ мірскихъ старожиловъ, нуждающихся въ наемной работѣ у своихъ общинниковъ, по малости запашекъ и присѣвковъ у самихъ крестьянъ, не имѣющихъ силы и моготы распахивать много земли, по общей скудости достатковъ у большей части ихъ, общество ленскихъ крестьянъ никакъ не можетъ согласиться съ предписаніемъ господина исправника о принятіи крестьянами поселенцевъ въ работники съ снабженіемъ ихъ присѣвками на двѣ десятины и проч. [1])». Обременительность повинностей по содержанію и устройству ссыльныхъ, какъ и по прокормленію дряхлыхъ и старыхъ (процентъ ихъ огроменъ), которые, за неимѣніемъ богадѣленъ, исключительно пропитываются на счетъ сельскихъ обществъ, порождаютъ и до сихъ поръ многочисленныя жалобы сибирскихъ сельскихъ обществъ.

Наиболѣе очевиднымъ свидѣтельствомъ о томъ, какою тяжестью падаетъ ссылка на мѣстныя общества и какой вредъ порождаетъ она, служатъ приговоры мѣщанскихъ городскихъ обществъ, представляемые на имя высшаго начальства съ ходатайствами пріостановить приписку къ нимъ ссыльныхъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ приговоровъ.

Ялуторовское мѣщанское общество, выставляя между прочимъ, что на одного коренного жителя общества приходится по 2 ссыльныхъ (на 263 души приписано 570 ссыльныхъ), жалуется, что послѣдніе ставятъ жителей въ большое затрудненіе и даже разореніе разными кражами и мошенничествами. При этомъ побудительными причинами такого поведенія ссыльныхъ общество выставляетъ неимѣніе средствъ и заработковъ, почему ссыльные самовольно удаляются «куда либо въ другія мѣстности, откуда за безписьменность препровождаются мѣстными начальствами об-

[1]) Извѣстія Сибирск. Отдѣла Импер. Геогр. Общества. Т. VI, № 3, 1875 г., стр. 106.

ратно, другіе же изъ нихъ, по неимѣнію на мѣстѣ работъ, постоянно занимаются разными кражами и мошенничествами, чѣмъ поставляютъ жителей въ крайнее раззореніе»...

Туринское общество, жалуясь также на увеличивающееся причисленіе къ нему ссыльныхъ, причемъ въ городѣ приходится 1 ссыльный на 2-хъ старожиловъ-мѣщанъ, прибавляетъ: «что причисленіе ссыльныхъ къ городу не только не прекращается, но съ каждымъ годомъ увеличивается, такъ что число ссыльныхъ можетъ скоро перевѣсить число старожиловъ, изъ коихъ многіе вынуждены будутъ искать себѣ другихъ, менѣе заселенныхъ такими людьми мѣстъ». И это перечисленіе, говоритъ общество, представляется неизбѣжнымъ впослѣдствіи, особенно для менѣе зажиточныхъ мѣщанъ, такъ какъ за неплатежомъ податей ссыльными, недоимка ложится на общество; «между тѣмъ какъ сами ссыльные, оставаясь въ праздности и безъ всякихъ средствъ къ честному существованію, вдаются въ безпорядочную жизнь, сопровождаемую пьянствомъ, развратомъ, воровствомъ и другими преступленіями, которыя усмотрѣть и предупредить, при большомъ скопленіи въ городѣ ссыльныхъ, становится для полиціи почти невозможнымъ».

Тарская дума объясняетъ: «ссыльные, высланные въ Сибирь изъ внутреннихъ губерній Россіи за преступленія и проступки, а большею частью за дурное поведеніе въ ихъ прежнихъ обществахъ, перенесли сюда праздность, пьянство, мошенничество, развратъ и буйство, а иногда даже грабежи и убійства, въ которыхъ они, какъ люди опытные и находчивые, рѣдко когда по суду изобличаются. При томъ же они своимъ дурнымъ поведеніемъ служатъ соблазномъ для небогатыхъ горожанъ-старожиловъ, въ особенности для молодыхъ людей, изъ которыхъ нѣкоторымъ уже привились эти пороки».

Ишимская городская дума выражается слѣдующимъ образомъ: «большая часть ихъ (ссыльныхъ), не имѣя средствъ даже на пріобрѣтеніе письменнаго вида, шатается по городу и округу, занимаясь кражами, разбоемъ или испрошеніемъ милостыни, называясь большею частію бродягами, чтобъ тѣмъ болѣе возбудить къ себѣ состраданіе или страхъ; безнравственность ишимскихъ мѣщанъ изъ ссыльныхъ вошла даже въ пословицу, такъ что проѣзжающіе за нѣсколько сотъ верстъ отъ Ишима предупреждаются быть осторожнѣе при проѣздѣ черезъ нашъ городъ».

Наконецъ, Курганское мѣщанское общество, принося жалобу на взысканіе съ него издержекъ казны за возвращаемыхъ изъ разныхъ мѣстъ имперіи отлучившихся самовольно безъ письмен-

ныхъ видовъ лицъ, принадлежащихъ къ обществу, находитъ: «что все взысканіе, наложенное на общество, согласно законоположеній, заключается въ пополненіи издержекъ казны за пересылку людей, причисленныхъ къ обществу по волѣ правительства, сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе изъ внутреннихъ губерній Россіи и неимѣющихъ здѣсь не только никакой осѣдлости, но даже вовсе имъ, мѣщанамъ, не извѣстныхъ, которые, прибывая партіями въ Курганъ съ военнымъ карауломъ, почти съ перваго дня своего водворенія, по выдачѣ имъ надлежащихъ видовъ на проживаніе въ городѣ, весьма рѣдко остаются на мѣстѣ нѣсколько дней, пропитываясь первоначально милостыней, и какъ отвыкшіе отъ всякаго честнаго труда, по испорченной своей нравственности и по наклонности и закоренѣлой привычкѣ къ пьянству и праздношатательству, скрываются наконецъ изъ города безъ всякихъ увольнительныхъ видовъ сначала въ ближайшія селенія подъ видомъ нищихъ и мнимыхъ калѣкъ, уходятъ далѣе, и, наконецъ, въ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи или Сибири задерживаются какъ бродяги и заключаются подъ стражу въ тюрьмы, гдѣ содержатся по нѣскольку лѣтъ, выдаютъ себя или непомнящими, или подъ другими вымышленными именами, а чаще всего послѣ поимки присылаются на мѣсто причисленія,—опять на счетъ общества, и эта тягостная мѣра взысканій за пересылку неисправимыхъ негодяевъ, выброшенныхъ изъ прежнихъ своихъ обществъ, какъ негодные одонки, становится годъ отъ году для нихъ, мѣщанъ, невыносимою и до крайности разорительною, какъ падающая на меньшее число членовъ общества, несущихъ притомъ всѣ городскія и общественныя тягости и налоги, на которыхъ въ 10-лѣтній періодъ накопилась недоимка, пополняющаяся раскладкой на старожиловъ-мѣщанъ, составляющихъ 560 душъ, между тѣмъ какъ приписанныхъ къ обществу ссыльныхъ считается около 750 челов., изъ коихъ только 100 маломальски живетъ осѣдло, и то только семейные, также весьма сомнительной нравственности; послѣдніе же 600 въ полномъ смыслѣ бездомные пролетаріи и составляютъ истинный бичъ обществу, ибо, при всей своей испорченности и закоренѣлости въ праздности, пьянствѣ и въ разныхъ мошенничествахъ,—вносятъ свои дурныя правила въ семейства бѣдныхъ старожиловъ-мѣщанъ, развращаютъ молодое поколѣніе, передавая словомъ и дѣломъ всѣ утонченности своей профессіи по части мошенничества, и увлекаютъ во всѣ пороки... И этихъ-то пасынковъ прежнихъ благоустроенныхъ обществъ, выброшенныхъ изъ среды тѣхъ обществъ на ихъ мѣщанскія слабыя плечи, по силѣ закона, они, мѣщане, должны считать своими членами,

единственно въ виду того, что они подлежатъ наравнѣ съ мѣщанами платежу мірскихъ сборовъ, на общественныя надобности».

Обративъ вниманіе на эти петиціи, одинъ изъ администраторовъ воскликнулъ: «Нельзя не сознаться, что въ этихъ постановленіяхъ городскихъ обществъ выразился голосъ населенія, вырвавшійся справедливыми жалобами правительству, въ силу многолѣтнихъ, глубокопрочувствованныхъ испытаній и что во всѣхъ протестахъ, при ихъ различныхъ проявленіяхъ, звучитъ одна и та же истина».

Теперь мы можемъ довольно точно оцѣнить, чего стòила Сибири ссылка. Мы указали уже, что значительная часть каторжныхъ должна была содержаться праздно и ей предоставлялось уходить въ бѣга. Что касается поселенцевъ, то всѣ они являлись безъ средствъ, безъ всякой помощи, проклиная новую мѣстность, часто не зная чѣмъ заняться, и, по отзывамъ правительственныхъ ревизій и изслѣдователей, жили «нищенствомъ и преступленіемъ». Весь этотъ контингентъ ссылки бродяжилъ и питался подаяніемъ на счетъ мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ, вся тяжесть ссылки по содержанію преступника падала на бѣднаго сибирскаго землевладѣльца. Крестьяне призрѣвали въ первое время поселенцевъ, отводили имъ избы, кормили ихъ и снабжали подаяніемъ. Если мы представимъ себѣ около 200.000 населенія, постоянно пробивающагося всѣми средствами около туземцевъ, на которыхъ Сибирь должна произвести хлѣбъ, одежду и проч., въ томъ числѣ отъ 30 до 40.000 бродягъ, расхаживающихъ по дорогамъ и питающихся исключительно подаяніемъ и воровствомъ, мы поймемъ тогда, во что̀ это обходилось Сибири. Сверхъ того, мы не считаемъ значительной части повинностей, которыя несутъ крестьянство и страна, какъ послѣдствія ссылки. Для ссыльной системы отъ Урала до Амура построены этапы и въ городахъ обширныя тюрьмы на 1.500 и 2.000 ссыльныхъ, которыя выстроены и содержатся мѣстными обществами и постройка которыхъ обходилась не менѣе 200.000 р. на каждую. Постройка тюремъ годъ отъ году увеличивается и неизвѣстно, каковъ предѣлъ будетъ этимъ увеличивающимся расходамъ. Нечего говорить, что все это не можетъ почесться справедливымъ, ложась на одинъ край. Ссылка создала у насъ одну «колоссальную тюрьму» изъ цѣлаго края, который несъ всѣ неудобства и тягости ея. Вотъ почему замѣчаніе, что Сибирь несла цѣлые вѣка всѣ грѣхи своей праматери, высказанное кѣмъ-то, не лишено основанія. Мы видимъ, что она несла, кромѣ того, и значительныя матеріальныя пожертвованія и лишенія. Сдѣлавъ въ Сибири стокъ нечистотъ,

ссылка породила безчисленные безпорядки и неудобства, легшія всею тяжестью на край. Смѣшавъ громадное населеніе съ ссыльнымъ, она дала полную возможность развитію преступленій, породила два равноправныхъ класса, развила кабалу, содѣйствовала въ краѣ антагонизму сословій, наконецъ, деморализировала населеніе и извратила жизнь общества, а потому составляетъ нынѣ положительное ярмо и «язву края», какъ выражаются многіе оффиціальные документы. Гибельныя послѣдствія ссылки дали себя знать такими чувствительными результатами Сибири, что она, какъ увѣряютъ, едва-ли скоро отъ нихъ оправится. Ссылка задерживала и парализовала жизнь мѣстности и установляла на нее особыя исключительныя воззрѣнія, которыя можно назвать *каторжными:* «обширный край,—прекрасно замѣчаетъ вице-адмиралъ Посьетъ, въ своей запискѣ о ссылкѣ,—пространствомъ въ $2^1/_2$ раза бо̀льшій европейской Россіи, богатства котораго еще недостаточно оцѣнены и изслѣдованы, осужденъ быть мѣстомъ жительства тяжкихъ преступниковъ изъ среды 70 милліоновъ населенія. Мѣра эта имѣла основаніе, когда Сибирь, кончаясь Камчаткой и Охотскимъ моремъ и имѣя за собой пустынный Тихій Океанъ, сама считалась пустынною землею и обитателями имѣла по преимуществу одни дикіе и кочующіе народы. Теперь, когда Тихій Океанъ съ каждымъ днемъ все болѣе обращается въ новое Средиземное море; когда чрезъ пріобрѣтеніе Амурской области Россія придвинулась къ этому морю; когда сопредѣльныя Россіи государства открылись и быстро развиваются, теперь необходимо дать и Сибири возможность вступить на путь развитія, необходимо снять тяготѣющее на ней клеймо «страны преступниковъ». Постоянная ссылка такихъ людей въ продолженіе двухъ вѣковъ въ страну мало населенную не могла не имѣть развращающаго вліянія на это населеніе. Ссылка служитъ главнымъ основаніемъ жалобъ, въ настоящее время, и общества, и начальства въ Сибири на недостатокъ людей, заслуживающихъ довѣрія и могущихъ быть употребляемыми съ пользою для края. *Такое состояніе населенія останавливаетъ развитіе страны, составляетъ главную причину общаго равнодушія къ богатой Сибири* и къ ея обитателямъ, хотя, говоря вообще, мало нравственнымъ, но весьма способнымъ. *Страна остается какъ-бы забытою, и вмѣстѣ съ этимъ, съ каждымъ днемъ, все болѣе отстаетъ отъ сосѣднихъ ей странъ Востока».* Такимъ образомъ, цѣною ссылки приносилось въ жертву самое существованіе и развитіе нашего Востока.

Всѣ неудобства и тяжести ссылки при настоящихъ условіяхъ приводятъ насъ къ заключенію и неизбѣжному выводу, что стои-

мость ссылки и затраты, дѣлаемыя на нее казною и обществомъ, не выкупаются ея результатами.

Современное положеніе раскрываетъ самый печальный и растлѣнный бытъ ссыльнаго населенія; ссыльные бѣдствуютъ, и Сибирь, вмѣсто полезныхъ работниковъ, наводнена массою бездомнаго и празднаго пролетаріата. Вмѣсто исправленія, при печальныхъ условіяхъ ссыльнаго быта, наказаніе это даетъ обратные результаты, а именно: испорченность, бродяжничество и преступленія ссыльныхъ.

Вмѣсто огражденія общества путемъ изолированія и перемѣщенія преступника, ссылка у насъ способствовала возвращенію преступниковъ, наконецъ, наводнила Сибирь преступленіями, годъ отъ году увеличивающимися въ невѣроятныхъ размѣрахъ, и такимъ образомъ цѣлая мѣстность лишилась безопасности, и жизнь Востока представила такія условія, которыя несовмѣстимы съ жизнью какого-либо гражданскаго края.

Въ послѣднее время какъ администрація, такъ и мѣстное общество одинаково сознали неудобства ссылки и ходатайствуютъ объ ея отмѣнѣ и ограниченіи. Таково же мнѣніе всѣхъ комиссій и законодательныхъ работъ по этому поводу.

За всѣ послѣднія десять лѣтъ ссыльный вопросъ продолжалъ оставаться настоятельнымъ и очереднымъ вопросомъ сибирской жизни, ждущимъ своего разрѣшенія.

Мѣстная печать продолжала разработывать его, множество статей появлялось въ мѣстныхъ органахъ Сибири для выясненія положенія ссыльныхъ и тлетворнаго вліянія ихъ на Сибирь. Многіе изслѣдователи и этнографы касались этого жгучаго вопроса. Ссылкѣ посвящены были статьи Чудновскаго, Короленко и другихъ писателей и беллетристовъ. При внимательномъ наблюденіи всѣ этнографы и писатели приходили къ одному выводу, что положеніе ссыльныхъ безутѣшно, а ссылка для Сибири есть тягость и зло. Нѣкоторые польскіе писатели, какъ Шиманскій, Сирко, обрисовывали въ своихъ художественныхъ очеркахъ положеніе ссыльныхъ въ Якутской области, на глубокомъ сѣверѣ. Ссылка въ Якутскую область получила особое освѣщеніе въ различныхъ статьяхъ. Здѣсь уголовная ссылка непомѣрной тяжестью падаетъ на несчастныхъ якутовъ, которые на свой счетъ иногда содержатъ ссыльныхъ. Буйный характеръ уголовныхъ ссыльныхъ, часто бывшихъ каторжныхъ, живущихъ въ инородческихъ улусахъ, нерѣдко приводилъ къ страшнымъ, кровавымъ столкновеніямъ. Что можетъ надѣлать озлобленный каторжный среди наивныхъ,

смирныхъ и забитыхъ инородцевъ, рисуетъ одинъ очеркъ Шиманскаго, гдѣ уголовный ссыльный насилуетъ жену якута и убиваетъ ее. Ссылка въ инородческіе раіоны Сибири, гдѣ жизнь дикаря и его бытъ еще болѣе беззащитны, поэтому признается нынѣ еще губительнѣе для населенія. Съ этимъ, какъ увидимъ, согласны и отзывы оффиціальныхъ якутскихъ властей.

Въ ученой литературѣ, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, вопроса о ссылкѣ касались различные юридическіе авторитеты и профессора. Съ особой обстоятельностью разработывалъ положеніе ссылки, какъ на Западѣ, такъ и у насъ, профессоръ Императорскаго университета Фойницкій, доказавшій въ своей книгѣ «Ссылка на Западѣ», что наказаніе это, примѣняемое европейскими государствами, дало только отрицательные результаты, и потому ссылка отмѣнена Англіей и прекращена въ Австраліи въ силу протеста колоній. И. Я. Фойницкій, касаясь исторіи русской ссылки, также указывалъ различные ея недостатки и не былъ ея сторонникомъ. Извѣстный авторитетъ по уголовному праву, бывшій профессоръ Спасовичъ, въ послѣднее время въ публичномъ рефератѣ въ юридическомъ обществѣ высказалъ рѣшительный взглядъ противъ системы ссылки, какъ наказанія. Профессоръ Сергіевскій далъ изслѣдованіе о ссылкѣ въ Сибирь въ XVII в., причемъ эта ссылка въ древнія времена рисуется въ самомъ мрачномъ видѣ, и хотя авторъ и склоненъ видѣть въ ней наказаніе, оправдывавшееся обстоятельствами и бывшее выгоднымъ въ извѣстный періодъ для государства, однако это историческое оправданіе не скрашиваетъ тѣхъ жесткихъ и больныхъ сторонъ, которыя даетъ чувствовать современность. Намъ остается указать, что тюремные международные конгрессы, періодически собирающіеся въ Европѣ, также не игнорировали вопроса о ссылкѣ и уголовной депортаціи среди другихъ наказаній. Такъ, вопросъ о ссылкѣ поднятъ былъ на конгрессѣ въ Лондонѣ, а затѣмъ въ Швеціи, гдѣ подвергся оживленнымъ дебатамъ. Знаменитый профессоръ Гольцендорфъ, когда-то давшій спеціальныя изслѣдованія о ссылкѣ и бывшій ея теоретическимъ сторонникомъ, рѣшительно высказался противъ нея и присоединился къ противникамъ. Большинство европейскихъ юристовъ и криминалистовъ на конгрессѣ, поэтому, постановило резолюцію, что ссылка нынѣ не можетъ быть признана, какъ наказаніе, выгодное для государства и соотвѣтствующее требованіямъ современной науки. Вслѣдствіе такого рѣшенія, на VIII международномъ тюремномъ конгрессѣ въ Петербургѣ вопросъ о ссылкѣ уже не поднимался и не возбуждался, хотя, несомнѣнно, картина ссылки и историческіе результаты ея въ Россіи могли бы быть интересны для иностранныхъ делегатовъ.

Что касается обсужденія этого вопроса въ русской печати, то, слѣдя за нею въ теченіи двадцати пяти лѣтъ со времени появленія первыхъ очерковъ «Мертваго дома» Достоевскаго и кончая «Сибирью и Каторгою» Максимова, мы не видимъ въ Россіи ничего болѣе крупнаго. Зато въ теченіи этихъ двадцати пяти лѣтъ было не мало газетныхъ статей, разсуждавшихъ по вопросу объ отмѣнѣ ссылки. Въ прессѣ выступали одинаково какъ противники, такъ и сторонники ссылки [1]). Что касается противниковъ ссылки, то ими явилась вся мѣстная сибирская печать. Значительная часть органовъ общей прессы признавала также зло ссылки, и только весьма немного защитниковъ ея являлось даже среди юристовъ и криминалистовъ. Въ полемикѣ, встрѣчавшейся по этому поводу, защитники ссылки, какъ системы, являлись, однако, весьма слабыми и на ихъ сторонѣ никогда не было перевѣса. Тѣмъ не менѣе, мы не можемъ обойти молчаніемъ тѣ доводы, которые выставлялись сторонниками ссылки. Сторонники ссылки обыкновенно старались найти въ ссылкѣ нѣсколько полезныхъ сторонъ, въ противовѣсъ противникамъ. Они говорили, что ссылка оказывала пользу Сибири, увеличивая населеніе малолюдной страны и заселяя пустыни; далѣе, что ссылка, отдѣляя преступника и перенося его въ другую среду, гдѣ не имѣють понятія о его прежней жизни, дастъ ему возможность обновить себя и начать новую жизнь. Люди, стоящіе за гуманизацію наказанія, наконецъ, задавались вопросомъ, чѣмъ замѣнится ссылка, и не представитъ-ли замѣна ея тюрьмою перехода къ болѣе суровой и жестокой системѣ тюремнаго заключенія, ведущаго за собою истощеніе, деморализацію и т. д. Наконецъ еще болѣе рѣшительные ставили прямо практическій вопросъ съ чисто-финансовой стороны. Они проводили, что созданіе исправительныхъ тюремъ обойдется слишкомъ дорого, тогда какъ избавляться отъ преступника ссылкою представляется наиболѣе дешевымъ и удобнымъ. Всѣ эти аргументы разбирались не разъ противниками ссылки весьма обстоятельно, при этомъ всегда фактическія данныя подкрѣпляли аргументацію противни-

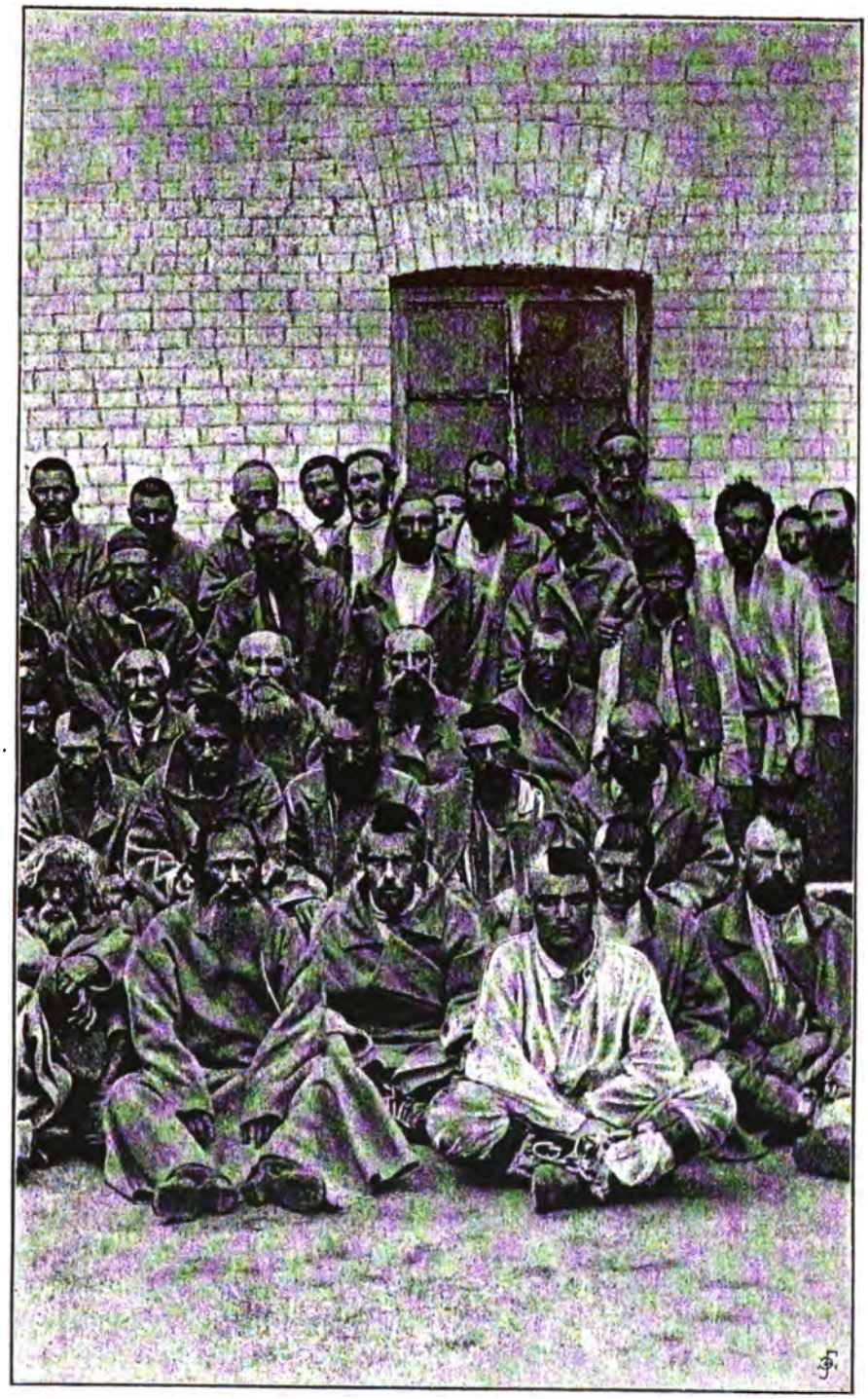
[1]) Вопросъ о ссылкѣ началъ разрабатываться съ 1862 г. Статьи о ссылкѣ и каторгѣ появились, вслѣдъ за Максимовымъ и Достоевскимъ, въ «Современникѣ»: Воспоминанія Львова, О бродягахъ и ссыльныхъ—статьи Гриценко (Елисѣева), статьи Д. И. Завалишина О ссылкѣ и бѣглыхъ («Моск. Вѣд.» 1865 г.), статьи противъ ссылки въ «Дѣлѣ» О тюрьмѣ и ссылкѣ Семилужинскаго, статьи «Большая тюрьма» (Авесова-Потанина) въ «Недѣлѣ», статьи противъ ссылки въ «Голосѣ» Ядринцева, письма о ссылкѣ «Биржевыя Вѣдомости» («Молва»), статьи Маслова за ссылку, Отвѣты въ газ. «Голосъ» Ядринцева, за сохраненіе ссылки въ 1890 г. высказывался «Русскій Курьеръ», статьи противъ ссылки въ газетѣ «Сибирь», «Восточномъ Обозрѣніи» и въ «Сибирской газетѣ».

ковъ ссылки, а теоретическіе доводы были на сторонѣ защитниковъ ея.

Полезныя и исправительныя стороны ссылки рѣшительно опровергались фактически, такъ какъ ссылка, при своей безсрочности, не могла служить исправительнымъ наказаніемъ, а отсутствіе надзора за ссыльными, ихъ безотрадное положеніе въ Сибири и предоставленіе ихъ на произволъ судьбы не давали никакихъ основаній къ ихъ исправленію. Ссыльные не служили колонизаціоннымъ элементомъ. Число ихъ только въ нынѣшнее столѣтіе получило видное значеніе. Ссылка была прежде гораздо слабѣе, и Сибирь колонизовалась не ссыльными и вольными переселенцами, а гулящими людьи. Съ 1824 г. по 1886 г. ссылка дала Сибири 672.825 чел., но надо это число, во-первыхъ, раздѣлить на періоды, а во-вторыхъ, оцѣнить, насколько этотъ контингентъ былъ осѣдлымъ и производительнымъ. Множество ссыльныхъ, какъ доказываетъ статистика, является въ возрастѣ за 30 и 40 лѣтъ, когда энергія человѣка уже истрачена. Въ числѣ ссыльныхъ множество дряхлыхъ, старыхъ, больныхъ, истощенныхъ. Главный контингентъ ссылки—холостые. Изъ ссыльныхъ только одна пятая или треть оставалась на мѣстахъ, остальные уходили въ бѣга и шатались на пріискахъ, что не располагало къ семейной жизни и бракамъ. Едва $^1/_{11}$ часть является женатой и обзаводится хозяйствомъ,

Пропорція женщинъ среди ссыльныхъ была весьма ничтожная. Старожилы очень рѣдко выдавали дочерей за ссыльныхъ. Ссыльные, женясь, часто бросаютъ женъ. Сибирь пріобрѣтаетъ, можетъ быть, массу незаконныхъ дѣтей, но едвали это нормальное условіе дѣторожденія и едва-ли судьба такихъ поколѣній можетъ считаться здоровой и обезпеченной. Принимая во вниманіе слабость, худосочность, вырожденіе, а можетъ быть, по Ламброзо, и передачу преступныхъ наклонностей, трудно признать за поколѣніями отъ ссыльныхъ какое-либо пріобрѣтеніе для края, особенно сравнивая съ такимъ же числомъ свободнаго населенія. Что касается исправительнаго значенія ссылки, какъ и колонизаціоннаго, то въ ней давно разубѣдились пенитенціаристы и юристы и даже тѣ, кто защищалъ ее. Ссылка, гдѣ человѣкъ оставляется на произволъ судьбы среди самыхъ неблагопріятныхъ условій, предоставляется себѣ и своимъ наклонностямъ, гдѣ воръ съ воромъ можетъ по прежнему соединиться и составить новую группу и союзъ, тамъ не можетъ быть рѣчи о какой-нибудь правильной пенитенціарной системѣ. Международные конгрессы и современная наука о наказаніи весьма опредѣленно отвѣчаютъ, чѣмъ за-

мѣнить ссылку; на это отвѣчаютъ и самая исторія наказанія, развитіе уголовнаго права и совершающійся прогрессъ. Замѣнить предстоитъ ее «исправительнымъ наказаніемъ». Возраженіе и аргументъ противъ отмѣны и ссылки со стороны людей, опасающихся, что съ отмѣной ссылки будетъ ухудшена судьба преступника, и сопоставленіе ссылки съ тюрьмою, причемъ въ послѣдней отмѣчались однѣ худшія стороны, явилось хорошимъ мнѣніемъ и казалось «неопровержимымъ». Аргументъ этотъ склонялъ на сторону ссылки людей гуманныхъ и производилъ свое впечатлѣніе въ общественномъ мнѣніи. Мотивъ этотъ, идущій, такъ сказать, отъ сердца и изъ чувства соболѣзнованія къ осуждаемому, весьма почтенъ по своему источнику и гуманнымъ желаніямъ, но онъ нисколько не относится къ данному вопросу и говоритъ столько же за отмѣну ссылки, сколько и за ея удержаніе. Ссылка, какъ доказываетъ опытъ, прежде всего далеко не такое легкое наказаніе, какъ рисуютъ его. Уголовная ссылка носила всѣ формы кары, была наказаніемъ безсрочнымъ, вѣчнымъ, она игнорировала и физическія, и моральныя страданія осужденнаго, могла-ли она поэтому считаться въ числѣ гуманныхъ и исправительныхъ наказаній, могла-ли сопоставляться съ ними? Ясно, что нѣтъ, а потому и о гуманности ссылки, ссылки въ смыслѣ наказанія, не можетъ быть никакой рѣчи. Напротивъ, въ виду совершенствованія наказанія, въ виду смягченія и исправительнаго значенія его, во имя его гуманизированія и требуется «отмѣна ссылки». Затѣмъ обыкновенно ссылкѣ противополагается «тюрьма», но какая тюрьма? Тюрьма тюрьмѣ рознь: были тюрьмы средневѣковыя, есть тюрьмы старыя карательныя, есть тюрьмы новыя европейскія—исправительныя. О какихъ тюрьмахъ здѣсь идетъ рѣчь? Ясно, что здѣсь противники ссылки не разсуждаютъ, не опредѣляютъ ничего, а бьютъ на впечатлѣніе. На самомъ дѣлѣ дѣло идетъ столько же о тюрьмѣ, сколько и о всякой другой формѣ наказанія, хотя бы о пенитенціарной и исправительной колоніи. При чемъ тутъ тюрьма, да еще карательная? Наконецъ, гуманистамъ представляются полный просторъ и свобода вырабатывать наказаніе сообразно современнымъ требованіямъ науки, согласно гуманнымъ требованіямъ вѣка, но всѣ эти доводы на сторонѣ «исправительнаго наказанія», а не на сторонѣ старой практикуемой ссылки. Этотъ доводъ за ссылку не носитъ поэтому не только научности, серьезности, но, наоборотъ, даетъ полную неопредѣленность и этимъ самъ себя поражаетъ. Сантиментальный взглядъ на ссылку преимущественно проводится въ беллетристическихъ произведеніяхъ и очеркахъ, поэтому можетъ быть названъ



Ивн. вд. Гоппе.

Ссыльные.

«беллетристическимъ». Затѣмъ доводъ этотъ, взводя на противниковъ ссылки обвиненіе въ желаніи усилить наказаніе преступнику, увеличить кару—несправедливъ, носитъ печать весьма предосудительной инсинуаціи и недобросовѣстности по отношенію къ антагонистамъ, онъ взводитъ на нихъ клевету. Противниками ссылки являются не одни криминалисты, ими преслѣдуются не криминальныя цѣли усиленія наказанія,—въ числѣ противниковъ ссылки находятся лица, которыя убѣдились во вредѣ ссылки для цѣлаго края, для обширной страны, обладающей населеніемъ и гражданскимъ строемъ, съ которыми ссылка является несовмѣстимою. Здѣсь выступаетъ вопросъ не только объ анархіи и безпорядочномъ положеніи ссылки, объ отсутствіи всякаго исправительнаго элемента въ ней, о порчѣ и деморализаціи осужденнаго въ ссылку, но и объ отсутствіи въ ней безопасности для общества, о томъ вредѣ, который она приноситъ другимъ здоровымъ элементамъ общества, къ чему уже нельзя оставаться равнодушнымъ.

Разсматривая ссылку съ точки зрѣнія мѣстной, со стороны интересовъ сибирскаго населенія, трудно уже обрекать эту страну на всѣ бѣдствія отъ ссылки, такъ какъ это было бы равносильно принесенію въ жертву интересовъ свободнаго населенія, ихъ жизни и безопасности въ пользу преступниковъ.

Растлѣвающее вліяніе ссылки неисчислимо. Въ Сибири долго, вмѣсто образованнаго сословія и культурнаго класса, появлялся уголовный тузъ съ деньгами, шлифованный шуллеръ, щеголеватый мотъ, мошенникъ съ свѣтскими манерами. Тамъ, гдѣ подобные таланты пробовали завоевать себѣ дорогу и выдать себя за интеллигенцію, можно представить себѣ всю глубину развращенія и полную беззащитность общества.

Нѣкоторые уголовные ссыльные, занимавшіе интеллигентныя профессіи, естественно считаютъ себя выше сибирскаго общества и обнаруживали попытки руководить имъ. Такъ, они имѣли дерзость выступить руководителями мѣстной печати и создали органъ, въ которомъ защищались интересы ссыльныхъ и велась война противъ тѣхъ, кто обнаруживалъ вредныя стороны ссылки. Это былъ, конечно, единственный въ мірѣ примѣръ, гдѣ воры выступали публицистами, преступники наставляли нравственности, а journale de voleur являлся органомъ общественнаго мнѣнія. Въ виду развращающаго вліянія ссыльныхъ предполагалось избавить отъ ссылки, по крайней мѣрѣ, университетскій городъ Томскъ, но это распоряженіе почему-то не было примѣнено до послѣдняго времени.

Едва-ли есть хоть одно изслѣдованіе Сибири и сибирской жизни,

которое не признало-бы за ссылкой положительнаго вреда для края.

Въ недавно вышедшихъ «Матеріалахъ по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской губерніи», Москва, 1890 г., т. II, выпускъ II, гл. V, появилась характеристика положенія ссыльныхъ въ Восточной Сибири къ 1890 г. Это новое хозяйственно-статистическое изслѣдованіе подтверждаетъ все то, что говорилось о ссылкѣ и положеніи ссыльныхъ ранѣе.

Изъ отчетовъ инспекторовъ по пересылкѣ арестантовъ въ Сибирь видно, что въ Иркутскую губернію съ 1875 по 1879 г. прибыло 40.414 чел. Въ Восточной Сибири, по заявленію иркутскаго губернатора, въ 1886 г. всѣхъ ссыльныхъ было 110.000 чел., изъ нихъ 32.000 находилось на заработкахъ и 58.000 оказалось въ неизвѣстной отлучкѣ.

Новыя изслѣдованія трехъ округовъ Иркутской губерніи обнаружили весьма слабую осѣдлость ссыльныхъ и большинство исчезающихъ и пропадающихъ безъ вѣсти. Въ 3-хъ округахъ Иркутской губерніи считалось 21.214 безъ вѣсти отсутствующихъ ссыльныхъ мужскаго пола, что составляетъ 60,5% всѣхъ состоящихъ на причисленіи поселенцевъ (с. 255). Большинство причисляемыхъ ссыльно-поселенцевъ не въ состояніи заниматься земледѣліемъ, будучи не подготовлены къ нему, не чувствуютъ къ нему расположенія и не имѣютъ средствъ разработать новины, а пахатную землю крестьяне не подѣляютъ поселенцу (с. 256—257). Ссыльные не находятъ заработка, такъ какъ большинство волостей переполнены ссыльными. Такъ, по приговору одного (Б. Мамырскаго) волостнаго схода, выражено желаніе о прекращеніи приселенія поселенцевъ въ виду народной бѣдности, крайней ограниченности пространства и населенія. (По 1887 г. въ этой волости на 868 наличныхъ хозяйствъ старожиловъ приселено было 900 чел. ссыльныхъ) (с. 258). Моральное вліяніе, которое производитъ ссылка на коренное сибирское населеніе, весьма неблагопріятно для послѣдняго (с. 259). Безнравственность ссыльныхъ и ихъ преступленія даютъ себя чувствовать. Прочныхъ связей у поселенческой массы съ мѣстнымъ населеніемъ быть не можетъ. *Это два врага*, которые, въ силу неумолимыхъ обстоятельствъ, принуждены жить совмѣстной жизнью (с. 259). Книги рѣшеній волостныхъ судовъ испещрены дѣлами о кражахъ и мошенничествахъ поселенцевъ; еще большее число этихъ кражъ не доводится до свѣдѣнія судовъ и властей, за полною безнадежностью отыскать виновнаго (с. 260). Поселенцы своей жизнью и примѣрами весьма дурно вліяютъ на крестьянъ; изъ

нѣкоторыхъ приговоровъ видно, что они распространили картежную игру, шуллерство, поддерживали пьянство, развратъ и т. д. (с. 260). Поселенцы же внесли страсть къ ябедѣ, сельскими писарями являются ссыльно-поселенцы, сосланные за подлоги, лихоимство, мошенничество и т. п. (с. 261). Развратная жизнь ссыльныхъ, лишенныхъ семей, также не остается безъ вліянія на крестьянское населеніе (с. 261). Такимъ образомъ, въ общемъ, ссылка не утеряла своего пагубнаго значенія для мѣстнаго населенія до послѣдняго времени.

Къ 1 января 1889 г. во всей Иркутской губерніи состояло ссыльныхъ 48.183 муж. и 465 ж., вновь же причисленныхъ по отчетамъ насчитывается 34.040 м. и 1.923 ж.

Всѣ свѣдѣнія о недоимкахъ ссыльныхъ, ихъ дурномъ матеріальномъ состояніи, убыли ссыльныхъ, безвѣстной отлучкѣ ихъ (до 60% отлучившихся изъ числа наличныхъ ссыльныхъ) и крайне слабой хозяйственности и культуры вполнѣ подтвердили высказанное прежде мнѣніе о ссылкѣ.

Многіе обстоятельные доводы противъ ссылки высказаны замѣчательными авторитетами европейской науки и юристами, которые нельзя уже игнорировать; вотъ нѣкоторые изъ этихъ доводовъ:

«Нынѣ отношеніе Запада къ ссылкѣ существенно измѣнилось, и въ карательныхъ лѣстницахъ западно-европейскихъ государствъ она хотя пока и сохраняется, но ея значеніе второстепенное. Ссылка въ наши дни практикуется только Франціей, Испаніей и Португаліей, но и въ этихъ странахъ она болѣе и болѣе теряетъ почву...» говоритъ профессоръ Фойницкій въ своемъ сочиненіи, посвященномъ ссылкѣ на Западѣ [1]).

Пора увлеченія общественнаго мнѣнія ссылкою для Англіи миновала уже съ тридцатыхъ годовъ, когда тамъ началось внимательное разложеніе этой мѣры на ея составныя части и тщательный анализъ каждой изъ нихъ. За Англіей по тому же пути вскорѣ пошла Швеція, гдѣ прежніе общественные предразсудки въ пользу ссылки, побудившіе даже многихъ членовъ національнаго собранія требовать введенія этой мѣры, разрушены трудомъ принца Оскара, нынѣ шведскаго короля [2]). «Съ перваго взгляда—говоритъ этотъ коронованный авторъ, напоминая замѣчанія Бомона и Токвиля—система ссылки представляетъ драгоцѣнное достоинство, состоящее въ томъ, что при помощи ея страна очи-

[1]) Ссылка на Западѣ. Фойницкаго, стр. 275.

[2]) Prince de Suède, l. c. стр. 23 и слѣд.

щается отъ преступниковъ безъ крайнихъ мѣръ, которыя противорѣчили бы гуманности, такъ что ею, повидимому, заразъ удовлетворяются требованія правосудія и благоразумія. Но при болѣе внимательномъ ея изученіи не трудно замѣтить ея существенные недостатки въ отношеніи правовомъ и огромныя трудности ея осуществленія»...

Помимо этого, принцъ Оскаръ находитъ, что ссылка есть наказаніе неравномѣрное. Будучи лишеніемъ, весьма слабымъ для тѣхъ, кто порвалъ всѣ связи съ семействомъ и отечествомъ, она является карою, въ высшей степени жестокою для лицъ, которыя навсегда отрываются ссылкою отъ нѣжно любимыхъ ими родителей, или супруга. Человѣкъ менѣе опасный, менѣе вредный для общества, страдаетъ отъ нея болѣе, чѣмъ преступникъ закоренѣлый. Къ тому же, ссылка не доставила безопасности Англіи: со времени примѣненія ея, число имущественныхъ преступленій, наказывавшихся ссылкою, значительно увеличилось. Если Англія еще продолжала ссылку послѣ 1832 г., то, по мнѣнію принца Оскара, объясненія этому слѣдовало искать исключительно въ огромныхъ расходахъ, уже ранѣе ею понесенныхъ на устройство мѣстъ штрафной колонизаціи...

Анализъ ссылки принцемъ Оскаромъ нанесъ ей рѣшительный ударъ. Уже въ отвѣтъ комиссіи англійской палаты общинъ 1856 года, шведское правительство могло удостовѣрить, что «общественное мнѣніе этой страны стоитъ рѣшительно противъ ссылки, видя въ ней наказаніе неудовлетворительное (unsatisfactory punishment) и которое, кромѣ того, было бы весьма дорого (very costly) для государства, не имѣющаго своихъ собственныхъ колоній» [1]). Эти строки въ большей еще степени примѣнимы къ общественному мнѣнію современной Швеціи, успѣвшей за послѣдніе годы твердо поставить тюремную реформу. Маститый шведскій криминалистъ, Оливекрона, въ 1874 г. писалъ Бельтрани-Скаліа: «Я не знаю въ моемъ отечествѣ ни одного юриста, который бы склонялся въ пользу этой мѣ ы», и рѣшительно высказывается противъ нея, хотя Швеція располагаетъ однимъ изъ острововъ Антильскихъ; онъ одобряетъ и отмѣну изгнанія шведскимъ законодательствомъ новѣйшаго времени [2]).

Изъ матеріаловъ стокгольмскаго международнаго тюремнаго конгресса [3]) видно, что англійскія и голландскія колоніи, прежде

---

[1]) Third report of the committee 1856, стр. 71.

[2]) Beltrani-Scalia, la deportazione, стр. 89, 90.

[3]) Le congrès de Stockholm, II, стр. 146 и слѣд., 517 и сл.

примѣнявшія ссылку, нынѣ уже отказались отъ этой кары, за исключеніемъ только англійской Индіи (§ 51).

Особенный интересъ представляетъ анализмъ Гольцендорфа по вопросу объ отношеніи ссылки къ задачамъ безопасности, которому посвящена четвертая глава его изслѣдованія. Въ присоединеніи къ ссылкѣ этихъ задачъ онъ видитъ существенное противорѣчіе цѣлямъ колонизаціи (стр. 612). «Желать доставить метрополіи безопасность посредствомъ ссылки, значитъ — говоритъ онъ—причинять колоніи огромный вредъ». Съ точки зрѣнія теоріи безопасности, которая имѣетъ въ виду возможныя со стороны осужденнаго нарушенія послѣ его освобожденія, интересы метрополіи абсолютно несогласимы съ интересами колоніи и постановка этихъ задачъ при ссылкѣ можетъ быть объяснена лишь подчиненностью колоній метрополіи, такимъ складомъ ихъ взаимныхъ отношеній, при которомъ метрополія приказываетъ, а колонія повинуется. Подобный взглядъ на ссылку неизбѣжно порождаетъ неудовольствіе свободнаго населенія колоніи противъ метрополіи и, рано или поздно, приводитъ къ горячему между ними столкновенію. «Трудно себѣ представить большее пренебреженіе къ колоніи, какъ охраненіе кошелька метрополіи посредствомъ пренебреженія къ интересамъ цѣлости кармановъ колонистовъ». Положеніе, согласно которому преступникъ въ колоніи имѣетъ менѣе благопріятныхъ условій для причиненія вреда, чѣмъ въ отечествѣ, и легче можетъ быть остановленъ мѣрами колоніальной уголовной юстиціи, Гольцендорфъ считаетъ весьма сомнительнымъ. «Карманный воръ Лондона находилъ въ Австраліи новыхъ товарищей, закоренѣлыхъ въ преступленіяхъ, измѣняя только форму своего промысла: онъ запасался ружьемъ и становился разбойникомъ большихъ дорогъ». «Признавая ссылку особенно необходимою по отношенію къ преступникамъ привычки (habitual criminals), для исправленія которыхъ всѣ находившіяся въ рукахъ метрополіи мѣры предполагались недостаточными, Англія превращала свои австралійскія колоніи въ стокъ своихъ нравственныхъ нечистотъ». Гольцендорфъ признаетъ, что такой порядокъ вещей поддерживался страхомъ англичанъ за ненарушимость своихъ правъ, а равно «опасеніемъ и сожалѣніемъ о невозможности устроить въ метрополіи такую систему пожизненнаго лишенія свободы, которая могла бы быть дѣйствительною для огражденія общества отъ закоренѣлыхъ преступниковъ, принадлежащихъ къ классу, признававшемуся неисправимымъ» (Golzendorff, стр. 614).

Рѣшительнымъ противникомъ ссылки въ Италіи выступилъ

въ послѣднее время Бельтрани-Скаліа [1]). Онъ утверждаетъ, что мѣра эта не имѣетъ ни одного изъ качествъ, требуемыхъ для наказанія. Ссылка не примѣрна (non è esemplare) и не устрашительна (non è affittiva), оставляя слишкомъ много простора надеждѣ избѣжать всю строгость наказанія, исполняемаго въ значительномъ отдаленіи, и скрывая его отъ массы, а приговореннаго къ ссылкѣ—отъ тѣхъ людей, мнѣніемъ которыхъ онъ привыкъ дорожить.

Заканчивая исторію западно-европейской ссылки, профессоръ Фойницкій говоритъ:

«Но спускаясь съ высотъ отвлеченнаго понятія ссылки, гдѣ можно держаться развѣ только при кабинетныхъ о ней спорахъ, могущихъ имѣть въ самомъ лучшемъ случаѣ лишь академическое значеніе, и вступая въ область фактической приложимости этой мѣры, необходимой для нея, какъ для всякаго правоваго института, мы встрѣчаемся здѣсь съ такими огромными трудностями, которыя превращаютъ ссылку въ мѣру, совершенно негодную и какъ наказаніе, и какъ способъ колонизаціи» (стр. 327). «Такова длинная цѣпь уликъ, собранныхъ опытомъ Запада противъ ссылки. Изъ мѣры, близкой къ идеалу наказанія, какою она представляется въ ея отвлеченномъ понятіи, ссылка превращается при соприкосновеніи съ дѣйствительностью въ мѣру, негодную какъ кара, безнравственную какъ способъ колонизаціи, противорѣчащую задачамъ исправленія и существу судебной дѣятельности, не дающую обѣщанной безопасности метрополіи съ полнымъ разрушеніемъ ея въ колоніи и въ высшей степени дорого стоющую. Реформируя свои мѣста заключенія, ставя болѣе и болѣе прочно благородное дѣло патроната, Западъ менѣе и менѣе нуждается въ ссылкѣ и постепенно уничтожаетъ послѣдніе слѣды ея въ своихъ уголовныхъ кодексахъ и въ своей административной практикѣ» (стр. 336).

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько оффиціальныхъ отзывовъ по поводу проектовъ преобразованія ссылки, разсматривавшихся въ оффиціальныхъ сферахъ.

Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣло правительство на значеніе ссылки, ему не остается теперь ничего иного, какъ предпринять рѣшительное переустройство ея, тѣмъ болѣе, что безплодность палліативныхъ мѣръ всякаго рода провѣрена уже многолѣтнимъ опытомъ, и въ настоящее время едва-ли могутъ быть указаны какіе-либо новые способы къ улучшенію состоянія ссылки

[1]) Beltrani-Scalia, la deportazione, стр. 35 и дал.

въ Сибири, которые не имѣли бы характера повторенія неудачныхъ опытовъ прошлаго, столь не соотвѣтствующихъ важности этого государственнаго вопроса.

Въ исторіи позднѣйшаго законодательства вопросъ о ссылкѣ, какъ извѣстно, не сходитъ съ очереди съ 1873 года—со времени окончанія занятій особой комиссіи, образованной при министерствѣ юстиціи, подъ предсѣдательствомъ нынѣшняго главноуправляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ, статсъ-секретаря Фриша, и имѣвшей цѣлью пересмотръ II главы I раздѣла дѣйствующаго нынѣ Уложенія о наказаніяхъ.

Впервые послѣ изданія Уложенія 1866 года означенною комиссіею, а затѣмъ и министерствомъ юстиціи сдѣлано было настоятельное заявленіе о необходимости отказаться отъ ссылки *какъ наказанія* и замѣнить ее соотвѣтствующими видами срочнаго лишенія свободы [1]). Къ тому же заключенію пришла вслѣдъ затѣмъ и комиссія Государственнаго Совѣта о тюремномъ преобразованіи, разсматривавшая вопросъ о ссылкѣ во всемъ его объемѣ, со включеніемъ и ссылки по приговорамъ обществъ, и наконецъ тоже рѣшительное осужденіе нынѣшняго устройства ссылки имѣло мѣсто при разсмотрѣніи этого вопроса и въ Государственномъ Совѣтѣ.

Тѣмъ не менѣе, законодательная власть не признала, въ то время, возможнымъ постановить окончательное свое сужденіе по этому предмету. Предусматривая финансовыя затрудненія, слѣдствіе отмѣны ссылки и замѣны ея срочнымъ лишеніемъ свободы, Государственный Совѣтъ предпочелъ еще разъ предуказать—испытать различные способы къ ослабленію недостатковъ ссылки, и какъ видно изъ справки, предуказанія эти были выполнены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Затребованныя отъ сибирскихъ властей свѣдѣнія и изслѣдованіе ссылки на мѣстѣ ея примѣненія снова и съ большею еще доказательностью, нежели когда-либо, уяснили полное разстройство ссылки и невозможность искать разрѣшенія вопроса о ней въ какихъ-либо мѣрахъ по части улучшенія дѣятельности сибирскихъ учрежденій, вѣдающихъ дѣлами ссылки, или устраненія ограничительныхъ постановленій, дѣйствующихъ законоположеній о ссыльныхъ.

Въ концѣ 1886 года обращено было особое вниманіе на заявленія сибирскихъ властей о крайнемъ разстройствѣ всей системы

---

[1]) Къ такому же рѣшенію приходила и комиссія для тюремнаго преобразованія въ Россіи графа П. Соллогуба.

ссылки въ Сибири и вопросъ о ссылкѣ подвергнутъ былъ наискорѣйшему разсмотрѣнію, въ смыслѣ возможнаго упорядоченія его и ограниченія повсемѣстнаго разселенія ссыльныхъ.

Съ этою цѣлью начальникомъ главнаго тюремнаго управленія составлена была, въ концѣ 1886 года, и 28 декабря представлена имъ министру внутреннихъ дѣлъ особая записка, въ которой изложены всѣ главнѣйшіе недостатки существующей системы ссылки и проектированы слѣдующія мѣры:

1) ссылку на поселеніе и на житье замѣнить, соотвѣтствующими тяжести совершенныхъ преступленій, сроками и видами заключенія въ тюрьмахъ, сохранивъ наказаніе ссылкою лишь въ видѣ изъятія—для нѣкоторыхъ преступленій;

2) усилить наказаніе за бродяжество замѣною ссылки на водвореніе ссылкою въ каторжныя работы, съ сосредоточеніемъ осужденныхъ за это преступленіе на островѣ Сахалинѣ;

3) ссылку по непринятію обществами послѣ суда и наказанія вовсе отмѣнить;

4) ссылку по удаленію, на основаніи общественныхъ приговоровъ, оставить въ существующемъ видѣ, возложивъ лишь на общества, при содѣйствіи земства и городовъ, обязанность обезпечить ссыльныхъ въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ по водвореніи въ Сибири кормовымъ продовольствіемъ, въ размѣрѣ арестантскаго пайка и предоставивъ земствамъ и городамъ замѣнять этотъ видъ ссылки — отдачею въ принудительныя работы на общественныя надобности;

5) издержки по возведенію новыхъ тюремныхъ помѣщеній отнести на счетъ свободной наличности и предстоящихъ поступленій капитала на устройство арестныхъ домовъ, присоединивъ этотъ капиталъ полностію къ сборному тюремному капиталу, и

6) расходъ по управленію, надзору и содержанію арестантовъ во вновь устроенныхъ тюремныхъ учрежденіяхъ отнести на счетъ сбереженій по содержанію и препровожденію ссыльныхъ, безъ обремененія государственнаго казначейства испрошеніемъ дополнительныхъ ассигнованій.

Въ это же время отъ главныхъ начальниковъ края поступили ихъ отзывы, весьма характерные для выясненія вліянія ссылки. Въ отзывѣ своемъ на записку начальника главнаго тюремнаго управленія и въ сужденіяхъ въ совѣтѣ по тюремнымъ дѣламъ, генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ, удостовѣривъ фактъ полнаго разстройства ссылки, заявилъ, что положеніе ссыльныхъ въ Сибири, бѣдственное съ точки зрѣнія ихъ личной обстановки, является вполнѣ угрожающимъ для интересовъ цѣлаго края, при-

шедшаго, благодаря ссылкѣ, въ состояніе полной развращенности. Устраиваются самостоятельнымъ хозяйствомъ лишь единичные личности изъ ссыльныхъ, весь же остальной контингентъ частью безвозвратно пропадаетъ на пріисковыхъ работахъ, а въ главнѣйшей долѣ составляетъ тяжелый и опасный для населенія классъ праздношатающихся, промышляющихъ воровствомъ и разбоями.

Общественная безопасность, не ограждаемая въ должной степени правительственною властью, по неимѣнію достаточныхъ средствъ полицейской охраны, страдаетъ ежедневно отъ самыхъ дерзкихъ посягательствъ со стороны ссыльныхъ и генералъ-губернатору пришлось даже лично, въ одну изъ его служебныхъ поѣздокъ по краю, защищать съ оружіемъ въ рукахъ чайный караванъ отъ нападенія разбойниковъ изъ ссыльныхъ.

Къ этому пріамурскій генералъ-губернаторъ добавилъ, что, по его глубокому убѣжденію, время, когда ссылка въ Сибирь могла практиковаться безвредно для этой страны, давно миновало, и гражданское и экономическое развитіе края требуютъ нынѣ настоятельно, чтобы наводненіе его преступниками было прекращено навсегда и въ самомъ безотлагательномъ времени.

Генералъ-лейтенантъ графъ Игнатьевъ, присоединяясь равнымъ образомъ всецѣло къ предположеніямъ начальника главнаго тюремнаго управленія и подтверждая цифровыми данными изложенныя въ запискѣ сего начальника свѣдѣнія о полномъ разстройствѣ ссылки, заявилъ, что возвратить высшимъ уголовнымъ наказаніямъ то карательное значеніе, котораго они въ настоящее время вовсе не имѣютъ, можно исключительно лишь путемъ отмѣны ссылки. Каково бы ни было различіе по закону отдѣльныхъ видовъ ссылки, въ дѣйствительности всѣ формы ссылки приняли въ настоящую минуту видъ простаго удаленія, но притомъ такого, которое для матеріально обезпеченнаго преступника открываетъ лишь новое поприще дѣятельности, а для бѣднаго и физически слабаго человѣка является особою формою медленной смертной казни.

Поставить ссылку въ такія условія, въ которыхъ не замѣчалось бы, на каждомъ шагу, самаго рѣзкаго и непримиримаго противорѣчія между закономъ и дѣйствительностью, не помогутъ, по мнѣнію графа Игнатьева, никакія усилія правительства. Въ Сибири нельзя найти принудительныхъ работъ, которыя дали бы занятія десяткамъ тысячъ ссыльныхъ, а сдѣланныя въ этомъ отношеніи попытки прежняго времени обнаружили всю несостоятельность подобныхъ предначертаній.

Казенныя поселенія, вызвавшія въ свое время значительныя

издержки, находятся нынѣ въ самомъ плачевномъ состояніи. По московскому тракту, на мѣстѣ бывшихъ поселеній, встрѣчаются лишь полуразрушенныя, никѣмъ незанятыя строенія. Тѣ же поселенія въ Якутской области производятъ удручающее впечатлѣніе,—многіе изъ домовъ покинуты и стоятъ въ развалинахъ; оставшіеся поселенцы неохотно занимаются земледѣліемъ, требующимъ въ этой мѣстности неустанной заботливости и упорнаго труда.

Болѣе отрадными и даже единственно отрадными по всей Восточной Сибири представляются скопческія селенія Якутской области, но и эти случайныя исключенія отнюдь не должны служить указаніемъ возможности устроить ссылку вообще. Они представляютъ собою подтвержденіе лишь того общепризнаннаго факта, что такіе убѣжденные сектанты, какъ скопцы, поддерживаютъ и въ ссылкѣ самую сильную связь съ своими единомышленниками въ Европейской Россіи и, проводя всю жизнь по правиламъ ихъ вѣрованія, въ воздержаніи и трудѣ, живутъ, однако, не отъ собственныхъ трудовъ, а исключительно на счетъ постоянно получаемой ими извнѣ обильной денежной помощи.

Въ частности, по поводу предположеній объ отмѣнѣ права сельскихъ и мѣщанскихъ обществъ отказываться отъ принятія въ ихъ среду опороченныхъ по суду людей и заявлявшагося уже ранѣе сего опасенія, что подобная мѣра можетъ вредно отозваться на безопасности внутри Имперіи, иркутскій генералъ-губернаторъ высказалъ, что при существующихъ условіяхъ сообщеній Сибири съ Европейскою Россіею, сосредоточеніе всѣхъ ссыльныхъ этой категоріи въ двухъ губерніяхъ, Томской и Тобольской, представляется гораздо болѣе опаснымъ, нежели оставленіе ихъ въ соотвѣтствующихъ мѣстностяхъ внутри Имперіи.

Сибирскія губерніи принимаютъ ежегодно болѣе 3.500 человѣкъ этого разряда изъ всей Россіи, не располагая и ничтожною долею тѣхъ средствъ полицейскаго надзора, которыя содержатся во внутреннихъ губерніяхъ, тогда какъ тѣ же 3.500 человѣкъ, распредѣленные на всѣ губерніи Россіи, даютъ, въ среднемъ выводѣ, на каждую губернію не болѣе 40 человѣкъ, на каждый уѣздъ не болѣе 4, а на каждую волость самую незначительную дробь.

Эти данныя дополняютъ свѣдѣнія, изложенныя во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1885 годъ нынѣшнимъ иркутскимъ генералъ-губернаторомъ:

«Ближайшее знакомство съ современнымъ положеніемъ ссылки въ Сибирь, говоритъ отчетъ, приводитъ къ весьма грустнымъ заключеніямъ. Не говоря уже о томъ, что ссылка составляетъ самое больное мѣсто въ жизни населенія Восточной Сибири, она,

какъ уголовное наказаніе, въ настоящемъ ея видѣ, находится въ полномъ противорѣчіи съ требованіями справедливости: для однихъ она является особою формою медленной смертной казни, другимъ открываетъ новое, болѣе просторное поле для преступной дѣятельности и только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ достигаетъ своего исправительнаго назначенія».

«Ежегодно въ Восточную Сибирь ссылается среднимъ числомъ до 8.850 человѣкъ. Изъ нихъ около 1.600 каторжныхъ, а остальные—ссыльные разныхъ разрядовъ. Въ партіяхъ, отправляемыхъ изъ Тюмени, соединяются ссыльно-поселенцы, сосланные на житье и на водвореніе административно-ссыльные, каторжные, которые по отбытіи сроковъ заключенія обращаются въ ссыльно-поселенцевъ и, наконецъ, добровольно слѣдующія за ссыльными и каторжными ихъ семьи».

«Изъ собранныхъ волостными правленіями въ текущемъ году свѣдѣній, оказывается, что въ Восточной Сибири къ 1-му января сего года числилось ссыльныхъ разныхъ категорій, мужчинъ до 99.000, женщинъ до 11.600. Почти половина изъ этого числа (43.000 м. и 5.000 ж.) безвѣстно отсутствуетъ, составляя тотъ бездомный людъ, о которомъ было упомянуто выше, и который постоянно держитъ населеніе въ страхѣ за его жизнь и имущество. Въ мѣстахъ причисленія считается оставшимися всего 37.000 мужчинъ и 5.000 женщинъ, изъ которыхъ только 9.000 мужчинъ и 1.100 женщинъ завели хозяйство, слѣдовательно 11-я часть изъ общаго числа ссыльныхъ; остальные же 19.000 мужчинъ и 1.000 женщинъ находятся въ отлучкѣ по выданнымъ для заработковъ письменнымъ видамъ».

Во всеподданѣйшемъ отчетѣ якутскаго губернатора за 1885 г. о состояніи ссылки содержатся слѣдующія свѣдѣнія:

«Кромѣ скопцовъ и другихъ сектантовъ, которые неутомимымъ трудомъ и знакомствомъ съ ремеслами завоевали себѣ болѣе или менѣе обезпеченный бытъ, экономическое положеніе большинства остальныхъ ссыльно-поселенцевъ, въ особенности изъ низшаго класса крайне неудовлетворительно. Видя въ жизни лишь одно стремленіе къ легкой наживѣ, большая часть изъ нихъ, сильныхъ и здоровыхъ, уходитъ изъ мѣстъ причисленія на золотые промыслы, чему не мало содѣйствуютъ сами инородцы, снабжая ихъ на дорогу всѣми необходимыми и даже денежными средствами, чтобы только избавиться отъ этого тяжелаго для нихъ бремени и таковаго элемента ссыльныхъ въ отчетномъ году прослѣдовало черезъ Якутскъ на пріиски и обратно до 700 человѣкъ. Ведя бездомную жизнь, этотъ слой людей является однимъ изъ самыхъ

вредныхъ для здѣшняго края и, какъ готовый всегда на все недоброе, представляетъ не мало заботы для огражденія отъ нихъ болѣе трудолюбиваго класса ссыльныхъ. Когда же физическія силы этихъ трутней общества начинаютъ приходить въ упадокъ, они переходятъ въ нищенство и продолжаютъ такъ до дряхлости, пока нѣкоторымъ изъ нихъ не посчастливится попасть въ число лицъ, получающихъ вспомоществованіе изъ экономическаго капитала по 36 р. 50 к., котораго въ отчетномъ году роздано за разное время 58 ссыльнымъ, всего 1.857 р. 44 к. Другая часть такихъ счастливцевъ, въ числѣ 25 лицъ, призрѣвается въ устроенной въ г. Якутскѣ богадѣльнѣ».

«Такимъ образомъ, въ наиболѣе невыгодныхъ условіяхъ находится элементъ ссыльныхъ изъ низшаго класса, какъ для самихъ себя, такъ и для общества, и ссылка для такихъ людей, развивая въ нихъ бродяжничество по пріискамъ, нисколько не вліяетъ на ихъ исправленіе, а, напротивъ, представляетъ имъ еще болѣе безконтрольное поприще для примѣненія на дѣлѣ своихъ противузаконныхъ дѣяній. Если уже нельзя окончательно прекратить высылку сюда этого вреднаго элемента, растлѣвающаго своимъ примѣромъ еще сравнительно дѣвственные нравы инородческаго населенія, то по крайней мѣрѣ было бы крайне полезно поставить ихъ въ изолированное положеніе отъ остальнаго населенія».

Приводя эти данныя и мнѣнія, какъ правительственныхъ учрежденій, такъ и мѣстныхъ главныхъ начальниковъ Сибири, мы видимъ единство установившихся взглядовъ на ссылку, не оставляющихъ болѣе сомнѣнія въ ея вредныхъ сторонахъ и въ томъ, что она отжила свое время. Она уже вычеркнута изъ проектовъ новой кодификаціи.

Ко всѣмъ оффиціальнымъ отзывамъ должно присоединить Высочайшую волю и высказанное желаніе Государемъ Императоромъ о томъ, чтобы вопросъ о ссылкѣ былъ пересмотрѣнъ и вредная сторона ея была уничтожена [1]). Это совпадаетъ съ другою Высочайшею волею, заявленною по случаю трехсотлѣтія Сибири, чтобы нашей окраинѣ было обезпечено гражданское развитіе и преуспѣяніе. Все это даетъ надежду, что ссылка въ Сибирь скоро будетъ прекращена. Весь вопросъ сводится ко времени ея уничтоженія и къ финансовымъ практическимъ средствамъ, дающимъ возможность замѣнить ее другою формою наказанія, какую най-

[1]) Эта Высочайшая воля была побужденіемъ для выработки и представленія новаго проекта о преобразованіи ссылки, выразившагося представленіемъ въ Государственный Совѣтъ отъ главнаго тюремнаго управленія.

детъ новый уголовный кодексъ болѣе удобною. Не входя въ разсмотрѣніе этихъ финансовыхъ средствъ и изысканіе ихъ, мы увѣрены, что они найдутся у государства и реформа будетъ совершена. Намъ остается только желать, чтобы это измѣненіе наступило возможно скорѣе, такъ какъ жизнь окраины, при ежегодно увеличивающемся контингентѣ ссылки и ея вредныхъ вліяніяхъ, становится все болѣе тяжелою и невыносимою.

Освобожденіе Сибири отъ уголовной ссылки рядомъ съ открытіемъ поприща для свободной колонизаціи будетъ благодѣяніемъ для всего края, оздоровленіемъ общества и открытіемъ новыхъ нормальныхъ и здоровыхъ путей его гражданскому развитію.

ГЛАВА IX.

ИСТОРІЯ ЭКСПЛУАТАЦІИ БОГАТСТВЪ НА ВОСТОКѢ.

Богатства Сибири и что подъ ними разумѣется. — Естественныя произведенія края. — Открытіе Сибири и вліяніе его на духъ русскаго народа. — Увлеченіе Сибирью. — Слово о немъ. — Поиски за богатствами.—Послѣдовавшія разочарованія.—Исторія эксплуатаціи природы.—Мѣха, золото, земледѣльческіе и скотоводческіе продукты. — Хищническіе способы культуры. — Послѣдствіе этого. — Торговля и промышленная зависимость Сибири.—Торговый обмѣнъ и балансъ.— Современное положеніе рынка и роль золотопромышленности.—Отчетъ объ экономической и промышленной жизни Сибири за послѣднія десять лѣтъ.

Сибирь съиздавна слыветъ страною «богатою» и «золотымъ дномъ». Пора, однако, опредѣлить, что разумѣлось подъ именемъ богатствъ Сибири, естественныя-ли произведенія природы еще не тронутыя, способность-ли къ эксплоатаціи богатствъ, продукты-ли и накопленія народнаго труда и средства удовлетворенія, дающія населенію извѣстное довольство и обезпеченіе?

Не трудно угадать, что въ большинствѣ подъ именемъ богатствъ Сибири разумѣются прежде всего ея естественныя произведенія и природные запасы. а отсюда уже понятіе о богатствѣ переносится на все остальное.

Разсматривая топографическія и естественныя условія края, дѣйствительно, мы не можемъ не признать ихъ довольно благопріятными. Естественныя произведенія неорганическаго царства, флора и фауна, раскинутыя на сотни тысячъ квадратныхъ верстъ, представляются громадными запасами для будущаго. Природа Сибири весьма разнообразна. Мы видимъ здѣсь значительныя минеральныя богатства на Уралѣ, въ южныхъ степяхъ, на Алтаѣ, въ Нерчинскомъ Округѣ, на Амурѣ и другихъ мѣстахъ. Въ Сибири разработывается серебро, золото, желѣзо, свинецъ и мѣдь, находятся обширныя залежи каменнаго угля, еще нетронутаго, добывается графитъ, богатѣйшія яшмы, порфиры, мраморъ и

т. д. Но еще цѣннѣе изобильные лѣса и земли Сибири, благопріятствующіе культурѣ.

Полоса лѣсовъ, степная, скотоводческая и земледѣльческая полоса Сибири, какъ и хребты Тянь-Шаня, Алтая, Саяновъ, Яблоннаго хребта, Забайкальскихъ горъ давали разнообразныя естественныя богатства.

Лѣсная полоса Сибири, начинающаяся съ 57° с. ш., простираясь къ сѣверу, представляетъ сплошные урманы и тайги. Сѣверная тайга смѣняется къ югу въ Кузнецкомъ и Бійскомъ округахъ Томской губерніи такъ-называемой «чернью».

Эти дѣвственные лѣса изобильны вѣковыми кедрами, лиственницами, елями, соснами и другими породами хвойныхъ деревьевъ, а въ южной черни—береза, тополь, осина и даже липа увеличиваютъ разнообразіе; множество ягодъ, кустарники, какъ таволга, жимолость, аргай и другія породы прибавляютъ растительность, а дикій хмѣль и вьющіяся растенія, обвивая эти лѣса ліанами, напоминаютъ кущи дѣвственной Америки.

Лѣсная площадь Западной Сибири въ 11 округахъ Томской и Тобольской губерній считается въ 56 милліоновъ десятинъ, не считая лѣсовъ Семипалатинской и Акмолинской областей, имѣющихъ около 1 милліона десятинъ. Такое количество превышаетъ пространство казенныхъ лѣсовъ трехъ крупныхъ сѣверныхъ губерній Россіи, Олонецкой, Вологодской и Пермской, имѣющихъ только 55.000.000 десятинъ. Мы не говоримъ о лѣсахъ Восточной Сибири и Амура, превышающихъ приведенныя цифры болѣе, чѣмъ вдвое.

Это изобиліе лѣсовъ, давая матеріалъ для постройки и топлива, могло дать множество продуктовъ лѣсной промышленности и древеснаго производства. Но прежде всего лѣса обратили вниманіе на изобиліе находящагося въ нихъ звѣря. При завоеваніи Сибири русскіе люди встрѣтили дѣвственные лѣса и мало тронутыя охотничьи угодья. Соболь еще водился въ Западной Сибири и Березовскій округъ, какъ и лѣсная полоса давали его въ обиліи. Моралъ или благородный олень былъ въ Тарскомъ округѣ и населялъ Алтай, дикая коза водилась повсюду, кабанъ водился на Барабѣ, точно также эта степь изобиловала горностаемъ, въ Алтаѣ водился во множествѣ сурокъ до послѣдняго времени, не смотря на охотничью эксплоатацію. Алтай изобилуетъ звѣремъ и стада дикихъ моралов выбиваются на р. Чуй, какъ выбиваются стада тюленей на сѣверѣ. Бѣлка водилась въ огромномъ количествѣ, она собиралась милліонами (еще въ 1870 г, продано было на ярмаркахъ 4.175.010 штукъ бѣлки, въ 1860 г. горностаевъ 56.000

шт. и въ 1850 г. 43.600 шт. соболей). Зайцы и заячья шкура шла изъ Сибири за-границу, лисьи мѣха, боберъ, песецъ и цѣнные мѣха молодыхъ оленей пыжиковъ также шли въ большомъ количествѣ изъ Сибири. Степная полоса, тянущаяся по югу Сибири, отъ Оренбургскихъ степей, соединена съ степями Акмолинской, Семипалатинской области, врѣзывается и подходитъ къ самому Алтаю (Бійская линія), затѣмъ плоскогорія и долины Алтая представляютъ богатыя пастбища, какъ и Минусинскій округъ; все это на востокѣ сливается съ степными мѣстами Иркутской губерніи, гдѣ расположились буряты, съ скотоводческимъ Забайкальемъ и наконецъ на югъ открывается обширная Монголія съ степями центральной Азіи, тянущимися къ Тибету и Памиру. Такимъ образомъ степныя пространства Сибири, тянущіяся отъ Каспія до Амура на 7 и 8.000 в., представляютъ самыя обширныя въ мірѣ пастбища, неуступающія американскимъ пастбищамъ. Верблюды, яки, табуны лошадей, коровъ и овецъ, разводимые скотоводами въ милліонахъ головъ, служили пропитаніемъ азіатцевъ и давали продукты для торговли еще до пришествія русскихъ. Самая средняя земледѣльческая полоса можетъ считаться одинаково и скотоводческою. Степь Барабы Западной Сибири обладала огромнымъ скотоводчествомъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія и крестьянство жило имъ исключительно. Русское населеніе въ киргизскихъ степяхъ содержало обширные табуны, какъ и въ Алтаѣ. Поэтому нѣкоторые изслѣдователи сибирскаго хозяйства признаютъ, что строй хозяйства сибирскаго хозяина, въ отличіе отъ хозяйства россійскаго крестьянина, долженъ считаться «скотоводчески-земледѣльческимъ» и доходы его столь же значительны отъ скотоводства, какъ и земледѣлія.

Благодаря обширнымъ пастбищамъ на сѣверѣ и югѣ Сибири, въ ней пропитывается по послѣднимъ свѣдѣніямъ только въ одной западной половинѣ 11.249.900 головъ скота, въ томъ числѣ 2.703.300 лошадей, 93.500 оленей, 170.500 верблюдовъ, 1.606.000 рогатаго скота и 5.679.300 барановъ. При этомъ верблюды, 1.300.000 лошадей, 700.000 рогатаго скота и 4.200.000 барановъ приходится на киргизскую степь, а остальное на земледѣльческую полосу. Если мы прибавимъ къ этому половину такого количества скота въ Восточной Сибири, мы поймемъ, что скотоводческія богатства Сибири замѣчательны и превосходятъ австралійское скотоводство, считавшее недавно до 10.000.000 головъ скота.

Русскіе люди начали пользоваться скотоводческими богатствами и кромѣ тушъ, шкуръ и кожи стали вывозить сало и масло коровье, какъ и шерсть, которыя получили сбытъ за границу. Съ на-

Разрѣзъ на золотыхъ промыслахъ.

чала нынѣшняго столѣтія стало развиваться пчеловодство въ Сибири, главнымъ образомъ въ долинѣ Алтая, а затѣмъ перешло къ сѣверу до Томска; нынѣ оно появляется въ Енисейской губерніи и за Забайкаломъ. Но въ Алтаѣ оно получило особое развитіе.

Пчеловодствомъ преимущественно занимаются въ Бійскомъ округѣ, въ близкихъ къ Алтаю селеніяхъ, затѣмъ въ Кузнецкомъ и Барнаульскомъ округахъ. Въ остальныхъ округамъ населеніе хотя и занимается пчеловодствомъ, но не съ промышленною цѣлью, а потому въ продажу поступаетъ только излишекъ меда. Въ 1881 году пчеловодство выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ: къ 1 января 1881 года оставалось ульевъ 391.305. Въ теченіи лѣта прибыло отъ роевъ 66 661 улей, убыло отъ разныхъ причинъ 130.249, затѣмъ къ 1 января 1882 года оставалось 338.930 ульевъ. Собрано меду 49.974 пуда, воску 6.508 пудовъ. Поступило въ продажу меду на сумму 198.517 р., воску на 81.081 руб., такъ что эта часть сельской промышленности въ отчетномъ году дала населенію заработокъ въ 279.598 рублей. Въ 1885 г. продано было меду на 270.696 р. и воску на 109.189 р. [1]).

Огромныя рѣки Сибири, какъ Обь, Иртышъ, Енисей, Лена, Амуръ, также прибрежья Сѣвернаго и Восточнаго океановъ представили рыбныя богатства и развили въ разныхъ частяхъ рыбные промыслы. Лучшія рыболовныя угодья по Оби и Иртышу были захвачены и присвоены русскими отъ инородцевъ. Рыбы такое было изобиліе въ этихъ мѣстахъ, что она тысячами погибала и дохла, когда рыбопромышленники дѣлали запруды и загораживали выходы ей изъ притоковъ, и при всемъ этомъ выбиралась лучшая рыба для торговли. Съиздавна славилась сибирская нельма, муксунъ, огромные осетры, щуки, налимы, караси чудовищнаго вѣса (по 3 и 4 въ пудѣ), также и обиліемъ стерляди, хотя и менѣе вкусной, чѣмъ волжская, тайменъ, хайрюзъ, ускугъ (порода форели), всевозможная мелкая рыба, монерки (тогутъ), лини [2]). Сибирскія озера, какъ Чаны [3]), Байкалъ и др., также славились рыбой. Въ Чанахъ водились огромные караси, окуни и щуки; на Телецкомъ озерѣ добывается особый родъ сельдей. На оз. Байкалѣ славится омуль, селенга, снабжающія Иркутскую губ. и Забайкалье. Амурскій бассейнъ также изобилуетъ рыбой.

---

[1]) О пчеловодствѣ въ Алтаѣ см. «Вост. Обозр.» 1883 г. № 5, затѣмъ въ № 34 1882 года рекомендуется созданіе школъ для правильнаго и раціональнаго пчеловодства. См. также о пчеловодствѣ «Алтай» Голубева.

[2]) Объ обской производительности см. Полякова поѣздку въ Березовскій округъ.

[3]) Объ изобиліи рыбы въ Чанахъ см. Путешествія Палласа и Фалька.

Очевидцы и путешественники свидѣтельствуютъ, что рыба здѣсь идетъ иногда сплошными массами, такъ что хребты ея выставляются на поверхности, представляя темную полосу, иногда рыба заскакиваетъ въ лодки. Таковы были нетронутыя эксплоатаціей рѣки Сибири. Прибрежье Ледовитаго океана и устье Оби, Енисея также изобиловали рыбой. Поэтому, въ Березовскомъ, Обдорскомъ и Туруханскомъ краѣ русскіе начали эксплоатировать рыбные промыслы, тогда рыба давала главное пропитаніе инородческому населенію всего сѣвера. Новая земля и др. острова привлекали когда-то мореходовъ, а съ послѣдними попытками иностранныхъ кораблей войти въ устья Оби, Енисей и Лены, эти рыбныя богатства привлекли вниманіе и европейцевъ. Кто не слыхалъ про сибирскихъ нельмъ, моксуновъ, стерлядей, огромныхъ осетровъ, хайрюзовъ, тайменей, омулей и другихъ рыбъ, которыя составляли лакомство и продавались за безцѣнокъ.

Сибирская фауна, кромѣ цѣнныхъ звѣрей, бобра, соболя, горностая, бѣлки, медвѣдя, сурка, оленя, мараля, козуль и др., изобиловала массой птицъ. Дикая птица, лебеди, утки, гуси, гагары покрывали сибирскія озера и берега рѣкъ, на степной «Барабѣ» водились стада птицъ и носились стаями около озеръ, птицы не боялись человѣка, ихъ ловили сѣтями и били палками. Пухъ и шкурка птицъ вывозились на ярмарки, а недавно послѣдовалъ запросъ и на шкурки сорокъ, которыя вывезены тысячами и пошли за границу для окраски и фабрикаціи украшеній на дамскія шляпки. Кромѣ того, жители собирали въ обиліи птичьи яйца. На сѣверѣ Сибири и около озеръ эти яйца употребляются въ пищу. Въ Семирѣченской области находится фазанъ.

Сибирская флора, хотя и скудная на сѣверѣ, на югѣ, въ Алтаѣ и Забайкальѣ представляла, однако, цѣнныя растенія для эксплоатаціи, начиная съ ревеня, но русскіе люди въ Сибири не умѣли ею пользоваться. Въ Сибири находились иногда особыя растенія и ягоды, какъ, напримѣръ, облепиха. Многія растенія извѣстны инородцамъ и утилизируются, но русскимъ мало извѣстны [1]). Алтай и Забайкалье, однако, извѣстны съиздавна цѣлебными травами, а алтайскіе цвѣты въ сѣменахъ выписывались въ европейскія оранжереи и были украшеніемъ ихъ. За то кедровые лѣса для русскихъ промышленниковъ дали возможность получать кедровый орѣхъ, который началъ вывозиться и въ Европейскую

[1]) Дикій лукъ и черемша, однако, получили сильное распространеніе среди русскихъ, какъ средство отъ цынги. Алтайскій лукъ составляетъ предметъ торговли и приготовляется крестьянами на зиму, какъ капуста.

Россію. Кромѣ орѣха, идущаго для лакомства, въ Сибири начали добывать кедровое орѣховое масло, которое могло при умѣньи жителей занять видное производство. Огородничество и культура растеній шли медленно въ Сибири, но климатическія условія во всей средней и южной полосѣ Сибири благопріятствовали ей. Огородныя растенія составляли преимущественно картофель, огурцы, морковь, рѣдька, рѣпа (сѣяли чаще на пашняхъ), подсолнечники, капуста, лукъ и т. п. Арбузы начали разводить преимущественно поселенцы и около Усть-Каменогорска и въ Алтаѣ они славятся величиною и вкусомъ, лепъ и пеньку начали лучше культивировать тѣ же россійскіе переселенцы, разводится горчица и около Барнаула были опыты разведенія лекарственныхъ травъ. Богатая южная растительность проявляется въ Семирѣченской области, ближе къ Туркестану, а затѣмъ въ Уссурійскомъ краѣ, на Амурѣ. Что касается всего протяженія Амура, то здѣсь на сѣверной сторонѣ находится дикая тайга и хвойные лѣса при высотѣ горныхъ кряжей и растительность эта напоминаетъ сѣверную Сибирь.

Намъ остается упомянуть, что въ числѣ эксплоатируемыхъ богатствъ былъ вызовъ мамонтовой кости, находимой въ обиліи близъ устья рѣкъ и береговъ Ледовитаго океана и на островахъ его. Здѣсь находились иногда скелеты цѣлыхъ мамонтовъ. (Извѣстенъ мамонтъ Шмита; недавно цѣльный скелетъ мамонта поставленъ въ Красноярскомъ музеѣ). Русскіе люди начали рано вывозить мамонтовую кость и клыки. До сихъ поръ въ Иркутскѣ торговый домъ Громова вывозилъ ее изъ Якутской области вмѣстѣ съ пушниной въ сотняхъ пудовъ. Высчитано, что въ Сибири въ два столѣтія добыто 22.000 мамонтовъ.

Мы не говоримъ о многихъ продуктахъ природы, до которыхъ еще не коснулось производство. Такимъ образомъ обиліе естественныхъ произведеній несомнѣнно. Разъ они существуютъ, естественно они должны обогащать и удовлетворять вполнѣ мѣстныя потребности. Мало того, является вопросъ о сбытѣ и обмѣнѣ произведеніями. Страна не можетъ быть вѣчно замкнутою и изолированною. Внутри и извнѣ пролагаются пути. Западъ ея имѣетъ уже торную дорогу; на востокѣ, югѣ и сѣверѣ начинаются попытки сношеній съ остальнымъ міромъ Европы и Азіи, причемъ вопросъ идетъ объ экономическомъ значеніи края не для одной имперіи, но и для всемірной торговли. Окружающія моря, огромныя рѣки, колоссальная природа, громадные запасы естественныхъ продуктовъ открываютъ, повидимому, обширную перспективу въ будущности этой части свѣта и соблазняютъ воображеніе самыми обольстительными мечтами.

*

Все чаще и чаще въ литературѣ, какъ и въ русскихъ ученыхъ и промышленныхъ обществахъ слышатся голоса о необходимости разработки естественныхъ богатствъ Сибири, о возбужденіи производительныхъ силъ ея, особенно въ виду проектовъ соединенія Сибири желѣзными путями съ Россіей и Европы съ Азіей. Съ открытіями Норденшельда и Виггенса, въ Швеціи и Англіи появляется цѣлая литература, знакомящая Европу съ Сибирью въ виду изысканій соединенія сибирскихъ рѣкъ и открытія выходовъ изъ замкнутаго громаднаго края. Среди этихъ толковъ, проектовъ и предположеній мы постоянно слышали: «пора открыть реальныя богатства, сокрытыя въ невѣдомой Сибири, пора обратиться къ ихъ разработкѣ; Сибирь—это золотое дно, золотой сундукъ нашъ».

Такимъ образомъ, становится любопытно заглянуть въ этотъ золотой сундукъ и оцѣнить его дѣйствительныя сокровища, посмотрѣть, насколько мы обладаемъ ими и какъ до сихъ поръ ими пользовались, въ какой степени мы съумѣли овладѣть физическими и естественными условіями богатой страны, чтобъ обратить ихъ въ свою пользу, чтобы развить съ помощію ихъ гражданственность и промышленность, насколько, наконецъ, оказалось у насъ на то нравственныхъ и умственныхъ средствъ. Чтобы отвѣтить на это фактически, болѣе или менѣе вѣскими данными, намъ необходимо обратиться къ исторіи экономической жизни этого края.

Посмотримъ сначала, какими результатами сопровождалось завоеваніе богатой Сибири для Россіи. Открытіе новыхъ странъ, а тѣмъ болѣе цѣлыхъ континентовъ, составляетъ обыкновенно эпоху для народовъ; открытіе Сибири, а съ нею и азіатскаго материка, для русскихъ должно бы быть тѣмъ же самымъ, чѣмъ было открытіе Америки для европейцевъ. Извѣстно, что открытіе Америки произвело переворотъ въ европейской культурѣ и промышленности; оно внесло массу свѣдѣній и знаній въ старый европейскій міръ, подвинуло науки, открыло новые пути торговли, наполнило Европу произведеніями новыхъ странъ, перенесло на европейскую почву множество растеній и животныхъ, ввело въ употребленіе въ Европѣ кофе, табакъ, сахаръ, и открыло цѣлый рядъ неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ источниковъ богатства и удобствъ жизни для европейскихъ народовъ. Разнообразные продукты американской природы и закипѣвшей тамъ человѣческой дѣятельности стали прибывать къ портамъ Европы. Въ свою очередь, берега вновь открытаго богатаго и обширнаго континента гостепріимно принимали вытѣсняемыя нуждой и голодомъ массы евро-

нейскихъ выходцевъ, вносившихъ въ новую страну энергію мускульнаго и интеллектуальнаго труда. Такимъ образомъ, обмѣнъ сношеній и взаимныхъ услугъ увеличился и благосостояніе человѣчества удвоилось. Такими же явленіями, повидимому, должны были бы сопровождаться и наши открытія новыхъ странъ. Дѣйствительно, въ первое время наши завоеванія въ Сибири и Азіи не могли не дать возбуждающаго толчка русской предпріимчивости и колонизаціонному движенію русскаго населенія.

Вслѣдъ за географическими открытіями не могъ не интересовать русскихъ новый отмѣнный видъ сибирской природы, болѣе величественный и разнообразный, чѣмъ общій видъ великорусской равнины, обиліе различныхъ естественныхъ произведеній, разнообразіе сибирской флоры, фауны и минеральныхъ продуктовъ; все это возбуждало пытливость, энергію къ развѣдкамъ и къ изысканію богатствъ природы. Послѣ Ермака сотни и тысячи русскихъ людей, служилыхъ, торговыхъ и промышленныхъ, а также гулящихъ молодцовъ и ушкуйниковъ, бросаются въ новый край искать счастія, наживы и обогащенія. Минеральныя богатства Сибири были до того заманчивы и привлекательны для предпріимчивыхъ и любознательныхъ людей, что многіе пустились въ Сибирь разыскивать не только золотую, серебряную, мѣдную и желѣзную руду, но и драгоцѣнные камни, минеральные продукты, какъ, напримѣръ, сѣру, слюду и проч.

Вслѣдствіе открытія минеральныхъ богатствъ въ Сибири, во всѣ сибирскіе города, ко всѣмъ воеводамъ постоянно присылались указы или граматы о пріисканіи рудъ и дорогихъ каменьевъ «со всякимъ радѣніемъ», точно также какъ велѣно было разспрашивать всѣхъ сибирскихъ инородцевъ о мѣстонахожденіяхъ золотыхъ, серебряныхъ и другихъ рудъ. Въ то же время составлялись замѣтки о птицахъ и звѣряхъ, водившихся на островахъ и невѣдомыхъ рѣкахъ Сибири; но болѣе всего въ дѣлѣ промысловъ обратилъ на себя вниманіе соболь; его предписывалось ловить и доставлять въ царскую казну. Изъ птицъ явился запросъ на сибирскихъ кречетовъ и соколовъ; русскіе обращали вниманіе и на цѣнныя растенія; служилые и промышленные люди отыскивали въ Сибири ревень и открыли естественное его мѣсторожденіе; разыскивались лекарственныя травы и сборъ ихъ предписывался царской граматой въ 1675 году. Вообще сибирская природа представляла много новаго, рѣдкаго и удивительнаго. Богатства казались неисчерпаемыми и возбуждали жадность пришлыхъ людей. Но въ этомъ стремленіи къ открытію естественныхъ богатствъ, къ овладѣнію ими не было ни системы, ни умѣнья, ни знанія.

Вмѣсто того, чтобы самимъ разыскивать и анализировать руды при помощи минералогіи, пришлые люди разспрашиваютъ только инородцевъ, просятъ у нихъ указаній, а воеводы ограничиваются тѣмъ, что велятъ «кликать кличъ бирючамъ, по многіе дни, кто вѣдаетъ по рѣкамъ золотую, серебряную и мѣдную руду и слюдяныя горы, и они бы, приходя въ съѣзжую избу, сказывали мнѣ, холопу твоему», пишетъ царю енисейскій воевода въ 1660 году. Свѣдѣнія о золотѣ, серебрѣ и цѣнныхъ камняхъ Сибири землепроходцу Ерофею Хабарову сообщила, напримѣръ, даурская женщина, Мазалчанъ. Такимъ образомъ, не русскіе, а инородцы руководили многими открытіями. До послѣдняго времени сибирскіе золотопромышленники обязаны были открытіемъ золота не наукѣ и не собственнымъ знаніямъ, а тунгусамъ, къ которымъ они постоянно прибѣгаютъ. Въ горномъ Алтаѣ руды отысканы по древнимъ чудскимъ копямъ. Ясно, что русскій человѣкъ шелъ ощупью въ этомъ новомъ для него мірѣ. Несмотря на то, что русскіе старались отыскать золото съ начала открытія Сибири, что въ этомъ было заинтересовано правительство, воеводы и множество частныхъ лицъ, золото въ розсыпяхъ было открыто только въ сороковыхъ годахъ, т.-е. черезъ 250 лѣтъ послѣ поисковъ и порываній. Еще менѣе заботились русскіе о животныхъ и звѣряхъ, составлявшихъ источникъ сибирскаго богатства; такъ они преслѣдовали соболя съ дрекольями и дубинами, били его коромыслами около жилищъ, истребляли тысячами и милліонами, но никто не позаботился изучить и описать его нравы. Когда онъ теперь почти истребленъ въ Сибири, о немъ не сохранилось никакого научнаго изслѣдованія. Точно то же надо сказать и объ оленѣ. Имѣя огромное культурное и хозяйственное значеніе въ жизни сибирскихъ инородцевъ, онъ остался внѣ всякаго научнаго изслѣдованія. Мы не умѣли акклиматизировать животныхъ, развести козъ и лучшія породы овецъ; моралъ (благородный олень) легко приручается; рога его стоятъ до 9 р. фунтъ и вѣсятъ до 20 фунт.; при продажѣ ихъ въ Китай цѣна возростаетъ до 100 и 150 руб. за пару, а мы и не думали сдѣлать его домашнимъ и только теперь начались подобныя попытки въ Алтаѣ [1]). Хлѣбопашество развивалось чрез-

[1]) Прирученіе морала началось на югѣ Сибири лишь въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда онъ былъ въ большей части Сибири уничтоженъ. Преслѣдованіе его и истребленіе продолжается. Домашнихъ мораловъ въ Алтаѣ въ 1878 г. насчитывалось всего 139 самцовъ, 54 самки и 126 подростковъ (см. Зап. Запад.-Сибир. Отд. Географ. Общества. Кн. I изд. 1879 г. Свѣдѣнія о мараловодствѣ. Ядринцева). Въ настоящее время мараловодство распространяется и за Байкаломъ.

вычайно туго въ Сибири; табакъ долго не разводили, хотя онъ превосходно родится на югѣ. Изъ послѣднихъ опытовъ видно, что въ Сибири могли акклиматизироваться вишня и яблонь, но вишня осталась только какъ-то случайно въ одномъ уголкѣ Западной Сибири. Русскіе не могли акклиматизировать въ Сибири дуба, это полезнѣйшее и драгоцѣнное дерево; липу точно также не разводили, хотя и есть положительное доказательство, что она здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принимается; самый ревень, о которомъ было столько хлопотъ и который возбудилъ вопросъ и указы Сената о его разведеніи, прекрасно произрасталъ въ московскомъ аптекарскомъ саду, по отзыву Палласа, а между тѣмъ разведеніе его не обратило на себя вниманія въ его собственномъ отечествѣ. При такой скудости знанія, при общемъ невѣжествѣ, конечно, трудно было воспользоваться природою и ея произведеніями. Чтобъ умѣть открывать или находить богатства природы, нужны были знающіе люди, а изъ Сибири доносили, что «отъ тамошняго націона и изъ русскихъ людей вспомогателей, способныхъ къ отысканію всякихъ раритетовъ, не обрѣтается»; или Иванъ Власовъ извѣщаетъ царя въ 1680 году: «а прислалъ онъ, Трошка, чистыя руды пять фунтовъ и того синяго камени уломокъ, которымъ та руда обысканз, а какая та руда и краска, въ какое дѣло годитца-ль, того мнѣ, холопу твоему, не по чемъ, потому что въ Селенгинскомъ, Баргузинскомъ и Иркутскомъ рудознатныхъ мастеровъ и красильщиковъ нѣтъ».

Изъ всего этого очевидно, какъ слабы были наши интеллектуальныя средства и знанія во время покоренія Сибири. Не человѣкъ являлся здѣсь господиномъ природы, а природа господствовала и подавляла его. Открытія шли наудачу и случайно; самая мѣстность узнавалась ощупью. Это подало поводъ къ слѣдующему приговору историка: «Сибирская природа, или естественная экономія возбудила, съ одной стороны, въ русскихъ умахъ естествопознавательную любознательность и промышленную пытливость, а съ другой стороны обнаружила умственное безсиліе русскаго народа въ борьбѣ съ природой и въ пользованіи ея произведеніями. Русскимъ не доставало, во-первыхъ, основательнаго изученія и знанія естественныхъ и антропологическихъ наукъ, во-вторыхъ, призыва на помощь слабосильнымъ, неразвитымъ русскимъ умамъ могучихъ и несравненно болѣе развитыхъ умовъ европейскихъ. Открытіе новой громадной области, какъ Сибирь, возбудивъ русскіе умы, въ то же время какъ нельзя болѣе ясно обнаружило и умственную импотенцію русскаго народа» (Щаповъ, «Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ.», т. IV, № 2, стр. 81).

То же самое отразилось въ промышленной и культурной жизни этого края. Разсматривая промышленную дѣятельность Сибири въ первое время, мы видимъ какъ будто одушевленіе и энергію; русскій народъ, кинувшись изъ-за Урала, становится предпріимчивымъ, его охватываетъ исканіе, жажда богатствъ. Новый край съ его огромными лѣсами, въ которыхъ такъ много было рѣдкихъ звѣрей, съ величайшими въ мірѣ рѣками, полными рыбъ, съ величественными горами, съ сокрытыми въ нихъ минералами,— все это вызывало на новый трудъ, на новыя изысканія. Кромѣ того, по историческимъ обстоятельствамъ, русскій человѣкъ въ первый разъ на сибирской почвѣ почуялъ волю и отдался необузданной свободѣ. Крѣпостной рабъ, кабальный, подневольный человѣкъ ищетъ въ новыхъ мѣстахъ убѣжища и отдается поискамъ впервые за личнымъ счастіемъ и богатствомъ. Въ это время Сибирь представляетъ оживленную картину: на сѣверѣ казаки плывутъ на стругахъ и покоряютъ инородцевъ; они разсылаютъ отряды въ разныя стороны и строятъ городки и «остроги» (т. е. крѣпости); за ними слѣдуютъ промышленные люди и соболевщики; иногда охотники и звѣровщики разсыпаются далеко впереди покоренныхъ мѣстностей по невѣдомымъ пустынямъ, ставятъ промышленныя избушки и блокгаузы; въ одномъ мѣстѣ собираютъ ясакъ, въ другомъ — выбиваютъ и преслѣдуютъ звѣря, отыскиваютъ руды и мамонтовую кость, отбиваютъ или мѣняютъ скотъ у инородцевъ; создается цѣлый промыселъ хмѣлеванья, организуются соболиныя и рыбныя артели, являются бугровщики, т. е. раскапыватели кургановъ для отыскиванія въ нихъ драгоцѣнностей. Правительство и частныя лица соперничаютъ въ захватѣ богатствъ, и казна, подъ конецъ, налагаетъ широкую руку монополіи на всякое открытіе, на всякій цѣнный промыселъ. Народъ въ Сибири подъ вліяніемъ поисковъ за богатствами преобразился въ бродячихъ и кочующихъ авантюристовъ, такъ-что государству и правительству впослѣдствіи предстояло много труда и усилій прикрѣпить его къ мѣсту. Когда правительство старалось устроить ямы или ямщицкія поселенія, создать заводскихъ крестьянъ, распространить хлѣбопашество, ему долго не удавалось привести въ исполненіе свой планъ. Народъ по прежнему разбредался искать промысловъ въ лѣсахъ; жизнь безъ контроля и опеки понравилась русскому человѣку; онъ грезилъ новыми, баснословными богатствами, создавалъ миѳическія страны то на островахъ Ледовитаго океана, то въ южныхъ степяхъ Сибири. Такъ основывались каменьщики въ Алтаѣ, бѣловодье на Енисеѣ и много другихъ раскольничьихъ поселеній. Регламентація не удавалась въ Си-

бири, указы и распоряженія воеводъ были безсильны передъ духомъ свободнаго движенія. Въ продолженіе всего XVII вѣка происходитъ ловля народа по Сибири и прикрѣпленіе его насильственнымъ образомъ. Въ это время случаются странныя превращенія: одинъ казенный человѣкъ, посланный съ порученіемъ въ Шульбинскій заводъ, возвращаясь назадъ, обольстился соболинымъ промысломъ, да такъ и засѣлъ въ лѣсу, гдѣ его берутъ, какъ бѣглаго, и наказываютъ плетьми. Другой крестьянинъ Колывановоскресенскаго завода проводитъ десять лѣтъ одиноко въ лѣсахъ, на промыслѣ, конечно, и не думая о паспортѣ, а когда возвращается, то его признаютъ за бѣглаго (Акты и матеріалы для исторіи Сибири, изд. моск. общ. ист. и древн.). Наконецъ, для прикрѣпленія бродячаго люда власти предписываютъ крестьянамъ не отлучаться изъ дома и *ночевать* у себя. Но народъ, не смотря ни на какія предписанія, шелъ и разбрасывался по всѣмъ мѣстностямъ Сибири. Въ горы и пустыни его тянула безотчетная страсть; къ плодороднымъ полямъ и обильнымъ рѣкамъ его привлекалъ промыселъ и земледѣліе. Дѣвственный край возбуждалъ корысть и промышленный инстинктъ. Правительство также сознавало, что богатый край можетъ быть предметомъ его эксплоатаціи. Московская казна тщательно собираетъ и сосредоточиваетъ въ рукахъ своихъ пушныя и звѣриныя богатства. Петръ Великій обращаетъ вниманіе на Сибирь и пытается положить здѣсь начало горнымъ промысламъ. Съ этого времени создаются казенные заводы и приписываются къ нимъ крестьяне. Впослѣдствіи начинается торговля съ Китаемъ и Бухарой. Екатерина II обращаетъ особенное вниманіе на бухарскую торговлю и покровительствуетъ ей. Со временъ Петра мы уже начинаемъ думать о продолженіи пути въ Индію. На Восточномъ океанѣ возникаютъ морскіе промыслы и, наконецъ, цѣлыя русско-американскія владѣнія съ ихъ компаніей. Мы мечтаемъ о флотахъ, географическіе и промышленные горизонты наши все болѣе и болѣе расширяются; подъ вліяніемъ этихъ плановъ Сибирь получаетъ особенное значеніе въ глазахъ правительства и русскаго общества. Даже при Александрѣ I продолжаютъ составляться разные проекты о заселеніи и устройствѣ Сибири: мы думаемъ разводить кашмирскихъ козъ на югѣ Сибири, а русскіе министры восторженнымъ тономъ XVIII вѣка называли ее «Перу и Мексикой нашей». «Сибирь—золотое дно!»—дѣлается пословицей и всенародной поговоркой. Миллеръ составляетъ въ то же время обширное описаніе о торгахъ сибирскихъ и пророчитъ огромную будущность этому краю. Дѣйствительно, по этимъ описаніямъ видно, что дѣвственныя

богатства въ Сибири того времени были изумительныя. Жители около Якутска еще во времена Миллера помнили, какъ около жилищъ били соболей. На промышленника, ходившаго въ артели, приходилось по семи сороковъ соболей. На островахъ промыслы были еще богаче: въ 1760 году на островахъ Восточнаго океана добыто было по 108 бобровъ на каждаго работника, а по 50 и 60 добывалось въ обыкновенное время. Точно такое же было изобиліе лисицъ, бѣлокъ, рысей, мораловъ, оленей, дикихъ козъ и всякаго другого звѣря. Въ 1754 году, пишетъ авторъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій»,—въ одной деревнѣ около Нерчинска, въ 25 верстахъ, артелью изъ 25-ти человѣкъ въ одинъ день загнано было въ огородъ 4.027 дикихъ козъ—такова была добыча. «Рыбные промыслы въ Сибири можно назвать изобильными, пишетъ авторъ «Золотого дна»; хлѣбопашествомъ и скотомъ противу россійскихъ вышеписанныя мѣста несравненно изобилуютъ». Когда началось хлѣбопашество на дѣвственной почвѣ, урожаи были громадные: въ 1755 и 1756 годахъ въ Нерчинскомъ округѣ съ посѣва одной мѣры хлѣба сбиралось тридцать двѣ, а двадцать и двадцать пять—постоянно; даже въ неурожайные годы хлѣбъ стоитъ не дороже 10 коп. за пудъ. Обыкновенно ржаная мука продавалась по 4 к. за пудъ, пшеничная—по 7 к., овесъ—по 20 к. четверть. Почва была до такой степени тучная, что удобренія не требовала; земля распахивалась новинами и при малѣйшемъ истощеніи ея земледѣлецъ обращался къ новой. Изобиліе въ лѣсахъ давало возможность пользоваться почти даромъ лѣснымъ матеріаломъ и т. п. По мѣрѣ развитія осѣдлой жизни и земледѣльческаго труда, явились зачатки нѣкоторой культуры. Мало-по-малу въ Сибири, по словамъ Миллера, начинало обзаводиться и собственное производство; въ 1755 году Миллеръ указываетъ на производство юфти въ Сибири, которую выдѣлывали въ Томскѣ, Тюмени и Иркутскѣ. Начинало распространяться и желѣзное производство: «желѣзо стало выходить и изъ Сибири, говоритъ Миллеръ, — и этимъ товаромъ со временемъ можно будетъ снабжать не одну Сибирь, но и обратить его не малое число въ россійскіе и заморскіе торги». Стеклянная посуда также начинала выдѣлываться въ это время, «и симъ товаромъ отъ себя Сибирь довольствоваться будетъ», возлагалъ надежды Миллеръ. Изъ этого видно, что здѣсь существовали даже задатки прочной промышленности. Торговыя сношенія Сибири шли довольно оживленно на сѣверѣ съ Архангельскомъ: завязывались прочныя сношенія съ Бухарой и русскіе приказчики жили въ Джунгаріи; заводились дѣятельныя сношенія съ Китаемъ; все обѣщало, повидимому, видное промышленное и торговое

значеніе обширнаго края. Вновь присоединяемыя владѣнія только усиливали его цѣну. Дошедши до Восточнаго океана, открывъ массу острововъ, достигнувъ даже Калифорніи, гдѣ была русская колонія «Россъ», русскіе опять обратились къ южнымъ границамъ Сибири и начали присоединять степи; въ концѣ XVIII столѣтія примкнула киргизская степь, впослѣдствіи Туркестанъ. Присоединивъ сначала просто огромную пустынную территорію, русскіе лишь постепенно начали сознавать качественность пріобрѣтеній. Въ XVIII столѣтіи и въ половинѣ его, съ появленіемъ образованныхъ людей въ Сибири и путешественниковъ, яснѣе опредѣлилось значеніе и цѣнность пріобрѣтенія Сибири. Какъ только касалось Сибири ученое изслѣдованіе, оно постоянно открывало новые источники богатствъ. «Какой богатый залогъ сокрытъ здѣсь для будущей промышленности! восклицаетъ геологъ Щуровскій при взглядѣ на каменноугольный кузнецкій бассейнъ, занимающій площадь въ 40.000 верстъ;—здѣсь находится желѣзная руда, обширные лѣса и величественная судоходная Томь, удобная для сбыта произведеній. Салаиръ—русскій Цинцинати: Салаирскія горы содержатъ золото и серебро; кузнецкій Алатау — золото, каменный уголь и желѣзную руду». «Все это, говоритъ г. Щуровскій,—лежитъ пока втунѣ: кузнецкая котловина представляетъ столько выгодъ для Сибири, что въ этомъ случаѣ могутъ соперничать съ нею только Англія, Бельгія и Россія съ своимъ донскимъ бассейномъ». Такимъ образомъ, чѣмъ больше знакомились съ этимъ краемъ, чѣмъ глубже входили въ его необъятныя нѣдра, тѣмъ болѣе росла его слава и тѣмъ чаще слышались восторженные отзывы о немъ. Такъ, сенаторъ Корниловъ въ 1828 году начинаетъ свое описаніе слѣдующимъ панегирикомъ: «Сибирь, сіе богатое и обширнѣйшее достояніе Россіи, пріобрѣтенное на зарѣ побѣдъ нашихъ и славы, въ вѣкъ великаго Іоанна IV, представляетъ собою такую картину, которая всегда восхититъ истиннаго патріота. Онъ невольно приступитъ къ замѣчаніямъ мѣстныхъ подробностей, отъ коихъ много зависитъ и благоденствіе страны сей, и пользы самой Россіи: ибо Сибирь своими сокровищами, своимъ богатствомъ по всѣмъ тремъ царствамъ природы, со времени пріобрѣтенія имѣла и будетъ имѣть всегда важное на Россію вліяніе, какъ на коммерцію, такъ и на внѣшніе и внутренніе обороты оной» («Замѣчанія о Сибири». Корниловъ, 1828 г., стр. 1). Сибирь начинала составлять для насъ такимъ образомъ предметъ патріотической гордости, какъ для британца—его обширныя, могущественныя колоніи. Не было царствованія, въ которое Сибирь не напоминала бы о себѣ новыми открытіями и подарками: съ Іоанна Грознаго — завоеваніями и

соболемъ; при Петрѣ I—открытіемъ рудниковъ, бухарскимъ золотомъ и торговлей съ Китаемъ; при Екатеринѣ II—бухарской торговлей, присоединеніемъ степей, Камчатки, американскими владѣніями; при Павлѣ—мечтами о проходѣ въ Индію; впослѣдствіи, въ сороковыхъ годахъ — открытіемъ золота; въ пятидесятыхъ — присоединеніемъ Амура, Уссури; въ шестидесятыхъ—средней Азіи, въ семидесятыхъ—Сахалина и т. д. Каждое изъ этихъ открытій и присоединеній порождало новыя мечты и будило мысль о Сибири. Мы создавали тысячи обширныхъ плановъ нашей торговли, обогащенія и могущества въ Азіи, и нашему патріотическому самомнѣнію не было никакихъ границъ.

Но не всегда господствовало время обширныхъ плановъ и прославленія богатствъ Сибири. Весьма часто послѣ временныхъ восторговъ и увлеченій начиналось охлажденіе и разочарованіе. Планы и надежды не всегда осуществлялись и обогащеніе не такъ легко давалось, какъ думали. Мы терпѣли неудачи на южной азіатской границѣ, на путяхъ въ Индію, въ Камчаткѣ и на Восточномъ океанѣ (припомнимъ ликвидацію дѣлъ Русско-Американской компаніи и разочарованіе Амуромъ). Вслѣдъ за этимъ мы также быстро переходили къ другимъ крайностямъ. Горькія обличенія слышались тогда предшествовавшимъ заблужденіямъ. Разочаровываясь въ своей дѣятельности, мы переносили негодованіе на край. Отнимая отъ него всякое экономическое значеніе, обрекали его быть вѣчно мертвою тундрою, пустыней и заброшеннымъ мѣстомъ, пригоднымъ лишь для ссылки и каторжнаго труда. Таковъ, напримѣръ, былъ отзывъ и взглядъ на Сибирь извѣстнаго писателя, Герсеванова, доказывавшаго въ 40-хъ годахъ, что Сибирь не имѣетъ никакой будущности и существуетъ на счетъ Россіи, принося скорѣе убытки, чѣмъ выгоды [1]). Но это былъ не одинъ взглядъ Герсеванова, это былъ приговоръ многихъ русскихъ людей. Только съ открытія золота снова кредитъ Сибири поднимается, мы снова съ восторгомъ сулимъ ей будущее Калифорніи, а потомъ опять забываемъ. Эти иллюзіи вѣчно преслѣдуютъ несчастную страну.

Но теперь наступило, наконецъ, время провѣрки этихъ восторженныхъ возгласовъ, мы обязаны обратить вниманіе и на другую сторону медали, посмотрѣть поближе, какимъ образомъ шло промышленное и культурное развитіе этого края, и всегда-ли онъ

---

[1]) «Сибирь, питаясь соками Россіи, сама мало отъ того тучнѣетъ, а отнимаетъ силы у своей кормилицы», Герсевановъ. Отечеств. Записки. 1845 г. О торговомъ значеніи Сибири.

имѣлъ то значеніе, какое ему приписывали. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не замѣтить, что, когда говорили о природѣ и естественныхъ условіяхъ, вездѣ слышалось восторженное отношеніе къ новизнѣ, къ дѣвственности края и богатымъ залогамъ его развитія; когда же обращались къ жизни его, населенію и, особенно, къ его гражданственности, то являлось самое горькое разочарованіе. Соціальная безпомощность этого края постоянно обозначалась довольно медленнымъ его заселеніемъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія считалось въ Сибири 1.800.000 жителей на 250.000 кв. миль. Русское населеніе среднихъ губерній Сибири не превосходитъ до послѣдняго времени 5.000.000, что на 10.708.000 кв. верстъ представляетъ самое ничтожное заселеніе. Ясно, что Сибирь прежде всего не имѣетъ достаточно рукъ для обработки своихъ произведеній.

Что касается способовъ разработки естественныхъ богатствъ Сибири, то мы не только не обогатились здѣсь, не только не положили основанія прочной промышленности, а напротивъ, умалили и истощили производительность края. Причиной этого являются тѣ способы эксплуатаціи, какіе мы прилагали къ нему: вся промышленная дѣятельность Сибири была сосредоточена въ первое время на расхищеніи естественныхъ богатствъ и запасовъ природы и на истребленіи лѣсовъ.

Нынѣшняя лѣсная полоса Сибири не представляетъ уже той картины, какая была 300 и даже 100 лѣтъ назадъ. Въ земледѣльческой полосѣ и на югѣ Сибири замѣтно оскудѣніе лѣсовъ. Западные округа, какъ Курганскій. страдаютъ безлѣсьемъ, какъ и березовая степь» Барабы. Лѣса сохраняются еще къ сѣверу отъ главнаго тракта, но и то тайга безпрестанно горитъ, точно также истребляются пожарами и богатые «боры» въ Алтайскомъ горномъ округѣ, даже на склонахъ Алтая видно опустошеніе пожаровъ. Лѣсные пожары стали явленіемъ обыкновеннымъ весною, когда пускаются «палы», т.-е. выжигается старая трава (сибирское обыкновеніе обновлять луга). Цѣлыя облака дыма иногда висятъ надъ городами, пахнетъ гарью и солнце получаетъ кровавый цвѣтъ, задернутое пеленой дыма. Выгораютъ иногда лѣса на десятки верстъ и огонь останавливаютъ только дожди.

Было время, когда населеніе, поселяясь въ лѣсахъ, начинало культуру съ этого выжиганія и лѣсъ считался врагомъ человѣка и животныхъ. Такое истребленіе лѣсовъ дало себя почувствовать впослѣдствіи: оно отразилось засухами, высыханіемъ озеръ, источниковъ, лѣса не загораживали болѣе пашенъ отъ вѣтровъ, наконецъ, появилось оскудѣніе въ топливѣ и въ лѣсѣ для построекъ. Лѣсъ

долженъ привозиться и сплавляться издалека и цѣна на него поднялась. Отъ этого мы встрѣчаемъ въ сибирскихъ деревняхъ дома иногда безъ крышъ. Крестьянинъ, возведя избу, не имѣетъ возможности пріобрѣсти лѣсу покрыть ее [1]). Оскудѣніе лѣсовъ и выжиганіе отразились и тѣмъ, что звѣрь исчезъ и удалился на востокъ. Истощеніе звѣря, кромѣ того, обусловливалось и безпощаднымъ истребленіемъ его; звѣрь началъ удаляться съ запада на востокъ и въ половинѣ прошлаго столѣтія его почти не было уже въ Западной Сибири; въ началѣ настоящаго столѣтія мы встрѣчаемъ жалобы, что уловъ его уменьшается даже въ тѣхъ сокровенныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ еще оставался. Г. Щукинъ въ «Путешествіи» своемъ въ Якутскъ представляетъ доказательства убыли звѣря уже въ 30-хъ годахъ; такъ, соболей въ 1825 году было въ продажѣ 18.000, а въ 1830 году было только 6.000; лисицъ, вмѣсто 14.000, было — 7.400; песцовъ, вмѣсто 18.000 — 9.000. Г. Кривошапкинъ въ своей книгѣ, описаніи Енисейскаго округа, замѣчаетъ, что количество звѣря въ Енисейской губерніи, особенно въ Туруханскомъ краѣ, значительно уменьшилось: такъ, въ 1825 г. изъ Туруханскаго края было вывезено 28.000 штукъ соболей, 140.000 песцовъ и 300.000 бѣлокъ. Изъ теблицы за пятнадцать лѣтъ о количествѣ звѣриныхъ шкуръ, поступающихъ въ ясакъ и въ продажу торгующимъ лицамъ Енисейскаго округа отъ инородцевъ, видно, что въ 1846 и въ 1847 гг. соболей поступало на пятнадцать и девятнадцать тысячъ рублей; въ 1850 году съ трехъ округовъ поступило даже на 35.000, а въ слѣдующіе года поступленіе цѣнилось только сотнями рублей («Енисейскій округъ», Кривошапкинъ, стр. 19, 23 и приложеніе 1-е). Вообще замѣчается, что въ Сибири сильно уменьшаются соболь, песецъ и олень, за-то какъ бы увеличиваются хищные звѣри, медвѣди, волки, барсуки и рыси (Кривошапкинъ, стр. 23). Изъ этого видно, что въ Сибири происходитъ обратное движеніе культурному порядку: хищные звѣри прибываютъ, а полезные убываютъ. Такъ, напримѣръ, бѣлка исчезаетъ отъ недостатка питанія, вслѣдствіе выжиганія лѣсовъ. Пожары, истребляющіе лѣса въ Сибири, вообще громадны: они занимаютъ тысячеверстное пространство. Причиной же размноженія хищныхъ звѣрей выставляется слѣдующее довольно замѣчательное объясненіе: «Опусто-

[1]) Оскудѣніе лѣсовъ констатировано въ отчетахъ лѣсныхъ ревизоровъ и приведеніемъ въ извѣстность лѣсныхъ дачъ. На степной Барабѣ, согласно показаніямъ старожиловъ, помнятъ густые лѣса на гривахъ; постройки сохранили слѣды этихъ лѣсовъ. Нынѣ степь покрыта только мелкимъ березникомъ.

шеніе и погибель большинства инородцевъ сперва гнилою горячкою, а въ 1850 и въ 1851 годахъ—оспою, было до того сильно, что валялось всюду по лѣсамъ много труповъ, которые привлекали хищныхъ звѣрей, въ родѣ медвѣдя, россомахъ и волковъ, отъ алчности которыхъ бѣжали дальше лучшіе звѣри» (Кривошапкинъ, стр. 19). Это оригинальное объясненіе бросаетъ отчасти свѣтъ вообще на страшную безпомощность края.

Истощеніе звѣроловства, конечно, должно было неблагопріятно отразиться на благосостояніи сибирскаго населенія. Въ половинѣ прошлаго столѣтія енисейскій депутатъ Самойловъ, въ комиссіи уложенія, при Екатеринѣ II, говорилъ о звѣроловствѣ, какъ объ основномъ предметѣ торговли; всѣ мѣстные капиталы были заняты имъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ одинъ Китай сбывалось изъ Сибири до 8 милліоновъ бѣличьихъ шкуръ; въ 1836 году было вывезено только 4 милліона; въ 1837 г.—2.900.000. Сбытъ бѣлки въ пятидесятыхъ годахъ на нижегородскую ярмарку не превышалъ трехъ милліоновъ. Въ результатѣ—какъ мы ни охраняли мѣховую торговлю казенными монополіями и запрещеніями сбыта мѣховъ за-границу,—цѣнный звѣрь былъ все-таки истребленъ. Въ послѣднее время такая же мѣра употреблена была относительно Амура: вывозъ пушныхъ богатствъ былъ запрещаемъ за-границу; но въ С.-Франциско образовались цѣлые торговые дома, занимавшіеся торговлею русскими мѣхами съ Амура.

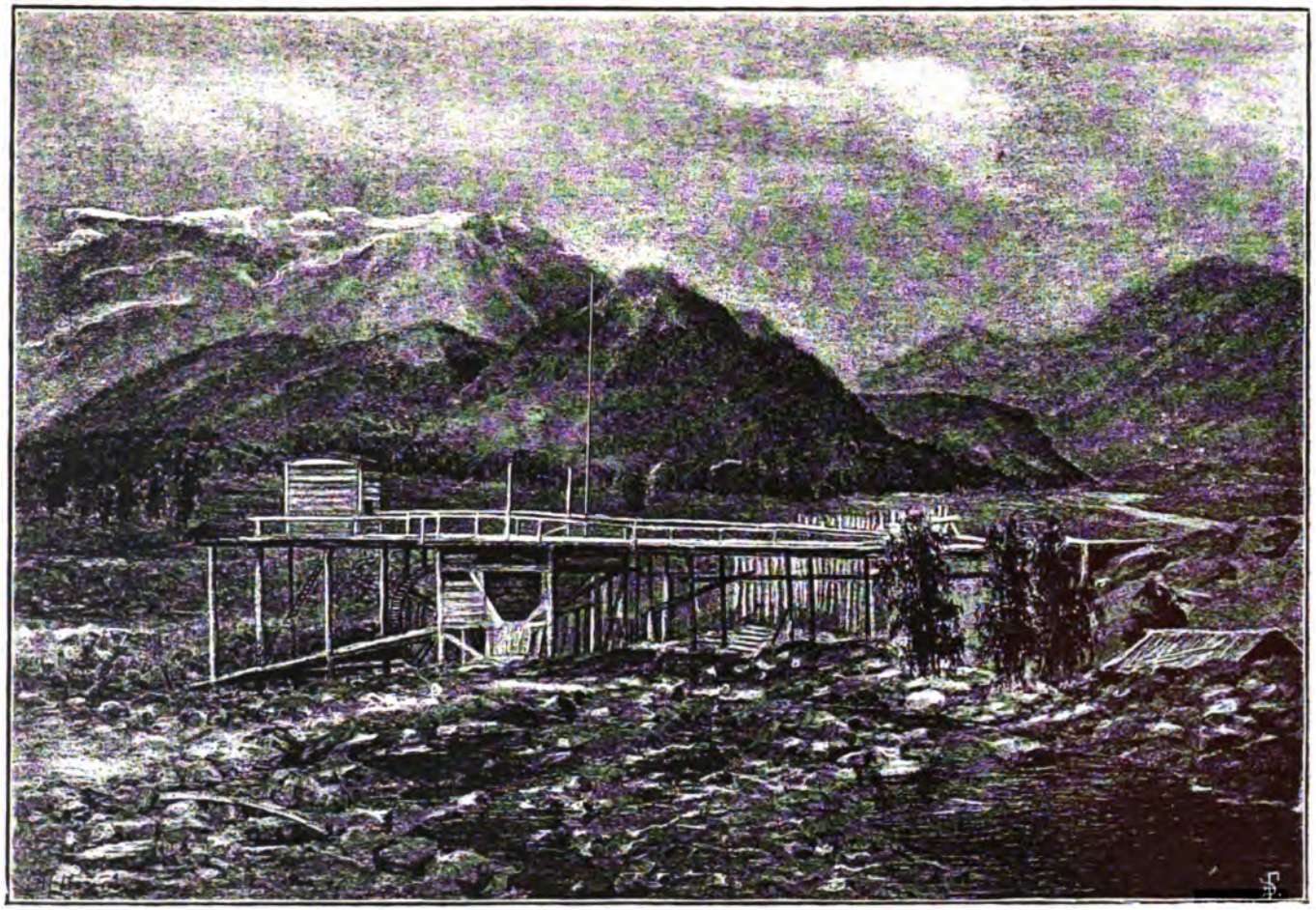
Въ 1850 г. еще на ирбитскую ярмарку привозилось до 108.000 шт. горностаевъ и 43.600 соболей, въ 1860 г. только 56.000 первыхъ и 16.200 вторыхъ, въ 1870 году еще менѣе: 24.000 горностаевъ и 5.150 соболей. До чего пала мѣховая торговля въ Россіи видно, что въ 1874 г. вывезено изъ Россіи мѣховъ на 2.250.000 руб., а привезено изъ за-границы на 6.000.000 руб.

Какъ пала пушная торговля и вывозъ мѣховъ видно изъ оффиціальныхъ отчетовъ, что чрезъ Кяхту въ Китай вывезено было мѣховъ въ 1886 г. на 425.648 руб., а въ 1889 г. только на 276.473 р. [1]). За то въ 1888 г. къ намъ вывезено тибетскихъ мѣховъ на 44.093 р. Припомнимъ, что въ Китай сбывалось прежде до 8.000.000 бѣличьихъ шкуръ. Точно также замѣтно и оскудѣніе рыболовства. Объ истребленіи рыбы въ Оби и о непредусмо-

[1]) «Вѣстникъ финансовъ, торговли и промышленности». 1890 г. № 16; «Восточное Обозрѣніе». 1890 г. № 24.

трительныхъ способахъ истребленія не разъ свидѣтельствовала тобольская администрація со времени Деспотъ-Зеновича и принимала рядъ мѣръ обуздать промышленниковъ. По поводу истребленія дичи въ Сибири слѣдовалъ рядъ циркуляровъ генералъ-губернатора Западной Сибири Казнакова въ 1876—77 г. Нерацiональная эксплуатація продолжалась, однако, цѣлыя столѣтія и оскудѣніе не могло не обнаружиться.

Съ тою же жадностью, съ какой пришлые люди накинулись на звѣроловство, они сначала набросились-было и на горные промыслы. Сколько усилій было употреблено въ прошломъ столѣтіи на розысканіе горныхъ богатствъ! Изъ звѣроловческой колоніи мы вдругъ захотѣли сдѣлать Сибирь горнозаводскою. Подъ вліяніемъ этой маніи тысячи крестьянъ на югѣ Сибири были приписаны къ казеннымъ заводамъ. Это было своего рода крѣпостные до 19 февраля, обязанные тяжкой повинностью доставлять руду, обжигать уголь и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сибирская администрація старалась развить и поднять горное и рудничное производство посредствомъ дарового и подневольнаго труда преступниковъ. Желѣзныя руды, дѣйствительно, представляли неистощимое богатство въ Сибири, но какихъ результатовъ достигъ этотъ подневольный трудъ? Несмотря на всѣ искусственныя мѣры, на всѣ усилія, горнозаводская промышленность находилась въ плачевномъ состояніи и Сибирь продовольствовалась металлическими произведеніями Урала, изъ той же Европейской Россіи. Общая цѣнность годовой добычи всѣхъ металловъ равнялась для Россіи въ сороковыхъ годахъ 55.000.000 р.; при этомъ съ заводовъ Уральскаго хребта получалось 45.000.000 р., а съ сибирскихъ колывано-воскресенскихъ заводовъ около 5 милліоновъ, и, наконецъ, съ нерчинскихъ—2 милліона рублей. Всего же добывалось въ Сибири не болѣе, какъ на восемь милліоновъ рублей — цифра ничтожная въ общей массѣ производства. Нерчинскіе и колывано-воскресенскіе заводы, поддерживаемые правительствомъ со времени Петра, стоившіе ему милліонныхъ затратъ, подъ конецъ приносили казнѣ только убытки. Упадокъ алтайскихъ заводовъ доказывается нынѣ уменьшеніемъ добычи металловъ. Въ 1851 г., по свѣдѣніямъ Гагемейстера (Историч. Статист. Обозрѣніе) въ алтайскомъ горномъ округѣ добывалось до 40 пуд. серебристаго золота, 22.152 золотистаго серебра и 250.075 пуд. мѣди. Нынѣ паденіе производительности рисуется слѣдующими цифрами:



Золотопромывальная машина.

ГОДЫ.	ЗОЛОТА.			СЕРЕБРА.			СВИНЦА.	МѢДИ.	ЧУГУНА.
	пуд.	фун.	зол.	пуд.	фун.	зол.	пуды.	пуды.	пуды.
1859	42	19	82	1085	7	39	4145	31000	90376
1860	33	10	84	1060	9	2	53637	32002	97789
1861	26	1	50	964	1	82	49316	30000	74800
1862	19	39	87	1029	24	52	53491	38120	79794
1863	21	15	29	1044	29	51	64903	33000	24156
1864	25	25	5	1061	5	57	79682	30000	34451
1865	29	12	84	1058	9	31	87858	33000	47220
1868	17	14	31	1081	28	76	97021	33197	21220
1869	17	10	—	717	31	10	55529	33624	23555
1870	19	26	13	802	4	65	70613	34786	26190
1875	12	35	—	534	11	70	52977	27530	31671
1880	11	39	18	506	27	9	50390	28678	6000
1883	4	29	79	368	12	17	17305	14015	23000
1885	9	7	30	538	20	93	3173	24605	106997
1887	16	1	81	661	38	11	31117	16240	133302
1889	—	—	—	652	9	23	6728	33747	112021 [1]

Изъ исторіи алтайскихъ заводовъ мы узнаемъ слѣдующее: Высокая производительность не могла долго продержаться; заготовленные при крѣпостномъ трудѣ припасы истощились, заводы требовали значительнаго ремонта и, кромѣ того, приходилось поправлять руды низкопроцентныя; все это вмѣстѣ взятое, а главнымъ образомъ, дорогой вольный трудъ—въ 1869 г. побудилъ понизить и самую выплавку металловъ. Пониженіе произошло быстрое, съ 1.081½ п. (1868 г.) выплавка серебра сразу пала до 717¾ или на 33,7%. Томскій (желѣз.) должны были прикрыть еще въ 1864 г., а желѣзнодѣлательное производство, не смотря на увеличивающійся спросъ на желѣзо для вольной продажи, особенно съ открытіемъ переселенія (1865), должны были сосредоточить въ одномъ

[1]) Алтай. Историко-статистическій сборникъ, подъ редакціей Голубева. 1890, стр. 380.

Гурьевскомъ зав. Съ этого времени не могло быть и мысли о поднятіи выплавки серебра до прежней высоты; всѣ заботы ограничивались тѣмъ, чтобы удержаться хотя бы на ежегодной добычѣ въ 700 пуд. серебра; но и это было напрасно: въ 70 годахъ ежегодная выплавка съ незначительными колебаніями держится на 600 пуд., а въ началѣ 80-хъ она быстро изъ года въ годъ понижается, дойдя до $368^1/_4$ п. въ 1883 г.; такой ежегодной выплавки не было болѣе столѣтія, со времени управителей Улиха и Христіани. Въ 70-хъ годахъ металлы даютъ уже убытокъ, который въ 1881 г. доходилъ до 170 тыс. руб. Пониженіе производительности и убытки въ это время объяснились злоупотребленіями въ алтайскомъ управленіи, достигшими въ 1871—81 году такихъ размѣровъ, что на Алтай по Высочайшему повелѣнію въ 1882 г была назначена ревизіонная комиссія, а въ 1883 г. какъ система, такъ и личный составъ управленія подверглись коренному измѣненію. Въ послѣдніе годы начинаютъ приводиться нѣкоторыя изъ предположеній бывшей въ 1882 г. комиссіи о закрытіи заводовъ, наиболѣе удаленныхъ отъ рудниковъ и лѣса, и сосредоточеніе производства на меньшемъ количествѣ заводовъ, лежащихъ въ центрѣ этихъ необходимыхъ заводскихъ припасовъ [1]).

Статистическій обзоръ о состояніи Западной Сибири съ 1874 по 1878 годъ, приложенный къ Западно-Сибирскому Адресъ-Календарю на 1879 г., составленному на основаніи оффиціальныхъ отчетовъ, свидѣтельствуетъ то же. «Казенная предпріимчивость по разработкѣ золота, говоритъ упомянутое обозрѣніе, въ Западной Сибири идетъ не особенно быстро впередъ. На алтайскихъ горныхъ заводахъ она въ послѣдніе два года уменьшилась съ 33 пудовъ на 11, т.-е. на 300%; добыча серебра понизилась на 35%. За то, сравнивая частную золотопромышленность, видно ея превосходство. Въ Томской губерніи намыто на промыслахъ въ 7 лѣтъ 857 пуд. 2 фун. 16 зол., по 122 пуда въ годъ. По всей же Западной Сибири намыто на частныхъ промыслахъ золота въ теченіи 7 лѣтъ 911 пуд. 33 фун. 66 золот. 75 долей. Слѣдовательно, частные промыслы дали въ 6 разъ болѣе въ сравненіи съ казенными заводами». Умепьшеніе горной и заводской производительности въ Алтаѣ обнаружилось въ закрытіи нѣкоторыхъ заводовъ, какъ Томскаго, на сокращеніи работъ въ Змѣиногорскомъ рудникѣ и уменьшеніи добычи рудъ въ Зыряновскомъ рудникѣ, а именно: въ 1864 году здѣсь добывалось 1.267.000 рудовъ рудъ

---

[1]) Алтай. Историко-статистическій сборникъ. Томскъ. 1890, стр. 380—381.

и 1.283 пуда серебра; въ 1878 году рудъ 740.000 пудовъ и серебра 518 пудовъ.

Произведенная въ Алтаѣ ревизія Ржевскимъ, Н. А. Вагановымъ обнаружила подкладку нераціональнаго веденія дѣла и темныхъ злоупотребленій, освященныхъ традиціей [1]). Прежде всего лица, завѣдывавшія горными заводами, не были заинтересованы въ усовершенствованіи горнаго дѣла. Построенные сто лѣтъ тому назадъ заводы близъ рудныхъ залежей, истощивъ послѣднія, находятся на значительномъ разстояніи отъ новаго мѣстонахожденія рудъ. Поэтому подвозъ рудъ обходится дорого и къ этой дороговизнѣ присоединялась еще нажива. Въ концѣ-концовъ заводы не давали дохода. А между тѣмъ огромный алтайскій районъ въ 300.000 кв. дес. былъ предназначенъ для горнозаводскаго дѣла, и всякой другой промышленности возникать здѣсь не дозволялось. Ревизія алтайскихъ дѣлъ и экономическое изслѣдованіе доказало, что богатство и доходная статья этого района заключалась не въ добычѣ рудъ. Культурная работа и заселеніе этого края дало другіе результаты. Алтай съ его 500.000 населеніемъ представляетъ теперь земледѣльческій хлѣбородный районъ. Сюда широкимъ путемъ течетъ колонизація и переселеніе изъ Россіи съ 1863 г., и доходъ, получаемый въ видѣ оброка съ крестьянъ, превосходитъ доходъ съ рудниковъ. Вотъ въ чемъ сказалась истинная экономическая сила [2]). Примѣръ Алтайскаго горнозаводскаго округа поучителенъ и для остальной золотопромышленной и рудной Сибири. Земледѣльческая производительность алтайскаго района и его богатые задатки, а также опредѣлившаяся роль для будущаго указываетъ, что эта мѣстность назначена, болѣе чѣмъ всякая другая, для земледѣльческо-скотоводческаго хозяйства.

Что касается частной желѣзной производительности, которая начала прививаться въ Енисейской губерніи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, она пала отъ ударовъ, нанесенныхъ ей золотопромышленностію. «Некогда было думать о желѣзѣ, всю дѣятельность поглотило золото», говоритъ г. Щуровскій. Въ настоящее время въ Восточной Сибири опять возникаетъ частное желѣзное производство; но выдѣлывается желѣзо незавиднаго качества и сбывается на золотые пріиски. Недавно даже Забайкалье пользовалось желѣзомъ, привозимымъ съ Урала. То же уральское же-

---

[1]) Сибирская Калифорнія. Мейена.

[2]) Въ настоящее время Алтаю посвящено прекрасное экономическое изслѣдованіе подъ редакціей Н. Л. Голубева, которое подробно разсматриваетъ условія сельскаго хозяйства на Алтаѣ и положеніе крестьянъ.

лѣзо идетъ въ Нижній, а потомъ уже ввозится въ Сибирь, дѣлая двойной огромный путь.

Вслѣдъ затѣмъ золото заняло видную роль въ разработкѣ сибирскихъ богатствъ у частной предпріимчивости. По истребленіи звѣроловныхъ богатствъ, при неудавшейся горнозаводской промышленности, не выходившей изъ состоянія прозябанія, мы обратили вниманіе на золото. Слухи о баснословныхъ богатствахъ привели сюда толпы искателей приключеній. Во времена золотопромышленности воскресла прежняя, давно уснувшая, предпріимчивость и началась алчная погоня за наживой разныхъ промышленниковъ, каковы были Поповъ, Мошаровъ и другіе. Невѣдомыя моря и пустыни замѣняетъ теперь сибирская тайга, т.-е. дѣвственные лѣса, раскинутые на тысячи верстъ. Сибирь начинаетъ играть для Россіи роль Калифорніи; все гонится за золотомъ и большинство капиталовъ сосредоточивается только на этой промышленности. Открытіе этихъ новыхъ богатствъ, какъ ни было выгодно оно для государства, въ дѣлѣ культуры Сибири, однакожъ, произвело совершенно обратное явленіе. До золотой горячки, край, оставленный въ покоѣ, началъ-было отдаваться своимъ мирнымъ занятіямъ; населеніе отъ звѣроловства начинало переходить къ земледѣлію, понемногу зарождалась и мѣстная заводская промышленность,—словомъ, хотя какая ни на есть культура начала-было формировать привычки и нравы мѣстныхъ жителей. Золотопромышленная горячка разомъ остановила это движеніе, повернувъ его въ другую сторону. Всѣ капиталы, всѣ силы населенія устремились къ ней; земледѣліе и промышленность были забыты и на Сибирь стали исключительно смотрѣть, какъ на золотой рудникъ. Но что же дало ей золото, чѣмъ вознаградились эти страшныя жертвы, принесенныя его добычѣ? Тайга была исхожена вдоль и поперегъ, увлеченіе достигло высшей степени. Между тѣмъ, какъ это увлеченіе продолжается нѣсколько лѣтъ, вдругъ доносятся вѣсти объ оскудѣніи золота и истощеніи прежнихъ богатствъ. Въ самомъ дѣлѣ, сначала шло постепенное возвышеніе добычи золота: въ 1830 году частная золотопромышленность выработывала только 4 пуда 22 фунта драгоцѣннаго металла; въ 1836 году она достигла 84 пудовъ; въ 1837 году—106 пудовъ; въ 1842 году—575 пудовъ; въ 1846 году—1.238 пудовъ; въ 1847 году—1.370 пудовъ. Затѣмъ добыча стала падать на 1.200, на 1.100 п., а въ 1852 году было извлечено только 900 пудовъ [1]). Въ пятидесятыхъ и шестидеся-

[1]) Въ 1879 г. на частныхъ пріискахъ всей Томской губерніи добыто золота 163 пуд. 34 ф. 9 зол. 55 д., въ Акмолинской Области всего 26 ф. 15 з. 48 д. Въ Семипалатинской 9 пуд. 16 ф. 42 з. 74 д.

тыхъ годахъ слышатся уже жалобы и плачъ на истощеніе золота; оказалось, что пріемы нашей разработки золотыхъ рудъ были такіе же хищническіе, какъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Гоняясь за фунтомъ лишняго содержанія, золотоискатели снимали золото только сверху, а остальное погребали въ отвалахъ. Эти отвалы и ихъ разработка выпала на потомковъ, которые должны были довольствоваться меньшимъ.

Сибирская золотопромышленность безспорно играла когда-то видную роль не только въ жизни Сибири, но и общероссійской. По количеству добычи золота Россія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ; такъ, въ 1882 году самое большое количество золота получено въ Соединенныхъ Штатахъ—2.985 пудовъ, во всей Австраліи—2.242 пуд. и въ Россіи—2.207 пудовъ, изъ числа которыхъ, 1.749 приходится на долю Восточной и Западной Сибири [1]). Добычей сибирскаго золота было занято 33.421 рабочихъ на 646 пріискахъ. По губерніямъ и областямъ пріиски и рабочая сила распредѣлялись слѣдующимъ образомъ.

Западная Сибирь:				
Томская губернія . . .	пріисковъ	120,	рабочихъ	4.437
Семипалатинская обл. .	»	29,	»	1.785
Акмолинская обл. . . .	»	10,	»	431
	Всего пріисковъ	159,	рабочихъ	6.653
Восточная Сибирь:				
Енисейская и Иркутская г.	пріисковъ	322,	рабочихъ	11.163
Забайкальская область. . .	»	85,	»	8.450
Якутская » . . .	»	62,	»	4.558
Амурская » . . .	»	15,	»	2.307
Приморская » . . .	»	3,	»	290
Всего въ Восточной Сибири	пріисковъ	487,	рабочихъ	26.768

Какъ видно по отчетамъ къ 1890 г., въ шести восточно-сибирскихъ горныхъ округахъ разработывалось 303 золотыхъ пріиска, изъ которыхъ добыто 1.229 п. 30 ф. шлиховаго золота. Первое мѣсто между округами занимаетъ Ленскій, давшій около 47% всей добычи, затѣмъ слѣдуютъ: Амурскій—40%, Восточно-Забайкальскій—8%, Западно-Забайкальскій — 2,7%, Бирюсинскій—1,7% и Приморскій—0,6%. Въ послѣдніе три года добыча золота въ Восточной Сибири возрастаетъ, но нѣтъ основаній съ увѣренностью разсчитывать на дальнѣйшее прогрессивное возрастаніе: количество за-

[1]) Горнозаводская производительность Россіи въ 1882 г. Сост. А. А. Карпинскій. I. 1884 г.

пасовъ золота въ разработываемыхъ пріискахъ Амурскаго округа опредѣлено довольно точно и оно будетъ добыто въ теченіи 3—4 лѣтъ, новыхъ же открытій не предвидится тамъ, а увеличеніе добычи преимущественно и зависитъ отъ этого округа. Въ Ленскомъ округѣ, хотя онъ и стоитъ первымъ, въ послѣдніе годы добыча золота держится, приблизительно, въ одинаковыхъ размѣрахъ. Прочіе четыре округа не оказываютъ существеннаго вліянія на общее количество добываемаго металла.

Промыселъ этотъ въ самомъ началѣ не былъ поставленъ раціонально. Въ золотомъ дѣлѣ въ Сибири все предоставлялось простой случайности и произволу эксплутатора. О золотопромышленности въ Сибири накопилась теперь цѣлая литература. Когда-то ей посвящали статьи и книги, Кривошапкинъ, Латкинъ, Скарятинъ, Бутинъ, Пакулевъ и друг. [1]). При этомъ не мало говорилось о пріемахъ золотопромышленности, поискахъ за золотомъ, таежной жизни и нравахъ рабочихъ. Золотопромышленный вопросъ освѣщался съ различныхъ точекъ зрѣнія, смотря по автору. Одни, представляя разныя неустройства, винили рабочее населеніе за побѣги, обличали его неисправности, пороки и клонили дѣло къ тому, чтобы дать предпринимателю болѣе правъ и привилегій, чтобы распоряжаться рабочимъ. Другіе, выставляя деморализацію, царствующую на пріискахъ, обвиняли самихъ золопромышленниковъ. Золотопромышленный вопросъ обсуждался также въ разныхъ комитетахъ и съѣздахъ.

Въ 1870 году былъ въ Иркутскѣ организованъ особый комитетъ при участіи существовавшаго въ то время техническаго общества. Въ комитетъ поступило нѣсколько мнѣній; большая часть ихъ была, однако, мнѣніемъ хозяевъ и отличалась односторонностью. Докладъ комитета, основанный на этихъ документахъ, напечатанъ въ 1879 году въ VI выпускѣ «Извѣстій восточно-сибирскаго отдѣла техническаго общества». Точно также вопросъ о томъ, какъ помочь золотопромышленности былъ предметомъ обсужденія на съѣздѣ въ Забайкальѣ, въ Читѣ, въ 1886 году («Восточн. Обозр.» 1886. № 8). Побудительными причинами къ устройству этого съѣзда послужили записки лицъ высшей сибирской администраціи, а именно: предсѣдательствовавшаго въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири генералъ-лейтенанта Педашенко, военнаго губернатора Забайкальской области гене-

---

[1]) Точно также вопросъ о томъ, какъ помочь золотопромышленности, былъ предметомъ обсужденія на съѣздѣ въ Забайкальѣ, въ Читѣ, въ 1886 г. («Вост. Обозрѣн.». 1886. № 8).

ралъ-маіора Барабаша и горнаго инженера Іордана. Всѣ эти лица заявили о крайне печальномъ положеніи пріисковаго рабочаго и о неблагопріятномъ вліяніи золотопромышленности на населеніе. Краски, приведенныя въ докладахъ, крайне мрачны. Затѣмъ было открыто особое совѣщаніе въ Иркутскѣ при главномъ управленіи Восточной Сибири, но результаты его пока неизвѣстны. Наконецъ, появлялись особые циркуляры администраторовъ, имѣвшіе цѣлью поставить на легальную почву вопросъ о наймѣ рабочихъ; такой циркуляръ принадлежалъ забайкальскому губернатору.

При помощи литературы, обсужденій вопроса съ участіемъ безпристрастныхъ лицъ и фактами, выяснившимися на съѣздахъ, обнаружены нынѣ такіе недостатки пріисковаго дѣла, которые скрывать болѣе невозможно. Особенно возбуждалъ вниманіе вопросъ объ эксплуатаціи рабочаго, тяжелыхъ контрактахъ, своего рода кабалѣ, соблазнахъ, которымъ онъ подвергается на пріискахъ, деморализаціи, которой пропитано все рабочее населеніе, и непроизводительной тратѣ заработковъ, изъ чего оказывается, что золотопромышленность, какъ промыселъ, весьма мало дала производительности края, почти не подняла благосостояніе массы, несмотря на существовавшія обольщенія большимъ заработкомъ; напротивъ, развращая рабочаго и отвлекая отъ здороваго земледѣльческаго труда и промысловъ, была въ ущербъ общему хозяйству и пагубой рабочаго. Въ настоящее время достаточно ясно обнаружено, что паденіе золотопромышленности и уменьшеніе добычи золота зависѣло не отъ недостатка привилегій крупной золотопромышленности, сколько отъ недостатковъ самихъ предпринимателей, отсутствія всякой техники, хищническаго хозяйства и нераціональнаго способа примѣненія труда. Вотъ одинъ изъ приговоровъ золотопромышленности:

«Нынѣшнія условія капиталистическаго веденія дѣла, устраняя конкурренцію, убиваютъ всякую иниціативу въ золотопромышленномъ дѣлѣ и всякое научное отношеніе къ нему, какое должно было бы освѣщать темный путь извлеченія богатствъ изъ нѣдръ земли. Смѣшно сказать, что наша золотопромышленность до сихъ поръ, т.-е. за 50-ти-лѣтнее почти существованіе, имѣетъ одинъ лозунгъ: «счастіе». У насъ до сихъ поръ не сдѣлано никакихъ попытокъ выбиться изъ власти случая. Наша заработная плата отъ 60—90 к. въ день, наше содержаніе золота въ пескахъ отъ 40—90 доль считаются невозможными для веденія дѣла! Какъ-то невольно переносишься мыслью изъ своей родины въ другія страны, гдѣ и рабочимъ платятъ въ 10 разъ дороже, и золото моютъ

въ 10 разъ бѣднѣе» (См. Очерки современнаго состоянія золотопромышленности, Сиб. сборникъ. 1889 г. вып. 1).

«Быстрый упадокъ въ Сибири золотопромышленнаго дѣла болѣе всего зависитъ отъ нынѣ существующей монополіи, поддерживаемой золотопромышленными уставами, а не отъ недостатка рабочихъ рукъ и нравственнаго ихъ достоинства», говоритъ одинъ изъ спеціалистовъ этого дѣла.

Объ отсутствіи всякаго культурнаго вліянія пріисковъ на жизнь страны и ея природу и отсутствіи всякаго слѣда культурной жизни въ тайгѣ изслѣдователи сообщаютъ слѣдующее: Побывавшіе въ рукахъ крупнаго золотопромышленника пріиски поступаютъ обратно въ казну безпорядочно изрытыми, съ окончательно-вырубленнымъ и безъ того скуднымъ лѣсомъ, въ несравненно худшихъ условіяхъ для будущихъ предпринимателей, чѣмъ они могли бы быть, будучи своевременно огражденными отъ захвата закономъ. Такъ или иначе, но поколѣніе, которое только начинаетъ жить, съ ужасомъ замѣчаетъ, что ему приходится создавать свое благополучіе на развалинахъ, произведенныхъ хищеніемъ его отцовъ. Такое положеніе не можетъ и не должно слишкомъ долго длиться. Законъ долженъ дать новыя нормы для золотопромышленнаго дѣла. Пока этого нѣтъ, на насъ лежитъ обязанность заявлять изъ тысячи угловъ обширнаго нашего отечества о явленіяхъ жизни, которыя должны считаться утратившими смыслъ и требующими измѣненія (См. Очерки современнаго состоянія золотопромышленнаго дѣла. Сибир. сборникъ, 1889, вып. I, стр. 12).

Упадокъ золотыхъ промысловъ и истощеніе добычи обнаруживается вездѣ и даже въ тѣхъ мѣстахъ, которыя считались наиболѣе надежными, служитъ свидѣтельствомъ положенія дѣлъ на Витимско-Олекминскихъ пріискахъ Якутской области, куда перенеслись въ послѣднее время главные капиталы золотопромышленниковъ. О Витимско-Олекминскихъ пріискахъ мы читаемъ, напр., слѣдующее: въ названныхъ двухъ системахъ число пріисковъ вообще, и въ частности число разработываемыхъ пріисковъ, въ послѣднее время значительно увеличилось [1]). Въ 1884 г. было 248, а въ 1889 г. 283 пріиска; въ томъ числѣ работалось: въ 1884 г. 55, а въ 1889 г.—76. Увеличивается и количество живой рабочей силы (въ 1887 г. 11.256, въ 1889 г. 13.166 рабочихъ [2]).

---

[1]) Памятная книжка Якутской области на 1891 г. «Золотопромышленность и пріисковое пароходство въ Якутской области». Статья М. К. (95—128).

[2]) Сюда не включены служащіе, которые не составляютъ физической рабочей силы. Ихъ было въ 1887 г. 896, а въ 1889 г. 985. Лошадей въ 1887 г.

Не смотря на это, количество добытаго золота, въ послѣднее время, уменьшилось (въ 1884 г. 606 п. 3 ф. 42 з. 9 д.; въ 1889 году 485 п. 9 ф. 58 з. 52 д., т. е. почти на 20% менѣе). Это уменьшеніе очень просто объясняется уменьшеніемъ содержанія золота въ пріискахъ. Вымываніе золота и его уменьшеніе несомнѣнно и истощеніе неминуемо. Не смотря на видимую обольстительность, промыселъ этотъ оказался, однако, далеко не такъ прочнымъ, какъ о немъ думали, и въ настоящее время никто уже не вѣритъ, что Сибирь можетъ спасти и поднять одно золото.

Вслѣдъ за эксплуатаціей звѣрей, рудъ и золота, мы обратились къ эксплуатаціи скотоводческихъ и земледѣльческихъ продуктовъ Сибири. Сибирь нынѣ представляется вполнѣ земледѣльческою страною, земледѣліе существуетъ повсемѣстно, кромѣ сѣверныхъ окраинъ, до 57¼° с. ш. Количество пахатныхъ земель громадно. Способныхъ къ хлѣбопашеству земель министерство государственныхъ имуществъ высчитало въ Западной Сибири 660.915 кв. верстъ, или 69.465.866 десятинъ, или 32,4% общаго пространства, а въ Восточной Сибири 1.612.390 кв. верстъ или 167.890.110 десятинъ. Не смотря на этотъ поверхностный разсчетъ, однѣ цифры поражаютъ воображеніе. По свѣдѣніямъ казенныхъ палатъ, въ числѣ крестьянскихъ надѣловъ пахатныхъ земель къ 1878 г. въ Тобольской губерніи было 5.773.272 десятины и вдвое болѣе въ Томской.

О размѣрахъ запашекъ въ Сибири и сборѣ хлѣба даютъ возможность судить слѣдующія цифры. Въ Тобольской губерніи къ 1880 г. засѣвалось 1.540.536 чет. хлѣба и снималось 5.420.601 четв. Въ Томской губерніи въ 1880 г. засѣвалось 994.135 четв. и сбиралось 4.516.156. Въ 1886 г., по имѣющимся свѣдѣніямъ, сборъ хлѣбовъ на губернію равнялся 5.766.391 четв. Вся Западная Сибирь съ двумя областями, Акмолинской и Семипалатинской, давала болѣе 10.500.000 четвертей, при чемъ неурожаи и уменьшеніе запашекъ падало на Тобольскую губернію. Алтайскій горный округъ Томской губерніи, состоящій изъ трехъ округовъ: Барнаульскаго, Кузнецкаго и Бійскаго, заключаетъ огромное пространство въ 382.000 кв. вер. и 40.000.000 десятинъ, въ распоряженіи крестьянъ находится 7.487.690 десятинъ удобной и 5.529.160 неудобной земли. Подъ пашнями въ Барнаульскомъ округѣ 276.017 десятинъ, въ Бійскомъ 345.633 и Кузнецкомъ 108.237 четв. Сборы пшеницы въ 200 и 250 пуд. съ десятины считались обыкновен-

---

было 1.308, въ 1889 г. — 2.339; оленей — 1.810 и 2.100, паровиковъ у пяти золотопромышленниковъ было 41, всего въ 611 силъ (сила 3 паровиковъ не показана).

ными, но урожаи иногда давали и 300. Въ 1888 году, южные округа Томской губерніи на ярмарки за Уралъ доставили 4.000.000 пуд. пшеницы и сибирскій хлѣбъ начинаетъ вывозиться даже моремъ чрезъ Сѣверный океанъ.

Что касается скотоводства, то Сибирь, благодаря степямъ и обширнымъ лугамъ, представляетъ всѣ шансы для развитія богатаго скотоводства. Въ Западной Сибири только къ 1880 г. считалось 10.978.942 головы скота, причемъ 5.000.000 приходилось на 2 земледѣльческихъ губерніи и около 6.000.000 на Киргизскія области.

Въ Восточной Сибири земледѣліе распространено въ Енисейской губерніи въ Красноярскомъ, Ачинскомъ, Канскомъ округахъ и особенно Минусинскомъ, составляющимъ житницу края [1]). Затѣмъ, въ Иркутской губерніи въ Балаганскомъ и Иркутскомъ округѣ все Забайкалье представляетъ сплошную земледѣльческую площадь съ прекрасными пастбищами. Благодаря заселенію, прочной осѣдлости и сельско-хозяйственнымъ занятіямъ, вся Сибирь въ настоящее время должна быть признана не *звѣроловной* или *горнозаводской* колоніей, но колоніей земледѣльческо-скотоводческой. Тѣмъ важнѣе разсмотрѣть здѣсь условія земледѣльческаго хозяйства [2]).

Не смотря на это изобиліе продуктовъ, нельзя не видѣть, что земледѣліе и скотоводство стоитъ далеко не на высокой степени во всей Сибири. Способъ хозяйства тотъ же хищническій, какъ и въ другихъ отрасляхъ хозяйства. Богатыя скотоводческія степи были для насъ мертвымъ капиталомъ. Цѣлыя стада лошадей и овецъ на привольныхъ степяхъ пропадали для насъ и часто гибли отъ случайностей, болѣзней и дѣйствія стихій, какъ гибнутъ буйволы въ Америкѣ и въ Африкѣ. На барабинской степи съиздавна падаетъ скотъ отъ сибирской язвы, въ киргизскихъ степяхъ гибнутъ сотни тысячъ головъ отъ безкормицъ и «джута» [3]). Не-

[1]) Въ Енисейской губерніи въ 1888 г. собрано 268.552 четв., яроваго 1.388.938 четв. Изъ этого на Минусинскій округъ приходилось 50.693 озимаго и 617.010 четв. яроваго.

[2]) Условія эти подробнѣе разсмотрѣны въ приложеніи къ настоящей главѣ; здѣсь же мы пытались сдѣлать лишь историческій очеркъ эксплуатаціи.

[3]) Какъ огромны въ Сибири падежи скота, опустошающіе часто цѣлыя мѣстности, видно, что въ одно 25-лѣтіе въ Тобольской губерніи пало 57.626 лошадей и 290.555 головъ рогатаго скота; убытокъ отъ этого равнялся 3.764.000 р. (Списки населен. мѣстъ Тоб. губ. с. CCXV). Въ Томской губерніи въ 7 лѣтъ, съ 1860 г. по 1866 г., пало 177.145 головъ скота, по 25.306 на годъ. Въ 1876 г. у киргизъ отъ болѣзней и безкормицы погибло 173.998 шт. скота, и по свидѣтельству ветеринара Гвовскаго въ одной Семипалатинской области ежегодно падаетъ до 200.400 головъ. Сибирская язва и чума составляютъ настоящія стаціонарныя эпизоотіи.

давно на туркестанскомъ трактѣ не было лошадей для сообщенія. Въ иныхъ мѣстахъ Сибири скотоводство какъ бы поражаетъ изобиліемъ. Ѣзда сибирская отличается быстротою, лихія тройки обворожаютъ путника. Но достаточно взглянуть на уходъ за скотомъ, на отсутствіе раціональнаго хозяйства, чтобы разочароваться. Въ Сибири скотъ рѣшительно не цѣнится ни во что; для скорой ѣзды, чтобы выручить лишній рубль или полтинникъ, крестьянинъ загоняетъ лошадь. Многими животными продуктами не умѣютъ пользоваться и совершенно бросаютъ ихъ; такъ, напримѣръ, погонщики скота нанимаютъ стричь по дорогѣ барановъ и отдаютъ шерсть даромъ или бросаютъ ее на мѣстѣ. Въ скотоводческихъ мѣстностяхъ скопляется огромное количество навоза, который никуда не пристроивается, даже не идетъ на удобреніе. Въ Сибири часто деревни переселяются на другое мѣсто потому, что «больно заназмились»; то, что служитъ въ другихъ мѣстахъ средствомъ для поднятія культуры, то является здѣсь препятствіемъ. Въ такихъ залежахъ образуется натуральная кристаллизація поташа; сама природа, такимъ образомъ, показываетъ употребленіе, но имъ никто не пользуется. Тѣ сырые продукты, на которые обращаютъ вниманіе мѣстные жители, добываются грубо и первобытными способами. Такъ, напримѣръ, сало, добываемое изъ животныхъ, не перетапливается и не очищается. Во время провоза и добыванія теряется масса продукта даромъ; кожи мѣстное крестьянство не умѣетъ выдѣлывать; громоздкое и тяжелое сырье везется въ даль и по дорогѣ расхищается. Несмотря на обиліе сала, сибирскій крестьянинъ не можетъ имъ воспользоваться даже для своихъ надобностей. Онъ не умѣетъ обработать сала и жжетъ въ зимніе вечера лучину. Сѣетъ онъ ленъ, а носитъ рубашку изъ грубаго, лубочнаго холста; у него много шерсти, а вы видите его одѣтымъ въ какую-то дерюгу, насквозь продуваемую вѣтромъ; подъ ногами его множество желѣза, а онъ употребляетъ деревянный замокъ, телѣгу съ деревянными гвоздями; окна его нищенской хижины заткнуты слюдою и бумагою вмѣсто стеколъ; онъ не умѣетъ дѣлать мыла, а потому обходится при помощи «подмылья», т.-е. моется квашеными кишками. Такимъ образомъ, обиліе продуктовъ не улучшаетъ его быта, и сибирскій крестьянинъ бѣденъ и безпомощенъ среди своихъ минеческихъ богатствъ, какъ послѣдній дикарь. Вывозъ и сбытъ сырья точно такъ же не обогащаютъ его. Сырье обыкновенно сбывается по самымъ низкимъ цѣнамъ заѣзжимъ кулакамъ. Хлѣбъ въ нѣкоторые года былъ такъ дешевъ въ земле-

дѣльческихъ округахъ, что имъ кормили свиней на продажу на Ишимской ярмаркѣ. Какъ въ дѣлѣ скотоводства, такъ и въ хлѣбопашествѣ преобладаетъ тотъ же хищническій способъ: поднимается новина, срубается лѣсъ, сѣется на дѣвственной землѣ хлѣбъ, дающій въ первые годы огромный урожай (самъ-30 и самъ-40), но послѣ первыхъ годовъ земля считается выпаханной и земледѣлецъ бросается на новое мѣсто, на новую дѣвственную почву. Многія губерніи Сибири производятъ излишекъ хлѣба; хлѣбъ идетъ отчасти на пріиски, рудники и заводы, но эта ничтожная часть сбываемаго хлѣба замедляется разстояніями и дурными путями сообщенія по пустыннымъ и непроходимымъ мѣстностямъ внутри Сибири, а въ Россію его вовсе не привозится. Поэтому Сибирь тяготится даже своими необыкновенными урожаями. Въ послѣднее время, впрочемъ, придуманъ былъ исходъ хлѣбнымъ богатствамъ Сибири: въ ней начали спекулировать на винокуреніе; край покрылся винокуренными заводами и Сибирь, вмѣсто золотопромышленной, становится винокуренной. Въ Томской губерніи въ 1870 году было 22 винокуренныхъ завода и выкурено вина на 1.282.168 р.; въ 1871 г. выкуривали вина на 2.021.960 р.; въ 1872 г. на 2.166.884 р. и т. д. Въ 1879 г. въ Западной Сибири на винокуреніе было употреблено хлѣба 2.058.326 пуд.; изъ этого количества выкурено 85.368.536 градусовъ безводнаго спирта или 2.134.213 ведеръ вина. Вообще же винокуренная производительность равнялась къ 1880 году 2.225.002 руб., на водочныхъ заводахъ 289.479 и пивоваренныхъ 244.702 р. Въ Иркутской губерніи въ 1880 г. было 7 винокуренныхъ заводовъ, которые производили 55 милліоновъ градусовъ спирта. Такимъ образомъ до послѣдняго времени винокуреніе занимаетъ въ обработывающей промышленности одно изъ первыхъ мѣстъ. Точно также винокуреніе развивается въ Тобольской и Иркутской губерніяхъ. Что же приносятъ эти заводы мѣстному благосостоянію? «Заводы эти хотя выгодны для сбыта хлѣба, но далеко не искупаютъ того вреда, который вносятъ они распространеніемъ спиртныхъ напитковъ въ среду рабочаго сословія, и становятся истиннымъ зломъ въ года неурожайные», говоритъ одинъ оффиціальный отчетъ. О вліяніи этой промышленности въ Иркутской губерніи сообщается слѣдующее: «Вліяніе развитія винокуренія на край не представляетъ ничего отраднаго; винокуренные заводы не имѣютъ никакого сельско-хозяйственнаго значенія, а между тѣмъ замѣчается всюду развитіе пьянства и его гибельныхъ послѣдствій. Это вызвало борьбу генералъ-губернатора Синельникова противъ этого зла; по-

слѣдовали отказы виноторговцамъ въ открытіи кабаковъ [1]). Такова послѣдняя форма эксплуатаціи «золотого дна» — Сибири. Въ настоящее время много говорятъ о вывозѣ сибирскихъ богатствъ, о сбытѣ ихъ внѣ ея предѣловъ путемъ улучшенныхъ путей сообщенія, но не мѣшаетъ подумать и о томъ, къ чему послужитъ этотъ вывозъ при нераціональныхъ и хищническихъ способахъ эксплуатаціи, — къ чему, какъ не къ окончательному расхищенію, истребленію и истощенію послѣднихъ запасовъ и произведеній природы? Истощеніе это замѣчается на каждомъ шагу: это видно въ выгораніи лѣсовъ, въ истребленіи звѣря, въ расхищеніи металловъ, въ вывозѣ сырья, безъ возвращенія землѣ ея производительной энергіи, и въ истощеніи почвы.

Во всей этой экономической эксплуатаціи поражаетъ насъ невольно отсутствіе всякой предусмотрительности и страшное невѣжество населенія. Какъ будто житель Сибири не думаетъ оставаться въ ней дольше завтрашняго дня, какъ будто онъ пришлый человѣкъ, случайный кочевникъ, который нынче здѣсь, а завтра тамъ, и ему нѣтъ никакого дѣла до того, чѣмъ будетъ жить его сынъ, его внукъ, его правнукъ. Онъ безъ разбора и безъ оглядки хватаетъ все, что есть лучшаго у него подъ рукой, и, схвативъ, расхитивъ и обезобразивъ, обращается къ новой спекуляціи. Мы набрасывались на все, на золотые самородки, на соболя, котораго били около жилища, но какъ только предстоялъ настойчивый трудъ, требовались нѣкоторыя усилія и умѣнье для созданія прочной культуры и промысловъ, основанныхъ не на одной случайности, не на слѣпомъ счастіи, мы отступали, терялись и жаловались на скудость природы въ этихъ дѣвственныхъ странахъ. Такъ мы переходили отъ промысла къ промыслу.

Вотъ какъ характеризовалъ одинъ ораторъ экономическое положеніе Сибири въ день 300-лѣтія: Сибирь—страна богатая, она обладаетъ такими сокровищами, какъ золото, серебро и другіе металлы; земли въ ней сколько угодно, лѣсу также, почва плодородная, рѣки многоводныя; къ восточной границѣ прилегаетъ океанъ. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ населеніе могло бы дости-

---

[1]) Исторія борьбы мѣстной администраціи съ винокурами и стремленіе положить предѣлъ къ скупу хлѣба и повышенію цѣнъ изложена въ книгѣ «Иркутскъ, его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Сибири» подъ редакціею И. П. Сукачева, изд. 1891 г., стр. 110—111. Изъ этого очерка видно, что, по ходатайству сенатора Синельникова, постройка винокуренныхъ заводовъ въ Иркутской губерніи въ 1872 г. была даже пріостановлена. Иркутскій пожаръ вызвалъ повышеніе цѣнъ хлѣба и борьбу съ винокурами возбудилъ снова генералъ-губернаторъ Анучинъ.

гнуть высокой степени развитія, что въ многолюдныхъ сибирскихъ деревняхъ должны бы быть школы, что улучшеніе торговыхъ путей, давая возможность сбывать излишки земледѣльческихъ продуктовъ, обогащало бы населеніе, что въ городахъ сибирскихъ должны были быть техническія и земледѣльческія школы. Это-ли мы видимъ? Какое зданіе прежде всего кидается въ глаза при въѣздѣ въ любой городъ?—Острогъ! При въѣздѣ въ село?—Этапъ! Рѣдко вы увидите школу, да и тѣ больше для проформы. Васъ поразитъ масса кабаковъ въ деревняхъ; васъ будетъ еще болѣе удивлять эта страшная безпомощность населенія, которое держатъ въ своихъ рукахъ нѣсколько міроѣдовъ! Васъ поразитъ эта масса нищихъ, осаждающихъ васъ. Рядомъ съ этимъ вы встрѣтите болѣе или менѣе образованныхъ людей, принадлежащихъ къ классу купцовъ и золотопромышленниковъ. Они любятъ щегольнуть своимъ просвѣщеніемъ, любятъ сравнить себя съ американскими гражданами; но далеко имъ до американцевъ, которые гордятся образованіемъ своего народа, и девизъ которыхъ: «живи и жить давай другимъ»! Съ каждымъ открывшимся пріискомъ, заводомъ, винокурней зажиточность крестьянъ падаетъ. Увеличивается заработокъ, потребности съ этимъ не увеличиваются, кабаковъ безчисленное множество, и всѣ деньги пропиваются. Я самъ знаю нѣкоторыя деревни, гдѣ одинъ извозъ даетъ нѣсколько десятковъ тысячъ и гдѣ этимъ промысломъ занимается вся деревня, гдѣ, слѣдовательно, всѣ крестьяне богаты и всѣ поголовно безграмотны; за то 10 «вольныхъ» продажъ питей замѣняютъ школы (докторъ Прохоровъ).

Предшествовавшіе примѣры эксплуатаціи Сибири и пользованіе произведеніями края только въ извѣстномъ направленіи подали поводъ мнѣнію, что Сибирь обречена навсегда быть страной сырья и поставщицею его для другихъ мѣстностей; что ей суждено быть постоянно страною земледѣльческой и скотоводческой и что единственная экономическая ея сила только въ сбытѣ этихъ продуктовъ. Такое воззрѣніе на экономическія судьбы Сибири становится преобладающимъ. По поводу сибирской желѣзной дороги не разъ откровенно заявлялось: «главная цѣль дороги—это эксплуатація сибирскихъ богатствъ и вывозъ сырья для снабженія имъ русскихъ мануфактуръ, точно такъ же, какъ сбытъ фабрикатовъ на рынкахъ Азіи». Но такъ-ли это? Если отсутствіе промышленности и хищная, эгоистическая эксплуатація края держитъ его до сихъ поръ на низкой степени культурнаго развитія, то слѣдуетъ-ли изъ этого, что и на будущее время Сибирь должна быть обречена тому же экономическому застою, той же печальной участи «золотого дна»,

безпощадно расхищаемаго? Какъ бы ни была богата страна своими естественными продуктами, но если она остановится на томъ экономическомъ уровнѣ, чтобы только вывозить ихъ отъ себя, не переработывая ихъ у себя дома, она невольно обречетъ себя на вѣчную кабалу и эксплуатацію другими, болѣе сильными въ промышленномъ отношеніи мѣстностями; она будетъ въ постоянной зависимости отъ чужихъ рынковъ, данницей чужого капитала и, въ концѣ-концовъ, обѣднѣетъ и разорится до послѣдней крайности. Таково именно настоящее положеніе Сибири. Она пользуется всѣмъ привознымъ и несетъ всѣ невыгоды отъ этой экономической зависимости. А между тѣмъ, потребность въ удобствахъ жизни и запросъ на мануфактурныя произведенія годъ отъ году увеличивается. Мы видимъ, что потребности сибирскаго населенія все болѣе расширяются, запросъ на мануфактурный и заводскій товаръ является и въ крестьянской средѣ.

Для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ могла бы служить мѣстная обработывающая промышленность. Обиліе животныхъ, растительныхъ и минеральныхъ произведеній, кажется, должно было бы создать здѣсь заводскую и богатую кустарную промышленность. Къ сожалѣнію, обработывающая и заводская производительность Сибири стоитъ ниже всѣхъ отраслей хозяйства и даетъ самые ничтожные итоги.

Въ то время, когда Западная и Восточная Сибирь потребляетъ не менѣе, какъ на 60.000.000 руб. привозныхъ заводскихъ товаровъ и мануфактуръ, судя по оборотамъ ярмарокъ (на одной Ирбитской ярмаркѣ сбывалось недавно для Сибири мануфактуръ на 23.179.000 руб. и на 30 милліоновъ на Нижегородской), мѣстная заводская промышленность недавно производила на 6.377.857 руб. (Военно-статистическій сборникъ, ч. I). По подробнымъ, собраннымъ нами изъ разныхъ отчетовъ, свѣдѣніямъ въ 1873 г. оказалось, что въ Сибири было 1.262 разныхъ заводовъ и крупныхъ заведеній, которые производили на 15.347.293 руб. заводскихъ продуктовъ; но надо принять во вниманіе, что здѣсь весьма видную роль играло винокуреніе (а именно 8.627.300 р.). По свѣдѣніямъ съ 1879 по 1880 годъ заводская промышленность Западной Сибири достигаетъ оборота въ губерніяхъ и областяхъ всего 10.501.038 руб. Цифра эта показываетъ, какую ничтожную часть занимаютъ мѣстныя произведенія въ пріобрѣтаемыхъ мануфактурахъ. Надо замѣтить, что въ большинствѣ мѣстная промышленность довольствуется простою обработкою сырыхъ продуктовъ. Если мы выдѣлимъ винокуренье, то увидимъ, что въ общемъ числѣ заводовъ и фабрикъ въ Западной Сибири играютъ роль

главнымъ образомъ, кожевенные заводы, составляя 30,22%, а по суммѣ производства 22,88%. Салотопенные заводы составляютъ 17,6% всѣхъ заводскихъ оборотовъ. Что касается высшихъ производствъ, то они почти не зарождались въ Сибири. Въ Западной Сибири, напримѣръ, до 1880 г. основалась одна суконная фабрика, выдѣлывающая въ этомъ отечествѣ шерсти грубыя сукна на 193.446 р.; въ краѣ, гдѣ находятся неистощимые рудники и богатство металловъ, на всю Сибирь 3 желѣзныхъ завода и въ западной части 3 чугунно-литейныхъ заведенія съ оборотомъ въ 138.750 р. Ничтожность заводской промышленности въ краѣ доказывается вдобавокъ тѣмъ, что изъ 3.219.193 душъ населенія Западной Сибири въ 1879 г. занято было на мѣстныхъ заводахъ всего 10.109 человѣкъ [1]). Не малую услугу краю и даже бо́льшую, чѣмъ крупная мануфактура, могла бы оказать кустарная промышленность, зачатки которой уже съиздавна появились въ Сибири; эта промышленность до сихъ поръ для крестьянства имѣла значеніе; она поддерживается въ послѣднее время притокомъ ремесленниковъ и переселенцевъ изъ Россіи [2]); къ сожалѣнію, настоящее значеніе ея еще вполнѣ не оцѣнено.

Само правительство чувствовало необходимость поднять экономическія силы Сибири развитіемъ въ ней мѣстныхъ производствъ. Такъ, въ 1835 году министръ финансовъ Канкринъ пробовалъ обратить вниманіе на развитіе промышленности въ Сибири, предписывая мѣстнымъ начальникамъ добыть отъ мѣстныхъ промышленниковъ свѣдѣнія о томъ, какія производства могли бы развиться въ краѣ, и что до сихъ поръ мѣшало ихъ развитію. Изъ переписки оказывалось, что въ Тобольской губерніи могли быть развиты различныя производства; Курганскій округъ изобилуетъ скотоводствомъ, въ немъ произрастаетъ свекловица и питательныя травы, а поэтому можно бы устроить: a) выдѣлку свекловичнаго сахара, патоки и рафинированнаго; b) стеариноваго производства; c) выдѣлки крупъ и крупичатой муки; d) обработку поярковыхъ и пуховыхъ шляпъ; можно бы увеличить кожевенные заводы съ выдѣлкою на нихъ клея; e) развести мериносовыхъ овецъ и пчеловодство. Въ Туринскѣ замѣчательны ремесла кузнечное, слесарное и выдѣлка холста, которыя могли бы идти гораздо лучше. Задержка промышленности и слабое развитіе ея объясняются, во-1-хъ, тѣмъ, что нѣтъ знающихъ капиталистовъ для заведенія фабрикъ,

---

[1]) Памятная книжка Западной Сибири 1881 г. Изслѣдованія Павлова-Сильванскаго о промышленности Сибири съ 1868—1876 г.

[2]) Кустарные промыслы въ Сибири и значеніе ихъ. Русская Мысль 1881 г.

а купечество предпочитаетъ свои спекулятивные обороты; во-2-хъ, нѣтъ мастеровыхъ для мануфактурнаго дѣла, доказательствомъ чего приводится фабрика Медвѣдева, которая могла возникнуть только тогда, когда вызваны были мастера изъ Россіи (Донесеніе общаго губ. правленія генер.-губерн. Западн. Сибири отъ 24 апрѣля 1835 г.). Точно тоже дало въ своемъ отвѣтѣ и томское начальство. Приглашенные для собранія свѣдѣній купцы отвѣтили: «заводовъ, фабрикъ, а также и какихъ-либо промышленныхъ заведеній заводить потому не могутъ, что въ Сибири не имѣется необходимыхъ мастеровъ». Для поощренія сибирской промышленности въ 1839 году, 11 сентября, утвержденъ былъ, наконецъ, указъ о раздачѣ даромъ земель въ Сибири подъ фабрики и заводы (Архивъ главнаго управленія Западной Сибири, д. № 2147). Но поощреніе это не привело ни къ чему, потому что однѣхъ земель было мало: нужны были техническое образованіе, умѣнье взяться за промышленное предпріятіе, опытныя рабочія руки и, наконецъ, пониманіе экономическихъ нуждъ края.

Говоря объ иркутскомъ обществѣ, самомъ видномъ во всей Сибири, одинъ изъ путешественниковъ замѣчаетъ: «Надѣюсь, что насъ никто не упрекнетъ въ несправедливости, если мы скажемъ, что въ Иркутскѣ между купечествомъ, играющимъ въ жизни самую важную общественную роль, царствуетъ крайняя необразованность, и этимъ, конечно, не обидятся люди, о которыхъ я говорю, потому что имъ и негдѣ получить образованія, а многіе изъ нихъ вышли изъ простыхъ ямщиковъ и обозныхъ приказчиковъ. Такое положеніе общества отзывается и на его дѣлахъ; кромѣ торговли, основанной на кулачествѣ, золотопромышленности и соединеннаго съ ея процвѣтаніемъ винокуренія, не идетъ ни одно промышленное и болѣе широкое предпріятіе. Не выручаетъ тутъ ни здравый умъ, ни предпріимчивость» (Очерки Вост. Сибири Ровинскаго). Эти слова глубоко справедливы уже потому, что въ исторіи Сибири мы встрѣчаемся и съ отвагой, и съ предпріимчивостью русскаго народа, но ему недоставало чего-то другого. Ему недоставало истиннаго сознанія экономическихъ потребностей края и созданія самобытной, а не посреднической промышленной роли.

При отсутствіи собственной производительности, естественно, создалась экономическая зависимость края въ сферѣ торговли, которая повліяла на весь складъ экономической жизни населенія. Въ самомъ дѣлѣ, взглянемъ на исторію экономическихъ сношеній Сибири. Съиздавна этотъ край обреченъ пользоваться всѣмъ привознымъ. Первымъ экономическимъ вопросомъ въ Сибири, по завоеваніи ея, явилось снабженіе края необходимымъ продоволь-

ствіемъ. Сибирь, населяемая пришлыми людьми, «людьми гуляющими», авантюристами, бродягами, звѣровщиками, промышленниками, требовала обезпеченія во всемъ. Правительство должно было заботиться о продовольствіи населенія и привозило хлѣбъ сюда. Впослѣдствіи снабженіемъ края товарами занялось купечество, но сношенія съ новымъ краемъ были затруднительны. Торговыя сношенія Сибири съ ея метрополіей, Москвой, производились только разъ въ годъ. Сообщенія совершались по рѣкамъ, товары сплавлялись на дощаникахъ, черезъ волоки тащились нарты людьми, купцы иногда зимовали, операція торговли была медленная; поэтому только рѣдкіе купцы проникали въ Сибирь, но, являясь сюда, становились единственными монополистами, при безлюдьи и отсутствіи конкурренціи. Товары и припасы, привозимые монополистомъ, продавались по необыкновенно высокой цѣнѣ, и покупатель былъ въ полномъ его распоряженіи.

Изъ исторіи торговли на Востокѣ извѣстно слѣдующее. Уже далеко до прошлаго столѣтія начался ввозъ въ Сибирь и Азію русскихъ товаровъ. Въ Верхотурьѣ стояла тогда таможня, гдѣ бралась пошлина съ товаровъ. Пошлина бралась и съ товаровъ, и съ денегъ, привозимыхъ сюда. «А ежели бы съ денегъ пошлины не было, объясняли тогдашнія правила:—то бы мало въ Сибирь россійскихъ товаровъ возили и больше ѣздили бы съ однѣми деньгами» (Изв. о торгахъ сибирск. Миллера, 1735 г.).

Сибирь въ это время во всемъ нуждалась: уже Миллеръ описываетъ, какъ сбытъ товаровъ былъ значителенъ. «Въ Сибирь идутъ шелковые и шерстяные штофы и парчицы русскихъ фабрикъ, цѣвочное золото и серебро, золотые и серебряные позументы и сѣтка русскихъ фабрикъ, которыхъ въ сибирскомъ торгу больше употребляется, чѣмъ чужестранныхъ для того, что купцамъ дешевле становится, а сибирскіе жители о добротѣ оныхъ въ тонкости разсуждать не знаютъ». Въ Сибирь привозились и жестью обитые баулы, и стекло, и мѣдная посуда, и вина. Миллеръ сообщаетъ интересныя цѣны этого времени. «Въ Ирбити и Тобольскѣ разница небольшая, говоритъ онъ:—ежели тамъ четвертою частію болѣе покупаемой цѣны товаровъ продать можно, то купецъ доволенъ». Въ Енисейскѣ нѣкоторые товары подымаются въ двойной цѣнѣ, въ Иркутскѣ—въ тройной и четверной и выше цѣнѣ. Сахаръ стоитъ въ Ирбити 5 р. пудъ, въ Тобольскѣ—7 руб., въ Енисейскѣ—10 руб., въ Иркутскѣ—20 руб., въ Якутскѣ—иногда 40 руб. Красное вино стоило въ Архангельскѣ 1 р. ведро, въ Ирбити—2 и 3 руб.; въ Сибири его продавали въ 20 и 40 рублей. Миллеръ упоминаетъ о начавшей развиваться, въ половинѣ прошлаго столѣтія завод-

ской промышленности въ Сибири; онъ говоритъ, что желѣзо стало выходить изъ Сибири и что «со временемъ имъ можно будетъ не-только Сибирь всю удовольствовать, но и употреблять его немалое количество въ россійскіе и заморскіе торги». То же говоритъ про стеклянные заводы: «и симъ товаромъ отъ себя Сибирь довольствоваться будетъ». Но все это не оправдалось: заводы въ Сибири падали. За то Азія начала снабжать Сибирь бумажными и шелковыми товарами. Бухарскіе караваны привозили изъ Джунгаріи бумажныя ткани, цвѣтныя, подъ именемъ иркетчины; Китай привозилъ дабы, шелкъ; изъ Россіи же везли холстъ и крашенину. Поэтому, азіатскіе товары стали вытѣснять русскій миткаль и холстинку; они наводнили Сибирь и пріучили населеніе къ среднеазіатской мануфактурѣ. Русской мануфактурѣ трудно было соперничать. Въ это время, пишетъ Радищевъ, почти вся Сибирь ходила въ бѣльѣ и платьяхъ изъ бухарскихъ и китайскихъ тканей; жители ходили въ дабовыхъ и фанзовыхъ рубахахъ; голь—шелковая китайская матерія—была распространена по всей Сибири; въ нее наряжались солдатки и крестьянки, шили сарафаны и чепцы, обшитые позументами; въ сибирскихъ канцеляріяхъ употреблялась китайская тушь вмѣсто чернилъ (О карав. торговлѣ съ Джунгаріей и Бухаріей. Чтен. Моск. Общ. Древн. и Истор.). Бухарскіе купцы, при своей ловкости, даже взялись за торговлю русскими товарами. Но русскіе купцы начали жалобы, указывали на льготы бухарцамъ, и свободная торговля съ Азіей была прекращена. Бухарцамъ не приказано было являться въ Россію. Въ 1800 г. тарифъ прекратилъ и китайскій ввозъ. Онъ имѣлъ въ виду, чтобы русскіе товары были повышаемы въ цѣнѣ, а китайскіе—понижаемы. Тарифъ 1824 г. уничтожилъ всякую конкурренцію иностраннаго товара. Граница была замкнута. Китайскіе и бухарскіе шелкъ и фанза исчезли, а ее замѣнилъ миткаль, крашенина и разная привозная дерюга. Замкнутая со всѣхъ сторонъ Сибирь въ это-то время получала только товары съ русскихъ фабрикъ черезъ Ирбитъ. Въ 1832 и 1833 годахъ, по словамъ Словцова, пріобрѣталось Сибирью 35.752.980 р., по 15 и 20 милліоновъ въ годъ россійскихъ товаровъ. Московскіе, костромскіе, владимірскіе фабриканты въ это время были обезпечены отъ конкурренціи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія и 30-хъ годовъ, опять-было возникала кое-какая своя промышленность въ Сибири, напримѣръ, желѣзная, но ее прихлопнула золотопромышленность. Потребности, между тѣмъ, на Востокѣ росли. Разсматривая ввозъ въ Сибирь товаровъ, мы видимъ, что она ничего не дѣлала своего до послѣдняго времени: желѣзо шло съ Урала, сукна, ситцы—изъ Костромы, Москвы, желѣзо изъ

Иванова; она получаетъ и хрупкую посуду изъ Москвы, точила изъ Чердыни, дуги и деревянныя издѣлія изъ шадринскаго заведенія Чеканова; даже ложки привозятся семеновскія, Нижегородской губерніи, даже дрянные пряники. Къ характеристикѣ торга въ Сибири служатъ слѣдующія слова секретаря Тобольскаго статистическаго комитета, Смоленскаго, по поводу ярмарокъ: «Мануфактура русская идетъ для Восточной Сибири изъ Нижегородской ярмарки, для Западной—съ Ирбитской. Сибирскіе купцы брали въ кредитъ, и потому товаръ всегда залежавшійся; особенно много дурнаго товара на мелкихъ торжкахъ Тобольской губерніи. Вязниковцы ѣздятъ дешево и кормятся даромъ: наивные сибиряки принимаютъ ихъ, какъ странниковъ. Обманы, запрашиванье постоянно въ ходу, но мануфактуры на расхватъ» (Смоленскій, Ишимская ярмарка, «Тоб. Губ. Вѣд.» 1857 г.). Въ примѣръ товаровъ тотъ же секретарь статистическаго комитета приводитъ, что варенье, напримѣръ, привозятъ паточное, а продаютъ за сахарное въ Сибири; берутъ за него по 7 руб. пудъ, когда оно въ Нижнемъ 4 руб.; его одного продается на 70.000 руб. (?) на одной ярмаркѣ. Бакалейщики говорятъ, что они получаютъ по 35 и 50 процентовъ на рубль. Ирбитская мануфактура вошла въ поговорку: «Никуда не годно, такъ въ Сибирь», говорятъ фабриканты. Г. Овсянниковъ, въ изслѣдованіи о сибирскомъ транзитѣ на Нижегородской ярмаркѣ, свидѣтельствуетъ: «Самые важные изъ товаровъ, идущихъ изъ Россіи въ Сибирь — мануфактурные товары — создаются въ московскомъ и приокскомъ районахъ, и если выдаются въ Сибири за заграничные и петербургскіе, то только для прикрасы. Между тѣмъ, иностранные товары въ Сибирь не попадаютъ. Табакъ, сахаръ, сласти идутъ съ юга, вина—изъ Кизляра и Моздока, или *внутренней фабрикаціи* — изъ Москвы» («Нижегор. Сборникъ», т. IV, 1871 г., стр. 53).

Изъ этого видно, что «о добротѣ оныхъ товаровъ сибирскіе жители и доселѣ въ тонкости разсуждать не знаютъ», какъ выражался Миллеръ. Кромѣ того, вина для Сибири начали фабриковаться въ Ирбити. Тамъ одно время была откровенная вывѣска: «Здѣсь приготовляется мадера, хересъ и другія виноградныя вина для Сибири». На дорогѣ въ Сибирь смышленными торговцами были устроены хутора для фабрикаціи и переработки винъ. То же происходило и съ другими товарами. Не стѣсняемая никакой конкурренціей, мануфактура благодѣтельныхъ костромичей и москвичей пустилась въ самую отчаянную фальсификацію. Также поступали и другіе заводчики. Въ «Ирбитскомъ Листкѣ», за 1876 годъ, напечатано: «Въ ноябрѣ 1875 года, изъ Кунгура, отъ Г. М.

было отправлено въ Иркутскъ 22 короба обуви. Въ Томскѣ, при осмотрѣ этихъ коробовъ, обувь оказалась только въ 3-хъ коробахъ, въ остальныхъ 19-ти—дрова и солома» («Ирб. ярм. лист.» 1876 года, № 8). Такова эта торговля. Монопольныя явленія кабала и обманы—были естественнымъ послѣдствіемъ ея. «До 20-хъ годовъ у насъ была страшная монополія,—сообщаетъ Н. П. Булатовъ—*всего, два три* купца ѣздили на ярмарку и торговали привозными товарами. Мѣстныя произведенія были чрезвычайно дешевы: на пять рублей вы могли накупить припасовъ на 2 недѣли, но цѣны на товары были ужасныя. По привозѣ съ ярмарки, онѣ нѣсколько понижались. Такъ, напримѣръ, сахаръ вы могли сначала купить по 1 р. 50 к., фунтъ, черезъ недѣлю цѣна уже поднималась на 20, 25 к. на фунтъ, черезъ два, три дня—еще... еще... а черезъ мѣсяцъ, доходила до 2 р. 50 к. Бумажный платокъ, вершковъ въ 6, уродливый, какихъ нынѣче не возьметъ ни одна крестьянка, стоилъ по 1 р. 50 к.; сукна почти не было, сукно носили только самые знатные люди, а въ общемъ употребленіи была нанка. Сукно было аршинъ по 15 рублей, и что это за сукно! Вѣрно ни одинъ жандармъ нынѣче такого не носитъ, толщиною въ палецъ, ворсъ, какъ заячья шерсть, линялъ. И эти господа увѣряли, что они дешевле продавать не могутъ. Когда купецъ уступалъ даже знакомымъ по покупной цѣнѣ, и то бралъ барыша 18%. Дѣло было просто: въ Сибири ходили ассигнаціи; серебро если и являлось изрѣдка, то какъ товаръ, а не монета, и то были только одни рубли. Мелкой монеты здѣсь вовсе не водилось. Между тѣмъ, во внутреннихъ губерніяхъ, какъ извѣстно, и монета, и ассигнаціи ходили съ лажемъ. Купецъ покупалъ на ассигнаціи и платилъ 10 р., а съ лажемъ записывалъ 11 р. 80 к. Намъ и въ голову не приходило, что насъ такъ обираютъ», присовокупляетъ Булатовъ (Вагинъ, о Сперанскомъ, ч. I, стр. 570—571). Но вліяніе монополистовъ не ограничивалось дорогой продажей товаровъ: они скупали у крестьянъ продукты по самой низкой цѣнѣ, давали имъ въ кредитъ товаръ и закабаляли.

Подобный характеръ торговли продолжается и доселѣ въ различныхъ мѣстахъ Сибири и особенно чувствителенъ на отдаленныхъ окраинахъ. Какое поприще наживѣ представляетъ, напримѣръ, Ташкентъ, Амуръ, Камчатка! 13-го февраля 1873 года, въ камерѣ самаркандскаго мироваго судьи разбиралось дѣло купца Соколова, при которомъ разъяснилось, что наши купцы въ Ташкентѣ берутъ нынѣ не только 90%, но и 1 р. 35 к. на рубль, т. е. 135% барыша, и объясняютъ это публично.

Торговлю на Амурѣ характеризуетъ слѣдующая корреспонден-

ція морскаго офицера: «Здѣшніе купцы на товаръ, знаете-ли, какіе проценты берутъ? 200%, 300%, 400% и 500%. А случается и болѣе. Такъ что, если бы мы, гардемарины, жили бы все на берегу, то мы бы ходили не хуже кронштадтскихъ посадскихъ. Приказчики въ лавкахъ, напримѣръ, жалованья совсѣмъ ничего не получаютъ, а условливаются съ хозяевами такъ: хозяинъ говоритъ, что этотъ товаръ стоитъ сколько-то, и ты долженъ получить за него столько-то, остальное все, что возьмешь больше—твое. И такіе контракты съ приказчиками свидѣтельствуются въ полиціи. Выходитъ что же? хозяинъ завода получаетъ процентъ на товаръ; потомъ первый приказчикъ, продавая товаръ нашимъ купцамъ, беретъ процентъ извѣстный; далѣе наши купцы берутъ проценты такіе, какіе имъ взумается, т. е. 200%, 300%, 400% и 500%, и, кромѣ того, еще приказчики набавляютъ опять-таки столько, сколько имъ вздумается! Такъ, напримѣръ, обои (шпалеры), которые въ Питерѣ стоютъ кусокъ 40 к.—вы здѣсь платите 1 р. 75 к.; лампа, которая у васъ стоитъ 1 р. или 1 р. 25 к., здѣсь 5 р.; японская шкатулочка, маленькая, которая на мѣстѣ стоитъ 1/2 доллара (долларъ 1 р. 40 к.) или того меньше—здѣсь 10 р., и т. д. Почему все это? потому что нѣтъ конкуррентовъ. Здѣсь 5, 6 купцовъ сговорились грабить, и грабятъ. Явился, напримѣръ, здѣсь разъ какой-то человѣкъ почестнѣе, взялся доставлять мясо въ экипажъ, что-то рубля на 2 1/2 дешевле прежняго поставщика — и что же? ему не отдали подрядъ».

Положеніе Камчатки характеризуется уже тѣмъ, что сообщеніе съ нею совершается одинъ разъ въ годъ и сношенія ведутся съ Амура, черезъ Нерчинскъ, Иркутскъ, Якутскъ, сухимъ путемъ. По описанію протоіерея Громова, этотъ край—совершенно нынѣ отрѣзанный. Нечего говорить, въ какой власти находится онъ у мѣстныхъ спекуляторовъ и монополистовъ. Въ послѣднее время пудъ муки тамъ стоилъ 5 р. и фунтъ пороха—4 р. Замѣтимъ, что деньги здѣсь страшно дороги. Начеты и кредитъ купцовъ въ подобныхъ мѣстахъ характеризуются слѣдующимъ трагическимъ случаемъ, разсказаннымъ Коттрелемъ: «Нѣсколько лѣтъ назадъ, одинъ человѣкъ съ Индигирки заказалъ якутскому купцу рѣзную золоченую раму для доставшагося ему въ наслѣдство образа св. Николая. Цѣна была договорена въ 70 р. На слѣдующій годъ заказъ готовъ, и счастливый обладатель его даетъ купцу 56 шкуръ бѣлыхъ лисицъ, разсчитывая каждую шкуру за 1 рубль; но остался долженъ 14 рублей. По истеченіи 7 лѣтъ, въ то время, какъ бѣдный владѣлецъ св. Николая заплатилъ своему заимодавцу 90 шкуръ или 90 рублей за капиталъ и проценты, купецъ присвоилъ

себѣ самый ликъ святителя и возвратилъ его только тогда, когда вынудилъ вексель съ должника въ 1,200 р.! Проценты подобнаго рода обыкновенны въ тѣхъ отдаленныхъ мѣстахъ, говоритъ Коттрель. Разсчетъ былъ сдѣланъ такимъ образомъ: купецъ получилъ шкуру за 1 р. и продалъ ее за 2½; слѣдовательно, первоначальный долгъ изъ 14 шкуръ стоилъ ему по этой оцѣнкѣ 35 р. Если бы онъ эти деньги употребилъ въ Якутскѣ на торговлю, разсуждалъ нашъ торговецъ, онъ имѣлъ бы выгоды 150%, столько же—въ слѣдующій годъ и т. д. (Sibirien nach seiner Naturbeschaffenheit, seinen gesellschaftlichen und politischen Verhältnissen und als Straf-colonie, geschildert von Carlos Herbert Cottrell, s. 121, Dresden und Leipzig. 1846). Положеніе отдаленнаго Амура не въ лучшемъ состояніи; въ этотъ благословенный по климату край привозился хлѣбъ вокругъ свѣта, и предметы необходимости съ провозомъ достигаютъ неимовѣрныхъ цѣнъ. Монополія и перекупъ удесеряютъ цѣны. Но, кромѣ того, стачки, монополіи и скупъ существуютъ и по всѣмъ городамъ Сибири, а также на всѣхъ мѣстныхъ ярмаркахъ. Жалобы на это безпрестанно выражаются въ корреспонденціяхъ изъ Сибири. Такое положеніе дѣлъ обусловливается самимъ свойствомъ сибирскаго хозяйства.

Сибирское хозяйство съиздавна состоитъ въ расхищеніи и вывозѣ сырыхъ продуктовъ природы. Если мы взглянемъ на Ирбитскую, Крестовскую или Ишимскую и Нижегородскую ярмарки, онѣ намъ обрисуютъ, что производитъ Сибирь и что сбываетъ. Такъ, на Ишимской ярмаркѣ мы видимъ главные предметы сибирскаго торга: *сырцовое сало* изъ Киргизской степи, съ ишимскихъ, ялуторовскихъ и курганскихъ салотопенъ, съ 500.000 барановъ. *Свиное сало*: свиньи въ Ишимѣ даже нарочно откармливаются хлѣбомъ: такъ, въ 1860 году, въ Курганѣ откармливались 7.200 свиней, на которыхъ пошло 144.000 пудовъ хлѣба. Далѣе, *коровье масло*: до 60.000 пудовъ его идетъ, черезъ Таганрогъ, въ Константинополь. *Кожи*, *щетина*, *пушнина*, *дикая птица*, какъ и *домашняя*, составляетъ предметъ сбыта. Въ Ишимѣ гуси откармливаются для сала по 200 штукъ; далѣе—*рыба*, *скотъ*, все это вывозится, а взамѣнъ получается мануфактура. Здѣсь мы видимъ уральское желѣзо, костромскіе и ярославскіе ситцы, нижнетагильскіе сундуки, чердынскія точила, шадринскіе пряники и деревянныя издѣлія изъ Тагила, Нижняго и т. д. Можетъ, не всякому извѣстно, что турокъ получаетъ коровье масло изъ Сибири черезъ Ростовъ-на-Дону; лондонская гостиная освѣщается стеариновой свѣчкой изъ сибирскаго сала; широкая, пуховая шляпа, покупаемая европейцемъ, приготовлена изъ шерсти сибирскаго зайца;

сапоги, выдѣлываемые въ Лейпцигѣ изъ сибирской кожи, красуются на ногахъ нѣмца; нечего и говорить уже, что сибирскій мѣхъ обвиваетъ и шею европейской пѣвицы, и служитъ подкладкой плаща китайскаго императора [1]). Не смотря на богатство и разнообразіе произведеній, Сибирь пользуется, одѣвается и пропитывается, однако, всѣмъ прошедшимъ черезъ горнило русскихъ фабрикъ. Въ то время, когда въ Сибири только начинается заводская промышленность, сибирскимъ сырьемъ и продуктами питается вся заводская промышленность Казани, Екатеринбурга и другихъ сосѣднихъ мѣстностей. Свойства сибирской производительности видны также и на оборотахъ Нижегородской ярмарки. Сибирскіе товары, идущіе сюда: сало, льняное сѣмя, щетина, волосъ, кожи, коровье масло, кедровые орѣхи, мѣха, рыба, пряники, овчины, чай, металлы, соль. «Сибирскій транзитъ.—говоритъ г. Овсянниковъ,—т. е. вообще всѣ товары, отправляемые изъ Сибири и съ Урала въ Россію, изъ внутренней Россіи—въ Сибирь и на Уралъ черезъ Нижній, равняется отъ 13 до 14 милліоновъ пудовъ и оцѣнивается, приблизительно, въ 30.000.000 р.» («Нижегор. Сборн.», 1871, 4, стр. 47).

Сущность производительности Сибири и характеръ ея обмѣна состоитъ въ сбытѣ собственныхъ сырыхъ продуктовъ и пріобрѣтеніи всего, до мельчайшихъ потребностей хозяйства, привознаго изъ Европейской Россіи.

«Мануфактура въ Сибири вся раскупается. Несмотря на обманы, на запрашиванье при торгѣ, ситцы крестьяне просто расхватываютъ, пишетъ г. Смоленскій:—то же и съ желѣзомъ. Сибирь любитъ страшно мануфактуру. Сибирскій крестьянинъ ходитъ щеголевато и любитъ ситцы, сапоги, сукно и прочее. Потребности развиты сильно; оттого крѣпостники, заѣзжающіе въ Сибирь, жалуются на развращеніе нравовъ». О щегольствѣ пріисковыхъ крестьянъ писалъ съ негодованіемъ недавно ротмистръ Паули. «Есть деревни около пріисковъ, гдѣ послѣдняя мода у крестьянъ въ полномъ ходу; крестьянки ходятъ въ кринолинахъ, мужики—въ сюртукахъ. На ряду съ этимъ, есть масса крестьянъ, которымъ мануфактура, при своей дороговизнѣ, совершенно недоступна. Наоборотъ, получая необыкновенно дорого мануфактуру, дешевизна мѣстныхъ произведеній страшная. Мы указываемъ массу примѣровъ эксплуатаціи крестьянъ и инородцевъ въ Сибири кулаками и монополистами. Также можно себѣ представить,

---

[1]) Распредѣленіе сибирскихъ товаровъ къ Петербургу, Москвѣ и Казани можно видѣть въ изслѣдованіи г. Овсянникова о Нижегородской ярмаркѣ.

много-ли выиграло «золотое дно», когда за безцѣнокъ шли соболя, чернобурыя лисицы, когда промышленникъ сбираетъ съ остяка за нѣсколько грошей рыбы, которой хватило бы инородцу на годъ. До сихъ поръ у чукчъ за пудъ черкасскаго табаку покупается 5 рѣчныхъ бобровъ, 10 красныхъ лисицъ, 10 куницъ и 30 песцовъ. Нейманъ, въ чукотскую экспедицію, видѣлъ на ярмаркѣ самъ, что чукча платилъ по бобру за древко для копій (Путеш. Неймана: Изв. Сибир. Отд. Геогр. Общества).

При дешевизнѣ звѣроловства и продуктовъ расхищаемой природы, не менѣе идутъ за безцѣнокъ и продукты скотоводческіе и земледѣльческіе. Хлѣбъ, въ 1859 г., на Ишимской ярмаркѣ продавался по 15 и 16 коп.; урожай давалъ самъ-16 (Смоленскій); промышленники скупали коровье масло по 3 р. 40 к. пудъ; пудъ сала и кожи стоили 2 руб. Въ шестидесятыхъ годахъ, одинъ татаринъ въ Акмолинскѣ покупалъ барановъ, получая 20.000 тушекъ и 19.000 пуд. сала; сало продавалъ, тушки отдавалъ киргизамъ въ долгъ, съ обязательствомъ въ слѣдующемъ году уплатить цѣлымъ бараномъ. Хлѣбъ въ Сибири некуда дѣвать — имъ кормятъ свиней; скотъ такъ дешевъ, что крестьянину ничего не стоитъ для удалой ѣзды загнать лошадь. Въ Кузнецкѣ, какъ говоритъ одинъ путешественникъ, мѣщане имѣютъ громадные покосы и держатъ лошадей. «Зачѣмъ?» спрашиваютъ ихъ. «Возить сѣно съ покосовъ».—«А сѣно?»—«Кормить лошадей». Недавно крестьяне Восточной Сибири не знали, куда дѣваться *съ урожаемъ*, и пропивали по возу хлѣба около кабаковъ [1]). Самые урожаи служатъ только къ пониженію цѣны продукта. Сибирь, словомъ, задыхается подъ тукомъ плодовъ своихъ, за неимѣніемъ сбыта. Уже Мальтусъ, въ своемъ сочиненіи о народонаселеніи, замѣчалъ это явленіе въ жизни Сибири и русскаго Востока.

Такимъ образомъ, сырые сибирскіе продукты покупаются по самой низкой цѣнѣ, почти за безцѣнокъ, а привозные—въ тридорога. Значительная часть крестьянъ не можетъ пріобрѣсти самой необходимой мануфактуры при ея дороговизнѣ. Бѣдный сибирскій крестьянинъ носитъ свой холстъ и ткетъ дома плохую дерюгу, продувающую его въ морозы, дѣлаетъ плохую обувь изъ кожи; за неимѣніемъ желѣза, употребляетъ деревянный замокъ, телѣгу съ деревянными гвоздями; хижина его съ слюдою, бума-

[1]) Явленіе это повторяется до послѣдняго времени. Въ то время, когда въ 1891 г. Европейскую Россію постигло бѣдствіе неурожая, урожай на югѣ Томской губерніи, въ Канскомъ, Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ Енисейской губ., былъ замѣчательный; хлѣбъ и овесъ не имѣли сбыта и продавались въ убытокъ. Ржаной хлѣбъ 30 коп. пудъ, пшеничный 65 к. и овесъ отъ 14 до 18 коп.

гою въ окнахъ, вмѣсто стеколъ; имѣя въ избыткѣ сало, онъ не можетъ, однако, пріобрѣсти мыла и въ глухихъ деревняхъ моется квашеными кишками. Привозъ и барыши мануфактуриста страшно набавляютъ цѣну: одинъ авторъ, въ 1858 г., въ «Тобольскихъ Вѣдомостяхъ» привелъ разсчетъ, что Сибирь на одномъ стеаринѣ переплачиваетъ 60.000 руб. («Тобол. Губ. Вѣд.» 1858 г., № 43). Изъ этой картины видно, что вся Сибирь находится въ положеніи инородца къ торговцу. Потребности у нея развились сильно, но окупить ихъ своими продуктами она не въ силахъ: сколько она ни даетъ продуктовъ, она все въ долгу у мануфактуриста. Оттого сибирскіе купцы торгуютъ въ кредитъ. Вотъ что сообщаетъ г. Бутинъ объ этомъ торгѣ: «За Байкаломъ, на Нерчинской ярмаркѣ, привозъ товаровъ мануфактурныхъ равняется полутора милліонамъ; на наличныя деньги ихъ пріобрѣтается всего на 375.000 руб., что составляетъ всего 25% общаго итога, то-есть, 75% изъ потребляемаго привознаго товара берется въ долгъ. За это на Нижегородской ярмаркѣ налагается за кредитъ мануфактуристамъ отъ 10% до 25%, кромѣ провоза. Кромѣ того мануфактуристъ набавляетъ впередъ за рискъ».

«Казалось бы страннымъ, пишетъ г. Бутинъ:—что у насъ есть не мало торговыхъ домовъ, которые торгуютъ на подобныхъ условіяхъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, затѣмъ систематически «выходятъ на сдѣлку» съ своими кредиторами въ Россіи; еще страннѣе, что нѣкоторые оптовые торговцы и фабриканты не особенно претендуютъ на сибирскихъ купцовъ, если тѣ, въ подобныхъ случаяхъ, уплачиваютъ копѣекъ по 25 за рубль, и даже открываютъ имъ снова кредитъ. Разгадка этому весьма проста, объясняетъ г. Бутинъ:—многіе фабриканты, дѣйствуя какъ бы *въ стачкѣ, упорно держатъ высокія цѣны на свои товары*, а потому не особенно страдаютъ даже и при *невкладныхъ* сдѣлкахъ. То-есть торгуютъ они безъ риску» («С.-Петерб. Вѣд.» 1873 г., № 108). Свидѣтельство это сибирскаго торговца, какъ человѣка компетентнаго въ этихъ дѣлахъ, совершенно подтверждается многими фактами и вообще ходомъ сибирской промышленности [1]). Всѣ частныя условія и продажа товаровъ на ярмаркахъ Нижегородской, Ирбитской и другихъ держатся на обширномъ кредитѣ. Собственныя выгоды фабрикантами и гуртовыми торговцами отъ этого кредита очень хорошо усвоены. Привычка сдавать товаръ только

[1]) Компетентность этого автора свидѣтельствуется еще тѣмъ, что спустя десять лѣтъ онъ самъ обанкротился и остался долженъ москвичамъ и другимъ кредиторамъ 8 милліоновъ, предлагалъ сдѣлку, но кредиторы назначили администрацію и затѣмъ конкурсъ. Собственно его личный опытъ не совсѣмъ удаченъ вышелъ.

въ кредитъ, получая впослѣдствіи огромные барыши, а также выгода сбывать плохой, залежалый товаръ при этомъ до того вошла въ обыкновеніе, что московскіе торговцы отказываются даже иногда иначе продавать. И этимъ объясняется случай съ однимъ сибирскимъ неопытнымъ торговцемъ, явившимся покупать товаръ въ Москву, которому отвѣтили: «нѣтъ, на деньги мы не отпускаемъ: хотите—такъ берите въ кредитъ!» Зато и тѣ, которые пользуются кредитомъ, усвоили себѣ особые обороты. Извѣстны сибирскіе торговцы, которые банкротились и предлагали на выборъ: или полный отказъ отъ уплаты, или повременить, дать имъ обернуться кредитомъ въ Москвѣ. Забирая товаръ, они разомъ затѣмъ поправляли дѣла на сибирскихъ покупателяхъ. Сибирскіе торговцы такъ привыкли пользоваться чрезвычайными обстоятельствами, наживаться на счетъ провоза, на счетъ случайныхъ повышеній цѣнъ, что при мысли о желѣзной дорогѣ высказывали даже опасенія, какъ бы она не подорвала ихъ монополіи. Тѣ же отношенія, которыя существуютъ въ мелочной и частной торговлѣ, отражаются и въ общей. Они подтверждаются итогами и валовыми цифрами обмѣна на Нижегородской, Ирбитской, Ишимской и другихъ ярмаркахъ, то-есть—всею торговлею Сибири.

На Никольской ярмаркѣ въ Ишимѣ сбыто въ 1875 г. русской мануфактуры на 1.036.340 руб., сибирскаго сырья на 856.900 р. На Крестовской ярмаркѣ, Пермской губерніи, по отчету 1868 г., мануфактуры продано въ 3.376.990 руб., сибирскаго сырья—на 510.000 руб.

Отношеніе и процентъ, какимъ выражается оборотъ мануфактуры сравнительно съ сырьемъ, указываетъ, что цѣнность сырья никогда не покрываетъ запроса на мануфактуру. Обнаруживаемыя цифры близки къ предположенію, что Сибирь кредитуется на 75%. Вся сумма товаровъ, въ недавніе годы обращавшихся на Ишимской, Ирбитской и Ивановской ярмаркахъ, о которыхъ мы могли найти только свѣдѣнія, распредѣлялась такимъ образомъ: покупается въ Сибирь мануфактуры на 27.593.130 руб. и сырья сдается на 8.086.300 руб. Въ послѣдній 1875 г., на Ирбитской ярмаркѣ, изъ суммы 43.000.000 руб., мануфактура занимала 30.000.000 руб. (Ирбит. ярмар. лист. 1876 г., № 1).

Относительно Нижегородской ярмарки мы узнаемъ только изъ изслѣдованія г. Овсянникова по поводу желѣзной дороги, что привозъ сибирскихъ товаровъ на Нижегородскую ярмарку равняется отъ 15 до 16.000.000 р.; сбытъ же мануфактуръ и бакалеи въ Сибирь и на Уралъ, какъ и въ Азію, равняется 2.500.000 пудамъ (цѣнность не обозначена).

Въ общемъ по поводу проведенія желѣзной дороги было высчитано, что въ Сибирь приходитъ 18.000.000 пуд. клади. Если провозъ въ Западную Сибирь мы положимъ по 1 р. за пудъ, а въ Восточную Сибирь до 6 р. за пудъ (нынѣшняя цѣна), мы поймемъ, что переплата за провозъ равняется почти 63 милліонамъ рублей, которые ложатся значительной тяжестью.

Итакъ, нашъ Востокъ въ большинствѣ потребленія долженъ оплачивать мануфактуру и провозъ ея по самой дорогой цѣнѣ и при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ торга. Изъ этого видно, что надъ Востокомъ тяготѣетъ самая широкая и грандіозная мануфактурная эксплуатація. Въ этомъ случаѣ, Востокъ и Сибирь стоятъ въ той же тяжкой зависимости, какъ всякая страна сырья къ мануфактурному рынку, не умѣвшая обезпечить себя собственнымъ хозяйствомъ. При безцеремонной наживѣ, мануфактурная эксплуатація здѣсь отражается вдвое хуже.

Нельзя сказать, чтобы невыгоды такого положенія дѣлъ въ краѣ не замѣчались. Такъ, напримѣръ, въ виду обнаруженныхъ стремленій относительно эксплуатаціи богатствъ на Востокѣ и вывоза ихъ, при обсужденіи вопроса о сибирской желѣзной дорогѣ не разъ заявленныхъ, явились уже опасенія: не будетъ-ли, при такихъ условіяхъ, самая желѣзная дорога орудіемъ для продолженія тѣхъ же средствъ наживы, какія практиковались до сихъ поръ, и не пора-ли позаботиться скорѣе о поднятіи мѣстныхъ промысловъ, дабы желѣзная дорога могла быть употреблена не для одного вывоза сырья, а и для пользъ края и населенія? Наконецъ, чрезвычайно важно опредѣлить, въ указаніи подобныхъ ненормальныхъ явленій и отношеній на Востокѣ, кто болѣе всего проигрываетъ. Мануфактура, постоянно увеличиваясь въ потребленіи, какъ извѣстно, всегда сама распоряжается своею цѣною; она имѣетъ всѣ шансы распорядиться рынкомъ; за то сырье идетъ по самой низкой цѣнѣ. Мануфактура, все болѣе и болѣе развивая потребности, расширяетъ районъ покупателей и все болѣе получаетъ выгодъ; капиталъ ея, въ общей суммѣ, растетъ, на сырье, сколько ни функціонируется при низкихъ цѣнахъ, никогда не равняется капиталу, слѣдуемому за мануфактуру; отсюда — невозможность погасить долгъ, кредитъ и вѣчная кабала мануфактуристу. Кредитъ этотъ не можетъ уплачиваться исправно, потому что, въ частности, продавецъ мануфактуры въ Сибири опирается на производителя сырья; отсюда— рядъ перемежающихся банкротствъ; сибирскій торговый капиталъ постоянно лопается и служитъ выразительнымъ признакомъ общаго народнаго дефицита всей страны. Кто же больше всего

проигрываетъ въ этомъ дефицитѣ? Мануфактура и мануфактуристъ, доставляющіе на Востокъ товаръ—явно въ выигрышѣ, не смотря на сибирскія банкротства; лично онъ не разоряется, хотя ему долгъ не платятъ иногда; но онъ его давно выбралъ въ процентѣ на кредитъ. Въ общей суммѣ, покупка мануфактуры сильно растетъ. Это можно видѣть на ввозѣ мануфактуръ на ярмарки. Какъ торговля ея увеличивается, свидѣтельствуютъ, напримѣръ, цифры шерстяныхъ и бумажныхъ товаровъ. Въ 1857 г., на Ишимскую ярмарку ихъ шло на 173.000 р.; въ 1867 г. уже на 384.000 р.—и такъ всѣ мануфактуры. То же видно и изъ цифръ Ирбитской ярмарки за послѣдніе годы. Что касается сибирскаго торговца, берущаго въ кредитъ у мануфактуриста, то мы приводили свидѣтельство сибирскаго торговца; а что и онъ не въ потерѣ—видно изъ того, что онъ идетъ на сдѣлку, платитъ 25 к. за рубль, ибо капиталу у него мало, но оставляетъ себѣ на черный день и опять разживается, или мануфактуристъ, наконецъ, великодушно погасивъ давно уплаченный долгъ, даетъ ему вновь въ кредитъ и дѣлаетъ опять своимъ агентомъ въ торговлѣ. Банкротства не уменьшаютъ кредитъ для Востока, ибо не другой, такъ третій агентъ, сибирякъ, явится для передачи мануфактуры, торговые дома всплываютъ и уплываютъ; для мануфактуриста это—просто разсчетъ приказчиковъ, въ то же время сословіе кулаковъ и торговцевъ въ Сибири не уменьшается и не пропадаетъ; торговля идетъ по-прежнему. На кого же, однако, ложится тяжесть дефицита? кто все оплачиваетъ? Ясно—потребитель мануфактуры. Говоря о сибирскихъ банкротствахъ, г. Бутинъ дѣлаетъ и въ эту сторону уступку. «Потребители, въ концѣ концовъ, также страдаютъ, говоритъ онъ: — потому что посредники между ними и производителями, т. е. торговцы любятъ жить не по средствамъ, и всѣ дѣлаемые на себя расходы, нерѣдко доходящіе до весьма значительной суммы, непремѣнно падаютъ на потребителя, въ видѣ приплатъ на покупаемомъ товарѣ, такъ какъ фабрикантъ, проученный одной, другой «сдѣлкою» (т. е. банкротствомъ), обыкновенно *поднимаетъ цѣну* на предметы своего производства». И такъ, потребитель несетъ всѣ тяжести; онъ даетъ и барышъ мануфактуристу, и платитъ за его кредитъ; онъ кормитъ сибирскаго торговца, служащаго передатчикомъ и живущаго не по средствамъ, онъ же отвѣчаетъ и за банкротство послѣдняго. Вотъ кто въ убыткѣ. Но потребитель мануфактуры есть, въ то же время, и производитель сырья, т. е. рабочій и земледѣльческій классы Сибири, а съ ними — всѣ звѣроловы и скотоводы, русскіе и инородцы. На нихъ, на этотъ низшій классъ рабочаго крестьянства и

инородцевъ обрушиваются всѣ невзгоды. Мы указали, что положеніе сибирскаго торговца-капиталиста не особенно прочно: онъ на послугахъ у мануфактуриста, дающаго ему въ долгъ товаръ для распродажи по назначенной цѣнѣ; цѣну эту онъ долженъ выбрать, да еще себѣ получить барышъ. Коммиссіоннаго процента, который ему придется, при высокой безъ того цѣнѣ мануфактуры, ему мало: онъ желаетъ «жить не по средствамъ», какъ выражается г. Бутинъ; онъ хочетъ, наконецъ, сдѣлаться капиталистомъ и брать на наличныя тотъ товарь, который ему отпускали въ долгъ; все это заставляетъ его искать себѣ монополіи—вотъ ея причина; затѣмъ, съ цѣлью распространить и скорѣе сбыть товаръ потребителю, онъ рѣшается пускать его *въ кредитъ*, за который опять беретъ процентъ. Въ этомъ случаѣ, торговецъ беретъ примѣръ съ мануфактуриста, закабаляющаго его кредитомъ; онъ старается и самъ кабалить. Сибирскій торговецъ, раздавая привезенный товаръ въ кредитъ, въ то же время и скупщикъ сырья; иногда это сосредочивается и не въ одномъ лицѣ, но это все равно. И въ этомъ случаѣ, сибирскій торговецъ—агентъ мануфактуриста. Чтобы получить больше барыша себѣ, при сдачѣ сырья на ярмаркѣ, или этимъ сырьемъ пополнить долгъ за розданную мануфактуру, онъ старается возможно понизить цѣну сырья, какъ можно менѣе давая производителю, и этимъ опять служитъ цѣлямъ и выгодамъ мануфактуриста. Дѣйствуетъ же онъ, въ этомъ случаѣ, къ явному ущербу страны и ея производительныхъ силъ и, разоряя другихъ, разоряется часто самъ. Но, желая наживы и стремясь уплатить наростающій долгъ, онъ, въ томъ и другомъ случаѣ, т. е. отдавая въ кредитъ мануфактуру за огромныя цѣны инородцу и крестьянину и скупая у него сырье какъ можно ниже, дѣйствуетъ безпощадно, употребляетъ всѣ средства обсчитыванья, обмана, начета, фальсификаціи. Торговецъ помнитъ, что и онъ должникъ, а потому кабалитъ другого. Вотъ что должно считать источникомъ сибирской кабалы. На производителѣ сырья, крестьянствѣ, между тѣмъ, зиждется цѣлая пирамида тягостей. Крестьянинъ оплачиваетъ жизнь мануфактуриста, приказчика его, сибирскаго купца, оплачиваетъ провозъ, кредитъ и сбываетъ свой продуктъ въ ущербъ себѣ, не зная, куда съ нимъ дѣваться. Отсюда вѣчный начетъ, вѣчные долги на производителѣ сырья и потребителѣ мануфактуры; онъ не можетъ и не въ состояніи ихъ выплатить, потому что ему годъ отъ году сваливается на шею и чужой долгъ: онъ несетъ долгъ страны и торговца. Послѣдствія этой ненормальной системы развиты въ слѣдующей главѣ. Таковъ въ главныхъ чертахъ промыш-

ленный и экономическій вопросъ края. Несомнѣнно, что разрѣшеніе этого вопроса будетъ лежать только въ развитіи внутреннихъ силъ Сибири.

Настоящіе выводы и заключенія, сдѣланные десять лѣтъ назадъ, буквально оправдались и подтвердились въ послѣдующій періодъ и продолжаютъ повторяться въ современной жизни, такъ какъ въ хозяйственномъ и экономическомъ строѣ Сибири ничто не измѣнилось.

Въ послѣднее время въ «Вѣстникѣ Финансовъ» ежегодно печатаются оффиціальныя свѣдѣнія о результатахъ Ирбитской ярмарки, доставляемыя ирбитскимъ городскимъ головой въ департаментъ торговли и мануфактуръ. Мы воспользуемся этими свѣдѣніями, а также нѣкоторыми фактами, сообщаемыми М. В. Пихтинымъ въ докладѣ его: «Ирбитская ярмарка, какъ отраженіе экономическаго состоянія Сибири», читаннаго имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ статистическомъ отдѣленіи восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества [1]).

Подводя итогъ сбыта всѣхъ товаровъ на ярмаркѣ, идущихъ въ Сибирь, сопоставляя общую стоимость ихъ и принимая стоимость всѣхъ проданныхъ на Ирбитской ярмаркѣ въ 1882 г. за 100%, мы получимъ слѣдующее соотношеніе:

Было продано россійскихъ товаровъ:

	Руб.	%
въ 1882 г. . . . . на	46.118.000	100
» 1887 » . . . . . »	34.330.000	74,4
» 1888 » . . . . . »	39.077.000	84,9
» 1889 » . . . . . »	32.164.000	69,9
» 1890 » . . . . . »	31.412.000	68,2

Отсюда видно, что сбытъ всѣхъ россійскихъ товаровъ на ярмаркѣ за послѣднія восемь лѣтъ палъ на 31,8%, т.-е. почти на одну треть. Но это уменьшеніе сбыта россійскихъ товаровъ нисколько не указываетъ на увеличеніе сбыта европейскихъ и азіатскихъ товаровъ. Сбытъ этихъ послѣднихъ также сократился.

Европейскихъ товаровъ (индиго, кофе, масло деревянное, разные бакалейные товары и разн. ткани) было продано:

	Руб.	%
въ 1882 г. . . . . на	900.000	100
» 1887 » . . . . . »	645.500	71,6
» 1888 » . . . . . »	730.000	81,1
» 1889 » . . . . . »	524 000	58,2
» 1890 » . . . . . »	419.000	46,5

[1]) А также «Сибирскій Листокъ» за 1891 г., № 9, объ Ирб. ярм.

Сбытъ азіатскихъ товаровъ (главнымъ образомъ чай) также значительно понизился за послѣдніе два года. Въ 1887 г. азіатскихъ товаровъ было продано на 7.261.000 р., а въ 1890 г. лишь на 5.574.000 р. (изъ нихъ чаю было продано въ 1887 г. на 6.600.000 р., а въ 1890 г. только на 5 милліоновъ).

Уменьшеніе сбыта россійскихъ товаровъ идетъ почти параллельно уменьшенію всѣхъ вообще оборотовъ Ирбитской ярмарки.

Всѣхъ товаровъ было продано:	Руб.
въ 1887 г.	на 50½ мил.
» 1888 »	» 55½ »
» 1889 »	» 44½ »
» 1890 »	» 42½ »

Съ 1882 же года сбытъ всѣхъ товаровъ на ярмаркѣ понизился на цѣлую треть, т. е. почти въ такой же мѣрѣ, какъ и сбытъ россійскихъ товаровъ. Далеко не въ такой мѣрѣ идетъ пониженіе сбыта сибирскихъ товаровъ.

Сибирскихъ товаровъ было продано:	Руб.
въ 1882 г.	на 11 мил.
» 1887 »	» 8 »
» 1888 »	» 7½ »
» 1889 »	» 6 »
» 1890 »	» 5,12 »

т. е. въ продолженіи восьми лѣтъ сбытъ сибирскихъ товаровъ уменьшился вдвое, т. е. въ большей мѣрѣ, чѣмъ сбытъ всѣхъ товаровъ вообще и россійскихъ въ частности. Отношеніе между сбытомъ сибирскихъ и россійскихъ товаровъ въ послѣднее время значительно измѣнилось и притомъ не въ пользу сбыта сибирскихъ товаровъ. Въ то время, какъ въ 1882 г. сбытъ сибирскихъ товаровъ на ярмаркѣ къ сбыту россійскихъ относился какъ 25 къ 100, въ 1890 г. сталъ относиться какъ 16,3 къ 100.

Эти данныя показываютъ намъ, что изъ россійскихъ товаровъ, покупаемыхъ Сибирью, первое мѣсто занимаютъ ткани: шелковыя, шерстяныя, льняныя и бумажныя. Въ 1882 г. сбытъ ихъ составлялъ 64% всего сбыта изъ Россіи. Въ 1887—1890 гг. отношеніе сбыта тканей къ общей суммѣ проданныхъ россійскихъ товаровъ было таково:

	Всего россійскихъ товаровъ продано на:	Въ томъ числѣ тканей продано на:	Процентное отношеніе.
Въ 1887 г. .	34.330.000 р.	21.350.000 р.	62%
» 1888 » .	39.007.000 »	23.400.000 »	60
» 1889 » .	32.077.000 »	18.360.000 »	57
» 1890 » .	31.412.000 »	18.045.000 »	57,4

Затѣмъ идутъ галантерейные, модные и прочіе мелочные товары, которыхъ продается ежегодно на 3½—4 мил. руб. (отъ 9 до 11% общей суммы проданныхъ россійскихъ товаровъ).

Разныхъ металловъ и издѣлій изъ нихъ Сибирь покупаетъ на ярмаркѣ на 3—3¾ мил. Въ 1882 году сбытъ ихъ составлялъ 8,4% всего сбыта изъ Россіи. Въ послѣдніе же четыре года отношеніе сбыта металловъ и металлическихъ издѣлій къ сбыту всѣхъ вообще россійскихъ товаровъ было таково:

Въ 1887 г.	9%
» 1888 »	8,6
» 1889 »	9,9
» 1890 »	10,1

Эти данныя, несомнѣнно, указываютъ на очень печальное явленіе,—очень слабое развитіе въ Сибири металлическаго производства. Въ то время, какъ въ нѣдрахъ сибирской земли заключаются несмѣтныя ископаемыя богатства, населенію Сибири приходится получать изъ Россіи металлы и издѣлія изъ нихъ.

Получаетъ Сибирь изъ Россіи и кожевенные товары. Такъ, въ 1882 г. кожевенныхъ товаровъ продавалось на 1.800.000 руб., а въ 1887 г. лишь на 900.000 руб. Съ 1887 же года по 1890 г. сбытъ этихъ товаровъ остается безъ особыхъ колебаній.

Въ 1887 г.	продано	было	на	900.000 руб.
» 1888 »	»	»	»	1.050.000 »
» 1889 »	»	»	»	900.000 »
» 1890 »	»	»	»	905.000 »

Сбытъ бакалейныхъ товаровъ съ каждымъ годомъ падаетъ. Въ 1882 г. онъ доходилъ до 2 мил. р., а въ 1890 г. онъ простирается лишь до 1 мил. руб. Табаку въ 1890 г. было продано на 685.000 р., нѣсколько менѣе, чѣмъ въ предыдущіе годы. Сбытъ стеариновыхъ и восковыхъ свѣчъ съ 1875 г. началъ замѣтно подниматься: въ 1887 г. было продано этихъ товаровъ на 280.000 рублей, а въ 1890 г. онъ достигъ до 343.000 руб. Продажа вина, мѣховъ, крытыхъ шубъ россійскими торговцами въ послѣдніе годы остается почти безъ измѣненія. Остальные товары (стеклянная и фарфоровая посуда, зеркала, бумага, книги, хмѣль, керосинъ) составляютъ болѣе 4% всего сбыта Ирбитской ярмарки.

Изъ сибирскихъ товаровъ въ 1882 г. первое мѣсто занимали разные продукты скотоводства: кожи, масло, сало, щетина, волосы. Продано ихъ было въ этомъ году, какъ и въ слѣдующіе три года, на 5 мил., затѣмъ сбытъ ихъ значительно падаетъ.

Этихъ товаровъ было продано:

въ 1887 г.	на	3.210.000 р.
» 1888 »	»	2.474.250 »
» 1889 »	»	1.713.000 »
» 1890 »	»	1.195.000 »

т. е. за послѣднія восемь лѣтъ сбытъ продуктовъ этой группы уменьшился въ четыре слишкомъ раза; по отношенію же къ общей суммѣ всѣхъ сибирскихъ товаровъ продукты скотоводства составляли:

		%
въ 1882 г.	около	45
» 1887 »	»	39,2
» 1888 »	»	32,7
» 1889 »	»	29
» 1890 »	»	23,4

Отсюда видно, что сбытъ продуктовъ скотоводства вдвое быстрѣе падаетъ, чѣмъ сбытъ всѣхъ вообще сибирскихъ товаровъ. Такое значительное паденіе сбыта едва-ли можно объяснять однимъ проведеніемъ Тюменской желѣзной дороги, отвлекающей вообще грузы съ ярмарки. Эта причина, конечно, имѣетъ вліяніе на уменьшеніе сбыта продуктовъ скотоводства, но почти въ такой же мѣрѣ, какъ и на измѣненіе величины сбыта другихъ продуктовъ. Въ данномъ случаѣ большую роль играетъ примѣненіе новыхъ правилъ о провозѣ этого рода товаровъ изъ степей на ярмарки Пермской губерніи.

Изъ указанныхъ нами продуктовъ болѣе всего падаетъ сбытъ кожъ и масла: въ 1887 г. разныхъ кожъ было продано на 2.535.000 рублей, а въ 1890 г. лишь на 750.000 р., масла въ 1887 г. было продано на 150.000 р., а въ 1890 г. лишь на 50.000 р.

Въ 1882 г., какъ мы сказали, первое мѣсто по сбыту на ярмаркѣ занимали продукты скотоводства; въ 1890 же году на первомъ мѣстѣ уже стоятъ пушные товары, не смотря на то, что прошлый годъ былъ самымъ неблагопріятнымъ годомъ для торговцевъ пушниной. Вообще сбытъ пушнины хотя и имѣлъ тенденцію къ пониженію, но не въ такой сильной степени, какъ сбытъ товаровъ предъидущей группы. Абсолютное число, выражающее стоимость всѣхъ предметовъ звѣроловства, въ первую половину послѣдняго десятилѣтія составляло приблизительно 3 мил. рублей, въ 1887 и 1888 гг. около $2^1/_2$ мил., въ 1889 г.—2 мил., а въ 1890 г —1.850.000 р.

По отношенію же къ общей суммѣ проданныхъ на ярмаркѣ сибирскихъ товаровъ продукты звѣроловства составляли:

	Руб.	%
въ 1887 г.	2.475.000	30,2
» 1888 »	2.595.000	34,1
» 1889 »	2.000.000	33,9
» 1890 »	1.850.000	36,2

Отсюда видно, что изъ стоимости всѣхъ сибирскихъ товаровъ третья часть ихъ приходится на продукты звѣроловства и что въ 1890 г. стоимость этихъ товаровъ въ полтора раза превосходила таковую продуктовъ скотоводства.

Слѣдующая группа по величинѣ сбыта — съѣстные припасы: мясо, птицы, сѣмена, масло растительное и хлѣбъ (включая сюда и крупчатку). Въ 1882 г. этихъ продуктовъ было продано на Ирбитской ярмаркѣ на 1 мил.,

въ 1887 же году	на 751.500 р.
» 1888 » »	» 744.000 »
» 1889 » »	» 777.000 »
» 1890 » »	» 763.000 »

т. е абсолютное число, выражающее стоимость всѣхъ съѣстныхъ продуктовъ, проданныхъ на ярмаркѣ, въ послѣдніе 4 года оставалось почти безъ измѣненія; относительная же величина возростаетъ: къ 1887 г. стоимость проданныхъ съѣстныхъ припасовъ составляла 9,2% всего сбыта сибирскихъ товаровъ, а въ 1890 г.— около 15%. По словамъ г. Пахтина, съ проведеніемъ желѣзной дороги до Тюмени, на Уралѣ имѣетъ мѣсто большой сбытъ пшеницы, привозимой изъ южныхъ мѣстностей Западной Сибири; въ ярмарку 1887 г. этого продукта было запродано до $1^1/_2$ милліона пудовъ, а въ 1888 г. болѣе 3 мил.

Сбытъ рыбы на Ирбитской ярмаркѣ съ каждымъ годомъ падаетъ. На ярмаркѣ было продано:

въ 1882 г.	на 786.000 р.
» 1887 »	» 470.000 »
» 1888 »	» 440.000 »
» 1889 »	» 316.000 »
» 1890 »	» 300.000 »

Также уменьшается и сбытъ рыбьяго жира и клея. Въ 1882 г. этихъ продуктовъ было продано на 100.000 р., а въ 1887—1890 гг. ежегодно продавалось не болѣе, какъ на 56.000 р.

Предметовъ пчеловодства — меда, патоки и воска въ 1882 г. было продано на 533.000 руб., а въ 1889 г. на 262.000 руб., въ 1890 г. на 249.000 р., такъ что въ эти два года продуктовъ пчеловодства было продано менѣе, чѣмъ въ одномъ 1882 году.

Сбытъ сѣмянъ конопляныхъ и льняныхъ остается безъ значительнаго измѣненія: стоимость ихъ колеблется между 265.000 р. и 320.000 р.

Разныхъ кустарныхъ издѣлій на ярмаркѣ было продано:

въ 1882 г.	. . . . .	на 317.000 р.
» 1887 »	. . . . .	» 258.000 »
» 1888 »	. . . . .	» 254.000 »
» 1889 »	. . . . .	» 199.000 »
» 1890 »	. . . . .	» 187.000 »

Незначительная сравнительно стоимость всѣхъ кустарныхъ произведеній, проданныхъ на Ирбитской ярмаркѣ и постоянное паденіе ихъ сбыта указываютъ на очень слабое развитіе кустарной промышленности въ Сибири.

Подводя итогъ сбыта всѣхъ сибирскихъ товаровъ на ярмаркѣ, сопоставляя общую стоимость ихъ и принимая стоимость всѣхъ проданныхъ на Ирбитской ярмаркѣ въ 1882 г. за 100, мы получимъ слѣдующее соотношеніе:

			%
въ 1882 г.	около	12 мил.	100
» 1887 »	»	8,2 »	68
» 1888 »	»	7,6 »	63
» 1889 »	»	5,9 »	49
» 1890 »	»	5,1 »	42,5

т. е. сбытъ сибирскихъ товаровъ въ продолженіи послѣднихъ 8 лѣтъ уменьшился въ $2^1/_3$ раза.

Такимъ образомъ, цифровыя данныя доказываютъ высказанное ранѣе положеніе, что при обмѣнѣ товаровъ Сибири приходится пріобрѣтать извнѣ всѣ продукты, требующіе для ихъ производства сложнаго труда, а самой сбывать лишь одно сырье. Нѣкоторые товары, какъ, напр., кожи и металлы, Сибирь получаетъ обратно, но только уже въ обработанномъ видѣ, уплачивая при этомъ извѣстный комиссіонный процентъ Европейской Россіи и двойной провозный тарифъ. Изъ приведенныхъ нами цифровыхъ данныхъ мы также видѣли, что сбытъ сибирскихъ товаровъ на Ирбитской ярмаркѣ въ послѣднее время сталъ относиться къ сбыту россійскихъ какъ 16,3 къ 100, т. е., другими словами, сибирякъ затрачиваетъ на покупку разныхъ товаровъ сумму, въ шесть разъ большую, чѣмъ выручаетъ отъ продажи своего сырья. Само собой разумѣется, что крестьянское земледѣліе въ настоящее время не можетъ являться сокровищницей, изъ которой можно было бы почерпнуть средства для покрытія недочета въ 20—30 милліоновъ рублей; если оно и помогаетъ уменьшенію этого тор-

говаго дефицита, то лишь въ самой незначительной степени. Главнымъ же, почти единственнымъ источникомъ, покрывающимъ этотъ недочетъ, является, безъ сомнѣнія, золотой промыселъ. Доказательствомъ этой зависимости сибирскаго спроса на русскія произведенія, или, что одно и то же, размѣровъ сибирскаго потребленія отъ степени успѣшности добычи на нашихъ пріискахъ служитъ то постоянно наблюдаемое явленіе, что сумма требуемыхъ изъ Россіи товаровъ постоянно возростаетъ соотвѣтственно увеличенію количества добытаго золота; только это происходитъ не сразу. Изъ данныхъ, приведенныхъ Пахтинымъ, видно, что спросъ на россійскій товаръ правильно увеличивается черезъ четыре года послѣ богатой добычи золота.

Это зависимое положеніе нашего края можетъ исчезнуть лишь тогда, когда Сибирь приступитъ къ усовершенствованнымъ способамъ эксплоатаціи природныхъ богатствъ и когда разныя отрасли обработывающей промышленности получатъ надлежащее развитіе. Обработывающая же промышленность можетъ увеличиться или путемъ расширенія фабрично-заводской дѣятельности въ странѣ, или же путемъ развитія кустарной промышленности.

Приведенный выводъ, что золотопромышленность покрываетъ до 30 милліоновъ сибирскаго дефицита, требуетъ, однако, оговорки и поясненія.

Золотопромышленность и добыча золота хотя и играетъ роль въ сибирскомъ балансѣ, но не спасаетъ населеніе отъ указанной нами эксплоатаціи и торговыхъ кризисовъ, во-первыхъ, потому, что самое производство это носитъ въ себѣ исключительный характеръ грубой эксплоатаціи населенія и доходъ отъ золотопромышленности не идетъ прямо въ руки населенія и распредѣляется между владѣльцемъ пріисковъ и расходами на производство и рабочей платой. Изъ этихъ статей первая часть—доходъ золотопромышленника—не всегда остается въ Сибири, такъ какъ владѣльцы живутъ внѣ ея, а потому эта львиная часть доходовъ не играетъ роли въ общемъ сибирскомъ торговомъ балансѣ, только вторая статья—закупъ на пріиски припасовъ, затраты и содержаніе, пріобрѣтеніе товаровъ на пріиски—играетъ роль въ торговыхъ оборотахъ, а затѣмъ, тѣ доходы отъ золотопромышленности, которые идутъ рабочей платой, такъ какъ она, въ виду потребностей населенія, обращается къ покупкѣ мануфактурныхъ и заводскихъ произведеній. Но рабочій хотя и потребляетъ эти товары и несетъ свой заработокъ на базаръ, но это дѣлается не всегда непосредственно и прямымъ путемъ. Это очень важно имѣть для оцѣнки того, что остается въ рукахъ рабочаго класса и мѣстнаго населе-

нія [1]). На пріискахъ для снабженія товаромъ рабочаго существуютъ посредники: самъ золотопромышленникъ, заготовляющій товаръ въ лавкахъ, торговцы, которые ловятъ рабочаго, когда онъ выходитъ съ пріиска, и соблазняютъ его мануфактурой, и наконецъ, тѣ, которые тѣмъ или другимъ путемъ преображаютъ «денежный заработокъ рабочаго» въ товаръ. Рабочій въ большинствѣ пропиваетъ заработокъ; какъ капиталъ онъ не пропадаетъ, а проходя чрезъ руки всякихъ посредниковъ, появляется на ярмарочномъ рынкѣ. Несомнѣнно этимъ капиталомъ погашается часть дефицита, но вопросъ: что же остается въ рукахъ рабочаго населенія?

Надобно разобрать, возросло-ли благосостояніе тѣхъ, кто вырабатывалъ золото и служилъ рабочей силой, или эта рабочая сила давала только средства другимъ содержать торговую и промышленную операцію? Производительность каждаго промысла и польза его въ экономической жизни должна между тѣмъ оцѣниваться по стольку, по скольку онъ равномѣрно распредѣляется среди населенія и содѣйствуетъ удовлетворенію прогрессивно растущихъ потребностей. Что золотопромышленность не служитъ основнымъ промысломъ народнаго хозяйства Сибири, указывается тѣмъ, что тамъ, гдѣ золотопромышленность или горное дѣло падали (Томская губ., Алтай, Енисейская губ., Забайкалье), населеніе возвращалось къ земледѣльческой и промышленной дѣятельности, вполнѣ отрезвляясь отъ «золотой горячки» [2]). Сибирь только въ прежнее время предназначалась быть «горнозаводской колоніей» или рудничной, но развитіе земледѣлія измѣнило взглядъ на нее.

---

[1]) Рабочіе прибѣгаютъ къ покупкѣ добавочныхъ съѣстныхъ припасовъ изъ пріисковыхъ магазиновъ въ счетъ своей заработной платы. Слѣдующія цифры показываютъ, какъ значительны расходы рабочихъ на добавочное довольствіе:

	1887 г.	1888 г.	1889 г.
Число рабочихъ	11.256	13.046	13.166
Общая цифра заработка въ рубляхъ.	2.199.745	2.105.159	2.483.756
Изъ него выдано товарами и съѣстными припасами .	785.313	1.181.697	1.389.868
Что составляетъ въ °/₀ . . .	39	56	55°/₀

Цифры эти относятся къ Олекминской и Витимской системамъ и взяты изъ «Справ. книжки Якутск. обл.» за 1891 годъ. По свѣдѣніямъ той же книжки, на выписку съѣстныхъ припасовъ расходуется рабочими около ²/₃ всѣхъ оставляемыхъ на пріискахъ денегъ. Остальная ¹/₃ идетъ на пріобрѣтеніе изъ пріисковыхъ магазиновъ платья, обуви, табаку и др. товаровъ.

[2]) Высшая добыча золота, конечно, вліяла на количество торговыхъ оборотовъ въ краѣ. Это видно на банковыхъ операціяхъ (докладъ г. Шестаковича о дѣйствующихъ въ Иркутскѣ кредитныхъ учрежденіяхъ и торговыхъ оборотахъ за 17 лѣтъ). Но не одна золотопромышленность опредѣляла ходъ иркутской тор-

Золотопромышленное дѣло, поэтому, не считается прочнымъ, оно вноситъ въ настоящемъ спекуляцію, ажіотажъ и развратъ. Пока золотопромышленность будетъ играть такую исключительную господствующую роль въ общей экономіи Сибирскаго края, до тѣхъ поръ будетъ продолжаться экономическая зависимость отъ мануфактурныхъ рынковъ. Это зависимое положеніе можетъ исчезнуть лишь тогда, когда Сибирь перейдетъ къ правильному хозяйству, не увлекаемая спекуляціей и хищническими инстинктами, создастъ раціональное сельское хозяйство рядомъ съ обрабатывающею промышленностью, могущей облегчить сбытъ ея сырья на отдаленные рынки. На этомъ развитіи обрабатывающей и заводской промышленности, начиная съ поощренія кустарнаго промысла, должно быть сосредоточено все вниманіе въ настоящее время.

Обратимъ теперь вниманіе, какія измѣненія произошли въ хозяйствѣ сибирскомъ, въ послѣднія десять лѣтъ, съ 1881 по 1892 гг.

Картина промышленной и экономической жизни Сибири мало преобразилась въ эти десять лѣтъ. Производительныя силы природы не могли возрасти, такъ какъ лѣса не возобновлялись въ прежнемъ видѣ тамъ, гдѣ были выжжены и истреблены; звѣрь, истребленный и ушедшій, не нарождался; дичь, разъ исчезнувъ, не возвращалась; напротивъ, съ каждымъ годомъ лѣсовъ становилось меньше, потому что населеніе увеличивается естественнымъ приростомъ и переселеніями, и запросъ на нихъ растетъ. Въ звѣроловствѣ и рыболовствѣ предки сняли лучшую жатву и теперь потомкамъ досталось оскудѣніе.

На оскудѣніе лѣсовъ, звѣря и добычи рыбы продолжаются жалобы по всей Сибири. Въ настоящее время подтверждено уже научными изслѣдованіями исчезновеніе и уменьшеніе звѣря, а также съуженіе районовъ его распространенія, что естественно обусловливается заселеніемъ края.

Уменьшеніе рыбы идетъ рядомъ съ осушеніемъ и исчезновеніемъ многихъ озеръ Аралo-каспійской низменности, напр. озеръ степной полосы. Съ высыханіемъ озеръ исчезли и рыбные промыслы и богатство рыбы, описываемое Палласомъ. О гибели рыбы по Оби и Иртышу, а также истребленіи ея при нераціональныхъ

говли и управляла судьбами Сибири. Переводы банковые, не смотря на паденіе золотопромышленности, увеличиваются, возникаютъ потребности въ другихъ отрасляхъ жизни, экономическая жизнь Сибири развивается и этимъ развитіемъ покрываетъ дефициты самой золотопромышленности (Иркутскъ, его мѣсто и значеніе, изд. 1891 г., подъ ред. Сукачева, стр. 133).

способахъ рыбопромышленности сдѣлалъ когда-то подробное изслѣдованіе командированный Императорской академіей наукъ И. С. Поляковъ. Нынѣ гибель рыбныхъ богатствъ констатирована другимъ ученымъ, профессоромъ Хлѣбниковымъ [1]). Наконецъ, вотъ что говоритъ И. Д. Кузнецовъ о тюленьемъ промыслѣ на Байкалѣ.

«Изъ старинныхъ свѣдѣній, изъ временъ *Георги* и *Палласа*, когда тюленій промыселъ на Байкалѣ сдавался въ аренду [2]), мы знаемъ, что тогда добывалось ежегодно не болѣе 2.000 штукъ тюленей. Свѣдѣній о количествѣ добываемыхъ въ Байкалѣ тюленей въ болѣе близкіе къ намъ годы мы совсѣмъ не имѣемъ; есть только случайно, чисто мѣстныя указанія; такъ *Радде* (loc. cit. S. 304) приводитъ, что въ апрѣлѣ 1859 года въ селѣ Култукѣ (ю.-з. конецъ озера) было добыто только 40 штукъ, да и то большинство изъ нихъ были еще молодые, съ бѣловатымъ мѣхомъ».

«Какъ бы то ни было, хотя и при полномъ отсутствіи статистическихъ данныхъ, почти у всѣхъ, приведенныхъ выше, изслѣдователей послѣдняго времени проскальзываетъ указаніе на уменьшеніе тюленей въ водахъ Байкала, замѣчаемое не только охотниками, но и прибрежными жителями».

«Трудно не вѣрить этимъ указаніямъ или сомнѣваться въ ихъ

---

[1]) Въ засѣданіи 2 февраля отдѣла ихтіологіи московскаго общества акклиматизаціи докладывались труды г. Мельникова, извѣстнаго знатока рыбоводства, посвященные рыбнымъ промысламъ Западной Сибири. На основаніи сообщенія г. Мельникова и составлена замѣтка «Моск. Вѣд.».

Какъ велики массы гибнущей рыбы, показываютъ слѣдующія данныя, приводимыя г. Мельниковымъ:

Около деревни Куминской, въ томъ самомъ омутѣ, изъ котораго вычерпали 1.000 пуд. рыбы въ февралѣ 1887 г., открыли массу мертвой рыбы, лежавшей на протяженіи почти 50 квадр. саж. сплошнымъ слоемъ отъ дна до нижней поверхности льда.

Но есть и болѣе разительные примѣры. Около деревни Бѣлогорья, въ 1886 г., подъ яромъ (обрывомъ) остановилось громадное руно щуки и рядомъ съ нимъ руно язя, о чемъ жители Бѣлогорья ничего не знали. Наступили морозы, ключи замерзли и вся масса рыбы погибла. Случилось такъ, что уровень воды подо льдомъ понизился, вода отошла далеко отъ берега и рыба очутилась на сухомъ берегу, прикрытая осѣвшимъ на нее льдомъ. Весной, еще задолго до ледохода, на Оби очень поздняго, рыба вытаяла изъ-подъ льда и лежала на немъ по берегу полосой въ 4½ версты длиной, отъ 4—6 саж. шириной и до 2½ аршинъ толщиной! Самое пылкое воображеніе откажется высчитать, какое количество рыбы заключалось въ этой четырехъ-верстной полосѣ сплошныхъ труповъ!

Рыба эта вся погибаетъ совершенно безполезно для мѣстныхъ жителей.

[2]) Арендаторъ всего промысла давалъ промышленникамъ порохъ и свинецъ и, принимая отъ нихъ шкуры по условленной цѣнѣ, вычиталъ извѣстную долю за выданные охотничьи припасы.

справедливости. Мы знаемъ, что тюленій промыселъ на Байкалѣ производится почти круглый годъ, то тамъ, то здѣсь, то тѣмъ, то другимъ способомъ; мы знаемъ, что сѣти кударинскихъ бурятъ вылавливаютъ почти исключительно молодыхъ еще неслинявшихъ тюленятъ, т. е. въ томъ возрастѣ и въ той одеждѣ, въ какихъ бой тюленя на Каспійскомъ морѣ (бой бѣленькихъ) запрещенъ закономъ на столько, что взысканію (по 2 р. со штуки) подвергаются не только бьющіе бѣленькихъ тюленей, но и продающіе ихъ шкурки (ст. 581 Уст. Сельск. Хозяйства Св. Зак. Т. XII, ч. 2. Изданіе 1886 года)».

«Избить, уничтожить тюленя въ закрытыхъ водахъ Байкальскаго озера или даже уменьшить его на столько, что онъ будетъ тамъ рѣдкостью, и тѣмъ погубить доходный мѣстный промыселъ, конечно, не трудно; еще десятокъ, другой лѣтъ свободныхъ, безъ всякихъ ограниченій, тюленьихъ промысловъ на Байкалѣ, можетъ и скорѣе, и мы услышимъ подобныя жалобы, которыя слышатся нынѣ объ оскудѣніи омуля въ Байкалѣ; защитить и оградить рыбу, приносящую тысячи потомства, дать ей возможность снова размножиться легче, чѣмъ сдѣлать тоже для тюленя, приносящаго 1, 2, много-много 3 дѣтепышей».

«Пора, пока есть время и возможность, говоритъ авторъ, пора изучить серьезно тюленій промыселъ на Байкалѣ, заняться вопросомъ, въ какихъ въ самомъ дѣлѣ, а не на основаніи вѣроятныхъ предположеній, отношеніяхъ находится тюлень къ рыбному царству того же озера, и путемъ разныхъ ограниченій и законоположеній поставить промыселъ этотъ на ту степень производства, на которой онъ могъ бы служить многіе, многіе годы доходной статьей для бѣдныхъ жителей суроваго края Восточной Сибири».

Обратившись къ сельско-хозяйственному и скотоводческому промысламъ, мы видимъ, что населеніе въ новой странѣ не позаботилось о возвращеніи производительныхъ силъ землѣ, не внесло предусмотрительныхъ мѣръ къ сохраненію и пріумноженію скота, но пользовалось только готовымъ, не разсчитывая на будущее и стараясь возможно болѣе взять въ данную минуту и отъ земли, и отъ скотоводства. Земля не удобрялась, остатки отъ жатвъ—солома и навозъ—сжигались [1]) или бросались въ рѣки. Множество навоза сгнивало въ оврагахъ. Переложная система въ то же время истощала землю. Рядомъ съ этимъ истребленіе лѣсовъ послужило къ

[1]) Сжиганіе соломы на поляхъ практикуется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и нынѣ. Навозъ сжигается около городовъ доселѣ, чтобы не гнилъ и не заражалъ воздухъ; а также свозится на берега рѣкъ и на ледъ, во время зимы, чтобы унесла вода.

уменьшенію влажности, открыло поля для вѣтровъ. Засухи и неурожаи стали все чаще повторяться, а хлѣбъ страдалъ отъ разныхъ жучковъ, червей, болѣзней. Жители недоумѣвали долго, отъ чего уменьшаются урожаи и земля не даетъ прежнихъ жатвъ. Скоро частные случаи превратились въ общіе, земля истощалась въ цѣлыхъ волостяхъ, округахъ, а новинъ уже не предвидѣлось. Наступили бѣдствія и земледѣльческіе кризисы въ когда-то богатой Сибири съ дѣвственной почвой. При извѣстномъ способѣ хозяйства и скотоводства, какъ и при указанномъ вывозѣ сырья изъ страны, невозможно было и ожидать инаго исхода. Въ странѣ, обрабатывающей свои продукты, множество остатковъ отъ обработки остается въ почвѣ, питаетъ ее: навозъ, перегной всякаго рода, кости, рога, обрѣзки кожъ и т. п. Кто вывозитъ сырье, у того ничего не остается.

Самая торговля продуктами сибирскаго скота служитъ иногда только бѣдствіемъ. Стремясь продать шкуръ и кожъ возможно болѣе, во время падежей скота не пренебрегаютъ снимать ихъ съ палой зараженной скотины, и вотъ торговля сырьемъ разноситъ заразу: чуму, сибирскую язву и уничтожаетъ послѣднія стада [1]).

Не смотря на командировки спеціалистовъ для изслѣдованія причинъ эпизоотіи, нѣсколько лѣтъ назадъ, падежи скота въ огромныхъ размѣрахъ не прекращаются въ Сибири и опустошаютъ цѣлые районы и округа. Въ это десятилѣтіе постигло бѣдствіе Алтай, богатый скотоводствомъ; уронъ былъ такъ великъ, что, по заявленію торговцевъ, прекратился отпускъ кожъ и сала [2]). Въ 1886 г. страшные падежи свирѣпствовали въ Енисейской губерніи. Въ 1890 г. подверглись безкормицѣ лучшіе округа Западной Сибири. Лишеніе скота подрываетъ и производительныя силы земледѣльца. Такимъ образомъ, сибирское хозяйство могло только ухудшаться.

Въ какомъ положеніи находятся нѣкоторыя мѣстности, считавшіяся самыми производительными, уже выяснили изслѣдованія.

---

[1]) Нѣсколько лѣтъ назадъ, намъ удалось разсматривать обширное дѣло въ нѣсколько сотъ листовъ объ эпизоотіяхъ въ Сибири. Въ немъ выяснены были причины, усиливающія падежи, въ числѣ которыхъ считаются: торговля зараженными кожами, покупка ихъ на кожевенные заводы, отсутствіе ветеринарнаго надзора при прогонѣ скота, неопредѣленность скотопрогонныхъ трактовъ и карантиновъ на нихъ, отсутствіе предупредительныхъ мѣръ въ селахъ и т. д.

[2]) Въ 1884 г. въ Барнаульскомъ округѣ пало 77.937 головъ скота, въ Бійскомъ 103.335, въ Кузнецкомъ 25.216, а всего въ трехъ округахъ 206.508. По разсчету въ 10 р. на голову, оказывается въ 8-лѣтній періодъ потеря въ 3 милліона рублей, а оцѣнивая въ 15 рублей, падежъ унесъ 4½ милліона (Алтай. Истор.-статист. сборникъ 1890 года, подъ редакціей Голубева).

Мы позволимъ себѣ привести отрывокъ изъ отчета добросовѣстнаго изслѣдователя въ Ишимскомъ округѣ, Тобольской губерніи, А. А. Кауфмана.

Изслѣдователь раздѣлилъ округъ на четыре района по производительности.

«Первый районъ состовляютъ: 1) степная мѣстность, примыкающая къ общей границѣ Ишимскаго, Курганскаго и Ялуторовскаго округовъ и 2) небольшая полоса по лѣвому берегу р. Ишима. Общія характерныя черты, свойственныя этому району, слѣдующія: средній урожай пищевыхъ хлѣбовъ даетъ съ десятины около 70 пудовъ валоваго сбора; въ посѣвахъ преобладаютъ пшеница и овесъ, изъ которыхъ первая въ степныхъ мѣстностяхъ занимаетъ $^2/_5$ и болѣе всей засѣянной площади; хлѣбопашество при господствующемъ сѣвооборотѣ съ избыткомъ вознаграждаетъ хозяина за всѣ затраты денегъ и труда и съ избыткомъ же даетъ средства, необходимыя для продовольствія населенія и для уплаты лежащихъ на немъ сборовъ и повинностей; скотоводство, говоря вообще, обширнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой части Ишимскаго округа; размѣры заработной платы весьма высоки, и потому мѣстность эта является центромъ, къ которому приливаетъ излишнее рабочее населеніе изъ менѣе плодородныхъ частей Ишимскаго округа и даже изъ мѣстъ, лежащихъ внѣ предѣловъ послѣдняго».

«Ко второму району относится юго-западная часть Ишимскаго округа. Второй районъ характеризуется приблизительнымъ среднимъ урожаемъ пищевыхъ хлѣбовъ около 60 пуд. съ десятины; въ сѣвооборотѣ замѣчается тоже преобладаніе пшеницы (хотя далеко не столь рѣзко выраженное, какъ въ первомъ районѣ) и овса; хлѣбопашество съ нѣкоторымъ избыткомъ вознаграждаетъ за затраченныя деньги и трудъ только при посѣвѣ пшеницы, въ общемъ же даетъ развѣ только самую ничтожную выгоду; оно вполнѣ (или почти вполнѣ) способно обезпечить продовольствіе населенія и дать средства для исправной уплаты сборовъ и повинностей, но благодаря условіямъ рынка и происходящимъ отсюда колебаніямъ цѣнъ на хлѣбъ въ общемъ выводѣ за урожайные и неурожайные года не вполнѣ удовлетворяетъ этимъ потребностямъ; скотоводство значительно менѣе обширно, чѣмъ въ мѣстностяхъ перваго района, но обширнѣе, чѣмъ въ третьемъ; размѣры заработной платы, уступая размѣрамъ ея въ первомъ районѣ, значительно выше, чѣмъ въ двухъ остальныхъ; что касается до передвиженія рабочей силы, то нѣкоторыя волости при благопріятныхъ и среднихъ условіяхъ привлекаютъ къ себѣ ра-

бочія руки со стороны, остальныя ощущаютъ въ нихъ нѣкоторый избытокъ, который и выбрасываютъ на недальніе отхожіе заработки. Въ неурожайные годы почти вся разсматриваемая мѣстность отпускаетъ болѣе или менѣе значительную часть населенія на дальніе заработки».

«Мѣстности третьяго района имѣютъ общими характеристическими чертами: примѣрный средній урожай пшеницы около 40—50 пудовъ съ десятины и повсемѣстно замѣтное вытѣсненіе этого хлѣба изъ его преобладающей роли ржаными хлѣбами». Районъ этотъ въ разныхъ своихъ частяхъ представляетъ существенныя различія, заставляющія г. Кауфмана раздѣлить этотъ районъ на три подгруппы. Вотъ какими словами характеризуетъ г. Кауфманъ одну изъ частей: «хлѣбопашество здѣсь при посѣвахъ всякаго рода хлѣбовъ безусловно убыточно и, благодаря упадку производительности земли, не только не можетъ дать населенію средствъ для покрытія платежей и повинностей, но даже не вполнѣ обезпечиваетъ его продовольствіе, поэтому значительная часть необходимыхъ для существованія населенія средствъ получается изъ другихъ источниковъ: отъ пимокатнаго и дровянаго промысла, отъ продажи дровъ и рыболовства, отъ продажи сѣна, скотоводства и отхожихъ промысловъ». Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ этого района «хлѣбопашество, въ виду болѣе низкой цѣнности земледѣльческихъ работъ, неубыточно».

«Наконецъ, въ составъ четвертаго района входятъ худшія мѣстности Ишимскаго округа, а именно: четыре сѣверо-западныхъ волости, правый берегъ Ишима ниже с. Абатскаго и южная часть Усть-Ламенской волости. Характеристику этой мѣсности приходится дать довольно печальную... Хлѣбопашество при всякаго рода посѣвахъ даетъ значительные убытки и далеко не обезпечиваетъ продовольствія населенія, давая при среднихъ урожаяхъ значительные, при худыхъ—громадные дефициты зернового хлѣба... Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что мѣстности четвертаго района достигли уже низшихъ степеней той экономической лѣстницы, спускаться по которой онѣ были осуждены вліяніемъ истощающихъ землю хозяйственныхъ порядковъ, вредныя послѣдствія которыхъ проявились здѣсь съ особенною силой, благодаря природнымъ худшимъ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, свойствамъ пахатныхъ земель. Дальше по этой лѣстницѣ спускаться некуда; разсматриваемая мѣстность переживаетъ въ настоящее время тотъ хозяйственный кризисъ, который въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ предстоитъ и остальнымъ мѣстностямъ Ишимскаго округа, какъ неизбѣжный результатъ существующихъ способовъ хо-

зяйства. Изъ этого кризиса возможенъ двоякій исходъ: разсматриваемая мѣстность или перейдетъ къ хозяйству съ удобреніемъ, которое уже теперь довольно серьезно испытывается въ Арамашевской волости и въ западной части Малышевской, но результаты котораго до сихъ поръ не вполнѣ выяснились, или значительная часть ея населенія должна будетъ выселиться и тѣмъ дать возможность остальной части вернуться къ болѣе экстензивному способу хозяйства и такимъ образомъ временно повысить производительность пашень [1]). Оба эти исхода одинаково возможны; который изъ нихъ наступитъ—сказать трудно, но несомнѣнно, что одинъ или другой долженъ наступить въ весьма близкомъ будущемъ».

Переходя къ общимъ явленіямъ, характеризующимъ положеніе сельскаго населенія всего Ишимскаго округа, г. Кауфманъ говоритъ: «Прежде всего бросается въ глаза крайняя *случайность урожаевъ* хлѣбовъ: крестьянинъ не только при производствѣ посѣва, но еще довольно долго послѣ того совершенно не можетъ со сколько-нибудь достаточною вѣроятностью ожидать того или иного опредѣленнаго урожая: до самаго конца іюля онъ долженъ считаться съ возможностью болѣе или менѣе неполнаго урожая, и эта вѣроятность для мѣстностей перваго района довольно незначительная, для четвертаго района весьма велика. Далѣе представляется несомнѣннымъ, что на всемъ пространствѣ округа неурожаи за послѣднее время сильно участились, хорошіе же урожаи сдѣлались сравнительно очень рѣдки, да и самые размѣры хорошихъ урожаевъ значительно понизились сравнительно съ ихъ прежними размѣрами; несомнѣнно, слѣдовательно, что общая производительность пашень въ Ишимскомъ округѣ значительно уменьшилась, а при существующихъ хозяйственныхъ порядкахъ можно ожидать въ будущемъ только дальнѣйшаго уменьшенія ея. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что на всемъ пространствѣ округа, кромѣ мѣстностей четвертаго района, хлѣбопашество и въ современномъ его состояніи могло бы вполнѣ обезпечить продовольствіе населенія... Но благодаря условіямъ сбыта крестьяне при хорошихъ урожаяхъ оказываются вынужденными за безцѣнокъ сбывать весь излишекъ хлѣба или бо́льшую часть его и лишены такимъ образомъ возможности запасаться хлѣбомъ на случай худыхъ урожаевъ;

[1]) Такой процессъ, должно сказать, и происходилъ доселѣ во всей Сибири. Когда земля истощалась, населеніе переселялось въ другую мѣстность на востокъ. Это былъ процессъ разселенія, хозяйство не измѣнялось, но въ виду заселенія многихъ мѣстъ въ Сибири теперь наступаетъ время, когда переселеніе не можетъ считаться выходомъ.

поэтому, при наступленіи послѣднихъ, населеніе остается безъ хлѣба; останавливаются платежи податей (съ 1883 по 1886 годъ на Ишимскомъ округѣ накопилась болѣе чѣмъ двухмилліонная недоимка); населеніе начинаетъ покупать по высокимъ цѣнамъ хлѣбъ, обращается къ замѣнѣ его разными суррогатами».

«Въ столь же неблагопріятныя условія поставлено и развитіе скотоводства, которое, по свойствамъ и размѣрамъ сѣнокосныхъ угодій и пастбищъ, могло бы достигнуть весьма значительныхъ размѣровъ; прежде всего здѣсь вліяютъ низкія цѣны какъ на самый скотъ, такъ и въ особенности на продукты молочнаго хозяйства (которые, кромѣ, масла почти вовсе не имѣютъ сбыта); благодаря имъ, напримѣръ, овцеводство почти совершенно не переходитъ за предѣлы необходимаго для собственнаго обихода крестьянъ, а разведеніе рогатаго скота служитъ источникомъ денежнаго дохода только для болѣе или менѣе зажиточныхъ крестьянъ».

«Одною изъ важнѣйшихъ причинъ необезпеченности крестьянскаго населенія Ишимскаго округа является далѣе ничтожное въ немъ развитіе—можно сказать, почти полное отсутствіе промысловыхъ заработковъ; не говоря уже о прямомъ доходѣ, который они могли бы давать крестьянству, отсутствіе ихъ является одною изъ существенныхъ причинъ и рѣзкихъ колебаній цѣнъ на хлѣбъ, лишающихъ хлѣбопашество той роли, которую оно могло бы играть, и «проѣданія» скота, не дающаго развиваться скотоводству, и такимъ образомъ косвенно вліяетъ на всѣ стороны жизни крестьянъ. Отсутствіе промысловыхъ заработковъ имѣетъ причинами частью неимѣніе подъ руками матеріала для какихъ-нибудь доступныхъ крестьянамъ производствъ (особенно здѣсь важенъ недостатокъ въ подѣлочномъ лѣсѣ), частью же, кажется мнѣ, малую предпріимчивость самого населенія: хотя изслѣдованіе народнаго характера не входитъ въ задачу настоящей работы, тѣмъ не менѣе не могу не упомянуть о значительномъ различіи, замѣчаемомъ въ характерѣ ишимскаго крестьянина отъ характера хотя бы крестьянъ Туринскаго округа. Туринскій крестьянинъ представляетъ собою типъ сѣвернаго, предпріимчиваго мужика; онъ не теряетъ головы ни при какихъ обстоятельствахъ; если ему мало пашни, онъ создаетъ ее, расчищая лѣса и даже осушая болота; если пашня плоха, онъ изыскиваетъ средства поднять ея производительность: удобряетъ, осушаетъ и т. п.; если пашня за всѣмъ тѣмъ не даетъ ему всего нужнаго для его существованія, онъ обращается къ тѣмъ или другимъ кустарнымъ промысламъ, ремеслу и т. д.; словомъ, онъ не подчиняется природѣ, а старается, насколько умѣетъ, подчинить ее себѣ. Напротивъ, ишимскій крестьянинъ произво-

дитъ впечатлѣніе полной безпомощности и подчиненія природѣ: онъ умѣетъ только брать то, что даетъ ему природа, не думая о будущемъ; если земля начинаетъ ему давать слишкомъ мало, онъ, правда, иногда испытываетъ новые способы обработки земли, удобреніе и т. п., но дѣлаетъ это съ предвзятымъ убѣжденіемъ въ негодности всего новаго, и потому при малѣйшей, часто случайной неудачѣ опускаетъ руки; разъ природа стала давать ему мало, онъ поэтому сейчасъ же начинаетъ искать «вольныхъ мѣстъ» или уходитъ на дальніе заработки. Я, конечно, не хочу этимъ сказать, что здѣшній крестьянинъ все беретъ отъ природы даромъ; онъ работаетъ и много работаетъ,—но работаетъ искони заведенными способами, разсчитанными на большой просторъ, крайне неохотно отъ нихъ отступая, и предпочитаетъ уйти «на новое мѣсто», чѣмъ вкладывать большее количество труда въ малое количество земли».

«Изъ остальныхъ, состоящихъ въ пользованіи крестьянъ, угодій лѣса и рыбныя ловли находятся въ состояніи весьма быстро прогрессирующаго истощенія» [1]).

Изслѣдованія въ другихъ округахъ Западной Сибири подтверждаютъ то же самое. Подобное же происходитъ въ Курганскомъ, Тюменскомъ округахъ. Повторяющіеся неурожаи научили уже жителей переходить къ иной системѣ хозяйства—трехпольной. Такой переходъ совершается въ Курганскомъ, Тюменскомъ округѣ. Въ Туринскомъ округѣ давно удобряютъ поля, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жители не желаютъ разстаться съ старой системой. У сибирскаго крестьянства существуетъ убѣжденіе, что сибирскія земли не принимаютъ удобренія. Истощеніе земель, конечно, сказывается болѣе въ Западной Сибири и именно въ Тобольской губерніи, въ болѣе густо населенныхъ округахъ, между тѣмъ эти округа считались въ Сибири житницей ея. Чтобы судить о томъ, въ какомъ положеніи находятся нынѣ эти округа, мы дѣлаемъ выдержку изъ корреспонденціи за 1890 годъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 214).

«Когда-то богатѣйшіе урожаи Курганскаго округа, доставившіе ему названіе сибирской житницы, съ каждымъ годомъ отходятъ дальше въ область преданій. Такое же зрѣлище представляютъ и южныя волости сосѣдняго Ишимскаго округа, а также и Тюкалинскій округъ; въ послѣднемъ только близъ границъ Тарскаго округа уцѣлѣли мѣстами нѣкоторые посѣвы. Въ полосѣ, лежащей сѣвернѣе Кургана и Ишима, урожай вообще плохъ; кое-гдѣ есть

---

[1]) Кауфманъ. Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Ишимскаго округа Тоб. губ. Изд. министерства государств. имуществъ.

еще пшеница, хотя и низкая, но съ порядочнымъ колосомъ, мѣстами удались и другіе хлѣба и травы, но клочки эти ничтожны».

Наконецъ, вотъ какимъ образомъ рисуются бѣдствія, постигшія прошлымъ лѣтомъ эти округа:

Послѣ весеннихъ холодовъ, окончившихся около 20 мая и задержавшихъ вскрытіе устья Иртыша до 1 іюня, сильная засуха, въ продолженіе всего іюня и трехъ недѣль іюля, въ большинствѣ волостей южной полосы губерніи сгубила посѣвы озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ; въ это время жаръ доходилъ до 39° и 42° по Р.; травы выгорѣли,—въ перспективѣ безкормица. Собственно говоря, засуха не ограничивается предѣлами названной полосы Тобольской губерніи; на Горькой линіи и къ югу отъ нея она надѣлала бѣдъ казакамъ и киргизамъ въ Петропавловскомъ и Омскомъ уѣдахъ; сосѣдній съ Курганскимъ—Челябинскій уѣздъ Оренбургской губерніи также пострадалъ отъ засухи; въ Семипалатинской области она охватила Павлодарскій уѣздъ, а мѣстами и Кулундинскую степь Барнаульскаго округа (Томской губ.). Постоянный спутникъ засухи, кобылка появилась въ такомъ множествѣ, что въ колеяхъ степныхъ дорогъ лежитъ цѣлыми кучами. По теченію Иртыша, начиная отъ Павлодара до границъ Тарскаго округа, выгорѣли посѣвы и трава. Въ волостяхъ Курганскаго округа, лежащихъ на Курганско-Ишимскомъ коммерческомъ трактѣ и къ югу отъ послѣдняго, высохшіе посѣвы до такой степени «выбиты» кобылкой, что съ перваго взгляда ихъ трудно отличить отъ паровыхъ полей,—все одинаково черно и только объѣдки стеблей у корня указываютъ на бывшіе всходы. Поскотины (выгоны) и покосы обратились въ сплошныя желтобурыя пространства, по которымъ бродитъ отощавшій скотъ; почва потрескалась во многихъ мѣстахъ на глубину отъ 3-хъ до 5-ти четвертей.

Въ 1890 г. писали намъ изъ Курганскаго округа, что бѣдствіе и безкормица отразилась на безработицѣ. Зимою 1890 г. уже нечѣмъ было кормить лошадей. Бѣдность прикалывала уже лошадей, выводила на базаръ продавать за 3 рубля, а жеребенка вымѣнивали за 1 ф. пряниковъ или сбывали за 15 копѣекъ. «Нынѣче нечего бояться, писа лиизъ Кургана, даже воры не конные, а пѣшіе ходятъ». И вотъ послѣ такого положенія въ зиму 1890 г. приспѣлъ неурожай 1891 г., окончательно отразившійся ударомъ на населеніи. Бѣдствіе вызвало бѣгство населенія въ другія части и округа Сибири.

Указываемыя бѣдствія и случайности показываютъ, въ какомъ положеніи находятся земледѣльческія мѣстности Сибири. Эти бѣдствія, падежи и неурожаи распространяются иногда на мѣстности,

гдѣ можно было бы ихъ менѣе всего ожидать, какъ Алтайскій округъ, Минусинскій край и т. д. Таблица, составленная нами объ урожаяхъ въ Сибири, показываетъ, что урожаи эти въ Барнаульскомъ округѣ Томской губ. или въ Семирѣченской области достигаютъ значительныхъ размѣровъ (въ Барнаульскомъ округѣ до 100 пуд. съ 1 дес. ржи, до 120 пуд. пшеницы и проса и до 150 пуд. овса; въ Семирѣченской области 12—14 четверт. ржи съ десятины, до 15 четв. пшеницы, до 25 четв. овса и до 15 четв. ячменя и гречихи), но эти урожаи не составляютъ общей мѣрки; они, въ силу указаннаго закона истощенія, также должны будутъ упадать, весь вопросъ только въ очереди.

Когда-то принято было сибирскія почвы признавать богатыми и неистощимыми. При объясненіи даннаго явленія было упущено изъ виду, что при оцѣнкѣ почвъ необходимо отличать тароватость почвы отъ ея богатства; первая можетъ обусловить необыкновенные урожаи но только на короткое время; богатство же почвы обезпечиваетъ урожай на продолжительный срокъ. Въ такомъ именно отношеніи стоятъ между собою, напр., почвы Новоузенскаго у. Самарской г. и сѣверной части киргизскихъ степей къ лучшимъ черноземамъ Тамбовской, Воронежской, Симбирской и нѣкоторыхъ другихъ губерній. Почвы Новоузенскаго у. и киргизской степи, также какъ и барабинскія, даютъ иногда 30—40-е зерно, но за то послѣ этого онѣ должны отдыхать 5—10—15 и болѣе лѣтъ; напротивъ, почвы Тамбовской губ. даютъ обыкновенно 10-е, рѣдко 15-е зерно, за то они находятся въ непрерывной культурѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, вѣроятно, до сотни лѣтъ. Судя по химическимъ особенностямъ барабинскихъ почвъ, судя по ихъ незначительной толщинѣ, нужно полагать, что онѣ принадлежатъ именно къ типу почвъ тароватыхъ, но малосильныхъ, скоро выпахивающихся. И дѣйствительно, самъ Миддендорфъ приводитъ нѣсколько доказательствъ такого предположенія. Такъ, говоря о почвахъ Западной Сибири, онъ замѣчаетъ, что «послѣ 3-хъ-лѣтняго пользованія залогъ (новь) требуетъ около 10 лѣтъ отдыха, но при новой распашкѣ у этого перелога уже нѣтъ прежней свѣжести и дѣвственности»—обстоятельство, заставляющее сибирскихъ землепашцевъ подвигать свои поля все дальше и дальше отъ деревни. Миддендорфъ встрѣчалъ поля, находившіяся почти въ 60 вер. отъ ближайшаго жилья. Это безконечное раздвиженіе полей оканчивается обыкновенно переселеніемъ. Такое же «совершенное выпахиваніе въ нѣсколько лѣтъ» первобытныхъ почвъ замѣчается и въ сѣверныхъ и южныхъ частяхъ Барабы. Тѣ самыя мѣста Ишимской степи, которыя при первомъ заселеніи Сибири прославились

своимъ «неистощимымъ плодородіемъ», требуютъ въ настоящее время тщательнаго удобренія. Въ сущности то же подтверждаетъ наше изслѣдованіе на Барабѣ. Даже въ наилучшихъ мѣстахъ Западной Сибири, въ округахъ Барнаульскомъ, Бійскомъ и Кузнецкомъ, по свидѣтельству знатока земледѣлія на Алтаѣ П. А. Мамонтова, всюду господствуетъ переложная система хозяйства, причемъ земля отдыхаетъ отъ 15—20 лѣтъ; по исчисленіямъ того же агронома, и необходимая норма здѣсь для крестьянскаго земельнаго хозяйства, а стало быть и для надѣла, не можетъ быть менѣе 25 дес. и не должна превышать 43 дес. [1]). Профессоръ Докучаевъ, представляя свой докладъ Вольному Экономическому Обществу, доказалъ на основаніи анализа почвъ бѣдность чернозема въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири.

Конечно, въ этомъ направленіи желательны болѣе обстоятельныя изслѣдованія по всей Сибири, подобно тѣмъ, которыя предпринимали уже земства въ земледѣльческихъ губерніяхъ Россіи. А до тѣхъ поръ въ сельскомъ хозяйствѣ Сибири нужно измѣнить взглядъ на условія производительности и позаботиться о вознагражденіи, а не истощеніи почвы. Даже прославленный Амуръ не представляетъ богатства черноземовъ, какъ доказалъ профессоръ Коржинскій, ѣздившій на Амуръ въ 1891 г. и дѣлавшій оцѣнку мѣстныхъ условій. Только небольшая часть долины Амура между нижнимъ теченіемъ рѣкъ Зеи и Буреи представляетъ площадь, сравнительно весьма небольшую, годную для жизни осѣдлаго населенія.

Вторая значительная низменность, идущая отъ Малаго Хингана, внизъ по Амуру, гораздо менѣе, чѣмъ первая, пригодна для этого, такъ какъ она носитъ только названіе низменности, а на самомъ дѣлѣ представляетъ крайне волнистую страну, заполненную предгорьями Малаго Хингана и его отроговъ. Остальное же пространство Амурской области—дикія скалистыя горы, среди лабиринта которыхъ лишь изрѣдка, въ долинахъ нѣкоторыхъ лѣвыхъ притоковъ Амура можно найти площадки, годныя для земледѣльческой культуры.

Ожидать возможности заселенія Амура въ большихъ размѣрахъ, по мнѣнію профессора-ботаника, дѣло напрасное. Даже теперешнее населеніе чувствуетъ недостатокъ въ хлѣбѣ, пополняемый привозомъ частію изъ Забайкалья, частію изъ сосѣдней Манчжуріи. Почвы—хотя по наружному виду и черныя, но это отнюдь не черноземъ, такъ какъ процессъ ея образованія совершенно иной. Система

[1]) Алтай, Голубева. Томскъ 1890 г., стр. 47.

обработки полей какъ у переселенныхъ на Амуръ изъ Забайкалья казаковъ, такъ и переселенцевъ изъ Малороссіи и внутреннихъ губерній Россіи — не соотвѣтствуетъ почвеннымъ условіямъ и не выдерживаетъ никакого сравненія съ сложной плодоперемѣнной системой манчжуръ, живущихъ въ небольшомъ количествѣ на русскомъ берегу Амура, у которыхъ докладчикъ наблюдалъ сложную плодоперемѣнную систему съ культурой бобовыхъ растеній, способныхъ увеличивать производительную силу амурской почвы. Не смотря на то, русское населеніе отличается зажиточностью; не рѣдкость встрѣтить запашки отдѣльныхъ семействъ въ 100 и болѣе десятинъ. Земледѣльческія орудія получили весьма большое распространеніе въ краѣ, благодаря полезной дѣятельности американской фирмы Эмери, снабжающей Амуръ американскими земледѣльческими орудіями. Но эта зажиточность явленіе не прочное и скоропреходящее, ибо она зависитъ какъ отъ сравнительнаго пока достатка земель, такъ и отъ побочныхъ заработковъ на пріискахъ богатыхъ компаній, куда крестьяне сбываютъ также и избытки своего хлѣба. Но земли истощаются, золотопромышленность падаетъ и кажущееся довольство края—явленіе временное и не пустившее прочныхъ корней.

Словомъ, экономическая жизнь страны и условія крестьянскаго и инородческаго хозяйства не представляютъ въ Сибири той устойчивости, какая существуетъ въ другихъ, даже болѣе бѣдныхъ и малоземельныхъ странахъ. Часто бѣдное культурное хозяйство (среднихъ губерній Россіи) имѣетъ болѣе задатковъ роста, развитія, совершенствованія и дѣлаетъ при удобреніи при сохраненіи скота хотя медленные шаги; но тамъ, гдѣ все зависитъ отъ даровъ природы, быстро истощаемыхъ, отъ счастья, отъ случайностей, тамъ, при обиліи всего въ одномъ поколѣніи, нельзя ручаться за другое. Въ Европейской Россіи обращено уже вниманіе на поднятіе сельско-хозяйственнаго уровня, агрономы, ученыя общества приходятъ съ совѣтами и указаніями, во многихъ мѣстахъ при участіи земства произведены подробные анализы почвъ, появляются образованные сельскіе хозяева, дѣлающіе опыты, существуютъ учебныя фермы, поднимается вопросъ о заведеніи сельскохозяйственныхъ школъ, само земство въ лицѣ лучшихъ представителей сторожитъ зорко за всѣми бѣдствіями въ сельскомъ хозяйствѣ и приходитъ къ нимъ на помощь. Въ Сибири ничего подобнаго не создалось [1]). Населеніе само пробиваетъ дорогу къ культурѣ.

[1]) Въ послѣднее время только въ 1887—1889 г., въ Восточной Сибири при графѣ А. П. Игнатьевѣ, явилась мысль завести въ Минусинскомъ округѣ зем-

До сихъ поръ настоящимъ образомъ экономическіе вопросы еще не возбуждены въ краѣ. Предполагая, что Сибирь задыхается отъ «тука пшенична», всѣ говорятъ только объ одномъ вывозѣ и сбытѣ продуктовъ и всю вину экономическаго кризиса видятъ въ отсутствіи путей сообщенія. Если послѣднее и играетъ нѣкоторую роль, то рядомъ нужно постараться, чтобы было «что вывозить»; при нынѣшнемъ же положеніи сельскаго хозяйства и промышленности можетъ выйти разочарованіе.

Что касается мѣстныхъ жителей сибиряковъ, то, при внимательномъ отношеніи къ своей жизни, вопросъ имъ долженъ представляться совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Имъ прежде всего приходится озаботиться объ обезпеченіи своей будущности и будущности поколѣній, загладить прежнія ошибки, прежнее непредусмотрительное пользованіе благами природы и перейти къ болѣе раціональному способу сельскаго хозяйства.

Въ этомъ направленіи, какъ мы уже сказали, намѣчаются планы. Послѣднія изслѣдованія хозяйственной и экономической жизни крестьянъ, совершенныя въ Западной и Восточной Сибири особыми спеціалистами, открываютъ картину быта и потребностей сельскаго населенія.

Вотъ какъ рисуетъ напримѣръ, условія современнаго сибирскаго хозяйства и его потребности одинъ изъ мѣстныхъ агрономовъ [1]).

«Сибирскому земледѣльцу безъ знанія, примѣра и руководителя отъ первобытной залежной системы земледѣлія мыслимъ переходъ только къ зерновой съ трехпольнымъ или двухпольнымъ сѣвооборотомъ, съ удобреніемъ или безъ удобренія, что дѣйствительно и наблюдается.

«Кромѣ лѣсныхъ пространствъ, служили мѣстомъ возникновенія земледѣльческой культуры и степи, какъ, напримѣръ, въ большинствѣ случаевъ у инородцевъ.

«Кромѣ обилія земель, на организацію сибирскаго хозяйства имѣютъ вліяніе еще и слѣдующія причины: во-первыхъ, неравномѣрное распредѣленіе земель, въ силу захватно-родоваго начала пользованія ею; во-вторыхъ, отсутствіе большихъ пространствъ залеганія однообразныхъ почвъ, и, въ-третьихъ, существованіе холодныхъ и теплыхъ теченій воздуха въ долинахъ,—явленія, до сихъ

ледѣльческое училище, доставить крестьянамъ возможность знакомиться съ усовершенствованными орудіями, для чего были выписаны образцы ихъ, которые развозились по деревнямъ для выставки.

[1]) См. статью Лаврентьева «Земледѣліе въ Сибири». Вост. Обозр. 1891 г. № 26.

поръ здѣсь не изслѣдованныя. Что неравномѣрное распредѣленіе земельныхъ угодій вліяетъ на строй хозяйства, едва-ли нужно доказывать. Общества, имѣющія въ своемъ распоряженіи большія пространства земельныхъ угодій, дольше придерживаются первобытной залежной системы земледѣлія, а малоземельныя скорѣе переходятъ къ зерновой съ трехпольнымъ и двухпольнымъ сѣвооборотомъ».

«Обратимся къ почвамъ. Въ Сибири, за исключеніемъ развѣ Барабинской степи и негодныхъ для культуры тундръ, встрѣчается замѣчательная пестрота почвъ: въ долинахъ—глина, черный суглинокъ; на склонахъ холмовъ сѣрый суглинокъ, переходящій въ иловатый подзолъ или супесь; на вершинахъ гривъ супесь. Вслѣдствіе отсутствія однообразія въ почвахъ культура и сѣвооборотъ на нихъ въ одномъ и томъ же хозяйствѣ часто неодинаковы. Такъ, напримѣръ, можетъ быть на хорошемъ суглинкѣ ничего, кромѣ пшеницы, не сѣется, а на пыхунѣ (легкая черноземная почва) сѣется постоянно ячмень, да овесъ. Мужикъ въ силу вѣкового опыта подмѣтилъ, какой хлѣбъ и на какой почвѣ лучше родится, и старается выбрать для каждаго сорта, по возможности, соотвѣтствующій клочекъ пашни [1]); конечно, такая постановка дѣла еще болѣе запутываетъ опредѣленіе системы полеводства и сѣвооборота.

«Явленіе холодныхъ воздушныхъ теченій въ извѣстныхъ лощинахъ заставляетъ или избѣгать разработки этихъ мѣстъ, или сѣять менѣе требовательный хлѣбъ — рожь, ячмень. Лощины и овраги съ холодными теченіями, обыкновенно, хорошо извѣстны, хотя и открыть эту особенность ихъ не трудно,—для этого стоитъ только пройти по нимъ передъ закатомъ солнца. При вступленіи въ предѣлы этого теченія рѣзко чувствуется холодъ, какъ при входѣ въ подвалъ.

«Въ мѣстностяхъ, мало крестьянамъ извѣстныхъ, обыкновенно, прежде чѣмъ начать разработку, мужикъ тщательно объѣзжаетъ

---

[1]) Г. Лаврентьевымъ обработанъ собранный довольно богатый матеріалъ (болѣе 1.000 наблюденій) о натурѣ сибирскаго зернового хлѣба. При взвѣшиваніяхъ отмѣчался, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и родъ почвы. Средній вѣсъ четверти съ различныхъ почвъ оказался:

	Суглинокъ.	Глина.	Супесь.	Песокъ.	Пыхунъ.
Рожь . . .	8 п. 30 ф.	8 п. 19 ф.	8 п. 18 ф.	—	8 п. 18 ф.
Ярица. . .	8 » 26 »	8 » 14 »	8 » 12 »	8 п. 12 ф.	8 » 10 »
Пшеница. .	9 » 17 »	9 » 21 »	9 » 8 »	—	8 » 25 »
Овесъ . . .	5 » 22 »	5 » 5 »	5 » 5 »	—	5 » 17 »
Ячмень . .	6 » 33 »	6 » 29 »	7 » 15 »	—	7 » 4 »

окрестности передъ закатомъ солнца и легко опредѣляетъ холодныя и теплыя теченія.

«Принимая въ соображеніе вышеизложенные факторы, понятно становится, почему система земледѣлія и сѣвообороты, практикуемые въ Сибири, не поддаются общему опредѣленію даже въ одномъ хозяйствѣ не только въ цѣломъ районѣ. Интересно, что это разнообразіе условій даетъ богатый выборъ новымъ переселенцамъ, а прожившихъ уже многіе годы побуждаетъ оставаться упорными консерваторами въ хозяйствѣ. Это явленіе рельефно выдается въ Минусинскомъ округѣ. Переселенецъ изъ степной полосы Россіи селится непремѣнно въ степи. Пермякъ идетъ въ тайгу со своей лѣсопольной системой, и какъ только мѣстность достаточно населится, обработается, и настанетъ время перехода къ болѣе интенсивному хозяйству, пермякъ перебирается на новыя мѣста—ближе къ тайгѣ. Точь-въ-точь какъ было въ Америкѣ, гдѣ поселенцы бросали пашни и шли все далѣе на западъ, ища условій для первобытной культуры.

«Хозяйство сибирскаго пахаря обстановлено, вообще, лучше, чѣмъ у крестьянина Европейской Россіи. Соха у него хотя и неудовлетворительна, но далеко лучше сохи общерусской и представляетъ ничто иное, какъ ярославскую косулю безъ рѣзца—колесуха. Это передковый плугъ, самарскій сабанъ, но тоже безъ рѣзца; борона тяжелая, съ желѣзными зубьями по преимуществу; появляются вѣялки, молотилки рѣдки только потому, что дѣлать ихъ некому, а привозныя дороги.

«Какъ въ мѣстностяхъ, переживающихъ первобытную залежную систему земледѣлія, такъ и въ предѣлахъ нарождающейся зерновой настало время, когда опыты проплаго не удовлетворяютъ нарождающимся вопросамъ, и необходимо указаніе, руководство.

«Поля начинаютъ засориваться сорными травами болѣе и болѣе, однообразная культура злаковъ ведетъ къ вырожденію сѣмянъ; такъ, вѣсъ четверти ржи падаетъ до 7 п. 8 ф., ярицы 7 п. 16 ф., овса даже до 4 п. 16 ф. Конечно, это крайнія цифры, но все-же онѣ характеризуютъ вырожденіе сѣмянъ. Вырожденіе идетъ не только въ сторону легковѣсности, но оно и мельчаетъ. Если считать за среднюю крупность зерна ржи 22, 23 тысячи въ фунтѣ, то сибирскій хлѣбъ въ большинствѣ случаевъ мельче, особенно засыпаемый въ экономическіе магазины, гдѣ на фунтъ ржи приходится отъ 27 до 35 тыс. зеренъ.

«Итакъ, земледѣліе въ Сибири, стоя на первой ступени культуры, находится въ первобытныхъ условіяхъ и зависитъ отъ случайностей.

«Истощеніе земель уже встрѣчается чаще и чаще, съ истребленіемъ лѣсовъ засухи явленіе не рѣдкое, сѣмена ухудшаются. На помощь этимъ недугамъ уже выступлено. До удобренія мужикъ додумывается самъ, глубоко пашущія орудія показываетъ и даетъ ему складъ сельско-хозяйственныхъ орудій. Обмѣнъ сѣмянъ по распоряженію генералъ-губернатора сдѣланъ въ минувшемъ году на первый разъ для Иркутской губерніи и въ размѣрахъ довольно крупныхъ, такъ что въ нынѣшній посѣвъ сѣмянъ этихъ разсѣяно уже не менѣе 150 тыс. пудовъ. Остается теперь къ разрѣшенію самый важный вопросъ о борьбѣ съ засухами путемъ орошенія. Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ все будущее земледѣліе въ Сибири».

Даже теперь нельзя уже не замѣтить среди сибирскихъ крестьянъ нѣкоторыхъ наклонностей въ усовершенствованіи хозяйства и пріобрѣтеніи лучшихъ орудій. Вотъ что мы читаемъ, напр., въ обстоятельной книгѣ г. Голубева.

«Нѣкоторые желѣзные заводы уже содѣйствуютъ распространенію лучшихъ орудій и плуговъ въ Сибири. О значеніи Гурьевскаго завода для земледѣльческой культуры вообще и въ частности для распространенія усовершенствованныхъ орудій на Алтаѣ, всего лучше будутъ говорить нижеприведенныя цифры о количествѣ ежегодно приготовляемыхъ и продаваемыхъ этимъ заводомъ чугунныхъ и желѣзныхъ частей для земледѣльческихъ орудій. Такъ, за 3-лѣтіе 1886—1888 г. заводомъ продано, по преимуществу кустарямъ, готовыхъ металлическихъ частей для:

	1886 г.	1887 г.	1888 г.
плуговъ (5—8 конныхъ). . . .	341 шт.	375 шт.	859 шт.
боронъ (малый плугъ)	194 »	420 »	651 »
сошниковъ и отваловъ	833 »	100 »	607 »
вѣялокъ	1.067 »	1.575 »	1.480 »
маслобоенъ (валовъ)	8 паръ	16 паръ	17 паръ
зубьевъ къ боронамъ	277 пуд.	125 пуд.	400 пуд.

«Кромѣ этого о знакомствѣ населенія Алтая съ усовершенствованными земледѣльческими орудіями и о распространеніи ихъ намъ извѣстно слѣдующее: съ 1889 г. управляющій Томскимъ книжнымъ складомъ П. И. Макушина, В. М. Посохинъ вздумалъ сдѣлать опытъ открытія въ Томскѣ коммиссіонерства по распространенію въ Сибири издѣлій красноуфимскихъ (Пермской губ.) кустарей и въ частности вырабатываемыхъ ими земледѣльческихъ орудій. Владѣлецъ громадной мукомольной мельницы въ с. Бердскомъ, В. А. Гороховъ, узнавъ объ этомъ начинаніи Посохина и

желая помочь этому хорошему дѣлу, предложилъ увезти образцы всѣхъ этихъ орудій и выставить ихъ для ознакомленія крестьянъ у себя на мельницѣ, гдѣ ежедневно стекается масса народу (извозчики, помольщики и проч.). Опытъ Горохова въ 2—3 мѣсяца показалъ, какое громадное значеніе можетъ имѣть даже не коммиссіонерство по продажѣ орудій, а лишь выставка ихъ въ такомъ бойкомъ мѣстѣ, какъ мельница. Тутъ же на мельницѣ съ нѣкоторыми орудіями въ присутствіи крестьянъ производились и опыты, другія же, какъ плуги и бороны, крестьяне разсматривали лишь въ складѣ. Отзывъ крестьянъ о красноуфимскихъ орудіяхъ таковъ: плуги системы Эккерта, Говарда и др.—хороши, крестьяне думаютъ, что они будутъ распространяться по Алтаю; крестьянамъ нравятся и желѣзныя бороны, но онѣ дороги при доставкѣ изъ Красноуфимска, вѣялки и сортировки они находятъ также неподходящими по цѣнѣ; производимыя во многихъ мѣстахъ на Алтѣ значительно дешевле. Изъ молотилокъ была лишь ручная; послѣ опытовъ крестьяне нашли ее мало выгодною или даже совсѣмъ безвыгодною; по ихъ мнѣнію, тому количеству рабочихъ, которое занято на молотилкѣ, можно намолотить цѣпами столько же, если еще не больше, и кромѣ того при ручной молотьбѣ вся солома остается цѣлою, а при машинной измятою. Отъ Горохова-же намъ удалось узнать, что мѣстнымъ крестьянамъ извѣстна болѣе совершенная молотилка—съ шестиконнымъ приводомъ. Такая молотилка появилась въ послѣднее время въ г. Колывани, гдѣ съ лѣта 1889 г. открыто и ихъ производство какимъ-то переселенцемъ Томскаго округа [1])».

Кромѣ того въ 1882 г. мы имѣли слѣдующее заявленіе съ Амура: «Въ области уборка хлѣба была крайне дорога, цѣна дошла даже до 25 р. и болѣе сжать десятину. Потому съ 1882 г. начали входить у крестьянъ сначала жатвенныя машины, а затѣмъ и другія. Вотъ краткое сообщеніе о числѣ дѣйствующихъ машинъ: сушилокъ 2, вѣялокъ 5, жатвенныхъ 19, косилокъ 2, молотилокъ 4, сѣнлокъ 1, соломорѣзокъ 3, плуговъ (пароконныхъ) 15, боронъ чугунныхъ 1. Эти уже въ дѣйствіи; но, кромѣ того, въ складѣ: молотилокъ 5, косилокъ 1, соломорѣзокъ 1. Спросъ на машины съ каждымъ днемъ увеличивается. Выписка производилась главнымъ образомъ черезъ губернатора, такъ что крестьянамъ онѣ доставались безъ коммерческой накидки. Возвратъ денегъ за машины съ разсрочкой. Ниманская К° дала въ ссуду для этого дѣла

[1]) См. «Алтай», историко-статистическое изслѣдованіе подъ редакц. Голубева, стр. 62—63.

5.000 р. Для машинъ здѣсь особенно удобное поприще, у крестьянъ запашки большія». Нечего и говорить, что при болѣе дѣйствительномъ распространеніи агрономическихъ знаній и усовершенствованныхъ орудій, сибирское сельское хозяйство стало бы на настоящую почву. Мысль о земледѣльческихъ фермахъ и училищахъ для населенія не разъ проводилась въ печати, а въ послѣднее время, явились предположенія основать земледѣльческую ферму и училище, въ одномъ изъ лучшихъ земледѣльческихъ округовъ Восточной Сибири—Минусинскомъ. Въ 60-хъ годахъ въ Томской губ., въ Кузнецкомъ округѣ, для крестьянъ была основана такая ферма и земледѣльческое училище рядомъ съ заведеніемъ для обученія крестьянъ кустарнымъ промысламъ. Ферма была основана на средства и при иниціативѣ покойнаго И. Ф. Каменскаго Это былъ родъ крестьянскаго земледѣльческаго института и вполнѣ соотвѣтствовалъ мѣстнымъ потребностямъ. Къ сожалѣнію, это учрежденіе не было поддержано и скоро пало.

Основаніе фермъ и земледѣльческихъ училищъ въ Сибири дало бы толчокъ развитію раціональнаго сельскаго хозяйства и несомнѣнно нашло бы благодарную почву тамъ, гдѣ, какъ видимъ, населеніе само начинаетъ уже искать путей къ тому, чтобы отъ старой системы полеводства перейти къ новой.

ГЛАВА X.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ НАСЕЛЕНІЯ.

Зажиточность и бѣдность сибирскаго населенія.—Господствующія явленія монополіи, міроѣдства, кабалы и торговой зависимости.—Типы кулаковъ и міроѣдовъ.—Земледѣльческая и торговая кабала.—Зависимость инородцевъ.—Исторія монополіи и кабалы на Востокѣ въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ.—Борьба администраціи съ монополистами.—Болѣе нормальные пути экономическаго развитія края.

Когда-то сложилось представленіе, что въ Сибири живутъ богато и населеніе благоденствуетъ. Нынѣ это подлежитъ оговоркамъ и должно быть обусловлено. Извѣстная зажиточность населенія за Ураломъ и большее благосостояніе крестьянъ, чѣмъ во внутреннихъ бывшихъ крѣпостныхъ губерніяхъ Россіи, правда, не могли не броситься въ глаза всѣмъ заѣзжимъ и путешественникамъ. Это объяснялось отчасти условіями жизни зауральскаго крестьянина; новая страна, дѣвственная почва, незаповѣдные лѣса, сводобный трудъ и отсутствіе крѣпостнаго права.

Зажиточность и лучшія условія выразились и въ обстановкѣ, и въ жилищѣ зауральскаго крестьянина. Избы бревенчатыя, иногда двухъэтажныя; соломенныхъ крышъ нѣтъ. Дома иногда изукрашены балконами, на крышахъ рѣзныя украшенія, ставни и двери раскрашены. Дворы большіе, крытые для скота на зиму; въ комнатахъ у богатыхъ городская мебель, зеркала. Села тянутся на три-четыре версты, лавочки торговцевъ и множество кабаковъ. Кругомъ деревни огромные выгоны «поскотина». Скота у крестьянъ было прежде много и онъ пасся въ табунахъ. Сибирскій крестьянинъ не зналъ лаптей, онъ ходилъ въ сапогахъ, зимой въ бродняхъ, въ теплой «дохѣ», шубѣ изъ кожъ и оленей. Парни щеголяли въ бобровыхъ шапкахъ; хлѣба въ закромахъ, въ овинахъ было много, и урожаи прибавляли запасы, хлѣбъ у богачей иногда сгнивалъ. Относительно трудолюбиваго и хорошаго крестьянина здѣсь можно сказать, что онъ вообще не садится за столъ безъ

мяса въ скоромные дни, а въ постные безъ рыбы. Хлѣбъ ржаной ѣдятъ здѣсь обыкновенно со щами, а пшеничный съ молокомъ. Что касается до количества потребленія разныхъ продуктовъ, то приблизительно можно опредѣлить такъ: взрослый работникъ съѣдаетъ въ сутки: ржанаго хлѣба и пшеничнаго хлѣба по фунту каждаго, фунтъ мяса, съ прибавленіемъ молочныхъ кушаній.

До сихъ поръ мы можемъ видѣть въ Сибири среди крестьянъ примѣры значительной зажиточности. Бывали крестьяне, имѣвшіе купеческіе капиталы; они извѣстны подъ именемъ торгующихъ крестьянъ. Сибирскому разбогатѣвшему крестьянину была открыта дорога переписаться въ мѣщане и купцы, и дѣйствительно, многіе крупные капиталисты въ Сибири выходили изъ крестьянъ далеко ранѣе, чѣмъ появились въ Россіи Губонины. Въ капиталисты выходили приказчики, люди изъ пріисковыхъ партій изъ ямщиковъ. Извѣстный капиталистъ Немчиновъ, заправлявшій чайной торговлей, имѣющій нынѣ и въ крупныхъ пріискахъ и обладающій 40 милліонами капитала, былъ крестьянинъ. Богачъ Щ—ковъ въ Тарѣ былъ также крестьянинъ.

Обстановка сибирскаго хозяйства, какъ рисуютъ ее изслѣдователи, слѣдующая:

«Земли, лежащія подлѣ деревни, огороженныя изгородью на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, назначаются собственно для пастьбы скота и называются поскотиною. Эти земли находятся въ общемъ владѣніи, и никто отдѣльно пользоваться ими не можетъ.

«Полевыми угодьями пользуется каждый членъ общины совершенно свободно, гдѣ хочетъ и сколько хочетъ. Распашка какого-либо даннаго участка, гдѣ бы то ни было, даетъ право временнаго владѣнія этимъ участкомъ. Распашку въ этомъ отношеніи можетъ замѣнить и проведеніе вокругъ участка только одной борозды. Но постановка только одного знака на полѣ не устанавливаетъ права владѣнія, и такимъ образомъ всякій другой членъ общины, облюбовавшій участокъ съ поставленнымъ знакомъ, можетъ его запахать и собрать съ него урожай. По снятіи урожая съ участка, онъ переходитъ вновь въ разрядъ земель, никѣмъ не занятыхъ, и такимъ образомъ, если прежній хозяинъ не предупредитъ, то этотъ участокъ можетъ запахать и всякій другой домохозяинъ».

Въ то время, когда нѣкоторые счастливцы, благодаря ловкости, проворству, разнымъ случайностямъ, пріобрѣтали земли, имущество, заводили торговлю и получали перевѣсъ надъ собратьями, другіе крестьяне отдавались труду и испытывали горькую долю въ борьбѣ за существованіе! Новыя условія страны, ея про-

странство, дальность пашенъ, расчистка ихъ среди дѣвственныхъ лѣсовъ, все ложилось на нихъ отягчающимъ образомъ. Часто падежи лишали бѣднаго крестьянина послѣдней лошади. Въ глухихъ мѣстахъ Сибири даже при урожаяхъ сбыта не было. Хлѣбъ былъ дешевъ и деньги весьма цѣнились. Между тѣмъ на крестьянствѣ лежали многія тягости по душамъ. Каждый платилъ отъ ревизіи до ревизіи за извѣстное количество душъ, между тѣмъ работники убывали и приходилось платить за умершихъ. До сихъ поръ въ Сибири существуетъ подушная подать, со всѣми ея неудобствами. Затѣмъ на сибирскомъ крестьянинѣ лежала масса тяжестей, и мірскіе, и общественные сборы превосходили всякіе казенные налоги. Величайшей повинностью было проведеніе дорогъ, исправленіе главнаго тракта, куда выгоняли людей за 600 вер. иногда отъ деревень. Почтовая гоньба, содержаніе сельскихъ и волостныхъ правленій, обезпеченіе магазиновъ, содержаніе квартиръ для чиновниковъ—все это ложилось значительными тягостями. Кромѣ того земская полиція въ лицѣ исправниковъ, засѣдателей и волостныхъ писарей не щадила сельское населеніе и жила въ Сибири очень богато. Нѣкоторые исправники и окружные начальники накапливали себѣ здѣсь крупныя состоянія. Волостной писарь получалъ прежде до 6.000 р. жалованья. Если принять во вниманіе убогій крестьянскій бюджетъ, отсутствіе заработковъ, мы поймемъ, что при самыхъ скудныхъ потребностяхъ у него являлся дефицитъ, онъ долженъ былъ прибѣгать къ займу, къ кабалѣ, запродавать трудъ свой болѣе состоятельному деревенскому кулаку или торговцу. Этотъ кредитъ понижалъ его заработную плату. Разныя случайности и несчастія обезсиливали работника и онъ не выходилъ изъ бѣдности. Такимъ образомъ создавалось огромное неравенство въ сельской средѣ, гдѣ при свободныхъ земляхъ, при захватномъ способѣ землевладѣнія и подушной, а не поимущественной подати всѣ шансы становились на сторону разбогатѣвшаго, а всѣ тяжести падали на бѣднѣйшаго. Поэтому давно уже замѣчено въ сельской средѣ другое явленіе, это—явленіе обѣдненія, нищеты и крайне зависимаго положенія. Подобные факты, находимые повсюду, заслуживаютъ большаго вниманія, чѣмъ благословенные райскіе уголки, уцѣлѣвшіе, какъ рѣдкое исключеніе, въ Сибири. Мы говоримъ объ экономическомъ явленіи, давшемъ поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ обрисовать Сибирь, какъ мѣсто самыхъ грубыхъ, корыстолюбивыхъ стремленій, доводившихъ до разоренія трудящуюся часть населенія и выразившихся въ монополіи и кабалѣ. Сдѣлавъ попытку изслѣдованія въ особой монографіи по исторіи монополіи,

кабалы и новѣйшаго міроѣдства на востокѣ, мы не могли не найти связи и причинъ этого явленія съ общимъ экономическимъ положеніемъ края.

Сибирь не была обѣтованною страною для населенія. Въ экономической жизни она испытала общую участь — рядомъ съ богатствомъ и горькой бѣдности. Страна контрастовъ, она еще рѣзче выразила это различіе состояній, различіе богатства и бѣдности, а также инстинкты пріобрѣтенія и наживы.

Въ средѣ промышленной жизни Востока явленіе монополіи сказалось шире со всѣми его послѣдствіями, точно также, какъ и экономическая зависимость выразилась рѣзче въ лицѣ кабалы, покручничества и т. д. На эти явленія указываютъ нынѣ, какъ на односторонность развитія и какъ на язву внутренняго хозяйства страны, поэтому они не могутъ быть обойдены изслѣдователемъ мѣстной экономической жизни.

Прежде всего, конечно, придется указать на деревенское міроѣдство и кабалу.

Для характеристики мы беремъ сначала самую обыкновенную форму міроѣдства земледѣльческаго, существующаго какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири. Вотъ какъ оно обрисовывается однимъ наблюдателемъ..Въ деревенскомъ населеніи есть много людей бѣдныхъ и нуждающихся въ кредитѣ въ трудную минуту. Наступаетъ сборъ податей: наѣхала земская полиція, сельское начальство приходитъ въ волненіе; денегъ у крестьянъ нѣтъ; являются на сцену угрозы и розги. Міроѣды молчатъ. Только когда бѣдные доведены до крайнихъ предѣловъ отчаянія, они развязываютъ кошельки. Съ этого дня начинается нѣжнѣйшая связь между міроѣдомъ и его жертвою; міроѣдъ заступается за бѣднягу, старается доставлять ему разныя выгоды, какъ скоро это ему ничего не стоитъ; но это покровительство дорого достается бѣдняку: онъ не только долженъ исполнять тягостныя условія, подъ которыми получалъ деньги; онъ долженъ быть съ семействомъ непремѣннымъ членомъ на всѣхъ помочахъ, посредствомъ которыхъ міроѣдъ стяжаетъ свои богатства. Міроѣдъ пашетъ посредствомъ помочей, коситъ сѣно—тоже, убираетъ хлѣбъ—тоже, рубитъ дрова — тоже. За какой-нибудь стаканъ вина его кліентъ продаетъ ему свой трудъ, а его собственныя поля остаются невоздѣланными, скотъ безъ корму. Поставленный разъ въ подобное положеніе, бѣднякъ попадаетъ въ безвыходную кабалу; онъ опускается все ниже и ниже, трудъ свой продаетъ все дешевле и дешевле, пока не доходитъ до баснословной дешевизны. Цѣлое семейство работало на міроѣда цѣлый годъ за тёлку; крынка

простокваши — вознагражденіе, нерѣдко даваемое міроѣдомъ за день женскаго труда; дѣти работаютъ на него изъ-за одного хлѣба. Вотъ какимъ образомъ міроѣды доходятъ до поражающихъ наблюдателя богатствъ, запахиваютъ сотни десятинъ. имѣютъ сотни штукъ скота, имѣютъ обширные пчельники—и все это достается имъ за безцѣнокъ. Подобные люди достигаютъ огромнаго вліянія въ сельскомъ обществѣ, вліяютъ на всѣ дѣла, входятъ какъ распорядители, какъ факторы экономической жизни и являются даже узурпаторами власти; они держатъ своихъ односельчанъ, какъ рабовъ, чинятъ беззаконные судъ и расправу, дѣлая массу злоупотребленій.

Въ исходѣ XVIII-го и 1-й четверти XIX-го столѣтія, въ Кузнецкомъ округѣ Верхо-Томской волости, въ деревнѣ Березовой, жилъ богатый крестьянинъ заводскаго вѣдомства, Иванъ Степановъ Новиковъ. Домъ у него построенъ былъ на берегу рѣчки Березовки, при впаденіи ея въ Томь, на городскую руку, и далеко отличался отъ прочихъ, какъ величиною своею, такъ и красивымъ наружнымъ видомъ; богатое же внутри убранство комнатъ дѣлало его похожимъ на домъ значительнаго помѣщика. Въ смежности съ этимъ домомъ находились два, порядочной величины, сада, правильно расположенные, съ фигурными бесѣдками, цвѣтными грядами и въ разныхъ мѣстахъ скамейками. Занимался Новиковъ хлѣбопашествомъ въ огромномъ размѣрѣ и торговлей разнаго рода скотомъ въ значительномъ количествѣ. Часть хлѣба отправлялась имъ сплавомъ по рѣкамъ Томи, Оби и Иртышу, на продажу въ Сургутъ и Березовъ. Для работъ по хлѣбопашеству и ухода за скотомъ онъ содержалъ до 80 работниковъ изъ годовой платы и для присмотра за полевыми работами, за порядкомъ въ домѣ и для исполненія торговыхъ дѣлъ болѣе 40 приказчиковъ. Главное же управленіе по торговлѣ ввѣрено было томскому мѣщанину Ѳедору Корчуганову, который и распоряжался всѣмъ полновластно. Самъ Новиковъ разрѣшалъ только одни значительныя торговыя предпріятія, съ важностью выслушивая доклады и мнѣнія чинно стоявшихъ передъ нимъ главноуправляющихъ и нѣкоторыхъ болѣе смышленыхъ приказчиковъ, повѣрялъ торговыя книги, дѣлалъ по нимъ замѣчанія, сводилъ счеты и вообще дѣйствовалъ, какъ имепитый торговый человѣкъ. Для выѣзда своего имѣлъ лучшихъ лошадей и много городскихъ экипажей; въ числѣ послѣднихъ даже была выписана изъ Москвы коляска, въ которой Иванъ Степановичъ, четверней или парой, объѣзжалъ иногда поля свои, засѣянныя разнымъ хлѣбомъ, или ѣздилъ въ городъ, куда требовала надобность по дѣламъ его, или

просто, вздумавъ прогуляться къ своимъ знакомымъ, имѣя ихъ множество въ высшемъ чиновномъ кругу. Поѣздка въ городъ сопровождалась всею роскошью знатности, составляя кортежъ изъ 4 экипажей, изъ коихъ въ главномъ сидѣлъ обыкновенно самъ Новиковъ, а въ остальныхъ сидѣли приказчики. Подъ свозъ такой свиты требовалось около 20 лошадей, которыя, по предварительному извѣщенію, и заготовлялись на станціяхъ едва не за недѣлю до пріѣзда его, ожидая Ивана Степановича, какъ нѣкую важную особу. Такой образъ жизни, при умѣ его и независимомъ состояніи, чрезвычайно сближалъ Новикова съ должностными лицами, любившими и даже уважавшими его. Къ сожалѣнію, онъ только во зло употреблялъ это расположеніе и, не будучи чуждъ корыстолюбія, богатство *пріобрѣталъ не совсѣмъ добросовѣстными средствами*. Не неся никакой общественной должности, онъ, однако же, тѣмъ не менѣе безнаказанно управлялъ Верхо-Томской волостью и, притомъ, такъ деспотически, что не только волостное и сельское начальство покорствовало ему, но и земскія и горныя власти смотрѣли на него сквозь пальцы, а крестьяне лишены были возможности противодѣйствовать ему и раболѣпно подчинялись всѣмъ его приказаніямъ. Ни одна мірская сходка не оканчивалась безъ рѣшенія Ивана Степановича, ни одно распоряженіе начальства не приводилось въ исполненіе, прежде, пока не прикажетъ онъ. Очень рѣдко бывая на мірскихъ сходкахъ, Новиковъ зналъ, однако же, все, о чемъ происходило на нихъ совѣщаніе, по той причинѣ, что послѣ каждой сходки являлась къ нему депутація изъ крестьянъ и просила его совѣта и рѣшенія. Дурно ли, хорошо ли прикажетъ онъ, но дѣло рѣшалось окончательно по его наставленію, и если кто осмѣливался противорѣчить, ему грозили однимъ словомъ, что такъ приказалъ Иванъ Степановичъ. Волостное правленіе носило одно пустое названіе и скорѣе было канцеляріей Новикова, чѣмъ присутственнымъ мѣстомъ: всѣ споры между крестьянами, жалобы ихъ на обиды, одинъ другому нанесенныя, и прочіе иски и тяжбы ихъ разбирались однимъ Новиковымъ, во дворѣ дома его или на станціяхъ во время проѣзда, у той квартиры, гдѣ онъ останавливался. Въ первомъ случаѣ, строгій судья-самозванецъ, каждый день, утромъ или послѣ обѣденнаго отдыха, выходилъ на крыльцо и, сѣвъ въ приготовленныя кресла, выслушивалъ жалобы и просьбы собравшейся толпы крестьянъ, спрашивалъ отвѣтчиковъ и обсуживалъ обстоятельства, тутъ же рѣшалъ дѣла окончательно, и горе обвиняемому: его подводили къ столбу, на дворѣ врытому, привязывали ремнями и наказывали плетьми до тѣхъ поръ, пока угодно было Ивану Сте-

пановичу; а онъ былъ до того жестокосердъ, что то и дѣло кричалъ: «прибавьте ему», такъ что иногда несчастнаго уносили на рукахъ полумертваго; подобныя рѣшенія случались и на станціяхъ, хотя и нечасто. Во время рекрутскихъ наборовъ, по полученіи въ волостномъ правленіи указа о приготовленіи очередныхъ семействъ для поставки рекрутъ, хотя и составлялся для этого мірской сходъ, на которомъ избирались семейства, на очереди состоящія, но все это была пустая форма; Иванъ Степановичъ устраивалъ дѣло по своему. Онъ на дому у себя составлялъ списокъ о тѣхъ лицахъ, которыхъ желалъ отдать въ рекруты, и безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, отсылалъ его въ волостное правленіе съ приказаніемъ, чтобъ поименованныя въ немъ семейства немедленно приготовлены были къ отправкѣ, и затѣмъ, въ назначенный день, отсылалъ ихъ въ рекрутское присутствіе съ письмами отъ себя на имя кого слѣдовало. Привозимые, такимъ образомъ, принимались въ рекруты безъ малѣйшаго въ чемъ-либо затрудненія и задержки, такъ что волость очищалась за одинъ разъ, безъ недоимки, и считалась въ этомъ случаѣ самой исправной. Обсчитать при разсчетѣ кого-нибудь лишними процентами на одолженныя въ займы деньги Новиковъ также не считалъ для себя грѣхомъ. *Крестьяне постоянно были у него въ долгу*, и, сколько ни уплачивали, все оставались недоимки. Избытки въ скотѣ, а также и въ другихъ припасахъ, входили въ составъ торговли Ивана Степановича; крестьяне очень мало продавали въ сторонніе руки: *все везлось* къ нему и *сдавалось приказчикамъ;* а цѣны за принятый товаръ зависѣли отъ самого Новикова безпрекословно. Если онъ узнавалъ, что у какого-нибудь крестьянина появилась хорошая лошадь, то, не раздумывая долго, сейчасъ же посылалъ приказчика къ владѣльцу такой лошади съ приказаніемъ отобрать ее и привести къ нему. Посланный отправлялся, осматривалъ лошадь и, найдя ее доброю, уводилъ ее на дворъ Ив. Ст—ча, а хозяину приказывалъ явиться туда же черезъ недѣлю. Не смѣя ослушаться, крестьянинъ молча смотрѣлъ на уводимую и нерѣдко любимую лошадь и не рѣшался дѣлать ни малѣйшаго возраженія. Когда лошадь Новикову понравится, то оставалась вовсе у него, а прежнему хозяину, явившемуся въ назначенное для того время, платили за нея сколько вздумается Ив. Ст—чу и всегда менѣе противъ стоимости; крестьянинъ оставался доволенъ и тѣмъ, что получилъ, очень хорошо понимая, что ни убѣжденія, тѣмъ болѣе возраженія, не поведутъ ни къ чему доброму; его же прикажутъ вытолкать вонъ, а при случаѣ отомстятъ еще посильнѣе. Высшія власти, посѣщая Томскъ и Барнаулъ, также хорошо знали Ив.

Ст—ча; принимали его запросто, на чаи или обѣдъ. Ѣзжали съ нимъ по городу въ одномъ экипажѣ и, при случаѣ, пивали за его здоровье. Біографія эта помѣщена въ Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1858 г. № 43.

Во время путешествія нашего по Сибири мы наталкивались постоянно на подобныхъ крестьянъ-богачей, держащихъ остальныхъ въ кабалѣ.

Въ деревнѣ Костылевой мы встрѣтили обширное хозяйство крестьянъ братьевъ Красноусовыхъ. Домъ ихъ былъ поставленъ на городскую ногу, обширные сараи и склады огораживали обширный дворъ, 5 сараевъ были наполнены 17.000 пудовъ скупленнаго хлѣба. Хлѣбъ скупался по 17 и 20 коп., продается же нуждающимся крестьянамъ по 50 коп., а на рынкѣ по 80 коп. Понятны значительные дивиденды. Красноусовы имѣютъ 2 мельницы, до 300 головъ рогатаго скота, распахиваютъ наймомъ до 100 десятинъ земли и во время уборки хлѣба у нихъ работаетъ до 40 работниковъ; въ большинствѣ это должники, трудъ десятинщика оплачивается ими въ страду 2 руб., а обыкновеннаго работника 3 руб. Работникъ отъ Пасхи до Дмитріева дня, до 26-го октября, получаетъ у нихъ 25 руб., сапоги, 2 пары рубахъ со штанами и бродни. Къ торговлѣ присоединяется ростовщичество. Крестьяне-богачи раздаютъ товаръ и деньги въ долгъ крестьянамъ, ставя двойныя цѣны. За долги идетъ безпощадное взысканіе и за долгъ, такимъ образомъ, пріобрѣтается не только скотъ, но и крестьянскіе дома. Въ каждой волости и на каждый районъ есть одинъ или два такихъ выдвинувшихся крестьянъ-скупщиковъ. До какихъ размѣровъ можетъ дойти обогащеніе этимъ путемъ, примѣромъ служитъ состояніе и доходъ крестьянина Сорокина, имѣвшаго недавно хозяйство на Карасукѣ къ югу отъ Юдинской волости и арендовавшаго земли у горнаго вѣдомства. Онъ имѣлъ запасовъ до 100.000 пудовъ пшеницы, въ табунѣ его находилось 8.000 головъ скота, въ томъ числѣ 500 аргамаковъ. Торговля скотомъ огромна; рогатаго скота отправлено: въ Оренбургъ 2.800 головъ, въ Енисейскую тайгу на пріиски 1.500 головъ, на Иртышѣ пасется 1.400. Кромѣ того, у него находится кожевенный заводъ, на которомъ выдѣлывалось 5.000 кожъ. Въ Павлодарѣ 2 лавки съ мануфактурными товарами. За разными лицами долговъ, между прочимъ за однимъ оренбургскимъ торговцемъ, 150.000 рублей. По смерти своей, въ 1878 году, онъ оставилъ по завѣщанію деньгами 6-ти сыновьямъ по 40.000 руб. каждому — 240.000 рублей, двумъ племянникамъ по 40.000 руб. каждому — 80.000 рублей и 3-мъ дочерямъ по 5.000 руб., всего

15.000 руб. Состояніе и имущество этого крестьянина, занимавшагося покупкою и продажею хлѣба и скота, равнялось болѣе милліона рублямъ. Такова разница въ матеріальныхъ условіяхъ и степени богатства среди сибирскихъ крестьянъ, зависящая отъ способовъ пріобрѣтенія, а также вліянія деревенскихъ скупщиковъ и кулаковъ въ сибирской жизни,—вліянія, давно подмѣченнаго различными изслѣдователями. Мы видимъ, что въ глухихъ мѣстахъ на Барабѣ, при отсутствіи конкурренціи, низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, нуждѣ крестьянъ въ деньгахъ и потребности кредита, вліяніе кулаковъ и скупщиковъ чрезвычайно сильно и увеличеніе ихъ богатства происходитъ на счетъ остальнаго крестьянства, отзываясь чрезвычайно невыгодно на экономическомъ уровнѣ массы.

Земледѣльческая кабала существуетъ во многихъ мѣстахъ Сибири; ближе сказать, трудно было бы найти мѣсто, гдѣ бы это явленіе не существовало. Вотъ какъ описываетъ явленіе міроѣдства одинъ корреспондентъ въ другомъ концѣ Сибири, въ Верхоленскомъ округѣ. «Общинное владѣніе землей безъ передѣловъ породило особую общественную язву въ Верхоленскомъ округѣ: это — кабалу-батрачество. Земли много, и богачи изъ крестьянъ, располагая болѣе значительными силами, эксплуатируютъ бѣдныхъ, постоянно занимаясь расчисткой удобныхъ къ хлѣбопашеству мѣстъ, которыя, по сибирскому обычаю, переходятъ отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку и т. д., изъ рода въ родъ; они захватываютъ огромные участки земли: такъ, нѣкоторые имѣютъ до 300 десятинъ и засѣваютъ, посредствомъ помочей, до 100 десятинъ, подчиняя, благодаря своему вліянію, за безцѣнокъ трудъ бѣднѣйшихъ собратій, строятъ браки и сплавляютъ хлѣбъ до Витима или мачинской резиденціи, гдѣ и получаютъ 400 и 500 процентовъ на затраченный капиталъ. При наступленіи срока уплаты податей, когда бѣдное населеніе мечется изъ угла въ уголъ, въ это время міроѣды ловятъ этихъ несчастныхъ, и если жертва попадется въ лапы, взявши какихъ-нибудь несчастныхъ 10—15 руб., то ей уже не вырваться вѣчно». «Я знаю одинъ подобный примѣръ, пишетъ корреспондентъ:—за долгъ отца, взявшаго первоначально маленькую сумму и работавшаго до самой смерти на своего кредитора для удовлетворенія, причемъ все-таки долгъ возросъ, при смерти его, до 200 рублей, міроѣдъ взялъ отъ матери вдовы болѣе взрослаго 14-ти-лѣтняго сына, оставивъ ее съ двумя малолѣтками, и мѣстное волостное правленіе, облекши это рабство законнымъ порядкомъ, засвидѣтельствовало, что вдова за долгъ отдала своего сына на 8 лѣтъ въ работники».

Разсматривая типъ міроѣда — земледѣльческаго крестьянина, мы видимъ въ немъ соединеніе ростовщика, получающаго плату и проценты трудомъ, возвысить который состоитъ въ его произволѣ. Но является и другая болѣе сложная форма кабалы: это— кабала *торговая*, когда дается производителю впередъ задатокъ на будущій продуктъ или онъ снабжается товаромъ. Она существуетъ также во многихъ мѣстахъ Сибири.

Образчикомъ мы можемъ представить положеніе алтайскихъ крестьянъ, по описанію извѣстнаго ученаго Радлова. Вотъ что сообщаетъ Радловъ въ «Reise durch den Altai» въ XXIII томѣ архива Эрмана (Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Berlin). «Много кедровъ около Телецкаго озера, но жители крайне бѣдны. Большое дерево даетъ 30 фун. орѣховъ, худое — 2 фун. Пудъ стоитъ 1 — 2 руб. ассигн. Кедровая торговля, которая могла бы доставить достатокъ жителямъ, и есть главная причина бѣдности. Урожай кедровыхъ орѣховъ бываетъ годомъ, по здѣшнимъ сказкамъ черезъ три года. Во время неурожая и бѣлки мало. Вотъ въ такіе-то плохіе года купцы пользуются положеніемъ бѣдняковъ и щедро, при наступленіи перваго худого года, открываютъ имъ свои лавки, подъ условіемъ, что осенью за каждый рубль ассигн. они должны доставить пудъ орѣховъ: если покупщикъ не доставитъ, то долженъ, вмѣсто каждаго недостающаго пуда, доставить два рубля. Долгъ въ слѣдующіе два года увеличивается такъ, что можетъ быть удовлетворенъ только тѣмъ, если бѣднякъ въ хорошій годъ можетъ собрать столько орѣховъ, сколько долженъ купцу. Для ясности представляется примѣръ. Инородецъ беретъ отъ купца въ началѣ перваго худаго года товару на 20 руб. ассигн. и обѣщаетъ осенью 20 пуд. орѣховъ. Но онъ доставилъ только 10 пуд. и остается, такимъ образомъ, купцу долженъ 20 рублей ассигн. Купецъ вѣритъ въ долгъ до слѣдующаго года, подъ условіемъ — опять доставить 20 пуд. Во второй годъ дѣло еще хуже, и онъ можетъ доставить только 5 пуд. орѣховъ и остается должнымъ 15 пуд., то-есть 30 руб. ассигн. Купецъ отсрочиваетъ опять долгъ на годъ, но и въ этотъ годъ инородецъ доставляетъ только 5 пуд.; такимъ образомъ, долгъ его возвысился въ 25 пуд. орѣховъ или 50 руб. Если, въ слѣдующій хорошій годъ, удается ему доставить 30 пуд., то на второй годъ онъ долженъ только 40 пуд., и если еще въ третій годъ доставитъ 30, то останется долженъ 20 пуд. *Но купецъ получаетъ за 20 руб. ассигн.* 100 пуд. орѣховъ, *которые онъ продастъ за 150 руб. ассигн.* Понятно, эта торговля должна обѣднять народъ, потому что купецъ шесть лѣтъ терпитъ долгъ

*

на инородцѣ и все, что ему не заплачено въ орѣхахъ, должно быть заплачено деньгами, мѣхами или скотомъ». Вотъ что сообщаетъ затѣмъ г. Радловъ о характерѣ торговли въ Алтаѣ: «Китайскіе товары: чай, дабы продаютъ наши купцы ужъ въ самомъ Алтаѣ и на Чуѣ поддаинымъ нашимъ калмыкамъ. Чай тамъ цѣнится въ два теленка или въ одного большого барана; большія дабы, ян-дан-лан-бу, купленныя за два чая, продаются за три. Большая часть купцовъ имѣютъ на Чуѣ или въ Алтаѣ заимки, гдѣ на калмыцкихъ земляхъ держатъ свой скотъ на подножномъ корму. Тамъ зимуетъ и поправляется худощавый скотъ; тамъ выростаетъ мелкій скотъ и лошади, и верблюды, необходимые купцамъ для перевозки тяжестей; тамъ они кормятся и выростаютъ безъ всякихъ издержекъ со стороны хозяевъ. Кромѣ того, купцы отдаютъ цѣлыя стада для охраненія по очень выгодной для нихъ цѣнѣ. Что такая торговля даетъ чрезвычайно много прибыли купцамъ—понятно изъ вышесказаннаго, но все-таки многіе изъ нашихъ торговцевъ не довольствовались этими выгодами и пользовались отдаленностью края, чтобы еще увеличить свою прибыль. Я уже гораздо ранѣе имѣлъ случай говорить объ одномъ обычаѣ, существующемъ при торговлѣ съ инородцами. Это—продажа товаровъ на мелкій скотъ, оставляемый на выростъ у хозяевъ. Теленокъ, напримѣръ, купленный за 1 рубль, остается у первоначальнаго хозяина: это ему нужно потому, что корова безъ теленка молока не дастъ; въ четвертый же годъ покупщикъ вытребуетъ этого теленка уже въ видѣ взрослаго быка, такъ что изъ одного рубля у него дѣлается 15 или 20 рублей; въ случаѣ же смерти скотины, покупщику уплачивается стоимость теленка, частью звѣриными шкурами и другими товарами, а частью мелкимъ скотомъ, который оставляется у хозяевъ опять на выростъ, такъ что купецъ сбираетъ иногда отъ одного чая, въ теченіи многихъ лѣтъ, скотъ и шкуры въ стоимости нѣсколькихъ быковъ. Такіе же разсчеты производятся за товары, данные впередъ на осень, за бѣлковыя шкуры и орѣхи. Въ 1860 г. я имѣлъ случай видѣть процессъ, гдѣ одному торговцу за нѣсколько бѣлковыхъ шкурокъ и за два шила, въ общей сложности—за 28 коп., присуждено было получить отъ двоеданца, живущаго около рѣки Шибита, *81 быка!* При собираніи долговъ, торгующіе наши часто были не слишкомъ разборчивы въ средствахъ: они, если должники оказываются несостоятельными, просто, какъ говорятъ, у кого-нибудь изъ сосѣдей или родственниковъ отнимаютъ силою скотъ, на томъ основаніи, что этому сосѣду или родственнику легче получить скотъ отъ должника, чѣмъ самому купцу. Калмыки—народъ смир-

ный, боязливый и не смѣютъ жаловаться. Кромѣ того, я самъ слышалъ, что нѣкоторые торговцы не устрашились даже покупать скотъ и лошадей, пріобрѣтенныхъ не совсѣмъ чистымъ путемъ, и сбывали съ рукъ, по обстоятельствамъ, или въ Монголію, или дальше въ Сибирь. Понятно, что торговля въ такомъ отдаленномъ мѣстѣ скрыта отъ всякаго надзора правительства; производимая съ народами боязливыми, какъ наши калмыки, она должна была кончиться съ эксплуатировкой мѣстныхъ богатствъ. Алтай сталъ такъ бѣденъ, что я, проѣзжая въ нынѣшнемъ году, почти не узналъ тѣхъ мѣстностей, которыя посѣщалъ еще въ 1860 и въ 1865 г. Скота на дорогѣ нигдѣ не было видно; даже прекрасная Урусульская долина была пуста; а гдѣ есть скотъ, вездѣ слышно: «ходжаймпынъ мапы» (купеческій скотъ). Особенно обѣднѣли чуйскіе двоеданцы, отличавшіеся прежде своимъ богатствомъ. Правда, и чума, и другія причины, не относящіяся къ нашему предмету, виноваты въ этомъ; но значительная часть вины падаетъ на неправильность торговли, неогражденной закономъ. Впрочемъ, купцы наши вели неправильную торговлю не съ одними нашими подданными; ихъ торговыя сношенія съ сосѣдними монголами также не были чисты отъ насильства». Г. Радловъ приводитъ множество примѣровъ этой безправной торговли и силы купцовъ среди инородцевъ. Взысканіе долговъ, наростающихъ до огромныхъ размѣровъ, сопровождается отнятіемъ имущества и скота—такъ приводится этому нѣсколько случаевъ: «Монголъ Д., съ тремя товарищами, пригналъ 8 верблюдовъ въ пикетъ Суокъ съ казеннымъ грузомъ; купцы захватили этихъ верблюдовъ и говорили солдатамъ, что они возьмутъ ихъ въ обезпеченіе долга, сдѣланнаго 15-ю человѣками монголовъ изъ разныхъ станцій, и что Д. съ товарищами легче могутъ взыскать съ нихъ долгъ. Обращеніе къ манчжурскому чиновнику Кя никакъ не помогло; русскіе не выдали захваченныхъ верблюдовъ, но представили Кя списокъ должниковъ, который былъ переданъ имъ Дзалыну; но удовлетворенія хозяевъ верблюдовъ до сихъ поръ не послѣдовало. Правда, тому, кто незнакомъ съ здѣшнимъ ходомъ дѣлъ, невѣроятнымъ покажется такое поведеніе русскихъ купцовъ у китайскихъ пограничныхъ пикетовъ; но мнѣ самому привелось быть свидѣтелемъ, какъ русскій купецъ безцеремонно привязалъ монгольскаго солдата къ своей юртѣ, потому что онъ былъ долженъ ему большое число сурковыхъ шкуръ, хотя должникъ отъ долга своего нисколько не отказывался; купецъ мнѣ самъ сказалъ, что онъ только для того привязалъ должника, чтобы получить отъ него законную росписку, которую монголъ съ самаго начала со-

гласенъ былъ дать». Какъ мы видимъ, купецъ не стѣсняется учинить подобную расправу даже съ китайскимъ солдатомъ. «Такія отношенія, конечно, не могутъ содѣйствовать развитію торговли; напротивъ, они могутъ привести ее къ паденію и совершенному уничтоженію». По мѣрѣ того, какъ выростала здѣсь торговля и растетъ число купеческихъ заимокъ, все болѣе и болѣе бѣднѣетъ народъ. Странная вещь: крестьянамъ запрещаютъ селиться въ Алтаѣ, будто бы для сбереженія территоріи инородцамъ, а купцамъ дозволяютъ заводить свои пауковыя гнѣзда Бывшіе нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ Алтаѣ увѣряютъ, что въ Алтаѣ господствовало общее благосостояніе, что алтаецъ, имѣвшій 50—100 лошадей, считался за бѣднаго. Описывая эти явленія, г. Радловъ приходитъ къ заключенію, что обѣдненіе всего края лежитъ въ тѣхъ формахъ торговли и злоупотребленіяхъ, какія примѣняются къ инородцамъ.

Ту же монополію, тѣ же пріемы торговли мы встрѣчаемъ въ Туруханскомъ, въ Березовскомъ краѣ, въ Нарымскомъ и Киргизской степи. До какой степени проявляется монополія и кабала временами среди русскаго населенія, а также въ какое она вошла обыкновеніе, считаясь какъ бы законною, можетъ служить примѣромъ слѣдующій фактъ, въ Тобольской губерніи, заимствуемый нами изъ корреспонденціи 1872 года. «Въ Тобольской губерніи былъ поднятъ шумъ рыбопромышленниками противъ березовскаго исправника, будто онъ запретилъ крестьянамъ наниматься менѣе, какъ за 25 рублей. Оказалось же, что онъ приказалъ не выдавать видовъ иначе, какъ крестьяне прежде не заплатятъ подати. Это было вызвано тѣмъ, что по Тобольскому округу накопилось 473.548 рублей 47 коп. недоимки. Причинами этому были затопленіе луговъ и падежъ скота. Въ это время, конечно, приходилось думать уже не о податяхъ, а какъ бы не умереть съ голоду. Такихъ разоренныхъ людей волостные и сельскіе начальники, не обращая вниманія на наличное количество силъ въ семьѣ, принуждали наниматься и даже отдавали насильно къ рыбопромышленникамъ, безъ всякаго приговора, и даже малолѣтнихъ. Пригоняли народъ къ рыбопромышленникамъ гуртами, говоритъ корреспондентъ, и все это дѣлалось за полгода. Распоряженіе исправника было только въ ущербъ *25 лицамъ монополистовъ, кулаковъ*, которые и подняли гвалтъ. Рыбопромышленники, какъ оказалось, нанимаютъ крестьянъ на сезонъ за 6—14 рублей, и такихъ было 2.000 народу. Половина должна была платить подати за 2, 3, 4 и 5 душъ. Подати приходилось по 10 руб., рабочему же давали монополисты 13 р. 50 коп.; ясно, что они были

вѣчно въ убыткахъ и долгахъ» (Всем. Иллюстр. 1872 г. № 190). Тѣ же кабальныя отношенія мы видимъ и при веденіи золотопромышленнаго дѣла: «Наемка капиталистами крестьянъ для перевозки тяжестей на пріиски поставила послѣднихъ въ родъ кабальныхъ отношеній къ первымъ, свидѣтельствуетъ д-ръ Кривошапкинъ въ описаніи Енисейскаго округа. Ремесла вообще, какъ и земледѣліе, были оставлены крестьянами, привлекаемыми золотопромышленностью, которая, по мнѣнію г. Кривошапкина, болѣе принесла вреда, чѣмъ пользы краю. Такое влеченіе къ легкой наживѣ и надежда на будущее, оторвавъ населеніе отъ труда, поставило его въ стѣснительное положеніе. Такое состояніе крестьянъ, а также необходимость сдать подати непремѣнно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда еще у нихъ не могутъ быть выручены деньги отъ продажи снятыхъ въ лѣто хлѣбовъ и сѣна, заставили крестьянъ съ радостью принять заимодавческія услуги капиталистовъ. А лиха бѣда, какъ говоритъ народъ, начать только: тамъ ужъ спохватишься, да не скоро выкрутишься! Вотъ и пошло: за нихъ платили подати, имъ доставлялась, въ числѣ платежа, одежда, обувь, при недостаткѣ—и самый хлѣбъ, мясо, рыба, чай, сахаръ, масло, жиръ, кожа и проч. Поэтому товаръ отпускался какой ни попало (въ Ирбити не смотрятъ на достоинство закупаемаго товара); цѣны выставляютъ, очевидно, какія вздумаютъ, а крестьянъ заусловливаютъ при этомъ для перевозокъ впередъ, съ большимъ пониженіемъ цѣнъ, которыя черезъ полгода, когда придется везти, могутъ разыграться вдвое; да, кромѣ того, такъ какъ крестьянамъ при перевозкѣ нуженъ по дорогѣ для корма лошадей овесъ, то богачи перевозчики снабжаютъ ихъ натурою и ужъ, конечно, къ большому разоренію крестьянъ» (Енисейскій округъ и его жизнь. Кривошапкина. 1865 г., стр. 7, 8). Изъ этого видно, что формы подобной зависимости проявляются во всѣхъ отрасляхъ сибирской промышленности, отражаясь самымъ тяжелымъ образомъ на хозяйствѣ населенія.

Что замѣчательно, такъ это то, что явленіе монополіи и кабалы выражается не въ одномъ какомъ-нибудь сословіи или группѣ въ Сибири, но оно видно во всѣхъ слояхъ и проявляется также между крестьянами и кулаками, какъ и между крупными капиталистами. Богатый крестьянинъ есть самый низшій и самый многочисленный родъ хищниковъ-эксплуататоровъ въ Сибири, пишетъ одинъ изслѣдователь:—и никто не пользуется такой дурной славой въ Сибири, какъ богатый мужикъ. Эти люди составляютъ почти особое сословіе въ странѣ: есть цѣлыя деревни, домовъ въ 40, состоящія исключительно изъ богатыхъ мужиковъ, которые

въ окрестныхъ деревняхъ имѣютъ своихъ «подшкырдниковъ» и «десятинщиковъ», по мѣстному выраженію, т. е. массу рабочихъ и кабальниковъ. Черты изъ жизни сибирскаго крестьянства, убиваемаго и разоряемаго міроѣдствомъ, кулачествомъ, кредитомъ и закабаленіемъ, лицами, выходящими изъ той же крестьянской среды, мы находимъ въ любопытныхъ бытовыхъ очеркахъ Н. И. Наумова, представившихъ замѣчательно ярко и правдиво эти явленія крестьянской жизни. Изъ этого разряда людей въ Сибири выходятъ монополисты цѣлыхъ обширныхъ промысловъ и округовъ; на такихъ монополистовъ нерѣдко указываютъ путешественники, посѣщавшіе Сибирь. Такъ, Шмидтъ упоминаетъ о Сотниковѣ, державшемъ въ монополіи Туруханскій край. Другой путешественникъ, Коттрель, говоритъ о купчихѣ Б., въ Минусинскомъ округѣ, подчиняющей себѣ всю торговлю этого края. Въ Нарымскомъ краѣ указываютъ монополиста В... На рѣкѣ Кети славился священникъ, державшій торговлю въ своихъ рукахъ и подчинявшій всѣхъ жителей. Такихъ лицъ множество. Въ городахъ существуютъ своего рода скупщики, кулаки и прасолы, держащіе въ рукахъ своихъ рынки *). Тѣ же формы монополіи и кабалы поддерживаютъ крупную промышленность: эксплуатація русско-американской компаніей своихъ владѣній была основана на подобныхъ началахъ; наконецъ, развившаяся золотопромышленность въ Сибири выразила то же при помощи задатковъ, съ тою разницею, что только оформила кабалу въ стѣснительные контракты, которые, при кажущейся легальной формѣ, имѣютъ, однако, подкладку, сплошь да рядомъ, незаконную».

Нельзя подобные факты, какъ они ни рѣзки, принимать за исключительные, свойственные Сибири. Инстинктъ корысти и наживы—черты, присущія всему человѣческому обществу. Кулачество и то же міроѣдство, какъ и способы закабаленія кредитомъ, существуютъ и во многихъ мѣстахъ въ Россіи; особенностью этого явленія на Востокѣ можетъ быть развѣ то, что они проявляются здѣсь грубѣе и необузданнѣе, благодаря неразвитію населенія, его дикости и историческимъ условіямъ. Особенность сибирской жизни состоитъ въ томъ, что передъ русскимъ населеніемъ на Востокѣ находится огромная масса инородцевъ, которая представляла удобную почву для эксплуатаціи и наживы всякаго рода, благодаря неразвитости, безхитростности дикаря, низкой культурѣ и его без-

*) Какое имѣютъ господство прасолы на мѣстныхъ рынкахъ и какъ они эксплуатируютъ крестьянъ – см. корресп. изъ Павлодара, газета «Сибирь», № 21-й, 1875 г.

правію, неумѣнію и незнанію защитить себя русскими законами. О характерѣ наживы насчетъ инородцевъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты. Въ торговлѣ русскихъ съ инородцами цѣны устанавливаются до сего времени стачками торговцевъ, которые берутъ страшный барышъ и держатъ въ рукахъ покупателя. Въ низовьяхъ Енисея до сихъ поръ промышленники берутъ съ инородца 12 р. за пудъ пакли, 80 коп. за фунтъ черкасскаго табаку (Туруханскій край, Третьякова). Капиталъ въ киргизской степи учетверяется уже на другой годъ. Какъ ведется торговля въ степи, можно судить по тому, что русскій торговецъ бралъ за миткаль, стоющій 5 коп.—30 коп.; плисъ, дрянной выдѣлки, продавался за полбарана, т. е. киргизъ платилъ 1 р. сер. за аршинъ; деревянное блюдо продавалось за барана, т. е. за 1 рубль (Описаніе Киргизской степи, Красовскаго, ч. II, стр. 244). Кромѣ того, русскіе торгаши стараются навязать всегда товаръ въ долгъ инородцу, причемъ, при повышенныхъ цѣнахъ, накопляется огромный долгъ, ставящій инородца въ кабалу. Спекуляція торговли въ долгъ существуетъ въ Туруханскомъ краѣ, гдѣ инородцы въ неоплатныхъ долгахъ за хлѣбъ; точно то же совершается и въ киргизской степи. Не одни купцы, но и сибирскіе казаки, на значительномъ протяженіи вовсе не занимающіеся земледѣліемъ, спекулируютъ на счетъ киргиза. Они берутъ у купцовъ товары и развозятъ ихъ также въ кредитъ киргизамъ, обмѣривая и обвѣшивая ихъ при этомъ. Г. Красовскій, составившій, по оффиціальному порученію, описаніе положенія киргиза, говоритъ, что казакъ спекулируетъ мелко, но съ громаднымъ барышомъ. Пользуясь всякою нуждою киргиза, онъ продаетъ ему хлѣбъ или выдаетъ въ долгъ по невѣроятной цѣнѣ. «Въ теченіи года киргизъ не одинъ разъ пріѣдетъ въ селеніе за хлѣбомъ, будучи готовъ, за недостаткомъ его въ продажѣ на базарѣ, отдать привезенную кожу первому знакомому казаку за полпуда муки; но, видя нужду киргиза, казакъ купитъ у него за это количество муки двѣ кожи. Между тѣмъ, полпуда муки стоитъ 15 и 20 коп., а двѣ кожи—6 руб. Пользуясь случаями самыми крайними, прибавляетъ Красовскій, прибѣгая иной разъ къ обману, въ другомъ—не пренебрегая и воровствомъ, казакъ копитъ по мелочи киргизскій товаръ до первой поѣздки на линію, гдѣ, сбывъ его, купитъ для продажи въ степи хлѣба, чтобы снова сбывать его при крайности киргиза» (Опис. Кирг. степи, ч. I, стр. 415).

Обратимся къ Березовскому краю. Вотъ что сообщаетъ о торговлѣ тамъ авторъ медико-топографическихъ матеріаловъ о болѣзняхъ и вымираніи инородцевъ въ Березовскомъ округѣ, д-ръ Со-

коловъ: «Русскіе купцы, снабжая остяковъ и самоѣдовъ, приняли за правило снабжать инородцевъ привозными товарами въ долгъ до ярмарки или до слѣдующаго года, и это продолжается изъ года въ годъ, такъ что инородцы постоянно закабалены не только за себя, но и за дѣтей. Остяки были честны и простосердечны и платили долги. Купцы пользуются случаемъ продать затхлую муку; такъ они сдѣлали въ 1862 г. Когда случился недостатокъ хлѣба, начали инородцамъ вытаскивать изъ амбаровъ остатки прежней муки со всякимъ соромъ, пылью, мышинымъ пометомъ и продавали по какимъ угодно цѣнамъ».

Изъ этого видно, что на нашемъ богатомъ и щедро-одаренномъ природою Востокѣ, въ лицѣ кабальниковъ, теперь является пролетаріатъ самаго жалкаго вида въ лицѣ инородца: надъ нимъ тя готѣетъ какая-то историческая судьба; вслѣдъ за завоеваніемъ, онъ несетъ презрѣніе низшей расы; онъ поставленъ въ суровую обстановку дикой природы, которая давитъ его въ силу его невѣжества и безпомощности. Какъ дикарь, онъ не знаетъ русскихъ законовъ и формъ быта, и вотъ, при первомъ столкновеніи, онъ испытываетъ самыя грубыя формы торговли и эксплуатаціи его труда и промысловъ. По мѣрѣ того, какъ потребности инородца ростутъ, онъ становится все въ бо́льшую зависимость и безвыходное положеніе. Бытъ его ухудшился даже сравнительно съ прежнимъ временемъ: когда инородецъ пріучился къ хлѣбу, онъ болѣе почувствовалъ нужды въ немъ и чаще страдаетъ отъ голодовъ. Докторъ Соколовъ свидѣтельствуетъ, что самоѣды, остающіеся при животной пищѣ, здоровѣе остяковъ, которые снабжаются промышленниками мукою дурного качества и при самыхъ стѣснительныхъ условіяхъ. Радловъ, описывая бытъ телеутовъ, сравниваетъ съ ними инородцевъ, которые уже вошли въ соприкосновеніе съ русскими, и приходитъ къ неутѣшительнымъ выводамъ. Виною этому, какъ мы указали въ его очеркахъ, онъ считаетъ купеческое вліяніе и злоупотребленіе въ торговлѣ по отношенію къ инородцу.

Вотъ эти-то указанныя причины и безправіе инородца и даютъ особенно рѣзкое направленіе сибирской кабалѣ. Тѣ же способы кабалы, практикуемые среди инородцевъ, входятъ въ нравы, обычай и пріемъ торговли по отношенію къ русскому потребителю.

Факты эти, во всей совокупности явленій, не могутъ не заслужить серьезнаго вниманія. Мы видимъ, что они не составляютъ рѣдкаго и единичнаго явленія, но охватываютъ всю жизнь страны и выражаютъ характеристическую сторону быта. Эти

явленія проникаютъ всю экономическую жизнь Востока съ высшихъ экономическихъ ступеней до низшихъ, имѣя во главѣ богачей и капиталистовъ, промышленниковъ, ростовщиковъ, кулаковъ, крестьянъ и міроѣдовъ, піявчески высасывающихъ своего брата, мужика! Они отражаются въ самыхъ разнообразныхъ способахъ наживы и монополіи, начиная съ захватовъ цѣлаго края на откупъ до стачекъ на сельскихъ и городскихъ базарахъ, какъ и ярмаркахъ; понятно, что они вызвали нѣкоторыя опасенія и преувеличенія. Если эти многія явленія были свойственны старымъ формамъ хищническаго хозяйства, то естественно желать, чтобы онѣ не возникали подъ новыми формами хозяйства и промышленности.

Распространеніе кулачества и грубые способы эксплоатаціи, существующіе въ Сибири, нѣкоторые пробовали объяснять особыми свойствами сибирскаго населенія и его характеромъ; въ этихъ случаяхъ прилагались словечки: «каменныя сердца» и проч.; но экономическія явленія не объясняются такъ легко. Сибирскій крестьянинъ не могъ имѣть особую природу и лишиться общихъ свойствъ человѣческой природы.

Чтобы объяснить себѣ столь грандіозное и обширное развитіе сибирской торговой монополіи, кабалы и кулачества, становится необходимымъ изучить ихъ въ условіяхъ мѣстнаго экономическаго быта. Разсматривая явленіе монополіи и кабалу на нашемъ Востокѣ рядомъ съ исторіей промышленности, мы находимъ, что оно коренится въ исторіи Сибири довольно давно и обусловлено особымъ положеніемъ страны.

Развитіе различныхъ формъ этой монополіи здѣсь объясняется особыми географическими, экономическими и историческими причинами.

Промышленный духъ, напримѣръ, имѣлъ болѣе простора въ Сибири. Когда Россія жила крѣпостнымъ правомъ, въ Сибири большинство населенія отдавалось промыслу, торговлѣ и спекуляціи. Сибирь, такимъ образомъ, рано переживала промышленную горячку, и въ характерѣ ея жителей рѣзко обрисовалось стремленіе къ наживѣ всевозможными путями. Отдаленность и глушь способствовали зарожденію такихъ явленій, которыя не могли существовать тамъ, гдѣ властвуетъ болѣе законность и гражданственность, наконецъ, этому способствовали и особыя историческія причины, къ которымъ мы обратимся.

Сибирскій промыселъ и нажива, какъ и торговля, получили свое начало въ эпоху завоеванія края. Грубые и безцеремонные способы этой наживы обусловливались сначала войной и непрія-

тельскимъ обращеніемъ съ инородцемъ, неизгладившимся и впослѣдствіи: война и промыселъ шли здѣсь рядомъ. Отраженіе завоевательныхъ воззрѣній и принциповъ можно прослѣдить во всей исторіи промышленной жизни края. Самое завоеваніе Сибири не было плодомъ одного воинственнаго и рыцарскаго духа; это завоеваніе руководствовалось практическими цѣлями промышленной наживы. Казаки обыкновенно убивали инородцевъ и дѣлили добычу, впослѣдствіи научились, вдобавокъ, обращать ихъ въ рабство. Промышленные люди слѣдовали за казаками и также завоевывали и грабили [1]). Въ эту первую эпоху, можно сказать, «промышляли инородца», какъ звѣря.

Когда край былъ покоренъ, завоевательные взгляды переставали дѣйствовать. Вслѣдъ за покореніемъ Сибири и обложенія инородца ясакомъ, т. е. съ наступленіемъ даже мирнаго времени, «промыселъ инородца», однако, не прекращается. Онъ принимаетъ только новую форму усмиренія бунтовъ. Поборъ ясака въ казну, судъ надъ инородцемъ, управленіе,—все сопровождалось частною наживою, гдѣ объ руку съ казакомъ дѣйствовалъ и промышленный человѣкъ. Онъ пріучился дѣйствовать грубо, дико, захватомъ. Смотря на инородца, какъ на завоеванный народъ, всякій поборъ, всякое обираніе его считалось законнымъ. Грабежъ переходилъ въ поборъ, поборъ — во взятку, нравы, перешедшіе отъ казаковъ къ воеводамъ, къ служилымъ людямъ, перешли и къ промышленникамъ. Не было сословія, не было учрежденія въ Сибири, которое бы не эксплуатировало инородца; піонеры колонизаціи, крестьяне звѣроловщики, хмѣлевщики, отправляющіеся на пограничную линію за промысломъ, и тѣ вели войну съ инородцемъ. Кромѣ имущества инородца, онъ и самъ дѣлается на всю жизнь собственностью. Сибирь не избѣжала общаго закона колоній, колонистъ здѣсь создалъ рабство инородца, и исторія этого рабства, проходившаго чрезъ всю исторію Сибири до XIX столѣтія, достаточно выяснена нынѣ историческими документами. Рабами пріучились съиздавна спекулировать. Первоначальный полонъ послужилъ предметомъ мѣны и торговли. «Даже закабаленіе инородокъ для наложничества и брака имѣло своею цѣлью не одно удовлетвореніе половыхъ инстинктовъ, но также и коммерческій барышъ», пишетъ авторъ «Исторіи рабства въ Сибири», г. Шашковъ. Когда кончилась война, то усмиреніе бунтовъ также сопровождалось захватомъ ясырей, самое усмиреніе было только предлогомъ для добычи рабовъ. «Начиная отъ воеводъ и

[1]) Истор. Сибири. Фишеръ, стр. 204.

кончая послѣднимъ купчишкой, пишетъ историкъ рабства въ Сибири, захватывали для той же цѣли дикарей совершенно мирныхъ и ни въ какихъ бунтахъ и замыслахъ не виноватыхъ; личность самыхъ мирныхъ дикарей никогда ничѣмъ не была обезпечена отъ насильственнаго захвата ихъ въ неволю». Точно также рабы добывались и путемъ торговли. Для этого существовалъ вывозъ рабовъ изъ заграницы воюющими между собою инородцами. Голода и бѣдствія способствовали тому, что русскіе покупали инородческихъ дѣтей. Въ Березовскомъ краѣ мальчиковъ продавали по 25 к., а дѣвочекъ по 20 к. Правительство съ Петра уже боролось противъ этого рабства. Но оно являлось подъ разными фикціями. Новообращенные въ христіанство обыкновенно присвоивались въ кабалу воспріемниками [1]). На инородцевъ накладывали кабальныя записи.

Такое положеніе дѣлъ продолжалось до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія и даже позднѣе. «Съ самаго завоеванія вплоть до нашихъ дней, говоритъ историкъ Словцовъ, народонаселеніе Сибири раздѣлялось на два класса: на рабскій классъ изъ невольниковъ и лицъ закабаленныхъ, классъ многочисленный, состоящій изъ инородцевъ, и зажиточный классъ — рабовладѣльцевъ кабалителей». Рабовъ употребляли для домашнихъ работъ, на звѣрованье, на передвиженіе товаровъ, для земледѣльческихъ работъ и проч. Подъ вліяніемъ подобныхъ же взглядовъ установлялись и торговыя отношенія къ инородцу, когда начинались съ нимъ торговыя сношенія. Когда запрещено было держать рабовъ, рабство, повидимому, рушилось; оно въ сущности не уничтожилось,—оно пріобрѣло только новую форму кабалы и существуетъ въ формѣ торговой кабалы до сегодня. Торговля съ инородцами и мѣна съ ними составляли выгоднѣйшую статью наживы для русскаго населенія Сибири, торговля эта съиздавна сопровождалась безчисленными злоупотребленіями. Головинъ засталъ въ Камчаткѣ разъѣзжавшихъ подъячихъ и солдатъ, которые съ виномъ разъѣзжали по инородцамъ и промышляли у нихъ соболей. То же самое и еще больше дѣлали купцы. «Всякій камчадалъ имѣетъ между купцами кредитора, писалъ путешественникъ, у котораго инородецъ беретъ, не спрашивая цѣны, разныя бездѣлицы, купецъ же записываетъ въ книги десятерную цѣну, каждые 10 р.

---

[1]) Подобныя фикціи обращенія инородца въ рабство практиковались и другими народами. Такой же обычай упоминается существовавшимъ въ Капской колоніи у англичанъ, какъ видно изъ статьи W. Sargant о колоніяхъ въ Essays by members of the Birmingham speculative club. 1870.

пишутся въ 100 р.». И это также было во всѣхъ уголкахъ Сибири. Купцы дѣйствовали по отношенію къ инородцу съ военной безцеремонностью при взысканіи долговъ. Напримѣръ, въ концѣ XVIII столѣтія, купецъ Салтановъ, въ Туруханскомъ краѣ, развозя товары и закабаляя инородцевъ, былъ, по словамъ г. Третьякова, автора книги «Туруханскій край», полнымъ властелиномъ. Онъ требовалъ себѣ здѣсь «божескихъ почестей», расправлялся съ инородцами собственноручно, обращалъ въ работы для себя, запродавалъ другимъ и, когда свирѣпствовала здѣсь горячка, ѣздилъ по улусамъ, бралъ имущество мертвыхъ и больныхъ и производилъ чистый грабежъ. Можно себѣ представить, до чего развивалась безцеремонность такой наживы въ прежней исторіи Сибири. Итакъ, инородцы явились первою жертвою эксплуатаціи и кабалы. Судьба ихъ изображена яркими чертами въ исторіи рабства въ Сибири и исторіи русско-американской компаніи (Историч. этюды г. Шашкова). «Мы не имѣемъ возможности передавать этой грустной повѣсти нашихъ столкновеній съ инородцами, кончившейся вымираніемъ цѣлыхъ племенъ въ Сибири такъ-же какъ голодами и людоѣдствомъ, мы не остановимся на страницахъ, напоминающихъ подобныя же столкновенія испанцевъ среди дикихъ племенъ Америки, но мы не можемъ не указать на тѣ средства наживы, которыя здѣсь употреблялись. Разсматривая экономическія отношенія инородцевъ къ русскому населенію, мы видимъ, что оно дѣйствовало здѣсь, во-первыхъ, захватомъ угодій у инородцевъ, которое совершалось тремя путями: просто забираніемъ силой угодій, покосовъ, рыбныхъ ловлей, путемъ грабежа и воровства» (стр 251. Истор. этюды Шашкова), путемъ заклада и отбираніемъ угодій за долги (стр. 252); долги эти накладывали на инородцевъ по 200 и 300%; угодья закладывались за 1 р. 50 к. и эти заклады съ 1688 года *не могли быть выплачены по 1823 г.*, напримѣръ, т. е. инородецъ не могъ выплатить 1 р. 50 к. въ 135 лѣтъ; наконецъ, кончилось тѣмъ, что угодья, какъ рыбные и березовскіе пески, перешли захватомъ въ руки русскихъ, а остяки разорились и потеряли рессурсы къ жизни (стр. 258). Далѣе, эксплуатація инородцевъ и обираніе ихъ производилось подъ видомъ торговли и недобросовѣстной наживы, сопряженной со всѣми злоупотребленіями, въ контрабандѣ, фальсификаціи, поддѣльныхъ разсчетахъ и на стремленіи закабалить инородца. «Инородцы вѣчные рабы лукавыхъ заимодавцевъ», писалъ оффиціально начальникъ алтайской миссіи въ 1853 г. Съиздавна были извѣстны ужасныя злоупотребленія при торговлѣ. Путемъ торговли и другими способами все инородческое имуще-

ство переходило къ русскимъ, а инородцы бѣднѣли до того, что не имѣли возможности добыть себѣ другой пищи, кромѣ падали или толченой коры. Въ Туруханскомъ краѣ муку продавали по 4 р. 90 к. на фальшивый безмѣнъ, съ примѣсью льда и песка.

Торговцы взяли на себя поставку инородцу хлѣба, свинца, пороха и рыболовныхъ припасовъ, задавая впередъ или пріобрѣтая при нуждѣ, во время голодовъ, все, что могъ инородецъ дать. Закабаливъ инородцевъ впередъ, поставили ихъ въ такое положеніе, что тѣ бросили заниматься звѣроловствомъ самостоятельно, а пошли въ работники къ русскимъ на хлѣба и содержаніе, отдавая за это одно весь свой трудъ. Даже крестьянинъ сталъ пріобрѣтать въ кабалу инородца, и чѣмъ бѣднѣе былъ наниматель, тѣмъ инородцу еще было хуже. Въ такихъ работникахъ, писалъ Осиповъ въ 1864 году о Нарымскомъ краѣ, «здѣсь люди гибнутъ матеріально и нравственно».

Въ такихъ условіяхъ начинала развиваться сибирская кабала и монополія, находя широкое поприще на беззащитномъ инородцѣ. Дѣйствительно, въ XVIII столѣтіи намъ представляется готовая широкая картина монополіи, охватившая весь Востокъ. Послѣ военной наживы, вслѣдствіе завоеванія и покоренія, завоеватели, казаки, воеводы, промышленники стали искать наживы въ торговлѣ и спекуляціи. Примѣръ монополіи въ Сибири былъ показанъ казною. Сначала монополіей пользовалась одна казна, она собирала въ ясакъ пушнину, отыскивала руды, взяла въ монополію мамонтовую кость, продажу вина, табаку и ревеня. Рядомъ съ этимъ, занялись торговлей для себя воеводы и служилые люди. Воеводы торговали всѣмъ, говоритъ Исторія Сибири, виномъ, съѣстными припасами, скотомъ, невольниками, пушниной, непотребными женщинами. Рядомъ съ казакомъ промышленникъ наживался тѣмъ же торгашествомъ съ инородцемъ, а подчасъ и грабежемъ. Даже сословія, стоявшія въ сторонѣ и не предназначенныя къ торговлѣ, пустились въ наживу подъ вліяніемъ сибирской жизни. Дворяне, командированные въ Сибирь на службу, поселясь въ разныхъ мѣстахъ Сибири, «привиллегіи своего дворянства растратили», какъ пишетъ лѣтописецъ, и занялись промыслами. Даже монахи, какъ авантюристъ Козѣревскій, были и завоевателями, и промышленниками. Монастыри также увлекались промышленною дѣятельностью, пишетъ авторъ «Очерковъ нравовъ въ старинной Сибири». Они пріобрѣтали пашни, покосы, рыбныя ловли, угодья покупались или отнимались у инородцевъ. Сюда вызывали гулящихъ людей, имъ давали лошадей, хозяйство и брали *кабальныя записи*, что они должны вѣчно работать на мо-

настырь и давать 5 сноповъ. Торговля точно также увлекаетъ и бѣлое духовенство. Въ краяхъ Березовскомъ, Нарымскомъ, Бійскомъ, Туруханскомъ и по всѣмъ сибирскимъ окраинамъ духовные были первыми торговцами и монополистами, пишетъ авторъ «Нравовъ старинной Сибири». Это было явленіе столь частое, что указы XVIII столѣтія предписывали свѣтскимъ властямъ «того смотрѣть на-крѣпко дабы духовные персоны, подъ образомъ разъѣздовъ съ требами для наблюденія къ спасенію человѣческому, *купечества* не отправляли бъ». Но свѣтскія власти сами вели торговлю. Торговля духовенства держалась до 1820—1835 годовъ, но и теперь еще не вездѣ искоренена. Въ Березовскомъ округѣ около этихъ лѣтъ вся торговля была въ рукахъ протоіерея Ергунова. Онъ торговалъ виномъ, покупая ведро по 5 р. и продавая инородцамъ по 40 р. Торговые люди еще шире и необузданнѣе раскидывали сѣть самой безцеремонной наживы. Можно себѣ представить, какую выгоду представляла торговля, когда за мѣдный котелъ давалось столько соболей, сколько ихъ могло войти въ самый котелъ до верху. Вино составляло подмогу въ торговлѣ, и инородцевъ сначала спаивали и во время тяжкаго похмѣлья склоняли на всякое условіе. Кромѣ того, обычай кабалы съ инородцевъ переносился очень быстро и на русскихъ крестьянъ, но кабала русскихъ имѣла и самостоятельное значеніе, занесенная изъ древней Россіи и сохранившаяся на Востокѣ. Многочисленный слѣдъ ея встрѣчается въ актахъ. Первые гулящіе люди, эти русскіе гидальго, охотно давали на себя кабальныя записи, иногда за нѣсколько полтинъ, на цѣлую жизнь. Кабальныя записи брались и съ переселяющихся крестьянъ. Съ развитіемъ въ Сибири кое-какой промышленности, пишетъ историкъ, кабала усилилась. Въ XVIII стол. возникла Россійско-Американская компанія съ рабочими, состоявшими у ней въ неоплатной долговой зависимости. Когда алтайскіе, уральскіе и другіе заводы были у частныхъ лицъ въ зависимости, то здѣсь, рядомъ съ каторжными, работали и *кабальники*. Монастыри имѣли кабальныхъ крестьянъ. Промышленники закабаляли рабочихъ на промыслы; не могли этимъ не воспользоваться и торговцы. Торговцы-монополисты, при отсутствіи конкурренціи въ Сибири, привозя и раздавая товаръ, обсчитывая, обмѣривая, наконецъ, стараясь впутать въ долги, поступали также съ земледѣльческимъ русскимъ сословіемъ, какъ съ инородцами. По словамъ Радищева, въ прошломъ столѣтіи развѣ *одинъ изъ ста* барабинскихъ посельщиковъ жилъ не въ долгъ, а то были все наемщики и получали задатки отъ купцовъ. Торговцы пользовались ихъ трудомъ и обогащались. Надо прибавить, что въ это время ставили въ безыс-

ходную нужду и зависимость крестьянство безпрестанно постигавшія Сибирь въ прошломъ столѣтіи бѣдствія, означенныя у Словцева въ видѣ особой главы — «Народныя бѣдствія». Это были вторженія непріятеля, язва, оспа, пожары, моръ и недостатокъ хлѣба. Все это проявлялось разореніемъ жителей и дороговизной хлѣба. Тягостныя повинности, исправленіе дорогъ, безплатная поставка припасовъ, почтовая гоньба, доходившая до того, что ѣздили на людяхъ, когда не было лошадей, все это разоряло и тяжело ложилось на крестьянъ. На крестьянахъ образовались недоимки, за которыя слѣдовала отдача на заработки частнымъ лицамъ. Все это заставляло крестьянъ бросить земледѣліе; хлѣбопашество пало. Упадокъ земледѣлія привелъ къ дороговизнѣ хлѣба, причемъ поживились спекуляторы, продавая его по 10, 12, 15 р. пудъ. Пользуясь нуждою крестьянства и дешевымъ скупомъ сырыхъ продуктовъ при этой нуждѣ, торговцы захватили себѣ въ руки цѣлые округа. Такъ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія купецъ Поповъ имѣлъ въ рукахъ прикамскій, припечерскій, приуральскій край и былъ здѣсь монополистомъ; приказчики его развозили товаръ, промѣнивали на сырье и оставляли въ долгъ. Богатство Поповыхъ возрастало страшно. Они терпѣли при несчастіяхъ, теряя по 1.800.000 рублей—и это имъ было ничего. Около 5.000.000 рублей истратили они на попытки розыскать золото. При такихъ условіяхъ росли быстро крупные монополисты въ Сибири. Приказчики, при громадныхъ доходахъ съ торговли и кабалы, дѣлались хозяевами; такъ, Поповы были сначала приказчиками у Зеленцовыхъ, а Зеленцовъ—у откупщика Походящина. Капиталы накоплялись при безцеремонной наживѣ и накоплялись быстро.

Послѣдствіемъ такихъ явленій, рядомъ съ наживой однихъ, шло обѣдненіе сельскаго и инородческаго сословія. «Видно, что Сибирь, какъ страна, заключаетъ въ себѣ золотое дно, писалъ Словцовъ, но какъ часть государства представляла ничтожную и безгласную область. Посадскій, поселянинъ, промышленникъ или торгашъ, туземный и инородецъ, трудился, но *трудился какъ половникъ*. Sic vos non vobis nidificatis, felificatis и подобные припѣвы виргиліевы очень приличествовали тогдашней Сибири» (Истор. общ. Сиб., ч. I, стр. 267).

Различныя формы монополіи, кабалы и торговыхъ злоупотребленій, давая себя повсюду чувствовать, не разъ вызывали вмѣшательство самого правительства, а также мѣры, стремившіяся къ ограниченію ихъ.

Какъ въ прошломъ, такъ и нынѣшнемъ столѣтіи мы встрѣ-

чаемъ борьбу администраціи на сибирской почвѣ съ различными злоупотребленіями и сопротивленіе къ преобладанію монополистовъ. Ранѣе правительство ограничивало промышленниковъ и простирало свое вмѣшательство съ однѣми фискальными цѣлями; такъ, оно запрещало промышленникамъ и торговцамъ обирать соболя прежде сбора ясака, чтобы не было убытку «государевой казнѣ», но впослѣдствіи это вмѣшательство и ограниченія потребовались уже въ огражденіе завоеваннаго инородческаго населенія отъ безцеремоннаго грабежа и эксплуатаціи промышленныхъ людей, кинувшихся спаивать, закабалять населеніе и создавать рабство въ Сибири. Только благодаря усиліямъ и законодательному вмѣшательству не развилось это рабство, какъ въ Америкѣ, и было прекращено покушеніе создать его въ Сибири. Такъ, извѣстны многіе указы противъ закабаленія инородцевъ, а именно указы Петра, 29 іюля 1726 года, 1741 г., 1748 г. Въ половинѣ XVIII столѣтія, однако, рабская тенденція воскресла и укрѣпилась, найдя опору въ крѣпостническомъ духѣ, перенесенномъ изъ Россіи. Купцы сибирскіе просили, чтобы имъ дозволили имѣть крѣпостныхъ, видя готовый элементъ для этого въ инородцахъ. Но духъ екатерининскаго законодательства былъ уже противъ этого. Тогда появилась въ Сибири нелегальная кабала и захватъ инородцевъ. Въ 1808 г. Высочайшимъ указомъ, 23 мая, былъ нанесенъ новый ударъ невольничеству въ Сибири. Но, не смотря на то, еще въ 1825 г., въ г. Омскѣ, сибирскіе рабовладѣльцы, въ числѣ 31 человѣка, избрали повѣреннаго, чиновника Яковлева, для подачи просьбы на Высочайшее имя, упомянувъ «о произвольныхъ, по ихъ мнѣнію, *дѣйствіяхъ присутственныхъ мѣстъ по отбору невольниковъ*». Но правительство, указами 8 октября 1825 г. и 30 января 1826 г., окончательно прекратило эти рабовладѣльческія покушенія и назначило срокъ освобожденію всѣхъ инородческихъ невольниковъ. Однако, законодательная власть, преодолѣвая враждебные ей общественные элементы въ видѣ рабовладѣльчества и кабалы, пробовавшей утвердиться на легальныхъ основаніяхъ, не могла изгладить покушеній и инстинктовъ русскаго и особенно торговаго населенія къ закабаленію инородца подъ всякою другою формою. Мы видимъ у правительства, по мѣрѣ замиренія Сибири, точно также постепенное стремленіе упрочить управленіе инородцевъ, устроить податную систему и, по возможности, оградить ихъ отъ торговой эксплуатаціи и разоренія. Это проявилось различными мѣрами: къ первымъ мѣрамъ относится *умѣренный* ясакъ по окладу 1763 г., оказавшійся, однако, съ повинностями и благодаря тогдашнимъ злоупотребленіямъ не-

легкимъ; работы ясачной коммиссіи Сперанскаго, пробовавшей установить управленіе инородцевъ; посылка двухъ ясачныхъ коммиссій при Императорѣ Николаѣ I для устройства инородцевъ и исправленія недостатковъ уложенія Сперанскаго, сложеніе недоимокъ съ инородцевъ, накопившихся по 1 января 1832 года. Рядомъ съ этимъ, правительство не могло не обратить вниманія на ту эксплуатацію, которую создавали по отношенію къ инородцу русскіе. Чтобы обезпечить инородцевъ отъ частной эксплуатаціи, казна пыталась сама брать на себя продовольствіе ихъ, но это не удалось. Вымираніе и голода инородцевъ, происходившіе до Сперанскаго, заставили предпринять систему казеннаго продовольствія хлѣбомъ, но она была въ первое время въ самомъ дурномъ состояніи. Сперанскій обратилъ на это вниманіе и усилилъ объемы и средства казеннаго продовольствія, — организована была продажа въ долгъ. Но едва сибирское уложеніе успѣло войти въ силу, какъ на инородцахъ накопились уже громадные долги за казенный хлѣбъ. Вопреки уложенію, начали взыскиваться эти долги съ неимовѣрной строгостью: у инородцевъ отбирали все, такъ что они пускались въ бѣга. Хлѣбъ въ магазинахъ перестали брать. Скоро взысканія должны были прекратить, и тогда долги, изъ года въ годъ на инородцахъ только возростали, доходя до 200 рублей на человѣка. Инородцы даже пріучились не платить долговъ. Кромѣ того, казенная продажа не только не устраняла частной эксплуатаціи, но оказалась орудіемъ для нея же. Въ казенные магазины поставщиками явились купцы и набавляли на хлѣбъ. Казенная торговля *не умѣряла*, а иногда возвышала цѣны. Частные торговцы входили въ стачки съ чиновниками, съ вахтерами, (Ист. Сиб. инород. въ XIX стол. Шашкова, стр. 266, 267, 268, 269—271). Что купецъ давалъ вахтеру, то онъ бралъ съ инородца за хлѣбъ. Цѣна хлѣба поднималась, и торговцы склоняли къ покупкѣ частнаго хлѣба искусственными мѣрами. Дѣло послѣ Сперанскаго не поправилось, и казенное снабженіе не помогало. Въ сороковыхъ годахъ, при ревизіи Восточной Сибири, графъ Толстой снова обращаетъ вниманіе на злоупотребленія торговцевъ: онъ нашелъ, что иркутское купечество, выѣзжая въ инородческія стойбища до сбора ясака, скупаетъ всѣ лучшіе ясачные мѣха. Поэтому, купцамъ было запрещено ѣздить до тѣхъ поръ къ инородцамъ для торговли и торговать только дозволялось съ 1 іюля по 1 сентября (время самое невыгодное), точно также запрещалось у инородцевъ торговцамъ имѣть склады и магазины. Законъ 1844 года, однако, вызвалъ опять пагубныя послѣдствія. Казна не могла обезпечить

инородцевъ необходимыми продуктами, а частная торговля пала. Паденіе частной торговли отозвалось еще хуже на инородцахъ. Кромѣ того, казенные магазины и вахтера ихъ по прежнему оставались агентами купцовъ и были съ ними въ стачкѣ. Наживались вдвойнѣ и вахтера, и купцы. Притомъ, за исключеніемъ частныхъ торговцевъ, начинали заниматься сею исправники, а иногда даже посылаемая коммиссія для изслѣдованія инородческаго быта, какъ было въ Туруханскѣ (стр. 276, Сибир. инородц. въ XIX в.). Запрещеніе 1844 года не осуществилось, потому что началась контрабандная торговля купцовъ черезъ посредниковъ, живущихъ между инородцами. Это еще болѣе увеличивало дороговизну товаровъ. Точно также отъ торговой эксплуатаціи мало помогали и другія запрещенія. Напримѣръ, вино составляло предметъ самаго ужаснаго и безпощаднаго обиранія инородца. За водку онъ отдавалъ все, и торговцы вели торгъ больше всего на водку. Ведро продавали имъ иногда за 40 р. Но достаточно было и одной бутылки, чтобы у пьянаго отобрать всѣхъ соболей. Вино строго запрещалось продавать съиздавна, но это не помогало и торговцы контрабандно всегда торговали имъ, торгуютъ имъ купцы и чиновники. Инородцы, кромѣ того, страстно любятъ мухоморъ, замѣняющій водку. «Чрезмѣрное употребленіе мухомора, говорятъ, бываетъ часто причиною смерти, но торговля мухоморомъ въ Анадырскѣ, напримѣръ, укоренилась давно для чукчей, а въ 1866 г. извѣщали—она находилась въ рукахъ русскаго купца К...» (Сиб. Вѣст. 1866, № 13).

Злоупотребленія торговли продолжаются и до сихъ поръ. Всѣ мѣры правительства къ огражденію инородцевъ, какъ оказывается, не достигали цѣли, но рядомъ съ этимъ мы видимъ все-таки постоянныя усилія ограничить явныя беззаконія. Мѣры огражденія и покровительства инородцевъ доселѣ не имѣли, однако, ни постоянства, ни послѣдовательности и впадали въ безпрестанныя ошибки. Чтобы прекратить грабежъ и притѣсненія купцовъ, правительство предписывало мѣстной администраціи взять на себя продовольствіе инородцевъ въ отдаленныхъ мѣстахъ, но это приводило только къ тому, что чиновники брали на себя торговлю и злоупотребляли вдвойнѣ: и за себя, и за купцовъ.

Какъ по отношенію къ инородцамъ, такъ и во всей своей промышленной дѣятельности на Востокѣ, мѣстное торговое сословіе, какъ мы видимъ, слѣдовало своимъ особымъ путемъ наживы и обогащенія. Исторія показываетъ намъ, что постоянными цѣлями, къ которымъ оно стремилось, была монополія. Тенденцію къ этой монополіи мы указали коренящеюся давно въ исторіи Сибири. До

Сперанскаго могущество купцовъ въ Сибири было страшное, купцы хотѣли монополизировать все. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія откупщикъ Передовщиковъ взялъ на откупъ половину Россіи и всю Сибирь. Полуяновъ, тобольскій купецъ, былъ въ связи съ нимъ и иркутскими купцами, которые всѣ стремились къ стачкѣ, т.-е. къ тому, чтобы ввести свой торгъ и монополію, устранивъ другихъ. Старались ограничить торгъ мѣщанъ, убить мѣщанство,—подавленное его состояніе замѣчается и до нынѣ, налагали пошлины, силясь запретить торговлю крестьянъ, наконецъ, въ 1810 г. въ Иркутскѣ монополизирована была даже мясная торговля въ городѣ тремя купцами. Контрактъ начинался такъ: «*Никто, кромѣ насъ* и тѣхъ, кому собственно *отъ насъ* будетъ дано сіе позволеніе, не долженъ торговать мясомъ въ городѣ» (Изв. Сибирск. Отдѣла Географ. Общества). Наконецъ, борьба монополистовъ съ администраціей разыгралась при Трескинѣ. Борьба и раздраженіе противъ трескинскаго времени во многомъ объясняется этими мотивами. Нѣкоторые думаютъ, что въ это время купечество стремилось заправлять общественными дѣлами и добивалось власти, что на отдаленномъ Востокѣ зарождался древній Новгородъ. Но это едва-ли такъ; факты говорятъ, что это вовсе не было стремленіе къ правильному самоуправленію, а было стремленіе къ монополіи. Точно также и, наоборотъ, напрасно видѣть въ борьбѣ Трескина съ купечествомъ уничтоженіе монополіи. Трескинъ самъ хотѣлъ монополизировать все въ пользу свою и подчиненныхъ, на этомъ основаніи онъ имѣлъ стачки и съ купцами, какъ показало слѣдствіе Сперанскаго. Словомъ, это была обыкновенная игра въ сибирской исторіи, гдѣ купечество жаловалось на произволъ не изъза произвола, хотя онъ и былъ, а изъ стремленія къ монополіи; старая администрація выказывала злоупотребленія купцовъ не для искорененія монополіи, а затѣмъ, чтобы завладѣть ей самой. Наконецъ, прибылъ въ Сибирь Сперанскій; изъ матеріаловъ о ревизіи его видно, что онъ открывалъ также на пути повсюду злоупотребленія частной наживы. Ленское и киренское населеніе жаловалось не на однихъ исправниковъ, а также и на самодурство купцовъ. Киренскіе купцы считали за крестьянами огромные долги. Задолжавши разъ, жители дѣлались неоплатными должниками. Купцы немилосердно съ нихъ взыскивали долги, разъѣзжали по деревнямъ безъ прогоновъ, нахально, безсовѣстно обманывали крестьянъ въ своихъ обязательствахъ, притясняли и обѣдняли инородцевъ и проч. (Щаповъ, Сибирское общество. Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ.). Такъ было почти вездѣ въ Сибири. Въ книгѣ г. Вагина о времени Сперанскаго мы видимъ, что раскрытіе злоупо-

требленій въ Нарымскомъ краѣ показало, что торговля здѣсь была также монополизирована. Въ Тункѣ притѣснялись буряты купцомъ Бѣлозеровымъ (стр. 99). Изъ дѣлъ Тельцинской фабрики оказывались стачки чиновниковъ съ купцами (стр. 100). Ревизія Сперанскаго въ Киренскѣ показала монополію торговли виномъ (стр. 103). Въ Томскѣ купцы стѣсняли крестьянъ и наложили на нихъ сами пошлину за торговлю сельскими произведеніями (стр. 154). Даже епископъ Михаилъ протестовалъ противъ страшной монополіи и злоупотребленій купечества (стр. 38, 39, Вагинъ, ч. I). Въ Сибири образовывалась капиталистическая олигархія, тяготѣвшая страшно на населеніи. Сперанскій засталъ ее въ борьбѣ съ администраціей Трескина. Какъ ни желательно сочувственно смотрѣть на эту борьбу, какъ на подавленіе возникавшей буржуазіи, кабалившей народъ, но мы видимъ, что тогдашняя сибирская администрація вовсе не силилась подавить купцовъ во имя ихъ злоупотребленій, а имѣла личные мотивы и побужденія. Сперанскій взглянулъ на это, конечно, строго; онъ взялся прежде всего искоренить участіе чиновничества въ монополіи и очистилъ администрацію. Онъ также отмѣнилъ ту регламентацію въ торговлѣ, которая была предлогомъ для чиновническихъ притѣсненій, но въ то же время, въ качествѣ образованнаго теоретика, послѣдователя началъ Адама Смита и приверженца свободной торговли, онъ снялъ всякія путы, всякую узду съ торговаго сословія и своими законами о невмѣшательствѣ далъ ему впослѣдствіи усилиться. Сперанскій, увидя нелѣпую казенную монополію, созданную Трескинымъ, наживу чиновниковъ, естественно, сталъ на сторону задавленной торговли, но онъ не былъ на сторонѣ и частной монополіи. (Мѣры его см. Свобода хлѣбной торговли и проч. см. Вагинъ, ч. I., стр. 178, гл. X, стр. 334, 337, 353, 355). Онъ отвергалъ просьбы купцовъ о монополизированіи торга, право думы на торговлю и прочее. Онъ пытался поощрить вообще развитіе частной промышленности, поэтому старался покровительствовать купцамъ, велъ знакомство съ монополистомъ Кандинскимъ и другими, не подозрѣвая ихъ злоупотребленій. Злоупотребленія Кандинскихъ остались необнаруженными, они продолжались до ревизіи сенатора Толстого, даже отчасти долѣе, до Муравьева. Купцы Черные въ Баргузинѣ дѣлали тоже. Въ Якутскѣ существовала та же система грабежа подъ видомъ торговли... (Вагинъ, I, 586—588). Въ развитіи промышленности и поощреніи торговцевъ Сперанскій видѣлъ вообще благо края и въ устраненіи опеки для торговцевъ «свободу обмѣна», «libre échange». Но онъ не видѣлъ другой стороны сибирской жизни. Поэтому, думая покровительствовать свободѣ торговли,

Сперанскій не создалъ особыхъ законовъ противъ происковъ монополіи. Онъ устранялъ только при себѣ ее личнымъ вліяніемъ. Но какъ только уѣхалъ, торговцы начали дѣйствовать въ прежнемъ направленіи. «Мысль Сперанскаго, пишетъ г. Вагинъ, осталась непопятною» (ч. I, стр. 355). Мало того, эта свобода была для нихъ поощреніемъ дѣйствовать безконтрольнѣе. Сперанскій не подозрѣвалъ, что, подъ именемъ «libre échange», сибирскіе промышленники будутъ разумѣть только свои монополистическія и кабальныя цѣли. Впослѣдствіи сибирское торговое сословіе такъ привыкло къ закабаленію инородца и крестьянина, что стало считать это неотъемлемымъ своимъ законнымъ правомъ и первымъ правиломъ всякаго коммерческаго предпріятія. Выраженіемъ желаній и понятій сибирскихъ купцовъ въ XVIII вѣкѣ служитъ просьба ихъ и уполномочія, данныя депутату Самойлову, отправленному изъ Енисейска въ Екатерининскую коммиссію. Они уполномочили своего довѣреннаго просить: отдать имъ *въ монополію* торговлю въ Енисейскомъ и Туруханскомъ краяхъ. Просятъ *запретить торговлю* иногороднимъ. Просятъ дать имъ *монополію* воднаго сообщенія между Иркутскомъ и Енисейскомъ, запретивъ иркутскимъ купцамъ сплавлять по Ангарѣ товары на своихъ судахъ. Просятъ себѣ *монополію* винокуренія и виноторговли. Просятъ о введеніи въ Енисейской губерніи *крѣпостнаго права*. Просятъ о юридическомъ признаніи *кабалы дѣтей нищихъ*, чтобы за воспитаніе утвердить ихъ *въ холопство*. Наконецъ, городъ проситъ *о вспомоществованіи* себѣ отъ казны. Впослѣдствіи просьба *монополій* замѣнилась просьбой *привилегій*. Тѣ же стремленія торговаго сословія и тѣ же воззрѣнія проплаго столѣтія отразились, въ 1855 г. въ запискѣ К. о Туруханскомъ краѣ, Данилова въ испрашиванія *привилегіи* пароходства на Енисеѣ и въ просьбѣ Лавровскаго, просившаго цѣлый Туруханскій край себѣ въ аренду (Енисейскій Округъ, Кривошапкина, стр. 14).

Изъ этого видно, что стремленіе къ монополіи шло издавна и сохраняется до послѣдняго времени. Кабала сдѣлалась спутникомъ сибирской жизни и промышленности, составила подкладку ея и отразилась въ различныхъ промыслахъ. Такъ, между прочимъ, кабальныя условія труда вошли цѣликомъ въ золотопромышленность: задатки, выдаваемые рабочимъ, одежда и продовольствіе, засчитываемыя работой, ничто иное, какъ та же старинная форма эксплуатаціи и прежнихъ договоровъ. Въ золотопромышленныхъ контрактахъ были даже такія права, по которымъ хозяинъ могъ перепродавать рабочихъ на другой пріискъ, и въ этомъ отражается

явленіе торговли людьми. Контракты золотопромышленныхъ рабочихъ носили до послѣдняго времени самыя стѣснительныя условія. Наконецъ, здѣсь существовало множество злоупотребленій: «въ отношеніи къ рабочимъ, говоритъ авторъ одной статьи о золотопромышленности, злоупотребленія совершаются при наймѣ, при продовольствіи, при снабженіи необходимыми вещами за дорогую цѣну, несмотря на дурное качество; при удовлетвореніи прихотей и потворствѣ дурнымъ наклонностямъ (напримѣръ, пьянству) за несоразмѣрную цѣну; при малой заботливости о санитарныхъ условіяхъ и при отсутствіи всякихъ мѣръ касательно обезпеченія будущности рабочихъ.

«Золотопромышленники жалуются бо́льшею частью и на администрацію, и на рабочихъ; но положительно свидѣтельствуется всѣми близко знакомыми съ дѣломъ, что безъ злоупотребленій администраціи и безъ эксплуатаціи рабочихъ, наконецъ, безъ вреда мѣстному населенію и казнѣ, золотопромышленники не могли бы получать огромныхъ выгодъ, какія получаются, по крайней мѣрѣ, крупными изъ нихъ» (О золотопромышленности въ Сибири, Москов. Вѣдом., 1875 г., № 70).

О современномъ положеніи рабочихъ на пріискахъ Восточной Сибири сообщаются слѣдующія данныя.

Большая часть рабочихъ нанимается тутъ же, на пріискахъ, по окончаніи операціи. Такимъ образомъ, большинство рабочихъ остается на пріискахъ по нѣскольку лѣтъ, только переходя иногда съ одного пріиска на другой. Недостающее число пополняется къ веснѣ наймомъ изъ приленскихъ волостей и изъ разныхъ сибирскихъ губерній. Нанятые рабочіе получаютъ въ задатокъ 60—100 р., которые идутъ на уплату податей и сельскихъ повинностей, на обзаведеніе рабочаго одеждой и на обезпеченіе семьи. Для продовольствія рабочихъ въ пути заготовляются въ извѣстныхъ пунктахъ сухари и одежда, которые, при выдачѣ рабочимъ, ставятъ имъ на счетъ. Отъ Иркутска до пріисковъ обыкновенно считается 100 дней пути. Въ послѣднее время главнымъ мѣстнымъ начальствомъ изданы правила о наймѣ рабочихъ на пріиски, причемъ опредѣленъ размѣръ продовольствія, какое золотопромышленники обязаны выдавать рабочимъ при слѣдованіи на пріиски и при возвращеніи съ нихъ мѣстами незаселенными Тотъ фактъ, что путевое продовольствіе рабочихъ потребовало вмѣшательства администраціи даетъ поводъ заключить, что до изданія правилъ продовольствіе рабочихъ на пути было недостаточно обезпечено. Остается темнымъ, обязываютъ-ли упомянутыя правила снаб-

жать рабочихъ продовольствіемъ безвозмездно, или въ счетъ платы [1]).

На пріискахъ рабочіе помѣщаются въ казармахъ, гдѣ на каждаго изъ нихъ приходится воздуха только около 1/3 куб. сажени. Одно уже это показываетъ, что размѣръ казармъ очень недостаточенъ. Въ казармахъ устроены желѣзныя печи, которыя, какъ извѣстно, тепла не держатъ и нагрѣваютъ помѣщеніе только на время топки. Слѣдовательно, казармы не удовлетворяютъ требованіямъ гигіены ни въ отношеніи къ чистотѣ воздуха, ни въ отношеніи къ теплотѣ.

Въ прежнее время особенно указывалось на крайне безпощадное употребленіе рабочихъ силъ, которое выражалось какъ въ назначеніи большихъ суточныхъ уроковъ, такъ и въ большомъ числѣ обязательныхъ рабочихъ часовъ. Что побѣги рабочихъ и уклоненіе ихъ отъ работъ чаще совершаются «рабочими, такъ сказать, выработавшимися, что является здѣсь слѣдствіемъ продолжительнаго пребыванія въ тайгѣ и *непосильной физической работы въ теченіи многихъ лѣтъ*». Въ другомъ мѣстѣ, о пищѣ, говорится, что «*при усиленномъ физическомъ трудѣ* рабочіе не удовлетворяются пріисковымъ положеніемъ», то-есть, что они просто голодаютъ и для удовлетворенія этого голода принуждены брать изъ пріисковыхъ складовъ съѣстные припасы въ счетъ заработной платы. По словамъ автора статьи въ Памятн. кн. Якутск. обл., на выписку съѣстныхъ припасовъ расходуется, примѣрно, около двухъ третей оставляемыхъ рабочими на пріискахъ денегъ, а рабочіе оставляютъ на пріискахъ болѣе половины всего заработка [2]).

На суточное продовольствіе рабочаго отпускается 3—4 ф. муки и 1 1/4—1 3/4 ф. мяса; кромѣ того крупа, соль, масло, но въ незначительныхъ количествахъ (крупы, напр., около 22—32 зол. въ сутки), а также разные припасы для приварка. Такое содержаніе можетъ считаться довольно удовлетворительнымъ при обыкновенныхъ условіяхъ; но суровость тайги и трудность пріисковой работы выходятъ изъ ряда такихъ условій. Притомъ, часть мяса доставляется на пріиски зимою, въ тушахъ, а такое мясо трудно сохранить до мая мѣсяца, когда начинается приливъ рабочихъ на пріиски, и во всякомъ случаѣ оно значительно уступаетъ въ питательности свѣжему. Въ прежнее время часто появлялись жалобы на дурное продовольствіе рабочихъ.

---

[1]) Витимско-олекминская золотопромышленность. Памятн. книж. Якутск. области. 1891 г.

[2]) Въ 1889 г. изъ заработка въ 2 1/2 милліона осталось на пріискахъ около 1.400.000 рублей за припасы и пр.

Какъ бы то ни было, а санитарныя условія пріисковой жизни далеко не могутъ считаться удовлетворительными. Это подтверждается и свѣдѣніями о заболѣваемости и смертности между рабочими. Свѣдѣнія эти въ статьѣ г. М. К. въ Памятн. книж. 1891 г. помѣщены за 1887, 1888 и 1889 г. Приведемъ ихъ вполнѣ:

	Мужчинъ:				Женщинъ:			
Годы.	Число рабоч.	Заболѣло.	Выздоровѣло.	Умерло.	Число рабоч.	Заболѣло.	Выздоровѣло.	Умерло.
1887	9.853	5.335	5.269	66	1.403	170	164	6
1888	11.713	3.164	3.103	66	1.313	155	146	9
1889	12.005	4.402	4.349	44	1.161	169	161	10

Изъ этого видно, что въ 1889 г., который мы считаемъ болѣе благопріятнымъ въ санитарномъ отношеніи, было больныхъ 1 на 2,7 мужчинъ и 1 на 6,7 женщинъ, а умершихъ 1 на 272,8 мужчинъ и 1 на 116 женщинъ. Эти цифры уже сами по себѣ очень высоки; но не нужно забывать, что работы на промыслахъ и пребываніе на нихъ рабочихъ относится только къ четыремъ лѣтнимъ мѣсяцамъ, слѣдовательно годичная заболѣваемость и смертность, при томъ же числѣ рабочихъ, были бы втрое противъ приведенныхъ цифръ; этого отношенія нельзя не считать громаднымъ. «Такое явленіе, говоритъ статья, можно объяснить какъ самою тяжестью работъ, особенно шахтовыхъ, часто по колѣно въ водѣ, такъ и климатическими условіями, крайне неблагопріятными для здоровья; неосторожность самихъ рабочихъ, недостатокъ медицинской помощи, а, подчасъ, и *нерѣшливое отношеніе предпринимателей къ жизненной обстановкѣ рабочихъ* также усиливаютъ число заболѣваній и смертей».

Къ характеристикѣ золотопромышленной кабалы выяснены за послѣднее время слѣдующіе факты.

Хваленая (пріисковая) работа приводитъ или къ долгу хозяину, или къ выработкѣ такой суммы, которая едва хватитъ на одну кутежку. Въ первомъ случаѣ волей-неволей рабочій закабаляется на другой годъ; во второмъ—исходъ тотъ же, хотя не тотчасъ. Побывавшій на пріискахъ избѣгаетъ этой крайности неявкой. Свѣжій человѣкъ дѣлаетъ то же побѣгомъ. Но пріисковая жизнь представляетъ каторгу не вслѣдствіе одной тяжести работъ. Она еще больше тяготитъ нравственно. Въ сущности, что такое пріиски? Своеобразное общество, не знающее ни религіи, ни нравственности. Если это общество, по необходимости, не знаетъ разврата и пьянства, оно не вѣдаетъ въ то-же время и нравственныхъ развлеченій. Это монастырь особеннаго рода, съ тѣмъ различіемъ, что въ монастырѣ этомъ согнаны люди съ Камы и Волги не въ силу

убѣжденій, а въ силу лишь обманчивыхъ надеждъ на обогащеніе и въ силу ребяческаго легковѣрія. Это шести или восьмимѣсячный постъ, вызванный не убѣжденіемъ, а необходимостью. Работа, работа однообразная, какъ нельзя болѣе сообщество людей отпѣтыхъ (говоримъ о постоянныхъ рабочихъ), сообщество хуже, пожалуй, чѣмъ тюремное, притомъ вѣчно безъисходная скука. Можно-ли дивиться нравственному растлѣнію простого пріискового рабочаго, разрѣшающемуся послѣ восмимѣсячнаго поста дичимъ разгуломъ, если такъ называемые служащіе люди, болѣе развитые, вырвавшись съ пріисковъ, предаются не менѣе дикому разгулу, и въ концѣ-концовъ усваиваютъ себѣ извѣстный отпечатокъ, по которому пріискового служащаго можно узнать и указать пальцемъ въ тысячѣ людей. Нельзя не указать въ этомъ случаѣ и на отсутствіе женщинъ, какъ на фактъ, одинаково вліяющій и на нравственность, и на физическія силы человѣка. Докладъ приводитъ доказательство, что изъ 21 пріиска, по которымъ были собраны свѣдѣнія, на 2-хъ совсѣмъ не было женщинъ, на остальныхъ 19-ти 225 на 5.705 рабочихъ. Средній процентъ, одна на 40; въ частности по пріискамъ, была одна на 99.

Лицами, знакомыми съ техникой рабочаго дѣла, обнаружено, что самый заработокъ далеко не удовлетворяетъ рабочаго при существующихъ условіяхъ труда.

Если среднюю плату за трудъ чернорабочаго во внутренней Россіи примемъ 50 к., то онъ въ теченіи года заработаетъ тамъ 180 рублей и никакимъ образомъ не издержитъ болѣе 50 рублей въ годъ на свои незамысловатые харчи. Такимъ образомъ заработокъ лучшаго годнаго рабочаго на пріискахъ едва равносиленъ ничтожному заработку россійскаго чернорабочаго, о которомъ вопіетъ справедливость и сжимается сердце каждаго сколько-нибудь знакомаго съ нашимъ печальнымъ общимъ положеніемъ рабочаго. Рабочій «годовой», нанимающійся на годъ, на зиму и лѣто сплошь, на пріискахъ не можетъ заработать болѣе 500 рублей въ годъ, отсюда надо вычесть 250 рублей на одежду и харчи; останется 250, изъ которыхъ 100 задатку, а сто пятьдесятъ «додачи».

Неудовлетворительны были на пріискахъ жилища и казармы рабочихъ, а также пища, заготовляемая для лѣта и состоящая изъ солонины. Изъ за червивой солонины не разъ бывали бунты. Предпринимателя необходимо было контролировать, но этотъ контроль въ тайгѣ за тысячи верстъ былъ невозможенъ, а ревизоры состояли на откупу золотопромышленниковъ.

Нельзя, впрочемъ, обойти молчаніемъ того, что въ послѣднее время въ правительственныхъ сферахъ замѣчается нѣкоторое дви-

женіе въ пользу пріисковыхъ рабочихъ, на что намъ указываетъ проектъ правилъ о наймѣ на частные золотые пріиски. Въ этомъ проектѣ, въ примѣчаніи 4-мъ, говорится: «при слѣдованіи рабочихъ на пріиски и при возвращеніи съ нихъ мѣстами незаселенными золотопромышленникъ обязанъ выдавать рабочимъ на каждыя 25 вер. (т. е. сутки, какъ будто бы человѣкъ можетъ идти безъ дневокъ) 3 ф. доброкачественныхъ ржаныхъ сухарей, 1/4 ф. масла, 1/8 ф. соли и на 100 вер. 1/8 ф. чаю кирпичнаго.

Являлись администраторы въ Сибири, начиная съ графа Муравьева-Амурскаго и продолжая генералъ-губернаторомъ Синельниковымъ и графомъ А. П. Игнатьевымъ, которые выступали на борьбу съ злоупотребленіями золотопромышленниковъ и требовали ограничить ихъ власть и произволъ. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время надзоръ надъ пріисками отъ генералъ-губернаторовъ изъятъ, такъ какъ горное управленіе имъ не подчинено. Въ общемъ неблагопріятное вліяніе пріисковаго дѣла на край и населеніе не подлежитъ сомнѣнію. На Хабаровскомъ съѣздѣ на Амурѣ при оффиціальномъ представительствѣ выражено было, что «золотопромышленность составляетъ въ настоящее время несчастье края, съ которымъ только по необходимости приходится «мириться. Оторванные отъ семьи и земледѣлія рабочіе, при крайне «однообразной, плохой и тяжелой жизни въ тайгѣ на пріискахъ, «разстраиваютъ свое здоровье, надрываютъ силы и пріучаются къ «пьянству и разврату; въ большинствѣ случаевъ заработки пропи«ваются или проматываются ими уже на самомъ пріискѣ или по «пути домой, такъ что, вернувшись въ деревню, они приносятъ съ «собой лишь разстроенное здоровье и привычку къ разгулу. Въ «самомъ Благовѣщенскѣ, благодаря наплыву пришлаго и разнуз«даннаго люда, развивается сильное пьянство, развратъ, а съ ними «и спутникъ ихъ—преступленія. Средній годовой заработокъ пріис«коваго рабочаго въ Приамурскомъ краѣ въ прошломъ году былъ: «въ Верхне-Амурской компаніи 490 руб., у братьевъ Бутиныхъ на »Ангуни—430 руб., у Тетюкова (тамъ же) 300 р., въ Зейской и «Ниманской компаніяхъ—420 р., у Бутиныхъ на Буреѣ—360 р. «и на Урушинскихъ пріискахъ—300 р. Плата большая сравни«тельно со стоимостью труда въ Европейской Россіи, но рядомъ «съ нею на пріискахъ существуетъ страшная дороговизна на все «необходимое и главное—соблазнъ водки; то и другое поглощаетъ «собою весь заработокъ, такъ что очень немногіе возвращаются до«мой съ деньгами, а еще меньше сберегаютъ ихъ дѣйствительно «для дѣла. Поэтому внѣ кабака и пріиска значеніе всѣхъ этихъ «высокихъ заработковъ, въ смыслѣ увеличенія средствъ мѣстнаго

«населенія путемъ сбереженій и поднятія при помощи ихъ народ-«наго благосостоянія, сводится почти къ нулю, и краю остается «собственно только считаться съ тѣмъ безпардоннымъ людомъ, ко-«торый вырабатывается пріисковой жизнью» [1]).

Циркуляръ генералъ-губернатора Восточной Сибири, разсматривая вопросы о разсчетѣ рабочихъ, выяснилъ:

«Изъ дѣлъ главнаго управленія, а также изъ подаваемыхъ генералъ-губернатору жалобъ усматривается, гласитъ этотъ циркуляръ, что рабочіе и служащіе на пріискахъ нерѣдко не получаютъ полнаго разсчета немедленно по окончаніи работъ, а на причитающіяся суммы пріисковыя управленія выдаютъ ордера, по которымъ рабочимъ предоставляется получить заработанныя деньги въ какомъ-либо городѣ, съ обозначеніемъ срока, нерѣдко даже въ нѣсколько мѣсяцевъ; причемъ и такія обязательства не оплачиваются золотопромышленниками въ срокъ, вслѣдствіе чего рабочіе обращаются въ различныя присутственныя мѣста съ жалобами».

«Кромѣ того, рабочіе, получивъ вмѣсто денегъ ордеры, бываютъ вынуждены продавать ихъ по дешевой цѣнѣ, причемъ торговцы ближайшихъ къ пріискамъ мѣстностей скупаютъ эти ордеры съ обязательствомъ взять у нихъ товаромъ».

«Такое положеніе дѣла, порождающее много жалобъ со стороны рабочихъ, поставленныхъ неисправностью золотопромышленниковъ въ безвыходное положеніе, говоритъ главный начальникъ края, не должно быть допускаемо».

Одинъ оффиціальный докладъ, передавая о фактахъ, сообщенныхъ коммиссіей, относительно обращенія съ рабочими свидѣтельствуетъ, что ждать на пріискахъ гуманнаго обращенія съ людьми нѣтъ разумнаго основанія. «Въ тайгѣ, говоритъ онъ, вдали отъ населенныхъ мѣстъ, отъ правильно организованной власти, стоятъ одна передъ другой двѣ силы, поставленныя волей-неволей во враждебныя отношенія». По этимъ отношеніямъ можно судить и о воздѣйствіи одной силы на другую. Весьма большой силой, понятно, является пріисковое управленіе. Мы должны прибавить, что на пріискахъ бывали случаи возмутительнаго обхожденія съ рабочими. Кромѣ землянокъ и карцеровъ практиковалось тѣлесное наказаніе и рабочій послѣ тяжкаго наказанія высылался иногда съ пріисковъ, что было недавно поводомъ къ серьезному протесту рабочихъ въ Енисейской тайгѣ въ Минусинскомъ округѣ.

Положеніе беззащитныхъ рабочихъ въ тайгѣ Сибири въ по-

---

[1]) «Восточное Обозр.», № 32, 1886 г. «Золотопромышленность Приамурскаго края».

слѣднее время вызвало поэтому особо живое вниманіе мѣстной прессы, которому посвящено не мало очерковъ.

Въ одной изъ статей авторъ, жившій долго на пріискахъ и описывающій пріисковые порядки, восклицаетъ:

«Неужели пріисковой рабочій, доставлявшій своимъ потомъ и кровью средства къ существованію многимъ сотнямъ тысячъ людей, не заслуживаетъ вниманія къ своей судьбѣ? Какъ это напоминаетъ русское общество, владѣвшее нѣкогда крѣпостными и вмѣстѣ съ тѣмъ сочувственно агитировавшее противъ угнетенія негровъ, или какихъ-нибудь дикарей на островахъ Тихаго океана» [1]).

До послѣдняго времени, однако, очень мало сдѣлано по обезпеченію участи пріискового рабочаго: искалѣченные, больные и потерявшіе силы не призрѣваются. Двѣ-три богадѣльни, основанныя пріискателями, еще не исчерпываютъ благодѣяній. На пріискахъ не создано сберегательныхъ кассъ, фонда для помощи въ случаѣ несчастій и тому подобнаго.

Исключительныя условія золотопромышленнаго труда и ихъ монопольный характеръ давно обращаютъ на себя вниманіе. Замѣчательно, что подобныя же условія пробуютъ возникать въ Сибири и въ едва начинающейся заводской промышленности, по крайней мѣрѣ, этому представляютъ свидѣтельство слѣдующіе, недавно опубликованные, факты. Въ одной изъ тюменскихъ фабрикъ условіемъ найма ставилось: пользованіе продуктами отъ фабриканта, исключительно изъ его лавки, хотя фабрика находилась около города; здѣсь существовали задатки и зачеты впередъ, снабженіе нанимаемыхъ дурной провизіей и затхлой мукой, отчего начали развиваться болѣзни, практиковались обсчитыванья, масса злоупотребленій и безправій, свойственныхъ только прежнему быту. Сибирская промышленность, такимъ образомъ, является какъ бы немыслимою безъ кредита, задатка и закабаленія. Изъ этого видно, что обычаи стараго быта пробуютъ просачиваться и подъ формами новаго промышленнаго склада. Самыя промышленныя понятія формируются на Востокѣ совершенно своеобразно. Въ видѣ поощренія промышленности въ Сибири принято просить только монополій и привилегій. Когда промышленники начали говорить о поощреніи золотопромышленности для края, то они разумѣли всегда отдачу рабочаго въ ихъ полную власть; мало того, они требовали, чтобы ихъ предпріятіямъ постоянно помогала

[1]) Очерки современнаго состоянія золотопромышленнаго дѣла на Олекминскихъ и Витимскихъ пріискахъ. «Сибирскій Сборникъ» 1889, вып. I, стр. 19. Сибирскіе разсказы изъ жизни пріисковаго люда. Спб. 1888. Очерки Уманскаго и другихъ.

администрація, такъ они вытребовали присутствіе на пріискахъ казаковъ, содѣйствіе администраціи и сельскихъ обществъ въ доставкѣ рабочихъ и поимкѣ бѣглыхъ. Дурное содержаніе на пріискахъ естественно вызывало эти бѣгства и предупрежденіе этого составляетъ до сихъ поръ предметъ искательствъ и хлопотъ золотопромышленниковъ. Эти предупрежденія являются не въ видѣ улучшенія быта, а въ видѣ желанія прикрѣпить рабочаго и возвратить его помощью власти.

Подобныя требованія мѣстныхъ монополистовъ-хозяевъ считаются нынѣ обременительными для самой администраціи и ставятъ власть въ безчисленныя затрудненія. Наиболѣе честные представители администраціи, всмотрѣвшись въ условія этихъ отношеній, почли своимъ долгомъ взять сторону не монополистовъ и эксплуататоровъ, а эксплуатируемыхъ, какъ людей, находящихся въ беззащитномъ положеніи. Таково было отношеніе генералъ-губернатора Восточной Сибири Синельникова. Узнавъ о томъ безправіи и притѣсненіяхъ, какія практикуются золотопромышленниками въ сибирской тайгѣ, вдали отъ надзора, онъ дѣлалъ попытки облегчить положеніе рабочихъ, обезпечить имъ ихъ заработокъ, который весьма искусно вытягивается обратно при помощи водки и товара, а также при разсчетѣ. Для препровожденія партій рабочихъ посылались особыя довѣренныя лица, а заработокъ рабочихъ предлагалось отдавать на храненіе. Такими мѣрами генералъ-губернаторъ желалъ хоть сколько-нибудь сохранить трудовыя деньги людей, работавшихъ цѣлое лѣто, — сохранить отъ соблазновъ и сѣтей, разставляемыхъ имъ золотопромышленниками и кабатчиками въ то время, когда семьи этихъ тружениковъ голодали по деревнямъ и ждали возвращенія отцовъ и братьевъ съ заработкомъ, большею частью, къ несчастью, доселѣ являвшихся обобранными хозяевами.

Принимая во вниманіе всѣ эти явленія, изслѣдователи мѣстной экономической жизни не могли не останавливаться на подобномъ характерѣ дѣятельности мѣстныхъ монополистовъ и смотрѣть на него, какъ на экономическое и гражданское зло. Одинъ изъ изслѣдователей, обрисовывая ихъ значеніе въ краѣ, сообщаетъ, что сила, значеніе и смѣлость подобныхъ эксплуататоровъ и монополистовъ растетъ по часамъ и достигаетъ огромныхъ размѣровъ. «Дѣйствуя съ безцеремонностью, этотъ классъ людей простираетъ претензіи на все: на земли, лѣса, воды Сибири и нѣдра земли. Онъ стремится захватить и эксплуатировать все, установляетъ свои цѣны на хлѣбъ, мясо, водку, соль и старается захватить себѣ весь рынокъ. Есть города въ Сибири и села, которые

находятся почти въ крѣпостной зависимости у подобнаго эксплуататора и кулака».

Такая наглая нажива и хищничество практикуется безъ всякой застѣнчивости. Подобный классъ монополистовъ и спекулляторовъ является нынѣ силою, давитъ на общество, кабаля массу людей, руководитъ общественными дѣлами, преслѣдуя личныя цѣли, заискиваетъ у властей, рисуется благотворителями, а въ послѣднее время — и просвѣщенными негоціантами, но на дѣлѣ преслѣдуетъ цѣли монополіи и грубѣйшаго безправія и наживы. Нѣтъ сомнѣнія, что указанный классъ хищниковъ не могъ не возбудить отвращенія и негодованія, точно такъ же какъ возростаніе и усиленіе его не можетъ быть признано, какъ благопріятное явленіе въ будущей гражданской жизни восточной окраины.

Разсматривая причины ненормальныхъ экономическихъ явленій на Востокѣ, мы приходимъ къ заключенію, что они лежатъ въ историческомъ прошломъ края и въ особыхъ условіяхъ, созданныхъ его исключительностью, отдаленностью, господствомъ произвола, отсутствіемъ законности, наконецъ, коренящихся въ торговой зависимости края, культурной отсталости и отсутствіи собственной промышленности. Прежде всего мы видимъ общую эксплуатацію области ея мануфактурнымъ рынкомъ, а затѣмъ эксплуатацію внутреннюю посредниками торговли и монополистами. Такимъ образомъ, это не столько явленіе мѣстной безнравственности и особаго характера сибиряковъ, какъ предполагали нѣкоторые, сколько явленіе чисто экономическаго порядка, сообразно чему должны быть изыскиваемы средства помощь ему.

Само собою, что нашъ Востокъ не долженъ остаться вѣчно страною монополій, міроѣдства и кулачества, точно такъ же, какъ не можетъ ему быть суждена вѣчно одна торговая зависимость. Чтобы избавиться отъ нея, страна должна позаботиться о развитіи своего хозяйства и промышленныхъ производствъ, начиная съ ремесленныхъ и кустарныхъ. Но, устранивъ внѣшнюю монополію и кабалу, она, конечно, должна будетъ обратиться и къ внутреннему устройству жизни. Злоупотребленіе и кабалу, какъ мы видимъ, во многомъ поддерживаетъ на Востокѣ безправіе и отсутствіе законности. Введеніе новыхъ судовъ, широкая гласность, покровительство инородцу и гражданское полноправіе на Востокѣ — вотъ лекарства отъ грубыхъ захватовъ и злоупотребленій, но, кромѣ того, конечно, потребуются и нѣкоторыя экономическія средства предупрежденія монополіи и кабалы.

Очень немудрено, что въ будущемъ въ жизни Сибири придется еще считаться съ притязаніями монополистовъ и міроѣдовъ,

какъ и со старой традиціей наживы, если не явятся на помощь населенію разумныя силы общества и сознаніе здоровыхъ путей экономическаго развитія, гражданская доблесть и болѣе нравственныя основы общечеловѣческой связи и солидарности интересовъ всего населенія.

Общія условія цивилизаціи не могутъ не повліять на мѣстный строй жизни на Востокѣ и, конечно, установятъ болѣе нравственныя и морализующія общечеловѣческія отношенія. Во всякомъ случаѣ, трудно предположить, чтобы дальнѣйшая жизнь населенія не могла быть гарантирована отъ извѣстныхъ экономическихъ злоупотребленій, сознаваемыхъ правительствомъ и обществомъ, и не было никакихъ путей болѣе здороваго развитія. Мы видимъ, что нашъ Востокъ далеко не обдѣленъ природою; при общей гармоніи интересовъ и плодотворномъ направленіи труда онъ можетъ разсчитывать на завидную будущность. Сила и богатство его будутъ равняться обилію даровъ и производительности, нужно позаботиться только, чтобы блага природы распредѣлялись болѣе справедливо и чтобы не отнималось у населенія то, что принадлежитъ по праву труду и производителю богатствъ.

Настоящее изслѣдованіе о причинахъ неравенства въ крестьянской средѣ, развившагося на почвѣ Сибири, о кулачествѣ, закрѣпощеніи и кабалѣ, написанное нѣсколько лѣтъ назадъ, могло бы быть добавлено многими другими данными, появившимися въ печати въ теченіи этихъ десяти лѣтъ. Но это было бы только повтореніемъ той же иллюстраціи. Въ «Восточн. Обозрѣніи» 1885 г. разсказывалось о монополистѣ Алексѣевѣ (№ 23), о кулакахъ въ сельскихъ обществахъ говорится въ № 36 «В. Об.» за 1886 г., въ 1889 г. помѣщена статья «Ангорщина» кабала въ Иркутской губ., «Вост. Обозр.» № 44, въ 1883 г., въ № 24 «Вост. Обозр.» «Борьба съ беззаконіями въ Сибири» передаетъ нѣсколько примѣровъ, какимъ образомъ кулаки и разбогатѣвшіе монополисты позволяютъ себѣ безпаказанно нарушать законъ и совершать уголовныя дѣла. Притѣсненія монополистовъ въ Усинскомъ краѣ Минусинскаго округа передавалъ извѣстный путешественникъ Адріановъ (см. также о Гусевѣ и Путиловѣ «Восточн. Обозрѣн.» 1883 г., № 15). Въ различныхъ корреспонденціяхъ говорилось о кабалѣ въ Березовскомъ округѣ, въ Нарымскомъ, въ Алтаѣ, въ Якутскомъ краѣ, въ Иркутской губерніи и Забайкальи. Въ борьбѣ съ кабаками повсюду обрисовывались вліянія кулаковъ и кабатчиковъ. Изъ всего этого вырисовывалась одна и та же картина. Если уничтожались одни монополисты и кабатчики, появлялись

другіе. Торговый домъ Кондинскихъ, которому положилъ предѣлъ Муравьевъ-Амурскій, смѣнился торговымъ домомъ Бутина, который держалъ въ зависимости Забайкалье. Замѣчательно то, что нѣкоторые изъ крупныхъ монополистовъ Сибири выставляли свою дѣятельность, какъ радѣтели мѣстной промышленности, заботившіеся о мѣстныхъ производствахъ [1]).

Въ Западной Сибири въ послѣднее время монополисты пробовали составить винокуренную стачку, но попытки ихъ были уничтожены вмѣшательствомъ правительства. Въ Сибирь былъ посланъ вице-директоръ министерства финансовъ Пленъ, который въ противодѣйствіе стачкѣ организовалъ винные склады отъ лица казны, на случай поднятія цѣнъ. Стачечники же въ Томскѣ были преданы суду и приговорены къ заключенію.

Это былъ весьма важный шагъ въ борьбѣ съ монополіей и съ злоупотребленіями торговцевъ. Здѣсь выступили какъ власть, такъ и новый судъ въ защиту населенія.

Ко всѣмъ другимъ сферамъ монополія и кулачество раскинулись совершенно свободно. Чѣмъ глуше мѣстность, чѣмъ отдаленнѣе она отъ рынковъ, тѣмъ кабала развивается шире и дѣйствуетъ губительнѣе. Такую мѣстность представляетъ, напримѣръ, Якутская область, въ которой въ послѣднее время сдѣлано нѣсколько обстоятельныхъ изслѣдованій.

«Большинство купцовъ—уроженцы Якутской области, говоритъ одинъ авторъ, за предѣлы которой рѣдко кто выѣзжалъ, обладая небольшими капиталами, ведутъ свою торговлю на векселя; товары забираютъ у иркутскихъ купцовъ, ежегодно наѣзжающихъ въ Якутскъ на ярмарку. Сюда-то къ августу мѣсяцу съѣзжаются всѣ якутскіе купцы, платятъ старые долги пушниною, мамонтовой костью, частью деньгами; получаютъ красные мануфактурные товары, чай кирпичный, черкасскій табакъ (махорку), желѣзныя и мѣдныя издѣлія; выдаютъ векселя и опять спѣшатъ въ дорогу... Здѣсь, въ дорогѣ, купецъ останавливается въ извѣстныхъ инородцамъ пунктахъ и ведетъ съ ними торговлю; принимаетъ отъ нихъ въ обмѣнъ пушнину, кость, сѣно для прокорма вьючныхъ лошадей, мясо и масло для людей; отпускаетъ въ долгъ товары, чай, табакъ и спиртъ. Послѣдній самый ходкій товаръ, хотя и запрещенный въ торговлѣ съ инородцами.

Отсутствіе всякой предпріимчивости, руководительство одной

---

[1]) Такъ, недавно въ «Гражданинѣ» помѣщена была біографія г. Бутина, обанкротившагося на 8.000.000 и имѣвшаго смѣлость выставлять себя благодѣтелемъ края.

только рутиною,—вотъ что поражаетъ въ здѣшнемъ купцѣ. При новыхъ, нарождающихся обстоятельствахъ, требованіяхъ, онъ не находчивъ, теряется или ломитъ напропалую; разоряя народъ, онъ въ концѣ-концовъ губитъ и свое дѣло. Онъ непремѣнно гонится за большимъ процентомъ: рубль на рубль и больше; на меньшемъ онъ не помирится. Братья Б—вы, устроивши въ Колымскѣ торговый домъ, ясно доказали возможность вести дѣло иначе; они сразу понизили цѣны на товары и при этомъ все-таки получаютъ громадные барыши. Одновременно съ этимъ они значительно подняли цѣны на пушное. Правда, все это, конечно, дѣлается для того, чтобы убить своихъ конкуррентовъ и потомъ самимъ захватить всю торговлю въ краѣ и сдѣлаться монополистомъ, какъ Филипеусъ въ Камчаткѣ, въ Гижигѣ и другихъ мѣстахъ Приморской области.

За кучкою патентованныхъ купцовъ стоитъ громаднѣйшая свора разнаго торгующаго люда. Зараза барышей такъ велика, что каждый, имѣющій лишній рубль, пускается въ торговлю, часто оставляя въ пренебреженіи свое хозяйство, дотолѣ его кормившее, сується въ разныя предпріятія и прогораетъ. Отдача товаровъ въ кредитъ подъ пушное также губительно вліяетъ на скотоводство и рыбные промыслы и направляетъ всѣ силы на рискованные звѣриные промыслы. Для добычи пушнины пускаются въ ходъ всѣ средства: обманъ, спаиваніе, вымогательства. Служащіе въ администраціи, служители церкви, миссіонеры, казаки, мѣщане—всѣ пускаются въ торговлю, торгуютъ всѣмъ, чѣмъ только можно. Народъ бѣднѣетъ, потребности же его растутъ, и вотъ каждый продаетъ послѣднюю кухлянку, зайчину, тащитъ единственную ровдугу, чтобы взять у купца кирпичъ чаю, временами доходящій отъ 3—5 р. за штуку, или водки. На одинъ Среднеколымскъ съ его 500 жителей приходится три кабака. Но хуже всего то, что табакъ, чай и спиртъ привозятся всегда въ недостаточномъ количествѣ годоваго потребленія. Иногда съ половины года или къ его концу все это выходитъ или придерживается разными спекуляторами; цѣны значительно повышаются: нерѣдко въ два-три раза» [1]).

«Для образца, въ какихъ кабальныхъ отношеніяхъ находятся жители сѣверныхъ окраинъ, приведу одно мѣсто изъ письма изъ Нижнеколымска: «Вся масса здѣшняго населенія, состоящая изъ русскихъ и обрусѣвшихъ юкагиръ, якутовъ, находится всецѣло

---

[1]) «Сибирскій Сборникъ», прилож. къ «Вост. Обозр.» за 1887 г. Полярныя страны Сибири, П. Рябкова, стр. 29—32.

въ рукахъ Чарткова (мѣстный житель). Онъ много лѣтъ уже торгуетъ въ Нижнеколымскѣ отъ разныхъ купцовъ, а въ послѣднее время отъ Н. Ѳ. Соловьева. Нѣтъ ни одного жителя, который не былъ бы долженъ Чарткову; ему должны свыше 15 тыс. руб., но изъ должниковъ никто не знаетъ, сколько онъ долженъ этому приказчику. Если кому что нужно, онъ идетъ къ Петру Алексѣевичу и проситъ въ долгъ, тотъ ему отпускаетъ товаръ, не объявляя цѣны, о чемъ покупатель и не спрашиваетъ: доволенъ тѣмъ, что получилъ требуемое, а такъ какъ всякая сдѣлка здѣсь ведется на взаимномъ обманѣ, то покупатель не заботится, сколько на немъ долга».

«Здѣшніе жители, въ свою очередь, также торгуютъ съ чукчами чаемъ, табакомъ, а иногда и водкою, взамѣнъ чего получаютъ оленей для пищи, песцовыя, лисьи, оленьи шкуры и мамонтовую кость, всегда ихъ (чукчей) обманываютъ, такъ что чукчи потеряли къ нимъ довѣріе. Обмануть или обокрасть чукчу считается здѣсь доблестью и служитъ похвальбою «между товарищами». Итакъ, здѣсь вездѣ въ круговую: одинъ отъ другаго рветъ, а пріѣхалъ «чумазый» и всѣхъ слопалъ» [1]).

«Неравенство матеріальнаго благосостоянія достигаетъ уже теперь, даже въ очень глухихъ мѣстностяхъ Якутской области, пишетъ другой авторъ, весьма значительной степени. Рядомъ съ хозяевами, тянущими весьма жалкое существованіе, обладающими 2—3 штуками рогатаго скота, мы встрѣчаемъ владѣльцевъ 200—500 головъ скота, ведущихъ большіе сравнительно обороты и утопающихъ въ относительной роскоши».

«Самый простой случай, это—кабала на кошеніе сѣна; можетъ быть также пріемъ скота въ удой. Обыкновенно осенью, а иногда даже и во время покоса, бѣднякъ беретъ деньги съ обязательствомъ выставить опредѣленное количество сѣна будущимъ лѣтомъ на землѣ предпринимателя. Или же онъ весною (на Николинъ день) беретъ въ удой корову, обязуясь представить къ Покрову самую корову съ теленкомъ и отъ 30—40 фунт. топленаго масла. Изъ массы подобныхъ же, но болѣе мелкихъ сдѣлокъ, я укажу лишь на одну. Задавая деньги весною подъ телятъ будущей весны, я получаю за 2 р. 50 к.—4-хъ-рублеваго бычка, и за 3 р.—5-ти-рублевую телку, т. е. почти даромъ пріобрѣтаю трудъ выхаживанія теленка въ теченіи года и трудъ, потраченный на заготовленіе для него сѣна.

---

[1]) «Отъ Колымска до Якутска» П. Р—въ. Извлеченіе изъ газеты «Сибирь» 1884—1885 гг. Иркутскъ. «Сибирскій Сборникъ» прил. къ «Вост. Обозр.» за 1887 г. «Полярныя страны Сибири», П. Рябковъ, стр. 31—33.

«Послѣднюю категорію лицъ, продающихъ свою рабочую силу, представляютъ собою тѣ, кто поступаетъ въ чужую семью въ качествѣ работниковъ. Здѣсь могутъ быть два случая. Во-первыхъ, семья бѣдняковъ, обладающая все же кое-какими орудіями труда, можетъ выдѣлить излишнюю силу одного изъ своихъ членовъ и продать ее на годъ или же только на лѣто (бываютъ даже случаи почти насильственной отдачи главою семьи своего сына или своей дочери въ работу). Но встрѣчаются, хотя и въ незначительномъ числѣ, и пролетаріи въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Такія лица добываютъ себѣ средства существованія исключительно продажею своей рабочей силы. Мужчина за 20—30 руб., а женщина за 10—12 поступаютъ въ полное распоряженіе нанимателя на круглый годъ».

«Справедливость требуетъ замѣтить, что сквозь всѣ слои якутскаго населенія красною нитью проходитъ стремленіе нажить лишнюю копѣйку на счетъ чужаго труда».

Наиболѣе благодатною почвою для развитія спекуляціи является заготовленіе сѣна. Богачи, понятно, нуждаются въ очень большомъ количествѣ сѣна для прокорма своихъ громадныхъ стадъ. Но, кромѣ того, каждый изъ нихъ запасаетъ то или другое количество стоговъ на случай неурожая. У нѣкоторыхъ богачей скопляется, такимъ образомъ, до ста и болѣе стоговъ сѣна. Стогъ сѣна обходится богачу въ сумму отъ 12—18 руб., если онъ даетъ ее наличными деньгами, или въ 10—15 руб., если онъ пускаетъ въ оборотъ товары. Цѣна такого стога въ будущемъ, т. е. когда сѣно бываетъ уже сметано въ стога, колеблется отъ 35 руб. до 100 и даже до 175 руб. Но если кулакъ вздумаетъ раздать свой стогъ подъ весну тѣмъ же бѣднякамъ, напр., труду которыхъ это сѣно обязано своимъ происхожденіемъ, то черезъ годъ онъ возьметъ за него, по крайней мѣрѣ, 2 стога, т. е. получитъ 100 на 100. Говорю: по крайней мѣрѣ, потому что это было бы оплошностью со стороны кулака—раздавать нуждающимся 1 возъ сѣна за 2; гораздо чаще разсчетъ совершается по подрядной цѣнѣ, т. е. стогъ сѣна въ 100 р. оцѣнивается въ 7 ($7 . 15 = 105$) стоговъ будущаго года и тогда въ одинъ годъ богачъ пріобрѣтаетъ 700 на 100! Двухгодичный же оборотъ 15 р. подрядныхъ денегъ по такому разсчету даетъ 4700% [1]).

Начинающіе богатѣть кулаки или желающіе увеличить свое хозяйство лица прибѣгаютъ къ задачѣ денегъ подъ годовалыхъ

---

[1]) «Сибирскій Сборникъ» за 1889 г. Выпускъ II. Фактическія отношенія въ средѣ якутской общины, стр. 2, 12, 15, 16.

телятъ будущей осени. Для характеристики всего этого нужно добавить, что обмѣръ, обвѣсъ и тому подобныя выжиманія повсюду царятъ въ подобнаго рода сдѣлкахъ. Бѣдняки въ своихъ отношеніяхъ съ кулаками принуждены постоянно держать ухо востро. Опасно бываетъ дать хоть малѣйшую зацѣпку кулаку: онъ не настолько совѣстливъ, чтобы положить охулки на руки и чѣмъ только можно будетъ воспользоваться, онъ непремѣнно воспользуется при малѣйшей оплошности со стороны подрядчика.

Пользуясь полнѣйшею обезпеченностью во всемъ, кулакъ всегда, естественно, прежде всего заботится объ удовлетвореніи такихъ потребностей, личныхъ или по хозяйству, которыя являются наиболѣе важными и цѣнными въ его глазахъ. Арміею своихъ подрядчиковъ онъ распоряжается на правахъ главнокомандующаго. Онъ всегда найдетъ средство заставить не того, такъ другого голыша сдѣлать то, что ему выгодно или что ему пріятно. Обыкновенный пріемъ въ этомъ случаѣ—дать бѣдняку то, въ чемъ онъ крайне нуждается и чего онъ проситъ, обязывая сдѣлать или поставить то, что требуется въ данную минуту предпринимателю.

Какъ и вездѣ, *время сбора податей* даетъ всегда кулакамъ обильную жатву.

Анализъ якутской системы производства не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ результатѣ общественной продукціи является прибавочная стоимость весьма значительной нормы и что вся она поступаетъ въ руки небольшаго числа предпринимателей. Фактическія же отношенія между послѣдними и представителями живой человѣческой силы таковы, что затрата ея производится исключительно въ пользу предпринимателей, и на долю работниковъ выпадаетъ пониженіе, и ни въ какомъ случаѣ не повышеніе благосостоянія.

Изъ тѣхъ же данныхъ можно вывести заключеніе и о той роли, какую играетъ община въ дѣлѣ регулированія имущественныхъ отношеній. Имѣя предъ глазами картину фактическихъ отношеній между представителями различныхъ имущественныхъ состояній одной и той же общины, не трудно представить себѣ и всѣ послѣдствія, какія влечетъ за собою несовершенство организаціи якутской общинной жизни. Пользуясь громаднымъ вліяніемъ на своихъ сообщниковъ, якутскіе кулаки не только могутъ заставить умолкнуть всякій голосъ, который попытался бы говорить противъ усиленія неравенства въ пользу общинниковъ-оптиматовъ, но при всякомъ случаѣ бываютъ въ состояніи набрать себѣ нужное число сторонниковъ и голосовъ при рѣшеніи общинныхъ дѣлъ. Высшія должности въ наслегахъ и улусахъ всегда занимаютъ богачи, ку-

лаки, а потому и власть, по скольку она пользуется авторитетомъ въ глазахъ общины, всегда бываетъ на сторонѣ предпринимателей. Богачи одного наслега постоянно роднятся съ богачами другого, и, такимъ образомъ, создается сѣть, не густо тканная, но крѣпко вязанная, которая и опутываетъ со всѣхъ сторонъ представителей рабочей силы. Картина поразительная и по истинѣ ужасная! Этотъ союзъ фактическаго вліянія съ авторитетомъ власти—страшное оружіе въ рукахъ озвѣрѣвшихъ кулаковъ противъ низшаго класса якутскаго населенія [1]).

Даже богатыя земледѣльческія мѣстности, гдѣ было изобиліе хлѣба и крестьяне были обезпечены, не избавлялись отъ развитія кабалы.

При особомъ положеніи края, при его отдаленности, замкнутости, отсутствіи промышленныхъ центровъ, куда могли сбываться сельскія произведенія, цѣна на сельскіе продукты и на хлѣбъ стояла всегда низкая.

Крестьянинъ страдалъ при урожаѣ чуть-ли не болѣе, чѣмъ въ средніе годы, такъ какъ цѣна на продукты хозяйства падала.

Въ 1891 г., по свѣдѣніямъ корреспондентовъ, во время громаднаго неурожая въ Европейской Россіи и части Западной Сибири, въ Восточной Сибири цѣны хлѣба были: мука ржаная 30 к. пуд., пшеничная 50 к. пуд., овесъ 20 к. пуд., сѣна возъ (18 — 20 п.) 1 р.—1 р. 20 к. Въ Минусинскѣ цѣны еще дешевле. Пудъ ржаной муки стоилъ 20 к., пшеничной 35 — 40 к., овесъ 15—18 к. пуд. Крестьяне жаловались, что съ хлѣбомъ дѣваться некуда; прежде крестьянинъ выручалъ за возъ 18—20 р., теперь онъ весь возъ продаетъ за 5 и 6 р., лишь бы ему выручить что-либо на необходимый товаръ, какъ чай, сахаръ, соль и т. п. Въ настоящемъ году и излишняго хлѣба въ Енисейской губ. было болѣе 6.000.000 п. (Корреспонд. «Русская жизнь» № 302, 1891).

При неимѣніи сбыта крестьянинъ нуждался въ деньгахъ, чѣмъ и пользовались міроѣды, ростовщики и кулаки. Скупъ хлѣба за безцѣнокъ у земледѣльческаго населенія не служилъ къ обезпеченію послѣдняго и установлялъ только денежную зависимость.

Для выясненія экономическаго положенія сибирскаго крестьянства въ послѣдніе годы мѣстная печать собирала не мало свѣдѣній.

Изъ обнаруженныхъ фактовъ къ исторіи кабалы и кулачества видно, что кулаки пользуются всякимъ обѣдненіемъ крестьянъ

---

[1]) «Сибирскій Сборникъ» за 1889 г., выпускъ II. Фактическія отношенія въ средѣ якутской общины, стр. 17—22.

и потребностью ихъ въ деньгахъ. Однимъ изъ поводовъ и случаевъ, когда приходится обращаться къ кулаку за деньгами, это платежи податей. Платежи сибирскаго крестьянина также выяснены изъ крестьянскихъ бюджетовъ. Они доходятъ отъ 18 до 37 и болѣе рублей [1]). Но кромѣ того, на сибирскаго крестьянина ложатся не легко и повинности, притомъ распредѣляемыя не всегда равномѣрно.

По Тобольской губерніи въ нѣкоторыхъ обществахъ всѣхъ платежей съ одной души приходилось въ 1871 г. 26 р. 16¼ к., въ 1872—23 р. 66½ к., въ 1881—23 р. 23¾ к., въ 1882—21 р. 12¾.

На работника въ разныхъ обществахъ: въ 8-ми обществахъ отъ 11 р. 20 к. до 11 р. 54 к. и въ 4-хъ обществахъ отъ 12 р. 25 к. до 12 р. 67 к. Всѣхъ сборовъ, по разсчету крестьянъ, на каждую ревизскую душу со всѣми накладными приходится по 15 р., а на каждаго взрослаго работника по 20 р.

Крестьянинъ бѣдный, но способный къ работамъ, не освобождается, согласно порядкамъ сибирской общины, отъ подушной и другихъ казенныхъ складовъ; переложеніе этихъ податей на землю здѣсь не сдѣлано, какъ неумѣстное при системѣ свободнаго занятія (захвата) земель. Въ русскихъ губерніяхъ безземельные податей не платятъ, и вообще тамъ платежи разверстаны сообразно количеству владѣемой земли, но въ тѣхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ обиліе земли допускаетъ свободное ею пользованіе, не можетъ быть поднято и вопроса о разверсткѣ налоговъ сообразно

---

[1]) Вотъ перечень податей и сборовъ сибирскаго крестьянина въ Минусинскомъ округѣ:

По окладному листу казначейства: подушной подати 1 р. 20 к., оброчной 1 р. 29 к., дополнительной оброчной 45 к., на пособіе въ пожарн. обозъ 2 р., на межеваніе земель 3 к., въ экономическій запасный или продовольственный капиталъ 6 к. Земскія повинности: государственная 63 к., губернская 83 к., частная ¾ к. По волостной раскладкѣ: земская повинность внутренняя 39 к., на содержаніе волостнаго правленія 33 к. По сельско-общественной или мірской раскладкѣ: за мертвыя души 1 р. 88¾ к., жалованье сельскому писарю 56½ к. Случайные и единовременные: на постройку магазина 36 к., на постройку дома священника 1 р 86 к., дополнительные на постройку домовъ причту 56½ к., на постройку мостовъ на почтовыхъ и проселочныхъ трактахъ 62 к., квартира землемѣру 41 к., ремонтъ хлѣбнаго магазина 17 к., 9¾-копѣечный сборъ на усиленіе средствъ собственной канцеляріи генералъ-губернатора Восточной Сибири 9¾ к. Натуральныя повинности: содержаніе сельской почты и подводъ: на земскихъ станціяхъ 1 р. 45 к., на земскую подводу 2 р. 20 к., на содержаніе сельской почты 1 р. 26 к., домашняя междудворная 9 р., станціонному яищику 25 к., на земскую подводу 1 р. исправленіе почтоваго тракта 3 р., исправленіе проселочной дороги 1 р. 50 к., въ общественный магазинъ 1 п. ржи 70 к., священнику руга 2 р. 56 к., на сельскихъ врачей 9 к. Итого 37 р. 71¼ к.

количеству запашки. Въ Сибири это количество можетъ ежегодно подвергаться измѣненіямъ; участокъ, запахиваемый однимъ хозяиномъ въ этотъ годъ, можетъ быть оставленъ имъ безъ запашки на слѣдующій, и тогда онъ является землею пустопорожнею, которую (по обычаямъ Кулачинской, Баженовской и друг. общинъ Тобольской губ. этого типа) можетъ взять и не взять другой хозяинъ.

Подводная гоньба и исправленіе почтоваго тракта и проселковъ отбывается ими натурою; остальные подати и сборы они вносятъ деньгами. Надобно замѣтить, что на крестьянъ домохозяевъ, по мѣстному, бойцахъ, лежитъ обязанность участвовать въ платежахъ всѣхъ указанныхъ сборовъ. Бойцомъ, впрочемъ, считается домохозяинъ въ возрастѣ отъ 17 до 55 лѣтъ. Затѣмъ старики платятъ только сумму, причитающуюся по окладнымъ листамъ и волостной раскладкѣ; самая же раскладка, какъ-то: за мертвыя души, жалованье сельскому писарю и экстраординарные или временные сборы, раскладывается только на бойцовъ; точно такъ же и натуральную повинность отбываютъ только одни бойцы.

Въ однѣхъ волостяхъ и отдѣльныхъ селеніяхъ за мертвыя и выбывшія души платятъ ихъ семейства, и только въ крайнемъ случаѣ эти платежи общество принимаетъ на себя; напротивъ, въ другихъ обществахъ почти за всѣхъ умершихъ и взятыхъ въ рекруты платитъ міръ. Точно такъ же молодые люди, родившіеся послѣ ревизіи, по достиженіи 18 лѣтъ, облагаются въ однихъ селеніяхъ полнымъ окладомъ податей, взамѣнъ убылыхъ душъ съ 1878 — 1879 года; въ другихъ же селеніяхъ ихъ только съ 1882 года начали облагать.

Натуральныя повинности между отдѣльными волостями тоже распредѣляются неравномѣрно, но на это имѣютъ вліяніе частью мѣстныя условія, частью злоупотребленія завѣдывающихъ лицъ. Идти противъ этихъ злоупотребленій могли бы, конечно, только земскія учрежденія, которыхъ въ Сибири нѣтъ.

Платежъ податей и повинностей разверстывается тоже на большія и малыя души. Подати за калѣкъ, дряхлыхъ, находящихся въ неизвѣстной отлучкѣ, поступившихъ въ военную службу, а также за умершихъ разверстываются на платящихъ большія души.

Въ Россіи, въ виду общаго отягощенія, производимаго тяжестью и неравномѣрностью натуральныхъ повинностей, было прямо приступлено къ замѣнѣ ихъ денежными. Такимъ образомъ и былъ обойденъ вопросъ о точномъ опредѣленіи тяжести натуральныхъ повинностей не вообще, а именно для данныхъ мѣстностей, для данныхъ селеній, а также и для различныхъ категорій крестьянскихъ семей, какъ, напримѣръ, для зажиточныхъ и

бѣдныхъ семей, для семей, занимающихся земледѣліемъ, и для тѣхъ, которыя, кромѣ земледѣлія, промышляютъ разными промыслами и проч. Что же касается до Сибири, то здѣсь только лишь начинается разборка подобныхъ практическихъ, насущныхъ вопросовъ; до послѣдняго времени весьма мало занимались въ Сибири крестьянскимъ вопросомъ и только недавно привлечено къ нему вниманіе усиліями мѣстной печати. Такимъ образомъ, данныхъ для оцѣнки тяжести натуральныхъ повинностей въ Сибири взять много неоткуда. Въ этомъ отношеніи мы можемъ только указать на печатающуюся въ «Литературномъ Сборникѣ» 1885 г. статью крестьянина Ѳ. Ѳ. Девятова, затѣмъ на данныя по ревизіи тесинскаго волостнаго правленія, помѣщенныя въ «Восточномъ Обозрѣніи 1883 года № 48 и 1884 г. № 7, подъ рубрикою «Пути къ разрѣшенію податнаго вопроса»; на свѣдѣнія о крестьянскихъ платежахъ и повинностяхъ въ статьѣ «Восточнаго Обозрѣнія» 1884 г. № 15 подъ заглавіемъ «Къ вопросу о податной реформѣ», и, наконецъ, на указанный уже разъ источникъ, именно на тѣ общія впечатлѣнія, которыя выносятся нами изъ изученія порядковъ общиннаго землевладѣнія.

Посмотримъ на средства, обезпечивающія сибирскаго крестьянина въ связи съ податными тяготами, извлечемъ свѣдѣнія о бюджетѣ крестьянина и сдѣлаемъ изъ нихъ выдержки:

Бюджетъ Тобольскаго крестьянина изъ собранныхъ данныхъ представляетъ слѣдующіе итоги:

Доходы и расходы.	Доходъ. Руб. К.	Расходъ. Руб. К.
Зажиточной семьи, состоящей изъ 3 взрослыхъ работниковъ и 9 человѣкъ семьи	1.295 —	603 70
Средней семьи, состоящей изъ 2 взрослыхъ работниковъ и 7 человѣкъ семьи	585 —	373 40
Бѣдной семьи, состоящей изъ 1 работника и 6 человѣкъ семьи	142 —	170 90

Бюджетъ Минусинскаго крестьянина, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ весьма умнымъ и дѣловымъ крестьяниномъ Девятовымъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Семья изъ семи человѣкъ, отца и матери стариковъ, взрослаго работника, сына подростка 12—16 лѣтъ, двухъ дочерей и ребенка, при постоянной работѣ можетъ имѣть заработка и дохода 240 р. Расходы же ея, подробно высчитанные, равняются:

Подати и мірскіе сборы	30 р.	— к.
Другіе расходы на праздники, крестины	41 »	50 »
Наемъ поденщиковъ для работы	18 »	— »
	89 р.	50 к.

На чай и мануфактуру, ситецъ и проч. для одежды, на хозяйствен. покупки .	105 р.	— к.
Хозяйственныхъ необходимыхъ расходовъ	41 »	— »
	235 р.	50 к.

Доходъ деньгами можно опредѣлить въ 140 р., остальное выплачивается продуктами и хлѣбомъ при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ сбыта. Изъ собранныхъ бюджетовъ крестьянъ видно, что бюджетъ этотъ не обладаетъ равновѣсіемъ, расходъ превышаетъ доходъ у бѣдняковъ. Изъ этихъ расходовъ бросаются въ глаза непосильныя и тяжелыя повинности. Чтобы добыть денегъ на уплату этихъ повинностей крестьянинъ долженъ себя кабалить и искать займа, который при обращеніи къ кулаку и ростовщику ухудшаетъ его положеніе. Самое хозяйство сибирскаго и сельскаго хозяина, какъ мы видѣли въ IX главѣ, слишкомъ первобытно, слишкомъ малопроизводительно, чтобы обезпечить его. Ясно, что для уничтоженія ненормальныхъ экономическихъ отношеній, для освобожденія крестьянъ отъ кулаковъ и кабалы необходимъ цѣлый рядъ мѣръ, парализующихъ эти ненормальныя отношенія. Здѣсь должно играть роль освобожденіе крестьянъ отъ излишнихъ тяжестей, состоящихъ въ чрезмѣрныхъ повинностяхъ, что можетъ быть достигнуто болѣе правильной раскладкой платежей сообразно имущественному состоянію. И нынѣ уже общины пробуютъ переносить раскладку податей и сборовъ съ душъ на скотъ и имущество. Нечего говорить, что раскладки въ рукахъ мѣстнаго земства могли бы сократить издержки и излишніе платежи, накопляющіеся нынѣ при суровой системѣ взысканія земской полиціей и злоупотребленіяхъ волостныхъ властей.

Кромѣ того необходимо созданіе кредита и сельскихъ банковъ для крестьянства на его нужды, который бы парализовалъ кредитъ и кабалу заемщика ростовщику и кулаку. Затѣмъ необходимо установленіе правильныхъ юридическихъ отношеній между нанимателемъ и рабочимъ, контроль контрактовъ и защита эксплуатируемаго населенія. Въ области экономической средствомъ, парализующимъ дѣйствіе кабалы, должна явиться конкурренція существующей монополіи и поднятіе экономическаго и промышленнаго уровня въ цѣломъ краѣ, обнаруживающееся въ увеличеніи заработка. Наконецъ, къ мѣрамъ нравственнымъ, могущимъ пробудить сознаніе и гуманныя чувства среди крестьянства должно указать развитіе грамотности, просвѣщенія, образованія вообще и поднятіе авторитета крестьянской общины, призванной, по духу и свойству своему, оберегать интересы индивидуума и содѣйствовать солидарности между членами общины.

ГЛАВА XI.

КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ ВЪ СИБИРИ.

Въ сибирскихъ губерніяхъ, подобно россійскимъ, съиздавна существуетъ кустарная промышленность, обнимая обработку многихъ мѣстныхъ продуктовъ растительнаго и животнаго царства и снабжая своими произведеніями сельское и городское населеніе. Многіе изъ этихъ промысловъ получили начало при самомъ заселеніи Сибири, съ основаніемъ селъ и городовъ, другіе развились впослѣдствіи, заносимые ремесленниками и заводскими рабочими изъ за Урала. Промыслы эти до послѣдняго времени занимаютъ не мало рукъ, служа важнымъ подспорьемъ крестьянскому хозяйству и удовлетворяя экономическимъ потребностямъ края. Значеніе ихъ далеко еще не выяснено, какъ и роль въ народномъ хозяйствѣ.. Сосредоточивъ всѣ свѣдѣнія, какія только мы могли найти о кустарныхъ промыслахъ въ Западной Сибири, мы пытались составить очеркъ этой промышленности, съ указаніемъ тѣхъ путей, которыми она можетъ получить дальнѣйшее развитіе.

Изъ собранныхъ нами свѣдѣній о кустарной промышленности видно, что существующіе въ Западной Сибири кустарные промыслы особенно развиты въ Тобольской губерніи, въ округахъ Тобольскомъ, Тюменскомъ, Туринскомъ, Ялуторовскомъ, Курганскомъ, Ишимскомъ и Тарскомъ; въ Томской губерніи, въ округахъ Томскомъ, Кузнецкомъ и отчасти Бійскомъ и Барнаульскомъ. Кустарныя производства существуютъ, по преимуществу, въ сѣверныхъ округахъ Тобольской губерніи, гдѣ населеніе не имѣетъ возможности получить достаточно средствъ отъ земледѣлія, но оно находится въ сосѣдствѣ округовъ плодородныхъ, изобильныхъ животными, растительными и хлѣбными продуктами. Въ лѣсныхъ округахъ Сибири явилась возможность развиться производству деревянныхъ издѣлій; мѣстности, гдѣ существуетъ обиліе звѣря и пушнины—вызвали выдѣлку шкуръ, близость ископаемыхъ продуктовъ, какъ, напримѣръ, желѣза, въ Тобольской губерніи полу-

чаемаго съ Урала, а въ Томской губерніи—съ Алтая, содѣйствовали развитію кузнечнаго и слесарнаго дѣла. Развитіе всѣхъ этихъ промысловъ обусловливалось такимъ образомъ самымъ географическимъ положеніемъ и природою края. Но кромѣ того они вызывались и другими потребностями мѣстной жизни. Отдаленность и отчужденность Сибири побуждала жителей удовлетворять необходимыя и насущныя ихъ потребности обработкой своихъ произведеній на мѣстѣ; поэтому многіе промыслы получили начало чрезвычайно рано въ Сибири и въ первое время вполнѣ замѣняли заводскую промышленность. Далѣе, многіе промыслы возникли подъ вліяніемъ торговли и запросовъ рынка на различные мѣстные продукты, которые были въ изобиліи и могли не только удовлетворять внутреннія потребности, но и представлять выгодный промыселъ для сбыта. Такимъ образомъ кустарный промыселъ получилъ два назначенія: для удовлетворенія 1) мѣстныхъ внутреннихъ нуждъ населенія и 2) для цѣли торговой промышленности. Сообразно этому назначенію должны дѣлиться и разсматриваться существующіе кустарные промыслы. Къ первому отдѣлу въ этомъ случаѣ должны быть отнесены занятія крестьянъ для выдѣлки самыхъ простыхъ предметовъ, необходимыхъ для домашняго обихода въ сельскомъ быту. Сюда относится производство одежды для своего обихода, тканье холста, выдѣлка сукна и сермяги, приготовленіе посуды, орудій хозяйства, ободьевъ, полозьевъ, оглобель, колесъ, телѣгъ, осей, витье веревокъ изъ мочала и конопли, плетеніе неводовъ и т. д. Занятія эти распространены во всемъ сельскомъ населеніи и составляютъ принадлежность большинства хозяйствъ. Они исходятъ отъ привычки и наклонности крестьянина обходиться собственными средствами, не прибѣгая къ помощи рынка и фабричнымъ продуктамъ, слишкомъ дорогимъ для него. Но различіе мѣстностей, недостатокъ матеріала въ одномъ мѣстѣ и изобиліе въ другомъ, дешевизна и навыкъ производить породили обмѣнъ и этихъ простыхъ произведеній. Такимъ образомъ получаютъ распространеніе холсты, сукна, посуда, деревянныя подѣлки, крестьянскія орудія, оси, ободья, телѣги и т. д. Въ нѣкоторыхъ округахъ постепенно выдѣлились изъ этого цѣлые промыслы, но они существуютъ не столько для торговыхъ, промышленныхъ цѣлей, сколько продукты ихъ расходятся въ средѣ сосѣдняго крестьянства. Занятія эти занимаютъ видную часть народнаго хозяйства, имѣя въ виду удовлетвореніе ближайшихъ нуждъ населенія. Они имѣютъ громадное распространеніе и обороты ихъ въ общей суммѣ превосходятъ всѣ другія производства. Такіе промыслы существуютъ вездѣ во всей мѣстности безъ различія. Не смотря на

ихъ важное значеніе, они мало замѣчаются изслѣдователями и кустарное производство заслуживаетъ вниманія только тогда, когда оно получаетъ промышленное значеніе, переходя съ крестьянскаго на торговый *купеческій рынокъ*. Нельзя сказать, чтобы промыслы эти, не смотря на ихъ простоту, не подлежали бы извѣстному совершенствованію. Напротивъ, выдѣлка холстовъ, крестьянскихъ суконъ, посуды, орудій хозяйства, составляетъ особую заботу хозяевъ и если они не совершенствуются до высшихъ техническихъ производствъ, то это означаетъ, что крестьянство не обладаетъ къ этому рѣшительно средствами и знаніями. Обработка произведеній, идущихъ на собственное крестьянское потребленіе, а не на рынокъ, должна бы между тѣмъ возбудить особое вниманіе. Это, такъ сказать, *огромная мужичья фабрика*, существующая съиздавна и сама себя поддерживающая. Исторія производства крестьянской дерюги, лаптя, бродня или сапога, въ кустарномъ значеніи для народной жизни, имѣетъ свою исторію, несравненно болѣе важную, чѣмъ исторія иныхъ мануфактуръ. Они обращаютъ тѣмъ большее вниманіе въ Сибири, что крестьянство долгое время здѣсь удовлетворяло домашними продуктами всѣмъ своимъ потребностямъ, подобно Робинзону.

Можно сказать, что народъ, вѣроятно, долго еще, благодаря возможности дешево удовлетворять свои нужды собственными произведеніями, вмѣсто дорогихъ и иногда непрочныхъ привозныхъ произведеній, остается вѣренъ *своей фабрикѣ* въ видѣ кустарей. Другой видъ кустарной промышленности образуютъ производства, получившія высшее развитіе, организующіяся въ цѣлыя промышленныя предпріятія, которыми спеціально заняты цѣлыя семьи, деревни и волости; подобныя производства отличаются отъ другихъ проявленіемъ въ нихъ большаго навыка, знанія и извѣстной техники. Они служатъ не для одного внутренняго, но и внѣшняго потребленія и подлежатъ запросу болѣе отдаленныхъ рынковъ. Промыслы эти признаются въ такомъ смыслѣ кустарными и приближаются къ заводской промышленности, составляя ремесленность и заводское дѣло, начатое иниціативою крестьянства. Обращаясь въ частности къ промысламъ Западной Сибири, видно, что изъ спеціальныхъ промысловъ, выдѣлившихся въ Западной Сибири въ прочную кустарную промышленность, дающую значительный заработокъ мѣстному населенію, принадлежитъ на первомъ планѣ *кожевенное производство* и связанное съ нимъ шитье обуви, приготовленіе рукавицъ, сбруи и проч., существующее въ округахъ Тюменскомъ, Ялуторовскомъ, Ишимскомъ, Тарскомъ, Курганскомъ, Туринскомъ и Томскомъ. Промыселъ этотъ получилъ основаніе

очень давно, перенять, какъ говорятъ, отъ бухарцевъ, жившихъ въ Тюмени, и впослѣдствіи благопріятствовалъ возникновенію заводской промышленности, которая въ Тобольской губерніи обработываетъ нынѣ кожъ на 2.500.000 руб. Рядомъ съ этимъ существуетъ и кустарное производство кожъ по деревнямъ въ видѣ мелкихъ заводовъ и ремесленниковъ. Такихъ мелкихъ кожевенныхъ заводовъ въ Тобольской губерніи весьма много; они даже всѣ не усчитаны, нѣкоторые считаютъ ихъ въ Тобольской губерніи до 219, и обработывающихся кожъ на нихъ на сумму 202.996 рублей. Но кромѣ этого обработываются и частнымъ образомъ кожи по деревнямъ. Такъ, деревня Рѣшетникова, около Тюмени, выдѣлываетъ ежегодно до 1.000 кожъ яловыхъ и 10.000 конныхъ. Въ Ялуторовскомъ округѣ существуетъ до 30 мелкихъ заведеній. Выдѣлка кожъ хотя и выдѣлила видную заводскую промышленность и даетъ нѣкоторый заработокъ кустарямъ, но развитіе этого промысла все еще ничтожно, сравнительно съ продуктами, производимыми краемъ. Вывозимыя кожи изъ Сибири питаютъ заводскую промышленность Вятской, Пермской и Казанской губерній; она же поддерживаетъ и кустарный промыселъ этихъ губерній. Въ Вятской губерніи, въ уѣздахъ Вятскомъ, Елабужскомъ, Слободскомъ и Сарапульскомъ выдѣлываются кожи, привозимыя чрезъ Пермскую губернію изъ Сибири и киргизской степи, на милліонъ рублей. Выдѣланныя кожи изъ Тобольской губерніи и преимущественно Тюменскаго округа идутъ въ Восточную Сибирь, киргизскую степь и въ Китай. Поэтому, для развитія этого промысла, въ видѣ кустарнаго и заводскаго, представляется крайне широкое поприще въ будущемъ [1]).

Рядомъ съ коженнымъ промысломъ заслуживаетъ вниманіе шорный и чеботарный промыселъ въ формѣ кустарной. Онъ вызвалъ потребность кожаной обуви для сибирскихъ крестьянъ, такъ какъ здѣсь не могутъ носить лаптей, но распространена особая обувь, бродни и чирки. Броднями называется чрезвычайно неуклюжій на видъ сапогъ, у котораго голенище изъ простой, не черненой (не крашеной) кожи, а головки черныя. Изобиліе матеріаловъ, потребныхъ на эти издѣлія, дешевизна ихъ работы, доступность цѣнъ для потребителей обезпечиваютъ успѣхъ сбыта. Обувь эта расходится въ огромномъ количествѣ изъ Западной Сибири въ Восточную на пріиски, какъ и на заводы Пермской

[1]) О кожевенной промышленности въ Тюмени можно видѣть свод. матеріаловъ о кустарной промышленности въ Россіи князя Мещерскаго, Тобольскія губернскія вѣдомости, Описаніе Тюменской выставки 1871 г., «3,000 верстъ по рѣкамъ Западной Сибири», очерки и замѣтки А. Павлова. Тюмень. 1878 г.

губерніи. Центръ этого производства—Тюмень и Тюменскій округъ, гдѣ множество ремесленниковъ берутъ кожи и на дому шьютъ эту обувь для заводчиковъ и гуртовыхъ торговцевъ. Есть деревни, какъ Рѣшетникова, изготовляющія 35.000 паръ рукавицъ и 60.000 паръ голенищъ; здѣсь же приготовляется до 18.000 хомутовъ. Въ Томской губерніи и собственно въ Томскѣ производится значительное количество сыромятной кожи, изъ которой дѣлается сбруя. Въ Томскѣ до 30 лавокъ шорнаго товара мѣстнаго производства, съ оборотомъ на 100.000 руб. Точно также развита выдѣлка чирковъ и бродней. Для одного заводчика ихъ поставляется 100.000 паръ. Въ Тобольскѣ и Туринскѣ существуетъ, кромѣ того, выдѣлка замши изъ козлиныхъ, лосиныхъ и оленьихъ шкуръ, а также приготовленіе изъ нихъ перчатокъ. Въ Алтайскомъ горномъ округѣ, въ Алтайской волости, Бійскаго округа, Томской губерніи также производится выдѣлка замши изъ буна, марала и козла и шитье изъ нихъ шароваръ, рукавицъ и перчатокъ. Рядомъ съ выдѣлкой замши, кожъ, приготовленіе изъ нихъ шорныхъ матеріаловъ и обуви могло бы составить видную отрасль производства. Собственно сибирскіе чеботари производятъ только самую грубую мѣстную обувь, но они могли бы производить также башмаки и сапоги, такъ какъ это составляетъ въ значительной части привозный товаръ. Кустари Владимірской губерніи, Шуйскаго уѣзда, шьютъ въ большомъ количествѣ обувь, сбывая ее въ Сибирь. Потребность эта легко могла бы удовлетворяться на мѣстѣ. Поэтому шорному и сапожному дѣлу въ Сибири представляется много шансовъ для развитія въ будущемъ.

Скорняжный промыселъ созданъ въ Сибири давно, благодаря изобилію мѣховъ и запросу на нихъ. Онъ состоитъ изъ выдѣлки овчинъ на тулупы для крестьянскаго населенія и въ выдѣлкѣ болѣе цѣнныхъ мѣховъ на рынки Европейской Россіи. Выдѣлка овчинъ производится въ Тюменскомъ, Туринскомъ и Ялуторовскомъ округахъ. Деревня Шатровская, Ялуторовскаго уѣзда, извѣстна выдѣлкой овчинъ и шитьемъ тулуповъ. Шитье тулуповъ производится изъ киргизскихъ и русскихъ барановъ. Кромѣ того, выдѣлываются въ разныхъ мѣстахъ Сибири шубы изъ дикихъ козъ (дохи), барановъ, сибирскіе ергаки, а значительную извѣстность и цѣнность получили сибирскія «дохи» изъ молодыхъ оленей. Выдѣлка овчинъ и тулуповъ, однако, въ Сибири далеко не получила такого развитія, какъ въ Казанской, Вятской и Владимірской губерніяхъ. Здѣсь эта промышленность даетъ пищу обширному кустарному промыслу, хотя матеріалъ для нея получается изъ той же Сибири. Шемарданъ Казанской губерніи вы-

дѣлываетъ болѣе 100.000 мерлушекъ, которыя закупаются въ Петропавловскѣ, Ирбити, Троицкѣ и Оренбургѣ. Въ Шуйскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, гдѣ овчинъ и издѣлій изъ нихъ приготовляется на милліонъ слишкомъ рублей въ годъ, сырье для него идетъ изъ Сибири. Нѣтъ основаній отрицать, что промыселъ этотъ могъ, благодаря овцеводству и изобилію овчинъ, развиться гораздо шире и сравняться съ тѣми же промыслами въ Казанской и Вятской губерніяхъ. Въ послѣднее время получила особенную извѣстность выдѣлка овчинъ и шитье замѣчательно щеголеватыхъ полушубковъ въ г. Барнаулѣ и Томскѣ. Полушубки окрашиваются съ помощью отвара сандальнаго дерева и реагента хромъ-пика; послѣдній замѣняетъ дубленіе. Составъ этотъ изобрѣтенъ извѣстнымъ ревнителемъ и поощрителемъ мѣстныхъ производствъ С. И. Гуляевымъ и вошелъ въ употребленіе [1]).

Выдѣлка пушнины и мѣховъ въ тѣсномъ смыслѣ существуетъ въ Тобольскѣ и Томскѣ. Промыселъ этотъ утвердился здѣсь давно, но не совершенствуется и не распространяется, выдѣлываютъ бѣлокъ, зайцевъ и песцовъ, красятъ ихъ, шьютъ мѣха и сбываютъ на ярмарки. Въ Тобольскѣ скорняжествомъ занимаются. по послѣднимъ свѣдѣніямъ до 50 женщинъ, выдѣлывая отъ 25 до 40 мѣховъ къ Ирбитской и Крестовской ярмаркамъ. Выдѣлывается бѣлокъ отъ 500.000 до 1.000.000, песцовыхъ шкуръ до 5.000, заячьихъ шкуръ до 10.000. На выдѣлку мѣховъ получаются заказы изъ Москвы. Въ Томскѣ существуетъ до 10 женщинъ, занимающихся скорняжествомъ и выдѣлывающихъ до 30.000 шкуръ [2]). Въ деревняхъ и волостяхъ Западной Сибири за небольшими исключеніями скорняжество совсѣмъ не развито. Хотя въ Сибири представляются всѣ условія для развитія этого промысла при существованіи значительнаго звѣроловства и добываніи мѣховъ, но существующее проявленіе его только въ двухъ городахъ показываетъ всю незначительность его, особенно если принять во вниманіе, что большинство мѣховъ вывозится изъ Сибири и обработывается въ другихъ городахъ. По Вятской губерніи выдѣлываются шкуры сибирскихъ бѣлокъ, лисицъ, куницъ, горностаевъ

[1]) Овчинное и шубное производство начало развиваться въ Барнаулѣ съ 1869 и сдѣлало значительные успѣхи. Въ 1879 г. было въ Барнаулѣ 9 шубныхъ заведеній; нѣкоторые имѣли отъ 10—25 рабочихъ. Плата мастерамъ была 150—260 руб., рабочимъ 50—90 р. Полушубки вывозились въ Восточную Сибирь. Одинъ хозяинъ Лапинъ отправлялъ ихъ въ 1877 г. до 1.000 штукъ, а всего выдѣлывается до 5.000, приблизительно тысячъ на 80 рублей. (Собранныя нами свѣдѣнія о кустарныхъ промыслахъ Алтайскаго округа).

[2]) Близъ Томска, въ дер. Аникиной, занимаются крестьянки выдѣлкой заячьихъ шкуръ и продаютъ скупщикамъ по весьма низкой цѣнѣ.

и медвѣдей. Здѣсь занято ими до 1.597 скорняковъ и заработокъ ихъ доходитъ до 747.670 рублей. Въ Шуйскомъ уѣздѣ выдѣлывается до 2.000.000 заячьихъ шкуръ и получается заработка до 200.000 руб.; сибирскій заяцъ здѣсь предпочитается прочимъ. Такимъ образомъ, если сибирскіе мѣха даютъ питаніе кустарной промышленности другихъ губерній, то скорняжество тѣмъ болѣе могло сдѣлаться господствующимъ промысломъ въ Сибири и дать значительный заработокъ населенію. Изъ продуктовъ скотоводства возникли въ Сибири, въ видѣ кустарнаго промысла, выдѣлка шерсти, производство крестьянскаго сукна, вязанье изъ шерсти шарфовъ и поясовъ, а также выдѣлка ковровъ, пимокатство и шляпное производство для мѣстнаго потребленія. Крестьянское сукно выдѣлывается въ большомъ количествѣ во всѣхъ округахъ Тобольской губерніи изъ шерсти русскихъ овецъ; по качеству это сукно крайне грубо и извѣстно подъ именемъ *сермяги*. Потребленіе его, однако, огромно: каждое почти крестьянское хозяйство производитъ его для собственной надобности. Сюда же относится тканье крестьянскихъ поясовъ, шарфовъ, варежекъ, рукавицъ и чулокъ. Производствомъ этимъ занимаются нѣкоторыя деревни Ялуторовскаго округа, какъ Исетская, Мостовая и Заводоуковская. Пояса ткутся на льняной основѣ, выдѣлка ихъ достигла уже извѣстнаго совершенства и они доходятъ стоимостью до 4 рублей лучшій. Кромѣ того, Тюменскій округъ и особенно волость Каменская извѣстны выдѣлкой ковровъ, имѣющихъ извѣстный сбытъ; деревни около Тюмени производятъ ежегодно до 20.000 ковровъ. Ковры эти расходятся по всей Западной Сибири и требуются въ Петербургъ, Москву и Варшаву. По разному достоинству своему они употребляются и для шорнаго дѣла, на попоны и подстилку саней. При всемъ искусствѣ рукодѣлья, производству этому не достаетъ техническаго знанія и умѣнья составлять рисунки и подбирать краски. Нѣкоторые изъ самоучекъ, однако, достигали извѣстнаго совершенства и на Ирбитскій ярмаркѣ появлялись ковры съ сносно сдѣланными рикунками. Производство это ждетъ своего развитія и толчка, имѣя готовую почву для развитія. Развитіе и обученіе ткацкому дѣлу въ Сибири поэтому имѣетъ громадное значеніе какъ по отношенію лучшаго удовлетворенія потребностей крестьянства въ выдѣлкѣ суконъ, холстовъ, такъ и въ смыслѣ развитія отдѣльныхъ промышленныхъ производствъ уже существующихъ въ краѣ. Къ этому же отдѣлу промысловъ относится въ Сибири выдѣлка войлоковъ, кошемъ и пимокатство. Выдѣлка лучшихъ кошемъ принадлежитъ киргизамъ, но она могла бы получить большее развитіе въ виду

потребности и пользы этого продукта. Кромѣ того, въ различныхъ мѣстностяхъ появляется пимокатный промыселъ. Въ Курганскомъ округѣ, въ волостяхъ Смоленской, Падеринской и Введенской существуютъ деревни, гдѣ почти все населеніе занимается этимъ ремесломъ. Для выдѣлки сапогъ нѣкоторые держатъ рабочихъ. Въ деревнѣ Ряповой одинъ мастеръ съ рабочими выдѣлываетъ до 5.000 паръ пимовъ и за чистоту выдѣлки имѣетъ похвальный листъ съ Тюменской выставки мѣстныхъ произведеній. Пимокатство существуетъ въ Успенскомъ заводѣ, Тюменскаго округа, гдѣ занимаются имъ до 200 человѣкъ и изготовляютъ до 10.000 паръ. Нынѣ этотъ промыселъ развивается въ Барнаулѣ и округѣ его, занесенный переселенцами. Въ 1866 году положилъ начало ему переселенецъ зырянинъ, Вятской губерніи; работать началъ одинъ; въ 1878 году занято было этимъ ремесломъ до 100 человѣкъ переселенцевъ изъ Россіи. Теперь существуютъ уже 15 заведеній, а пимы вывозятся въ Восточную Сибирь, куда ихъ отправляется до 3.000 паръ. Пимокатство и выдѣлка славятся въ Нижегородской губерніи, въ Семеновскомъ уѣздѣ. Здѣсь дѣлались пимы и шляпы, расходящіяся по всей Россіи. Переселившіеся кустари отсюда водворяютъ этотъ промыселъ и въ Сибири, они положили начало этому производству въ Екатеринбургѣ, Томскѣ, Семипалатинскѣ и Барнаулѣ. Дополненіемъ валяльнаго промысла должна быть выдѣлка шляпъ; къ сожалѣнію, это дѣло остается не развитымъ въ Сибири, но не подлежитъ сомнѣнію, что и оно можетъ существовать здѣсь, удовлетворяя нуждамъ мѣстнаго населенія.

Далѣе обращаетъ вниманіе на себя выдѣлка ситъ, существующая въ Тюменскомъ округѣ, въ деревняхъ Червичевой и Зырянской. Этимъ промысломъ занято до 400 человѣкъ; преимущественно имъ занимаются дѣти и женщины. Въ волости изготовляется до 400.000 ситъ. Нѣкоторые ситники получали дипломы на Тюменской выставкѣ. Ситы дѣлались изъ волоса, но нынѣ также приготовляются и изъ проволоки. Промыселъ этотъ могъ бы водвориться и въ другихъ мѣстахъ.

По выдѣлкѣ растительныхъ продуктовъ въ Западной Сибири существуетъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, тканье холстовъ, имѣющее примѣненіе во всѣхъ крестьянскихъ хозяйствахъ. Ялуторовскій округъ выдѣлываетъ простаго холста до милліона аршинъ, на 70.000 рублей (на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе), браннаго до 10.000 аршинъ на 1.300 руб. [1]). Лучшею выдѣлкою холстовъ извѣстны

[1]) Сводъ матеріаловъ о кустарной промышленности въ Россіи, составленный, по порученію отдѣленія статистики Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, кн. А. А. Мещерскимъ и К. Н. Модзалевскимъ.

Тюменскій, Ялуторовскій и Курганскій округа, гдѣ встрѣчаются холсты до 25 коп. аршинъ, то-есть, полотно. Холсты изъ этихъ округовъ имѣютъ очень большой районъ распространенія, они сбываются въ Восточную Сибирь и въ послѣднее время въ Туркестанъ. Не смотря на нѣкоторыя достоинства, нельзя сказать, чтобы они достигли совершества и широкаго распространенія. Они не могутъ сравняться съ производствомъ холстовъ во Владимірской губерніи, гдѣ холстъ производится для вывоза въ Москву, Петербургъ, Малороссію, и съ производствомъ Вятской губерніи; та и другая губерніи своими холстами, между прочимъ, снабжаютъ и Сибирь. Такимъ образомъ и въ этомъ производствѣ Сибирь отчасти пользуется кустарными промыслами Европейской Россіи. Въ деревняхъ Тобольской губерніи, Барнаульскомъ и Кузнецкомъ Томской ткутъ скатерти и грубые холсты. Въ улучшенномъ льноводствѣ и выдѣлкѣ холстовъ на станахъ прокладаютъ дорогу въ Сибирь тѣ же переселенцы. Около Тюмени и въ Курганѣ производится мѣшечный холстъ для торговцевъ, какъ и Барнаульскомъ округѣ. Только улучшенія въ ткацкомъ дѣлѣ могли бы поднять эту промышленность въ Сибири. Рядомъ съ этимъ идетъ и окраска выдѣлываемыхъ тканей, существующая въ тѣхъ же волостяхъ, гдѣ выдѣлываются холсты. Окраска эта едва удовлетворяетъ мѣстнымъ вкусамъ и потребностямъ.

Къ пеньковымъ издѣліямъ относится витье веревокъ, выдѣлка мережъ, сѣтей и неводовъ. Этимъ пріобрѣли извѣстность Тобольскій, Тарскій и Кузнецкій округи [1]). При обширномъ рыболовствѣ въ Сибири явился запросъ на сѣти и невода. Сначала эта потребность удовлетворялась привозными сѣтями, покупаемыми на Ирбитской ярмаркѣ, но лѣтъ 20 назадъ появилось мѣстное производство. Изъ Тобольска расходится нынѣ болѣе 1.500.000 саж. неводовъ. Тѣмъ же отличается и Кузнецкій округъ, Томской губерніи, гдѣ производятъ сѣти инородцы и продаютъ ихъ русскимъ. Замѣчательно, что производство сѣтей у инородцевъ изъ крапивы.

По выдѣлкѣ хлѣбныхъ растеній замѣтно выдѣлилось въ Западной Сибири приготовленіе пряниковъ, обусловленное мѣстнымъ паточнымъ производствомъ, которое доходитъ до 200.000 пудовъ на заводахъ Курганскаго округа. Оно распространено въ Курганскомъ и Ялуторовскомъ округахъ. Въ Курганѣ существуетъ болѣе 30 пряничниковъ, пекущихъ отъ 500 до 2.000 пудовъ пряниковъ. Полагаютъ, что производство пряниковъ въ этихъ округахъ до-

[1]) Канатное производство получаетъ особое развитіе въ Тюмени и Томскѣ.

ходитъ до 200.000 пудовъ, считая по 2 руб. пудъ, цѣнностью на 400.000 рублей. Кромѣ того, въ Западной Сибири существуетъ въ Бійскомъ округѣ и Томскѣ производство конопляпаго масла, затѣмъ добыча масла изъ кедровыхъ орѣховъ,—производство, принадлежащее исключительно Сибири, и добываніе подсолнечнаго масла, разведенное переселенцами изъ Россіи. Огромныя поля подсолнечниковъ находятся въ волостяхъ Бійскаго округа и около Усть-Каменогорска.

Затѣмъ среди кустарныхъ промысловъ видную роль играетъ лѣсная промышленность и деревянныя издѣлія, начиная съ выдѣлки посуды, кадокъ, туясовъ, лопатъ, прялокъ, бердъ, корытъ, бочекъ, кончая рамами, сундуками, мебелью, наконецъ телѣгами, колесами, дугами, ободьями и экипажами. Лѣсная производительность Сибири вполнѣ благопріятствуетъ этому промыслу, хотя онъ имѣетъ въ большинствѣ только внутреннее значеніе и едва обезпечиваетъ только мѣстныя потребности. Только изъ Тюменскаго округа деревянныя издѣлія идутъ на Ирбитскую ярмарку и въ Томскую губернію. По искусству и дешевизнѣ они, однако, далеко не могутъ сравняться съ деревянными издѣліями сосѣднихъ губерній Вятской и Пермской и особенно Нижегородской, Семеновскаго уѣзда, произведенія которыхъ господствуютъ на сибирскихъ рынкахъ. Нѣкоторые шаги въ этомъ отношеніи дѣлаютъ только точеніе посуды въ Курганскомъ округѣ, гдѣ существуютъ токари и красильщики мастера изъ Шадринскаго уѣзда, Пермской губерніи; посуда сбывается киргизамъ и въ Монголію. Обученіе токарному дѣлу въ Сибири при азіатскихъ рынкахъ могло бы принести громадную пользу. Другимъ болѣе высшимъ производствомъ является работа сундуковъ въ Курганскомъ округѣ, требующая раздѣленія занятій и нѣкотораго искусства. Всѣ желѣзные матеріалы получаются съ Уральскихъ заводовъ и вымѣниваются на хлѣбъ [1]). Въ деревнѣ Талой жители преимущественно занимаются этимъ промысломъ, но производство не широко,—выдѣлывается до 500 сундуковъ. Мебель дѣлается въ Тюменскомъ, Тарскомъ, Тобольскомъ, Томскомъ и Кузнецкомъ округахъ, преимущественно близъ городовъ. Лучшую мебель производятъ ремесленники-поселенцы и переселенцы изъ Россіи. Экипажи дѣлаются

[1]) Въ этомъ явленіи обнаруживается весьма оригинальный фактъ въ исторіи народной промышленности: потребители и производители иногда обмѣниваются безъ посредниковъ. Сибирскій земледѣлецъ-кустарь везетъ свой хлѣбъ и взамѣнъ беретъ желѣзныя поделки у другихъ кустарей, причемъ товаръ ему обходится весьма дешево, чѣмъ въ свою очередь обусловливается дешевизна и окончательнаго продукта.

въ Тобольскѣ и Тюмени. Въ Тобольскѣ цѣлыя экипажныя мастерскія. Деревянныя издѣлія въ Сибири, однако, далеко не высокаго достоинства, хотя нѣкоторыя подѣлки и сбываются на Ирбитскую ярмарку. Это зависитъ отъ того, что столярное и токарное мастерства черезчуръ слабо развиты и нѣтъ искусныхъ мастеровъ. Между тѣмъ деревянныя издѣлія въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Сибири могли бы составлять видную часть промышленности и прокормить множество ремесленниковъ. Въ Вятской и Пермской губерніяхъ промыселъ этотъ получилъ громадное значеніе. Изъ Вятской губерніи отправляется на Ирбитскую, Нижегородскую и Мензелинскую ярмарки на 15—18.000 руб. мебели. Оклейная мебель развозится въ низовыя губерніи, Сибирь и на Нижегородскую ярмарку. Сундуки изъ Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губерніи, расходятся по сосѣднимъ губерніямъ, въ Сибири, Туркестанѣ и Китаѣ. Изъ Симбирской губерніи оконныя рамы идутъ на Кавказъ, Донъ, въ Оренбургъ и Сибирь. Деревянныя издѣлія такимъ же образомъ могли бы распространяться и изъ Сибири. Нельзя не упомянуть также объ одномъ видномъ и чрезвычайно распространенномъ нынѣ промыслѣ, хотя и крайне простомъ. Это выдѣлка лубьевъ, лыкъ, рогожъ и цыновокъ. Благодаря сибирской торговлѣ, запросъ на нихъ является громадный. На Ирбитскую ярмарку отвозится однѣхъ рогожъ на 200.000 руб., коробьевъ до 50.000 р. и цѣлые обозы веревокъ всевозможной длины. Для упаковки привозныхъ товаровъ употребляется рогожа и веревки и 350.000 жителей округовъ Тарскаго, Тюменскаго и Тобольскаго получаютъ отъ своихъ лычныхъ издѣлій ежегодно дохода до 1.100.000 рублей [1]).

Къ лѣснымъ промысламъ можетъ быть отнесена сидка дегтя, существующая въ различныхъ округахъ, особенно по Тавдѣ и Иртышу. Промыселъ этотъ могъ бы быть развитъ и дать значительную поддержку жителямъ; къ сожалѣнію, способы добыванія смолы первобытны (въ ямахъ); при этомъ не добывается ни скипидару, ни терпетину.

Изъ ископаемыхъ предметовъ слѣдуетъ обратить вниманіе на выдѣлку желѣза и на слесарное производство въ Сибири. Собственно обыкновенныя кузницы разсѣяны во всѣхъ волостяхъ и селеніяхъ Западной Сибири, но желѣзное производство, какъ спеціально ремесленный промыселъ, выдается въ нѣсколькихъ округахъ. Оно проявляется въ издѣліяхъ для удовлетворенія ближай-

[1]) Примѣръ этотъ можетъ служить доказательствомъ, какой въ общемъ цѣнности можетъ достигать весьма простой продуктъ.

шихъ потребностей сельскаго населенія, въ оковкѣ телѣгъ, въ производствѣ топоровъ, косъ, сошниковъ, серповъ, ножей и экипажныхъ принадлежностей. Наконецъ, существуютъ въ тѣсномъ смыслѣ слесарни. Кузнечный промыселъ этого рода находится въ округахъ Тюменскомъ, гдѣ по числу рукъ, занятыхъ имъ, и деревень, гдѣ производится онъ, можетъ почесться наиболѣе распространеннымъ. Оковка телѣгъ занимаетъ также весьма много рукъ. Лучшія телѣжки и сани предаются здѣсь за 10—15 рублей. Около Тюмени приготовляется также до 5.000 телѣгъ въ годъ для обозовъ въ Сибирь и изъ Сибири. Въ Туринскѣ до 30 кузницъ, гдѣ выдѣлываются сошники, ножи, косы, идущія въ Восточную Сибирь и въ Ирбитъ. Кузнецы переработываютъ болѣе 2.000 пуд. желѣза. Въ Тарѣ до 15 кузницъ, гдѣ выдѣлываются сошники, топоры, ножи, оковываются экипажи и переработывается до 3.000 пуд. желѣза. Въ Курганскомъ округѣ въ двухъ селахъ Тебеньковской волости занимаются исключительно кузнечнымъ промысломъ. Здѣсь выковываются топоры, долота, сошники, гвозди, бороны и нѣкоторые кузнецы дѣлаютъ деревенскіе ножи. Произведенія эти развозятся по ярмаркамъ и идутъ въ Восточную Сибирь. Здѣсь выдѣлывается желѣза не менѣе 10.000 пудовъ. Наконецъ, въ Тобольскѣ существуютъ ружейныя мастерскія, особенно въ Сузгунѣ; но онѣ замѣчательны скорѣе по древности возникновенія, существуя съ XVIII столѣтія. Въ кузницахъ этихъ выковываются изъ полосоваго екатеринбургскаго желѣза нарѣзныя винтовки для инородцевъ, которыя идутъ въ Восточную Сибирь и на Амуръ. Не смотря на то, что ихъ выдѣлывается всего до 600 штукъ, винтовки эти весьма дешевы—до 3 руб. и цѣнятся потребителями за ихъ добросовѣстную по цѣнѣ отдѣлку. Привозныя произведенія этого рода въ Сибири весьма плохаго качества. Въ Томской губерніи существуетъ желѣзный промыселъ въ Томскомъ округѣ и Кузнецкомъ. Особенно заслуживаютъ вниманія кузницы въ Гурьевскомъ и Томскомъ заводахъ. Производство это развилось при желѣзныхъ заводахъ горнаго округа. Въ Гурьевскомъ заводѣ мастеровые забираютъ до 1.200 пудовъ желѣза и выдѣлываютъ для крестьянъ разныя подѣлки. Въ Томскомъ упраздненномъ заводѣ находится до 500 человѣкъ мастеровыхъ, которые, имѣя значительный навыкъ и знанія въ кузнечномъ и слесарномъ дѣлѣ, оставшись безъ казенныхъ работъ, превратились въ кустарей и занимаются выдѣлкой сошниковъ, топоровъ, сковородъ, котелковъ, оковкою телѣгъ, литьемъ чугунной посуды и удовлетворяютъ мѣстнымъ крестьянскимъ потребностямъ. Не смотря на пріобрѣтенныя знанія желѣзнаго дѣла и умѣнье этихъ мастеровыхъ, заработки

ихъ и сбытъ крайне ничтожны; по крайней мѣрѣ съ этой стороны слышатся ихъ жалобы. Очень можетъ быть, что, за недостаткомъ поддержки, они перейдутъ къ другимъ промысламъ, и тогда цѣлое поколѣніе кузнецовъ уничтожится. Явленіе желѣзнаго кустарнаго производства въ Западной Сибири, какъ мы видимъ, возникло благодаря сосѣдству Уральскихъ и Пермскихъ заводовъ. Развитіе его, однако, ничтожно, если мы сравнимъ желѣзные кустарные промыслы Нижегородской губерніи, гдѣ выдѣлываются гвозди, замки и проч., сбываемые въ различныя мѣста Россіи, въ Сибирь, Туркестанъ и Китай. Одинъ Горбатовскій уѣздъ вырабатываетъ стальныхъ и желѣзныхъ издѣлій, при помощи кустарей, на 2.500.000 рублей.

Для развитія желѣзнаго промысла въ Сибири есть благопріятствующія условія, богатыя руды Алтайскаго округа, лѣса, каменный уголь и огромная потребность въ желѣзныхъ издѣліяхъ какъ для мѣстнаго населенія, которое до сихъ поръ обходилось безъ желѣза, имѣя некованныя телѣги, деревянные замки и т. п., также и для золотыхъ пріисковъ. Желѣзныя произведенія могли-бы имѣть огромный сбытъ къ инородцамъ сибирскимъ, наконецъ въ Туркестанъ, Китай и особенно въ степи и Монголію [1]). Такимъ образомъ мѣстному желѣзному промыслу, какъ и заводской промышленности, въ Сибири готовится блестящее будущее. Уже Миллеръ въ прошломъ столѣтіи предсказывалъ всѣ выгоды для Сибири этого производства. Къ сожалѣнію, оно развивалось до сихъ поръ весьма туго и далеко не стоитъ на той высотѣ и въ томъ положеніи, какое бы ему слѣдовало занять въ промышленности Имперіи.

Остается упомянуть о существовавшемъ давно кустарномъ промыслѣ иконописанія и малярномъ дѣлѣ, когда-то зарождавшемся въ Туринскѣ, но нынѣ павшемъ, такъ какъ тамъ осталось всего два живописца съ небольшими мастерскими. Когда-то туринскіе ремесленники производили для крестьянъ раскрашиваніе подносовъ, посуды и даже лубочныхъ картинъ, и такимъ путемъ удовлетворяли мѣстнымъ крестьянскимъ эстетическимъ потребностямъ. На малярное дѣло существуетъ также запросъ въ Сибири, раскрашиваніе крестьянскихъ домовъ, дверей, ставень, оконъ и крестьянской мебели въ большомъ обыкновеніи; зани-

---

[1]) Въ настоящее время, сообщаетъ извѣстный путешественникъ г. Пѣвцовъ, въ Западной Монголіи выгоднѣе прочихъ товаровъ сбываются разныхъ видовъ желѣзо, особенно листовое, жесть, листовая мѣдь, котелки, желѣзныя ведра, ковши, мѣдные чайники, капканы и ловушки для звѣрей.

маются этимъ большею частью странствующіе маляры и поселенцы.

Обозрѣвая кустарную промышленность въ Сибири и ея исторію, мы находимъ, что начала ея положены во многихъ мѣстахъ очень давно, но она далеко не получила еще широкаго развитія и находится на низшей степени. Поэтому малѣйшая конкурренція и подвозъ произведеній лучшей техники убиваютъ эти производства. Нѣкоторые промыслы, вмѣсто развитія, обнаруживаютъ застой и даже паденіе; иныхъ кустарныхъ промысловъ совсѣмъ еще не возникало въ Сибири, хотя для возникновенія ихъ существуетъ много благопріятствующихъ условій. Разсматривая причины паденія и исчезновенія нѣкоторыхъ кустарныхъ промысловъ, мы замѣчаемъ, что оно совершается: 1) подъ вліяніемъ замѣны ихъ крупною заводскою промышленностью; 2) подъ вліяніемъ конкурренціи болѣе дешевыхъ и удобныхъ для употребленія произведеній, привозимыхъ изъ за Урала, создаваемыхъ утвердившимися уже кустарными промыслами въ губерніяхъ Европейской Россіи; 3) подъ вліяніемъ заводскаго привознаго продукта, обладающаго дешевизною; 4) наконецъ и самое главное, они находятся въ Китаѣ за отсутствіемъ достаточнаго техническаго знанія, могущаго развить и поддержать рождающіеся кустарные промыслы и за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ у кустарей развить и установить эти промыслы въ цѣлыя предпріятія. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ заводской промышленности бывшій кустарный кожевенный промыселъ, по выдѣлкѣ кожъ, замѣнился нынѣ заводскимъ, что можно видѣть въ Тюменскомъ округѣ; за то развилось шитье кожъ и издѣлій, оставшееся достояніемъ кустарей, находящихся, однакожъ, подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ заводчика, въ положеніи хотя и «вольнаго» независимаго работника. Многія деревянныя и желѣзныя издѣлія замѣняются привозными, такъ какъ по дешевизнѣ и лучшей выдѣлкѣ превосходятъ сибирскую кустарную промышленность; такъ конкуррируютъ ложки, сундуки и друг. Недостаткомъ техническаго знанія объясняется и состояніе на низшей ступени развитія въ Сибири такихъ промысловъ, какъ ковровое, ткацкое, токарное; наконецъ очень легко предвидѣть, что безъ совершенствованія падетъ и желѣзное производство. Не мудрено замѣтить, что кустарный промыселъ въ Сибири распространенъ и поддерживается только въ низшихъ и самыхъ простыхъ произведеніяхъ, удовлетворяющихъ вкусу и потребностямъ крестьянства, но не проявляется въ высшихъ производствахъ, требующихъ болѣе искусства. Зажиточное мѣстное населеніе, съ развитіемъ потребности, привыкаетъ до-

вольствоваться не столько мѣстными произведеніями кустарной промышленности при низкомъ и плохомъ ихъ достоинствѣ, сколько привозными, развивающими его вкусы и лучше его удовлетворяющими. Очень легко можетъ быть, что при этихъ условіяхъ мѣстному кустарному промыслу, находящемуся въ застоѣ, предвидится только паденіе. Нельзя при этомъ не замѣтить, что опаснымъ конкуррентомъ сибирскаго кустарнаго промысла является не заводъ, но наплывъ кустарныхъ произведеній изъ Россіи. Между тѣмъ, при другихъ условіяхъ кустарный промыселъ Сибири въ разныхъ отрасляхъ промышленности могъ бы совершенно удовлетворять потребности населенія на мѣстѣ и возвыситься благодаря изобилію и дешевизнѣ животныхъ, растительныхъ и ископаемыхъ сибирскихъ продуктовъ до вывоза въ другія области. Въ этомъ случаѣ, по благопріятствующимъ условіямъ въ краѣ, заслуживаютъ вниманія слѣдующіе промыслы: *кожевенный*, проложившій давно себѣ дорогу и получающій сбытъ. Кожевенная производительность Тюменскаго округа достигаетъ, по послѣднимъ отчетамъ, до 2.702.909 рублей. Въ частности въ этой отрасли обращаетъ вниманіе *замшевое производство* на сѣверѣ Тобольской губерніи и на югѣ въ Алтайскомъ горномъ округѣ. Благодаря оленеводству, промыселъ этотъ могъ бы дать значительное обезпеченіе сѣвернымъ жителямъ [1]). Поэтому, о развитіи его на сѣверѣ Сибири, какъ и существующемъ сбытѣ оленьихъ кожъ, мы считали бы весьма полезнымъ собрать подробныя свѣдѣнія. Затѣмъ заслуживаетъ вниманія *ковровый промыселъ* въ Тюменскомъ округѣ, въ послѣднія десять лѣтъ получившій особое распространеніе и сбытъ на Нижегородской ярмаркѣ. При всемъ стараніи мастерамъ не достаетъ техническаго умѣнья въ рисованіи и знаній въ окрашиваніи шерсти; все это можетъ быть достигнуто или выпискою мастеровъ, или созданіемъ ремесленныхъ заведеній для обученія. Вязанье шарфовъ, опоясокъ и окраска тканей также нуждаются въ совершенствованіи и обученіи, какъ и ткацкій промыселъ. Выдѣлка изъ овечьей шерсти, пока производящаяся въ пимокатствѣ, могла бы подняться до выдѣлки шляпъ для мѣстнаго потребленія, которая уже начинается въ Тюменскомъ округѣ. Изъ производства растительныхъ и хлѣбныхъ произведеній заявило себя только производство пряниковъ въ Курганскомъ округѣ. Но принимая во вниманіе изобиліе хлѣбныхъ произведеній и запросъ на

[1]) Замшевое производство въ Архангельской губерніи и Печорскомъ краѣ имѣетъ значительное развитіе. На выдѣлку замши здѣсь идетъ до 60.000 шкуръ, на сумму 60.000 руб. Въ Мезенскомъ округѣ было въ 1864 году 55 замшевыхъ заведеній.

нѣкоторые продукты, къ нему могло бы присоединиться вообще производство хлѣбныхъ консервовъ, коврижекъ, сухарей, вермишели и галетовъ, довольно распространенныхъ въ Сибири и расходящихся даже въ степяхъ у инородцевъ. Точно также желательно распространеніе и совершенствованіе скорняжнаго дѣла; благодаря существованію въ обширныхъ размѣрахъ звѣриныхъ промысловъ въ Сибири, столько же необходимо обученіе мѣстныхъ жителей приготовлять и солить рыбу и икру, могущее имѣть особое значеніе при богатствѣ породъ рыбы близь устьевъ Оби, въ Березовѣ и Обдорскѣ, гдѣ попытка этому уже дѣлалась [1]). Сюда же можетъ быть отнесено копченіе оленьихъ языковъ. Многіе драгоцѣнные сорты рыбы, какъ указали послѣднія изслѣдованія г. Полякова, могли бы приготовляться и за полнѣйшимъ удовлетвореніемъ мѣстной потребности вывозиться изъ Сибири съ большой выгодой даже въ Европу. Для этого обская рыбопромышленность должна перейти изъ своей хищнической фазы въ обработывающую. «Рѣка Обь, говоритъ г. Поляковъ, представляетъ для этого такой богатый матеріалъ, какой едва ли возможно найти въ какой-либо другой рѣкѣ земнаго шара. Изъ преобладающихъ рыбъ въ уловѣ р. Оби являются представители двухъ семействъ, по научной зоологической классификаціи: лососевыя и осетровыя. *Семейство лососевыхъ* (Salmonoidei); изъ него господствуютъ въ р. Оби представители рода сиговъ (Coregonus). Это — муксунъ, сырокъ, пыжьянъ, щокуръ, нельма и небольшіе сижки, неправильно называемые на Сосвѣ и въ низовьяхъ Оби селедками; они весьма близки по формѣ къ европейскому сигу — рянушкѣ. Ближайшіе родственники этимъ обскимъ рыбамъ распространены въ холодной и въ холодно-умѣренной полосѣ сѣвернаго полушарія. Они славятся въ Америкѣ, по своему нѣжному и вкусному мясу, въ особенности изъ озера Верхняго—бѣлый сигъ, мясо котораго считается лакомствомъ. Въ Западной Европѣ сиги распространены въ Альпійскихъ озерахъ Швейцаріи, особенно въ Боденскомъ и Невшательскомъ, и въ сѣверной Германіи, гдѣ пища изъ нихъ считается за лучше блюдо, хотя здѣсь они не достигаютъ значительнаго роста и не отъѣдаются такъ, какъ можно встрѣтить ихъ въ рѣкахъ и озерахъ сѣверной Россіи. Но нигдѣ представители рода сиговъ не являются въ такихъ рѣзкихъ и самостоятельныхъ формахъ, какъ въ р. Оби и, быть

[1]) Во время изслѣдованія сѣвернаго пути изъ Европы въ 1876 и 1877 гг. дѣлались опыты нѣкоторыми моряками приготовленія изъ обской рыбы сардинокъ, не уступавшихъ по качеству европейскимъ, а также и приготовлялась паюсная икра.

можетъ, въ другихъ сѣверныхъ рѣкахъ Сибири. Нѣтъ ни одной формы или, сказать проще, породы сига въ свѣтѣ, которая бы могла уподобиться по величинѣ и нѣжности мяса муксуну или щокуру, кромѣ одного, въ высшей степени рѣдкаго вида, водящагося на недосягаемыхъ рыбаку глубинахъ Онежскаго озера; нельма имѣетъ у себя соперницу только въ р. Волгѣ—бѣлорыбицу, превосходящую величиной ее и совершенно себѣ подобную представительницу изъ рѣкъ Западной Америки. Хорошо, что суровый зимній климатъ благопріятствуетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, доставкѣ этихъ рыбъ въ Россію мерзлыми; но что же до сихъ поръ обскіе рыбопромышленники сдѣлали самостоятельнаго для сколько-нибудь сноснаго приготовленія въ прокъ этой рыбы, лучшей на землѣ? Они ограничиваются только тѣмъ, что нанимаютъ, смотря по предполагаемому улову, одного, двухъ засольщиковъ-крестьянъ, съ платою каждому по 25—35 р. въ лѣто, производящихъ грязно и неряшливо засолъ по пріемамъ дѣдовъ и прадѣдовъ. А развѣ западно-европеецъ, еслибъ когда-нибудь открылся предполагаемый путь отъ устьевъ Оби моремъ на Архангельскъ и далѣе, отказался бы промѣнять свою тлѣнную селедку на хорошо приготовленнаго мѣрнаго муксуна, что бы это ему ни стоило, такъ какъ иногда рыбопромышленникъ позволяетъ себѣ пить шампанское. Тогда тѣ муксуны, которыхъ теперь портятъ засоломъ и которые все-таки доставляютъ вѣрный двойной барышъ, приносили бы тройную выгоду и, отдѣляя отъ нея *должное* на остяковъ и рабочихъ, рыбопромышленникъ получилъ бы барышъ большій, чѣмъ онъ теперь получаетъ, а все за то, что ловитъ лучшую рыбу въ наиболѣе изобильномъ его пунктѣ земнаго шара. А поучился кто-нибудь этому искусству солить или готовить рыбу, сдѣлалъ рядъ усидчивыхъ опытовъ, проѣхалъ настойчиво, съ цѣлью пріобрѣсти знаніе, Европу—нѣтъ; рыбопромышленники еще съ молоду держатъ своихъ сыновей на пескахъ, пріучаютъ ихъ ѣсть просто сырую рыбу, только что вынутую изъ воды по остяцкому обычаю. *Семейство осетровыхъ* (Shondrostei); главнѣйшіе представители этого разряда на большей части земной поверхности, гдѣ они прежде господствовали, вымерли; нынѣ они остались только въ небольшомъ количествѣ видовъ въ нѣкоторыхъ рѣкахъ Сѣверной Америки; но главнымъ центромъ ихъ распространенія на материкѣ Стараго Свѣта служитъ арало-каспійскій бассейнъ и бассейнъ Ледовитаго моря въ Сибири, со всѣми главными, впадающими въ него рѣками, изъ которыхъ Обь должна занять, конечно, по ихъ изобилію, самое видное мѣсто. Едва ли кто можетъ спорить о той громадной цѣнности,

которой заслуживаютъ осетровыя рыбы. Изъ нихъ въ Оби господствуютъ: осетръ и стерлядь. Но въ этой же степени, въ какой они здѣсь изобильны — осетръ больше на сѣверѣ, стерлядь — на югѣ, въ Иртышѣ, распространено и незнаніе способовъ, по которымъ было-бы возможно извлекать изъ нихъ надлежащую выгоду. Въ Тобольскѣ, напр., весной я видѣлъ на рынкѣ лодки стерлядокъ по 5 к. десятокъ мелкихъ, покрупнѣе по 10 к. и наиболѣе крупныя по 15 к. за десятокъ. Въ это время крестьяне продаютъ 1 пудъ икряныхъ стерлядей по 4 р. Покупая этотъ пудъ по такой цѣнѣ, можно изъ пуда икряныхъ стерлядей получить 10 фунтовъ икры и продать ее въ свѣжемъ видѣ тутъ же на рынкѣ, по 1 руб. за фунтъ; здѣсь вся обработка стерляди будетъ состоять только въ томъ, чтобъ распороть ей брюхо, достать оттуда икру, очистить ее кое-какъ и продавать; изъ самыхъ стерлядей остается сдѣлать сколько угодно пироговъ и варить уху, а продажа 10 фун. икры доставитъ еще 6 руб. барыша; такъ здѣсь и привыкли поступать промышленники. Точно также, нынѣ зимой пріѣхали въ Самарово самоѣды, привезли осетровъ, въ каждомъ пудовъ до 5—6 вѣсомъ, но при сдѣлавшейся на время оттепели, должны были ихъ отдать, и то умаливая покупщика, по 2 р. за каждаго; при томъ изъ нихъ было вынуто громадное количество икры. А все оттого, что рѣшительно нѣтъ никакого умѣнья приготовить осетровыхъ рыбъ и ихъ продукты въ прокъ. Тутъ же въ Самаровѣ была попытка дѣлать балыки. Былъ для этого призванъ изъ Тобольска ссыльный уральскій казакъ; изъ 12 данныхъ ему осетровъ, онъ дѣйствительно получилъ балыки превосходные; но по его мнѣнію, ихъ еще нужно было «довести», сдѣлать лучшими, для чего нужно было съѣздить въ Тюмень; довѣрчивый хозяинъ, конечно, согласился, казакъ уѣхалъ съ балыками въ Тюмень, тамъ на имя бывшаго своего довѣрителя по приготовленію балыковъ взялъ у кого-то денегъ и исчезъ вмѣстѣ съ балыками, такъ что теперь за нимъ и слѣдъ простылъ. О той бурдѣ, которую теперь дѣлаютъ изъ осетровой икры, я сказать что-либо не рѣшаюсь. Все говоритъ за то, что рыбопромышленнику необходимо пріобрѣтать прежде всего знанія, не только практическія, техническія, но и теоретическія. Если при твердо усвоенныхъ знаніяхъ, при рядѣ опытовъ (нужно, по крайней мѣрѣ, знать во многихъ случаяхъ, что такое герметически закупоренная банка) и ихъ примѣненіи къ практикѣ, выгода будетъ недостаточна, то нужно искать ее на всемъ обширномъ протяженіи Обской губы; а затѣмъ далѣе, за ея предѣлами, морскими промыслами въ океанѣ, нужно доказать остяку, что тамъ скрывается не путь къ его

вѣчному мученію въ «темномъ царствѣ», а источникъ для счастія и развитія человѣка». Г. Поляковъ приводитъ въ заключеніе отзывъ членовъ Бременской экспедиціи о нашемъ рыболовствѣ, о способахъ заготовленія рыбы въ прокъ. Онъ сообщилъ имъ нѣкоторыя мысли, уже высказанныя въ отчетѣ, и члены экспедиціи признали ихъ вполнѣ справедливыми, согласившись, что нѣтъ хуже метода на землѣ, по которому бы приготовлялась такая лучшая въ свѣтѣ рыба. Нынѣшній методъ приготовленія — порча рыбы, тогда какъ при лучшихъ методахъ, которые видѣли члены экспедиціи въ разныхъ концахъ земли, она бы могла легко конкуррировать съ рыбами Норвегіи, Голландіи, Америки, Сардиніи и т. д. Но не одни предметы рыболовства могли бы дать источникъ дохода въ Сибири; въ мѣстахъ, изобильныхъ рогатымъ скотомъ, можно ожидать успѣшнаго *сыроваренія*. Въ мѣстахъ, гдѣ множество дичи, могло бы существовать заведеніе для приготовленія мяснаго бульона изъ дичи, подобно основанному въ Архангельской губерніи заводу Клячковскаго. Мясной бульонъ этотъ получилъ особое распространеніе. *Лѣсопромышленность и деревянныя издѣлія* нуждаются въ распространеніи столярнаго, токарнаго, мебельнаго и экипажнаго дѣла. Наконецъ, та же лѣсопромышленность въ развитіи *смолокуреннаго производства*, которое составивъ значительный промыселъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, производство это могло бы дать успѣшный сбытъ смолы изъ Сибири за границу, при открытіи сѣверныхъ путей чрезъ устья сибирскихъ рѣкъ, подобно тому. какъ смола сбывается изъ Архангельской губерніи. *Выдѣлка смолы и скипидару* кустарнымъ промысломъ, кромѣ того, можетъ имѣть внутреннее значеніе. Скипидаръ замѣняетъ свѣтильный матеріалъ въ сельскомъ быту и можетъ снабжать города для уличнаго освѣщенія. Въ Норвегіи очищенный скипидаръ замѣняетъ керосинъ и горитъ въ лампахъ. Небольшія скипидарныя заведенія начали появляться въ Барнаульскомъ округѣ.

Далѣе особеннаго поощренія заслуживаетъ *желѣзное производство въ Сибири*, какъ имѣющее огромное значеніе въ сельскохозяйственномъ и промышленномъ быту населенія, способствующее и помогающее всѣмъ отраслямъ промышленности. Необходимо имѣть въ виду, что доставка желѣза обходится слишкомъ дорого населенію и потому крестьяне имъ мало пользуются. Между тѣмъ существованіе этого промысла указано въ Сибири самою природою при изобиліи превосходныхъ желѣзныхъ рудъ. Производство это съиздавна начало утверждаться въ Сибири, къ сожалѣнію,

не получило должнаго развитія, за недостаткомъ мастеровъ, умѣнья и предпріимчивости.

Все это указываетъ на многіе промыслы, которые могли бы имѣть въ будущемъ очень широкое примѣненіе въ Западной Сибири.

Общее обѣдненіе и паденіе мѣстныхъ промысловъ, за отсутствіемъ техническаго знанія, однако отчасти искупается новою обновляющею струею ремесленниковъ и кустарей, идущихъ въ Сибирь въ лицѣ переселенцевъ-новоселовъ. На это приходится обратить особенное вниманіе.

При изслѣдованіяхъ въ Западной Сибири и особенно наблюденіяхъ, производимыхъ въ деревняхъ, гдѣ начали прививаться ремесла, нельзя не обратить вниманія, какую важную роль играютъ новоселы-переселенцы изъ Европейской Россіи въ насажденіи кустарной промышленности въ Сибири.

Кромѣ улучшенія сельскаго хозяйства, они слывутъ лучшими кожевниками, столярами, кузнецами, пимокатами и т. д. Въ Алтайскомъ селеніи, Бійскаго округа, они привили выдѣлку кожъ. Въ Барнаулѣ за послѣднія 10 лѣтъ переселенцы положили начало, какъ мы указали, пимокатству и шубному производству; кромѣ того, изъ нихъ явились экипажники, токари, выдѣлывающіе посуду и чашки, мебельщики, мастера колокольцевъ; въ одной деревнѣ, около Барнаула, переселенецъ выдѣлываетъ скипидаръ. Тѣ же крестьяне, вблизи Барнаула, сѣютъ горчицу и дѣлаютъ горчичное масло. Малороссы, около Устькаменогорска, завели баштаны и сѣютъ превосходные арбузы, какъ сѣютъ подсолнечники для выдѣлки масла и т. д. Въ новосельскихъ деревняхъ заведены маслобойни, новаго устройства мельницы и т. п. Каждый новосельскій домъ отличается присутствіемъ ткацкаго станка. На такое важное кустарное и промышленное значеніе переселенцевъ-кустарей въ Сибири нельзя не обратить вниманія, какъ на важный факторъ народно-экономическаго развитія. Кустарный промыселъ, какъ колонизація, вообще самъ прокладываетъ себѣ въ Сибирь дорогу и нужно только этимъ воспользоваться.

До сихъ поръ попытокъ покровительствовать мѣстному промыслу и особенно стремленій къ развитію ремесленнаго образованія дѣлалось въ Сибири весьма мало. Ремесленное училище существуетъ во всей Западной Сибири только одно—въ Тобольскѣ, съ 20-ю учащимися, гдѣ преподаютъ ремесла и между прочимъ экипажное мастерство. Затѣмъ, опытъ ремесленнаго образованія положенъ въ пріютѣ, основанномъ въ Тарѣ на средства купца Нѣмчинова, гдѣ обучаютъ дѣтей шитью саноговъ и тканью ков-

ровъ. Въ деревняхъ ремесленное образованіе нигдѣ не предпринималось. Единственный обращающій на себя вниманіе былъ опытъ земледѣльческой и ремесленной школы въ Кузнецкомъ округѣ въ с. Сосновскомъ, основанной И. Ф. Каменскимъ и снабженной богатыми средствами. Ферма эта имѣла въ виду именно развитіе кустарныхъ промысловъ среди крестьянства. Исторія этой школы могла быть примѣромъ частной иниціативы, если бы не печальный конецъ ея и на препятствія въ мѣстной бюрократической средѣ. Школа эта имѣла обширную программу сельско-хозяйственнаго и ремесленнаго обученія. Здѣсь были выписаны земледѣльческія машины и орудія, построенъ кожевенный, мыловаренный и свѣчной заводы, заведены усовершенствованные ульи для пчеловодства. Училище было выстроено на 60 учениковъ, съ мастерскими, больницею и другими сооруженіями. Первоначальная затрата жертвователя была 11.000 руб. и всѣ расходы до 40.000 р. Кабинетъ Его Величества пожертвовалъ въ пользованіе фермы 400 дес. земли. Она была основана въ память посѣщенія великаго князя Владиміра Александровича. Къ содѣйствію развитія школы были привлечены три волости Кузнецкаго округа, обязавшіяся взносомъ на поддержаніе ея 90 коп. сбора души. Эту школу два года поддерживалъ учредитель и попечитель Каменскій. Кромѣ того, наблюдалъ за дѣйствіями ея мировой посредникъ Третьяковъ, умершій въ 1870 году. Въ 1871 году, по происками одного кулака, по представленію бывшаго мироваго посредника V участка Хаова, не выказавшаго сочувствія и содѣйствія ей, школа эта была закрыта и имущество ея распродано за безцѣнокъ и расхищено. Примѣръ основанія нѣкоторыхъ ремесленныхъ училищъ и Устьсосновской школы, Кузнецкаго округа, показываетъ, что потребность ремесленнаго образованія давно чувствуется въ краѣ и оно могло бы развиться при надлежащемъ сочувствіи, покровительствѣ ему и раціональной постановкѣ дѣла.

Развитіе кустарныхъ промысловъ въ Сибири въ связи вообще съ развитіемъ мѣстнаго производства должно получить особое значеніе вслѣдствіе мѣстныхъ географическихъ условій и составить впослѣдствіи одну изъ видныхъ задачъ экономической жизни края.

Мѣстныя особенности этого края состоятъ въ отдаленности его отъ европейскихъ и россійскихъ мануфактурныхъ рынковъ, что вызываетъ высокій провозный тарифъ (отъ Петербурга до Иркутска, напримѣръ, 5 руб. съ пуда). Тарифъ этотъ не можетъ не ложиться тяжестью на мѣстное населеніе и затрудняетъ пріобрѣтеніе многихъ произведеній первой потребности. Если города, а съ

ними и высшій и средній классъ Сибири въ состояніи еще хотя и по дорогой цѣнѣ пріобрѣтать привозные продукты, то большинство сельскаго населенія, вслѣдствіе возвышенныхъ цѣнъ за провозъ, лишено этой возможности. Поэтому въ Сибири крестьянское населеніе обходится безъ многаго того, что доступно домообзаводству и сельскому хозяйству въ Европейской Россіи. Этотъ высокій провозный тарифъ и разстояніе, отдѣляющее Сибирь, должны естественно побудить обратить вниманіе на развитіе мѣстныхъ производствъ для обезпеченія своего населенія.

Могутъ сказать, что желѣзныя дороги, проведенныя въ Сибирь, значительно удешевятъ провозъ произведеній и съ этимъ устранится и потребность создавать въ Сибири мѣстное заводское и ремесленное дѣло. Мы имѣемъ основаніе думать что желѣзныя дороги не въ состояніи будутъ удовлетворить всѣмъ экономическимъ потребностямъ и замѣнить здоровую, производительную, трудовую силу мѣстной народной промышленности. Желѣзныя дороги не скоро соединятъ еще отдаленнѣйшія мѣста Сибири; они соединятъ сначала мѣста ближайшія, наименѣе страдающія отъ провознаго тарифа, наконецъ провозная плата все-таки будетъ существовать и при желѣзныхъ путяхъ, и чѣмъ далѣе къ окраинамъ, тѣмъ будетъ выше. Самое значеніе для мѣстной производительности этихъ дорогъ въ послѣднее время въ Сибири возбуждаетъ опасенія, нелишенныя основанія, а именно предполагаютъ, что дѣятельность этихъ желѣзныхъ дорогъ будетъ направлена прежде всего къ вывозу сибирскихъ произведеній въ сыромъ видѣ. Между тѣмъ вопросъ о вывозѣ сырья по самой низкой цѣнѣ, такъ сказать, спекуляція на него, не можетъ разсматриваться въ смыслѣ выгоды для народной экономіи. Съ точки зрѣнія этой экономіи всегда будетъ имѣть болѣе значенія обработка собственныхъ произведеній на мѣстѣ, давая трудъ населенію, повышая его рабочую плату и путемъ обработки возвышая цѣну мѣстныхъ произведеній природы.

Вторая географическая особенность Сибири, побуждающая къ насажденію и развитію производительныхъ силъ, это—сосѣдство съ азіатскими странами и значительное число инородцевъ какъ входящихъ въ составъ сибирскаго населенія, такъ и прилегающаго къ границамъ. Сибирь по отношенію къ сосѣднимъ дикарямъ и рынкамъ Азіи должна когда-нибудь играть роль мануфактурнаго рынка. Если дороги заводскія и мануфактурныя произведенія для Сибири, то можно себѣ представить, какъ должна повыситься цѣна ихъ на среднеазіатскихъ, туркестанскихъ и монгольскихъ рынкахъ. Для того, чтобы снабжать эти рынки нашими

произведеніями и сколько-нибудь конкурировать съ произведеніями иностранными, проникающими въ Азію, а также сдѣлать эти произведенія для азіатцевъ доступными по цѣнѣ и склонить ихъ къ пріобрѣтенію предметовъ нашего производства, мы должны подвинуть самое производство какъ можно ближе къ ихъ границамъ; въ этомъ случаѣ Сибирь должна представить наиболѣе соотвѣтствующій этимъ цѣлямъ районъ. Если различныя подѣлки и произведенія, въ томъ числѣ и предметы кустарной промышленности, проникаютъ изъ Россіи въ Монголію, Китай и Туркестанъ, то можно представить себѣ, на сколько усилится сбытъ ихъ при развитіи сибирской промышленности.

Вотъ тѣ основанія, которыя, по нашему мнѣнію, обѣщаютъ этой промышленности несомнѣнное будущее. Но если желать какой-либо формы ея, то несомнѣнно такой, которая наиболѣе обезпечитъ мѣстное населеніе и останется въ рукахъ народа-производителя, а такою формою и является кустарная промышленность. Находясь нынѣ въ первобытной и самой простой формѣ, она, питаемая знаніемъ, несомнѣнно когда-нибудь получитъ высшее и болѣе прочное развитіе. не измѣняя ни своего внутренняго содержанія, ни организаціи.

Въ видахъ изученія народнаго хозяйства и оцѣнки роли кустарной промышленности на нашихъ окраинахъ, весьма желательно было бы собраніе наиболѣе подробныхъ свѣдѣній. Мысль объ этомъ среди мѣстной администраціи являлась во время управленія Западною Сибирью генералъ-губернатора Казнакова, но дѣло это не получило развитія, направясь обыкновеннымъ бюрократическимъ путемъ, а чиновникъ отъ министерства финансовъ, присланный нарочно съ этою цѣлью, не опубликовалъ доселѣ ровно никакихъ данныхъ.

Въ числѣ мѣръ, рекомендуемыхъ нынѣ для развитія кустарнаго промысла въ Сибири, находятся слѣдующія:

1) Образованіе ремесленнаго обученія при сельскихъ школахъ.

2) Образованіе стипендіатовъ и обученіе кустарнымъ промысламъ лицъ сельскаго сословія.

3) Снабженіе кредитомъ артелей кустарныхъ промышленниковъ, такъ какъ артельное производство представляетъ болѣе залоговъ и обезпеченія развитію промысла.

4) Привлеченіе въ различные округа Сибири такихъ ремесленниковъ, кои могли бы оказать услугу существующимъ промысламъ и положить начало новымъ промысламъ, возможнымъ по мѣстнымъ условіямъ.

Для поощренія ремесленнаго обученія и промысловъ при сель-

скихъ школахъ было бы полезно, конечно, вызвать инициативу самихъ сельскихъ обществъ; къ сожалѣнію, наши сельскія общества являются для подобнаго дѣла слишкомъ неподготовленными и малоразвитыми. Мѣстная администрація, состоящая изъ земской полиціи, въ этомъ случаѣ можетъ быть весьма мало пригодна; земскихъ же органовъ, могущихъ осуществить прочно это дѣло, къ сожалѣнію, въ Сибири не существуетъ еще.

Однимъ изъ первыхъ практическихъ вопросовъ, которымъ долженъ обусловиться успѣхъ дѣла при учрежденіи ремесленнаго обученія въ селеніяхъ, будетъ пріисканіе способныхъ и хорошихъ учителей мастеровъ, которые бы не только могли возвысить въ техническомъ отношеніи существующіе въ этой мѣстности промыслы, но и ввести другіе новые. Выборъ такихъ лицъ, конечно, будетъ весьма затруднителенъ въ первое время при низкомъ уровнѣ знаній мѣстныхъ кустарей. Но вопросъ этотъ намъ кажется будетъ легко разрѣшимъ, если рядомъ будетъ обращено вниманіе на привлеченіе на извѣстныхъ условіяхъ опытныхъ кустарей по различнымъ отраслямъ производства изъ европейской Россіи. Мѣра эта можетъ имѣть очень важное значеніе въ распространеніи и насажденіи въ Сибири кустарнаго промысла. Въ различныхъ губерніяхъ Россіи, какъ доказываетъ исторія кустарнаго дѣла, многія производства возникли благодаря передвиженію кустарей и мастеровъ. Въ этомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія образованіе мебельнаго производства въ Вятской губерніи, гдѣ одинъ помѣщикъ выписалъ изъ Казани мебельнаго мастера нѣмца, у котораго выучились въ мастерской мебельному дѣлу крестьяне, а затѣмъ разнесли и распространили это ремесло по деревнямъ. Нѣкоторые, случайно зашедшіе въ деревни Казанской губерніи, кожевники научили выдѣлывать кожи татаръ и создали цѣлый промыселъ. Въ Симбирскую губернію выдѣлку кожи занесли переселенные сюда крестьяне. Въ этомъ случаѣ вызовъ и переселеніе кустарей изъ губерній россійскихъ въ Западную Сибирь можетъ дать богатые плоды. Вызовъ этотъ можетъ быть сдѣланъ по сношеніи съ земствами изъ такихъ губерній и округовъ, гдѣ уже имѣетъ извѣстность какой-нибудь промыселъ и гдѣ малоземеліе и ничтожная плата за трудъ побуждаетъ ремесленниковъ къ переселенію. Кустари должны быть привлекаемы въ тѣ округа, гдѣ ремесло и знаніе ихъ принесутъ наиболѣе пользы. Въ видахъ привлеченія ихъ слѣдуетъ дать переселяющимся льготы, установленныя для переселенцевъ по вызову правительства (въ VII томѣ св. закон. уставъ о благоустр. въ казен. селеніяхъ). Кромѣ того, переселяющимся кустарямъ, не оставившимъ еще земледѣлія, будетъ не-

безъизвѣстно, что для государственныхъ крестьянъ въ Сибири дается надѣлъ въ 18 десятинъ. Все это можетъ привлечь подобныя полезныя силы и составить истинную пользу для края [1]).

Другою мѣрою созданія кустарей и ремесленниковъ для поднятія мѣстныхъ производствъ можетъ служить посылка на счетъ сельскихъ обществъ лицъ для обученія въ тѣ мѣста, гдѣ нѣкоторые кустарные промыслы и производства получили извѣстность. Мѣра эта можетъ быть осуществима, конечно, тогда, если полезность этой мѣры войдетъ въ сознаніе крестьянскаго общества.

Наконецъ, какъ мѣра, необходимая развитію и укрѣпленію кустарнаго промысла, должно быть доставленіе кредита кустарямъ, что можетъ быть достигнуто организаціей ссудныхъ товариществъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ промыслы эти получаютъ развитіе. Въ различныхъ мѣстахъ Западной Сибири основываются уже ссудныя товарищества; желательно было бы, чтобы ссуды ихъ приспособлялись къ развитію подобныхъ производительныхъ промысловъ. Для образованія и развитія кустарныхъ промысловъ всегда предпочитается ссуда не въ одиночку, но артелямъ, въ видахъ какъ поощренія промысла, такъ и взаимнаго обученія. На такихъ началахъ кустарнымъ артелямъ открывало кредитъ въ губерніяхъ европейской Россіи земство. Нечего говорить, что фундаментальная поддержка и развитіе этихъ промысловъ въ интересахъ народнаго хозяйства должна будетъ составить видную задачу будущаго сибирскаго земства, котораго давно ждетъ Сибирь и которое должно будетъ дать толчокъ экономическому развитію внутреннихъ силъ этой отдаленной, но богатой задатками жизни страны.

---

[1]) Что касается мѣры размѣщенія по округамъ знающихъ ремесла ссыльнопоселенцевъ и сосланныхъ за преступленія, то, не отрицая, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ исправиться и оказать нѣкоторую пользу въ настоящемъ дѣлѣ, позволительно сомнѣваться вообще о способности подобныхъ лицъ къ труду при нравственной испорченности ихъ и тѣмъ менѣе можно ожидать, чтобы они могли усвоить благія воспитательныя цѣли, какъ и быть выбраны въ руководители и учители мѣстнаго крестьянскаго населенія.

ГЛАВА XII.

УПРАВЛЕНІЕ СИБИРЬЮ И РЕФОРМА СПЕРАНСКАГО.

Затрудненія въ дѣлѣ управленія Сибирью за отдаленностью края.—Эпоха воеводскаго управленія, ея недостатки.—Воеводскій произволъ и злоупотребленія.—Петровскій періодъ.—Ревизіи въ Сибири. — Нравы чиновничества. — Пестель и Трескинъ въ Сибири.—Борьба съ городскими обществами.—Сибирскій доносъ.—Назначеніе Сперанскаго, его ревизія, открытіе злоупотребленій.—Взглядъ Сперанскаго на управленіе Сибирью.—Законодательныя работы.—Сибирскія учрежденія 1822 г. — Достоинства и недостатки учрежденій. — Результатъ 50-ти-лѣтней практики сибирскихъ учрежденій. — Новые административные проекты. — Современныя задачи управленія.

Управленіе Сибирью было сопряжено всегда съ громадными затрудненіями, такъ какъ она представляла собою завоеванный край, въ которомъ приходилось удерживать новоприобрѣтенныя земли, усмирять инородцевъ, вести дипломатическія сношенія съ азіатскими странами, заводить торговлю, отыскивать промыслы, колонизировать страну и обезпечивать ея продовольствіе. Къ этому еще присоединялась чрезвычайная отдаленность Сибири отъ Москвы и Петербурга на цѣлыя тысячи верстъ, а слѣдовательно—и отъ правительственнаго надзора. Въ этомъ и состояла всегда «особенность управленія» этимъ краемъ. Съ одной стороны, свойство дѣятельности въ краѣ вызывало особыя полномочія, быструю распорядительность и обозрѣніе дѣлъ на мѣстѣ, съ другой — отдаленность края требовала особеннаго контроля и надзора за правителями, такъ какъ въ этомъ краѣ всего легче могли развиться злоупотребленія, произволъ и самовластіе. Въ преобладаніи того или другого изъ этихъ началъ, въ борьбѣ ихъ и трудности соединить обѣ эти задачи, заключается вся исторія сибирскаго управленія и до Сперанскаго, и послѣ него.

Въ древнее время посылались сюда воеводы, облеченные громадною властью; имъ предоставлялось неограниченно завѣдывать

всѣми частями управленія: войскомъ, судомъ, сборомъ ясака, ссыльными [1]); кромѣ того, имъ поручались промышленныя казенныя монополіи: торговля мѣхами, виномъ, табакомъ, ревенемъ, мамонтовою костью и проч. Сначала правительство во взглядѣ на Сибирь руководствовалось завоевательными соображеніями, потомъ фискальными. Управленіе ввѣрялось совершенно усмотрѣнію воеводъ: «дѣлати по тамошнему дѣлу и по своему высмотру, какъ пригоже и какъ Богъ вразумитъ», говаривалось въ инструкціяхъ. Воеводы опредѣлялись почти въ каждый изъ городовъ, причемъ воеводы Тобольскіе назывались иногда Сибирскими, они не были подчинены другъ другу и не имѣли между собою никакой связи на мѣстѣ, сносясь съ «Сибирскимъ приказомъ» непосредственно. Воеводы перемѣнялись очень часто: «независимо отъ смѣны отдѣльныхъ воеводъ, вслѣдствіе открывавшихся злоупотребленій по челобитнымъ и доносамъ товарищей или дьяковъ, были еще общія раскассированія воеводъ, примѣнявшіяся съ воцареніемъ новаго государя или при иныхъ обстоятельствахъ», пишетъ г. Фойницкій, изучавшій сибирскія дѣла этого времени. «Кажется, это было сознательной мѣрой политики, направленной къ тому, чтобы воеводы долго не засиживались и не дѣлались слишкомъ смѣлыми въ злоупотребленіяхъ» (Управленіе ссылки И. Я. Фойницкаго). Полная перемѣна воеводъ повторяется въ 1629, въ 1635 г. и позднѣе. Другая мѣра обезпеченія власти противъ чрезмѣрнаго усиленія и неправильныхъ дѣйствій воеводъ состояла въ назначеніи имъ помощниковъ, товарищей и дьяковъ. Несмотря на то, что они могли доносить на воеводу, дѣла не улучшились и соревнованіе властей вело только къ интригамъ, не устраняя произвола и беззаконій. Въ первое же время безконтрольность воеводъ породила такія злоупотребленія, что высшее московское правительство должно было начать борьбу съ ними. Чтобы предупредить злоупотребленія воеводъ, имъ запрещалось имѣть мѣховъ и имущества болѣе, чѣмъ необходимо; по возвращеніи ихъ изъ Сибири, ихъ обыскивали съ женами, дѣтьми и домочадцами; но столь наивныя мѣры, конечно, не помогали злу. Воеводы наживались, да и на самое назначеніе они смотрѣли какъ на наживу. Самая нажива и хищничество считались совершенно законнымъ, естественнымъ въ новозавоеванномъ краѣ и выработывались постепенно исторіей и жизнью этой страны. Военный поборъ и контрибуціи постепенно переходили во взятку

[1]) Полн. Собр. Закон. № 561.

при гражданскомъ управленіи; «полонъ» переходилъ въ кабалу и рабство инородца съ татарина переносилось на русскаго; военачальническая власть со всѣми привычками оставалась и при гражданскомъ управленіи,—рѣзкой черты между ними не было; абсолютное повиновеніе, требуемое завоевателемъ, переносилось и на колониста; промышленная монополія въ пользу правительства возбудила духъ той же промышленной наживы и въ воеводахъ, эксплуатація всякаго рода практиковалась какъ частными лицами, такъ и воеводами. Взглядъ на край, какъ на мѣсто наживы, былъ твердо усвоенъ сверху до низу. Страна эта не имѣла и тѣни гражданскаго полноправія, и потому вплоть до настоящаго столѣтія славилась громаднымъ взяточничествомъ. Строгіе указы противъ грабителей посылались сюда постоянно, воеводъ часто смѣняли, отдавали подъ судъ, иногда даже били кнутомъ, но все это не помогало дѣлу. Разные «конфузіи» и безпорядки въ Сибири не прекращались, и отъ позднѣйшихъ управителей обыватели терпѣли по-прежнему «несносное разореніе». Петровская эпоха представляетъ дезорганизацію прежнихъ учрежденій и замѣну ихъ новыми. «Въ теченіе почти всего XVIII ст. вѣдѣніе судьбами Сибири представляло пеструю и постоянно измѣнявшуюся картину. Сибирскій приказъ съ подчиненіемъ сенату утратилъ всякое. значеніе. Съ своей стороны, сенатъ, обремененный массою дѣлъ, не могъ имѣть времени для разрѣшенія текущихъ вопросовъ сибирскаго управленія. Множество самостоятельныхъ центральныхъ вѣдомствъ, другъ отъ друга независимыхъ, рѣшавшихъ сибирскія дѣла, породили разрозненность и спутанность въ управленіи. Власть, потерявъ единство, не нашла гармоніи и въ Сибири. Въ началѣ мѣстное управленіе раздвоилось: подлѣ тобольскаго губернатора явился независимый отъ него иркутскій вице-губернаторъ. Въ 1764 г. Сибирь раздѣляется окончательно на два губернаторства. Введеніе губернскаго управленія умножило въ Сибири число инстанцій, увеличило переписку, а съ нею—медленность производства и преобладаніе канцеляріи, открывавшія широкую дверь своеволію и злоупотребленіямъ» (Фойницкій). Общее губернское учрежденіе въ Сибири введено было въ 1782 и 1783 гг. безъ всякаго соображенія съ мѣстными особенностями края, прибавляетъ тотъ же авторъ. Оно не дало ни большаго единства, ни гарантій отъ злоупотребленій. Сибирь раздѣлилась на три намѣстничества, въ которыхъ учреждено два генералъ-губернаторства: тобольское и иркутское. Во всѣхъ намѣстничествахъ общее учрежденіе было введено на всемъ его пространствѣ, со всѣми верхними и нижними расправами, надворными судами, совѣстными судами и пр.

Границы уѣздовъ были назначены безъ соображеній съ мѣстными условіями, и во многихъ пустыняхъ появились полные уѣздные штаты. Число инстанцій умножилось, но и медленность увеличилась. Въ 1797 г. генералъ-губернаторства были упразднены, упразднено и колыванское намѣстничество, въ части котораго — Алтайскомъ горномъ округѣ, взамѣнъ учреждено горное управленіе, независимое отъ гражданскаго начальства. Тобольское и иркутское намѣстничества были переименованы въ губерніи, но въ Иркутскую губернію назначенъ военный губернаторъ съ гражданской властью. Для сокращенія производства, всѣ среднія мѣста закрыты и совѣстные суды также уничтожены. Такимъ образомъ, шла безпрестанная административная планировка. Смѣна намѣстничествъ, генералъ-губернаторствъ и проч., задачи управленія не разрѣшала. «Отсутствіе всякаго надзора въ центрѣ, разрозненность власти на мѣстѣ, были характеристическими чертами этой эпохи», говоритъ изслѣдователь. «Злоупотребленія служилыхъ людей не только не унимались, а продолжались съ большею силою». Власть воеводъ всецѣло переходитъ къ намѣстникамъ и генералъ-губернаторамъ, при этомъ она является на столько же обширна и безконтрольна. Отсюда тѣ же послѣдствія—произволъ, самовластіе и развитіе злоупотребленій.

Начиная съ Петра I, наказанія правителей усилились: ихъ ссылали на каторгу, имъ вырывали ноздри, били кнутомъ, рубили головы; но ни казни, ни каторга не могли истребить того, что до мозга костей проникло въ нравы. Взяточничество и послѣ петровской реформы осталось такимъ же, какимъ было и до нея. «Крестьянамъ,—писалъ де-Геннинъ Петру—крестьянамъ бѣднымъ разореніе отъ судей, и въ городахъ отъ земскихъ управителей, и въ слободахъ зѣло тягостно и безъ охраненія, а купечество же и весьма разорилось, такъ что едва посадскаго капиталиста сыскать можно. И хотя здѣсь всѣмъ извѣстенъ *экземпель*, учиненный князю Гагарину (т.-е. казнь его за взятки), однако, здѣсь въ Сибири не унимаются бездѣльники. Отъ земскихъ коммиссаровъ лишніе сборы чинятъ и обиды народу. Судебные коммиссары дѣлаютъ великія пакости и неправды. И хотя челобитныя и донесенія на нихъ отъ бѣдныхъ людей есть, но никакого розыска и рѣшенія не чинится, и на кого бьютъ челомъ, тѣ по волѣ ходятъ, и знаемо (т.-е извѣстно), что такимъ врамъ потачки отъ надворныхъ судей. Также объ учиненныхъ обидахъ отъ солдатъ разсмотрѣній и резолюцій не чинится. А камериры своимъ подчиненнымъ, также надворные судьи и магистратъ своимъ подчиненнымъ потакаютъ». Изъ этой картины, представленной де-Геннином, видно, что взяточниче-

ство и поборъ охватывали въ XVIII-мъ ст. въ Сибири всѣхъ лицъ, всѣ учрежденія, съ высшаго до низшаго, всѣ судебныя и административныя должности. Брали всѣ, начиная съ губернатора и кончая канцеляристомъ; брали всѣмъ, что имѣлъ обыватель. Такъ дѣло идетъ въ продолженіе всего XVIII-го столѣтія. Жолобовъ, казненный въ 1736 году, «злохитростными вымыслами, изъ великихъ себѣ взятокъ составилъ огромное состояніе»; онъ бралъ всѣмъ, начиная съ золота и драгоцѣнныхъ мѣховъ, кончая мясомъ и яйцами. Иркутскій ревизоръ Крыловъ вымучилъ у иркутскихъ жителей однѣми деньгами до ста-пятидесяти-пяти тысячъ рублей. Развитіе злоупотребленій являлось слѣдствіемъ настолько же громадной власти, сосредоточенной въ однѣхъ рукахъ, насколько и полной безконтрольности. Правители, пока жили въ Сибири, не боялись никого и ничего. Часто они не обращали вниманія на царскіе указы и дѣйствовали наперекоръ имъ. Такъ, какой-то воевода Вяземскій, не только «дворовъ и пашенъ, и сѣнныхъ покосовъ охотникамъ, согласно царскому указу, не далъ, но и посыльщика, съ которымъ была послана царская грамота, убилъ и изувѣчилъ». Власть надъ личностью и имуществомъ при такомъ порядкѣ дѣлъ была полная. Воеводы и губернаторы въ XVIII-мъ столѣтіи отличались желѣзнымъ управленіемъ. Тѣлесныя наказанія, кнуты, темницы и пытки, «огонь и желѣзо» были орудіями этого управленія. Произвольныя конфискаціи имущества, заточеніе и казни личностей, которыхъ имущество хотѣлъ пріобрѣсти воевода, были въ полномъ ходу. Нигдѣ самовластіе не достигало такихъ размѣровъ, нигдѣ правители не являлись такими всемогущими, какъ въ Сибири, въ прошломъ столѣтіи. Они окружали себя царскими почестями и пользовались неограниченной властью. Уже воеводы задавали пиръ на весь міръ, и кто къ нимъ не являлся на торжество, долженъ былъ доставлять приношеніе. Генералъ-губернаторъ Гагаринъ употребилъ свою власть въ Сибири, чтобы скопить огромное состояніе; онъ украсилъ домъ свой какъ дворецъ, на потолкѣ у него былъ акварій съ дорогими рыбами, лошади подковывались золотомъ и серебромъ. Намѣстники еще болѣе кичились властью, и въ 1782 г., когда Кошкинъ открывалъ намѣстничество, онъ стоялъ на императорскомъ тронѣ и принималъ поклоненіе отъ всѣхъ сибирскихъ народностей. При немъ также задавались пиршества для народа съ жареными быками. Дворы губернаторскіе были набиты челядинцами. У Чичерина было 150 гайдуковъ; Якоби привезъ съ собою 40 человѣкъ однихъ музыкантовъ. Нѣмцовъ завелъ лейбъ-стражу, подъ названіемъ «глухой команды». Въ Иркутскѣ одинъ губернаторъ, изъ подра-

жанія архіерею, которому звонили, приказалъ при своемъ выѣздѣ стрѣлять изъ пушекъ. Главный начальникъ Нерчинскихъ заводовъ, Нарышкинъ, устроивалъ пиры, разбрасывалъ казенныя деньги, составилъ себѣ лейбъ-стражу изъ крестьянъ и каторжниковъ, изъ бурятъ сформировалъ *красный гусарскій* полкъ и бралъ мирные города. Словомъ, сибирскіе управители стремились постоянно къ «вицеройству», ихъ охватывало упоеніе властью, и они желали выказать себя безотвѣтственными и вполнѣ независимыми. Генералъ-губернатора Гагарина даже подозрѣвали, что онъ хотѣлъ отдѣлить Сибирь и сдѣлаться независимымъ. Другіе правители не уступали ему въ пышности и гордости. Стремленіе къ вицеройству отзывалось и далеко позднѣе въ сибирской исторіи: оно вошло въ привычку правителей. Сибирскіе правители, привыкая распоряжаться независимо, часто даже сами начинали убѣждаться, что они никому не обязаны отчетомъ и не признавали являвшихся на смѣну личностей. Отдаленная провинція, поэтому, не разъ повергалась въ анархію. На смѣну взяточника Жолобова, напримѣръ, въ 1733 г. явился новый губернаторъ Сытинъ, но по пріѣздѣ онъ захворалъ и вскорѣ умеръ, поручивъ исполненіе своей должности полковнику Бухольцу. Но Бухольцъ, не имѣя предписанія свыше, не смѣлъ ѣхать въ Иркутскъ. Жолобовъ также не признавалъ своей смѣны. Тогда въ Иркутскѣ составилось временное правительство изъ подъячаго Татаринова, атамана Лисовскаго и епископа Иннокентія. Члены этого временнаго правительства убѣдили иркутское общество просить сибирскую канцелярію назначить губернаторомъ *малолѣтняго сына Сытина*, подъ опекою полковника Бухольца. Но Жолобовъ, путемъ интригъ, и упросивъ бургомистра и купцовъ подать голосъ за него, снова добился исправленія должности. Получивъ указъ опять о назначеніи, онъ обрушился местью на подъячаго Татаринова и всѣхъ, кого считалъ врагами, въ томъ числѣ Литвинцева. Онъ ставилъ ихъ на правежъ, билъ палками и истязалъ. Покончивши съ одними, Жолобовъ принимался за другихъ. Наконецъ, пріѣхалъ слѣдователь, бригадиръ Сухаревъ, и положилъ конецъ этимъ гоненіямъ. Для обузданія Жолобова и гонимыхъ имъ лицъ, Сухареву дана была цѣлая рота солдатъ. Подобно Жолобову, и многихъ другихъ правителей приходилось смѣнять только силою; точно также только при помощи военной команды могли смѣнить слѣдователя Крылова; смѣняли такимъ же путемъ и другихъ чиновниковъ. Изъ этого уже видно, какъ разросталась власть сибирскихъ правителей. Нечего говорить, что передъ такою силою все должно было преклоняться, все трепетало. Въ случаѣ сопротивленія, при малѣйшихъ жалобахъ и оппо-

зиціи, на жителей обрушался терроръ правителей, какимъ ознаменовывали себя Жолобовъ, Крыловъ и другіе. Не только пытки и кнуты были въ употребленіи, но прежніе правители нерѣдко примѣняли и смертную казнь.

Въ этотъ древній періодъ единственнымъ обузданіемъ мѣстныхъ начальниковъ для правительства служила ихъ строгая кара. Но какъ ихъ ни подвергали отвѣтственности, какъ часто ни смѣняли, положеніе дѣлъ не измѣнялось. Являлись изрѣдка ревизоры для обслѣдованія дѣлъ на мѣстѣ, но, подобно Крылову, посланному при Екатеринѣ, преслѣдуя предшественниковъ, они сами доходили до величайшаго своеволія и сами начинали обирать жителей, пользуясь предоставленною имъ силою. Словомъ, каждая власть, какая только ни являлась въ Сибирь, немедленно же, въ силу особыхъ обстоятельствъ, преображалась, усвоивала самовластіе и предавалась наживѣ.

Мы уже указали, что причины этого крылись не въ отдѣльныхъ личностяхъ, но въ томъ положеніи, какое предоставлялось правителямъ въ этой отдаленной странѣ. Они незамѣтно пріобрѣтали привычки самовластія, вдали отъ контроля, при неограниченныхъ уполномочіяхъ, точно также какъ развитіе злоупотребленій, не встрѣчая ни откуда препятствій, явилось естественнымъ при отдаленности края и при тѣхъ искушеніяхъ къ обогащенію, какія представлялъ край. На это указалъ впослѣдствіи Козодавлевъ въ запискѣ своей, внесенной въ Государственный Совѣтъ.

Конецъ и начало нынѣшняго столѣтія повторили характеръ и нравы предшествовавшей эпохи въ сибирскомъ управленіи. Въ это время думали уничтожить зло большимъ довѣріемъ главнымъ начальникамъ и усиленіемъ ихъ власти. Для этого, въ 1783 г., было открыто въ Иркутскѣ намѣстничество. Первымъ намѣстникомъ иркутскимъ и колыванскимъ былъ генералъ-поручикъ Якоби. «Губернія была раздѣлена на четыре области, и все это чиноначаліе деспотствовало», говоритъ иркутскій лѣтописецъ. Самъ Якоби былъ сатрапъ-сибаритъ. «Одно осталось о немъ въ памяти иркутянъ: пышно-весело жилъ». Подъ конецъ онъ отданъ былъ подъ судъ и томился подъ нимъ десять лѣтъ. «Мѣстное населеніе, подавленное, истощенное самовластіемъ и поборами,— говоритъ г. Вагинъ, — имѣло только одно средство — бороться съ ними жалобами и доносами». Въ прошлое столѣтіе жалоба и доносъ наказывались весьма жестоко, тѣмъ не менѣе видимъ, какъ во время террора Жолобова и Крылова жители и подсудимые выкрикивали «слово и дѣло», чтобы какъ-нибудь добиться правосудія, тогда подсудимаго заковывали, подъ строжайшимъ при-

смотромъ отсылали въ Москву или въ Петербургъ, гдѣ вновь ставили на правежъ, причемъ онъ долженъ былъ объявить, о чемъ зналъ. Иногда успѣвали подсудимые разоблачать, что дѣлается въ Сибири и приносить свои жалобы, и тогда-то вотъ посылались ревизіи, какъ при Жолобовѣ. Въ концѣ прошлаго столѣтія общество стало смѣлѣе въ жалобахъ и доносахъ по поводу злоупотребленій. Вѣроятно, этому способствовало уничтоженіе «тайной канцеляріи». Но повѣрка доносовъ была затруднительна, обвиняемые всегда находили множество средствъ оправдаться. Дѣйствительно, управители Сибири долго и много отписывались, пока совершенно не запутывали дѣла. Примѣръ можно было видѣть на дѣлѣ Якоби. По этому поводу Екатерина надписала на немъ: «читано предъ нами нѣсколько тысячъ листовъ подъ названіемъ сибирскаго якобіевскаго дѣла, изъ коего мы иного ничего не усмотрѣли, кромѣ ябеды, сплетенъ и кляузъ». Этими словами было положено подозрѣніе на сибиряковъ, подозрѣніе совершенно неоправдавшееся, которое послужило къ дальнѣйшимъ недоразумѣніямъ. «Слова эти были клеймомъ на сибиряковъ, — говоритъ иркутскій лѣтописецъ, — за которое они впослѣдствіи дорого поплатились. Горе отдаленной провинціи,—прибавляетъ онъ,—ежели правительство поставитъ между ей и собою оплотъ предубѣжденія». Тѣмъ не менѣе, къ правителямъ Сибири правительство начинало быть бдительнѣе. Такъ, Нагель, при Павлѣ I, былъ привезенъ изъ Иркутска съ фельдъегеремъ для личнаго объясненія съ государемъ по поводу какого-то доноса, и снова возвращенъ, когда императоръ Павелъ вспомнилъ, что его зналъ въ какомъ-то полку. Въ это время смѣны правителей дѣлаются только чаще. Такъ, послѣ Штрандмана, былъ въ Иркутскѣ Леццино, гордый, надменный и сухой, какъ говоритъ о немъ лѣтописецъ. Леццино этотъ не поладилъ съ коммиссаріатскимъ начальникомъ Новицкимъ и вызвалъ жалобы иркутскихъ жителей, увлекшись разведеніемъ огородовъ, обсаживаніемъ города березками и проч.. чѣмъ тяготились жители. На ревизію прибылъ немедленно сенаторъ Селифонтовъ. Онъ сошелся съ Новицкимъ и представилъ Иркутскую губернію «въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что на нее безъ слезъ взирать невозможно». Леццино былъ удаленъ немедленно отъ должности, а Селифонтову приказано отъ правительства представить, какими мѣрами думаетъ онъ исправить положеніе Сибири. Его мнѣніе состояло въ томъ, чтобы Сибирь раздѣлить на три губерніи и соединить ее подъ управленіе одного генералъ-губернатора, облеченнаго *особенною высочайшею довѣренностью*. Такимъ образомъ, Селифонтовъ вновь

проектировалъ одно усиленіе власти. Оставался вопросъ, кого облечь властью. Назначили Селифонтова. При этомъ дана была ему особая инструкція для управленія, существовавшая 20 лѣтъ, вплодь до назначенія Сперанскаго. Сибирскіе правители въ это время успѣваютъ склонить правительство къ мнѣнію, что всѣ безпорядки въ Сибири происходятъ отъ ябеды и кляузъ мѣстныхъ жителей, а не отъ неистовствъ администраціи. Селифонтову говорится въ инструкціи, что «по духу ябеды, издавна замѣченному между сибирскими жителями», тѣхъ, которые имѣютъ безпокойный характеръ и могутъ вліяніемъ своимъ на общество препятствовать благимъ мѣрамъ правительства, ссылать въ отдаленныя мѣста. Это послужило для сибирскихъ губернаторовъ правомъ карать челобитчиковъ. Опираясь на это право, впослѣдствіи Трескинъ и Пестель развернули свою страшную систему. Селифонтовъ сочувствовалъ бѣдствующей Иркутской губерніи, какъ видно, только до тѣхъ поръ, пока не въѣхалъ въ Сибирь. Облеченный громадною властью, онъ явился «какъ Вице-Рой,—говоритъ лѣтописецъ:—все пало ницъ и безмолвствовало». Селифонтовъ оставилъ жену въ Тобольскѣ, а въ Иркутскъ привезъ свою папершицу, мадамъ Бойе; она остановилась въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. «Сейчасъ, — говоритъ тотъ же лѣтописецъ, — догадались черезъ кого надобно *обдѣлывать дѣла*, и обдѣлывали». При Селифонтовѣ управляли, такимъ образомъ, мадамъ Бойе и секретарь Бакулинъ, который, раздѣливъ Сибирь на коммиссарства, продавалъ ихъ управителямъ, кто больше дастъ. Порядки явились прежніе. При Селифонтовѣ проѣзжало посольство Головина. Губернаторъ Корниловъ, между тѣмъ, не ладилъ съ Селифонтовымъ, какъ Новицкій съ Лецціно; онъ передалъ положеніе дѣлъ Головину. Дошло дѣло до Петербурга, и указомъ былъ смѣненъ Селифонтовъ, съ запрещеніемъ въѣзжать въ столицы. Такъ кончилось его вицеройство. Послѣ Селифонтова назначается Пестель, и привозитъ съ собою Трескина. Въ эту эпоху мы видимъ, что самыя смѣны управителей и обличеніе злоупотребленій, не прекращавшихся, въ Сибири, являются только орудіемъ для чиновничьихъ интригъ. Доносы и обличенія сыпались изъ Сибири, но каждый обличалъ предшествовавшій порядокъ съ тѣмъ, чтобы сѣсть на мѣсто предшественника и, забравъ власть, подражать ему и дѣлать то же. Такимъ образомъ, самый безпорядокъ въ Сибири служилъ поводомъ играть въ мѣста для сибирскихъ чиновниковъ. Смѣна генералъ-губернаторовъ не помогла дѣлу, а усиленіе ихъ власти и довѣріе становились только средствомъ для нихъ раздѣлить отдаленную провинцію между своими лю-

бимцами. Управленіе Пестеля послужило завершеніемъ всего предшествовавшаго и послѣдней попыткой приложить способъ управленія самовластія и подавленія.

Пестель, понимая ошибки своихъ предшественниковъ, рѣшился первымъ долгомъ упрочить свою власть въ Сибири и обезпечить ее надолго. Онъ управлялъ Сибирью 14 лѣтъ, до Сперанскаго, и въ это время возвелъ предшествовавшую систему до крайняго развитія, опираясь на всѣ предыдущія уполномочія и вытребовавъ новыя. Пестель рѣшился начать управленіе не съ разоблаченія злоупотребленій, какъ его предшественники, но съ уничтоженія жалобъ и пресѣченія всякой возможности жаловаться. Тупой и ограниченный по способностямъ, но злой и самолюбивый, онъ явился въ Иркутскъ съ тѣмъ, чтобы вмѣсто привѣтствія объявить обществу: «при назначеніи меня генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, первая моя всеподданнѣйшая просьба была, чтобы перемѣнить здѣсь бѣлые воротники. Я былъ въ Вяткѣ на слѣдствіи, и тамъ тоже бѣлые воротники, и всѣ на-голо ябедники». И Пестель засмѣялся гнусливымъ, зловѣщимъ смѣхомъ (Поясненіе къ Иркутской Лѣт. въ Чтен. 1853 г., кн. 3, стр. 72). Такимъ образомъ, Пестель отнесся съ явнымъ недовѣріемъ къ обществу и объявилъ, что будетъ искать причины зла въ немъ. По убѣжденіямъ, это былъ защитникъ всякаго начальническаго авторитета; утвердить такой авторитетъ онъ поставилъ своею цѣлью, а общество должно было погрузиться въ безмолвное повиновеніе. Въ помощники онъ выбираетъ расторопнаго и распорядительнаго почтамтскаго чиновника Трескина, безъ котораго не рѣшался ѣхать въ Сибирь. Это былъ рабъ и наперстникъ Пестеля. Пестель ему безусловно вѣрилъ во все время своего управленія, онъ предоставилъ ему полную свободу и власть, какую только могъ ему передать на основаніи инструкціи; а инструкція эта была всемогуща. Личность Трескина такъ характеризуетъ г. Вагинъ: «это былъ человѣкъ умный и дѣльный», до извѣстной степени, конечно, «но его умъ и дѣятельность были — не государственнаго человѣка, а канцелярскаго и полицейскаго чиновника. Они были устремлены только на мелочи и многописаніе. Трескинъ былъ превосходный исполнитель, какъ большая часть людей этого рода, онъ могъ быть только хорошъ въ хорошихъ рукахъ. Его предоставили самому себѣ, облекли высокою властью. Въ немъ вполнѣ развились полицейскія замашки того времени, и изъ него вышелъ невыносимый деспотъ». Какъ человѣкъ, какъ семьянинъ, Трескинъ даже былъ добръ: впрочемъ, подобныхъ качествъ не чужды самые кровожадные звѣри, любящіе своихъ дѣтенышей.

Въ своемъ управленіи Трескинъ руководствовался вполнѣ собственнымъ усмотрѣніемъ. «Законовъ онъ не исполнялъ, на министерскія приказанія не обращалъ никакого вниманія», сообщаютъ изслѣдованія г. Вагина; онъ позволялъ себѣ величайшія самоуправства. Его защитникъ и поклонникъ, Геденштромъ, говоритъ, что «губернію онъ считалъ вотчиною, а себя полновластнымъ въ ней приказчикомъ или управляющимъ». «Даже помѣщичій произволъ никогда не достигалъ въ Россіи такого развитія, какъ трескинскій произволъ въ Иркутской губерніи. Его можно только сравнить съ произволомъ и мелочнымъ вмѣшательствомъ Аракчеева въ военныхъ поселеніяхъ». Оставивъ расторопнаго и самовластнаго Трескина распоряжаться въ Сибири, Пестель уѣхалъ въ Петербургъ, и все время пребывалъ тамъ. Здѣсь онъ вліялъ и направлялъ по-своему сибирскія дѣла.

14-ти-лѣтнее управленіе Пестеля и Трескина было ознаменовано крупными злоупотребленіями, которыя достаточно выяснились, благодаря ревизіи Сперанскаго и собраннымъ нынѣ матеріаламъ. Взяточничество въ этотъ періодъ не только не уменьшилось, но еще лучше организовалось. Пресѣченіе всякой гласности, всякихъ жалобъ превратило его въ обыкновенный порядокъ. «Трескинъ имѣлъ достойныхъ сподвижниковъ,—пишетъ г. Вагинъ на основаніи своихъ историческихъ матеріаловъ. — Жена и любимцы его безчинствовали открыто. Агнія Ѳедоровна, жена Трескина, была «женщина домовитая», какъ о ней говорили, и весьма притомъ не строгихъ правилъ. «Къ ней отправлялся всякій, кто хотѣлъ давать, — пишетъ иркутскій лѣтописецъ. — Исправники, коммиссары безъ доклада могли входить въ уборную, даже въ спальню. Они называли чиновниковъ своими дѣтьми». Въ самомъ дѣлѣ, мѣста подъ конецъ всѣ были заняты чиновниками, привезенными Пестелемъ и Тескинымъ «изъ Москвы» (Вагинъ, с. II). Самъ Трескинъ подозрѣвался, что при заготовкѣ хлѣба въ казенные магазины, чрезъ коммиссаровъ, онъ имѣлъ «*знатный доходъ*». Что касается взяточничества его жены, то оно было открытое. «Довольно странно было видѣть,—пишетъ иркутскій лѣтописецъ,— въ передней сидящаго лакея, фаворита барыни самой, записывающаго, кто что принесъ, и толпу купцовъ съ кульками, со свертками, цибиками, съ анкерами и тому подобнымъ». Жители Иркутска, имѣвшіе дѣла, говорили, по отзывамъ старожиловъ: «вотъ, Агнесѣ Ѳедоровнѣ надо поклониться.—Купи мѣхъ соболій! Принесутъ мѣхъ, сторгуютъ его за пять, за шесть тысячъ, и мѣхъ возьмутъ, и деньги. Другому, третьему то же. Одинъ-то мѣхъ разъ 50 продавали» (Разсказъ Обухова, приложеніе къ 1 т., с. 565).

Она брала соболями, муфтами, разсказываетъ другой старожилъ; взятки давали губернаторшѣ, проигрывая часто въ карты. «Она за взятки,—сообщаетъ третій современникъ,—раздавала мѣста. У нея былъ подставной Третьяковъ. *У нихъ въ гостиномъ дворѣ были и лавочки, гдѣ они продивали, что имъ надарятъ*» (Посельскій, прилож. къ изслѣд. Вагина, т. I, ст. 582). Агнія Ѳедоровна жила въ связи съ Бѣлявскимъ, секретаремъ мужа, который управлялъ не только за Трескина, а и за Пестеля; онъ былъ также взяточникъ. Кромѣ того отличались взяточничествомъ главный довѣренный жены Трескина, Третьяковъ, засѣдатель Геденштромъ, человѣкъ образованный, но въ то же время, по словамъ Корфа, «доносчикъ и развратникъ». Г. Вагинъ силился смягчить приговоръ Корфа за умъ и образованіе Геденштрома, но въ сущности это былъ образованный воръ. Наконецъ, прославился Лоскутовъ, который, неистовствуя, нажилъ огромное состояніе.

Такой порядокъ долженъ былъ прикрывать Трескинъ, участвуя самъ въ наживѣ, какъ свидѣтельствуютъ историческіе матеріалы. Трескину оставалось на выборъ—или измѣнить свою систему, или сойти съ своего поприща, или стереть недовольныхъ съ лица земли, и онъ выбралъ послѣднее. Бѣлявскій былъ правою рукою и злымъ геніемъ Трескина. «Все бездѣльники, въ бараній рогъ надобно согнуть», безпрестанно твердилъ онъ губернатору. «И подлинно гнули», говоритъ современникъ. Это было тѣмъ легче сдѣлать, что, какъ мы видѣли, самъ Пестель старался задавить всякій доносъ и преслѣдовать недовольныхъ. Начало своего управленія Пестель ознаменовываетъ гоненіями двухъ губернаторовъ, тобольскаго и томскаго: Хвостова и Корнилова, за то, что тѣ не соглашались съ его мнѣніемъ, и одинъ подалъ, помимо Пестеля, записку министру внутреннихъ дѣлъ объ улучшеніи края. «Къ преданію ихъ суду были выставлены не эти, а другіе доводы, но они были также ничтожны и грязны, какъ и первые» (Истор. изслѣд., т. I, ст. 6). Начальникъ провіантскаго депо въ Тобольскѣ, генералъ Куткинъ, о чемъ-то поспорилъ съ Пестелемъ, и тотъ нарочно выхлопоталъ право себѣ предавать суду провіантскихъ и коммиссаріатскихъ чиновниковъ. Тогда онъ открылъ *мнимыя* злоупотребленія по провіантской части и предалъ Куткина суду и домашнему аресту, устроивъ около дома его гауптвахту. Домъ, имѣніе его, фабрики около Тобольска были разорены. Самъ онъ посылалъ постоянно прошенія и ничего не могъ добиться. Сенатъ нѣсколько разъ предписывалъ освободить Куткина, но Пестель оставлялъ безъ исполненія сенатскіе указы.

11 лѣтъ Куткинъ содержался подъ арестомъ, разорился, наполнилъ Сибирь воплями своихъ прошеній и умеръ подъ стражею, въ 1817 г.; жена его умерла отъ горя, дочь ослѣпла отъ слезъ (Истор. изслѣд., с. 7). На провіантскихъ чиновниковъ было открыто гоненіе, «какъ на жидовъ». «Употребляя во зло свое званіе сенатора, а потомъ члена государственнаго совѣта, Пестель настойчивымъ образомъ требовалъ самыхъ жестокихъ наказаній тѣмъ лицамъ, которыхъ преслѣдовалъ. Страсть его къ преслѣдованію доходила до мелочности. Нерѣдко сибирскія судныя дѣла переходили въ общее собраніе сената и въ государственный совѣтъ, единственно по несогласію Пестеля съ рѣшеніемъ другихъ сенаторовъ» (Истор. свѣд., с. 7). «Крайнее самолюбіе, страсть къ произволу, потворство своимъ любимцамъ, неумолимая мстительность,—вотъ были отличительныя черты Пестеля», говорятъ матеріалы. Личное безкорыстіе Пестеля было подвергнуто большому сомнѣнію. «Не вѣрьте бѣдности моего предмѣстника», писалъ Сперанскій.

Но если Пестель могъ простирать гоненія на лицъ сильныхъ и значительныхъ, то въ преслѣдованіи менѣе значительныхъ обывателей и подчиненныхъ онъ переходилъ всѣ границы. Произвольныя дѣйствія Трескина на первыхъ же порахъ вызвали сопротивленіе иркутскаго общества. Хозяйственная регламентація жизни и вмѣшательство Трескина превзошли всѣ ожиданія, какъ ни пріучены были сибирскіе жители ко всякому вмѣшательству предшественниками Трескина. Трескинъ вздумалъ распланировать и перестроить за-ново Иркутскъ, который не славился въ это время опрятностью, и рѣшился провести это дѣло необыкновенно энергично. Онъ приказалъ къ такому-то времени всѣ старые дома сломать, а когда хижины не были снесены, то къ сломкѣ приступила полиція (Т. I, с. 573 — 574). Онъ обходилъ городъ, заходилъ къ жителямъ, вмѣшивался въ хозяйство, пробовалъ кушанье, чинилъ расправу, сжели что̀ дурно приготовлено (с. 573). Онъ преслѣдовалъ, говорятъ, питье чая, запрещалъ въ огородахъ садить табакъ, насильственно заставилъ бурятъ заниматься земледѣліемъ, и, наконецъ, пробовалъ отвести рѣку, затопляя суда. Въ одной изъ жалобъ, поданныхъ на него, говорится: «Господинъ генералъ-губернаторъ Пестель и губернаторъ Трескинъ приказали собирать въ полицію въ городѣ купеческихъ и мѣщанскихъ, а по деревнямъ крестьянскихъ дочерей, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы отдавать ихъ въ замужество за поселенцевъ, и что однимъ только отцамъ, матерямъ и родственникамъ извѣстно, чего стоила свобода, сопряженная съ безславіемъ дѣтей ихъ» (Записка

Сибирякова, прилож. къ истор. свѣд. Вагина, с. 547). Иркутское общество, пріучавшееся уже ранѣе заявлять свои жалобы и пытавшееся къ обнаруженію злоупотребленій и неправды въ Сибири при Якоби и Леццино, выставило кандидатомъ въ головы Михаила Ксенофонтовича Сибирякова, личность умную и уважаемую въ городѣ. Такой представитель общества не могъ быть пріятенъ Трескину; онъ видѣлъ, что общество хочетъ съ нимъ бороться. Придравшись къ прежней подсудности Сибирякова, онъ предложилъ выбрать другого, но дума объявила, что она «дѣлаетъ новые выборы единственно изъ повиновенія распоряженіямъ начальства». Въ то же время дума и магистратъ отказались исполнить требованіе назначенія купцовъ при осмотрѣ пушныхъ товаровъ, опираясь справедливо, что это не установленная повинность. Таковы были оффиціальныя причины, которыми было прикрыто неудовольствіе Трескина и Пестеля. Но тайныя причины состояли въ подозрѣніи Сибирякова и Мыльникова въ составленіи доноса, посланнаго въ министерство внутреннихъ дѣлъ на дѣйствія губернскаго начальства.

Дѣйствительно, Трескинъ и Пестель выставили Сибирякова и Мыльникова «вредными нарушителями общественнаго спокойствія» предъ высшимъ начальствомъ. Пестель при этомъ рѣшился разомъ оклеветать общество и указать, что благому его управленію мѣшаетъ только безнравственность и пороки управляемыхъ. «Какое мѣстное начальство можетъ установить порядокъ общественный тамъ, гдѣ развратъ и самовольство состязаются съ законными распоряженіями», писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ 1808 г., «гдѣ уже мѣры кроткихъ взысканій тщетно были испытываемы и гдѣ дерзость укоренилась въ средоточіи общественномъ? Одни только примѣры неупустительнаго строжайшаго взысканія съ неповинующихся могутъ подать способы и надежду возстановить по времени колеблемое развратомъ спокойствіе, котораго желаютъ многіе, но которое теряется въ собственномъ ихъ расположеніи къ заблужденіямъ». Пестель просилъ, поэтому, подвергнуть общество «чувствительнымъ и примѣрнымъ взысканіямъ», Сибирякова же, «за явное возмущеніе и проч.» въ примѣръ другимъ, какъ равно и Мыльникова, разослать по уѣзднымъ городамъ Иркутской губерніи. Добившись ихъ ссылки, какъ бы «въ насмѣшку надъ сосланными», Трескинъ доносилъ, что имъ выбраны города, удобные для продолженія коммерческихъ оборотовъ, но, вмѣсто того, имъ не выдавали даже паспортовъ, прошенія не принимались. Когда родственники Сибирякова хлопотали въ Петербургѣ, Пестель храбро и бойко отписывался, что

«иркутское общество только безъ нихъ можетъ находиться въ спокойствіи». Вступился за Сибиряковыхъ Сперанскій, бывшій тогда въ силѣ, вступился Державинъ, но Пестель умѣлъ представить все по-своему и даже постоянно обижался запросами. Сибиряковъ такъ и умеръ въ ссылкѣ.

Установивъ въ глазахъ правительства свои воззрѣнія на ябедниковъ, Пестель и Трескинъ уже смѣлѣе начали преслѣдовать своихъ враговъ. Мы не имѣемъ возможности подробно излагать всѣ случаи, занесенные въ матеріалы, даже въ сухомъ изложеніи полные самыхъ потрясающихъ подробностей, и напоминающихъ какую-то мартирологію, да это и не относится къ нашей цѣли, имѣющей въ виду разсмотрѣть только самую систему мѣстнаго управленія до Сперанскаго, не останавливаясь на частностяхъ. Достаточно сказать, что, также какъ въ Иркутскѣ Сибиряковъ и Мыльниковъ, въ Тобольскѣ нарушителемъ тишины выставлялся купецъ Полуяновъ. При Пестелѣ же былъ отданъ подъ судъ откупщикъ Передовщиковъ, взявшій винные откупа въ Сибири, которые Трескинъ предварительно отдалъ уѣзднымъ мѣстнымъ откупщикамъ.

Предсѣдатель уголовной палаты, Гарновскій, и прокуроръ Петровъ протестовали противъ неправильнаго начатія дѣла, но были удалены отъ должности. Передовщиковъ же притѣснялся на допросахъ, его заставляли подписывать показанія противъ себя и, наконецъ, разоривъ, сослали въ каторжныя работы (Ист. свѣд., 20—22 и прил.). Такіе поступки власти не могли возбудить въ мѣстномъ населеніи особеннаго расположенія къ ней. Кромѣ того, у Передовщикова, Сибирякова и Мыльникова были родственники, знакомые, приверженцы. Все это называлось «*партіей* недовольныхъ», и употреблялись всѣ мѣры, чтобы уничтожить ее. Изъ Иркутска были высланы братъ Сибирякова въ Жиганскъ и за нимъ купецъ Дуборовскій. Подвергся преслѣдованію купецъ Киселевъ, человѣкъ умный, смѣлый и горячій. Не было благовиднаго повода поступать съ нимъ, какъ съ прочими, поэтому придумали другой способъ. Киселева объявили сумасшедшимъ и посадили въ больницу. Тамъ онъ пропалъ безъ вѣсти. Народная молва обвиняла въ этой смерти Третьякова, довѣреннаго и любимца Трескина, который былъ тогда смотрителемъ больницы. Гоненія обрушились даже на людей мелкихъ и незначительныхъ, какъ, напримѣръ, на какого-то титулярнаго совѣтника Пѣтухова; служа въ уѣздномъ судѣ, онъ рѣшилъ дѣло не такъ, какъ хотѣлъ Пестель. Пѣтуховъ этотъ протестовалъ противъ рѣшенія уѣзднаго суда, постановленнаго въ угоду губерна-

тору; за это онъ былъ отрѣшенъ отъ должности, а когда онъ подалъ жалобу на высочайшее имя,—это послужило поводомъ къ ссылкѣ его въ Туруханскъ, потомъ въ Мезень. Но и здѣсь преслѣдуетъ его Пестель. Когда онъ принятъ былъ въ Мезени на службу, Пестель проситъ сослать его въ Колу, «такъ какъ мезенская округа граничитъ съ Тобольской губерніей и потому пребываніе Пѣтухова вредно для Сибири». Это была послѣдняя попытка повредить Пѣтухову. Пятилѣтнія преслѣдованія потрясли его, несчастный сошелъ съ ума. «Мы сообщили только крупные факты,—говорится въ концѣ матеріаловъ г. Вагина, — которые въ свое время надѣлали большаго шума, которые завѣрены и оффиціальными актами, и записками современниковъ, и преданіями. Но сколько личностей, подобныхъ Пѣтухову, страдало и гибло безслѣдно, не сохранивъ о себѣ извѣстій даже въ архивной пыли!» Множество чиновниковъ отдавалось подъ судъ по самымъ ничтожнымъ причинамъ: одинъ за неправильную переписку прошеній, другой за продажу чужой телѣги, третій за неприличные проступки,—короче, за пьянство. Основною же причиною были подозрѣнія въ недоброжелательствѣ начальству. Трескинъ держался въ этомъ случаѣ такой тактики: онъ дозволялъ чиновникамъ наживу и злоупотребленія, но тѣмъ самымъ держалъ ихъ въ рукахъ. При малѣйшемъ недовольствѣ онъ ихъ упекалъ. Въ этомъ случаѣ прощались взятки, и всегда наказывался доносъ и недовольство.

Вся система Пестеля сводилась такимъ образомъ къ тому, чтобы въ Сибири предоставить своему губернатору распоряжаться при помощи огромной власти по своему усмотрѣнію, и во избѣжаніе жалобъ подавлять ихъ на мѣстѣ, а что доносится въ Петербургъ, — самому перехватывать и перерѣшать. Такимъ образомъ, Пестель отрѣзалъ Сибирь отъ всякаго правосудія. Во время своего управленія онъ устроилъ строгій надзоръ за всѣмъ, что писалось изъ Сибири; онъ оцѣпилъ Сибирь таможнями, началъ перехватывать письма, тушилъ прошенія и бумаги въ присутственныхъ мѣстахъ; наконецъ, обрушился на челобитчиковъ. Благодаря этому, долго не доходило ничего до высшаго правительства безъ вѣдѣнія Пестеля, который всему давалъ свои объясненія. По словамъ сторожила, С. С. Щукина, Трескинъ не могъ видѣть, чтобы печатали что-нибудь изъ Иркутска въ газетахъ, особенно о цѣнахъ на хлѣбъ, которыя онъ выставлялъ по-своему. Ему не хотѣлось, чтобы кто-нибудь велъ переписку съ Петербургомъ и, заподозривши, напримѣръ, въ этомъ монголиста Игумнова, «образованнѣйшаго человѣка своего времени», какъ сообщаетъ г. Вагинъ,

его начали притѣснять, отдали подъ судъ, отрѣшили отъ должности и запретили въѣздъ въ Иркутскъ. «Ужасными мѣрами уничтоженія непокорныхъ,—говоритъ современникъ, выписка котораго приведена въ матеріалахъ,—при неограниченномъ довѣріи высшаго правительства къ представленіямъ Пестеля или—что все равно—Трескина, въ Иркутскѣ, наконецъ, всѣ части попали если не въ формальную, то, по крайней мѣрѣ, въ политическую зависимость отъ губернатора, не исключая ни военной, ни даже духовной» (т. I, с. 32). Такимъ образомъ, рядомъ съ развитіемъ злоупотребленій, усиливалось и самовластіе, и сила Пестеля. Произволъ и злоупотребленія существовали не только въ Иркутскѣ, но и въ другихъ частяхъ Сибири. Своеволіе отъ губернаторовъ усвоивали и подчиненные,—такъ бываетъ всегда. Енисейскій городничій, по словамъ Корфа, катался по городу на чиновникахъ за то, что они осмѣлились написать просьбу объ его смѣнѣ. Охотскій начальникъ самовольно удаляетъ отъ должности своихъ чиновниковъ. Третьяковъ, Геденштромъ берутъ примѣръ расправы съ Трескина. Лоскутовъ дошелъ до такой необузданности и смѣлости, что высѣкъ нижнеудинскаго протоіерея Орлова плетьми. «Но не одни только личныя преслѣдованія были отличительною чертою сибирскаго управленія за время Пестеля. Управленіе это представляло поразительный примѣръ самыхъ вопіющихъ безпорядковъ и злоупотребленій, приведенныхъ въ систему», пишетъ далѣе г. Вагинъ. Даже и тамъ, гдѣ выражалось стремленіе къ внѣшнему порядку: чистотѣ улицъ, правильной постройкѣ домовъ и т. п., даже и тамъ стремленіе это выражалось дѣйствіями, явно противными тѣмъ самымъ законамъ, которые оно, повидимому, старалось исполнить. Нѣкоторыя отрасли по управленію были крайне запущены. По всей сѣверной окраинѣ Сибири народъ въ буквальномъ смыслѣ умиралъ съ голоду. По Иркутской губерніи Трескинъ ввелъ насильственныя закупки хлѣба и казенную монополію хлѣбной торговли. Наконецъ, повинности населенія были въ высшей степени обременительны. Средствомъ скрывать эти безпорядки служило — постоянно представлять отдаленный край въ самомъ цвѣтущемъ положеніи и закрывать глаза бюрократическими отчетами, на которые былъ мастеръ Трескинъ. Все прикрывалось самой наглой оффиціальной ложью. Пестель и Трескинъ обманывали не только правительство, но они хотѣли обмануть и мѣстное населеніе въ противность тому, что послѣднее видѣло собственными глазами. Такъ, напримѣръ, въ 1807 г., Трескинъ опровергаетъ слухъ, разнесшійся между жителями, что начальство не впускаетъ крестьянъ въ городъ для продажи хлѣба,

а жителей принуждаютъ закупать хлѣбъ въ казенныхъ магазинахъ. Трескинъ публикуетъ, что запрещеній такихъ не было, и доноситъ Пестелю, что слухи эти идутъ «отъ извѣстной и оглашенной ябеднической партіи». А между тѣмъ принудительная закупка хлѣба во все время Трескинскаго управленія вошла въ систему. «Жители Иркутска и окружающихъ селеній очень хорошо знали, знаетъ и потомство — говорятъ матеріалы, — что у Трескина на бумагѣ дѣлалось одно, а на дѣлѣ другое». «Публикація эта имѣла въ виду одну цѣль: пустить Пестелю пыль въ глаза и предупредить доносы на новыя злоупотребленія» (т. I, с. 34). Трескинъ искусственно повышалъ цѣны на хлѣбъ, завелъ страшный скупъ его, монополіи, отдалъ ихъ въ руки коммиссаровъ и купцовъ, выставлялъ фальшивыя цифры о цѣнахъ и въ то же время доносилъ объ увеличивающейся производительности края и его благосостояніи. Послѣдствіемъ монополій и злоупотребленій по продовольственной части на отдаленныхъ окраинахъ происходилъ ужасный недостатокъ въ хлѣбѣ, начинались голода. Такъ, въ 1811 г., а потомъ въ 1815 и 16 годахъ, въ Туруханскомъ краѣ между инородцами обнаружилось людоѣдство. Но когда начали доноситься слухи объ этомъ въ Петербургъ, Пестель представлялъ огромныя книги съ бюрократическими отчетами и увѣрялъ въ противномъ. Массами фальшивыхъ свѣдѣній и перепиской онъ старался закрыть правительству глаза. Точно также онъ отбивался и отъ всѣхъ жалобъ, называя ихъ клеветою и доносомъ. «Но если и былъ кто самымъ вреднымъ и опаснымъ доносчикомъ,—говорятъ матеріалы,—то развѣ одинъ Пестель. Въ своихъ донесеніяхъ онъ осыпалъ клеветами сибирское населеніе и показывалъ все правительству въ превратномъ видѣ. Въ такое мрачное время стономъ стонала Сибирь и особенно Иркутская губернія» (т. I, с. 34).

Останавливаясь на этой эпохѣ, предшествовавшей ревизіи Сперанскаго, мы невольно поражаемся массою злоупотребленій, обрушившихся на этотъ отдаленный и бѣдный край. Управленіе Пестеля намъ рисуется какимъ-то темнымъ пятномъ на фонѣ сибирской исторіи. Оно, дѣйствительно, кажется мрачно и поразительно, но это потому, что мы представляемъ его отдѣльно, безъ связи съ предыдущей исторіей, какъ оно рисуется намъ въ матеріалахъ. Но, смотря нынѣ болѣе хладнокровно и съ исторической точки зрѣнія, мы не найдемъ въ немъ ничего необыкновеннаго, ничего, принадлежащаго исключительно системѣ Пестеля и Трескина. Въ сущности, оно руководствовалось тѣми же правилами и традиціями, какъ и предшествовавшія; оно было плодомъ системы и отражало

всѣ черты управленія, давно укоренившагося въ Сибири. Управленіе Пестеля было только окончательнымъ и болѣе рѣшительнымъ примѣненіемъ системы, подготовленной ему, въ томъ же направленіи, предшественниками. Послѣдствія этой системы отражались такимъ же образомъ и ранѣе. «Не въ этой одной эпохѣ, которая подверглась ревизіи, обнаружены злоупотребленія,—писалъ Сперанскій Кочубею изъ Сибири, — и нельзя утверждать, чтобы при прежнемъ управленіи Сибирь была въ другомъ или лучшемъ положеніи. Напротивъ, съ перемѣною людей перемѣнялись только виды и степень злоупотребленій». Такимъ образомъ, Сперанскій, съ высоты государственной точки зрѣнія, уже опредѣлилъ управленіе Пестеля, какъ часть предшествовавшей системы. Въ управленіи Пестеля, дѣйствительно, какъ въ спектрѣ, отразились всѣ крайности сибирской исторіи. Присущія его времени злоупотребленія были въ связи съ административнымъ порядкомъ цѣлой эпохи и основывались на свойствахъ управленія, давно принятаго. Главными недостатками этого управленія могутъ быть отмѣчены ясно: самовластіе и произволъ. Произволъ этотъ развился естественно, при томъ просторѣ дѣйствій и власти, какія съиздавна имъ давали огромныя уполномочія. Власть воеводъ, губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ постоянно усиливалась, расширялась и подчинила всѣ вѣдомства. Все предоставлялось личной волѣ и усмотрѣнію администратора, конечно, имѣя въ виду сообразованіе съ законами и справедливостью. Но правитель незамѣтно терялъ почву и пріобрѣталъ привычки дѣйствовать по личному произволу. «Власть личная нерѣдко обращается въ самовластіе,—писалъ Сперанскій по поводу управленія Сибирью.—Люди съ лучшими намѣреніями могутъ ошибаться, могутъ увлекаться личными взглядами—и дѣйствуя по совѣсти, дѣйствовать противозаконно» (Истор. свѣд., т. II, с. 321—322). Дѣйствительно, эти черты произвола быстро усвоивали люди при огромной власти въ отдаленной странѣ. Личность здѣсь пользовалась тѣмъ, въ чемъ не была ограничена, ея поведеніе было продуктомъ того положенія, въ которое она ставилась. Правители, недурные въ Россіи, преображались, являясь въ Сибирь. «До 1819 года нигдѣ не было такой преклонности къ самовластію и жестокостямъ надъ подчиненными, какъ въ Сибири, у нѣкоторыхъ начальниковъ, высшихъ и среднихъ,—высказывалъ свое мнѣніе графъ Блудовъ.—Всѣ они были посылаемы туда изъ внутреннихъ губерній, и, казалось, что не только со вступленіемъ въ отправленіе имъ данныхъ въ семъ краѣ должностей, но непосредственно, по переѣздѣ черезъ Уралъ, въ нихъ исчезало всякое къ нимъ состраданіе» (Истор свѣд., т. I, стр. 31—32). Тотъ же

грозный Трескинъ является другимъ человѣкомъ въ другой обстановкѣ. «Долгъ справедливости обязываетъ сказать,—говоритъ историкъ, — что, какъ частное лицо, Трескинъ считался весьма добрымъ человѣкомъ и что, впослѣдствіи, когда онъ былъ уже отрѣшенъ отъ должности и жилъ въ своей деревнѣ, въ немъ не было и слѣдовъ прежняго иркутскаго деспота» (Мат., т. I, стр. 11).

Селифонтовъ, плакавшій надъ Сибирью, точно также преображается здѣсь. Правители, вслѣдствіе своего положенія, понемногу сами начинали убѣждаться, что, дѣйствительно, все зависитъ отъ ихъ личной воли. Они становились нетерпимы, своевольны, понемногу въ управленіе они вносили личныя страсти. Увлекаясь положеніемъ, они сами изъ себя создавали вице-роевъ, обставляли себя пышной обстановкой, требовали абсолютнаго поклоненія, торжествъ въ честь свою и полнаго обожанія. Законъ и правительство они отодвигали на второй планъ, выдвигая только свою особу, внушая жителямъ, что только отъ однихъ ихъ все зависитъ. Нигдѣ такъ начальство не пріучало преклоняться себѣ, какъ въ Сибири, нигдѣ оно не упражнялось болѣе въ самовластіи, какъ здѣсь. «Сибирь не испытала крѣпостного права,—говоритъ одинъ изъ историковъ, — но она испытала гораздо худшее — административный произволъ, такъ же, ежели не хуже, воспитывавшій общество». Привычки своеволія распространились и на низшихъ исполнителей; они шли отъ губернатора до отдѣльнаго засѣдателя. Если первые ограничивались безусловнымъ приказаніемъ и требованіемъ покорности, послѣдніе вводили дисциплину и внушали къ себѣ уваженіе страхомъ. Только одного Лоскутова почему-то прославили, но Лоскутовъ былъ одинъ изъ типовъ того времени. Въ Западной Сибири былъ подобный же засѣдатель, Ярцевъ. Самъ образованный Геденштромъ высказываетъ мнѣніе послѣ Сперанскаго, что «филантропія неумѣстна въ Сибири», «она вреднѣе холеры», что положеніе алтайскихъ горныхъ крестьянъ лучше, ибо горные правители «управляютъ крестьянами, какъ хозяева, и *ломми* могутъ, если хотятъ, принуждать къ добру» (Истор. изслѣд., т. II, стр. 317). Это былъ общій взглядъ тогдашнихъ администраторовъ. Таковы были и средства управленія. Результатъ самовластія заключался въ неограниченности власти главныхъ сибирскихъ правителей и въ примѣрахъ необузданности, подававшихся низшимъ.

Второю главною чертою управленія этой эпохи является наклонность къ самой широкой регламентаціи, проходящей чрезъ всю исторію. Новозавоеванный и пустынный край, дѣйствительно сначала требовалъ устройства и дѣятельной иниціативы правительства. Его необходимо было снабжать продовольствіемъ, осно-

вывать промыслы, водружать гражданственность, но впослѣдствіи привычка распоряжаться общественною жизнью вошла въ нравы правителей и принята была за необходимую принадлежность управленія. На Сибирь постоянно мѣнялись взгляды, а поэтому, предписывались новыя мѣры и производились безпрестанные эксперименты. Сначала Сибирь считалась колоніей звѣроловной, затѣмъ, съ начала XVIII-го вѣка, на нее имѣютъ виды, какъ на колонію горно-заводскую, далѣе обращаютъ ее въ колонію штрафную, потомъ земледѣльческую, наконецъ, примѣшиваются виды торговли съ Азіей и т. д. Все это давало случай каждому изъ администраторовъ вводить свои планы и перестраивать принудительно жизнь общества. Достаточно припомнить такіе опыты, какъ десятинную пашню Саймонова, съ приписью 3.400 бобылей въ обязательныя работы, обязательное сѣяніе пеньки, приписки и переселеніе людей на рудники и заводы, чичеринское проведеніе дорогъ на Барабѣ, неудавшуюся ландмилицію Лецкино, въ Камчаткѣ, искусственное созданіе казачьяго войска, съ приписью крестьянъ и поселенцевъ, безчисленные опыты устройства ссыльныхъ, принужденіе бурятъ обращаться къ земледѣлію, при Трескинѣ, учрежденіе и распорядокъ лоскутовскихъ поселеній, продовольственное снабженіе инородцевъ, казенныя монополіи, поддержаніе монополіи и привилегій частныхъ, какъ русско-американской компаніи, кяхтинскаго торга и проч., и проч. Регламентація частной жизни въ прошломъ столѣтіи доходила до необыкновенной мелочности. Въ прошломъ столѣтіи дѣлаются приказы не отлучаться крестьянамъ на ночь изъ дома; одинъ управитель, какъ Лецкино, заставляетъ обсаживать города березками, другой, какъ Трескинъ, планируетъ вновь городъ, ломаетъ дома, отводитъ рѣку, преслѣдуетъ сѣяніе табака въ огородахъ, вмѣшивается въ домашнюю жизнь, преслѣдуетъ питье чаю. Лоскутовъ предписываетъ молитвы крестьянамъ, даетъ инструкціи, какъ печь хлѣбъ, ревизуетъ квашню и т. п. Губернаторъ Чичеринъ съ командою, ѣздилъ наблюдать около города за полевыми работами крестьянъ. Наконецъ, при Трескинѣ, казна покупаетъ весь хлѣбъ въ магазины для продажи частнымъ лицамъ по высшимъ цѣнамъ, въ виду «поощренія къ хлѣбопашеству». Можно представить при этомъ, какіе размѣры принимала регламентація, какъ дѣйствовала на общество и какой просторъ давала злоупотребленіямъ.

Развитію злоупотребленій въ странѣ способствовала ея отдаленность, отсутствіе контроля и невозможность создать его. Власть сильная кому-нибудь должна была быть поручена. Обыкновенно она поручалась одному лицу. Это единоличное правленіе могло

менѣе всего способствовать надзору и выбору безукоризненныхъ агентовъ. На Сибирь, кромѣ того, утвердились съ самаго древняго времени воззрѣнія, какъ на завоеванную и промышленную колонію. Нажива и поборъ развились съиздавна. Духъ спекуляціи переходилъ съ частныхъ лицъ и на служилыхъ людей. Воеводы торговали мѣхами, виномъ, зернью и проч. Они дѣлали безцеремонные поборы; впослѣдствіи, послѣ преслѣдованій и каръ, а также съ учрежденіемъ бюрократическаго управленія, съ Петра, поборъ сталъ утонченный и скрытый. Нравы прежнихъ служилыхъ людей перешли и къ старымъ приказнымъ, при крутой реформѣ Петра, отъ бояръ-воеводъ къ губернаторомъ. Отдаленная страна представляла всѣ шансы скрывать злоупотребленія. Въ случаѣ доносовъ и жалобъ, канцелярскій міръ прикрывался цѣлыми массами бумагъ, запутывалъ дѣла перепиской, и казуистическая процедура облегчала выходъ взяточникамъ. Невозможно было услѣдить за подчиненными ни главному начальнику, ни правительству за главнымъ начальникомъ. Контингентъ служащихъ людей былъ постоянно одинъ и тотъ же въ отдаленной провинціи, и людей добросовѣстныхъ негдѣ было взять. Существовало одно приказное сословіе, которое только постоянно переливалось и перетасовывалось. Новые начальники привозили съ собою свѣжихъ чиновниковъ, но это всегда оказывались любимцы, на которыхъ еще менѣе простирался контроль и которымъ еще болѣе дозволялось, какъ Трескину. Надо замѣтить, что злоупотребленія были источникомъ настолько же обогащенія и частныхъ лицъ. Въ Сибири промышленные люди создали кабалу и рабство инородца, торговое сословіе жило монополіями. Все это было въ связи съ администраціей и взаимно другъ друга деморализировало. Купцы, въ этомъ случаѣ, искали поощренія у правителей, закабаляя крестьянъ и инородцевъ, а правитель опирался на общество и устроивалъ стачку съ богатыми. Такъ было при Трескинѣ, который давалъ случай наживаться однимъ купцамъ и преслѣдовалъ другихъ. Въ злоупотребленіяхъ были замѣшаны цѣлыя сословія. Правительство не могло знать, что совершается въ Сибири, и скоро администраторы здѣсь выработали цѣлую систему представлять и сочинять картину совершенно иную, чѣмъ представлялъ край. Отсутствіе гласности представило всѣ удобства для развитія злоупотребленій.

Когда начинались жалобы и доносы недовольныхъ, и недовольные этимъ являлись часто изъ того же торговаго сословія, которое искало наживы и монополій, то мѣстныя власти разоблачали подобныхъ людей, какъ лицъ, заинтересованныхъ въ злоупотребле-

ніяхъ, припоминали ихъ грѣхи, а потому и правительство имѣло часто основаніе не придавать значенія жалобамъ подобныхъ людей. Этимъ воспользовались впослѣдствіи — Трескинъ и Пестель, чтобы зажать ротъ всякимъ жалобамъ.

Таковы были главныя черты системы, существовавшей до Сперанскаго. Эта система, какъ мы видимъ, выработывалась изъ особеннаго положенія края вдали отъ центра управленія. Кромѣ того, въ начертаніяхъ управленія видѣнъ былъ слѣдъ участія самихъ мѣстныхъ правителей, проводившихъ свои мнѣнія и требованія въ высшія сферы. Такимъ образомъ, взглядъ исполнителей часто руководилъ и законодательствомъ, и перевершалъ его для Сибири. Что ненормальности управленія лежали въ общемъ свойствѣ принятыхъ началъ, доказываетъ то, что порядки пестелевскаго управленія существовали въ началѣ либеральнаго царствованія Александра I. Многія жалобы изъ Сибири находились въ рукахъ Сперанскаго, но правительству не представлялось возможности узнать истинное положеніе дѣлъ.

Во все управленіе Пестеля и Трескина общество, конечно, пыталось вести подземную борьбу. Когда отняты были всѣ средства гласности, оно прибѣгало къ доносамъ. Подъ конецъ управленія Пестеля, жалобы и доносы день ото дня становились многочисленнѣе, все важнѣе по содержанію, все разительнѣе по общему согласію въ показаніяхъ, пишетъ баронъ Корфъ. Сначала Пестель отвращалъ эти доносы. По поводу доноса 1808 года министръ просилъ Пестеля «прекратить незаконныя дѣйствія мѣстнаго начальства». Но Пестель, сообщивъ отношеніе министра Трескину, предписывалъ *не прекратить* злоупотребленія, а принять мѣры противъ подобныхъ «извѣтовъ». Представивъ свои объясненія министру, онъ пишетъ, что «объясненія его (Пестеля) приняты съ уваженіемъ», что въ его усердіи не сомнѣваются и что сообщеніе ему дошедшихъ до правительства свѣдѣній служитъ доказательствомъ довѣрія къ нему. Содержаніе бумаги онъ сообщилъ Трескину, чтобы «неблагонамѣренные люди» знали, какъ правительство относится къ ихъ доносамъ (Мат., с. 35). Словомъ, Пестель угрожалъ, что всѣ жалобы будутъ представлены ему. Но жалобы не прекращались. Сначала ихъ подавали купцы, видимо не сошедшіеся съ Трескинымъ въ своихъ дѣлахъ. Наконецъ, они проникаютъ изъ всѣхъ слоевъ общества. Генералъ Куткинъ пишетъ изъ своего заключенія грозныя посланія, выдвигаются мелкіе чиновники, и, наконецъ, простолюдины. Доносъ въ это время получаетъ какъ-бы общественное значеніе и сливается въ единодушный протестъ. Мѣстное общество употребляетъ въ борьбѣ этой всѣ усилія, чтобы

дать о себѣ знать. Доносы вывозятся въ хлѣбѣ. Въ 1818 году иркутскій мѣщанинъ Саламатовъ берется подъ величайшей тайной добраться до Петербурга и вручить донось лично государю. Онъ пробирается чрезъ Китай, чрезъ степи и сибирскіе лѣса, добирается до Петербурга, подаетъ лично донось государю и «просить приказать его убить, чтобы избавить отъ тиранства Пестеля». Онъ былъ отдапъ на особую отвѣтственность государемъ петербургскому генералъ-губернатору, Милорадовичу. Объ этомъ мѣщанинѣ писалъ въ 1819 г. Сперанскій Голицыну: «въ числѣ доносителей по здѣшнему краю былъ нѣкто иркутскій мѣщанинъ Саламатовъ. Бумаги его мнѣ препровождены отъ графа А. А. (Аракчеева), но гдѣ онъ самъ—мнѣ неизвѣстно. По слухамъ же, онъ долженъ быть въ Петербургѣ подъ стражею или подъ надзоромъ. Человѣкъ сей, пишетъ Сперанскій, разоренъ здѣшнимъ начальствомъ до основанія, и разоренъ несправедливо; у него здѣсь семеро малолѣтнихъ дѣтей, почти безъ пропитанія, бумаги его написаны глупо и безсвязно; но главныя статьи о поступкахъ Лоскутова и другихъ, въ существѣ своемъ, теперь обнаружены и найдены справедливыми» (Ист. Имп. Публ. Библіот. въ пам. графа Сперанскаго, с. 259—260). Это предпріятіе бѣдняка, бросившаго дѣтей и идущаго подъ страхомъ смерти въ Петербургъ, носитъ печать какъ-бы гражданскаго подвига. Къ этимъ протестамъ присоединился, наконецъ, кроткій архіепископъ иркутскій Михаилъ. Но независимо отъ жалобъ, до правительства доходили свѣдѣнія о страшныхъ безпорядкахъ въ Сибири и голодахъ у инородцевъ. При такомъ положеніи дѣлъ пребываніе Пестеля въ Петербургѣ вызывало всеобщее негодованіе и насмѣшки. Въ 1815 г., въ комитетѣ министровъ предложено возвратить сибирскаго генералъ-губернатора къ своему посту или назначить ревизію. Но Пестель долго еще продолжалъ жить въ Петербургѣ. По связямъ своимъ съ Пакулевымъ онъ пользовался покровительствомъ и поддержкой Аракчеева, и только когда Аракчеевъ разошелся съ Пакулевымъ, Пестель потерялъ поддержку. Въ то же время, въ комитетѣ министровъ было высказано рѣшительное мнѣніе, что въ Сибири необходима ревизія и смѣна Пестеля. Вмѣстѣ съ этимъ подана была записка Козодавлевымъ о необходимости измѣнить самыя начала управленія Сибирью и дать ей новое учрежденіе.

Оставался вопросъ, кого послать для такой многотрудной задачи, на кого можно положиться? Выборъ палъ на Сперанскаго.

Какъ ни печально было положеніе Сибири въ XVII и XVIII-мъ столѣтіяхъ, но, по мѣрѣ заселенія ея, она пріобрѣтала все болѣе и болѣе значенія. Довольно давно уже правительство обращало

вниманіе на богатство этой страны. Во все XVII-е столѣтіе изъ нея вывозили мѣха, устроивали рыбные и другіе промыслы, добывали мамонтову кость, отыскивали руду. Притокъ вольной народной колонизаціи, въ первое время, былъ обширный: богатство соболей, лисицъ, бѣлки, песцовъ и т. п. привлекали сюда промышленниковъ, нетронутые естественные запасы природы обольщали богатствомъ. Въ началѣ XVIII-го столѣтія сложилась поговорка: «Сибирь—золотое дно». Рядъ путешественниковъ, начиная съ Мессершмидта, производилъ изслѣдованія надъ обширной страной и ея минеральными богатствами. Петръ Великій сосредоточиваетъ особенное вниманіе на Сибири, въ виду развитія здѣсь горныхъ промысловъ; въ XVIII-мъ столѣтіи заводятся повсюду рудники и заводы, съ приписною къ нимъ крестьянъ; въ XVIII-мъ же столѣтіи присоединяется киргизская степь и начинается торговля съ азіатскими государствами, особенно съ Бухарою; бухарцы наводняютъ Сибирь товарами, караваны тянутся изъ Китая. Рядомъ съ этимъ, страна пріобрѣтала болѣе и болѣе гражданскаго и осѣдлаго населенія; съ половины XVIII-го столѣтія, піонеры колонизаціи и промышленники выходятъ изъ лѣсовъ и селятся деревнями, остроги и посады обстраиваются. Сибирь, такимъ образомъ, превращалась изъ звѣроловной и горной колоніи, понемногу, въ земледѣльческую и, вмѣстѣ съ прочной гражданственностью, начинала показывать задатки промышленнаго развитія; но въ значительной части своей страны еще все оставалась неизвѣданной: промышленные люди, купцы, мореходы, піонеры, казаки все еще продолжали дѣлать открытія, то огибая мысы Ледовитаго океана, то углубляясь на Амуръ и въ киргизскія степи. Страна эта, поэтому, была во многомъ загадочной, и эта-то таинственность еще болѣе возбуждала ожиданія таящихся въ ней сокровищъ. Петръ Великій направляетъ экспедицію къ Бухарѣ за поисками бухарскаго золота; при Екатеринѣ точно также снаряжаются военныя экспедиціи въ глубь Азіи, является мечта о сношеніяхъ Сибири, чрезъ Среднюю Азію, съ Индіей; при Павлѣ, говорятъ, даже была мысль предпринять походъ въ Индію, въ союзѣ съ Наполеономъ; при Александрѣ I точно также обращается вниманіе на Среднюю Азію и Индію,—между прочимъ, мы видимъ, что правительство намѣревается пріобрѣсти кашмирскихъ козъ.

Все это заставляло государственныхъ людей сооружать множество плановъ и, вообще, относиться восторженно къ этой странѣ будущаго. Козодавлевъ называлъ Сибирь, въ оффиціальныхъ бумагахъ, не иначе, какъ «Мехика и Перу наше». Съ назначеніемъ въ Сибирь Сперанскаго, по этому поводу возлагали на него об-

ширныя надежды въ дѣлѣ устройства и управленія края. Козодавлевъ писалъ, поощряя Сперанскаго, что «исторія Сибири будетъ дѣлиться на двѣ только эпохи: первая отъ Ермака до Сперанскаго, вторая отъ Сперанскаго до Х». Кочубей, въ письмѣ къ Сперанскому, выражался такъ: «отъ васъ, конечно, никто ожидать не можетъ, чтобы вы остановились на какихъ-нибудь мелочахъ, кои какого-нибудь пустого ревизора, подобнаго Селифонтову, останавливать могутъ. Отъ васъ ожидать будутъ видовъ государственнаго человѣка, и, если смѣю я сказать, виды-то сіи и полезны быть могутъ, ибо, при всѣхъ вашихъ способностяхъ, можно ли ожидать большаго добра тамъ, гдѣ не существуетъ свойственныхъ основаній къ произведенію онаго? Вы можете, составивъ систематическое обозрѣніе края, представить планъ къ образованію управленія въ сихъ колоніяхъ нашихъ и пр., и пр., и симъ, такъ сказать, удивить людей, мало - привыкшихъ къ произведеніямъ сего рода». Козодавлевъ немедленно при отправленіи Сперанскаго, привѣтствуя его, посылаетъ записку свою, читанную въ комитетѣ министровъ, о новыхъ основаніяхъ сибирскаго управленія, и прилагаетъ книгу Прадта «Sur les Colonies», о мексиканскихъ колоніяхъ, для руководства. Графъ Нессельроде пишетъ Сперанскому, что «друзья его будутъ слѣдить за нимъ съ участіемъ и симпатіями» Однимъ словомъ, отъ Сперанскаго, какъ отъ смѣлаго реформатора, ожидали всѣ «видовъ государственныхъ», или установленія новой государственной точки зрѣнія на страну. Друзья его ожидали даже чего-то грандіознаго.

Не такъ относился самъ Сперанскій къ своему положенію. Изъ его переписки и матеріаловъ видно, что онъ далеко не раздѣлялъ восторженныхъ увлеченій своихъ друзей. Онъ ни мало не увлекался новой ролью, назначенной ему, онъ даже не имѣлъ опредѣленныхъ воззрѣній на край, въ который ѣхалъ. Изъ его писемъ къ дочери изъ Сибири видно, что при въѣздѣ въ Сибирь онъ питалъ къ ней даже предубѣжденіе. Мрачнымъ взглядомъ своимъ на страну онъ былъ обязанъ во многомъ исключительности своего положенія. Извѣстно, что поѣздка въ Сибирь никогда не входила въ планъ его дѣятельности. Самое назначеніе его сюда было случайно. Только-что возвратясь изъ ссылки и находясь въ Пензѣ губернаторомъ, онъ ожидалъ ежеминутно своего возвращенія въ Петербургъ, и новое назначеніе его застало врасплохъ. Онъ принялъ его за приличное удаленіе. Хотя «поѣздка его была обставлена всѣми наружными знаками довѣрія, обширными полномочіями, почетомъ, — говоритъ біографъ Сперанскаго, баронъ Корфъ, — тѣмъ не менѣе, Сперанскій, понималъ, что это

назначеніе — продолженіе ссылки. Все пребываніе его въ Сибири было отравлено этимъ горькимъ чувствомъ» [1]).

Самое свое назначеніе въ Сибирь Сперанскій считалъ частнымъ порученіемъ и «послѣднимъ испытаніемъ», какъ онъ выражался въ письмѣ къ дочери. «На Сперанскаго возложены были и ревизія края, — пишетъ г. Вагинъ, — и труды административные, и законодательные, наградою ихъ указаны достиженіе цѣли—возвращеніе въ Петербургъ».

По всему этому, Сперанскій смотрѣлъ на пребываніе въ Сибири, какъ на ступень къ скорѣйшему приближенію, но въ то же время досадовалъ, что ему приходится пройти эту ступень. Послѣ этого не удивительно, что онъ къ своему назначенію относился безъ энтузіазма, безъ того увлеченія, которое вдохновляло его въ прежнихъ реформахъ. Онъ спѣшитъ какъ бы выполнить формальность, показать свою дѣятельность въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ и потомъ поскорѣе оставить ее. Такое настроеніе не было особенно благопріятно для реформаторской дѣятельности. Все, что онъ здѣсь видѣлъ, это «трудъ Геркулеса при очищеніи Авгіосовыхъ конюшенъ», какъ выразился въ письмѣ къ нему графъ Нессельроде. Дѣйствительно съ самаго начала въѣзда въ Сибирь, Сперанскому предстояла кропотливая ревизія, которой онъ посвятилъ свое пребываніе здѣсь. Ревизія эта не представляла особенной важности, въ виду другихъ задачъ, возложенныхъ на него, однако она заняла много времени. Съ государственной точки зрѣнія, самъ Сперанскій не придавалъ ей особеннаго значенія, и она можетъ быть только характеристична для выясненія того положенія, въ какомъ засталъ Сперанскій Сибирь, и личнаго его отношенія въ дѣлѣ искорененія злоупотребленій. Въ этомъ случаѣ она можетъ быть примѣрна и замѣчательна только относительно тѣхъ пріемовъ, какіе употреблялъ онъ. Мы указывали, до чего въ предшествующее управленіе Пестеля и Трескина развились злоупотребленія и какъ они искусно прикрывались. Когда донесся слухъ о назначеніи Сперанскаго въ Сибирь, въ Иркутскѣ произошла паника. Нѣкоторые чиновники сошли съ ума, какъ правитель дѣлъ Бѣлявскій, Кузнецовъ и другіе. Трескинъ струсилъ. Никто не ожидалъ, чтобы Сибирь посѣтилъ человѣкъ безкорыстный: однако многіе надѣялись, что при помощи прежней системы можно замаскироваться. Но Сперанскій нашелъ средства разоблачить злоупотребленія, онъ далъ мѣсто гласности и постарался опереться на общество. Первымъ дѣломъ по

[1]) См. Чувства Сперанскаго въ Сибири. Сборникъ «Сибирь», 1875.

пріѣздѣ его въ Тобольскъ было увѣрить жителей, что жалобы на мѣстное начальство не составляютъ преступленія и что ихъ можно приносить. Дѣйствительно, во все время проѣзда чрезъ Сибирь, Сперанскій сближается съ мѣстными жителями, останавливается у купцовъ, идетъ часто пѣшкомъ за экипажемъ, разспрашивая крестьянъ. Мѣстное общество такъ привыкло ко взяточничеству и поборамъ, что въ Тюмени самому Сперанскому поднесли блюдо. «Хлѣбъ былъ взятъ, блюдо возвращено», отмѣчаетъ онъ въ дневникѣ.

Понемногу порядки сибирскіе открылись предъ его глазами. Въѣхавъ въ Тобольскую губернію, онъ замѣчаетъ: «главныя жалобы были на земскую полицію, преимущественно на лихоимство, потому ревизія не вызвала здѣсь особенно строгихъ мѣръ. Исправивъ важнѣйшіе безпорядки, показавъ нѣсколько примѣровъ строгости и «доправивъ взятки» съ земскихъ чиновниковъ, онъ двинулся далѣе. Но чѣмъ болѣе онъ подвигался въ глубь Сибири, тѣмъ положеніе края болѣе поражало его. «Положеніе дѣлъ въ Томской губерніи было гораздо хуже, поборы тягостнѣе, чиновники дерзновеннѣе, преступленія очевиднѣе, на самого губернатора падали сильныя подозрѣнія», говоритъ онъ. «Еслибы въ Тобольскѣ я отдалъ всѣхъ подъ судъ, — писалъ Сперанскій,— что и можно было бы сдѣлать, то здѣсь оставалось бы уже всѣхъ повѣсить. Злоупотребленія вопіющія и, по глупости губернатора Илличевскаго, по жадности жены его, по строптивому корыстолюбію брата его, губернскаго почтмейстера, весьма худо прикрытыя»... «Чѣмъ далѣе спускаюсь я на дно Сибири, тѣмъ болѣе нахожу зла, и зла почти нестерпимаго,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ Столыпину, — слухи ничего не увеличивали и дѣла хуже еще слуховъ»... «При обозрѣніи Тобольской губерніи представлялась еще возможность пресѣчь или, по крайней мѣрѣ, ограничить злоупотребленія и до времени охранять порядокъ средствами, въ инструкціи опредѣленными,—доноситъ Сперанскій государю 31-го іюля 1819 г. — Но въ Томской губерніи средства сіи будутъ недостаточны. Здѣсь жалобъ болѣе, существо ихъ важнѣе, чиновниковъ не только способныхъ, но и посредственныхъ еще менѣе, и перемѣны ихъ тѣмъ затруднительнѣе. Злоупотребленія, доселѣ открытыя, ведутъ къ другимъ, еще необнаруженнымъ». Поэтому Сперанскій спрашивалъ разрѣшенія въ случаѣ надобности смѣнить томскаго и иркутскаго губернаторовъ. Изъ Томска уже назначаются слѣдственныя коммиссіи для разслѣдованія безпорядковъ въ Нарымъ и Туруханскъ. Изъ Туруханска пишетъ посланный на слѣдствіе Осиповъ: «безпечность здѣшнихъ

чиновниковъ до того велика, что я съ самаго пріѣзда не могу получить отвѣтовъ на свои отношенія»... «Бѣжалъ бы отсюда безъ оглядки», восклицаетъ въ другомъ письмѣ къ Сперанскому этотъ слѣдователь. Въ Томскѣ также учреждена была коммиссія, и Сперанскій спѣшилъ въ Иркутскъ. Настоящимъ гнѣздомъ злоупотребленій была Иркутская губернія. Вопль жителей продолжался только до границъ Иркутскаго уѣзда. Въ этомъ уѣздѣ, и въ самомъ городѣ, жалобы вдругъ смолкли: таковъ былъ ужасъ передъ мѣстнымъ управленіемъ». Исправникъ Лоскутовъ, передъ пріѣздомъ Сперанскаго, отобралъ въ своемъ уѣздѣ всѣ чернила и бумагу, говорятъ преданія. На берегу Кана Сперанскаго встрѣтили вопіющія жалобы на Лоскутова, крестьяне выходили изъ лѣсовъ съ прошеніями. Лоскутова Сперанскій арестовалъ немедленно. Говорятъ, что, обыкновенно хладнокровный и сдержанный, Сперанскій здѣсь не выдержалъ. С. С. Щукинъ приводитъ въ своихъ запискахъ разсказъ объ этой встрѣчѣ. Лоскутовъ былъ въ мундирѣ, и едва произнесъ: «исправникъ Лоскутовъ»...—«Лоскутовъ?.. арестовать его, бездѣльника», воскликнулъ Сперанскій. Съ него сорвали шпагу и арестовали. «На границѣ Иркутской губерніи встрѣченъ я былъ первымъ министромъ Трескина,—писалъ Сперанскій Столыпину, — пресловутымъ Лоскутовымъ, исправникомъ нижнеудинскимъ. Съ двухъ первыхъ словъ я его отрѣшилъ, и тутъ же, арестовавъ, оставилъ за границею губерніи, за Каномъ, какъ за Стиксомъ. Мѣра сія была нужна, — продолжаетъ онъ.—Страхъ его десятилѣтняго управленія былъ таковъ, что на первыхъ станціяхъ не смѣли иначе приносить жалобъ, какъ выбѣгая тайно на дорогѣ изъ лѣсовъ». Корфъ прибавляетъ: «когда Сперанскій приказалъ взять Лоскутова, бывшіе при этомъ крестьяне упали на колѣни и, хватая за руки Сперанскаго, воскликнули: «батюшка! да вѣдь это Лоскутовъ!» Несчастные думали, что и Сперанскій безсиленъ предъ этимъ человѣкомъ. Въ Нижнеудинскѣ Сперанскій назначилъ сейчасъ же слѣдственную коммиссію и приказалъ описать имѣніе Лоскутова. У него было найдено 138.243 р., кромѣ разныхъ вещей, серебра, мѣховъ, которымъ оцѣнка не сдѣлана. Все это имущество было отправлено торжественною процессіею въ Иркутскъ. «Иркутскъ ожидалъ Сперанскаго въ волненіи. Трескинъ приготовилъ иллюминацію и музыкантовъ. Показалась лодка, — пишетъ одинъ современникъ.—Вниманіе было напряжено.—Не генералъ ли губернаторъ? Кто такой? — окликаютъ иркутяне съ берега. — Имущество Лоскутова! — отвѣчаетъ прибывшій офицеръ. Трескинъ поблѣднѣлъ. Кто-то замѣтилъ: первая батарея сбита». Изъ Нижне-

удинска же Сперанскій послалъ бумагу Трескину съ запросомъ, правда ли, что приносить жалобы поселенцамъ на Лоскутова было запрещено самимъ Трескинымъ? Сперанскій здѣсь былъ буквально заваленъ жалобами. По день отъѣзда изъ Нижнеудинска ихъ поступило 280. Сумма предъявленныхъ на Лоскутова взысканій простиралась до 129.000 рублей. Много жалобъ поступило впослѣдствіи. «Это были жалобы на вымогательства, жестокости, принужденія къ даровой работѣ, насильную продажу хлѣба и скота по произвольнымъ цѣнамъ, самовольныя ссуды денегъ за неумѣренные проценты, притѣсненія по закупкамъ хлѣба и натуральнымъ повинностямъ, чрезвычайные денежные сборы, наконецъ, что торгъ съ инородцами былъ захваченъ исключительно въ руки Лоскутова и двухъ его клевретовъ», — разсказываетъ г. Вагинъ.

По пріѣздѣ Сперанскаго въ Иркутскъ также было учреждено слѣдствіе и ревизія. Но жалобы въ Иркутскѣ въ первые дни боялись даже подавать. При объявленіи Сперанскимъ, что Трескинъ устраненъ отъ должности, жители страшились, что впослѣдствіи снова онъ займетъ мѣсто и отомститъ. Иркутяне припоминали примѣръ съ губернаторомъ Жолобовымъ. Трескинъ, кромѣ того, составилъ себѣ въ Иркутскѣ партію не только изъ чиновниковъ, съ которыми дѣлился, но и изъ купцовъ, съ которыми торговалъ. Но когда увидѣли, что подавать жалобы не опасно, то онѣ послѣдовали въ страшномъ количествѣ. Число ихъ достигало до 300 въ день. Въ скоромъ времени въ иркутскомъ казначействѣ была распродана вся гербовая бумага, такъ что дѣлались надписи на простой, употребленной вмѣсто гербовой. Крестьянамъ разрѣшены были словесныя жалобы, и дворъ иркутской слѣдственной коммиссіи не могъ помѣщать просителей. Сперанскому въ первое время приходилось «развивать клубокъ съ медленностью и великимъ терпѣніемъ», пока Трескинъ оставался на должности. «Корыстолюбивая, жадная монополія обличается гласомъ народнымъ,— писалъ Сперанскій,—но предъ закономъ должно обличиться законными мѣрами»... «Злоупотребленія очевидны, но должно доказать ихъ. Трескинъ человѣкъ наглой, отмѣнно смѣлый, не глупъ, хотя худо воспитанъ, но хитръ и лукавъ какъ демонъ»...

Сперанскій, однако, успѣлъ открыть и разоблачить трескинскую организацію. Коммисія, учрежденная подъ предсѣдательствомъ Цейера въ Иркутскѣ для раскрытія злоупотребленій, привлекла къ отвѣтственности до 216 лицъ; сумма однихъ частныхъ взысканій простиралась свыше *двухъ милліоновъ*. «Все то, что о здѣшнихъ дѣлахъ говорили въ Петербургѣ, писалъ Сперанскій, не только

есть истина, но—и это рѣдко бываетъ—истина не увеличенная». Злоупотребленія были такъ велики, что, по мнѣнію Сперанскаго, всякій другой край, менѣе обильный, былъ бы подавленъ ими совершенно. «При открытіи злоупотребленій, даже Цейеръ, человѣкъ съ добродушнымъ характеромъ,—говоритъ г. Вагинъ,—при видѣ ненавистныхъ беззаконій, ожесточился, разстроилъ свое здоровье, сдѣлался мрачнымъ нелюдимомъ, стали опасаться за его разсудокъ». Положеніе Сперанскаго было тѣмъ тяжелѣе, что онъ видѣлъ всю невозможность уничтожить зло, вкоренившееся годами. Онъ старался, по возможности, облегчить это положеніе. «Ревизія Сперанскаго была болѣе совѣстная, нежели формальная, — говоритъ г. Вагинъ. Онъ отбросилъ всякія формальности. — Жалобъ на лихоимство было такъ много, а законы противъ него такъ жестоки, что Сперанскій рѣшилъ выключить слово *взятки* изъ сибирской ревизіи. Большую часть дѣлъ подобнаго рода онъ обращалъ въ гражданскіе иски и приказывалъ удовлетворять обиженныхъ. Словомъ, онъ прекращалъ множество дѣлъ домашнимъ образомъ. Многихъ виновныхъ онъ прощалъ, и старался сохранить полную безстрастность правосудія. Въ этомъ случаѣ онъ часто выказывалъ даже великодушіе и отрѣшался отъ того личнаго чувства и страсти, съ какой часто совершаются дѣла такого рода». Напротивъ, эта роль по его личному характеру была непріятна. «Мое ли дѣло розыскивать, преслѣдовать, обличать, ловить преступленія?» — не разъ съ горечью восклицаетъ онъ въ письмахъ къ Столыпину.—«По совѣсти я никого не обвинялъ, кромѣ тѣхъ, кои попускали злоупотребленія,—пишетъ онъ ему,—но по закону *всѣ безъ разбора виноваты*, и списокъ ихъ по сіе время по всѣмъ тремъ губерніямъ составляетъ уже около 150 человѣкъ»... «Если бы успѣхъ порученнаго мнѣ дѣла должно было измѣрять количествомъ обнаруженныхъ злоупотребленій — писалъ Сперанскій Гурьеву,— то было бы мнѣ, чѣмъ утѣшиться. Но какое же утѣшеніе! преслѣдовать толпу мелкихъ исполнителей, увлеченныхъ примѣромъ и попущеніемъ главнаго ихъ начальника! Дѣла сего начальства приведены теперь въ такую ясность, что мудрено было бы ихъ затмить».

Въ этомъ случаѣ Сперанскій хорошо понималъ, что причины злоупотребленій лежали не въ людяхъ, а въ цѣлой системѣ, что злоба и преслѣдованія тутъ не помогутъ. Несмотря на то, что Сперанскій множество дѣлъ разрѣшилъ самъ, онъ долженъ былъ предать суду двухъ губернаторовъ, 48 чиновниковъ, всѣхъ же замѣшано было 681 человѣкъ. Взысканія насчитывались до 2.847.000 руб. Всѣ эти дѣла были представлены въ сибирскій комитетъ; лица,

участвовавшія въ злоупотребленіяхъ, были раздѣлены на категоріи, но къ болѣе строгому наказанію были приговорены только 43 человѣка. Эти лица были отрѣшены отъ должности и должны были удалиться во внутреннія губерніи, но и тутъ были сдѣланы исключенія. Трескинъ лишенъ былъ чиновъ и знаковъ отличія.

Какъ ни могла казаться снисходительной подобная ревизія по своимъ послѣдствіямъ, въ виду огромныхъ злоупотребленій, лоскутовскихъ неистовствъ и т. п., но враги Сперанскаго въ Петербургѣ находили ее жестокою. До какой степени между тѣмъ слабы были взысканія, видно изъ многихъ фактовъ, приведенныхъ въ матеріалахъ. Между прочимъ, Сперанскій сдѣлалъ сначала распоряженіе обвиненныхъ въ злоупотребленіяхъ и отданныхъ подъ судъ— отдать подъ надзоръ полиціи, но вскорѣ и это отмѣнилъ. Геденштромъ, уволенный за взятки, снова поступилъ на службу. Лоскутовъ отпросился въ Иркутскъ и жилъ свободно. Сперанскій отдавалъ даже такія распоряженія относительно подсудности изобличенныхъ чиновниковъ: «если казенный недостатокъ пополненъ или достаточно обезпеченъ, оставить дальнѣйшее изслѣдованіе, тѣмъ болѣе, что при настоящемъ положеніи дѣлъ и при недостаткѣ чиновниковъ и употребить къ сему некого». И дѣйствительно, многіе замѣшанные въ дѣлахъ совершенно были оставлены безъ взысканій, а когда были получены свѣдѣнія о наложенныхъ взысканіяхъ, то нѣкоторые изъ подсудимыхъ, какъ Геденштромъ, задали даже пирушку.

Что Сперанскій не преслѣдовалъ съ особенной яростью мелкихъ чиновниковъ стараго управленія, это, конечно, могло объясниться только высотою его взгляда и пониманіемъ, что всякія преслѣдованія тутъ будутъ безполезны; но не можетъ не показаться страннымъ, что въ своей ревизіи и изобличеніи Сперанскій преднамѣренно обошелъ главнаго виновника, Пестеля, а Трескина не обвинилъ даже во взяткахъ, несмотря на улики. «Дѣла могли ему доставить множество матеріаловъ для обвиненія Пестеля не только въ крайнемъ произволѣ, но и въ недобросовѣстности предъ высшимъ правительствомъ, говоритъ г. Вагинъ. Изъ писемъ видно, что Сперанскій хорошо зналъ ту связь, которая существовала между Пестелемъ и Трескинымъ. Онъ зналъ, что всѣ бумаги составлялись для Пестеля въ Иркутскѣ, что Пестель покрывалъ Трескина и былъ его участникъ. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ: «связь съ Трескинымъ у Пестеля другаго рода, чѣмъ служебная. Не вѣрьте бѣдности моего предмѣстника». О талантахъ Пестеля онъ отзывался презрительно: «не только Сибирью, мнѣ кажется, ему трудно было бы управлять и Олонецкою губерніею; это самая

слабая голова, какую я когда-либо зналъ». При всѣхъ уликахъ, однако, Сперанскій пожелалъ «сдѣлать исключеніе изъ общаго правила, и не говорить ничего худаго, или, по крайней мѣрѣ, молчалъ о своемъ предмѣстникѣ», какъ онъ выразился въ одномъ письмѣ Аракчееву. Онъ сначала умолчалъ-было объ отвѣтственности Пестеля въ сибирскихъ безпорядкахъ; но докладъ его былъ возвращенъ отъ государя съ повелѣніемъ постановить заключеніе и о Пестелѣ. Дѣйствительно, указывая на причины зла, невозможно было не представить, какимъ образомъ главный управитель въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ скрывалъ и перерѣшалъ дѣла сибирскаго управленія во всѣхъ инстанціяхъ, пребывая постоянно въ Петербургѣ. Но здѣсь, вѣроятно, обнаружились бы тѣсныя отношенія нѣкоторыхъ лицъ къ Пестелю, какъ, напримѣръ, Аракчеева, а это не входило въ планъ Сперанскаго, видѣвшаго для себя за ревизіей новыя поприща въ Петербургѣ. Одной ревизіи, какъ человѣкъ государственный, Сперанскій не могъ придать какого-либо значенія въ улучшеніи дѣлъ и прекращеніи злоупотребленій въ краѣ. Представляя краткій отчетъ о своей ревизіи государю, въ 1820 г., Сперанскій говоритъ: «но сіи мѣры и сами по себѣ недостаточны, и въ исполненіи ихъ непрочны. Никакое начальство не можетъ ручаться въ продолжительномъ ихъ дѣйствіи, если не постановленъ будетъ порядокъ управленія, мѣстному положенію сего края свойственный»... «Ревизія есть дѣло временное,—писалъ онъ о томъ же Голицыну, — и повторять ее часто на сихъ разстояніяхъ невозможно. Порядокъ управленія, мѣстному положенію свойственный, можетъ одинъ упрочить добро на долгое время. Учрежденія безъ людей тщетны; но и люди безъ добрыхъ учрежденій мало добраго произвести могутъ». Послѣ ревизіи, люди остались тѣ же въ Сибири; страна терпѣла недостатокъ не только въ чиновникахъ честныхъ, но вообще въ чиновникахъ. «Здѣсь вопросъ,—писалъ Сперанскій,—не въ выборѣ людей честныхъ или способныхъ, но въ положительномъ и совершенномъ недостаткѣ даже и посредственныхъ, даже и людей неспособныхъ»... «Я не могу даже составить своей канцеляріи,—жаловался онъ,—и долженъ довольствоваться тѣмъ, что поступило ко мнѣ отъ моего предмѣстника»... «У меня управленіе безъ людей, обширное производство дѣлъ почти безъ канцеляріи», прибавляетъ онъ.

У Сперанскаго было немного своихъ помощниковъ, такъ какъ остальной штатъ управленія некѣмъ было замѣнить послѣ Трескина. Вмѣсто Трескина, назначенъ былъ иркутскимъ губернаторомъ вице-губернаторъ Зеркаловъ, «человѣкъ безъ большихъ способностей и даже малограмотный», «въ бумагахъ онъ терпѣть не могъ кавыкъ».

Послѣ него былъ опредѣленъ комендантъ Цейдлеръ, человѣкъ добрый, но, по своимъ понятіямъ объ управленіи, онъ, какъ всѣ современники, скорѣе приближался къ Трескину. Томскимъ губернаторомъ оставался Илличевскій, при которомъ было открыто столько злоупотребленій; о способностяхъ его Сперанскій отзывался довольно презрительно. Тобольскимъ губернаторомъ считался 70-ти-лѣтній Фонъ-Бринъ. Про начальника Якутской области говорятъ матеріалы, что безкорыстіе его было, быть можетъ, *небезупречно*, но онъ оставался потому, что въ тѣ времена, и долго еще послѣ, на этотъ недостатокъ смотрѣли сквозь пальцы, если только онъ не выходилъ изъ извѣстныхъ границъ». Этого начальника между тѣмъ считали еще за дѣльнаго человѣка. Но въ это же время оставались на мѣстахъ и такіе начальники, какъ управитель Охотскаго порта—Ушинскій, о которомъ въ 1823 году отзывался Рикордъ: «Ушинскій во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ руководствуется одною только властію начальника, не подчиняясь ни чести, ни совѣсти, и потому рѣшительно осмѣливаюсь объявить свое мнѣніе, что дальнѣйшее его управленіе Охотскимъ портомъ противно человѣческимъ и божескимъ законамъ». Сперанскій долженъ былъ большинство чиновниковъ, изобличенныхъ во взяточничествѣ по суду, оставить на мѣстахъ, потому что «некѣмъ было замѣнить». Несмотря на всю строгость ревизіи въ Иркутской губерніи, Сперанскій и здѣсь, по недостатку въ людяхъ, удалилъ очень немногихъ, наиболѣе обвинявшихся чиновниковъ. Въ отдаленныхъ мѣстахъ онъ принужденъ былъ смотрѣть снисходительно даже на явно виновныхъ въ злоупотребленіяхъ». Сперанскій, смѣняя и замѣняя другими, приходилъ къ необходимости призывать уже отрѣшенныхъ за взятки, только потому, что они иногда казались менѣе жадными тѣхъ, кого смѣняли.

Характеристическій анекдотъ по этому поводу приводитъ одинъ изъ старожиловъ, С. С. Щукинъ. «Сперанскій, ѣхавшій по Сибири въ качествѣ генералъ-губернатора въ 1819 г., изумлялся неслыханнымъ злоупотребленіямъ разныхъ лицъ,—говоритъ Щукинъ въ своихъ запискахъ. — Онъ отрѣшилъ перваго исправника Зинова, на котораго вся жалоба состояла въ удержаніи 50 руб., слѣдовавшихъ крестьянамъ за постройку моста; но чѣмъ ѣхалъ далѣе, тѣмъ жалобы возрастали. Сказывали, что по пріѣздѣ въ Томскъ, онъ приказалъ написать отрѣшенному исправнику Зинову, чтобы онъ, какъ *честнѣйшій изъ исправниковъ*, пріѣхалъ въ Иркутскъ, гдѣ получилъ новое назначеніе». Самымъ разительнымъ примѣромъ недостатка въ чиновникахъ,—говоритъ г. Вагинъ,—служитъ дѣло объ опредѣленіи исправника въ Туруханскъ. Назначивъ слѣд-

ствіе въ Туруханскѣ, въ первомъ проѣздѣ по Сибири, Сперанскій отрѣшилъ бывшаго исправника Стыртова. Вмѣсто него Сперанскій опредѣлилъ Корсакова. Этотъ Корсаковъ, явившись, дрался съ крестьянами, инородцами и вахтерами, не исполнялъ требованій слѣдователя Осипова, посланнаго Сперанскимъ, хвастался тѣмъ, что братъ его служитъ правителемъ дѣлъ у Сперанскаго, притѣснялъ Стыртова въ сдачѣ дѣлъ, а самъ не занимался дѣлами. О немъ писалъ Осиповъ, что «ни малѣйшей нѣтъ надежды, чтобы по строптивости своей этотъ исправникъ пріобрѣлъ любовь инородцевъ»... «Отъ него уже бѣгаютъ, я ужъ не понимаю, на что онъ походитъ», — прибавляетъ слѣдователь. Сперанскій предписалъ Корсакова смѣнить и назначить опять Стыртова, уже смѣненнаго по ревизіи. Пока дѣло шло, «человѣкъ, о которомъ говорили, «что онъ не знаю на что походитъ», оставался на мѣстѣ почти годъ послѣ этого отзыва» и замѣненъ былъ не лучшимъ. То же самое было и съ другими перемѣщеніями. Чиновники не могли измѣнить своихъ привычекъ и воззрѣній и при Сперанскомъ. «Нравственный уровень тогдашняго чиновничества былъ не высокъ—замѣчаетъ г. Вагинъ.—Примѣръ продажности подавали высшіе чиновники; кромѣ того, у среднихъ и низшихъ были свои пороки: пьянство и развратъ, сопряженные съ буйнымъ разгуломъ»... «Этихъ пороковъ были не чужды и нѣкоторые изъ способнѣйшихъ людей того времени», прибавляетъ изслѣдователь (Матер. Вагина, стр. 140). Но лучшимъ примѣромъ, до чего могли пасть нравы въ средѣ сибирскаго чиновничества, служитъ опять разсказъ Щукина объ ожиданіи Сперанскаго. Въ важныхъ случаяхъ у Трескина собирались для совѣта исправники и главныя лица управленія. Передъ пріѣздомъ Сперанскаго, на чрезвычайномъ конгресѣ одинъ изъ приближенныхъ Трескина, Третьяковъ, предложилъ слѣдующій вопросъ Трескину: — «А что, Н. И., Михайло Михайловичъ ѣстъ хлѣбъ? — Какъ же, Алеша, не ѣстъ?! — А если ѣстъ, то трудно ли будетъ съ нимъ познакомиться?—Пусть кумъ Андрей (одинъ изъ исправниковъ) дастъ столько-то, Евстафій Фомичъ (другой исправникъ) столько-то. Такимъ образомъ пересчиталъ всѣхъ, и рѣшено было собрать, какъ тогда говорили, нѣсколько сотъ тысячъ рублей и поручить ихъ Лоскутову поднесть при первомъ вступленіи Сперанскаго на границу Иркутской губерніи».

При такихъ условіяхъ ревизія осталась почти безъ послѣдствій. Мы видимъ, что Сперанскій и самъ понималъ, что безъ учрежденій, безъ болѣе удовлетворительнаго контингента чиновниковъ, наконецъ, безъ новыхъ «основаній» управленія, невозможно даль-

нѣйшее управленіе Сибирью. Совершивъ ревизію, онъ и считалъ свое порученіе конченнымъ. «Считая пребываніе свое здѣсь временнымъ,—писалъ Сперанскій,—я долженъ сего держаться и потому, что управленіе Сибири, при настоящемъ вещей порядкѣ, есть вещь для меня невозможная, да и никто, думаю, съ здравымъ смысломъ на сіе не отважится»... «Къ марту мѣсяцу всѣ слѣдствія будутъ окончены, и всѣ свѣдѣнія изготовлены. Послѣ сего мнѣ здѣсь дѣлать будетъ нечего. Смѣю даже утверждать, что пребываніе мое здѣсь было бы вредно. Правительство лишится къ себѣ послѣдняго довѣрія, если, обнаруживъ безпорядки, оно не поспѣшитъ ввести лучшаго устройства; а введеніе сіе отъ меня не зависитъ»,—такъ пишетъ онъ къ Кочубею.

Въ планѣ Сперанскаго было, раскрывши безпорядки и злоупотребленія въ сибирскомъ управленіи, немедленно уѣхать изъ Сибири и участвовать только въ составленіи для нея новаго положенія и новыхъ основаній управленія. Но онъ былъ оставленъ еще на годъ управлять Сибирью въ качествѣ генералъ-губернатора на старомъ положеніи. Лично для себя, какъ мы указали, онъ получилъ съ горемъ новую отсрочку, принявъ ее за немилость, но, кромѣ того, онъ понималъ и всю трудность что-нибудь сдѣлать здѣсь при прежнихъ средствахъ. Какъ ни предполагаютъ біографы Сперанскаго, увлекаясь личными качествами и достоинствами этого администратора, что одно пребываніе Сперанскаго въ Сибири уже могло измѣнить порядокъ дѣлъ, но самъ Сперанскій справедливо не придавалъ такого значенія своему управленію. Въ этомъ смыслѣ онъ дѣлаетъ слѣдующія характеристическія замѣчанія насчетъ своего управленія, въ качествѣ генералъ-губернатора, Сибирью:

«Какою волшебною силою человѣкъ, брошенный сюда изъ Пензы,—пишетъ онъ Кочубею,—безъ всякихъ знаковъ особеннаго довѣрія, не получивъ и не предъявивъ никакихъ новыхъ и значительныхъ инструкцій, могъ вступить въ борьбу со всѣми почти чиновниками, со всѣмъ составомъ управленія, могъ одинъ съ Цейеромъ обуздать извѣстныя сибирскія дерзости, обнаружить злоупотребленія, потрясти фортуны, въ 13 лѣтъ составленныя, и испровергнуть цѣлую систему связей твердыхъ, обдуманныхъ и привычкою скрѣпленныхъ? Мы не въ томъ вѣкѣ живемъ, и Сибирь не тотъ край, гдѣ бы истина могла произвести сіи явленія! Какъ я могу управлять безъ моральной власти?—Скажутъ—законами, какъ будто существуютъ законы въ Сибири, всегда управляемой самовластіемъ, и какъ будто законы могутъ исполняться безъ исполнителей. Страхъ есть дѣло внезапности, родъ очарованія;

надобно знать его мѣру, чтобы имъ пользоваться. Вопросъ: кто наиболѣе пострадаетъ отъ сего положенія дѣлъ?—Сибирь, ибо первое послѣдствіе всякаго пренебреженія власти есть собственный свой вредъ. А что власть, мнѣ данная, будетъ пренебрегаема, въ семъ не могу я имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія». Такимъ образомъ, Сперанскій, поставленный въ прежнее положеніе правителей, сознавалъ полную невозможность управленія краемъ. Онъ понималъ, что злоупотребленія и при его управленіи по прежнему будутъ развиваться. Свои воззрѣнія на дальнѣйшее управленіе Сибирью онъ откровенно высказываетъ въ письмѣ къ князю Голицыну: «Когда всѣ дѣла, порученныя мнѣ (т.-е. ревизія) окончены. мнѣ остается влачить здѣсь цѣлый годъ почти въ бездѣйствіи. Я называю бездѣйствіемъ поверхностное отправленіе текущихъ дѣлъ и терпимость безпорядка и злоупотребленій. Я могъ ихъ остановить, — говоритъ онъ, — но не истребить, *ибо порядокъ управленія, краю сему несвойственный, остается тотъ же,* исправлять я его не могу; люди остаются тѣ же, перемѣнить ихъ некѣмъ. Я не могу даже дать движеніе суду надъ ними; ибо тѣ, кои должны ихъ судить, сами подлежатъ суду по другимъ дѣламъ подобнымъ. Людей, отрѣшенныхъ въ одномъ уѣздѣ или въ одной губерніи, я принужденъ употреблять въ другой, дабы вовсе не остановить теченія дѣлъ». Такимъ образомъ, Сперанскій былъ достаточно откровененъ въ этомъ случаѣ, чтобы не закрывать глаза себѣ и другимъ, и не желалъ быть рыцаремъ, выставляющимъ личную борьбу съ злоупотребленіями за ихъ искорененіе и прекращеніе, а своимъ предписаніямъ и циркулярамъ придавать значеніе, какъ бы дѣла отъ этого измѣнились.

Управленіе его дѣйствительно ничѣмъ особеннымъ и не могло ознаменоваться. Одна личность, окруженная массой совершенно другого рода дѣятелей, не могла измѣнить порядокъ дѣлъ, и въ общемъ вліяніе ея было не особенно замѣтно. Проявленіе злоупотребленій не прекращалось. «Въ то время, когда Сперанскій преслѣдовалъ прежнія,—замѣчаетъ справедливо г. Вагинъ,—подъ его управленіемъ, подъ самой грозой его ревизіи, почти въ его присутствіи совершались новыя злоупотребленія и возбуждали необходимость въ новыхъ преслѣдованіяхъ». Такъ же дѣло шло во все время его управленія. Если чѣмъ могло отличаться его управленіе, то развѣ нѣкоторыми попытками ослабить прежній административный гнетъ, мелочность прежней регламентаціи и предоставить болѣе свободы обществу. Въ этомъ случаѣ весьма любопытны слѣдующіе его взгляды на управленіе. Первымъ долгомъ онъ пытается загладить вѣковой разладъ между обществомъ и управи-

телями. Онъ пробуетъ жить въ мирѣ съ обществомъ. Въ раскрытіи злоупотребленій онъ обратился къ гласности, къ общественному мнѣнію, и только благодаря этому могъ открыть многія злоупотребленія, покрывавшія Сибирь. Онъ пользовался помощью общества, кабинетнымъ, частнымъ образомъ, и сближался съ нимъ для своихъ цѣлей. Во время поѣздокъ онъ знакомится съ купцами, мѣщанами, выслушиваетъ крестьянъ и пользуется ихъ мнѣніями. Матеріалы, нынѣ собранные, указываютъ, что и его законодательная дѣятельность не лишена была частнаго вліянія. «Сохранилось преданіе,—говоритъ г. Вагинъ,—что въ Иркутскѣ Сперанскій совѣтовался о нѣкоторыхъ частяхъ своего законодательства съ извѣстными лицами изъ мѣстнаго купечества. Нѣкоторые изъ купцовъ и мѣщанъ, бывшихъ въ киргизской степи, были даже прямыми сотрудниками Батенькова при составленіи учрежденія о киргизахъ». Этотъ духъ его управленія, а именно, при помощи сближенія съ обществомъ и установленія съ нимъ солидарности, конечно, былъ дѣломъ его личной тактики и не перешелъ ни въ законы, проектируемые имъ, не могъ быть и переданъ его послѣдователямъ и намѣстникамъ.

Далѣе видно, какъ говоритъ г. Вагинъ, что «онъ былъ рѣшительный врагъ того полицейскаго *хватанья*, до котораго были такіе большіе охотники многіе администраторы, не только его, но и позднѣйшаго времени; онъ отнюдь не видѣлъ въ стѣсненіяхъ личной свободы панацеи противъ всевозможныхъ преступленій». Дѣйствительно, въ своихъ распоряженіяхъ онъ постоянно умѣряетъ пылъ исполнителей, пріученныхъ прежними порядками не щадить личность и не церемониться съ ней. Второю чертою его управленія было ослабленіе прежней регламентаціи, къ которой такъ склонны были его предшественники. «Крутыя мѣры, принятыя Трескинымъ, — сообщаетъ г. Вагинъ, — частію были прямо отмѣнены Сперанскимъ, частію значительно ослаблены». Мы говорили, до какой степени регламентація въѣлась въ нравы сибирскаго управленія. Крестьяне обращаются съ просьбами къ Сперанскому, чтобы ихъ пощадили отъ планировки селеній и обязательной постройки какихъ-то форменныхъ колодцевъ съ валомъ и колесомъ. Нѣкоторые города просятъ дозволять имъ навозомъ укрѣплять берегъ, такъ какъ это было запрещено, несмотря на то, что это было единственное спасеніе отъ разливовъ рѣкъ. Трескинъ отводилъ устье Иркута подъ тѣмъ предлогомъ, что рѣка имѣетъ «*неправильное теченіе*», и старался дать ей новое русло, но рѣка все держалась своего «*неправильнаго теченія*», наперекоръ Трескину. Сперанскій, конечно, былъ другихъ взглядовъ на управленіе, чѣмъ

Трескинъ и предшественники. Онъ административныя задачи не низводилъ до архитекторскихъ обязанностей, до насильственнаго «устроительства», до крашенія заборовъ, ломки домовъ, какъ это дѣлали другіе, даже позднѣе Сперанскаго; съ высоты своего поста не лѣзъ для вмѣшательства въ городское хозяйство, не обиралъ и не разорялъ городскихъ думъ въ пользу любимцевъ. Онъ предоставлялъ самому обществу вести дѣла свои.

Изъ его распоряженій и предписаній видно, что онъ былъ приверженецъ свободы торговли, и въ этомъ случаѣ былъ поклонникъ Смитовской школы. Онъ издавалъ постоянно инструкціи и правила, и предметомъ ихъ было, какъ онъ выражался, «всемѣрно благопріятствовать всякому свободному движенію торговли и удалить всѣ препятствія, какія при прежнемъ управленіи нерѣдко возникали изъ ложнаго понятія о ярмаркахъ, о сборѣ ясака и тому подобныхъ мѣрахъ». Въ Сибири относительно торговли съ инородцами существовали, до 1819 г., двѣ системы. Одна изъ нихъ была основана на опекѣ администраціи надъ инородцемъ, въ предупрежденіе кабалы и злоупотребленій купцовъ ввозомъ къ инородцамъ водки и т. п. Но при этомъ полиція и мѣстные чиновники, въ огражденіе инородцевъ отъ злоухищреній купцовъ, сами принялись за торговлю и вели ея къ общему благополучію — и охраняя инородцевъ, и не забывая себя. Другой системы домогались постоянно купцы въ своихъ выгодахъ, и ее привыкли понимать подъ именемъ «свободной торговли». Сперанскій склонялся къ этой послѣдней и особенно способствовалъ ея развитію, покровительствуя мѣстнымъ купцамъ. Въ этомъ случаѣ было не только замѣчательно его управленіе, но взглядами этими проникнуто и составленное имъ положеніе, послужившее основою къ позднѣйшему законодательству для Сибири. Мѣры эти замѣчательны были по одному, а именно по результатамъ, какими онѣ отразились въ сибирской исторіи. Система запретительная и опека надъ инородцемъ, какъ мы видимъ, привели здѣсь къ тому, что чиновники захватили въ свои руки торгъ и стали купцами. Что касается новой «свободы торговли» и покровительства торга купцовъ съ инородцами по идеѣ Сперанскаго, то она оказалась тоже не особенно выгодной. Нѣкоторые купцы, пользуясь покровительствомъ и отсутствіемъ всякой защиты инородца, взяли себѣ цѣлыя мѣстности, какъ Нерчинскій край, на откупъ, закабалили торговлей населеніе и дѣлали съ инородцами и крестьянами что хотѣли». Купцы закабаляли въ Сибири при помощи долговъ не только крестьянъ, но и мелкихъ чиновниковъ. Злоупотребленія ихъ остались необнаруженными и безнаказанными и при Сперанскомъ. Въ

Якутскѣ существовала та же система грабежа подъ видомъ торговли, и это тянулось до временъ Муравьева (т.-е. до шестидесятыхъ годовъ). Многіе администраторы позднѣе Сперанскаго, поэтому, должны были начать борьбу съ этимъ зломъ.

Торговая кабала надъ инородцемъ и крестьяниномъ до послѣдняго времени составляетъ язву страны. Изъ этого видно, что какъ система вмѣшательства, такъ и дурно понятая «свобода торговли» въ Сибири, при извѣстныхъ порядкахъ, вели одинаково къ печальнымъ послѣдствіямъ, а поощренія Сперанскаго «свободѣ торговли» только проявили другое зло, не менѣе опасное. Не измѣнялись и другія злоупотребленія сибирскаго быта при Сперанскомъ. Система казенныхъ подрядовъ при Трескинѣ, сопряженная съ разграбленіемъ казны, посредствомъ непомѣрныхъ подрядныхъ цѣнъ, часть которыхъ шла на взятки, конечно, доходила до крайности, но злоупотребленія эти не уменьшались и послѣ Сперанскаго. Реформа Сперанскаго ничего тутъ не сдѣлала.

Собственно управленіе Сперанскаго въ Сибири, какъ мы сказали, не могло ни принести замѣтныхъ результатовъ, ни послужить къ измѣненію дѣлъ. Управленіе это прошло поэтому незамѣтно: ни духъ его, ни мѣры Сперанскаго, ни личныя качества не были оцѣнены и поняты въ Сибири даже тѣми, кому онъ наиболѣе покровительствовалъ, какъ, напримѣръ, торговымъ сословіямъ. Сибиряки такъ пріучились къ регламентаціи, къ вмѣшательству администрація, къ «строительству» Трескина и ему подобныхъ, что невмѣшательство Сперанскаго въ дѣла общества и его сознательное «laissez faire, laissez passer» просто было объяснено лѣнью, неисправленіемъ своихъ обязанностей и поставлено ему иркутянами въ вину. Трескинъ же, наоборотъ, превознесенъ за его распорядительность вмѣстѣ съ своею системою. «Трескинъ былъ прекрасный распорядительный начальникъ»,—говорятъ старожилы Иркутска, разсказы которыхъ помѣщены при матеріалахъ г. Вагина. «Трескинъ все-таки *хозяинъ* былъ, *административный* человѣкъ. Онъ городъ устроилъ, вѣдь это все, и улицы, и... все это Николай Ивановичъ. До него—стыдъ сказать—«отходы» на улицу были. Братскіе даже, — на что ужъ! — и тѣхъ пахать заставилъ. Словомъ, онъ ввелъ всю эту *цифру*. Ну, и *исправники* у него были *хорошіе*, и *засѣдатели*...» «Трескина я глубоко уважаю—говоритъ другой.—Это былъ *геніальнѣйшій администраторъ*». Въ этихъ отзывахъ извиняютъ даже деспотизмъ и взяточничество Трескина. Лоскутовъ, по мнѣнію современниковъ, было *тоже отличный администраторъ*. Онъ устроилъ Нижнеудинскія поселенія, и тутъ же приводятъ разсказъ въ доказательство его спо-

собностей, какъ онъ *училъ* поселенцевъ, «спарывая всю шкуру съ головы до пятокъ»... «Сперанскій же *не былъ администраторъ*— прибавляетъ тотъ же мудрецъ-старожилъ.—Онъ былъ только умный человѣкъ на бумагѣ». Такъ управленіе Сперанскаго было понято современниками, выдрессированными Трескинымъ.

Объ управленіи Сперанскаго съ исторической точки зрѣнія можно только сказать, что при старыхъ условіяхъ и при существовавшей обстановкѣ, безъ солидныхъ учрежденій, на отсутствіе которыхъ онъ жаловался, при поголовномъ невѣжествѣ общества, злоупотребленіяхъ исполнителей, онъ и не могъ произвести существенныхъ измѣненій въ ходѣ дѣлъ сибирской администраціи. Какъ мы видимъ, онъ сознавалъ это и силился даже разъяснить другимъ, разрушая иллюзію, будто *одна его личность* могла что-либо сдѣлать.

Составленіемъ сибирскаго учрежденія Сперанскому выпадало на долю разсѣчь гордіевъ узелъ 200-лѣтняго сибирскаго управленія и разъ навсегда прекратить постоянно возникавшіе безпорядки и злоупотребленія въ Сибири. Но въ силахъ ли онъ былъ это сдѣлать? Управленіе Пестеля и Трескина отражало только вѣковой режимъ сибирской администраціи. Такимъ образомъ, чтобы искоренить неудобство и безпорядицу управленія, необходимы были не частныя, а общія мѣры. Ревизія Сперанскаго, хотя и лучшаго человѣка своего времени, не помогла, какъ не помогало прекращенію злоупотребленій его управленіе. Средство оставалось одно: создать новыя основанія управленія, услѣдивъ причины зла. Общіе недостатки сибирскаго управленія состояли въ самовластіи, безконтрольности, беззаконіи и личномъ произволѣ, развившимися благодаря отдаленности страны. Правительство съиздавна сознавало, что управлять этимъ новоприобрѣтеннымъ и отдаленнымъ краемъ на общихъ основаніяхъ не было возможности, а потому давно старалось создать въ немъ особенный порядокъ управленія, свойственный мѣстнымъ условіямъ. Попытки эти проходятъ чрезъ всю исторію Сибири. Когда-то, при воеводскомъ управленіи, былъ учрежденъ въ Москвѣ особенный «Сибирскій Приказъ», которому воеводы были обязаны отчетомъ и который былъ въ родѣ колоніальнаго департамента. Съ 1708 г. по 1764 г., т.-е. съ Петра, Сибирью управляли уже губернаторы, жившіе въ Тобольскѣ. Вся Сибирь называлась сибирской губерніей и имѣла пять провинцій. Въ составъ ея управленія входили не только Сибирь, но и часть нынѣшнихъ Вологодской, Вятской, Пермской и Оренбургской губерній. Этимъ огромнымъ райономъ завѣдывалъ одинъ губернаторъ съ огромною властью. Какова была эта власть, это видно

по первому изъ губернаторовъ, князю Гагарину, создавшему изъ себя сибирскаго вицероя. Губернаторская власть послѣ Гагарина не только не уменьшалась, но постоянно увеличивалась. Между тѣмъ, устроена была военная омская линія съ особымъ начальствомъ, и къ Россіи присоединено было новое инородческое царство въ лицѣ киргизовъ. Тогда, при Екатеринѣ, вздумали и въ Сибири устроить особое намѣстничество. Екатерина видѣла въ Сибири обширную инородческую колонію и рѣшилась дать ей права подчиненнаго царства. Она принимаетъ мѣры въ улучшеніи быта инородцевъ, водворяетъ покровительство торговлѣ бухарцевъ, обѣщаетъ изъ нихъ создать особую торговую думу для цѣлой Сибири, съ дѣлопроизводствомъ на бухарскомъ языкѣ, уничтожаетъ казенныя монополіи, наконецъ, наименовываетъ Сибирь «царствомъ», даетъ ему особый гербъ съ двумя соболями и чеканитъ особую сибирскую монету. Въ Тобольскѣ символомъ царской власти, подъ покровительствомъ котораго считается это инородческое царство, поставленъ былъ тронъ, на которомъ сибирскій намѣстникъ принималъ свидѣтельство вѣрноподданства отъ хана средней киргизской орды и остяцкихъ князей. Конечно, было странно видѣть, что край, все болѣе и болѣе заселяемый русскими, вдругъ какъ бы обратно названъ былъ инородческимъ царствомъ, съ предоставленіемъ особеннаго покровительства и даже автономіи инородцамъ. Но это объясняется не столько тѣмъ, что Екатерина Великая хотѣла обратить Сибирь въ первобытныя формы татарскаго царства, сколько ея реформаторскими планами, которые она имѣла въ виду относительно цѣлой Россіи и которые не могли не коснуться и Сибири. Въ этомъ случаѣ она скорѣе пробовала здѣсь создать нѣчто въ родѣ отдѣльнаго и мѣстнаго управленія на подобіе колоніальныхъ европейскихъ правительствъ. Планъ этотъ не былъ окончательно приведенъ въ исполненіе, и не былъ завершенъ, за-то отъ него осталась въ Сибири обширная намѣстническая власть. Уже первый намѣстникъ, вмѣсто того, чтобы стоять на ступеняхъ трона, учрежденнаго въ Тобольскѣ и напоминавшаго власть одной монархини, взобрался самъ на него, и такимъ образомъ возвелъ себя какъ бы въ царское достоинство; то же произошло и въ дѣлѣ управленія. Наконецъ, въ 1799 г., намѣстничество было отмѣнено въ Сибири, и тронъ отправленъ въ Петербургъ, а Тобольская и Иркутская губерніи возстановлены въ прежнемъ видѣ. Нечего говорить, что ни намѣстничества, ни губернаторства не могли вполнѣ обезпечить хорошаго управленія. Уже иркутскій намѣстникъ Якоби попалъ подъ судъ, за нимъ Лецдино, наконецъ, послѣдовала ревизія Селифонтова и смѣна по-

слѣдняго. Мысль устроить въ Сибири порядокъ управленія, отдѣльный и сообразный съ ея положеніемъ, высказанная при введеніи общаго управленія въ 1775 г., снова повторилась правительствомъ въ инструкціи Селифонтову. «Сибирскій край требуетъ измѣненія какъ въ раздѣленіи его, такъ и въ самомъ образѣ управленія особеннаго постановленія». Съ этою цѣлью и былъ посланъ Селифонтовъ «для личнаго обозрѣнія, собранія свѣдѣній, какъ говорила инструкція, статистическихъ, географическихъ и камеральныхъ, и основанія на самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ раздѣленія и порядка управленія краемъ». Самое управленіе Селифонтову поручалось съ временною цѣлію, «прежде нежели будутъ приведены къ концу всѣ предположенныя къ лучшему его образованію мѣры». Наконецъ, въ 1803 г. учрежденіе коммиссарствъ было предтечею болѣе общихъ преобразованій, причемъ опять упомянуто, что эта мѣра примѣняется, «прежде—пока можно будетъ составить полное образованіе края».

Даже во время генералъ-губернаторства въ Сибири Селифонтова и Пестеля, мысль объ изданіи новыхъ правилъ для управленія Сибирью не оставляла правительства. По сибирскимъ дѣламъ былъ учрежденъ особый комитетъ, подчиненный комитету министровъ. Въ 1814 году сибирскому генералъ-губернатору предполагалось дать новую инструцію. Въ 1816 году было предположено возстановить въ Россіи на всемъ пространствѣ намѣстничества,—конечно, въ этотъ планъ входила и Сибирь. Вѣроятно, въ то время такимъ образомъ выражалась мысль о децентрализаціи. Свѣдѣнія и матеріалы, въ видахъ составленія новаго особаго положенія для Сибири, продолжали собираться и при Трескинѣ. Правительство не могло только приступить къ преобразованію сибирскаго управленія, отвлекаемое войнами 1812—1814 годовъ. Несмотря на то, въ видахъ удобства мѣстнаго управленія и быстраго рѣшенія дѣлъ, правительство дѣлало постоянно частныя измѣненія въ сибирскомъ управленіи, между прочимъ, предоставляя главнымъ администраторамъ особыя уполномочія. Это дало поводъ послѣднимъ самимъ хлопотать объ увеличеніи власти. Таковы, собственно, были особенности въ основаніяхъ сибирскаго управленія въ эпоху, предшествовавшую Сперанскому. Но въ концѣ управленія Пестеля взглядъ правительства измѣнился: оно должно было усумниться въ пользахъ увеличенія этой власти, и министръ Козодавлевъ выразилъ въ своей запискѣ рѣшительное мнѣніе противъ такого порядка. «Въ первое время открытія безпорядковъ въ Сибири,—писалъ онъ,—они были приписываемы слишкомъ ограниченной власти начальниковъ, а потому она была усиливаема постоянно и всегда,

какъ новые и сильнѣйшіе безпорядки открывались». Такимъ образомъ, явилось вновь сознаніе о необходимости ограниченія власти правителей. Мысли эти высказаны довольно опредѣленно въ проектѣ министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева, который обыкновенно ставятъ въ параллель съ проектомъ Сперанскаго. Разсматривая причины существовавшихъ безпорядковъ, Козодавлевъ приходитъ къ заключенію, что для предотвращенія ихъ возникновенія «необходимо начертать, болѣе сообразное съ мѣстными условіями, управленіе». Проектъ его заключалъ слѣдующія основанія: не распространяясь въ исчисленіи всѣхъ золъ, происходящихъ отъ самовластія мѣстныхъ начальниковъ, — пишетъ министръ, — мнѣ кажется, что власть ихъ должна быть ограничена, а не распространяема и увеличиваема. Учрежденіе верховнаго въ сибирскихъ губерніяхъ правительства совѣта или коммиссіи, частію опредѣляемыхъ изъ чиновниковъ отъ правительства, частію избираемыхъ изъ тамошнихъ жителей разныхъ сословій, можетъ одно ограничить власть начальника, который, какъ предсѣдатель сего мѣста, имѣетъ только перевѣсъ въ случаѣ равныхъ голосовъ. Впрочемъ, въ случаяхъ чрезвычайныхъ и по дѣламъ, времени не терпящимъ, главный начальникъ можетъ дѣло остановить, или приказать исполнить безъ отлагательства, не взирая на несогласіе совѣта; но въ ту-жъ минуту безъ малѣйшаго промедленія онъ долженъ сообщить объ ономъ тому министру, до части котораго производимое дѣло касается. Кромѣ того, прибавляетъ Козодавлевъ, мнѣ кажется, что при ограниченіи власти мѣстнаго начальника, не безполезно будетъ усилить и власть магистратовъ и городскихъ правленій. Магистраты городовъ остзейскихъ губерній доказали и доказываютъ пользу, каковую они принесли и приносятъ промышленности, торговлѣ и вообще образованности жителей тѣхъ губерній». Таковы были мысли министра, высказанныя въ засѣданіи комитета, которыя онъ предполагалъ положить въ основаніе реформы, и передалъ Сперанскому.

Что касается мнѣній Сперанскаго, то, послѣ совершенной ревизіи, онъ видѣлъ также необходимость произвести коренную реформу сибирскаго управленія, согласно мѣстнымъ условіямъ края. Онъ сознавалъ, что управленіе на общемъ положеніи, при отдаленности Сибири, невозможно, и требуется созданіе особыхъ основаній. «Если бы устройство сего края было частное, то можно было бы и исправить его частными перемѣнами, но Сибирь требуетъ общаго и совокупнаго во всѣхъ частяхъ образованія,—писалъ онъ, обозрѣвъ сибирскіе порядки. — Она не можетъ быть управляема, какъ Новгородская и Тверская губерніи, между тѣмъ

настоящій порядокъ и правила одинаковы», — присовокупляетъ онъ въ письмѣ къ Кочубею

Трудность административныхъ задачъ въ Сибири состояла въ томъ, что здѣсь не прилагались, не прилаживалась вовсе тѣ начала управленія, которыя проектировались въ другихъ областяхъ, порождая совершенно иные результаты. Здѣсь не удавалось управленіе ни на общемъ основаніи, ни на особенномъ. При томъ и другомъ порядкѣ являлись особаго рода неудобства. Если при одномъ порядкѣ страна терпѣла отъ самовластія при увеличеніи власти, которая предоставлялась мѣстнымъ начальникамъ для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ, то, съ другой стороны, замедленіе дѣлъ и зависимость ихъ отъ дальнихъ центральныхъ учрежденій приводили въ Сибири къ другимъ затрудненіямъ. Рѣшенія дѣлъ или какихъ-либо необходимыхъ для края распоряженій приходилось ждать по нѣскольку лѣтъ; такъ, разъ пришедшій грузъ въ Камчатку съ съѣстными припасами долженъ былъ дожидаться разрѣшенія о принятіи ихъ изъ Петербурга. Дѣла уголовныя длились десятки лѣтъ. Такимъ образомъ, усиленіе власти и предоставленіе ей значительныхъ полномочій посоляло произволъ, а уменьшеніе власти и подчиненіе хода дѣлъ отдаленнымъ высшимъ инстанціямъ рождало замедленіе и неудобства для края. Однѣ мѣры парализовали другія; сибирское управленіе требовало между тѣмъ мѣстнаго управленія со всѣми гарантіями отъ произвола администраціи. Централизація здѣсь приводила къ однимъ злоупотребленіямъ, а предоставленіе независимой власти начальникамъ на мѣстѣ—къ другимъ. Таковъ былъ давнишній сфинксъ сибирской исторіи Эти задачи должно было разрѣшить и примирить Сперанскому.

Сперанскій хорошо видѣлъ, что доселѣ управленіе Сибирью основывалось на личномъ довѣріи къ администраторамъ, и что ихъ власти не было положено основаній. Онъ поставилъ цѣлью, поэтому, сибирскихъ правителей подчинить законамъ и сдѣлать орудіемъ правительства. Но самое огражденіе законами не могло достигать цѣли, по его мнѣнію, безъ особыхъ прочныхъ учрежденій, могущихъ слѣдить за этой властью. Самые лучшіе начальники, предоставленные себѣ, могли ошибаться. Вотъ что чрезвычайно справедливо высказалъ онъ по этому поводу: «если бы личная власть въ Сибири, говоритъ онъ, предоставленная до 1819 года бывшимъ въ Сибири главнымъ правителямъ, и ограждалась подробными и самыми вѣрными правилами, то и тогда, бывъ удалена отъ надзора и не имѣя вокругъ себя ни преграды, ни предостереженія, она легко могла бы перейти въ само-

властіе. Довѣріе къ личнымъ свойствамъ тутъ не защита, ибо въ самовластіе впадаютъ постепенно, нечувствительно и не всегда съ худымъ намѣреніемъ. Напротивъ, при намѣреніяхъ самыхъ лучшихъ, по самому усердію къ добру и желая дойти къ нему кратчайшею дорогою или избрать рѣшительнѣйшія мѣры, увлекаются въ заблужденія, сперва для сокращенія нарушаютъ формы маловажныя, потомъ идутъ къ важнѣйшимъ, наконецъ, касаются и существа дѣла и, такимъ образомъ, поступая всегда по добрымъ побужденіямъ, ниспровергаютъ порядокъ и, дѣйствуя по совѣсти, дѣйствуютъ противозаконно». Главною программою и цѣлью своей реформы онъ поставилъ поэтому: 1) преобразить личную власть начальниковъ въ установленіе и, соединивъ единство ея дѣйствія съ *гласностью*, охранить ее отъ самовластія и злоупотребленій законными средствами; учредить ея дѣйствія (т.-е. распоряженія), чтобы они не были личными и домашними, а служебными и *публичными*; 2) усиливъ надзоръ, собрать раздробленныя и безсильныя его части въ одно *установленіе*, и такимъ *учрежденіемъ замѣнить*, *съ одной стороны*, *удаленный отъ Сибири надзоръ высшаго правительства*, *а съ другой — недостаточный надзоръ общественнаго мнѣнія;* 3) раздѣлить и опредѣлить тѣ административныя функціи, которыя были прежде смѣшиваемы въ разныхъ учрежденіяхъ; 4) привести въ согласіе всѣ части управленія; 5) приспособить управленіе къ особенному положенію тѣхъ сибирскихъ областей, которыя при огромномъ пространствѣ имѣютъ весьма мало населенія; 6) ввести простоту и удобство обрядовъ въ видахъ успѣшности и быстроты разрѣшенія дѣлъ.

Какъ ни были благонамѣренны и соотвѣтственны обстоятельствамъ эти цѣли, но, конечно, при всякихъ благихъ намѣреніяхъ важнѣе всего ихъ выполненіе. А потому любопытно взглянуть, какими путями Сперанскій стремился осуществить ихъ? Имѣя въ виду содѣйствовать быстрому разрѣшенію дѣлъ на мѣстѣ и учредить контроль въ сибирскомъ управленіи, Сперанскій проектировалъ составить отдѣльное высшее управленіе для Сибири. Онъ предложилъ образовать въ каждой части Сибири «главное управленіе подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора»; главное управленіе должно было служить и высшимъ правительственнымъ мѣстомъ въ Сибири. Генералъ-губернаторская власть являлась исполнительною, она составляла только часть установленія. Дѣятельность ея состояла только въ надзорѣ и исполненіи. Такимъ образомъ, онъ проектировалъ ограниченіе власти и спеціальное ей назначеніе. Въ помощь генералъ-губернаторамъ учрежда-

лись совѣты изъ чиновниковъ мѣстнаго управленія и частью отъ министерствъ: «мнѣніе этого совѣта необходимо во всѣхъ важныхъ предметахъ, присвоенныхъ совѣту». «*Но мнѣнія совѣта безъ утвержденія предсѣдателя недѣйствительны*; члены совѣта *не могутъ остановить исполненія*, но они имѣютъ право непринятое мнѣніе представлять высшему начальству». Роль совѣтовъ была *совѣщательная*. Подобные же совѣты установлялись въ помощь губернаторамъ изъ чиновниковъ главнаго управленія по губерніямъ и окружные совѣты у окружныхъ начальниковъ.

Таковъ былъ планъ, на которомъ построено сибирское учрежденіе. Планъ этотъ основывался на введеніи коллегіальнаго управленія во всѣхъ частяхъ, вмѣсто единоличнаго, и опирался на взаимный контроль однихъ учрежденій другими. «Введеніемъ коллегіальнаго управленія,—говоритъ г. Вагинъ,—Сперанскій имѣлъ въ виду предохранить власть отъ ошибокъ и увлеченій. Но это *нисколько не ослабляло исполнительной власти*, отъ нея зависѣло принять или не принять мнѣніе совѣта. Одно уже это показывало теоретичность проекта, имѣвшаго въ виду разомъ соединить и *ограниченіе*, и *независимость* исполнительной власти, т.-е. два противоположныя начала. Присоединеніе совѣтовъ къ тому же не было собственною мыслью Сперанскаго. Еще въ проектѣ намѣстничествъ, въ 1816 г., предполагалось во всей Россіи учредить при намѣстникахъ совѣты, съ правомъ совѣщательнаго голоса; въ запискѣ Козодавлева упоминается о примѣненіи совѣта собственно къ Сибири. Самый совѣтъ притомъ у Козодавлева имѣетъ болѣе широкую программу, чѣмъ у Сперанскаго. Учрежденіе совѣтовъ имѣло разительное сходство съ тѣми учрежденіями, которыя Сперанскій приводилъ въ дѣйствіе въ первую счастливую эпоху своей дѣятельности въ министерствахъ». Насколько они близки были этимъ учрежденіемъ, по мнѣнію Корфа, далеко неудавшимся и несоотвѣтствовавшимъ первоначальнымъ планамъ Сперанскаго, это трудно сказать, но что они были по плану, давно принятому для общаго управленія, съ этимъ нельзя не согласиться, потому что главное управленіе Сибири было сколкомъ съ обыкновенныхъ губернскихъ правленій, введенныхъ въ Россіи съ нѣкоторымъ выдѣленіемъ совѣта и правомъ обсуждать только дѣла въ бо́льшемъ размѣрѣ. Точно также они соотвѣтствовали и принятому принципу коллегіальнаго порядка обсужденія дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ, принципу, существовавшему довольно давно и, какъ видимъ, не разъ предлагавшемуся. Если чѣмъ и отличались проектируемыя для Сибири губернскія и главныя управленія съ совѣтами, состоящими въ подчиненіи у губернаторовъ,

то очень незначительно отъ прочихъ присутственныхъ мѣстъ въ Россіи; принципіальнаго же различія между ними не было. Сперанскій старался примирить неудобства сибирскаго управленія соединеніемъ коллегіальнаго порядка съ единоличнымъ и гарантировать обыкновенной комбинаціей при помощи зависимости однихъ чиновниковъ отъ другихъ.

Въ общемъ, измѣненія и проекты Сперанскаго были столь скромны и столь соотвѣтственны обыкновенному канцелярскому порядку, что прошли чрезвычайно легко въ комитетѣ, и разномыслія здѣсь были незначительны, исключая его проекта объ освобожденіи подзаводскихъ крестьянъ, что и было отклонено. Но Сперанскій почему-то боялся, что его проекты и въ этомъ видѣ не пройдутъ. Это даетъ поводъ г. Вагину задаться вопросомъ: вышли ли проекты Сперанскаго въ томъ видѣ, въ какомъ они были представлены, или были значительно измѣнены? «Нѣкоторые сибирскіе старожилы,—отвѣчаетъ г. Вагинъ,—разсказывали намъ, что изданное учрежденіе о Сибири значительно разнится отъ первоначальнаго проекта, что въ послѣднемъ, напримѣръ, былъ данъ просторъ выборному началу, котораго вовсе нѣтъ въ утвержденномъ учрежденіи, что сибирскому управленію предполагалось дать устройство гораздо болѣе свободное отъ централизаціи, что въ Сибири предполагалось учредить особый департаментъ сената и т. п.». Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ могли быть вымышлены, но другіе согласны съ мнѣніемъ Сперанскаго, говорившемъ «о силѣ» своихъ предположеній. Это дало поводъ заключить, что проекты Сперанскаго были увезены вчернѣ и что онъ, «*по обыкновенной своей уступчивости*», рѣшился передѣлать ихъ въ Петербургѣ, видя невозможность провести ихъ цѣликомъ. Изъ матеріаловъ, біографій, свѣдѣній и писемъ Сперанскаго нынѣ ничего, однако, не подаетъ повода заключить, что его проекты были измѣнены. Опасался же Сперанскій, вѣроятно, того, что, вслѣдствіе потери его вліянія и вслѣдствіе оппозиціи ему въ Петербургѣ Аракчеева, даже самые незначительные его проекты будутъ отвергнуты. Такое объясненіе гораздо проще.

Какъ бы то ни было, изъ всѣхъ этихъ предположеній видно, что новое учрежденіе сибирскаго управленія не удовлетворило ожиданіямъ и страдало недостатками, которые съ перваго же раза были замѣчены. Учрежденіе это обвиняли въ томъ, что оно ведетъ къ послѣдствіямъ, совершенно противоположнымъ, чѣмъ было высказано въ программѣ, начертанной въ основаніяхъ. Наконецъ, ставили въ вину, что проектъ Сперанскаго основанъ былъ на одномъ бюрократическомъ началѣ. Обвиненія эти раздавались,

какъ изъ лагеря консерваторовъ, недовольныхъ замѣною стараго режима бюрократическими формами, взамѣнъ приказнаго произвола, такъ и людьми, ожидавшими отъ Сперанскаго большей реформаторской иниціативы. Одинъ изъ противниковъ сибирскаго учрежденія, Геденштромъ, замѣчалъ при его введеніи: «Сперанскій долженъ былъ возстановить въ Сибири дѣйствіе законовъ и съ ними навлекъ гибель на Сибирь, потому что исполнителями законовъ стали чиновники, чтущіе только удовлетвореніе своей прихоти и корысти»... «Вмѣсто общаго желѣзнаго вѣка, учрежденіе ввело бумажный, увеличивъ до крайности письменное производство»... «Власть генералъ-губернатора только повидимому ограничена совѣтомъ, въ дѣйствительности всѣ дѣла рѣшаются по его произволу». Такіе и подобные отзывы раздавались объ учрежденіи. Но мы остановимся на болѣе современной критикѣ сибирскаго учрежденія, принадлежащей добросовѣстному изслѣдованію г. Вагина.

«Сибирское учрежденіе имѣетъ другіе, болѣе очевидные въ наше время недостатки, возбуждаетъ другіе, болѣе серьезные вопросы,—говоритъ онъ.—Первымъ условіемъ программы Сперанскаго были гласность и публичность дѣйствія власти. Но именно этого условія и не выполняетъ учрежденіе. Оно замыкаетъ дѣятельность власти въ тѣсный кругъ канцелярій и присутствій, и тѣмъ самымъ налагаетъ на нее характеръ бюрократизма, а не гласности и публичности. Въ сибирскомъ учрежденіи нигдѣ не постановлено того, чтобы постановленія совѣтовъ обнародовались во всеобщее свѣдѣніе. Слова программы о публичности и гласности дѣйствій власти остались безъ всякаго приложенія въ самомъ законѣ. При отдаленности правительственнаго надзора, при слабости общественнаго мнѣнія недостатокъ публичности и гласности давалъ исполнителямъ возможность обходить и даже прямо нарушать его, безъ опасенія, что такіе поступки ихъ получатъ полную извѣстность», замѣчаетъ г. Вагинъ.

Другой важный недостатокъ составляетъ, по мнѣнію г. Вагина, та слабая степень самостоятельности, какую, по учрежденію Сперанскаго, представляетъ организація мѣстныхъ совѣтовъ. Членамъ совѣтовъ предоставлено важное право,—право и единоличнаго, и коллективнаго протеста; но члены совѣтовъ, хотя высоко поставленные въ составѣ мѣстной администраціи, находятся въ прямой зависимости отъ генералъ-губернатора, или губернатора, и потому не могутъ съ полною свободою употреблять свое право протеста. «Всякій дорожитъ своимъ мѣстомъ», справедливо замѣчалъ Геденштромъ. Притомъ самое право протеста было весьма

ограничено. Къ тому же, можно было всегда обойти протестъ и принять самую противозаконную мѣру, не внося ея въ совѣтъ. По дѣламъ же, лично зависящимъ отъ начальника, право протеста вовсе не имѣетъ мѣста и произволъ можетъ царить во всей силѣ Такимъ образомъ, самое главное установленіе, на которомъ созидалось управленіе, не достигало своей цѣли [1]). Сибирское учрежденіе, кромѣ того, было составлено «наскоро», присовокупляетъ г. Вагинъ, и ясное и понятное лишь для самого Сперанскаго — оно оставляло широкій просторъ для произвольныхъ толкованій другимъ.

Мало того, въ своемъ проектѣ о сибирскомъ управленіи Сперанскій не только не былъ прогрессивнѣе другихъ, но стоялъ даже ниже въ своихъ требованіяхъ другихъ государственныхъ людей. Указывая главные и существенные недостатки въ проектѣ Сперанскаго, г. Вагинъ говоритъ: «невольно является вопросъ, почему Сперанскій не воспользовался мыслью Козодавлева — ввести выборный элементъ въ высшее сибирское управленіе? Ему были извѣстны личности, совершенно способныя для выборовъ въ этомъ случаѣ, довольно недюжиннаго ума и порядочно образованныя для того времени. Вѣроятно, онъ поразился, — говоритъ г. Вагинъ, — тѣмъ безмолвнымъ, порабощеннымъ состояніемъ, въ какомъ даже нынѣ находятся служащіе по выборамъ, во всѣхъ смѣшанныхъ учрежденіяхъ. Эта зависимость объяснялась, однако, очень просто, какъ положеніемъ городскихъ и сельскихъ обывателей въ общей лѣстницѣ сословій, такъ ихъ и невѣжествомъ». Но недостатки эти, по мнѣнію г. Вагина, были исправимы. Тѣмъ не менѣе участіе выборныхъ лицъ, присовокупляетъ онъ, въ мѣстныхъ главныхъ совѣтахъ могло быть устроено и на лучшихъ началахъ. При хорошей организаціи выборовъ, могли избираться лучшіе люди страны, люди независимые и по уму, и по характеру, и по своему положенію. Такъ какъ такихъ людей требовалось бы немного, то и выборъ ихъ не былъ бы особенно затруднителенъ. Если бы даже большинство ихъ и предавалось обычной нашей апатіи къ общественнымъ дѣламъ, то изъ среды ихъ могли время отъ времени выдаваться личности, которыя вполнѣ сознавали бы свое назначеніе и выполняли его съ энергіею и достоинствомъ. Появленіе такихъ личностей въ кругу зависимаго чиновничества, участіе ихъ въ дѣлахъ и вліяніе ихъ приносило

[1]) Однако, мѣры, предложенныя Сперанскимъ, столь были ничтожны и неудовлетворительны, что «сибирскій комитетъ» призналъ нужнымъ составить совѣтъ главнаго управленія, хотя отчасти, изъ особыхъ чиновниковъ, неподчиненныхъ генералъ-губернатору.

бы несомнѣнную пользу. Во всякомъ случаѣ, участіе выборныхъ и въ извѣстной степени независимыхъ лицъ въ высшемъ управленіи страною служило бы обезпеченіемъ противъ произвола, и— что еще важнѣе и что принесло бы положительную пользу — участіе людей, близко знакомыхъ съ страною и тѣсно связанныхъ съ ней своими интересами, могло помогать высшей администраціи въ знакомствѣ съ положеніемъ и нуждами края, особенно въ экономическомъ отношеніи. По всему этому нельзя не пожалѣть, что Сперанскій не воспользовался мыслью Козодавлева, если это зависѣло отъ него, а не отъ обстоятельствъ.

Изъ матеріаловъ видно, что проектъ Козодавлева былъ извѣстенъ Сперанскому, что доказывается письменнымъ отвѣтомъ на записку его. «Въ теоріи я совершенно встрѣтился съ вашими мыслями, — писалъ Сперанскій, — *на практикѣ не знаю*, но употреблю всѣ усилія согласить ихъ». Но, вѣроятно, въ это время убѣжденія Сперанскаго вообще не особенно клонились къ выборному началу. Изъ его управленія въ Сибири видно, что онъ подавилъ и уничтожилъ его даже тамъ, гдѣ оно существовало прежде, какъ въ городской и земской полиціи. «Сибирскимъ обывателямъ выборы нерѣдко *обременительны*», писалъ онъ въ сибирскомъ положеніи. Подавленіе выборнаго начала было тѣмъ гибельнѣе, то общество лишалось послѣдней силы и средства защиты. Одинъ изъ иркутскихъ старожиловъ, Н. П. Булатовъ, говоритъ, что «купечество до Трескина было такъ сильно, что пять или шесть губернаторовъ сряду были смѣнены по ихъ жалобамъ». Послѣ террора Пестеля и реформы Сперанскаго, городскія общества навсегда потеряли свою силу и самостоятельность. Мѣры его были совершенно противоположны въ это время мыслямъ Козодавлева о значеніи выборнаго начала въ городахъ.

Въ своемъ проектѣ, какъ видимъ, Сперанскій не рѣшился ввести въ совѣты даже другихъ должностныхъ лицъ, кромѣ занимающихъ уже извѣстныя должности на мѣстѣ. Совѣты предполагалось составить изъ губернатора и предсѣдателей губернскихъ мѣстъ. Эти недостатки самъ Сперанскій сознавалъ и дѣлалъ такія объясненія въ своемъ отчетѣ. «*Правильнѣе* было бы составить такой совѣтъ изъ лицъ, мѣстному управленію посторонних Но, *во-первыхъ*, составить его изъ дворянства или купечества невозможно, потому что тамъ, въ Сибири, нѣтъ дворянства и весьма мало купечества; *во-вторыхъ*, составить совѣтъ изъ чиновниковъ посторонних было бы противно экономіи въ людяхъ. Впрочемъ, когда Сибирь болѣе будетъ имѣть населенія, когда богатства ея придутъ въ бо́льшее движеніе и доходы умножатся

тогда можно будетъ составить совѣтъ главнаго его управленія изъ людей *высшаго сословія*; сіе не сдѣлаетъ существенной перемѣны въ предполагаемомъ нынѣ учрежденіи». Такое поведеніе Сперанскаго въ Сибири, неоправдавшее ожиданій, невольно возбуждало удивленіе изслѣдователей, припоминая прежнюю роль его, какъ реформатора, а потому стараются объяснить эту непослѣдовательность Сперанскаго только исключительностью его положенія.

Историческіе матеріалы указываютъ, что положеніе Сперанскаго въ Сибири дѣйствительно не было спокойнымъ и увѣреннымъ. Изъ писемъ къ Кочубею видно, что во время отъѣзда Трескина онъ даже опасается, чтобы тотъ не вернулся въ Сибирь, снова оправдавшись. Точно также онъ зналъ, что Пестель въ Петербургѣ имѣлъ связи у Аракчеева. Враги не оставляли Сперанскаго и въ Сибири, какъ видно изъ той же переписки. Въ Петербургѣ интриговали и старались увѣрить, что онъ даже «безбожникъ, не вѣруетъ во Христа» и т. п., хотя Сперанскій былъ религіознѣе враговъ своихъ. Въ одно время нападаетъ на него отчаяніе и рѣшимость выдти въ отставку и ѣхать умирать въ Пензу. Такое положеніе для реформатора не особенно было выгодно, особенно при его стремленіи во что бы то ни стало добиться пріѣзда въ Петербургъ. Стремленія Сперанскаго въ эту эпоху ограничивались, какъ видно, устраненіемъ произвола и взяточничества въ администраціи, что онъ думалъ сдѣлать, замкнувъ дѣятельность администраторовъ въ строгія формы и правила, ограничивъ ихъ законами и взаимнымъ контролемъ. Онъ полагалъ, что «точно опредѣленныя правила для чиновниковъ поставятъ оплотъ отъ злоупотребленій и неразумѣнія». Проведеніе строгаго коллегіальнаго и канцелярскаго порядка составляло постоянный предметъ его дѣятельности. Принимая во вниманіе, что такой порядокъ въ свое время составлялъ замѣну старо-приказнаго произвола и продажности, мы должны признать, что стремленія Сперанскаго были до извѣстной степени прогрессивны. Въ головѣ Сперанскаго вырабатывался новый административно-бюрократическій типъ безкорыстнаго чиновника. Онъ стремился къ введенію законности вмѣсто прежняго произвола, хотя обстоятельства и не оправдали его ожиданій.

Достигло-ли учрежденіе Сперанскаго всѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремился? Установленіе Сперанскаго существовало около 50-ти лѣтъ, и послѣ него этотъ опытъ далъ достаточные результаты въ Сибири, чтобы судить о немъ. Придуманные Сперанскимъ совѣты далеко не оправдали своего назначенія: они не нашли никакой самостоятельности и не были ни гарантіей отъ

злоупотребленій, ни ограничивали власть отдѣльныхъ начальниковъ. Совѣты явились вполнѣ имъ подчиненными и были только «ширмами для генералъ-губернаторской власти», какъ выразился одинъ изъ критиковъ позднѣйшаго сибирскаго управленія, Дм. Завалишинъ, въ письмахъ о Сибири, въ «Моск. Вѣд.», 1865 и 1866 гг. Генералъ-губернаторская власть, по-прежнему усиливаясь и сосредоточивая въ себѣ всѣ части управленія, понемногу воротилась къ прежнему вицеройству, къ прежней регламентаціи, а губернаторская власть или была безсильна противъ злоупотребленій, или относилась равнодушно къ нимъ. Такимъ образомъ, планъ Сперанскаго въ главныхъ чертахъ совершенно оказался практически несостоятельнымъ, онъ имѣлъ слабыя гарантіи, а потому и началъ разрушаться при его преемникахъ. Правила, начертанныя Сперанскимъ, никѣмъ не исполнялись, и одинъ путешественникъ по Сибири отзывался, что уложеніе было утопіей, дарованной испорченнѣйшему въ мірѣ обществу. Послѣ Сперанскаго, Рупертъ, управлявшій Камчаткой, выразился, что онъ такъ связанъ, что можетъ зла сдѣлать сколько угодно, а добра нисколько (Sibirien, Kottrell. Dresden und Leipzig, 1846 г.). Правда, вину въ бездѣятельности созданныхъ учрежденій трудно сваливать на одного Сперанскаго: этому было много причинъ, а между прочимъ и кратковременность пребыванія Сперанскаго; его личное вліяніе въ Сибири не могло еще укрѣпить въ народѣ чувства законности и независимости отъ произвола. Невозможно было также, чтобы положеніе дѣлъ вдругъ измѣнилось потому только, что Сибири даны новые законы, тогда какъ *всѣ другія условія* сибирской *жизни остались по старому*. Большинство исполнителей вовсе было неспособно понять идеи Сперанскаго и провести ихъ въ свою дѣятельность, а тѣ, кто понималъ ихъ, искалъ только орудія для своихъ интересовъ. Многіе изъ преемниковъ и исполнителей плана Сперанскаго далеко не стояли на высотѣ своего призванія. По отъѣздѣ Сперанскаго явились намѣстники, которые стремились парализовать его планъ и дѣйствовать противно ему. Уже первый генералъ-губернаторъ Западной Сибири Капцевичъ (протежé Аракчеева), съ самаго поступленія въ это званіе, сталъ ниспровергать тѣ правительственныя начала, коихъ введеніе и охраненіе составляло его обязанность. Вообще, мы не ошибемся, если скажемъ, что сибирскіе законы Сперанскаго никогда не дѣйствовали въ полной силѣ. Нѣкоторыя части ихъ даже вовсе не были приведены въ исполненіе. Такъ, напримѣръ, особые законы для суда надъ инородцами и особое сельское положеніе для суда крестьянъ даже никогда не были изданы. Степныя думы,

проектируемыя для инородцевъ, должны были доставить самостоятельное управленіе, подчиненное только общимъ окружнымъ управленіямъ, на практикѣ же онѣ подчинились земскимъ судамъ и сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ волостныхъ правленій. Вмѣшательство земской полиціи въ дѣла инородцевъ, устраняемое Сперанскимъ, явилось прежнее. Права хозяйственнаго самоуправленія, данныя Сперанскимъ иркутскимъ казакамъ, были нарушены на первомъ же шагу и впослѣдствіи постоянно нарушались. Заселеніе ссыльными Сибири и пріученіе ихъ къ осѣдлости, согласно уставу о ссыльныхъ, проектированному Сперанскимъ, вовсе не удалось. Кромѣ того, начали развиваться прежніе порядки. Послѣ Сперанскаго усилилась централизація министерствъ и парализовала власть и самостоятельность мѣстныхъ учрежденій; послѣднія же, по примѣру министерствъ, стремились усилить мѣстную централизацію. Сибирскіе генералъ-губернаторы пріобрѣли прежнюю силу и независимость, чему способствовало присоединеніе различныхъ вѣдомствъ. Искусственная регламентація снова входитъ въ привычки администраціи. Капцевичъ создавалъ военныя поселенія. Въ Западной Сибири дѣлались попытки введенія опеки государственныхъ имуществъ, отжившихъ свое время во внутреннихъ губерніяхъ. Въ Восточной Сибири цѣлыя населенія зачислялись въ казаки, которые напоминали аракчеевскія поселенія, и снова стали исходить до трескинскаго строительства и вмѣшиваться въ мелочи городскаго хозяйства и архитекторской части. Одни украшали городъ, другіе ломали дома, третьи проектировали увеселенія, а главныя задачи управленія ускользали. Проявлялись отпрыски прежняго произвола и злоупотребленій. Такимъ образомъ даже тѣ слабыя предположенія и облегченія, къ которымъ стремился Сперанскій, не оправдались. Мѣстная администрація не улучшилась и дѣла шли по прежнему. Уже въ 1827 г. накопившіяся злоупотребленія вызвали вновь ревизію въ Западной Сибири. Эта ревизія произведена была сенаторами княземъ Куракинымъ и Безроднымъ, въ 1846 и 1847 гг. обстоятельства вызвали ревизію графа Толстого въ Восточной Сибири и въ 1851 г. слѣдовала третья ревизія члена государственнаго совѣта генералъ-адъютанта Анненкова. Всѣ эти ревизіи, и особенно послѣдняя, открывали полный безпорядокъ въ Сибири и множество злоупотребленій. Послѣ этого понятны отзывы мѣстныхъ жителей, приводимые г. Вагинымъ о времени Сперанскаго: «при немъ было получше — тише нѣсколько, а тамъ опять все шло по старому». Съ 1851 и до 1881 г., въ теченіи 30 лѣтъ, въ Сибири ревизій не было. Между тѣмъ нельзя не припомнить выраженія Спе-

ранскаго: «двѣнадцать лѣтъ безъ ревизіи и безъ надзора достаточны, чтобы разстроить и привести въ безпорядокъ наилучше устроенную губернію». Понятны отсюда безпрестанно несущіяся изъ этого края жалобы, какъ и создавшаяся идея своего рода мессіантства, господствующая въ сибирскомъ обществѣ. Каждый пріѣздъ новаго генералъ-губернатора вызываетъ здѣсь сенсацію и ожиданія, но надежды эти постоянно разрушались и общество терпѣло разочарованіе. До послѣдняго времени съ отъѣздомъ каждаго генералъ-губернатора изъ Сибири открывалась та же картина безпорядковъ. Такъ было съ отъѣздомъ графа Муравьева, генерала Синельникова и генерала Казнакова. Въ послѣднее 25-лѣтіе бывали времена полной распущенности и злоупотребленій, напоминавшихъ время до Сперанскаго [1]).

Режимъ генералъ-губернаторской власти въ Сибири поэтому вызвалъ слѣдующій приговоръ: «Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сдѣлать одинъ сановникъ, не знающій края, неопытный въ сибирскихъ дѣлахъ, передъ кучею злоупотребленій, вѣками утвержденныхъ, когда за рутину стоитъ весь подчиненный ему персоналъ, когда съ существованіемъ старыхъ порядковъ связаны матеріальные и моральные интересы всего чиновничества? Генералъ-губернаторъ Сибири не оскверняетъ себя взяткой, а любимцы его ведутъ интригу и подтасовываютъ назначенія. Цѣлый сонмъ исправниковъ, становыхъ, урядниковъ, распоряжающихся по своему, сильнѣе генералъ-губернатора. Они дѣлаютъ беззаконія ежедневно, ежегодно, въ тысячахъ сёлъ и деревень, безъ всякаго опасенія. Рискъ попасться—самый ничтожный: изъ сотни тысячъ беззаконій донесется одно; да и попробуйте уличить, найти свидѣтелей для опытнаго «стараго воробья», хитраго на увертки и казуистику! Сибирскій засѣдатель и исправникъ привыкъ схватить кушъ, а тамъ хотя бы и подъ судъ: онъ обезпеченъ, дѣлается домовладѣльцемъ и землевладѣльцемъ.

Прямой интересъ мѣстной бюрократіи и политика ея состоятъ въ томъ, чтобъ предубѣдить пріѣзжаго начальника края противъ мѣстнаго общества и населенія, чтобы закрыть дорогу къ жалобамъ и доступъ къ правдѣ.

И этого не разъ добивалось мѣстное чиновничество. Оно старалось внушить власти, что Сибирь изобильна и пристрастна къ «ябедничеству». Такая политика практикуется съ Пестеля и Трескина въ Сибири. «Ябедникъ!» Извѣстно, что значитъ прослыть

[1]) См. Нужны ли реформы въ Сибири? «Молва» 1881 г. «Дореформенная Сибирь», «Голосъ» 1881 г., № 162.

въ Сибири ябедникомъ: это то же самое, что доносчикомъ на начальство, протестантомъ, крамольникомъ, который нетерпимъ въ обществѣ, и всякій пойметъ, чего это стоитъ при всемогуществѣ сибирской власти. Ябедникамъ угрожаютъ острогъ и высылка въ мѣста отдаленныя, и не разъ сибирскіе челобитчики и искатели правды платились такимъ образомъ. Наконецъ, сибирское чиновничество, ведя интригу, старается увѣрить, что сибирское общество невѣжественно, недоразвито, невѣжественно, грубо, что ему требуются «ежовыя рукавицы», и, такимъ образомъ, играя властью и огромными полномочіями начальника, созданными на страхъ ему, обращаетъ его силу въ другую сторону. Такое предубѣжденіе и борьба съ обществомъ внушались въ Сибири самымъ лучшимъ сановникамъ, пріѣзжавшимъ принести пользу краю. Что же выигрывала отъ этого власть въ Сибири? Во-первыхъ, она оставалась одинокою, разъединенною съ обществомъ, которое жило само по себѣ и питало только страхъ къ этой власти, не умѣвшей вникать въ его нужды. Во-вторыхъ, управитель Сибири чувствовалъ полное свое безсиліе, находился безъ почвы и внѣ жизни населенія. Испытавъ горечь уединенія, убѣдясь въ безсодержательности, притворствѣ и низости чувствъ мѣстной бюрократіи, окружавшей его, онъ спѣшилъ, какъ Сперанскій, поскорѣе оставить эту неблагодарную страну». До правительства доходили одни частные случаи; болѣе общія понятія о положеніи дѣлъ оно могло имѣть только изъ отчетовъ. Но отчеты составляли сами исполнители, и повѣрять ихъ на мѣстѣ было невозможно. Ревизіи захватывали только одинъ извѣстный періодъ времени, и по окончаніи ихъ все могло идти по старому. Общественное мнѣніе если и было, то не имѣло для себя выраженія. Многіе вновь вводившіеся законы ослабили впослѣдствіи прежнія учрежденія, силившіяся ограничить генералъ-губернаторскую власть, а другихъ учрежденій не вводилось. Самыя существенныя, самыя полезныя реформы прошлаго царствованія, послѣ освобожденія крестьянъ, какъ новый судъ и земскія учрежденія и проч., еще не коснулись Сибири. Все это мало способствовало измѣненію къ лучшему сибирскаго управленія, и недостатки этого управленія столь явно нынѣ обнаружились, что, по мнѣнію правительства, требуется вновь разсмотрѣніе болѣе удобныхъ и сообразныхъ съ мѣстными условіями началъ управленія. Въ послѣднее время въ печати вновь начали появляться мнѣнія о необходимости реформъ въ Сибири. Неудовлетворительное положеніе дѣлъ въ сибирской администраціи выражалось въ послѣднее время циркулярами генералъ-губернатора Синельникова, точно также публикуемыми распоря-

женіями генерала Фридерикса, указывавшаго на медленный ходъ дѣлъ и другіе безпорядки. То же обнаруживалось въ Западной Сибири: тобольскій губернаторъ указывалъ недавно на накопляющіяся дѣла въ судебныхъ мѣстахъ.

Настоящее положеніе администраціи характеризуется, наконецъ, слѣдующими отзывами мѣстныхъ начальниковъ губерній. Вотъ какъ отзывается начальникъ Иркутской губерніи въ своемъ отчетѣ о положеніи дѣлъ: «въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ губерніи цѣликомъ сохранилась прежняя централизація, смѣшеніе власти, неравномѣрность въ распредѣленіи труда и бѣдность его вознагражденія. Судебныя учрежденія страдаютъ скопленіемъ дѣлъ въ судахъ первой степени, такъ что дѣла лежатъ по пяти и шести лѣтъ безъ движенія; судебная дѣятельность полиціи характеризуется тѣмъ фактомъ, что изъ ста-семидесяти-одного уголовнаго дѣла, представленнаго на утвержденіе начальника, отмѣнено въ 1872 году — 100». О сельскомъ правленіи говорится слѣдующее: «въ волостныхъ правленіяхъ головы безграмотны, выправляютъ за нихъ писаря. Дѣлопроизводство въ волостныхъ правленіяхъ громадное, выпускаютъ до 20.000 нумеровъ въ годъ исходящихъ бумагъ; разнообразіе обязанностей требуетъ такой всесторонности, какой не можетъ добиться отъ своихъ органовъ даже губернская администрація. Кромѣ того, приносятся жалобы на злоупотребленія въ инородческихъ управахъ». Все это можетъ исчезнуть, говоритъ начальникъ, когда будутъ въ Сибири учрежденія, коими пользуется и Европейская Россія. Сибирскія же учрежденія отжили свое время. Относительно сибирскаго общества дѣлаются имъ слѣдующія замѣчанія: «общественныя потребности здѣсь не сознаются; нѣтъ крѣпко организованнаго общества, которое сознавало бы свою солидарность и умѣло управлять своими интересами. Недостатокъ этотъ обнаруживается тѣмъ, что золотопромышленники жертвуютъ сотни тысячъ на устройство театра, богадѣльни и юнкерской школы, а между тѣмъ никто ничего не пожертвовалъ на дѣло изученія причинъ эпизоотіи и проч.» (Отчетъ начальн. Иркут. губерн. за 1873 годъ). Точно также характеризуется положеніе дѣлъ въ Томской губерніи: «главный недугъ судебныхъ и административныхъ мѣстъ въ Западной Сибири заключается въ постоянной медленности и накопленіи дѣлъ,—говоритъ начальникъ Томской губерніи, — что происходитъ отъ недостатка развитыхъ дѣятелей. Мѣстныя учебныя заведенія, хотя и выпускаютъ каждый годъ извѣстное число воспитанниковъ, окончившихъ курсъ, но лучшіе изъ нихъ отправляются въ университеты и уже не

возвращаются сюда; кто остается — не удовлетворяетъ потребности. Ожидать пріѣзда на службу способныхъ людей изъ внутреннихъ губерній имперіи невозможно, потому что тамъ представляется нынѣ болѣе обширное, нежели въ Сибири, поприще правительственной и общественной службы при весьма хорошемъ вознагражденіи. Въ Сибири же штаты прежніе и ограниченные: столоначальникъ губернскаго правленія получаетъ 285 рублей жалованья въ годъ; помощникъ его — 215 рублей. Между тѣмъ, по нынѣшнимъ цѣнамъ, лакей уже получаетъ 10 рублей въ мѣсяцъ, итого 120 въ годъ». Волостныя правленія, по отчету, не представляютъ ничего отраднаго; волостное начальство безграмотно, фактически управляютъ ими писаря изъ мѣщанъ и другихъ званій, напримѣръ, изъ ссыльныхъ, несвязанные съ мѣстнымъ обществомъ никакими интересами, часто безнравственные и заботящіеся только о собственной своей выгодѣ; отсюда растраты, причемъ писарь остается въ сторонѣ, а отвѣчаютъ волостные начальники. Устранить это можетъ единственно развитіе грамотности и выборы изъ мѣстныхъ крестьянъ,—говоритъ начальникъ края.— Административный и судебный строй остается для Сибири тотъ же со времени Сперанскаго, т.-е. съ 1822 года, — прибавляетъ онъ,—особенно судебныя учрежденія, несмотря на увеличеніе населенія и переполненіе края элементомъ ссыльныхъ; поэтому нынѣ дѣйствующія учрежденія не могутъ справиться съ громаднымъ количествомъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. До сихъ поръ принимаемыя мѣры оказываются палліятивными и все вызываетъ необходимость судебной реформы въ Сибири во всемъ составѣ (Отчетъ начальника Томской губерніи за 1873 годъ). Подобные же отзывы мы находимъ о другихъ областяхъ Сибири. Наконецъ, это свидѣтельствуется и другими фактами: послѣднее время генералъ-губернаторъ Казнаковъ застаетъ Западную Сибирь далеко не въ утѣшительномъ видѣ, какъ объ этомъ писалось. Пріѣздъ его напомнилъ пріѣздъ Сперанскаго въ Сибирь, жители осыпали его прошеніями и жалобами. Во время его ревизіи обнаружены многія злоупотребленія и недостатки. Не вдаваясь въ подробности, мы можемъ замѣтить, что настоящій моментъ во многомъ сходствуетъ съ эпохою, которую переживала Сибирь передъ пріѣздомъ Сперанскаго—также чувствуется потребность перемѣнъ и обновленія. Какъ тогдашняя Сибирь во многомъ отставала отъ Россіи, такъ и нынѣшняя отстаетъ и не похожа на внутреннія губерніи, живущія послѣ реформъ прошлаго царствованія другою жизнію. Эпоха, на которую простирались учрежденія Сперанскаго, какъ видно, оканчиваетъ свое существованіе и отжила свое время, а

съ этимъ вмѣстѣ является къ учрежденіямъ Сперанскаго болѣе независимое и критическое отношеніе.

Какъ бы мы ни объясняли обстоятельствами неудачи учрежденія Сперанскаго, которое было и не вполнѣ введено, тѣмъ не менѣе мы приходимъ къ заключенію, что основныя цѣли его программы — контроль, гласность и «публичность» управленія — не были имъ достигнуты вслѣдствіе существенныхъ недостатковъ самого учрежденія, начертаннаго имъ. И ошибка была въ принципѣ. Сперанскій слишкомъ положился на одни оффиціальныя, коллегіальныя учрежденія и не обратилъ вниманія на другія стороны общественной жизни, которыя должны были способствовать администраціи и питать самыя учрежденія. Онъ мало придавалъ значенія общественному развитію и подготовленію общества и администраціи къ той дѣятельности, которую долженъ былъ всегда имѣть законодатель въ будущемъ. Въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ г. Вагина: «Но жизнь народа зависитъ не отъ однихъ учрежденій административныхъ. Она развивается подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій. Эти условія иногда гармонируютъ между собою, иногда противодѣйствуютъ одно другому. Отъ взаимподѣйствія или противодѣйствія ихъ зависитъ большая или меньшая быстрота народнаго развитія, то или другое направленіе народной жизни; но ни въ какомъ случаѣ народная жизнь не можетъ зависѣть исключительно отъ одного изъ этихъ условій. Учрежденіе страны именно только одно изъ условій народной жизни, — правда, одно изъ важнѣйшихъ, но во всякомъ случаѣ не единственное. Невозможно приписывать однимъ только учрежденіямъ успѣхъ или упадокъ народной жизни; можно только показать мѣсто, какое они имѣли въ кругу другихъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условій. Степень вліянія однихъ и тѣхъ же учрежденій на народную жизнь можетъ быть совершенно различна; здѣсь многое,—если не все,—зависитъ отъ обстоятельствъ». По этому поводу авторъ указаннаго сочиненія о Сперанскомъ старается обратить вниманіе на тѣ элементы, изъ которыхъ слагалась сибирская жизнь и общее ея теченіе подъ вліяніемъ различныхъ условій. Сибирь никогда не знала крѣпостнаго права; но, къ сожалѣнію, вліяніе и привычки крѣпостнаго права отразились и въ Сибири, — они выразились въ самовластіи и опекѣ, переносимыхъ изъ Россіи разными дѣятелями. «Права и бытъ людей,— говоритъ г. Вагинъ,—подъ вліяніемъ такихъ дѣятелей измѣнились далеко не къ лучшему, и нерѣдко появлялось между ними то царство террора, къ которому были способны только начальники, воспитанные въ духѣ Аракчеевскихъ поселеній или бывшихъ ка-

детскихъ корпусовъ». Къ числу важныхъ, задерживавшихъ развитіе общества, условій, кромѣ того, авторъ относитъ отсутствіе и недостатокъ на мѣстѣ образованія. Народное образованіе шло здѣсь чрезвычайно медленно. Сельскія училища, такъ сильно поддержанныя Сперанскимъ, были большею частью закрыты при его преемникѣ. Въ Западной Сибири только послѣ 50-хъ годовъ сдѣланы попытки къ учрежденію этихъ училищъ. Кромѣ двухъ гимназій, существовавшихъ при Сперанскомъ, только въ концѣ 30-хъ годовъ была открыта третья гимназія въ Томскѣ, и затѣмъ въ 1869 г. въ Красноярскѣ. Число училищъ осталось то же, какое было при Сперанскомъ!

При Сперанскомъ была мысль о высшей школѣ для Сибири, мысль объ университетѣ, которая существовала еще съ 1803 года, но не была рѣшительно ни поддержана, ни настойчиво проведена. Вообще, въ мѣстной администраціи этотъ вопросъ долго игнорировался, хотя потребность просвѣщенія все болѣе росла. Отсутствіе высшаго учебнаго заведенія въ Сибири лишало администрацію возможности пріобрѣсти на мѣстѣ свой контингентъ образованныхъ людей. Сперанскій писалъ, что учрежденія безъ людей тщетны, и что законы не могутъ исполняться безъ исполнителей. Недостатокъ людей онъ считалъ величайшимъ препятствіемъ къ осуществленію наилучшихъ даже узаконеній; Сибирь же должна была довольствоваться только пріѣзжими образованными людьми. Самъ Сперанскій думалъ не столько о юридическомъ образованіи для мѣстныхъ дѣятелей, сколько о преимуществахъ для привлеченія чиновниковъ; такъ, онъ проектировалъ раздачу земель за выслугу, которая не повела ни къ чему и благоразумно была отмѣнена правительствомъ. Въ первое время Сперанскій замѣчалъ уже съ горечью, что въ Сибирь ѣдутъ только «титулярные совѣтники», т.-е. люди невѣжественные, которые вслѣдствіе указа, изданнаго объ университетскихъ экзаменахъ, не имѣютъ никакой надежды служить въ Россіи. Впослѣдствіи также вводились различныя привлеченія на службу въ Сибирь, какъ — двойные прогоны и половина годоваго жалованья, но контингентъ чиновниковъ не былъ удовлетворительнѣе. «Большинство всегда увлекали въ Сибирь слухи, что Сибирь золотое дно,—говоритъ г. Вагинъ,— что въ ней можно нажиться службой лучше и скорѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ торговлей. Всѣ эти господа не имѣли ничего общаго съ Сибирью; имъ были чужды ея нужды и интересы; они не имѣли ни малѣйшаго понятія о положеніи и учрежденіи края, которому намѣревались посвятить свою дѣятельность, ни желанія принести этою дѣятельностью дѣйствительную пользу краю. Они

заботились исключительно о своихъ личныхъ цѣляхъ, а эти цѣли нерѣдко стояли въ разрѣзъ съ пользами края. Эти люди могли быть полезны только случайно, только тогда, если это было согласно съ личными ихъ выгодами; при этомъ у нихъ не всегда доставало и умѣнья на что-нибудь полезное. Такими-то лицами долгое время наполнялась низшая администрація Сибири». Однимъ словомъ, въ Сибири выразилось рѣзко явленіе, извѣстное въ наше время подъ именемъ *ташкентства*, и носившее свое мѣстное названіе. Являвшіеся на службу образованные люди точно также не могли дать прочнаго развитія обществу, такъ какъ они пріѣзжали на время и далеко не сливались съ обществомъ, не составляли ничего съ нимъ единаго. Въ силу этого недостатка людей, самые лучшіе администраторы оставались одинокими и безсильными въ борьбѣ съ сибирскими безпорядками. Въ такомъ положеніи находились графъ Муравьевъ-Амурскій, Деспотъ-Зеновичъ и мн. др., пробовавшіе искоренять мѣстныя злоупотребленія. Мѣстные начальники жалуются на постоянный недостатокъ людей и на то, что истинно образованныхъ лицъ сюда привлечь трудно. При недостаткѣ образованія само общество грубѣло; оно не имѣло у себя никакой интеллигенціи, не могло создать ни ученыхъ, ни человѣколюбивыхъ, ни литературныхъ учрежденій, ни сколько-нибудь смягчить свои нравы. При общемъ невѣжествѣ не могло выработаться ни здраваго общественнаго мнѣнія, ни чувства собственнаго достоинства. То, что въ другихъ мѣстахъ ограничивало произволъ или самовластіе, здѣсь потакало ему. Самый составъ общества въ отдаленной Сибири, состоящій изъ торговаго класса, подчиненныхъ чиновниковъ, бѣдныхъ мѣщанъ, безмолвныхъ крестьянъ и дикихъ инородцевъ, не имѣлъ никакого настоятельнаго значенія и не могъ противопоставить никакого отпора произволу. Дмитрій Завалишинъ, въ «Письмахъ о Сибири», выражается, что магическое слово—острогъ—могло наложить въ Сибири всегда печать молчанія на мѣстнаго обывателя. Правдиваго слова поэтому не раздавалось, а общество искало заднихъ путей, что способствовало какъ развитію злоупотребленій, такъ и пониженію нравовъ. Подобострастіе, грубая лесть невѣжественнаго общества была всегда къ услугамъ самаго маленькаго начальника въ Сибири и баловала его самого, если онъ только не былъ достаточно отъ нея гарантированъ собственнымъ достоинствомъ. Обѣды, торжества и овація начальству, какъ пишетъ одинъ туристъ, вошли здѣсь въ пріятную обязанность. Эта лесть деморализировала обѣ стороны. Сибирскихъ начальниковъ увѣряли, что остяки, напримѣръ, желаютъ поставить монументъ въ честь

ихъ и собрали на это пожертвованія, или, что иркутскіе бурята назначили степендіи въ иркутскомъ благородномъ институтѣ дѣвицъ и т. п., между тѣмъ какъ подобныя обольщенія давали поводъ къ новымъ поборамъ. При невѣжествѣ, при забитости жителей, Сибирь оставалась страной безгласности. Если въ Россіи съ реформами развивались новыя требованія жизни, гласность, общественное мнѣніе, мѣшавшее злоупотребленіямъ; если русское общество освѣжалось при помощи многочисленныхъ университетовъ, то въ Сибири ничего этого не было, и она жила, полная до-реформенныхъ нравовъ.

Вотъ, что говорилъ одинъ изъ юристовъ на юбилейномъ обѣдѣ по случаю 300-лѣтія Сибири, по поводу судебно-административныхъ порядковъ въ Сибири:

«Только въ Сибири сохранилось полное смѣшеніе властей и при въѣздѣ туда вы наталкиваетесь на совершенно неожиданное явленіе для развитаго человѣка. Передъ вами появляется человѣкъ съ правами слѣдователя, обвинителя, судьи и, наконецъ, исполнителя. Въ его рукахъ какъ будто жизнь и смерть каждаго обывателя, а между тѣмъ это не болѣе, какъ засѣдатель, замѣняющій русскаго становаго. Нигдѣ такъ не развито бумагомараніе, пререканія властей, какъ тамъ. Только тамъ каждое пустое дѣло можетъ разрости въ огромные фоліанты, а важное изчахнуть до крупицы и исчезнуть безъ слѣда; только тамъ подъячій, приказный элементъ прошедшихъ столѣтій, вездѣ презираемый и гонимый, сохранился во всей силѣ, сдѣлавшій изъ XV томовъ свода законовъ такую сѣть, что въ ней запутаешься; только изъ сибирскаго суда, по пословицѣ, какъ изъ пруда, сухъ не выйдешь никогда; только тамъ можно повстрѣчать судью, которому, по древней эпиграммѣ, непремѣнно быть въ раю. Самъ законъ не довѣряетъ исполнителямъ его, когда говоритъ: «когда не отыщутъ виновныхъ, то никого другого не брать» (Рѣчь Н. И. Граціанскаго) [1]).

Ко всему этому надо присоединить крайне ненормальныя условія экономической жизни въ Сибири, точно также дававшія особое направленіе жизни. Откупа, золото, винокуреніе, монопольное пароходство, разныя спекуляціи въ 30-хъ годахъ наполняютъ сибирскую жизнь и овладѣваютъ ею. Чиновничество не могло удержаться отъ общаго натиска, оно пускается спекулировать. Уровень его безкорыстія сильно падаетъ. Въ сороковыхъ годахъ администрація Сибири представляетъ множество слабыхъ сторонъ, а преданія сохраняютъ грандіозные подвиги сибирскаго чиновниче-

[1]) Брошюра 300-лѣтіе Сибири. 1882 г. С.-Петербургъ, стр. 14.

ства на поприщѣ обогащенія. Подлѣ суроваго генералъ-губернатора Горчакова, подъ бокомъ являются чиновники, которые составляютъ громадныя состоянія спекуляціями. Совѣтники губернскихъ правленій пустились въ золотопромышленность. Полицеймейстеры и жандармскіе штабъ-офицеры получали доходъ отъ тайной продажи и контрабанды золотомъ, какъ и поборами съ золотопромышленниковъ. Горные исправники пріобрѣтали по сотнѣ тысячъ, потакая злоупотребленіямъ золотопромышленниковъ и откупщиковъ, даже волостные писаря отъ найма рабочихъ пріобрѣтали по 6.000 р. годового дохода. Были уголки въ Сибири, потонувшіе въ неимовѣрной роскоши, какъ Алтайскій горный округъ съ горнымъ чиновничествомъ, расхищавшіе промыслы и богатства кабинета [1]). Разныя монополіи, откупа, золотопромышленность развивали частныя злоупотребленія. Золотопромышленность пріобрѣла вскорѣ преобладающее вліяніе на весь экономическій бытъ. Вмѣстѣ съ ней развилась спекуляція, развращеніе нравовъ, подкупы. Благодаря ей, съ одной стороны формировалось могучее сословіе монополистовъ, съ другой — эксплуатація населенія. Въ общемъ своемъ вліяніи привлекая капиталы, она значительно сдерживала развитіе въ Сибири нѣкоторыхъ наиболѣе свойственныхъ ей отраслей промышленности.

Въ странѣ не развивалось долго прочной заводской промышленности, за то какъ въ странѣ, стоявшей на низкой степени культуры, пользующейся привозной мануфактурой въ кредитъ — въ ней распространилась громадная зависимость крестьянъ и инородцевъ отъ торговца и кулака и всѣ злоупотребленія долговаго закабаленія, въ которое поставлены цѣлыя области, въ родѣ Березовскаго, Туруханскаго края, Забайкалья и другихъ мѣстъ.

Особенно было печально положеніе инородцевъ, обреченныхъ на притѣсненія, бѣдствія и, наконецъ, вымираніе. Инородческій бытъ представляетъ самую мрачную картину мѣстной жизни, и борьба администраціи противъ угнетенія инородца до послѣдняго времени была безсильна.

Подобныя условія, задерживая развитіе края, отвлекаютъ жизнь общества въ другую сторону, покрываютъ страну злоупотребленіями и ставятъ затрудненія для администраціи. Общество здѣшнее требовало, поэтому, особенныхъ заботъ объ его воспитаніи, пробужденія въ немъ законности, нравственныхъ чувствъ, солидарности и общественной дѣятельности въ помощь администраціи.

---

[1]) См. Администрація въ Сибири, газета «Недѣля» 1873 г. № 15 и Исторія горнаго міра, «Недѣля» 1881 г.

А этого и не могли дать учрежденія Сперанскаго, — напротивъ, они сами постоянно парализовались общественною жизнью. Чтобы пробудить общество къ жизни и призвать его къ дѣятельности, необходимы были другія средства, о которыхъ не думалъ Сперанскій и мысль о которыхъ, можетъ быть, не созрѣла въ сознаніи тогдашняго общества. Только въ послѣднее время высказывается, что Сибири необходимы университетъ, земство, гласный судъ, просвѣщеніе, развитіе литературы и науки, открытіе путей гласности и созданіе здраваго общественнаго мнѣнія, могущихъ двинуть жизнь общества на новую дорогу.

Выборное начало, что̀ считалъ необходимымъ министръ Козодавлевъ и имѣлъ въ виду для будущаго Сперанскій, всего легче можетъ быть нынѣ выполнено при посредствѣ земства. Тамъ, гдѣ администрація, какъ убѣждаетъ трехсотлѣтній опытъ, употребляетъ тщетныя усилія къ искорененію злоупотребленій, естественнѣе всего обратиться къ самоуправленію и дать бо̀льшій просторъ ему, создавъ изъ него самый дѣйствительный контроль.

Что касается установленія вообще новыхъ взглядовъ Сперанскимъ на страну, то мы видимъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, — они не отличались ничѣмъ особеннымъ; взгляды его во многомъ сходились даже со старинными воззрѣніями на Сибирь. Въ первое время онъ смотрѣлъ на нее, какъ «на мѣсто, пригодное только для ссылки, но не какъ на мѣсто для жизни и гражданственности, основанной на хлѣбопашествѣ и промышленности». «Сибирь—просто Сибирь», писалъ онъ къ дочери.

Впослѣдствіи, болѣе ознакомившись съ краемъ и особенно объѣхавъ югъ Сибири, онъ нѣсколько разубѣдился. Въ это время о югѣ Томской губерніи онъ писалъ Гурьеву, какъ о «краѣ — благословеннѣйшемъ не только въ Сибири, но и въ цѣлой Россіи. Природа его назначила къ сильному и богатому населенію, — говоритъ онъ, — металлы составляютъ только часть и, можно сказать, не самую важную часть внутренняго его достоинства. Всѣ почти роды хозяйства, и въ самомъ бо̀льшемъ размѣрѣ, могутъ быть въ немъ устроены». Впослѣдствіи, точно также онъ перемѣнилъ и другое мнѣніе, а именно, что Сибирь населена исключительно ссыльными. Наконецъ, онъ выражалъ мнѣніе, что «Сибирь достойна и по всѣмъ отношеніямъ требуетъ государственныхъ соображеній», и говорилъ, что онъ открылъ Сибирь, какъ Ермакъ, для Россіи; конечно, онъ разумѣлъ подъ этимъ то, что онъ установилъ своимъ управленіемъ на нее гражданскую точку зрѣнія, но ознакомиться вполнѣ съ нуждами края онъ, конечно, не могъ. Къ сожалѣнію, лучшіе взгляды и воззрѣнія Сперанскаго

не получили популярности и не прошли въ общество, за то другіе взгляды долго продолжали еще жить. Сибирь оставалась и послѣ него по-прежнему — «просто Сибирью». Въ сороковыхъ годахъ думали даже, что Сибирь не можетъ приносить никакой выгоды Россіи, что все пространство отъ Алтая до Ледовитаго океана осуждено природой оставаться ледяной пустыней и не имѣетъ никакого, ни промышленнаго, ни гражданскаго значенія. Мнѣнія эти, конечно, были въ высшей степени странны относительно мѣстности въ 240.000 кв. миль, съ разнообразнымъ климатомъ и неисчислимыми, нетронутыми богатствами.

Многія нужды и потребности края при Сперанскомъ еще не были выяснены. Такъ, Сибирь остается штрафной колоніей. Благодаря штрафному назначенію, гражданственность сибирскихъ областей надолго задерживалась; точно также онѣ не могли воспользоваться многими правами, доступными другимъ областямъ Россіи: для ссыльныхъ, конечно, не полагалось реформъ. Только нынѣ, по мѣрѣ развитія гражданственности и съ лучшимъ выясненіемъ промышленнаго, экономическаго и политическаго значенія этого края, установляются на него болѣе благопріятныя воззрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и жизнь края выдвигаетъ цѣлый рядъ мѣстныхъ вопросовъ о значеніи ссылки, о свободной колонизаціи, о соединеніи края съ Европой желѣзными путями, вопросъ инородческій, промышленный, вопросъ о развитіи силъ края и пробужденія общественной жизни и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, краю придается все болѣе государственное значеніе. Въ дѣлѣ культуры, цивилизаціи и торговли въ Азіи ему указывается уже теперь видная роль въ будущемъ, точно также какъ широкое и богатое развитіе въ условіяхъ его гражданской жизни.

Нечего говорить, что многое не могло быть предугадано во времена Сперанскаго. Нынѣшній законодатель и реформаторъ можетъ стоять уже на другой точкѣ зрѣнія: то, что при Сперанскомъ могло быть главнымъ, то можетъ считаться побочнымъ, и наоборотъ.

Немудрено понять поэтому, что современныя нужды управленія, а также административная реформа въ Сибири разсматривается нынѣ нѣсколько съ иной точки зрѣнія.

Всѣ соображенія по этому поводу заставляютъ нынѣ склоняться скорѣе за упраздненіе и въ крайнемъ случаѣ за уменьшеніе генералъ-губернаторствъ на Востокѣ, чѣмъ за ихъ поддержаніе. Сокращеніе оренбургскаго генералъ-губернаторства въ 1881 году составляло весьма видный шагъ въ управленіи восточными областями и степями по преимуществу. Отъ подобныхъ сокра-

щеній выиграетъ только бюджетъ и ускорится проведеніе гражданскихъ и культурныхъ началъ въ жизнь населенія. Что касается управленія сибирскими губерніями Восточной и Западной Сибири, то, обладая русскимъ полноправнымъ населеніемъ, они не нуждаются болѣе въ «особенностяхъ управленія». Весьма продолжительный опытъ доказалъ ясно, что такія особенности не послужили гарантіей ни отъ злоупотребленій, ни отъ самовластія; напротивъ, сибирскіе генералъ-губернаторы со времени Сперанскаго, наперекоръ духу «сибирскихъ учрежденій 1822 г.» и существующему законодательству, стремились расширить свою власть, сосредоточить подчиненіе всѣхъ вѣдомствъ и этимъ уничтожить всякій взаимный контроль и почву правильнаго развитія законности. Все, что мы видимъ въ исторіи управленія края, это—постоянную борьбу центральной власти съ намѣстническими наклонностями, вице-ройствомъ и закононарушеніями мѣстныхъ управителей. Такова исторія генералъ-губернаторствъ, начиная съ Гагарина, Якоби и кончая игрою въ честолюбіе позднѣйшихъ администраторовъ. Многіе дѣятели, знающіе исторію края, съ упраздненіемъ генералъ-губернаторствъ на востокѣ предвидятъ устраненіе послѣднихъ препятствій и противодѣйствующихъ силъ гражданскимъ реформамъ въ Сибири. Ревнивая власть по существу не могла переносить какихъ-либо самостоятельныхъ и огражденныхъ закономъ учрежденій, въ томъ числѣ даже и «Новаго городового положенія». Административная реформа въ Сибири не могла ограничиться въ данную минуту одною внѣшностью и размежеваніемъ районовъ управленія. Потребовались измѣненія по существу и замѣны старыхъ учрежденій новыми. Въ Сибири, какъ и вездѣ, предстоитъ выдѣленіе военной власти отъ гражданской, которыя нынѣ соединены въ лицѣ генералъ-губернаторовъ и военныхъ губернаторовъ, выдѣленіе функціи суда отъ администраціи, что можетъ быть достигнуто полнымъ введеніемъ новыхъ судебныхъ учрежденій, уничтоженіе особенностей административнаго управленія и введеніе общаго положенія по управленію губерніями съ подчиненіемъ губернскихъ учрежденій министерствамъ, наконецъ, выдѣленіе отъ администраціи дѣлъ по земскому хозяйству и призваніе общественныхъ и земскихъ силъ къ содѣйствію и удовлетворенію насущныхъ своихъ потребностей. Одно губернское управленіе мало принесетъ еще пользы. Губернская и особенно земско-полицейская администрація безсильна совладать съ многосторонними земскими нуждами, она не можетъ ни содѣйствовать грамотности и просвѣщенію, ни помочь народному здравію, ни регулировать повинности. Это сознаютъ хорошо сами мѣст-

ные администраторы, представляя единственнымъ оправданіемъ, что у нихъ нѣтъ другихъ органовъ, кромѣ засѣдателей и исправниковъ. Такимъ образомъ, одна реформа губернской администраціи немыслима нынѣ безъ помощи другихъ учрежденій, общественныхъ и земскихъ. Это тѣ самые органы, о которыхъ мечтали Сперанскій и Козодавлевъ. Ко введенію тѣхъ же реформъ въ Сибири, какія введены въ Европейской Россіи, теперь не можетъ встрѣтиться препятствій, принимая во вниманіе гражданское развитіе населенія, земскую силу его, податныя обязанности, общественныя повинности, которыя несетъ мѣстное населеніе наравнѣ съ другими областями Имперіи. Только при участіи земскихъ силъ достигнется тотъ контроль въ земскомъ хозяйствѣ, къ какому стремится съиздавна высшая власть, уничтожатся существующія злоупотребленія и устранятся другія затрудненія по управленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ администрація будетъ имѣть подъ рукою живую силу общества, а не мертвый механизмъ. Призваніе этихъ лучшихъ земскихъ и народныхъ силъ на общественную арену, соединеніе общихъ усилій администраціи и общества на благо и пользу населенія будетъ единственнымъ разрѣшеніемъ административнаго вопроса въ Сибири. На Востокѣ, по причинѣ его отдаленности, отсутствію контроля и согласія въ дѣятельности администраціи, при отсутствіи связи пріѣзжихъ чиновниковъ съ мѣстной средою, призваніе общественныхъ элементовъ можетъ оказать услугу болѣе важную, чѣмъ гдѣ-либо. Рядомъ съ этимъ апатичное доселѣ къ своимъ дѣламъ общество лучше научится понимать свои гражданскія обязанности, пробудитъ къ себѣ самодѣятельность, уразумѣетъ цѣль своего существованія и въ идеѣ гражданскаго развитія осуществитъ залогъ лучшаго своего будущаго.

Въ теченіи текущаго десятилѣтія послѣдовало нѣсколько коренныхъ преобразованій въ административномъ строѣ Сибири.

Дѣленіе Сибири на двѣ части, съ двумя генералъ-губернаторствами и присвоенными имъ главными управленіями по плану Сперанскаго, не удовлетворяли многимъ потребностямъ и подвергались критикѣ. Пріобрѣтеніе новыхъ земель въ Азіи, въ Туркестанѣ потребовало сформированія новаго генералъ-губернаторства и особенностей военнаго управленія, какъ въ краѣ повозавоеванномъ; съ другой стороны гражданское положеніе нѣкоторыхъ губерній Сибири давно вызывало способъ управленія на общемъ положеніи.

Исключительное положеніе Амура, его удаленность и различныя стратегическія соображенія, въ виду его приморскаго положенія, вызывали также нѣкоторое выдѣленіе этой области. Сообразно этому въ послѣдніе годы послѣдовало измѣненіе въ административномъ размежеваніи Сибири и въ самомъ порядкѣ управленія. Сначала было упразднено генералъ-губернаторство Западной Сибири въ 1882 г., а вмѣстѣ съ нимъ и главное управленіе этой части Сибири. Преобразованіе это послѣдовало во время министерства графа Н. В. Игнатьева, но проектъ этотъ существовалъ и обсуждался въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ въ 1874 г. Уже тогда предполагалось перевести губерніи Сибири на общее положеніе и выдѣлить два генералъ-губернаторства: степное и амурское; кромѣ того, положить въ Сибири начало преобразованію суда и введенію земства. Коммиссія существовала при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Деспота-Зеновича, знатока административныхъ нуждъ края. Проектъ этотъ осуществился въ 1882 г. не въ цѣльномъ видѣ [1]). Съ упраздненіемъ западно-сибирскаго генералъ-губернаторства двѣ губерніи Сибири, Тобольская и Томская, перешли на общее положеніе, степное генералъ-губернаторство было учреждено въ составѣ Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской областей.

Въ Восточной Сибири произошли измѣненія въ другомъ родѣ. Генералъ-губернаторство въ Иркутскѣ осталось; въ составъ его входятъ губерніи Иркутская, Енисейская и Якутская область, но за то Амурская и Приморская области выдѣлены въ особое генералъ-губернаторство съ присоединеніемъ Забайкальской области. Такимъ образомъ, во всей Азіатской Россіи, вмѣсто двухъ генералъ-губернаторствъ, бывшихъ послѣ Сперанскаго, образовались четыре: туркестанское степное, иркутское и амурское. Точно также этотъ строй отступаетъ и отъ прежняго проекта переведенія всѣхъ губерній Сибири, включая Енисейскую и Иркутскую, на общее положеніе и созданія генералъ-губернаторствъ только на окраинахъ—въ степи и на Амурѣ. Въ общемъ управленіе Восточной и Западной Сибири не представляетъ уже единообразія. Иркутское генералъ-губернаторство осталось, но безъ Амура и съ отчисленіемъ Забайкальской области къ Амурскому потеряло прежнее свое значеніе. Во время преобразованія выступилъ вопросъ о томъ, куда выгоднѣе причислить Забайкалье, иначе, куда оно болѣе тяго-

---

[1]) Указъ объ упраздненіи западно-сибирскаго генералъ-губернаторства послѣдовалъ 12 мая 1882 г. «Вост. Обов.» 1882 г. 9. Статьи по поводу упраздненія, 1882 г. №№ 1, 9, 14 и др.

тѣетъ: къ Амуру или къ Иркутску. Разсматривая этотъ вопросъ, нѣкоторые высказались, что Забайкалье, по своему положенію и близости къ Байкалу, естественно тяготѣетъ къ Иркутску: къ этому же присоединились и мѣстныя заявленія, но вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ пользу Амура. Вопросъ о значеніи генералъ-губернаторовъ на окраинахъ въ моментъ преобразованія разсматривался съ разныхъ точекъ зрѣнія. Между прочимъ, выяснилось, что генералъ-губернаторство, съ гражданскимъ развитіемъ края и приближеніемъ губернскаго управленія къ типамъ общаго управленія, утеряло свою цѣлесообразность и назначеніе. Затѣмъ приводилось: если Тобольская и Томская губерніи могутъ управляться при отсутствіи генералъ-губернаторства, то почему же не можетъ то же начало быть примѣнено къ Енисейской и Иркутской губерніямъ, находящимся въ томъ же положеніи [1]). Самый характеръ генералъ-губернаторскаго управленія и начала его были измѣнены; такъ, напр., существовавшіе совѣты главныхъ управленій и самыя главныя управленія были упразднены. Мы видѣли, какое значеніе они имѣли по духу положенія Сперанскаго. Вмѣсто нихъ образованы въ степномъ и иркутскомъ генералъ-губернаторствахъ канцеляріи генералъ-губернатора. Такимъ образомъ, однимъ коллегіальнымъ учрежденіемъ стало меньше. Власть генералъ-губернатора поэтому расширилась, простора для нея явилось болѣе въ смыслѣ административномъ, рѣшенія ея являются не ограничиваемыми болѣе «совѣтами главнаго управленія», но всѣ распоряженія дѣлаются чрезъ канцелярію. Однако, преобразованіе другихъ учрежденій, какъ, напр., вѣдомствъ учебнаго, судебнаго, горнаго, выдѣлило все-таки многое изъ юрисдикціи прежнихъ генералъ-губернаторствъ и главныхъ управленій, въ которыхъ сосредоточивались завѣдывающіе всѣми частями, исключая духовной. Что касается генералъ-губернаторской власти, то опытъ управленія какъ прежній, такъ и нынѣшній указываетъ одно, что управленіе это зависитъ во многомъ отъ характера лица, тѣхъ талантовъ, которыми обладаетъ оно, и тѣхъ благихъ стремленій, которыми воодушевляется. Сибирь и сибирское управленіе поэтому до сихъ поръ считаютъ свои эпохи и режимы, связывая ихъ съ памятью извѣстныхъ администраторовъ и съ ихъ личными качествами; такъ, въ Восточной Сибири остаются памятными имена графа Муравьева-Амур-

[1]) Особенно исключительнымъ и непормальнымъ является положеніе Енисейской губ., которая должна сноситься предварительно съ Иркутскомъ, Иркутскъ съ Петербургомъ и потомъ опять обратная процедура, когда его сношенія самостоятельныя сократили бы время.

скаго, генерала Синельникова, причемъ самая строгость управленія, а иногда и суровость освѣщается тѣми добрыми стремленіями къ водворенію правды и правосудія, какія отличали этихъ лицъ. Точно также остаются незабвенными въ памяти сибиряковъ управленіе генералъ-губернатора Н. Г. Казнакова, исходатайствовавшаго дарованіе Сибири университета и отличавшагося просвѣщеннымъ взглядомъ, какъ и недавнее управленіе въ Восточной Сибири генералъ-губернатора А. П. Игнатьева, исполнено гуманности, смѣнившее другія суровыя времена.

Слишкомъ преждевременно было бы очерчивать дѣятельность главныхъ правителей Сибири за послѣднее 50-ти лѣтіе. Нѣтъ сомнѣнія, что воспитаніе, получаемое нѣкоторыми изъ нихъ, прогрессирующая жизнь Россіи и новыя требованія придали уже особый характеръ ихъ управленію. Самые правители являлись болѣе просвѣщенными, одушевленные болѣе чистыми стремленіями и нѣкоторые обнаруживали замѣчательный государственный умъ.

Для характеристики личности и управленія графа Муравьева-Амурскаго издано нынѣ нѣсколько монографій и мемуаровъ (Воспоминанія Струве, Милютина, Вагина, Гончарова и другихъ). Это личность выдающаяся, энергичная, страстная, не могла не оставить сильнаго впечатлѣнія какъ по своимъ широкимъ планамъ, такъ и по энергичному управленію. Можно отмѣтить одно, что завоеваніе Амура слишкомъ отвлекло графа отъ внутреннихъ дѣлъ Сибири, хотя онъ сначала обнаружилъ стремленіе раскрыть подкладку золотопромышленныхъ порядковъ и хищничества, обратилъ вниманіе на монополію, на кабалу инородцевъ, старался сдѣлать управленіе чистоплотнымъ и предъявилъ новыя требованія къ служащимъ классамъ, но все это имѣло временный порывчатый характеръ и не было закончено. Послѣ него требованія понизились. Время генералъ-губернаторства Корсакова, Шалашникова, Фридрихса не было столь блестящимъ. Гидра сибирскихъ злоупотребленій постоянно показывала голову, золотопромышленность, монополія, нажива вездѣ и всюду дѣлали свое дѣло, а въ чиновномъ и служащемъ классѣ обнаруживалась та же распущенность. Только 4-хъ-лѣтнее управленіе графа А. П. Игнатьева, «отличавшееся,—какъ говоритъ хроникеръ Иркутска,—симпатичнымъ характеромъ», оставило прекрасную память. Въ управленіе графа выдвинутъ вопросъ о крестьянскомъ управленіи, произведено хозяйственно-экономическое изслѣдованіе быта крестьянъ Восточной Сибири, изданное нынѣ въ нѣсколькихъ томахъ. При графѣ Игнатьевѣ была

поднята научная дѣятельность и произведены многія изысканія [1]). Онъ обращался къ обществу и гласности съ взглядами просвѣщеннаго и гуманнаго человѣка. Старая рутина и апатія смѣнила его управленіе. Что касается Западной Сибири, то послѣднимъ блестящимъ управленіемъ было время генералъ-адъютанта Казнакова, любимою мыслью котораго было поднять просвѣщеніе въ краѣ, его времени обязано открытіе многихъ учебныхъ заведеній и перваго университета. Онъ умѣлъ сосредоточивать около себя просвѣщенныхъ и способныхъ людей и пользоваться ихъ силами для пользы края. Изъ дѣятелей въ губернской администраціи своимъ заботливымъ отношеніемъ къ нуждамъ населенія за послѣднее время отличались: генералъ Носовичъ (иркутскій губернаторъ), генералъ Педашенко (забайкальскій и енисейскій губернаторъ) и генералъ Свѣтлицкій (иркутскій), въ Западной Сибири бывшій тобольскій губернаторъ Деспотъ-Зеновичъ и томскій губернаторъ генералъ Лаксъ, оставившій прекрасную память. Не можемъ не отмѣтить изъ выдѣляющихся дѣятелей энергичнаго слѣдователя и борца съ сибирскими злоупотребленіями въ Забайкальской области В. О. Кононовича; онъ же явился прекраснымъ организаторомъ и оставилъ память гуманнаго и просвѣщеннаго человѣка при управленіи каторжными за Байкаломъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ администраціи выдвигались недюжинныя силы, приходившія на помощь обществу. Къ сожалѣнію, рядомъ бывали мелкія самолюбія въ губернскихъ дѣятеляхъ, ронявшія въ Сибири всякій престижъ власти. Попадались люди, которые не задавались никакими цѣлями, являясь на окраину только для того, чтобы удовлетворить тщеславію, и рядомъ съ предубѣжденіемъ къ странѣ, обнаруживали строптивость характера, придирчивость и самое безтактное отношеніе къ обществу. Пріѣзжій губернскій тузъ, не игравшій никакой роли въ администраціи внутренней Россіи, являлся на окраину какъ намѣстникъ: распекалъ по дорогѣ людей не своего вѣдомства, производилъ скандалы на пароходахъ, унижалъ подчиненныхъ, требуя, чтобы чиновники были его камердинерами и лакеями, оскорблялъ ихъ публично, наконецъ, по отношенію къ мѣстному населенію, это тщеславіе доходило до того, что отъ всякаго встрѣчнаго изъ бабъ и мальчишекъ требовалось на улицѣ оказаніе особаго почтенія и встрѣчные подвергались ругани. Повсюду явля-

---

[1]) Онъ энергично поднялъ вопросъ о путяхъ сообщенія, выдвинулъ вопросъ о проведеніи желѣзной дороги чрезъ Сибирь, при немъ изслѣдована Ангара и проч.

лись столкновенія и даже душевно-больные въ госпиталяхъ подвергались наказаніямъ и сажанію на цѣпь за то, что не имѣли разума понять, что предъ ними самолюбивый помпадуръ. Такіе управители весьма скоро обнаруживались въ Сибири и вся административная способность и ревность ихъ сводилась къ расширенію казеннаго ватерклозета. За то кругомъ, рядомъ съ низкопоклонствомъ, процвѣтало взяточничество и мошенничество. Но такіе примѣры въ послѣднее время въ Сибири являлись рѣже, какъ несчастное и случайное исключеніе.

Не смотря на невысокій уровень развитія, на немногочисленность просвѣщеннаго класса, мѣстное общество и появляющаяся, благодаря увеличенію образованія, мѣстная интеллигенція всегда выражали сочувствіе и уваженіе просвѣщеннымъ, гуманнымъ администраторамъ, которые проникались искренними желаніями принести благо краю и облегчить его положеніе; общество готово было поддерживать всѣ лучшія ихъ намѣренія и помогать имъ въ борьбѣ съ мѣстнымъ зломъ. Это единеніе весьма опредѣленно сказывалось какъ во время ревизіи Сперанскаго, такъ и въ другіе, позднѣйшіе періоды. Сибирь сочувствовала поэтому всѣмъ реформаторамъ въ ея жизни и всякой ревизіи.

Въ силу этого въ управленіи Сибири многое зависѣло не отъ внѣшней формы административнаго склада, не отъ административнаго размежеванія, не отъ предѣловъ власти генералъ-губернатора, даже не отъ того, упраздняется-ли для извѣстныхъ районовъ генералъ-губернаторская власть, или созидается вновь, а отъ той системы, которая водворяетъ справедливость, и отъ духа управленія, которые осуществляются при томъ или другомъ режимѣ.

Вотъ нѣсколько мыслей, которыя были высказаны въ одной корреспонденціи, служащей отголоскомъ мѣстныхъ мнѣній, по поводу совершеннаго преобразованія въ Сибири и упраздненій генералъ-губернаторствъ.

«Новая административная перетасовка дѣйствуетъ еще слишкомъ короткое время, чтобы можно было уже видѣть существенные результаты». «Нѣтъ сомнѣнія, что высшая власть въ нашемъ краѣ проникнута самыми лучшими намѣреніями; но вся суть въ томъ, что весьма немногое зависитъ отъ этой власти».

«Генералъ-губернаторская власть, весьма основательно замѣчаетъ корреспондентъ, не можетъ создать ни хорошихъ судовъ, ни земскихъ учрежденій, ни гласности, ни дѣльныхъ и честныхъ чиновниковъ, требующихъ обезпеченнаго существованія, ни, наконецъ, облегченія населенія отъ всевозможныхъ повинностей и налоговъ. Если же и въ реформенныхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ

дѣйствуетъ новое судопроизводство, гдѣ обществу предоставлено, какое ни на есть, самоуправленіе въ лицѣ земства, гдѣ есть кое-какая гласность, если и тамъ всѣ стремленія общества разбиваются о non possumus администраціи, то что остается сказать про далекую провинцію, управляемую исключительными законами и не имѣющую ни земства, ни гласнаго суда, ни органовъ печати, и гдѣ нѣтъ никакихъ общественныхъ дѣятелей, которые бы не зависѣли отъ администраціи. Правда, въ степныхъ областяхъ существуютъ уѣздные судьи, на правахъ мировыхъ судей и съ публичнымъ судопроизводствомъ; но, во-первыхъ, эти судьи назначаются отъ министерства, а не выборные; во-вторыхъ, значительная доля дѣятельности судей парализуется тѣмъ обстоятельствомъ, что высшей инстанціей для нихъ служатъ областныя правленія, эти обветшалыя учрежденія съ безконечными формальностями, проволочками, перепиской и безгласностью. Тѣмъ не менѣе, нужно сознаться, что наши области, въ сравненіи съ губерніями Тобольской и Томской,— сущая Аркадія. Въ этихъ несчастныхъ губерніяхъ неизвѣстно, гдѣ кончается полиція и гдѣ начинается судъ—такъ тѣсно связаны они между собою. Земскій засѣдатель въ одно и то же время и полицейскій чиновникъ, и судебный слѣдователь, и верховный вершитель судебъ цѣлаго участка, имѣющаго подчасъ до 100 тысячъ населенія».

«Можно себѣ представить, какіе въ этихъ губерніяхъ образцовые порядки! Полный произволъ администраціи и абсолютная безпомощность населенія,—вотъ чѣмъ отличается вообще жизнь сибирскихъ губерній. Нечего, поэтому, радоваться, что Тобольская и Томская губерніи вышли подъ-опеки генералъ-губернатора. Гораздо важнѣе измѣненіе внутренняго строя въ губерніяхъ», говоритъ компетентный корреспондентъ.

«Считаю нелишнимъ указать на практикуемый въ Сибири способъ опредѣленія чиновниковъ, въ особенности на полицейскія должности. Если какой-нибудь чиновникъ за слишкомъ ужъ вопіющіе подвиги увольняется со службы съ преданіемъ даже суду, то онъ преспокойно переходитъ иногда еще на лучшую должность въ сосѣднюю губернію, гдѣ его принимаютъ съ распростертыми объятіями».

«Такимъ образомъ, уволенные со службы чиновники, съ преданіемъ даже суду, переходятъ изъ Пермской губерніи въ Тобольскую, изъ Тобольской въ Томскую, изъ Томской въ Енисейскую, изъ Енисейской въ Иркутскую и обратно; дѣла же о нихъ путешествуютъ десятки лѣтъ изъ губерніи въ губернію; герои все отписываются и, несмотря на состояніе подъ судомъ, достигаютъ

нетолько матеріальнаго обезпеченія, но и степеней извѣстныхъ. Нечего говорить, что подобный порядокъ вещей крайне вредно отзывается какъ на интересахъ населенія, такъ и на авторитетѣ власти. Вотъ почему, помимо коренныхъ реформъ, въ Сибири необходима сенаторская ревизія, которая очистила бы воздухъ» (Корреспонденція «Восточн. Обозрѣн.» 1883 г., по поводу упраздненія генералъ-губернаторства).

Если въ одной части Сибири отъ преобразованій губерній и подчиненій губернской администраціи предполагалось упрощеніе дѣлъ и сношеній, а также улучшеніе порядковъ, то въ Восточной Сибири для двухъ губерній, Иркутской и Енисейской, генералъ-губернаторство осталось временной мѣрой. Это двухъ родовъ управленіе служитъ какъ бы послѣднимъ наглядным опытомъ, гдѣ и при какихъ условіяхъ механизмъ управленія легче и система достигла желаемаго улучшенія. Къ сожалѣнію, въ виду указанныхъ порядковъ, рѣшить этого вопроса нельзя.

Есть губерніи, гдѣ, съ упраздненіемъ генералъ-губернаторскаго надзора, гражданскій характеръ управленія понизился, точно также, какъ есть губерніи, находящіяся и подъ этимъ надзоромъ, какъ Енисейская губернія, которая въ характерѣ управленія и по своимъ безпорядкамъ нисколько не уступаетъ, но стоитъ ниже всѣхъ губерній Сибири.

Такимъ образомъ, сибирское управленіе болѣе очерчивается, какъ мы сказали, въ самой системѣ и поэтому нѣкоторые періоды сибирскаго управленія отличаются, какъ наиболѣе выдающіеся по своей энергіи въ борьбѣ съ мѣстными злоупотребленіями.

Эта энергія проявляется то сильнѣе, то слабѣе, но чаще въ сибирскомъ управленіи наступаютъ періоды застоя.

Администраторъ, являющійся въ Сибирь исполненнымъ лучшихъ стремленій и намѣреній испытать свои силы и ожидая поддержки въ учрежденіяхъ, не всегда находитъ ее, въ виду существованія дореформенныхъ учрежденій. Эти жалобы на старые порядки, на злоупотребленія и недостатки, обнаруживаемые при ревизіи разныхъ мѣстъ, безпрестанно раздаются въ отчетахъ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ. Одинъ изъ губернаторовъ въ Восточной Сибири, генералъ Носовичъ, оставляя губернію, заявилъ, что онъ «безсиленъ былъ улучшить положеніе вещей, потому что старыя привычки къ злоупотребленіямъ слишкомъ внѣдрились въ общемъ строѣ низшихъ инстанцій, въ уѣздной администраціи и земской полиціи». Искорененіе злоупотребленій, борьба съ ними являются тѣмъ труднѣе на окраинѣ, что долгіе вѣковые безпорядки и отдаленность отъ просвѣщенныхъ центровъ

ослабили чувство правды въ самомъ обществѣ, извѣстный режимъ деморализировалъ его и не создалъ привычки искать правыхъ путей. Если съ одной стороны является вынужденіе, то съ другой—соблазнъ подкупа, который въ ходу въ Сибири при давленіи капитала, при господствѣ монополіи, при деморализаціи отъ золотопромышленности и при всевозможныхъ злоупотребленіяхъ. Уже Муравьевъ-Амурскій разоблачилъ сложную систему злоупотребленій, возросшую до цѣлой организаціи, въ дѣлахъ торговли и золотопромышленности; генералъ Синельниковъ употреблялъ крупныя и энергичныя мѣры для ограниченія тѣхъ же злоупотребленій, но и послѣ нихъ обычай вступилъ въ свои права. Ревизіи также разоблачали не разъ темныя стороны сибирской жизни и порядковъ, начиная съ ревизіи Анненкова, продолжая ревизіей генералъ-адъютанта Сколкова. Въ теченіи послѣдняго десятилѣтія было также нѣсколько ревизій, обнаружившихъ сибирскія злоупотребленія. Въ 1882 г. была произведена ревизія въ Алтайскомъ горномъ округѣ по назначенію отъ Министерства Императорскаго Двора. Благодаря этой ревизіи, обнаружились старые порядки и пажива на горныхъ заводахъ, злоупотребленія въ лѣсномъ вѣдомствѣ, существованіе фиктивныхъ лѣсничествъ, нерасчетливая ликвидація казеннаго имущества и невыгодная эксплоатація горныхъ богатствъ. Все это побудило перемѣнить штатъ инженеровъ и измѣнить характеръ горнаго управленія. При выплавкѣ золота обыкновенно были поборы въ Барнаулѣ, укоренившіеся какъ обычай [1]). Вторая ревизія была ревизія генерала Свистунова въ Степной области, сопряженная съ открытіемъ злоупотребленій уѣздныхъ начальниковъ. Наконецъ, въ 1888 г. былъ командированъ въ Сибирь отъ Министерства Финансовъ вице-директоръ Пленъ для пресѣченія стачекъ винокуренныхъ заводчиковъ. Результатомъ этой ревизіи была отдача подъ судъ стачечниковъ, а въ концѣ—приговоръ суда, постановившій для этихъ стачечниковъ тюремное заключеніе. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ числѣ этихъ стачечниковъ былъ томскій городской голова, тоже подвергшійся заключенію. Другой томскій капиталистъ Ненашевъ судился за тайную покупку золота и былъ приговоренъ къ лишенію правъ состоянія и къ ссылкѣ. Къ этому надо присоединить картину порядковъ въ уѣздахъ и волостяхъ, куда взоръ власти не всегда можетъ проникнуть и гдѣ все зависитъ отъ произвола земской

[1]) О положеніи дѣлъ въ Алтайскомъ горномъ вѣдомствѣ и разоблаченіе существующихъ злоупотребленій печаталось въ «Восточн. Обозрѣніи.» 1882—1883—1884 г.; ревизія и ревизоры воспользовались указаніями печати.

полиціи или волостнаго писаря. Всѣмъ извѣстно, чѣмъ были сибирскій засѣдатель (становой) и исправникъ, ихъ всевластіе прославилось еще со времени Сперанскаго. До какой степени проявляется власть земской полиціи въ Сибири и исправниковъ, вмѣшивающихся въ дѣла, даже не подлежащія ихъ вѣдомству, доказательствомъ служатъ обнаруженныя недавно возмутительныя вынужденія инородцевъ въ Восточной Сибири къ крещенію и опубликованный циркуляръ окружнаго исправника Позднякова, въ которомъ говорится объ обязательномъ «доставленіи 297 инородцевъ для крещенія» въ миссіонерскій станъ («Гражданинъ» 1892.). Къ этому присоединилась масса жалобъ и прошеній бурятъ на насильственное крещеніе и разныя вынужденія. Фактъ этотъ возбудилъ общее вниманіе столичной прессы и по этимъ насиліямъ въ области совѣсти и вѣры куда господамъ исправникамъ вторгаться не полагалось, назначено слѣдствіе [(«Гражданинъ», №№ 33—60, 1892, и другія газеты).

Для улучшенія земской полиціи въ послѣднее время было предпринято увеличеніе полицейскихъ штатовъ и содержанія, но, при наклонностяхъ земской власти жить на широкую ногу, и это увеличеніе штатовъ не вездѣ обезпечивало безкорыстіе. Напротивъ, искушенія со стороны окружающихъ винокуровъ, винныхъ складчиковъ нерѣдко брали верхъ. Слабою стороною земскихъ порядковъ въ Сибири было то, что земская полиція распоряжалась земскимъ хозяйствомъ и волостнымъ сундукомъ. При невѣжествѣ крестьянъ, всѣ расчеты, вся бухгалтерія, бюджетъ волости и податные учеты были въ рукахъ волостныхъ писарей. На рѣшеніе волостныхъ сходовъ оказывалось давленіе.

Относительно городскаго самоуправленія въ недавно появившейся книгѣ «Иркутскъ» В. И. Сукачева приведены слѣдующія мысли, выражающія взглядъ сибиряковъ на дѣло городскаго самоуправленія.

«Что касается собственно Сибири, то въ ней одинъ изъ самыхъ существенныхъ недостатковъ городскихъ дѣлъ, это — ихъ совершенная обособленность. За воротами города кончается сфера дѣйствій мѣстнаго самоуправленія. Тамъ судъ, полиція, слѣдователь, мировой посредникъ, блюститель земскихъ дѣлъ, судебный приставъ, пожалуй, даже и нотаріусъ—всѣ въ одномъ лицѣ земскаго засѣдателя. Давно упрочившееся въ мѣстномъ обществѣ сознаніе необходимости для Сибири земскихъ учрежденій теперь, когда въ Европейской Россіи учрежденія эти подверглись новому преобразованію, еще болѣе укореняется и, повидимому, убѣжденіе въ этой необходимости раздѣляется и мѣстною администраціей. *Въ*

№ 36-мъ Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1890 года мы читаемъ: «Вслѣдъ за состоявшимся преобразованіемъ земскихъ учрежденій, на очередь, самъ собой, выступаетъ вопросъ объ умѣстности распространенія этихъ учрежденій на всю Россію». «Этимъ путемъ, помимо улучшенія въ способахъ и средствахъ веденія мѣстнаго хозяйства, будутъ достигнуты и другія государственныя цѣли. Не говоря уже о чрезвычайно важномъ значеніи единства въ системѣ государственнаго управленія, нужно имѣть еще въ виду, что и тутъ земскія учрежденія могутъ оказать самое рѣшительное вліяніе на ассимиляцію разноплеменнаго нашего населенія. Такъ, напримѣръ, вотяки, черемисы и пермяки Вятской и Пермской губерній, татары Казанской и Таврической, башкиры Уфимской губерніи, исключительно благодаря дѣйствующимъ тамъ земскимъ учрежденіямъ, оказываются несравненно болѣе обрусѣвшими, болѣе близкими русскимъ, болѣе воспринявшими культурныя начала, чѣмъ инородцы Астраханской, Архангельской и Оренбургской губерній, остающіеся въ дореформенномъ положеніи. Одно это указаніе жизненнаго опыта доказываетъ, какую громадную пользу можетъ извлечь государство, повсемѣстно распространивъ земскія учрежденія на всю территорію Имперіи и призвавъ всѣ племена къ завѣдыванію и управленію мѣстнымъ хозяйствомъ. Чрезвычайно важенъ уже будетъ тотъ результатъ, что эти племена должны будутъ усвоить прежде всего русскій языкъ, съ которымъ къ нимъ не замедлятъ перейти и другія культурныя понятія, вмѣстѣ съ преданностью общему отечеству. Притягательная сила добра—самое лучшее средство сближенія и объединенія». Приведя эту и еще другія выдержки изъ статьи одного изъ органовъ столичной печати, *Иркутскія Губернскія Вѣдомости* отъ себя говорятъ: «Наша отдаленная окраина больше другой части государства нуждается въ народной школѣ, охранѣ народнаго здравія и улучшенія ея путей сообщеній. Для этого нужны люди и средства,—люди *дѣла* и средства *на дѣло*. Полагаемъ, что сибирское земство окажется способнымъ удовлетворить этой потребности, окажется *дѣловымъ*, *хозяйственнымъ* земствомъ, и только такимъ и въ такомъ направленіи дѣйствующимъ мы и желаемъ его видѣть».

Реформы волостнаго и общественнаго управленія крестьянъ, а также распространеніе Положенія 19-го февраля 1861 г. на Сибирь, десять лѣтъ назадъ, должны были измѣнить нѣсколько характеръ общественнаго крестьянскаго управленія. Съ введеніемъ этого положенія началось разграниченіе волостей. Въ первое время это дѣленіе волостей возбудило нѣкоторое затрудненіе. Волости

должны были раздробиться, а потому увеличеніе числа волостныхъ писарей не могло не отозваться тяжестью. Дѣленіе не вездѣ производилось равномѣрно. Разграниченія эти, тѣмъ не менѣе, кончились благополучно. Затѣмъ, въ Западной Сибири, для наблюденія за крестьянскимъ управленіемъ и осуществленіемъ положенія, созданъ былъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ особый институтъ чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ. Этотъ институтъ съ 1863 г., имѣя характеръ мировымъ посредниковъ, переименованныхъ впослѣдствіи также въ чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ, показалъ, что такіе чины, при осмотрительномъ подборѣ и при добрыхъ стремленіяхъ, могли оказать существенную услугу въ водвореніи законности и въ поддержкѣ общественнаго управленія крестьянъ. Чиновники по крестьянскимъ дѣламъ, учрежденные съ 1862 г. въ округахъ Западной Сибири въ лицѣ лучшихъ представителей, также содѣйствовали улучшенію крестьянскаго управленія. Они старались бороться противъ злоупотребленій въ волостяхъ и подбирали болѣе надежный штатъ волостныхъ писарей. Къ сожалѣнію, дѣятельность этихъ чиновниковъ встрѣтила противодѣйствіе въ тѣхъ же чинахъ земской полиціи, желавшихъ сохранить за собою прежнее вліяніе въ общественномъ и земскомъ хозяйствѣ. Губернская администрація также была недовольна разоблаченіями чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ и ихъ борьбой съ земской полиціей.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что съ наступленіемъ новаго времени выступали и новыя учрежденія, которыя силились положить границы своеволію и беззаконіямъ въ волостяхъ. Но эти учрежденія все-таки были безсильны замѣнить тѣ органы, которые въ этой области дѣйствовали во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Земское хозяйство, распредѣленіе повинностей, облегченіе крестьянскихъ тягостей, крестьянскій судъ, попеченіе о больницахъ, о школахъ—слишкомъ огромное и широкое дѣло, чтобы обойтись въ немъ безъ существенныхъ преобразованій въ дѣлѣ земскаго хозяйства и общественнаго участія. Постепенное выдѣленіе этого земскаго хозяйства отъ опеки старой дореформенной земской полиціи и контроль надъ этимъ хозяйствомъ—вотъ цѣль, къ которой шли намѣчаемыя преобразованія.

Мы видимъ теперь, съ какими препятствіями и съ какими сложными задачами приходилось имѣть дѣло сибирской власти и сибирскому управленію. Ея наличная мудрость—умъ, воля и энергія отдѣльнаго лица—понятно, являлась здѣсь безсильной и должна была, рано или поздно, утомиться. Жизнь поэтому выдвинула новые институты и учрежденія, которые бы помогали этой вла-

сти водворить законность и порядокъ. Этими новыми институтами явились крестьянскія учрежденія, хотя и не вполнѣ преобразованный судъ и общественное сельское и городское самоуправленіе въ извѣстныхъ предѣлахъ. Можно только желать развитія этихъ общественныхъ учрежденій въ Сибири рядомъ съ воспитаніемъ въ обществѣ чувства правды и законности.

Только жизнь самаго общества, развитіе его гражданскаго пониманія, его самосознаніе въ области общественныхъ интересовъ, проявленіе общественной иниціативы, «гласность», о которой говорилъ Сперанскій, могутъ помочь лучшимъ стремленіямъ администраторовъ водворить правовый порядокъ, законность и идеалъ лучшихъ гражданскихъ и общечеловѣческихъ отношеній въ зарождающемся обществѣ молодой колоніи.

ГЛАВА XIII.

ИСТОРІЯ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ СИБИРИ.

Недостатокъ знаній при открытіи Сибири. — Невѣжество сибирскаго общества въ XVIII ст. — Попытки просвѣщенія въ XIX стол. — Время Сперанскаго.—Ощутительный недостатокъ учебныхъ заведеній.—Пробуждающаяся любознательность и стремленіе къ образованію.—Возникновеніе университетскаго вопроса на Востокѣ, его исторія и время основанія университета въ Сибири.— Надежды, возлагаемыя на него и открывающаяся лучшая будущность края.

Ростъ и развитіе нашихъ окраинъ должны были находиться въ зависимости отъ распространенія знаній, высоты культуры и вообще умственнаго прогресса русскаго населенія. Если бы знанія и наука одушевляли первыхъ открывателей, если бы они обладали знаніемъ природы, то борьба въ дѣвственной странѣ досталась бы легче и не стоила бы многихъ жертвъ. При помощи знанія русскіе люди легче бы открыли богатства страны, съумѣли бы болѣе воспользоваться дарами природы и создали бы цвѣтущій культурный міръ изъ міра пустыни, подобно тому, какъ развивались многія европейскія колоніи. Нечего говорить, что Сибирь и нашъ Востокъ при бо́льшихъ средствахъ просвѣщенія могли бы уподобиться если не Индіи, то составить богатѣйшія по источникамъ дохода владѣнія, населеніе же на свободныхъ земляхъ могло бы достигнуть замѣчательнаго благосостоянія. Но при завоеваніи Сибири славянская народность и русское общество не могли выдвинуть просвѣщенныя знаніемъ силы, потому что въ самой Россіи просвѣщеніе только-что зарождалось.

Знаніе и наука совсѣмъ не участвовали въ нашихъ открытіяхъ на Востокѣ. Открытіе Сибири и знакомство русскихъ съ Азіей далеко не походило на открытіе Америки, ни по своимъ побужденіямъ, ни по своимъ послѣдствіямъ. Если открытіе Америки было плодомъ пытливаго знанія, если оно сопровождалось переворотомъ въ промышленности, дало толчекъ европейскому прогрессу и оказало вліяніе на всю міровую цивилизацію, то откры-

тія русскихъ въ Азіи имѣли сравнительно весьма ничтожное значеніе и оказали слабое вліяніе даже по отношенію къ Россіи. Чтобы опредѣлить, насколько научныя знанія участвовали въ открытіяхъ, сдѣланныхъ нами въ Сибири, достаточно вспомнить, что ея завоеватели были простые казаки, невѣжественные простолюдины, а колонизаторами—«гулящіе люди», промышленники и бѣглые крѣпостные рабы, точно также, какъ достаточно вспомнить о степени умственнаго развитія Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Значеніе открытій на Востокѣ долго не сознавалось самимъ русскимъ обществомъ. Открытія Дежневымъ Берингова пролива, Атласовымъ — на льдахъ сѣвера, Поярковымъ — въ Охотскомъ морѣ и Хабаровымъ — на Амурѣ, не имѣли европейскаго значенія до тѣхъ поръ, пока они не были изслѣдованы Берингомъ, Врангелемъ и другими. Не пытливый духъ знанія, не интересы міровой науки двигали нашими открытіями въ Сибири; вторженіе въ нее было послѣдствіемъ безотчетной и слѣпой отваги, энергіи, искавшей выхода изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, въ какихъ жилъ русскій народъ въ XVI столѣтіи. Большинствомъ же дальнѣйшихъ открытій и завоеваній нашихъ въ этомъ краѣ руководилъ духъ наживы и погони за богатствомъ. Торговые и промышленные люди, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, выселившіеся въ Сибирь, занимавшіеся здѣсь промыслами и торговлею, были также люди совершенно невѣжественные; начало сибирскимъ поселеніямъ было положено людьми безъ всякаго образованія, неграмотными. Даже тѣ изъ нихъ, которые стояли во главѣ обширныхъ предпріятій, какъ Шалауровъ, открывшій Таймырскій берегъ, или Барановъ, глава русско-американской компаніи, были люди полуграмотные и грубые. Что касается крестьянства, то, понятно, оно представляло темную массу и стихійную силу, двинувшуюся на Востокъ безъ всякаго сознанія своей роли здѣсь. Культурное развитіе населенія въ XVI и XVII стол. соотвѣтствовало тогдашнему положенію невѣжественной Руси. Оно съ собой принесло земледѣльческій промыселъ, и это было все. Словцовъ правъ, давая слѣдующій отзывъ о первыхъ колонистахъ Сибири: «Они не принесли мастерствъ, кромѣ навыка срубить домъ и заготовить упряжь, да пахатные способы; женщины ихъ умѣли только соткать толстый холстъ и сермяжное сукно для своего обихода». При своихъ убогихъ средствахъ, переселившееся крестьянство, отдѣленное тысячами верстъ отъ остальнаго русскаго населенія, долго находилось въ Сибири оставленнымъ на произволъ и на борьбу съ суровою природою въ лѣсахъ и тундрахъ. Жизнь Сибири до начала нынѣшняго столѣтія и даже долѣе—была жизнью

страны невѣжественной и варварской въ полномъ смыслѣ слова. Исканіе и разработка сибирскихъ богатствъ совершались слѣпо и на-угадъ; рудокопы, открыватели золота и серебра, были людьми безъ всякихъ техническихъ знаній. Эксплуатація звѣря, мѣховъ, рыбныхъ промысловъ и минеральныхъ богатствъ была, по выраженію одного историка сибирской культуры, исторіей расхищенія естественныхъ запасовъ природы.

Конечно, нельзя сказать, чтобы новый край не возбуждалъ любознательности въ переселенцахъ; извѣстно, напримѣръ, что нѣкоторые изъ нихъ чертили самодѣльныя карты, по которымъ составлена чертежная книга Ремезова или карта Шалаурова, одобренная Врангелемъ; нѣкоторые являлись знатоками травъ, въ родѣ Эпишева, составившаго первый травникъ, и т. д., но эта любознательность, этотъ порывъ ума къ знанію замирали, не находили средствъ опереться на науку. Русскія открытія въ Азіи и пріобрѣтеніе новаго неизвѣстнаго континента не освѣжили русскаго общества и не дали ему толчка.

Что касается самой колонизаціи и культуры Сибири, то она также въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ не отмѣчается ничѣмъ замѣчательнымъ, въ ней также не участвовало знаніе. Русскій простолюдинъ колонизовалъ Сибирь на-угадъ, безъ всякаго разсчета; онъ занялъ сперва сѣверъ, захватилъ тундры и оставилъ въ пренебреженіи югъ, который началъ заселяться долго спустя. Къ тому же едва-ли не большинство колонистовъ состояло изъ бродягъ и авантюристовъ, которымъ казна должна была впослѣдствіи подвозить хлѣбъ, чтобы они не умерли съ голоду. Масса народа гибла и терялась по лѣсамъ, бросаясь на-обумъ впередъ; русскіе часто оставляли уже занятыя земли, какъ, напримѣръ, по Амуру. При невѣжествѣ населенія очень туго развивались торговля и промышленность. Китай долго не привлекалъ нашего вниманія. Торговля съ джунгарскимъ ханствомъ и Бухарою, достигшая значительныхъ размѣровъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, внезапно прекратилась въ началѣ нынѣшняго. Владѣнія на Восточномъ океанѣ нисколько не способствовали международной торговлѣ и не создали у насъ торговаго флота. Русскіе долго эксплуатировали инородцевъ и кончили ихъ разореніемъ. Перенеся колонизацію въ Сѣверную Америку и дойдя въ своихъ исканіяхъ богатства до Калифорніи, русскіе въ самой Сибири до начала нынѣшняго столѣтія не могли завести торговли съ киргизскою степью. Они не съумѣли воспользоваться ни своимъ географическимъ положеніемъ, ни топографическими условіями, ни естественными произведеніями богатаго и обширнаго края. Гражданственность

въ Сибири туго прививалась, населеніе расло медленно: только съ половины прошлаго столѣтія оно начало выходить изъ лѣсовъ. На всемъ пространствѣ Сибири были раскинуты только бѣдные остроги; какъ населеніе было ничтожно, можно судить по тому, что къ началу нынѣшняго столѣтія оно составляло милліонъ съ небольшимъ, а на всемъ камчатскомъ полуостровѣ считалось только двѣ тысячи мужскаго населенія. Русскіе переселенцы не оказали никакого вліянія на инородцевъ въ культурномъ смыслѣ. Самой Россіи Сибирь приносила менѣе пользы, чѣмъ можно было разсчитывать. По мѣрѣ пріобрѣтеній на Востокѣ, на Сибирь возлагались пылкія надежды, но послѣ первыхъ увлеченій авантюризма, вслѣдъ за обольщеніями и ожиданіями выгодъ, явилось полное разочарованіе, бывшее результатомъ нашей культурной несостоятельности, и Сибирь сдѣлалась надолго забытымъ и захолустнымъ краемъ, судьба котораго вызвала слѣдующую характеристику мѣстнаго историка Словцова: «Сибирь, какъ страна, заключала въ себѣ золотое дно, но какъ часть государства, представляла ничтожную и безгласную область».

Такой жизнью жила Сибирь до второй четверти XIX столѣтія. Проводниками просвѣщенія здѣсь въ XVI и XVII столѣтіяхъ могли бы явиться служилые люди и духовенство, но, къ сожалѣнію, воеводы и служилые люди рѣдко чѣмъ отличались отъ массы остальнаго населенія; въ Сибирь ихъ привлекла та же нажива. Что касается духовенства, то даже въ прошломъ столѣтіи въ Сибири еще встрѣчается масса священниковъ безграмотныхъ. Въ XVIII столѣтіи старыхъ служилыхъ людей смѣнили приказные люди и старые подъячіе, которые также не могли быть представителями образованности. Уровень понятій и знаній въ тогдашнемъ сибирскомъ обществѣ характеризуется слѣдующими примѣрами: когда Петръ Великій предписалъ сибирскому начальству собирать для музеевъ всевозможные «раритеты» изъ области сибирской природы, доставлять замѣчательные экземпляры мѣстной флоры и фауны, то служилые люди были поставлены въ величайшее недоумѣніе, не понимая, чего отъ нихъ требуютъ. При Екатеринѣ II хотѣли предпринять топографическую съемку, но въ Сибири не нашлось для этого сколько-нибудь знающихъ людей; мѣстное начальство не могло доставлять самыхъ элементарныхъ географическихъ свѣдѣній. Первое духовное лицо въ Тобольскѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по свидѣтельству аббата Шаппа, не хотѣло вѣрить, что земля обращается вокругъ солнца.

Жизнь сибирскихъ городскихъ обществъ въ началѣ XIX ст. обрисована въ послѣднее время мѣстными изслѣдователями Ваги-

нымъ и Щаповымъ по мемуарамъ и запискамъ старожиловъ. По сказанію современниковъ Трескина, въ обществѣ иркутскомъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. «была дичь совершеннѣйшая, образованія не было почти никакого». И это свидѣтельство, дѣйствительно, подтверждается фактами. Кромѣ существовавшихъ нѣкогда навигацкихъ школъ, въ Иркутскѣ до начала XIX столѣтія не было никакихъ училищъ. Только при содѣйствіи Трескина, въ 1816—1817 гг. открыто было по Иркутской губерніи до 18 кое-какихъ приходскихъ училищъ; но до Сперанскаго, да и послѣ, существованіе ихъ было самое жалкое и шаткое. Крестьяне даже желали вовсе избавиться отъ училищъ, «какъ отъ нѣкоторой обременительной повинности».

Не менѣе равнодушно относилось къ образованію и городское общество. Еще въ 1821 году иркутскій губернаторъ Цейдлеръ писалъ: «Чиновники здѣшніе стараются только обучать дѣтей своихъ грамотѣ и спѣшатъ записывать въ канцелярскую службу для достиженія скорѣйшаго офицерскаго чина, и потому обучаются они плохо и поступаютъ безъ свѣдѣній и малолѣтные на службу и потому нѣтъ надежды, чтобы кто сыну своему предназначилъ трудный путь наукъ, и потому скоро развращаются и дѣлаются неспособными къ прилежанію и занятію трудною наукою; купечество, имѣя въ виду только пріобрѣтеніе богатства, ведетъ дѣтей своихъ особою дорогою, пріучая ходить съ обозами, закупать въ Якутскѣ бѣлку, лисицъ, соболей, отвозить ихъ въ Ирбитъ, и оно довольно, ежели 14-ти-лѣтній мальчикъ преодолѣваетъ трудности дальней дороги». Въ Сибири есть цѣлыя волости, неумѣющія ни читать, ни писать, и только немногіе имѣютъ понятіе о томъ, что дѣлается за ихъ околицей.

Итакъ, XVI и XVII вѣкъ былъ для Сибири временемъ полнаго невѣжества и безпросвѣтной темноты. Нѣкоторая грамотность и элементарныя познанія были распространены только среди служилаго сословія. Только въ XVIII вѣкѣ знаніе и образованіе начинаютъ пролагать дорогу на Востокъ. Сибирь посѣщаютъ ученые иностранцы, какъ Мессершмитъ, Палласъ, Фалькъ, Миллеръ, осматривавшій архивы, Гмелинъ и другіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются попытки собранія болѣе свѣдѣній о Сибири, а также основываются кое-гдѣ спеціальныя школы, а затѣмъ создаются двѣ семинаріи. Военное сословіе, получившее нѣкоторое образованіе съ Петра I, и бюрократическое чиновничество съ своими скудными свѣдѣніями считались единственнымъ просвѣщеннымъ классомъ, но общій уровень массы населенія былъ весьма низокъ. Историкъ и писатель С. С. Шашковъ, разбирая сибирскіе архи-

вы и занимаясь исторіей, посвятилъ одинъ очеркъ нравамъ Сибири въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Въ немъ онъ обрисовывалъ ту темноту и невѣжество, какія царили въ сибирскомъ обществѣ. Масса суевѣрій, предразсудковъ господствовала здѣсь, инородческое міросозерцаніе и повѣрья прививались къ русскихъ людямъ. «Заговоры», «колдовство», «порчи», «привороживанье» составляли предметъ цѣлыхъ уголовныхъ дѣлъ, какъ видно изъ архивнаго матеріала XVIII столѣтія. Демоническое и миѳологическое суевѣріе господствовало въ жизни и выражалось въ колдовствѣ, въ вѣрѣ «кикиморъ», «сусѣдокъ», привидѣній. Цѣлые дома иногда оставались пустыми, потому что, по мнѣнію жителей, въ нихъ жили привидѣнія. Въ лѣсахъ населеніе находилось подъ страхомъ «лѣшихъ» и «лѣсовиковъ», оно вѣрило, что у звѣрей есть «хозяинъ», который перегоняетъ стада оленей, мораловъ (этимъ объяснялось переселеніе животныхъ), въ горахъ, въ рудникахъ появлялся «горный духъ» рудокопамъ въ шахтахъ, въ видѣ генерала и иныхъ видахъ. Животныя и звѣри антромопорфизировались русскимъ населеніемъ, имъ присваивались человѣческія свойства, какъ, напр., медвѣдю, то же самое переносилось на стихіи, на вѣтеръ напр. [1]). Нельзя было не видѣть въ этомъ отступленія отъ прежняго міросозерцанія опять въ область миѳологическую. Къ этому присоединялось вліяніе на русскаго человѣка инородческихъ взглядовъ и вѣрованій. Шаманы и ихъ ворожба производили впечатлѣніе на русскихъ казаковъ и промышленниковъ, и они усвоили вѣру въ могущество шамановъ и ихъ чудесную силу, обращались къ нимъ въ трудныхъ случаяхъ. Впослѣдствіи русскіе также легко усвоили вѣру въ ламъ монгольскихъ и вѣрили въ ихъ медицину, какъ прежде въ шамановъ. Одинъ очевидецъ жизни въ Охотскѣ въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія передавалъ, что онъ засталъ то время, когда русскіе, женясь на инородкахъ, усваивали ихъ предразсудки, вѣру въ покойниковъ, бродящихъ послѣ смерти, и т. д. Все это былое стественно при отсутствіи всякаго просвѣщенія. Это было отступленіе отъ культуры русскаго человѣка. Предразсудки коренились въ Сибири до XIX столѣтія. Въ дневникѣ домашняго секретаря Трескина, Тюменцева, въ 1819 г. разсказывается о разныхъ чудесахъ въ Иркутскѣ, напр., какъ «*мышій* давилъ человѣка», какъ въ намѣстническомъ домѣ показывались привидѣнія (Дневникъ въ «Воспоминаніяхъ о Сперанскомъ» Вагина). До сихъ поръ въ городахъ сибирскихъ осталось еще

[1]) Подобные примѣры приведены въ «Письмахъ о Сибири» Семилужинскаго (Ядринцева). Журналъ «Дѣло» 1867 г.

много наклонностей видѣть проявленіе духовъ и таинственныхъ силъ.

Отсутствіе знаній заставляло людей блуждать во тьмѣ и въ новой странѣ чувствовать или безсиліе, или бороться съ природой не тѣми средствами, какія доступны цивилизованному человѣку. Въ лѣсахъ пускался огонь для урожаевъ травы «палы». Звѣрь истреблялся безъ всякой предусмотрительности. Отсутствіемъ развитія и образованія объяснялись грубость нравовъ, жестокость по отношенію къ другимъ племенамъ, истребленіе инородца и неумѣнье привить къ нему культурныя начала [1]). Все это не могло не отразиться на характерѣ и умственномъ складѣ населенія и въ послѣдующія эпохи.

Кое-какія школы начинаютъ зарождаться въ Сибири только въ половинѣ прошлаго столѣтія. Вѣроятно, поводами для этого послужили различные государственные планы Петра I и Екатерины II по отношенію къ Сибири. Въ числѣ первыхъ школъ въ Сибири учреждены школы спеціальныя: «навигацкія» въ Иркутскѣ и Нерчинскѣ и «геодезическія» въ Тобольскѣ и Томскѣ. Навигацкая школа въ Иркутскѣ была основана въ 1754 году. Въ 1781 году здѣсь открыта городская школа, въ 1789 г. она преобразована въ главное народное училище. Училища эти открывались и въ другихъ городахъ, но, говоря вообще, дѣло шло медленно и туго. Нѣкоторыя изъ школъ, открытыя въ прежнее время, до пріѣзда Сперанскаго, были или закрыты, или преобразованы; такъ, напримѣръ, закрылся классъ монгольскаго языка въ Иркутскѣ, приготовлявшій переводчиковъ. Къ памятникамъ просвѣщенія прошлаго столѣтія относятся, кромѣ того, горныя училища въ Барнаулѣ и Нерчинскѣ. Эти спеціальныя училища, при своемъ формальномъ существованіи и ничтожномъ вліяніи, имѣли чрезвычайно слабое значеніе въ дѣлѣ развитія Сибири: въ нихъ получали образованіе очень немногіе туземцы, напримѣръ, талантливый Лосевъ, вышедшій изъ навигацкой школы и выдвинувшійся при Сперанскомъ своими дарованіями. Самыми крупными учебными заведеніями въ Сибири были въ то время двѣ семинаріи, въ Тобольскѣ и Иркутскѣ, но существованіе ихъ точно также не ознаменовалось ничѣмъ замѣтнымъ въ дѣлѣ мѣстнаго просвѣщенія, кромѣ развѣ того, что при тобольской семина-

[1]) Послѣ завоеванія началось истребленіе инородца. На него смотрѣли, какъ на собаку, какъ на животное. Сохраненіе такого воззрѣнія и нынѣ подтверждается свидѣтельствомъ, что на Амурѣ «крестьяне и казаки высказываются, что у монзы и корейца *не душа*, а *паръ*, и что убить его не грѣхъ». Рѣчь д-ра Прохорова. Празднованіе 300-лѣтія Сибири. С.-Петербургъ 1882 г., стр. 9.

ріи сохранились нѣкоторыя сибирскія лѣтописи о покореніи Сибири. Воспитаніе въ этихъ семинаріяхъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, отличалось схоластичностью; онѣ были разсадникомъ семинарской педантичности; на своихъ экзаменахъ и актахъ онѣ выгружали цѣлую массу хрій, одъ и напыщенныхъ сочиненій. Наука ихъ ничѣмъ не была связана съ сибирскою жизнью. Въ 1791 году въ Тобольскѣ издавался даже при главномъ народномъ училищѣ, подъ редакціей Сумарокова, литературный журналъ «Иртышъ», превратившійся въ «Ипокрену»; изданіе это наполнялось псевдо-классическими подражаніями и риторическимъ стихоплетствомъ, за что получилъ достойный приговоръ отъ образованнаго человѣка того времени, Словцова, сказавшаго въ своей исторіи, что «вмѣсто того, чтобы заняться сообщеніемъ интересныхъ свѣдѣній о Сибири, издатели пустились обезьянничать словесности и поэзіи пошлой». Стремленіе къ образованію въ сибирскомъ обществѣ въ это время было еще очень слабо; иркутскіе чиновники, по словамъ Цейдлера, старались только выучить дѣтей своихъ грамотѣ и отдать ихъ поскорѣе на службу; купцы пріучали дѣтей съ раннихъ лѣтъ ходить съ обозами и торговать въ Якутскѣ и Ирбити, въ образованіи же ихъ не нуждались. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, передъ пріѣздомъ Сперанскаго, были основаны двѣ гимназіи: тобольская и иркутская въ 1806 году. Въ тобольской до 1823 года число учениковъ не превышало 27; увеличенію числа ихъ препятствовала тѣснота училищныхъ помѣщеній. Въ иркутской гимназіи, при основаніи, было 35 учениковъ, а въ 1825 году — 47. Около этого же времени открыты уѣздныя и приходскія училища въ Тобольскѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ и Енисейскѣ. Въ Томскѣ продолжало существовать простое народное училище. Кромѣ того въ 1821 году учреждено было въ Тобольскѣ училище для дѣтей почтовыхъ служителей, на 40 воспитанниковъ, которые должны были, окончивъ курсъ, поступать въ почтовое вѣдомство. Въ Омскѣ учреждено омское казачье училище, закрытое учебное заведеніе, собственно для дѣтей казачьяго сословія, съ среднимъ гимназическимъ курсомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири открыты военно-сиротскія отдѣленія, преобразованныя впослѣдствіи въ батальоны военныхъ кантонистовъ; по словамъ Вагина, изъ этихъ батальоновъ вышло не мало людей способныхъ—конечно, для тогдашней Сибири.

Нельзя умолчать также о попыткахъ устройства народныхъ училищъ. Въ 1816 году, по настоянію Словцова, бывшаго директоромъ иркутской гимназіи, основано было въ Иркутской губерніи до 18 народныхъ школъ. На устройство училищъ пожертво-

вано было 5.003 р.; кромѣ того инородческія крестьянскія общества обязались содержать училища на свой счетъ. Училища эти, однакожъ, не нашли сочувствія и поддержки въ администраціи Трескина и Пестеля. Открывъ школы, Трескинъ отказался отпускать содержаніе учителямъ изъ общественныхъ суммъ; общества также перестали заботиться о содержаніи училищъ и, видя равнодушіе къ нимъ начальства, пожелали уничтожить ихъ; вопросъ объ этомъ возбуждался нѣсколько разъ. Нельзя безъ удивленія видѣть, замѣчалъ по этому поводу губернаторъ Зеркалевъ, что губернское начальство, содѣйствуя открытію училищъ, въ то же время возбуждало вопросъ объ ихъ уничтоженіи.

Въ такомъ положеніи находились образовательныя средства Сибири къ пріѣзду Сперанскаго.

Сдѣлавшись генералъ-губернаторомъ Сибири, Сперанскій обратилъ вниманіе на устройство учебной части въ этомъ краѣ; дѣятельнымъ помощникомъ ему явился Словцовъ, образованный сибирякъ, преданный душой и тѣломъ Сибири. Какъ образованный человѣкъ, Сперанскій не могъ не поразиться невѣжествомъ сибирскаго населенія, точно такъ же, какъ почти нетронутымъ еще богатствомъ края, его обширностью и значеніемъ для Азіи; экономическое развитіе русскихъ владѣній на Востокѣ стало занимать его не менѣе, чѣмъ гражданское и политическое. 250 лѣтъ мы владѣли Сибирью, и изъ этого ровно ничего не выходило. Сперанскій пытался установить на Сибирь опредѣленную политическую точку зрѣнія. «Я пресѣкъ много вопіющихъ насилій,—писалъ онъ,—но, можетъ быть, того важнѣе — открылъ Сибирь въ истинныхъ ея политическихъ отношеніяхъ. Край этотъ заслуживаетъ государственнаго вниманія вполнѣ». Сперанскій нашелъ край въ крайне-безпомощномъ положеніи. Сибирь страдала отъ массы страшныхъ злоупотребленій; въ ней не было людей, кому бы можно было довѣрить управленіе, что сильно мѣшало реформамъ Сперанскаго. Невѣжество сибирскаго общества было поразительное. «Два года не видѣть вокругъ себя ни одного образованнаго человѣка, не слышать ни одного умнаго слова — это ужасно!» писалъ Сперанскій. За столомъ у себя онъ часто принималъ людей, вернувшихся изъ Камчатки, съ Алеутскихъ острововъ, съ Ледовитаго моря, изъ Китая, прошедшихъ Яблоновый хребетъ. «Сибирь — истинная страна Донъ-Кихотовъ», замѣчаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Онъ видѣлъ въ то же время, что необыкновенная энергія и предпріимчивость пропадали безплодно и самая кипучая дѣятельность, безъ знанія дѣла, при темнотѣ отважныхъ предпринимателей, не приносила никакого результата. Страна пред-

ставляла богатый научный матеріалъ, но имъ никто не пользовался. Генералъ-губернаторъ, занимаясь отправкой экспедицій то къ полюсамъ, то въ степи, принужденъ былъ самъ показывать обращеніе съ компасомъ и учить, какъ слѣдуетъ дрессировать верблюдовъ для путешествія. Онъ же первый ботанизировалъ около Иркутска. Понятно, до какой степени онъ долженъ былъ поражаться отсутствіемъ даже самыхъ элементарныхъ научныхъ знаній въ Сибири.

Одною изъ первыхъ попытокъ его было учрежденіе въ Иркутскѣ ланкастерской школы, за устройство которой онъ принялся съ лихорадочной дѣятельностью, едва спустя мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Иркутскъ. «Къ счастію, со мною была книжка о сей методѣ. и все *вскипѣло*», пишетъ онъ 23-го сентября 1819 года. Онъ возобновляетъ устройство народныхъ училищъ, погибавшихъ при Трескинѣ, и поручаетъ ихъ попеченію Словцова и Зеркалева. Снесясь съ министромъ, онъ обезпечиваетъ жалованье народнымъ учителямъ, предлагаетъ крестьянскимъ обществамъ открытіе школъ, даетъ толчокъ основанію инородческихъ училищъ. Онъ оказываетъ свое покровительство всѣмъ, кто беретъ на себя заботу объ открытіи учебныхъ заведеній. Онъ поднимаетъ упавшую навигацкую школу въ Охотскѣ, заботу о ней принимаютъ на себя князь Шаховскій и Ушинскій, по приглашенію которыхъ въ нее начинаютъ поступать дѣти казаковъ, мѣщанъ и якутовъ. Содержаніе этой школы было обезпечено Сперанскимъ. Въ то же время въ Гижигѣ основывается школа на пожертвованіе купца Баранова. Во время пребыванія Сперанскаго въ Кяхтѣ тамошній бургомистръ, Игумновъ, изъявилъ желаніе основать училище и поддерживать на свой счетъ ремесленное воспитаніе для мѣщанъ. Словцовъ развиваетъ мысль соединить ученье въ сибирскихъ сельскихъ училищахъ съ ремеслами, какъ было когда-то предположено для Камчатки. Въ изданныхъ Сперанскимъ сибирскихъ учрежденіяхъ и уставахъ постановлено было заводить школы не только у казаковъ и кочевыхъ инородцевъ, но и въ полудикой киргизской степи, толко что присоединенной къ Сибири.

Какъ ни были велики усилія Сперанскаго, но это только одинокія попытки и мечтанія; ни вліяніе, ни дѣятельность его не оставили въ жизни Сибири никакихъ слѣдовъ по многимъ обстоятельствамъ. Въ книгѣ г. Вагина о Сперанскомъ приведены многіе отзывы современниковъ и одинъ изъ нихъ говоритъ: «правленіе Сперанскаго въ Сибири ничѣмъ не замѣчательно; была только запутанность и неразборчивость, цѣлые возы просьбъ увезены, а нѣкоторыя даже не прочитаны» (Извѣст. Сиб. отдѣла, т. V, 1874 г.,

стр. 41). Сибиряки также не поняли Сперанскаго. Они, какъ видно изъ отзывовъ современниковъ, отдавали и отдаютъ до сихъ поръ предпочтеніе Трескину, который имѣлъ на послугахъ Лоскутова, свирѣпствовавшаго при пестелевскомъ управленіи Сибирью, распространилъ взяточничество, жена котораго продавала мѣста засѣдателямъ, который наполнялъ Иркутскъ ужасами, но настроилъ въ Иркутскѣ «ретирады» и пробовалъ пріучить бурятъ къ земледѣлію. Такъ тупо относилось большинство сибирскаго населенія къ реформѣ Сперанскаго, замѣчаетъ историкъ. «А послѣ него все пошло по старому», сказалъ одинъ изъ современниковъ, передавая г. Вагину свой разсказъ о Сперанскомъ. Конечно, Сперанскій, въ роли организатора, ничего не могъ сдѣлать тамъ, гдѣ нужно было прежде расчистить черноземную почву и потомъ уже сѣять. Онъ безсиленъ былъ создать и гражданскіе идеалы для этого общества и поднять его умъ. Для этого нужны были громадныя образовательныя средства. Съ отъѣздомъ его всѣ лучшія его начинанія рухнули и грязная волна, случайно всколыхнутая, опять пришла въ свое прежнее стоячее положеніе. Если, по словамъ Сперанскаго, и въ Россіи, и въ Петербургѣ остались излишними всѣ его желанія и предположенія «сдвинуть грубую толщу, которую никакъ съ мѣста сдвинуть не можно», то тѣмъ болѣе трудно было ему расшевелить азіатскую косность сибирскаго общества, вдругъ смягчить, гуманизировать эту непроходимую дичь. (Извѣст. Сибир. отдѣла, № 1, т. 5, 1874 г., стр. 42).

Съ отъѣздомъ Сперанскаго сибирскія училища, основанныя при немъ, начали быстро падать: сельскія училища Иркутской губерніи были большею частію закрыты, такъ какъ теперь они не находили уже энергичной поддержки въ мѣстномъ начальствѣ. Скромный сибирякъ Словцовъ, единственный способный сотрудникъ Сперанскаго въ учебномъ дѣлѣ, перестаетъ пользоваться вліяніемъ, оставляетъ практическую дѣятельность, поселяется въ Тобольскѣ и погружается въ скромныя архивныя и историческія изысканія о Сибири. Учебное дѣло начинаетъ опять двигаться чрезвычайно медленно на Востокѣ и получаетъ безжизненный, казенный характеръ. 8-го декабря 1828 года сибирскія учебныя заведенія переданы въ вѣдѣніе губернаторовъ. Тогда же повелѣно было каждой сибирской губерніи имѣть по одной гимназіи. Какъ туго и медленно приводилось въ исполненіе это повелѣніе, можно судить по тому, что кромѣ двухъ гимназій, открытыхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, только въ концѣ тридцатыхъ годовъ открыта третья гимназія — въ Томскѣ, а предписанная по указу

1828 года красноярская гимназія открылась только черезъ сорокъ лѣтъ послѣ проектированія—въ 1869 году!

Число уѣздныхъ училищъ долго оставалось то же самое, какое было при Сперанскомъ. По указу 1828 г., было назначено ихъ въ Иркутской губерніи 7, въ Томской 3, въ Тобольской 8 и въ Енисейской 2; прибавлялись они туго и преподаваніе въ нихъ находилось еще въ большемъ пренебреженіи, чѣмъ во всѣхъ другихъ училищахъ. Изъ остальныхъ учебныхъ заведеній Сибирь имѣла только нѣсколько узко-спеціальныхъ, и притомъ для извѣстныхъ сословій: омское казачье училище, теперь военная гимназія; до послѣдняго времени, какъ и при Сперанскомъ, оно считается первымъ по средствамъ и объему преподаванія учебнымъ заведеніемъ края; горное училище и духовныя семинаріи, которыхъ, кромѣ двухъ прежнихъ, тобольской и иркутской, открыто въ послѣднее время двѣ—въ Томскѣ и Якутскѣ. О женскомъ образованіи до шестидесятыхъ годовъ въ Сибири почти не было и рѣчи; въ 1838 году было учреждено первое женское учебное заведеніе въ Иркутскѣ — сиропитательный домъ. По плану Цейдлера, онъ долженъ былъ положить основаніе женскому образованію въ краѣ, но заведеніе это иркутскимъ обществомъ, подъ вліяніемъ попечительства купеческаго сословія, было обращено просто въ заведеніе для приготовленія прислуги. Въ 1845 году открытъ въ Иркутскѣ же дѣвичій институтъ. Иркутскій институтъ основанъ на началахъ, принятыхъ въ дворянскихъ институтахъ внутреннихъ губерній, и съ самаго начала стремился къ аристократической исключительности, хотя въ Сибири не было ни рѣзкаго раздѣленія сословій, ни кореннаго дворянства, въ силу чего некому было туда поступать, кромѣ развѣ дѣтей пріѣзжихъ чиновниковъ да немногихъ почетныхъ гражданъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, при общемъ пробужденіи сознанія необходимости женскаго образованія, открыто было нѣсколько женскихъ училищъ и гимназій въ Омскѣ, Красноярскѣ, Томскѣ и Иркутскѣ. Сибирское образованіе не шло выше среднихъ учебныхъ заведеній.

Какую пользу приносили Сибири поименованныя учебныя заведенія въ эти 50 лѣтъ, можно отчасти судить по числу учащихся въ гимназіяхъ. Изъ недавно опубликованныхъ отчетовъ о числѣ учениковъ въ разные годы видно, что въ первые годы послѣ открытія гимназій въ Сибири число учащихся въ тобольской и иркутской гимназіяхъ не превосходило 27—35 человѣкъ. Въ 1838 году число учениковъ едва доходитъ до 117—въ первой и 150—во второй. Затѣмъ, съ конца тридцатыхъ годовъ начинается такой же медленный ростъ томской гимназіи: только въ

1853 году въ ней число учениковъ доходитъ до 95, а въ 1861 году достигаетъ 160. Въ 1873 году въ четырехъ сибирскихъ гимназіяхъ находилось слѣдующее число учащихся: въ тобольской 179, въ томской 298, въ иркутской 238 и въ красноярской 183, всего 898 на всю Сибирь. Слабое возрастаніе числа учащихся, далеко не пропорціональное росту населенія, не говоритъ въ пользу развитія учебнаго дѣла въ краѣ. Впрочемъ, этотъ медленный ростъ объясняется отчасти и тѣмъ, что сибирскія гимназіи далеко не удовлетворяли ни мѣстнымъ потребностямъ, ни мѣстному складу жизни. Складъ сибирскаго общества нѣсколько иной, чѣмъ въ русскихъ губерніяхъ. Элементовъ, которые могли бы доставлять наибольшее число учащихся для гимназій, сравнительно было очень мало. Потомственныхъ дворянъ и помѣщиковъ въ Сибири вовсе не было; гимназіи существовали преимущественно для дѣтей чиновниковъ, такъ какъ гимназическое воспитаніе мало удовлетворяло другія сословія. Въ одномъ изъ отчетовъ мы читаемъ, что на 688 гимназистовъ въ сибирскихъ гимназіяхъ приходилось 431 дѣтей дворянъ и чиновниковъ, 236—городскихъ сословій, т.-е. купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ, и 21—сельскаго сословія, которому гимназическое воспитаніе было почти недоступно. По характеру жизни Сибирь была почти исключительно промышленной; въ ней господствовали матеріальные интересы; стремленіе къ наживѣ изстари было преобладающимъ. Общество, невѣжественное, ничѣмъ неубѣжденное въ пользахъ знанія, не видѣло никакихъ наглядныхъ примѣровъ примѣнимости гимназическаго образованія въ практической жизни; самая богатая часть его, купечество, не расположено было отдавать дѣтей своихъ въ гимназіи, а учило ихъ въ лавкахъ. Извѣстенъ отзывъ губернатора Цейдлера, жалующагося на отсталость купцовъ. Одинъ изъ путешественниковъ по Сибири, въ тридцатыхъ годахъ, приводитъ слѣдующія слова одного изъ даровитыхъ представителей иркутскаго общества: «Мальчики наши, говоритъ онъ, научившись читать и писать и познакомившись съ первой частью ариѳметики, принимаются за аршинъ и счеты; потомъ, съѣздивъ раза по два въ Якутскъ и въ Москву и, такъ сказать, оперившись торговыми опытами, замышляютъ жениться и сами производятъ дѣтей». Другой старожилъ, жалуясь на ограниченность воспитанія, говоритъ, что самымъ модньмъ воспитаніемъ считается у почетныхъ и зажиточныхъ гражданъ отдавать дѣтей выучиться только грамотѣ, а потомъ пристроить ихъ къ коммерціи, т.-е. дѣлать надзирателями за приказчиками (Путешествіе Александрова 1828 года).

Хотя формальное образованіе очень мало затрогивало сибир-

ское общество, но послѣднее тѣмъ не менѣе отличалось переимчивостію, способностію къ усвоенію внѣшности, нѣкотораго лоска и даже извѣстной степени развитія, болѣе высшаго по сравненію съ соотвѣтственными слоями населенія въ русскихъ губерніяхъ. Это подмѣчено многими изслѣдователями, сравнивавшими сибирское населеніе съ великорусскимъ. Точно также въ сибирскомъ обществѣ встрѣчались самородки, люди замѣчательно даровитые, пробивавшіе себѣ дорогу къ образованію изъ самыхъ темныхъ слоевъ, изъ школъ, повидимому, самыхъ неблагопріятныхъ для развитія и узкихъ по назначенію. Все это обусловливалось особыми свойствами сибирской жизни. Сибирское населеніе было свободнымъ триста лѣтъ ранѣе, чѣмъ остальная Россія, недавно покончившая съ крѣпостнымъ правомъ. Просторъ и богатство новаго края, предпріимчивость, кипучая промышленная дѣятельность,—все это способствовало развитію умственныхъ способностей населенія. Благодаря матеріальному достатку, оно познакомилось съ внѣшнимъ комфортомъ, а съ нимъ пріобрѣло и новыя привычки жизни. Великорусскій умъ, несвязанный въ Сибири ни традиціями, ни преданіями, избавленный отъ заскорузлаго старовѣрства, способнѣе былъ къ воспріятію нововведеній. Населеніе въ Сибирь стекалось со всѣхъ сторонъ, какъ въ страну поисковъ за богатствомъ: передвиженіе здѣсь было довольно значительное, а сношенія поддерживались отъ Иркутска до Москвы по транзитному пути азіатской торговли. Въ Сибири жила масса людей бывалыхъ, обмѣнъ свѣдѣній поэтому былъ болѣе значительный. Граней между сибирскими сословіями было менѣе; жизнь съ народомъ шла тѣснѣе; сибирское населеніе составляетъ какъ бы одну народную массу, а поэтому всѣ заимствованія, всякія свѣдѣнія, всякая мода доходятъ въ немъ быстро во всѣ слои населенія. Привычки сибирскаго населенія, какъ замѣчено изслѣдователями, ближе подходятъ къ привычкамъ цивилизованнаго общества, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Интересы науки, случайно заносимые въ сибирское общество, иногда затрогивали людей, повидимому, неимѣющихъ ничего общаго съ образованною и привилегированною средою, но это были большею частію самоучки или люди всего менѣе обязанные сибирскимъ учебнымъ заведеніямъ. Многіе сибирскіе старожилы, какъ прошлаго, такъ и нынѣшняго столѣтія, отличались замѣчательными дарованіями, любознательностью и довольно высокимъ развитіемъ [1]). Иркутскій хроникеръ,

[1]) Въ путешествіи Фалька по Сибири упоминается о ямщикахъ Черепановыхъ въ Тобольскѣ: одинъ изъ нихъ составилъ въ 1760 г. историческую хро-

Александровъ, указываетъ на нѣкоторыхъ иркутскихъ купцовъ, обязанныхъ самимъ себѣ извѣстною степенью образованія, людей замѣчательныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Такихъ людей можно найти и въ мѣщанской средѣ, въ которой они оставались до смерти; напримѣръ, небогатый торговецъ Андрей Пичугинъ, въ Томскѣ, Долгушинъ, служившій приказчикомъ на пріискахъ и конторщикомъ по откупамъ, люди, поражавшіе дарованіями, смѣлостью ума, знаніями, особенно послѣдній, въ области исторической. Пунины и Бабурины въ Сибири были не рѣдкость. Изъ сибирскихъ убогихъ школъ, изъ навигацкихъ классовъ, изъ кантонистскихъ полубаталіоновъ выплывали личности, которыя впослѣдствіи дѣлались образованными людьми. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Тобольскѣ умеръ весьма замѣчательный по образованію человѣкъ Ядринцевъ, крещеный изъ киргизъ, цѣлую жизнь слѣдившій за наукой, оставившій замѣчательную библіотеку, хотя вышелъ изъ полубаталіона кантонистовъ и принадлежалъ къ выкрещеннымъ въ дѣтствѣ киргизятамъ, когда-то покупаемымъ въ нашей степи на положеніи рабовъ. Достаточно прослѣдить имена ученыхъ и литераторовъ, выходившихъ изъ сибиряковъ, чтобъ получить понятіе, откуда они вышли и какъ шло ихъ воспитаніе. Здѣсь мы видимъ дѣтей купцовъ, причетниковъ, мѣщанъ и казаковъ; одинъ изъ ученыхъ историковъ, Щаповъ, составившій себѣ имя въ литературѣ, сынъ дьячка и матери тунгузки; одинъ изъ выдающихся естественниковъ, И. С. Поляковъ, сынъ простого казака. Мы не считаемъ извѣстныхъ личностей, вышедшихъ изъ средняго сословія. Нѣкоторые изъ сибирскихъ самородковъ совсѣмъ не были въ учебныхъ заведеніяхъ, изъ литераторовъ многіе не оканчивали курса въ мѣстныхъ гимназіяхъ,—словомъ, здѣсь мы всего менѣе видимъ патентованной учености. Вообще учебныя заведенія въ Сибири играли второстепенную роль по своему вліянію. Жизнь и развитіе общества шли независимо отъ вліянія учебныхъ учрежденій, которыя стояли въ сибирской жизни какъ-то въ сторонѣ, и это будетъ совершенно понятно, если мы примемъ во вниманіе качество и ученое достоинство прежнихъ сибирскихъ гимназій. Эти гимназіи основывались при самыхъ убогихъ средствахъ; долго онѣ не находили учителей, недостатокъ въ которыхъ чувствуется даже и теперь, и наполнялись людьми случайнаго подбора, почему-нибудь претендовавшими въ Сибири на педагогическую компетентность. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ эти гимназіи имѣли учи-

---

нику, извѣстную подъ именемъ Черепановской лѣтописи, другой былъ живописцемъ.

телей изъ отставныхъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, изъ семинаристовъ, изъ частныхъ приставовъ; въ томской и тобольской гимназіяхъ, по воспоминаніямъ вышедшихъ учениковъ, между учителями были полупомѣшанные, слѣпые, хромые, страдающіе запоемъ; понятно, что при такихъ педагогахъ сибирскія гимназіи не могли пользоваться никакимъ вліяніемъ.

При недостаткѣ учебныхъ заведеній въ Сибири воспитаніе и образованіе къ сибирскимъ жителямъ зато проникало иногда случайными путями и ихъ невозможно не отмѣтить. Въ прошломъ столѣтіи съ Петра не осталось безъ вліянія въ Сибири пребываніе плѣнныхъ шведовъ. Они начали заводить частныя школы, нѣкоторые собирали свѣдѣнія о странахъ малоизвѣстныхъ, и на шведскомъ языкъ появилась ученая литература о Сибири (Штраленбергъ и другіе). Шведы оставили различные культурные памятники въ сибирскихъ городахъ, напр., въ Тобольскѣ прекрасныя архитектурныя постройки. Изъ Украйны и изъ другихъ мѣстъ при Петрѣ и Екатеринѣ въ Сибирь попадали люди несомнѣнно просвѣщенные. Поляки также ссылались въ Сибирь. Послѣ возстанія 1830 г. ихъ было много въ Сибири, и нѣкоторые съ замѣчательнымъ образованіемъ; они давали уроки въ сибирскихъ городахъ, учили языкамъ, музыкѣ. Съ 1863 г. послѣ повстанія появилось въ Сибири опять множество поляковъ и опять многіе съ высшимъ образованіемъ. Среди этихъ лицъ было много медиковъ, которые, за неимѣніемъ надлежащей медицинской помощи, оказывали помощь на окраинахъ; многіе были учителями, даже въ ученыхъ обществахъ въ Сибири мы встрѣчаемъ имена Чекановскаго, Дыбовскаго, Черскаго, которымъ Сибирь обязана многими изслѣдованіями. Затѣмъ, мы не можемъ не указать, что и въ числѣ русскихъ людей ссылка приносила періодами людей съ замѣчательнымъ образованіемъ. Такъ, извѣстно, что декабристы послѣ каторги были разосланы въ различные города Сибири, — Селенгинскъ, Минусинскъ, Иркутскъ, Тобольскъ, Курганъ, Ялуторовскъ, Тару и другіе города. Такъ или иначе, они оказали свое вліяніе на общество. Высокое умственное развитіе ихъ, гуманизмъ, любовь къ ближнему отразились во многихъ мѣстахъ самымъ благотворнымъ образомъ. Декабристы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пробовали даже завести маленькія школы [1]), напр., въ Ялуторовскѣ. Точно также, впослѣдствіи, участниками въ развитіи мѣстнаго общества явились и нѣкоторые Петрашевцы (по дѣлу Петрашевскаго). Они,

[1]) См. «Сибирь и каторга» Максимова, т. IV. «Страна изгнанія и исчезнувшіе люди» Турбина, 2-я половина.

подобно Достоевскому, находились въ разныхъ городахъ Сибири, оставили воспоминанія и впослѣдствіи воспроизвели свою ссылку въ литературныхъ произведеніяхъ, какъ Достоевскій и Львовъ. Кромѣ этихъ лицъ, среди ссылки появлялись люди, хотя и скрывавшіе происхожденіе свое, но люди, какъ видно, высокаго интеллигентнаго развитія и замѣчательнаго закала. Эти «желѣзныя маски» спасались въ захолустьяхъ, но, соприкасаясь съ средою мѣстныхъ жителей, оставляли слѣды. Мы не говоримъ уже о раскольникахъ, которые искали прозелитовъ въ сибирской средѣ. Окружающее населеніе иногда прислушивалось къ «исповѣди» ссыльныхъ, къ ихъ разсказамъ и такъ или иначе, въ немъ затрогивались различныя мысли и чувства, кое-что перенималось. Поэтому и изъ ссыльной среды заимствовалось не одно дурное, но косвенно она содѣйствовала нѣкоторому развитію и удовлетворенію мѣстной любознательности.

Недостатокъ среднихъ и вообще учебныхъ заведеній въ Сибири выступаетъ особенно ярко при сравненіи Сибири съ другими областями; когда на всю Сибирь приходилось до 1880 года четыре гимназіи, въ Финляндіи ихъ 6, на Кавказѣ 6, въ одесскомъ учебномъ округѣ 9-мъ, въ кіевскомъ 12. Въ Сибири между тѣмъ болѣе 4.000.000 жителей; въ кавказскомъ учебномъ округѣ 4.160.000 жителей; въ одесскомъ учебномъ округѣ 4.200.000, а въ финляндскомъ всего 1.200.000 жителей. Къ тому же надо принять во вниманіе разстоянія одной мѣстности отъ другой въ Сибири, что несомнѣнно имѣетъ большое значеніе для распредѣленія учащихся въ Сибири. Достаточно вспомнить, что четыре сибирскія гимназіи расположены были на пространствѣ 250.000 квадратныхъ миль и присоединяются къ казанскому учебному округу, который самъ равняется 26.705 квадратнымъ мил. Иначе сказать, сибирскія гимназіи растянуты по протяженію въ десять тысячъ верстъ.

По сословіямъ ученики сибирскихъ гимназій распредѣлялись къ 1880 г. слѣдующимъ образомъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 495, городскихъ сословій 184, сельскихъ—21, слѣдовательно, сельскому населенію почти недоступно гимназическое образованіе. Въ девяти уѣздныхъ училищахъ Тобольской губерніи, по отчетамъ 1863 года, видно, что дѣтей крестьянъ было столько же, сколько и дѣтей чиновниковъ, т.-е. равно 18,5% общаго числа учениковъ. Въ 1861 году изъ 1.441 учащихся во всѣхъ уѣздныхъ училищахъ Сибири было дѣтей крестьянъ 275, а дѣтей дворянъ 276. Несмотря на значительную численность инородцевъ въ Сибири, дѣти ихъ почти совершенно не пользуются учебными заведеніями. Въ дру-

гихъ областяхъ Россіи, гдѣ инородцевъ значительно менѣе, чѣмъ въ Сибири, они несравненно шире пользуются школами: на Кавказѣ въ гимназіяхъ инородцы составляютъ 27% всего числа учениковъ; въ одесской гимназіи ихъ было 22%; въ казанскомъ округѣ—2%; въ Сибири они не составляютъ и одного процента. Въ прежнее время инородцы принимались въ омскій кадетскій корпусъ, преобразованный теперь въ военную гимназію; сюда поступали дѣти киргизскихъ султановъ, но въ настоящее время ихъ перестали принимать и сюда.

Какое слабое вліяніе имѣли сибирскія учебныя заведенія на увеличеніе образованнаго сословія, можно судить по числу окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ: въ иркутской гимназіи въ 1860 и 61 годахъ окончили курсъ по 14 человѣкъ; съ 1862 до 1865 года среднее число выпущенныхъ изъ гимназіи было 9 челов., затѣмъ ежегодно выходило отъ 6 до 11. Въ томской гимназіи въ 1871 г. окончившихъ курсъ было 23, въ 1872 г.—12 и въ 1873 году — 3 человѣка. Въ 1872 г было получено извѣстіе, что въ классической тобольской гимназіи окончилъ курсъ всего 1 ученикъ. Въ 1872 и 1873 годахъ въ красноярской гимназіи въ VII классѣ находилось только 3 ученика, въ 1874 г. кончившихъ курсъ было— 3. Все это показываетъ, что прибыль образованныхъ людей въ Сибири изъ существующихъ тамъ учебныхъ заведеній была ничтожна и почти незамѣтна. Гимназіи, дававшія каждая отъ 3 до 9 лицъ ежегодно на 4.000.000-е населеніе, едва-ли могли оказывать замѣтное вліяніе.

Тѣмъ не менѣе, число учебныхъ заведеній постепенно замѣтно возрастало, а въ послѣднія 25 лѣтъ нельзя не видѣть успѣховъ.

Взглянемъ, напр., на Томскую губернію. Первая школа появляется здѣсь въ 1744 г., и принимаются въ эту школу — въ 1745 г. — двадцать два ученика. Проходитъ 44 года, а школа остается одинокой, «какъ рекрутъ на часахъ». Въ 1789 г. открывается главное народное училище Колыванское, въ которое принято 63 ученика, да два малыхъ народныхъ училища (въ Томскѣ и въ Нарымѣ); сколько было принято въ послѣднихъ учениковъ, мы не знаемъ, но извѣстно, что, въ 1804 г., въ этихъ двухъ училищахъ, единственныхъ тогда [1]) въ районѣ, большемъ района

[1]) Съ упраздненіемъ въ 1797 г. колыванскаго намѣстничества, упразднены были и Колыванское главное училище и Кузнецкое малое, такъ что съ раздѣленіемъ въ 1804 г. бывшей Тобольской губ. на Тобольскую и Томскую, въ послѣдней было только два малыхъ народныхъ училища.

нынѣшней Томской губерніи [1]), было 127 учениковъ. Въ Томскѣ, правда, существовало тогда еще духовное училище, да въ Бійскѣ — «школа школьниковъ»; но первое предназначено было исключительно для духовенства, а послѣднее — для дѣтей военнослужащихъ. Когда Сперанскій прибылъ въ Сибирь, онъ нашелъ въ Томской губерніи всего-на-всего шесть училищъ [2]), — это на территоріи въ 76 милліоновъ десятинъ и при населеніи въ 400 т. душъ! Къ 1838 г., почти черезъ столѣтіе послѣ открытія первой школы, въ нынѣшнемъ районѣ Томской губерніи оказывается всего девятнадцать училищъ, изъ которыхъ восемъ, впрочемъ, приходилось на Алтайскій горный округъ; въ вѣдѣніи же губернскаго вѣдомства было только *пять* школъ. Проходитъ 22 года, и къ началу шестидесятыхъ годовъ мы находимъ въ вѣдѣніи томской дирекціи уже не пять, а двадцать два училища [3]) съ 1.115 учащимися, и въ томъ числѣ четыре женскихъ училища съ 143 учащимися дѣвочками, между тѣмъ какъ въ 1838 г. не было еще ни одного женскаго училища. Проходитъ еще 13 лѣтъ, и къ 1873 г. томской дирекціи подвѣдомственно уже не 22, а *сто восемь* училищъ, въ которыхъ обучается (вмѣсто 1.115 уч. въ 1838 г.) до 3.757 челов. и въ томъ числѣ 752 дѣвочки. Черезъ 6 лѣтъ, къ 1879 г., въ Томской губерніи оказывается уже 181 учебное заведеніе съ 6.351 учащихся. Наконецъ, по истеченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, въ Томской губерніи—къ 1889 г.—оказывается 384 учебн. заведенія съ 13.583 учащихся и въ томъ числѣ 3.546 дѣвочекъ. Стало быть, за тринадцатилѣтній періодъ (1860—1873 г.) число школъ въ губерніи увеличивается почти въ *пять* разъ (на 86 шк.), а число учащихся—на 2.642 чел., что составляетъ среднее годовое приращеніе въ 218 уч.; за послѣдній же шестнадцатилѣтній періодъ (1873 — 1880 г.) число школъ увеличивается въ 2,8 разъ (на 276 шк.), а число учащихся—на 9.826 чел., что составитъ среднее годовое приращеніе въ 614 уч. Т.-е. число учащихся за послѣдній періодъ возростаетъ почти въ три раза быстрѣе, чѣмъ въ предшествующій.

Въ Иркутской губерніи первая школа (навигацкая) открыта черезъ 10 лѣтъ послѣ открытія первой школы въ Томской губ.—

---

[1]) До образованія въ 1822 г. Енисейской губерніи, значительная часть послѣдней входила въ составъ Томской губерніи.

[2]) Въ это число входило и горное училище въ Барнаулѣ, духовное — въ Томскѣ и военно-сиротскія «отдѣленія» въ Томскѣ и при Бійской крѣпости.

[3]) Вмѣстѣ съ горнозаводскими школами, въ Томской губерніи было тогда больше сорока учебныхъ заведеній.

въ 1754 г.; черезъ 25 лѣтъ—въ 1779 г.—открыта была духовная семинарія, а въ 1781 г. появляется и иркутская городская школа, преобразованная въ 1789 г. въ главное народное училище. Въ началѣ текущаго столѣтія открывается въ Иркутскѣ гимназія, да уѣздное и приходское училища, и въ такомъ положеніи учебное дѣло остается безъ измѣненій до 1816 г., когда, по настоянію тогдашняго директора иркутской гимназіи Словцова, открыто было въ губерніи до 18 сельскихъ школъ. Является Сперанскій, особенно заботившійся о насажденіи (при дѣятельной помощи Словцова) образованія въ Иркутской губерніи; онъ учреждаетъ въ самомъ Иркутскѣ ланкастерскую школу, поощряетъ открытіе приходскихъ училищъ, способствуетъ устройству народныхъ училищъ. Но съ отъѣздомъ его изъ Сибири школьное дѣло опять приходитъ въ упадокъ. Мы не располагаемъ, къ сожалѣнію, для Иркутской губерніи такими данными, какія были въ нашемъ распоряженіи для Томской губ. Но что народное образованіе и въ Иркутской губ. дѣлаетъ быстрые успѣхи, и именно за послѣднее время, ясно уже изъ того, что еще въ 1881 г. въ губерніи приходилась одна народная школа на 6.368 душъ населенія и одинъ учащійся на 232 души, между тѣмъ какъ въ 1886 г. приходится уже одна школа на 1.854,9 душъ, а одинъ учащійся—на 101,1 душу, а къ 1890 г.—одна школа на 1.410,9 душъ и одинъ учащійся на 49 душъ населенія.

Немного легче прослѣдить ростъ школьнаго дѣла въ Енисейской губ., образовавшейся лишь въ 1822 г. Въ годъ ея образованія въ ней имѣется одно только приходское училище (въ Канскѣ), остающееся одинокимъ цѣлыхъ десять лѣтъ, пока въ 1832 г. не открыто было въ Ачинскѣ «казенное» уѣздное училище. Въ такомъ положеніи дѣло остается вплоть до пятидесятыхъ годовъ, когда повсемѣстно возникаютъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ сельскія приходскія училища, вслѣдъ за которыми начинаютъ открывать—съ шестидесятыхъ годовъ—и женскія школы. Черезъ 40 лѣтъ послѣ образованія губерніи мы находимъ (къ 1862 г.) на ея обширной площади (въ 45.708,1 кв. м.) не болѣе 844 учащихся; но эта незначительная цифра менѣе чѣмъ въ 25 лѣтъ (1862—1886 г.) увеличивается слишкомъ въ 4½ раза, и къ 1886 году мы находимъ въ Енисейской губерніи 127 учебныхъ заведеній съ 4,022 учащихся, между тѣмъ какъ еще въ 1879 г. въ ней было только 55 учебныхъ заведеній съ 2.349 уч. Черезъ три же года, къ 1889 г., въ Енисейской губерніи насчитывается уже 156 учебныхъ заведеній съ 4.847 уч. Стало быть, въ 18 лѣтъ (1861—1879 г.) число учащихся увеличилось въ 2,8, а въ послѣдующія

десять лѣтъ—въ 2,06 разъ, т. е. за послѣднее десятилѣтіе число учащихся возростало относительоо въ 1,32 раза быстрѣе.

Въ Тобольской губерніи къ 1879 г. было 267 учебн. завед. съ 8.414 уч.; приходилось одно уч. завед. на 4.548 душъ и одинъ учащійся на 162 д. населенія. А черезъ семь лѣтъ — къ 1886 г. учебн. заведеній оказывается уже 348 (больше на 81 ш.), а учащихся—11.343 (больше на 2.925 уч.), и приходится уже, такимъ образомъ, одно учебн. зав. на 3.868 д. и одинъ учащійся на 119 д. Въ Забайкальской области мы находимъ въ 1879 г. 102 учебн. заведенія съ 4.027 учащихся, приходится одно учеб. зав. на 4.784 д. и одинъ учащійся на 121,2 д., а къ 1889 г. число учебн. зав. возростаетъ до 183-хъ, а число учащихся до 6.109 чел.,—приходится уже одно учебн. зав. на 3.090 д. и одинъ учащійся на 92,5 д. И т. д.

Изъ свѣдѣній военно-статистическаго сборника видно, что во время его составленія въ Сибири приходился одинъ грамотный на 664 чел. населенія, въ то самое время, когда въ прибалтійскихъ губерніяхъ приходился одинъ на 19 жителей, въ русскихъ губерніяхъ съ земскими учрежденіями одинъ на 168, а въ губерніяхъ, не имѣющихъ этихъ учрежденій—одинъ на 471. Но вотъ проходитъ около 25-ти лѣтъ, и изъ выпуска 2-го «Матеріаловъ по изслѣдованію землепользованія и хоз. быта сельскаго населенія Иркут. и Енисейск. губерній» мы видимъ, что въ трехъ округахъ Иркутской губерніи—Иркутскомъ, Балаганскомъ и Нижнеудинскомъ—на 149.981 д. обоего пола русскаго населенія грамотныхъ и учащихся было 9.904 или 6,6%; а въ отдѣльности по поламъ на 76.077 душъ муж. пола грамотныхъ и учащихся мужчинъ 9.188 и на 73.904 д. жен. пола—716 ж., т. е. грамотные и учащіеся мужчины составляютъ 12,1% общаго числа мужчинъ, а грамотныя и учащіяся женщины 1% общаго числа женщинъ. Отдѣливъ учащихся, окажется, что грамотные мужчины среди всего мужскаго русскаго населенія составляютъ въ округахъ: Иркутскомъ—6,9%, Балаганскомъ—6,7% и Нижнеудинскомъ—5,8%; т. е. одинъ грамотный приходится въ округахъ: Иркутскомъ—на 14,5 жит., въ Балаганскомъ—на 14,8 жит. и въ Нижнеудинскомъ—на 17,2 жит.

И въ Иркутскѣ, какъ мы видѣли, въ началѣ текущаго столѣтія было только три учебныхъ заведенія. Тогда въ иркутскомъ обществѣ, по выраженію современниковъ, «образованія не было почти никакого». Въ 1805 г. открывается Воскресенское училище, черезъ *тридцать* лѣтъ—въ 1835 г.—Крестовоздвиженское и Преображенское. Проходитъ опять почти тридцать лѣтъ, и въ 1864 г.

открывается Успенское училище. Но еще четверть вѣка, и къ 1890 г. въ Иркутскѣ такихъ училищъ, содержимыхъ исключительно на средства города, оказывается уже *девятнадцать*, хоть только за десять лѣтъ раньше (къ 1880 г.) ихъ было всего пять! Кромѣ того, къ 1890 г. въ г. Иркутскѣ было еще 13 начальныхъ училищъ, пользовавшихся субсидіей города, содержавшихся на частныя средства или на пожертвованные капиталы, содержавшихся благотворительными обществами и т. д. Если мы присоединимъ сюда еще 6 низшихъ училищъ и 5 среднихъ учебныхъ заведеній, пользовавшихся также отчасти субсидіей отъ города, то окажется, что въ Иркутскѣ было къ 1890 г. *сорокъ пять* учебныхъ заведеній вмѣсто 23 къ 1880 г., т. е. число ихъ за десятилѣтіе почти удвоилось. Число учащихся въ однихъ только 18 начальныхъ училищахъ, содержащихся всецѣло на средства города, простиралось къ 1890 г. до девяти сотъ девяти, въ томъ числѣ 357 дѣвочекъ; присоединяя же еще 10 учебн. зав., содержащихся также отчасти на городскія средства, мы насчитываемъ въ 28 училищахъ 1.712 учащихся, что составляетъ одного учащагося въ однихъ лишь начальныхъ училищахъ на 27,6 д. населенія, а надо замѣтить, что по даннымъ «Р. Вѣд.» къ 1886 г. приходился одинъ учащійся въ начальныхъ училищахъ: въ Петербургѣ на 80 жителей, въ Москвѣ на 75 ж., въ Казани — на 37 ж. и въ Томскѣ — на 27 ж. Во всѣхъ 32 начальныхъ училищахъ г. Иркутска было къ 1890 г. 2.048 учащихся, а съ присоединеніемъ къ нимъ 912 уч. въ семи низшихъ училищахъ, да 987 уч.—въ шести среднихъ, окажется, что во всѣхъ 45 учебныхъ заведеніяхъ г. Иркутска къ 1890 г. было 3.947 учащихся, и при этомъ общій расходъ на всѣ эти учебныя заведенія (отъ города, казны, частныхъ жертвователей и благотвор. учрежд.) простирался до крупной цифры въ 720.531 р. 67¼ к.! Иркутское городское общ. управленіе израсходовало въ 1889 г. на учебную часть 49.675 р. 48 к.; присоединивъ сюда расходы изъ спеціальныхъ капиталовъ: Кладищевой—7.158 р. 25 к., Н. И. Трапезникова — 34.240 р. 91¼ к. и изъ капитала И. Н. Трапезникова 102.855 р. 52 к., мы видимъ, что одно лишь *начальное* школьное дѣло поглотило въ 1889 г. въ Иркутскѣ 193.930 р.! Правда, въ этомъ году были экстренные расходы—на покупку земли для Трапезниковской школы и на постройку училищныхъ зданій, но на все это израсходовано было только 60.408 р. 52 к., такъ что свыше 130 тысячъ р. составляетъ какъ бы нормальный расходъ на начальное образованіе въ городѣ. Впрочемъ, отбросимъ даже расходы изъ спеціальныхъ капиталовъ, остановимся на суммѣ,

израсходованной исключительно изъ городскихъ средствъ, и тогда нельзя будетъ не убѣдиться, что Иркутскъ *относительно* опередилъ и Петербургъ, и Москву. Это ясно изъ слѣдующей таблички:

	Общій расходъ.	На учебную часть вообще.	%	Собственно на начальное образов.	%
Москва . . .	6.826.559 р. 15 к.	476.878 р. 97 к.	6,9	411.727 р. 57 к.	6,03
Петербургъ.	7,928.151 » 58 »	609.659 » 80 »	7,8	545.965 » 88 »	6,8
Иркутскъ. .	295.698 р. 82³/₄ к.	49.675 » 48 »	16,8	25.411 » 48 »	8,5

Томскъ и Иркутскъ занимаютъ между сибирскими городами первое мѣсто по размѣрамъ расходовъ и педагогическимъ приспособленіямъ. Но и въ другихъ городахъ, гдѣ самоуправленіе развивалось при сколько-нибудь благопріятныхъ условіяхъ, народное образованіе сдѣлало также весьма замѣтные успѣхи и, по процентному отношенію учащихся, они занимаютъ очень почетное мѣсто. Въ г. Тобольскѣ въ 1885 г. было 15 учебныхъ заведеній съ 1.910 учащихся, да 808 уч. въ среднихъ учебн. завед., т.-е. при населеніи всего въ 20.074 душъ, тамъ было 2.718 учащихся,— цифра, сравнительно, громадная. Въ однихъ лишь начальн. учебн. заведеніяхъ обучался одинъ изъ 15,9 душъ общаго населенія. Въ г. Семипалатинскѣ обучался въ 1885 г. во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ (начальныхъ и среднихъ) одинъ изъ 15,1 жителей. — Въ г. Красноярскѣ при 19.840 д. населенія было, въ томъ же году, 13 учебн. завед. съ 929 уч., такъ что учился одинъ изъ 21,4 жит. Въ г. Читѣ, при населеніи въ 4.735 душъ, было 10 учебныхъ заведеній съ 526 учащихся; здѣсь приходился одинъ учащійся на 9 душъ населенія, и изъ общаго расходнаго бюджета въ 44.786 р. на шк. дѣло расходовалось 6.805 р. или 15,2% и т. д.

Въ стремленіи своемъ къ разлитію просвѣщенія, къ широкому распространенію народнаго образованія сибирское общество не ограничивалось и не ограничивается однѣми лишь школами. Сибирскіе города обращаютъ на себя усиленное вниманіе людей безпристрастныхъ своими музеями и библіотеками.

Нельзя сказать того же о сельской школѣ и распространеніи обученія въ округахъ.

Въ городахъ Сибири обучалось: 1 изъ 18,4 душ. городскаго населенія.

Въ округахъ: обучалось 1 изъ 143,3 (въ 7,7 разъ меньше).

Въ городахъ: 1 учебное заведеніе приходилось на 1.341,3 жителя
или на 78,8 учащ.

Въ округахъ: 1 учебное заведеніе приходилось на 3.345,4 чел. или на 23,5 учащ.

Образованіе мужскаго населен. въ округахъ слабѣе въ 7,4 раза.

» женскаго » » » » 19,2 »

Неравномѣрность распредѣленія образованія по городамъ и округамъ выступаетъ еще рѣзче, если разсматривать его по отдѣльнымъ губерніямъ:

	Тобольск. губ.	Томская губ.	Семипалат. область.	Акмолинск. область.	Иркутск. губ.	Енисейск. губ.	Якутск. обл.	Забайкальская обл.
ОДИНЪ УЧАЩІЙСЯ НА ЧИСЛО ДУШЪ:								
а) по всей губерніи .	118,7	180,8	195,4	87,4	52,7	111,2	412,2	84,8
б) въ округахъ . . .	180,9	182,0	500,8	198,6	101,1	118,5	123,5	102,2
в) въ городахъ . . .	15,9	22,7	17,0	18	11,1	25,7	18,7	17,6

Вотъ цифры, указывающія на распредѣленіе школъ и учащихся въ нихъ по волостямъ, въ Тобольской губерніи.

Въ 1880 г. сельскихъ школъ въ Тобольской губерніи было 205. Всѣ онѣ находятся исключительно въ русскихъ волостяхъ; волостей съ русскимъ населеніемъ считается 158, селеній въ нихъ 2.860, число жителей обоего пола 980 т. Въ 10-ти волостяхъ въ упомянутомъ году школъ вовсе не было. Такимъ образомъ, всѣ школы упадаютъ на 148 волостей, съ числомъ селеній 2.680 и жителей 920 т. 36 волостей имѣютъ по 2 школы, 6—по 3 и 3—по 4, во всѣхъ остальныхъ волостяхъ по одной школѣ.

На пять округовъ Якутской области, съ населеніемъ около 250.000 душъ, въ 1886 г. считалось 12 сельскихъ начальныхъ школъ, такъ что въ общемъ одна школа приходится слишкомъ на 20.000 чел. Въ школахъ этихъ въ описываемомъ году обучалось 152 ученика, что среднимъ числомъ даетъ 12 (12,6) учениковъ на каждую школу и одного учащагося на 1.644 чел. общаго населенія округовъ. Такой незначительный процентъ сельскихъ школъ и учащихся въ нихъ, по отношенію къ общему числу жителей въ округахъ, въ связи съ малоуспѣшностью учениковъ, свидѣтельствуетъ, что дѣло народнаго образованія въ области находится далеко не въ удовлетворительномъ состояніи.

Принимая численность населенія въ Томской губ. въ 115.039— въ городахъ и въ 1.132.273 — въ селеніяхъ, мы увидимъ, что въ городахъ приходится по 1 школѣ на 1.797 жителей и по 1 уча-

щемуся на 23 жителей, а въ селеніяхъ по 1 школѣ на 3.931 жителя и 1 учащемуся на 148 жителей; или, для всей губерніи, по 1 школѣ на 3.543 жителя и по 1 учащемуся на 99 жит.

«Оффиціальныхъ школъ, сельскихъ или церковно-приходскихъ, говоритъ Г. Астыревъ (Очерк. быт. В. Сибири), въ извѣстной мнѣ части Иркутской губерніи, очень немного, преимущественно по одной на волость; рѣдкія волости имѣютъ по двѣ школы, за то встрѣчаются совсѣмъ не имѣющія таковыхъ; если принять во вниманіе громадность протяженій сибирскихъ волостей, то не трудно придти къ заключенію, что большинство селеній отстоитъ отъ школъ въ разстояніяхъ, не допускающихъ возможности ежедневнаго ихъ посѣщенія учениками; и дѣйствительно, значительная масса населенія не пользуется школами вовсе потому, что посылать ежедневно дѣтей за 10—20 и болѣе верстъ немыслимо, а никакихъ ночлежныхъ пріютовъ и квартиръ при школахъ не имѣется». Такимъ образомъ, народная школа и сельское образованіе въ Сибири весьма отсталы.

По мѣрѣ увеличенія числа среднихъ учебныхъ заведеній увеличивалось и число сибиряковъ, стремившихся къ университетскому образованію. Стремленіе это достигло въ послѣднее время весьма высокихъ размѣровъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказывается, что учащихся въ Петербургѣ въ 1885—1886 академическомъ году студентовъ-сибиряковъ находилось 97 чел. (а всѣхъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, считая и женскіе курсы— 150 чел.). По свѣдѣніямъ о студентахъ-сибирякахъ въ Московскомъ университетѣ, сообщеннымъ въ «Сибирской Газетѣ» за 1886 годъ (№ 19), число ихъ доходило въ 1886 году до 50 чел. (по полученнымъ нами свѣдѣніямъ, число ихъ доходитъ нынѣ въ Москвѣ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ до ста).

По статистическимъ свѣдѣніямъ, опубликованнымъ о казанскихъ студентахъ-сибирякахъ, видно, что въ 1885—1886 г. общее число ихъ, какъ сказано выше, было 89 чел., причемъ замѣчается изъ года въ годъ увеличеніе процента сибиряковъ сравнительно съ общимъ числомъ студентовъ университета, а именно этотъ процентъ возросъ въ періодѣ времени отъ 1880 г. до 1886 г. съ 4,93 до 9,16.

Такимъ образомъ, общее число студентовъ сибиряковъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Казани, по собраннымъ свѣдѣніямъ въ 1886 г., составляло 236 чел. Любовь къ наукѣ доходила у сибирской молодежи до самоотверженія. Между тѣмъ недостатокъ среднеучебныхъ заведеній по необходимости сдерживалъ стремленіе сибиряковъ къ высшему образованію. Можно судить, какъ велико было бы оно при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ; можно судить

и о томъ, какъ много потеряла Сибирь отъ того, что мысль о высшемъ заведеніи въ теченіи почти 50 лѣтъ оставалась однимъ только проектомъ, замѣчаетъ г. Вагинъ.

Недостатокъ образованныхъ людей отражался во всѣхъ сферахъ жизни.

Сибирь много теряетъ отъ недостатка спеціалистовъ, въ ней нѣтъ техниковъ, почему промышленность находится въ застоѣ. Производства развиваются туго; Сибирь поэтому не можетъ удовлетворить себя никакими собственными производствами, она пользуется всѣмъ привознымъ, начиная съ гвоздя, при массѣ своего желѣза, и кончая сукнами—при огромномъ количествѣ шерсти и скота. Всѣ товары достаются Сибири необыкновенно дорого и самаго дурнаго качества; многіе сорты русскихъ фабрикъ и даже кустарной промышленности имѣютъ сбытъ только въ Сибири. Сибирь находится подъ торговымъ игомъ отдаленныхъ мѣстностей съ ихъ мануфактурными центрами. Между тѣмъ потребности сибирскаго населенія все болѣе растутъ, и тяжесть, ложащаяся на потребителей въ силу дороговизны привознаго, за отсутствіемъ своего, всего болѣе даетъ себя чувствовать. Не поможетъ Сибири и изобиліе сырья, съ которымъ она не знаетъ что дѣлать,—мѣха, кожи, сало она не умѣетъ обработывать, хлѣбъ ей некуда сбывать; для основанія металлическаго производства нѣтъ знаній и средствъ. Мѣстное изобиліе, въ видѣ скота и хлѣба, только понижаетъ цѣны и даетъ прибыль однимъ пріѣзжимъ торгашамъ, закабаляющимъ населеніе. Таково экономическое положеніе Сибири. Сельское хозяйство, скотоводство, рыболовство и пчеловодство страдаютъ отсутствіемъ всякихъ раціональныхъ способовъ веденія дѣла. Масса скота падаетъ въ Сибири отъ язвы, отъ эпидемій, отъ небрежнаго ухода, и пособить этому недостаетъ знаній. Молочные и скотоводческіе продукты пропадаютъ даромъ; множество сортовъ морской и рѣчной рыбы, за неумѣньемъ приготовлять и солить ее, гніетъ на берегахъ; самые богатые уловы не служатъ ни къ чему для населенія. Недостатокъ образованныхъ людей даетъ себя знать во всѣхъ сферахъ труда и промышленности.

Въ Сибири большой недостатокъ учителей для учебныхъ заведеній. 12 лѣтъ назадъ, еще въ нашихъ газетахъ была публикація отъ министерства народнаго просвѣщенія, которое дѣлало вызовъ на вакантныя и незамѣщенныя должности штатныхъ смотрителей и учителей въ слѣдующихъ городахъ: Ачинскѣ, Нерчинскѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ, Нижнеудинскѣ, Киренскѣ, Енисейскѣ, Верхнеудинскѣ и Троицкосавскѣ. Еще бо́льшій недостатокъ въ Сибири медиковъ. На цѣлые округа, величиной въ евро-

пейскія государства, приходится одинъ медикъ, да и тотъ въ разъѣздахъ; цѣлыя инородческія области находятся безъ медицинской помощи. Въ Березовскомъ краѣ, по словамъ доктора Соколова, остяки умираютъ отъ цынги, тифа, сифилиса и простуды; болѣзни здѣсь осложняются и принимаютъ невиданныя нигдѣ формы. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ Восточной Сибири развитіе сифилиса въ Киренскомъ округѣ принимаетъ третичныя формы, зараженными являются поголовно цѣлыя семьи и даже иногда родятся дѣти уже съ испорченными костями. Якутская область, въ 70.000 квадр. миль, съ 230.000 жителей, имѣла только трехъ уѣздныхъ врачей; въ послѣднее время въ этой части Восточной Сибири свирѣпствовала оспа на пространствѣ 7.000 верстъ; инородческое населеніе было заражено поголовно; въ Камчаткѣ, Гижигѣ и Охотскѣ постоянно свирѣпствуютъ разныя болѣзни; чтобы хотя нѣсколько пособить бѣдствующему населенію, изъ Петербурга командированы три врача. Мы не перечисляемъ подробно недостатокъ медицинской части въ Сибири; мы упомянули объ этомъ для того, чтобы показать, какъ страдаетъ Сибирь отъ недостатка здѣсь образованныхъ людей. Вопросъ о расширеніи образованія въ Сибири сталъ теперь самымъ существеннымъ жизненнымъ вопросомъ. Но недостатокъ образованія, кромѣ непосредственнаго вліянія на практическія стороны жизни, долженъ былъ отражаться и на всемъ умственномъ складѣ сибирскаго общества и его общественной жизни.

Но еще чувствительнѣе на Востокѣ и въ Сибири, вслѣдствіе недостатка образованія, являлось отсутствіе мѣстнаго образованнаго сословія или интеллигенціи. Сибирь много терпитъ отъ недостатка въ ней людей образованныхъ: все лучшее, что воспитывается въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ и стремится получить высшее образованіе, никогда уже не возвращается въ Сибирь. Въ Сибирь же пріѣзжаютъ изъ прочихъ губерній Россіи по бо́льшей части люди съ изъяномъ или съ сомнительнымъ прошлымъ. Недостатокъ честныхъ и образованныхъ людей здѣсь давно чувствовался, на это жаловались Сперанскій, Капцевичъ, это чувствуется до послѣдняго времени [1]). Въ Сибирь вызывали искусственно людей,

[1]) Число лицъ по образованію въ сибирскомъ обществѣ и мѣстной администраціи, конечно, трудно было опредѣлить, но все-таки и по этому поводу имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія, а именно по иркутскому календарю 1875 года видно, что въ 1861 году въ числѣ штата служащихъ въ Восточной Сибири было въ двухъ губерніяхъ, съ Забайкальской областью, только 39 человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, 101 съ гимназическимъ и 271 кончившихъ курсъ въ низшихъ училищахъ.

увеличивая оклады, давая поощренія, но и эта мѣра почти не приводила къ цѣли. Являлась масса людей, соблазнявшихся содержаніемъ и окладами, но самый мотивъ, побуждавшій ихъ ѣхать въ отдаленный край, показывалъ, что самый край не игралъ никакой роли въ ихъ соображеніяхъ. Конечно, пріѣзжали въ Сибирь и люди даровитые, честные, которые посвящали свои силы и способности на служеніе странѣ, но ихъ было немного и дѣятельность ихъ была временная; за то было слишкомъ много авантюристовъ, которые надѣлали не мало зла пріютившему ихъ краю. Представители интеллигенціи и знанія, забравшись въ Сибирь, спѣшили какъ можно скорѣе выбраться изъ нея, вывозя очень много и взамѣнъ оставляя очень мало. Ученые вывезли изъ Сибири рѣдкости и опустошили архивы; инженеры и техники—лучшіе образчики коллекцій; предпріимчивость, закинутая въ Сибирь — богатство. Обмѣнъ, такимъ образомъ, не уравновѣшивался, и край мало выигрывалъ. Изъ него вышло много даровитыхъ людей, художниковъ, писателей, государственныхъ дѣятелей, ученыхъ туземцевъ, которые много поработали для отечества, но вообще очень мало сдѣлали въ частности для Сибири. Самыя учебныя заведенія при такомъ фатальномъ законѣ играли странную роль: отчасти они сами понижались въ своихъ достоинствахъ подъ вліяніемъ невѣжественной среды, а основываемыя самимъ обществомъ, подъ впечатлѣніемъ какихъ-нибудь случайныхъ импульсовъ, не поддерживались имъ; съ другой стороны, они способствовали выѣзду изъ края всего наиболѣе даровитаго, оставляли его безъ послѣднихъ рессурсовъ и ничѣмъ не могли вознаградить его за потери. Поэтому Сибирь представляла доселѣ странное и исключительное явленіе, это было общество безъ образованнаго молодаго поколѣнія, дерево безъ цвѣтовъ и плодовъ. Положеніе образованнаго человѣка въ сибирскомъ обществѣ было невыносимо тяжело: среди невѣжественной среды, полной грубыхъ недостатковъ, онъ являлся одинокимъ, не имѣлъ почвы, не было даже небольшого кружка людей, къ которымъ онъ могъ бы примкнуть и признать въ нихъ свое отечество. Онъ не находилъ себѣ поддержки и сочувствія; ученые въ Иркутскомъ географическомъ отдѣлѣ называютъ себя «закинутыми» въ этотъ печальный край. Люди съ слабыми силами сплошь и рядомъ погибали здѣсь и падали нравственно (такъ погибла здѣсь, напримѣръ, масса медиковъ и учителей).

Стремленіе къ просвѣщенію, однако, все сильнѣе чувствовалось, а потребности образованія проникли въ сознаніе общества. Что мѣстное общество не чуждо этого сознанія доказало сочув-

ствіе и взлелѣянная на сибирской почвѣ идея о сибирскомъ университетѣ.

Вопросъ о сибирскомъ университетѣ получилъ особенное значеніе въ краѣ въ виду отсутствія въ немъ какого-либо просвѣщеннаго класса и отсутствія умственной жизни, той дирижирующей, управляющей функціями жизни силы, которая составляетъ необходимое свойство соціальнаго живаго организма.

Университетскій вопросъ, какъ вопросъ гражданскій, былъ хорошо понятъ мѣстнымъ обществомъ; отсюда въ продолженіе многихъ лѣтъ проявлялись весьма опредѣленныя стремленія этой идеи занять свое мѣсто. Ходъ подготовленія и состоянія университета въ Сибири составляетъ весьма видный актъ въ исторіи просвѣщенія, чтобы не остановиться на немъ.

Мысль объ основаніи Сибирскаго университета явилась весьма давно. Еще въ Высочайше утвержденныхъ Императоромъ Александромъ I предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія, опубликованныхъ при указѣ Правительствующаго Сената 24-го января 1803 года, постановлялось, между прочимъ (пун. 14), что въ учебныхъ округахъ учреждаются университеты «для преподаванія наукъ въ высшей степени», коихъ въ то время назначалось 6, а именно, кромѣ существовавшихъ уже въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ, въ округѣ С.-Петербургскомъ, въ Казани и Харьковѣ, и затѣмъ предназначаются для университетовъ города: *Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ-Великій и другіе*, «по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными». Вслѣдствіе такого заявленія правительства о намѣреніи учредить, когда окажется возможнымъ, университеты въ Кіевѣ и Тобольскѣ, извѣстный П. Г. Демидовъ, дѣлая свои знаменитыя пожертвованія на пользу отечественнаго просвѣщенія, между прочимъ, пожертвовалъ въ томъ же году 100.000 рублей для предназначенныхъ къ открытію Кіевскаго и Тобольскаго университетовъ. Въ письмѣ министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго къ Демидову, отъ 6 го іюня 1803 года, относительно этого капитала говорилось: «что касается до суммъ, которыя вы располагаете за благодѣяніе моимъ училищамъ, то къ тому ближайшее средство положить оныя въ воспитательный домъ вѣчнымъ капиталомъ, назнача доходъ отъ процентовъ, по мѣрѣ капитала, каждому мѣсту опредѣленнаго; а доколѣ приспѣетъ время къ открытію университетовъ въ Кіевѣ и Тобольскѣ, то капиталы, симъ училищамъ отъ васъ опредѣленные, росли бы обращеніемъ своимъ, безъ прикосновенія къ онымъ».

Итакъ, уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ правитель-

ственныхъ сферахъ и въ кругу образованныхъ людей ясно сознавалась мысль о необходимости учрежденія въ Сибири университета. Не приводилась она въ исполненіе цѣлыхъ 75 лѣтъ, по многимъ причинамъ: отчасти въ виду болѣе близкихъ заботъ о просвѣщеніи въ Европейской Россіи и о созданіи здѣсь университетовъ, отчасти потому, что самое осуществленіе Сибирскаго университета казалось многимъ преждевременнымъ, по имѣвшемуся незначительному числу среднихъ учебныхъ заведеній въ краѣ и по незначительности населенія въ Сибири вообще, а также вслѣдствіе возникавшихъ опасеній, что въ университетѣ будетъ слишкомъ малое число слушателей, что трудно будетъ привлечь достаточное число хорошо подготовленныхъ преподавателей, и, наконецъ, что такимъ образомъ значительные расходы, потребные отъ казны на содержаніе университета и на возведеніе нужныхъ ему зданій, не вознаградятся въ достаточной мѣрѣ и не дадутъ желаемыхъ результатовъ.

Дѣйствительно, просвѣщеніе въ Сибири развивалось весьма медленно. Сперанскій застаетъ Сибирь съ обрывками спеціальныхъ учрежденій, зиждущихся въ краѣ безъ всякой системы, какъ когда-то навигаціонныя школы безъ мореплаванія. Онъ увидѣлъ эту обширную страну страною «невѣжественной черни и отверженныхъ преступниковъ», хотя она представляла «всѣ удобства для гражданскаго развитія», какъ выражался онъ, и при умѣньи пользоваться своею природою и богатствами могла стать величественною колоніей Россіи.

Сдѣлавшись генералъ-губернаторомъ и распорядителемъ судебъ Сибири, Сперанскій не могъ не обратить вниманія на жалкое и безпомощное положеніе учебной части въ этомъ краѣ. Своими заботами и хлопотами о развитіи просвѣщенія въ Сибири, Сперанскій привлекъ къ этому дѣлу генералъ-губернатора Западной Сибири Капцевича и вызвалъ сочувствіе даже попечителя казанскаго учебнаго округа Магницкаго. Сибирскій комитетъ согласился съ предложеніями Сперанскаго, Капцевича и Магницкаго, находя, что выработанные учебные проекты и высшее образованіе для Сибири «полезно и согласно съ принятыми для управленія Сибирью правилами». Такимъ образомъ мысль о Сибирскомъ университетѣ снова возникаетъ.

Генералъ-губернаторъ Капцевичъ, во всеподданнѣйшемъ рапортѣ 20-го марта 1823 года, указывалъ на недостатокъ нравственныхъ началъ въ сибирскомъ населеніи, на недостатокъ въ краѣ просвѣщенныхъ чиновниковъ и на невозможность сибирякамъ, по бѣдности, получать образованіе въ университетахъ

Европейской Россіи. Онъ докладывалъ о необходимости учрежденія въ Сибири высшаго учебнаго заведенія. Тогда же Магницкій представилъ проектъ объ учрежденіи въ Барнаулѣ высшаго училища, въ видѣ отдѣленія Казанскаго университета, съ цѣлью приготовлять въ немъ учителей для сибирскихъ гимназій и училищъ, студентовъ для пекинской миссіи, дѣтей сибирскихъ чиновниковъ къ гражданской службѣ, а купеческихъ дѣтей — къ торговлѣ съ Китаемъ. На содержаніе училища Магницкій исчислилъ 66.750 рублей въ годъ, кромѣ постройки зданія и содержанія пансіонеровъ. При осуществленіи своего проекта онъ, между прочимъ, имѣлъ въ виду употребить пожертвованный Демидовымъ капиталъ въ 50.000 рублей на учрежденіе университета въ Тобольскѣ, который чрезъ приращеніе процентами, въ 1822 году, представлялъ сумму въ 121.301 руб. .75 коп. и давалъ 6.000 дохода. Изыскивая новыя средства, Капцевичъ проектировалъ отдавать въ оброчное содержаніе рыболовныя озера Западной Сибири, Чаны, и оброчную плату обращать на содержаніе высшаго училища. Предполагалось на Сибирскій университетъ употребить также доходы съ имѣнія бывшей виленской іезуитской коллегіи. Но демидовское пожертвованіе было передано въ Московскій университетъ, и мысль о высшемъ учебномъ заведеніи въ Сибири, возбужденная Капцевичемъ и одобренная сибирскимъ комитетомъ, осталась, къ сожалѣнію, безъ исполненія надолго. Взамѣнъ университета, въ 1835 году повелѣно было содержать въ сибирскихъ гимназіяхъ и въ Казанскомъ университетѣ казенныхъ воспитанниковъ изъ сибирскихъ уроженцевъ, число которыхъ было ограничено. Въ представленіи Капцевича мы находимъ всѣ тѣ мотивы необходимости высшаго учебнаго заведенія для такого отдаленнаго и богатаго края, какъ Сибирь, которые вошли въ позднѣйшія представленія. Всякій сколько-нибудь дальновидный государственный человѣкъ не могъ не предвидѣть, что громадный край, изобилующій въ бо́льшей его части разными естественными произведеніями, обладающій несмѣтными минеральными богатствами, долженъ былъ привлечь населеніе, которое будетъ нуждаться въ средствахъ образованія для подростающихъ поколѣній, не говоря уже о значительномъ числѣ людей, живущихъ въ Сибири вслѣдствіе служебныхъ обязанностей и дѣти которыхъ также нуждаются въ образованіи. Невозможность удовлетворенія такой потребности въ самомъ краѣ неминуемо должна была производить постоянный отливъ молодаго поколѣнія изъ Сибири въ Европейскую Россію, гдѣ представлялись всѣ средства для полученія образованія, и эта часть сибирскаго насе-

ленія въ бо́льшей части случаевъ для Сибири была потеряна навсегда, такъ какъ, свыкнувшись съ бо́льшими удобствами жизни, лишь немногіе изъ уѣхавшихъ рѣшались возвращаться въ тотъ край, лишая его тѣмъ самымъ совершенно естественнаго и надежнаго элемента для занятія должностей по всѣмъ частямъ мѣстной администраціи и на всѣхъ поприщахъ разнородной частной дѣятельности.

Не смотря на сознанную потребность и постоянно ощущаемый недостатокъ въ Сибири въ образованныхъ людяхъ, дѣло университета съ 1835 года умолкло лѣтъ на 20. Въ это время на Сибирь всего менѣе обращалось вниманія, она стала страною забытой, и даже періодъ золотопромышленности въ 40-хъ годахъ не привлекъ заботъ о просвѣщеніи края. Это былъ весьма темный періодъ въ жизни сибирскаго общества. Нечего говорить, что двѣ гимназіи могли дать самый ничтожный контингентъ людей средняго образованія, даже если бы они стояли на уровнѣ своего призванія. Къ сожалѣнію, эти гимназіи, отдаленныя, не снабженныя достаточно учебными средствами и преподавателями, представляли очень долго картину убогаго существованія. Въ сибирскія гимназіи неохотно являлись преподаватели, а потому множество каѳедръ оставалось вакантными, остальныя замѣщались людьми, случайно на нихъ попавшими или разными авантюристами, наполнявшими Сибирь. Среди нихъ встрѣчались слѣпые, хромые, полусумасшедшіе, спившіеся съ круга, люди жестокаго нрава и крайне скудныхъ познаній. «Я помню свою гимназію,— пишетъ одинъ сибирякъ въ своихъ воспоминаніяхъ,— какъ собраніе монстровъ-преподавателей, которые ежедневно предъ нами не столько излагали познанія, сколько давали разныя комическія и эквилибристическія представленія: одинъ разсказывалъ избитые анекдоты, надъ другимъ, нѣмцемъ, глумились и хохотали до упаду, третій гонялся за нами съ костылемъ; въ корридорахъ и на окнахъ артель учениковъ ставила часовыхъ, чтобы предупреждать пьющихъ въ корридорѣ водку учителей о появленіи инспектора. Тутъ было не до науки!» Гимназіи въ такомъ видѣ существовали до 60-хъ годовъ. Кто же исполнялъ роль образователей въ нѣсколькихъ губерніяхъ и областяхъ Сибири за отсутствіемъ просвѣщенія? Составъ мѣстныхъ канцелярій снабжали семинаріи, бурсы, наконецъ полубатальонъ военныхъ кантонистовъ. Понятно, какихъ дѣятелей изъ нихъ получала сибирская администрація. Если изъ низшихъ школъ выходили иногда люди способные и съ дарованіями, какъ сообщаетъ г. Вагинъ, то не нужно забывать, что изъ тѣхъ же бурсъ и кантонистовъ выдвигались заби-

*

тые розгами идіоты, воришки казеннаго имущества, безграмотные писаря, выслуживавшіеся иногда до высшихъ должностей холопствомъ и пронырствами. Другую часть сибирскаго общества воспитывали ссыльные преступники или заѣзжіе спекулянты, которые вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ развивали у дѣтей пороки. Иные глумились надъ претензіей сибирскихъ жителей «обучаться», и какой-то ссыльный иностранецъ-филологъ обучилъ сына купца въ насмѣшку татарскому языку, вмѣсто французскаго. Такова была судьба края, гдѣ не было правильной системы воспитанія, гдѣ не было представителей настоящей науки, не было здороваго воздуха умственной жизни. Въ такой средѣ настоящій просвѣщенный человѣкъ рисковалъ или задохнуться или спѣшилъ бѣжать, бѣжать изъ нея,—и изъ Сибири бѣжали.

Университетскій вопросъ между тѣмъ находился какъ бы подъ спудомъ. Это происходило оттого, что Сперанскій и другіе администраторы, мечтая о привитіи просвѣщенія, а также поднимая вопросъ о высшемъ учебномъ заведеніи для края, къ сожалѣнію, слишкомъ понадѣялись на обыкновенный административный пріемъ поднятія этихъ вопросовъ, путемъ канцелярской переписки, забывая одно, что въ такомъ дѣлѣ, какъ просвѣщеніе, должно быть привлечено и общество своимъ участіемъ, что въ немъ самомъ должна быть затронута потребность жизни — искра сознанія, и что только на этомъ фундаментѣ прочны и осуществимы подобныя учрежденія. Мысль о высшемъ образованіи въ Сибири не могла однако совершенно заглохнуть, она появляется снова въ половинѣ 50-хъ годовъ. Это совпало уже съ началомъ прошлаго царствованія.

Что мысль о Сибирскомъ университетѣ не была совершенно забыта въ оффиціальныхъ сферахъ, свидѣтельствомъ служитъ всеподданнѣйшій докладъ министра народнаго просвѣщенія Норова, по нѣкоторымъ вопросамъ народнаго образованія, представленный имъ Государю Императору 5-го марта 1856 года; изъ доклада видно, между прочимъ, что правительство въ то время уже признало полезнымъ учрежденіе въ Сибири университета. Заявляя объ этомъ, Норовъ присовокупилъ, что «эта благодѣтельная мѣра, если признана будетъ возможною, обѣщаетъ великія послѣдствія краю, котораго природныя богатства и мѣстныя обстоятельства ожидаютъ также животворнаго содѣйствія науки, чтобы доставить государству неисчислимыя выгоды». Но предположеніе Норова осталось невыполненнымъ, отчасти по причинамъ, приведеннымъ выше, отчасти же вслѣдствіе того, что въ теченіи 20 лѣтъ, протекшихъ со времени его заявленія, министер-

ство было озабочено различными работами по устройству другихъ училищъ, преобразованіями ихъ и учрежденіемъ новыхъ учебныхъ заведеній въ Европейской Россіи.

Среди непроглядныхъ сумерекъ сибирской жизни, можно сказать, что это былъ единственный вопросъ, который временами освѣщалъ царившій мракъ и соединялъ около себя общественныя симпатіи. Въ то время, когда вопросъ объ университетѣ на Востокѣ временно замолкъ въ Сибири и рѣже вызывалъ толки вообще въ русскомъ обществѣ, мы находимъ о немъ статью въ берлинскомъ журналѣ, въ «Архивѣ Эрмана», которая довольно подробно затрогиваетъ вопросъ о значеніи русской науки на азіатской окраинѣ, говоритъ о предстоящемъ основаніи въ Сибири университета, знакомитъ съ пожертвованіями, сдѣланными на него, и довольно основательно разбираетъ преимущества различныхъ городовъ, гдѣ его можно было бы открыть.

Такимъ образомъ, вопросу о Сибирскомъ университетѣ суждено было возникать періодически. Пожертвованіе Демидовымъ было въ 1803 году; представленіе Капцевича въ 1823; докладъ министра Норова въ 1856 году, а послѣднее представленіе генералъ-губернатора Западной Сибири, предшествующее открытію особой коммиссіи, было въ 1875 году. Съ 1856 года настоятельную необходимость открыть высшее учебное заведеніе въ Сибири начали заявлять весьма часто какъ лучшіе администраторы, такъ и лица, заинтересованныя просвѣщеніемъ края. Въ Тобольской губерніи сторонникомъ этой мысли явился бывшій тобольскій губернаторъ А. И. Деспотъ-Зеновичъ; въ Восточной Сибири особенно сочувственно отнеслось къ этой мысли учебное вѣдомство. Шестидесятые года, столь богатые надеждами на будущее и ознаменованные реформами, не могли не вызвать ожиданій и въ отдаленной Сибири, сосредоточившейся на завѣтной идеѣ объ университетѣ. Въ это время Иркутскъ, получившій значеніе наиболѣе интеллигентнаго и первостепеннаго центра Сибири, принялъ подъ свое покровительство и дѣятельно разработывалъ ту же идею. Въ Иркутскѣ объ этомъ шли учебные совѣты и были дѣлаемы неоднократныя представленія. Въ это время вся Сибирь была убѣждена, что университетъ долженъ быть основанъ въ Иркутскѣ. Нѣкоторыя частныя лица также пробовали поднять этотъ вопросъ. Покойный профессоръ Эйхвальдъ въ это время велъ переписку по поводу Сибирскаго университета съ однимъ золотопромышленникомъ. Г. Сидоровъ предложилъ пожертвованіе 20 площадей пріисковъ, а также до 10.000 р. въ годъ на разработку этихъ площадей, но пожертвованіе это, о которомъ говорилось уже и въ

печати, почему-то было отклонено. Въ тѣхъ же 60-хъ годахъ мысль объ университетѣ явилась любимою мыслью молодыхъ выступавшихъ сибирскихъ писателей. Объ этомъ писались статьи, читались публичныя лекціи въ Красноярскѣ, Томскѣ и Омскѣ, проектировалось цѣлое общество для собиранія пожертвованій. Однимъ словомъ, университетскій вопросъ сосредоточилъ надежды и идеалы будущаго, онъ отождествился вообще съ лучшею будущностью края, на немъ покоилась вся сила убѣжденія и жаръ молодаго сердца. Въ 60-хъ годахъ создалась цѣлая литература о Сибирскомъ университетѣ. Онъ сдѣлался не чуждъ и массѣ населенія. Послѣдній горожанинъ, послѣдній мѣщанинъ въ глухомъ уѣздномъ городѣ говорилъ о немъ. Бѣдные городскіе классы въ Сибири и мелкое чиновничество было заинтересовано въ немъ болѣе, чѣмъ кто-либо. Такъ какъ въ Сибири нѣтъ крупнаго и богатаго дворянства, то контингентъ гимназій наполняется въ большинствѣ бѣдняками. Оканчивая курсъ среднеучебныхъ заведеній, эти бѣдняки не могли получить дальнѣйшаго образованія, такъ какъ проѣздъ до университетовъ обходится дорого. Въ то время, когда только нѣкоторые счастливцы, благодаря средствамъ или казеннымъ стипендіямъ, пробирались въ университетъ, люди способные, съ жаждой знанія, талантомъ и опредѣлившимся часто призваніемъ тонули въ безвѣстныхъ сферахъ мѣстныхъ канцелярій или ѣхали въ глухую сибирскую тайгу на пріиски, уходили въ приказчики и цѣлую жизнь чувствовали горечь неудовлетворенныхъ желаній знанія. Нѣкоторые изъ сибирской молодежи, безъ всякихъ средствъ, путешествовали чуть не пѣшкомъ, съ обозами, въ дальніе университеты; это было своего рода пилигримство [1]). Отцы, разстававшіеся на-долго съ дѣтьми, глубоко чувствовали разлуку, нѣкоторымъ уже никогда не было суждено увидѣть дѣтей своихъ. Лучшія силы изъ Сибири исчезали навсегда, чего бы не было, еслибы высшее учебное заведеніе было на мѣстѣ. Этого не могли не сознавать самые простые люди. Отъ этого въ вопросѣ о просвѣщеніи звучали давно наболѣвшія жалобы и семейныя слезы; но университетъ сознавался въ смыслѣ и общихъ потребностей. Часто, при недостаткѣ знающихъ людей, спеціалистовъ, техниковъ, химиковъ (золотопромышленники для анализа какого-нибудь

[1]) До послѣдняго времени видно, какимъ испытаніямъ подвергается сибирское юношество въ погонѣ за просвѣщеніемъ. Въ отчетахъ тобольскаго и томскаго обществъ вспомоществованія студентамъ и бѣднымъ учащимся приводятся примѣры, какъ бѣдствуютъ дѣти бѣдныхъ чиновницъ-вдовъ, причетниковъ, дѣти городскихъ ремесленниковъ, ищущихъ просвѣщенія (см. газета «Сибирь», №№ 23 и 24 1879 года).

камня или руды возили ихъ въ Петербургъ, отыскивая спеціалиста и т. д.), само собою рождалось заключеніе: вотъ былъ бы университетъ, не то бы было!..

Но вопросъ, столь понятный даже для простыхъ людей, не всегда былъ доступенъ для людей, считавшихъ себя авторитетными, но не раздѣлявшихъ интересовъ края. Нѣкоторые умудрялись даже выставлять какіе-то политическіе мотивы препятствіемъ къ обыкновенному общечеловѣческому образованію. Такъ, одинъ изъ видныхъ администраторовъ Восточной Сибири, пріобрѣвшій громкое имя въ 60-хъ годахъ, по поводу вопроса объ университетѣ въ Сибири, выразилъ слѣдующую парадоксальную мысль: «сибирякамъ опасно давать высшее университетское образованіе; гораздо болѣе благонадежными могутъ быть здѣсь вызванные на службу изъ Европейской Россіи чиновники». Такое странное заключеніе, не говоря уже о томъ, что оно совершенно неумѣстно, выставляло сибиряковъ, такихъ же русскихъ подданныхъ, какою-то враждебною народностью и вдобавокъ отличалось свѣтобоязнью.

Вотъ нѣсколько точекъ зрѣнія, съ которыхъ этотъ вопросъ разсматривался въ мѣстной и столичной печати въ теченіи послѣднихъ 18-ти лѣтъ:

1) Потребность высшаго учебнаго заведенія въ Сибири обусловливается отдаленностью страны и затрудненіемъ для туземцевъ отправляться за 3—6 тысячъ верстъ для обученія въ русскихъ университетахъ.

2) Необходимость высшаго образованія для пріобрѣтенія техническихъ и естественно-историческихъ знаній, безъ которыхъ богатства страны оставались и остаются мертвымъ капиталомъ, а уровень матеріальнаго благосостоянія населенія былъ крайне низокъ.

3) Необходимость высшаго образованія вслѣдствіе недостатка медиковъ и учителей.

4) Въ видахъ доставленія лучшихъ силъ администраціи.

5) Въ видахъ учрежденія и поддержанія такихъ ученыхъ и общественныхъ учрежденій, которыя теперь падаютъ за недостаткомъ образованныхъ людей.

6) Въ видахъ вообще воспитанія общества, созданія въ немъ образованнаго класса и лучшихъ умственныхъ силъ, поднятія уровня нравственности и созданія гражданской честности.

7) Въ видахъ разработки науки на Востокѣ и открытій въ области знаній географическихъ, историческихъ, филологическихъ и проч., которыми должна обогатиться наука, принимая во вниманіе обширность непочатаго для науки азіатскаго матеріала.

8) Въ видахъ общечеловѣческихъ цѣлей цивилизаціи и распространенія ея въ Азіи.

9) Въ виду воспитанія инородцевъ и дипломатическихъ сношеній нашихъ съ сосѣдними странами Востока.

10) Для усиленія и сохраненія русской національности въ виду новыхъ пріобрѣтеній и присоединеній на Востокѣ.

11) Въ виду ожидаемыхъ реформъ въ Сибири, которыя безъ этого являются немыслимыми.

Во многихъ статьяхъ, посвященныхъ этому предмету, выражались слѣдующія мысли, рисовавшія въ то же время настоятельныя нужды края:

«Число среднеучебныхъ заведеній въ Сибири—говоритъ г. Вагинъ [1])—до послѣдняго времени было очень не велико, они страдали болѣе или менѣе серьезными недостатками. Это по необходимости сдерживало стремленіе сибиряковъ къ высшему образованію. Можно судить, какъ оно было бы велико при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, можно судить также, какую огромную пользу принесло бы здѣсь обѣщанное уже съ 1825 года высшее учебное заведеніе, особенно если учрежденію его будетъ предшествовать увеличеніе числа и улучшеніе качества среднеучебныхъ заведеній. Можно судить и о томъ, какъ много потеряла Сибирь оттого, что мысль о высшемъ заведеніи въ теченіи почти пятидесяти лѣтъ оставалась однимъ только проектомъ»... «Просвѣщеніемъ Сибирь должна была доселѣ пользоваться только отъ лицъ заѣзжихъ, но большинство всегда увлекали въ Сибирь слухи, что «Сибирь, золотое дно», что въ Сибири можно *нажиться службою* скорѣе и лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ торговлей. Еще Сперанскій замѣтилъ, что въ Сибирь ѣдутъ одни «титулярные совѣтники, то-есть, люди, которымъ за недостаткомъ образованія была закрыта дальнѣйшая дорога».

Мы предоставляемъ судить,—говоритъ по этому поводу другой авторъ, — насколько подобный случайный заѣзжій контингентъ, часто съ не совсѣмъ безупречной репутаціей и воззрѣніями, могъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ края; наконецъ, насколько онъ окажется пригоднымъ при введеніи новыхъ учрежденій въ Сибири. Признавая важное значеніе университета на Востокѣ въ связи съ введеніемъ реформъ, безъ котораго онѣ не достигнутъ своей цѣли, — говоритъ та же статья, — мы должны придти къ тому заключенію, что этимъ учрежденіемъ должна на-

---

[1]) Историческія свѣдѣнія о гр. Сперанскомъ въ Сибири, т. II, стр. 389 и слѣд.

чаться самая реформа. Созданіе высшаго образованія въ Сибири будетъ имѣть столь важное значеніе, что одно уже оно повліяетъ на измѣненіе всего склада сибирской жизни. Отъ университета создастся цѣлая умственная атмосфера. Можно сказать, что только съ нимъ наступитъ сознательная жизнь мѣстнаго общества, а самый край вступитъ въ новую эру исторической жизни. Тѣ же статьи, представляя ненормальное положеніе общества, изъ котораго лучшія интеллигентныя силы уходятъ, избирая ученую, литературную и гражданскую карьеру внѣ родины, гдѣ они не находятъ дѣятельности,—указываютъ на недостатокъ гражданскихъ чувствъ, безкорыстныхъ стремленій и идеаловъ въ краѣ, безъ которыхъ жизнь становилась эгоистическою, сухою, черствою и грубо-животною.

Наконецъ, по поводу будущаго значенія университета на Востокѣ, въ печати указывалась ему слѣдующая роль: «Оставляя въ сторонѣ тѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыя можетъ имѣть это учрежденіе для края, мы хотимъ опредѣлить, какое онъ будетъ имѣть значеніе для цивилизаціи въ міровомъ значеніи въ смыслѣ просвѣщенія и изученія Азіи. Извѣстно, что материкъ Азіи остается отчужденнымъ отъ европейской жизни, европейская цивилизація имѣетъ весьма мало путей проникнуть сюда. Не говоря о племенахъ инородцевъ, цѣлые милліоны азіатскихъ народностей населяютъ сосѣднія русскимъ азіатскія страны. Открытіе этихъ народностей для европейской науки и призваніе ихъ къ жизни можетъ составить эпоху въ исторіи человѣчества. Единственное европейское населеніе, примыкающее съ сѣвера къ Азіи,—населеніе русское,—чрезъ него долженъ, между прочимъ, пролагаться путь просвѣщенія. Посмотрите же, какими средствами обладаетъ это русское населеніе для своей великой миссіи. Населеніе этого края невѣжественнѣе многихъ глухихъ провинцій Европейской Россіи, оно не обладаетъ никакими культурными средствами, не снабжено никакою умственною силою. Русское населеніе среди могучей дѣвственной природы часто дичаетъ и стоитъ безпомощнымъ, окруженное инородческими племенами, вліяющими на него болѣе, чѣмъ оно на нихъ. Понятно, что отсюда является постоянное отступленіе отъ культуры русскаго населенія, пониженіе расы вслѣдствіе метисаціи, а также объинородченіе русскаго элемента». Приводя многочисленные примѣры этого поглощенія русскихъ инородцами, мѣстный публицистъ заключаетъ: «Ежели Сибирь еще на 50-ть лѣтъ останется въ замкнутомъ состояніи и безъ образованія, можно ручаться, что мы увидимъ вырожденіе и преображеніе здѣсь русскихъ въ самоѣдовъ, якутовъ, бурятъ и

киргизъ»... «Единственное спасеніе сохранить намъ свою національность, укрѣпить ее, и, усвоивъ цивилизацію, внѣдрить ее къ другимъ народностямъ, это—образованіе. Не нужно забывать, что просвѣтительная миссія на Востокѣ должна имѣть въ виду, кромѣ свѣта знанія, внесеніе гуманныхъ христіанскихъ началъ въ жизнь азіатскихъ народовъ, привитіе идей человѣчества и равноправія. Сослужа подобную службу дѣлу цивилизаціи и просвѣщенія на Востокѣ, Россія окажетъ услугу не одной себѣ, но и всему человѣчеству».

Вслѣдъ за этимъ въ печати указывались и примѣры, какъ давно уже заботятся о развитіи просвѣщенія европейскіе народы въ своихъ колоніяхъ, дѣлались ссылки на примѣръ англійскихъ университетовъ въ Индіи, Новой Голландіи, въ Капской колоніи. Со взглядами нашихъ противниковъ просвѣщенія на окраинахъ могли быть сопоставлены развѣ взгляды полуварварской Испаніи, когда въ прошломъ столѣтіи явилось запрещеніе училища въ Лимѣ для благородныхъ индійцевъ, когда основаніе училища въ Буэносъ-Айресѣ было отвергнуто, испанскимъ колоніямъ запрещено было мечтать объ университетѣ, а епископъ Санта-фе настаивалъ на томъ, что креолы для того, чтобы остаться вѣрноподданными, не должны учиться ничему, кромѣ закона Божія.

Истощивъ массу аргументаціи, литература объ университетѣ испытывала крайнее напряженіе, и ея ноты начинали уже звучать грустной безнадежностью: «Довольно къ вопросу объ университетѣ,—говоритъ авторъ статьи: «Сочувствіе къ наукѣ на востокѣ»;—выражая наши желанія, мы, жители востока Имперіи, можемъ утѣшиться однимъ, что среди нашего поколѣнія есть души, которыя стремятся къ просвѣщенію. Можетъ быть, намъ не удастся дожить до основанія великаго образовательнаго учрежденія на востокѣ. Пусть глаза наши будутъ засыпаны пескомъ, но наше сердце горячо билось надеждами. Пусть не обвинятъ все поколѣніе, что оно не имѣло возвышенныхъ стремленій. Родина вспомнитъ всѣхъ, кто ратовалъ за ея просвѣщеніе и идею науки на Востокѣ, она вспомнитъ добрыя ей пожеланія въ день своихъ радостей, какъ они помнятъ ее въ дни ея скорби» [1]).

Такою скорбью отзывались эти долгія ожиданія, и при такихъ условіяхъ идея Сибирскаго университета дожила до половины семидесятыхъ годовъ; къ ней все болѣе примыкали чувства

[1]) Въ Сибирской Библіографіи, составленной В. И. Межовымъ, изд. Сибирякова 1892 г., т. III, перечисловано около 100 статей въ газетахъ и журналахъ, посвященныхъ Сибирскому университету (стр. 6—9). Но здѣсь еще перечислены не всѣ.

мѣстныхъ писателей, образованныхъ людей и мѣстнаго общества, она становилась излюбленною мечтою и явилась потому не случайно, не плодомъ одной административной фантазіи безъ всякаго отношенія къ жизни окраинъ, какъ думалось людямъ, въ первый разъ узнавшимъ о существованіи этой идеи и незнакомымъ съ жизнью края; напротивъ, вполнѣ созрѣвшая, она ждала благопріятной минуты для своего осуществленія.

Въ 1875 году появилось радостное для сибиряковъ извѣстіе въ газетахъ о томъ, что новый генералъ-губернаторъ Западной Сибири Н. Г. Казнаковъ, ознакомляясь съ нуждами и потребностями края при вступленіи въ управленіе, рѣшился сдѣлать Государю Императору представленіе о необходимости высшаго образованія въ Сибири. 25 апрѣля 1875 г. состоялось, при назначеніи г.-ад. Казнакова, Высочайшее повелѣніе: «*поднявъ уровень общаго образованія, дать возможность сибирскимъ уроженцамъ подготовить изъ среды своей людей свѣдущихъ и образованныхъ*, въ числѣ, по меньшей мѣрѣ, достаточномъ для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго населенія, и по ближайшему и всестороннему обсужденію этого предмета, повергнуть чрезъ министерство народнаго просвѣщенія на Высочайшее воззрѣніе соображенія объ учрежденіи общаго для всей Сибири университета».

Начались подготовленія, которыя состояли въ томъ, что генералъ-губернаторъ предположилъ открыть новыя гимназіи для усиленія средняго образованія, какъ подготовительнаго средства для образованія. Съ этою цѣлью положено было открыть гимназіи въ Омскѣ и въ Тюмени. Но при этомъ новая администрація Сибири пришла къ убѣжденію, что учрежденіе новыхъ заведеній этого разряда въ числѣ, соотвѣтствующемъ дѣйствительнымъ потребностямъ края, представляется въ послѣднее время почти невозможнымъ вслѣдствіе недостатка преподавателей. Безъ мѣстнаго въ Сибири университета вновь учреждаемыя въ ней, хотя бы въ самомъ маломъ числѣ, гимназіи, подобно тобольской и томской, будутъ затруднены въ привлеченіи необходимыхъ для нихъ учебныхъ силъ, и по прежнему лучшіе воспитанники гимназій съ выѣздомъ для полученія высшаго образованія въ Европейскую Россію, въ большинствѣ случаевъ, будутъ исчезать безслѣдно для Сибири. По прежнему выписанные за тысячу верстъ и съ значительными для казны издержками преподаватели, равно юристы, врачи, даже на половину образованные чиновники, будутъ проживать въ Сибири, тяготясь своимъ положеніемъ и помышляя, послѣ трехлѣтняго обязательнаго служенія, возвратиться обратно

на родину. Сибирь же все будетъ продолжать испытывать недостатокъ въ образованныхъ дѣятеляхъ.

Въ новомъ представленіи по поводу Сибирскаго университета всѣ эти затрудненія были предвидѣны, и потому въ немъ говорилось, что къ осуществленію Сибирскаго университета приступить является вполнѣ своевременнымъ; въ этомъ убѣждаютъ все чаще повторяющіяся заявленія мѣстныхъ начальниковъ и генералъ-губернаторовъ о крайнемъ недостаткѣ въ Сибири дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной службы и въ особенности о крайней затруднительности замѣщенія вакансій медиковъ и учителей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, о весьма ощутительномъ неудобствѣ замѣщенія всѣхъ этихъ вакансій исключительно пришлыми силами, которыя въ бо́льшей части случаевъ оказываются не вполнѣ соотвѣтствующими занимаемымъ имъ мѣстамъ, и, наконецъ, о безвыходномъ положеніи родителей, вынужденныхъ для предоставленія дѣтямъ ихъ высшаго образованія посылать ихъ въ Европейскую Россію, гдѣ они вполнѣ отчуждаются отъ семействъ и ихъ родныхъ обычаевъ. Сверхъ сего, Сибирь страна еще почти не початая въ научномъ отношеніи; ученыя экспедиціи, отправлявшіяся туда для изслѣдованія края, успѣли разработать только весьма незначительную часть имѣющагося въ немъ научнаго матеріала; борясь съ затрудненіями, сопряженными съ огромными переѣздами, экспедиціи эти могли заниматься своимъ дѣломъ лишь урывками, извлекать научныя свѣдѣнія только частями. Научный центръ въ самой Сибири далъ бы возможность сосредоченнымъ въ немъ ученымъ силамъ изслѣдовать край съ бо́льшимъ удобствомъ и съ необходимыми для успѣшности работъ послѣдовательностью и постоянствомъ. Обиліе подлежащаго научному изслѣдованію матеріала въ Сибири доказывается уже тѣмъ, что она съиздавна привлекала и привлекаетъ въ послѣднее время изслѣдователей не только изъ Европейской Россіи, но и изъ нѣкоторыхъ странъ Западной Европы. Съ начала прошлаго столѣтія начали посѣщать Сибирь знаменитые путешественники. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія посѣтили для изученія богатствъ ея Гумбольдтъ, Розе, Эренбергъ, Ледебуръ, наконецъ, въ послѣдніе годы Миддендорфъ, Котта, Бромъ и другіе.

Прошло болѣе тридцати лѣтъ,—заключаетъ представленіе,—съ тѣхъ поръ, какъ дарованы преимущества пріѣзжающимъ на службу изъ Европейской Россіи въ Сибирь, и тѣмъ не менѣе прискорбная дѣйствительность показываетъ, что ни администрація, ни суды, ни народное здоровье, ни учебное дѣло въ этомъ краѣ не обезпечено достаточнымъ числомъ свѣдущихъ, образованныхъ и предан-

ныхъ своему дѣлу лицъ. Въ подтвержденіе этого достаточно сказать, что въ двухъ только гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, существующихъ въ Западной Сибири, недостаетъ въ настоящее время *шести штатныхъ преподавателей* по важнѣйшимъ предметамъ гимназическаго курса, древнимъ языкамъ и русскому языку съ словесностью, одного по исторіи съ географіей и двухъ по новымъ иностраннымъ языкамъ, и что *недостатокъ врачей превышаетъ 31%* штатнаго числа сихъ должностныхъ лицъ при разныхъ учрежденіяхъ этого края, а именно врачей положено штатами 122, *недостаетъ* же *39 человѣкъ*. Независимо отъ сего, Сибирь и внѣ служебнаго поприща не менѣе, если не болѣе нуждается въ полезныхъ дѣятеляхъ, безъ которыхъ ея производительныя средства, связанныя съ естественными богатствами, остаются мало изслѣдованными. Примѣры такого явленія очевидны; не имѣя университета, Сибирь изъ своихъ уроженцевъ не могла воспитать ни одного вполнѣ образованнаго поколѣнія, которое бы всецѣло посвятило ей, какъ родному мѣсту, свои полезныя силы. Мало того, въ ней постоянно повторяется слѣдующее неутѣшительное явленіе, общее для обѣихъ половинъ ея: лучшіе воспитанники, окончившіе курсъ въ мѣстныхъ гимназіяхъ и поступившіе въ университеты имперіи, по пріобрѣтеніи тамъ высшаго образованія, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ возвращаются въ Сибирь, но несравнённые въ преимуществахъ службы съ уроженцами не-сибирскими и увлекаемые либо служебными выгодами, либо невѣдомыми дотолѣ удобствами жизни въ столичныхъ и большихъ городахъ, избираютъ мѣстомъ своей дѣятельности Европейскую Россію. Такимъ образомъ, Сибирь представляетъ то рѣдкое и въ высшей степени прискорбное зрѣлище, что учрежденныя въ ней среднеобразовательныя заведенія, вмѣсто того, чтобы обогащать ее достаточно образованными людьми, служатъ какъ бы средствомъ для отвлеченія изъ нея свѣжихъ живительныхъ умственныхъ силъ въ Европейскую Россію, изъ которой, взамѣнъ ихъ, нерѣдко являются на службу, не безъ значительныхъ для государства денежныхъ затратъ, искатели счастья, не успѣвшіе въ ней пристроиться по недостатку свѣдѣній, а иногда и сомнительной нравственности, въ большинствѣ случаевъ люди, смотрящіе на службу въ Сибири, какъ на дѣло временное, и пытающіеся при первой возможности оставить ее и возвратиться въ Европейскую Россію. Со времени перваго заявленія мысли объ учрежденіи университета,—говоритъ представленіе, — народонаселеніе въ Сибири возросло до 5.000.000, открытыхъ въ ней *четырехъ* гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія

оказывается недостаточно для удовлетворенія потребности края, а учрежденіе новыхъ среднеобразовательныхъ заведеній встрѣчаетъ затрудненіе по недостатку подготовленныхъ преподавателей. Сибирь вообще крайне нуждается въ людяхъ съ высшимъ образованіемъ, и удовлетворить этой нуждѣ не могутъ высшія учебныя заведенія имперіи, куда учащіеся должны слѣдовать за четыре-пять, а иногда и болѣе тысячъ верстъ; словомъ, представляется нынѣ настоятельная необходимость возвысить уровень образованія въ Сибири, дать мѣстнымъ ея уроженцамъ средства развивать и оберегать свои умственныя силы на пользу самой Сибири, что̀ можетъ быть достигнуто только учрежденіемъ университета въ этомъ краѣ.

Затѣмъ были выражены слѣдующія предположенія: а) Университетъ полезно бы было учредить изъ 4-хъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго. б) Число каѳедръ по каждому факультету можно было бы, на первое время, ограничить наиболѣе необходимыми и основными, съ тѣмъ, чтобы, со временемъ, по мѣрѣ пріисканія достойныхъ профессоровъ и увеличенія числа студентовъ, число ихъ постепенно пополнялось до нормы, положенной общимъ уставомъ университета. в) Сообразно ограниченію числа каѳедръ предполагалось уменьшить число преподавателей, а слѣдовательно и сумму падающихъ на государственное казначейство расходовъ, произведя также возможныя сокращенія издержекъ и по нѣкоторымъ другимъ статьямъ, опредѣленнымъ дѣйствующими штатами университета. г) За необходимыми изъятіями, проектируемый университетъ подчинить дѣйствію общаго устава университетовъ въ имперіи.

Вообще по составленному въ Западной Сибири проекту штата университета предполагались значительныя сокращенія расходовъ сравнительно со штатами 1863 года. Сумма, необходимая для содержанія университета въ Сибири, исчислена первоначально въ проектѣ въ 212.220 руб. Сумма эта, по мнѣнію генералъ-губернатора Западной Сибири, можетъ быть еще сокращена на 6.000 р., отпускаемыхъ нынѣ на 20 сибирскихъ стипендіатовъ въ университетахъ по мѣрѣ окончанія курса или вообще выбытія этихъ стипендіатовъ.

Кромѣ того, въ виду экономической и финансовой стороны дѣла обращено было вниманіе на слишкомъ крупныя издержки, которыя въ настоящее время несетъ государство вслѣдствіе преимуществъ, предоставленныхъ пріѣзжающимъ изъ Европейской Россіи на службу въ Сибирь. Собранныя по этому предмету свѣ-

дѣнія показываютъ, что въ одной Западной Сибири на прибавочное за сибирскую службу жалованье ассигновано къ расходу въ 1875 году 67.032 руб. 81½ коп., и что въ 1874 году выдано пособій (окладовъ годоваго жалованья) вновь опредѣленнымъ на службу въ этотъ край 12.804 руб. 80 коп. По полученнымъ же отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири свѣдѣніямъ назначено въ этой части Сибири на 1875 годъ, на прибавочное жалованье за сибирскую службу, 65.430 руб. 86 коп., а на выдачу годовыхъ окладовъ жалованья вновь опредѣленнымъ на службу въ Восточную Сибирь чиновникамъ употреблено въ 1874 году 21.687 руб. 73 коп. Такимъ образомъ, въ совокупности, издержки эти простираются для обѣихъ частей Сибири до 167.000 руб. въ годъ. Необходимо допустить, что, съ учрежденіемъ Сибирскаго университета и по мѣрѣ приготовленія въ немъ дѣятелей изъ уроженцевъ Сибири, потребность въ пришломъ элементѣ служащихъ постепенно падала бы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и расходъ на означенные предметы значительно бы сократился.

Сумма, необходимая на постройку университета, въ представленіи сибирскаго начальства была исчислена въ 500.000 рублей; причемъ первоначально университетъ долженъ былъ быть безъ клиникъ съ замѣною ихъ мѣстными госпиталями. Сумма эта была слишкомъ ничтожна даже по мѣстнымъ средствамъ, принимая во вниманіе, что въ то же время на постройку флигелей сибирской военной гимназіи было ассигновано 425.000 рублей [1]). Сверхъ того, было указано, что часть необходимыхъ для постройки денегъ находится уже въ пожертвованіи Демидова, и капиталъ этотъ достигаетъ 151.000 рублей; затѣмъ на этотъ предметъ можетъ быть еще обращено пожертвованіе г. Цибульскаго въ 100.000 руб., а слѣдовательно, въ 1875 году отъ казны понадобилось бы не болѣе 350.000 рублей. Наконецъ, въ изысканіи средствъ къ сокращенію издержекъ казны на этотъ предметъ генералъ-губернаторъ Казнаковъ указывалъ на могущую произойти экономію для казны 200.000 р. при введеніи вольныхъ почтъ. Хотя соображенія относительно вольныхъ почтъ не оправдались [2]), но они служили сви-

---

[1]) Постройка другихъ учрежденій, какъ, напримѣръ, Харьковскаго технологическаго института обошлось въ 2.000.000 руб., и сумма эта не была найдена обременительной. Штиглицъ на сооруженіе рисовальной школы пожертвовалъ 1.000.000 р. Казалось, для Сибирскаго университета на постройку скорѣе необходимо было бы 500.000 р. казенныхъ приложить къ частнымъ пожертвованіямъ.

[2]) Больныя почты въ рукахъ монополистовъ были бы только бременемъ для Западной Сибири, какъ показало обстоятельное разсмотрѣніе этого вопроса.

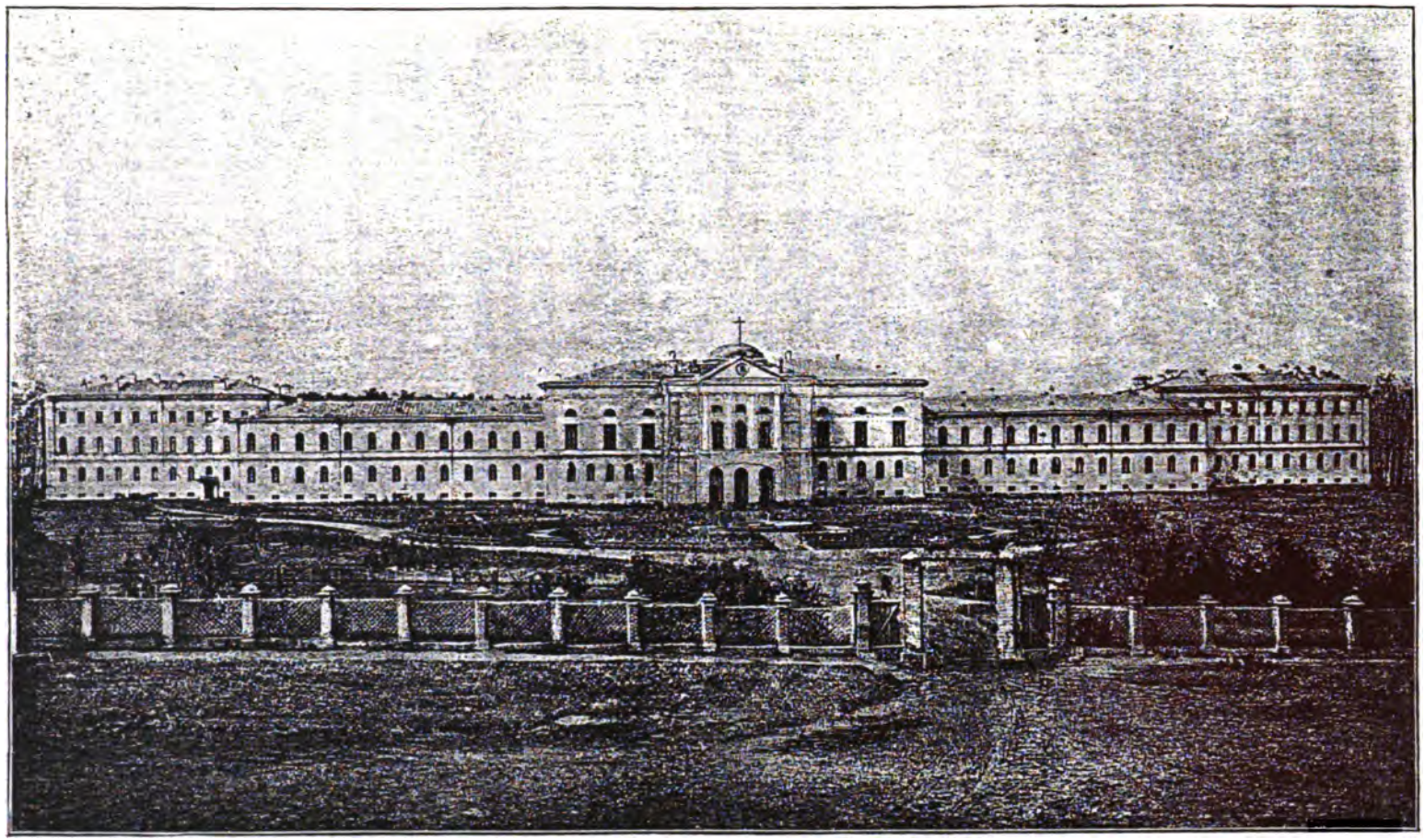
дѣтельствомъ всей напряженности въ изысканіи средствъ къ облегченію казны въ этомъ дѣлѣ. Однимъ словомъ, требованія по расходамъ на созданіе Сибирскаго университета были доведены, какъ указываютъ документы, до послѣдняго минимума. Относительно предоставленія правъ и преимуществъ для привлеченія профессоровъ и доцентовъ въ новый университетъ не испрашивалось ничего, какъ только тѣ преимущества, которыя установлены вообще для служащихъ въ Сибири; затѣмъ предполагалось открытіе на первое время лишь самыхъ необходимыхъ каѳедръ. Сумма на личный составъ должна была по смѣтѣ не превышать 212.220 рублей. Основаніе отдѣленія *восточныхъ языковъ*, столь необходимаго для Сибири, отлагалось на неопредѣленное время.

Предположенія и требованія эти были до того умалены, ограничены, и составъ университета могъ явиться столь неполнымъ, что министерство народнаго просвѣщенія, въ своихъ замѣчаніяхъ, сочло нужнымъ указать, что, при недостаточныхъ штатахъ, едва ли можно разсчитывать на привлеченіе достойныхъ профессоровъ и доцентовъ, безъ чего самый университетъ не станетъ на подобающую высоту, почему необходимо, для привлеченія профессоровъ и доцентовъ, увеличить оклады въ полтора раза болѣе, чѣмъ въ другихъ университетахъ. Министерство нашло нужнымъ на постройку университета увеличить расходъ до 600.000 руб., а на личный составъ и на учебныя принадлежности просить 307.820 рублей [1]). Министръ финансовъ, съ своей стороны, не встрѣтилъ препятствій къ внесенію въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія 1878 и 1879 г. потребныхъ на постройку университета суммъ, но съ тѣмъ, чтобы въ число ихъ были зачитаемы не только суммы, уже пожертвованныя на Сибирскій университетъ, но и тѣ, которыя, въ виду окончательнаго рѣшенія вопроса объ учрежденіи университета, вновь поступить могутъ. По мнѣнію министра народнаго просвѣщенія, предполагалось открытіе Сибирскаго университета съ 1 іюля 1879 года въ составѣ 4 факультетовъ. Окончить постройку университета предполагалось къ 1880 году. Мѣстомъ основанія университета по первоначальному проекту былъ избранъ Омскъ. Въ такомъ видѣ, согласно Высочайшему повелѣ-

---

[1]) По штатамъ 1863 года, съ присоединеніемъ другихъ сверхштатныхъ суммъ, другіе университеты получаютъ:

С.-Петербургскій	375.586 руб.
Московскій	466.950 »
Харьковскій	357.973 »
Казанскій	376.872 »
Кіевскій	373.160 »



Томскій университетъ.

нію 24 апрѣля 1876 г., вопросъ о Сибирскомъ университетѣ внесенъ былъ въ министерство народнаго просвѣщенія, а послѣднимъ въ Государственный Совѣтъ.

Проектъ Сибирскаго университета при такихъ условіяхъ не встрѣчалъ, повидимому, особыхъ препятствій къ своему осуществленію. Можно было ожидать, что открытіе университета, послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ, осуществится, и надежды Сибири сбудутся; но и на этотъ разъ ожиданіямъ Сибирскаго края суждено было исполниться не столь скоро, какъ ожидалось. Славянское движеніе и война съ Турціей, какъ и финансовыя обстоятельства Россіи еще разъ отодвинули этотъ вопросъ, почти рѣшенный, на второй планъ и пріостановили практическое осуществленіе начатаго дѣла. Самый проектъ учрежденія университета, къ сожалѣнію, далеко не привлекъ должнаго вниманія столичной печати и общества, и не вызвалъ всесторонняго обсужденія, можетъ быть, благодаря тому, что самый проектъ не былъ опубликованъ. Одинъ только пунктъ этого проекта вызвалъ вниманіе общества и печати, напомнивъ, что проектъ этотъ разсматривается. Пунктъ этотъ касался избранія города для Сибирскаго университета и, играя, повидимому, второстепенную роль, получилъ тѣмъ не менѣе первостепенное значеніе для края. При этомъ нужно имѣть въ виду обстоятельства, которыми избраніе мѣста для университета сопровождалось.

Когда-то, по мысли жертвователя Демидова, предполагался мѣстомъ для основанія университета Тобольскъ, но городъ этотъ давно потерялъ свое значеніе центра и метрополіи Сибири. Въ 60-хъ годахъ предполагалось основаніе университета въ Иркутскѣ, какъ пунктѣ, получившемъ особенное развитіе въ краѣ, но впослѣдствіи не разъ высказывались преимущества Томска, какъ центральнаго пункта для обѣихъ частей Сибири. При поднятіи вопроса объ университетѣ въ 1875 г., большинство полагало, что выборъ падетъ на Томскъ, какъ на самый видный городъ Западной Сибири, обладающій всѣми необходимыми для университетскаго города условіями. Таково же было ожиданіе жертвователя, давшаго въ числѣ первыхъ 100.000 рублей на основаніе Томскаго университета. Но административныя соображенія заставляли проектъ высказаться за Омскъ, городъ, находящійся на окраинѣ, а не въ центрѣ Сибири. Несмотря на всѣ аргументы въ пользу Омска, какъ города будущаго, и его административныя преимущества, мысль избранія его резиденціей университета, противорѣчащая вообще интересамъ Сибирскаго края и общества, явилась вдобавокъ неожиданностью для сибиряковъ и, понятно, вызвала

самые горячіе протесты. Омскъ представляетъ въ Западной Сибири довольно большой, но преимущественно чиновничій городъ, имѣвшій когда-то военное и административное значеніе при завоеваніи киргизской степи; но и это значеніе съ покореніемъ степей въ значительной степени утратилось. Находясь въ сторонѣ отъ главнаго сибирскаго тракта и центра населенія, онъ угрожалъ сдѣлать университетъ пустымъ. Наконецъ, городъ Омскъ переполненъ исключительно элементомъ наѣзжимъ, временнымъ и никакой связи съ страною неимѣющимъ; для самихъ пріѣзжающихъ онъ играетъ роль только временной станціи [1]). Вотъ почему общественное мнѣніе Сибири весьма рѣшительно выступило противъ Омска, а мѣстная и столичная печать рѣшительно отдавали преимущество городу Томску.

Исторія этой борьбы и соперничества городовъ за университетъ составляетъ яркій эпизодъ и живую страницу общественной сибирской жизни. Сибирскія городскія общества по этому поводу составляли многочисленные адресы и представленія. Вотъ что писалъ, напримѣръ, томскій городской голова: «Послѣднія петербургскія газеты и телеграфъ принесли въ Томскъ давно ожидаемую съ нетерпѣніемъ вѣсть о близкомъ окончательномъ рѣшеніи вопроса относительно дарованія Сибири перваго университета. Такое важное, можно сказать, историческое событіе для Сибири побудило нѣсколькихъ гласныхъ, какъ представителей всѣхъ слоевъ общества, обратиться ко мнѣ съ заявленіемъ, назначить въ одно изъ засѣданій думы вопросъ объ обсужденіи обстоятельствъ, относящихся къ этому дѣлу. Разрѣшая учрежденіе въ Сибири университета, правительство, въ благомъ попеченіи о нуждахъ края, имѣло несомнѣнно цѣлью предоставить жителямъ Сибири дать дѣтямъ своимъ высшее образованіе безъ излишнихъ затратъ, неизбѣжно сопряженныхъ съ отправкою для обученія въ университетскіе города Европейской Россіи. Для достиженія этой цѣли, мѣстопребываніе университета, конечно, должно быть избрано въ томъ изъ городовъ, который не только находился бы въ центрѣ Сибири по своему географическому положенію, но въ то же время былъ бы въ тѣсной связи со всѣми городами не одной только Западной Сибири, но и всей Восточной. Такимъ центральнымъ пунктомъ является городъ Томскъ».

Разобравъ всѣ аргументы за Томскъ и Омскъ, а также ука-

[1]) Изъ взвѣшенныхъ и разсмотрѣнныхъ доводовъ и числовыхъ данныхъ, разсмотрѣнныхъ въ особой коммиссіи при Государственномъ Совѣтѣ, оказалось что Омскъ не обладаетъ ни однимъ изъ преимуществъ для университетскаго города по сравненію его съ Томскомъ.

завъ значеніе этихъ городовъ вообще для края, представитель томскаго городскаго сословія говоритъ въ заключеніе: «Всѣ эти доводы и факты приводятъ, съ одной стороны, къ несомнѣнному убѣжденію, что учрежденіе университета въ городѣ Томскѣ было бы далеко полезнѣе для обѣихъ частей Сибири и указываетъ съ другой стороны, что университетъ г. Омска рискуетъ остаться вовсе безъ слушателей и быть закрытымъ или переведеннымъ въ тотъ же Томскъ. Но газеты сообщаютъ за положительное, что университетъ учреждается въ Омскѣ. По предложенію генералъ-губернатора Западной Сибири, послѣдовавшему въ декабрѣ мѣсяцѣ 1875 года, объ уступкѣ въ городѣ Томскѣ мѣста подъ университетъ, граждане этого города, съ глубокою признательностью и готовностью, въ 19 день января, единогласнымъ рѣшеніемъ думы, сдѣлали уступку 35.000 квадр. саженъ лучшаго мѣста подъ университетъ, и въ тотъ же день гражданинъ города Томска Цибульскій пожертвовалъ 100.000 рублей на устройство предполагаемаго въ городѣ Томскѣ университета. Если бы даже отведенное мѣсто, по какимъ-либо причинамъ, было признано неудобнымъ, то граждане Томска, въ виду того громаднаго значенія, какое имѣетъ университетъ для Сибири, не затруднятся отвести другое мѣсто, которое будетъ избрано, лишь бы только учреждаемый университетъ, по своему мѣсторожденію, удовлетворялъ удобствамъ жителей всей Россіи; причемъ можно надѣяться, что въ такомъ случаѣ мѣстное купечество не затруднится на пожертвованія, и примѣръ г. Цибульскаго найдетъ многихъ подражателей? Извѣстіе о предполагаемомъ открытіи въ городѣ Томскѣ университета было встрѣчено сочувственно всѣми жителями Восточной Сибири, какъ это было видно изъ личныхъ заявленій и отзывовъ въ газетахъ. Зная убѣжденіе всѣхъ сибиряковъ, что г. Томскъ есть центральный городъ Сибири, граждане города Томска не сомнѣвались, что университетъ будетъ учрежденъ здѣсь, и потому не принимали никакихъ ходатайствъ и имъ до сихъ поръ неизвѣстны причины перемѣны первоначальнаго взгляда правительства, если таковая дѣйствительно состоялась, какъ видно изъ газетъ. Если принять за основаніе учрежденія университета въ Омскѣ бо́льшую возможность надзора за учащимися высшаго центральнаго управленія, находящагося въ томъ городѣ, то граждане города Томска полагаютъ, что было бы удобнѣе перевести высшую учебную администрацію въ городъ Томскъ, чѣмъ рисковать университету остаться безъ студентовъ».

Точно также характеристиченъ и другой документъ, адресованный министру народнаго просвѣщенія отъ имени жертвова-

теля на Сибирскій университетъ, Захара Михайловича Цибульскаго:

«Ни въ одной части Россіи общество не прочувствовало такъ глубоко недостатокъ высшаго образованія, какъ въ отдаленной отъ умственныхъ центровъ Сибири. Поэтому извѣстіе о намѣреніи правительства учредить въ Томскѣ университетъ было встрѣчено сибиряками съ невыразимымъ восторгомъ. Наши начинанія, касались-ли они науки и воспитанія, городскаго хозяйства или промышленности, почти всегда оказывались дурно исполненными вслѣдствіе недостатка знанія; мы желаемъ изслѣдовать Сибирь для себя, а между тѣмъ къ намъ пріѣзжаютъ Норденшельды, Бремы, представители чужихъ интересовъ. Мы жертвуемъ деньги на пріюты, городскія и сельскія школы, но заведенія эти не приносятъ всей ожидаемой отъ нихъ пользы, по неимѣнію хорошихъ преподавателей. Намъ должно заботиться о городскомъ благоустройствѣ, ассенизаціи нашихъ жилищъ и улицъ, но гдѣ взять исполнителей? Неисчерпаемыя естественныя богатства Сибири лежатъ нетронутыми, ожидая умѣлыхъ рукъ для ихъ разработки. Приведенныя и другія подобныя задачи не вымышленныя, а дѣйствительныя и насущныя, — разрѣшаются въ благопріятномъ смыслѣ, когда въ Сибири будетъ разсадникъ высшаго образованія. Вотъ почему вѣсть объ университетѣ была встрѣчена единодушнымъ сочувствіемъ, которому въ особенности содѣйствовало удачное избраніе Томска университетскимъ городомъ»... «Не буду повторять доводы за Томскъ,—говоритъ жертвователь,—изложенные въ представленномъ ходатайствѣ томской городской думы. Взгляды томской думы раздѣляютъ другіе города Сибири, изъ которыхъ нѣкоторые присоединились къ ходатайству за Томскъ. Услышавъ о намѣреніи избрать Омскъ университетскимъ городомъ, енисейская дума, по постановленію 15 іюня 1877 года, ходатайствовала чрезъ мѣстнаго губернатора и посылала телеграмму вашему сіятельству, доказывая преимущества Томска. То же самое сдѣлала верхнеудинская дума, по постановленію своему 12 іюля. Красноярскій городской голова, въ письмѣ отъ 5 іюля за № 1169, выражалъ томскому головѣ, что его общество сочувствуетъ устройству университета въ Томскѣ, но что, къ сожалѣнію, время для ходатайства о томъ, по мнѣнію этого общества, упущено. Барнаульскій городовой староста писалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, что тамошнее общество, безусловно, раздѣляетъ воззрѣніе томской думы, но оно не можетъ оффиціально высказаться, потому что тамъ не введено городовое положеніе. Это ясно доказываетъ, что сочувствіе къ Томску не вытекаетъ изъ эгоистической заботы однихъ

лишь его гражданъ о выгодахъ своего города; такое узкое воззрѣніе не заслуживало бы поощренія. Пусть откроютъ въ Сибири двѣ подписки на университетъ въ Омскѣ и на университетъ въ Томскѣ, тогда увидятъ наглядным образомъ, что первому никто не сочувствуетъ, на второй же посильныя приношенія деньгами учрежденіемъ стипендій и т. п. потекутъ широкой рѣкой. Ошибаться въ выборѣ пункта для университета—значило бы дискредитировать здѣсь самую идею высшаго образованія, отдалить ожидаемые для Сибири отъ университета благіе результаты, можетъ быть, на цѣлое столѣтіе».

Такимъ образомъ, въ Томскѣ сосредоточивались сочувствующія ему заявленія со всѣхъ городовъ Сибири. Иркутская дума сдѣлала въ полномъ собраніи открытое заявленіе и представила министру народнаго просвѣщенія слѣдующій адресъ: «Учрежденіе университета въ Сибири будетъ, безъ сомнѣнія, признано третьей эпохой въ исторической жизни этой страны... Университетъ, съ начала нынѣшняго столѣтія, былъ завѣтнымъ желаніемъ Сибири, и городъ Иркутскъ можетъ съ увѣренностью сказать, что въ немъ и зародилась, и долгое время зрѣла мысль объ университетѣ. Но когда эта мысль вполнѣ созрѣла и стала близка къ осуществленію, когда возникъ практическій вопросъ: гдѣ быть университету?—городъ Иркутскъ, движимый чувствомъ справедливости и интересами не одной Восточной, но и всей Сибири, уступилъ свое право Томску. Никто въ Восточной Сибири не возражалъ противъ преимуществъ географическаго положенія Томска. Не то произошло, когда прошла вѣсть, что мѣстомъ основанія Сибирскаго университета предполагается Омскъ. Если намъ придется посылать своихъ дѣтей за три тысячи верстъ, то не лучше-ли, по-прежнему, отправлять ихъ въ Казань или въ столицы, гдѣ болѣе и образовательныхъ средствъ, и самая жизнь удобнѣе и поучительнѣе. Таково общее мнѣніе Восточной Сибири. Иркутская городская дума, вслѣдствіе сношенія томской думы, уполномочила меня почтительнѣйше заявить вашему сіятельству, что основаніемъ университета въ Омскѣ только въ половину будетъ исполнено желаніе Сибири, жаждущей высшаго образованія; что университетъ въ Омскѣ далеко не будетъ имѣть того значенія, какое имѣлъ бы, находясь въ центрѣ и на великомъ пути отъ Атлантическаго къ Тихому океану, и что, наконецъ, если Иркутскъ охотно уступилъ Томску великое право имѣть въ своихъ стѣнахъ разсадникъ высшаго образованія, то уступить это право отдаленному и малоизвѣстному Омску для него больно и прискорбно. Исполняя порученіе иркутской городской думы, имѣю

честь заявить вашему сіятельству о желаніи моихъ согражданъ, чтобы дѣло о дарованіи университета Сибири завершено было въ духѣ общихъ желаній сибиряковъ, которые питаютъ надежду, что въ дѣлѣ такой важности голосъ ихъ будетъ выслушанъ и ихъ соображенія приняты во вниманіе при указаніи мѣста, гдѣ быть Сибирскому университету.—Заступающій мѣсто иркутскаго городскаго головы Николай Лаврентьевъ».

Значительная часть городовъ Сибири и обществъ сгруппировались такимъ образомъ около Томска, города Восточной Сибири, всѣ высказались за него; изъ городовъ Западной Сибири только Тобольскъ и Тюмень заявили нѣкоторый партикуляризмъ. Тобольскъ, по традиціи, рѣшился самъ заявить себя въ кандидаты, а Тюмень высказался за Омскъ, какъ ближайшій къ нему городъ. Коммиссія, учрежденная для разсмотрѣнія вопроса о выборѣ города для университета, взвѣсила всѣ аргументы, высказанные за тотъ и другой городъ, оцѣнила ихъ вполнѣ безпристрастно и отдала предпочтеніе центральному пункту Сибири—Томску.

Вслѣдъ за результатами сужденій коммиссіи и окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса Государственнымъ Совѣтомъ въ пользу Томска[1]) мѣстныя симпатіи общества къ Сибирскому университету выразились новыми пожертвованіями. Томское общество внесло 25.000 руб. на клиники и 5.000 руб. на покупку книгъ для библіотеки. На приглашеніе генералъ-губернатора Западной Сибири, А. М. Сибиряковъ пожертвовалъ 100.000 руб. на устройство кабинетовъ, онъ же внесъ на покупку библіотеки 10.000 рублей. Изъ другихъ жертвователей Трапезниковъ внесъ 10.000 рублей, Пермикинъ, 1.000 рублей, Богдановичъ ассигновалъ сумму на стипендію; наконецъ, нѣсколько лицъ заявили желаніе пожертвовать библіотеки, вмѣстѣ съ тѣмъ начали стекаться приношенія для музеевъ. Вопросъ такимъ образомъ снова пріобрѣлъ прежнія симпатіи и сочувствіе сибирскаго общества. Нельзя было упрекнуть въ этомъ случаѣ сибирское общество въ равнодушіи. Вѣсть объ утвержденіи университета въ Томскѣ принята сибирскимъ обществомъ съ живою радостью и восторгомъ. «Да будетъ эта радостная вѣсть для Сибири дѣйствительной радостью», писала одна мѣстная газета. При всякомъ благопріятномъ извѣстіи объ университетѣ телеграфныя депеши въ Томскѣ печатались золотымъ шрифтомъ, выставлялись въ лавкахъ и расходились по рукамъ. Частныя пожертвованія

[1]) 1-го мая 1878 года вопросъ о Сибирскомъ университетѣ окончательно рѣшенъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ пользу Томска и состоялось затѣмъ Высочайшее повелѣніе.

производились безъ всякаго вынужденія, добровольно и съ сознаніемъ важности дѣла.

Финансовая сторона университетскаго вопроса между тѣмъ находится, какъ извѣстно изъ опубликованныхъ данныхъ, въ слѣдующемъ положеніи:

Демидовскій капиталъ составляетъ нынѣ . . .	150.000	руб. съ проц. [1]).
Пожертвованіе коммерціи совѣтника Цибульскаго.	100.000	»
Пожертвованіе А. М. Сибирякова.	100.000	»
Имъ же пожертвовано на библіотеку	10.000	»
Томскимъ обществомъ на устройство клиникъ пожертвовано	25.000	»
Томскими жителями на покупку книгъ для университета	5.000	»
Трапезниковымъ пожертвовано	10.000	»
Пермикинымъ	1.000	»
Красноярскимъ почетнымъ гражданиномъ Кузнецовымъ.	500	»

Пожертвованія эти, не считая стипендій, какъ Богдановича и томскаго общества, а также жертвуемыхъ библіотекъ, простираются однѣми деньгами болѣе 400.000 р.

Какъ бы въ отвѣтъ, однако, на выраженныя опасенія и высказываемыя затрудненія, жертвователь на университетъ З. М. Цибульскій внесъ въ 1879 году вновь 40.000 р., для осуществленія скорѣйшей закладки университета. Эта новая жертва прибавила частный капиталъ [2]). Правда, нѣкоторые находятъ, что предполагаемая сумма по смѣтѣ 500.000 р. на постройку слишкомъ ограниченна даже для Сибири, принимая во вниманіе постройку клиникъ, кабинетовъ, музеевъ и т. д., но на это отвѣчаютъ: «Пусть будутъ заложены первые камни на университетъ, въ крайнемъ случаѣ у Сибири найдутся средства окончить дѣло,— этому ручательство уже существующія пожертвованія. Пусть университетъ нашъ не будетъ отличаться пышностью, — говорятъ мѣстные патріоты,—пусть это учрежденіе будетъ на первое время скромнымъ и не богатымъ, какъ домъ піонера-колониста. Высшее учебное заведеніе должно блистать не внѣшностью, — пусть оно блистаетъ яркимъ лучомъ знанія и истины».

---

[1]) Демидовскій капиталъ, какъ извѣстно, въ 1803 году состоялъ изъ 50.000 р. ассигнаціями, съ процентами онъ долженъ былъ составить гораздо болѣе 150.000 руб. сер., но, по какой-то случайности, онъ, какъ говорятъ, нѣсколько лѣтъ находился безъ всякаго приращенія.

[2]) Изъ рѣчи профессора Флоринскаго при закладкѣ университета въ 1880 г. видно, что къ этому времени частныя пожертвованія достигали 354.000 р., на учебныя пособія 100.000 р., на стипендіи 31.000 р., всего 485.000 р. и кромѣ того скопилось 35.000 томовъ пожертвованныхъ и купленныхъ книгъ.

Какъ видимъ, университетскій вопросъ въ Сибири пережилъ много перипетій, черезчуръ долго ждалъ своей очереди и какъ бы ни было неразвито и незрѣло сибирское населеніе, едва-ли на немъ одномъ лежитъ за это отвѣтственность. Причина, почему университетскій вопросъ въ Сибири, выступая не разъ, не могъ получить надлежащаго направленія и разрѣшенія, заключалась не въ томъ, что вопросъ этотъ являлся преждевременнымъ и недостаточно выясненнымъ, но въ томъ, что на него не было обращено достаточно вниманія, и что стремленіе сибиряковъ и ожиданіе ими реформъ не всегда совпадали съ ходомъ и настроеніемъ общественной жизни въ Европейской Россіи. Это объясняется отдаленностью сибирскихъ провинцій, гдѣ жизнь нѣсколько отстаетъ, а требованія ея опаздываютъ. Положеніе окраинъ между тѣмъ нисколько не улучшилось, и нужды просвѣщенія давали себя попрежнему чувствовать.

Вотъ что говорилъ по этому поводу одинъ изъ оффиціальныхъ отчетовъ Сибири за 1878 годъ. «Народное образованіе въ Западной Сибири далеко не находится на надлежащемъ уровнѣ. Стремленіе къ образованію проявляется во всѣхъ слояхъ общества, но желающіе учиться поставлены въ весьма неблагопріятныя условія, по недостаточному числу учебныхъ заведеній. Большинство населенія, особенно женщины, до сихъ поръ еще остаются безграмотными. Въ развитіи общественной жизни явно сказывается недостаточность мѣстныхъ средствъ высшаго образованія. Хотя правительство постоянно старается привлечь на службу въ Сибирь образованныхъ лицъ, предоставляя имъ разныя льготы, но эти усилія не достигаютъ цѣли. Если въ Сибирь и попадаютъ вполнѣ достойныя лица, то они скоро до такой степени начинаютъ тяготиться суровыми, непривычными для нихъ условіями ея быта и отдаленностью отъ центра имперіи, что при первомъ удобномъ случаѣ покидаютъ Сибирь. Даже уроженцы ея, болѣе способные изъ учениковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, уѣзжая для своего образованія въ Европейскую Россію, свыкаются тамъ съ лучшею обстановкою жизни и рѣдко возвращаются на родину. Вслѣдствіе этого населеніе остается безъ врачей; сельскія и городскія училища нуждаются въ учителяхъ; судебныя мѣста—въ лицахъ, имѣющихъ юридическое образованіе».

Нѣкоторые находили, что университетъ для Сибири преждевременъ, потому что она еще мало населена, что ей недостаетъ гимназій; другіе же относились къ вопросу совершенно равнодушно, такъ какъ были въ Сибири людьми временными, заѣзжими и, стремясь управлять судьбами края, не заботились

узнать объ его нуждахъ. Во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ сквозила та грустная черта нашего характера, которая дѣлаетъ насъ непростительно невѣжественными въ разрѣшеніи нашихъ народныхъ и внутреннихъ вопросовъ. Изрекая свои приговоры, мы не заботились узнать нашихъ окраинъ, и въ провинціяхъ, связанныхъ тѣсными узами съ остальною Россіею, не хотѣли признать правъ на человѣческое развитіе и образованіе, доступное каждому человѣческому обществу. Кромѣ консервативныхъ и реакціонныхъ аргументовъ, слышались нерѣдко мнѣнія о рановременности университета для Сибири и изъ другого, болѣе либеральнаго лагеря. Такъ, однимъ изъ серьезныхъ и заслуживающихъ вниманіе выставляется тотъ доводъ, что, при малочисленности слушателей, университетъ для Сибири будетъ слишкомъ дорогой роскошью, что средства, предполагаемыя на него, лучше употребить на стипендіи въ другихъ университетахъ или на народное образованіе, въ которомъ масса населенія болѣе нуждается. Опытъ Россіи доказываетъ, говорили по этому поводу, что одно высшее образованіе не составляетъ полнаго развитія страны, что университетская наука часто даетъ одностороннее развитіе, и университеты воспитывали «баричей»; въ Сибири университетъ также будетъ достояніемъ богатыхъ классовъ, а не народа. Самыя учрежденія приносятъ пользу только при подготовкѣ народа, доказательствомъ чего приводили неудачи земскаго сельскаго самоуправленія, за недостаткомъ народнаго развитія и воспитанія. Преувеличенныя надежды сибиряковъ на университетъ поэтому люди такого сорта старались охладить. Напротивъ, какъ молодой колоніи и юному обществу, начинающему свое развитіе, ей предлагали сдѣлать *опытъ развитія* на иныхъ началахъ. Ей предлагали всѣ средства и силы направить на первоначальныя школы, предпочтя ихъ всѣмъ реформамъ: земской, судебной и самому университету; подобно Американскимъ Штатамъ, ей совѣтовали широко раскинуть сѣть первоначальнаго народнаго воспитанія, а потомъ на этомъ фундаментѣ устраивать дальнѣйшую судьбу свою и строить другія учрежденія.

Какъ ни были серьезны и доброжелательны подобные доводы, но они не могли перемѣнить сложившагося убѣжденія и не всегда выдерживали критику. Мѣстные жители, правда, возлагали черезчуръ большія надежды на университетъ и выставляли его піонеромъ реформъ, но нельзя сказать, чтобы образованные сибиряки упускали изъ виду и другія реформы. Напротивъ, они смотрѣли на университетъ, какъ на могучій рычагъ, который даетъ средства создать и другія учрежденія. Сравненіе отдаленной Сибири

съ Америкой и рекомендація слѣдовать ей въ дѣлѣ подготовительнаго народнаго воспитанія какъ ни были лестны для мѣстнаго патріотическаго чувства, но они слишкомъ расходились съ грустной дѣйствительностью и положеніемъ края, чтобы быть принятыми.

Трудно, конечно, сказать что-либо противъ первоначальнаго народнаго образованія Сибири, на важность котораго указываютъ многіе опекуны, но оно не устраняетъ вопроса средняго образованія и вопроса университетскаго. Напротивъ, именно при развитіи послѣднихъ оно должно будетъ сосредоточить особое вниманіе общества, въ виду особенностей сибирской жизни. Просвѣщеніе массы и рабочаго населенія совершается обыкновенно посредственно и непосредственно. Около цивилизованныхъ центровъ и вблизи большихъ городовъ просвѣщеніе проникаетъ въ сельскую массу всѣми путями. Въ странѣ изолированной и отдаленной, какъ Сибирь, гдѣ нѣтъ большихъ просвѣщенныхъ центровъ, не имѣется этихъ условій. Благодаря свободному, равноправному и передвижному бывалому населенію въ Сибири, правда, замѣчается въ крестьянинѣ и простолюдинѣ несравненно бо́льшая развитость и сметливость, но оно мало грамотно [1]). Культурныя привычки хотя и быстро принимаются, но рѣдко проникаютъ. Нравы населенія грубы. Поэтому знаніе здѣсь болѣе, чѣмъ необходимо, ибо борьба съ природой выступаетъ здѣсь сильнѣе: благодаря удаленности жизни въ лѣсахъ и промысламъ, одичаніе совершается быстро. Мѣстныя населенія, притомъ, находятся въ соприкосновеніи съ инородческими племенами, которыя, невольно вліяя, понижаютъ расу и заставляютъ еще ниже отступать невѣжественнаго человѣка. Кромѣ того, она живетъ подъ вліяніемъ деморализующаго ссыльнаго элемента. Вслѣдствіе того, здѣсь происходитъ усиленное развращеніе и разнуздываніе природы, ничѣмъ не уравновѣшиваемое и не смягчаемое. Распространеніе же народнаго образованія должно имѣть, по всѣмъ вѣроятіямъ, значеніе гуманизирующее.

Разбирая вопросъ о нуждахъ народнаго образованія въ Сибири, приводилась мысль о томъ, что необходимо позаботиться, чтобы самое знаніе не стало достояніемъ одного класса общества; чтобы самый университетъ не сдѣлался орудіемъ, которымъ воспользуются одни люди, ставящіе своей задачей эксплуатировать трудъ, иначе — чтобы онъ не послужилъ для однѣхъ про-

[1]) Въ Европейской Россіи, въ прибалтійскихъ губерніяхъ, съ земскими учрежденіями 1—на 168, въ губерніяхъ безъ земства 1—на 471, въ Сибири же 1—на 664 человѣка.

мышленныхъ цѣлей монополистовъ и богатаго торговаго класса. Безъ сомнѣнія, плохой бы былъ выигрышъ, еслибы изъ грубыхъ кабалителей образовались въ странѣ только болѣе утонченные. При односторонности развитія мѣстнаго общества этого можно опасаться. Вотъ почему необходимо желать, чтобы распространеніе народнаго обученія и образованія дало ту же возможность знанія и для трудящагося населенія. Оно явится полезнымъ дополненіемъ и помощью самому университету.

Если въ Европейской Россіи можно еще мечтать — и только мечтать — объ одномъ культурномъ классѣ изъ землевладѣльцевъ, то въ Сибири, по историческимъ условіямъ, по составу населенія, по условіямъ земледѣльческаго хозяйства, даже и мечтать объ этомъ невозможно. Здѣсь образованіе должно составить силу и средства народной жизни, непосредственно раздѣляемое всѣмъ населеніемъ.

Только при извѣстномъ развитіи населеніе найдетъ средства помочь себѣ.

Ожидая университетъ въ 1880 г., мы высказали слѣдующія слова. Не забывая девиза, что отъ просвѣщенія и привитія знанія на Востокѣ зависитъ наша сила, могущество, богатство и вся будущность его, пора намъ обратить вниманіе на нашъ Востокъ, пора сдѣлать что-нибудь и для него. Обширный Сибирскій край, съ его разнообразными нуждами, требуетъ разрѣшенія въ немъ многихъ существенныхъ вопросовъ, касающихся не только его одного исключительно, но и цѣлаго русскаго общества. Край богатый и разнообразный, пролежавшій вѣка безъ пользы, требуетъ, наконецъ, разработки. Неизбѣжное соединеніе желѣзною дорогою дальняго Востока съ центромъ Россіи, т.-е. Азіи съ Европой, должно вызвать въ краѣ предпріимчивость; необходимо, чтобы на помощь ей пришла наука и знанія, иначе предпріимчивость будетъ направлена не туда, куда слѣдуетъ, а задохнется подъ давленіемъ невѣжества. Въ жизни края выступаетъ цѣлый рядъ вопросовъ: колонизаціонный, торговый и промышленный, вопросъ о прекращеніи ссылки, объ уничтоженіи кабалы инородца и эмансипаціи азіатскаго раба на ряду съ освобожденіемъ другихъ рабовъ. Масса и другихъ вопросовъ, гражданскихъ и экономическихъ, выходитъ наружу и ожидаетъ разрѣшенія. Все ожидаетъ здѣсь другой жизни и свѣта!

Такъ мы закончили въ 1880 г. главу о просвѣщеніи. Теперь намъ остается занести еще важное событіе — давнишнее желаніе Сибири осуществлено: Сибирскій университетъ открытъ.

Торжественное открытіе перваго Сибирскаго, или, выражаясь оффиціально, Императорскаго Томскаго университета, порученное министромъ попечителю Западно-Сибирскаго учебнаго округа, послѣдовало 22-го іюня 1888 года, въ составѣ одного медицинскаго факультета. Самое торжество открытія происходило въ университетскомъ актовомъ залѣ. Къ сожалѣнію, вмѣстимость актоваго зала и университетской церкви не позволяли сдѣлать присутствія на торжествѣ возможнымъ для всѣхъ желающихъ. томичей. Публика, за исключеніемъ учащихся въ высшихъ и среднеучебныхъ заведеніяхъ, офицеровъ и чиновниковъ, пускалась по особымъ входнымъ билетамъ, что представляло немалое препятствіе для многихъ лицъ, желавшихъ попасть на торжество открытія. Историческая важность этого дорогаго для Сибири дня живо чувствовалась мѣстнымъ городскимъ обществомъ,—городъ съ утра принялъ праздничный видъ, разукрасился флагами, вездѣ только и были разговоры про «новую жизнь», которую долженъ внести открывающійся храмъ науки; мѣстные жители разнаго званія и положенія, по праздничному одѣтые, спѣшили къ университету и наполнили разношерстной толпою съ самаго утра университетскій скверъ, передъ фасадомъ главнаго университетскаго корпуса, украшеннаго на фронтонѣ національными флагами и гирляндами живыхъ растеній. Послѣ благодарственнаго молебна въ университетской церкви, публика перешла въ актовый залъ, убранный ко дню открытія гирляндами живыхъ цвѣтовъ и тропическими растеніями, гдѣ попечителемъ учебнаго округа была прочитана торжественная рѣчь по поводу открытія перваго Сибирскаго университета. Передъ началомъ своей рѣчи г. Флоринскій прочелъ о Высочайшемъ разрѣшеніи къ открытію въ г. Томскѣ Императорскаго Томскаго университета въ составѣ одного медицинскаго факультета, о примѣненіи къ Томскому университету общаго университетскаго устава 1884 года, о принятіи въ число студентовъ Томскаго университета, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, воспитанниковъ духовныхъ семинарій послѣ установленнаго для нихъ повѣрочнаго испытанія и объ ассигнованіи изъ суммъ государственнаго казначейства «на покрытіе исчисленныхъ по штату расходовъ»: въ 1888 году—75.291 р. 62 к., въ 1889 г.—121.900 р., въ 1890 г.—149.600 р. и съ 1891 года—198.900 руб.

Въ рѣчи своей, обращенной къ собравшейся публикѣ, попечитель, сдѣлавъ краткій историческій очеркъ развитія университетовъ въ Россіи и благотворнаго ихъ вліянія на всѣ стороны духовной жизни русскаго народа, указалъ, что Томскій университетъ въ самомъ началѣ своего существованія обладаетъ такимъ

запасомъ учебныхъ и научныхъ пособій и такою богатою библіотекою, какими едва-ли пользовался другой университетъ въ моментъ своего открытія. Богатыя коллекціи по разнымъ отраслямъ естествознанія, образуя естественно-историческій музей, даютъ «достаточныя пособія для научныхъ занятій». Все это богатство Томскаго университета составилось изъ частныхъ пожертвованій разными лицами, изъ числа которыхъ было въ особенности указано попечителемъ на имя Александра Михайловича Сибирякова, внесшаго еще въ 1877 году въ Министерство Народнаго Просвѣщенія на учебныя пособія будущаго Сибирскаго университета сто тысячъ рублей, составившія ко времени открытія Томскаго университета съ наросшими на нихъ процентами капиталъ слишкомъ 167 тысячъ рублей. «Этотъ крупный капиталъ, до сихъ поръ нетронутый», сказалъ попечитель, «послужитъ Томскому университету превосходнымъ источникомъ не только для полнаго благоустройства всѣхъ кабинетовъ, музеевъ и лабораторій, но, можетъ быть, отчасти, поможетъ также ученымъ трудамъ университетскихъ дѣятелей». Далѣе, указавъ на капиталъ въ 90.259 р., явившійся опять-таки какъ результатъ частной благотворительности, съ цѣлью назначенія частныхъ стипендій изъ процентовъ на этотъ капиталъ, попечитель обратилъ вниманіе публики на важное, въ интересахъ массы студентовъ, значеніе выстроеннаго на частныя пожертвованія дома общежитія, въ 48 комнатахъ котораго «съ полнымъ удобствомъ могутъ быть помѣщены отъ 70—80 учащихся», чѣмъ устраняются для многихъ неудобства жизни на частныхъ квартирахъ или вдали отъ университета, какъ мѣста ежедневныхъ занятій. «Будемъ же помнить и ежегодно праздновать нынѣшній, счастливый для Сибири день, какъ день духовнаго возрожденія», сказалъ въ своихъ заключительныхъ словахъ г. Флоринскій. Послѣ рѣчи попечителя были прочитаны привѣтственныя телеграммы отъ Высочайшихъ особъ: отъ Наслѣдника Цесаревича, отъ Великаго Князя Константина Николаевича и Великаго Князя Михаила Николаевича. Далѣе были прочитаны телеграммы отъ министра народнаго просвѣщенія, товарища министра народнаго просвѣщенія, министра внутреннихъ дѣлъ, отъ товарища министра юстиціи, отъ разныхъ оффиціальныхъ лицъ, преосвященныхъ и представителей разныхъ вѣдомствъ. Затѣмъ послѣдовали телеграммы отъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и отъ ученыхъ обществъ Европейской Россіи и Сибири, послѣ чего, сдѣлавъ перерывъ въ чтеніи телеграммъ и адресовъ, были произнесены рѣчи профессоромъ Маліевымъ и директоромъ губернской гимназіи и училищъ Томской губерніи,

а также была прочитана, въ извлеченіяхъ, историческая записка о возникновеніи Сибирскаго университета, составленная ко дню открытія правителемъ канцеляріи попечителя, г. Томашинскимъ. Далѣе продолжалось чтеніе адресовъ и телеграммъ отъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Сибири, отъ городскихъ обществъ, разныхъ учрежденій, редакцій сибирскихъ газетъ и отъ частныхъ лицъ. Выражая въ привѣтствіяхъ своихъ то радостное чувство, съ которымъ было встрѣчено открытіе Сибирскаго университета, какъ «завѣтной мечты сибиряковъ» и разсадника высшаго просвѣщенія въ родномъ краѣ, многія городскія общества и нѣкоторыя частныя лица реализировали свои чувства ко дню торжественнаго открытія Томскаго университета внесеніемъ посильной лепты на нужды университета и студентовъ съ одной стороны и на дѣло низшаго и средняго образованія въ Сибири съ другой стороны. Такъ, семипалатинское городское общество ассигновало 1.000 р. «на уплату за слушаніе лекцій и участіе въ практическихъ занятіяхъ въ университетѣ»; вѣрненская городская дума назначила стипендію въ 250 р. на содержаніе въ университетѣ одного изъ воспитанниковъ вѣрненской гимназіи; акмолинская городская дума, «въ ознаменованіе такого торжественнаго для Сибири событія», ассигновала 200 р. «на усиленіе средствъ библіотеки и вспомоществованіе бѣднымъ ученикамъ акмолинскихъ городскихъ училищъ»; омская городская дума постановила выдавать ежегодно «на содержаніе приготовительнаго класса при омской мужской гимназіи по 300 р. и на содержаніе подлежащаго къ открытію параллельнаго класса при омскомъ уѣздномъ училищѣ также по 300 р.»; кокчетавское городское хозяйственное управленіе пожертвовало 42 р. «на предварительныя нужды университета», собранные «малою горстью горожанъ»; павлодарская городская дума, «въ ознаменованіе столь великаго для Сибири событія», ассигновала 300 р. на единовременныя пособія бѣднѣйшимъ студентамъ-сибирякамъ, а также ежегодное пособіе въ 70 р. для бѣднѣйшихъ учениковъ павлодарскаго городскаго училища. Копальскіе горожане постановили отчислять ежегодно по 300 р. «на учрежденіе стипендіи для семирѣченскихъ уроженцевъ»; такое же точно постановленіе было сдѣлано джаркентскимъ городскимъ хозяйственнымъ комитетомъ.

Горожане Зайсанскаго поста, христіане и мусульмане, пожертвовали на библіотеку университета 50 руб.; точно такое же пожертвованіе было сдѣлано отъ Зайсанскаго общества, состоящаго изъ христіанъ и мусульманъ. Пишпекское городское сословіе «постановило отчислять изъ средствъ города ежегодно по триста рублей

на учрежденіе стипендіи при университетѣ для уроженца Семирѣчья». Томская городская дума ассигновала тысячу рублей на образованіе фонда для взноса платы въ пользу университета за недостаточныхъ студентовъ.

24 іюля попечителемъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа отъ министра народнаго просвѣщенія была получена телеграмма слѣдующаго содержанія: «На всеподданнѣйшей телеграммѣ вашей по случаю открытія университета Государь Императоръ изволилъ собственноручно начертать: «Дай Богъ, чтобы Сибирскій университетъ оправдалъ мои ожиданія».

Точно также была получена отъ имени Государыни Императрицы посланная завѣдующимъ собственною Ея Императорскаго Величества канцеляріею отвѣтная привѣтственная телеграмма.

Учебныя занятія открылись въ новомъ университетѣ съ 1-го сентября 1888 года и не были стѣснены даже съ демонстративной стороны, такъ какъ почти всѣ кабинеты уже къ началу семестра обладали въ достаточномъ количествѣ научными матеріалами и были приведены въ порядокъ.

Прошеній о принятіи въ число студентовъ Томскаго университета подано было 236; изъ нихъ отказано было по разнымъ причинамъ (неокончившіе курса духовныхъ семинарій, фармацевты и ветеринары; ограниченіе для лицъ еврейскаго вѣроисповѣданія и наконецъ лица, уволенныя изъ другихъ университетовъ) 162 лицамъ. Изъ принятыхъ 74 человѣкъ «одинъ не явился по болѣзни» и одинъ вышелъ черезъ 2 недѣли по поступленіи по домашнимъ обстоятельствамъ. Такимъ образомъ, въ числѣ студентовъ Томскаго университета оказалось 72 человѣка, изъ коихъ 30 человѣкъ были воспитанниками гимназій, 2—перешли изъ другихъ университетовъ и 40 человѣкъ изъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, принятыхъ послѣ установленнаго повѣрочнаго испытанія. По мѣсту происхожденія учащіеся распредѣлялись такъ: уроженцевъ Сибири 44 человѣка, т. е. 61,1% и уроженцевъ Европейской Россіи 28 человѣкъ, т. е. 38,9%. Изъ уроженцевъ Сибири 18 человѣкъ, т. е. 25% отъ общаго числа студентовъ Томскаго университета, воспитывались въ гимназіяхъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа, и по отношенію къ общему числу окончившихъ (32 человѣка) въ этомъ году курсъ въ 4-хъ гимназіяхъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа составляли 56,25%. Изъ 30 воспитанниковъ гимназій, поступившихъ въ Томскій университетъ, большинство (21 чел.) принадлежитъ къ уроженцамъ Сибири; въ числѣ же воспитанниковъ духовныхъ семинарій преобладаютъ (26 чел.) лица, пріѣхавшія изъ Европейской Россіи, даже изъ такихъ дальнихъ губерній, какъ

Подольская и Екатеринославская, остальные 14 чел. семинаристовъ суть воспитанники томской (11 чел.) и тобольской (3 чел.) семинарій.

Въ отношеніи средствъ для существованія въ продолженіи университетскаго курса большинство поступившихъ являются нуждающимися, какъ это видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

	Изъ воспитанниковъ:		
	гимназій	семинарій	другихъ университ.
а) дѣтей недостаточныхъ и многосемейныхъ родителей.	12	12	—
б) сиротъ недостаточныхъ и многосемейныхъ родителей.	8	17	1

Слѣдовательно, изъ 72 человѣкъ, поступившихъ въ университетъ, 50 человѣкъ, т. е. больше $^2/_3$, оказываются нуждающимися въ пособіяхъ. Такая матеріальная необезпеченность студентовъ обратила на себя вниманіе правленія университета; правленіе освободило многихъ студентовъ отъ платы въ пользу профессоровъ и университета или только отъ платы въ пользу профессоровъ, а также вносило эту плату цѣликомъ или частью изъ имѣющихся для этой цѣли благотворительныхъ суммъ. Четверо получили стипендіи. 27 августа того же 1888 года произошло открытіе дома общежитія, что дало возможность учащимся имѣть удобное и дешовое помѣщеніе: «стоимость помѣщенія съ освѣщеніемъ и прислугой колебалась отъ 4 руб. maximum до 2 руб. 50 коп. min. въ мѣсяцъ». И дѣйствительно, къ концу ноября въ домѣ общежитія жило 58 человѣкъ, т. е. 85% отъ всего числа студентовъ. Изъ этого числа 37 человѣкъ помѣщались безплатно, внося только 1 рубль за освѣщеніе. 15 октября открыта для живущихъ въ общежитіи студенческая столовая, гдѣ за 6 руб. въ мѣсяцъ можно было получать обѣдъ и ужинъ, причемъ на одного человѣка полагалось мяса не менѣе двухъ фунтовъ въ день. Въ первое же полугодіе при домѣ общежитія было положено начало библіотекѣ изъ 2-хъ отдѣловъ: учебныхъ пособій и книгъ для чтенія, завѣдываніе которой возложено было на инспектора студентовъ. Возможность пріобрѣтенія установленнаго форменнаго платья для студентовъ облегчена была заготовкой подрядчикомъ способомъ для всѣхъ желающихъ, и полная форма обошлась въ среднемъ не дороже 35 руб. 31 коп.; кромѣ того, правленіе выдало 14 лицамъ пособія для пріобрѣтенія платья. Всѣ подобныя мѣры, понятно, должны были въ сильной степени смягчить нуждаемость первыхъ студентовъ перваго Сибирскаго университета.

Въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Томскаго университета» мы находимъ подробное описаніе имѣющихся учебно-вспомогательныхъ учрежденій, какъ-то: анатомическаго института, кабинетовъ физическаго, минералогическаго, гистологическаго, лабораторій, библіотеки и др.

Отдѣльное двухъэтажное зданіе, обращенное окнами на югъ, съ цѣлью удовлетворительнаго освѣщенія и во время пасмурной зимней погоды, въ 100 шагахъ отъ главнаго университетскаго корпуса, предназначено для анатомическаго института. Здѣсь устроены водопроводныя и сточныя трубы и проведенъ газъ. По даннымъ проф. Маліева, «вмѣстимость секціоннаго зала равняется 288,2 куб. метровъ, площадь пола 81,3 кв. метровъ при высотѣ комнаты въ 3,55 метра». Форточки и топка печей являются пока единственными вентиляторами, но предполагается въ скоромъ времени устроить «особую вытяжную трубу съ газовой горѣлкой». Въ этомъ же зданіи помѣщаются кабинеты профессора и прозектора, рабочая комната, комната для храненія посуды и приготовленныхъ мацерированныхъ костей, а также и музей анатомическаго института; въ послѣднемъ выставляются по мѣрѣ приготовленія препараты по всѣмъ отдѣламъ анатоміи. Трупы доставляются въ анатомическій институтъ изъ томской центральной пересыльной тюрьмы, изъ томскаго губернскаго пересыльнаго замка, благодаря значительному скопленію арестантовъ и сильной смертности между ними, въ большомъ количествѣ; также и городская больница служитъ поставщикомъ труповъ. Для храненія труповъ, недалеко отъ анатомическаго института, устроены часовня — красивое, двухъэтажное зданіе, и ледникъ. Такая особенность матеріала для изученія, каковымъ являются трупы преступниковъ, даетъ поводъ профессору Маліеву высказать такое мнѣніе: «Несомнѣнно, что современемъ при здѣшнемъ анатомическомъ институтѣ можетъ образоваться значительная краніологическая коллекція, интересная какъ для криминалистовъ, такъ и для антропологовъ, изучающихъ физическія особенности преступниковъ. Въ этомъ отношеніи Томскъ поставленъ болѣе счастливо, чѣмъ даже обѣ наши столицы». Статейные списки умершихъ арестантовъ доставляютъ достаточныя свѣдѣнія о преступникахъ: ихъ происхожденіи, лѣтахъ, причины смерти, характерѣ совершеннаго преступленія и др. Такія данныя надписываются на самомъ черепѣ послѣ приготовленія его.

Физическій кабинетъ состоитъ изъ трехъ комнатъ, изъ которыхъ двѣ предназначены для практическихъ занятій, а третья, обращенная окнами на югъ, служитъ для оптическихъ опытовъ, а также и библіотекою при физическомъ кабинетѣ. Физическій

кабинетъ помѣщается въ 1-мъ этажѣ главнаго корпуса, а въ подвальномъ—предназначается устроить механическую мастерскую. Гистологическій кабинетъ занимаетъ также 3 комнаты въ 5, въ 2 и въ 1 окно; во всѣ комнаты проведенъ газъ. Въ своемъ описаніи гистологическаго кабинета, профессоръ Доггель говоритъ, что «гистологическій кабинетъ располагаетъ вполнѣ достаточнымъ количествомъ мебели, готовыхъ микроскопическихъ и спиртовыхъ препаратовъ, реагентовъ, посуды и пр. для того, чтобы вести систематически и демонстративно теоретическій курсъ и практическія занятія по гистологіи».

Химическая лабораторія помѣщается въ подвальномъ этажѣ и состоитъ изъ 3-хъ комнатъ. «Въ виду отсутствія отдѣльныхъ камеръ ниже подвальнаго этажа, говоритъ профессоръ Залѣсскій, предполагается, для успѣшности вентиляціи, устроить вентиляторы съ рожками для свѣтильнаго газа».

Зоологическій музей состоитъ изъ одной комнаты и обладаетъ довольно цѣнными коллекціями, какъ-то: коллекція безпозвоночныхъ, пожертвованная Норденшильдомъ; богатая, еще не приведенная «въ научную извѣстность благодаря своей обширности и рѣдкости», коллекція птицъ (шкурокъ), пожертвованная степнымъ генералъ-губернаторомъ Г. А. Колпаковскимъ, цѣнная коллекція млекопитающихъ, собранная въ Кульджѣ и Семирѣчьи И. Ѳ. Каменскимъ и др.

Минералогическій кабинетъ состоитъ изъ трехъ комнатъ и «достаточно снабженъ различными приспособленіями для практическихъ занятій студентовъ и для работъ профессора и его ассистента». Цѣнность имѣющихся минералогическихъ, петрографическихъ и палеонтологическихъ коллекцій опредѣляется, приблизительно, въ 3.800 руб.

Ботаническій кабинетъ изъ 3 комнатъ имѣетъ ботаническую лабораторію и музей ботанической географіи. «Въ южной части университетскаго мѣста» расположенъ ботаническій садъ площадью около 6.000 кв. саженъ. Оранжерея, нагрѣваемая калориферными и боровыми печами, имѣетъ одно отдѣленіе для тропическихъ растеній и два—для растеній, произрастающихъ внѣ тропиковъ. Въ ботаническомъ же саду имѣются также питомники для медицинскихъ и немедицинскихъ растеній, древесныхъ породъ и кустарниковъ, систематическій отдѣлъ—для растеній преимущественно Сибири, выдерживающихъ мѣстный климатъ и «сгруппированныхъ по естественной системѣ», тепличка, парники.

Университетская библіотека имѣетъ три отдѣленія: иностранное, русское и медицинское. Первое отдѣленіе заключаетъ въ себѣ

20.000 названій книгъ. «Книгами занято 97 шкафовъ, заключающихъ около 60.000 томовъ». Громадное большинство книгъ явилось, какъ результатъ пожертвованій. Такъ, графомъ А. Г. Строгановымъ пожертвована замѣчательная библіотека, легшая, по словамъ библіотекаря, «въ основу» этого отдѣленія; далѣе идутъ пожертвованія князя Голицына, проф. Ѳедорова, Тютчева, Эвальда, Орнатскаго, Глѣбова, графа Литке, Орлова и др.; затѣмъ пріобрѣтены книги «на пожертвованныя средства изъ дублетовъ Императорской публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ, изъ библіотеки В. В. Жуковскаго, проф. Ростиславова и др.». На казенныя средства куплена библіотека г. Валуева.

«Русское отдѣленіе библіотеки занимаетъ пространство по площади пола нѣсколько большее, чѣмъ иностранное»; въ немъ помѣщается 36 шкафовъ, заключающихъ до 10.000 названій книгъ. Число это, впрочемъ, предположительно, такъ какъ «каталогизированіе этого отдѣла еще не закончено». Третье отдѣленіе для медицинскихъ изданій, по размѣрамъ своимъ равное русскому отдѣленію, заключаетъ въ себѣ въ настоящее время до 6.000 томовъ, главнымъ образомъ состоящихъ изъ книгъ, пожертвованныхъ почетителемъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа В. М. Флоринскимъ и проф. В. А. Басовымъ. Сюда же войдутъ книги, пріобрѣтаемыя на штатныя средства библіотеки, и библіотека проф. Лашкевича, завѣщанная Томскому университету. Въ концѣ 1888 года общее количество томовъ библіотеки простиралось до 96.000».

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о фармацевтическомъ кабинетѣ и лабораторіи при немъ для практическихъ занятій студентовъ и объ археологическомъ музеѣ; въ послѣднемъ заключается свыше 1.660 разныхъ предметовъ. «Подробное описаніе музея напечатано отдѣльной книгой (Археологическій музей Томскаго университета. Томскъ. 1888 г.)».

Музеи университета могутъ оказать услугу въ ознакомленіи съ наукой нетолько студентамъ, но и обществу, если только музеи не будутъ закрыты для публики. При хорошей организаціи дѣла и привлеченія общества можно ожидать, что коллекціи университета вырастутъ.

Томскій университетъ помѣщается въ новой части города Томска, большею частью на возвышенности, живописно сбѣгающей къ берегу р. Томи, и имѣетъ въ своей чертѣ пространство земли площадью въ 89.422 кв. сажени. Главный корпусъ университета, обращенный своимъ фасадомъ къ главной улицѣ города Томска, находится въ глубинѣ университетскаго парка, состоящаго почти сплошь изъ красивыхъ, старыхъ березъ. Самое зданіе

университета, длиною по фасаду 106 саженъ, въ средней выдающейся своей части, гдѣ находится и университетская церковь состоитъ изъ трехъ этажей; боковыя же части университета двухъ этажныя. Къ послѣднимъ непосредственно, съ обѣихъ сторонъ, еще дальше удаляясь отъ линіи фасада, симметрично прилегаютъ два трехъэтажные флигеля, предназначенные для служащихъ въ университетѣ. По линіи улицы, на протяженіи 245 саженъ, тянется высокая металлическая рѣшетка на каменныхъ столбахъ. Между рѣшеткою и фасадомъ университета разбитъ большой и красивый скверъ, съ клумбами цвѣтовъ и группами декоративныхъ кустарниковъ; искусственно разведенные въ немъ сибирскій кедръ, пихта и лиственица — эти типическіе представители древесной растительности Сибири—производятъ пріятное впечатлѣніе среди окружающихъ ихъ старыхъ березъ университетскаго парка. Въ центральной части сквера устроенъ фонтанъ, въ равномъ разстояніи отъ котораго, по бокамъ сквера, на особыхъ пьедесталахъ установлены имѣющія большой археологическій интересъ двѣ массивныя каменныя бабы, привезенныя—одна изъ Семирѣченской, другая изъ Семипалатинской области. Позади зданія университета выстроены службы, а за ними снова тянется тотъ же старый березовый паркъ; подъ горой, за паркомъ, находится небольшое озеро. Срѣзанная еще въ 1880 году часть горы предназначена для проведенія шоссированной дороги къ берегу рѣки Томи. На этой же сторонѣ университетскаго мѣста, на вершинѣ одного изъ откосовъ, обложенныхъ дерномъ, находится земляной курганъ, «горки», одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ сибирской археологіи. Красивый и далекій видъ на Томь и противоположный ея берегъ съ этого кургана сдѣлали давно послѣдній любимымъ мѣстомъ посѣщенія мѣстной публики. Вообще, надо замѣтить, что по красотѣ мѣстоположенія, массивности и стройности зданія, Томскій университетъ едва-ли уступаетъ какому-либо изъ имѣющихся въ Россіи университетовъ. Одинъ изъ туристовъ, посѣтившихъ Томскъ, говоритъ:

«Представьте себѣ обширную березовую рощу (къ сожалѣнію только березовую, что дѣлаетъ ее нѣсколько однообразной), въ которой разбросаны каменные университетскіе флигеля съ главнымъ 4-хъ-этажнымъ корпусомъ, занимающимъ большую площадку въ срединѣ этой рощи, говоритъ путешественникъ.—Само зданіе университета, ярко выдѣляющееся своимъ бѣлымъ цвѣтомъ изъ густой зелени травы и деревъ, по красотѣ превосходитъ всѣ зданія русскихъ университетовъ, не исключая и Кіевскаго».

Одновременно съ закладкой университета заложенъ былъ и собранныя пожертвованія «домъ студенческаго общежитія».

«Въ первомъ полугодіи, по словамъ отчета, число студентовъ, помѣщавшихся въ упомянутомъ домѣ, равнялось въ среднемъ 96; въ этомъ числѣ 13 казенныхъ стипендіатовъ и 83 своекоштныхъ; во второмъ полугодіи помѣщались казенные стипендіаты (13) и частные числомъ 45, а также своекоштныхъ числомъ 17. Въ 1891 году со стипендіатовъ казенныхъ и частныхъ за прислугу и освѣщеніе взималось по 6 р. въ мѣсяцъ. Вообще на содержаніе дома общежитія израсходовано 6.484 р. 53 к.; содержаніе-же всего университета обошлось въ 157.295 р. 94 к.»

22-го октября 1891 г. въ присутствіи всего состава профессоровъ во главѣ съ ректоромъ, а также порядочнаго количества публики и студентовъ, совершился актъ молодаго университета. Профессоровъ къ 1-му января 1891 г. состояло 17; изъ работъ послѣднихъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе: профессора Лемана фито-химическій очеркъ, подъ заглавіемъ «Сибирскіе орѣшки и ихъ составныя части», помѣщенный въ фармацевтическомъ журналѣ; проф. Кащенко «Задачи зоологіи въ Сибири», а также работы чисто научнаго характера профессоровъ Курлова и Догеля. Работы послѣднихъ печатались въ заграничныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, изданіяхъ. Учебное дѣло въ прошломъ году находилось въ хорошихъ условіяхъ. «Всѣ кабинеты и лабораторіи, — говоритъ отчетъ, — были обставлены настолько полно, что преподаваніе и практическія занятія со студентами велись систематически». Что касается учащихся, то послѣднихъ къ 1-му января 1890 г. числилось 190 студентовъ и 5 посторонніхъ слушателей. Но, къ сожалѣнію, изъ упомянутаго числа въ теченіи 1-го полугодія выбыло 26 студентовъ и 3 посторонніхъ слушателя, причемъ изъ выбывшихъ «11 для поступленія въ другіе университеты, 8 по невозможности продолжать образованіе (по болѣзни 5 и изъ-за средствъ — 3), 2 за смертью и 5 по другимъ причинамъ». Въ августѣ истекшаго года прошеній о зачисленіи въ слушатели университета поступило 122; было принято 102 и вольнослушателей. Въ силу этого во 2-е полугодіе число студентовъ равнялось 266 и вольнослушателей 7; изъ общаго числа 73 выбыло во 2-е полугодіе 4 студента. Къ 1-му января 1891 г. число студентовъ опредѣлилось въ 262, вольнослушателей—въ 7; къ этому же времени по курсамъ учащіеся распредѣлялись такимъ образомъ: на I—116, на II—109 и III—37. Таблица о распредѣленіи учащихся по мѣсту первоначальнаго воспитанія сообщаетъ, что число бывшихъ воспитанниковъ гимназій равно 81, т.-е. 0,91% общаго числа студентовъ; воспитанниковъ духовныхъ семинарій 174, т. е. 66,42% общаго числа; другихъ высшихъ учеб-

ныхъ заведеній 5, т. е. 1,91%, и воспитанниковъ учительскихъ семинарій 2, т. е. 0,76% общаго числа студентовъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что воспитанниковъ сибирскихъ гимназій всего лишь 66 челов., а духовныхъ сибирскихъ семинарій 20 человѣкъ уроженцевъ Сибири; такимъ образомъ, къ 1-му января 1891 г. значилось 90 (въ этомъ числѣ 2 киргиза изъ учительской семинаріи и 2 московскихъ студента изъ сибиряковъ), а въ 34,35, Европейской Россіи 172, т. е. 65,65% общаго числа. По вѣроисповѣданіямъ студенты распредѣлялись: православныхъ 225 іудеевъ 27, т. е. 10,31% общаго числа студентовъ, католиковъ 5 лютеранъ 3 и магометанъ 2.

Новый Сибирскій университетъ, какъ мы видимъ, въ первые годы дѣлаетъ шаги и совершаетъ свой ростъ. Дай Богъ, чтобы онъ не остановился, а число слушателей увеличивалось! Такъ какъ открытіе университета по плану предполагало всѣ четыре факультета, то нужно ожидать, что будутъ въ недалекомъ будущемъ открыты и другіе факультеты; на медицинскій факультетъ выпалъ выборъ, какъ на таковой, на который потребовалось больше заботъ. Другіе факультеты уже открыть легче.

Сообразно выраженнымъ пожеланіямъ и взглядамъ на новый университетъ, высказаннымъ при его основаніи, онъ долженъ будетъ удовлетворить всесторонне потребность окраины въ образованныхъ людяхъ различныхъ спеціальностей. И нѣкоторые высказываютъ совершенно основательное соображеніе, что при Сибирскомъ университетѣ долженъ возникнуть когда-нибудь и восточный факультетъ съ тюркскимъ, китайскимъ, монгольскимъ и другими языками. Дѣйствительно, если гдѣ необходимо примѣненіе этихъ языковъ, то на азіатской окраинѣ въ сосѣдствѣ съ Китаемъ, Японіей и другими восточными странами. Тогда это будетъ настоящій «свѣтъ Азіи».

Въ сибирской печати говорилось и о другихъ задачахъ Сибирскаго университета. Въ одной статьѣ, между прочимъ, писалось слѣдующее:

«Наша отдаленная окраина въ образованныхъ женщинахъ нуждается, конечно, отнюдь не меньше Европейской Россіи. Женщина-врачъ для Сибири, изобилующей инородческимъ элементомъ пожалуй, гораздо важнѣе еще, чѣмъ для Европейской Россіи. Мы не станемъ вспоминать о плодотворной дѣятельности женщинъ-врачей въ Туркестанскомъ краѣ, въ амбулаторныхъ лечебницахъ Ташкента и др. городовъ.

«Мусульманки, какъ извѣстно, ни за что не обратятся за врачебной помощью къ врачамъ-мужчинамъ,—это запрещается имъ

религіей, и обычаемъ; къ женщинѣ же врачу, какъ доказалъ опытъ, онѣ обращаются весьма охотно. Да и коренное русское населеніе съумѣло достаточно оцѣнить полезную дѣятельность женщинъ-врачей: послѣднія и въ Тобольскѣ, въ Иркутскѣ, и въ Омскѣ,—всюду, куда онѣ проникли, пользуются всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Читатели помнятъ, конечно, какъ въ Тобольскѣ недавно всенародно хоронили женщину-врача—Гробовскую, которую провожалъ до кладбища буквально весь городъ, начиная съ губернатора и кончая чернорабочими. Въ одномъ изъ захолустьевъ Юго-западной Сибири—Змѣиногорскѣ—6 лѣтъ подвизалась женщина-врачъ А. М. Дубенецкая, и когда она, мѣсяца 3 назадъ, выѣхала въ Барнаулъ, одинъ изъ мѣстныхъ корреспондентовъ писалъ: «А. М. снискала себѣ общую любовь и благодарность, особенно въ кругу бѣднаго сословія. Можно съ увѣренностью сказать, что въ Змѣиногорскѣ не найдется ни одного человѣка, который искренно не сожалѣлъ бы о ея отъѣздѣ. Большая часть жителей Змѣиногорска и прилежащихъ къ нему рудниковъ и заводовъ, особенно женщины, долго будутъ помнить свою любимую «докторшу».

Одна «Сибирячка», привѣтствуя въ 1885 г. (въ № 37 покойной газеты «Сибирь») предстоявшее тогда открытіе университета въ Томскѣ, выразила при этомъ надежду, что при немъ откроются и высшіе женскіе курсы. Мы полагаемъ, что надежду эту раздѣляла и раздѣляетъ не одна сотня учащихся дѣвушекъ-сибирячекъ. Томскіе профессора не должны игнорировать этихъ надеждъ. За матеріальными средствами, мы увѣрены, дѣло не стало бы. Извѣстно, что въ числѣ пожертвованій, давшихъ возможность возникнуть женскимъ медицинскимъ курсамъ въ Петербургѣ, фигурировало на первомъ мѣстѣ крупное пожертвованіе сибирячки (г-жи Родственной).

Можно питать полную увѣренность, что разъ томскіе профессора взяли бы на себя иниціативу организовать при университетѣ высшіе курсы для женщинъ, къ нимъ явились бы на помощь съ матеріальными средствами и частныя лица, и городскія думы.

Сибирская женщина давно уже добилась признанія за ней общечеловѣческихъ правъ. Образованіе въ общей массѣ сибирскаго женскаго населенія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространяется. Довольно замѣтная часть сибирскаго населенія едва ли сомнѣвается уже въ томъ, что для женщины важно и необходимо высшее образованіе во имя разумной семьи, во имя разумнаго и раціональнаго воспитанія нашего подростающаго поколѣнія.

Первымъ профессорамъ новаго Сибирскаго университета нельзя

не идти на встрѣчу такому настроенію. (Вост. Обозрѣн. 1890 г. № 32).

Для внутренней жизни Сибири желательно, чтобы новый университетъ жилъ въ тѣсной связи и общеніи съ мѣстнымъ обществомъ и не чуждался этого общества, не замыкался въ привилегированную отчужденную среду. Недостатокъ пріѣзжихъ образованныхъ людей и слабое вліяніе ихъ на просвѣщеніе края въ томъ и заключалось, что заѣзжій интеллигентъ мнилъ себя выше и отдѣлялся въ кружки, не имѣя ничего общаго съ окружающею жизнью.

Лучшіе профессора Томскаго университета уже полагаютъ начало этому общенію, читая публичныя лекціи; въ Томскомъ университетѣ была устроена даже выставка для публики, имѣвшая въ виду ознакомить съ научными коллекціями. Профессора Томскаго университета начинаютъ дѣлать научныя изслѣдованія въ Томскѣ и его окрестностяхъ (проф. Зайцевъ), наконецъ совершаютъ путешествія въ различные районы Сибири, какъ, напр., даровитый профессоръ ботаники Коржинскій, сдѣлавшій плодотворную поѣздку на Амуръ въ лѣто 1891 года. Проф. Залѣсскій совершилъ поѣздку на оз. Инголь. Такія услуги обществу и странѣ будутъ вполнѣ оцѣнены. Общество научится приходить на помощь предпріятіямъ университета.

«Жизнь замкнутыхъ казенныхъ университетовъ прошлаго времени не дала плодовъ, ученое сословіе, чуждавшееся общества, мало приносило пользы общественному развитію. Замкнутая жизнь вела къ казенному, формальному отношенію къ наукѣ, къ мертвой схоластикѣ, къ апатіи профессоровъ, не почерпавшихъ поощренія и сочувствія, къ равнодушію и къ пониженію научныхъ требованій. Въ замкнутыхъ университелахъ часто поселялась интрига», пишетъ одинъ авторъ о положеніи университетовъ.

«Новая жизнь и исторія поставила новыя требованія для университетовъ. Прошло время выправки фельдфебельской дисциплины, подавленія личности и приниженія студента. Гуманизмъ XIX вѣка поднялъ духъ университетской корпораціи, въ образованной средѣ должно уважаться чувство человѣческаго достоинства, чтобы научить впослѣдствіи людей выходящихъ оказывать услуги обществу, уважать ихъ въ другихъ. Дружная университетская семья истинно образованныхъ людей должна быть лишена подобострастія, подслуживанія, наушничества и фискальства» (Историческ. очерк. о положен. русск. университетовъ).

Жизнь русскихъ университетовъ устраивалась не сразу. Начало существованія Казанскаго университета составляло противо-

положность Харьковскому. Къ послѣднему общество отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ, онъ привлекъ сразу симпатіи, благодаря гуманной личности графа Потоцкаго. Не таково было положеніе дѣлъ въ Казани, гдѣ Румовскій обнаружилъ холодное отношеніе къ дѣлу, былъ чуждъ живыхъ стремленій вѣка и не умѣлъ установить добрыхъ отношеній въ университетской средѣ. Какъ описываетъ профессоръ Буличъ, въ университетѣ гнѣздилась интрига, лесть и недовѣрчивое отношеніе къ молодежи (см. «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета. 1805 — 1819 г.» Н. Булича, ч. I. Казань 1887 г.).

Пожелаемъ, чтобы новый Сибирскій университетъ избѣжалъ печальныхъ примѣровъ и привлекъ къ себѣ уваженіе и симпатіи общества.

Будемъ надѣяться, что начальство новаго Томскаго университета будетъ относиться съ особою заботой къ нуждамъ учащихся. Въ Сибирскій университетъ, какъ видно изъ отчетовъ, стремятся бѣдняки, дѣти бѣднаго духовенства, наконецъ въ Сибири, какъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ выдающихся классовъ, но существуетъ небогатое чиновничество, бѣдное мѣщанство и громадное большинство крестьянъ, которымъ предстоитъ приходить на помощь.

Немыслимо требовать, чтобы получили образованіе одни богатые, и кто бы они были въ Сибири? Богатые лавочники, винокуры, будущіе стачечники. Но не для нихъ основанъ университетъ Высочайшею властью.

Увеличеніе стипендій и привлеченіе общества къ оказанію пособій учащимся является такимъ образомъ насущною задачею рядомъ съ жизнью университета.

Изъ таблицы, говорящей о происхожденіи студентовъ въ связи о достаточности каждаго, видно, что 196 лицъ, т. е. 65,19% общаго числа, не обезпечены въ средствахъ къ продолженію образованія; въ силу этого изъ числа недостаточныхъ студентовъ 65 челов. пользовалось стипендіями; израсходовано было въ теченіи года 10.011 р. 78 к.; кромѣ стипендій, выдавались пособія изъ спеціальныхъ средствъ университета, изъ благотворительныхъ и т. д., такъ что «недостаточнымъ студентамъ въ томъ и другомъ видѣ» было выдано въ 1890 году 13.782 р. 28 к. Помимо этого, изъ числа неимущихъ студентовъ было освобождено отъ платы въ 1-мъ полугодіи 29 лицъ и во 2-мъ 44. Въ общемъ, какъ видно, положеніе студентовъ незавидно; приходится имъ какъ обращаться за пособіемъ въ правленіе университета, такъ и искать заработка въ видѣ урока или переписки какихъ-нибудь бумагъ Уроки, надо сказать, даютъ самый жалкій заработокъ; предло-

женіе велико, и уроки въ цѣнѣ упали. Урокъ въ 10 руб. въ мѣсяцъ считается порядочнымъ; есть уроки и въ пять руб. За послѣднюю цифру бѣднягѣ-студенту приходится проводить часа два съ половиною, разстраивать себя, свою нервную систему, понукать плохо мыслящаго ученика перваго или втораго класса. Гг. наниматели совсѣмъ игнорируютъ положеніе студента.

Годъ тому назадъ, нужды и лишенія студентовъ Томскаго университета обратили общее вниманіе и вызвали обращеніе даже столичной прессы. Даже бѣдные артисты томскаго театра съ благороднымъ порывомъ желали придти на помощь и дать спектакль въ пользу бѣдствовавшихъ студентовъ.

Бѣдствія студентовъ вызвали вниманіе и томскихъ благотворителей. Въ самомъ домѣ общежитія требованія для бѣдняковъ были высоки, притомъ третья часть стипендіи бралась по положенію впередъ, разныя хозяйственныя принадлежности оцѣнивались довольно высоко и студенчество шло неохотно въ этотъ домъ. Студенты на частныхъ квартирахъ бѣдствовали и плохо питались.

Томское благотворительное общество, однако, пришло на помощь и, благодаря энергіи частныхъ лицъ, въ 1891 г. открыта въ Томскѣ нормальная столовая по примѣру столичныхъ, гдѣ студентъ-бѣднякъ могъ получать здоровый и вкусный обѣдъ за 3 р. въ мѣсяцъ, т. е. дешевле даже, чѣмъ въ общежитіи. Нельзя было не порадоваться такому факту. Положеніе студентовъ потребуетъ, можетъ быть, не разъ заботъ и помощи, которымъ сибирское общество должно откликнуться.

Пожелаемъ же новому Сибирскому университету, во-первыхъ, осуществленія полнаго количества факультетовъ, во-вторыхъ, долголѣтія и процвѣтанія въ немъ науки среди мира и тишины, при взаимной связи студентовъ и профессоровъ, сознающихъ важность своего призванія и назначенія на отдаленной окраинѣ, призванной исторіей къ жизни и обновленію.

ГЛАВА XIV.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СИБИРСКИХЪ ГОРОДОВЪ.

Общественная жизнь въ Сибири до наступленія 300-лѣтія.—Актъ завоеванія.—Разрозненность сибирскаго населенія. — Промышленныя стремленія. — Воеводчина. — Общественные протесты. — Остатокъ духа казачества. — Доносы. — Жизнь городовъ въ XVIII и началѣ XIX в.—Сперанскій и его время.—Просвѣщенные люди въ Сибири. — Жизнь городскихъ обществъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. — Свидѣтельства апатіи. — Измѣненіе жизни къ 300-лѣтію. — Значеніе юбилея и сопровождавшій его подъемъ духа. — Проявленіе сознательной общественной жизни.—Отдѣлы Географическаго Общества.—Созданіе обществъ попеченія о начальномъ образованіи.—Медицинскія общества.—Музеи.—Библіотеки.—Художество въ Сибири. — Чего недостаетъ въ сибирской общественной жизни.

Въ теченіи XVI, XVII и до конца XVIII стол. общественная жизнь новой колоніи за Ураломъ не представляла никакихъ особыхъ проявленій, выражающихъ сплоченную жизнь, опредѣленное стремленіе и цѣль, идею самосознанія и историческаго призванія.

Былъ ли проникнутъ подвигъ Ермака, простаго удальца, этимъ историческимъ самосознаніемъ—теперь трудно сказать. Личность героя для потомства стала легендарною; идею историческаго призванія приписываютъ ей только лѣтописцы, какъ всякому герою. Слова, приписываемыя Ермаку: «И память наша въ потомствѣ не умретъ», могутъ быть подвергнуты сомнѣнію, но въ самомъ подвигѣ, въ его одушевленіи, въ силѣ, двигавшей имъ, въ его планахъ, самолюбіи есть указаніе и намеки, что онъ не былъ чуждъ сознанія историческаго величія и стоялъ на высотѣ положенія.

Преданія о Ермакѣ скоро, однако, заглохли въ Сибири и не прошли въ сознаніе народа, не смотря на риторику лѣтописцевъ и поднятіе на историческій пьедесталъ его личности. Его смѣнили другіе удальцы, столь же смѣлые, но одушевленные болѣе практическими цѣлями покоренія и жажды добычи. Темная масса, народъ двинулся въ Сибирь инстинктивно искать «лучшаго», матеріальныхъ благъ, приволья, но въ его сознаніи не было обобщенія историческаго назначенія. Въ смѣшанныхъ разнородныхъ

элементахъ, наполнявшихъ Сибирь, мѣшалось доброе и злое, вопль обыденной нужды, стонъ несчастнаго, жажда корысти купца и самовластіе воеводы. XVI и XVII вѣка были исполнены борьбы съ инородцами, безпорядковъ и анархіи. Только въ рядѣ событій и результатовъ ихъ можно разсмотрѣть и уловить инстинктъ упроченія въ новой странѣ воеводчины.

Въ XVII и XVIII вѣкахъ начинается регламентація и руководительство жизнью съ помощью воеводъ и приказныхъ. Вольнонародныя стремленія отступаютъ на второй планъ. Общественной жизни нѣтъ мѣста для проявленія—она гнѣздится въ «домообзаводствѣ», устроительствѣ своего хозяйства. Индивидуальныя и промышленныя стремленія разрозниваютъ общество, создаютъ антагонизмъ классовъ и къ XVIII вѣку выступаютъ стремленія *сословныя* «служилаго класса», промышленниковъ, торговцевъ, и эта рознь мѣшаетъ сплоченности.

Какъ видно изъ хроникъ и лѣтописей XVII и XVIII вѣковъ, Сибирь переживала тяжелое время. Время воеводства и намѣстничествъ, начиная съ Гагарина, ознаменовывалось произволомъ и злоупотребленіями, въ которыхъ народъ и общество, однако, играли не всегда пассивную роль. Если не новгородскія традиціи, то духъ казачества и казачьихъ круговъ перенесенъ былъ въ Сибирь, и мы видимъ нѣсколько примѣровъ, какъ во время безурядицъ и безправія онъ проявлялъ себя. Въ 1695 г. въ Иркутскѣ сильно были недовольны воеводой Савельевымъ. Назначенный на мѣсто Савельева воевода Полтевъ не доѣхалъ и умеръ. На слѣдующій годъ пріѣхала только жена его съ малолѣтнимъ сыномъ. Недовольные Савельевымъ иркутскіе казаки порѣшили замѣнить его малолѣтнимъ Полтевымъ и въ помощники ему поставить боярскаго сына Перфильева. Въ канцелярію былъ принесенъ трехлѣтній Полтевъ. Иркутскъ во время этого временнаго управленія выдержалъ осаду бурятъ. Только въ 1699 г. прибылъ новый воевода. Въ 1731 г. Иркутскъ испыталъ неимовѣрное лихоимство вице-губернатора Жолобова. Это побудило назначить слѣдствіе и слѣдователемъ былъ назначенъ Сытинъ, который по прибытіи въ Иркутскъ вскорѣ умеръ. Тогда мѣстные дворяне съ казачьимъ головой Лисовскимъ положили не оставлять Жолобова вице-губернаторомъ, и рѣшили передать управленіе пятилѣтнему сыну Сытина и опредѣлить къ нему совѣтникомъ полковника Бухольца. Недовольный Жолобовъ послалъ въ Тобольскъ доносъ о собраніи «воровскаго казачьяго прелиберіанскаго круга». Какъ видно, преданія о казачьемъ кругѣ и выборахъ хранились въ Сибири и при случаѣ проявлялись. Но наступали страшныя времена въ родѣ

иркутской крыловщины, гдѣ всякій человѣческій голосъ подавлялся. Въ эти времена поднимаетъ голову, иногда подъ вліяніемъ гоненій, та или другая личность, гордый архіерей, гонимый чиновникъ, ограбленный купецъ; но разрозненный протестъ быстро заглушается и разъединенное общество безмолвствуетъ и трепещетъ. Временами проявляются жалобы, сыплются доносы, за что при Екатеринѣ II сибиряки получаютъ названіе «кляузниковъ» (надпись Екатерины на дѣлѣ Леццано).

Щаповъ и Вагинъ въ городскихъ партіяхъ и оппозиціи сибирской олигархіи своевольнымъ управителямъ, какъ Трескинъ и друг., пытавшимся сломить силу общества, видятъ вольнолюбивый протестъ въ сибирскихъ городскихъ общинахъ, унаслѣдованный отъ Новгорода, но такое сопоставленіе отзывается немного идеализмомъ. Въ Новгородѣ дѣйствительно кипѣла народная жизнь, она широко проявлялась въ сходкахъ, сборищахъ, на «вече». Въ Сибири XVIII вѣка ничего подобнаго не было; народъ и масса населенія нигдѣ не участвовали, выступали только въ думахъ партіи богачей и откупщиковъ, враждовавшихъ съ администраціей. Богатое купечество стояло не за общественные интересы, не за городское право, не за самоуправленіе, котораго не было, оно стояло за свои привилегіи, отстаивало свое олигархическое вліяніе. Правда, представители купеческихъ партій платились иногда гоненіями, ссылкой и тюрьмой, какъ Мыльниковы и Сибиряковы, откупщикъ Пороховщиковъ и другіе, но это были жертвы личныхъ столкновеній, а не проявленіе общественной оппозиціи. Даже въ гонимыхъ чиновникахъ, какъ Пѣтуховъ, сказывалось болѣе стремленіе къ водворенію справедливости и мотивы были болѣе безкорыстны, чѣмъ у купечества. Только въ подвигѣ мѣщанина Саламатова мы видимъ гражданскій и патріотическій подвигъ въ эту смутную эпоху. Этотъ бѣднякъ, обремененный семействомъ, везетъ доносы и сибирскія жалобы, пробираясь тайкомъ черезъ Китай и, явясь въ Петербургъ, вручаетъ ихъ Государю, рискуя подвергнуться гоненіямъ Пестеля. Здѣсь мы видимъ уже начало общественнаго гражданскаго служенія и самоотверженія.

Темная масса сибирскаго населенія страдала безмолвно и замыкалась въ свои общины, ея протестомъ было бѣгство въ лѣса, въ дебри, въ пустыни. Простой человѣкъ искалъ убѣжища въ раскольничьихъ скитахъ, думалъ осуществить соціальный идеалъ въ религіозныхъ общинахъ и сектахъ; наконецъ, отыскивая свободу, стремился за границу, въ невѣдомыя страны, гдѣ не было административнаго произвола и гдѣ онъ думалъ найти обѣтованную землю, миѳическое «бѣловодье».

Настоящее самосознаніе исторической роли и критическое отношеніе къ окружающему не могло возникнуть безъ извѣстнаго духовнаго и умственнаго развитія, а развитіе это шло медленно или его почти не было. Сибирское общество XVII и XVIII вѣковъ было совершенно невѣжественно. Въ немъ не было ни общественныхъ, ни нравственныхъ идеаловъ. Историкъ сибирской жизни Шашковъ, описывая нравы Сибири[1]) XVII и XVIII вѣковъ, представилъ картину той деморализаціи, предразсудковъ, пороковъ, разврата и преступленій, какіе господствовали въ тогдашней Сибири. Пригнетенное положеніе женщины въ XVII и XVIII в. обрисовано въ особой монографіи [2]). Щаповъ въ историческихъ очеркахъ своихъ рисуетъ массу суевѣрія и невѣжества, которое опутывало сибирское общество. Начало XIX столѣтія и періодъ до Сперанскаго ничего не дали для проявленія общественной жизни Сибири и поднятія его умственнаго и нравственнаго уровня. И самый юбилей 200-лѣтія Сибири прошелъ совершенно незамѣтно.

О положеніи и нравахъ сибирскаго общества въ XVI и XVII столѣтіяхъ мы встрѣчаемъ не мало замѣтокъ въ запискахъ путешественниковъ, плѣнныхъ шведовъ и лицъ, заѣзжавшихъ въ Сибирь. Нравы тогдашняго общества рисуются безотрадными красками. Подъ воеводскимъ произволомъ Сибирь замирала, въ городахъ царила нажива, богатство и промышленная жизнь не принесли благъ разумнаго сушествованія. Рядомъ съ дешевизной и изобиліемъ продуктовъ появилась жизнь ради мамоны. Объяденіе, повальное пьянство и рядомъ развращенные нравы и преслѣдованіе—вотъ что отмѣчаютъ тогдашніе лѣтописцы и моралисты.

Между прочимъ, Гмелинъ не разъ говоритъ о бытѣ самихъ русскихъ сибиряковъ. Этотъ бытъ вообще производилъ на него не весьма пріятное впечатлѣніе: сибиряки вообще лѣнивы, крайне преданы пьянству и разгулу; губернаторы—грабители. Гмелину случалось жить въ большихъ и небольшихъ городахъ въ праздники, какъ святки, масляница, пасха, и каждый разъ онъ видѣлъ нескончаемое пьянство.

Напримѣръ, городъ Тобольскъ имѣетъ очень много жителей; изъ нихъ почти четвертая часть—татары. Остальные—русскіе, но большею частію такіе, которые или сами были сосланы сюда за свои преступленія, или происходятъ отъ предковъ, высланныхъ сюда по той же причинѣ.

---

[1]) Нравы Сибири XVII и XVIII в. Серафимовича. «Отеч. Записки» 1867 г. Заселеніе Сибири. Вуцинскаго. Харьковъ, стр. 283. Исторія русск. этнограф. А. П. Пыпина. Сибирь, гл. XI. Нравственное состояніе насельниковъ, стр. 425.

[2]) «Женскій Вѣстникъ» 1867 г. кн. 8. Женщина въ Сибири. Ядринцева.

Живя въ Томскѣ, путешественникъ упоминаетъ о сильномъ падежѣ скота, «противъ чего никто не употребляетъ ни малѣйшихъ мѣръ и главнымъ основаніемъ къ этому было то, что прежде, когда также бывали подобныя язвы, предки также ничего не дѣлали. Я могу съ полной истиной сказать, что всему виной — постыдная праздность. Она не позволяетъ имъ думать дальше, какъ о нынѣшнемъ днѣ, и если падаетъ сто коровъ и они видятъ передъ собой одну живую, то, по ихъ мнѣнію, они еще не терпятъ нужды и не требуютъ никакой помощи» (I, 314).

«Праздникъ архангела Михаила, который приходится 8-го ноября, привелъ городъ въ большое движеніе. Можно было подумать, что вышелъ приказъ, чтобы каждый въ этотъ день былъ пьянъ—такъ ревностно было желаніе напиться, Дня было недостаточно, и надо было провести еще ночь въ шумѣ, крикѣ и безумствахъ. Но на этомъ не кончилось. Шумъ продолжался цѣлыхъ восемь дней; въ теченіе этого времени нечего было и думать достать рабочаго; пили постоянно, и не было конца разврату» (I, 321).

«Съ Рождествомъ у нихъ открывается заразительная горячка, отъ которой люди уже на второй или третій день начинаютъ бѣситься и на 14 день болѣзнь разражается, наконецъ, необычайнымъ бѣшенствомъ. Правда, они поправляются отъ этого, но только въ пять или шесть недѣль... И какъ людямъ, выдержавшимъ тяжелую болѣзнь, нужно много времени, чтобы поправиться, такъ это бываетъ и здѣсь. Имъ трудно возвратиться къ своему прежнему образу жизни, который состоитъ въ томъ, что они напиваются каждый четырнадцатый день». Гмелинъ, очевидно, изображаетъ запой, потому что серьезно считаетъ сроки болѣзни и сравниваетъ ее съ падучей болѣзнью, которая имѣетъ свои періодическіе припадки и кончается только съ жизнью (II, 173—174).

Таковы же записки французскаго офицера Белькура. Для исторіи старыхъ сибирскихъ нравовъ здѣсь найдутся любопытныя черты. Обыкновенные ссыльные кажутся автору въ большинствѣ чрезвычайно испорченными и всего болѣе, можетъ быть, вслѣдствіе ихъ беззащитнаго положенія, между тѣмъ какъ среди ихъ есть люди, которые могли бы быть очень полезны для края своимъ трудомъ и знаніемъ, напримѣръ, въ ремеслахъ. Безъ правильнаго устройства ихъ труда они дѣлаются только причиной порчи и самого туземнаго населенія: подъ ихъ вліяніемъ, говоритъ Белькуръ, «теперь кажется, что одинъ изъ главныхъ пунктовъ воспитанія у мѣстныхъ жителей, это—научиться самому тонкому плутовству и держать свое слово только тогда, когда

это имъ выгодно. Когда они узнаютъ болѣе смѣлаго лжеца и болѣе ловкаго плута, чѣмъ они сами, они считаютъ его великимъ политикомъ и тѣмъ больше его уважаютъ; самъ губернаторъ сдѣлалъ себѣ большую репутацію въ этомъ родѣ».

«Здѣсь много очень богатыхъ рудниковъ,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—мѣха всякаго рода и въ изобиліи; съѣстные припасы очень дешевы; но другія вещи продаются на вѣсъ золота. Причины этого злоупотребленія—недостатокъ хорошаго управленія. Тѣ, кто правитъ дѣлами, слѣдуютъ только законамъ своей прибыли или своего каприза. Они ни въ чемъ не откажутъ тому, кто сдѣлаетъ имъ самый большой подарокъ, даже въ самой вопіющей несправедливости. Вслѣдствіе этого каждый держится на-сторожѣ, подавляетъ въ себѣ соревнованіе въ торговлѣ и въ искусствахъ, и всѣ живутъ, какъ говорится, со дня на день; но всегда внимательные къ случаю одурачить другихъ или остерегаться отъ обмана самимъ, они дошли въ этомъ до такого совершенства, что могли бы давать въ этомъ отношеніи уроки самому утонченному итальянцу». «Житель Сибири есть настоящій рабъ подъ властью тирановъ. Онъ не можетъ расчитывать, что завтра будетъ имѣть то, чѣмъ владѣетъ сегодня.

«Сибирскіе туземцы крайне грубы (de la dernière rusticité), выносливы, чрезвычайно трезвы и ведутъ жизнь самую умѣренную»; только въ праздники они предаются необузданному пьянству. «Но у нихъ много охоты и способности усвоивать все, чему ихъ научаютъ. Нельзя лучше владѣть топоромъ. Съ однимъ этимъ орудіемъ они обыкновенно дѣлаютъ себѣ дома, столы, стулья и другія вещи этого рода, необходимыя въ хозяйствѣ. Кромѣ пьянства и храбрости, сибирскій народъ очень похожъ на туземцевъ Канады. Ихъ лодки, весла, топоры, шубы, платья, манера садиться на лошадей и много другихъ вещей почти совершенно одинаковы. Сибиряки отличаются добродушіемъ; они очень услужливы и гостепріимны. Но жестокость управленія ввела пороки, которыхъ они не знали бы, если бы страхъ не сдѣлалъ ихъ лжецами и плутами, а бѣдность—негодяями, какіе только есть». Отзывъ Белькура о сибирскихъ женщинахъ также не весьма благопріятенъ (стр. 108, 111 и 112).

Жизнь сибирскихъ городскихъ обществъ въ началѣ XIX ст. обрисована въ послѣднее время Вагинымъ и Щаповымъ по мемуарамъ и запискамъ старожиловъ. По сказанію современниковъ Трескина, въ обществѣ иркутскомъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. «была дичь совершеннѣйшая, образованія не было почти никакого». И это свидѣтельство, дѣйствительно, подтверждается фактами.

Общество равнодушно относилось къ своему образованію. Въ самой столицѣ Сибири, въ Иркутскѣ, въ этомъ центрѣ сибирской интеллигенціи, общественная жизнь была такъ же дика, какъ и на далекихъ окраинахъ Востока. Н. П. Булатовъ, современникъ Трескина и Сперанскаго, характеризуетъ ее слѣдующимъ образомъ: «Въ старину, я помню, здѣсь въ общественной жизни была совершеннѣйшая дичь. Раздѣленіе половъ было чрезвычайное, не только въ купеческомъ, но даже въ чиновничьемъ классѣ. Если вы только знакомый или даже родственникъ хозяину дома, но не близкій, то вы могли быть съ нимъ тридцать лѣтъ знакомы и никого не видѣть изъ его женскаго семейства. Бывало соберутся на вечеръ, даже не на простой, а на парадный, съ танцами; мужчины сидятъ въ одной комнатѣ, женщины — въ другой, и никто ни слова: слышно, какъ муха пролетитъ. Съ пріѣздомъ Сперанскаго общественная жизнь оживилась, начались праздники, вечера. Они внесли въ нашу житейскую обстановку новый элементъ. Разумѣется, при общей покорности Сперанскому, принято безпрекословно и это нововведеніе. Бывали и скандалы,—не грубые скандалы, а такъ, разныя недоразумѣнія, скорѣе слѣдствіе нашей дикости взглядовъ на все новое. Съ его времени мы стали видѣть новыхъ людей; а прежде, бывало, если по улицѣ пройдетъ человѣкъ съ крестикомъ, то за нимъ навѣрное бѣгутъ ребятишки». Самъ Сперанскій въ одномъ письмѣ изъ Сибири къ дочери такъ описывалъ соціальный складъ и характеръ сибирскаго общества: «Сибирь есть просто Сибирь, т. е. прекрасное мѣсто для ссыльныхъ, выгодное для нѣкоторыхъ частей торговли, любопытное и богатое для минералогіи, *но не мѣсто для жизни* и *высшаго гражданскаго образованія*. Худое управленіе сдѣлало изъ Сибири сущій вертепъ разбойниковъ. Едва вѣрятъ здѣшіе обыватели, что они имѣютъ нѣкоторую степень свободы и могутъ безъ спроса и дозволенія собираться, танцовать или ничего не дѣлать. Мы впервые завели здѣсь общественныя собранія, и на собраніяхъ этихъ я, напримѣръ, польскій веду съ старухой, одѣтой въ глазетовой юбкѣ и шушунѣ и повязанной платкомъ. У васъ спектакли, а у насъ своего рода маскарады: это сущая исторія всѣхъ нашихъ дикихъ костюмовъ. Тутъ китайцы, японцы, алеуты, шаманы, и Богъ знаетъ чего тутъ нѣтъ и все одѣто съ большою точностью. *Умнаго разговора въ обществѣ почти нѣтъ никакого*. Я привыкъ здѣсь къ уединенію, *не съ кѣмъ слова промолвить*. Словцовъ, одинъ здѣсь умный и нѣкогда острый человѣкъ, боленъ и старъ: это потухающій огонекъ, который изрѣдка только вспыхиваетъ... Какое невыносимотяжелое положеніе! три почти года не слышать ни одной ноты,

прибавь къ сему—*ни одного почти умнаго слова*, три года ни разу съ удовольствіемъ не смѣяться. Видѣлъ я здѣсь на балѣ у тобольскаго губернатора и *женское общество, сурокъ да кротъ, да двѣ-три набожныя лани*». Таково было мнѣніе перваго образованнаго человѣка своего времени о сибирскомъ обществѣ и его жизни.

При господствѣ эгоистическихъ, кулачески-пріобрѣтательныхъ и семейно-родовыхъ интересовъ, въ сибирскихъ городскихъ обществахъ крайне недостаточно было развитіе общественной солидарности, соціальнаго общежитія. Напримѣръ, о городѣ Нерчинскѣ иркутскій епископъ Михаилъ писалъ въ 1821 году: «тамошніе граждане *столь же несогласны въ сердцахъ своихъ*, какъ дамы ихъ разсажены на большихъ разстояніяхъ, подобно гнѣздамъ луковинымъ». О жизни и физіономіи Иркутска послѣ Сперанскаго мы можемъ судить по одному любопытному памятнику 1827 г., имѣющемуся у насъ въ рукахъ: «Внѣшность города крайне непривлекательная: ветхіе дома выходили на улицу углами, иные задними, надворными стѣнами, иные полуразвалившимися сараями; неуклюжіе и дырявые тротуары существовали только на двухъ улицахъ; берегъ Ангары, великолѣпный по своему мѣстоположенію, начиная отъ тріумфальныхъ воротъ до сибирскаго дворца, заваленъ былъ мусоромъ». Этотъ же путешественникъ передаетъ свои впечатлѣнія, произведенныя на него городомъ, такъ: «Я не слыхалъ нигдѣ ни одного *музыкальнаго звука*, ни одной рулады вокальнаго *пѣнія*. Все было тихо, какъ въ пустой храминѣ, только изрѣдка въ торговыхъ домахъ звучали цѣпи сторожевыхъ собакъ и раздавался тревожный набатъ *поколотки*. Если случались запоздалыя дрожки, то онѣ мчались по пустой улицѣ опрометью и моментально исчезали во дворѣ за массивными воротами. Потомъ снова воцарялась могильная тишина—и какая-то безотчетная тоска закрадывалась въ мою душу». Практически-узкій и эгоистически-дѣловой характеръ иркутскаго общества довольно хорошо обрисованъ однимъ мѣстнымъ поэтомъ тогдашняго времени:

У насъ пока въ Сибири два предмета:
Мозольный трудъ и дѣловой разсчетъ.
Всѣмъ нуженъ хлѣбъ да звонкая монета,
Такъ любознаніе кому на умъ пойдетъ?
Купецъ сидитъ, какъ филинъ, на прилавкѣ,
Его жена чаекъ съ кумою пьетъ;
Чиновный классъ хлопочетъ о *прибавкѣ*
И прочнаго гнѣзда себѣ не вьетъ.
Сегодня здѣсь, а завтра за Ураломъ,—
Кто нажился, тотъ ѣдетъ генераломъ,
Кто не съумѣлъ, тотъ съ посохомъ идетъ.

Коробочникъ несетъ *ярмо* торговли;
Его девизъ: *труды*, а не обманъ;
Онъ тоже спитъ въ тѣни наемной кровли,
Его пріютъ—походный балаганъ.
Онъ тожъ глядитъ на западъ, какъ астрономъ,
Онъ бредитъ иль Десной, иль Волгою, иль Дономъ;
Тамъ у него отчизна, тамъ родня
(И это все понятно для меня).
Приказные съ утра до поздней ночи,
Съ перомъ въ рукахъ, хлопочутъ лишь о томъ,
Какъ свесть итогъ круглѣй и покороче,
Въ своемъ житьѣ до-нельзя ужъ простомъ...
А тотъ, кого судьба облобызала
И гнѣздышко птенцамъ его свила,
Гласитъ: не намъ учить себя сначала,
Молоденькимъ та очередь пришла.
Съумѣлъ нажить съ немудренькимъ умишкомъ
И пенсію, и пряжку, и почетъ,
И кое-что въ наслѣдство ребятишкамъ,—
Концы концовъ! Законченъ нашъ разсчетъ... [1])

Среди отсутствія всякихъ умственныхъ и общественныхъ интересовъ мѣстное общество, прилипши къ своему старому образу жизни, прожило десятки лѣтъ, какъ улитка въ раковинѣ. Его не возбуждали ни интеллектуальныя, ни литературныя и эстетическія потребности. Путешественники, какъ аббатъ Шаппъ, Палласъ и другіе, отмѣчаютъ эту жизнь безобразными кутежами.

Сперанскій, явившись реформаторомъ въ Сибирь, думалъ хоть чѣмъ-нибудь оживить эту жизнь, всколыхнуть ее. Занимаясь составленіемъ для нея законовъ, онъ посѣщалъ общества, дѣлалъ вечера, прививалъ вкусы и потребности соціальнаго общежитія. Сперанскій, видимо проникнутый господствовавшимъ тогда въ образованномъ русскомъ меньшинствѣ сантиментально-филантропическимъ духомъ, считалъ первымъ долгомъ учредить и въ Сибири эти примитивные «образчики филантропіи»,—такія же благотворительныя человѣколюбивыя общества, какія учреждались тогда и въ Россіи, по примѣру и образцу Императорскаго человѣколюбиваго общества. Въ то же время онъ и въ самомъ обществѣ сибирскомъ, особенно въ купечествѣ, всѣми мѣрами возбуждалъ чувства и наклонности къ общественной благотворительности, поручая думамъ городскимъ призывать общество «къ дѣламъ человѣколюбія и милосердія». Учрежденіемъ человѣколюбивыхъ обществъ въ Сибири онъ особенно интересовался. Далѣе,

[1]) Этотъ замѣчательный памятникъ сибирской этнографіи носитъ названіе: «Воспоминаніе поѣздки по Восточной Сибири» А. Александрова.

чтобы начать уничтоженіе общественныхъ золъ въ Сибири въ самомъ ихъ корнѣ — невѣжествѣ народномъ, Сперанскій обратилъ вниманіе и на дѣло народнаго образованія. Какъ ни были велики усилія Сперанскаго, но это только одиновія попытки и мечтанія; ни вліяніе, ни дѣятельность его не оставляли въ жизни Сибири никакихъ слѣдовъ по многимъ обстоятельствамъ. Конечно, Сперанскій, въ роли организатора, ничего не могъ сдѣлать тамъ, гдѣ нужно было прежде расчистить черноземную почву и потомъ уже сѣять. Онъ безсиленъ былъ создать и гражданскіе идеалы для этого общества и поднять его умъ въ короткій періодъ своего пребыванія. Для этого нужны были громадныя образовательныя средства. Съ отъѣздомъ его всѣ лучшія его начинанія рухнули и грязная волна, случайно всколыхнутая, опять пришла въ свое прежнее стоячее положеніе. Если, по словамъ Сперанскаго, и въ Россіи, и въ Петербургѣ остались излишними всѣ его желанія и предположенія «сдвинуть грубую толщу, которую никакъ съ мѣста сдвинуть не можно», то тѣмъ болѣе трудно было ему расшевелить азіатскую косность сибирскаго общества, вдругъ смягчить, гуманизировать эту непроходимую дичь (Извѣст. Сибир. отдѣла, № 1, т. 5, 1874 г., ст. 42).

Не одинъ Сперанскій, но и многіе другіе имѣли желаніе раздвинуть кругозоръ сибирскаго общества. Въ Сибирь являлись лица съ обширнымъ европейскимъ образованіемъ, съ законченными идеалами, съ твердыми убѣжденіями, которыя могли бы научить его кое-чему. Величественный образъ подобныхъ людей, какъ Радищевъ, Соймоновъ, Минихъ, декабристы, нѣкоторые польскіе изгнанники не могли не оставить памяти [1]). Припоминаются и другія лица, исполненныя благородства характера и возвышенныхъ стремленій, которыя являлись въ Сибирь въ качествѣ гостей или путешественниковъ. Нельзя сказать, чтобы соприкосновеніе и знакомство съ этими лицами не оставляло нѣкотораго слѣда на тѣхъ, кто сблизился съ ними. Напомнимъ филантропическую дѣятельность декабристовъ въ сибирскихъ городахъ.

Эти люди съ высокимъ образованіемъ стояли головою выше тогдашняго общества даже въ Европейской Россіи; нечего говорить, что въ сибирскихъ городахъ они были просвѣщеннѣйшими людьми и оставили слѣдъ повсюду. Чрезъ нихъ въ окружающее общество проникали европейскія свѣдѣнія и новости, они знакомили многихъ лицъ изъ туземцевъ съ просвѣщеніемъ, и не

[1]) Уже Минихъ въ Пелымѣ въ качествѣ изгнанника обучаетъ дѣтей, а зимой занимался огородничествомъ.

рѣдко оказывали вліяніе въ разныхъ сферахъ, гдѣ соприкасались. Извѣстна дѣятельность декабристовъ, напр., въ Ялуторовскѣ, гдѣ былъ Якушкинъ, фонъ-Визины (см. «Забытый край» и «Исчезнувшіе люди» Турбина), въ Тобольскѣ, гдѣ баронъ Штейнгель принималъ участіе въ проектахъ административныхъ при одномъ изъ губернаторовъ, разные опыты декабристовъ въ области сельскаго хозяйства (въ Курганѣ, Ялуторовскѣ, Минусинскѣ и въ Читѣ). Вліяніе декабристовъ въ Томскѣ (Батенковъ), въ Иркутскѣ, въ Красноярскѣ и даже въ Селенгинскѣ, вездѣ они оставляли память и учениковъ. Иногда они выступали даже какъ борцы въ мѣстныхъ вопросахъ, какъ, напр., Дмитрій Завалишинъ во время амурскаго вопроса. Точно также не прошла безслѣдно и жизнь нѣкоторыхъ Петрашевцевъ: Спѣшневъ, Петрашевскій и Львовъ приняли участіе при созданіи мѣстной печати (участіе ихъ въ газетѣ «Амуръ»).

Впослѣдствіи образованные поляки временъ какъ 1830 года, такъ и 1863 года, оказали замѣтное вліяніе на развитіе Сибири [1]). Среди нихъ явились ученые, какъ Дыбовскій, Чекановскій, Черскій и другіе, оказавшіе услугу своими изслѣдованіями. Нельзя не указать на дѣятельность также якутскихъ ссыльныхъ, вносившихъ изслѣдованія мѣстнаго быта. Укажемъ, напр., на очерки якутской жизни талантливаго Шиманскаго, Сирко и нѣкоторыхъ русскихъ этнографовъ и беллетристовъ, какъ Короленко, Виташевскій, Пекарскій, жившій въ Якутскѣ Худяковъ и др. [2]). Дѣятельность подобныхъ образованныхъ лицъ не проходила безслѣдно на окраинѣ, тѣмъ не менѣе, въ виду исключительнаго положенія своего, они не могли оказывать значительнаго вліянія на общественную жизнь. Она могла обновиться и проникнуться сознаніемъ сама по себѣ въ своихъ нѣдрахъ и вытечь изъ гражданскаго пониманія своихъ интересовъ и проникновенія взглядами общественными. Это могло явиться только изъ сравненія своей жизни съ жизнью общества просвѣщеннаго и затѣмъ изъ сознанія, что историческія задачи могутъ быть нечужды начинающей свое существованіе русской общинѣ на Востокѣ. Въ этой исторической миссіи и общей идеѣ долженъ былъ выразиться мѣстный патріотизмъ и воодушевленіе къ гражданскому благородному служенію.

Но такая идея не воодушевляла жизнь общества и оно почти до момента своего совершеннолѣтія, 300-лѣтія, не показывало признаковъ жизни.

---

[1]) См. книгу «Поляки въ Сибири».

[2]) Труды Худякова по этнографіи края изданы Вост.-Сиб. Отдѣломъ Геогр. Общества.

Въ 1-мъ изданіи «Сибирь какъ колонія» приведено было множество примѣровъ и отзывовъ корреспондентовъ о сонномъ и апатичномъ состояніи сибирскихъ городовъ, о скукѣ и полной безжизненности ихъ въ теченіи 50-хъ и даже 60-хъ годовъ. (См. стр. 392—397 «Сибирь какъ колонія» 1881 г.).

Эти жалобы продолжали доноситься до 1880 года. По съ 60-хъ годовъ въ этихъ жалобахъ и заявленіяхъ уже сквозило среди неудовлетворенности критическое отношеніе и потребность новой жизни, за ними выступали новыя требованія, которыя были признакомъ возрожденія и предвѣстіемъ обновленія.

Мы воздерживаемся поэтому въ настоящемъ изданіи перечислять всѣ характеристики и многочисленные отзывы о плачевномъ состояніи общественной и духовной жизни въ Сибири. Кромѣ корреспондентовъ, она отмѣчалась и заѣзжими путешественниками въ Сибирь, напр., П. А. Ровинскимъ, посѣтившимъ Иркутскъ въ 60-хъ годахъ, отзывы о сибирскихъ городахъ встрѣчаются у С. В. Максимова и другихъ.

Картина жизни Иркутска—столицы Сибири, нарисована Ровинскимъ въ 70-хъ годахъ весьма непривлекательная. «Въ Иркутскѣ вы найдете много учрежденій, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ городѣ Россіи, общество основываетъ пріюты, благородные институты, юнкерскія училища, театры, но дѣло въ томъ, что все это дѣлается обществомъ не добровольно, а по предложенію начальства, и каждый жертвователь норовитъ, чтобъ его подачка подошла кстати, выставила бы его на видъ. Такимъ образомъ, это со стороны нѣкоторыхъ людей составляетъ средство къ достиженію извѣстныхъ цѣлей и къ задабриванію начальства. Иркутскъ, повидимому, создалъ ученыя и учебныя учрежденія, имѣетъ благотворительныя общества, клубы, какъ бы общественную жизнь, но все это только такъ кажется. Общество тутъ ни причемъ... Надѣюсь, что никто не упрекнетъ насъ въ несправедливости, если мы скажемъ,—продолжаетъ г. Ровинскій,—что въ Иркутскѣ между купечествомъ, играющимъ въ общественной жизни самую важную роль, царствуетъ крайняя необразованность, потому что имъ негдѣ было получить образованія, а многіе изъ нихъ вышли изъ простыхъ ямщиковъ или обозныхъ приказчиковъ. Что касается общественныхъ проявленій жизни, то все это дѣлается не кореннымъ, туземнымъ обществомъ, а чиновниками, которые нынче здѣсь, а завтра тамъ, которые въ Иркутскъ попали случайно, предаются общественной дѣятельности отъ скуки и потребности фигурировать тамъ, гдѣ, по пословицѣ, на безлюдьи и Ѳома дворянинъ. Осуществленію ихъ плановъ помогаетъ только ихъ вліятельное по-

ложеніе. Неумѣлость этихъ людей роняетъ часто дѣло и компрометируетъ его на будущее время, а болѣе талантливые, при удачѣ, могутъ внести въ общество такія воззрѣнія, въ духѣ которыхъ дѣйствуя можно внести въ край громадное зло. Искусственно созданныя, безъ сознанія самого общества, учрежденія поэтому безпрестанно падаютъ; къ такимъ принадлежатъ, отдѣлъ Иркутскаго географическаго общества, общество [грамотности, юридическое, медицинское».

Умственная жизнь Сибири, при такомъ состояніи городовъ, ничѣмъ не обновлялась. Въ клубахъ и общественныхъ собраніяхъ Сибири отразился духъ прежней патріархальной жизни. Здѣсь водворились обжорство, пиршество, пьянство и картежная игра. Въ сибирскихъ городахъ не было высшаго сословія, не было дендизма, джентльменства, клубы были демократическіе, и чиновничество по нравамъ не стояло выше мѣстнаго купечества и мѣщанства, но подлаживалось къ нему. Только въ генералъ-губернаторскихъ резиденціяхъ, какъ Омскѣ и Иркутскѣ, благородныя собранія получили нѣкоторый оттѣнокъ военнаго сословія и вліяніе свиты генералъ-губернатора. Но за то въ этихъ собраніяхъ слишкомъ много было оффиціальнаго и чиновничьяго подобострастія, чтобы проявиться общественной жизни. Жизнь другихъ клубовъ, при распущенности, изобиловала скандалами. Такъ, въ одномъ клубѣ (томскомъ) явился, напримѣръ, цивилизаторъ, который, чтобы показать пренебреженіе къ обществу, предложилъ въ члены клуба своего кучера. Въ другомъ клубѣ избранный въ старшины пріѣзжій баринъ произноситъ рѣчь, гдѣ читаетъ внушенія о безсмысленномъ отношеніи общества къ выборамъ, такъ какъ оно, не зная его, избрало въ старшины; въ третьемъ клубѣ пріѣзжіе цивилизаторы танцуютъ канканъ (въ Красноярскѣ), въ четвертомъ просто дерутся. Трудно сказать, кто вносилъ въ эти клубы болѣе деморализаціи и распущенности: неотесанный-ли купецъ, «Кондратъ» по мѣстной терминологіи, то-есть, Титъ Титычъ, или пріѣзжій культуртрегеръ («навозный», какъ зовутъ въ Сибири), старавшійся показать свое пренебреженіе къ мѣстной средѣ и обнаруживший воспитаніе и пройденную школу низшихъ увеселительныхъ баловъ въ столицахъ или шпицъ-баловъ.

Основанныя по оффиціальному вызову, а иногда и побужденію, благотворительныя общества въ Сибири не получали долго жизненнаго направленія. Они существовали формально, обыкновенно во главѣ ихъ стояли губернаторши и вице-губернаторши, и имъ давалась этимъ путемъ честь и развлеченіе. Окружающіе это знали и знали всѣ тайны игры въ филантропію. Вызовы къ по-

жертвованіямъ дѣлались просто. Призывался откупщикъ или ростовщикъ, и ему предлагалось пожертвовать столько-то на благоугодное дѣло. Весьма благодарными жертвователями бывали такія лица, у которыхъ бывали уголовныя дѣла. Одинъ начальникъ, задумавъ постройку театра или военнаго училища, призвалъ разъ золотопромышленника и началъ ему читать уголовное о немъ дѣло. Когда послѣдній, обливаясь потомъ, предложилъ пожертвовать 40.000 р., то дѣло было сожжено. Другія пожертвованія дѣлались изъ тщеславія, изъ-за чиновъ, изъ-за титула коммерціи совѣтника, причемъ предварительно совершался торгъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ являлись жертвователи на церкви, соборы и сами брались совершать постройку на собственныя средства и наживались еще при этой постройкѣ. Словомъ, благотворители эти также легко обманывали людей, какъ и Бога. Нечего удивляться, что въ городахъ въ сибирскомъ обществѣ являлись почетные благотворители, которые при новыхъ порядкахъ принуждены были занять мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ, а въ одномъ городѣ, за Байкаломъ, почетный попечитель и благотворитель былъ уличенъ въ сношеніяхъ съ шайкой разбойниковъ и повѣшенъ (Алексѣевъ). Можно было представить себѣ также иногда достоинство и качество жертвуемаго. Но тѣмъ не менѣе, благодаря репрессаліямъ, торговлѣ при благотворительности и тщеславіи купечества вносились и завѣщались въ сибирскихъ городахъ огромные капиталы на разныя учрежденія. Весь вопросъ, насколько чисты были эти жертвы, когда истинныхъ человѣческихъ и филантропическихъ чувствъ еще не пробуждалось, и какіе мотивы руководили жертвователями?

Положеніе образованнаго человѣка въ сибирскомъ обществѣ было невыносимо тяжело: среди невѣжественной среды, полной грубыхъ недостатковъ, онъ являлся одинокимъ, не имѣлъ почвы, не было даже небольшаго кружка людей, къ которымъ онъ могъ бы примкнуть и признать въ нихъ свое отечество. Онъ не находилъ себѣ поддержки и сочувствія; ученые въ Иркутскомъ географическомъ отдѣлѣ называютъ себя «закинутыми» въ этотъ печальный край. Люди съ слабыми силами сплошь и рядомъ погибали здѣсь и падали нравственно (такъ погибла здѣсь, напримѣръ, масса медиковъ и учителей).

Одинъ изъ погибшихъ въ Сибири поэтовъ, горный инженеръ Баульдауфъ, слѣдующимъ образомъ выражаетъ это одиночество:

Какъ хотѣлось славой жить,
Славой чистой, славой громкой,
Но въ Дауріи съ котомкой,
Трудно славу получить.

Что пѣвцу родныя горы,
Что уступы дикихъ скалъ,
Онъ Даурію узналъ
И изъ глазъ катятся слезы.

Отдѣлъ Иркутскаго географическаго общества заявилъ даже своею цѣлью поддерживать нравственныя силы ученыхъ, заѣзжающихъ въ Сибирь. Понятно, что многіе образованные люди находили единственнымъ спасеніемъ своихъ силъ бѣгство изъ Сибири, и только немногіе труженики рѣшались отдавать свои силы краю. Но самое трагическое положеніе доставалось на долю тѣхъ зародышей мѣстной интеллигенціи, какіе временами проявлялись здѣсь, начиная съ Словцова, друга Сперанскаго. Такой туземецъ, желая приносить пользу, находилъ самый упрямый отпоръ въ нравахъ и жизни. Положеніе развитой, интеллигентной и одаренной сердцемъ личности среди грубаго, невѣжественнаго, живущаго исключительно промышленно-кулаческими интересами и пропитаннаго узко-эгоистическими взглядами и корыстными побужденіями общества съ горечью обрисовано историкомъ Щаповымъ въ статьѣ: «Объ отсутствіи высшихъ нравственныхъ чувствъ у сибиряковъ». Положеніе это тяжело, невыносимо, но оно несравненно важнѣе было по своимъ соціальнымъ и историческимъ послѣдствіямъ. Между мѣстной интеллигентной личностью и обществомъ образовался тотъ антагонизмъ и та грань нетерпимости, которые не приносили пользы ни той, ни другой сторонѣ. Онѣ обѣ страдали недостатками и ошибками. Общество, въ силу своего непониманія, не пользовалось способностями и талантами человѣка, который могъ принести ему большую пользу; человѣкъ же интеллигентный, подъ вліяніемъ раздраженія, презиралъ это общество, а съ нимъ и мѣстные общественные вопросы. Такимъ образомъ, нарушалась та связь, которая необходима для гармоническаго развитія; живыя части его жили отдѣльно, не оплодотворяя другъ друга. Между тѣмъ нигдѣ, можетъ быть, образованіе не способно принести такихъ благодѣтельныхъ плодовъ, какъ въ Сибири. Русское населеніе окружено инородцами и азіатскими народностями. Къ мѣстному населенію примѣшивалась масса элементовъ, понижавшихъ его достоинства. Въ это общество входила масса сосланныхъ сюда преступниковъ, которые растлѣвали нравственность общества и постоянно разрушали понятія о собственности, о правѣ, о личной неприкосновенности и т. д. Все это способствовало только паденію и регрессу общества, а въ краѣ не было никакихъ средствъ противодѣйствовать этому растлѣнію и сколько-нибудь поднять это косное общество, не поднимавшееся ни до вы-

соты гражданскаго долга, ни до понятія собственныхъ интересовъ въ цѣлой совокупности, ни до собственнаго сознанія. Здѣсь не было примѣровъ гражданской честности, самоотверженія, возвышенныхъ стремленій. Въ то время, когда Россія переживаетъ реформы, измѣняющія ея бытъ, сибирское общество остается въ прежнемъ неподвижномъ положеніи.

Намъ остается добавить, что отсутствіе внутренней общественной жизни и равнодушное отношеніе къ своему существованію отражалось даже на учрежденіяхъ, которыя были призваны просвѣщать, распространять образованіе и наставлять общество. Окружающая апатія парализовала ихъ дѣятельность и извращала ее. Администраторы, церковно-служители, учителя, педагоги, медики, закинутые въ Сибирь, не могли быть въ невѣжественной средѣ на высотѣ своего призванія. Кругомъ шла нажива, совершались злоупотребленія, уголовщина, у населенія повсюду царила апатія и полное равнодушіе къ духовнымъ и умственнымъ интересамъ.

Понятенъ тотъ вопль и негодованіе, которые вырвались у человѣка образованнаго, съ развитымъ умомъ и сердцемъ, вернувшагося на свою родину. Онъ не находилъ въ этомъ обществѣ здоровыхъ инстинктовъ гражданской жизни и нравственныхъ идеаловъ [1]). Положеніе сибирскаго общества составляло тѣмъ болѣе яркій контрастъ, что въ Европейской Россіи уже пробуждалась жизнь и являлись новыя требованія. Гражданскія стремленія при отсутствіи интеллигентнаго и образованнаго класса отсутствовали, сибирское общество не разобралось съ своими мѣстными вопросами, не выдвигало ихъ. Оно было тупо, равнодушно и къ вопросу о ссылкѣ, не разбирая, вредна она или полезна, безучастно къ переселеніямъ, живя промышленною жизнью, оно, однако, не сознавало экономическихъ вопросовъ, не чувствовало потребностей саморазвитія, самосовершенствованія и гражданскаго преуспѣянія. Самый патріотизмъ сибиряковъ былъ безсознательный, они любили свою природу, обстановку, хвастались гостепріимствомъ, матеріальными удобствами при новомъ строѣ, но въ ихъ патріотизмѣ недоставало критическаго отношенія къ себѣ, сознательной любви, стремленія сдѣлать свою родину лучшей, отсутствіе всякаго представленія о ея будущности, славѣ и тѣхъ условіяхъ при которыхъ возможно будетъ ея общечеловѣческое развитіе и существованіе. Пламенная, горячая вѣра въ будущее еще не согрѣла сердца сибиряковъ, среди льдистой страны жило холодное сердце.

---

[1]) Такія отношенія къ Сибири выразились у А. Щапова и Шашкова, уроженцевъ Сибири. Здѣсь было много суровыхъ приговоровъ, но въ этомъ негодованіи сказался жаръ первыхъ публицистовъ.

Новый періодъ жизни Сибири можетъ быть опредѣленъ со времени юбилея 300-лѣтія. Только съ этого времени мы видимъ рѣзкій поворотъ въ жизни Сибири—до этого времени общественная жизнь ея молчитъ. 300-лѣтній юбилей и празднованіе его десять лѣтъ назадъ, въ 1881 г., должно быть отмѣчено не въ одномъ хронологическомъ порядкѣ. Моментъ этотъ сопровождается нѣкоторымъ подъемомъ духа, пробужденіемъ сознанія и имѣетъ весьма важныя слѣдствія въ самой внутренней жизни Сибири.

Сибирскій юбилей былъ поводомъ выразить тѣ желанія и стремленія, которыя созрѣли въ сибирскомъ обществѣ и которыя постепенно назрѣвали въ послѣднія 30 лѣтъ. Масса образованныхъ людей, наводнявшихъ Сибирь съ 60-хъ годовъ, времени обновленія Россіи, не могли не внести своихъ взглядовъ и не повліять на сибирское общество. Въ сибирской жизни притокъ образованныхъ людей обнаружился въ Восточной Сибири во времена Муравьева-Амурскаго, въ Западной Сибири во время Деспота-Зеновича и генералъ-губернатора Казнакова. Въ Сибирь начали возвращаться съ 60-хъ годовъ, кромѣ того, образованные сибиряки, которые ранѣе размѣщались въ центрѣ Европейской Россіи. Одушевленные стремленіемъ приносить пользу своей родинѣ и работать для нея эти лица съ умственнымъ развитіемъ вносили въ свою работу теплоту чувства и безкорыстную преданность родинѣ. Къ писателямъ и общественнымъ дѣятелямъ 50-хъ и 60-хъ годовъ присоединилась «молодая Сибирь». Ея патріотическія мечтанія вызвали въ 60-хъ годахъ реакцію, и различныя обвиненія, но устраняя юношескія мечтанія и утопіи въ области практическихъ вопросовъ текущей жизни, представители сибирскаго обновленія были исполнены самыхъ благихъ стремленій и помысловъ, настаивая на необходимости университета для Сибири, просвѣщенія, созданія печати, расширенія научной дѣятельности и проч. Все это поднимало общественное сознаніе.

30 лѣтъ культурной работы не пропали для Сибири и, конечно, этому содѣйствовало измѣненіе взглядовъ на нашу окраину, происшедшее и въ Европейской Россіи. Такъ или иначе, лучшіе представители русскаго общества, какъ Сперанскій, Муравьевъ, Казнаковъ и другіе администраторы, содѣйствовали измѣненію взглядовъ и заставили придать большую цѣну и государственное значеніе окраинѣ. Все это выразилось опредѣленно и было формулировано по случаю празднества 300-лѣтія [1]). Мы приведемъ въ извлеченіяхъ описаніе этого общественнаго торжества.

[1]) Свидѣтельствомъ полнаго индиферентизма Сибири въ предшествовавшій періодъ служитъ то, что юбилей какъ 100-лѣтія, такъ и 200-лѣтія Сибири ничѣмъ не ознаменовывался; о празднованіи 200-лѣтія извѣстно только по одной произнесенной проповѣди.

Въ день 26 октября 1881 г., въ день взятія Искера и первой побѣды Ермака, уроженцы Сибири, въ Петербургѣ и Москвѣ, рѣшили собраться на обѣдъ, обмѣняться чувствами и мыслями по случаю торжественнаго событія. Такъ какъ многіе сибиряки въ столицахъ не были знакомы между собой и собрать ихъ газетными оповѣщеніями было бы трудно, то положено было на устройство обѣда 26 октября испросить разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ прибѣгнуть къ посредству наиболѣе распространенныхъ газетъ, въ которыхъ было напечатано слѣдующее объявленіе: «Въ виду приближающагося 300-лѣтія завоеванія Сибири, сибиряки, сибирячки и лица, посвятившія свои труды краю,— приглашаются принять участіе въ обѣдѣ 26 октября, въ день взятія Искера» (Обѣдъ былъ въ гостинницѣ «Демутъ»).

Въ Москвѣ послѣдовалъ подобный же обѣдъ и было напечатано подобное же объявленіе, приглашались: сибиряки, сибирячки и «лица, сочувствующія процвѣтанію края» [1]).

26 октября 1881 года, въ Петербургѣ, состоялся сибирскій обѣдъ въ ознаменованіе 300-лѣтняго присоединенія Сибири къ Россіи, считая памятный день взятія Искера началомъ покоренія обширной восточной окраины. Праздновать этотъ день собралось болѣе двухсотъ человѣкъ. Это были большею частью сибиряки, сибирячки и лица, посвящавшія свои труды Сибири. Среди нихъ виднѣлись генералы, профессора, писатели, доктора, студенты, уроженцы Сибири, учащіяся дѣвицы, курсистки и дамы, которымъ Сибирь была близка по воспоминаніямъ. На обѣдѣ участвовали почти всѣ члены комитета общества для содѣйствія промышленности и торговлѣ. На предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ генералъ-адъютантъ Л. П. Софіано, бывшій предсѣдатель Восточнаго Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества, рядомъ съ нимъ вице-предсѣдатель Императорскаго Географическаго Общества П. П. Семеновъ, далѣе В. А. Милютинъ и др.

Рядъ тостовъ и спичей былъ открытъ однимъ изъ распорядителей обѣда, В. А. Милютинымъ [2]). Импровизированную рѣчь свою, произнесенную съ энергіей и глубокимъ чувствомъ, В. А. Милютинъ началъ съ того, что «возбужденный въ прессѣ споръ относительно времени, съ котораго должно считаться присоединеніе Сибири, для собравшихся на трапезу, не долженъ имѣть особаго значенія. Составляетъ-ли взятіе Ермакомъ Искера частный только эпизодъ или же онъ имѣетъ болѣе существенное значеніе, при празднованіи этого событія допускается-ли ошибка на годъ, на два или на три,—важенъ лишь фактъ, а фактъ тотъ, что на призывъ отпраздновать извѣстное, исполненное глубокаго смысла, историческое событіе, откликнулись всѣ тѣ, кому дорога Сибирь по той или другой причинѣ» (стр. 5).

В. А. Милютинъ напомнилъ слушателямъ, что если принято ростъ человѣчества считать 25-лѣтними періодами, то надъ Сибирью и на пользу Сибири поработали 12 поколѣній: тринадцатое, представители котораго находятся въ залѣ; каждое поколѣніе, по словамъ оратора, вносило въ общую сокровищницу развитія Сибири свою долю дѣятельности, каждое можетъ указать на болѣе или менѣе достойныхъ представителей своихъ, каждое можетъ сослаться какъ на подвиги, такъ и на промахи и ошибки. «Помянувъ доброй памятью всѣхъ отошедшихъ дѣяте-

---

[1]) Выдержки сдѣланы изъ брошюры «300-лѣтіе Сибири. Празднованіе въ Петербургѣ и Москвѣ». С.-Петербургъ, 1882 г.

[2]) В. А. Милютинъ, братъ бывшаго военнаго министра, посвятилъ лучшіе годы службѣ въ Восточной Сибири и былъ однимъ изъ просвѣщенныхъ дѣятелей здѣсь; онъ читалъ лекціи въ Иркутскѣ и издавалъ газету.

лей, порадѣвшихъ на пользу Сибири, съ благодарностью къ современнымъ бойцамъ за правые принципы, безъ всякой зависти къ молодежи, которой придется осуществлять завѣтнѣйшія мечты дорогаго края, съ вѣрой и надеждой въ будущность его, воскликнемъ: за Сибирь», закончилъ свою рѣчь В. А. Милютинъ. Предсѣдатель Географическаго Общества, П. П. Семеновъ, совершившій знаменитое путешествіе въ Тянь-Шань, говорилъ слѣдующее: «Много лицъ посѣщало Сибирь. Люди, которые посвятили свои лучшіе годы на служеніе Сибири, всѣ становились сибиряками въ смыслѣ симпатіи, любви къ Сибири. Ученыя общества, которыя раскинули свою дѣятельность по всей Сибири, много обязаны ей. Общество Императорское Географическое, членомъ котораго я имѣю честь состоять, особенно обязано Сибири. Оно съ благодарностью вспоминаетъ Сибирь. Но есть одна, еще болѣе глубокая связь Россіи съ Сибирью. Это—связь русскаго народа съ сибирякомъ. Я видѣлъ въ наши голодные годы массы переселенцевъ, говорилъ ораторъ, которые шли въ Сибирь. Я имѣлъ случай читать письма, призывающія русскихъ на житье въ Сибирь—всѣ они дышали радушіемъ и описаніемъ богатствъ сибирской природы». Затѣмъ П. П. Семеновъ провелъ мысль о связи Россіи съ Сибирью. Султанъ Гази-Булатъ Вали-Ханъ говорилъ въ этомъ собраніи о великомъ значеніи объединенія, необходимаго между киргизами и другими сибирскими инородцами съ народностью русскою. Профессоръ Фойницкій [1]) обратилъ вниманіе собранія на Сибирь, какъ на страну ссылки; онъ окончилъ рѣчь: «да изгладится взглядъ на страну, какъ на страну наказанія, да сдѣлается она широкимъ поприщемъ науки, нравственности и народнаго благоденствія!» К. П. Мейбаумъ [2]) говорилъ: «Многіе изъ насъ, вывезенные въ Европейскую Россію для воспитанія и образованія, къ сожалѣнію, съ дѣтства оставляютъ свою родину навсегда, такъ какъ, окончивъ образованіе, не могутъ возвратиться, одни потому, что въ этотъ долгій періодъ времени потеряли родныхъ, другіе же по роду предоставляемой имъ дѣятельности и, привыкая къ новой мѣстности, обзаведясь семьей, остаются въ Россіи навсегда. Такимъ образомъ, собственно для Сибири они, пламенно любя ее, лишены возможности трудиться; если кому-либо изъ нихъ и придется что дѣлать на пользу любимаго края, то эти единичные случаи принести пользу остаются попытками и забываются въ массѣ другихъ дѣлъ. Пусть же это съ устройствомъ въ Сибири образовывающихъ учрежденій измѣнится къ радости сибиряковъ. Пусть же теперь призывъ желающихъ потрудиться на пользу дорогой намъ родины раздается благовѣстомъ и за стѣнами этого зданія для всѣхъ, и съ трехсотлѣтней годовщины начнется новая эра благодатной, правильной дѣятельности края» (стр. 12).

Ораторъ предлагаетъ просить г. министра внутреннихъ дѣлъ испросить Высочайшее соизволеніе на учрежденіе изъ свѣдущихъ людей сибирской коммиссіи, которой предоставлено бы было право разсмотрѣнія заявленій сибиряковъ и ходатайства предъ правительствомъ о нуждахъ края. Такъ:

1) Объ устройствѣ путей сухопутныхъ и водяныхъ, равно о судостроеніи, судоходствѣ и мореплаваніи.

2) О развитіи промышленности и торговли края, какъ внутренней, такъ и внѣшней.

3) Объ устройствѣ выставокъ для предметовъ, производимыхъ краемъ.

---

[1]) Профессоръ Фойницкій занимался исторіей ссылки и въ своихъ трудахъ былъ противникомъ ссылки.

[2]) Г. Мейбаумъ уроженецъ Сибири, членъ Общества содѣйствія промышленности и торговлѣ.

4) О скорѣйшемъ открытіи Высочайше разрѣшеннаго для Сибири университета, объ увеличеніи числа учебныхъ заведеній, народныхъ школъ, о предоставленіи средствъ обучающимся.

5) О геологическихъ и другихъ научныхъ изслѣдованіяхъ.

6) О нуждахъ мѣстной печати.

7) О допущеніи переселенія на свободныя и удобныя земли въ краѣ.

8) О прочихъ нуждахъ, какія окажутся, для устройства быта.

Сверхъ того на общемъ предстоящемъ празднованія годовщины трехсотлѣтія присоединенія Сибири всеподданнѣйше просить о дарованіи нашему краю гласнаго судопроизводства и земскихъ учрежденій, которыми Высочайше осчастливлена Европейская Россія.

Графъ Игнатьевъ, благосклонно принявшій нашу депутацію и выразивши намъ, сибирякамъ, сочувствіе, вѣроятно, не откажетъ въ своемъ просвѣщенномъ содѣйствіи для преуспѣянія Сибири. Если мы, надломленные жизнью или почему нибудь не сможемъ съ пользою потрудиться, то пусть наша надежда, наши дѣти, примутъ наше завѣщаніе — научиться, знаніе же и трудъ принести на благо родины (К. П. Мейбаумъ, стр. 12, 13). Н. И. Наумовъ, какъ народный писатель, обратилъ вниманіе на жизнь народа въ Сибири и на его историческое труженичество. Онъ предлагалъ почтить своимъ привѣтомъ и уваженіемъ этотъ трудъ сибирскаго крестьянства (стр. 13). Въ дополненіе къ рѣчамъ, полковникъ П. Ц. Биркъ, уроженецъ Сибири, внесъ предложеніе присутствующимъ собираться ежегодно въ память 26 октября сибирякамъ, живущимъ въ столицѣ. Предложеніе это принято съ полнымъ сочувствіемъ. Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что на сибирскомъ обѣдѣ, происходившемъ въ Москвѣ, принято присутствовавшими подобное же рѣшеніе (стр. 15). Въ Москву и сибирскіе города были въ этотъ день посланы поздравительныя телеграммы. И въ отвѣтъ на это были получены распорядителями телеграммы: изъ Благовѣщенска, Хабаровки, Тюмени, Кяхты, Енисейска, Москвы, отъ редакціи «Сибирской Газеты». Въ тоже число, 26 октября, живущіе въ Москвѣ сибиряки также праздновали ту же годовщину. Въ 6 часовъ вечера, въ русской палатѣ гостинницы «Славянскій Базаръ», состоялся, въ честь этого дня, обѣдъ, на которомъ присутствовало около 90 человѣкъ (стр. 17, 18 300-лѣтія Сибири).

На этомъ обѣдѣ былъ предложенъ тостъ г. Чукмалдинымъ въ память великаго историческаго событія—завоеванія Сибири и въ честь героя этого событія—Ермака, его дружины и знаменитыхъ гражданъ Строгоновыхъ. Провозглашая этотъ тостъ, г. Чукмалдинъ сказалъ, между прочимъ слѣдующее: «Наше русское общество, во весь 300-лѣтній періодъ существованія Сибири, ошибочно думало, что Сибирь только «золотое дно» и дѣлало историческую ошибку, ссылая туда массу преступниковъ и мало обращая вниманія на личныя качества административнаго персонала, управлявшаго Сибирью. Если, не смотря на внѣшнія неблагопріятныя условія, сибирское населеніе представляетъ собою, въ настоящее время, типичную особенность — извѣстную высоту умственнаго и нравственнаго развитія, подвижность и энергію, то этимъ оно обязано, главнымъ образомъ, тому, что не имѣло великаго народнаго зла—крѣпостнаго права, отсутствіе котораго дало возможность перенести всякія невзгоды». (Г. Чукмалдинъ, стр. 18, 19 «300-лѣтіе Сибири»). Г. Баснинъ произнесъ слѣдующее: «Много лѣтъ прошло съ завоеванія, и, не смотря на трудности заселенія страны первобытной, обширной, не смотря на достигшій ужасающихъ размѣровъ произволъ, одна за другою смѣнявшихся администрацій, не смотря на приливъ ссыльныхъ, бодрый духъ не оставилъ сибиряковъ, и до сихъ поръ живетъ въ нихъ старое

стремленіе къ общественности, самодѣятельности. Такіе задатки, конечно, не могутъ не подать самыхъ лучшихъ надеждъ, что когда желанныя въ Сибири реформы, осуществленныя уже въ Россіи, коснутся ея, то найдутъ наилучшую почву. Сибирь имѣетъ уже городское самоуправленіе, но ей нужно замѣнить старое судопроизводство новымъ, ей нужны земскія учрежденія; ей нужно болѣе свободы для прессы и многое другое, и тогда государственность и общественность въ своемъ взаимодѣйствіи создадутъ въ Сибири широкую почву для развитія благоденствія и возродится наша дорогая родина и старая ея энергія возрастетъ еще болѣе на свободномъ общественномъ поприщѣ и принесетъ результаты, которыхъ трудно и предвидѣть» (стр. 20).

Юбилейный обѣдъ былъ въ Москвѣ отпразднованъ съ тѣмъ же единодушіемъ и петербургская и московская печать по поводу 26 октября 1881 года дала цѣлый рядъ статей о сибирскомъ юбилеѣ, указавъ на его значеніе и бросивъ нѣсколько мыслей о настоящемъ положеніи Сибири и о ея надеждахъ. Статьи эти начали появляться уже наканунѣ 26 октября и представляютъ не мало любопытнаго.

Одинъ изъ распорядителей предложилъ собравшемуся обществу устроить немедленно подписку на образованіе фонда въ пользу недостаточныхъ студентовъ будущаго Сибирскаго университета. Тотчасъ же по рукамъ пошелъ подписной листъ, и изъ подписанныхъ пожертвованій составилась сумма въ 3.250 руб. По окончаніи обѣда, была предложена другая подписка — въ пользу недостаточныхъ студентовъ-сибиряковъ, воспитывающихся въ Московскомъ университетѣ. Эта подписка дала около 500 руб.

Послѣ тоста за Сибирскій университетъ, былъ провозглашенъ г. Москвинымъ тостъ за печать сибирскую и столичную. По случаю 300-лѣтія высказала свои взгляды на будущность Сибири и столичная печать.

Говоря о богатствахъ Сибири, «Русск. Вѣд.» указываютъ на тотъ печальный и поразительный фактъ, что русскіе, не смотря на всю свою смышленость, предпріимчивость и умъ, не съумѣли воспользоваться, въ продолженіи цѣлыхъ трехъ вѣковъ, неисчерпаемыми богатствами Сибири, и что скотоводство, земледѣліе и разные промыслы находятся въ зачаточномъ состояніи; въ такомъ же состояніи находятся пути сообщенія, народное образованіе и торговля. «А между тѣмъ», говоритъ газета, «Сибирь—золотое дно, она не видала крѣпостнаго права, она была одною изъ первыхъ заботъ нашего государственнаго хозяйства... отчего же эта гора родила только мышь?» спрашиваетъ газета. «Мы здѣсь подходимъ къ двумъ капитальнымъ вопросамъ», продолжаетъ газета, «между которыми, какъ между полюсами, вращалась судьба Сибири; эти вопросы: сибирская администрація и значеніе Сибири, какъ мѣста ссылки. Сибирскіе воеводы и приказные, затѣмъ сибирское чиновничество вошли въ пословицу, какъ синонимъ всяческихъ злоупотребленій, превышенія власти, произвола и насилій; значеніе Сибири, какъ мѣста ссылки, давно уже вызываетъ справедливыя жалобы и со дня на день ждетъ реформы. Вотъ исторически сложившіеся тормазы, которые связывали по рукамъ и по ногамъ всякое проявленіе свободной дѣятельности и развитія Сибири, заставляя ея богатства лежать нетронутыми, оставляя лучшія мѣстности незаселенными и, вообще, дѣлая изъ ея исторіи какой-то скорбный листъ».

«Что касается будущаго Сибири, то можно сказать только пока одно, что она находится въ ожиданіи цѣлой серіи реформъ», говорятъ «Русск. Вѣд.», «которыми уже пользуется Россія и, затѣмъ, значеніе Сибири съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться. Лучшіе люди съ нетерпѣніемъ ожидаютъ введенія

въ Сибири новыхъ судовъ, земскихъ учрежденій, новаго городскаго устройства, открытія Сибирскаго университета, широкаго развитія свободнаго слова. Только при наличности этихъ условій возможно правильное развитіе промысловъ, земледѣлія, скотоводства, торговли, образованности и благосостоянія экономическаго и нравственнаго. Сибирь слишкомъ много пережила тяжелыхъ минутъ за свои триста лѣтъ; потому нельзя не пожелать ей въ будущемъ спокойнаго развитія».

Въ заключеніе «Русск. Вѣд.» сравниваютъ Сибирь съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами (стр. 24, 25 «300-лѣтіе Сибири»).

«Эхо», въ статьѣ «По поводу трехсотлѣтняго юбилея Сибири», сдѣлавъ краткій очеркъ завоеванія Сибири, бросаетъ бѣглый взглядъ на результаты трехсотлѣтняго періода культурной жизни Сибири. Газета находитъ, что эта область и теперь является такою же пустынею, какою была и въ старину; что лѣса и болота и теперь такъ же непроходимы, какими они были триста лѣтъ тому назадъ; что города и села находятся на громадномъ разстояніи другъ отъ друга, какъ въ странахъ, которыхъ еще не успѣли коснуться успѣхи европейской культуры. Низшій слой населенія Сибири носитъ такую печать нищенства, забитости, грубости и физическаго вырожденія, что въ сравненіи съ населеніемъ Европейской Россіи представляетъ большой контрастъ. Среднее сословіе, состоящее преимущественно изъ купцовъ и чиновниковъ, не смотря на свой довольно низкій уровень образованія, хозяйничаетъ въ странѣ и представляетъ собой администрацію, которая получаетъ мѣста самымъ патріархальнымъ образомъ, чуть ли не по наслѣдству отъ отцовъ и дѣдовъ. Высшій классъ состоитъ изъ высшей бюрократіи, которая, не зная условій нужды, такъ какъ получаетъ образованіе въ С.-Петербургѣ, имѣетъ, тѣмъ не менѣе, рѣшающее значеніе въ управленіи страной. Затѣмъ, указавъ на ничтожное значеніе народныхъ школъ, гимназій и на отсутствіе университета, «Эхо» прибавляетъ: «Сибирь въ теченіи трехсотъ лѣтъ мало подвинулась впередъ; чуть-чуть не осталась въ первобытной простотѣ нравовъ, едва выдвинулась изъ самовластничества воеводъ. Сибирь своимъ юбилеемъ какъ бы напоминаетъ обществу о себѣ, она ждетъ и вправѣ ждать нѣкотораго вниманія. Въ чемъ же заключается надежда сибиряковъ? Сибирскія газеты, какъ выразительницы общественнаго мнѣнія, уже давно заявляютъ о необходимости введенія земскихъ и судебныхъ учрежденій, объ облегченіи условій колонизаціи, о переселеніи въ Сибирь крестьянъ средней полосы Россіи, объ улучшеніи быта инородцевъ и проведеніи желѣзныхъ дорогъ; словомъ, заключаетъ газета, ждутъ цѣлой системы коренныхъ преобразованій» (стр. 25, 26 «300-лѣтіе Сибири»).

27 октября (1881 г., № 275) была помѣщена статья въ «Минутѣ», поводомъ къ появленію которой послужилъ тотъ же юбилей Сибири. Въ ней говорилось, что Сибирь въ продолженіи трехсотъ лѣтъ была «золотымъ дномъ» для Россіи, откуда особенно много черпали золота гг. Разуваевы, Колупаевы и многіе друг. болѣе интеллигентные эксплоататоры, которое добывалось потомъ и кровью мѣстнаго населенія и растрачивалось самымъ безобразнымъ, непроизводительнымъ образомъ (стр. 30 «300-лѣтіе Сибири»). Наконецъ, послѣ празднованія юбилея появилась статья по поводу уже совершившагося торжества въ «Московскомъ Телеграфѣ» (№ 297, 27 октября 1881 г. стр. 30 «300-лѣтіе Сибири»).

«Новое Время» въ № 2034, 26 октября 1881 г., высказываетъ слѣдующія мысли: «Сибирь можетъ и должна явиться мѣстомъ для переселенія избыточнаго крестьянства, и въ этомъ отношеніи Сибирь является, по мнѣнію газеты, «нашими Соединенными Штатами», предоставляющими такое удобство для Россіи,

какимъ не пользуется ни одно государство въ мірѣ, такъ какъ русскіе переселенцы, прибывая въ Сибирь, селятся въ томъ же климатѣ и среди тѣхъ же родныхъ народныхъ привычекъ и образа жизни. Но Сибири не только нужны рабочія руки, а также многія реформы въ ея общественной жизни въ самомъ скоромъ времени. Такими реформами являются: отмѣна генералъ-губернаторскихъ управленій, изъятіе изъ рукъ чиновниковъ хозяйственной части и передача ихъ земству, введеніе судебной реформы, открытіе Сибирскаго университета и развитіе желѣзныхъ дорогъ, — все это повлечетъ за собой развитіе и поднятіе благосостоянія страны и ея мѣстнаго управленія, которое пребывало неизмѣннымъ въ томъ видѣ, въ какомъ оставилъ его Сперанскій шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ» (стр. 27 «300-лѣтіе Сибири»).

«Московскій Телеграфъ» (№ 297, 1881 г.) о сибирскомъ юбилеѣ сообщалъ слѣдующее: «Въ послѣднее время, въ особенности, слышались громко раздававшіеся изъ Сибири голоса съ мольбою объ удовлетвореніи насущнѣйшихъ нуждъ края, о реформахъ.

«Та же самая горячая мольба—о прекращеніи административнаго произвола, о реформахъ, о просвѣщеніи—сказалась во всѣхъ, произнесенныхъ вчера, на юбилейномъ торжествѣ, рѣчахъ и тостахъ. Какая-то невидимая, но чувствуемая печаль покрывала собой это торжество. Ни одной почти свѣтлой черты въ прошедшемъ и настоящемъ своего края не могли указать ораторы, говорившіе только о возможности лучшаго будущаго, того лучшаго, чего такъ долго, съ такимъ нетерпѣніемъ и такою жизненностью ждетъ населеніе Сибири, имѣя для насажденія новыхъ лучшихъ началъ исторически подготовленную почву». Затѣмъ газета приводитъ выдержку изъ рѣчи одного изъ распорядителей обѣда, состоявшагося по поводу празднованія юбилея, въ которой ораторъ горячо говорилъ о необходимости реформъ въ Сибири, и заключаетъ статью пожеланіемъ скорѣйшаго осуществленія всѣхъ свѣтлыхъ упованій Сибири (стр. 31 «300-лѣтіе Сибири»).

Появившаяся статья въ «Новостяхъ» (№ 290, 1881 г.) говоритъ о Сибири: «По истинѣ ужасна и жалка картина, представляемая намъ Сибирью и господствующими въ ней порядками». Далѣе газета замѣчаетъ, что, не смотря на «обильныя естественныя богатства», Сибирь похожа на какую-то африканскую Сахару, лишенную всякой культуры, «какой-либо осмысленной и интеллектуальной жизни», и населенную обездоленными и бѣдствующими людьми. Газета говоритъ, что положеніе Сибири теперь еще хуже, чѣмъ 300 лѣтъ тому назадъ, такъ какъ «Сибирь поставлена въ необходимость принимать всѣ отбросы изъ Европейской Россіи, что оказываетъ гибельное вліяніе на патріархальное, но когда-то честное и доброе туземное населеніе». Для каждаго наблюдателя такіе результаты трехсотлѣтней дѣятельности, конечно, не могутъ быть не изумительны, въ особенности въ виду примѣровъ, даваемыхъ хотя бы исторіею послѣдняго столѣтія». Затѣмъ газета приводитъ въ примѣръ Америку, которая въ одно столѣтіе достигла невѣроятнаго процвѣтанія, гдѣ цивилизація коснулась дикихъ индѣйцевъ и рабовъ-негровъ на столько, что они недалеки отъ культуры цивилизованной Европы. Австралія на столько ушла впередъ, что сибиряки не могутъ себѣ и представить; а таитяне изъ дикаго состоянія поднялись до того, что засѣдаютъ въ парламентѣ и дошли до уничтоженія смертной казни, не отвѣчающей понятію о человѣческомъ достоинствѣ. Далѣе газета очень сожалѣетъ о томъ, что наша пресса, сознавая полнѣйшую негодность сибирскихъ порядковъ и то, что для Сибири ничего не сдѣлано, старалась оправдать нашу косность (стр. 32 «300-лѣтіе Сибири»).

Наконецъ, по поводу состоявшагося празднованія юбилея появилась статья въ «Недѣлѣ» (8 ноября 1881 г., № 45, «Надежды и ожиданія Сибири»). «Одна изъ огромныхъ частей государства, составлявшая доселѣ нѣчто своеобразное по своему этнографическому складу, по своей жизни и исторіи, обособленная и изолированная обстоятельствами, выдѣляемая и доселѣ изъ общихъ гражданскихъ благъ, вступая въ новый фазисъ своего развитія, приготовилась ознаменовать свое 300-лѣтнее историческое существованіе актомъ сознательной жизни, говоритъ газета. Судьба и положеніе этого края давно уже привлекаютъ вниманіе печати и русскаго общества. Къ сожалѣнію, край этотъ, богатый задатками будущности, остается доселѣ нетронутымъ реформами; его не коснулось еще обновленіе, онъ страдаетъ отъ безпорядковъ и злоупотребленій; экономическая жизнь его въ застоѣ, множество вопросовъ, поднятыхъ жизнью, остаются неразрѣшенными. Не смотря на безпрестанныя жалобы, на неудобства и затрудненія, порождаемыя ссылкою уголовныхъ преступниковъ въ среду здороваго гражданскаго общества, Сибирь продолжаетъ получать отбросы и нечистоты общества; здоровая, свободная колонизація, могущая быть благодѣтельной для края, встрѣчаетъ задержки и далеко не имѣетъ надлежащаго простора», такъ начинается эта статья. Далѣе газета замѣчаетъ, что всѣ эти потребности были отмѣчены не разъ печатью, какъ столичною, такъ и мѣстною, и что весьма естественно, что празднованіе юбилея поднимаетъ гражданскія чувства сибирскаго общества и привлекаетъ вниманіе Россіи къ этой заброшенной странѣ. «Ни администрація, ни русское общество, ни печать не могутъ относиться къ нему (Сибирскому краю) безучастно; тѣмъ менѣе могутъ отнестись равнодушно сибиряки къ весьма важному моменту своей жизни. Понятны поэтому тѣ чувства и тѣ напряженныя ожиданія, которыя испытываетъ сибирское общество передъ своимъ юбилеемъ».

«Сибирскій юбилей важенъ для сибиряковъ, продолжаетъ газета, не въ смыслѣ одной памяти о прошломъ: онъ имѣетъ большое значеніе и для будущаго. Въ сердцѣ этого края таятся робкія надежды, въ молодомъ тѣлѣ начинаетъ бить пульсъ общественной жизни» (стр. 33 «300-лѣтіе Сибири»).

Выраженіе всѣхъ нуждъ Сибири проявилось въ послѣднее время довольно опредѣленно и ясно не только въ печати, но въ рядѣ заявленій представителей обществъ, выраженныхъ ко дню трехсотлѣтія. Такія заявленія сдѣланы енисейскою, иркутскою и томскою думами, причемъ положено ходатайствовать о введеніи реформъ.

Что касается самаго сибирскаго обѣда, то это было объединеніе лицъ, связанныхъ съ Сибирью жизнью и дѣятельностью и составляющихъ извѣстную областную группу въ средѣ другихъ, выставляемыхъ русской жизнью.

«На этомъ гражданскомъ праздникѣ сибиряковъ, говоритъ авторъ, мы представляемъ себѣ отдаленную и загадочную страну, молодую, прекрасную, съ богатыми задатками жизни, но тѣмъ не менѣе печальную и полную раздумья, подобно невѣстѣ, увѣнчанной цвѣтами, но сохраняющей слѣды слезъ на блѣдномъ лицѣ. Что сулитъ ей историческая жизнь грядущаго, оправдаетъ ли она свѣтлыя надежды, доступно ли будетъ ей человѣческое счастье, къ которому она стремится, — вотъ что выражаетъ взоръ ея, устремленный въ даль будущаго» (стр. 34 «300-лѣтіе Сибири»).

Подобныя же статьи, сопровождаемыя пожеланіями лучшей будущности этой окраинѣ, появились и въ русскихъ журналахъ. («Вѣстникъ Европы», 1881, кн. 12, стр. 39 «300-лѣтіе Сибири»).

Такими привѣтствіями сопровождался сибирскій юбилей 300-лѣтія, такія чувства надежды и мечты возбудилъ онъ, и нельзя не признать въ этомъ дѣйствительнаго оживленія духа, подъема и сознательнаго взгляда на свое прошлое и будущее. Поэтому, мы не можемъ не отмѣтить юбилей, какъ актъ сознательной общественной жизни.

Моментъ трехсотлѣтія Сибири породилъ цѣлый рядъ литературныхъ произведеній. Литература эта относится къ 1881 и 1882 году. Прежде всего наканунѣ празднованія 300-лѣтія возбудился вопросъ въ мѣстной печати о времени празднованія. Мнѣнія раздѣлились: одни указывали 26 октября 1881 г., какъ годъ, въ который вступилъ въ Сибирь Ермакъ, другіе—1882 г., какъ годъ настоящаго присоединенія и посылки воеводы въ Сибирь. Въ первомъ юбилеѣ разумѣлась идея пріобрѣтенія Сибири путемъ героическаго подвига вольнаго казака Ермака и затѣмъ упроченіе завоеванія посредствомъ вольнонародной колонизаціи. Другіе въ пріобрѣтеніи Сибири видѣли актъ завоеванія, предусмотрѣнный государственной политикой. Эти воззрѣнія выразились въ празднованіяхъ и Сибирь въ своемъ торжествѣ остановилась на памятномъ днѣ 26 октября 1881 г. Цѣлый рядъ историческихъ статей, вышедшихъ къ 300-лѣтію, посвященъ былъ изслѣдованію подробностей завоеванія, Пуцилло, Майкова, Оксенова, Тыжнова и др. [1]). Авторы эти по лѣтописямъ освѣщали подробности завоеванія и исторію походовъ за Уралъ, начиная съ новгородцевъ. Годовщина 300-лѣтія со стороны ученыхъ обществъ вызвала нѣсколько замѣчательныхъ изданій, освѣщающихъ историческое прошлое Сибири. Такъ, Императорское Русское Географическое Общество издало «Путешествіе чрезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая» русскаго посланника Николая Спафарія въ 1875 г. Дорожный дневникъ Спафарія съ введеніемъ и примѣчаніемъ Ю. И. Арсеньева. Другое ученое учрежденіе—Археографическая коммиссія издала «Краткую сибирскую лѣтопись» (Кунгурскую), изд. 1880 г., украшенную картинами, точно также коммиссія издала и другой трудъ: Чертежную книгу Сибири и позже географическій атласъ конца XVII ст., Ремезова, роскошное изданіе. Нако-

[1]) Къ вопросу, кто былъ Ермакъ Тимофеевичъ, Пуцилло. Русскій Вѣстникъ 1881 г. ноября, Майкова. Ж. М. Н. Пр. 1881 г. сентября. По поводу 300-лѣтія Сибири. Ядринцева. Вѣст. Европ. 1881 г. Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей. А. В. Оксенова. Литературн. Сборн. Приложен. къ Вост. Обозр. 1885 г., стр. 425. Слухи и вѣсти о Сибири до Ермака. Его же. Сибирск. Сборн. 1886 г. Статья Тыжнова. Сибирск. Сборн. 1887 г.

нецъ, 3-е изданіе Археографической коммиссіи—Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка изъ портфелей Миллера съ 1701 по 1713 г. Послѣднее сочиненіе представляетъ богатый матеріалъ къ исторіи колонизаціи Сибири (Вост. Об. 1883 г. № 4). Русскіе ученые не преминули въ юбилей Сибири бросить взглядъ на ея прошлое и будущее. Вице-предсѣдатель Императорскаго Русскаго Географическаго Общества П. П. Семеновъ произнесъ рѣчь на сибирскомъ юбилейномъ обѣдѣ въ Петербургѣ въ 1881 г., и затѣмъ 18 декабря 1882 г. въ собраніи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. (Рѣчь напечатана въ Вост. Обозр. 1882 г. №№ 39—40). Профессоръ Замысловскій о занятіи русскими Сибири произнесъ рѣчь на актѣ Императорскаго историко-филологическаго института 3 іюня 1882 г.

6 декабря 1882 г. торжественныхъ собраній въ Петербургѣ не было. Рѣчи о прошломъ Сибири произнесены: П. П. Семеновымъ въ общемъ собраніи Русскаго Географическаго Общества и Ядринцевымъ въ засѣданіи Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ: «Культурное и промышленное состояніе Сибири».

Въ 1882 г. разрѣшено было сибирскимъ городамъ отпраздновать юбилей присоединенія Сибири. (Статьи по случаю юбилея см. въ Восточ. Обозр. 1882 г. №№ 37, 38, 39—40) [1]).

Сибирскій юбилей 1881 г. возбудилъ ожиданія и надежды сибиряковъ, онъ побудилъ формулировать и выразить опредѣленно желанія и потребности края. Все это выразилось ко дню юбилея съ патріотическимъ одушевленіемъ и подняло духъ сибиряковъ. Съ 1881 г. сибирскіе вопросы выступали на очередь русской жизни. Сибирь не явилась уже чуждой для русской печати и интересъ къ ней все болѣе возросталъ во все текущее десятилѣтіе. Подъемъ духа въ Сибири въ этотъ моментъ такъ былъ великъ, что мы не можемъ не отмѣтить его, какъ замѣчательное проявленіе сознательной жизни.

Томская и енисейская думы въ общихъ собраніяхъ постановили ходатайствовать о реформахъ: отмѣнѣ ссылки, введеніи земства и т. п. Съ этого времени въ сибирской жизни и сибирскихъ городахъ пробуждается все болѣе и рѣзче интеллигентная жизнь. Съ 1881 г. замѣтно расширеніе печати и потребность въ ней выразилась цѣлымъ рядомъ новыхъ органовъ.

---

[1]) Поздравленія и телеграммы по случаю юбилея 1882 г. помѣщены въ Вост. Обозр. 1882 г. № 38. Описаніе юбилея въ сибирскихъ городахъ помѣщено въ корреспонденціяхъ 1883 г. Вост. Обозр. №№ 1, 2, 3, см. также «Сибирь» и «Сибирскую газету».

До 1881 г. существовала одна частная газета, послѣ 1881 г. возникло ихъ пять.

Текущія десять лѣтъ ознаменовались многими событіями. Сибирь дождалась открытія университета въ 1888 г., хотя пока и съ однимъ факультетомъ. Рѣчь о сибирскихъ реформахъ долго не сходила съ устъ сибиряковъ.

Послѣ трехсотлѣтія Сибири жизнь получила такой толчокъ, перемѣна такъ была значительна, что нельзя не признать этого поворота за вступленіе Сибири въ новый періодъ исторіи.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что самыя воззрѣнія русскаго общества и правительства на Сибирь измѣнились. Это была уже не обширная инородческая пустыня, но страна, требующая гражданскаго развитія. Интересы русскаго населенія вызывали особыя заботы здѣсь. Въ русской печати въ послѣднія десять лѣтъ было болѣе обращено вниманія на Сибирь и вопросы, выдвинутые жизнью края, были приняты къ свѣдѣнію.

Многіе писатели и изслѣдователи народнаго быта посѣтили Сибирь, какъ, напримѣръ, Г. И. Успенскій, профессоръ Исаевъ, В. И. Семевскій, Н. Л. Гондатти, Астыревъ, Личковъ, Кауфманъ и другіе. Въ очеркахъ сибирскаго быта и жизни принимали участіе лица, такъ или иначе попавшія въ Сибирь, какъ Короленко, Клеменцъ, Мачтетъ, Станюковичъ и другіе. Сибирь возбудила въ это десятилѣтіе вниманіе иностранцевъ; ее посѣтили: англичанинъ Ланздель, итальянецъ Сомье, американецъ Кенанъ, миссъ Марсденъ, ученые финляндцы, какъ Альквистъ, Аспелинъ, Доппер, Гейкель, шведскіе ученые, французы и нѣмцы. Въ глазахъ этихъ иностранцевъ Сибирь явилась въ новомъ свѣтѣ, а именно, посредницей Европы съ Азіей и международной дорогой. Это выразилось въ предложеніи американцевъ и французовъ взять на себя постройку желѣзной дороги чрезъ Сибирь. Одна французская компанія въ 1891 г. предлагала взять на себя постройку всей желѣзной дороги чрезъ Сибирь отъ Восточнаго Океана.

Кромѣ наплыва путешественниковъ и экспедицій, въ краѣ появилась болѣе оживленная дѣятельность и въ мѣстныхъ ученыхъ учрежденіяхъ, которыя преумножились въ своемъ составѣ. Къ Отдѣлу Восточно-Сибирскому Императорскаго Географическаго Общества присоединился открытый Отдѣлъ Западно-Сибирскій, наконецъ общество изученія Амурскаго края, общество естествоиспытателей при Томскомъ университетѣ и «общество изученія Алтая».

Благодаря этимъ дѣйствующимъ обществамъ, произведены многія географическія, этнографическія и археологическія изслѣдованія въ Сибири.

Съ 1874 г. мы видимъ изслѣдованія на границахъ Западной Сибири М. В. Пѣвцова, его путешествіе въ Зайсанъ и Китай до Кукохото, путешествіе И. Я. Словцова въ киргизскую степь, по Уралу и по Тавдѣ въ Тобольской губерніи, а также замѣчательныя археологическія открытія каменнаго вѣка, сдѣланныя имъ около Тюмени. Ему же обязано тюменское реальное училище собраніемъ богатыхъ мѣстныхъ коллекцій. На сѣверѣ Сибири и около Тобольска производилъ изслѣдованія рано погибшій ученый сибирякъ И. С. Поляковъ, изслѣдованіе древняго Искера обязано М. С. Знаменскому; онъ же не разъ представлялъ картины по этнографіи Сибири.

Уроженецъ Сибирскаго казачьяго войска Ѳ. Н. Усовъ составляетъ историческое и статистическое описаніе этого войска; подобныя же работы по заселенію степи составляетъ Катанаевъ. При содѣйствіи Западно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества предпринимаются экспедиціи для изученія быта переселенцевъ въ Алтаѣ, и печатаются изслѣдованія о колонизаціи; благодаря тому же Отдѣлу совершены изслѣдованія въ Саянахъ и Урянхайской землѣ А. В. Адріановымъ и Д. Н. Клеменцемъ, точно также ими производились замѣчательныя раскопки древностей около Томска и Минусинска.

При Западно-Сибирскомъ Отдѣлѣ Географическаго Общества, наконецъ, была выработана программа для изслѣдованія крестьянской общины въ Сибири и способовъ землевладѣнія, имѣвшая цѣлью привлечь къ изученію крестьянскаго быта въ Сибири.

Въ этотъ же періодъ, особенно съ пріѣзда въ Восточную Сибирь графа А. П. Игнатьева, замѣчается особое оживленіе Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества, до сихъ поръ пользовавшагося случайно услугами заѣзжихъ ученыхъ (Неймана, Маака и сосланныхъ польскихъ ученыхъ). Въ немъ начинаетъ понемногу развиваться духъ мѣстной самостоятельной любознательности. Отдѣлъ подраздѣляется на 4 секціи, сообразно характеру спеціальныхъ изслѣдованій. Въ организаціи научныхъ работъ Отдѣла принимаетъ участіе съ 1887 по 1890 г. извѣстный путешественникъ Г. Н. Потанинъ (сибирякъ по происхожденію); онъ заводитъ оживленныя сношенія съ мѣстными учеными силами и накопляетъ весьма цѣнный матеріалъ по этнографіи Сибири, шаманству, буддизму и мѣстному фольклеру. Кромѣ поощренія мѣстныхъ изслѣдованій и экспедицій, при Отдѣлѣ читаются публичныя лекціи (которымъ начало положилъ когда-то Щаповъ). Эти лекціи посвящены были буддизму, тибетской медицинѣ и знакомству съ сосѣдними странами Монголіи и Китая. При Отдѣлѣ сосредоточены интересныя коллекціи, касающіяся инородческихъ культовъ, и

устроена была выставка предметовъ, касающихся быта бурятъ и инородческаго буддійскаго культа съ роскошными аттрибутами ламаизма.

Географическій Отдѣлъ представляетъ красивѣйшее зданіе въ Иркутскѣ въ мавританскомъ вкусѣ, съ начертанными на фасадѣ именами всѣхъ знаменитыхъ путешественниковъ. При Отдѣлѣ, благодаря привлеченію къ пожертвованію частныхъ лицъ, создана обширная научная библіотека, мѣстный музей, благодаря пристройкамъ, теперь занимаетъ нѣсколько прекрасныхъ залъ, украшенныхъ манекенами, статуями, картинами и разнообразными витринами. На помощь къ Отдѣлу начали стекаться и частныя средства; такъ, положено начало бурятскому капиталу для изслѣдованія бурятъ и внесено пожертвованіе для изученія быта якутовъ. Надо отмѣтить, что въ этихъ пожертвованіяхъ приняли участіе наиболѣе образованные инородцы-ламаисты, доставляя предметы, этнографическій матеріалъ, причемъ принялъ участіе первосвященникъ забайкальскихъ буддистовъ Бандидо-Хамбо-Лама Гомбоевъ.

Въ это же время, благодаря пріѣзду статистиковъ отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ изъ Европейской Россіи, произведено въ Восточной Сибири подробное изслѣдованіе условій крестьянской жизни и хозяйственно-экономическихъ условій. Эти статистическія изслѣдованія нынѣ изданы въ нѣсколькихъ томахъ [1]).

Вслѣдъ за оживленіемъ дѣятельности ученыхъ обществъ, въ Сибири въ послѣдній періодъ создались и другія общества—медицинскія, соединивъ врачей въ Восточной и Западной Сибири. Цѣль ихъ—изученіе врачебнаго дѣла и санитарныхъ вопросовъ въ Сибири. Въ средѣ медиковъ устраиваются собранія и издаются протоколы и труды съ медицинскими монографіями. Благодаря этимъ обществамъ, дѣятельность врача и его общественное значеніе поднялось. Въ городахъ Иркутскѣ, Красноярскѣ и Томскѣ основаны безплатныя лечебницы и стала болѣе доступною помощь бѣдному населенію городовъ. Иркутское медицинское общество существуетъ съ 1863 г. (число членовъ въ 1889 г. 72), общество врачей Енисейской губерніи существуетъ съ 1886 г., Омское медицинское общество основано въ 1883 г. и имѣетъ 83 члена.

Кромѣ того основано общество естествоиспытателей и врачей

[1]) Мы не имѣемъ мѣста здѣсь перечислять всю научную дѣятельность Сибирскихъ Отдѣловъ Географическаго Общества, но можемъ сослаться на его Записки и Извѣстія, а также на характеристику дѣятельности этихъ Отдѣловъ, отмѣченную А. Н. Пыпинымъ въ его выдающихся статьяхъ о Сибири (Этнографія, т. IV), отчеты о 25-лѣтіи и 40-лѣтіи Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества и очеркъ услугъ Отдѣла приведенъ въ книгѣ В. П. Сукачева «Иркутскъ, его мѣсто и значеніе въ культурномъ развитіи Сибири».

при Томскомъ университетѣ и общество морскихъ врачей во Владивостокѣ.

Какія услуги должны приносить общества медицинскія въ Сибири, можно вывести изъ того, что медицинская часть и врачебная помощь въ Сибири далеко еще въ неудовлетворительномъ состояніи и требуютъ большихъ заботъ. Есть районы, гдѣ помощь эта совершенно недоступна, напримѣръ, на крайнемъ Сѣверѣ, въ другихъ мѣстахъ врачей недостаточно на число населенія, а въ третьемъ появляются такія эпидеміи (особенно среди инородцевъ), для борьбы съ которыми существующій составъ врачей безсиленъ. Кромѣ того, Сибирь наводняютъ партіи ссыльныхъ съ разными заразными болѣзнями, и при переселенческомъ движеніи, принявшемъ нынѣ огромные размѣры до 60.000 чел., также разносятся болѣзни, наконецъ, гибнутъ сами переселенцы.

До какой степени между тѣмъ чувствуется недостатокъ врачей, видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ Томской и Енисейской губерніяхъ и трехъ областяхъ Семирѣченской, Забайкальской и Амурской, занимающихъ громадную территорію въ 89.544,5 кв. миль съ населеніемъ въ 3.129.048 душъ обоего пола. И вотъ на этой-то площади въ 1889 г. имѣлось всего-на-всего 123 врача, 217 фельдшеровъ, 23 ветеринарныхъ врача, 39 ветеринарныхъ фельдшеровъ и 2 ветеринарныхъ ученика! Этотъ фактъ означаетъ вотъ что: въ обозрѣваемомъ районѣ приходился: одинъ врачъ на 744,3 кв. миль (36.469 кв. верстъ!) и 25.439 душъ населенія; одинъ фельдшеръ—на 412,6 кв. миль (20.217,4 кв. верстъ) и 14.420 душъ, одинъ ветеринарный врачъ на 3.893,2 кв. миль (190.766,8 кв. верстъ), одинъ ветеринарный фельдшеръ на 2.296 кв. м. (112.504 кв. в.) и одинъ ветеринарный ученикъ на 44.772,3 кв. миль. Такъ какъ въ обозрѣваемомъ районѣ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1889 г. числилось 12.822.135 головъ скота, то, стало быть, одинъ ветеринарный врачъ приходился на 557.484 головы и одинъ ветеринарный фельдшеръ на 328.773 головы.

Въ Томской губерніи и Забайкальской области, занимающихъ площадь въ 1.389.493 кв. верстъ съ населеніемъ 1.916.837 душъ, по оффиціальнымъ даннымъ, за врачебной помощью въ 1889 г. обращалось 124.206 чел. Всего же врачей въ этихъ двухъ районахъ было 72; стало быть, на каждаго врача приходилось, въ среднемъ, по 1.722,6 больныхъ. Допустимъ, что, въ среднемъ, каждый изъ этихъ больныхъ пользовался въ теченіи года пять разъ помощью врача, то въ такомъ случаѣ послѣднему приходилось заниматься осмотромъ и подавать совѣты 8.613 больнымъ или ежедневно 23,6 больнымъ, разбросаннымъ на громадныхъ пространствахъ!

Всего больницъ было 68 съ 2.172 кроватями, т. е. приходилось по одной больницѣ на 64.381 кв. версту и на 46.015 жителей, да по одной кровати на 1.440,6 жителей.

Понятно, что медицинскія общества должны были постоянно поднимать жгучій вопросъ о помощи населенію. Между прочимъ, въ 1891 г. въ Енисейскомъ обществѣ врачей былъ поднятъ весьма капитальный вопросъ о санитарныхъ условіяхъ рабочаго сословія на золотыхъ промыслахъ Сибири. Врачъ Крутовскій сдѣлалъ изслѣдованіе и сообщилъ докладъ «по вопросу о вліяніи условій жизни и работы на промыслахъ на физическое здоровье рабочихъ» и также представилъ программу для изслѣдованій. Иркутскій врачъ, завѣдующій отдѣленіемъ душевно-больныхъ, Брянцевъ, въ докладахъ указывалъ на дурное вліяніе ссылки и значительный процентъ поступающихъ больныхъ душевными болѣзнями изъ этого класса. Врачъ Кириловъ, изучая ламайскую медицину, поднялъ вопросъ о медицинской помощи у инородцевъ и т. п.

Такое участіе врачей въ разрѣшеніи общихъ вопросовъ въ высшей степени важно и полезно. Въ тоже время подобныя общества, группируя врачей и полагая имъ новыя задачи, поднимаютъ ихъ духъ и энергію, указываютъ гражданскія обязанности и высшее назначеніе врача, какъ друга человѣчества. Въ то время, когда прежде врачъ на окраинѣ, обезсиленный и не чувствующій поддержки, погибалъ и опускался нравственно, въ послѣднее время врачи явились общественными дѣятелями и имена нѣкоторыхъ, какъ врача М. Я. Писарева (умер. въ Иркутскѣ въ 1891 г.), покойнаго Лейбовича, дѣтямъ котораго мѣстное общество назначило пенсію, самоотверженная дѣятельность женщины-врача Грабовской въ Тобольскѣ и др., оцѣнены были мѣстнымъ обществомъ.

Дѣятельность врачей въ городахъ, какъ Крутовскаго въ Красноярскѣ, Макушина въ Томскѣ, Акулова, Путилова въ Омскѣ, Пояркова и др., извѣстна и не разъ отмѣчалась, какъ дѣятельность врачей, наиболѣе интеллигентныхъ и выдвигавшихъ общественные вопросы. Нѣкоторыя медицинскія группы особенно возбуждали сочувствіе мѣстнаго общества, какъ, напримѣръ, красноярское общество врачей, которое привлекало общественныя пожертвованія на народно-медицинскую помощь. Къ сожалѣнію и подобныя общества, благодаря неблагопріятнымъ условіямъ и темнымъ силамъ, не всегда могли свободно развиваться и находились гонители, которые пробовали набросить тѣнь на нихъ, не смотря на ихъ благородныя и высокія задачи.

Затронутый духъ любознательности въ сибирскомъ обществѣ и жажда просвѣщенія способствовали въ городахъ основанію мѣст-

ныхъ музеевъ, ростъ и развитіе которыхъ представляетъ нынѣ поучительное общественное явленіе.

Научные музеи въ Сибири, нѣсколько лѣтъ назадъ, не находили почвы и падали. Такъ, основанный когда-то д-ромъ Геблеромъ музей въ Барнаулѣ совершенно заглохъ и погибъ, какъ только уѣхалъ человѣкъ, основавшій его и горячо преданный наукѣ; ученые горные инженеры, тратившіе сотни тысячъ на свой комфортъ и увеселенія, не подумали поддержать это учрежденіе. Музей, основанный при Западно-Сибирскомъ Отдѣлѣ Географическаго Общества, не получилъ развитія, а Иркутскій музей, нѣсколько лѣтъ назадъ, погибъ отъ пожара со всѣми коллекціями. Въ это-то время начали появляться въ Сибири общественные музеи. Среди нихъ особаго вниманія заслуживаетъ исторія Минусинскаго музея, получившаго извѣстность нынѣ въ Россіи и заграницей. Музей этотъ былъ основанъ въ маленькомъ городкѣ Сибири Минусинскѣ, при энергической иниціативѣ одного дѣятеля Н. М. Мартьянова. Потрудившись по собиранію натуралистическихъ коллекцій въ Минусинскомъ округѣ, Н. М. вздумалъ сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ, для знакомства мѣстнаго общества съ естественными произведеніями своего края; съ этою цѣлью у городскаго общества онъ испросилъ помѣщеніе. Въ началѣ коллекція музея была очень не велика, но Н. М. Мартьяновъ съумѣлъ затронуть общественный интересъ и указать педагогическое значеніе подобнаго учрежденія, вслѣдствіе чего стеклась къ нему масса пожертвованій. При основаніи музея въ 1877 г., въ немъ было 1.272 предмета естественно-историческаго отдѣла, въ концѣ 1878 г. ихъ возросло до 3.455, къ концу 1879 г. 5.099 номеровъ, въ 1880 г. 7.000 и въ 1881 г. 8.471 номеръ. Въ музей начали поступать коллекціи этнографическія, знакомящія съ бытомъ мѣстнаго населенія, коллекціи археологическія, знакомящія съ древностями округа, такъ какъ Минусинскій округъ, какъ и Алтай, изобилуетъ драгоцѣнными находками, затѣмъ образованъ былъ кустарный, педагогическій отдѣлъ и Минусинскій музей получаетъ общеобразовательное значеніе. Музей помѣщался въ нижнемъ этажѣ училища и занималъ семь отдѣленій. Онъ отличался строгой классификаціей предметовъ. Рядомъ съ этимъ при немъ основывается общественная библіотека, которая въ 1880 г. имѣла 2.683 сочиненія въ 3.790 томовъ. Онъ имѣлъ въ 1886 г., однихъ археологическихъ предметовъ 4.165, состоявшихъ изъ каменныхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ орудій. При музеѣ періодически издавались подробные каталоги и, наконецъ, изданъ былъ на частныя средства науч-

ный каталогъ по археологіи съ рисунками, составленный Д. А. Клеменцемъ.

Благодаря этому музею, не терялась и не исчезала ни одна находка; сюда свезены были плиты и камни съ древними надписями, на которыя обращали вниманіе ученые, начиная съ Палласа. Сдѣлавъ музей доступнымъ для публики и общества, Н. М. Мартьяновъ привлекъ къ нему мѣстныя научныя силы и много сотрудниковъ. Въ своихъ каталогахъ и публикаціяхъ, основатель обращается къ обществу и публикѣ съ инструкціями на счетъ собиранія коллекцій. Ростъ и успѣхъ учрежденія обнаружился стекавшимся отвсюду сочувствіемъ ему. Казенныхъ средствъ здѣсь не потребовалось и все основывалось и созидалось частною помощью. Къ 1890 г. для музея былъ выстроенъ особый каменный домъ, также на пожертвованія, сочувствіе выразилось ему при открытіи особымъ общественнымъ торжествомъ. Къ 1-му января 1891 г. въ немъ значилось 33.255 номеровъ: на естественно-историческій отдѣлъ приходилось 10.711, на археологическій 7.193, на промышленный 2.214, на сельско-хозяйственный 2.220, на общеобразовательныя коллекціи 7.191 и педагогическій 1.589. Посѣщеній музея въ теченіи этого года было 8.000, причемъ посѣщаютъ его всѣ окружные жители. Библіотека разрослась до 13.185 томовъ и составляетъ цѣнность въ 20.000 рублей. Заѣзжіе въ Сибирь путешественники и ученые не минуютъ Минусинскаго музея и описаніе его появляется нынѣ въ иностранныхъ изданіяхъ и энциклопедіяхъ.

По примѣру Минусинскаго общественнаго музея начали образовываться таковые же и въ другихъ сибирскихъ городахъ. Подобный же музей основанъ былъ въ Красноярскѣ, благодаря также частной иниціативѣ И. В. Матвѣева, въ Енисейскѣ благодаря Кытманову, въ Нерчинскѣ Кузнецову; всѣ эти музеи находятся въ вѣдѣніи городовъ, которые даютъ на нихъ средства. Наконецъ, недавно созданъ историческій музей въ Тобольскѣ, выстроено для него особое зданіе и возникаютъ музеи въ Кяхтѣ, Ачинскѣ и Семипалатинскѣ. Основаніе этихъ общеобразовательныхъ учрежденій при частной иниціативѣ различныхъ дѣятелей и помощи мѣстнаго общества доказываетъ новую черту сибирской жизни. Точно также идетъ развитіе и частныхъ библіотекъ, среди которыхъ заслуживаетъ упоминанія Иркутская, имѣющая городское помѣщеніе и частная библіотека въ Томскѣ П. И. Макушина. Кромѣ того, въ Томскѣ основана, благодаря частной иниціативѣ, особая народная читальня, и строится педагогическій музей.

Въ числѣ другихъ общественныхъ учрежденій, отмѣчающихъ

новую жизнь Сибири, мы должны указать на основаніе обществъ попеченія о начальномъ образованіи. Первое подобное общество основалось въ Томскѣ, благодаря иниціативѣ выдающагося общественнаго дѣятеля и гласнаго думы П. И. Макушина.

«Общество попеченія о начальномъ образованіи въ Томскѣ» возникло 26-го іюля 1882 г. Ростъ и результаты дѣятельности общества видны изъ слѣдующаго:

	1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.
Число членовъ . . .	939	1.372	1.163	1.015	959	862	513
Приходъ.	3.676,22	6.367,17	7.042,30	6.160,46	9.875,62	12.456,09	4.235,03
Расходъ	664,65	1.972,71	3.157,91	4.195,53	9.470,18	8.361,10	8.790,10

Къ 1-му января 1889 г. денежный и вещественный капиталъ общества представлялъ сумму въ 39.103 р. 44 к. (⁰/₀ бумагъ и денегъ было 13.203 р. 87 к.). Общество выдавало теплое платье бѣднѣйшимъ ученикамъ, вносило за право ученія бѣдняковъ среднеучебныхъ заведеній, содержало 2 сверхштатныхъ учительницъ, открыло 4 приходскія школы, воскресныя публичныя чтенія, народную безплатную библіотеку (и музей), женскія рукодѣльную и кулинарную школы (послѣдняя въ томъ же, 1887 г., закрыта по недостатку учениць) и вечернія повторительные классы. Въ 1885 г. существовала безплатная воскресная школа техническаго рисованія. За девять лѣтъ общество деньгами и имуществомъ дало на дѣло народнаго образованія въ городѣ 82.041 р. 19 к.

(Г. Томскъ въ прошломъ и настоящемъ. А. В. Адріановъ. Изд. 1890 г.).

Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ, по своимъ почтеннымъ задачамъ, нашло откликъ не только въ Томскѣ, но и въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ Сибири. Пожертвованія деньгами, книгами, учебными пособіями, матеріаломъ для одежды поступали изъ городовъ, селеній, отъ богатыхъ купцовъ, учениковъ начальныхъ школъ и артелей рабочихъ. Путешественники, проѣзжавшіе чрезъ Томскъ, читали въ пользу общества публичныя лекціи; одинъ художникъ жертвуетъ ему сборъ съ выставки своихъ картинъ; нѣкоторые дарятъ свои выигрыши въ карты. Самымъ крупнымъ пожертвованіемъ было двухъ-этажное каменное зданіе, построенное покойнымъ томскимъ купцомъ Валгусовымъ, для помѣщенія народной безплатной библіотеки съ залой при ней въ два свѣта, для спектаклей и публичныхъ чтеній. Это крупное пожертвованіе имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что Валгусовъ былъ человѣкъ почти неграмотный. Такое дружное участіе всего городскаго населенія въ этомъ полезномъ дѣлѣ позволило обществу довести капиталъ до 13.000 руб. и ежегодно расходовать для достиженія своихъ цѣлей 6.000—8.000. Общество поставило себѣ главной задачею улучшать уже существующія училища и основывать новыя. До 1869 года въ Томскѣ было только 1 начальное училище съ 98 учениками; до 1876 года не было ни одного отдѣльнаго женскаго училища. Въ 1880 году при городской думѣ была избрана постоянная училищная коммиссія, которая констатировала фактъ

самаго безотраднаго положенія училищнаго дѣла; ни одно изъ 10 существовавшихъ тогда начальныхъ училищъ не имѣло собственнаго помѣщенія, не имѣло достаточно учебниковъ, учебныхъ пособій, библіотеки, даже классной мебели; нечего и говорить уже объ антигигіеничности всей школьной обстановки. Классная мебель была не приспособлена къ росту учащихся и ея было недостаточно; въ нѣкоторыхъ школахъ на каждаго ученика приходилось по 6—7 вершковъ скамьи; при занятіяхъ чистописаніемъ и ариѳметикой въ нѣкоторыхъ школахъ многія изъ дѣтей должны были заниматься полулежа на полу или стоять на колѣняхъ около подоконниковъ. Стараніями общества и дѣятельностью городской думы все рѣзко измѣнилось къ лучшему: въ началѣ 1889 года было уже 17 начальныхъ училищъ съ 1.383 учащимися, что̀ даетъ 1 учащагося на 24 жителя, тогда какъ въ Москвѣ 1 учащійся приходится на 75, а въ Петербургѣ 1 на 80 жителей. Общество содержитъ на свой счетъ 2 начальныхъ училища и 1 женскую рукодѣльную школу. Ученическія библіотеки, почти не существовавшія 10 лѣтъ тому назадъ, имѣютъ теперь болѣе 11.000 названій книгъ для чтенія и учебниковъ.

Кромѣ дѣятельнаго популяризированія мысли о необходимости развивать начальное образованіе и помимо основанія собственныхъ училищъ, общество съ самаго возникновенія поставило себѣ цѣлью снабжать самыхъ бѣдныхъ изъ учащихся дѣтей теплой одеждой и платить за право ученья. Непосредственные опросы учителей, учениковъ, посѣщенія ихъ семей выяснили тотъ фактъ, что многіе ученики находятся въ состояніи самой крайней нищеты; имъ-то общество и выдаетъ валенки, теплыя пальто, шапки, платки и т. п. Ежегодно въ теченіи зимы устраиваются публичныя воскресныя чтенія или учреждены вечерніе повторительные классы. Публичныя чтенія начались съ 1884 года; за послѣднее время ихъ бывало по 20 — 25 въ годъ. Осенью 1887 года были открыты вечерніе повторительные классы съ преподаваніемъ Закона Божія, русскаго языка, математики; ученіе происходило ежедневно, кромѣ воскресеній и субботъ, отъ 6 до 8 часовъ вечера Въ 1891 году учреждены женскіе повторительные классы. А женская рукодѣльная школа, съ безплатнымъ обученіемъ кройкѣ, шитью, плетенью и вязанью, открытая 3 года тому назадъ, имѣетъ больше 120 ученицъ. Безплатная библіотека, возрастая безостановочно, имѣетъ уже до 3.500 названій. Администрація библіотеки ведетъ отмѣтки о занятіяхъ лицъ, которыя пользуются книгами: оказывается, что за 1887 годъ изъ 796 подписчиковъ было 193 ремесленника, 36 человѣкъ прислуги, 13 чернорабочихъ, въ 1891 г. было 800 чел. Въ

библіотекѣ этой встрѣчаемъ ту своеобразную особенность, что книги выдаются изъ нея на домъ безъ залоговъ. Когда установляли такой порядокъ, то высказывались опасенія за вѣроятную растрату многихъ книгъ. Однако, въ теченіе 7-ми лѣтъ было потеряно книгъ (преимущественно очень дешевыхъ изданій) только на 60 рублей. Въ настоящее время общество поставило себѣ цѣлью основать музей прикладныхъ знаній, который служилъ бы школою родиновѣдѣнія. Этотъ музей будетъ отчасти приближаться къ тѣмъ, которые устроены нѣкоторыми земствами для содѣйствія кустарной промышленности. Примѣръ общества вызвалъ подражаніе во многихъ городахъ и повелъ къ образованію такихъ же обществъ въ Красноярскѣ, Барнаулѣ, Каинскѣ, Омскѣ, Енисейскѣ, Тюмени, Семипалатинскѣ и Минусинскѣ. Особенную энергію, подобно томскому, выказало барнаульское общество подъ руководительствомъ В. С. Штильке и В. Я. Покровскаго; улучшивъ городскія школы, оно готовится строить зданія библіотеки и музея.

Вслѣдъ за основаніемъ образовательныхъ учрежденій и заботъ о поднятіи городскихъ народныхъ училищъ мѣстное сибирское общество обнаружило и большія заботы о молодомъ поколѣніи, оканчивающемъ курсъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ и отправляющемся въ университеты.

Извѣстно, какимъ лишеніямъ и бѣдствіямъ подвергалась учащаяся молодежь изъ Сибири, уѣзжая въ дальніе университеты за тысячи верстъ отъ родныхъ и знакомыхъ. Значительная часть изъ нихъ притомъ были бѣдняки и дѣти бѣдныхъ родителей. Постоянно несущіяся извѣстія о лишеніяхъ этой молодежи, кончавшей иногда самоубійствомъ, побудили сибирскіе города отозваться на этотъ предметъ.

Общество вспомоществованія учащимся сибирякамъ въ среднихъ и высшихъ учебн. заведеніяхъ открыто въ Тобольскѣ въ 1860 годахъ при Деспотъ-Зеновичѣ. Благія цѣли его выразились въ стипендіяхъ и вспомоществованіяхъ отправляющимся въ университеты.

«Общество вспомоществованія учащимся» въ Томскѣ открыто въ 1873 г. для оказанія помощи учащимся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ [1]).

Такое же общество помощи учащимся, но только для низшихъ школъ и среднеучебныхъ заведеній, существуетъ въ Иркутскѣ.

Сумма выдаваемыхъ сказаннымъ обществомъ пособій съ 1875

[1]) Къ 1 января 1889 г. число членовъ было: почетныхъ 21, дѣйствительныхъ 6. Въ теченіи 15-лѣтняго существованія общества въ кассу его поступило всего 35.642 руб. 66 коп., израсходовано за это время 29.704 р. 15 к.; изъ нихъ студенты получили пособій 21.654 р. 20 к., ученики среднеучебныхъ заведеній 2.359 р. 7 к.

года постепенно росла до 1882 г., когда она достигла почтенной величины 8.250 р., въ слѣдующемъ году пала до 6.758 р. и въ 1884 году поднялась снова до 8.504 р.; въ слѣдующіе годы эти цифры были таковы: 7.173, 5.417, 5.551, 6.589, 7,012 и за 1890 годъ 8.204 рубля.

Первый шагъ сознательной жизни сибиряковъ послѣ празднованія трехсотлѣтія обнаружился, кромѣ того, выраженіемъ особыхъ заботъ объ учащемся молодомъ поколѣніи сибиряковъ въ столицахъ вдали отъ родины. Въ Петербургѣ и Москвѣ, послѣ сближенія на празднествѣ 300-лѣтія, земляки основали общество для вспомоществованія учащимся сибирякамъ въ столицахъ.

Изъ отчета общества содѣйствія учащимся въ С.-Петербургѣ сибирякамъ за 1889—1891 г. видно, что общество существуетъ съ 1882 г., т.-е. 8 лѣтъ. Число членовъ—305. Основной капиталъ общества 12.867 р. Общая сумма капитала 15.418 р.

Ежемѣсячными и единовременными пособіями за 1891 годъ воспользовались 87 лицъ, на сумму 9.079 р. (по смѣтѣ 7.000 р.).

Изъ числа этихъ лицъ получили пособія уроженцы:

Томской губерніи	35	челов.
Тобольской губерніи	20	»
Иркутской губерніи	11	»
Енисейской губерніи	9	»
Акмолинской области	4	»
и другихъ	7	»

Кромѣ вышеназванныхъ пособій, комитетъ, въ отчетномъ году, имѣлъ возможность выдать еще 520 руб. 5-ти лицамъ, благодаря пожертвованіямъ со спеціальнымъ назначеніемъ.

Кромѣ денежныхъ пособій комитетъ пріискивалъ разнаго рода платныя занятія нуждающимся учащимся, помѣщая отъ своего имени публикаціи въ газетахъ. Затѣмъ, по ходатайству комитета, совѣтъ главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ нашелъ возможнымъ предоставить въ распоряженіе общества 5 льготныхъ билетовъ, со скидкой 50%, отъ С.-Петербурга до Москвы, Нижняго и обратно,—всего въ количествѣ 20 экз. Кромѣ того, благодаря любезности пароходовладѣльцевъ по рр. Волгѣ и Камѣ—В. Ѳ. Каменскаго и по рр. Западной Сибири—И. И. Игнатова, 43 человѣка получили возможность безплатно проѣхать по Волгѣ и Камѣ до Перми и обратно и 34 челов. по рр. Зап. Сибири отъ Тюмени до Томска и др. городовъ и обратно.

Въ отчетномъ году комитетъ отказалъ въ денежныхъ ссудахъ 14 лицамъ изъ 90, по 15 прошеніямъ (изъ 156, поданныхъ и разсмотрѣнныхъ комитетомъ), по причинѣ большаго наплыва въ сентябрѣ с. г. учащихся, преимущественно изъ Томска, а 8 лицамъ было отказано въ пособіи комитетомъ по ограниченности средствъ общества. По этой же причинѣ нѣкоторыя просьбы были удовлетворены лишь отчасти.

На помощь обществу явились пожертвованія: отъ А. М. Сибиряковой—1.550 р. (въ расходный капиталъ), отъ И. М. Сибирякова — 1.000 р. (въ расходный капиталъ), отъ Иркутской городской думы—750 р. [1]), отъ 3-хъ золотопромышлен-

[1]) Иркутск. городск. дума, по ходатайству комитета, постановила ежегодно вносить въ общество по 300 р.

ныхъ компаній: Верхне-Амурской, Нижанской и Прибрежно-Витимской и К° промышленности въ разныхъ мѣстахъ Восточной Сибири—по 500 р., всего 1.500 р. Во все время существованія общества выдано ссудъ учащимся 53.149 р., такъ какъ по уставу вспомоществованіе выдается въ видѣ ссудъ—500 р. Въ 1889 г. было возвращено ссудъ на 852 р., а всего за 7 лѣтъ существованія общества—3.338 р. или 6% всей выданной суммы.

Изъ отчета комитета общества для пособія нуждающимся сибирякамъ и сибирячкамъ, учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ города Москвы въ 1890—1891 году, видно, что общество существуетъ 5 лѣтъ. Въ обществѣ состояло 249 членовъ. Основной капиталъ общества состоялъ къ 1-му октября 1889 г. изъ 14.237 руб. Годовой приходъ = 12.587 р. Расходъ 11.138 руб. Выдано пособій учащимся 8.052 руб. Пожертвованій со спеціальнымъ назначеніемъ было 2.653 р., изъ которыхъ поступило на годовую стипендію для 6 студентовъ университета, 1-го ученика школы живописи, ваянія и зодчества, 5 слушательницъ акушерскихъ курсовъ, 1 массажныхъ курсовъ и 1 воспитаннику техническаго училища. Всего для 14 лицъ. Кромѣ того, извѣстною благотворительницею Ю. И. Базановою пожертвовано для улучшенія питанія учащихся 2.567 руб. и удовлетворено обѣдами на сумму 1.649 руб. Кромѣ того, благодаря вниманію пароходовладѣльцевъ, комитетъ имѣлъ возможность доставить безплатные билеты для проѣзда въ Сибирь 40 учащимся. Этимъ имѣется въ виду поддержать и укрѣпить связь учащихся съ ихъ родиною. Въ теченіи года разсмотрѣно 465 прошеній о пособіяхъ и удовлетворено 448 прошеній 84-хъ лицъ на сумму 8.052 руб. 70 коп. По 17 прошеніямъ послѣдовалъ отказъ.

Изъ отчета видно, что число лицъ, обращающихся въ комитетъ, все увеличивается, чему доказательствомъ служитъ постоянное возрастаніе требованій о пособіи и количество сдѣланныхъ расходовъ. Это положеніе дѣлъ въ будущемъ грозитъ тяжело отразиться на средствахъ общества, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ годомъ плата за слушаніе лекцій возвышается. Приливъ сибирской молодежи въ столицы и ея университеты вызывается тѣмъ, что въ новооткрытомъ университетѣ существуютъ только 3 курса медицинскаго факультета, а потому всѣ посвящающіе себя инымъ спеціальностямъ принуждены по прежнему ѣхать въ Россію.

Изъ этого отчета само собой видно, какими потребностями вызвано существованіе указанныхъ обществъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

Къ числу новыхъ явленій должно отнести и то, что въ послѣдніе года сибирскіе города и общество весьма живо отнеслись къ бѣдствіямъ и судьбѣ новоселовъ переселенцевъ. Многіе года шли эти переселенцы, терпѣли нужду и гибли на глазахъ невѣжественнаго общества. Но вотъ въ 1883 г. въ Тюмени былъ основанъ по частной иниціативѣ первый комитетъ для оказанія помощи переселенцамъ. Онъ дѣйствуетъ уже девять лѣтъ, и затѣмъ такой же комитетъ образованъ въ Иркутскѣ, гдѣ сосредоточились 10.000 р. пожертвованій, и наконецъ нынѣ открытъ въ Томскѣ и въ Красноярскѣ. Такое отношеніе сибирскихъ городовъ къ переселенческому дѣлу выражалось не однимъ состраданіемъ, но, какъ видно изъ рѣчей при основаніи комитетовъ для помощи пересе-

ленцамъ и изъ печатавшихся статей, зрѣлымъ пониманіемъ тѣхъ пользъ, которыя приноситъ переселенецъ Сибири, и сознаніемъ важности колонизаціоннаго вопроса вообще. Основаніе переселенческихъ обществъ и комитетовъ лучше всего доказало, что обвиненіе сибиряковъ въ тенденціозномъ предубѣжденіи и враждѣ къ переселенцамъ крестьянамъ не существуетъ. Помощь переселенцамъ началась именно съ Сибири, а потомъ уже вопросъ переселенческій вызвалъ пожертвованія изъ Европейской Россіи.

Въ дѣлѣ пожертвованій и благотворительности въ Сибири въ новое время начало появляться уже болѣе осмысленное отношеніе, Способъ вынужденій отступаетъ на задній планъ. Пожертвованія на Сибирскій университетъ, дошедшія до полумилліона, показывали, что нѣкоторыя лица проникліись высокимъ патріотическимъ стремленіемъ, точно также чаще встрѣчаются пожертвованія на школы, на учрежденіе музеевъ, библіотекъ, читаленъ и народныхъ лечебницъ, причемъ частныя и случайныя пожертвованія замѣняются общею складчиною и подпискою. Все это было уже новое знаменіе времени!

Благодаря этимъ вкладамъ и пожертвованіямъ улучшились городскія школы и нынѣ поднимается вопросъ объ основаніи «общества грамотности въ Сибири», которое бы пришло на помощь сельской школѣ. Потребность такого общества распространенія знаній среди сельскаго населенія все болѣе сознается.

Нельзя не видѣть измѣненія жизни въ новый періодъ въ самыхъ развлеченіяхъ и общественныхъ собраніяхъ сибирскихъ городовъ. Прежніе чудовищные обѣды, стоившіе десятки тысячъ, пиршества, литье шампанскаго и безумная игра въ банкъ исчезаетъ и отходитъ въ преданіе. Оффиціальные обѣды въ Сибири уже не носятъ такого характера и по случаю разныхъ событій вводятся въ обыкновеніе спичи и рѣчи. Въ клубахъ идетъ болѣе скромная игра, но рядомъ мы видимъ уже потребность въ другихъ духовныхъ удовольствіяхъ. Въ городахъ читаются мѣстными педагогами публичныя лекціи, а при ученыхъ обществахъ иногда дѣлаются публичные доклады, наконецъ въ сибирскихъ городахъ устраиваются литературно-музыкальные вечера, торжества и юбилеи по случаю памятныхъ событій, панихиды по замѣчательнымъ дѣятелямъ и писателямъ и т. д. Мѣстный театръ вноситъ свою долю воспитанія и вліяетъ на нравы. Хотя мелодрама и оперетка нерѣдко портятъ вкусы и составляютъ спекуляцію заѣзжихъ антрепренеровъ, но русская комедія и драма въ лицѣ лучшихъ писателей и драматурговъ, Гоголя, Грибоѣдова, Островскаго, совершила свое дѣло и составила духовное достояніе

сибирскаго общества. Мѣстная жизнь, безъ сомнѣнія, также даетъ сюжеты для драмы, но, къ сожалѣнію, въ Сибири еще не появилось своихъ драматурговъ и художниковъ [1]).

Музыкальныя наклонности медленно и слабо развивались въ Сибири. Но въ послѣднее время музыкальныя потребности общества выразились въ созданіи музыкальныхъ обществъ въ Сибири изъ круга любителей и пріѣзжихъ артистовъ. Такіе кружки существуютъ въ Тобольскѣ, Омскѣ, Томскѣ, Иркутскѣ и другихъ городахъ. Въ городахъ весьма часты концерты, но въ Сибири, къ сожалѣнію, нѣтъ ни одной музыкальной школы и музыкальное воспитаніе не дѣлается общимъ достояніемъ, хотя многіе изъ сибиряковъ получаютъ образованіе уже въ консерваторіи. Художественныя наклонности мало развивались въ сибирскомъ обществѣ и сибиряки были, по характеру, мало наклонны къ нему; поэтому, пріобрѣтеніе лучшихъ произведеній художниковъ и попытки общественныхъ выставокъ картинъ, которыя попадали въ Сибирь, явились новымъ шагомъ въ эстетическомъ образованіи. Такія выставки въ послѣднее десятилѣтіе устраивались въ Томскѣ и Иркутскѣ. Въ Томскѣ были сдѣланы попытки преподаванія рисованія для любителей П. М. Кошаровымъ, наконецъ появилось художественно-этнографическое изданіе. Сибирская природа, сибирскій жанръ могъ дать богатые сюжеты. Въ Сибири появлялись мѣстные художники, обладавшіе талантомъ, какъ Знаменскій, Ивачевъ, Калгановъ, художникъ самородокъ, обнаруживній замѣчательный талантъ школы Перова. Мѣстное пробужденіе въ области художественнаго творчества уже выразилось появленіемъ на выставкѣ картинъ съ сибирскими сюжетами. Таковы картины талантливаго В. И. Сурикова.

Одинъ изъ русскихъ художественныхъ критиковъ обѣщаетъ даже будущность «сибирской школѣ» въ живописи.

По мѣрѣ того, какъ будетъ пробуждаться жизнь сибирскаго общества, несомнѣнно появятся художники, которые запечатлѣютъ величественную природу дѣвственной страны, оригинальный образъ жизни, ея этнографическія черты и ту своеобразную красоту, какою вѣетъ величественная тайга и горная природа Южной Сибири, неуступающая Швейцаріи

Появленіе талантовъ зависѣло во многомъ отъ поднятія умственнаго уровня и распространенія образованія въ мѣстной средѣ.

---

[1]) Кое-какія попытки, однако, были сдѣланы, для изображенія драмы мѣстной жизни, напр., драма «Плетью обуха не перешибешь», изображавшая томскихъ самодуровъ, комедія П. М. Михѣева «По хорошей веревочкѣ» и драма Филимонова, взявшая темой приключенія уголовныхъ героевъ въ сибирскомъ обществѣ.

Участіе образованныхъ сибиряковъ въ общественной жизни даетъ себя, однако, все болѣе чувствовать. Было время, когда эти силы выдвигались одиночно и незамѣтно исчезали, поглощались въ общемъ строѣ безцвѣтной жизни. Онѣ оставляли свой слѣдъ въ трудахъ и работахъ, но остались неизвѣстны окружающей средѣ; таковъ былъ Словцовъ, скромно работавшій въ Тобольскѣ надъ исторіей Сибири, его послѣдователь Абрамовъ, Колмогоровъ, поэтъ Ершовъ, директоръ тобольской гимназіи и др. Но понемногу образованные сибиряки, получившіе высшее образованіе, выступали на арену не только сибирской, но и русской общественной жизни (Менделѣевъ, Елисѣевъ, Шашковъ, Поляковъ, Потанинъ), на мѣстахъ въ Сибири также велась плодотворная работа, содѣйствуя развитію общества. (Дѣятельность М. В. Загоскина, Вагина и друг.). Въ 60-хъ годахъ уже проникло въ сибирское общество сознаніе гражданскаго долга служить родинѣ. Сибирская молодежь, стремясь въ столичные университеты, все чаще начала возвращаться на родину, изъ нея появились мѣстные писатели. Словомъ, у Сибири появляется уже молодое образованное поколѣніе. «Эта «молодая Сибирь», какъ ее уже назвали, есть одно изъ самыхъ сочувственныхъ проявленій,—говоритъ по этому поводу знатокъ русской общественной жизни, А. Н. Пыпинъ, въ своемъ послѣднемъ трудѣ, посвященномъ жизни областей,—той сложной сибирской народности, о которой было высказано столько противоположныхъ мнѣній, одно изъ свидѣтельствъ, что тяжелое прошлое и своеобразная исключительность сибирскаго быта не уничтожила сильной потребности въ просвѣщеніи и горячаго желанія служить интересамъ своей родины въ области знанія и практической общественной жизни» [1]).

Новыя явленія жизни указываютъ, что сибирское общество не лишено было любознательности, стремленія къ свѣту, просвѣщенію, которыя должны были сказаться, какъ только немного измѣнялись условія его существованія.

Причиной безжизненности и слабаго развитія общественной жизни Сибири считалось отсутствіе мѣстной интеллигенціи и недостатокъ вообще образованныхъ людей, посвящающихъ всецѣло свои силы и таланты окраинѣ. Настоящіе образованные люди являлись сюда или временно, мимолетно, или смотрѣли на мѣстную среду слишкомъ высокомѣрно и съ пренебреженіемъ. Отъ этого являлся антагонизмъ и разладъ между пріѣзжими и туземцами. Сами образованные сибиряки или чуждались Сибири (порождался

[1]) См. «Исторія русской этнографіи» А. Н. Пыпина, т. IV, гл. XI, стр. 450.

абсентеизмъ), или число ихъ было такъ ничтожно, что они опускались и стушевывались въ массѣ невѣжественнаго большинства.

Нѣкоторые обличители сибирской жизни поставили въ упрекъ образованнымъ сибирякамъ, что они не возвращались на родину и любили ее только издали, платонически. По эти обличители, являясь съ особыми привилегіями на окраину и находясь въ особенно выгодномъ положеніи, не принимали во вниманіе, въ какомъ положеніи находился образованный сибирякъ, возвратившійся на родину. Для образованнаго человѣка, съ потребностью живого гражданскаго дѣла, должно быть поле для его дѣятельности; въ Сибири же именно не было ни тѣхъ учрежденій, ни той атмосферы, которая необходима была образованному человѣку.

Въ Сибири недоставало сплоченнаго круга образованныхъ людей, который бы поднималъ тонъ жизни и оказывалъ на нее вліяніе. Въ средѣ сибиряковъ, при отсутствіи возбуждающихъ стимуловъ, не проявлялось настоящей любви къ своей родинѣ, воодушевленія и беззавѣтной преданности принести пользу ей и способствовать ея обновленію. Между тѣмъ, безъ этого ядра и почвы невозможно было дѣйствовать ни администратору, ни реформатору, какъ Сперанскій, исполненному лучшихъ желаній, ни пріѣзжему образованному человѣку. Бывшій генералъ-губернаторъ Западной Сибири Н. Г. Казнаковъ, отправляясь въ Сибирь, поэтому испросилъ Высочайшаго разрѣшенія выработать проектъ Сибирскаго университета, указывая на то, что наступило время и «мѣстнымъ уроженцамъ Сибири» дать образованіе, безъ чего преуспѣяніе этого края немыслимо и усилія администраціи пересоздать здѣсь строй жизни останутся безплодными. Общественныя стремленія и желанія некому было формулировать и высказать, десятки лѣтъ появлялась только масса проектовъ или изъ головы фантазеровъ и теоретиковъ, или какъ плодъ высиженнаго бюрократическаго творчества, расходящагося съ живыми потребностями общества и народа. Между тѣмъ, заботясь о путяхъ сообщенія, объ экономическомъ преуспѣяніи страны, о развитіи тѣхъ или другихъ промысловъ, высшее правительство не разъ выражало желаніе знать мнѣніе мѣстныхъ компетентныхъ людей. Амурскій генералъ-губернаторъ баронъ Корфъ созвалъ съѣздъ разныхъ чиновъ, администраторовъ и мѣстныхъ знающихъ людей въ Хабаровкѣ, гдѣ разсматривались и обсуждались нужды и потребности амурскаго района. Въ управленіе иркутскаго генералъ-губернатора графа А. И. Игнатьева созываются волостные начальники при обсужденіи вопроса о волостныхъ повинностяхъ и т. д. Нечего говорить, что въ подобныхъ случаяхъ въ сферѣ земскихъ, городскихъ, промыш-

ленныхъ и общественныхъ вопросовъ мнѣніе образованныхъ туземцевъ было бы важно. Поэтому созданіе въ Сибири образованнаго класса изъ лицъ, преданныхъ своему краю и изучившихъ свои мѣстныя нужды и дѣла, является желательнымъ и должно разсматриваться, какъ необходимое условіе sine qua non преуспѣянія окраины. Ростъ, развитіе, богатство и слава колоніи лежатъ въ зиждительныхъ и творческихъ силахъ самого общества.

ГЛАВА XV.

ЛИТЕРАТУРА О СИБИРИ И ЗАРОЖДЕНІЕ МѢСТНОЙ ПЕЧАТИ.

Литература о Сибири. — Сибирская библіографія, какъ подспорье для изученія этой литературы. — Появленіе печатнаго станка и первыя мѣстныя изданія.— Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену.—Изданія 1790—1794 г.—Результаты этихъ опытовъ. — Губернскія Вѣдомости въ Сибири, исторія ихъ существованія.—Зарождающаяся потребность частныхъ изданій.—Изданіе газеты «Амуръ» и газеты «Сибирь», ея 12-лѣтнее существованіе. — Развитіе мѣстной печати.— Условія ея существованія. — Вліяніе на пробужденіе умственныхъ силъ общества.—Послѣдующія изданія: «Сибирская Газета», «Сибирскій Листокъ», другія мѣстныя изданія, «Восточное Обозрѣніе», литературные сборники.—Значеніе мѣстной печати въ исторіи развитія сибирскаго общества.

Собственно литература о краѣ возникла давно, она начата даже иностранцами. Свѣдѣнія о Сибири появляются въ Европѣ въ XVI столѣтіи. Паучныя изслѣдованія Сибири начинаются со времени Петра Великаго, съ знаменитой экспедиціи Мессершмидта, затѣмъ Палласа, Фалька, Гмелина и многихъ другихъ. Русскія ученыя общества, Императорская Академія Паукъ, Императорское Русское Географическое Общество не мало посвятили изданій и статей этой окраинѣ. Свѣдѣнія о Сибири, попадаются въ изобиліи уже въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» 1790-хъ годовъ, затѣмъ продолжаются многими статьями въ русской періодической печати. Среди этой литературы начали выдѣляться даже спеціальныя изданія, посвященныя изученію Сибири и въ этомъ отношеніи драгоцѣннымъ вкладомъ въ литературу о Сибири явились «Сибирскій Вѣстникъ» 1818 г. и «Азіатскій Вѣстникъ» 1818—1825 г., издававшійся Гр. Ив. Спасскимъ. Охватить эту литературу, дать о ней отчетъ представляетъ не мало труда.

Въ 1891 г. издана подробная библіографія литературы о Сибири В. И. Межовымъ, въ 3-хъ томахъ. Попытки подобныхъ библіографій дѣлались и ранѣе (Н. Щукинымъ, Милютинымъ), но онѣ не охватывали всю печать. Нынѣ полная библіографія (за исключеніемъ небольшихъ пробѣловъ) является важнымъ облегченіемъ

для изученія всего, что писалось о краѣ, она облегчитъ работу и скоро, вѣроятно, благодаря этому подспорью, появятся болѣе полныя работы по исторіи края. Однимъ изъ капитальныхъ сочиненій, облегчающихъ изученіе Сибири, вышелъ недавно трудъ А. Н. Пыпина по Исторіи русской этнографіи, куда вошла и Сибирь. Онъ даетъ богатый матеріалъ къ исторіи окраины и касается послѣднихъ трудовъ о Сибири, захватывая позднѣйшее время, когда начался періодъ общественнаго самосознанія. Книга А. Н. Пыпина поэтому въ высшей степени цѣнна для характеристики и современной умственной жизни Сибири.

Собственно вся литература о Сибири, сообразно ея содержанію, можетъ подраздѣлиться на слѣдующіе періоды: I. Періодъ открытій и изслѣдованій XVI и XVII вѣковъ. II. Начало путешествій въ Сибирь въ XVIII в., періодъ географическихъ и естественно-историческихъ описаній по преимуществу, также начало этнографическихъ описаній по изслѣдованію новозавоеванныхъ народовъ и инородческихъ племенъ и друг. III. Историческія изслѣдованія Миллера, Фишера, наконецъ, появленіе мѣстныхъ историковъ Словцова, Абрамова, рядомъ съ опубликованіемъ историческихъ документовъ. IV. Начало изученія бытовой исторіи Сибири. Исторія ссылки, мемуары и воспоминанія ссыльныхъ, очерки періода колонизаціи, описанія мѣстнаго быта и нравовъ, изслѣдованія этнографическія новѣйшихъ путешественниковъ Максимова, Ровинскаго и другихъ. V. Литература, затрогивающая общественную жизнь Сибири. (Статьи Щапова, Шашкова, Вагина, касающіяся историческаго прошлаго Сибири и современнаго состоянія общества, взглядъ на прошлое и будущее Сибири). VI. Зарожденіе мѣстной печати и мѣстныхъ изслѣдованій, обнимающихъ въ послѣднее время положеніе и интересы земледѣльческаго русскаго населенія Сибири.

Не имѣя возможности въ настоящемъ сочиненіи разсмотрѣть всю литературу о Сибири, мы ограничимся очеркомъ возникновенія періодической печати. Прежде всего мы извлечемъ свѣдѣнія о печати въ Тобольскомъ намѣстничествѣ въ концѣ XVIII столѣтія [1]).

1789 годъ, ознаменовавшійся въ исторіи просвѣщенія Сибири открытіемъ народныхъ училищъ, ознаменовался еще открытіемъ въ Сибири перваго печатнаго станка. Петръ I, еще ранѣе изданія

[1]) Печат. въ Тобольск. намѣстничествѣ въ концѣ XVIII в. (Историческія и библіографическія розысканія А. П. Дмитріева-Мамонова. Памятная книжка Тобольской губ. на 1864 г. Тобольскъ, стр. 259—350). См. также «Начало печати въ Сибири», Литературный Сборникъ, 1885, прилож. къ «Вост. Обозрѣнію».

имъ регламента духовной коллегіи, подчинявшаго цензурѣ этой коллегіи всѣ духовныя богословскія сочиненія, не разрѣшалъ открытія типографіи Филоѳею Лещинскому, этому просвѣщенному пастырю сибирской митрополіи, обращавшемуся къ нему въ 1703 г. съ челобитной. Со времени Петра Великаго до указа 1783 г. частное типографское дѣло въ Россіи развивалось очень медленно и было, можно сказать, только въ зародышѣ, такъ какъ открытіе вольныхъ типографій подвергалось со стороны правительства разнаго рода ограниченіямъ и стѣсненіямъ. Только со времени указа отъ 15-го января 1783 года начала въ Россіи развиваться частная типографская дѣятельность.

Благодаря закону, предоставлявшему возможность широкаго развитія типографской дѣятельности, въ царствованіе Екатерины II-й начали заводиться частныя типографіи не только во многихъ городахъ, но даже въ русскихъ селахъ. Развивавшееся дѣло вольнаго книгопечатанія въ Россіи долго еще не проникало въ малопросвѣщенную Сибирь: до конца XVIII столѣтія въ ней не было ни одной типографіи, и только спустя шесть лѣтъ послѣ разрѣшенія правительствомъ на открытіе типографій повсемѣстно, въ 1789 году послѣдовало открытіе въ Тобольскѣ перваго печатнаго станка въ Сибири. Эта первая сибирская типографія принадлежала тобольскому 1-й гильдіи купцу Василію Корнильеву, владѣвшему, кромѣ того, бумажной фабрикой, устроенной близъ Тобольска, издѣлія которой покупались всѣми присутственными мѣстами тобольскаго намѣстничества и на издѣліяхъ которой печатались всѣ изданныя въ свѣтъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, въ Тобольскѣ книги и журналы. Первой напечатанной въ типографіи Корнильева книгой, а слѣдовательно и первой книгой, вышедшей въ свѣтъ изъ-подъ типографскаго сибирскаго станка, какъ это видно изъ указа Тобольскаго намѣстническаго правленія, извѣщавшаго объ открытіи типографіи, была переведенная съ французскаго языка англійская повѣсть «Училище любви». Объ изданіи этой повѣсти и объ имени переводчика не сохранилось никакихъ свѣдѣній.

Съ перваго же года открытія вольной типографіи Корнильева и главнаго народнаго училища въ Тобольскѣ началъ печататься въ этой типографіи періодическій журналъ подъ названіемъ «Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену», издававшійся при тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ. Это періодическое изданіе, будучи первымъ, по времени своего выхода въ свѣтъ, изданіемъ такого рода въ Сибири, было въ то же время единственнымъ провинціальнымъ періодическимъ изданіемъ во всей Россіи.

За прекращеніемъ въ 1791 году изданія «Иртыша, превращающагося въ Ипокрену», въ Тобольскѣ же печаталось въ типографіи Корнильева, впродолженіе 1793—1794 годовъ, другое періодическое сочиненіе, издававшееся Панкратіемъ Платоновичемъ Сумароковымъ: «Библіотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая, увеселительная, въ пользу и удовольствіе всякаго званія читателей».

Изданіе «Иртыша, превращающагося въ Ипокрену», началось съ сентября мѣсяца и продолжалось въ 1790 и 1791 годахъ, затѣмъ это изданіе прекратилось.

Сотрудниками «Иртыша, превращающагося въ Ипокрену», кромѣ учителей тобольскаго главнаго народнаго училища, были «любители наукъ», въ числѣ которыхъ, между прочимъ, были одинъ учитель иркутскаго главнаго народнаго училища (Бельшевъ), затѣмъ Маметевъ, тобольскій бухаретенинъ, и Сумароковъ, Панкратій Платоновичъ, бывшій корнетъ гвардіи, а потомъ туринскій мѣщанинъ [1]).

Не вдаваясь въ подробности оцѣнки и характеристики переводныхъ статей, печатавшихся въ «Иртышѣ», представляющихъ смѣсь разнаго рода прозаическихъ литературныхъ произведеній, вообще можно сказать, что эти переводныя статьи, какъ и оригинальныя прозаическія сочиненія тобольскихъ писателей, имѣли одинъ и тотъ же общій недостатокъ—чрезмѣрную отвлеченность. Вообще, всѣ литературныя прозаическія сочиненія, помѣщавшіяся въ «Иртышѣ», походили: оригинальныя—на ученическія сочиненія на заданную тему, переводныя—на упражненія учениковъ въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ. Не отличались своими достоинствами, а потому и нисколько не выдѣлялись изъ массы всѣхъ, въ разное время напечатанныхъ въ «Иртышѣ», литературныхъ произведеній, и переводныя статьи Панкратія Сумарокова.

Одновременно съ изданіемъ «Иртыша» въ 1790 году, подъ редакціею учителей тобольскаго главнаго народнаго училища, пе-

---

[1]) Родившись во Владимірѣ, 14-го октября 1765 года, П. П. Сумароковъ, по окончаніи домашняго воспитанія, поступилъ въ гвардію, но, будучи корнетомъ въ 1787 году, вмѣстѣ съ вахмистрами Ромбергомъ и Куницкимъ лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ въ Тобольскую губернію за то, что нарисовалъ шутя очень искусно сторублевую ассигнацію, которую Куницкій сбылъ купцу, а Ромбергъ попалъ и не донесъ о томъ. По прибытіи въ Тобольскую губернію, Сумароковъ причисленъ былъ къ мѣщанскому сословію города Туринска. Съ дозволенія намѣстнической администраціи, Сумароковъ, однако, не жилъ въ мѣстѣ своего причисленія, а все время своей ссылки прожилъ въ Тобольскѣ, занимаясь литературнымъ трудомъ.

чатался въ тобольской типографіи Корнильева «Журналъ исторический, выбранный изъ разныхъ книгъ». Журнала этого вышло всего 2 части въ 8-ю долю листа, по 13 печатныхъ листовъ въ каждой части. Всѣ статьи этого журнала были переводныя изъ разныхъ историческихъ сочиненій безъ указанія источника и именъ переводчиковъ. Свѣдѣній объ изданіи этого журнала и его распространенности никакихъ не сохранилось. По прекращеніи изданія «Иртыша, превращающагося въ Ипокрену», и «Журнала историческаго», въ 1793 году началъ выходить въ Тобольскѣ періодическій журналъ подъ заглавіемъ «Библіотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная, въ пользу и удовольствіе всякаго званія читателей», печатавшаяся въ типографіи Корнильева съ указаннаго дозволенія. Журналъ этотъ, издававшійся подъ редакціей П. П. Сумарокова, печатался, подобно «Иртышу», на средства тобольскаго приказа общественнаго призрѣнія.

«Библіотека» издавалась впродолженіе 1793 и 1794 годовъ, выйдя въ свѣтъ въ количествѣ 12 томовъ въ 8 долю листа каждый и заключая въ каждомъ томѣ до 13 печатныхъ листовъ. Изъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ приложеніи къ послѣднему тому этого журнала, видно, что онъ разсылался 112 подписчикамъ. Подписная цѣна на 12 книгъ «Библіотеки» въ Тобольскѣ была 10 рублей, а въ другихъ городахъ съ пересылкою по 15 рублей; въ какомъ же количествѣ экземпляровъ печатался этотъ журналъ, свѣдѣній не сохранилось, но еще въ 1823 году, т. е. тридцать лѣтъ спустя по выходѣ въ свѣтъ «Библіотеки», экземпляры этого журнала оставались въ тобольскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія нераспроданными.

Отличаясь отъ «Иртыша» по внѣшности, «Библіотека» хотя и предлагала подписчикамъ большую массу для чтенія, однако, по содержанію своему нисколько не представляла большого интереса, чѣмъ «Иртышъ». Всѣ тѣ недостатки, какіе замѣчались въ первомъ журналѣ, оставались и въ «Библіотекѣ», а потому естественно, что и этотъ послѣдній журналъ должна была постигнуть та же печальная участь, какая постигла «Иртышъ». Просуществовавъ всего годъ, «Библіотека», не втрѣтивъ сочувствія въ публикѣ, прекратила свое существованіе. Одновременно съ изданіемъ описанныхъ журналовъ въ тобольской типографіи Корнильева въ разное время напечатано было 6 книгъ различнаго содержанія.

Не долго, однако, удерживалъ за собою Тобольскъ представительство въ изданіи сочиненій провинціальной печати; послѣдовавшій въ 1795 году отъѣздъ изъ Тобольска просвѣщеннаго пра-

вителя намѣстничества Александра Васильевича Алябьева, сочувственно относившагося къ развитію печатнаго дѣла, изыскивавшаго матеріальные источники къ поддержанію только что зарождавшейся дѣятельности печати, настолько повліялъ на этого рода дѣятельность, что съ того же времени печатный станокъ въ Тобольскѣ пересталъ вовсе проявлять свое существованіе. 16 сентября 1796 года послѣдовалъ указъ, повелѣвавшій всѣ вольныя типографіи, кромѣ устроенныхъ по особому Высочайшему повелѣнію, упразднить, печатная дѣятельность въ Тобольскѣ вовсе не проявлялась, а съ изданіемъ упомянутаго указа прекратила свое существованіе и вольная типографія Корнильева, служившая въ теченіе шестилѣтняго періода, съ 1789 по 1795 годъ, единственной разсадницей печатнаго слова въ Сибири.

Въ заключеніе нельзя не высказать того мнѣнія, что всѣ изданныя въ концѣ прошлаго столѣтія въ Тобольскѣ книги и журналы были плохи, даже для своего времени, не очень требовательнаго въ литературномъ отношеніи.

Изъ обзора первыхъ опытовъ печати въ Сибири, можно видѣть: 1) попытку созданія частныхъ типографій, выразившуюся въ частной иниціативѣ Корнильева и его энергіи; 2) попытку закинутыхъ въ Сибирь литераторовъ создать здѣсь литературу, и, въ-третьихъ, мы видимъ участіе «просвѣщеннаго воеводства» въ распространеніи оффиціальнымъ путемъ эту литературу и возбужденіи любознательности въ обывателяхъ помощью обязательной подписки.

Въ результатѣ всѣ эти три стремленія потерпѣли неудачу. Частная типографская дѣятельность, предшественница печати въ Сибири, пала и прекратилась по особымъ причинамъ, а между тѣмъ въ ней могло быть болѣе всего задатковъ и залоговъ для развитія мѣстной печати сообразно мѣстнымъ нуждамъ и пользамъ. Типографіи, перешедшія въ казенныя руки губернскихъ правленій, назначались вовсе не для цѣлей внутренняго умственнаго развитія общества, а служили средствомъ облегченія канцелярской дѣятельности. Самое существованіе ихъ было плачевное, хозяйство убыточное и, большею частію, ознаменовывавшееся переходомъ казенныхъ денегъ въ карманы управлявшихъ типографіей чиновниковъ. (Исторіи эти повторяются до послѣдняго времени въ Сибири).

Первыя попытки литераторства въ Сибири принадлежали людямъ, случайно явившимся и имѣвшимъ только претензію создавать литературу, но не имѣвшимъ для этого внутреннихъ качествъ. Панкратій Сумароковъ былъ бездарность, или, по крайней мѣрѣ,

такая литературная сила, которая и при лучшихъ условіяхъ не могла многаго дать. Притомъ, какъ ссыльный, чуждый краю, онъ не понималъ и не могъ понимать его нуждъ, потребностей и задачъ мѣстной печати. Какъ и многимъ ссыльнымъ, ему просто хотѣлось писать о чемъ нибудь и удовлетворять свою фантазію, отъ этого всѣ его повѣсти, переводы, произведенія были искусственны и рѣшительно не приноровлены къ средѣ.

Что касается особаго покровительства и распространенія этой печати оффиціальнымъ путемъ, то подобныя попытки тоже повторялись впослѣдствіи, и такое распространеніе, благодаря искусственности и принужденіямъ, было весьма слабымъ стимуломъ къ пробужденію умственной жизни и любознательности въ мѣстныхъ жителяхъ. Для этого нужно было пробужденіе мысли и сознанія въ самомъ обществѣ.

Между этими изданіями и началомъ другихъ періодическихъ изданій въ Сибири, губернскихъ вѣдомостей, лежитъ промежутокъ не болѣе, какъ въ 60 лѣтъ. Такой періодъ показываетъ, что новозамѣненныя губернскія типографіи не могли однѣ подвинуть и создать печать въ краѣ.

Перейдемъ теперь къ исторіи губернскихъ вѣдомостей въ различныхъ губерніяхъ Сибири. Крайне убогими и неприглядными являются эти представители печати въ видѣ сѣренькихъ листиковъ и съ не менѣе убогимъ матеріаломъ. «Тобольскія Губернскія Вѣдомости» начинаются въ 1857 году рецептомъ о составленіи чернилъ—это была первая и единственная статья въ № 1. Далѣе начали появляться статьи: о школахъ, о тюремномъ комитетѣ, наконецъ являются корреспонденціи, замѣтки по этнографіи (о вогулахъ № 10, о введеніи христіанства у остяковъ №№ 11 и 12), воспоминанія историческія о Чичеринѣ (№ 14), объ Іоаннѣ Максимовичѣ (№ 20), о жизни Ѳ. И. Соймонова, статья Абрамова (№ 27). Въ 1858 году появляется уже болѣе матеріала, и, какъ видно, въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» принимаютъ все болѣе участія лица пишущія; между прочимъ, отличаются историческимъ интересомъ статьи протоіерея Сулоцкаго и Абрамова, ученика П. А. Словцова; печатаются путевые очерки, замѣтки, отмѣчаются замѣчательныя явленія природы; въ этомъ же году появляются въ «Вѣдомостяхъ» отчеты о метеорологическихъ наблюденіяхъ. Кромѣ того, въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» печатаются журналы статистическаго комитета.

1859 годъ не менѣе богатъ серьезными и представляющими историческое значеніе статьями. Заслуживающими вниманіе статьями были слѣдующія: «Архіепископы сибирскіе Нектарій и Симеонъ»;

статья Абрамова, о церквахъ Березова, о сибирской библіотекѣ, историческія записки о тобольской гимназіи, челобитная Филоѳея Лещинскаго, сибирская солепромышленность, объ описателяхъ Сибири, замѣтки о ссыльныхъ въ Сибири.

Съ 1859 по 1863 годъ содержаніе «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» болѣе скудно, и только изрѣдка продолжаютъ появляться историческія статьи Сулоцкаго и Абрамова, какъ-то: этнографическое описаніе татаръ (1861 г., №№ 35, 36—45), о князѣ Матвѣѣ Гагаринѣ. Съ 1862 г. появляются дѣловыя и солидныя статьи по статистикѣ г. Анучина. Съ 1863 по 1867 годъ «Тобольскія Губернскія Вѣдомости», во время управленія А. И. Деспота-Зеновича, дѣлаются оживленнѣе и заключаютъ массу замѣтокъ, изслѣдованій и практическихъ указаній. Въ 1866 году Абрамовъ помѣщаетъ свои статьи о Ермакѣ (№№ 18, 19, 20, 21 и 22). Въ «Вѣдомостяхъ» видно сотрудничество образованныхъ священниковъ, купцовъ (Чукмалдинъ) и даже ремесленниковъ (Рыловъ). Съ 1868 года «Губернскія Вѣдомости» падаютъ, дѣлаются безцвѣтными и скудными. Тобольскъ лишается одного изъ просвѣщенныхъ администраторовъ, а вскорѣ умираетъ одинъ изъ видныхъ сотрудниковъ «Губернскихъ Вѣдомостей», Абрамовъ, некрологъ котораго помѣщенъ въ №№ 39, 40—44 за 1870 годъ.

Изъ литературныхъ и ученыхъ силъ, которыя жили въ Тобольскѣ и оставили слѣды вообще въ литературѣ, были Словцовъ, Абрамовъ, Сулоцкій, Ершовъ и Е. Анучинъ, давшій драгоцѣнный статистическій трудъ о ссылкѣ по матеріаламъ, собраннымъ въ приказѣ о ссыльныхъ. Въ Тобольскѣ жилъ и пребываетъ доселѣ М. С. Знаменскій, извѣстный художникъ, каррикатуристъ, литераторъ (авторъ воспоминаній въ книгѣ Турбина «Забытый край и исчезнувшіе люди»), и нынѣ произведшій богатыя археологическія изысканія около Тобольска. Тобольскъ былъ мѣстожительствомъ многихъ декабристовъ, которые не могли не оставить слѣда своего, какъ люди весьма образованные. Умственные интересы въ Тобольскѣ, безъ сомнѣнія, были. Былъ образованный кругъ въ лицѣ Менделѣевыхъ, Жилина и другихъ. Конечно, существовалъ интересъ и къ литературѣ, но «Губернскія Вѣдомости», при своей узкой программѣ, весьма слабо могли отражать умственную жизнь образованнаго круга; эта жизнь шла и развивалась внѣ казенныхъ «Вѣдомостей».

Что касается «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», то начало изданія ихъ зародилось при еще болѣе скудныхъ силахъ. Въ 1857 г., въ первый годъ изданія, въ нихъ нѣтъ никакого литературнаго матеріала, впослѣдствіи появляется цѣнный этногра-

фическій матеріалъ Як. Ст. Андреева, записывавшаго мѣстный словарь, пѣсни, сказки и т. д. («Том. Губ. Вѣд.», 1858 г., № 11, 12 и друг.). Далѣе началъ помѣщать бытовые очерки и статьи извѣстный писатель В. И. Вагинъ, миссіонеръ В. Вербицкій, смотритель училища Ананьинъ [1]), знатокъ мѣстнаго быта, въ 1858 г. появляется статья въ вѣдомостяхъ даже Г. Н. Потанина. Вообще съ 1858 по 1865 г. «Губернскія Вѣдомости» даютъ много историческаго и этнографическаго матеріала и весьма полезны при изученіи края. Въ 1865 г., во время редакціи Д. Л. Кузнецова, на смѣну прежнихъ литераторовъ являются въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» первыя силы сибирской университетской молодежи и пробуютъ сдѣлать газету литературной, но попытка эта является кратковременной; вообще 1865 годъ отразилъ то умственное напряженіе и потребность литературы, которая тогда чувствовалась. «Томскія Губ. Вѣдомости» тогда производили сильное впечатлѣніе. Съ 1866 г. «Губернскія Вѣдомости» падаютъ до прежняго своего уровня и наполняются однимъ сырымъ этнографическимъ и историческимъ матеріаломъ. Впослѣдствіи поддержкою ихъ и главнымъ сотрудникомъ является князь Костровъ, онъ же и редакторъ, человѣкъ съ хорошимъ образованіемъ, лицо, извѣстное въ сибирской этнографіи. Съ нимъ рядомъ неутомимо вносилъ матеріалъ объ алтайскихъ инородцахъ и протоіерей Вербицкій; онъ же заботился о развитіи познаній пчеловодовъ. Нельзя не указать также на неутомимую дѣятельность С. И. Гуляева въ Барнаулѣ, собиравшаго археологическія и этнографическія свѣдѣнія много лѣтъ и снабжавшаго своими замѣтками, какъ князя Кострова, такъ и многія ученыя общества [2]). По смерти князя Кострова «Томскія Губ. Вѣдомости» совершенно падаютъ. «Вѣдомости» редактировались въ это время какимъ-то сосланнымъ за подлоги адвокатомъ, который заправлялъ губернской типографіей и оффиціальной газетой.

Губернскія вѣдомости Енисейскія, Забайкальскія и нынѣ возникшія Акмолинскія и Семипалатинскія далеко не представляютъ такого интереса, и нѣкоторыя не идутъ дальше одного листика съ обыкновенными мѣстными распоряженіями. Для этнографа и

---

[1]) Ананьинъ былъ замѣчательная личность, энциклопедистъ, философъ-самородокъ, онъ интересовался всѣмъ, начиная отъ пчеловодства до послѣднихъ выводовъ философіи. Онъ былъ въ Томскѣ знакомъ съ Бакунинымъ, который бывалъ у него.

[2]) Біографическія свѣдѣнія о Гуляевѣ помѣщены въ книгѣ «Алтай» Голубева, подробная біографія издана В. И. Словцовымъ.

изслѣдователя, однако, необходимо и ихъ тщательно просматривать, какъ ни скуденъ ихъ матеріалъ.

«Иркутскія Губернскія Вѣдомости», благодаря кружку образованныхъ людей, сосредоточившемуся въ Иркутскѣ, явились съ перваго же раза также съ весьма дѣльнымъ литературнымъ матеріаломъ въ неоффиціальной части. О началѣ «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» намъ сообщены слѣдующія свѣдѣнія В. И. Вагинымъ.

«6-го декабря 1856 г. были утверждены новые штаты сибирскихъ управленій. Они установляли изданіе губернскихъ вѣдомостей при всѣхъ сибирскихъ губернскихъ правленіяхъ. Разумѣется, къ этому изданію ничего не было подготовлено, и потому оно не могло начаться тотчасъ же. Но у Муравьева все дѣлалось скоро. Въ маѣ 1857 г. уже появился 1 № «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Это была тетрадка сѣрой, толстой, чуть не оберточной бумаги, напечатанная избитымъ, аляповатымъ шрифтомъ; но это былъ первый сибирскій газетный листокъ, и понятно, что за него съ любопытствомъ схватились не въ одномъ Иркутскѣ. И что же? Въ этомъ листкѣ неоффиціальная часть вовсе не походила на то, что обыкновенно приподносилось читателямъ подъ этой рубрикой въ подобныхъ изданіяхъ. Это былъ фельетонъ, бойкій, живой, хотя, сколько помню, и не серьезный по содержанію. Авторомъ его былъ И. С. Сельскій, членъ совѣта главнаго управленія, одинъ изъ немногихъ чиновниковъ съ университетскимъ образованіемъ, первый правитель дѣлъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества. Впрочемъ, участіе Сельскаго въ «Ирк. Губ. Вѣд.» этимъ фельетономъ и ограничилось.

«Послѣдующіе №№ были еще замѣчательнѣе. Газетка приняла обличительный характеръ, и притомъ до такой степени живой и смѣлый, что въ этомъ отношеніи едва ли могло равняться съ ней какое-нибудь другое изданіе того времени въ Россіи. Въ одномъ изъ первыхъ №№ редакціей было заявлено, что она «уполномочена» печатать всякаго рода статьи, касающіяся пользы края, а также и обличенія всяческихъ злоупотребленій. Напрасно министерство внутреннихъ дѣлъ посылало свои замѣчанія на «неприличіе» такого направленія въ оффиціальномъ изданіи и даже дѣлало выговоры высокопоставленнымъ лицамъ, вступавшимъ въ полемику съ газетой (Падалкѣ). Графъ Муравьевъ-Амурскій, не смотря на замѣчанія, разрѣшалъ газетѣ продолжать печатаніе обличительныхъ статей. Публика скоро поняла духъ «Губернскихъ Вѣдомостей», и въ редакцію посыпались обличительныя корреспонденціи не только изъ всѣхъ мѣстъ Восточной, но и изъ За-

падной Сибири. Газетка сдѣлалась грозой всѣхъ взяточниковъ, казнокрадовъ и кулаковъ. Въ то же время она сдѣлалась и очень вліятельнымъ органомъ, такъ какъ графъ Амурскій обращалъ особенное вниманіе на помѣщаемыя въ ней обличенія; кромѣ того, они перепечатывались и въ столичныхъ изданіяхъ. Изъ статей этого направленія я помню «Старую попытку на новый ладъ», гдѣ описывались злоупотребленія на какихъ-то выборахъ, и (не помню заглавія, но, кажется, «Странные слухи») статейку противъ введенія откуповъ въ Амурскомъ краѣ [1]).

«Понятно, что такое направленіе газеты не нравилось. Ее ненавидѣли и боялись не только люди, задѣтые въ ней, но и вообще люди съ старыми чиновничьими взглядами на печать. Тогдашній томскій губернаторъ, Озерскій, напримѣръ, говорилъ, что направленіе «Ирк. Губ. Вѣдомостей» не дѣлаетъ чести ни Муравьеву, ни *господину* Спѣшневу. Я забылъ сказать, что первымъ редакторомъ «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» былъ только что прощенный Н. А. Спѣшневъ, человѣкъ самаго многосторонняго образованія, а послѣ его отъѣзда редактированіе Вѣдомостей поручено М. В. Загоскину, самому щедрому вкладчику неоффиціальной части. Оба редактора были очень близки къ Муравьеву, который видимо поощрялъ юный печатный органъ.

«По выходѣ изъ редакціи губернскихъ вѣдомостей Спѣшнева и Загоскина, направленіе, данное ими этому изданію, въ первые годы измѣнилось только отчасти, хотя достоинство изданія и порядочно ослабѣло. Въ неоффиціальной части еще нѣсколько лѣтъ продолжали помѣщаться статьи общеинтереснаго, а иногда и обличительнаго содержанія. Но первенствующаго значенія «Губернскія Вѣдомости» не могли имѣть уже и потому, что съ 1860 г. въ Иркутскѣ появилось частное, слѣдовательно, болѣе свободное изданіе—«Амуръ». Кромѣ того, и преемники графа Амурскаго не могли уже относиться къ газетѣ такъ либерально, какъ относился онъ».

Просматривая библіографическій списокъ статей «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» съ 1857 г., мы видимъ наибольшее обиліе этнографическаго и другаго матеріала, а также цвѣтущее ихъ состояніе. Въ 1857, 1858, 1859 гг. онѣ становятся бѣднѣе, съ 1860 г. изданіе «Амура» отвлекло литературныя силы и дало имъ

[1]) Болѣе крупныя статьи были: 1) Объ Амурской К°, *Петрашевскаго*; 2) Первый опытъ статистическаго изслѣдованія земледѣлія въ Иркутской губерніи, *Загоскина*; 3) Описаніе минеральныхъ водъ, *Львова*; 4) Первое путешествіе по Амуру зимой, съ торговою цѣлью, *Паргачевскаго*; 5) Изслѣдованіе нерчинскихъ золотыхъ пріисковъ и положенія рабочихъ; 6) Иркутская лѣтопись, *Пежемскаго*.

попробовать частной печати, послѣ чего къ неоффиціальной части «Губернскихъ Вѣдомостей» уже являлось мало влеченія. Послѣ «Амура» явилась другая частная попытка—изданіе «Сибирскаго Вѣстника» Б. А. Милютинымъ. «Губернскія Вѣдомости», конечно, уступали органамъ частнымъ. Онѣ наполняются происшествіями, отчетами разныхъ благотворительныхъ учрежденій, наконецъ, въ нихъ печатаются протоколы Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества. Временами онѣ служатъ органомъ генералъ-губернатора для его циркуляровъ и распоряженій. Такъ какъ иногда эти циркуляры и распоряженія получали особенное значеніе въ виду борьбы генералъ-губернаторовъ съ разными злоупотребленіями,—таково было время графа Муравьева-Амурскаго, таковы были знаменитые Синельниковскіе циркуляры,—то, безъ сомнѣнія, историкъ общественной жизни не можетъ ихъ игнорировать.

Во все время своего существованія до возникновенія частной литературной дѣятельности въ Сибири и ученыхъ обществъ, губернскія вѣдомости были единственнымъ прибѣжищемъ пишущихъ образованныхъ людей Сибири. Поэтому въ нихъ, повторяемъ, раскидано не мало этнографическаго и бытоваго матеріала. Впослѣдствіи этотъ матеріалъ перешелъ въ Отдѣлы Географическаго Общества, открытые въ Иркутскѣ и Омскѣ. Временами «Губернскія Вѣдомости» печатали акты изъ мѣстныхъ архивовъ и памятники старины и въ этомъ случаѣ, такъ сказать, были полезнымъ складомъ вспомогательнаго матеріала. Зато онѣ вовсе не могли удовлетворять требованіямъ литературнаго органа и оказывались ниже принятой роли, когда пускались характеризовать общественную жизнь, прибѣгали къ пріемамъ фельетона или помѣщали оффиціальныя корреспонденціи съ цѣлью угодить мѣстному администратору. Восхваленіе губернскихъ прелестей было убого. Первая корреспонденція въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», напримѣръ, о балѣ въ городѣ Омскѣ у генерала Гасфорда, была типомъ этого рода губернской оффиціальной литературы, другая корреспонденція, какъ помнимъ, была отмѣчена, какъ образецъ подобострастія, однимъ изъ видныхъ русскихъ писателей въ 60-хъ годахъ и появилась даже у Герцена въ заграничной печати. Эта литература не шла къ «Губернскимъ Вѣдомостямъ». Всякая попытка конкуррировать съ частными изданіями по части литературнаго матеріала, да еще вести съ ними полемику, обыкновенно и до послѣдняго времени кончается плачевно. Сибирскія губернскія вѣдомости утратили уже прежнее свое значеніе. Отдѣльныя стремленія редакторовъ оживить ихъ, собрать мѣстныя извѣстія и научныя изслѣдованія, какъ пытался недавно одинъ областный ор-

ганъ, кончаются одними обѣщаніями редакціи и энергичной разсылкой приглашеній, не имѣющихъ результата. Все это показываетъ, что «Губернскія Вѣдомости» должны получить болѣе тѣсное оффиціальное значеніе, а все, что касается литературы и научныхъ изслѣдованій, выдѣлилось изъ нихъ. Нынѣ на долю губернскихъ типографій остается печатаніе «Памятныхъ Книжекъ» съ матеріаломъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Книжки эти выходятъ, однако, совершенно случайно. Мы не можемъ входить въ разборъ этихъ трудовъ, но должны указать на всякое отсутствіе въ нихъ научно-организованной статистической работы. Составленіе такихъ памятныхъ книжекъ обыкновенно не составляетъ особеннаго труда, такъ какъ всѣ свѣдѣнія берутся изъ ежегодно доставляемой волостной и полицейской статистики, а достоинство этого матеріала хорошо извѣстно спеціалистамъ. И эта задача всецѣло должна перейти нынѣ къ болѣе солиднымъ и болѣе богатымъ учеными силами учрежденіямъ, какими являются мѣстные отдѣлы географическихъ обществъ.

Потребность частной и общественной печати въ Сибири давала себя чувствовать давно. Вполнѣ сформировавшееся общество искало выраженія своему частному мнѣнію, требовало разработки своихъ нуждъ и потребностей. Но это могло явиться не сразу, развитіе и образованность этого общества туго подвигались. Въ мѣстномъ обществѣ не было долго образованнаго сословія, и если являлись образованные люди въ Сибирь, то временно, случайно, и притомъ весьма часто покидали отдаленный край. Нѣкоторые изъ нихъ однако, пробовали писать о Сибири, но труды ихъ, большею частью помѣщались въ столичной періодической литературѣ. Настоящихъ литераторовъ и ученыхъ, конечно, не могли удовлетворить мѣстныя губернскія вѣдомости. Замѣчательно, что у Сибири были уже писатели и ученые, какъ Словцовъ, Ершовъ, Колмогоровъ, но они работая для Сибири, не могли писать на мѣстахъ по неимѣнію на окраинѣ частной журналистики.

Со времени Сперанскаго и Словцова, т. е. съ 1822 до 1857 г. основанія «Губернскихъ Вѣдомостей», Сибирь не имѣетъ никакихъ литературныхъ органовъ.

Отсутствіе выхода для литературныхъ силъ края, отсутствіе мѣстной печати и подробнаго изученія края, отсутствіе компетентнаго мѣстнаго голоса отражалось весьма невыгодно на ея жизни. Масса заблужденій и ложныхъ представленій составлялась о краѣ и мѣстномъ обществѣ.

Но не смотря на это, развивающаяся жизнь, богатства Сибири и новыя завоеванія даютъ толчекъ и измѣняютъ прежнія воззрѣнія

на Сибирь. Зарождаются новыя потребности и создаются новые взгляды. Рядомъ съ этимъ является потребность высказать эти взгляды, чрезъ посредство спеціальнаго органа печати.

Какъ потребность эта созрѣвала, мы имѣемъ въ рукахъ одинъ любопытный памятникъ къ исторіи мѣстной печати, а именно проектъ предполагавшейся газеты въ Иркутскѣ. Документъ этотъ относится къ тридцатымъ или сороковымъ годамъ, т. е. далеко до возникновенія «Губернскихъ Вѣдомостей», а тѣмъ болѣе до появленія частной печати. Найденъ онъ въ бумагахъ поэта и писателя Александрова, жившаго въ Сибири и бывшаго однимъ изъ образованныхъ людей того времени.

Вмѣсто предисловія къ программѣ, составленной на изданіе оффиціально-литературной газеты въ Иркутскѣ, была записка о необходимости образованія литературной газеты въ Иркутскѣ, какъ живаго собственнаго органа Восточной Сибири. Въ запискѣ этой, правда, весьма реторической и напыщенной, проводится мысль о потребности слова и печати въ Сибири.

«*Америка* родная сестра *Сибири*, по времени политическаго рожденія, быстро прожила свои дѣтскій и юношескій періоды, возмужала и окрѣпла не по лѣтамъ, пишетъ авторъ проекта. Природа назначила ей мѣсто, на которомъ все должно быть колоссально, величественно. *Старый свѣтъ* подарилъ ей на зубокъ ограненные алмазною гранью опыты умственной образованности: законы, уставы, науки, художества, промышленность и поэзію. Изъ всего этого время сплело лавровый вѣнокъ и съ торжественнымъ почтеніемъ возложило его на бронзовое чело Вашингтона. Кто хочетъ видѣть чудеса, какъ бы моментально созданныя геніемъ человѣка, тотъ долженъ побывать въ Америкѣ; послѣднее чудо представится ему въ дебряхъ Канады; тамъ онъ увидитъ мѣднолицаго ирокеза, сидящаго предъ очагомъ прародительскаго шалаша своего съ *листкомъ политической газеты*. Образованный дикарь подастъ руку любопытному путешественнику и послѣ обычныхъ привѣтствій спроситъ его: «Здорова-ли ваша добрая старушка Европа? Что подѣлываютъ цари ваши? Скоро ли проложатъ воздушную дорогу съ береговъ Темзы на берега Ориноко?» Да, Америка, родная сестра и сверстница Сибири, переросла ее многими столѣтіями. Но Сибирь въ томъ не виновата; она родилась, растетъ и мужаетъ подъ холоднымъ небомъ сѣверо-востока... Каменный Уралъ, Ледовитое море, космополитъ Восточный океанъ, и что-то въ родѣ громаднаго обломка отъ неизмѣримой цѣпи, отдѣляющей христіанскій міръ отъ міра язычниковъ, сжимаютъ дѣвственное ложе Сибири, въ которомъ становится ей тѣсно и душно».

«Сибирь уже прожила дѣтскій и юношескій возрасты; исходомъ третьяго столѣтія со времени ея рожденія для Россіи оканчивается ея совершеннолѣтіе. Дѣтство Сибири было похоже на тревожный сонъ младенца, ощущающаго только первыя потребности бытія: дышать и питаться. Юность ея протекла какъ весенній мутный ручей, образовавшійся безсознательно въ горномъ ущеліи и не оставившій по себѣ инаго слѣда, кромѣ стёжки, на которую благодатное лѣто вызвало изъ безчувственной почвы группы разноцвѣтныхъ незабудокъ... Теперь Сибирь похожа на дѣву въ зрѣломъ возрастѣ, на невѣсту, ожидающую съ тайнымъ трепетомъ изъ рукъ судьбы жребія для будущей жизни. Ей уже снятся сны, какъ волшебные транспаранты дѣвственнаго, пылкаго, игриваго воображенія, какъ таинственныя задачи Промысла, недоступныя толкованію. При всемъ томъ, кипучему сердцу, уже согрѣтому пламенемъ вполнѣ развившейся жизни, необходимо ощущеніе новаго бытія, бытія могучаго, роскошнаго, яркаго какъ полуденный лучъ іюльскаго солнца, какъ игривый всплескъ ангарской радужной волны, сливающейся въ улову, похожую на чешуйчатый, безъисходный кругъ вѣчности...

«Довольно! Друзья добра! Друзья чести и славы нашей величавой дѣвственности!—прислушайтесь къ ея сердечнымъ ощущеніямъ, къ ея таинственному шопоту, къ быстрому жаркому біенію ея пульса! Помогите ей произнести роковое слово: *«люблю»*. Понимаете! она, наша колоссальная Сибирь, *созрѣла для любви къ мысли и глаголу* и сама желаетъ мыслить и говорить о самой себѣ».

Мы не приводимъ здѣсь подробно программы этого изданія, которое должно было получить названіе «Ангарскаго Вѣстника». Газета предполагалась еженедѣльной въ 2 печатныхъ листа и, какъ видно, должна была издаваться на казенныя средства. Попытка эта любопытна тѣмъ, что желали соединить оффиціальный органъ съ литературными потребностями времени. Почему она не осуществилась—неизвѣстно, также мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, былъ ли этотъ проектъ поданъ оффиціально. Трудно было ожидать, однако, чтобы эта газета имѣла успѣхъ большій, чѣмъ «Губернскія Вѣдомости». Частной печати суждено было зародиться въ Сибири при другихъ условіяхъ лѣтъ 30 спустя. Вотъ какъ медленно осуществлялись литературныя предпріятія въ Сибири.

Пріѣздъ графа Муравьева-Амурскаго въ Восточную Сибирь и его управленіе составили эпоху. Это было время живое, поднявшее общественную жизнь. Присоединеніе Амура произвело сенсацію не въ одной Сибири. Присоединеніе новаго края, конечно,

будило вновь мысли о государственномъ значеніи Сибири, оно дало въ муравьевское время также импульсъ умственному возбужденію. Въ Иркутскѣ было немало образованныхъ людей и писателей, которые, какъ видно, не удовлетворялись «Губернскими Вѣдомостями», и Амуръ былъ, такъ сказать, поводомъ къ созданію первой частной газеты на Востокѣ.

Вотъ что говоритъ объ основаніи ея В. И. Вагинъ:

«Первая мысль объ изданіи частной газеты въ Иркутскѣ родилась въ кружкѣ, образовавшемся при редакціи «Губернскихъ Вѣдомостей», изъ сотрудниковъ неоффиціальной части и нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ передоваго купечества [1]). Быть редакторомъ выпало на долю г. Загоскина, уже извѣстнаго по редакціи «Губернскихъ Вѣдомостей»; на его имя было испрошено и разрѣшеніе на изданіе. Названіе «Амуръ» было дано газетѣ отчасти потому, что тогда все амурское было въ модѣ, отчасти и потому, что въ газетѣ дѣйствительно предполагалось знакомить публику съ новымъ и интереснымъ для нея тогда амурскимъ краемъ. Редакція газеты была обставлена очень серьезно. Мѣстное обозрѣніе принялъ на себя Петрашевскій; общее внутреннее М. П. Шестуновъ (онъ же управлялъ и конторой изданія), иностранное — П. А. Горбуновъ, бывшій воспитатель Трубецкихъ, человѣкъ весьма образованный и страстный политикъ. Кромѣ того, ближайшимъ сотрудникомъ газеты былъ петрашевецъ Ѳ. Н. Львовъ, впослѣдствіи секретарь Техническаго Общества. Графъ Амурскій сочувственно отнесся къ новому изданію; начальникъ его штаба, Кукель, и бывшій китайскій посланникъ, г. Бютцовъ, обѣщались быть сотрудниками газеты, и дѣйствительно доставляли ей нѣсколько сообщеній. Цензорами газеты были генералъ-губернаторы— сначала Муравьевъ, а потомъ Корсаковъ. Прежнія связи г. Загоскина по редакціи «Губернскихъ Вѣдомостей» дали ему возможность съ самаго начала привлечь въ «Амуръ» нѣсколько дѣльныхъ корреспондентовъ. Затѣмъ явились и новые корреспонденты и сотрудники. Наружный видъ газеты былъ уже гораздо приличнѣе наружности «Губернскихъ Вѣдомостей». «Амуръ» печатался въ довольно порядочной мѣстной военной типографіи и на очень порядочной бумагѣ.

«Муравьевъ, повидимому, вполнѣ довѣрялъ редакціи газеты, такъ что подписывалъ цензурные листы, не читая. Но это только повидимому, потому что стоило появиться не совсѣмъ благосклонной замѣткѣ объ Амурскомъ краѣ и о любимцахъ графа—разной

[1]) А. А. Вѣлоголовый, И. И. Пиленковъ и С. С. Поповъ.

лицейской молодежи, — какъ на авторовъ и редактора сыпались уже угрозы. Еще за напечатаніе въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» статьи по поводу дуэли между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ редактору сдѣланъ былъ репримандъ. Бывали выговоры и за замѣтки въ «Амурѣ». Одинъ чиновникъ за такую замѣтку былъ даже лишенъ мѣста въ Благовѣщенскѣ. Со вступленіемъ въ должность генералъ-губернатора Корсакова дѣла газеты пошли хуже. Случалось, что цѣлые №№ надо было перепечатывать вновь! Вмѣсто того, приказывалось печатать то, что, по мнѣнію редакціи, противорѣчило ея воззрѣніямъ. Извѣстно, какое сильное впечатлѣніе производили статьи Дмитрія Завалишина, раскрывавшія закулисную сторону занятія Амура. Статьи эти страшно бѣсили Н. Н. Муравьева и его преемника Корсакова. Послѣдній поручилъ одному изъ своихъ приближенныхъ написать опроверженіе на нихъ. Это опроверженіе разрослось въ нѣсколько печатныхъ листовъ. Оно прислано было въ редакцію «Амура», съ собственноручной запиской, въ которой *приказывалось «напечатать!»* его въ ближайшемъ №. Пришлось разбирать набранный уже № газеты, печатать опроверженіе и задержать выходъ №. Распоряженіе о напечатаніи его было явнымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла совершенно частнаго изданія и покушеніемъ вліять на его направленіе, вопреки мнѣніямъ редакціи, которыя были гораздо болѣе солидарны съ мнѣніями Завалишина, чѣмъ автора опроверженія. Издатели оскорбились такимъ вмѣшательствомъ и рѣшили закрыть газету. Редакторъ М. В. Загоскинъ доложилъ объ этомъ М. С. Корсакову. «Газета должна существовать», сказалъ Корсаковъ. Г. Загоскинъ возразилъ, что за отказомъ издателей и по малочисленности подписчиковъ, газета не будетъ окупать издержекъ, и потому существованіе ея немыслимо.

«Корсаковъ обѣщалъ помочь газетѣ, лишь бы она не прекращалась. И дѣйствительно, газетѣ было ассигновано пособіе изъ амурскихъ суммъ (заглавіе ея тутъ пришлось очень кстати) по 800 руб. въ годъ. Такимъ образомъ, «Амуръ» сдѣлался субсидируемой газетой. Это, однакожъ, не измѣнило ея направленія. Самолюбію Корсакова и Муравьева было пріятно, что въ ихъ краѣ издается газета, да еще и либеральная. Но объемъ газеты сильно уменьшился. Вмѣсто двухъ большихъ листовъ, сталъ выходить только одинъ маленькій. Всѣ прежніе члены редакціи отстали отъ газеты, и весь трудъ редакціи остался на одномъ Загоскинѣ. На него посыпались нареканія, что онъ передался муравьевской партіи; въ «Искрѣ» была напечатана каррикатура или замѣтка въ этомъ родѣ. Но въ этихъ нападкахъ было упущено изъ виду, что

Загоскинъ спасъ единственную частную газету въ Сибири, и что газета сохранила свой характеръ и продолжала приносить свою пользу, не смотря на казенную субсидію.

«Лѣтомъ 1861 года, съ газетой опять случилась перемѣна. Около этого времени пріѣхалъ въ Иркутскъ на службу Б. А. Милютинъ. Человѣкъ чрезвычайно дѣятельный, энергическій, онъ, между прочимъ, изъявилъ желаніе участвовать въ редакціи «Амура». И вотъ подъ газетой явились подписи двухъ редакторовъ. Но между Загоскинымъ и Милютинымъ скоро возникло разногласіе по нѣкоторымъ вопросамъ, и г. Загоскинъ снялъ свою подпись съ газеты... Милютинъ одинъ остался редакторомъ. На первыхъ порахъ онъ занялся ею чрезвычайно дѣятельно. И, тѣмъ не менѣе, въ газетѣ не было прежняго оживленія. Г. Милютинъ не обладалъ качествами журналиста, онъ писалъ тяжеловатымъ, хотя иногда и энергическимъ языкомъ, и печаталъ иногда статьи очень дѣльныя, но не имѣвшія общаго интереса. Кромѣ того, ему не удалось справиться и съ хозяйственной частью газеты. Въ апрѣлѣ 1862 года набранный уже въ типографіи № былъ задержанъ типографіей впредь до окончанія разсчетовъ за прежнее время. Номеръ не вышелъ, и изданіе прекратилось. Года черезъ два г. Милютинъ возобновилъ изданіе подъ другимъ заглавіемъ («Сибирскій Вѣстникъ»), но оно не имѣло успѣха.

«Амуръ» до конца оставался вѣрнымъ своему девизу—основывать свои сужденія «на началахъ науки и нравственности». Но публикѣ, за исключеніемъ Восточной Сибири, газета была мало извѣстна. Да и въ Сибири она имѣла мало подписчиковъ — въ лучшее время не болѣе 600. И едва ли «Амуръ» имѣлъ больше вліянія въ Сибири, чѣмъ «Иркутскія Губернскія Вѣдомости» за первое время: онъ былъ слишкомъ серьезенъ для большинства читателей. Поэтому и прекращеніе его осталось почти незамѣченнымъ».

В. И. Вагинъ не упоминаетъ здѣсь еще о нѣкоторыхъ изданіяхъ, напр., о «Кяхтинскомъ Листкѣ», издан. 1862 г. При его кратковременномъ существованіи, съ 3 мая по 10 сентября, сдѣлана была попытка придать изданію, съ одной стороны, видъ коммерческаго органа, съ другой—литературнаго, но попытка эта въ маленькомъ городкѣ была недолговѣчна. Такова же была попытка изданія амурской газеты «Восточное Поморье».

Надо напомнить также объ изданіи въ Иркутскѣ съ 60-хъ годовъ памятныхъ книжекъ и трудовъ мѣстнаго техническаго общества, которые мы видѣли и въ которыхъ находятся нѣсколько частныхъ записокъ о положеніи пріисковаго дѣла. Въ «Сибир-

скомъ Вѣстникѣ» Б. А. Милютина помѣщались отчеты мѣстнаго юридическаго общества при сотрудничествѣ молодыхъ юристовъ, ожидавшихъ судебной реформы въ Сибири. Вообще потребность частныхъ органовъ печати съ этого времени давала себя все болѣе чувствовать. Въ періодъ зарождающейся частной журналистики въ Сибири, нельзя не замѣтить значительнаго участія въ этомъ дѣлѣ лицъ образованныхъ, заѣзжихъ или закинутыхъ въ край, желавшихъ оказать услуги просвѣщенію Сибири. Между ними, однако, выдвигается уже и такая мѣстная сила, какъ М. В. Загоскинъ.

Пріѣзжія лица, при всемъ желаніи блага краю, однако, не всегда обладали близкимъ знаніемъ его интересовъ. Такимъ знаніемъ не обладали и декабристы. Чиновный элементъ отличался зависимостью и уступчивостью. Болѣе независимой частной печати суждено было выступить позднѣе.

Въ то время, когда въ Иркутскѣ временно потухли первые частные органы при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, изъ образованныхъ сибиряковъ все болѣе нарождались писатели по профессіи, которые искали мѣста въ печати и примѣненія своихъ литературныхъ силъ [1]). Въ теченіе послѣдняго 25-лѣтія Сибирь заслуживала болѣе вниманія и въ русской журналистикѣ. Съ 60-хъ годовъ начали являться молодые сибиряки съ статьями, спеціально затрогивавшими жизнь и исторію Сибири. Сибирь подарила уже такую литературную и ученую силу, какъ профессоръ Щаповъ, выступившій на каѳедру Казанскаго университета, а потомъ обратившій на себя вниманіе общими историческими статьями. Его ученикомъ былъ С. С. Шашковъ, сцеціально занявшійся исторіей Сибири. До этого въ Казанской духовной академіи выступали сибиряки, учитель исторіи Г. З. Елисѣевъ, впослѣдствіи извѣстный писатель, въ Казанскомъ университетѣ Корсакъ, Чугуновъ, Кремлевъ. Съ 1860 года выступилъ въ петербургской печати Г. Н. Потанинъ съ своими первыми очерками о природѣ и жизни въ Алтаѣ; наконецъ, молодой беллетристъ Н. И. Наумовъ, начавшій съ очерковъ военнаго быта, а затѣмъ давшій разсказы изъ быта сибирскаго крестьянства.

Уже въ 1863—1864 г. зарождалась мысль о созданіи въ Сибири литературнаго органа; въ краѣ замѣтно было нѣкоторое па-

[1]) Сибирскими писателями издавались уже солидныя сочиненія. В. И. Вагинъ издаетъ капитальный трудъ «Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири». Загоскинъ издалъ учебникъ географіи и дирижировалъ «Записками» Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества въ Иркутскѣ.

тріотическое движеніе. Но первыя мечты не осуществились. Здѣсь появляется десятилѣтній пробѣлъ въ умственной жизни края: сибирскіе писатели болѣе десяти лѣтъ должны были раскидываться и помѣщать статьи въ различныхъ изданіяхъ. Только въ 1872—1874 годахъ была попытка нѣсколькихъ пишущихъ сибиряковъ присоединиться къ казанскому органу, «Камско-Волжской газетѣ», и примкнуть къ разработкѣ вопроса объ областномъ развитіи и областности. Газета просуществовала, однако, немного болѣе двухъ лѣтъ. Въ 1874 г. у писателей сибиряковъ, живших въ Петербургѣ, снова бродитъ мысль о спеціальномъ изданіи, посвященомъ окраинѣ. Послѣдствіемъ этого является, съ одной стороны, изданіе «Литературнаго Сборника» Б. А. Милютина, съ другой—начала издаваться газета «Сибирь». Въ это время въ Иркутскѣ увядалъ и хирѣлъ какой-то появившійся листокъ подъ названіемъ «Сибирь», предпринятъ былъ заѣзжимъ инженеромъ Клиндеромъ, любителемъ издателемъ, органъ безъ особаго плана и цѣли. У этого издателя было всего 9 подписчиковъ и ни одного сотрудника, но было право на изданіе газеты. Нѣкоторыя лица, сочувствовавшія возникновенію мѣстной печати, вступили въ переговоры съ г. Клиндеромъ объ уступкѣ имъ права изданія. Переговоры эти увѣнчались успѣхомъ. Тогда мѣстные писатели выставили редакторомъ-издателемъ старѣйшаго изъ сибирскихъ писателей Вс. Ив. Вагина и просили принять также участіе въ редактированіи газеты извѣстнаго своею опытностью М. В. Загоскина. Всѣ сибиряки, жаждавшіе газеты, примкнули къ этому органу, который начинался безъ всякихъ средствъ, единственно помощью и дружными усиліями всѣхъ и каждаго, стремившихся осуществить завѣтную мысль. Газета начала печататься въ кредитъ въ мѣстной типографіи, бумага была пожертвована.

Газета Восточной Сибири, перешедшая подъ новую редакцію, началась при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ моментъ изданія и приготовленій случился казусъ. Мѣстный полицеймейстеръ Чебыкинъ сдѣлалъ непріятность редакціи, набросивъ тѣнь на ея репутацію. Трудно, кажется, было надѣяться на долговѣчность органу безъ средствъ, безъ особаго покровительства, при добровольномъ сотрудничествѣ бѣдняковъ и въ краѣ, гдѣ общество и населеніе не привыкло интересоваться литературою. Мѣстный органъ, начатый при столь исключительныхъ условіяхъ, могъ служить доказательствомъ, что можетъ сдѣлать энергія, дружныя усилія и самоотверженная работа на пользу общества. При существованіи одной частной газеты, онъ явился органомъ не одной Восточной, но и всей Сибири.

Газета «Сибирь», выступая въ краѣ отдаленномъ, при немногочисленныхъ читателяхъ, не могла задаться программой большихъ газетъ съ политическимъ оттѣнкомъ. Ея желанія и цѣли были самыя скромныя: она положила служить выраженіемъ мѣстныхъ нуждъ страны и выяснить тѣ вопросы, которые были на очереди въ общественной жизни края. («Сибирь» № 4 1885 г.). Въ продолженіи 12-ти лѣтъ своего существованія она разрабатывала вопросы экономическіе края, причемъ особенно выдвинула вопросъ объ изученіи крестьянства, вопросъ о положеніи земледѣльческой общины и насущныхъ интересахъ земледѣльческаго населенія (см. «Общинное землевладѣніе въ Сибири» №№ 20—21 1877 г., «Сибирскіе крестьяне» №№ 2—8 1881 г.). Далѣе газета выдвинула вопросъ о мѣстной промышлености, о кустарныхъ промыслахъ въ Сибири. Затѣмъ въ это время уже была сознана польза и важность колонизаціи, поэтому, вопросъ о переселеніяхъ въ Сибирь постоянно возбуждалъ вниманіе мѣстнаго органа и въ немъ проводилась мысль о помощи переселенцамъ,—мысль, впослѣдствіи осуществленная. Далѣе ставился на очередь вопросъ инородческій, причемъ мѣстная печать разрѣшала этотъ вопросъ не въ смыслѣ вытѣсненія инородцевъ и ограниченія его, но съ точки зрѣнія гуманнаго отношенія къ нимъ, поднятія ихъ культурнаго и умственнаго уровня. Разсматривая вопросъ золотопромышленный, мѣстный органъ посвятилъ не мало статей положенію рабочихъ на пріискахъ. Развитіе образованія и положеніе народныхъ школъ было также предметомъ многихъ статей, какъ и городское дѣло въ Сибири, причемъ при введеніи новаго Городоваго Положенія мѣстная печать дѣятельно поддерживала новыя начала въ городскомъ хозяйствѣ.

Основаніе газеты «Сибирь» совпало съ годомъ, когда разрѣшено было учрежденіе университета въ Сибири. Газета встрѣтила это разрѣшеніе радостнымъ привѣтствіемъ и въ первый годъ начала посвящать статьи будущему высшему образовательному учрежденію, предвидя въ немъ могучій рычагъ обновленія окраины, лучшаго ея существованія, зарю грядущей умственной жизни.

1875—1877 года замѣчательны тѣмъ, что сибирское населеніе жило большими ожиданіями, слова «наканунѣ реформъ» не сходили съ устъ интересующихся судьбою родины. Реформамъ вообще и въ частности ссылкѣ было посвящено много статей. Уголовная ссылка съ ея деморализующими и вредными сторонами составляла для края огромный вредъ. Когда явилась газета, въ Иркутскѣ вопросъ этотъ разсматривался въ различныхъ коммиссіяхъ, и ему немало было посвящено статей отъ имени сибиряковъ

въ столичной печати. («Послѣднее слово о ссылкѣ», № 37, 1877 г., «Наканунѣ реформы», № 23, 1875 г.). Цѣлый рядъ статей о ссылкѣ, доказательства pro и contra, энергичныя усилія и настоянія о ея отмѣнѣ для края, рядъ жалобъ, корреспонденцій по этому поводу, составляютъ цѣлую литературу, характерную для своего времени, и первая сибирская газета лучше всего отразила ее. Только благодаря усиліямъ и послѣдовательности иркутской газеты, элементъ ссыльныхъ мошенниковъ не получилъ такого значенія и не завладѣлъ общественною жизнью въ Иркутскѣ, какъ это случилось въ Томскѣ. Рядомъ съ отмѣной ссылки газета ждала новаго суда, дарованія земскаго управленія... Въ основу необходимости реформы суда газета «Сибирь» полагала окружающее безправіе и совершенную негодность старыхъ судебныхъ учрежденій.

Вопросъ о земствѣ и о способности къ нему Сибири не могъ остаться чуждъ газетѣ. Возможно ли земство въ Сибири, каковы будутъ его элементы при отсутствіи землевладѣльцевъ, являлось вопросомъ, который считался неразрѣшимымъ. По поводу этого мы встрѣчаемъ весьма солидныя статьи, между прочимъ, замѣчательно дѣльную статью В. И. Вагина, дающую отвѣты на эти вопросы. Статьи эти не только доказываютъ возможность земства, но и открываютъ въ однородномъ составѣ русскаго населенія на Востокѣ нѣкоторыя преимущества. («Элементы земства въ Сибири», №№ 40 и 41, 1881 г.).

Мы видимъ, что въ мѣстномъ органѣ съ замѣчательною точностью отразились всѣ нужды населенія.

Съ самаго начала газета «Сибирь» сформировала и сконцентрировала массу мѣстныхъ извѣстій и корреспонденцій. Въ краѣ съ разными захолустьями, откуда до образованнаго міра не достигалъ человѣческій голосъ, куда не заглядывала ни одна ревизія, это было въ высшей степени важно и благотворно, такъ какъ въ корреспонденціяхъ часто гораздо точнѣе и безпристрастнѣе рисуется общая картина мѣстной жизни. Редакція особенно дорожила этимъ матеріаломъ. Разные углы отдаленнаго края, въ свою очередь, дорожили сношеніями съ газетой и вотъ здѣсь завелась та внутренняя общественная солидарность между газетой и обывателемъ, которая служитъ залогомъ единенія печати съ обществомъ и которая дѣлаетъ изъ стаднаго существованія существованіе гражданское, осмысленное. Словомъ, эта мѣстная газета первая внесла духъ и идею въ сибирское общество, научивъ уважать печать и искать въ ней заявленія общественнаго мнѣнія.

Какъ первый частный органъ, коснувшійся общественной жизни края, его золъ, его ранъ, его неустройствъ, накопленныхъ вѣками,

понятно, такой органъ началъ подвергаться нападкамъ, упрекамъ и вызывалъ негодованіе среди тѣхъ элементовъ, которые заинтересованы были скрывать недостатки на окраинѣ.

Такія нападки совершались на газету и обвиненія сыпались на редакцію иногда со стороны людей, которые должны были бы дорожить существованіемъ печати въ краѣ. Надо замѣтить, что эта редакція состояла, между тѣмъ, изъ самыхъ образованныхъ представителей иркутскаго общества. Изслѣдованія и мнѣнія по серьезнымъ вопросамъ брались изъ газеты нерѣдко для оффиціальныхъ отчетовъ, и, тѣмъ не менѣе, много горькихъ и тяжкихъ минутъ пережила эта редакція. Нѣсколько разъ она подвергалась опасности прекратить существованіе.

Такое мѣсто иркутской газетѣ въ нашемъ очеркѣ мы отводимъ потому, что существованіе этого органа совпадаетъ съ наибольшимъ пробужденіемъ умственной жизни сибирскаго общества.

Начинающая печать не всегда имѣла поддержку въ самомъ обществѣ, въ началѣ своемъ имѣла весьма ограниченный кругъ читателей и положеніе ея не могло сравниваться съ печатнымъ органомъ центральной Россіи. Подписка мѣстныхъ изданій не превосходила 1.500 читателей. Кромѣ того, было много и другихъ неблагопріятныхъ условій.

Часть общества, не привыкшая къ періодической печати, не понимая ея назначенія, присоединялась часто въ своей критикѣ къ тѣмъ, кто не терпѣлъ гласности въ виду своихъ личныхъ интересовъ. Гласность этого, понятное дѣло, затрогивала старый режимъ существовавшихъ издавна злоупотребленій, недобросовѣстной наживы и всякой эксплуатаціи. Съ этою темною силою приходилось считаться. Многіе не понимали, какую услугу ему оказывала «гласность». Прежде въ Сибири господствовалъ «доносъ», «кляуза», получившіе печальную извѣстность въ глухія времена произвола. Представительство печати и обличеніе ея не походили на старое «тяжебничество», не было безплодной жалкой жалобой и воплемъ темнаго человѣка; это было открытое заявленіе общественныхъ золъ, знать которыя было необходимо правительству и обществу. Мѣстная печать, по мѣрѣ силъ, служила этой гласности и нельзя отказать ей въ услугахъ на этомъ поприщѣ. Сколько бы ни обвиняли эту печать въ стремленіяхъ къ неумѣстнымъ обличеніямъ, но въ ней не могъ не отразиться тотъ же духъ и исканіе общественной правды. Ей ставились въ вину иногда ошибки, неосновательныя сужденія, она создала себѣ враговъ преимущественно изъ лицъ, кому она страшна была, эту печать и гласность старались дискредитировать и обвинять, эта печать часто наказывалась

за свою неосмотрительность или рѣзкость, но въ общемъ никто не считалъ, сколько она принесла пользы въ тысячахъ мелочей, обнаруживая дѣйствительное зло жизни, о которомъ мѣстная власть или не знала или съ которымъ не могла справиться.

Что появленіе мѣстной печати явилось не случайностью, но совпало съ обновленіемъ общества, съ живымъ стремленіемъ выражать свои мѣстныя нужды и разработывать мѣстные вопросы, свидѣтельствомъ служитъ появленіе въ Сибири и другихъ частныхъ органовъ печати, кромѣ газеты «Сибирь».

Чрезъ пять лѣтъ послѣ возникновенія иркутскаго органа появилась въ Томскѣ «Сибирская Газета». «Сибирская Газета», по примѣру иркутскаго органа, старалась чутко относиться къ общественнымъ нуждамъ и вопросамъ сибирской жизни и избрала ту же программу.

«Сибирская Газета» просуществовала съ 1-го марта 1881 г. по 26-го іюля 1888 г., посвятила не мало статей мѣстнымъ вопросамъ, а именно вопросу о переселеніяхъ, просвѣщенію, ссылкѣ, инородческому вопросу, вопросу крестьянскому и другимъ. Издателями были П. И. Макушинъ, А. И. Адріановъ, Толкачевъ; редакторами А. И. Ефимовъ, А. И. Адріановъ, Макушинъ и А. Гусевъ; главными работниками первоначально Адріановъ, Муромовъ, затѣмъ къ газетѣ присоединились литературныя силы, какъ Клеменцъ, Волховской, Голубевъ, Станюковичъ, Чудновскій и др.

Газета эта въ 1888 г. представляла видъ вполнѣ литературнаго органа и выходила два раза въ недѣлю. Ко дню открытія университета въ іюлѣ 1888 г. она издала изящный юбилейный номеръ, въ которомъ помѣстили статьи выдающіеся сотрудники, между прочимъ, извѣстный писатель Г. И. Успенскій. Подписка газеты увеличивалась и она имѣла успѣхъ, но въ 1888 г. существованіе ея прекратилось.

Въ Тобольскѣ съ 1890 г. сталъ выходить «Сибирскій Листокъ», издаваемый сибирякомъ Г. Сыромятниковымъ. Газета эта выступила также съ заявленіемъ мѣстныхъ сибирскихъ нуждъ и выдвинула, главнымъ образомъ, вопросы экономическіе. Газета эта также старалась искренно и честно отнестить къ сибирскимъ вопросамъ, затронутымъ текущею жизнью.

Въ 1888 г. въ Томскѣ возникла газета «Сибирскій Вѣстникъ». Но органъ этотъ составилъ, по своему направленію, исключеніе изъ мѣстной сибирской печати, хотя въ нѣсколько лѣтъ добился значительнаго распространенія.

Кромѣ того, въ различныхъ городахъ Сибири въ послѣднее десятилѣтіе появлялись то тамъ, то здѣсь городскіе листки, въ

которые, кромѣ объявленій, входили мѣстныя извѣстія и промышленныя свѣдѣнія. Такой листокъ пробовали издавать въ Тюмени, въ Красноярскѣ. Когда-то издавался «Кяхтинскій листокъ». Въ Нерчинскѣ также пытался издавать газету, удовлетворяя мѣстнымъ потребностямъ, И. В. Богашовъ. Все это показываетъ нарождающіяся потребности мѣстной жизни. Дѣйствительно, въ то время, когда въ большихъ промышленныхъ центрахъ Россіи существуютъ уже по нѣскольку газетъ, какъ въ Одессѣ, Кіевѣ, когда даже въ портахъ Китая, какъ въ Шанхаѣ, издаются коммерческія газеты, удивительно, что сибирскіе торговые города не имѣли даже небольшихъ листковъ.

Огромная окраина Амуръ съ самаго начала приковала вниманіе русскаго общества и ей, какъ видимъ, былъ посвященъ особый органъ «Амуръ». Впослѣдствіи развивающаяся и усложняющаяся жизнь этого богатаго края все болѣе обращаетъ вниманіе государства. Его близость къ Восточному океану пророчитъ ему огромное будущее. Потребность спеціальнаго органа для такого края сказалась въ созданіи газеты «Владивостокъ», которая съ 17 апрѣля 1883 г. нѣсколько лѣтъ посвящаетъ себя обсужденію амурскихъ дѣлъ и сообщаетъ о морскомъ дѣлѣ на берегахъ Восточнаго океана. Газета эта, имѣя полуоффиціальный характеръ, успѣвала, однако, временами служить и общественнымъ интересамъ. Особенно интересны были статьи газеты, посвященныя переселенческому дѣлу на Амурѣ.

Говоря о положеніи мѣстной печати, мы не можемъ не коснуться цензурныхъ условій ея существованія. Мы должны сказать, что цензура мѣстныхъ сибирскихъ изданій находилась въ особыхъ условіяхъ. Сибирь не имѣла независимаго цензурнаго вѣдомства и отдѣльныхъ цензоровъ, которые руководствовались закономъ и уставами. Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ губернаторовъ, обязанности цензуры возлагались когда-то, лѣтъ 25 назадъ, на директоровъ гимназій и лицъ учебнаго вѣдомства, затѣмъ, эта цензура передана была непосредственно губернаторамъ, которые возлагаютъ ее на вице-губернаторовъ или чиновниковъ мѣстнаго губернскаго управленія. Генералъ-губернаторы же возлагали цензорскія обязанности на чиновниковъ своей канцеляріи. Отъ требованій, какія предъявляетъ цензура, отъ отношенія къ ней какъ администраціи, такъ и лицъ, завѣдующихъ цензурой, зависѣла судьба изданій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и положеніе печати вообще. Должно прибавить, что на окраинѣ, гдѣ печать не получала того права гражданства, какъ въ центрахъ Европейской Россіи, недоразумѣній и препятствій встрѣчается гораздо

болѣе. Причиною этого является, съ одной стороны, слишкомъ ревнивое отношеніе мѣстной сибирской власти вообще къ гласности и вообще къ опубликованію фактовъ мѣстной жизни, съ другой стороны, полное отсутствіе опредѣленности взгляда и постоянства требованій у лицъ, завѣдующихъ случайно цензурой мѣстныхъ изданій, опирающихся не на законъ и требованія цензурнаго устава, а вносящихъ свое личное усмотрѣніе и критику произведеній вмѣсто цензуры. Руководители частной печати въ Сибири, поэтому, совершенно теряются при отсутствіи опредѣленности требованій и правилъ, неимѣнія возможности приноровится къ мѣстнымъ цензурнымъ требованіямъ. Взгляды, напримѣръ, чиновъ министерства народнаго просвѣщенія совершенно отличались и разнились отъ взглядовъ чиновниковъ, губернаторской канцеляріи. Назначеніе того или другого чиновника и взгляды главнаго администратора совершенно измѣняли характеръ требованій и условія для мѣстныхъ органовъ. На завтра не дозволялось печатать въ этихъ органахъ то, что вчера безусловно допускалось и даже поощрялось. Нѣкоторые администраторы допускали гласность, обличеніе мѣстныхъ злоупотребленій и пользовались этою гласностью; таковы были: графъ Муравьевъ-Амурскій, Деспотъ-Зеновичъ, генералъ-губернаторъ Казнаковъ, генералъ Синельниковъ, графъ А. П. Игнатьевъ, томскій губернаторъ Лаксъ. Другіе, наоборотъ, не терпѣли и являлись гонителями этой гласности, хотя она оказала огромныя услуги при старомъ сибирскомъ режимѣ. Взглядъ частной печати на общественное гражданское служеніе свое расходился въ этомъ случаѣ съ представителями мѣстной власти и являлись безпрестанныя столкновенія. Частный органъ иногда испытывалъ нѣсколько цензуръ—генералъ-губернатора, губернатора, духовнаго начальства, чиновника, назначеннаго для цензуры, и, наконецъ, полиціи и полицеймейстера, который также предъявлялъ свои требованія и жаловался на печать. При такихъ условіяхъ частной печати существовать было совершенно невозможно. Иногда требовалось, чтобы не печаталось городскихъ происшествій, такъ какъ заявленія о совершающихся преступленіяхъ, будто бы, показывали малую бдительность полиціи. (Таковы были претензіи томской полиціи при губернаторѣ Красовскомъ и иркутской, гдѣ доставленіе въ газету свѣдѣній о происшествіяхъ принадлежитъ только полиціи). Иногда не пропускались замѣтки о театрѣ только потому, что администраторъ находилъ нужнымъ покровительствовать тому или другому таланту, артисту или артисткѣ. Мѣстная администрація предполагала аллегорію тамъ, гдѣ ея помину не было, и выказывала особую подозрительность

и предубѣжденіе ко всей легкой и фельетонной литературѣ, которая вошла въ обычай въ большой печати.

На мѣстную печать сыпались изъ Сибири жалобы, причемъ нѣкоторые администраторы жаловались на собственную свою цензуру и на собственныхъ цензоровъ. Наконецъ, попадали въ мѣстные цензора лица ограниченныя или прямо озлобленныя на печать и имѣвшія личныя столкновенія. Понятно, что все это приводило къ печальнымъ недоразумѣніямъ. Главное цензурное вѣдомство не всегда могло, поэтому, удовлетворять мѣстнымъ жалобамъ, но мѣстной цензурѣ все-таки представлялось столь обширное поле, что мѣстнымъ изданіямъ предстояло самое печальное существованіе. Борьба противъ мѣстной печати и непривычка къ ней на окраинѣ отразилась въ послѣднее десятилѣтіе весьма нелегко на сибирской печати и вызвала прекращеніе нѣкоторыхъ органовъ [1]).

Такъ какъ мѣстная печать не всегда имѣла, однако, возможность выразить откровенно свои желанія и нужды мѣстнаго общества, а интересъ къ окраинѣ со времени 300-лѣтія все болѣе возрасталъ въ русскомъ обществѣ, то въ подспорье мѣстной печати и для заявленія мѣстныхъ нуждъ, появился спеціальный органъ, посвященный ея интересамъ въ столицѣ. Съ 1883 года стало выходить въ Петербургѣ «Восточное Обозрѣніе». Цѣль его и программа была посвятить себя интересамъ и нуждамъ русской окраины Сибири и въ то же время расширить взглядъ на роль русскихъ владѣній на Востокѣ, съ этою цѣлью газета взялась ознакомить съ азіатскими странами и государствами, сношеніе съ которыми на Востокѣ вызывалось исторіею и русскими завоеваніями. Въ видахъ этого въ газетѣ былъ открытъ отдѣлъ для статей о Востокѣ; въ составъ сотрудниковъ вошли извѣстные русскіе оріенталисты, профессора И. П. Васильевъ, Минаевъ, Позднѣевъ, а затѣмъ извѣстные путешественники Потанинъ, Максимовъ, Пѣвцовъ, Поляковъ, какъ и знатоки края. Интересъ къ Востоку и восточнымъ государствамъ не могъ, однако, привлечь вниманіе русскаго общества и газета должна была нѣсколько отступить отъ своей первоначальной программы. Время для созданія международной азіатской политики не наступило еще по условіямъ существованія русскаго общества; съ другой сто-

[1]) Газета «Сибирь» пріостанавливалась два раза мѣстными распоряженіями и въ 1887 г. прекратилась. Сибирская Газета въ 1887 г. пріостановлена была на 8 мѣсяцевъ, а затѣмъ 26 іюля 1889 г. прекратилась. «Восточное Обозрѣніе» въ 1883 г. получило 3 предостереженія и имѣло 2 пріостановки на 2 недѣли и на 4 мѣсяца.

роны, вопросы внутренней жизни окраины настоятельно выступали и давали себя чувствовать съ такою жгучею силою, что органъ, посвященный Востоку, долженъ былъ себя всецѣло посвятить имъ. Мѣстныя нужды сибирскаго общества, назрѣвшіе его вопросы и потребность реформъ составили главный предметъ статей. Въ то же время мѣстное общество увидѣло въ этомъ столичномъ органѣ единственное прибѣжище для мѣстной гласности, чему отказать, въ виду существующей потребности, было невозможно. Въ это время органъ, посвященный Сибири, въ столицѣ становится единственнымъ прибѣжищемъ для мѣстныхъ заявленій и откликовъ. Во все время совершавшихся преобразованій и обсужденія проектовъ сибирскихъ реформъ сибирскій органъ въ столицѣ старался по мѣрѣ силъ содѣйствовать ихъ осуществленію. Съ 1883 г. по 1889 г. поддерживался и проводился вопросъ объ открытіи Сибирскаго университета, который встрѣчалъ съ 1876 г. разныя препятствія и затрудненія, затѣмъ во все время обсужденія тюремной реформы настаивалось, отмѣна уголовной ссылки для Сибири (вопросъ этотъ, какъ извѣстно, прошелъ до Государственнаго Совѣта). Точно также русской жизнью былъ выдвинутъ вопросъ колонизаціонный и переселенческій; мѣстныя газеты указывали ежегодно на необходимость оказывать помощь переселенцамъ, результатомъ чего было осуществленіе комитетовъ для помощи переселенцамъ.

Наступило время для Сибири поддерживать реформы суда и по введенію новыхъ судебныхъ уставовъ, разрабатывалась административная реформа, точно также въ мѣстной печати заявлялась не разъ необходимость для Сибири земства. На всѣ эти вопросы текущей жизни долженъ былъ отвѣчать органъ, служившій представителемъ Сибири въ столицѣ. Стараясь разоблачить предъ правительствомъ и обществомъ темныя стороны и язвы сибирской жизни, которыя составляли болѣзнь этого края и задержку его развитія, давая мѣсто сибирской гласности и открывая столбцы свои для мѣстныхъ заявленій, сибирская газета въ столицѣ подвергалась, однако, не разъ нареканіямъ и жалобамъ, весьма часто несправедливымъ [1]). Нареканія на печать были тѣмъ несправедливѣе, что въ стремленіяхъ мѣстной печати послѣдняго времени лежало не столько пролить мрачный свѣтъ, сколько указать свѣтлое будущее для окраины и вселить вѣру въ ея лучшее историческое существованіе.

[1]) «Восточное Обозрѣніе» имѣло 6 судебныхъ процессовъ въ окружномъ судѣ и Сенатѣ по частнымъ жалобамъ, но имѣло возможность оправдаться.

Оцѣнка того, что вносила мѣстная печать въ общество съ ея вліяніемъ была выражена въ день 300-лѣтія Сибири въ одной изъ рѣчей лицомъ даже не мѣстнаго происхожденіе, но видѣвшаго сибирскую жизнь.

«Во всякомъ обществѣ, гдѣ существуетъ обмѣнъ мыслей между членами, гдѣ выдвигаются на сцену жизненные вопросы, печать является выразительницей общественныхъ думъ и желаній. Пробудившаяся потребность въ обмѣнѣ мыслей, появленіе выдвинутыхъ самою жизнью животрепещущихъ вопросовъ, создало печать и въ Сибири. Лучшіе представители сибирскаго общества не могли оставаться безучастными зрителями всего совершающагося вокругъ. И вотъ, первое слово во имя интересовъ страны было печатное слово. Сибирская печать существуетъ недавно. Она начинаетъ привлекать къ себѣ симпатіи и обращать на себя вниманіе сибирскаго общества только за послѣднія 5—6 лѣтъ, благодаря проявившемуся въ ней оживленію, благодаря близости затрогиваемыхъ ею вопросовъ къ жизни. Но уже и въ этотъ непродолжительный срокъ, въ предѣлахъ возможности, она успѣла сослужить вѣрную службу своей родинѣ. Припомните, кто ратовалъ за науку въ Сибири? Кто говорилъ о правильномъ пользованіи богатыми дарами сибирской природы? Кто затрогивалъ мѣстные экономическіе вопросы и отстаивалъ интересы самоуправленія? Важные для сибирскаго края вопросы о переселеніи и ссылкѣ не проплп незамѣченными сибирскою печатью. Та же печать, наконецъ, во имя справедливости, неоднократно являлась горячей заступницей «слабыхъ», «униженныхъ и оскорбленныхъ», заявляя о настоятельной потребности въ правомъ, скоромъ и милостивомъ судѣ въ Сибири. Этихъ услугъ, вѣроятно, не забудетъ сибирское общество». (Празднованіе «300-лѣтія Сибири», брошюра, Петербургъ 1873 г., стр. 21—22).

При всѣхъ превратностяхъ мѣстная печать, какъ видимъ, приносила огромную пользу краю—она содѣйствовала лучшимъ намѣреніямъ администраціи и пробуждала лучшіе инстинкты въ обществѣ. При всѣхъ затрудненіяхъ эта періодическая печать выдержала трудное время и хотя далеко не окрѣпла, но является нынѣ живою потребностью общества, удовлетворяя его насущнымъ нуждамъ, и устоявъ на своемъ посту въ теченіе 25 лѣтъ, оказала значительныя услуги общественному развитію.

Появленіе мѣстной печати отразилось и вообще на изученіи окраины. «Послѣднія два, три десятилѣтія представляютъ особенное оживленіе сибирскихъ изученій», говоритъ А. Н. Пыпинъ по поводу этнографическихъ изслѣдованій Сибири. [Обильная литература по различнымъ вопросамъ народнаго быта разсѣяна была

по сибирскимъ изданіямъ. Кромѣ изученія народнаго быта, затронута была и исторія общественной жизни. Выступило на поприще изслѣдованій Сибири цѣлое поколѣніе мѣстныхъ уроженцевъ, получившихъ образованіе и посвящавшихъ свои силы родинѣ.

Къ числу выдающихся сибирскихъ писателей принадлежали за послѣдній періодъ извѣстный даровитый профессоръ А. П. Щаповъ [1]), М. В. Загоскинъ, В. И. Вагинъ, С. С. Шашковъ [2]). Выдвинулись мѣстные ученые и путешественники, оказавшіе услуги по изученію Сибири и сосѣднихъ азіатскихъ странъ, какъ И. С. Поляковъ, Г. Н. Потанинъ, Чеканъ-Валихановъ, натуралистъ И. Я. Словцовъ, этнографъ Н. Ушаровъ, путешественникъ А. В. Адріановъ, изслѣдователи старины, какъ С. П. Гуляевъ, изслѣдователи крестьянскаго вопроса въ Сибири, какъ С. Я. Капустинъ, историкъ Сибирскаго казачьяго войска Ѳ. Н. Усовъ. Кромѣ того появились изъ сибиряковъ изслѣдователи своей родины, какъ геологъ археологъ И. А. Лопатинъ И. С. Боголюбскій, геологъ Я. А. Мокеровъ, совершившій путешествіе въ Саяны и на золотые промыслы на Амуръ, инженеръ-технологъ А. В. Янчуковскій, посвятившій себя изслѣдованію золотопромышленной техники, натуралисты Проскуряковъ, Левинъ, ихтіологъ И. Д. Кузнецовъ, ботаникъ Прейнъ, метеорологъ Ошурковъ, трудъ о климатѣ Иркутской губерніи, наконецъ, въ послѣднее время работаетъ надъ изученіемъ инородцевъ молодой антропологъ-этнографъ А. А. Ивановскій, а минусинскій инородецъ, получившій университетское образованіе, Н. Ѳ. Катановъ совершаетъ лингвистическое изслѣдованіе инородческихъ племенъ отъ Императорской Академіи Наукъ

Сибиряки принимаютъ уже участіе въ отдаленныхъ экспедиціяхъ, становясь въ ряды изслѣдователей центральной Азіи. Если

---

[1]) Статьи о Сибири Щапова: Историко-географическія и этнографическія замѣтки о сибирскомъ населеніи, въ «Извѣстіяхъ Сибирскаго Отдѣла», т. III, Иркутскъ. 1872.—Историко-географическія замѣтки о Сибири, въ «Извѣстіяхъ», т. IV, Иркутскъ. 1873.—Сибирское общество до Сперанскаго, тамъ же.—Бурятская улусная родовая община, въ «Извѣстіяхъ», т. V, Иркутскъ. 1874 г.—Сельская осѣдло-инородческая и русско-крестьянская община въ Кудинско-Ленскомъ краѣ, въ «Извѣстіяхъ», т. VI, Иркутскъ. 1875.—Физическое и этнологогенеалогическое развитіе кудинскаго и верхоленскаго населенія, тамъ же.

[2]) «Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири», С. Серафимовича (Шашкова) «Отеч. Зап.» 1867, № 20—22. — Рабство въ Сибири, историческій очеркъ, «Дѣло» 1869, кн. 1 и 3. — Сибирское общество въ началѣ XIX вѣка, «Дѣло», 1879, кн. 1 — 3 и друг. Статьи Шашкова собраны были въ книгу: «Историческіе этюды», Спб. 1872 (два тома), но сюда вошли только нѣкоторыя изъ его первыхъ работъ по исторіи Сибири. Списокъ его статей, относящихся къ Сибири, у Межова, Спб. Библіогр., II, стр. 236.

европейскіе ученые стремятся въ невѣдомыя страны, то міровой географическій интересъ и любовь къ наукѣ вообще не могли не пройти въ сознаніе образованныхъ сибиряковъ. Богатыя древности Сибири и возбужденный интересъ къ нимъ учеными, какъ Палласомъ, Гмелиномъ, позднѣе Кастреномъ, Аспелиномъ и друг., вызвали и сибиряковъ къ участію въ археологическихъ работахъ.

Это увлеченіе древностями и накопленіе ихъ въ Сибирскихъ музеяхъ вызвало, однако, упреки, что образованные сибиряки увлекаются въ область «науки мертвой»; но эти обвиненія едва ли имѣютъ основанія, такъ какъ на сибирскую археологію далеко не затрачено много силъ, археологическія работы здѣсь, сравнительно съ изслѣдованіями въ другихъ странахъ, находятся въ началѣ и зародышѣ, наконецъ, самое увлеченіе древними памятниками находится въ связи съ научнымъ интересомъ къ собственной и инородческой исторіи. Можно пожалѣть скорѣе то, что Сибирь не имѣетъ достаточно научныхъ силъ, чтобы охватить всѣ отрасли знаній и изслѣдованій, какіе представляетъ эта богатая страна въ естественно-историческомъ, историческомъ, этнографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, открытія, дѣлаемыя въ Сибири, привлекаютъ вниманіе уже европейцевъ и они съ большою охотою посѣщаютъ ее и удѣляютъ ей свое вниманіе [1]). Только путемъ серьезной науки образованные сибиряки могутъ обратить вниманіе на свой отдаленный край и привлечь къ нему вниманіе образованнаго міра.

Этнографическая литература также сдѣлала успѣхи въ послѣднее время. Къ предшествовавшимъ трудамъ Авдѣевой, Кривошапкина, Ровинскаго, Максимова присоединилось множество монографій и очерковъ изъ быта инородцевъ, золотопромышленныхъ рабочихъ и статистико-экономическія изслѣдованія крестьянскаго быта [2]). Въ продолженіи послѣднихъ лѣтъ вопросъ о крестьянствѣ, объ общинѣ въ Сибири и характерѣ землевладѣнія весьма сильно занималъ мѣстную печать и такимъ образомъ проложена была дорога и сдѣлана подготовка тѣмъ трудамъ, которые предприняты и окончены

---

[1]) См. Inscriptions de L'Iénissei 1889. Helsingfors. Въ послѣднее время открытіе несторіанскихъ надписей въ Семирѣченской области и изслѣдованіе руническихъ надписей на Енисеѣ, а затѣмъ на Орханѣ, вмѣстѣ съ открытіемъ древняго Каракорума—столицы айгуровъ и монголовъ—возбудили живой интересъ европейскихъ оріенталистовъ. См. Inscriptions Sibiriennes par M. G. Deveria Academie des inscriptions et belles ettres 1890. Paris t.. XVIII. Séance du 21 Novembr. 1890.

[2]) Болѣе подробный перечень трудовъ по этнографіи читатель найдетъ въ почтенной книгѣ А. Н. Пыпина «Исторія русской этнографіи». «Сибирь», т. IV.

статистиками - изслѣдователями, командированными министерствомъ государственныхъ имуществъ. Въ ряду этихъ статистиковъ стояли также мѣстныя силы, и нельзя сказать, чтобы какъ самый вопросъ въ своемъ развитіи, такъ и работы были чужды образованнымъ сибирякамъ. Никому другому, какъ мѣстнымъ силамъ выпадетъ на долю окончить это экономическое изученіе народнаго склада и быта.

Обращаясь къ другимъ отраслямъ знаній, должно указать на интересъ къ мѣстной исторіи Сибири, послѣ исторіи Словцова, интересъ этотъ снова оживился: ко времени 300-лѣтія, какъ мы указали, явился цѣлый рядъ монографій, вышли историческія работы Щеглова, Андріевича, а затѣмъ появились монографіи молодыхъ сибиряковъ-историковъ: А. В. Оксенова, И. А. Тыжнова «О завоеваніи Сибири» и времени, предшествовавшему ему, П. М. Головачева «Участіе Сибири въ Екатерининской коммиссіи». Кромѣ того, чаще начали опубликовываться историческіе архивные документы въ мѣстныхъ изданіяхъ. Являются въ Сибири описаніе городовъ и ихъ исторія: «Тобольскъ» Голодникова, изд. Тобольск. Стат. Ком., «Описаніе древностей Тобольска» Знаменскаго, «Статистическая перепись въ Омскѣ» И. Я. Словцова, «Томскъ въ прошломъ и настоящемъ» А. В. Адріанова, 1890 г., «Иркутскъ, его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири», редактированный В. П. Сукачевымъ, изд. 1891 г. Замѣчательными изданіями, напечатанными въ Сибири, является «Алтай», историко статистическій сборникъ Голубева, въ 1891 г. изданный въ Томскѣ, на средства сибиряка, и прекрасное описаніе Минусинскаго музея, составленное Д. Н. Клеменцомъ и изданное на средства золотопромышленника И. П. Кузнецова.

Заинтересованные литературою о краѣ, сибиряки начали посвящать себя и библіографическимъ работамъ. Первые опыты библіографіи были составлены сибирякомъ Н. С. Щукинымъ. Въ послѣднее время составлена библіографія литературы о золотопромышленности въ мѣстныхъ изданіяхъ Д. М. Головачевымъ (изданная И. М. Сибиряковымъ), печатается библіографія сочиненій о «Сибирскихъ инородцахъ» Ивановскимъ (приложенія къ «Этнографич. Обозрѣнію», Москва), затѣмъ, въ виду существующей потребности общей библіографіи, изданъ И. М. Сибиряковымъ обширный и почтенный трудъ по библіографіи Сибири Межова.

Наконецъ, начали чаще появляться въ Сибири художественныя бытовыя и беллетристическія описанія, изъ которыхъ выдаются очерки народнаго быта И. И. Наумова, сразу ставшаго въ число видныхъ народныхъ писателей, описаніе судьбы зо-

лотопромышленнаго люда священника Срѣтенскаго, пріисковые очерки Янчуковскаго, Завиткова, бытовые очерки, драмы и повѣсти В. М. Михѣева, «Магистръ», романъ изъ жизни духовенства въ Сибири Загоскина и т. д.

Опыты сибирской поэзіи выразились въ произведеніяхъ Ершова и Ваульдауфа, затѣмъ Омулевскаго (Ѳедорова), покойнаго молодого поэта Москвина и въ стихотвореніяхъ Михѣева. Мотивы этой поэзіи отразили уже глубокую и нѣжную привязанность къ своей родинѣ [1]). Накопляющійся бытовой и беллетристическій матеріалъ мѣстныхъ произведеній вызвалъ изданіе особыхъ сборниковъ. Такіе сборники издавались при газетѣ «Сибирь», и также изданъ былъ сборникъ «Историко-статистическихъ матеріаловъ» Милютина; особыя приложенія печатались и при «Сибирской Газетѣ». Наконецъ, съ 1885 г. появились приложенія при «Восточномъ Обозрѣніи»; съ 1885 по 1891 г. выходило ихъ отъ 2 до 4 книжекъ въ годъ.

Потребность мѣстной журналистики такимъ образомъ все болѣе начинаетъ чувствоваться, а при дальнѣйшемъ развитіи образованія, при появленіи мѣстныхъ писателей и талантовъ, нѣтъ сомнѣнія, появятся болѣе капитальныя и художественныя произведенія.

Едва ли можно предъявлять къ нынѣшней мѣстной печати строгія требованія? Какъ весенній цвѣтокъ, робкій и трепещущій, она прозябаетъ на сибирской почвѣ подъ зимнею вьюгой. Тѣмъ болѣе мы должны дорожить ею, тѣмъ болѣе должны цѣнить эти всходы духовной жизни.

Въ общемъ мы должны сказать, что первыя попытки частной общественной періодической печати въ Сибири, въ лицѣ ея иниціаторовъ и основателей, обнаруживали самыя чистыя намѣренія въ отношеніи своей родины: желаніе развитія мѣстнаго общества и пробужденія въ немъ нравственныхъ инстинктовъ и гражданскаго самосознанія. Литература, даже мѣстная, есть продуктъ нравственной и духовной силы, а эта сила уже зрѣетъ въ обществѣ. Мѣстные органы печати могутъ подвергаться разнымъ случайностямъ, энергія ихъ можетъ ослабѣвать, можетъ быть, эта періодическая печать временемъ замолкнетъ въ краѣ, но зародышъ ея и уже привычка къ ней показываетъ на потребность ея существованія. Она явится неизбѣжностью и необходимостью въ обществѣ, она явится какъ необходимость гражданской жизни и совершенствованія, и въ ней сосредоточатся современемъ лучшія образованныя силы страны.

---

[1]) Сибирскія стихотворенія появились въ двухъ сборникахъ «Сибирскіе мотивы» 1866 г. изд. Петербурга и «Отголоски Сибири» 1888 г. Томскъ. Стихотворенія В. М. Михѣева изданы отдѣльно.

Перечень существующихъ изданій въ Сибири.

Въ Иркутскѣ.

1) «Восточное Обозрѣніе». Газета литературная и политическая, подцензурная, еженедѣльная. Издатель-редакторъ Н. М. Ядринцевъ. Редакторъ В. А. Ошурковъ. Цѣна 8 руб. Разрѣшена 23 декабря 1881 г. Выходитъ съ 1882 г. Въ видѣ приложенія къ газетѣ съ 1885 г. издаются періодическіе сборники научно-литературнаго содержанія. Цѣна за приложенія: для подписчиковъ газеты 2 р., для неподписчиковъ 5 р.

2) «Записки восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества» по каждому отдѣленію (физической географіи, статистики и этнографіи) отдѣльно. Издаются безцензурно, въ неопредѣленное время. Редакторъ правитель дѣлъ Отдѣла. Выходятъ съ 1889 г. «Извѣстія восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества». Журналъ безцензурный. Выходитъ выпусками отъ 4 до 6 №№ въ годъ. Издается восточно-сиб. отдѣломъ Импер. русск. геогр. общества. Цѣна за годъ съ дост. и перес. 3 руб. Разрѣшенъ 7 января 1872 г. Выходитъ подъ настоящимъ наименованіемъ съ 1878 г.

3) «Извѣстія иркутской городской думы». Журналъ подценз. Выходитъ книжками, два раза въ мѣсяцъ. Издается иркутской городской управою. Редакторъ городской голова. Цѣна за годъ съ перес. 4 р. Разрѣшенъ 29 іюля 1885 г. Выходитъ съ 1886 г.

4) «Иркутскія Губернскія Вѣдомости». Изданіе безцензурное, еженедѣльное. Издаются при иркутскомъ губернскомъ правленіи. Редакторъ И. Шастинъ. Цѣна для обязательныхъ подписчиковъ 5 р., для необяз. съ дост. 6 р., съ перес. 7 р. Выходятъ съ 1857 г.

5) «Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости». Изданіе подценз., еженедѣльное съ прибавленіями. Издаются при иркутской духовной семинаріи. Редакторъ протоіерей Аѳ. Виноградовъ. Цѣна съ дост. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к. Выходятъ съ 1863 г.

6)* «Протоколъ очереднаго засѣданія общества врачей Восточной Сибири въ г. Иркутскѣ». Издается безъ цензуры, въ неопредѣленное время, при обществѣ врачей Восточной Сибири. Выходитъ съ 1863 г.

7) «Циркуляръ по восточно-сибирскимъ учебнымъ заведеніямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Изданіе безцензурное, ежемѣсячное. Издается при канцеляріи главнаго инспектора Восточной Сибири. Цѣна за годъ съ дост. и перес. 3 р. Выходитъ съ 1881 г.

Въ Томскѣ.

8)* «Извѣстія Императорскаго Томскаго университета». Издаются безъ цензуры, въ неопредѣленное время, при Импер. Томскомъ университетѣ. Редакторъ профессоръ Н. М. Маліевъ. Выходятъ съ ноября 1889 г.

9) «Извѣстія Томскаго городскаго общественнаго управленія». Газета подцензурная, еженедѣльная. Издается при томской городской управѣ. Редакторъ городской голова. Цѣна за годъ съ дост. 3 р., съ перес. 4 р. Разрѣшена 12 ноября 1886 г. Выходитъ съ 1887 г. По постановленію томской городской думы, съ 1889 г. изданіе газеты пріостановлено, но оффиціальнымъ порядкомъ еще не прекращено.

10) «Сибирскій Вѣстникъ». Газета политики, литературы и общественной жизни, подцензурная. Выходитъ три раза въ недѣлю и особыми прибавленіями, преимущественно по субботамъ. Издатель-редакторъ В. П. Картамышевъ. Цѣна за годъ 9 р. Разрѣшена 2 апрѣля 1885 г.

11) «Томскія Губернскія Вѣдомости». Издаются безъ цензуры, еженедѣльно, при томскомъ губернскомъ правленіи. И. д. редактора Н. Гусельниковъ. Цѣна за годъ для обяз. подписчиковъ 3 р., для необязательныхъ—6 р., съ перес. 7 р. Выходятъ: оффиціальная часть съ 1857 г., а неоффиціальная часть съ 1858 г.

12) «Томскія Епархіальныя Вѣдомости». Издаются подъ цензурой, два раза въ мѣсяцъ, при томской духовной семинаріи. Редакторъ М. Соловьевъ. Цѣна за годъ съ дост. и перес. 5 р. Выходятъ съ іюля 1880 г.

13)* «Труды Томскаго общества естествоиспытателей». Издаются безъ цензуры, въ неопредѣленное время, по мѣрѣ накопленія матеріала, при Импер. Томскомъ университетѣ. Редакторъ профессоръ А. М. Зайцевъ. Выходятъ съ 1890 г.

14) «Художественно-этнографическіе рисунки Сибири». Журналъ подцензурный. Издается два раза въ мѣсяцъ, по одному рисунку. Издатель-редакторъ ст. сов. П. М. Кошаровъ. Цѣна за годъ 3 р., съ дост. и перес. сложенными рисунками 4 р. и несложенными одинъ разъ въ мѣсяцъ, по два рисунка, 5 р. Разрѣшенъ 23 мая 1889 г. Выходитъ съ 1 сентября 1889 г.

15)* «Циркуляръ по западно-сибирскому учебному округу». Издается безъ цензуры, ежемѣсячно, при канцеляріи попечителя западно-сибирскаго учебнаго округа. Цѣна за годъ 3 р. Выходитъ съ 1886 г.

Въ Тобольскѣ.

16) «Сибирскій Листокъ». Газета подцензурная. Издается два раза въ недѣлю. Издатель-редакторъ А. А. Сыромятниковъ. Цѣна за годъ 4 р., съ доставкою 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. Разрѣшена 6 октября 1890 г. Выходитъ съ 1891 г. (Пробный № 1-й вышелъ 20 декабря 1890 г.).

17) «Тобольскія Губернскія Вѣдомости». Издаются безъ цензуры, еженедѣльно, при тобольскомъ губернскомъ правленіи. Редакторъ К. М. Голодниковъ. Цѣна за годъ 4 р., съ доставкой и пересылкой 4 р. 80 к. Выходятъ съ 1857 г.

18) «Тобольскія Епархіальныя Вѣдомости». Издаются подъ цензурой, два раза въ мѣсяцъ, при тобольской духовной семинаріи. Редакторъ протоіерей П. Д. Головинъ. Цѣна за годъ съ доставкой и пересылкой 5 р. Разрѣшены 29 іюля 1881 г. Выходятъ съ 1882 г.

Въ Красноярскѣ.

19) «Енисейскія Губернскія Вѣдомости». Изданіе безцензурное, еженедѣльное. Издаются при енисейскомъ губернскомъ правленіи. Редакторъ Лазаревъ. Цѣна за годъ для обяз. подписч. 3 р., для необяз.—5 р., съ пересылкой 5 р. 75 к. Выходятъ съ 1857 г.

20) «Енисейскія Епархіальныя Вѣдомости». Изданіе подцензурное. Выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Издаются при красноярскомъ духовномъ училищѣ. Редакторъ К. Успенскій. Цѣна за годъ съ доставкой и пересылкой 5 р. 50 к. Выходятъ съ 1893 г.

21)* «Протоколы засѣданія общества врачей Енисейской губерніи». Издается безъ ценз., въ неопредѣленное время, при обществѣ врачей Енисейской губерніи. Выходитъ пятый годъ.

22) «Справочный листокъ Енисейской губерніи». Газета подцензурная, еже-

недѣльная. Издатель-редакторъ Е. Ѳ. Кудрявцевъ. Цѣна за годъ съ дост. и пересылкой 7 р. Разрѣшена 26 іюня 1889 г. Выходитъ съ 1889 г.

Въ Омскѣ.

23) «Акмолинскія Областныя Вѣдомости». Изданіе безценз., еженедѣльное. Издаются при акмолинскомъ областномъ правленіи. Редакторъ И. Козловъ. Цѣна за годъ для обяз. подписч. 3 р., для необяз. съ дост. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к. Выходятъ съ 1871 г. Съ 1888 г. издается при «Вѣдомостяхъ» особое еженедѣльное «Прибавленіе» на русскомъ и киргизскомъ языкахъ. Редакторы: И. Козловъ и старшій переводчикъ киргизскаго языка при степномъ генералъ-губернаторѣ Султанъ Аблайхановъ. Цѣна за годъ для обяз. подписчиковъ 2 р., для необязательныхъ 3 р.

24)* «Записки западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества». Журналъ безцензурный. Издается въ неопредѣленное время, по мѣрѣ накопленія матеріала, при западно-сибирскомъ отдѣлѣ Императорскаго русскаго географическаго общества. Редакторъ И. Козловъ. Цѣна за каждую книжку особая. Выходитъ съ 1879 г.

25)* «Протоколы Омскаго медицинскаго общества». Издаются безъ цензуры, въ неопредѣленное время, при Омскомъ медицинскомъ обществѣ. Выходятъ восьмой годъ.

Въ Семипалатинскѣ.

26) «Семипалатинскія Областныя Вѣдомости». Издаются безъ цензуры, еженедѣльно, при семипалатинскомъ областномъ правленіи. Редакторъ Вл. фонъ-Гернъ. Цѣна за годъ 4 р. 50 к., съ доставкою и пересылкой 6 р. Выходятъ съ 1870 г.

Въ Читѣ (Забайкальской обл.).

27) «Забайкальскія Областныя Вѣдомости». Издаются безъ цензуры, еженедѣльно, при забайкальскомъ областномъ правленіи. Редакторъ Апошневъ. Цѣна за годъ для обяз. подписчиковъ 4 р., для необяз. 6 р. Выходятъ съ 1865 г.

Въ Якутскѣ.

28) «Якутскія Епархіальныя Вѣдомости». Издаются подъ цензурой, два раза въ мѣсяцъ, при якутской духовной семинаріи. Редакторъ архимандритъ Іоанникій. Цѣна за годъ съ перес. 8 р. Разрѣшены въ 1886 г. Выходятъ съ 1887 г. При «Вѣдомостяхъ» разсылаются, съ 1891 г., въ видѣ отдѣльныхъ приложеній «Оффиціальныя распоряженія мѣстнаго областнаго правленія».

Во Владивостокѣ (Приморской обл.).

29) «Владивостокъ». Газета общественно-литературная и морская, подцензурная, еженедѣльная. Издатель-редакторъ колл. асс. Н. В. Соллогубъ. Подписная цѣна за годъ: безъ доставки 10 р., съ дост. и перес. 11 р. 50 к. Разрѣшена 19 ноября 1881 г. Выходитъ съ 1883 г.

30) «Записки общества для изученія Амурскаго края». Выходятъ въ неопредѣленное время, по мѣрѣ накопленія матеріала, безъ цензуры. Издаются обществомъ для изученія Амурскаго края. Редакторъ предсѣдатель распорядительнаго комитета общества. Разрѣшены 14 апрѣля 1888 г.

ГЛАВА XVI.

ИТОГИ ПРОШЛАГО И БУДУЩНОСТЬ СИБИРИ.

Наступающій моментъ сознательнаго отношенія къ своей исторіи.—Сибирь, какъ колонія Россіи.—Характеръ земледѣльческихъ колоній по опредѣленію Рошера.—Успѣхи развитія колоній у различныхъ народовъ. — Англійская и испанская колонизація. — Всякая національность вноситъ свой характеръ и институты. — Общія черты колоній. — Чего недостаетъ русскимъ колоніямъ. — Необходимыя условія процвѣтанія.—Будущность края.

Обозрѣвъ современное положеніе Востока и Сибири съ ея современными нуждами и вопросами, совершенно естественно будетъ подвести итогъ ея прошлому существованію и выразить взглядъ на будущее. Сдѣлать это тѣмъ своевременнѣе, что край, окончивъ 300-лѣтіе, вступилъ въ новый фазисъ исторической жизни. Наступило время сознательно отнестись къ его жизни, опредѣлить моментъ, переживаемый имъ, создать ему роль въ будущемъ и разсмотрѣть тѣ условія, которыя могутъ благопріятствовать его развитію.

Русскій народъ своимъ разселеніемъ на сѣверѣ и востокѣ достаточно доказалъ свои колонизаціонныя способности. Что Россіи суждена по положенію колонизаторская роль и что она сама похожа скорѣе на огромную колонію между западомъ и востокомъ, это угадываютъ европейскіе писатели, занимающіеся ея судьбою. Такой взглядъ проведенъ Леруа Больё въ послѣднемъ его сочиненіи о Россіи [1]). Тѣмъ болѣе характеристика колоніи приложима къ Сибири. Дѣйствительно, сравненіе Сибири съ Америкой весьма часто встрѣчается и, такъ сказать, само напрашивается. «Вмѣсто края, пригоднаго только для ссылки, Сибирь, и особенно Западная, говоритъ одна статья по поводу 300-лѣтія Сибири, представляется обширнымъ запасомъ земель для переселенія того избытка русскаго населенія, который естественно будетъ образовываться при существующей системѣ земледѣльческой культуры. Здѣсь напи «Соеди-

[1]) L'Empire des Tsars et les Russes, par Leroy Beaulieux, p. 40, 41, 42.

ненные Штаты», и ни одно государство не поставлено такъ выгодно, какъ Россія, въ отношеніи возможности посылать своихъ эмигрантовъ не за моря, а селить у себя рядомъ [1]). Другая статья по тому же поводу дѣлаетъ то же сближеніе. «Мы обращаемся къ сравненію Сибири съ другой страной, которая имѣетъ много общаго съ ней въ своемъ физическомъ устройствѣ и въ первоначальной исторіи. Мы говоримъ о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, которые отличаются отъ Сибири только своими южными провинціями и широкими развитіемъ береговой линіи. Но причины быстраго развитія Соединенныхъ Штатовъ лежатъ не на югѣ, и притомъ, близкое сосѣдство съ двумя океанами для американской республики важно только въ торговомъ отношеніи; для Сибири есть другія выгодныя условія, которыя, можетъ быть, даже перевѣшиваютъ преимущества Америки: близость и сосѣдство разныхъ азіатскихъ государствъ, которыя на долго еще могутъ быть обширными рынками для нашей внѣшней торговли; обмѣнъ произведеній собственно съ Европейской Россіей, и т. д. Разсматривая карту Америки, невольно любуешься на ея равнины, горныя цѣпи и могучія рѣчныя системы, которыя имѣютъ такъ много общаго съ равнинами, горами и рѣками Сибири; затѣмъ рѣзко континентальный климатъ, орошеніе, обширныя пространства, богатство царства растительнаго и животнаго, сокровища, скрытыя въ нѣдрахъ горъ—и здѣсь мы видимъ много общаго съ Сибирью, конечно, не выходя изъ предѣловъ аналогіи, которая, какъ всякая аналогія, не можетъ быть приведена до мельчайшихъ подробностей» [2]).

Д. И. Завалишинъ въ одной изъ статей своихъ проводитъ параллель между Сибирью и Канадою. По своему географическому положенію,—по природнымъ условіямъ, по обширности малонаселеннаго еще пространства и по одновременности историческаго развитія, Канада представляетъ, по его мнѣнію, изъ всѣхъ странъ наиболѣе сходства съ Сибирью и потому сравненіе ихъ прошедшихъ судебъ и настоящаго положенія должно заключать въ себѣ не мало поучительнаго. Обѣ колоніи представляютъ сходство по климатическимъ условіямъ и находятся на сѣверѣ. Большія рѣки прорѣзываютъ ту и другую; рѣка св. Лаврентія уподобляется р. Амуру. Въ Канадѣ европейцы столкнулись съ инородческими племенами, какъ и въ Сибири. Но тѣмъ не менѣе, не смотря на одновременность занятія этихъ странъ, разница въ прогрессѣ и развитіи ихъ громадна. («Вост. Обозр.», 1882 г. № 34).

---

[1]) «Новое Время» 26 октября 1881 г. № 2034. Сибирскій юбилей.

[2]) «Русскія Вѣдомости» 25 ноября 1881 г. № 288, 300-лѣтній юбилей завоеванія Сибири.

Сибирь представляетъ колонію земледѣльческую, и въ этомъ скрываются значительныя ея преимущества. «Земледѣльческія колоніи, говоритъ знатокъ колоній Рошеръ, отличаются отъ военныхъ и торговыхъ колоній тѣмъ, что онѣ развиваются въ мѣстахъ пустынныхъ, рѣдко населенныхъ звѣроловными или пастушескими народами; имъ свойственно произрастаніе злаковъ и обиліе лѣсовъ, поэтому земледѣльческія колоніи до прибытія колонистовъ представляютъ лѣсистую страну, и колонисты начинаютъ свою жизнь съ трудной, опасной для здоровья обработки новинъ. Колонисты должны быть здѣсь осѣдлы со всѣмъ своимъ имуществомъ и семействомъ и оставаться на всю жизнь колоніей, потому что только дѣти могутъ пожать то, что посѣяли отцы. Такимъ путемъ изъ колоній не рѣдко выростаетъ нація — самостоятельная отрасль метрополіи. Эти колоніи происходятъ отъ излишка накопленія рукъ въ метрополіи и потому къ созданію ихъ способнѣе густонаселенныя страны. Обыкновенно, вслѣдствіе трудности отдаленныхъ путешествій большими массами и неудобства перевозки земледѣльческихъ продуктовъ, такія поселенія основываются вблизи метрополіи, примѣры тому—Сѣверная Америка и Англія, Южная Америка и Испанія, Сибирь и Россія, сѣверные мало-азійскіе греки и Эолія, южныя мало-азійскія греческія колоніи и дорійцы. Климатъ подобныхъ колоній долженъ быть не слишкомъ отличенъ отъ климата метрополіи. Рошеръ приводитъ въ примѣръ климатъ плато въ Мехикѣ, одинаковый съ климатомъ Кастиліи. Еще лучше, если колоніи прилегаютъ непосредственно къ метрополіи, какъ долина Миссисипи къ Атлантическимъ штатамъ. Внутренній характеръ такихъ земледѣльческихъ колоній, по словамъ Рошера, демократическій. Кто шагъ за шагомъ завоевываетъ въ потѣ лица свой дворъ, кто каждую минуту долженъ быть готовъ защищаться отъ набѣга дикихъ людей или хищныхъ животныхъ, тотъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія отправлять барщину. При избыткѣ земли, которую можно брать даромъ, рѣдко создается поземельная зависимость; что касается личности, то культиваторъ въ дѣвственной странѣ воспитываетъ замѣчательную самостоятельность и независимость характера. Принимая во вниманіе, что богатые люди считаютъ тяжелымъ принимать участіе въ земледѣліи колоній, пролетаріи же дорогимъ, земледѣльческія населяются преимущественно людьми средняго состоянія, людьми равнаго достатка. Снабженныя просвѣщеніемъ земледѣльческія колоніи достигаютъ весьма быстро гражданственности и извѣстнаго совершенствованія. Въ древности такую колонію представляла Сицилія, которая до времени самого Цицерона считалась житницей. Здѣсь процвѣтало

земледѣліе и скотоводство, побѣдителями на конскихъ ристалищахъ были сициліане, здѣсь даже разцвѣла буколическая поэзія Ѳеокрита. Въ новѣйшее время типъ земледѣльческихъ колоній представляютъ Сѣверная Америка, Сибирь и Новая Голландія». Проводя подобную аналогію, не должно забывать однако, что это сравненіе только внѣшнее, такъ сказать въ общихъ типическихъ признакахъ всѣхъ заселенныхъ странъ.

Въ частности же жизнь и исторія колоній до безконечности различествуетъ. Каждая нація создавала свой типъ колоній и вела свою колоніальную политику. Такъ съ давняго времени отличаютъ греческія земледѣльчія колоніи (клерухіи) отъ римскихъ военныхъ колоній (апойкій). Англійскія колоніи отличаются отъ испанскихъ. Сравненія жизни и условій существованія этихъ колоній у различныхъ народовъ, въ виду изученія колонизаціоннаго вопроса, весьма поучительны. Въ исторіи европейской колонизаціи мы видимъ нѣсколько періодовъ, точно такъ же какъ и различныя побужденія, которыя руководили націями въ основаніи колоній. Прежде чѣмъ выработалась опредѣленная колоніальная система и политика, различные народы пользовались колоніями различно, назначая ихъ военными пунктами, торговыми факторіими, мѣстами ссылки, наконецъ дѣлали колоніями горнозаводскими или плантаторскими. Колоніи торговыя и плантаторскія были первыми формами поселеній. Націи кидались на рѣдкія произведенія новой страны и стремились вывезти ея богатства; такъ испанцы и англичане кинулись на золото и мѣха Америки, на табакъ, сахаръ въ Вестъ-Индіи, слоновую кость и пряности въ Индіи, алмазы въ Бразиліи и т. п. Скоро потребовалось для разработки этихъ богатствъ привезти рабочія руки. Такъ образовывались плантаторскія невольничьи колоніи. Характеристика ихъ сдѣлана также Рошеромъ. Въ XVII стол. спекуляція на колоніальныя богатства явилась страстью. Испанія, Португалія, Голландія, Франція и Англія одинаково соперничали въ этомъ. Старая колоніальная политика сводилась къ обширнымъ спекуляторскимъ компаніямъ, въ метрополіи игравшимъ на богатство колоній и къ системѣ кредита вывоза и насажденія рабства въ колоніяхъ. Способы эти соотвѣтствовали времени грубости и невѣжества націй и основывались единственно на самой жадной эксплуатаціи. Увеличеніе богатствами и хищническій способъ въ колоніяхъ былъ, однако, не вѣченъ. Несостоятельность и невыгода поверхностнаго извлеченія сокровищъ была сознана, она повела къ опустошенію и расхищенію. Сами колонисты сознали всѣ невыгоды погони за золотомъ. «Честные и достойные согражданс, говорилъ одинъ изъ первыхъ виргинскихъ

поселенцевъ, знаменитый Смитъ, да не пугаетъ васъ простое слово «рыба», рыба вамъ дастъ такое же хорошее золото, «какъ рудники Гвіаны и Потози». Дѣйствительно, Новая Англія черезъ нѣсколько лѣтъ давала доходу уже до 100.000 фунт. въ годъ.

Помбаль скорбѣлъ о тѣхъ богатствахъ, добываніе которыхъ влекло за собой раззореніе Бразиліи. Основаніемъ земледѣльческихъ колоній, покровительствомъ торговыхъ обществъ, созданіемъ караваннаго судоходства онъ надѣялся добыть сокровища драгоцѣннѣе тѣхъ, которыя доставались работами въ золотыхъ рудникахъ.

Такимъ образомъ въ рудныхъ и горныхъ колоніяхъ являлась реакція и стремленіе вывести ихъ на лучшую дорогу земледѣльческой и промышленной дѣятельности; одновременно началась борьба противъ рабства въ колоніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ колоніи изъ первичныхъ формъ плантаторскихъ, горнозаводскихъ превращаются понемногу въ колоніи земледѣльческія. Судьба колоній земледѣльческихъ также была незавидна въ первое время. Англія и другія націи создали колоніямъ торговую зависимость. «Когда поселенія были уже заведены и получили такое значеніе, что обратили на себя вниманіе метрополіи, говоритъ Адамъ Смитъ, то первыя заботы послѣдней постоянно имѣли своимъ предметомъ захватить въ свои руки монополію ихъ торговли, стѣснить ихъ рынокъ и расширить на ихъ счетъ свой собственный, и стало быть онѣ не только не содѣйствовали и не ускоряли движенія колоній къ благосостоянію, но подрывали и замедляли его» (Смитъ, о богатствѣ народовъ).

Такова была система протекціонизма и меркантилизма, господствовавшая въ XVIII в. во всѣхъ колоніяхъ. Въ это время Англія стремится быть единственнымъ фабрикантомъ для своихъ колоній, создать изъ нихъ рынокъ для сбыта своихъ произведеній и искусственно запретить всѣ отрасли промышленности въ колоніяхъ, вотъ что было ея цѣлью. Колоніи обрекались, обыкновенно, производить одно сырье. Всѣ барыши падали на долю фабрикантовъ метрополіи. За эту систему грубой эксплуатаціи какъ Англія, такъ и Испанія поплатились горькими уроками, когда колоніи созрѣли.

Иное отношеніе къ колоніямъ является въ XIX вѣкѣ. Послѣ отпаденія Америки, Англія провозглашаетъ принципъ «свободы торговли». Укрѣпивъ за собою рынки, поднявъ свою мануфактуру и набравъ «колонію покупателей», она обезпечиваетъ свои рынки, ей незачѣмъ запрещать промышленность колоній, когда ея убійственная конкурренція господствуетъ. Она смѣло становится на этотъ путь. Оставляя за собою экономическое господство, въ то же

время она предоставляетъ колоніямъ полную политическую свободу, девизомъ ея новой колоніальной политики является «покровительство гражданскому развитію колоній» [1]). Этотъ оборотъ обнаружилъ блестящіе результаты. Англійскія колоніи представляютъ нынѣ сформировавшееся гражданское общество и развернули богатую культуру.

Не то представляли испанскія колоніи, гдѣ опека, вліяніе феодальныхъ началъ, духъ кастъ, монополіи, католическое духовенство и гражданскія стѣсненія и невѣжество населенія сдѣлали владѣнія эти гораздо менѣе полезными. Какъ въ англійской, такъ и въ испанской системѣ колонизаціи отразились свойства и характеръ націй, ихъ создававшихъ. Англо-саксонская раса принесла свой духъ независимости, личной свободы и представленіе о лучшихъ учрежденіяхъ. «Въ успѣхахъ сѣверо-американскихъ колоній обнаружилось главнымъ образомъ превосходство англійскихъ политическихъ учрежденій», говоритъ Адамъ Смитъ. Англійскія колоніи поселялись отборными элементами реформаторовъ въ лицѣ пуританъ, вслѣдъ за колонистами перенеслись понятія и просвѣщеніе Англіи. Всѣ, кто мечталъ осуществить лучшія формы жизни, стремился въ Америку. Англія въ первое время предоставляетъ устраиваться колонистамъ какъ они хотятъ и не вмѣшивается въ ихъ дѣла. Американскія общины устраиваются самобытно и оригинально. Опека является чуждой англійской политикѣ. Англія для поднятія силъ колоніи даже болѣе расширила ихъ права, чѣмъ въ самой метрополіи. Совсѣмъ наоборотъ происходитъ въ испанскихъ, португальскихъ и французскихъ колоніяхъ, гдѣ господствовали старыя воззрѣнія, гдѣ стѣсненія жизни явились сильнѣе, низшіе представители администраціи пользовались неограниченною властью, — въ такихъ колоніяхъ произволъ былъ шире и управленіе хуже за отдаленностью. Строгая регламентація жизни, опека развивалась до крайней степени, метрополія стремилась руководить экономической жизнью колоніи, назначая ей быть то звѣроловной, то пастушеской (Мексика), то горной (Бразилія), то земледѣльческой, низшей формы, обрекая ее на выдѣлку только сырья и препятствуя развитію промышленности. Иногда цѣлыя отрасли занятій запрещаются, какъ, напримѣръ, земледѣліе, или заводская промышленность, на привозную и отпускную торговлю налагаются произвольныя пошлины. «Стѣсненіе всякой промышленности, небрежность въ проложеніи дорогъ и судоходства по вели-

[1]) Новая колоніальная политика выражена въ рѣчи Джона Росселя 8 февраля 1850 г. въ палатѣ общинъ.

колѣпнѣйшимъ воднымъ пространствамъ, наконецъ обреченіе колоній на невѣжество было какъ бы систематической политикой Испаніи обезсилить колоніи и тѣмъ удержать ихъ въ зависимости», говоритъ Гервинусъ. Но такая ложная система повела къ обратнымъ результатамъ. Колоніи дѣйствительно представили ничтожныя и невѣжественныя владѣнія, они были истощены, но Испанія все равно потеряла ихъ и не сохранила съ ними связи. Мало того, испанскія владѣнія въ Америкѣ, предоставленныя себѣ въ силу предшествовавшей исторіи, явились полуварварскими.

Различаясь въ системѣ политики, колоніи различались и въ учрежденіяхъ. Каждая изъ націй стремилась насадить въ своихъ колоніяхъ свои національныя учрежденія. Проводя свою промышленную систему, свой меркантилизмъ, протекціонную систему своей мануфактуры, Англія пробуетъ утвердить въ колоніяхъ поземельное владѣніе и крупную собственность. Попытки эти начались въ Сѣверной Америкѣ, перенеслись въ Австралію и въ Индію. Плодоноснѣйшія земли Америки раздавались при Карлѣ II вельможамъ. Тѣ же привилегіи и раздачи земель продолжались при Стюартахъ. Въ Австраліи средствомъ къ созданію крупнаго землевладѣнія явилась система Уэкфильда распродажи земель и привоза работниковъ въ колонію, какъ необходимыхъ рукъ для обработки. Въ Индіи Англія стремится разрушить древнюю общину и создать особый классъ изъ земиндаровъ и англичанъ. Система землевладѣнія, однако, далеко не утвердилась, исключая плантаторскихъ колоній Англіи и Южныхъ Штатовъ Америки, что породило впослѣдствіи всѣ бѣдствія рабства и междоусобной войны. Напротивъ, въ Сѣверныхъ Штатахъ колонисты впослѣдствіи должны были выкупить розданныя земли и создать государственную систему болѣе равномѣрнаго распредѣленія земель [1]). Американскіе Соединенные Штаты склонились къ мелкой поземельной собственности. Когда Новая Голландія сдѣлалась собственной законодательницей и въ колоніяхъ были созданы избирательныя палаты, она издала законы, ограничивающіе расхищеніе земель и установившіе болѣе благопріятныя для переселенцевъ условія (Land-act., 1862). Но разъ совершонная раздача и продажа земли сильно затормозила земледѣльческое хозяйство въ колоніяхъ.

Какъ Англія проводила свою экономическую систему протекціонизма, а потомъ фритредерства, какъ создавала крупный классъ землевладѣльцевъ и затѣмъ привила свои учрежденія [2]), такъ

[1]) Histoire des Etats-Unis par Bancroft. L. II. Истор. Америки Неймана. Землевладѣніе, Васильчикова.

[2]) См. очерки англійской колонизаціи Ядринцева. «Дѣло» 1872 г. кн. 8 и 9.

Испанія внесла въ колоніи свои нравы, воззрѣнія и институты. Прежде всего она привела испанскую опеку въ управленіе и свои завоевательные взгляды, создала рознь между завоевателями и туземцами, утвердила систему майоратовъ въ колоніяхъ, внесла господство духовенства въ лицѣ іезуитовъ, пріобрѣвшихъ огромное вліяніе, и образовала полутеократическое правленіе. Послѣдствіемъ этого въ испанскихъ колоніяхъ воцарилось суевѣріе, деспотизмъ, невѣжество и рабство туземца. Жизнь колоній и окружающія условія только понемногу ослабляли и уничтожали эти традиціи метрополіи.

Кромѣ свойствъ племени и наслѣдственныхъ чертъ метрополіи, въ колоніяхъ развертывается однако, подъ вліяніемъ новыхъ условій, самобытная жизнь;—эти новые факторы въ дѣвственной странѣ совершенно претворяютъ общество, измѣняютъ его характеръ и придаютъ ему небывалыя подвижность и энергію, которыя недоступны старымъ обществамъ. Уже Адамъ Смитъ замѣчаетъ, что обширныя земли и плодородіе ихъ создаютъ широкое поприще для примѣненія труда каждому переселяющемуся. Дѣвственная природа производитъ ободряющее впечатлѣніе и воспитываетъ отвагу, поиски за богатствами, предпріимчивость, отсутствіе сословной розни и возможность всѣмъ одинаково трудиться, воспитываютъ равноправность и придаютъ демократическій характеръ новому обществу, отсутствіе предразсудковъ и традицій, склонность къ новизнѣ, воспріимчивость и необыкновенный практическій умъ, — вотъ отличительныя черты колоніи. При благопріятныхъ условіяхъ подобныя общества весьма быстро развиваются, усвоивая же просвѣщеніе, такъ быстро прогрессируютъ въ духовномъ отношеніи, что въ короткій періодъ жизни не только сравниваются, но и переживаютъ старыя общества.

Успѣхи развитія земледѣльческихъ колоній замѣчены еще въ древности.

Извѣстно положеніе древнихъ греческихъ колоній, какъ Сиракузы и Агригентъ въ Сициліи, Тарентъ и Лакры въ Италіи, Ефесъ и Милетъ въ Малой Азіи, которыя не уступали въ духовныхъ качествахъ блестящей метрополіи своей—Греціи. Не смотря на то, что существованіе ихъ началось позже, мы встрѣчаемъ въ нихъ науку и искусства, философію, поэзію и краснорѣчіе въ тѣ же эпохи и на той же степени развитія, какъ гдѣ бы то ни было въ ихъ метрополіи. Школы Ѳалеса и Пиѳагора были основаны не въ Греціи, а въ колоніяхъ [1]). Еще болѣе блестящіе при-

[1]) См. «Причины благосостоянія новѣйшихъ колоній», гл. VII. О колоніяхъ. «Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ». Адама Смита.

мѣры представляетъ ростъ новѣйшихъ колоній. Развитіе американскихъ штатовъ въ три столѣтія и успѣхи Австраліи, сформировавшейся въ одно столѣтіе, слишкомъ извѣстны, чтобы повторять о нихъ.

Изъ всѣхъ европейскихъ колоній самые быстрые успѣхи были сдѣланы американскими колоніями. Успѣхи эти заключались не столько въ примѣненіи стараго, сколько въ созданіи новыхъ формъ жизни, имѣвшихъ огромное значеніе въ исторіи міра и оказавшихъ вліяніе на судьбу европейскаго континента. Своимъ процвѣтаніемъ эти колоніи обязаны гражданской свободѣ, дарованной Англіей. Въ числѣ другихъ условій, способствующихъ развитію, видную роль играетъ просвѣщеніе и степень распредѣленія образованія среди колонистовъ. Англосаксонская раса и въ этомъ случаѣ имѣла всѣ преимущества передъ полуварварской Испаніей. Она выселила въ Америку, начиная съ пуританъ, лучшихъ и просвѣщенныхъ гражданъ въ лицѣ Пэна и друг. Это была великая мать великихъ мужей—«magna virorum mater!» При такихъ условіяхъ колоніи могли быстро прогрессировать; благодаря новой почвѣ, онѣ достигаютъ замѣчательнаго благосостоянія, и развитіе ихъ идетъ быстрѣе старыхъ обществъ. Вотъ откуда приговоръ А. Смита, что колоніи просвѣщеннаго общества, утверждающіяся въ малолюдной и богатой странѣ, туземные жители которой уступаютъ мѣсто новымъ поселеніямъ, скорѣе всякаго другого человѣческаго общества двигаются къ богатству и благосостоянію.

По мѣрѣ гражданскаго развитія зарождаются и высшія духовныя потребности колонистовъ. «Въ первый періодъ колонизаціи мысли колонистовъ исключительно направлены къ пріобрѣтенію богатствъ, говоритъ Леруа-Больё. Наклонность къ накопленію и бережливости является главнымъ стимуломъ, стремленіе къ матеріальному благополучію есть почти единственная цѣль. Въ жизни колониста нѣтъ мѣста умозрительнымъ идеямъ; частная жизнь переполнена событіями и трудомъ до того, что для жизни общественной не остается ничего. Въ эту эпоху замѣчается поразительное равенство между колонистами; нравы ихъ бываютъ грубы; отсутствіе высшаго образованія порождаетъ невѣжество». Но съ ростомъ колоніи являются всѣ потребности гражданскаго общества, въ которыхъ трудно отказывать. «Плохо знаетъ человѣческую природу тотъ, пишетъ Больё, кто воображаетъ, что съ нея достаточно однихъ матеріальныхъ благъ и пассивнаго счастья. Это, можетъ быть, и справедливо въ періодѣ дѣтства или истощенія, послѣдовавшаго за какимъ-нибудь кризисомъ, но это времен-

ное состояніе не обратится въ нормальное и постоянное. Настанетъ моментъ, когда человѣкъ, сознавъ въ себѣ силу и свободу распоряжаться собою, пожелаетъ лучше ввѣриться своей звѣздѣ и на свой рискъ отдаться всѣмъ случайностямъ темнаго будущаго, чѣмъ вяло плестись по торному пути, подъ руководствомъ другаго, къ спокойному и вѣрному благополучію. Къ чести человѣческой природы есть чувства болѣе могучія, болѣе неодолимыя и плѣнительныя, чѣмъ склонность къ спокойному, доставшемуся безъ труда, наслажденію. Есть другія удовольствія, кромѣ стремленія къ наживѣ, и хотя въ первый періодъ существованія колоній жажда прибыли, повидимому, преобладаетъ надъ всѣми другими интересами, но наступаетъ время, когда послѣ устраненія величайшихъ препятствій и образованія достатка, а иногда богатства, являются другія побужденія, овладѣвающія душой и сердцемъ колониста» (Колонизація новѣйшихъ народовъ. Леруа Больё, стр. 514—515).

Надо замѣтить, что жизнь колоній бьетъ сильнѣе; зарождающееся общество кипитъ избыткомъ силъ,—это молодой организмъ, въ которомъ слагается гражданская жизнь и поэтому здѣсь требуется болѣе простора. Организмъ дѣтей для своего развитія требуетъ болѣе дѣятельности для упражненія силъ, чѣмъ организмъ взрослаго. Отъ напряженія этой дѣятельности зависитъ ростъ и накопленіе богатствъ, выгодное прежде всего для метрополіи.

Современная колонизація такимъ образомъ даетъ важные уроки и разрѣшаетъ вопросъ какъ относительно выгоды колонизаціи, такъ и условій процвѣтанія колоній.

Обращаясь къ русскимъ колоніямъ на Востокѣ, мы видимъ, что онѣ ничуть не менѣе обладаютъ благопріятными природными задатками для развитія. Тотъ же просторъ, тѣ же привольныя мѣста и еще шире, чѣмъ у другихъ народовъ, богатая природа, дѣвственная почва, предпріимчивость и смѣлый умъ русскаго колониста, — все благопріятствуетъ новой жизни, и однако едва-ли мы можемъ сказать, что наши колоніи достигли полнаго развитія и совершенства.

Не смотря на то, что русскій народъ своимъ разселеніемъ на Сѣверѣ и Востокѣ ясно доказалъ свои колонизаціонныя способности, что передъ нами находятся обширнѣйшія владѣнія въ мірѣ, молодой край, полный задатковъ жизни, способный къ развитію,— край, которому предстоитъ, можетъ быть, великое будущее,—мы не можемъ скрыть отъ себя, что мы далеко еще не воспользовались всѣми благопріятными условіями своего положенія или, лучше сказать, колонизаторской позиціи. На многихъ страницахъ совре-

менной жизни и исторіи этого края звучитъ горькая нота и рисуется мрачная картина его настоящаго положенія. Вотъ что говоритъ одна статья по поводу 300-лѣтія, и ея слова звучатъ особой укоризной. «Америка въ теченіе одного столѣтія достигла такихъ успѣховъ и развитія, о которыхъ мы не смѣемъ и помыслить еще; даже краснокожіе индѣйцы перестали скальпировать своихъ бѣлыхъ собратьевъ, и между ними уже есть лица, съ высоты каѳедръ проповѣдующія научныя истины; недавніе рабы-негры также цивилизовались, и немного времени имъ нужно будетъ, чтобы сдѣлаться культурнымъ народомъ. Австралія, и та въ текущемъ вѣкѣ далеко шагнула впередъ, развивая у себя такую высокую культуру, о которой сибиряки, вѣроятно, ничего не знаютъ даже по слухамъ. Таитяне, еще недавно отрицавшіе необходимость листика стыдливости, засѣдаютъ уже въ парламентѣ и рѣшаютъ весьма прилично и благоразумно свои дѣла; даже смертную казнь отвергли, какъ не отвѣчающую понятію о человѣческомъ достоинствѣ. А. Сибирь?..» При всей отсталости этой страны мы мало заботились объ обновленіи ея колонизаціей. Колонизаціонный вопросъ у насъ только что нарождается. Мы задумываемся еще: заселять-ли намъ наши окраины? У насъ часто люди передовые и государственные говорили противъ заселенія окраинъ [1]). Вопросъ о колонизаціи Сибири, разрѣшаемый въ настоящую минуту, можетъ имѣть важное значеніе для будущаго. Отъ него будетъ зависѣть ростъ, сила и прочность нашихъ владѣній. Должно помнить, что колонизація есть союзъ народовъ, а не разъединеніе ихъ. Тропа, проторенная русскимъ народомъ, и изъ года въ годъ тянущіяся переселенія въ обѣтованныя мѣста, на свободныя земли, указываютъ сами собой разрѣшеніе этой задачи.

---

[1]) Въ 1862 г., во время преній въ политико-экономическомъ комитетѣ по вопросу о колонизаціи, Мейндорфъ высказываетъ мнѣніе, что метрополіи вовсе не слѣдуетъ заботиться о колоніяхъ въ виду того, что, достигнувъ зрѣлости, всѣ колоніи отдѣляются. Пренія эти помѣщены въ газетѣ «Вѣкъ» 1862 г. Генералъ-губернаторъ Горчаковъ высказывалъ опасенія относительно сношенія Сибири съ Америкой и былъ противъ пріобрѣтенія Амура, доказывая, что, войдя въ сношенія черезъ Амуръ, сибиряки порвутъ всякія связи съ Россіей, и американцы научатъ ихъ неуваженію (Русск. Архивъ, 1878 г. III, 262). Таково же было мнѣніе статсъ-секретаря Буткова о проектѣ Муравьева-Амурскаго (Воспоминанія Венюкова, «Русская Старина», XXIV, с. 21). Подобныя же опасенія высказываются по поводу проекта заселить Амуръ чехами. Всѣ эти мнѣнія только мѣшали и задерживали заселеніе Сибири. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ богатыхъ пріобрѣтеній на Амурѣ, въ силу Айгунскаго трактата, пришлось обратиться снова къ вопросу о колонизаціи Амура.

Нельзя не признать, что въ этихъ пространствахъ свободныхъ земель созданы самимъ народомъ гарантіи, которыя на долго обезпечиваютъ судьбу славянскаго населенія отъ случайностей будущей исторіи. Русскія колоніи отличаются отъ западныхъ, англійскихъ, испанскихъ и голландскихъ тою счастливою случайностью, что въ нихъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сохраняется за колонистомъ и переселенцемъ право даровaго пользованія землей. Это великое божье право. Другою стороною, отличающей наши колоніи, служитъ общинный бытъ нашего крестьянства, зарождающійся и въ новыхъ странахъ. Эта типическая общественная форма можетъ получить богатое развитіе, при общемъ довольствѣ, въ новой странѣ на богатыхъ земляхъ. Какъ англо-саксонская раса отразила лучшія черты своей природы и характера въ своихъ колоніяхъ, такъ славянская раса должна выразить тѣ же лучшія черты въ своихъ.

Чего не достаетъ нашимъ колоніямъ, это—еще полнаго гражданскаго развитія, и мы еще недостаточно обратили на это вниманіе. Безъ этого гражданскаго развитія онѣ могутъ остаться вмѣсто цвѣтущихъ и богатыхъ владѣній, приносящихъ огромныя выгоды своей праматери, жалкими областями, отстающими отъ цивилизаціи, глухими и забытыми, какими оставались до сихъ поръ. Весьма странно видѣть, какъ послѣ временныхъ восторговъ и патріотической гордости пріобрѣтеніемъ и величиной завоеванныхъ владѣній, мы какъ будто забываемъ о нихъ и ни мало не заботимся о ихъ внутренней жизни. Страна будущаго, «наша Мексика и Перу», наше «золотое дно», завтра является забракованнымъ мѣстомъ ссылки и каторжнаго труда, безжизненной пустыней и краемъ, неимѣющимъ политическаго значенія.

Поэтому преемникъ Миллера, другъ Сперанскаго, историкъ Словцовъ произнесъ надъ исторіей ея слѣдующій горькій приговоръ: «Изъ чертъ, живописующихъ бытъ сибирскій, видно, что Сибирь, какъ страна, заключала въ себѣ золотое дно, но какъ часть государства представляла ничтожную и безгласную область» («Ист. Сибири», Словцовъ, гл. V, стр. 265).

Взгляды на Сибирь были различны, обусловленные ея историческимъ существованіемъ. Она разсматривается то какъ страна ссылки, то какъ горнозаводская колонія и мѣсто, предоставляющее рудники для добыванія серебра, золота и драгоцѣнныхъ металловъ, затѣмъ, какъ мѣсто для добыванія мѣховъ, какъ торговая колонія. Взгляды и горизонты русскихъ людей расширяются по мѣрѣ расширенія русскихъ границъ и соприкосновенія съ азіатскими государствами. Пріобрѣтеніе Камчатки и торговыя компаніи

на Восточномъ океанѣ окрыляютъ русскую предпріимчивость. Точно также Амуръ возбуждаетъ мечтанія о громадной будущности страны. Уже Соймоновъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени и извѣстный своей трагической судьбой, изучивъ Сибирь, далъ ей названіе «Золотаго дна» (статья въ Ежемѣсячн. Сочиненіи).

Въ 40-хъ годахъ Сибири присваивается названіе «Мехики и Перу» нашей (слова министра Канкрина). При Муравьевѣ-Амурскомъ Амуръ производитъ сенсацію и порождаетъ цѣлую панегиристическую литературу. Взгляды на будущность Сибири снова расширяются. Идея о важномъ государственномъ значеніи окраины постепенно входитъ въ сознаніе государственныхъ людей и образованнаго сословія Россіи. Вотъ взглядъ, напр., на Сибирь одного изъ образованныхъ людей своего времени, декабриста барона Розена:

«Разставаясь съ страною изгнанія, говоритъ онъ, съ грустью вспоминалъ любимыхъ товарищей-соузниковъ и, благословляя ихъ, благословлялъ страну, обѣщающую быть современемъ не пугалищемъ, не мѣстомъ и средствомъ наказанія, но вмѣстилищемъ благоденствія въ высшемъ значеніи слова. Провидѣніе, быть можетъ, назначило многихъ изъ моихъ соизгнанниковъ и многихъ поляковъ ссыльныхъ быть основателями и устроителями лучшей будущности Сибири, которая кромѣ золота и холоднаго металла и камня, кромѣ богатства вещественнаго, представитъ современемъ драгоцѣннѣйшія сокровища для благоустроенной гражданственности. Люди, съ пріобрѣтеніемъ необходимыхъ личныхъ правъ и положительныхъ законовъ, будутъ умѣть сохранить ихъ съ нравственной силою для нравственной пользы. Сибири предстоитъ, можетъ быть, въ своемъ родѣ назначеніе Сѣверной Америки, куда также за политическія и религіозныя мнѣнія волею и неволею переселились изгнанники, и молитвою и трудами вызвали въ новомъ мірѣ всѣ тѣ блага, коихъ такъ долго, такъ тщетно еще ищетъ міръ старый и опытный. Залогомъ хорошей будущности Сибири служатъ уже нынѣ три обстоятельства: она не имѣетъ сословій привилегированныхъ, нѣтъ въ ней дворянъ-владѣльцевъ, нѣтъ крѣпостныхъ; чиновниковъ въ ней немного. Сверхъ того, народъ хорошо справляется на мірскихъ сходкахъ, трудится большею частью на землѣ привольной и исправно выполняетъ всѣ государственныя повинности» (Записки декабриста барона Розена. 1870 г., гл. XII, стр. 318).

«Сибирь ничто пока не увлекало впередъ съ американскою быстротою, пишетъ одинъ публицистъ 40-хъ годовъ. Увидимъ, что будетъ, когда устья Амура откроются для судоходства и Америка встрѣтится съ Сибирью возлѣ Китая».

«Тихій океанъ — «Средиземное море будущаго» (такъ его называютъ въ американскихъ газетахъ). Въ этомъ будущемъ роль Сибири, страны между океаномъ, Южной Азіей и Россіей, чрезвычайно важна. Разумѣется, Сибирь должна спуститься къ южной границѣ. Не въ самомъ же дѣлѣ мерзнуть и дрожать въ Березовѣ и Якутскѣ, когда есть Красноярскъ, Минусинскъ и пр.».

«Самое русское народонаселеніе въ Сибири имѣетъ въ характерѣ своемъ начала, намекающія на иное развитіе. Вообще сибирское племя здоровое, рослое, умное и чрезвычайно положительное. Сибиряки вовсе не знаютъ помѣщичьей власти. Демократическій складъ этого общества, независимый духъ промышленныхъ классовъ развили въ немъ не приниженный духъ, но независимый и твердый характеръ. Чиновникъ здѣсь былъ на послугахъ купца. Къ сожалѣнію, печальныя историческія условія задерживали развитіе этой страны. Вмѣсто американскаго прогресса, получился азіатскій застой».

Вопросъ въ томъ: на долго-ли Сибирь такою останется?.. Не наступаетъ-ли время дать этой области развитіе, создать въ ней внутреннюю жизнь и гражданственность? Сибирь пережила всѣ періоды, которые свойственны всѣмъ новооткрытымъ странамъ. Она была колоніей звѣроловной, колоніей горнозаводской, мѣстомъ поисковъ золота, наконецъ мѣстомъ ссылки. Постепенное заселеніе, земледѣльческій складъ, осѣдлость и гражданскія формы жизни создали въ ней нынѣ задатки жизни гражданской, воспользоваться которыми для созданія прочнаго общества будетъ зависѣть отъ насъ самихъ. Задерживать гражданскія потребности этого общества мы будемъ не въ силахъ, хотя бы и хотѣли.

Необходимыми условіями дальнѣйшаго существованія этой страны, какъ sine qua non ея развитія и жизни, является: 1) колонизація и заселеніе; 2) право на безвозмездное пользованіе землею каждаго прибывающаго; 3) свобода земледѣльческаго труда и поощреніе развитія мѣстной промышленности; 4) облегченіе и созданіе внутреннихъ путей для обмѣна жизни на огромныхъ разстояніяхъ Востока; 5) предоставленіе полныхъ правъ гражданства жителямъ этихъ областей наравнѣ съ гражданами метрополіи; 6) просвѣщеніе и просторъ духовной жизни.

Въ настоящую минуту, на грани трехсотлѣтія, наступаетъ и для Сибири уже этотъ періодъ сознательной жизни и пониманія своей роли въ будущемъ. Въ сложившемся обществѣ съ четырьмя милліонами русскаго населенія на Востокѣ выступаютъ все болѣе стремленія къ развитію своихъ экономическихъ, матеріальныхъ и умственныхъ силъ; гражданскія и образовательныя потребности въ

этихъ стремленіяхъ начинаютъ занимать извѣстную роль. Этимъ сознаніемъ своего общечеловѣческаго существованія и сознательнымъ отношеніемъ къ своей жизни начинается новый періодъ сибирской исторіи.

Въ послѣднее время выдвигается нѣсколько весьма видныхъ мѣстныхъ потребностей и нуждъ этого общества, которыя не могутъ остаться безъ отвѣта въ государственной жизни Россіи. Они состоятъ въ распространеніи на Сибирь гражданскихъ правъ, которыми пользуются уже подданные Европейской Россіи. Сибирское общество ждетъ введенія земства, новаго гласнаго суда, распространенія образованія, гарантій личности и лучшаго общественнаго существованія.

Дарованіе самоуправленія, водвореніе правосудія и справедливости для этого несчастнаго края становится тѣмъ необходимѣе, что Сибирь въ продолженіе всего прошлаго существованія испытала много притѣсненій, несправедливостей и неустройствъ. Эти бѣдствія начались съ воеводскаго управленія; произволъ господствовалъ въ Сибири болѣе, чѣмъ гдѣ-либо; край подвергался всевозможнымъ злоупотребленіямъ и жизнь его остается далеко не устроенной до послѣдняго времени.

Между тѣмъ нынѣ выступаютъ многочисленные общественные вопросы и нужды, требующіе настоятельнаго удовлетворенія. Къ такимъ принадлежатъ: отмѣна уголовной ссылки, мѣшающей безопасности и развитію гражданской жизни, организація переселеній, устройство быта инородцевъ, принятіе мѣръ противъ міроѣдства и кулачества, улучшеніе части золотопромышленныхъ рабочихъ и многія другія. Наконецъ, въ краѣ является потребность умственной жизни, стремленіе къ гласности, желаніе разработывать общественныя нужды путемъ печати; общество желаетъ гарантій для личности и защиты отъ мѣстнаго произвола. Выраженіе всѣхъ этихъ нуждъ проявляется въ послѣднее время довольно опредѣленно и ясно не только въ печати, но въ рядѣ заявленій представителей обществъ, выраженныхъ ко дню трехсотлѣтія.

Такимъ образомъ, послѣ предшествовавшей работы для этого края, ожидается еще бо́льшее развитіе внутреннихъ силъ. Если до сихъ поръ народная жизнь и народныя стремленія въ обширной колоніи Россіи, слагаясь инстинктивно и почти безсознательно, совершили многотрудную историческую работу, то есть полное основаніе предполагать, что тѣ же силы, призванныя къ болѣе сознательной жизни, способны будутъ тѣмъ болѣе доказать свою жизненность при условіяхъ внутренняго самоусовершенствованія.

Пробужденіе общественной самодѣятельности, развитіе образованія на Востокѣ и осуществленіе университета можетъ создать иную, лучшую роль сибирской окраинѣ, а европейскія условія существованія придадутъ этому безжизненному краю свѣтъ и тепло цивилизаціи.

Недаромъ знатокъ Азіи и извѣстный географъ М. И. Венюковъ, въ своемъ докладѣ объ изслѣдованіяхъ Сибири въ Петербургскомъ съѣздѣ естествоиспытателей, высказывалъ надежду, что съ появленіемъ мѣстныхъ изслѣдователей долженъ начаться второй періодъ изученія Азіатской Россіи,—періодъ желанный и пройденный уже въ Европѣ и частью даже въ Америкѣ. «Пусть,—говорилъ г. Венюковъ [1]),—будутъ мѣстные труженики снабжены достаточными, совершенно ясными и, прибавлю, дѣйствительно исполнимыми наставленіями отъ лицъ спеціальныхъ, всего лучше отъ цѣлыхъ учрежденій и съѣздовъ, пусть ихъ поддержатъ своимъ вниманіемъ лица высокопоставленныя въ наукѣ, одобрятъ въ успѣхѣ, снисходительно отнесутся къ ошибкамъ, и дѣло пойдетъ впередъ. Тогда и мы, долгіе странствователи, которые измѣряемъ свои работы десятками тысячъ пройденныхъ верстъ, но, къ сожалѣнію, скудными вкладами въ сокровищницу естествознанія, уступимъ мѣсто этимъ постояннымъ, туземнымъ изслѣдователямъ, которымъ легче будетъ собранный матеріалъ излагать въ систематической, а не отрывочной формѣ, къ которой по необходимости мы прибѣгаемъ теперь.

«Страна эта не имѣетъ доселѣ средоточія умственной жизни своей. Сибиряку негдѣ усвоить себѣ результатовъ европейскаго знанія во всей ихъ обширности, негдѣ найти руководителей въ изученіи родной природы, изъ окружающей его почвы не бьетъ живого источника, въ которомъ онъ могъ бы свободно черпать для утоленія умственной жажды своей. Дважды сдѣланныя заявленія объ этой потребности оставались безъ отвѣта; теперь, по частнымъ слухамъ, готово и третье: пожелаемъ же успѣха ему, т. е. возможно скораго возникновенія въ Сибири *правильно устроеннаго* центра умственной дѣятельности [2]). И да будетъ поставлено цѣлью его не одно развитіе изящной, изворотливой діалектики... по образцамъ изъ среды, окружавшей Аристофона и Демосѳена, Ювенала и Тацита. Да избѣжитъ сибиряка участь: терять драгоцѣнное время молодости на то, чтобы сложиться духовно на манеръ эгоистической и враждебной русскимъ началамъ жизни англійской олигархіи, современнаго поколѣнія бонапартовской Фран-

---

[1]) «Труды съѣзда естествоиспытателей». Спб. 1868, стр. 55—56.

[2]) М. И. Венюковъ говоритъ о Сибирскомъ университетѣ.

ціи или послѣдователей Лойолы. Да будетъ привито ему здоровое знаніе реальныхъ предметовъ, черпающее свою мощь въ анализѣ Ньютона, Элера, Лагранжа, Лапласа, въ наблюденіяхъ и выводахъ Гершеля, Лавуазье, Араго, Фаредэ, Буха, Лейеля, Дарвина, Бэра и Аристотеля нашего вѣка, Александра Гумбольдта; тогда и научное завоеваніе Сибири довершится само собою».

Должно принять во вниманіе, что, не смотря на трехсотлѣтіе, сибирское общество все-таки — исторически молодое общество, а судьба молодыхъ обществъ и колоній весьма часто представляетъ завидное существованіе сравнительно съ старыми обществами, пережившими долгую жизнь. Если первыя изжили многое, потерпѣли много разочарованій и огорченій, исчерпали богатства, истощили земли, наклонны къ сохраненію старины и къ косности, обладаютъ часто предразсудками старчества, принуждены бороться съ неодолимыми препятствіями, созданными предшествовавшими ошибками, то вторыя свободны отъ многихъ изъ этихъ неудобствъ. Они кипятъ избыткомъ силъ производительности, обладаютъ многими дарами природы, стоятъ у начала исторіи; дорога ихъ— торная, можетъ быть, не сулящая многихъ превратностей; они не имѣютъ предразсудковъ стараго міра и, такъ сказать, на обломкахъ старыхъ цивилизацій свободны создать новую лучшую жизнь, обвитую свѣжими розами.

Нерѣдко великія идеи и плоды человѣческаго прогресса доступнѣе колоніямъ, и онѣ прогрессируютъ быстрѣе метрополій. На Западѣ нерѣдко изъ нихъ развертываются новые государственные организмы, создающіе новыя цивилизаціи. Мы далеки, чтобы мечтать о подобномъ будущемъ и сближать судьбы европейскихъ колоній съ нашей далекой и глухой окраиной. Нечего говорить, какъ она стоитъ неизмѣримо ихъ ниже, здѣсь нѣтъ даже отдаленнаго сходства. Америка и Австралія, на которыя часто указываютъ, въ гораздо кратчайшій періодъ оказали величайшіе успѣхи въ смыслѣ развитія гражданской и культурной промышленной жизни. Но тѣмъ не менѣе и здѣсь есть извѣстная разница въ прожитыхъ періодахъ, въ условіяхъ новаго существованія и въ задаткахъ жизни, и здѣсь не можетъ не чувствоваться жизнь молодаго воспріимчиваго организма. Культурное развитіе, благодаря естественнымъ богатствамъ и простору, можетъ явиться пышнѣе и богаче, общественный складъ самобытнѣе и оригинальнѣе, въ новомъ положеніи страны могутъ явиться и новыя задачи.

Географическое положеніе въ Азіи, связывающее европейскій міръ съ азіатскимъ, указываетъ этому краю нѣкоторую своеобразную политическую роль и значеніе въ будущемъ.

Въ истекшія десять лѣтъ со времени 1-го изданія настоящей книги, въ газетѣ «Восточное Обозрѣніе» были помѣщены различныя статьи о колоніяхъ и колоніальной политикѣ, бросающія взглядъ на колоніальный вопросъ въ Европѣ. См. Переселеніе народовъ. Очерки изъ исторіи эмиграціи изъ Европы въ Америку Д. И. Завалишина «В. Об.» 1882 г., № 23; Сибирь и Канада его же («В. О.» 1882 г., № 34); Колоніальная политика въ Индіи (№№ 9, 10, 11 «В. О.» 1883 г.); Колоніальная политика въ Германіи (1883 г., № 52); Ближайшія задачи итальянской колоніальной политики («В. О.» 1886 г., № 17); Колоніи, какъ ступень къ развитію человѣчества, Завалишина («В. О.» 1883 г., №№ 25, 26); Колоніальный вопросъ въ Европѣ и колоніальная наука («В. О.» 1883 г. №№ 19, 21 и 1886 г., «В. О.» № 15, 16); Также Европ. колоніальная политика, «В. О.» 1889 г., № 34. Во всѣхъ этихъ статьяхъ, какъ и многихъ другихъ, газета старалась слѣдить за развитіемъ колоніальнаго вопроса и колоніальной политики въ Европѣ. Благодаря тому, что въ Европѣ появились спеціальные органы, какъ, напримѣръ, «Deutsche Kolonialzeitung. Organ des Deutschen Kolonialvereins» in Berlin, «Revue Coloniale internationale», издававшійся въ Амстердамѣ въ 1886 г. нидерландскимъ колоніальнымъ обществомъ, французскіе колоніальные журналы, какъ L'Exposition, Coloniale и др., въ настоящее время колоніальный вопросъ въ Европѣ разрабатывается спеціально съ должною обстоятельностью. Открытіе новыхъ земель въ Африкѣ, соперничество какъ старыхъ колоніальныхъ государствъ Испаніи, Англіи, Франціи, такъ и вновь выступившей на поприще колоніальныхъ пріобрѣтеній Германіи возбудили многочисленные вопросы на Берлинской международной конференціи, посвященной африканскому вопросу (1885 г.). Европейская колоніальная политика въ послѣдніе годы такимъ образомъ вошла въ новую фазу. Во всякомъ случаѣ намъ невозможно игнорировать опыты европейской колонизаціи. Сравнивая, напримѣръ, Канаду съ Сибирью, Д И. Завалишинъ приходитъ къ поучительнымъ выводамъ. «Въ Канадѣ развивалась свободная промышленность, совершалось прибытіе добровольныхъ переселенцевъ; Сибирь сдѣлалась мѣстомъ ссылки и принудительной работы; въ Канадѣ, кромѣ добычи мѣховъ, развивались лѣсопромышленность и рыболовство; здоровое населеніе крѣпло въ борьбѣ съ природою и славится значительностью естественнаго приращенія населенія; въ Сибири главною цѣлью сдѣлалась добыча для казны драгоцѣнныхъ металловъ и камней, и не только введена каторжная работа для преступниковъ, но цѣлыя свободныя поселенія приписывались къ заводамъ и въ обязательную вѣчную

военную службу, въ казаки, а образующееся коренное населеніе, изъ уроженцевъ уже страны, постоянно разстроивалось вещественно и нравственно безпрестаннымъ наплывомъ порочныхъ, ссыльныхъ людей. Наконецъ, Англія, получивъ сосѣдомъ въ Канадѣ Соединенные Штаты, старалась удержать Канаду отъ присоединенія къ нимъ улучшеніемъ управленія и разными льготами; въ Сибири же, несмотря на казнь Гагарина, несмотря на частыя перемѣны въ формахъ управленія, несмотря на ревизіи, дурное мѣстное управленіе сдѣлалось хроническою болѣзнію; а извѣстно, что никакія естественныя бѣдствія, ни неурожаи, ни наводненія, ни пожары, ни землетрясенія, ни эпидеміи, не могутъ сравниться въ гибельныхъ послѣдствіяхъ своихъ съ дурнымъ управленіемъ; тѣ губятъ временно результаты развитія, тогда какъ дурное управленіе губитъ самое развитіе въ жизненномъ его источникѣ. Всѣмъ этимъ и объясняется громадное различіе въ положеніи Сибири и Канады въ настоящее время».

«Если Сибирь собственно и имѣетъ почти одинаковое по численности населеніе, что и Канада, то какая огромная разница въ составѣ населенія. Въ Канадѣ изъ четырехъ милліоновъ съ половиною почти жителей, за исключеніемъ около 50.000 индійцевъ и негровъ, всѣ остальные представляютъ здоровое, домовитое населеніе, которое, независимо отъ эмиграціи, увеличивается въ значительной прогрессіи естественно отъ избытка нарожденія надъ смертностью; въ Сибири въ составъ населенія входитъ еще огромная масса инородцевъ, не только мало еще подчиняющихся русскому вліянію, но скорѣе подчиняющихъ русскихъ своему; затѣмъ огромная масса порочныхъ ссыльнопоселенцевъ, не только бездомныхъ, но скитающихся и разстроивающихъ вещественно и нравственно старожилое населеніе, такъ что тамъ, гдѣ преобладаетъ поселенческій элементъ, не только нѣтъ естественнаго прироста населенія, но скорѣе еще замѣчается убыль его. Въ Канадѣ слишкомъ уже 10.000 в. желѣзныхъ дорогъ и около 20.000 в. телеграфной линіи служащихъ собственно для Канады; въ Сибири нѣтъ еще ни одной версты желѣзной дороги, а телеграфъ, если и былъ проведенъ, то не для Сибири собственно. Канада имѣетъ 53.000.000 долларовъ дохода и 51.000.000 расхода, издерживаемыхъ собственно на себя; въ Сибири ни одна изъ самыхъ существеннѣйшихъ потребностей еще не удовлетворена вполнѣ, да и обогащеніе частныхъ людей не обращается преимущественно въ ея пользу. Въ Канадѣ одинъ городъ (Монреаль) имѣетъ болѣе 100.000 жителей, два по 50.000 и три около 30.000; въ Сибири ни одинъ городъ не достигъ еще и до 40.000 постоянныхъ жителей, не-

смотря даже на искусственную поддержку существованіемъ многосложной администраціи». (Сибирь и Канада «В. О.» 1882 г., № 24). О русскихъ колоніальныхъ владѣніяхъ въ Азіи и ихъ значеніи появились статьи и въ международной литературѣ, см. Revue Coloniale Internationale, Ueber die Kolonialbesitzungen des Russischen Reiches von Dr. Ed. Petri [1]), также нѣмецкое изданіе Sibirien того же автора и сообщеніе въ восточно-швейцарск. географ. обществѣ, какъ и на VI-мъ географическомъ конгрессѣ въ Дрезденѣ, въ 1886 г.

Русскія владѣнія въ Азіи, въ Туркестанѣ, возбуждавшія живой интересъ въ политическомъ мірѣ Европы, напр., въ Англіи, вызвали у насъ статьи по англо-индійскому вопросу о нашихъ владѣніяхъ въ Средней Азіи. О нашихъ отношеніяхъ къ Китаю, Кореѣ, Японіи, Монголіи точно также посвящался въ послѣднее время рядъ статей въ «Восточн. Обозрѣніи», принадлежащихъ перу нашихъ извѣстныхъ оріенталистовъ (см. статьи Васильева «Востокъ и Западъ» «В. О.», № 1, 1882 г., и наши отношенія къ Китаю, 1882 г., № 8; Наши отношенія къ Китаю и китайцамъ, «В. О.» 1882 г., № 25; «Россія и англо-индійскіе интересы», профессора Минаева, «В. О.», 1882 г., №№ 5, 7.

Международное значеніе русскихъ колоній на Востокѣ поэтому все болѣе выясняется и должно составить впослѣдствіи предметъ особыхъ изслѣдованій.

Пока при существующихъ условіяхъ и только что формирующемся гражданскомъ строѣ общества на окраинѣ, при слабомъ культурномъ развитіи страны, бѣдной промышленностью, отсутствіи мануфактуръ и фабрикъ, при медленно проникающемъ просвѣщеніи и большинствѣ невѣжественнаго и безграмотнаго земледѣльческаго населенія, трудно мечтать, чтобы славянская колонія на Востокѣ имѣла важное и рѣшающее значеніе въ судьбѣ азіатскихъ государствъ и народовъ. Наша торговля съ азіатскими странами находилась въ небреженіи въ продолженіи двухъ вѣковъ; торговля эта, послѣ паденія кяхтинскаго торга, однако, начинаетъ пробивать себѣ, новые пути чрезъ Саяны, чрезъ Урянхайскую землю и чрезъ Томскій Алтай, по р. Чуѣ. Провозъ чаевъ изъ внутренняго Китая на западную границу Сибири кратчайшимъ путемъ составилъ предметъ особыхъ изслѣдованій и экспедицій, составляя очередной торговый вопросъ Сибири. Нѣтъ сомнѣнія, что торговыя связи съ Китаемъ, поддерживающіяся болѣе двухъ столѣтій, должны получить большее развитіе въ будущемъ, въ виду заселенія гра-

[1]) Внутренній восточный вопросъ, 1882 г., № 10.

ницъ обоими сосѣдними государствами. Завоеваніе Амура обѣщаетъ сношенія съ этимъ государствомъ морскимъ путемъ.

Торговыя сношенія съ Японіей занимали уже вниманіе русскихъ предпріимчивыхъ людей и одно время шелъ вопросъ о полученіи чрезъ Амуръ японскихъ чаевъ. Пріобрѣтеніе Туркестана и присоединеніе средне-азіатскихъ ханствъ начертало новыя задачи русскимъ въ Средней Азіи. Азіатская политика наша все рѣзче и опредѣленнѣе намѣчается какъ на Амурѣ, такъ и въ Туркестанѣ, но по мѣрѣ нашего движенія въ Азіи все болѣе растетъ подозрительность и ревность европейцевъ къ нашимъ сношеніямъ на Востокѣ. Въ движеніи русскихъ, въ русскомъ drang nach Osten все еще предполагаютъ стремленіе покорить и присоединить новыя владѣнія въ Азіи и подвинуться къ Индіи. Но наше знакомство съ азіатскими странами и сношенія на Востокѣ могутъ вызываться далеко не однѣми завоевательными цѣлями, но также сношеніями международными и цѣлями чисто культурными. Страны Востока не могутъ болѣе оставаться замкнутыми и изолированными, а азіатскія terrae incognitae привлекаютъ вниманіе одинаково европейскихъ и русскихъ географовъ путешественниковъ. Если англичане изслѣдуютъ Индію и Тибетъ, французы Китай и Кохинхину, то цѣлый рядъ русскихъ научныхъ экспедицій, начиная съ отважныхъ экспедицій Н. М. Пржевальскаго, продолжая изслѣдованіями М. В. Пѣвцова, Г. П. Потанина, Регеля, Громчевскаго, братьевъ Грумъ-Гржимайло и другихъ, проходятъ и описываютъ неизвѣстныя страны Памира, Кашгара, Монголіи, Гоби и притибетскихъ провинцій, направляясь къ тѣмъ же азіатскимъ центрамъ съ сѣвера.

Завоевательные шаги науки ведутъ къ инымъ цѣлямъ и задачамъ—совершенно мирнаго характера и должны быть близки всѣмъ національностямъ. Эти задачи объединенія, обмѣна знаніями, распространенія культуры и цивилизаціи, т. е. тѣ задачи, которыя составляютъ непреложное стремленіе общечеловѣческаго прогресса. Онѣ завѣщаны одинаково всѣмъ народамъ Провидѣніемъ.

Въ этомъ расширеніи международныхъ сношеній на континентѣ старой Азіи одинаково участвуютъ англичане, американцы, французы, голландцы и другіе. Европейскія колоніи и факторіи вѣютъ своими флагами на берегахъ Китая и Индіи, а европейскіе корабли и пароходы сдѣлали воды Индійскаго и Восточнаго океана вполнѣ доступными. Торговая и культурная миссія европейцевъ въ Азіи стала девизомъ европейской колоніальной политики.

Русскія колоніи на Востокѣ и сѣверѣ Азіи, занятой славянской народностью, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ, при своемъ дальнѣйшемъ развитіи, не могутъ остаться чуждыми тѣмъ же куль-

турнымъ задачамъ, а стало быть, не могутъ и не создать своей колоніальной политики по отношенію къ Азіи. Если бы даже онѣ и игнорировали эту цѣль, то историческія событія и законы выдвинутъ насъ на эту дорогу.

Нечего говорить про поступательный прогрессъ человѣчества вообще, про тѣ гигантскіе шаги науки, культуры и техники, которые обнаружила европейская цивилизація въ концѣ XIX вѣка и которые покоряютъ нынѣ всѣ части свѣта, весь міръ. Электрическая цѣпь, по которой несется вѣсть о событіяхъ изъ Америки въ Европу, изъ Пекина въ Петербургъ, Парижъ и Лондонъ, уже соединила всѣ страны міра, всѣ части свѣта, но телеграфъ не совершилъ еще свою чудодѣйственную работу объединенія. Проведеніе главной линіи желѣзной дороги, которая пройдетъ чрезъ всю Сибирь до Тихаго океана, будетъ новымъ событіемъ. Вслѣдъ за главной рельсовой линіей, проложенной на сѣверъ и протянутой нынѣ въ Закаспійскій край, должна будетъ по торгово-экономическому тяготѣнію и необходимости возникнуть схема дальнѣйшей сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Азіи и ихъ продолженія.

Къ главной линіи должны присоединиться современемъ рельсовые пути, которые соединятъ сѣверъ съ югомъ и направятся въ центръ Азіи къ Китаю, Кореѣ, Тибету и Индіи. Только тогда главная сибирская линія получитъ смыслъ и международное значеніе. Это будетъ міровая дорога, по которой направятся произведенія азіатскаго юга, дары Китая и Индіи въ обмѣнъ на европейскую культуру и драгоцѣнныя произведенія искусства изъ мануфактурныхъ столицъ Европы. Чѣмъ выразится этотъ экономическій обмѣнъ, какія коммерческія и торговыя комбинаціи создастъ онъ, какъ отразится онъ на производительности Европы и Азіи—трудно представить теперь, но, безъ сомнѣнія, послѣдствія будутъ громадны, духовное сближеніе народовъ дастъ новые результаты для цивилизаціи двухъ міровъ, какъ и воспріятіе европейской культуры народами коснѣвшей въ застоѣ Азіи. Вызванные на историческую арену, эти народы могутъ примкнуть къ общечеловѣческой семьѣ, обнаруживъ таланты, дарованія, и можетъ быть, въ нихъ проснется тотъ уснувшій временно геній древности, который, создавая цѣлые культы и вѣрованія, творилъ первоначальныя цивилизаціи въ Индіи, Вавилонѣ, на берегахъ Ефрата и оказалъ немалую услугу человѣчеству.

Трудно окинуть взоромъ и предсказать перспективы человѣческаго прогресса и отгадать ту роль въ исторіи, которую суждено будетъ играть странамъ, нынѣ пустыннымъ, замкнутымъ и отдѣленнымъ отъ общаго человѣческаго движенія.

Во всякомъ случаѣ, историческая роль культурныхъ странъ на сѣверѣ Азіи, когда проснется азіатскій міръ и проникнется европейскими идеями и стремленіями, будетъ не послѣднею. Удерживаясь мечтать о будущемъ, сознавая скромность задачъ настоящаго и длинную дорогу самосовершенствованія, мы можемъ только пожелать, чтобы нашей отдаленной и забытой окраинѣ дана была возможность развернуть свои силы и стать въ ряду съ другими народами для выполненія великой миссіи человѣческаго преуспѣянія.

Въ интересахъ человѣчества, какъ и въ интересахъ русской народности, наступаетъ такимъ образомъ время призвать наши окраины къ новой жизни, пробудить ихъ общественныя силы къ самодѣятельности, и тѣмъ положить начало новому историческому періоду. Признаніе совершеннолѣтія общества, дарованіе ему гражданскихъ правъ, удовлетвореніе общечеловѣческихъ стремленій есть священнѣйшій долгъ метрополіи по отношенію ко всякой молодой, развивающейся на ея рукахъ, странѣ, великая обязанность, налагаемая на нее Провидѣніемъ передъ лицомъ всего человѣчества и будущей исторіи.

Какова бы ни была исторія этого края, у него нельзя отнять извѣстной будущности. Съ вѣрою въ его жизнь, въ его призваніе соединяются нынѣ лучшія ему пожеланія. Они окрылятъ вдохновеніемъ людей ему преданныхъ и придадутъ энергію труду въ новой странѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что русскимъ колоніямъ на Востокѣ, при условіяхъ просвѣщенія и цивилизаціи, не менѣе, чѣмъ другимъ народамъ, суждено будетъ пожать плоды общечеловѣческаго прогресса. Если на зарѣ своей исторіи наша окраина не видѣла радостныхъ дней, то вѣра въ ея лучшую будущность, вѣра въ счастіе и благоденствіе, доступное всѣмъ народамъ, должна воодушевить и подкрѣпить тѣхъ, кто отдастъ свои силы и трудъ на ея обновленіе.

Сибирская библіографія. В. Н. Межова. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однѣхъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія.

Т. I. Источники и матеріалы для исторіи Сибири: библіографическіе указатели, историческіе и историко-юридическіе акты и документы, письма и мемуары. Спб. 1891 г. Ц. 3 р.

Т. II. Исторія.—Біографіи.—Географія.—Путешествія.—Статистика.—Этнографія.—Картографія. Спб. 1891 г. Ц. 3 р.

Т. III. Педагогика.—Правовѣдѣніе и государственныя науки.—Политическія и соціальныя науки.—Сельское хозяйство и земледѣліе.—Технологія. — Астрономія, геодезія и механика. — Естественныя науки.—Медицина.—Языкознаніе. — Словесность.—Искусство.—Дополненія. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

В. Н. Межовъ. Указатель къ Сибирской библіографіи. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Литературный Сборникъ, собраніе научныхъ и литературныхъ статей о Сибири и Азіатскомъ Востокѣ. Изданіе газеты «Восточное Обозрѣніе». Ц. 2 р. (496 стр. съ 2-мя таблицами рисунковъ).

Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ. Т. I. Матеріалы для библіографіи Сибири и сопредѣльныхъ съ нею странъ. Ангарскіе пороги (съ картой), В. Титова. Пространство и населеніе Восточной Сибири. Женщины у инородцевъ Томской губерніи, князя Кострова. Къ этнографіи Сибири: 1) Изъ лѣтописи кулачества, Н. Наумова. 2) Байзатуй, М*** Корейцы на Амурѣ, В. Вагина и пр. Ц. I-го тома и I-го вып. II-го тома 5 р.

Сибиряковъ, А. И. Очерки изъ Забайкальской жизни 1878 г. Ц. 50 к.

Семеновъ. Живописная Россія. Т. XI. Западная Сибирь, съ рисунками. Спб. 1884 г. Ц. 15 р.

Ядринцевъ. Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Норденшельдъ. Экспедиція въ устьямъ Енисея въ 1875 — 1876 г. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ядринцевъ. Объ алтайцахъ и черневыхъ татарахъ. Ц. 50 к.

— Уменьшеніе водъ въ Арало-Каспійской низменности въ предѣлахъ Западной Сибири по картографич. изслѣдованіямъ за 100 лѣтъ. Ц. 50 к.

— Древніе памятники и письмена въ Сибири. Спб. 1885 г. Ц. 50 к.

— Начало осѣдлости. Изслѣдованіе по исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ. Ц. 50 к.

Маакъ. Путешествіе на Амуръ, совершенное въ 1855 году, съ атласомъ видовъ, этнограф. рисунковъ и растеній. Спб. 1859 г. Ц. 10 р.

Клеменцъ, Д. Древности Минусинскаго музея. Памятники металлическихъ эпохъ. Съ атласомъ. Томскъ. 1886 г. Цѣна книги съ атласомъ 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р. 25 к.

Адріановъ, А. В. Городъ Томскъ въ прошломъ и настоящемъ. Томскъ. 1890 г. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 30 к.

Алтай. Историко-статистическій сборникъ по вопросамъ экономическаго и гражданскаго развитія Алтайскаго горнаго округа, подъ редакціей П. А. Голубева (съ портретомъ алтайскаго изслѣдователя, покойнаго С. П. Гуляева). Томскъ. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р.

Сибирскіе разсказы изъ жизни пріисковаго люда. Спб. 1888 г. Ц 1 р.

П. И. Наумовъ. Паутина, разсказъ изъ жизни пріисковыхъ рабочихъ въ Сибири. Ц. 50 к. Спб. 1888 г.

Его же «Въ забытомъ краю». Очерки и разсказы изъ жизни сибирскихъ крестьянъ. Ц. 1 р. 50 к.

Его же «Въ тихомъ омутѣ», разсказы изъ быта сибирскихъ крестьянъ, изданіе В. А. Цвылева. Ц. 2 р. 50 к.

Верхоянскій сборникъ. И. Худякова. Якутскія сказки, повѣрья и т. п. Иркутскъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к. Изд. Вост.-Сиб. Отдѣла Географич. Общества.

Бурятскія сказки и повѣрья, собранныя Н. М. Хангаловымъ, О. Затопляевымъ и др. Иркутскъ. 1890 г. Ц. 1 р. Изд. Вост.-Сиб. Отдѣла Географич. Общества.

Хронологическій указатель главнѣйшихъ данныхъ по исторіи Сибири. И. В. Щеглова. Ц. 3 р. Изд. Вост.-Сиб. Отдѣла Географич. Общества.

Сказанія бурятъ, записанныя разными собирателями. Иркутскъ. 1890 г. Ц. 1 р. Изд. Вост.-Сиб. Отдѣла Географич. Общества.

Матеріалы о шаманствѣ, собранные Н. М. Хангаловымъ. Иркутскъ. 1890 г. Ц. 1 р. Изд. Вост.-Сиб. Отдѣла Географич. Общества.

Н. А. Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири. 2-е изданіе. Спб. 1886 г. Цѣна за 2 тома 3 р.

Сборникъ газеты «Сибирь». Содержаніе: Арестанты Иркутскаго тюремнаго замка и ихъ содержаніе. С. С. Попова. Письма изъ Приаргунья, Н. В. Багашева. Очерки Нижнеколымскаго края, А. В. Аргентова. Остатки язычества у якутовъ, Ф. Соловьева и пр. Спб. 1876 г. Ц. 2 р.

Типографія И. П. Скороходова (Надеждинская, 43).

2033-5

This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1994

3 2044 021 576 251

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413